

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
ПРИ МИД СССР

Д-р эконом. наук А. А. ГРОМЫКО (Председатель Комиссии),
проф. И. Н. ЗЕМСКОВ (Заместитель Председателя), *Г. К. ДЕЕВ*
(Ответственный Секретарь), *канд. филол. наук Ф. И. ДОЛГНХ*,
чл.-корр. АН СССР П. А. ЖИЛНН, *Л. М. ЗАМЯТНН*, *канд.*
истор. наук С. А. КОНДРАШЕВ, *акад. А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ*,
д-р истор. наук Ш. П. САНАКОВЕВ, *чл.-корр. АН СССР*
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, *канд. истор. наук И. В. ТРОПКИН*,
М. А. ХАРЛАМОВ, *д-р истор. наук С. С. ХРОМОВ*,
канд. техн. наук Ю. Н. ЧЕРНЯКОВ,
канд. филос. наук И. И. ЧХИКВИШВИЛИ.

Д $\frac{11102-205}{079(02)-74}$ Подписное

© ПОЛИТИЗДАТ, 1974 г.

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1 января — 31 декабря 1936 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ТОМА

*Г. К. ДЕЕВ, М. С. КАПИЦА, И. К. КОБЛЯКОВ,
М. А. ПОПОВ, А. О. ЧУБАРЬЯН*

ПРЕДИСЛОВИЕ

XIX том содержит документы внешней политики Советского Союза за 1936 г.

В этом году в жизни советского народа произошло важное событие — в декабре, на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, была принята новая Конституция СССР, законодательно закрепившая глубокие изменения в жизни Советского Союза, решающие успехи социализма в экономике страны и в ее общественном строе. Конституция отразила факт победы социализма в СССР. Социалистическая система утвердилась во всех сферах народного хозяйства СССР, а социалистическая собственность на средства производства стала прочной экономической основой общества. В Конституции нашли отражение коренные изменения классовой структуры советского общества. Были ликвидированы все эксплуататорские классы.

Советская Конституция означала победу ленинской национальной политики Коммунистической партии, она закрепила равноправие социалистических наций, братскую дружбу и сотрудничество всех народов СССР. Новая Конституция явилась важнейшим этапом дальнейшего развития социалистической демократии.

Конституция СССР имела большое международное значение. Она воодушевляла трудящихся всего мира в борьбе за демократию, национальную и социальную свободу народов.

Строительство социализма в нашей стране проходило в сложной международной обстановке. Фашистские государства расширяли свои агрессивные действия в Испании, Италия оккупировала Эфиопию, Германия захватила демилитаризованную Рейнскую область, японская военщина, оккупировав Маньчжурию и часть Северного Китая, готовила новые вооруженные акции на Дальнем Востоке. Все это обостряло обстановку на мировой арене и усиливало военную угрозу. В этих

условиях Коммунистическая партия и Советское правительство, продолжая курс на мирное социалистическое строительство, одновременно неустанно заботились об укреплении оборонной мощи Страны Советов.

Внешняя политика КПСС и Советского государства была направлена на предотвращение войны и обеспечение мира и международной безопасности, в защиту народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость и суверенитет своих стран, на расширение политических, экономических и культурных связей с зарубежными странами.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин в докладе на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1936 г. заявил: «В этом году еще и еще раз доказано, что наша внешняя политика принципиальна, последовательна и своей целью, как и раньше, ставит развитие и укрепление мирных отношений между всеми странами. Мы считаем, что это одна из самых важных задач международной политики, в которой кровно заинтересованы народные массы. Несмотря на ожесточенное сопротивление сторонников насилия, эта политика все больше и больше завоевывает и сплачивает защитников мира во всех странах. Однако это не значит, что опасность войны миновала или стала меньше. Наоборот, предвоенные тучи все больше сгущаются».

Советский Союз решительно осудил оккупацию демилитаризованной Рейнской области войсками фашистской Германии. На сессии Совета Лиги наций, открывшейся 14 марта 1936 г. в Лондоне, советская делегация подвергла резкой критике вымыслы гитлеровской дипломатии по поводу советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., расценив их как попытку Германии оправдать свои агрессивные действия. Хотя оккупация и ремилитаризация Рейнской области фашистской Германией угрожали безопасности западных держав, представители Франции и Англии на сессии Совета Лиги наций ограничились лишь формальным осуждением нарушения Германией Версальского договора.

Правительство Советского Союза отстаивало интересы черноморских государств на международной конференции в Монреале по пересмотру режима черноморских проливов. В результате твердой и последовательной линии советской делегации на конференции 20 июля 1936 г. была подписана новая конвенция о режиме этих проливов, согласно которой ограничивался проход в Черное море военных кораблей нечерноморских государств в мирное время, а во время войны, если Турция не участвовала в ней, воспрещался проход через проливы военных кораблей любой воюющей державы. Хотя эта конвенция и в большей мере отвечала интересам черноморских

стран, чем Лозаннская, все же она далеко не обеспечивала безопасность черноморских держав, в том числе и Советского Союза.

Последовательная интернационалистская политика Советского Союза проявилась с особой силой в борьбе за сохранение независимости и суверенитета Испанской республики в период гражданской войны, спровоцированной внутренней реакцией, всецело опиравшейся на поддержку германского и итальянского фашизма. Советские представители в Международном комитете по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании требовали принятия решительных мер по прекращению военной помощи мятежникам со стороны Германии и Италии, предавали гласности и выносили на рассмотрение Комитета многочисленные факты нарушения западными странами этого соглашения. Но все эти усилия наталкивались на упорное сопротивление не только Германии, Италии и Португалии, помогавших мятежникам, но и других участников Комитета, не желавших принимать действенных мер по пресечению военной помощи и фактически прикрывавших интервенцию фашистских государств в Испании. В сложившейся обстановке 23 октября 1936 г. правительство СССР вынуждено было заявить, что оно «не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения». Следуя общепризнанным нормам международного права, правительство Советского Союза в ответ на обращение законного правительства Испанской республики начало оказывать ему разнообразную материальную помощь, в том числе и оружием, для отражения фашистской агрессии. Трудящиеся СССР, выполняя свой интернациональный долг, проводили сбор средств в помощь испанским республиканцам, советские добровольцы участвовали в боевых действиях против мятежников в составе республиканских вооруженных сил и интернациональных бригад.

Советский Союз, последовательно осуществляя политику мира, разоблачал агрессивный характер итало-германского политического соглашения, подписанного 25 октября 1936 г. и так называемого «антикоминтерновского пакта», заключенного 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. В докладе народного комиссара иностранных дел СССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 28 ноября 1936 г. о политике Германии, Италии и Японии говорилось: «Все три государства известны своей агрессивностью и покушениями на чужие территории, борются с принципами коллективной безопасности и неделимости мира. Уже это одно придает злобный характер этим соглашениям и указывает на угрозу, которую они составляют всеобщему миру, безопасности и интересам многих стран».

Из документов тома видно, что и империалистические государства, не входившие в «антикоминтерновский пакт», вынашивая планы подготовки новой мировой войны и прежде всего войны против СССР, отказывались от установления подлинного сотрудничества с Советским Союзом, не шли на создание системы коллективной безопасности.

Как показывают документы тома, отношения Советского Союза с Францией в 1936 г. не получили должного развития. В Париже затягивалась ратификация договора о взаимной помощи между СССР и Францией, подписанного 2 мая 1935 г.

Лишь в результате давления общественности Франции, усиления военной угрозы со стороны Германии и благодаря активной деятельности советской дипломатии советско-французский договор был ратифицирован палатой депутатов Франции 27 февраля 1936 г., а сенатом — 12 марта, т. е. спустя десять месяцев после его заключения. В развитие этого договора были начаты предварительные переговоры о военном сотрудничестве СССР и Франции. Однако уже на их первоначальной стадии стало видно, что тогдашние правящие круги Франции не намеревались идти на серьезное военное сотрудничество с Советским Союзом.

Документы тома свидетельствуют о продолжавшихся усилиях Советского Союза, направленных на улучшение советско-английских отношений. В январе 1936 г. народный комиссар иностранных дел СССР, находясь в Лондоне, высказал предложение заключить договор о взаимной помощи между СССР и Великобританией. Английское правительство не поддержало эту инициативу. Оно не приняло также и другое предложение Советского Союза — выступить с совместной декларацией, устанавливающей единство взглядов СССР, Великобритании и Франции по вопросу устранения опасности возникновения новой войны и сохранения мира.

Правительство Советского Союза, продолжая вести борьбу за коллективную безопасность, дало согласие на проведение переговоров о заключении морского соглашения с Великобританией. Переговоры, начавшиеся 13 мая 1936 г., завершились его подписанием 17 июля 1937 г.

В 1936 г. было подписано советско-английское кредитное соглашение о предоставлении Советскому Союзу кредита в сумме 10 млн. ф. ст. сроком на пять лет.

Советско-германские отношения в этот период продолжали оставаться напряженными. Правящие круги фашистской Германии, развернув активную подготовку к новой мировой войне, не скрывали своего враждебного отношения к Советскому Союзу, открыто призывали к изоляции СССР и созданию антисоветского блока. Гитлеровские руководители и печать выступали со всякого рода клеветническими нападениями на СССР.

Тем не менее правительство СССР, неизменно следуя политике сохранения мира и обеспечения коллективной безопасности, поддержало предложение о возвращении Германии в Лигу наций с тем условием, чтобы последняя «на деле доказала свое уважение к международным договорам». Советское правительство не исключало при определенных условиях возможности и улучшения советско-германских отношений. Но по такому пути гитлеровская Германия не пошла. Ничего не изменил в политических отношениях между обеими странами и подписанный 29 апреля 1936 г. договор между СССР и Германией о товарообороте и платежах на 1936 г.

Политика правящих кругов США в то время объективно способствовала подталкиванию гитлеровской Германии и милитаристской Японии к агрессивным акциям против Советского Союза, что оказывало отрицательное влияние на развитие советско-американских отношений. Как и ранее, правящие круги США не поддерживали усилий Советского правительства по созданию системы коллективной безопасности в Европе и на Дальнем Востоке.

В 1936 г. торговое сотрудничество между СССР и США не получило своего дальнейшего развития, хотя в этом году и было продлено соглашение о торговых взаимоотношениях от 13 июля 1935 г. По соглашению Советский Союз разместил в США сравнительно ограниченные заказы на машины, оборудование и другие изделия.

В томе публикуются новые документы, отражающие отношения Советского Союза со странами Ближнего и Среднего Востока.

Несмотря на то что правительство СССР последовательно продолжало линию на развитие советско-турецких отношений, поддерживав, в частности, предложение Турции о созыве международной конференции по пересмотру режима черноморских проливов, в 1936 г. в политике Турции стали усиливаться тенденции отхода от дружественных связей с Советским Союзом, что проявилось и в ходе конференции в Монтрё.

Правительство СССР стремилось к укреплению добрососедских отношений с Ираном, развитию торговых и культурных связей между двумя странами. Однако иранские власти попустительствовали фашистской пропаганде в своей стране, направленной против СССР, использовали приглашенных «специалистов» из гитлеровской Германии на работах вблизи ирано-советской границы, где они вели шпионскую и подрывную антисоветскую деятельность.

Успешно развивалось советско-афганское сотрудничество. 29 марта 1936 г. в Москве был подписан протокол о продлении на десять лет договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном.

Прочные дружественные связи Советского Союза с Монгольской Народной Республикой были закреплены в протоколе о взаимной помощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 г. Этот протокол сыграл большую роль не только в дальнейшем развитии советско-монгольской дружбы, но и в деле упрочения мира на Дальнем Востоке. СССР, верный своим дружественным отношениям с МНР, открыто заявил, что будет рассматривать агрессию против МНР как нападение на свою собственную территорию. Советский Союз продолжал оказывать МНР всестороннюю помощь в развитии народного хозяйства, науки, культуры и искусства.

В 1936 г. усилилась агрессивность политики Японии в отношении Советского Союза. Используя оккупированную территорию Маньчжурии, японская военщина продолжала провоцировать вооруженные пограничные инциденты; военные и рыболовные суда вторгались в советские территориальные воды, самолеты нарушали воздушное пространство СССР. Незаконно задерживались в японских портах советские пароходы. Японская пресса все активнее развертывала явно инспирированную антисоветскую пропаганду. Для полпреда СССР в Токио был установлен дискриминационный режим. Правительство СССР решительно протестовало против всех этих враждебных действий и требовало от японского правительства их прекращения.

В целях нормализации обстановки на советско-маньчжурской границе Советское правительство продолжало начатые в 1935 г. переговоры с Японией о создании пограничных комиссий для урегулирования пограничных инцидентов и демаркации отдельных участков границы. Однако в ходе переговоров японо-маньчжурская сторона создавала всевозможные искусственные затруднения и помехи для достижения договоренности.

Советский Союз продолжал и в 1936 г. поддерживать Китай в связи с расширявшейся агрессией милитаристской Японии, активно устанавливавшей свой контроль над районами Внутренней Монголии и Северного Китая. Как видно из публикуемых документов, правительство СССР стремилось завершить переговоры и заключить пакт о ненападении и договор о торговле с Китаем, но китайская сторона сознательно их затягивала, не проявляя желания развивать взаимовыгодные деловые и политические отношения с Советским Союзом.

Для безопасности Китая большое значение имел протокол о взаимопомощи между СССР и МНР. Тем не менее он был встречен враждебно гоминьдановскими властями, строившими расчеты на войну между СССР и Японией и готовившими очередной поход против подконтрольных КПК районов. Советский Союз активно выступил против попытки раздува-

ния гражданской войны в Китае во время так называемого сианьского инцидента в декабре 1936 г., призвав руководителей гоминьдана и КПК к объединению сил для отпора японской агрессии.

В томе опубликованы документы, освещающие политические, экономические отношения и культурные связи СССР с Албанией, Болгарией, Венгрией, Италией, Испанской республикой, Польшей, Чехословакией, Румынией, Грецией, Бельгией, Финляндией, Швецией, Норвегией, Данией и другими государствами.

Преобладающая часть документов публикуется впервые.

* * *

*

Методы публикации и оформления документов изложены в предисловиях к I, II, V и VIII томам настоящего издания.

* * *

*

В подготовке тома принимали участие сотрудники Отдела публикации дипломатических документов МИД СССР: М. А. Бугреев, А. Я. Грушин, И. И. Дуналь, В. Л. Дюков, Н. И. Жужунава, А. М. Зубов, В. М. Корж, В. Н. Кривонос, Б. Д. Макашев, А. П. Михайлов, В. С. Немчинов, канд. эконом. наук И. М. Пахомов, Н. В. Попова, О. А. Смилович, В. А. Шорин, А. Е. Шумарин; научно-справочные работы по тому выполняли сотрудники Института славяноведения и балканистики и Института всеобщей истории АН СССР Л. В. Заборовский, Р. Е. Плахова.

1. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
3 января 1936 г.*

Сегодня парафировано торговое соглашение. Вечером нам позвонил Кулондр * и сообщил, что МИД признает необходимым подписание соглашения не только Бонне, но и Лавалем **. Ввиду того, что Лаваль в отъезде и вернется лишь к среде, 8 января, Кулондр предложил, чтобы мы с Дволайцким *** и Бонне подписали соглашение в понедельник, а Лаваль присоединил свою подпись 8-го. Считаю необходимым принять это предложение и прошу разрешения на такое подписание ¹.

Полпред

Печат. по арх.

2. Письмо советника Полномочного Представительства СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

4 января 1936 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

По информации, идущей от ряда связанных с торгпредством фирм, итальянские военные заводы сейчас усиленно загружаются срочными военными заказами, характер которых

* Заместитель директора торгово-политического департамента МИД Франции.

** Соответственно министр торговли и промышленности, председатель совета министров и министр иностранных дел Франции.

*** Торгпред СССР во Франции.

свидетельствует о том, что они предназначаются не для абиссинской экспедиции. Так, верфи Орландо, Монфальконе и «Кантьери Риунити» целиком загружены срочными заказами на подводные лодки. Артиллерийские заводы изготовляют тяжелые пушки. Заводы Бреда, Фиата, Ансальдо и пр., еще несколько месяцев тому назад недогруженные, сейчас завалены военными заказами. На Миланский и Генуэзский железнодорожные узлы прибывают вагоны, прошедшие транзитом из Австрии и содержащие сырье для военного производства и военные материалы. Эти вагоны без железнодорожного осмотра и задержки на Миланской и Генуэзской станциях непосредственно передаются на военные заводы Бреда, Фиата и пр.

Усиливая по требованию Бадольо * переброску войск в Африку, итальянцы одновременно, несмотря на громадные финансовые затруднения, активно вооружаются, причем характерно, что значительное усиление темпа этих вооружений относится к самому последнему времени.

С тов. приветом

Советник

Печат. по арх.

3. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
6 января 1936 г.*

Я был сегодня с визитом у Идена в порядке приема глав миссий новым министром иностранных дел. На каждого посла было ассигновано 15 минут. Поэтому разговор был краткий. Важнейшие пункты:

1. Иден заявил, что он знает о наличии у нас недоверия к британской политике (в частности, в связи с англо-германским морским соглашением **), но что он будет работать над преодолением этого недоверия, используя каждую возможность для дальнейшего улучшения англо-советских отношений. Он помнит свою поездку в Москву, помнит содержание выпущенного там англо-советского коммюнике ***, представляет себе сущность стоящей перед нами проблемы лучше, чем он это может сказать в отношении некоторых других стран, и рассчитывает, что на базе взаимного невмешательства во внут-

* Командующий итальянскими войсками в Эфиопии.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 278—280.

*** См. т. XVIII, док. № 155.

решение дела друг друга Великобритания и СССР имеют все основания для сближения и совместной работы в пользу мира.

2. В отношении Германии Иден собирается продолжать попытку лимитирования ее вооружений на базе соглашения локкарнских держав*, хотя смотрит на открывающуюся здесь перспективу без большого оптимизма. Никаких сепаратных двусторонних договоров с Германией не предполагается. Иден продолжает считать коммюнике от 3 февраля прошлого года** основой своей европейской политики и сожалеет, что до сих пор не сделано ничего практического в области укрепления восточной безопасности в духе мероприятий, предусмотренных в названном коммюнике.

3. В Женеву Иден поедет 20 января. Поднял вопрос перед Секретариатом Лиги наций, чтобы все дела за исключением особо срочных по возможности подгонялись к трем регулярным заседаниям Совета в год, на которые он будет лично приезжать. По всем другим делам британское правительство будет представлено в Лиге кем-либо другим, вероятнее всего Крэнборном***. Иден интересовался, будет ли т. Литвинов 20 января в Женеве.

4. В сфере итало-абиссинского конфликта Иден не собирается в ближайшее время проявлять какую-либо активность. Он твердо заявил, что никакого примирительного предложения вносить не предполагает, дабы при этом понять, что теперь очередь за Советом Лиги или за «комитетом пяти»****. Иден не думает также, чтобы Лаваль сейчас опять захотел посредничать. Насчет нефтяных санкций Иден был в высшей степени осторожен, сославшись на то, что форин офис изучает текст послания Рузвельта конгрессу*****. Лично Иден думает, что экономические санкции действуют неплохо и заставляют Муссолини сильно задуматься. Общее впечатление поэтому сводится к тому, что Иден едва ли будет настаивать в Женеве на нефтяных санкциях.

Полпред

Печат. по арх.

* См. т. VIII, прим. 68.

** См. газ. «Известия», 4, 21 февраля 1935 г.

*** Заместитель министра иностранных дел Великобритании.

**** См. т. XVIII, док. № 372.

***** См. газ. «Известия», 5 января 1936 г.

**4. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Полионому Представителю СССР в Япо-
нии К. К. Юреневу***

8 января 1936 г.

Заявите протест против непрекращающихся нарушений японскими самолетами нашей границы. В памятной записке изложите нижеследующие случаи нарушений. При этом ука-
жите, что переданный в Москву ответ Ниси Дейчману² нас, ес-
тественно, не удовлетворил, так как он сводился к голослов-
ному отрицанию точно установленных нами фактов, и что мы
оставляем в силе наш протест и требования по поводу этих
нарушений. Мы считаем, что неприятие японским правитель-
ством мер по поводу наших протестов приводит к тому, что
перелеты не прекращаются.

В памятной записке изложите три случая нарушений от
24 и 26 декабря, о которых посылаем отдельную телеграм-
му** Вам и Славуцкому, а также случаи опротестования Сла-
вуцким в его письме особому агенту от 6 декабря и в памят-
ных записках Славуцкого от 4 и 9 ноября³. Все эти материа-
лы своевременно посланы Вам из Харбина. При этом исправь-
те неточность, вкрадшуюся в письмо Славуцкого от 6 декабря:
падь Мещеряково находится в 8 км северо-восточнее знака
№ 21, а не северо-западнее.

Стомоняков

Печат. по арх.

**5. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Полионому Представителю СССР в Япо-
нии К. К. Юреневу***

8 января 1936 г.

Опротестуйте следующие нарушения нашей границы япон-
скими самолетами:

1. 24 декабря в 14 час. 10 мин. над юго-западной окраиной
поселка Кути (Даурский район) курсом па северо-восток на
высоте 700 м пролетел японский самолет типа разведчик. Уг-
лубившись на нашу территорию на 3 км, самолет полетел об-
ратно северо-восточнее Кути.

2. 24 декабря в 14 час. 15 мин. в 6 км южнее поселка Сред-
не-Борзинский появился самолет, вскоре улетевший обратно
в Маньчжурю.

3. 26 декабря в 11 часов в 35 км южнее Полтавки нарушил
границу японский самолет типа разведчик. Углубившись на

* Копия телеграммы направлена в генеральное консульство СССР
в Харбине.

** См. док. № 5.

территорию СССР на 2 км, самолет на высоте 2000 м пролетел в сторону Полтавки 16 км, после чего вернулся на маньчжурскую территорию*.

Стомоняков

Печат. по арх.

6. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Президентом Чехословакии Бенешем

8 января 1936 г.

Бенеш по своей инициативе говорил мне на приеме 1 января, что позовет меня к себе, как только вернется из короткого отпуска, проводимого им в Таборе. Вчера я был у него по такому зову. По некоторым признакам, раньше меня он принял француза и англичанина, причем француз у него интимно завтракал.

Бенеш совершенно так же, как и раньше, стал очень странно рассказывать, что он думает, начав на этот раз с внутривластных вопросов. Бенеш все время был абсолютно уверен в результате президентских выборов. Эти выборы могли произойти уже два года тому назад, но Бенеш обсуждал ситуацию с Масариком**, и они оба решили, что эти последние два года Бенеш должен посвятить не только урегулированию, но и прямо установлению дружеских взаимоотношений с СССР. Лишь после этого Масарик считал правильным уйти и передать свое место Бенешу. Бенеш раньше, дескать, не мог сказать этого открыто, но теперь может и предлагает сделать из этого вывод, как серьезны были намерения его и Масарика по отношению к СССР и как прочны те основы, на которых покоится наша дружба в настоящем и будущем. Сам Бенеш придает исключительное значение своему сотрудничеству с СССР и, оглядываясь назад, прямо утверждает, что в период приблизительно с марта 1934 г. по март 1935 г. сотрудничество ЧСР и СССР безусловно спасло человечество от новой мировой войны. Он надеется, что ему и наркомку Литвинову в дальнейшем удастся многое предотвратить. Для этого Бенеш хочет и в дальнейшем сохранить самый тесный контакт, в частности, со мной как посланником. Он сохранит такой прямой контакт и еще с некоторыми посланниками. Я могу обращаться к нему в любое время, как это было и раньше, за любым разъяснением и вообще для личных бесед.

Бенеш высказал прямую просьбу передать наркомку Литвинову свое заявление, что внешнеполитическая линия Чехо-

* См. также док. № 10.

** Президент Чехословакии до 14 декабря 1935 г.

словакии безусловно остается совершенно неизменной в том, что касается дела защиты европейского мира вообще и ее взаимоотношений с СССР в частности. Жизнь идет и развивается, а поэтому, конечно, могут быть разные новые явления и их формы, но содержание на обозримый период времени является твердо установленным и перемен не предвидится. Поэтому Бенеш просит не придавать какого бы то ни было значения отдельным случайным высказываниям. Это было сказано так, что я несколько не сомневаюсь в том, что Бенеш имел в виду интервью Годжи в «Тан» и его же парламентское экспозе*, по поводу которых я высказывал здесь сомнения и даже неудовольствие, что, очевидно, было доложено Бенешу. Дальше Бенеш прямо сказал: что касается Годжи, то о нем не нужно судить по прошлому; Бенеш надеется, что интервью Годжи в «Известиях»** вполне удовлетворило Москву. Но главное, Бенеш просит верить, что с его избранием президентом защищаемая им концепция европейской политики коллективной безопасности и опоры ЧСР на СССР упрочилась, ибо он как глава государства видит ее правильность и необходимость еще яснее и будет ее проводить.

Бенешу очень жаль, что Беран (председатель аграрной партии) оказался не тем человеком, за которого он его принимал. Обстоятельства, предшествовавшие президентским выборам, «бросили яркий свет на борющиеся силы и их отношения». Бенеш видит, что народ в его массе был решительно против всяческих авантюров. Во внутренней жизни Чехословакии следовательно нельзя ожидать каких бы то ни было потрясений. Характерный признак: когда аграрии забили в поисках кандидатуры президента и выдвинули правого проф. Немеца, преимущественно мелкий держатель чехословацких государственных пенных бумаг реагировал на кандидатуру Немеца массовым сбросом этих бумаг. Энглишу*** пришлось потратить за одну неделю из средств государственного банка 900 млн. крон для того, чтобы скупить сбрасываемые бумаги. Курс все же снизился на 3—4%. 18-го, в день выборов, он снова выровнялся. Это значит, что массы не приемлют авантюров, остаются в рамках идей масариковской демократии. Это — отказ от устремлений аграрной партии, явно проявившийся и в рядах самой аграрной партии.

Предстоит реконструкция кабинета, но Бенеш ничего еще не может сказать о том, как она произойдет. Годжа в отпуске, на Ривьере. Без него Бенеш не хочет ничего предпринимать. Он может только сказать, что Годжа «твердо стоит на демократических принципах» (на здешнем политическом жаргоне

* См. газ. «Известия», 8 декабря 1935 г.

** См. газ. «Известия», 23 декабря 1935 г.

*** Директор Национального банка Чехословакии.

это обозначает, что Годжа против определенно фашистского крыла аграриев Стоупала и Вранего, что еще не делает самого Годжу меньшим реакционером, чем он есть на самом деле). Бенеш подчеркивал, что он «будет строго придерживаться конституции», но не оставит ни одной возможности влиять на дела не использованной (это надо поставить в связь с разговорами, ходящими в Праге о том, что Бенеш намерен не формально, а по существу использовать сформулированное в конституции «право увольнять и назначать правительство»). К реконструкции кабинета Бенеш пока может только сказать, что министром, вероятно, будет Крофта. По крайней мере это — желание Бенеша.

Что касается европейской ситуации, то Бенеш в первую очередь заговорил о внутреннем положении в Италии. Бенеш, дескать, не знает сам, но «знатоки вопроса ожидают к весне перемену режима в Италии*». Фашизм Муссолини — при последнем издыхании. Это не обозначает назревания социальной революции. «Ожидают» демократизации. Как это возможно? Муссолини сам будет искать выхода. Самоустранение? Нет, но Муссолини «действительно сумасшедший, и ему не трудно будет до конца сыграть эту роль». Словом, не это важно. Важно, дескать, то, что внутреннее состояние в Италии уже нужно считать европейским фактором. Отсюда же следует по крайней мере одно: нужно быть готовым к тому, что в ближайшее время, не позже февраля, будет сделана еще одна попытка со стороны Лавалья и Муссолини найти выход в новом компромиссном решении абиссинского вопроса. И эта попытка будет так же неудачна, как попытка Лавалья — Хора**. Эта последняя была грубейшей ошибкой обоих. Хорошо, что она провалилась, не дойдя до Женевы. В Женеве...*** провала проекта Лавалья — Хора пришлось бы взять на себя СССР, Малой и Балканской Антантам. Сейчас же он лежит на Англии, что ангажирует ее еще больше. Это хорошо, потому что укрепляет позицию Идена, который не изменил своих мнений, сложившихся уже ко времени поездки Идена в Москву и Варшаву**** и укрепившихся там. Иден совершенно не доверяет Польше. Иден твердо — за сближение с СССР как крупнейшим фактором лигационной политики в Европе. Бенеш спрашивал, замечаем ли мы и на чем именно, что это так. Но этого даже мало. Англия вообще вынуждена сейчас «идти в Европу», и Иден отлично понимает, что это обозначает прямую необходимость подойти поближе к СССР не только в Ев-

* В тексте ошибочно — Испания.

** См. газ «Известия», 15 декабря 1935 г.

*** Многоточие в документе.

**** См. т. XVIII, док. № 160.

ропе, но и на Дальнем Востоке. Бенеш уверен, что Англия близка к тому, чтобы сотрудничать с СССР на Дальнем Востоке, где японская экспансия ее сильно беспокоит.

В связи с этими рассуждениями я счел правильным сказать Бенешу, что Япония действительно может беспокоить Англию своим поведением. Она доставляет много хлопот и нам, но если кто-нибудь думает, что мы накануне крупных столкновений или даже войны с Японией, тот ошибается. Япония много раз провоцировала нас, но, натываясь на решительный отпор, более или менее успокоилась. Сейчас она проделывает такой же опыт с Монголией, но угомонится, наткнувшись тоже на крепкий отпор. Бенеш весьма живо одобрял эти рассуждения и даже поблагодарил за сообщение о такой нашей уверенности в положении вещей на Дальнем Востоке.

«Англия в Европе», по мнению Бенеша, обозначает прежде всего окончательное укрепление англо-французских отношений. Положение Лавалля сейчас исключительно тяжелое. По подсчету Бенеша, за Лаваллем сейчас в палате большинство всего в 9 голосов. Это результат сдвигов в связи с провалом проекта Лавалля — Хора. Между тем Лаваллю неизбежно предстоит искать новый компромисс для Италии. Он не осмелится на что-нибудь серьезное при таком большинстве. Он или либо сломает себе шею, либо должен будет мягко, но решительно повернуть в сторону от поддержки Италии. Что бы из этих возможностей Лавалль ни выбрал, Франция уже повернула на этот путь. Последние сведения об англо-французских соглашениях* достоверны и, пожалуй, решают вопрос. С этой точки зрения Бенеш не опасается и Германии. Конечно, неожиданности могут быть, но опасаться франко-германского соглашения или чего-нибудь подобного просто не приходится. А англо-германского? Англия не зела и не будет вести политики окружения Германии, но эскапады в духе сепаратных соглашений, вроде морского соглашения**, теперь тоже исключены.

Бенеш особо подчеркивал, что Германия сама сейчас не в состоянии предпринять что-нибудь решительное. Оставляя даже в стороне значение англо-французского сближения, достаточно отметить, что в самой Германии наступает значительное разочарование в тех надеждах, которые возлагались на Польшу как на союзника. Рейхсвер всегда «был особого мнения». Но и «наци» видят, что внутреннее положение в Польше скверное. Оппозиция против правительства растет. Народные массы враждебны, и вражда становится активной.

* См. газ. «Известия», 3, 6, 9 января 1936 г.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 278—280.

В случае чего Польша не долго будет боеспособной, а то даже и до серьезного экзамена начнет разваливаться. «Наци» уже хотели бы идти не с Польшей, а против нее. Но с кем? Нет союзников. Да и поляки переживают разочарование. Липскому* в Берлине определенно надоело толочь воду в ступе. Отсюда возможно заигрывание Франции с Польшей. Но если это будет, то Бенеш прямо и специально предупреждает, что мы не должны этого брать всерьез или делать политические выводы. Это будет только маневр, ибо не подлежит сомнению, что как Франция, так и Англия абсолютно не верят Беку**. И не поверят. Другое дело, если Бек уйдет. Но это будет близко к изменению режима. Тогда посмотрим, что придет вместо нынешнего режима. Вель и СССР хотел бы дружественных отношений с Польшей, хотел бы включить ее в систему коллективной безопасности. Но пока сидит Бек, любое заигрывание с Польшей будет только маневром, и так это и нужно расценивать.

Что касается Женевы, то вопрос о санкциях будет затягиваться. Вообще в связи с ожиданиями перемен в Италии нет резона особенно торопиться. Все же в феврале будут сдвиги. Послание Рузвельта*** сыграет очень положительную роль. Это практически обозначает эмбарго на нефть, что, несомненно, облегчит проведение этой меры и в Лиге наций. Что нужно делать в Лиге наций? Это Бенеш сказал в начале разговора. Нам, защитникам мира, необходимо подготовиться к тому, что будет еще попытка компромисса в абиссинском вопросе, и эту попытку нужно отразить, хотя она, по убеждению Бенеша, все равно обречена на неудачу. Я подвел Бенеша к вопросу о том, что будет с председательством в Лиге. Бенеш, улыбаясь, уклонился от ответа: еще не актуальный вопрос.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

7. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
8 января 1936 г.*

Ко мне пришел Аттолико****, который приехал в Рим и имел продолжительную беседу с Муссолини. Он резко напал на нашу политику по отношению к Италии, повторяя все те

* Посол Польши в Германии.

** Министр иностранных дел Польши.

*** См. газ. «Известия», 5 января 1936 г.

**** Посол Италии в СССР в 1930—1935 гг.

обвинения, которыми за последнее время полна итальянская печать. Аттолико добавил, что очень рад своему переводу из Москвы, ибо не хотел бы быть свидетелем разрушения дела, которому посвятил шесть лет работы. Я подробно разъясил ему нашу позицию, иллюстрировав систематическое извращение этой позиции антисоветскими кругами.

Аттолико оценивает перспективы итало-советских отношений при создавшихся условиях весьма пессимистически. Лучше, чем кто бы то ни было, понимая и признавая принципиальное значение и последовательность нашей политики, Аттолико тем не менее решительно отрицал возможность создания соответствующего прецедента в Женеве на будущее. Поскольку, по мнению Аттолико, разрешение итало-абиссинского конфликта без и помимо Женевы невозможно, ибо сейчас больше, чем когда бы то ни было, негус не согласится на непосредственные переговоры с Римом, наша точка зрения о необходимости сохранения неприкосновенности принципов Лиги наций объективно направлена против Италии.

В ответ на мою просьбу информировать об итало-германских отношениях Аттолико отрицал наличие в настоящее время каких бы то ни было политических предложений как с одной, так и с другой стороны. Однако тут же Аттолико добавил, что сейчас усиливается тенденция в пользу итало-германского соглашения. Из слов Аттолико стало ясно, что итальянцы считают данный момент благоприятным для того, чтобы договориться с Берлином. Последнее англо-французское соглашение о взаимопомощи*, имеющее два географических аспекта, разрушает расчет Гитлера вбить клин между Парижем и Лондоном. Также не оправдывается ставка Гитлера на возможность купить у Англии некоторую свободу рук в центре и на востоке Европы за англо-германское морское соглашение**. Одновременно и Италия, испытывая все большие и большие трудности, готова, по словам Аттолико, пойти на значительные жертвы в австрийском вопросе, лишь бы договориться с Берлином. Говоря об общности итало-германских интересов, Аттолико отметил в качестве сближающих моментов сходство режимов, отрицательное отношение к Лиге и политике санкций. На мою реплику о том, не нужно ли к перечню прибавить и антисоветизм, Аттолико не отрицал возможность учета в недалеком будущем и этого элемента.

Из ряда бесед создается впечатление, что немцы не прочь создать у англичан впечатление о своей готовности договориться с Италией, а итальянцы, подчеркивая возможность даже принесения в жертву своих интересов в Австрии, хотя

* См. газ. «Известия», 6 января 1936 г.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 278—280.

шантажировать французов. Тем не менее несомненно, что в нынешней обстановке нарастает тенденция к итало-германскому соглашению.

Полпред

Печат. по арх.

8. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Йемена имаму Яхья

9 января 1936 г.

Искренне благодарю Ваше Величество за поздравления и со своей стороны шлю мои лучшие пожелания здоровья и благополучия лично Вам и счастья и процветания народу Йемена.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета СССР
Калинин

Печат. по арх.

Эта телеграмма явилась ответом на следующую телеграмму Яхья, переданную по радио из Рима 6 января 1936 г. в адрес М. И. Калинина:

«По случаю Нового года приносим наши поздравления с пожеланием здоровья и благополучия лично Вашему Высокопревосходительству и счастья уважаемому русскому народу. Возобновляем наше искреннее уважение из Саны».

9. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочиному Представителю СССР в Японии К. К. Юрневу

9 января 1936 г.

На телеграмму от 8 января 1936 г.⁴ За достоверность сведений ТАСС о германо-японских переговорах * мы можем ручаться на сто процентов. Если Коноэ ** действительно о них не знает, то это лишь значит, что японское военное министерство сумело это законспирировать от Коноэ и, возможно, даже от Хирота ***. При новой встрече с Коноэ можете ему все это сказать.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 3, 9 января 1936 г.

** Председатель верхней палаты парламента Японии.

*** Министр иностранных дел Японии.

10. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии
К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Ино-
странных Дел СССР Б. С. Стомонякову

Немедленно
10 января 1936 г.

На телеграмму от 8 января*. Поручение выполнил. К оставленной Хирота памятной записке прибавил устное сообщение о посадке японского аэроплана на нашей территории и задержании нами летчиков. Подробности этих событий не сообщил, ибо не знал к моменту встречи о телеграмме ТАСС по тому же поводу**. Выслушав меня, Хирота сказал, что он немедленно снесется с соответствующими властями на местах и даст мне ответ⁵. Затем Хирота поднял вопрос о рыболовных переговорах***, жалуясь на то, что они остаются в тупике. Ответив ему установленной аргументацией, я сказал, что после нашего с ним разговора во дворце⁶ мне думалось, что «лед тронется», однако этого, к сожалению, не произошло. На это Хирота ответил, что как бы там ни было, но ему хочется скорейшего разрешения вопроса, и стал доказывать бесспорность и разумность их предложения о фиксации сроков.

Я прервал довольно долгую бесплодную дискуссию, высказав Хирота благодарность за его давнее положительное результаты вмешательства в вопросе о советской школе и больнице в Харбине⁷. Хирота был польщен и к вопросу о рыболовной конвенции больше не возвращался. На мой вопрос о том, думает ли он выступать в парламенте, Хирота ответил положительно, но добавил, что парламент вероятнее всего будет распущен после речи премьера и предложения о вотуме недоверия, которое внесет сэйюкай****. В случае если ему, Хирота, все же придется выступать*****, то надо будет ждать запроса о советско-японских отношениях, о которых он, к сожалению, ничего хорошего сказать не сможет. Причину ухудшения отношений между нашими странами он видит в наших «больших вооружениях на Дальнем Востоке». Я подверг обычной критике эти старые тезисы военных в Хирота. Выслушав меня, министр предался воспоминаниям о том, как хорошо развивались наши отношения в его бытность послом в Москве и как они осложнились с назначением его министром, что совпало с ростом наших вооружений на границах. Японский народ возлагал на него большие надежды, но сейчас начинает разочаровываться в нем. После выборов в парламент прави-

* См. док. № 5.

** См. газ. «Известия», 10 января 1936 г.

*** См. т. XVIII, док. № 399.

**** Имеется в виду парламентская фракция этой партии.

***** См. газ. «Известия», 24 января 1936 г.

тельство, вероятно, уйдет в отставку, а с ним и он, Хирота. Что оставит он после себя: специальную комиссию для урегулирования вопроса о КВЖД и наряду с этим громадные вооружения СССР, вызывающие подозрения японского народа на счет того, не потому ли начал Союз свои вооружения, что он имеет известное соглашение с третьей державой. Я ответил, что о соглашении Японии с Германией против нас говорит и знает весь мир, но что я никогда не слышал каких-либо разговоров о нашем соглашении с кем-либо против Японии и что японцы, которые думают так, явно обмануты. Хирота в своей реплике умолчал о Германии и нашем «соглашении с третьей державой», ограничившись меланхолическими рассуждениями о задачах дипломатов и трудностях их работы, заключив это словами о том, что в будущем придет более влиятельный, чем он, министр. На это я указал Хирота, что он ничего не ответил мне ни по поводу сделанного мной заявления о японо-германском соглашении, ни о нашем мнимом соглашении с третьей державой. В ответ на это Хирота сказал: «Что касается разных сомнений и недоразумений в отношении Японии, то они существуют в разных концах мира и ничего не стоят». О наших «соглашениях» Хирота вновь умолчал. Отвечая ему, я сказал, что когда говорят о Германии и Японии, то речь идет не «о сомнениях и подозрениях», а о факте. На это Хирота никак не реагировал.

В конце беседы он сказал, что работу над улучшением наших отношений следовало бы начать с обследования и установления пограничной линии, но что мы, к сожалению, против этого. Я ответил, что граница точно установлена и что лучше было бы подумать о создании пограничных комитетов*, на что Хирота ответил, что создается трудное положение, ибо точки зрения Маньчжоу-Го и СССР по этому поводу совершенно расходятся. На этом беседа была исчерпана. Высказываясь, я не раз подчеркивал, что мы ценим заслуги Хирота и что я надеюсь видеть его на посту министра и в новом кабинете.

Мои выводы: 1. Сако «шантажировал» нас своей «откровенностью» по поручению Хирота⁶. 2. Ответ Хирота на мое заявление о японо-германском соглашении дан им как в целях давления на нас, так и нежелания «успокаивать» Францию.

Полпред

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, прим. 187.

11. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленко
10 января 1936 г.

Греки предлагают продлить на год старую торговую конвенцию * без всяких изменений. Срочно сообщите ваше мнение **. Учтите, что нынешнее временное правительство боится ответственности и поэтому скорее склонно совсем не заключать конвенции, чем согласиться на существенные поправки.

Кобецкий

Печат. по арх.

12. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Герма- нии Я. З. Сурницу

11 января 1936 г.

Дорогой Яков Захарович,

Вы уже знаете текст вчерашнего выступления т. Молотова по вопросу о международном положении ***. Хотя в части, касающейся Германии, он сделал ссылку на свой доклад на съезде Советов **** и констатировал, что германское правительство не сделало за это время никаких заявлений, отмежевывающих внешнюю политику Германии от программных заявлений Гитлера в книге «Моя борьба», тем не менее вчерашняя речь т. Молотова носила по отношению к Германии более мягкий характер, чем прошлогодняя. Ведь он прямо заявил о нашем желании иметь с германским правительством лучшие отношения, чем существующие ныне, и о нашей готовности вести и даже расширять торговлю с Германией на базе предоставления нам займа. Я думаю поэтому, что выступление т. Молотова германскими правительственными кругами не будет воспринято как особенно враждебное. Это не исключает, конечно, того, что германская печать, с благословения германского правительства, откликнется на доклад в обычных враждебных и клеветнических тонах.

Вчера на съезде обменялся несколькими словами с т. Пятаковым. Он ждет со дня на день сообщений от Канделаки ***** , что немцы готовы к продолжению переговоров. По получении этого сообщения немедленно выедет.

* См. т. XVIII, прим. 7.

** См. док. № 13.

*** См. прил. 1.

**** См. т. XVIII, док. № 27.

***** Торгпред СССР в Германии.

На основании последних писем и дневников Ваших и т. Бесонова * мне кажется, что по вопросу об этом 500-миллионном кредите мы с немцами договоримся. Что же касается вопроса об изменении немцами их политической позиции по отношению к нам, то никаких признаков каких-либо изменений в этом направлении ни в Берлине, ни в Москве, ни в других пунктах земного шара не замечается.

Наоборот, все больше и больше признаков консолидации германо-японских отношений, консолидации, имеющей ярко антисоветское заострение **.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

13. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции М. В. Кобецкому

12 января 1936 г.

На телеграмму от 10 января 1936 г. *** НКВТ по согласованию с нами дает разрешение на продление соглашения на 1936 г. **** При подписании торгпредом протокола и продлении этого соглашения сделайте устное заявление, что возможные попытки греков дать ход решению суда по делу Сусаниса ***** , которое мы отказались признать, могут независимо от подписания этого соглашения серьезно осложнить экономические отношения между СССР и Грецией.

Согласовано с НКВТ.

Крестинский

Печат. по арх.

14. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину

13 января 1936 г.

На телеграмму от 11 января⁹. Посещение Лавалья немедленно стало бы известно прессе, как и цель визита. Предлагаю поэтому повидать Леже ***** и сказать ему, что вот прошло

* См. т. XVIII, док. № 449.

** См. т. XVIII, док. № 450; док. № 9 настоящего тома.

*** См. док. № II.

**** См. «Сборник действующих торговых договоров...», вып. II, М., 1936, стр. 49—52.

***** См. т. XVIII, док. № 78.

***** Генеральный секретарь МИД Франции.

уже почти девять месяцев со времени подписания пакта * и до сих пор он не ратифицирован. Скажите, что мы не намерены мириться с тем, чтобы пакт бесконечно служил предметом игры внутренней или внешней для Франции, и что мы хотим, наконец, внести ясность и знать, почему пакт до сих пор не внесен в палату и когда он будет внесен. Просите передать это Лавалю, пообещав зайти через несколько дней за ответом ¹⁹. Можете объяснить, почему именно Вы не обращаетесь непосредственно к Лавалю.

Литвинов

Печат. по арх.

15. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

14 января 1936 г.

Альфан повторил мне то, о чем он говорил со мною при последних встречах в Союзкино и на приеме во французском посольстве — об усилившейся во Франции кампании против советско-французского сближения. Он был поражен в Париже силой этой кампании, которой охвачена не только пресса, но и политические салоны. Лаваль, по его мнению, останется у власти до выборов.

Я сообщил Альфану, что поручил Потемкину осведомиться о планах французского правительства в отношении ратификации пакта **. Мы хотели бы внести ясность в этот вопрос. Прошло уже девять месяцев со времени подписания пакта, и мы считаем этот срок достаточным. Что бы мы ни думали о самом пакте и о том, как его будет проводить г. Лаваль, мы все же не хотели бы позволить, чтобы пакт на неопределенный период оставался предметом игры внутренней или внешней политики Франции. То же самое я мог бы сказать и об экономическом соглашении ***. Альфану достаточно хорошо известно, как неохотно НКВТ шел на переговоры, и должен признать, что мы не можем мириться с положением, когда дело изображается французской печатью так, как будто Франция собирается нас облагодетельствовать. Может наступить скоро момент, когда мы публично скажем, что не желаем быть облагодетельствованными.

Альфан со мной соглашался, охал, вздыхал, но ничего, конечно, не мог обещать. Пожаловался Альфан на трудности департамента и, в частности, французского посольства в связи с ликвидацией «Торгсина» и введением нового официального

* См. т. XVIII, док. № 205.

** См. док. № 14.

*** См. док. № 1.

курса рубля. Он понимает, что цены у нас, вероятно, будут снижаться, но было бы хорошо, если бы тем временем можно было сделать что-нибудь для облегчения положения дипкорпуса. Я сказал, что мы не можем в своих денежных реформах исходить из удобств дипкорпуса, не можем мы также устанавливать специальные цены на товары для дипкорпуса или специальный курс рубля. Нас атакует наше таможенное ведомство, которое указывает на чрезмерное использование дипкорпусом беспошлинного ввоза. Оно приводит действительно разительные цифры, когда, например, миссия, состоящая из 7 человек, ввозит в год 120 пар ботинок, т. е. по 17 пар на человека. Мы, однако, закрываем глаза на это, а тут еще дипкорпус атакует нас с другой стороны.

Литвинов

Печат. по арх.

16. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Председателем Совета Министров Ирана Джемом

14 января 1936 г.

После сделавшихся обычными в разговорах с руководящими членами правительства замечаний, касающихся весьма благоприятного развития ирано-советских взаимоотношений, мы коснулись некоторых конкретных вопросов.

Джам сказал, что они хотели бы, так же как и мы, закончить переговоры по подлежащим обсуждению политическим вопросам * до 26 февраля, т. е. до 15-летнего юбилея подписания ирано-советского договора **. Джам при этом отметил, что он лично принимал непосредственное участие в подготовке договора, ибо в это время он был министром иностранных дел. Он очень рад, что этот договор послужил основой установления нормальных отношений между СССР и Ираном и что эти отношения успешно развивались и привели к нынешним особо благоприятным результатам.

Джам считает, что прекрасно начатое дело культурного сближения между Советским Союзом и Ираном должно быть развиваемо дальше. Министр просвещения Хекмат вернулся из СССР в восторге от всего, что он там видел ***, и является горячим сторонником культурного сближения Ирана с СССР. Поэтому, по мнению Джама, мы сможем совместно с Хекматом многого достичь в этом направлении.

Джам с большим интересом относится к идее кооперации СССР и Ирана в целях расширения торгового оборота в деле

* См. док. № 19.

** См. т. III, док. № 305.

*** См. т. XVIII, док. № 364.

развития добычи некоторых цветных металлов в Иране. Ему кажется очень интересным выдвинутое предложение о том, чтобы Советский Союз оказал помощь Ирану предоставлением своих соответствующих специалистов для изысканий таких цветных металлов, поставил бы в дальнейшем оборудование на условиях кредита и гарантировал бы закупку получаемой продукции. Он считает, что вопрос этот заслуживает специального обсуждения в совете министров в предварительном порядке, поскольку весь вопрос этот пока носит характер частной беседы.

В заключение я обратил внимание Джама на то обстоятельство, что, несмотря на крупнейшие достижения в ряде основных экономических и политических вопросов и несмотря на доказанную Советским правительством готовность идти навстречу Ирану в делах, имеющих первостепенное значение, наряду с этим здесь, в Иране, продолжается практика таких судебных решений, которые находятся в противоречии с проводимой обоими правительствами политической линией, а также в противоречии с общепризнанными нормами международных отношений.

Джам попросил меня прислать ему в приватном порядке точиюю справку касательно таких дел и обещал переговорить с министром юстиции в том смысле, чтобы обратить внимание его на необходимость внимательного отношения к соответствующим нашим соображениям.

А. Черных

Печат. по арх.

17. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну

15 января 1936 г.

Сегодня приходил Валентинно * жаловаться на передовицу газеты «Известия» от 13 января, где, не называя Италию, непочтительно отзываются о легионах некоторых фашистских государств, удирающих от горных племен. Для сравнения Валентинно показал мне номер итальянского журнала «Обозрение пехоты», где дается очень лестный отзыв о киевских маневрах и о нашей Красной Армии.

Я напомнил Валентинно свое недавнее заявление **, что отныне наша пресса имеет полную свободу в отношении Италии, как ее имеет итальянская печать в отношении СССР, и что поэтому не могу принимать никаких протестов. Уже не раз такое предупреждение делал Штейн Сувичу без всяких

* Посол Италии в СССР.

** См. т. XVIII, док. № 1.

результатов¹¹. Пусть итальянцы не пишут про нас ничего хорошего, но и ничего плохого. Итальянская печать начала кампанию, мы на нее отвечаем. Когда она прекратит ее, мы за ней последуем. Дело, однако, не в печати, если само правительство обещает уругвайскому правительству поддержать его против нас в Женеве, в чем наш корреспондент готов представить бесспорные доказательства*. Я эти доказательства действительно потребую, если Алонзи** позволит себе выступать против меня в Женеве. Если Италия предпочитает хорошие отношения с Уругваем хорошим отношениям с нами, то это ее дело, но пусть не жалуется, если мы из этого сделаем соответствующие выводы.

Валентино начал было говорить о толкании нами Женевы на антиитальянские меры, и я, прервав его, сказал, что мы в Женеве как член Лиги сделали не больше и не меньше, чем другие члены, которые, может быть, дают Италии самые любезные заверения. Конечно, Валентино сказал, что ему ничего неизвестно относительно его коллеги в Уругвае. У Валентино был просительский вид, и он пытался убедить меня в необходимости ликвидации итало-абиссинского конфликта.

Литвинов

Печат. по арх.

18. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
16 января 1936 г.*

Состоявшееся сегодня в присутствии членов правительства, депутатов меджлиса, многочисленных деятелей с женами без Чадры торжественное заседание, посвященное конгрессу иранского искусства и физиологическому конгрессу***, явилось важнейшей публичной демонстрацией ирано-советских дружественных отношений. Заседание состоялось под моим и Хекмата председательствованием. Мы оба выступали с небольшими речами. Доклады были выдержаны в чрезвычайно доброжелательном тоне в отношении СССР. Такая демонстрация дружбы особенно ценна в здешних условиях. Считаю поэтому важным помещенне в нашу прессу всех подробных отчетов ТАСС о заседании****.

Полпред

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 15 января 1936 г.

** Представитель Италии в Лиге наций.

*** См. соответственно т. XVIII, док. № 364 и газ. «Известия», 10 августа 1935 г.

**** См. газ. «Известия», 21 января 1936 г.

19. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

17 января 1936 г.

Сегодня приходил Саед * и по поручению Каземи ** передал просьбу иранского правительства в ближайшие дни внести наше предложение по «Кевир-Хуриану»¹², чтобы можно было закончить эти переговоры одновременно с ведущимися в Тегеране переговорами по всем остальным вопросам ***.

Я обещал передать просьбу иранского правительства нашим заинтересованным ведомствам.

Крестинский

Печат. по арх.

20. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Польше Я. Х. Давтяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
17 января 1936 г.*

Вчера на обеде у президента республики Бек специально отвел меня в сторону и спросил, как мне понравились обе его речи в сейме ****. Затем он дал понять, что сознательно хотел избежать возникновения полемики с нами. Он сказал, что желает улучшения отношений с нами. Затем весьма подчеркнуто (и повторно) сказал, что Польша никогда ни в каких комбинациях против СССР участвовать не будет. Он выразил надежду, что я передам это моему правительству. Вообще всем своим поведением он хотел подчеркнуть желание Польши улучшить отношения с нами.

Весьма характерно, что Бек ни одним словом не выступил в сейме против нас в своем заключительном слове, несмотря на прямой запрос одного депутата.

На вчерашнем же обеде со мной очень дружелюбно и долго (отдельно) разговаривал ген. Рыдз-Смиглы *****. Это даже обратило внимание присутствовавших.

Полпред

Печат. по арх.

* Временный поверенный в делах Ирана в СССР.

** Министр иностранных дел Ирана.

*** См. док. № 197.

**** См. газ. «Известия», 17, 18 января 1936 г.

***** Генеральный инспектор польской армии.

21. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

18 января 1936 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Японии имеет честь, по распоряжению своего Правительства, довести до сведения Министерства Иностранных Дел следующее:

1. В договорном акте, подписанном уполномоченными России и Китая в Цинькаре 7 декабря 1911 г., обязательность которого подтверждена обеими сторонами путем обмена нотами, состоявшегося в Пекине 16 и 20 декабря 1911 г., точно определена принадлежность островов, расположенных на р. Аргунь как на современном русле, так и между прежним и современным руслом. Все острова перенумерованы. При этом в протоколе соглашения № 3 указано: «Острова, означенные на разменной карте за №№ 111, 112, 115, 117, 120, 211, 226, 227, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 279 и 280, как образовавшиеся между старым руслом Аргунь, бывшей государственной границей, и современной Аргунью, перешедшей постепенно с течением времени к западу, остаются во владении России». В общем перечне островов, включенном в основной договорный акт, все эти острова помечены как принадлежащие России.

2. Несмотря на совершенно ясную договорную принадлежность СССР острова 273, расположенного в 15 км юго-западнее селения Старо-Цурухайтуевский, между старым и новым руслом Аргунь, территория острова неоднократно за последнее время была местом незаконных появлений и действий чинов японской армии: 19 ноября на этом острове были задержаны майор и солдат названной армии, отпущенные пограничной охраной СССР после того, как выяснилось, что эти лица не осведомлены о принадлежности острова Союзу ССР; 1 декабря на том же острове появилась конная группа японских военных силой до эскадрона; 16 декабря на том же острове были замечены три японских солдата, а несколько спустя — 15 японских солдат; 17 декабря на острове снова появились шесть японских солдат; 18 декабря группа конных солдат проехала на остров и сожгла четыре стога сена, принадлежащие гражданам селения Ново-Цурухайтуевский.

3. Правительство Союза Советских Социалистических Республик протестует против такого систематического нарушения территории СССР лицами, входящими в состав японской армии, просит Японское Правительство расследовать указанные выше случаи, привлечь виновных к ответственности и принять нужные меры, чтобы в дальнейшем территория СССР не нарушалась чинами японской армии¹³.

22. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Варшавы

Немедленно
18 января 1936 г.

Давтян говорит, что Бек явно старается любезничать с нами*. Можно и нам отвечать тем же, но все же надо спокойно, без полемики прокомментировать его выступление в сейме** хотя бы в «Журналь де Моску». Надо выделить следующие пункты: приветствовать заявление, что Польша не будет содействовать ослаблению Лиги наций, ибо на основании других выступлений Бека в этом позволительно было сомневаться. Отношение Польши к абиссинскому конфликту соответствует нашей позиции, но непонятно, почему Бек так мало значения придает прецедентам. Ведь это значение знают члены Лиги наций, в том числе Польша. От Польши не в малой мере будет зависеть использование в будущем абиссинского инцидента. Приветствуем заявление о желательности региональных пактов в качестве дополнения к Пакту Лиги, в чем мы видим некоторый отход Бека от прежней позиции, когда он противопоставлял региональным спасительные билатеральные пакты. Остается узнать, какие именно регионы отвечают интересам Польши. Конечно, пакты должны отвечать интересам всех участников, и речь может идти лишь об общих для всех участников интересах. Бек говорил, что, заключая новые соглашения, он заботился о том, чтобы они не противоречили ранее заключенным, упомянув союзные с Францией и Румынией***. Жаль, что он не уточнил, что его соглашение с Германией**** не содержит ничего противоречащего ранее заключенному пакту с СССР*****. Это тем более было бы уместно, что не далее как на днях Молотов и Тухачевский высказывали опасения насчет причастности Польши к германо-японским махинациям*****, а Бек отмолчался. Ведь молчание не всегда знак несогласия.

Литвинов

Печат. по арх.

23. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

21 января 1936 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик имеет честь, по распоряжению своего Правительства, довести

* См. док. № 20.

** См. газ. «Известия», 17, 18 января 1936 г.

*** См. соответственно т. XV, прим. 150 и т. III, прим. 76.

**** См. т. XVII, прим. 14.

***** См. т. XV, док. № 300.

***** См. соответственно прил. I в газ. «Известия», 16 января 1936 г.

до сведения Министерства Иностранных Дел нижеследующее:

Согласно донесениям Консулов Союза Советских Социалистических Республик в Маньчжурии, японской жандармерией производятся многочисленные незаконные и беспричинные обыски и аресты среди проживающих на территории Маньчжурии советских граждан.

В частности, 9 октября 1935 г. на ст. Маньчжурия и Хайлар были арестованы граждане Аверин, его жена Аверина, Озрелович, Маркевич, Браун; 31 октября на ст. Мяньюхэ арестован гр. Богомоллов; 28 ноября на ст. Маньчжурия арестован гр. Ершов и гр-ка Рябоконе с 15-летней дочерью; 10 декабря на ст. Хайлар арестован гр. Людин; 28 декабря на ст. Маньчжурия арестован гр. Халецкий.

Многие арестованные до настоящего времени содержатся в тюрьме или арестных помещениях японской жандармерии. Все допросы производятся исключительно чинами жандармерии, причем арестованные подвергаются избиениям и пыткам и содержатся в исключительно тяжелых условиях.

Действительное количество подвергнувшихся аресту советских граждан неизвестно и, по всей вероятности, не исчерпывается вышеперечисленными лицами.

По получении дополнительных данных Посольство не преминет сообщить их Японскому Правительству.

Местные маньчжурские представители, в ответ на обращения к ним советских Консулов с протестами и требованиями освобождения этих арестованных, предлагают обращаться к японской жандармерии, указывая, что японская жандармерия не подведомственна маньчжурским властям. Особенное беспокойство вызывает судьба арестованного жандармским отделением на ст. Якэши жителя ст. Мяньюхэ гр. Богомоллова, относительно которого японо-маньчжурские власти, в ответ на запрос советского Консула на ст. Маньчжурия, заявили, что он якобы бежал из-под стражи.

По заявлению помощника начальника японского жандармского отделения в Хайларе и начальника жандармского отделения в Якэши, «побег» якобы совершен 9 ноября прошлого года из помещения жандармского отделения на ст. Якэши, в то время как, по сообщению Дипломатического бюро Маньчжоу-Го на ст. Маньчжурия, «побег» якобы имел место в Хайларе 1 ноября прошлого года. Явное противоречие в сведениях, данных японскими и маньчжурскими властями о «побеге», не является единственным основанием для беспокойства Советского Правительства о судьбе Богомоллова и недоверия к этим сведениям. В результате поездки представителя Консульства Союза ССР на место последнего содержания под стражей Богомоллова в Якэши создалось впечатление о невозможности бегства Богомоллова.

Опасение и беспокойство Советского Правительства усиливаются в связи с тем, что в прошлом уже имели место случаи, когда арестованные советские граждане — Лаушкин, Кислый, Осадчук и др., по совершенно точным сведениям, имеющимся в распоряжении Советского Правительства, убитые и замученные в маньчжурских тюрьмах*, объявлялись властями бежавшими из тюрьмы.

В связи с изложенным Посольство имеет честь, по поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик, заявить Японскому Правительству протест против самоуправных действий японской жандармерии в Маньчжурии в отношении советских граждан, настаивать на распоряжении японским властям в Маньчжурии об освобождении незаконно арестованных советских граждан и недопущении подобных беззаконий в дальнейшем, а также на производстве расследования и привлечении к ответственности лиц, виновных в этих действиях¹⁴.

Советское Правительство одновременно настаивает на тщательном расследовании дела Богомолова и сообщении ему о действительной судьбе и местонахождении Богомолова**.

Печат. по арх.

24. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

22 января 1936 г.

Согласно инструкциям виделся с Чан Кай-ши, сообщил ему содержание Вашего письма*** по пунктам. От себя я добавил, что мое правительство было удивлено сообщением японской прессы о том, что китайское правительство будто дало согласие на 3-й пункт Хирота**** о совместной борьбе против СССР.

Чан Кай-ши сказал, что самым важным из заданных ему вопросов он считает последний — о Красной армии. Если нам удастся договориться по этому вопросу, остальные решатся сами собой. Он вполне понимает, что может существовать легально компартия, но ни в одном государстве недопустимо, чтобы политическая партия имела свою армию. Необходимо, чтобы СССР использовал свой авторитет, чтобы убедить Красную армию признать фактическое правительство, и тогда китайское

* См. т. XVII, док. № 301, 403.

** См. также газ. «Известия», 21 марта 1936 г.

*** См. т. XVIII, док. № 455.

**** См. газ. «Известия», 24 января 1936 г., а также «The China Year Book», Shanghai, 1936, p. 176.

правительство сможет оказать сопротивление Японии. Я ответил, что Советское правительство никакого влияния на китайскую Красную армию не имеет. Опять осторожно я затронул этот вопрос исключительно с военно-технической точки зрения, в связи с нашими переговорами о возможном соглашении о взаимной помощи и, сославшись на мои прежние разговоры с ним, сказал, что мы приветствовали бы установление политического единства Китая, но это должно быть сделано руками самих китайцев. Чан Кай-ши опять начал излагать свою точку зрения о недопустимости существования армий отдельных политических партий внутри государства. Чтобы выйти из тупика, в который грозил зайти разговор, я заметил, что недавно в разговоре со мной Чэнь Ли-фу* говорил о желательности поездки представителя ЦК гоминьдана в Москву для разных встреч, и спросил, соответствует ли это желанию Чан Кай-ши. Не реагируя на мое замечание, Чан Кай-ши продолжал с жаром доказывать необходимость для СССР установления дружественных отношений с китайским правительством и гоминьданом, сказал, что если бы Советское правительство оказало влияние на китайскую Красную армию в смысле признания авторитета Центрального правительства, то оно тем самым показало бы свою искренность в отношении Нанкина и получило бы в нем искреннего верного союзника. Видя, что разговор заходит все дальше в тупик, я категорически заявил, что никакой посреднической роли в его переговорах с китайской компартией мы играть не будем и что это внутреннее дело Китая. Посоветовавшись с Куном**, Чан Кай-ши сказал, что он считает возможным договориться с компартией на следующей основе: Красная армия признает авторитет центрального правительства и командования и, сохраняя свой теперешний состав, принимает участие в войне против Японии. Я опять сказал, что это его внутреннее дело договариваться с красными армиями, как он хочет. Чан Кай-ши сказал, однако, что он просит передать заявление Советскому правительству. Я ответил, что, конечно, обо всем, что он мне говорил, я информирую мое правительство. Две трети двухчасового разговора ушли на этот пункт.

Я предложил перейти к другим пунктам. Чан Кай-ши сказал, что размеры помощи Китаю со стороны СССР должны быть определены последним. Китай примет с благодарностью всякую помощь военным снаряжением, амуницией, которую СССР найдет возможным оказать. Ничего конкретного о своих планах борьбы против Японии и о том, как он мыслит конкретно использовать СССР и Китай в предполагавшемся со-

* Член государственного совета правительства Китая.

** Кун Сян-си — заместитель председателя исполнительного юая, министр финансов Китая.

глашении, Чан Кай-ши не сказал, хотя я спросил его об этом два раза. На вторичный вопрос он ответил общими фразами о совместной борьбе против «общего противника — Японии». Разговор оживился только, когда стал говорить о возможном сроке вхождения соглашения в силу. Я сказал, что если обязательства Китая в отношении СССР в возможном соглашении ясны — помощь СССР, когда японские вооруженные силы войдут на нашу территорию, то этого нельзя сказать о возможных обязательствах СССР по отношению к Китаю. Японцы занимают одну провинцию за другой, когда же китайское правительство желало бы от нас помощи в случае заключения соглашения? Чан Кай-ши ответил, что китайское правительство не претендует на помощь СССР в защите тех областей, которые уже захвачены Японией, например, шести уездов Чахара. Однако он думает, что может быть заключено соглашение, по которому Советское правительство и правительство Китая обязуются оказать взаимную помощь в случае попытки японцев захватить Монголию, Суйюань или Шаньси. Он спросил, что я об этом думаю.

Я ответил, что должен информировать Москву, и спросил его, могу ли я сообщить, что китайское правительство стоит за такое приблизительное определение обязательств. Чан Кай-ши ответил утвердительно.

Чан Кай-ши опять интересовался отношением Англии к советско-китайскому соглашению и выражал опасения, что в консервативных английских кругах очень сильны симпатии к Японии. Я ответил, что это так, но что даже и среди консерваторов растет понимание, что японская агрессия в Китае наносит сильный ущерб английским интересам, и едва ли правительство Англии будет симпатизировать Японии, если возникнет советско-китайско-японское столкновение. Чан Кай-ши выразил опасение, что наше возможное соглашение вызовет большое недовольство в Англии, и высказал пожелание сохранять его в секрете, пока не будет подготовлена почва в Англии и Америке. Кун заметил, что у Англии мало интереса по отношению к Китаю. Когда он недавно упрекнул Кадогана *, зачем последний едет в полугодовой отпуск, когда тут много дел, Кадоган ответил, что в Англии он будет полезнее, чем здесь.

Меньше всего желання было у Чан Кай-ши дать мне точный и ясный ответ относительно японо-китайских переговоров ** о 3-м пункте Хирота. Дважды он повторил мне следующий уклончивый ответ: «Япония требует переговоров, и мы должны на них идти, так как Япония требует, но если мы придем к соглашению с вами, все наши переговоры с Японией теряют смысл».

* Посол Великобритании в Китае.

** См. газ. «Известия», 6 января 1936 г.

В конце разговора Кун сказал, что наши переговоры чрезвычайно затягиваются. По существу на запрос Чан Кай-ши в октябре* мы дали ответ только в январе. Я указал и подтвердил необходимость сноситься только через курьеров, минуя Японию. На его вопрос сказал, что мой доклад будет в Москве около 10 февраля**. Кун просил ускорить ответ на наш разговор. Я объяснил, что буду просить Москву дать по телеграфу краткий принципиальный ответ¹⁵ по нашему разговору. При разговоре присутствовал только Кун, который при нашем возвращении выразил удовлетворение разговором.

Полпред

Печат. по арх.

25. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР ***

23 января 1936 г.

Вчера обедал у Нейрата****. О предстоящем уходе Лавалля Нейрат говорил внешне равнодушно. Назвал все, что происходит во Франции, театральным фарсом. Характеризуя политику Лавалля как игру со многими картами и коснувшись прошлогоднего соглашения Лавалля с Муссолини*****, он высказал уверенность, что от Муссолини Лаваль получил компенсацию такого порядка, что Муссолини не может опубличовать соглашение полностью. Нейрат намекал, что речь идет о Германии.

Что касается франко-английского соглашения*****, то Нейрат допускает, что на данной стадии речь шла только о Средиземноморском бассейне, но все же оно носит более широкий «прецедентный» характер. Нейрат рассказывал о своих личных близких отношениях с новым английским королем. По-видимому, не случайно он поставлен во главе делегации в Лондон.

Мы коснулись и речи Молотова*****. Нейрат признает ценность заявления Молотова о согласии улучшения отношений, но сожалеет, что оно ослаблено дальнейшими пассажами этой речи. На это я ответил, что Молотов не может скрывать от нашего общественного мнения всем известных фактов, и одновременно напомнил ему выступления германских «вож-

* См. т. XVIII, док. № 389.

** Телеграмма отправлена дипломатой и поступила в НКВД СССР 13 февраля 1936 г.

*** Копия телеграммы направлена М. М. Литвинову в Женеву.

**** Министр иностранных дел Германии.

***** См. газ. «Известия», 8—10 января 1935 г.

***** См. газ. «Известия», 3, 6, 9 января 1936 г.

***** См. прил. I.

дей». Нейрат рассказывал, что Шахт* лично задел заявлением Молотова о германской инициативе по кредитам, и при этом обмолвился, что «это создало для Шахта большое затруднение и в Базеле».

Я на это ответил, что в речи Молотова я не подметил ничего, что задевает Шахта, и что Молотов говорил лишь о факте предложения нам кредитов.

Суриц

Печат. по арх.

26. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомоякову

24 января 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Из-за пребывания здесь наших артистов, совпавшего с разгаром «светского» сезона, я оказался настолько перегруженным, что не смогу с этой почтой написать Вам обстоятельного письма. Мне хотелось, в частности, более подробно прокомментировать Вам внешнеполитическое экспозе Бека и прения в сейме**. Впрочем, полагаю, что сейчас Вы в этом не особенно нуждаетесь, ибо успели уже ознакомиться с текстами всех этих выступлений. На всякий случай я Вам тут прилагаю полный французский перевод речи Бека. Во время проезда М. М. [Литвинова] я ему очень подробно докладывал все обстоятельства, связанные с выступлением Бека, и сообщил ему некоторые свои соображения. Я хочу сейчас только отметить следующее.

Бек, несомненно, вполне сознательно уклонился от полемики с нами и не реагировал на доклад т. Молотова***. К этому имеются две причины: во-первых, нежелание пилсудчиков публично декларировать отсутствие интимных и особых отношений с Германней, во-вторых, не создавать излишнего раздражения в отношениях с нами. Бек поэтому предпочел сказать мне наедине то, что он, собственно говоря, должен был сделать публично. Он после обеда у президента республики весьма подчеркнуто (и двукратно) мне говорил, что «Польша никогда ни в каких комбинациях против СССР участвовать не будет». Это было, очевидно, ответом на соответствующий намек т. Молотова.

Я вновь констатирую, что поляки сейчас взяли определенную линию улучшения внешних отношений с нами. Это проявляется в ряде мелочей (я уже не говорю о всяких светских

* Президент Рейхсбанка.

** См. док. № 20.

*** См. прил. I.

любезностях, которые чрезвычайно усилились как количественно, так и качественно). Повседневные наши деловые отношения с мининделом складываются более благоприятно для нас, ибо мининдел старается более предупредительно подойти к разрешению возбуждаемых нами вопросов или возникающих инцидентов. В этом имеется определенная линия, все значение которой для Вас, конечно, достаточно понятно, и я на этом останавливаться не буду. Как совершенно правильно указал М. М. *, мы безусловно можем отвечать той же любезностью и стараться, чтобы внешне наши отношения носили приличный характер. Мы ничем не рискуем, ибо мы видим пилсудчиков насквозь и хорошо знаем все их карты.

2. Хочу обратить Ваше внимание и на полемику, возникшую в польской прессе вокруг пресловутой статьи «Линия раздела» в «Газете польской» **. Правда, в ответной статье оппонентам Матушевский ***, несомненно, бьет отбой и старается свести линию раздела не между отдельными кликами самих пилсудчиков, а между пилсудчиками в целом и оппозиционным лагерем. Но, конечно, факт существующих внутри правящего лагеря трений скрыть трудно. И они от времени до времени прорываются. Однако это процесс очень длительный и продвигается всякими зигзагами. Достаточно отметить то обстоятельство, что положение Бека сейчас опять укрепилось. Характерна в этом отношении речь в сейме, во время обсуждения доклада Бека, депутата Стпичинского (редактора «Курьера поранного»), который является близким человеком ген. Рыдз-Смиглы. Стпичинский произнес настоящий панегирик Беку, подчеркнув, что он является носителем идей самого Пилсудского в вопросах внешней политики. Все это показывает, что пока что пилсудчики стараются перед внешним миром подчеркнуть свое единство. Как долго это им удастся, сказать трудно. Мы имеем полную возможность спокойно созерцать весь этот процесс и ждать его естественного созревания. Время работает на нас. Я абсолютно согласен с Вами, что наша пресса должна ограничиваться лишь спокойной информацией о Польше и польской политике, не выходя из тона информационного.

3. Мы Вам потом пришлем исчерпывающий доклад о результатах выступлений наших артистов в Польше. Я здесь хочу сказать лишь одно. Мы были совершенно правы, организовав эту поездку. Жизнь показала, что все наши самые оптимистические ожидания были превзойдены. Успех выступлений наших артистов все время огромный и идет нарастая. Мы не сомневаемся, что, если бы они остались здесь еще на несколь-

* См. док. № 22.

** См. газ. «Известия», 27 января 1936 г.

*** Редактор «Газеты польской».

ко недель, они продолжали бы выступать с таким же успехом, особенно наши артистки, завоевавшие себе тут громадное имя. Особенно блестящим был успех заслуженных артисток Максаковой и Барсовой в Варшавской опере. Условленные четыре спектакля с их участием (два «Кармен» и два «Сезильский цирюльник») прошли с аншлагами и при бурных овациях публики. По настоянию дирекции оперы и публики нам пришлось согласиться на дополнительные спектакли, причем гонорары были удвоены. Сегодня как раз т. Максакова выступает в третий раз в «Кармен», причем все билеты были проданы уже накануне. Весьма успешно проходили все их выступления и в провинции, а также и выступления наших музыкантов.

Я особенно хочу подчеркнуть значение выступлений наших артисток в Варшавской опере. У нас и раньше были хорошие отношения с дирекцией оперы, но теперь эти отношения еще более укрепятся. Обе наши артистки были все время окружены исключительно дружественной атмосферой как со стороны дирекции оперы, так и всего состава труппы и оркестра. Последний (оркестр) все время устраивал им овации во время их выступлений. Дирекция оперы приложила все усилия к тому, чтобы дать достойный состав партнеров для наших артисток, выписав артистов даже из-за границы и других городов Польши. Среди этих польских исполнителей имеется один прекрасный баритон — Чаплицкий, который, по отзыву наших артисток, мог бы с большим успехом выступить и у нас в Москве.

Я считаю совершенно необходимым продолжать развивать художественный контакт, который установился между Варшавской и Московской операми путем обмена от времени до времени отдельными гастролерами. Варшавская опера уже сейчас настаивает на том, чтобы Максакова и Барсова приехали через некоторое время для новых, заранее условленных выступлений. Мы, безусловно, должны это сделать, причем, конечно, материальные условия теперь будут гораздо более выгодными. Наши артистки могли бы приехать (каждая в отдельности) на определенные выступления на неделю — полторы. Желательно также, чтобы московский Большой театр пригласил кого-нибудь из Варшавской оперы для гастролей, в частности, например, баритона Чаплицкого.

Весьма громаден и тот политический эффект, который принесли нам выступления наших артисток здесь. Их гастролы все время являются сенсацией дня. Об этом говорят все в городе и провинции и пишут много в газетах. Достаточно сказать, что уже на сегодняшний день появилось свыше двухсот всяких положительных рецензий о выступлениях наших гастролеров. Не было ни одной отрицательной рецензии. Наоборот, громадное большинство рецензий — просто восторженные. С указанием высоких артистических данных исполнителей многие

одновременно отмечают их прекрасную школу и высокий уровень советского музыкального искусства. Я могу прямо сказать, что эта поездка наших артистов сюда дала нам гораздо больше, чем вся моя работа за последний год. Нам нужно продолжать и дальше в этом направлении. Я Вам очень благодарен за Вашу поддержку этого начинания и прошу Вас и в будущем добиваться того, чтобы наше культурное внедрение в Польшу могло так прекрасно развиваться.

Я считаю также своим долгом отметить прекрасное поведение всех наших артистов, которые, помимо своей непосредственной работы, фактически проделали громадную пропагандистскую работу в пользу Советского Союза путем личных бесед с артистами, музыкантами и со встречающимися с ними деятелями искусства, которые их непрерывно расспрашивали о положении театрального и музыкального дела у нас и окружали их всяческим вниманием.

С приветом

Я. Давтян

*Печат. по арх. Пункт 3 отделе
в сб. «Документы и материалы по истории
советско-польских отношений»,
т. VI, М., 1963, стр. 263—269.*

27. Письмо Уполномоченного ВОКС в Греции во II Западный отдел ВОКС*

24 января 1936 г.

Уважаемый товарищ,

С 3 по 18 января в Греции находилась группа архитекторов-аспирантов Всесоюзной академии во главе с т. К. Алабяном, секретарем Союза архитекторов СССР. Приезд делегации и ее пребывание вызвали широкий интерес греческой общественности, и принята делегация была в Афинах весьма благожелательно и гостеприимно.

Газеты помещали регулярно сообщения о пребывании и работах группы, помещали беседы с нашими архитекторами, дали подробные отчеты о приеме архитекторов и других встречах.

Союзом архитекторов Греции был организован в технической палате вечер встречи с греческими архитекторами, на котором была проведена беседа о советской архитектуре.

9 января нами был устроен в полпредстве в честь наших архитекторов прием, на котором присутствовало свыше полтора представителя греческой интеллигенции, виднейшие архитекторы, писатели, художники, ученые, а также представители МИД и министерства просвещения и афинского муниципалитета. На приеме была проведена интересная беседа

* Копия письма направлена во II Западный отдел НКВД СССР.

дискуссия, о которой газеты поместили отчеты, при сем прилагаемые *. Министерство дало нашим архитекторам бесплатные пропуска во все музеи и Акрополь с правом работать в часы, закрытые для посетителей, а директор греческого национального музея, видный археолог Филадельфевс лично в течение почти трех часов показывал и знакомил делегацию со всеми коллекциями музея, в том числе и с коллекциями, закрытыми для осмотра посетителей.

Делегация приглашалась рядом архитекторов знакомиться с постройками Афин, их работами, бюро и т. д. и посетила также Коринф, Суннион, Элевсину.

16 января мэр г. Афин г. Кодзнас устроил обед в честь делегации и возил ее в Марафон, где построена большая плотина.

Наши архитекторы отмечают, что прием их в Греции резко отличается от Италии в лучшую сторону.

В афинском клубе архитекторов, в библиотеке-читальне, на видном месте хранятся для свободного пользования, в числе других, и наши архитектурные издания и периодика. Я передал клубу имевшиеся у меня издания по архитектуре — ценную и интересную работу, полученную от ВОКС еще до моего приезда, и полагаю, что было бы весьма целесообразно и в дальнейшем посылать мне для них нашу архитектурную периодику: по архитектуре СССР, строительству Москвы и т. п.

Уполномоченный ВОКС

Печат. по арх.

28. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну, из Женевы

25 января 1936 г.

Уважаемый Яков Христофорович,

С Беком я виделся здесь часто на заседаниях Совета [Лиги наций], где мы сидим рядом и обмениваемся замечаниями. Он старался быть внешне настолько любезным, что передал мне, будто его жена по телефону просила его передать мне привет. Никаких попыток для серьезного разговора он, однако, не делал. В то же время он явно ухаживал здесь за Титулеску **, который даже подарил ему часы. У меня создалось впечатление, что Бек чрезвычайно рад этим часам, которые помогут ему хвастать в Варшаве улучшением отношений с Румынией.

Здесь держатся упорные слухи, будто Лаваль давал понять Варшаве о желательности оставления Бека на посту мини-

* Не публикуются.

** Министр иностранных дел Румынии.

стра иностранных дел. Я спрашивал об этом Массильн *, который внес значительную поправку. Так как какая-то варшавская оппозиционная газета (кажется, «Курьер варшавский») писала о неприемлемости для Франции Бека и невозможности при нем улучшения польско-французских отношений, Лаваль как-то дал знать редактору этой газеты (вероятно, через Ноэля **), что Франция вовсе не добивается ухода Бека.

Сегодня на прощание, после закрытия сессии Совета, Бек неожиданно спросил меня, доволен ли я его формулировкой отношений с СССР в его экспозе в сейме ***. Отделавшись любезной фразой, я просил Бека разъяснить мне следующие два пункта в том месте, где он говорил о региональных пактах: 1) имел ли он при этом в виду пакты взаимопомощи и 2) идет ли речь у него только о взаимной помощи в случае агрессии со стороны одного из участников пакта против другого или также агрессии со стороны государства, в пакте не участвующего. Бек ответил, по своему обыкновению, уклончиво, что можно обсудить и изучить оба аспекта вопроса.

Для меня поставленные вопросы имеют большое значение, ибо если бы Бек ответил утвердительно на оба, то можно было бы вновь вернуться к вопросу о Восточном пакте **** в таком составе, на какой всегда раньше намекал Бек *****. Я не думаю, однако, чтобы от него можно было добиться в ближайшее время какого-либо точного ответа. Вопрос, очевидно, еще не созрел.

Мне не придется ночевать в Варшаве на обратном пути, так как еду завтра в Лондон, а оттуда путь на Москву уже никак не лежит на Вену, а на Берлин.

С приветом

Литвинов

*Печат. по арх. Олуби.
в сб. «Документы и материалы по истории
советско-польских отношений»,
т. VI, М., 1969, стр. 299.*

29. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

27 января 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Со времени отправки моего последнего письма¹⁶ я на ряде обедов и приемов имел возможность перевидать немало на-

* Представитель Франции в Совете Лиги наций.

** Посол Франции в Польше.

*** См. док. № 22.

**** См. т. XVI, прим. 321; т. XVII, док. № 254.

***** См. т. XVII, док. № 346.

роду, в том числе немцев «из общества», с которыми в обычных условиях нам встречаться почти не приходится. Особенно много народу почему-то назвал к себе на обед Бюлов *, обед, который он дал в нашу и американского посла честь (так было написано на пригласительных билетах). Много незнакомых мне немцев встретил я и на обеде у Нейрата. Я впервые там познакомился с ген. Сектом, министром юстиции Франком, с лейпцигским бургомистром и т. д.

Все разговоры, которые мне при этих оказиях пришлось вести с немцами, вращались вокруг одной и той же темы — темы о ненормальности теперешних германо-советских отношений. Причем очень характерно, что почти все мои собеседники признавали, что основную вину за это несет немецкая сторона, и тщательно отмежевывались от теперешнего антисоветского курса. В этом духе со мной говорил и ген. Массов, занимающий официальный пост в розенберговском департаменте **. Он допустил ряд выпадов против теперешних своих хозяев, назвал балтов «чужаками», которые из-за местных групповых интересов вносят рознь в германо-советские отношения. Как бывший командарм он говорил с большим пнететом о силе нашей армии (разговор велся через несколько дней после выступления Тухачевского ***) и назвал абсурдной и губельной самую мысль о воениом между нами столкновении. Сейчас он возглавляет в партии отдел культурной связи с заграницей. В этом своем качестве он вызвался организовать поездку к нам немецких студентов и в Германию — советских. Он при этом сказал, что не бонтся натолкнуться на отказ или неудовольствие со стороны Гитлера, так как убежден в полезности такого начинания и уверен, что в этом в конце концов сумет убедиться и сам фюрер.

Большой интерес к нам проявил и Франк, подробно меня расспрашивавший о состоянии наших судов, постановке у нас преподавания права и т. д. Он также высказал пожелание, чтобы между нашими институтами права установилась более тесная информация и деловая связь.

Несмотря на то что большинство моих встреч с немцами состоялось после произнесения Молотовым своей речи на сессии ЦИК ****, почти никто из моих немецких собеседников, за исключением Нейрата и отчасти Бюлова, не высказал никакого неудовольствия по поводу содержания этой речи. Наоборот, некоторые из них, как, например, совладелец Круппа Вильмовский и директор «Дейче байк» Вейнахт, даже приветствовали эту речь как содержащую в себе открытый призыв к

* Статс-секретарь МИД Германии.

** Имеется в виду внешнеполитический отдел нацистской партии.

*** См. газ. «Известия», 16 января 1936 г.

**** См. прил. I.

улучшению политических отношений и расширению экономических. Для более независимых промышленников пассаж в речи Молотова о германской инициативе, так больно задевший Шахта и его окружение (Мосдорф* и др.), по-видимому, прошел либо совершенно незамеченным, либо отступил на задний план перед самым фактом нашей готовности пойти на большое экономическое соглашение. Сравнительно сдержанно и спокойно о молотовском выступлении говорили со мной поочередно Бюлов и Нейрат. Бюлов больше остановился на военной части выступления Молотова и погоревал, что Молотов рост вооружений в Союзе поставил в связь с германской политикой в отношении СССР. Он сказал, что создается какой-то заколдованный круг, из которого нельзя вырваться. Каждая сторона обосновывает свои вооружения темпом вооружений у другой. Практически же при сильном преобладании ресурсов у СССР и при наличии франко-советского договора Германия попадает в очень тяжелое положение, в положение страны, зажатой в железные клещи. Что касается Нейрата, то он признал, что Молотов начал свою речь с очень ответственного и примирительного заявления, но, «к сожалению», не выдержал этого тона до конца и в дальнейшей части своей речи повторил «обычные и избитые» нападки против Германии. Нейрат не обошел молчанием и «нескромность», допущенную Молотовым по вопросу о кредитах, указав, что это противоречит традициям и, поскольку инициатива приписывается германской стороне, не соответствует истине. Он не скрыл, что последнее обстоятельство вызвало большое раздражение у Шахта, и неосторожно обмолвился, что выступление Молотова в этой части создало добавочные затруднения для Шахта при переговорах в Базеле.

Нет никакого сомнения — и об этом говорили откровенно со мной и некоторые коллеги, — что выступления Молотова и Тухачевского внесли большую сумятицу в немецкие ряды. Приведенные в обеих речах данные о наших вооружениях, может быть, и не явились большой неожиданностью для официальных кругов Германии и, в частности, для рейхсвера, но не могли не повлиять на настроение широких общественных кругов, уже давно с опаской следящих за рискованной игрой, затеянной здесь против мощного «русского соседа». В этом отношении опубликование нами данных оказало, несомненно, отвлекающее действие и значительно затруднило пропагандирование внутри страны идеи выступления против нас войной. Это — одна сторона вопроса. Другая сторона соприкасается с англо-германскими отношениями, связанными в конечном счете с мерой готовности Германии ограничить свои вооруже-

* Заведующий отделом министерства экономики Германии.

ния. Нет сомнения, что установленный нами сейчас официально уровень наших вооружений затрудняет для Германии возможность пойти на какие-либо ограничения и суживает тем самым базу для соглашения между ней и Англией. В не менее трудное положение перед всем миром поставило немцев и раскрытие Молотовым двойственности немецкой политики по отношению к нам. С одной стороны, принципиальная непримиримость, неприятие какого-либо компромисса, а с другой стороны, желание усилить экономические связи вплоть до предложения новых и крупных кредитов.

Удар был нанесен метко. Отвести его в форме отрицания самого факта предложения кредитов немцы уже не могли. Завязать же полемику вокруг вопроса об инициативе сами немцы считали, по-видимому, мелким и не достигающим цели. Неудивительно поэтому, что почти вся германская печать вообще обошла молчаишем пассаж о кредитах, сосредоточив все атаки против речи Молотова на пункте о «красном милитаризме» и о подчиненной его роли в деле развития «мировой революции». Этот момент был подчеркнут и в последовавшем выступлении Геббельса. Спекуляция на «общности» и «тождестве» между Коминтерном и Советской властью обещала дать особо эффективные результаты при предстоящем разборе советско-уругвайского конфликта в Женеве*. Немцы рассчитывали, что этот разбор превратится в судилище над Коминтерном в Москвой и, по словам некоторых моих коллег, злорадствовал, что «Советская власть сама загнала себя в западню». Велики же было их разочарование, когда из женевского разбора посрамленным вышел один Уругвай, изобличенный перед всем миром в открытой клевете против СССР и в тайном прислужничестве перед державами, прятавшимися за его спиной.

Беспорность советской победы в Женеве должна была признать сама германская печать. Шеффер**, например, в своей корреспонденции из Женевы меланхолически отмечает, что настоящим победителем из спора в Женеве вышел Литвинов.

То обстоятельство, что никто в Женеве не рискнул открыто выступить против СССР, что на это не отважились ни Польша, ни даже Италия, непосредственно задетая выступлением Литвинова, — все это лишний раз вскрыло перед немцами, насколько вырос международный авторитет и вес Советского Союза и насколько высоко сейчас расценивается сотрудничество с нашим Союзом. Этот печальный для немцев вывод прозвучал особенно для них тревожно на фоне событий, которые разыгрались как раз за последние дни.

* См. т. XVIII, док. № 458.

** Корреспондент газеты «Берлинер тагеблат».

Немцев очень волновала постановка вопроса о Данциге. Немцы отлично отдавали себе отчет, что по существу на скамью подсудимых посажены берлинские хозяева Данцига. Немцы, по-видимому, рассчитывали, что в спор в благоприятной для них форме вретется Польша, с которой существует особая о Данциге договоренность. Эти расчеты на Польшу только отчасти оправдались. Бек, несомненно, способствовал некоторому смягчению резолюции, но все же не мог предотвратить самого факта единогласного осуждения Советом Лиги действий данцигского сената*.

Резолюция по данцигскому вопросу помимо того, что она является предостережением по адресу Берлина, показала еще, что решающие державы после некоторых колебаний стали гораздо тверже на путь укрепления авторитета Лиги наций и коллективной организации мира. Еще более ярко эта тенденция отразилась в английской ноте о взаимной помощи и в приеме, оказанном ей со стороны средиземноморских держав. В этом разрезе для Германии особенно важно, что Франция выведена из состояния колебания и что на ближайший отрезок времени Германии приходится считаться с фактом англо-французского сотрудничества. Уход Лаваля и замена его такой заведомо англофильской фигурой, как Фланден**, является залогом, что это сотрудничество будет более устойчивым и что объекты этого сотрудничества могут сильно расширяться. Этим колеблется один из столбов германской тактики, рассчитанной, как известно, на вбивание клина между Англией и Францией.

Не случайно поэтому за последние дни вновь усилились заигрывания с Италией. Наряду с выпячиванием колониальных претензий (об этом я напишу как-нибудь отдельно) тезис о дружбе с Италией начинает за последнее время играть все большую и большую роль*** в выступлениях «вождей». Насколько все это серьезно, я более подробно остановился в своем прошлом письме¹⁶. Я и сейчас продолжаю оставаться на прежней своей точке зрения и по-прежнему думаю, что Германия никогда не решится сделать выбора в пользу Италии. Такого же мнения, кстати, придерживается и большинство из моих коллег. До недавнего времени даже Аттолико**** высказывался на этот счет скептически, но сейчас по своему возвращении из Рима он, по-видимому, получил от Муссолини директиву пугать нас всех здесь миражем итало-германского сближения. В разговоре, который он недавно имел со мной, он рассказывал мне, что «общественное мнение» в Италии настан-

* См. газ. «Известия», 21, 26 января 1936 г.

** Министр иностранных дел Франции.

*** В тексте — все большее и большее место.

**** Посол Италии в Германии.

вает на тесном сотрудничестве с Германией. Развивая это положение, он доказывал мне, что если в данный момент это сотрудничество еще не имеет под собой прочной материальной базы («мы ничем сейчас не можем помочь Германии, и Германия в том же положении в отношении нас»), то дело обернется иначе через некоторое время, «когда Германия закончит свою военную программу», а Италия укрепится, в чем он не сомневается, в Абиссинии. Характерно, что, отрицая наличие аналогичных настроений в отношении Японии, Аттолико тем не менее не преминул мне бросить фразу, что Италия допустила большую ошибку, заняв в прошлом недружелюбную позицию в отношении Японии. Что Аттолико из кожи лезет вон, чтобы расположить к себе немцев, это — факт. Всем здесь известно, что ради этого он прибегает и к таким приемам, как распространение документов, долженствующих подтвердить факт наличия франко-английского военного соглашения с распространением его действия и на Германию. Но чтобы из всей этой итальянской игры вышло что-нибудь серьезное и путное, по-прежнему позволительно усомниться. Среди немцев царит всеобщая уверенность, что Италия не в состоянии выиграть войну в Абиссинии и рано или поздно вынуждена будет капитулировать. При таком убеждении сговор немцев с итальянцами представляется маловероятным. О намечающихся некоторых новых тенденциях (вернее, нюансах) в германской внешней политике выскажу свои соображения в одном из следующих писем.

С товарищеским приветом

Я. Суриц

Печат. по арх.

30. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
29 января 1936 г.

Антисоветская кампания итальянской печати, начавшаяся в момент обсуждения в Женеве конфликта с Уругваем*, принимает все большие размеры: последние статьи «Пополо ди Рома», «Гадзетта дель popolo», особенно номера от 27 января, являются рекордными по своей наглости. Как показал опыт, наши обычные протесты остаются безрезультатными. Обещания итальянцев включительно до Муссолини обуздать печать¹⁷ никогда в отношении нас не сдерживаются. Больше того, по совпадению ряда инсинуаций в разных газетах, излагаемых почти в одних и тех же выражениях, есть основание

* См. док. № 29.

предполагать, что министерство печати дает прессе указания выступать против нас. Неизменно всегда одно и то же: мы получаем заверения вплоть до письменных о произведенном твердом указании прессе не выступать против СССР, в действительности же печать получает противоположные указания. Поскольку мы не можем пройти мимо нынешней кампании, не сочли ли бы Вы целесообразным в развитие указаний т. Липтина * и последней беседы Штейна с Муссолини санкционировать нижеследующее мое заявление Сувичу: 1. Указав на последнюю статью, отметить, что в Москве лишены возможности верить в искренность итальянских заверений и что о действительном отношении итальянского правительства к СССР мы судим по выступлениям печати, контролируемой правительством. 2. Учитывая это обстоятельство, я опасаюсь, что Советское правительство сможет сделать выводы в отношении будущего характера неизменно в прошлом проводившейся дружественности в политике СССР по отношению к Италии. 3. Поскольку обещания итальянского правительства о поведении печати снова нарушены, следует ожидать, что наши органы не смогут больше сдерживать советскую печать в ее оценках итальянской действительности. Срочно сообщите указания ¹³, так как у Сувича буду в конце недели.

Временный Поверенный
в Делах СССР в Италии

Печат. по арх.

31. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота

*30 января 1936 г. ***

Я сказал Ота, что очень сожалею, что сегодня еще раз мне пришлось его побеспокоить в столь поздний час. (Это было в 0 час. 45 мин. 31 января; предыдущий раз я его вызвал 9-го ночью в связи с посадкой японского военного самолета в районе села Покровка ***) Однако, добавил я, сегодня произошло серьезное событие, и я решил поговорить об этом с послом немедленно.

Сегодня в 14 час. 30 мин. в трех километрах от границы на советскую территорию в Гродековском районе, у пади Мешеряково, на том самом участке, где за день до этого перешла на нашу территорию и была разоружена и интернирована рота маньчжурских солдат ****, советский пограничный наряд на-

* См. док. № 17.

** Дата документа.

*** См. газ. «Известия», 10 января 1936 г.

**** См. газ. «Известия», 30 января 1936 г.

толкнулся на четырех японо-маньчжур, вооруженных и в штатском, при которых было шесть собак. При попытке со стороны наших пограничников задержать эту группу по ним был открыт огонь, и наши пограничники были вынуждены ответить тем же. Одновременно наши пограничники подверглись обстрелу со стороны двух других японо-маньчжурских солдат, находившихся позади указанных четырех лиц и служивших им прикрытием. К месту происшествия подоспели подкрепления со стороны нашей пограничной заставы, общим числом до 25 человек, которые открыли огонь по японским отрядам. После этого на советскую территорию прибыло еще несколько отрядов японцев и маньчжур, и всего, таким образом, вторгшихся на нашу территорию было больше одной роты. Эти японо-маньчжурские части открыли усиленный огонь по нашим пограничникам, которых, как сказано, было значительно меньше, чем японцев и маньчжур. Бой продолжался довольно долго и затянулся до темноты, иногда доходя до рукопашной схватки. В результате боя японо-маньчжурские отряды отступили на маньчжурскую территорию. С нашей стороны имеется несколько убитых и раненых, и, по-видимому, также имеются убитые и раненые со стороны японо-маньчжурских отрядов. По поводу этого нового и тяжелого нарушения советской границы, приведшего к жертвам со стороны наших пограничных частей, я от имени Советского правительства заявляю через посла решительный протест и прошу передать мое заявление министру Хирота. Советское правительство уже много раз просило японское правительство принять необходимые меры против продолжающихся со стороны японо-маньчжурских военных властей провокаций на нашей границе*. Советское правительство указывало при этом на тяжелые последствия, которые могут произойти в результате того, что японское правительство не принимает необходимых мер против незаконных действий японо-маньчжурских военных властей. Нам приходится выразить сожаление, что японское правительство продолжает пассивно относиться к подобного рода инцидентам, в результате чего появляются все новые и новые нарушения границы и осложнения. Мы ожидаем, что японское правительство немедленно примет меры к серьезному расследованию происшедшего события, выяснит виновников, примерно их накажет и примет меры к неповторению подобных событий в будущем. Мы также ожидаем, что японское правительство сделает нам возможно скорее соответствующее сообщение о принятых им мерах. При этом я оставляю за собой право вернуться снова к этому вопросу после получения дополнительных сведений.

* См. т. XVIII, док. № 198, 199, 281, 287, 301, 377, 380, 401, а также док. № 21 настоящего тома.

Ота ответил, что ему об этом ничего не известно и что он немедленно сообщит в Токио и попросит выяснить происшедший инцидент. Но уже сейчас он хочет сказать, так же как он об этом говорил и раньше в аналогичных случаях, что, поскольку, по нашему заявлению, дело произошло на таком расстоянии от границы, как 3 км, оно объясняется, вероятно, неясностью границы. По-видимому, в этих местах не совсем точно установлена линия границы. Не является ли причиной этих конфликтов именно это обстоятельство? Советская сторона утверждает, что конфликты происходят на советской территории, а маньчжурская сторона утверждает как раз обратное. Вот почему, должно быть, причиной конфликта является именно неясность линии границы. Ота недавно читал в газете о том, что маньчжуры собирались послать несколько человек для исследования границы. У него возникает сомнение, не были ли именно те четыре человека, о которых я говорил, посланы для выяснения границы. Как раз то, что они были в гражданской одежде, является, по-видимому, подтверждением его предположения. Если они действительно шли для выяснения границы, то он, Ота, не допускает, чтобы они стреляли по нашему пограничному отряду. Поэтому у него также возникают сомнения насчет того, кто первый открыл огонь. Кроме того, он, Ота, сегодня читал в советских газетах о том, что маньчжурские солдаты, протестуя против японской оккупации, перешли на советскую территорию и были интернированы. Нет ли между этим фактом и происшедшим инцидентом какой-либо связи? Возможно, что маньчжурские власти, преследуя эту часть, которая перешла на советскую территорию, хотели ее догнать и, не заметив, по инерции перешли линию советской границы. Правда, говорит Ота, все это является лишь его предположением, и, поскольку о столкновении на границе он слышит от меня впервые, он лишен возможности сказать об этом что-нибудь определенное, а обещает передать немедленно в Токио с просьбой произвести расследование. Он не знает, какое сообщение им будет еще получено по этому поводу из Токио, поэтому он также оставляет за собой право вернуться к этому вопросу после того, как будет получено сообщение от японского правительства. Что касается маньчжурского отряда, перешедшего на нашу территорию, то ему, Ота, непонятно, почему мы называем этот отряд солдатами. У него возникает подозрение, не является ли этот отряд просто бандитами.

Я ответил, что граница в этом месте точно определена договором, не может вызывать сомнений у добросовестных людей и что переходы на нашу территорию делаются военными властями, конечно, сознательно. Мы неоднократно предупреждали об этом японское правительство и считаем, что если оно хочет поддерживать мирные отношения с нами, то оно должно

прекратить хронические провокации со стороны японо-маньчжурских властей. Эти четыре человека, конечно, не являются гражданскими лицами, а являются переодетыми военными, что еще больше усугубляет преступность их намерений. Они были вооружены и открыли первыми огонь по нашим пограничным частям. Помимо этого на нашей территории находилось еще два отряда, открывших огонь по нашим пограничникам. Поскольку эти люди и японо-маньчжурские отряды перешли границу и проникли в глубь нашей территории на 3 км, мы считаем, что это сознательное и злостное вторжение на нашу территорию. Я добавил, что не имею еще детальных сообщений от наших властей по поводу происшедшего. Возможно, что предположение посла о том, что эти части пошли за перешедшей на нашу территорию маньчжурской ротой, правильно. Однако это ни в какой степени не оправдывает нарушения нашей границы и нападения на наших пограничников. Что касается перешедших на нашу территорию маньчжурских солдат, то это не бандиты, а пограничная часть 65-го пехотного полка Маньчжоу-Го в составе 108 человек, из которых 2 офицера, 1 фельдфебель, 8 унтер-офицеров и 97 рядовых солдат при полном вооружении. Эта рота, восстав против японских властей, перешла на нашу территорию и просила убежища. Переход на нашу территорию японо-маньчжурских частей, нмевший место сегодня, 30-го, ни в коем случае нельзя оправдать восстанием и поисками убежища на нашей территории со стороны маньчжурской роты. Этот инцидент является тяжелым нарушением нашей границы, и японское правительство должно нести за него полную ответственность, тем более что мы неоднократно предупреждали его о тяжелых последствиях, к которым могут привести повторяющиеся провокационные действия местных властей в Маньчжурии. Мы рассчитываем, что японское правительство поймет наконец свою ответственность и примет решительные меры к тому, чтобы прекратить эти безобразия.

Ота ответил, что он согласен со мной, что такие инциденты являются чрезвычайно неприятными. По моему мнению, сказал он, поскольку японское правительство заботится о поддержании мирных отношений между нашими народами, то оно должно принять меры к прекращению подобного рода нарушений. Однако почему мы не хотим принять в соображение то обстоятельство, что эти инциденты происходят без связи с центром и что центр (японский) не в курсе этих вопросов? Советская сторона всегда заявляет, что во всех случаях нарушений границы виноваты японо-маньчжурские власти. Но прежде чем так говорить, необходимо выяснять подробности происходящих инцидентов. У него имеются сведения, что целый ряд нарушений совершен советской стороной. Например, у него имеется

перечень фактов, когда советская сторона угоняет скот, захватывает людей, совершает перелеты через маньчжурскую границу и т. д. Но он об этом не доводил до нашего сведения, так как считал, что такие инциденты могут возникать, поскольку граница является очень длинной. Количество таких нарушений является большим, и поэтому послу непонятно, почему советская сторона всегда утверждает, что лишь японо-маньчжурские власти нарушают границу. Советская сторона утверждает, что рота маньчжурских солдат, перешедших на ее территорию, не является бандитами, но, по сведениям самих советских газет (информации из Токио он по этому вопросу не имеет), эта часть убила нескольких японских офицеров, а это является ненормальным для регулярной части. Поэтому маньчжурские власти, будучи возбуждены против этой роты, возможно, и послали за ней преследование. Посол согласен со мною, что преследующие могли при этом, не заметив, перейти границу. Таким образом, никакого злого умысла и нападения не было. Посол просит меня подумать об этом. Он согласен с тем, что такие конфликты плохо влияют на наши взаимоотношения и являются крайне печальными. Верно также, что имеется договор, который определяет границы, но маньчжурская сторона говорит, что советские власти передвигают пограничные знаки, и имеются даже места, где пограничные знаки вовсе отсутствуют. Поэтому не лучше ли было бы проверить состояние границы на месте? Недавно Хирота говорил т. Юреневу о том, что граница не ясна и что следует выяснить и изучить линию границы*. Ота считает, что это предложение является правильным. И раньше, чем создавать комитет по рассмотрению пограничных конфликтов, надо определить и исследовать самую границу. На это японское предложение от советской стороны до сих пор не поступало ответа. Посол еще раз просит подумать над этим предложением, так как, по его мнению, оно является целесообразным. Что касается последнего инцидента, то он еще раз обещает немедленно сообщить в Токио с просьбой выяснить обстоятельства происшедшего.

Я сказал, что, когда я согласился с предположением посла, что, возможно, инцидент произошел в связи с тем, что японо-маньчжурские власти решили послать преследование за ушедшей ротой, я не имел в виду сказать, что такое преследование является нормальным и что преследующая часть могла по инерции перейти на нашу территорию. К тому же надо учесть, что между этими двумя фактами, т. е. между переходом на нашу территорию маньчжурской роты и японо-маньчжурских частей, имеется разрыв во времени больше суток. Кроме того, не бывает такой инерции, когда вооруженный отряд, переходя

* См. док. № 10.

чужую границу, углубляется при этом на чужую территорию на целых 3 км и даже не замечает этого нарушения. Посол спрашивает, почему мы считаем, что всегда виноваты японо-маньчжурские власти в нарушениях границы и не виноваты наши власти. Он говорит при этом, что у него имеется много фактов, свидетельствующих об обратном. Я должен сказать, что если бы я сообщил послу обо всех конфликтах, которые возникают на границе по вине японо-маньчжурских властей, то мне пришлось бы почти каждый день беспокоить посла по этому поводу и мы с ним ничем другим и не могли бы заниматься. Поэтому я говорю с ним только о крупных нарушениях, которые угрожают миру и во время которых имеются столкновения, приносящие жертвы. Если мы действительно считаем, что виноваты всегда японо-маньчжурские власти, то это основано исключительно на фактах, не оставляющих сомнений в том, что границу нарушают именно японо-маньчжурские власти. Нельзя в самом деле думать, что советские власти заинтересованы в конфликтах и их вызывают. Всякому здравомыслящему человеку должно быть ясно, что у нас существует одна политика и что ни нашим военным, ни местным властям не нужны конфликты, так как они знают, что единая политика Советского правительства требует поддержания мира с Японией. И если бы у нас нашелся такой человек, который искал бы конфликтов с Японией, то этот человек или был бы посажен в тюрьму как преступник, или же был бы помещен в сумасшедший дом как умалишенный. Между тем в некоторых других странах имеются такие люди и организации, которые открыто призывают к войне. Вот почему мы не без основания говорим, что все вооруженные конфликты на границах происходят исключительно по вине японо-маньчжурских властей. Я допускаю, что центральное японское правительство не знает ничего о действиях местных японских военных властей, вызывающих конфликты на границах, и что это местное творчество, но если это местное творчество часто повторяется и правительство не принимает никаких мер против него, несмотря на все наши предупреждения, то оно, несомненно, несет полную ответственность за то, что происходит на границе. Что касается предложения г. Хирота о создании комиссии по пересмотру границ*, то мы не можем принять это предложение, так как осуществление его в конечном счете направлено против интересов мира. В самом деле, в августе прошлого года мы вручили японскому правительству письменное предложение об организации пограничных комитетов**. Тогда, с целью сорвать это наше мирное предложение, японские военные власти выдвинули свое пред-

* См. док. № 10.

** См. т. XVIII, прим. 187.

ложение о пересмотре границы. Это предложение для нас, конечно, неприемлемо, потому что границы установлены договором. Кроме того, мы не могли бы принять участия в пересмотре границы, так как это давало бы японо-маньчжурским властям еще большую возможность, чем в настоящее время, говорить, будто причиной конфликтов является неясность границы, и ссылаться в доказательство этого на то, что даже советская сторона согласилась пересмотреть границу. К тому же японские военные власти могли бы затянуть такие переговоры, и в результате положение на границе еще более бы ухудшилось. Вот почему предложение японской стороны о проверке границы для нас неприемлемо. Если японская сторона хочет мирных отношений, то единственно правильным является принятие предложения советской стороны о создании пограничных комитетов. В свое время само японское правительство предлагало создать такие комитеты *. В настоящее же время военные не хотят создания пограничных комитетов, и японские власти тоже выступили против них. Я вижу единственный выход в том, чтобы японское правительство дало согласие на создание пограничных комитетов. Это могло бы облегчить положение на границе.

Ота повторяет, что ему все же кажется, что причиной конфликтов является неясность границы и что выяснение границы устранило бы подобного рода конфликты. Советская сторона, говорит Ота, утверждает, что граница ясно установлена договором, но может ли она конкретно ответить, где проходит в настоящее время граница? Японская сторона не предлагает аннулировать этот договор, а только проверить, соответствует ли граница этому договору. Вот почему ему непонятно, почему советская сторона не дает своего согласия на предложение японской стороны. Договор заключен много лет тому назад, и непонятно, почему нельзя проверить в настоящее время, соответствует ли действительная граница той линии, которая указана в договоре. Поскольку японская сторона ставит себе такую цель, он думает, что советская сторона могла бы согласиться с этим предложением. Теоретически он, Ота, может согласиться с тем, что наше согласие на пересмотр границы могло бы быть использовано для еще больших конфликтов под предлогом якобы неясности линии границы. Однако он не видит, какой смысл японской стороне создавать конфликты. Он думает все же, что истинной причиной конфликтов является неясность границы. Советская сторона говорит, что японо-маньчжурские отряды переходят границу. Поскольку, однако, граница точно не установлена, он не может согласиться с этим утверждением.

* См. т. XVI, док. № 2.

Я сказал, что во всяком случае лучше будет из-за позднего времени отложить обсуждение вопроса до другого раза. Ота с этим согласился*.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

32. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа

Немедленно
31 января 1936 г.

Во вчерашней беседе с Иденом мы констатировали общность взглядов по актуальным международным вопросам, но он уклонялся от практических выводов. Он доволен состоянием советско-английских отношений, и достаточным внешним выражением их он считает свою поездку в Москву** и мой приезд в Лондон¹⁹, которому он придает большое значение. В отношении Италии он считает нужным занять выжидательную позицию, а с Германией он также не предвидит никаких переговоров. Он согласен, что прежняя тактика увещевания Гитлера не годится. Нейрат ему говорил, что ратификация советско-французского пакта затруднит воздушное соглашение***. Иден очень рад, что король по собственной инициативе пригласил меня для беседы****. Недоволен он американским законопроектом о нейтралитете и плохо верит в сотрудничество США даже по делу Дальнего Востока.

С Ванситартом***** я беседовал на те же темы, но более подробно. Он упорно говорил о необходимости вовлечения в дело обеспечения мира средних держав, что мне показалось подозрительным, ибо в дальнейшем Англия сможет оправдать поворот в своей политике нежеланием Швеции и Голландии и подобных стран участвовать в большой политике.

Леже считает желательной мою встречу с Флаиденом, которая, вероятно, состоится завтра*****. Как Иден, так и Арас***** говорили мне, что на итальянскую ноту они ответят кратко и с некоторым промедлением, не надо и нам спешить. Буду в Москве 5 февраля.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. также газ. «Известия», 15 февраля 1936 г.

** См. т. XVIII, док. № 155.

*** См. док. № 33.

**** См. док. № 42.

***** Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании.

***** См. док. № 34.

***** Министр иностранных дел Турции.

33. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа

Немедленно
1 февраля 1936 г.

Во время получасовой беседы Леже заявил следующее.

Новое правительство очень довольно приемом, оказанным мне в Лондоне *, и наблюдающим улучшением отношения Англии к СССР, делающим возможным сотрудничество Парижа, Лондона и Москвы. Необходимость активного участия СССР в организации коллективной безопасности в Европе остается для Франции неоспоримой истиной, и в этом вопросе, как Леже убедился, Фланден занимает совершенно определенную позицию, и ратификация пакта ** представляется ему неотложным делом. В абиссинском вопросе Франция, как и Англия, займет выжидательную позицию, пока не наступит благоприятный момент для вмешательства. С Германией переговоры не предвидятся. Предоставив раньше Англии переговоры об интересующем ее воздушном пакте, Франция предупредила ее, что соглашение должно быть окончательно оформлено в рамках прочих соглашений, предусмотренных декларацией 3 февраля ***. На четырехкратный зондаж Фиппса **** Гитлер ответил уклончиво со ссылкой на необходимость обождать конца абиссинского конфликта. Тактику, применяемую Германией, Леже считает шантажом, которому необходимо положить конец решительным проведением плана коллективной безопасности. Находящийся здесь румынский король поддается германофильскому течению, но его в Париже будут предупреждать против вождений Гитлера и подталкивать на путь сближения с СССР. Леже считает итальянскую ноту трюком, не заслуживающим ответа.

Литвинов

Печат. по арх.

34. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа

Немедленно
2 февраля 1936 г.

Фланден проявил большой интерес к моим лондонским разговорам и впечатлениям *****. Со своей стороны он констатировал большую озабоченность англичан уходом Японии с мор-

* См. док. № 32.

** См. т. XVIII, док. № 205.

*** См. газ. «Известия», 4, 21 февраля 1935 г.

**** Посол Великобритании в Германии.

***** См. док. № 32.

ской конференции *. Они рассчитывают договориться с Францией, Италией, Америкой, СССР и Германией на базе качественного ограничения судов и калибра артиллерии, чтобы потом предложить Японии присоединиться к соглашению. Франция против этого плана, означающего легализацию ею германских морских вооружений вопреки Версальскому договору. Англия это уже сделала своим морским соглашением **, но Франция по этому пути якобы не пойдет. Германия пытается освободиться от обязательств по Локарнскому договору о демилитаризованной зоне, используя как предлог советско-французский пакт, якобы противоречащий Локарно. Гитлер стремится воздвигнуть на левом берегу Рейна укрепления и запереть за ними Францию и Бельгию, чтобы свободно приступить к осуществлению своих намерений в отношении Востока и Центральной Европы. Возведение таких укреплений означает для французской армии потерю 50% ее эффективности. Новое правительство полно решимости осуществлять «национальную» политику Франции, связанную с ее друзьями в Европе. Ратификация пакта, которая будет обсуждаться в палате 11-го, явится крупным шагом нового кабинета в указанном направлении. Он, Фланден, никогда не одобрял решения Лаваль проводить ратификацию через палату, но Лаваль стремился к окончательному соглашению с Германией. Фланден спрашивал, верно ли газетное сообщение о моих переговорах в Лондоне о займе с погашением старых претензий. Получив от меня отрицательный ответ, он стал убедительно просить дать опровержение, иначе для правительства создастся затруднение при проведении пакта. Со своей стороны я ему говорил, что мы не гонимся за займами и кредитами ни в Англии, ни во Франции и что теперь у нас имеются свои «изоляционисты», но что мы хотели бы полной ясности в наших отношениях с Францией и устранения той неопределенности, которая существовала последние восемь месяцев.

Литвинов

Печат. по арх.

35. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Фланденом

5 февраля 1936 г.

Фланден, объяснивший свой приезд полпреду решением навести ему свой первый официальный визит, начал беседу с сообщения о вчерашнем разговоре своем с Черрути ***.

* См. газ. «Известия», 15—17 января 1936 г.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 278—280.

*** Посол Италии во Франции.

По словам Фландена, посол заявил ему, что в случае решения наложить эмбарго на нефтепродукты, ввозимые в Италию, Муссолини намерен вывести свою страну из Лиги наций. Фланден допускает, что такое заявление представляет собою очередную попытку шантажа со стороны Италии. Тем не менее он считает, что форсирование эмбарго на нефтепродукты было бы нежелательно, ибо оно может только ожесточить Италию и усилить национальную реакцию в пользу Муссолини и его абиссинской авантюры. По мнению Фландена, желательно скорейшее разрешение итало-абиссинского конфликта — без этого Италия выпадает из сотрудничества с другими государствами Европы, заинтересованными в сохранении мира и организации коллективной безопасности. Однако обе стороны проявляют крайнее упорство. Новые предложения компромисса представляются проблематичными. В общем положение рисуется ему в достаточно безотрадном виде.

В данный момент одной из актуальнейших проблем международной жизни Европы является обеспечение независимости Австрии. Несомненно, Италия жизненно заинтересована в этом вопросе. Она продолжает заявлять, что в случае покушения Германии на Австрию итальянские вооруженные силы двинутся на защиту этого соседа. Однако ввиду переброски основных вооруженных сил Италии в Абиссинию фактическое участие Италии в защите независимости Австрии представляется Фландену неосуществимым. Между тем угроза аншлюса становится все более и более реальной. По этому поводу Фланден имел совещание с представителями Малой Антанты, находящимися в данный момент в Париже. Выяснилось, что государства Малой Антанты опасаются оказаться изолированными при эвентуальном столкновении с Германией из-за Австрии. Особенно заметны такие опасения со стороны Югославии. Титулеску, беседовавший с Фланденом по вопросу относительно обеспечения независимости Австрии, высказал мысль, что желательно было бы привлечь к участию в этом деле СССР. Фланден осведомился у полпреда, каково его мнение по данному вопросу.

Полпред ответил Фландену, что свою мысль об участии СССР в соглашении, обеспечивающем независимость Австрии, Титулеску выдвинул по собственной инициативе и без ведома Советского правительства. Правительство СССР не обсуждало этого вопроса, и мнение его на этот счет полпреду неизвестно. Самому же полпреду представляется, что для обеспечения мира и безопасности в Восточной и Центральной Европе необходимо сперва закрепить соответствующие соглашения между Францией, СССР и Чехословакией путем ратификации франко-советского пакта, долженствующего служить основой целой системы договоров о взаимной помощи в этой части евро-

пейского континента. Австрийская проблема может быть урегулирована лишь в этом общем плане, а не изолированно. Такая концепция нашла свое выражение, между прочим, и в лондонском протоколе от 3 февраля 1935 г. * Само собой разумеется, что в случае прямого нападения на Австрию СССР вместе с другими членами Лиги наций не уклонился бы от выполнения обязательств, вытекающих из ст. 16 Устава Лиги наций и предусматривающих применение коллективных санкций к агрессору. Однако вполне уместным является вопрос, участвуют ли Франция и Англия, наряду со странами Малой Антанты, в том соглашении, которое гарантирует безопасность и независимость Австрийской республики.

Фланден ответил полпреду, что до сих пор Франция не приняла на себя в отношении Австрии иных обязательств, кроме предусмотренных ст. 16 Устава Лиги наций. Страны Малой Антанты, и в особенности Югославия, считают, что этого недостаточно. Они указывают, между прочим, что процедура применения санкций, установленная ст. 16 Пакта, слишком сложна и медлительна. По их мнению, пока, в случае покушения Германии на независимость Австрии, Совет Лиги наций собрался бы для решения вопроса о санкциях, Гитлер успел бы овладеть Австрией, и страны Малой Антанты оказались бы одни лицом к лицу с подавляющими силами фашистской Германии. Нельзя не согласиться, что в таких случаях отсутствие автоматизма в деле применения санкций существенно осложняет задачу оказания действительной помощи жертве агрессии. По-видимому, дело не может обойтись без точного определения понятия «агрессор». Наконец, неминуемо станет вопрос о преимуществах той или иной формы договоров о взаимной помощи — двусторонних или же многочленных. Что касается Англии, то, по мнению Фландена, не следует возлагать преувеличенных надежд на вовлечение этой страны в новые соглашения, связанные с конкретными обязательствами в области организации коллективной безопасности и взаимной помощи на континенте Европы. Тем не менее Фланден считает, что необходимо серьезно поработать над указанными проблемами. Без этого миру в Европе угрожает опасность.

Полпред заметил, что после ратификации франко-советского пакта политическая атмосфера в Европе и в самой Франции должна значительно оздоровиться. При таких условиях перспективы сотрудничества СССР и Франции в деле обеспечения мира представляются ему в достаточно благоприятном свете.

Фланден согласился с мнением полпреда, оговорившись, однако, что на указанном пути придется преодолевать еще

* См. док. № 33.

немало препятствий. «Пока что,— с улыбкой заявил министр,— я занят в своем министерстве тем, что чиню побитую посуду. Если бы знали, сколько там оставлено черепков».

Потезкин

Печат. по арх.

36. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Военным Министром Великобритании Купером

5 февраля 1936 г.

Д. Купер был у меня на завтраке. Кроме него присутствовали еще т. Тухачевский и т. Путна*. Никого посторонних не было. Поэтому имелась возможность поговорить с военным министром на серьезные темы более откровенно. Оставляя в стороне беседу Д. Купера с т. Тухачевским, которая носила более специальный характер (затронуты были вопросы вооружения армий, система воздушной защиты Лондона и т. д.), остановлюсь только на моментах общеполитического порядка, которые затронуты были в беседе моей с Д. Купером.

1. Д. Купер рассказывал примерно следующее о работе по увеличению британских вооружений: работа эта сейчас заканчивается, новые предложения в палату будут внесены в конце февраля и в начале марта, они предусматривают как количественное, так и качественное повышение вооруженности. Финансироваться новая программа вооружений будет не за счет открытого займа, а за счет выпуска новых казначейских знаков. Предстоит, таким образом, как выразился Д. Купер, *mild inflation* (скромная инфляция). Покрыть расходы по программе из текущих бюджетных поступлений совершенно невозможно. Предполагается также известная реорганизация министерств, ведающих вопросами обороны. Окончательный проект еще не составлен, борются разные предложения. По мнению Купера, едва ли можно ожидать полной ликвидации нынешних министерств военного, авиационного и морского и слияния их в одно министерство обороны. Наоборот, вероятнее всего, что три нынешних министерства останутся, как они есть, но их деятельность будет координирована расширением и усилением функций имперского совета обороны (при оценке данного мнения Купера нужно, однако, иметь в виду, что он как вновь назначенный военный министр сильно заинтересован в сохранении своего положения). Купер говорил, что недавно имел большую беседу с Черчиллем** по вопросам военной опасности и обороны страны и что он во многом согласен с ним.

* Военный атташе при полпредстве СССР в Великобритании.

** Член парламента Великобритании.

Однако если верно (как утверждает Черчилль), что до развязывания войны Германией остается каких-нибудь 18 месяцев, то Англия оказывается в чрезвычайно тяжелом положении, ибо за такой короткий срок даже при максимальном напряжении сил она не сможет многого сделать для осуществления той программы вооружений, которая сейчас намечена.

2. Мы говорили также о нынешней европейской ситуации и о мерах к предотвращению быстрого развязывания войны. Д. Купер с полной определенностью признавал, что Германия представляет собой громадную опасность, что всякая уступка Германии в настоящий момент способна только усилить агрессивность Гитлера и что основной проблемой дня является создание крепкого фронта коллективной безопасности. Вот если такой фронт будет создан, если Германии будет противопоставлена грандиозная сила, борьба с которой для нее явно будет невыносима, тогда можно было бы подумать об удовлетворении законных притязаний Германии в экономической и политической областях. На вопрос, как он мыслит себе укрепление фронта коллективной безопасности, Д. Купер ответил, что это может быть лишь результатом сотрудничества между всеми входящими в Лигу наций державами, в частности и в особенности между входящими в Лигу великими державами. Я поддержал эту мысль Д. Купера, после чего он сделал попытку несколько конкретизировать свою установку и в свою очередь спросил меня: «Как же Вы представляете себе укрепление сотрудничества между тремя великими державами, стремящимися к поддержанию мира? Считали бы Вы полезным заключение между Великобританией и СССР такого же пакта взаимопомощи, какой СССР заключил с Францией?» Я ответил, что заключение англо-советского пакта взаимопомощи, конечно, явилось бы громадным шагом вперед в деле консолидации мира. Д. Купер задумался на мгновение и затем ответил, что британское общественное мнение сейчас еще не подготовлено к подобного рода акту. Я возразил, что могут быть и более мягкие формы сотрудничества, например, хотя бы опубликование какого-либо совместного документа (декларации, протокола и т. п.), устанавливающего единство взглядов, скажем, Англии, Франции и СССР по важнейшим вопросам, связанным с борьбой против войны, и манифестирующего их готовность совместными усилиями способствовать сохранению мира. В качестве первого шага подобная декларация могла бы иметь большое значение. Д. Купер, видимо, заинтересовался этой мыслью и сказал, что она заслуживает серьезного внимания.

3. Разговор коснулся возможного направления германской агрессии. Мнение Д. Купера сводится к тому, что выступление Германии в ближайшем будущем против СССР маловероятно: это очень трудное для нее направление, к тому же между

Германией и СССР нет общей границы. Наиболее вероятным направлением германской агрессии Д. Купер считает Австрию, Чехословакию и Балканы.

4. В заключение Д. Купер задал т. Тухачевскому и мне ряд вопросов, касающихся размеров, вооружения, техники и т. д. Красной Армии. Состояние Красной Армии его чрезвычайно интересует. При этом Д. Купер высказал мысль о том, что ему, пожалуй, следовало бы съездить в СССР самому посмотреть наши вооруженные силы. Он стал спрашивать нас, какое время года для этого больше всего подходит. И я, и т. Тухачевский указали на 1 мая, как на наиболее подходящую дату. Д. Купер подумал и сказал: «Да, это, пожалуй, возможно. После пасхи я буду занят по министерству значительно меньше, и тогда отлучка из Лондона в Москву будет для меня легче». Однако твердого решения ехать в СССР у Д. Купера, видимо, еще нет. Возможно, что он-де не знает мнения своих коллег по кабинету по данному вопросу.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

**37. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше
Я. Х. Давтяну**

7 февраля 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Факты самого последнего времени подтверждают наше предположение о решении польского правительства, и в частности Бека, добиться внешнего смягчения напряженности наших отношений, не затрагивая существа этих отношений*.

Лучшим показателем правильности этого вывода является состояние польско-германских отношений. Эти отношения не только не ухудшаются, а, наоборот, за последнее время можно констатировать ряд фактов, свидетельствующих о том, что они становятся все более тесными. Самым ярким фактом из этой области является то обстоятельство, что Бек решился выступить в Женеве в прогерманском духе по такому вопросу, как данцигский**, который имеет основное национальное значение для Польши. Значимость выступления Бека фактически в пользу Германии вырастает еще при учете того обстоятельства, что он по этому вопросу выступал фактически против Идена и Англии.

* См. док. № 20, 22, 26, 28.

** См. газ. «Известия», 24 января 1936 г.

Дальнейшими фактами, подтверждающими нерушимость прогерманской политики Польши, являются новый визит Бека в Берлин и его переговоры с Нейратом и Герингом *, предстоящая поездка в Польшу не то Геринга ²⁰, не то Франка. (Я жду от Вас залрошенной информации по этому вопросу).

Не менее характерной является, далее, прогерманская кампания, продолжающаяся в консервативной польской прессе. Заслуживают при этом особого внимания совершенно необычные нападки некоторых польских газет против нового французского кабинета, в то время как еще совсем на днях польские власти закрыли во Львове антигитлеровский комитет и арестовали его организаторов. Имевшее на днях место выступление Бека с заявкой на получение Польшей колоний ** и появившиеся вслед за этим в польской печати статьи о переселении Польши, в частности польской деревни, и о вытекающей отсюда необходимости получить колонии имеют также своей целью мобилизовать общественное мнение Польши вокруг империалистических задач, т. е. под знаком прогерманской политики Польши.

2. Все это, конечно, несколько не меняет того несомненного факта, что среди правящей партии Польши, и в особенности в верхушке, происходит неудержимый процесс распада, который должен привести к падению или к постепенному перерождению режима. Видя, что этот распад в конечном счете угрожает не только каждой из враждующих группировок в отдельности, но и всей правящей партии, и всему режиму в Польше в целом, члены руководящей верхушки делают усилия, чтобы укрепить позицию правительства и ослабить давление на него со стороны польского «общества» по наиболее важным и болезненным вопросам внешней политики. Этим объясняются стремления замазать действительное состояние отношений с СССР. Этим же объясняется и несомненно исходящая сверху директива убеждать нас и всех, что Польша не участвует и не может участвовать ни в каких враждебных против СССР комбинациях. Новый начальник 2-го отдела генерального штаба Пельчинский в назойливой форме говорил Подольскому *** по этому вопросу почти буквально то же самое, в чем уверял Вас сам Бек ****.

Тем же стремлением продиктована и предстоящая поездка Бека в Лондон *****. Руководимые своей нелепой престижной политикой милсудчики, в отличие от других государств, огра-

* См. газ. «Известия», 26 января 1936 г.

** См. газ. «Известия», 1 февраля 1936 г.

*** Советник подпредства СССР в Польше: беседа имела место 18 января 1936 г.

**** См. док. № 20.

***** См. док. № 343.

ничались посылкой на похороны английского короля только одного ген. Соснковского, очевидно, исходя из того, что Англия была представлена на похоронах Пилсудского также только одним военным представителем. Для того, чтобы поправить дело и вызвать в Польшу иллюзию сближения с Англией, Бек, вероятно, организовал «приглашение» его в Лондон. Мы имеем уже из других источников подтверждения сообщения о предстоящей поездке Бека.

3. Все говорит о том, что между польским правительством и украинской буржуазией достигнуто далеко идущее соглашение. Об этом свидетельствует позиция украинских депутатов в сейме во время прений по бюджету, в частности, небывалое заявление украинского представителя Целевича о поддержке польского военного бюджета. Об этом также свидетельствует ход процесса убийц Перацкого*, мелодраматическая сцена между прокурором и подсудимым и т. д.

Важность этого соглашения справедливо подчеркивается эндеками**, которые усматривают в нем подтверждение авантюристических планов внешней политики пилсудчиков.

Мы, к сожалению, не имеем по этому вопросу информации от полпредства. Прошу прислать со следующей почтой доклад т. Подольского с Вашим заключением***.

4. Я вполне согласен с Вами в оценке результатов поездки наших артистов в Польшу****, а также в том, что мы должны продолжать эту линию на деле.

К сожалению, мне не удалось убедить т. Керженцева***** разрешить Ойстраху и Гинзбургу поехать в апреле в Варшаву. При другом подходящем случае возобновим наши усилия.

5. Я не имею от Вас сообщения о выполнении поручения о заявлении протеста в минувшую неделю по поводу антисоветской речи виленского прокурора Пиотровского. Прошу сообщить, в каком положении это дело²¹.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* Польский политический деятель, убит в 1934 г. украинскими националистами.

** — национал-демократии.

*** В архиве не обнаружено.

**** См. док. № 26.

***** Председатель Всесоюзного комитета по делам искусств.

38. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Троянковского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 февраля 1936 г.

Вчера имел с Хэллом * длинный разговор. Он заявил, что говорит в частном порядке. США многое сделали для давления на Италию, очень многое не было опубликовано. Германия и Япония готовятся к войне. Необходимо сотрудничество государственных деятелей Великобритании и США. На мой вопрос, считает ли он полезным сотрудничество с СССР, он ответил, что он не знает, готовы ли мы к сотрудничеству и каково наше действительное намерение. Это новая нота, которой в прежних разговорах не было. Я сказал, что мы готовы к реальному сотрудничеству, и спросил, готово ли общественное мнение США к сотрудничеству с другими странами, в частности с Англией. Хэлл сказал, что позиция Англии во время занятия японцами Маньчжурии и соглашение Хор — Лаваль ** усилили изоляционистские тенденции в Америке. Соглашение Хор — Лаваль явилось для него, Хэлла, летлей на шее и подорвало здесь всю его работу. Теперь надо начинать все сначала, но он думает, что удастся повлиять на общественное мнение Америки, которое выразило свое негодование и повлияло на срыв соглашения Хор — Лаваль. Он спрашивал мое мнение о положении на Дальнем Востоке. Я высказал предположение, что хотя положение и опасное, но сила нашей Красной Армии заставит японцев быть благодарными. Хэлл сказал, что немцы хотят купить в Америке миллион кип хлопка, сотни тысяч тонн меди, но он этому мешает. Он спрашивал меня, какие перспективы переговоров о долгах ***. Я ответил, что опыт показал, что лучше для обеих сторон не поднимать этого вопроса, а думать о развитии торговли. Хэлл сказал, что хотел бы по этому поводу переговорить со мной.

Полпред

Печат. по арх.

39. Из письма Полномочного Представителя СССР в Норвегии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомомякову

9 февраля 1936 г.

Имел две встречи с Кутом ****. В беседах главным образом затрагивалась тема о декабрьской конференции скандинав-

* Государственный секретарь США.

** См. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1936, № 1, стр. 237—238, а также газ. «Известия», 15 декабря 1935 г.

*** См. т. XVIII, док. № 35, 378.

**** Министр иностранных дел Норвегии.

ских министров иностранных дел в Гельсингфорсе *. Кут информировал о том, что ошибочно называть конференцией встречи и свободный обмен мнениями министров, собравшихся в столице Финляндии в качестве делегатов на совещание с.-д. партий с главой финляндского правительства и его министром иностранных дел. Хотя предметом бесед в Гельсингфорсе и было волеизъявление финляндского правительства присоединиться к политике мира и нейтралитета Скандинавских стран, но ведь никаких формулированных решений о взаимных обязательствах в результате этих встреч не принималось. Декларативные заявления финляндского правительства были восприняты, понятно, с большим удовлетворением представителями скандинавских правительств. Лично Кут не сомневается во враждебных установках определенных кругов Финляндии и в агрессивности ее вооруженных сил в отношении СССР. Но вся внутриполитическая обстановка в Финляндии убедила его в том, что тамошние правящие сферы серьезно стремятся к освобождению от германского и польского влияния и ищут опоры в политическом сотрудничестве со скандинавами. Ему известно, например, об отрицательном отношении этих сфер к проискам германских нацистов в Финляндии по подготовке фашистского переворота в Эстонии. Кут твердо уверен, что гельсингфорская акция, если она увенчается фактическим успехом, не только нам не может повредить, но определенно лежит в наших интересах.

Он согласен со мною, что у нас нет оснований относиться с доверием к словесным миролюбивым заявлениям финляндского правительства и что мы будем судить о его побуждениях по фактам и действиям его. В одном СССР должен, однако, быть уверен, полагает Кут, а именно в том, что никогда Финляндии не удастся вовлечь Норвегию в какие-либо враждебные Союзу комбинации или группировки.

Информацию Кута, конечно, нельзя считать исчерпывающей, недомолвок в ней достаточно. От бесед с ним все-таки у меня складывается впечатление, что норвежцы искренне убеждены в переориентации финской внешней политики и удовлетворены пока своими первыми шагами на пути вовлечения Финляндии в скандинавское сотрудничество.

Полпред СССР в Норвегии
И. Якубович

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, док. № 460.

40. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Су-
рицу

11 февраля 1936 г.

Дорогой Яков Захарович,

Вследствие получения дополнительных, абсолютно досто-
верных сведений мы имеем теперь полную картину последней
встречи Филпса с Гитлером*.

Филпс объяснил цель визита желанием выяснить позицию
Гитлера в отношении лондонской декларации, а именно об
ограничении воздушного вооружения и о воздушном пакте.

Гитлер говорил весьма раздражительно, ссылаясь на непо-
лучение ответа на какую-то июльскую ноту²², (вероятно, о
совместимости советско-французского пакта с Локарно), и
сразу обрушился на франко-советский пакт, нарушающий рав-
новесие в Европе и исключающий возможность заключения
воздушного пакта. Он говорил о наших вооружениях и о воз-
можности воздушной атаки на Берлин. Он обвинял французов
в безумии и упрекал Англию за поддержку хороших отноше-
ний с СССР, на который она смотрит как на противовес
Японии.

Филпс говорил о невозможности игнорирования СССР и о
том, что послевоенная политика Клемансо «санктарного кор-
дона» была ошибочной. Сотрудничество сделает и уже делает
СССР более умеренным, что, однако, Гитлер отрицал, обру-
шившись еще более резко на Россию, ругательски ругая ее и
заявляя, что с нею не должно вести никаких политических
переговоров и что ее надо политически изолировать. Гитлер
при этом признавал, что заключал и намерен в будущем за-
ключать коммерческие сделки с СССР. Он признал ошибкой
Германии разрешение Ленину приехать в Россию через Гер-
манию, чего он не сделал бы, если бы был тогда у власти. Рос-
сия вмешивается в дела всех стран, и особенно Британской
империи.

На предложение Филпса выдвинуть какой-нибудь конкрет-
ный план Гитлер заявил, что он жаждет близкого сотрудниче-
ства с Великобританией, вследствие чего он и заключил мор-
ское соглашение**. От него требовали, чтобы он добился для
Германии 50% британского флота, но он пошел на меньшее,
чтобы доказать свое расположение к Англии. Он, однако, тре-
бует обратного получения колоний для размещения избытка
германского населения. Попутно он с бешенством упомянул о
Литве, которая отнюдь не является препятствием для совет-
ского наступления на Германию, ибо для ее сокрушения

* Встреча состоялась 11 декабря 1935 г.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X,
М., 1936, стр. 278—280.

достаточно было бы двух советских дивизий. Об Италии Гитлер говорил, что он ее не любит ввиду ее враждебного к Германии отношения, но не одобряет антифашистской политики Великобритании, ибо, в случае исчезновения Муссолини, там наступило бы господство большевизма. Гитлер, однако, неизменно возвращался к СССР, о котором говорил с презрением, выразив уверенность в значительном как военном, так и техническом превосходстве Германии. На замечание Филпса, что Гитлер во время Стрезы * дал фактическое согласие на франко-советский пакт, Гитлер ответил, что он в то время не отдавал себе отчета в значении этого пакта и что его будто бы ввели в заблуждение. Присутствовавший Нейрат ввернул замечание, что в случае заключения двустороннего воздушного соглашения с Францией следовало бы уничтожить демилитаризованную зону, ибо было бы несправедливо, чтобы Германия держала свои самолеты за пределами зоны, а Франция свои на самой границе. Сущность беседы свелась к тому, что Гитлер категорически отказался даже рассмотреть вопросы о воздушном пакте или об ограничении воздушных вооружений со ссылкой на франко-советский пакт, направленный против Германии. Филпсу не удалось сдвинуть Гитлера с этой позиции. Тем не менее Гитлер сделал предложение о заключении англо-германского соглашения о конфиденциальном обмене секретной информацией относительно воздушных сил и нужд обеих стран с тем, чтобы эта информация ни в коем случае не сообщалась Франции. Об этом предложении, кажется, англичане не информировали французов, очевидно, по специальной просьбе Гитлера. При случае, однако, можете об этом рассказать Франсуа-Понсе **, если сочтете нужным.

Филпс высказал Гитлеру свое глубокое разочарование беседой, тем более что он понял предложение Гитлера в том смысле, что Англии будет предоставлено ограничиться воздушным флотом, уступающим германскому, что должно компенсировать Германию за морское соглашение, имеющее обратную пропорцию. Кажется, Филпс напомнил Гитлеру, что тот в беседе с французским послом выдвигал абиссинский конфликт как причину, мешающую переговорам о воздушном пакте, а теперь он ссылается на франко-советский пакт. Гитлер откровенно сказал, что он боится, что Муссолини примет предложения, которые ему могут сделать для заключения мира, и тогда этот довод отпадет, а потому он ссылается теперь на советско-французский пакт.

У нас имеются также интересные сведения о беседе Шахта с Филпсом в начале декабря. Шахт говорил преимущественно

* См. т. XVIII, док. № 183.

** Посол Франции в Германии.

о необходимости для Германии колоний для преодоления ее экономических затруднений. На замечание Филпса, что до войны Германия получала весьма мало сырья из своих колоний и посылала туда не колонистов, а только чиновников, Шахт ответил, что Германия тогда еще не успела освоить колонии, но теперь иное дело, а кроме того она могла бы теперь с большой пользой посылать в колонии крайних национал-социалистов, страдающих излишком энергии. Филпс осторожно спрашивал, каковы будут минимальные требования Германии. Шахт сказал, что он предпочел бы выдвинуть максимальные требования, но что его главным образом интересует Камерун, откуда Германия могла бы получать 70% своих потребностей в жирах, которые она теперь вынуждена импортировать. Шахт наивно добавил, что в случае плохого поведения Германии Великобритания могла бы забрать колонии обратно. Шахт говорил, что Гитлер вначале не предполагал выдвигать вопрос о колониях, но что будто бы Шахту удалось переубедить его и доказать абсурдность идеи экспансии на Восток. В случае неудовлетворения германских требований в этой области могут, по мнению Гитлера, возникнуть в Германии либо серьезные беспорядки и коммунистические восстания, либо же война. Когда Филпс выразил сомнения в возможности серьезных коммунистических беспорядков, Шахт сказал, что если бы он увидел секретные полицейские дознания, то убедился бы в реальности этой опасности. Шахт хвастал также своим воздействием на фюрера в смысле приостановления дальнейших мероприятий против евреев. Это тем более было трудно провести, что партийные руководители в деле преследования евреев готовы не считаться даже с приказами фюрера. Попутно Шахт сказал, что Риббентроп никогда не говорит фюреру ничего, что было бы последнему неприятно или не льстило бы ему, и что он, Шахт, единственный человек, который говорит Гитлеру правду.

Вышензложенные сообщения являются абсолютно достоверными. Некоторые сомнения вызывают у меня полученные сведения о том, будто Муссолини предлагает Гитлеру итало-германское соглашение, допускающее возможность аншлуса и разграничения германской и итальянской зон влияния (Балканы, Ближний Восток и Средиземное море за Италией, остальное за Германией). Итало-германский блок, подкрепленный Польшей, мог бы, по мнению Муссолини, приступить к исправлению границы между Румынией и Венгрией, а Чехословакия была бы разделена между Польшей и Венгрией, в то время как Югославия — между Болгарией, Италией и Венгрией. После того, как Центральная Европа была бы «приведена в порядок», можно было бы приступить к разрешению других проблем. Германия реализовала бы свои планы на

Востоке, а Италия — в Малой Азии. Подкрепленные балканским и дунайским блоками Италия и Германия могли бы выступить против франко-английского блока. Муссолини будто бы грозился, в случае отклонения этого предложения, присоединиться к франко-англо-советскому блоку, находящемуся в стадии формирования, что совершенно изолировало бы Германию.

Литвинов

Печат. по арх.

41. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

11 февраля 1936 г.

В случае, если Вас вызовет Хирота и поднимет вопрос о рыболовных переговорах*, обвиняя нас в неуступчивости, Вы должны подробно осветить состояние переговоров и действительные причины их задержки, указав на следующие моменты, большинство которых должно быть Вам известно из дневников Козловского.

28 июня мы дали ответ** на все предложения японской стороны, пойдя им сразу и без торга на ряд уступок, в частности, согласившись на продление без торгов на пять лет срока аренды основной массы участков, эксплуатируемых японцами и охваченных соглашением Карахан — Хирота***. До 14 августа на ряде заседаний были обсуждены наши контрпредложения, и обсуждение закончено на том, что Сако сказал, что он уяснил себе нашу позицию и что японская сторона выработает варианты новых предложений, которые она сообщит своему правительству, и запросит новых инструкций. В дальнейшем японская сторона оказалась, однако, не в состоянии выдвинуть обещанные новые предложения, заявив, что японское правительство не может вести переговоры по другим вопросам раньше, чем будет урегулирован вопрос о стабилизации путем принятия нами японского предложения о 12-ти годах.

В учете этой неприемлемой, по существу ультимативной позиции, грозившей завести переговоры в тупик и даже сорвать их, советская сторона предложила временно в стороне вопроса о сроках и порядке аренды ввиду трудности их разрешения при нежелании японской стороны идти на ком-

* См. док. № 10.

** См. т. XVIII, док. № 300.

*** См. т. XV, док. № 319.

промисс и вести переговоры по всем другим вопросам, с чем Сако согласился еще 25 октября *.

На деле, однако, оказалось, что японская сторона до настоящего времени так и не получила никаких новых указаний ни по одному вопросу, и хотя Козловский и Сако обсуждали много раз все вопросы, но не могли, ввиду отсутствия у японской стороны инструкций, решить ни одного вопроса, несмотря на наметившуюся возможность соглашения по ряду вопросов и личные усилия Козловского сдвинуть переговоры. При последней встрече с Сако 4 февраля Козловский подробно изложил Сако весь ход переговоров, особенно подчеркнув то обстоятельство, что наше предложение договориться сначала по второстепенным вопросам, а потом вернуться к более трудным вызвано исключительно желанием вывести переговоры из тупика, куда их завела странная позиция японского правительства, не давшего за девять месяцев переговоров никаких инструкций своим представителям, кроме своих первоначальных предложений, и отказывающегося до сих пор разрешить хотя бы часть вопросов до принятия его предложений по вопросу стабилизации.

Козловский заявил, что от японской стороны зависит, подвинутся ли вперед переговоры, и что мы готовы обсуждать японские новые предложения как по всем вопросам переговоров, так и по отдельным пунктам.

Укажите, что Сако вновь обещал запросить инструкции и что мы ожидаем новых японских предложений — доказательства готовности японской стороны к компромиссу, как об этом говорил Вам Хирота 3 декабря ⁶.

Стомоняков

Печат. по арх.

42. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Иденом

11 февраля 1936 г.

1. Непосредственным поводом моего визита к Идену была сплетня, пущенная из лондонских германо-польских кругов по поводу свидания т. Литвинова с королем ¹⁹, но я не хотел слишком выпячивать этот момент, а потому начал беседу с более общих и более интересных вопросов. Я сказал Идену, что мы только что пережили две недели очень оживленной дипломатической деятельности — в Лондоне и в Париже было много встреч и много разговоров между руководящими государственными деятелями Европы, и сейчас, пожалуй, наступил

* В документе ошибочно — 26 октября.

момент, когда можно подвести некоторый предварительный итог тому, что совершилось. Некоторые газеты склонны придавать очень большое значение разговорам минувших двух недель. Они даже говорят о наступлении какого-то «поворотного пункта» в истории Европы. Я думаю, что это слишком преувеличено. Никакого «поворотного момента» я пока не вижу. Что думает, однако, по данному поводу Иден? Мне было бы очень интересно выслушать его мнение.

Иден ответил, что с оценкой газет, на которые я ссылался, он тоже не согласен. Лондонские и парижские разговоры несомненно имеют свое значение, но пока никаких конкретных результатов еще не дали. Эти разговоры по большей части носили общий характер, служили делу взаимной информации и взаимного выяснения точек зрения на различные вопросы текущей политики. Разговоры были полезны: они очистили атмосферу, ликвидировали ряд взаимных недоразумений и, таким образом, подготовили почву для возможных действий в дальнейшем. Не обошлось при этом и без комических моментов, например, внезапное появление в Париже австрийского претендента Отто [Габсбурга]. Иден тут улыбнулся и прибавил: «Похоже на венскую оперетку». Впрочем, Штаремберг * «нам здесь обещал», что вопроса о реставрации Габсбургов он в ближайшее время поднимать не будет. Посмотрим, как Штаремберг выполнит свое обещание.

Я спросил, что думает Иден о возможности сближения между Австрией и Малой Антантой.

Иден отметил, что, если усилия в этом направлении на первых порах будут сконцентрированы на вопросах экономических, пожалуй, может получиться некоторый толк. Для сближения в сфере политической стороны еще не подготовлены: слишком велика рознь, слишком велика взаимная подозрительность между членами Малой Антанты и Австрией. В особенности сильное упрямство проявляет Югославия. Поэтому слишком торопиться в деле дунайского сближения было бы неразумно. Такая торопливость могла бы лишь понизить шансы успеха.

Я спросил далее, надеется ли Иден на сближение между Болгарией и Балканской Антантой.

Иден ответил, что тут опять было бы опасно слишком торопиться. Улучшение отношений между Болгарией и странами Балканской Антанты несомненно есть. Иден имел в Лондоне беседу с царем ** Борисом, который произвел на него хорошее впечатление. Борис высказывался против каких бы то ни было авантюр, он заверял, что Болгария хочет жить в мире

* Вице-канцлер Австрии.

** В тексте ошибочно — королем.

и дружбе со всеми своими соседями. Борис выразился даже так: «Болгария хочет быть Швейцарией Балкан». Борис рассказывал Идену, что болгары собираются даже строить мост через Дунай — вот, мол, до чего улучшились их отношения с соседями. «Я ответил, — прибавил Иден, — что это очень хорошо и что пусть болгары построят даже десяток мостов, если это способствует улучшению их отношений с окружающими странами». Вообще у Идена сложилось впечатление, что на Балканах положение становится менее опасным. Он рассчитывает при этом на сближение между Борисом и новым греческим королем Георгом. Такое сближение может помочь консолидации балканской ситуации. Отвечая на мой дальнейший вопрос об отношении британского правительства ко всем этим попыткам урегулирования осложнений в Центральной и Юго-Восточной Европе, Иден твердо заявил: «Мы с полной симпатией относимся ко всем таким попыткам. Мы считаем, что чем крепче положение в Центральной Европе и на Балканах, тем меньше шансов для развязывания войны». Но зато, когда я дальше попробовал прощупать Идена, готово ли британское правительство принять на себя какие-либо специальные обязательства в отношении, например, независимости Австрии, мой собеседник стал чрезвычайно уклончив и поспешил заявить: «Самое важное из всего того, что обнаружилось на протяжении минувших двух недель, — это видимая готовность Франции вернуться к своей прежней политике в Центральной и Юго-Восточной Европе и к поддержке Лиги наций — линии, значительно искаженной во время пребывания Лавалля у власти. Это должно иметь громадное значение». Для меня стало ясно, что в центральноевропейских вопросах британское правительство сейчас не склонно идти дальше обязательств Ковенанта Лиги наций и всю более черную работу по поддержанию статус-кво в этих районах оно хотело бы сбросить на Францию.

2. Я заметил, что симптомы консолидации положения в Центральной и Юго-Восточной Европе меня особенно радуют, так как есть много оснований ожидать, что первая линия германской агрессии будет направлена как раз в эту сторону. Иден сразу вскинул брови и с ноткой удивления в голосе спросил: «А не против вас?» Я ответил, что сомневаюсь в готовности Гитлера воевать с нами, по крайней мере в первую очередь. Гитлеру для укрепления своего положения нужны быстрые, легкие, эффективные успехи. Восточное направление с этой точки зрения является малоподходящим. СССР в настоящее время настолько крепко экономически и политически, имеет настолько могущественные армию и воздушный флот, что Гитлер должен будет подумать два и три раза, прежде чем он рискнет нас атаковать. На такой попытке ведь легко

сломать себе шею. Даже если бы Германия и Япония выступили одновременно, положение не очень меняется. Все планы нашей вооруженной защиты построены на предположении, что СССР придется одновременно вести войну и на Западе, и на Дальнем Востоке, и я, не хвастаясь, могу со всей откровенностью сказать: мы чувствуем себя сейчас достаточно сильными для того, чтобы в случае крайности успешно вести операции на обоих фронтах. Гитлер, а в особенности руководители рейхсвера это понимают — вот почему мне кажется, что для первой пробы сил Гитлер попытается найти для себя какие-либо менее трудные объекты. Идем весьма внимательно выслушал мои аргументы, изредка прерывая их некоторыми наводящими вопросами, и затем сказал: «Я, пожалуй, готов согласиться с Вами. Я рассуждаю так: если бы Гитлер сделал попытку пойти на Запад, ну, скажем, в сторону Голландии или Бельгии, это означало бы немедленную большую войну с Францией и с нами. На это Гитлер явно не может решиться, тем более, что вся его политическая установка направлена на сближение с Великобританией. Идти на Восток, против вас — трудно и рискованно. Очевидно, линией наименьшего сопротивления была бы Центральная и Юго-Восточная Европа. Все это так, но вот вопрос: может ли Гитлер вообще выступить против кого-либо в ближайшее время? У него очень большие внутренние затруднения — экономические и финансовые, — и у него далеко не закончена программа вооружений.

Я возразил, что устанавливать какой-либо точный календарь военно-политических выступлений для Гитлера — дело довольно рискованное, может получиться, как на военном совете, описанном Львом Толстым в «Войне и мире»: «Die erste Kolonne marschiert... Die zweite Kolonne marschiert...» * и т. д., а в результате на деле все вышло иначе. Готовность той или иной страны к войне вещь относительная. Гитлер в определенный момент может быть не готов, скажем, к «большой войне» против Запада или против СССР, но он может быть готов к «малой войне» против государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Нужно учитывать также внутренние затруднения. Они как раз могут толкнуть Гитлера на преждевременное развязывание войны. Далее, международное положение: оно очень текуче, легко может создаться благоприятный для Гитлера момент, и он, оставляя в стороне всякие другие соображения, не сможет противостоять искушению использовать выгодную ситуацию. На мой взгляд, нельзя поэтому точно устанавливать сроки военного выступления Гитлера. Но, если уж пробовать что-либо предугадать, то я склонен думать, что это выступление ближе, чем оно кажется многим. Недавно я имел

* «Первая колонна идет... Вторая колонна идет...» (нем.).

беседу с Уинстоном Черчиллем, который считает, что критический момент, вероятнее всего, наступит весной или летом 1937 г. Я не берусь гарантировать даты Черчилля, но я не был бы особенно удивлен, если бы он оказался хорошим пророком.

Иден был, видимо, несколько встревожен моими соображениями. Он заговорил о том, что мнения военных экспертов расходятся, что одни считают выступление Германии делом максимум ближайших полутора — двух лет, другие, наоборот, склонны думать, что Германия не сможет выступить раньше, как через пять лет. Ввиду такой разногласия среди специалистов трудно сделать правильный вывод. Учитывая обстановку и общеполитические соображения, Иден склонен думать, что пять лет — слишком оптимистическая цифра. Опасность выступления Германии, вероятно, значительно ближе, но он не стал бы еще зарекаться, как это делает Черчилль, насчет весны 1937 г. Иден вместе с тем признает, что положение очень серьезно и что все эти гадания о сроке выступления Германии по существу сводятся к вопросу о том, что из себя представляет Лига наций? Насколько она является реальностью? В силах ли она будет предупредить германскую агрессию?

Во всей этой части разговора мне особенно бросилось в глаза следующее обстоятельство. Когда в прошлом году мы ехали с Иденом в Москву*, мне пришлось вести с ним много разговоров об угрозе войны, исходящей со стороны гитлеровской Германии. В то время Иден еще не был уверен в том, что торжество гитлеризма действительно означает развязывание войны. Он пытался найти для Гитлера кое-какие смягчающие вину обстоятельства, а, главное, высказывал сомнения в правильности нашей оценки Гитлера как человека, который твердо решил пойти по пути агрессии. Сейчас у Идена настроение было совсем иное. Совершенно ясно чувствовалось, что вопрос об агрессивности Гитлера для него уже решен. Он уверен, что Гитлер — будущий агрессор. Сомнения и колебания у Идена вызывает лишь вопрос о *сроке* выступления Гитлера.

3. Возвращаясь, однако, к изложению беседы. Я воспользовался замечанием Идена относительно Лиги наций и спросил, как он себе представляет пути укрепления этой последней? Иден ответил, что в основе всего лежит, конечно, единство действий между членами Лиги наций, в особенности между великими державами, входящими в состав Лиги. Он упомянул при этом, что разногласия между Англией и Францией (в эпоху Лавалля) в итало-абиссинском конфликте сильно затруднили эффективность Лиги наций. Он надеется, что теперь

* См. т. XVIII, док. № 155.

будет лучше. Улучшение отношений между Англией и СССР, что он с удовольствием констатирует, также будет иметь благоприятное влияние на укрепление Лиги наций. Потом, возвращаясь непосредственно к вопросу о Германии, Иден заявил: «Если я правильно интерпретирую вашу линию, вы считаете, что Германии не нужно делать никаких частичных уступок, ибо это только ухудшит положение. Я полностью согласен с вашим взглядом. Я тоже думаю, что в настоящее время всякая частичная уступка Германии могла бы только затруднить умиротворение Европы. Но меня мучит вопрос, что же дальше? Прекрасно, Лига наций становится силой. Мы, три великие державы, действуем единодушно, прочие державы нас поддерживают, Германия, видя, что ей противостоят единый фронт сторонников мира, не решается пуститься в авантюру, — все это я понимаю и признаю. Но все-таки, что же дальше? Какое же окончательное разрешение германской проблемы? Как Вы себе это представляете?»

Мне очень хотелось сказать, что окончательное разрешение германской проблемы (как и многих других) мыслимо лишь при торжестве социализма, но я удержался и вместо этого стал аргументировать примерно так: если Германия увидит, что агрессия невозможна, неизбежны большие сдвиги в настроениях ее правящих кругов. Психология агрессора очень проста: если агрессор встречает на пути слабого, он его бьет. Если агрессор встречает на пути сильного, в особенности более сильного, чем он сам, он начинает улыбаться и кланяться. Мы наблюдали это на Дальнем Востоке в поведении Японии на протяжении последних четырех — пяти лет. Психология правящей верхушки Германии — того же типа. Если она убедится, что атаковать опасно, она станет искать соглашения с противоположным лагерем. В кругах руководящей верхушки могут произойти известные перегруппировки. Тогда наступит надлежащий психологический момент для мирного урегулирования целого ряда таких вопросов, которые сейчас могли бы только развязать войну.

Идену, видимо, очень понравилась эта аргументация, потому что он сразу как-то оживился, просветлел и стал сам развивать дальше намеченные мною мысли. Он стал говорить, что, пожалуй, это единственный путь, на котором в настоящее время можно искать выход из нынешних затруднений.

4. Я спросил Идена, что слышно нового в области итало-абиссинского конфликта, в частности, что он думает о нефтяных санкциях? Иден ответил, что на итало-абиссинском фронте пока «без перемен». Он не думает, чтобы сейчас можно было предпринять с надеждой на успех какую-либо акцию для ликвидации войны. Надо вооружиться терпением и внимательно наблюдать за ходом событий. Может наступить мо-

мент, когда вмешательство со стороны может оказаться полезным. Но этот момент еще не наступил и едва ли наступит до периода дождей. Что касается нефтяных санкций, то Иден ждет окончания работы комиссии экспертов в Женеве. До того он не решается высказать никакого определенного мнения. По всему тону Идена, однако, было видно, что с нефтяными санкциями он явно не торопится.

5. Иден спросил меня о том, какие разговоры имели место между Литвиновым и Фланденом в Париже *? Я в меру возможности удовлетворил его любопытство и в этой связи высказал надежду, что затянувшаяся ратификация франко-советского пакта наконец осуществится. Иден поддержал мою надежду и вновь выразил удовольствие по поводу улучшения англо-советских отношений. Я тогда вставил, что, видимо, это улучшение отношений кое-кому не нравится. Иден опять вскинул глаза и с поткой удивления в голосе спросил: «В самом деле? Но таких людей в Англии осталось уже немного». Я ответил, что речь идет не только об англичанах, и рассказал историю той сплетни, которую пустили в Лондоне германопольские круги. Иден или действительно ничего не слышал об этой сплетне, либо сделал вид, что не слышал. Во всяком случае, он с возмущением воскликнул: «Какая гаусность! Г-н Литвинов сам рассказывал мне о своем свидании с королем и передавал то благоприятное впечатление, которое у него осталось от беседы. Я знаю также, что и король остался удовлетворен своей встречей с г. Литвиновым. Но такие штучки (tricks) слишком мелки для того, чтобы производить впечатление. Они не смогут повлиять на развитие наших с вами отношений».

6. Далее мы перешли к вопросу о том, что же можно сделать конкретно для дальнейшего укрепления англо-советских отношений. Иден при этом сказал мне, что военный министр Дафф Купер уже беседовал с ним насчет своей поездки в СССР **. Я спросил, что думает Иден по этому поводу? Иден ответил, что относится с полным сочувствием к плану Даффа Купера, но когда Дафф Купер собирается ехать? Я сказал, что, насколько понял Даффа Купера, тот хотел бы присутствовать на военном параде 1 мая. Иден сморщился и воскликнул: «1 мая? Я всецело за поездку Купера, но почему именно к 1 мая? Нельзя ли выбрать какую-либо иную дату?» Я возрадил, что 1 мая — день, когда в СССР устраивается самый большой военный парад с участием всех родов войск, в том числе авиации. Во время ноябрьского парада авиация иногда, из-за плохой погоды, не участвует. Для военного министра,

* См. док. № 34.

** См. док. № 36.

желающего посмотреть Красную Армию, естественно стремиться попасть в Москву на Первомайский парад. Что тут плохого? Иден продолжал, однако, быть в некотором сомнении, обещал подумать и еще раз поговорить с Даффом Кулером.

Потом разговор зашел о поездке английской парламентской делегации в СССР как одной из мер, способствующих сближению между обеими странами. Иден слышал об этой идее от некоторых парламентариев и заявил мне, что относится к данной идее положительно. Он сделал оговорку, что хочет изучить имевшие место прецеденты, но самая идея такой делегации ему нравится. Далее Иден высказал мысль, что было бы очень желательно укрепление и развитие культурных отношений между обеими странами по линии искусства, науки, литературы и т. п. Я в связи с этим упомянул о возможном приезде в Лондон Камерного театра. Иден выразил большое удовольствие и прибавил: «Вот если бы вы могли еще прислать сюда ваш балет, мы совсем потеряли бы голову и, пожалуй, забыли бы о работе». В момент разговора с Иденом я еще не знал о принципиальном решении инстанции отправить наш балет в нынешнем году за границу (соответствующую телеграмму я получил в тот же день, но к вечеру)²³, поэтому я мог только высказать в ответ Идену общую надежду, что когда-нибудь это свершится.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
Н. Майский

Печат. по арх.

**43. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Б. С. Стомоякову**

13 февраля 1936 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Спиридонович,
Самым злободневным вопросом внутренней политики Швеции является сейчас нажим правых партий на кабинет по вопросу военного бюджета. Несмотря на то что Пер Альбин Хансон* открыто высказывается за увеличение ассигнований на оборону («в разумных пределах») и что правительство в парламентской комиссии, разбирающей этот вопрос, пошло на компромисс и сделало заметные уступки правым партиям, нажим со стороны большинства риксдага на кабинет продолжается. В своей речи при первом обсуждении ассигнований на оборону в риксдаге Хансон заявил весьма недвусмысленно,

* Премьер-министр Швеции.

что он готов пойти на всяческие уступки в интересах усиления обороны. «Нельзя закрывать глаза перед фактом, что наши возможности для укрепления обороны в экономическом отношении ограничены. Я считаю, что мы не вправе при случайно блестящем положении (государственных финансов) фиксировать расходы, как будто бы это положение будет вечно продолжаться. Мы должны относиться к делу хладнокровнее и определить организацию обороны на таком уровне, который мы будем в состоянии сохранять и в дальнейшем. В интересах самой обороны я весьма заинтересован в том, чтобы избегнуть новых споров в этом вопросе, и поэтому я сделал все от меня зависящее, чтобы найти благоприятный исход».

Однако уступчивость и явное стремление кабинета разрешить этот спор партий путем компромисса только еще более разжигает настроения правых дать по вопросу обороны хороший бой социал-демократии, не пугаясь заявлений шведского правительства, что оно готово сделать из этих разногласий вопрос о кабинете. Правые партии прекрасно понимают, что социал-демократии весьма невыгодно в настоящий момент перед наступающими новыми выборами в парламент в октябре и при уже начавшей разворачиваться избирательной кампании сдавать бразды правления. Два — три года тому назад социал-демократия могла бы только выиграть на будущих выборах, если бы правые свалили ее на неуступчивости по вопросу увеличения бюджета обороны. Сейчас настроение широкой общественности в Швеции в этом отношении поколеблено. Большую роль сыграли итало-абиссинские события и очень ловкое использование правыми «бессилия» малых народов отразить нападение агрессивных держав. «Быть готовым к самозащите» стало широким паролем. Кто враг, никто не дефинирует, социал-демократия же пытается оправдать свои компромиссы в вопросе обороны кивками на опасность со стороны стран нацизма, т. е. подразумевается Германия. Но от этого нарастающие патриотические настроения и «страх быть завоеванными» не ослабляются. Правые сумели использовать инцидент с бомбардировкой в Абиссинии шведского Красного Креста итальянцами не столько против самой Италии и в духе укрепления «принципов» Лиги наций, сколько, наоборот, для вселения страха в население перед силой вооруженного врага при недостаточной оборонительности страны.

Положение вокруг вопроса обороны обострилось для правительства еще и тем, что помимо консервативной партии (Хегре) с проф. Багге как лидером во главе и помимо атаки правительства со стороны партии Хамрина — Йеплсена (Фолькпарти) старые союзники кабинета — бундефорбундет (крестьянский союз) — далеко не единодушно поддерживают на этот раз предложение кабинета. При расколе же голосов

буьдефорбуьдет предложение правительства может быть провалено. По существу спор идет о цифрах, не о принципе, хотя правые партии и стремятся усложнить еще вопрос, требуя большей детализации по статьям военной обороны. Кабинет весьма далеко пошел навстречу правым партиям в бюджетной парламентской комиссии, чувствуя сам, что вопрос обороны весьма выгодный для правых при теперешних растущих патриотических настроениях в стране и что на этом вопросе неплохо свалить социал-демократов. Это обстоятельство сейчас очень волнует членов правительства.

В частных беседах с членами кабинета они не скрывают своей серьезной озабоченности, тем более что в провинциальных демократических органах проскальзывают «левацкие» настроения, предлагающие разрешить отношение к обороне через голову риксдага прямым всеобщим народным голосованием. Такого рода факты говорят о том, что в рабочих массах Швеции еще не изжиты старые традиции шведской социал-демократии, стоявшей в свое время за пацифизм. Шведское правительство, чувствуя нападение на свою политику с двух сторон (правые и широкие рабочие массы), естественно, нервничает.

В ближайшие месяцы, возможно даже недели, вопрос об обороне слова перенесен будет из парламентской комиссии на пленум риксдага, где и решится вопрос о дальнейшем существовании кабинета.

Политики из буржуазных кругов, с которыми мне пришлось беседовать, считают, что страхи кабинета преувеличены. Тон оппозиционной к кабинету прессы по этому вопросу подтверждает, по-моему, это мнение. Однако члены кабинета (беседовали «интимно» с правой рукой Хансона министром социального обеспечения Меллером, с министром торговли и влиятельным министром финансов) все высказывали явную озабоченность, главным образом считая, что передача власти правым в момент начала избирательной кампании крайне невыгодна. Весьма возможно, что кабинет, чтобы избежать кризиса, пойдет на дальнейшие уступки правым. Но этим социал-демократия несомненно потеряет в глазах широких рабочих масс, что ставит под вопрос успехи этой партии на предстоящих выборах риксдага в октябре с. г.

По вопросу об иностранной политике Швеции, сплетавшейся с вышеуказанным вопросом об усилении бюджета обороны, продолжает стоять на первом месте вопрос о взаимоотношении скандинавов с Финляндией. Вы совершенно правильно указываете *, что гельсингфорсская встреча премьеров оказала финской буржуазии и современному финляндскому прави-

* См. т. XVIII, док. № 460.

тельству больше услуг, чем ту поддержку финской социал-демократии Финляндии, какую скандинавы намеревались оказать «братской партии». Делу же мира они этим не посодествовали. Правая партия с лидером Багге во главе весьма приветствовала в риксдате намечающееся сближение Финляндии со скандинавами. Правые, разумеется, считают это победой своей линии, кабинет же пытается доказывать, что «ориентация» Финляндии на Скандинавские страны, весьма твердо заявляющие снова о своем намерении вести политику нейтральности (см. речь Сандлера в обзоре печати № 4*), есть акция укрепления политики мира и показатель падения влияния в Финляндии элементов авантюристически агрессивных. Разоблачение этих вредных для дела мира и для самой Швеции «иллюзий» является той кропотливой работой, какой занято сейчас наше полпредство.

Весьма характерна беседа моя с Сандлером, имевшая место после моего возвращения из Москвы.

Начав с того, что Сандлер просил передать Вам благодарность за Ваш любезный прием, оказанный Юлленшерна²⁴, он с горечью и известным раздражением поставил мне вопрос: чем вызывается со стороны СССР недоверие, которое в советской прессе улорно повторяется по адресу Скандинавии и ее политики по отношению к Финляндии? «Недоверие Москвы звучит для нас почти оскорблением, тем более что Советский Союз едва ли может жаловаться на какие бы то ни было показатели отсутствия дружественности шведского правительства по отношению к Союзу».

Я ответила, что Союз точно так же рассматривает свои отношения к Швеции, как вполне дружественные, что, если бы существовала иная оценка, она нашла бы отражение в речи предсовнаркома Молотова на сессии ЦИК**, но что у нашей общественности и прессы вызывает недоумение, как связывает Швеция явное сближение скандинавов с Финляндией при твердой установке Швеции на нейтральность. Факты резко противоречат тому, что финляндское правительство желает внушить шведской общественности, а именно о будто бы совершившемся глубоком и реальном изменении курса финской политики. Я привела соответствующие примеры (связь финских фашистов с эстонским путчем*** и пр.). Сандлер не отрицал наличия «сильных фашистских влияний в Финляндии и извне на нее же», но старался защитить свое утверждение, будто в современном кабинете Финляндии преобладают элементы «обезопасить Финляндию» от вовлечения ее в политику военных авантур, что поставило бы «самостоятельность Фин-

* Не публикуется.

** См. прил. I.

*** См. газ. «Известия», 20 марта 1934 г.

ляндии под удар». Он добавил к этой мысли, что, если Финляндия будет находиться на стороне нейтральных стран, Германии останется только, в случае использования Финляндии в своих стратегических целях, открыто нарушить нейтралитет Финляндии ее оккупацией. Но оккупация — действие, которое не может быть терпимо остальными крупными державами, с чьей бы стороны это нарушение нейтралитета ни произошло.

Эти слова Сандлера показывают, в каком направлении работает их мысль. Они также еще раз подтверждают зависимость Скандинавии от политики Великобритании: последней важно сохранить за собою решающую роль не только на Скандинавском полуострове, но и через скандинавов закрепить свою руку и в Финляндии. Весьма характерна в этом отношении статья стокгольмского корреспондента «Таймс» (см. обзор печати № I, [19]36 г. *). «Таймс» с удовлетворением отмечает, что Швеция «не без колебаний решила взять на себя долю в попытках остановить действия агрессора путем коллективных усилий **». Причинами, побудившими на это шведский народ, являются его вера в Великобританию и доверие к ее руководству».

В последующей части моей беседы с Сандлером, в которой я развивала нашу точку зрения на двурушничество Финляндии и на опасность для самих скандинавов помимо своей воли быть поставленными, быть может, перед весьма «неприятными альтернативами», при агрессивности финнов, идущих рука об руку с германским фашизмом, Сандлер высказал мысль, что шведская социал-демократия учитывает сама эту «опасность», но что сейчас кабинет, подчеркивая свою готовность сближения с Финляндией, надеется этим помочь успехам финской социал-демократии на выборах в июле.

«Если Москва питает, и быть может не без оснований, недоверие к правящим сейчас партиям в Финляндии, то не будет же Москва сомневаться в искренности финской социал-демократии в случае ее победы на выборах».

В конце Сандлер просил еще раз передать Вам как руководителю по Скандинавии, что скандинавы «дальше культурного сближения с Финляндией не пошли и не пойдут», поэтому кабинет очень оценит, если Москва будет разграничивать иностранную политику Швеции от политики Финляндии, где пока социал-демократия — «лишь оппозиция».

На Ваше указание в письме от 31 декабря ***, что, по сообщению т. Асмуса ****, сотрудничество между шведским и финским генеральными штабами продолжается, просила бы

* Не публикуется.

** В тексте — «словий».

*** См. т. XVIII, док. № 450.

**** Полпред СССР в Финляндии.

т. Асмуса и НКВД дать нам более конкретные данные на этот счет. Это облегчило бы нашу работу по собиранию информации в Швеции.

Интерес представляет та доверительно-интимная беседа, какую я имела на этот счет с министром социального обеспечения Меллером. На его жалобы о работе правых партий в Швеции и ненадежности военной здешней клики в отношении поддержки кабинета я спросила Меллера: считает ли он вероятным «снохивание» между финской и шведской военной? Меллер ответил на это весьма откровенно: открытого зондажа со стороны финского генерального штаба о сотрудничестве со шведским генштабом при данном кабинете не имело места. «На такую дерзость, т. е. предложить социал-демократическому военному министру Веннерстрему сотрудничество с ними, финны бы никогда не осмелились». Такого рода сотрудничество могло иметь место только с целью враждебных действий против СССР. «Финны знают, что в ответ мы бы попросту разоблачили их и этим дали бы прекрасный повод финским социал-демократам бить враждебные им политические группировки».

«Однако, если Вы спросите меня, положив руку на сердце, ответить Вам, не имеют ли место «добровольные» сговаривания за спиной кабинета между обоими штабами, я не смогу ответить Вам, что этого нет. Я допускаю, что кое-какие нити между военными кругами обеих стран имеются. Недаром сюда наезжает финское командование. Эти сговоры направлены, однако, в известной степени и против нас, шведской социал-демократии. Поэтому ясно, что нити идут не по официальному каналу. Кабинет, однако, прекрасно учитывает всю опасность подобной «игры». Меллер указал, что с немцами шведские военные круги более осторожны, немцев они не любят.

Меллер прекрасно понимает, что «добровольчество» в налаживании связи штабов может оказаться весьма опасным для Швеции. Он добавил: «Ни Пер Альбин, ни я финнам не доверяем, они — народ с авантюризмом, и хотя мы делаем все, чтобы оторвать их от прибалтов (поляков) и впрямь в нашу колесницу нейтральности, мы понимаем, что сближение с финнами должно иметь очень определенные и четкие границы, иначе они могут вовлечь нас туда, куда шведский рабочий класс совершенно не намерен попасть».

Меллер подтвердил, что встреча премьеров в Гельсингфорсе не вылилась ни в какие реальные результаты и что «осторожность» была на стороне скандинавов. Финны добивались большего.

«Пока у власти социал-демократы (слова Меллера), в Швеции не приходится опасаться за политику по отношению к Финляндии. Ни на какие сговоры и соглашения, ни на какую

«взаимопомощь» с ними мы не пойдем. Пойти на это — значило бы потерять рабочие массы. Сохранение крепости социал-демократии в Скандинавии важнее, чем сохранение дружбы с Финляндией».

По вопросу проверки и собирания сведений о связях шведского и финского штабов будем продолжать указанную Вами работу.

Что касается наших культурных связей, то снова обращаюсь к Вашему содействию. Раз приезд Отто Юльевича Шмидта отпал, необходимо обеспечить приезд с докладами хотя бы Сперанского или Бурденко. Врачи заинтересовались. Общество культурной связи волнуется, что за весь сезон на его общих собраниях не имело место выступление ни одного советского докладчика или иного представителя советской культуры. Если так будет продолжаться, Общество, которое очень оживленно проявляло до сих пор свою деятельность, рискует заглохнуть, к нему утратится интерес. Настоятельно прошу Вашей помощи, нельзя ли договорить с т. Васильевым. Он обещал содействие своего учреждения.

Полпред СССР в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

44. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с директором Северного департамента Министерства Иностранных Дел Великобритании Кольером

13 февраля 1936 г.

Кольер был у меня на завтраке тет-а-тет, и я имел возможность поговорить с ним более обстоятельно по разным текущим вопросам.

1. Оценивая нынешнюю европейскую ситуацию, Кольер с полной откровенностью говорил о своих опасениях в отношении Германии. Германия — это агрессор, при первой удобной okazji она начнет войну, причем сейчас нельзя еще с полной ясностью сказать, в какую сторону будет направлен первый удар. Лично Кольер, впрочем, думает, что наиболее вероятная линия этого удара — Центральная и Юго-Восточная Европа. На Запад идти — это значит сразу развязать мировую войну, идти на Восток, против СССР, опасно, а захватить Австрию, сокрушить Чехословакию, Румынию, опутать Югославию и Болгарию, словом, создать то, что предвоенные немцы называли «Серединной Европой», с военной точки зрения сравнительно легкая задача. Помешать Гитлеру в этом направлении могла бы только интервенция великих держав и

Лиги наций. Кольер думает, что интервенция в конце концов состоялась бы, но, учитывая колебания в политике различных держав, Гитлер может, пожалуй, рассчитывать, что игра стоит риска. В этом опасность положения.

2. В районе Прибалтики, по мнению Кольера, пока что относительно благополучно. Герmano-литовские отношения чуть-чуть улучшились. Литовцы ведут себя теперь вполне корректно и Мемельский статут соблюдают. Переговоры о репатриации осужденных по ковенскому процессу* продолжаются, сейчас они перешли в стадию прямых герmano-литовских переговоров** (до того посредничали англичане). Форин офис будет внимательно следить за развитием этих переговоров и, в случае надобности, помогать. Он будет также работать над тем, чтобы герmano-литовская граница вновь была открыта. В Финляндии в настоящее время положение несколько лучше, чем было раньше. Один период форин офис сильно опасался, что финская политика будет слишком тесно связана с политикой Германии. Эти опасения сейчас, если не совсем исчезли, то во всяком случае несколько ослабли. Форин офис старается воздействовать на финское правительство в том смысле, чтобы оно решительно проводило линию «скандинавской ориентации», ибо такая ориентация является гораздо предпочтительнее, чем германская. Кольер полагает, что и у нас не должно бы быть возражений против «ориентировки» финляндской политики в сторону Швеции и Норвегии. Недавно состоявшийся съезд скандинавских социалистических партий в Гельсингфорсе в высшей степени способствовал укреплению «скандинавских настроений» в финских правительственных кругах, тем более что ведь на этом съезде по существу участвовали три скандинавских правительства (поскольку в Швеции, Дании и Норвегии сейчас находятся у власти социалистические правительства). Весьма характерно также, что Маннергейм, который представлял Финляндию на похоронах английского короля, проездом в Лондон дал в Стокгольме интервью, в котором тоже высказался за «скандинавскую ориентацию». Форин офис, учитывая наличие у Маннергейма большого тщеславия, постарался соответствующим образом обставить пребывание его в Лондоне. Маннергейм был принят королем, имел встречи и беседы с некоторыми членами правительства, а в ближайшие месяцы он едет для охоты на тигров в Непал к своему личному другу — английскому посланнику в этом гималайском государстве. В общем Кольер надеется, что Финляндию удастся удержать от слишком большой интимности с Германией.

* См. газ. «Известия», 12 ноября 1935 г.

** См. газ. «Известия», 15 февраля 1936 г.

3. Кольер выражал уверенность, что дальнейшее развитие англо-советских отношений пойдет быстрыми шагами вперед. Он, однако, не скрывал своего разочарования по поводу того, что проект предоставления СССР финансового займа на 20—25 лет, над которым он много поработал и который поддерживал форин офис, пока не нашел достаточного сочувствия в кабинете. На заседании 12 февраля вопрос о финансировании англо-советской торговли обсуждался в правительстве. Министерство торговли защищало предоставление СССР банковских кредитов через экспортный департамент на длительный срок — 5, 6, 7 лет. Форин офис предлагал заем на 20—25 лет. В кабинете были колебания, но [Кольер] считает, что в конце концов все-таки решили идти по пути, предложенному министерством торговли. Кольер не вполне удовлетворен таким решением, но лучше что-нибудь, чем ничего. Я спросил Кольера, является ли указанная длительность кредитов окончательно фиксированной. Он посмотрел вниз и ответил, что, как во всяких переговорах, и здесь многое будет зависеть от умения обеих сторон выторговать для себя лучшие условия. И тут же он прибавил, что министерству торговли известны условия, на которых немцы предлагают нам кредиты. Я спросил далее, каковы были мотивы, заставившие кабинет отклонить предложение форин офиса. Кольер ответил, что мотивы приводились разные, но главных мотивов было два: во-первых, — и это основное, — поскольку Советское правительство решительно отказывается в какой-либо форме участвовать хотя бы в частичной компенсации «кредиторов» и др., британское правительство не решается внести в палату билль о займе, опасаясь встретить там сильную оппозицию. Во-вторых, в кабинете есть немало людей, которые готовы торговать с СССР, готовы давать на это деньги, но желали бы это делать с возможно меньшим шумом. Предоставление СССР займа на 20—25 лет вызвало бы несомненно большой шум и имело бы большой политический эффект. Именно поэтому форин офис вообще и он, Кольер, в частности желали такого займа и отстаивали идею его в кабинете. Большинство министров, однако, хотели свести к минимуму политический эффект предоставления СССР кредитов. Поэтому они пошли по пути, предложенному министерством торговли.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

45. Запись беседы советника Подкомиссии Представительства СССР в Германии с заведующим Торгово-Политическим отделом Министерства Иностранных Дел Германии Риттером*

Не позднее 13 февраля 1936 г.

На приеме у Нейрата директор аусамта** Риттер заявил мне, что он проводит сейчас через различные германские министерства вопрос об исключении нас из списка наиболее благоприятствуемых стран в связи с изданным нами декретом***, хотя и содержащим в себе упоминание ряда других стран, но направленным практически против Германии.

Я указал Риттеру на абсолютную беспечность и бессмысленность подобного шага, во-первых, потому, что как только будет подписано соглашение о товарном обороте с Германией на 1936 г.****, действие декрета, как это явствует из опубликованных в этой связи советских документов, автоматически прекращается по отношению к Германии. Во-вторых, Германия сама вступила на путь ликвидации наибольшего благоприятствования, когда она установила так называемый «новый план» во внешней торговле²⁵, следствием и результатом которого явился наш декрет. Риттер вынужден был согласиться с этим, но заявил, что «новый план» ни в какой степени не затрагивал СССР, так как СССР на базе этого плана получил возможность значительного экспорта в Германию. Я оспаривал и это утверждение Риттера со ссылкой на практические итоги 1935 г., первого года после введения так называемого нового плана Шахтом. В-третьих, я указал Риттеру на то, что исключение нас из списка наиболее благоприятствуемых наций абсолютно ничего не даст практически немцам и абсолютно ничем практически не ударяет по нам, поскольку вся торговля с Германией проводится на базе специальных соглашений. Следовательно, подобный шаг, если бы Риттеру удалось его осуществить, означал бы просто демонстративно враждебный акт против СССР, не имеющий никакого практического содержания. Совершенно непонятно, почему Риттер может быть заинтересован в этом акте.

У меня сложилось впечатление, что Риттер просто занимается мелким шантажом и что в действительности он сам не верит в серьезность и в целесообразность своей угрозы. Заявление Риттера раскрывает, между прочим, туманную угрозу, содержащуюся в одном из прежних заявлений Мос-

* Из дневника С. А. Бессонова от 13 февраля 1936 г.

** — министерство иностранных дел Германии (нем.).

*** Постановление СНК СССР от 16 января 1936 г. «Об ограничении экспорта в некоторые страны»; см. газ. «Известия», 17 января 1936 г.

**** См. док. № 144.

дорфа, где он говорил о том, что немцы могут реагировать на опубликованный нами декрет денонсацией торгового соглашения 1925 г. *. По-видимому, в процессе дальнейшего осуществления вопрос «денонсации» торгового договора превратился просто в угрозу исключения нас из списка наиболее благоприятствуемых стран, о чем и говорил Риттер.

С. Бессонов

Печат. по арх.

46. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

14 февраля 1936 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

12-го сего месяца я был на чае у Кучеры. Это тот чиновник мининдела, который сопровождал Бенеша в его поездке по СССР ** и теперь перешел из мининдела в канцелярию президента для работы лично у Бенеша. Кучера спросил меня между прочим, получил ли я информацию о Ваших впечатлениях от поездки в Лондон и Париж ***. Я ответил, что в основном я информирован. На другой день этот же Кучера сообщил мне, что Бенеш может принять меня 14-го сего месяца. При этом по форме выходило так, что Бенеш как будто отвечает на мою инициативу. Я, понятно, пошел к Бенешу. Приняв эту престижную форму, я должен был первым отвечать на вопрос Бенеша о том, что слышно из Москвы и каковы Ваши впечатления от поездки по Европе. В достаточно сжатой форме я сказал Бенешу следующее:

Впечатления наркома Литвинова сводятся к тому, что за последнее время идея коллективной безопасности несколько укрепилась. Как во Франции, так и в Англии все больше побеждает убеждение, что единственным путем для смягчения опасности войны является именно эта система коллективной безопасности. Сейчас можно с большими основаниями, чем раньше, думать, что другие пути, в частности путь сепаратных переговоров и соглашений с Германией, будут отвергнуты как Францией, так и Англией. Германские вооружения и опасность ремилитаризации Рейнской зоны не без основания беспокоят Францию и Англию. Фланден обещал скорую ратификацию советско-французского договора о взаимной помощи, потому что эта ратификация является существенным звеном в деле организации коллективной безопасности. Я думаю, что на этот

* См. т. VIII, док. № 342.

** См. т. XVIII, док. № 264.

*** См. док. № 32, 33, 34.

раз задержки с ратификацией носят только технический характер и на очень короткий срок. Бенеш со всей возможной определенностью подтвердил, что он абсолютно уверен в ратификации в ближайшие же дни.

Дальше я сказал, что по вопросу о гарантиях неприкосновенности Австрии с Вами никто не говорил, но Фланден задавал такой вопрос Потемкину, который не мог ответить иначе, как указанием на то, что у него нет никаких инструкций. Однако Потемкин при этом указал Фландену, что ближайшей задачей в области гарантии европейской безопасности является ратификация нашего договора с Францией, и в свою очередь спрашивал, что намерены делать в направлении австрийских гарантий Франция и Англия. Бенеш весьма оживленно отметил, что это, по его мнению, прекрасный ответ.

Я попытался на этом закончить, но Бенеш прямо сказал, что хочет задать еще два вопроса, прежде чем перейдет к информации со своей стороны. Первый вопрос: что говорилось о Дальнем Востоке и каково там фактическое положение? Я ответил, что эта проблема затрагивалась лишь вскользь и ничего особенного я не могу сказать Бенешу. Что касается фактического положения, то, по моему личному мнению, японская стрельба на нашей и монгольской границе имеет целью испугать кое-кого в Европе, в частности Францию, отчасти для того, чтобы воспрепятствовать ратификации нашего договора с ней. Делается это не столько в интересах самой Японии, сколько в интересах ее возможных европейских союзников. Однако дальше такой услуги этим возможным союзникам Япония в близком будущем не пойдет. Я думаю, что в данный момент опасность войны на Дальнем Востоке искусственно раздувается и эксплуатируется далеко сверх меры ее реального значения. Другой вопрос Бенеша был: что слышно о каком-нибудь новом компромиссе в итало-абиссинском конфликте? На это я сказал, что Италия, конечно, хотела бы всучить кому-нибудь инициативу нового компромиссного предложения, но такого охотника покуда как будто нет. Во всяком случае я в этом направлении не имею определенной информации.

После этого Бенеш заговорил в своей обычной манере и говорил больше полчаса. Я думаю не ошибусь, если скажу, что задачей, которую Бенеш преследовал в своем разговоре, было как бы извиниться перед нами за поведение Годжи * и сказать, что мы не должны брать Годжу всерьез.

Характерно, что первое, на чем остановился Бенеш, было оценкой возможной меры участия Англии в европейских делах. Бенеш полностью присоединяется к утверждению, что

* См. док. № 6.

идея коллективной безопасности укрепились, в частности в Англии. Но он тоже склонен к умеренному дозированию оптимистических настроений по этому поводу. Я уверен, что это относилось к неумеренному оптимизму англофила Годжи, а не к нам, которых Бенеш не раз упрекал в излишней подозрительности. Бенеш, дескать, никогда не утверждал, что Англия прямо пойдет на серьезные обязательства в Европе, особенно же в Средней Европе. Единственно, что Бенеш утверждал и утверждает это и сейчас. — это то, что Англия втягивается и втянется в европейские дела через Францию и сотрудничество с ней. Сейчас этот момент несомненно получил некоторое новое подчеркивание. Высокую оценку при этом Бенеш дает как раз тому обстоятельству, что англо-французское сближение на этот раз проходит с учетом и даже известным участием СССР. Ваша поездка в Лондон и Париж, по словам Бенеша, полностью опрокинула существовавшие в Европе надежды на то, что европейские дела будут оформляться без участия СССР, а может быть, и против СССР. Сейчас не только друзья, но и враги едва ли уже сомневаются в том, что им не придется решать ни одного вопроса без прямого и активного участия СССР. В Англии много оттенков общественного мнения, но в данный момент преобладает тенденция Идена, не изменившего своего благожелательного отношения к вопросу о кооперации с СССР.

По вопросу о Средней Европе Бенеш буквально сказал, что планы, развиваемые Годжей, излишне широки, и он скажет это Годже прямо, когда тот вернется. Вопрос о Средней Европе, по Бенешу, не имеет самостоятельного значения. Этот вопрос — производный от вопроса о европейском соотношении сил в целом. А с этой точки зрения решающим является характер взаимоотношений между Францией, Англией и СССР и вопрос поведения Германии. Понятно, что вопрос о Средней Европе не просто приложится к решению общеевропейского соотношения сил. Однако «просто легкомыслие воображать, что на данном этапе вопрос о Средней Европе можно отделить от вопроса об остальной Европе и решить самостоятельно». Это буквальные слова Бенеша, несомненно относившиеся к планам Годжи, потому что Бенеш после этого, не называя Годжи, говорил о беспокойстве, вызванном в Европе «широтой новых среднеевропейских планов». В этой связи небезынтересно отметить, как Бенеш отнесся к вопросу о нашем «выходе» в Среднюю Европу и на Балканы. Он вернулся к похвале ответа Потемкина на вопрос Фландена * о нашем отношении к вопросу гарантий для Австрии. Не нужно торопиться ангажироваться в этом вопросе, но не нужно и закрывать две-

* См. док. № 35.

рей наглухо. Бенеш якобы всегда имел в виду, что мы должны выйти не только на средневропейскую, но и на балканскую арену. Он подготовлял это, но не кричал об этом громко, ибо вопрос полностью еще не созрел. Если рассматривать Среднюю Европу как некую территорию, то соседями Средней Европы являются Италия, Германия и Советская Россия. Соседи всегда ревнивы. В нынешней ситуации ревность особенно обострена. Нельзя воображать себе, что эта ревность разрешит самой так называемой Средней Европе улаживать свои дела без вмешательства, продиктованного этой ревностью. Поэтому в Среднюю Европу Советский Союз должен идти полностью лишь тогда, когда его интересы в этой части Европы сформулируются таким ярким и очевидным образом, что их не нужно будет особо объяснять и толковать. Подготовительная стадия, конечно, нужна, и с этой точки зрения Чехословакия и ее договор с нами* уже вводят СССР в Среднюю Европу. Бенеш как бы не советовал нам активизировать нашу политику в Средней Европе, в частности в связи с вопросом об Австрии. Но одновременно он специально подчеркивал, что мы не должны отклонять разговор на эту тему, а только не торопиться и терпеливо ждать более ясных форм, в которые может вылиться практически вопрос об организации Средней Европы. И в этой связи Бенеш достаточно ясно говорил, что планы Годжи несерьезны и Годжа просто излишне болтлив.

Вот все самое существенное из разговора с Бенешем. Не имея указаний, мне было трудно определить, насколько далеко я могу идти в деле информирования Бенеша. Я не решился говорить ему из содержания Вашего последнего письма²⁶, например, о Югославии и ее отношении к вопросу об австрийских гарантиях. Поэтому Югославия из разговора у нас выпала. Кратко говорил я и об Италии, когда Бенеш крутился вокруг вопроса о беспокойстве в Европе в связи с «широкими» средневропейскими планами. Надеюсь, что я все-таки не перегнул особенно ни в одну сторону.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, док. № 223.

47. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
17 февраля 1936 г.*

Никсон* сегодня пригласил к себе Озерского** и начал с ним переговоры о предоставлении нам кредитов²⁷. Предложение Никсона в основном сводится к следующему: 1. Банковский кредит, на 100% гарантированный британским правительством; торгпред или его уполномоченный при заключении сделки выписывает на имя фирмы чек, который немедленно же в счет предоставленного нам кредита оплачивается банком. 2. Срок от 5 до 7 лет. 3. Процент — 6. 4. Сумма кредита должна быть уточнена. Сначала Никсон предлагал ограничиться небольшой суммой в 1—2 млн. ф. ст., но дает понять, что при наличии заказов сумму можно будет увеличить до любого размера. Основное условие — кредит должен быть истрачен целиком на товары английского производства. Никсон хочет также в той или иной форме иметь контроль за тем, что это условие действительно соблюдается. Пока между Никсоном и Озерским произошел лишь предварительный обмен мнениями, причем Озерский подчеркивал слишком высокую высоту процента, который хочет брать с нас британское правительство***.

Полпред

Печат. по арх.

48. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Бельгии с Премьер-Министром Бельгии Ван-Зееландом

17 февраля 1936 г.

На мой вопрос, доволен ли он результатами своей поездки в Париж, Ван-Зееланд ответил утвердительно, добавив, что надеется на скорое урегулирование спорных франко-бельгийских вопросов. Сказано это было без всякого энтузиазма (в дальнейшем из того, что просочилось в прессу, можно было установить, что поездка Ван-Зееланда действительно мало продвинула дело). Затем более оживленно Ван-Зееланд сказал, что он вынес из Парижа убеждение в том, что франко-советский договор будет ратифицирован и в ближайшее время****. Его особенно поразил аргумент, который ему при-

* Директор департамента экспортных кредитов министерства заморской торговли Великобритании.

** Торгпред СССР в Великобритании.

*** См. док. № 204, 214.

**** См. док. № 51.

ходилось слышать в Париже в пользу ратификации, а именно, что без этого договора Франция не сможет сохранить под своим влиянием Малую Антанту.

Я воспользовался этим, чтобы сказать, что Малая Антанта вообще сыграла известную роль в подготовке и осуществлении этого договора. Страны Малой Антанты отдают себе отчет в том, что малые государства жизненно заинтересованы в осуществлении коллективной безопасности. Я добавил, что, следя в течение нескольких месяцев за бельгийской прессой, я испытываю недоумение при виде того безучастия, а иногда и прямой враждебности, с которой значительная часть этой прессы относится к франко-советскому договору. Казалось бы вполне естественным, чтобы в Бельгии, которая уже в силу своего географического положения не может не быть крайне озабочена опасностью, создаваемой растущими вооружениями Германии, франко-советский договор встретил единодушное сочувствие.

Ван-Зееланд сказал, что лично он со мною вполне согласен. Необходимо, однако, считаться со спецификой бельгийской обстановки. Огромное значение в Бельгии имеет национальный вопрос. В то время как валлоны выступают, иногда даже с чрезмерной горячностью, за сотрудничество с Францией, фламандцы относятся к Франции с недоверием и боятся превращения Бельгии во французского сателлита. С другой стороны, в Бельгии, находившейся с 1839 по 1914 г. в состоянии обеспеченного международным соглашением нейтралитета, который не был затронут и в 1870 г., выработалась определенная психологическая складка, традиция нейтральности, которая еще очень сильна, несмотря на уроки 1914 г. Известное значение имеет, и глубже, чем в других странах, укоренившееся здесь враждебное отношение к советскому режиму. Франко-советский договор возбуждает у многих людей в Бельгии опасение, что проводимая Францией политика сближения с СССР может втянуть Бельгию в конфликты, лежащие вне сферы ее непосредственных интересов. Наконец, есть люди, которые говорят, что эффективность этого договора для Франции и Бельгии сомнительна, поскольку СССР не имеет с Германией общих границ. Ван-Зееланд не разделяет этих соображений, но не может игнорировать их, поскольку они распространены в весьма широких кругах. Он напомнил, что, впрочем, бельгийское правительство в свое время в ответ на германский меморандум*, утверждавший о несовместимости франко-советского договора с Локарно, заняло по отношению к договору лояльную позицию, тождественную с английской. Ван-Зееланд не видит, какие со стороны Бельгии могли бы

* См. док. № 40.

быть возражения против франко-советского договора, который, конечно, не может создавать для Бельгии никаких обязательств дополнительно к тем, которые она приняла на себя по Уставу Лиги и по Локарнскому договору.

Ван-Зееланд сказал, что я хорошо делаю, расширяя свои личные контакты с людьми различных политических направлений. Он настроен оптимистически относительно дальнейшего развития отношений между нашими странами как в экономической, так и политической области, но подчеркивает, что необходимо запастись терпением. Он все же того мнения, что лучшим методом сближения является развитие экономических отношений. Было бы очень хорошо, если бы мы могли разместить на верфях Кокриля, около Антверпена, восстанавливающих сейчас свою работу, после того как они были закрыты во время кризиса, какие-нибудь заказы на суда. Это чрезвычайно облегчило бы его, Ван-Зееланд, положение. Впрочем, со мною об этом будет говорить министр транспорта Спаак.

Я указал, что есть все основания быть довольным развитием наших экономических отношений. Цифры наших закупок в первом договорном квартале (в последнем квартале прошлого года), как Ван-Зееланд правильно отметил в своем выступлении в сенате, дают возможность надеяться даже на некоторое превышение наших закупок по сравнению с тем, что было предусмотрено в конвенции *. В этих условиях выражать разочарование — значит выказывать чрезмерную требовательность и поспешность, что никогда не рекомендуется. Необходимо всячески содействовать взаимному лучшему ознакомлению между нашими странами, которые так долго были искусственно отделены друг от друга, и таким путем мы достигнем обоюдовыгодных результатов и в области экономической, и в области политической.

Ван-Зееланд согласился с этим и выразил желание почаще встречаться для обмена информацией. Впрочем, сам он не задавал мне никаких вопросов, относящихся к политике СССР.

Рубинин

Печат. по арх.

49. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юриеу

20 февраля 1936 г.

Точные сведения за самое последнее время говорят о том, что японо-германское военное соглашение** еще не оформлено и что подписание предстонт в ближайшее время. Обе сто-

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 2, 13 января 1937 г., стр. 17—30.

** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

роны весьма озабочены отстранением от этого дела иностранных ведомств. Японское посольство в Берлине, как и германское в Токио, в переговоры не посвящено. От немцев будет подписываться, вероятно, Риббентроп.

Литвинов

Печат. по арх.

50. Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Венгрии с Регентом Венгрии Хорти, Премьер-Министром Гембешем и Министром Иностранных Дел Канья

*22 февраля 1936 г.**

В продолжавшейся минут 25 беседе со мной Хорти напирал больше всего на то, что он всячески старается двинуть с мертвой точки вопрос о наших торговых взаимоотношениях. Он заявил мне, что на заседании коронного совета, состоявшегося незадолго (16—17 февраля), он предложил форсировать вопрос о заключении торгового соглашения (проект которого нам вручен 5 марта) и, не дожидаясь этого, повести переговоры о навигационном соглашении, проект которого нами был переслан в Москву 21 февраля с. г. за № 610²⁸. Он не упустил случая, чтобы снова уверять меня в том, насколько соглашение о судоходстве по Дунаю удешевит наш фрахт, и снова козырнул тем, что для хранения наших товаров венгры готовы отвести нам специальный склад в Чепельском порту под Будапештом и вместительный элеватор, оборудованный в этом порту. Хорти долго расписывал достоинства венгерских лошадей и породистого скота, который они в большом количестве могли бы нам сбыть взамен тех товаров, которые Венгрия заинтересована у нас приобрести.

В ответ на все это я заявил Хорти, что за все время пребывания своего здесь я живо интересовался оживлением и оформлением наших торговых взаимоотношений и кстати рассказал о причинах неудачи наших осенних переговоров о платежном соглашении, вызванной тем, что в переговоры с венгерской стороны были включены не известные нам лица (не венгры), вроде некоего Берковича, выдвинувшего неприемлемые для нас условия. Хорти, сожалея об этом, заявил, что при предстоящих переговорах они учтут мое заявление, и закончил надеждой на то, что в ближайшем будущем наши торговые отношения будут оформлены.

Вслед за Хорти Гембеш сделал мне почти аналогичное заявление с той лишь разницей, что инициативу форсирования торговых взаимоотношений он, так же как и Хорти, приписывал себе. Характерным в беседе моей с Гембешем было то,

* Дата беседы; запись была оформлена 8 марта.

что он сам заговорил о пресловутых аэродромах, которые мы, по сообщениям венгерской прессы, якобы воздвигаем в Словакии на основании нашего пакта с Чехословакией*. Оговорившись, что он этим слухам не верит, он сделал комплимент нашим военным руководителям (т.т. Ворошилову, Егорову, Тухачевскому и др.), которые-де хорошо знают, где и против кого нужно строить аэродромы. Я с этим, конечно, согласился и перевел ему пословицу: «У страха глаза велики». В отношении перспектив торговли и судоходства я заявил Гембешу, что мы примем к рассмотрению венгерский проект по торговле и судоходству, когда они нам его вручат. Оказалось, что об одиозной роли афериста Берковича в наших осенних переговорах Гембеш также не знал, несмотря на то что еще в конце августа прошлого года мною было сделано об этом официальное представление министру иностранных дел Канья.

В последовавшей за этим беседе с Канья последний, кратко рассказав о пребывании своем в Лондоне на похоронах короля Георга, перешел также на тему о наших торговых взаимоотношениях и повторил мне то же, что говорили Хорти и Гембеш.

Об этом мною было своевременно телеграфировано в НКВД.

Полпред СССР в Венгрии
А. Бекзаян

Печат. по арх.

51. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину

23 февраля 1936 г.

Повидайте Фландена до 25-го и заявите ему нижеследующее:

«При переговорах Фландена о советско-французском пакте о взаимной помощи и при подписании его** мы, естественно, ожидали, что ратификация пакта будет иметь место обычным в таких случаях путем. Мы знали, что согласно французской конституции ратификация пакта не требует утверждения его парламентом. Тем не менее бывший председатель совета министров г. Лаваль в течение девяти месяцев оттягивал ратификацию пакта, внося его на утверждение парламента. В настоящее время дебаты в палате депутатов происходят уже на протяжении двух недель, в течение которых СССР подвергается публичным несправедливым и необоснованным нападкам со стороны части депутатов. Мы знаем, что за создание

* См. т. ХУИ, док. № 223.

** См. т. ХУИ, док. № 205.

этого положения не несет ответственности нынешний кабинет. Не желаем мы также вмешиваться во внутренние дела Франции, а тем более парламентской процедуры. Не предьявляя никаких требований, тем не менее мое правительство считает нужным довести до Вашего сведения, что на общественное мнение СССР продолжительность дебатов и выступления некоторых депутатов производят весьма тягостное впечатление. Характер дебатов является совершенно беспрецедентным в истории отношений между двумя государствами, стремящимися к сближению и к взаимной помощи в интересах мира».

Полупно выясните, намерено ли правительство при голосовании пакта ставить вопрос о доверии. Цель нашего демарша — побудить Фланден сократить дебаты если не в палате, то по крайней мере в сенате*.

Литвинюв

Печат. по арх.

52. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 февраля 1936 г.

На телеграмму от 23 февраля**.

Поручение выполнено. Фланден рассчитывает провести голосование завтра или, в случае затяжки выступлений по мотивам вотума, в четверг, 27 февраля. В сенатскую комиссию он намерен внести проект закона 28 февраля. Совет министров решил поставить вопрос о доверии лишь в том случае, если возобновятся резкие выступления против пакта и политики кабинета. Если этого не будет, Фланден предпочитает не давать на выборах никакого повода заявлять, что многие-де голосовали за пакт лишь потому, что не хотели создавать нового правительственного кризиса.

Полпред

Печат. по арх.

53. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Председателем Комиссии по иностранным делам сейма Финляндии Войонмаа

24 февраля 1936 г.

У меня завтракал один из руководителей социал-демократической партии и председатель иностранной комиссии сейма Войонмаа. Весь разговор с Войонмаа произвел несколько странное впечатление. Он казался очень взволнованным последними политическими событиями и отдельные вещи говорил

* См. док. № 52.

** См. док. № 51.

с неприсущей эсдекам откровенностью. Отмечаю наиболее существенное из разговора.

Войонмаа считает позиции фашистов в стране довольно сильными. Под их большим влиянием — армия, и в особенности шюккор. Войонмаа не разделяет уверенности в том, что фашисты потерпят поражение на будущих выборах. Германское влияние в Финляндии он считает очень сильным. Противодействовать ему трудно. Сейчас, мол, прямо против Германии одни эсдеки. Но что они могут сделать, кроме рекомендуемого ими скандинавизма в форме культурного сближения со Швецией и другими Скандинавскими государствами. С большой горечью он говорил о нежелании Советского правительства понять позиции финляндских и шведских эсдеков. Их задача, веруя и пропагандируя верность Лиге наций, всемерно отвлекать Финляндию от участия в будущей войне. Сближением со Швецией этого можно достичь. Эсдеки понимают, что СССР не хочет войны, одобряют политику коллективной безопасности, всей душой готовы поддержать т. Литвинова в Женеве. Войонмаа думает, что война — это конец для финляндской социал-демократии. Если скандинавизм не даст плодов, а война разразится, в Финляндии обеспечен фашистский переворот. На мой прямой вопрос, позволит ли Германия Финляндии уклониться от войны, он ответил: «Конечно, мы ничего не можем сделать, если Германия высадит десант в порту Ханга». В этом случае Финляндия будет втянута в войну. Реальных возможностей предотвращения этого события (кроме скандинавизма) он не видит.

Войонмаа подтвердил по собственной инициативе, что главным противником Восточного пакта в Финляндии является Хаксель*. В комиссии по иностранным делам много раз говорили о пакте, причем указывали, в каком невозможном положении окажется Финляндия, если Гитлер в конце концов пойдет на подписание этого пакта, но Хаксель неизменно против. Войонмаа допускает, что это Хаксель летом 1935 г. командировал Рантакари** в Прибалтику для агитации против Восточного пакта.

Войонмаа советует присматриваться к Маннергейму (он его называет вешателем рабочего класса), являющемуся возможным кандидатом в президенты на следующих выборах. Войонмаа полагает, что на нем могут сойтись все «умеренные» элементы страны в противовес фашистам и эсдекам.

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

* Министр иностранных дел Финляндии.

** Заведующий отделом печати МИД Финляндии.

54. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Бельгии с Министром экономики Бельгии Ван-Изакером

24 февраля 1936 г.

Вопреки своей фамилии Ван-Изакер — один из виднейших представителей христианско-демократического крыла католической партии. Ван-Изакер выразил с самого начала разговора свое удовлетворение развитием советско-бельгийской торговли. Он внимательно за ним следит и наблюдает медленный, но непрерывный рост. Это, по его мнению, гораздо лучше, чем скачки, за которыми следует обратная реакция.

Я спросил, каковы сейчас тенденции в отношении контингентов, заметив, что у меня сложилось впечатление некоторого разочарования в политике контингентов.

Ван-Изакер подтвердил это, сказав, что недавняя отмена контингентов на некоторые товары, правда, второстепенного порядка, имела главным образом некоторое демонстративное значение и что во всяком случае он убежденный противник расширения системы контингентов.

Я заметил, что вопрос этот для нас представляет известный практический интерес, поскольку, как справедливо отметил Ван-Зееланд в своей речи в сенате, развитие торговли возможно только, когда оно идет двусторонне, и расширение нашего импорта из Бельгии было бы затруднено, если бы мы встречали препятствия к развитию нашего экспорта. Я спросил, верны ли, в частности, слухи о том, что будто бы обсуждаются предложения о контингентировании едкого калия, а также чугуна, в экспорте которых мы заинтересованы.

Ван-Изакер сказал, что ему об этом ничего не известно. Он наведет справки в междуправительственной комиссии, подготовляющей эти вопросы, и поручит своему консультанту Камю заехать ко мне и информировать меня (Камю попросился ко мне на завтра). Беседа протекала в самом дружественном духе и закончилась взаимными обещаниями чаще встречаться для обмена информацией.

Рубинин

Печат. по арх.

55. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
26 февраля 1936 г.*

Был сегодня у Сарро *. Входя в его кабинет, встретился с вышедшим Мерсье **, который продолжает свою агитацию в пользу франко-советского пакта и предоставления нам кредита ***. Сарро начал с последнего сообщения о военном выступлении в Токио ²³. Он опасается, что это событие осложнит и без того напряженную международную ситуацию. При этом он высказал предположение, близкое к уверенности, что токийский прунунскаменто согласован с Берлином и не случайно происходит накануне ратификации нашего пакта. Это не мешает французскому правительству провести ее без замедлений. Сарро уверенно заявил, что палата проголосует его завтра. Сегодня он условился с Фланденом, что послезавтра вопрос будет внесен в сенат. Сарро полагает, что дебаты в сенате займут не больше двух заседаний. Он констатирует, что допущенная проволочка оказала неблагоприятное влияние на всю международную обстановку, и согласен с тем, что Германия, Япония, Польша и в последнее время Италия стараются использовать каждый лишний день для своих интриг против пакта. Мое указание на чрезмерную длительность парламентской дискуссии и на недопустимый характер антисоветских выступлений оппозиции Сарро попробовал было парировать ссылкой на опасение, внушаемое правыми, усилением коммунистической деятельности в стране и колониях. Однако он не настаивал на этом аргументе, когда я ему напомнил о самостоятельных корнях французского общественного движения, о возможности для самого правительства договариваться с руководством легализованных партий и о безуспешности всех попыток доказать вмешательство правительства СССР во внутреннюю политику Франции. Конец разговора посвящен был положению, создавшемуся на Лондонской морской конференции ****. Сарро утверждает, что США не пойдут на тройственное соглашение: Англия, Германия, США. Что касается двустороннего англо-германского протокола, дополняющего соглашение от 18 июня ***** , то Сарро не исключает его возможность, причем не скрывает недоволь-

* Председатель совета министров Франции.

** Французский промышленник и финансист.

*** См. т. XVIII, прим. 181.

**** См. газ. «Известия», 27, 28 февраля 1936 г.

***** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 278—280.

ства по этому поводу. К вашему сведению сообщаю, что мы дали в прессу еще вчера информацию об англо-германском соглашении.

Полпред

Печат. по арх.

56. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

26 февраля 1936 г.

В разговоре с Чжан Цюнем * 29 января мы условились начать переговоры о торговом договоре ** в середине февраля. Со своей стороны мы были готовы к этому сразу. Однако китайцы затянули свой ответ. Сегодня заведующий отделом Гао *** сообщил Меламеду ****, что Чжан Цюнь хочет еще до начала переговоров иметь разговор со мною на этой или будущей неделе. Возможно, что в связи с предстоящими переговорами с Арнта⁵⁰ китайцы хотят оттянуть переговоры с нами. В связи с этим считаю более целесообразным занять выжидательную позицию и предоставить китайцам проявить инициативу⁵¹.

Полпред

Печат. по арх.

57. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Данин Мунком

26 февраля 1936 г.

Был у Мунка. 1) Я выразил ему соболезнование по поводу катастрофы с датским самолетом и гибели всех трех летчиков; 2) поговорили о японских событиях²⁹; 3) о ратификации нашего договора с Францией, причем Мунк назвал его «союзом», я же поправил, указав на то, что этот договор не «союз», а оружие укрепления мира и коллективной безопасности; 4) о речи Идена, которую Мунк считает «довольно неопределенной»; 5) о деле снятия нашего флага с торгпредства 7 ноября 1935 г.; МИД все еще ждет заключения прокурора³²; 6) об архивах бывшей российской миссии. Мунк заявил, что юристов очень трудно сдвинуть с их точки зрения в этом деле, приравниваю-

* Министр иностранных дел Китая.

** См. т. XVIII, док. № 307.

*** Гао Цзун-у — начальник Азиатского департамента МИД Китая.

**** Первый секретарь полпредства СССР в Китае.

шей это дело к обыкновенному иску, подлежащему разрешению в судебном порядке. На это я категорически заявил, что на судебную процедуру мы не пойдем, рассматривая это дело как исключительно политическое, подлежащее разрешению между правительствами. Мунк снова выразил сомнение, находятся ли архивы на прежнем месте, в здании бывшей российской миссии, не исчезли ли они оттуда *; 7) о коммерческих наших делах в связи с подачей т. Позднышевым ** [в] МИД письменного нашего предложения на 1936 г. *** Мунк заявил, что имеются трудности в отношении жмыхов и нефти.

В тот же день мы с Н. П. [Тихменовой] обедали у Андерсена-Нексе.

Полпред СССР в Дании
Н. Тихменев

Печат. по арх.

58. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арнотт

28 февраля 1936 г.

Сегодня приходил ко мне венгерский посланник Юнгерт-Арнотт и сделал мне, по поручению министра иностранных дел Канья, следующее заявление:

Советская печать часто смешивает политику Венгрии с политикой Германии, Польши и даже Японии. Канья поэтому поручает своему посланнику при удобном случае сообщить мне, что Венгрия до сих пор не принимала на себя никаких обязательств перед Германией и ее дальнейшее поведение зависит от политики СССР. Венгрия хотела бы сохранить свои руки свободными, но это будет затруднено, если СССР вступит в договорные отношения или сотрудничество с противниками Венгрии. Если такой неблагоприятный для Венгрии поворот в политике СССР наступит, то не нужно будет удивляться, если под этим давлением Венгрия будет искать где-либо покровительство.

На мой вопрос, относится ли заявление об отсутствии обязательств не только к Германии, но и к Польше, Юнгерт ответил, что о Польше не может быть даже и речи, ибо с ней Венгрию связывают исключительно традиционная дружба и взаимные симпатии, которые нашли свое выражение между прочим в том, что Польша до сих пор не ратифицировала Трианонского договора.

* См. док. № 400.

** Полпред СССР в Дании

*** См. док. № 211.

Я сказал, что первая часть заявления повторяет то, что мне говорил Канья лично в Женеве, но тогда он не говорил о возможности связывания себе рук в дальнейшем. Я не помню, чтобы наша печать когда-либо говорила о формальных обязательствах Венгрии в отношении Германии, но там отмечалось впечатление, созданное не только у нас, но и в других странах, о тесном политическом сотрудничестве между Германией и Венгрией. Подтверждается это и псевдением венгерской прессы, которая участвует во всех антисоветских кампаниях наряду с Германией. Такая кампания недавно велась в Венгрии в связи с обсуждением в Европе дунайской проблемы. Мы до сих пор не вмешивались в разрешение этой проблемы и никому не напрашивались на сотрудничество, занимали в этом вопросе весьма сдержанную позицию, тем не менее венгерская печать направила свои стрелы против нас, а не против тех, кто хотел вовлечь нас в центральноевропейские дела.

Юнгерт ответил, что Венгрия, естественно, недовольна нашей защитой интересов Малой Антанты.

На мое предложение назвать хотя бы один такой случай Юнгерт должен был ответить, что он таких случаев действительно не знает. Я тогда разъяснил ему, что если мы защищаем принципы укрепления мира, неделимости мира и коллективной безопасности, а Малая Антанта поддерживает те же принципы, то из этого не следует, что мы защищаем интересы Малой Антанты. Если Венгрия, подобно Германии, является противницей этих принципов, тогда, конечно, ее недовольство нашей политикой понятно. Во всяком случае, я могу также сказать, что у нас тоже свободные руки и никаких обязательств в противоречие с интересами Венгрии мы на себя до сих пор не принимали.

Литвинов

Печат. по арх.

59. Запись беседы И. В. Сталина с председателем американского газетного объединения Скриппс-Говард Ньюспейперс Говардом

1 марта 1936 г.

Г о в а р д. Каковы будут, по-вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

С т а л и н. Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картина недостаточна ясна.

Г о в а р д. Каква будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

С т а л и н. В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее незави-

симость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомоняков уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве *, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 г. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 г. **

Говард. Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Удан-Батор к позитивной акции СССР?

Сталин. Да, приведет.

Говард. Развили ли японцы за последние несколько дней какую-либо такую активность в районе границы МНР, которая (активность) была бы сочтена в СССР как агрессивная?

Сталин. Японцы, кажется, продолжают накапливать войска у границ МНР, но каких-либо новых попыток к пограничным столкновениям пока не замечается.

Говард. Советский Союз опасается, что Германия и Польша имеют направленные против него агрессивные намерения и подготавливают военное сотрудничество, которое должно помочь реализовать эти намерения. Между тем Польша заявляет о своем нежелании разрешить любым иностранным войскам использовать ее территорию как базу для операций против третьего государства. Как в СССР представляют себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?

Сталин. История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 г., когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по Франции, либо оно берет такую границу «в кредит», как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в 1918 г., пытаясь через нее прорваться к Ленинграду. Я не знаю, какие именно границы может приспособить для своих целей Германия, но думаю, что охотники дать ей границу «в кредит» могут найтись.

Говард. Во всем мире говорят о войне. Если действительно война неизбежна, то когда, мистер Сталин, она, по-вашему, разразится?

Сталин. Это невозможно предсказать. Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто начинаются. Но, с другой стороны, я считаю, что позиции друзей мира укрепляются. Дружья мира могут работать от-

* См. газ. «Известия», 23 февраля 1936 г.

** См. т. IV, док. № 178, 216, 279.

крыто, они опираются на мощь общественного мнения, в их распоряжении такие инструменты, как, например, Лига наций. В этом плюс для друзей мира. Их сила в том, что их деятельность против войны опирается на волю широких народных масс. Во всем мире нет народа, который хотел бы войны. Что касается врагов мира, то они вынуждены работать тайно. В этом минус врагов мира. Впрочем, не исключено, что именно в силу этого они могут решиться на военную авантюру, как на акт отчаяния.

Одним из новейших успехов дела друзей мира является ратификация франко-советского пакта о взаимной помощи французской палатой депутатов *. Этот пакт является известной преградой для врагов мира.

Г о в а р д. Если вспыхнет война, то в какой части света она может разразиться раньше? Где грозовые тучи войны больше всего сгустились — на Востоке или на Западе?

С т а л и н. Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью г. Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое «миролюбие» он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от «миролюбия» ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда г. Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это симптом.

Г о в а р д. В чем, по-вашему, заключается основная причина современной военной опасности?

С т а л и н. В капитализме.

Г о в а р д. В каких именно проявлениях капитализма?

С т а л и н. В его империалистических захватнических проявлениях. Вы помните, как возникла первая мировая война. Она возникла из-за желания переделить мир. Сейчас та же подоплека. Имеются капиталистические государства, которые считают себя обделенными при предыдущем разделе сфер влияния, территорий, источников сырья, рынков и т. д. и которые хотели бы снова переделить их в свою пользу. Капитализм

* См. газ. «Известия», 28 февраля 1936 г.

в его империалистической фазе — такая система, которая считает войну законным методом разрешения международных противоречий, методом законным, если не юридически, то по существу.

Говард. Не считаете ли Вы, что и в капиталистических странах может существовать обоснованное спасение, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?

Сталин. Для подобных спасений нет никаких оснований. Если Вы думаете, что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то Вы жестоко заблуждаетесь. Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств. Я не вижу, какую опасность могут видеть в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле.

Говард. Означает ли это Ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

Сталин. Таких планов и намерений у нас никогда не было.

Говард. Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление.

Сталин. Это является плодом недоразумения.

Говард. Трагическим недоразумением?

Сталин. Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим.

Видите ли, мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет. Вот, например, наша страна захотела произвести революцию и произвела ее, и теперь мы строим новое, бесклассовое общество. Но утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, — это значит говорить то, чего нет и чего мы никогда не проповедовали.

Говард. В момент установления дипломатических отношений между СССР и США президент Рузвельт и г. Литвинов обменялись тождественными нотами по вопросу о пропаганде*. В п. 4 письма г. Литвинова президенту Рузвельту говорилось, что Советское правительство обязуется «не допускать образования или пребывания на своей территории каких-либо организаций или групп и принимать на своей территории

* См. т. XVI, док. № 363.

предупредительные меры против деятельности каких-либо организаций или групп, или представителей или должностных лиц, каких-либо организаций или групп в отношении Соединенных Штатов в целом или какой-либо их части, их территории или владений, имеющих целью свержение или подготовку свержения, или изменение силой политического или социального строя»*. Я прошу Вас, мистер Сталин, объяснить мне, почему г. Литвинов подписал это письмо, если выполнение обязательств по этому пункту несовместимо с желаниями Советского Союза или вне его власти?

Сталин. Выполнение обязательств по пункту, который Вы процитировали, в нашей власти, мы эти обязательства выполняли и будем выполнять.

По нашей конституции политические эмигранты имеют право проживать на нашей территории. Мы им предоставляем право убежища точно так же, как и США дают право убежища политическим эмигрантам. Совершенно очевидно, что, когда Литвинов подписывал это письмо, он исходил из того, что содержащиеся в нем обязательства имеют обоюдный характер. Считаете ли Вы, мистер Говард, противоречащим соглашению Рузвельт—Литвинов, если на территории США находятся русские белогвардейские эмигранты, ведущие пропаганду против Советов и в пользу капитализма, пользующиеся материальной поддержкой американских граждан и иногда представляющие собой группы террористов? Очевидно, эти эмигранты пользуются имеющимся и в США правом убежища. Что касается нас, то мы никогда не потерпели бы на своей территории ни одного террориста, против кого бы он ни замыслил свои преступления. По-видимому, в США право убежища толкуется более расширительно, чем в нашей стране. Что же, мы не в претензии.

Вы мне, быть может, возразите, что мы сочувствуем этим политическим эмигрантам, прибывающим на нашу территорию. Но разве нет американских граждан, сочувствующих белогвардейским эмигрантам, которые ведут пропаганду за капитализм и против Советов? Стало быть, о чем же речь? Речь идет о том, чтобы не помогать этим лицам, не финансировать их деятельность. Речь идет о том, чтобы должностные лица обеих стран не вмешивались во внутреннюю жизнь другой страны. Наши должностные лица честно выполняют это обязательство. Если кто-нибудь из них провинился, пусть нам скажут.

Если зайти слишком далеко и потребовать высылки всех белогвардейских эмигрантов из США, то это было бы посягательством на право убежища, провозглашенное и в США,

* В цитате имеются некоторые разночтения, связанные, видимо, с переводом; см. т. XVI, док. № 363.

и в СССР. Тут надо признать известный разумный предел для требований и контртребований. Литвинов подписал свое письмо президенту Рузвельту не в качестве частного лица, а в качестве представителя государства, точно так же, как это сделал и президент Рузвельт. Их соглашение является соглашением между двумя государствами. Подписывая это соглашение, и Литвинов, и президент Рузвельт как представители двух государств имели в виду деятельность агентов своего государства, которые не должны и не будут вмешиваться во внутренние дела другой стороны. Провозглашенное в обеих странах право убежища не могло быть затронуто этим соглашением. В этих рамках надо толковать соглашение Рузвельт — Литвинов как соглашение представителей двух государств.

Говард. Но разве американские делегаты Браудер и Дарси не призывали на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в прошлом году в Москве, к насильственному насильственному американского правительства?

Сталин. Признаюсь, что не помню речей гг. Браудера и Дарси, не помню даже, о чем они говорили. Возможно, что они говорили что-нибудь в этом роде. Но не советские люди создавали американскую коммунистическую партию. Она создана американцами. Она существует в США легально, она выставляет своих кандидатов на выборах, включая и президентские. Если гг. Браудер и Дарси выступили однажды в Москве с речью, то у себя дома в США они выступали с подобными и даже наверняка более решительными речами сотни раз. Ведь американские коммунисты имеют возможность свободно проповедовать свои идеи. Совершенно неправильно было бы считать Советское правительство ответственным за деятельность американских коммунистов.

Говард. Да, но на этот раз речь идет о деятельности американских коммунистов, имевшей место на советской территории, в нарушение п. 4 соглашения Рузвельт — Литвинов.

Сталин. Что представляет собой деятельность коммунистической партии, в чем она может проявляться? Деятельность эта заключается обычно в организации рабочих масс, в организации митингов, демонстраций, забастовок и т. д. Совершенно понятно, что всего этого американские коммунисты не могут проделать на советской территории. У нас в СССР нет американских рабочих.

Говард. Могу ли я понять Ваше заявление так, что может быть найдено такое истолкование взаимных обязательств, при котором добрые отношения между нашими странами были бы ограждены и продолжены?

Сталин. Да, безусловно.

Говард. Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социа-

лизм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?

Сталин. Выражение «государственный социализм» неточное. Под этим термином многие понимают такой порядок, при котором известная часть богатств, иногда довольно значительная, переходит в руки государства или под его контроль, между тем как в огромном большинстве случаев собственность на заводы, фабрики, землю остается в руках частных лиц. Так многие понимают «государственный социализм». Иногда за этим термином скрывается порядок, при котором капиталистическое государство, в интересах подготовки или ведения войны, берет на свое содержание некоторое количество частных предприятий. Общество, которое мы построили, никак не может быть названо «государственным социализмом». Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне построенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность. Ни итальянский фашизм, ни германский национал-«социализм» ничего общего с таким обществом не имеют. Прежде всего потому, что частная собственность на фабрики и заводы, на землю, банки, транспорт и т. д. осталась там нетронутой, и поэтому капитализм остается в Германии и Италии во всей силе.

Да, Вы правы, мы еще не построили коммунистического общества. Построить такое общество не так-то легко. Разница между обществом социалистическим и коммунистическим Вам наверно известна. В социалистическом обществе еще имеется некоторое имущественное неравенство. Но в социалистическом обществе уже нет безработицы, уже нет эксплуатации, уже нет угнетения национальностей. В социалистическом обществе каждый обязан трудиться, хотя и получает за свой труд еще не согласно своим потребностям, а согласно количеству и качеству вложенного труда. Поэтому еще существует заработная плата, притом неравная, дифференцированная. Только тогда, когда удастся создать такой порядок, при котором люди получают от общества за свой труд не по количеству и качеству труда, а согласно их потребностям, можно будет сказать, что мы построили коммунистическое общество.

Вы говорите о том, что для того, чтобы построить наше социалистическое общество, мы пожертвовали личной свободой и терпели лишения. В Вашем вопросе сквозит мысль, что социалистическое общество отрицает личную свободу. Это неверно. Конечно, для того, чтобы построить что-нибудь новое, приходится нагонять экономию, накапливать средства, сокращать временно свои потребности, занимать у других. Если хочешь построить новый дом, то копишь деньги, временно урезаешь свои потребности, иначе дома можешь и не построить. Это подавно справедливо, когда речь идет о том, чтобы построить целое новое человеческое общество. Приходилось временно урезать некоторые потребности, накапливать соответствующие средства, напрягать силы. Мы так и делали и построили социалистическое общество.

Но это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной. Мы построили его ради действительной личной свободы, свободы без кавычек. Мне трудно представить себе, какая может быть «личная свобода» у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода.

Говард. Считаете ли Вы совместимым параллельное развитие американской демократии и советской системы?

Сталин. Американская демократия и советская система могут мирно сосуществовать и соревноваться. Но одна не может развиваться в другую. Советская система не перерастет в американскую демократию, и наоборот. Мы можем мирно сосуществовать, если не будем придираться друг к другу по всяким мелочам.

Говард. В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин. Мы примем нашу новую конституцию должно быть в конце этого года. Комиссия по выработке конституции работает и должна будет скоро свою работу закончить. Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выстав-

лать не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни. У нас нет противопоставляющих себя друг другу партий, точно так же как у нас нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых капиталистами рабочих. Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции. Каждая из этих прослоек может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся многочисленные общественные организации. Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества, не может быть питательной почвой для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса.

При национал-«социализме» также существует только одна партия. Но из этой фашистской однопартийной системы ничего не выйдет. Дело в том, что в Германии остался капитализм, остались классы, классовая борьба, которая все равно прорвется наружу, в том числе и в области борьбы партий, представляющих противоположные классы, так же как прорвалась, скажем, в Испании. В Италии также существует только одна — фашистская — партия, но по тем же причинам и там из этого ничего не выйдет.

Почему наши выборы будут всеобщими? Потому, что все граждане, за исключением лишенных избирательных прав по суду, будут иметь право избирать и быть избранными.

Почему наши выборы будут равными? Потому, что ни различие в имущественном отношении (еще частично существующее), ни расовая и национальная принадлежность не будут давать никаких привилегий или ущерба. Женщины будут пользоваться активным и пассивным избирательным правом на равных правах с мужчинами. Наши выборы будут подлинно равными.

Почему тайные? А потому, что мы хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят избрать, кому они доверяют обеспечение своих интересов.

Почему прямые? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудящихся нашей необъятной страны.

Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас немало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих

потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти. Наша новая советская конституция будет, по моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире.

Записал К. Уманский

Печат. по газ. «Известия»
№ 5358121, 5 марта 1936 г.

60. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

2 марта 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Заявление Вам Саидлера для передачи НКИД, «что скандинавы дальше культурного сближения с Финляндией не пойдут»*, является успехом нашей политики и частично результатом выхода шведской партии из финляндской правящей коалиции. Нам нужно продолжать и дальше линию разоблачения Финляндии в Скандинавских странах.

2. Ваша беседа с министром Меллером косвенно подтверждает наличие тенденций к неофициальному сотрудничеству шведских и финских военных кругов. Наш новый морской аташе т. Васильев должен поставить себе задачей внести больше ясности в это дело.

3. Поездка Барсовой, несмотря на согласие тт. Керженцева и Молотова, отпала по ее личным соображениям.

Я поставил перед т. Каминским** вопрос о поездке проф. Сперанского. Тов. Каминский болен, после его выздоровления я получу от него ответ.

С товарищеским приветом

Б. Стомяков

Печат. по арх.

* См. док. № 43.

** Народный комиссар здравоохранения СССР.

61. Запись беседы вр. и. о. заведующего II Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арноти

3 марта 1936 г.

Юнгерт попросился к т. Штерну*, но узнав, что он болен, просил меня его принять.

Юнгерт начал с заявления, что он 28 февраля был с визитом у наркома т. Литвинова**. Изложив свою беседу с т. Литвиновым, Юнгерт заявил, что было бы желательно предпринять что-либо, чтобы рассеять неправильное представление о позиции Советского Союза в общественном мнении Венгрии в связи с появившимися в европейской прессе сообщениями о роли СССР в Центральной Европе. Он думает, что это можно было бы сделать либо в виде какого-либо заявления, либо в виде статьи в газете. Со своей стороны, как он уже заявил т. Литвинову, он может еще раз заверить, что Венгрия ничем не обязалась перед Германией и не думает в будущем связывать свою судьбу с Германией. Я его спросил, разве недостаточно уже того, что ему говорил нарком т. Литвинов. Юнгерт на это ответил, что об этом знают он, МИД и правительство. Он же думает о публичном выступлении. Я ему заявил, что с нашей стороны было достаточно публичных выступлений; напомнил ему о неоднократных выступлениях тт. Молотова и Литвинова***, в которых ясно и определенно говорится о принципах нашей внешней политики и нашей политике мира. Если после столь определенных выступлений руководителей нашего правительства венгерская пресса и венгерская общественность продолжают неправильно истолковывать позицию Советского Союза, то нет оснований думать, что новая манифестация могла бы убедить те круги, которые, очевидно, убедить невозможно. Однако Юнгерт не унимался, продолжая излагать основы венгерской внешней политики и доказывать, что Венгрия не хочет связываться с Германией. Он заявил, что Венгрия не собирается менять мирного договора силой оружия. Она только не хочет ухудшения положения по сравнению с Трианонским договором, она будет добиваться равноправия мирным путем. Венгрия рассчитывает на эволюцию, а не на войну, Венгрия стоит за мир. Поэтому Венгрия ни в какой степени не разделяет идей, господствующих в Германии, локальной войны и т. д. Но все же может создаться положение, что Венгрия будет вынуждена, в поисках друга («ами»), пойти на сближение с Германией. Это зависит от политики стран Малой

* Заведующий II Западным отделом НКВД СССР.

** См. док. № 58.

*** См. т. XVIII, док. № 27, 186, 357, 362, а также прил. 1 настоящего тома.

Антанты, которые афишируют теперь Советский Союз как покровителя и гаранта статус-кво Центральной Европы. По Юнгерту выходило, что наша активность в Центральной Европе ухудшает положение Венгрии по сравнению с Трианонским договором и вообще направлена против интересов Венгрии. Сославшись на беседы т. Литвинова, я еще раз разъяснил ему, что он неправ.

Говоря о Германии, Юнгерт бросил фразу, что СССР борется против Германии и соперничает с ней за влияние в Центральной Европе. На это я ему ответил, что СССР не борется против Германии и не собирается соперничать с ней, но Советский Союз борется за мир и против тех элементов, которые готовят новую войну.

Юнгерт спросил затем, что у нас нового в связи с событиями в Японии и как мы расцениваем визиты Годжи *. Я ответил, что кроме тех сведений, которые имеются в прессе, других сведений у меня нет.

Вр. и. о. заведующего II Западным отделом
Г. Бежанов

Печат. по арх.

62. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Польше Б. Г. Подольскому

4 марта 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Известное выступление Косцялковского²⁰ о неизменности польской внешней политики послужило предостережением всем тем, кто ожидал слишком быстрой эволюции польской политики после смерти Пилсудского. Германо-польские визиты последнего времени **, поездка Бека в Брюссель, предстоящие поездки его в Будапешт и Белград и ряд польских высказываний последнего времени говорят нам о том, что влияние Бека на польскую политику еще настолько сильно, что он может не только удерживать от изменения ее германофильского курса, но даже проявлять инициативу и активность в сторону дальнейшего укрепления этого курса.

Особенно интересна поездка Бека в Брюссель. Только что полученное сообщение от т. Рубинина²³ подтверждает наши предположения относительно целей этой поездки, предположения, нашедшие еще до этого подтверждение в заявлении правительственного «Иллюстрированного курьера подзенного» от

* См. также док. № 6.

** См. док. № 37.

29 февраля, что «Польша и Бельгия одинаково смотрят на опасность создания в Европе противопоставляющихся друг другу блоков». Согласно информации г. Рубинина, можно считать установленным, что своей поездкой Бек преследовал цель укрепить существующие в Бельгии элементы недовольства военно-политической зависимостью Бельгии от Франции. На днях группа фламандских депутатов внесла в парламент проект закона о денонсации франко-бельгийской военной конвенции 1920 г. В результате работы фламандских активистов, которые, как известно, во время германской оккупации Бельгии выступали на стороне Германии, за последнее время ведутся какие-то переговоры между Францией и Бельгией относительно опубликования такой совместной интерпретации франко-бельгийской военной конвенции, которая (интерпретация) ускорила бы фламандскую оппозицию. Характерно, далее, что не только фламандцы, но также и нефламандская католическая пресса, а равно и либеральная пресса ведут некоторую кампанию против франко-советского пакта. С другой стороны, имеется ряд сведений о систематическом ухаживании за Бельгией со стороны гитлеровской Германии, которая соблазняет бельгийцев какими-то сепаратными предложениями, вроде заключения пакта о ненападении и т. п. В этой ситуации поездка Бека в Бельгию приобретает характер организованной польско-германской попытки ослабления связей Франции с ее союзниками и усиления их нажима на Францию с целью добиться ослабления курса на сотрудничество с Советским Союзом, на дальнейшую организацию коллективной безопасности и т. п.

Судя по сообщению г. Рубинина, Бек может зарегистрировать уже некоторый успех, заключающийся в том, что близкая Ван-Зееланду пресса в связи с приездом Бека говорит об общности интересов Польши и Бельгии, которым-де, с одной стороны, грозит военное вторжение «в результате соперничества великих держав» и которые, с другой стороны, могут вести политику европейского примирения. При этом подчеркивается все более популярный в Бельгии тезис о необходимости отстаивания независимости своей политики от политики великих держав.

Не подлежит никакому сомнению, что аналогичную цель будет преследовать также и поездка Бека в Белград. Помимо этого, поездка в Белград и поезда в Будапешт имеют целью воспрепятствовать реализации франко-чешской концепции упорядочения дел в Дунайском бассейне, а также вовлечению Советского Союза в дела этой части Европы³⁴.

2. Особого внимания заслуживает, далее, развивающееся сближение Польши с Италией. Мы знаем из разных источников о растущей близости польско-итальянских отношений,

близости, связанной с более широкими попытками сколачивания блока фашистских держав (Италия, Польша, Германия, Япония). Поскольку в основе всех этих попыток лежат усилия обеспечить итало-германское сотрудничество по разрешению европейских проблем, можно считать, что эти попытки, по крайней мере в настоящее время, обречены на неудачу. Не говоря о других причинах, достаточно отметить, что Германии еще труднее, чем Италии, связать себе руки в отношении Англии соглашением об итало-германском сотрудничестве.

Прошу, кстати, выяснить вопрос о причинах отставки Высоцкого. Мы продолжаем получать сведения, говорящие о том, что Высоцкий перед своим последним отъездом из Рима вел важные переговоры с Муссолини³⁵ и что причину отставки следует искать не в преклонном возрасте Высоцкого.

3. Неожиданное извлечение пилсудчиками из архивов и постановка в порядок дня польско-советских отношений дела о польских расчетных претензиях по Рижскому договору* несомненно были связаны с желанием отвлечь внимание польской общественности от проблемы германской задолженности Польше и от отрицательных сторон польско-германских отношений вообще³⁶. Этот инцидент лишней раз подтверждает, как далеко зашло сближение Польши с Германией,— сближение, которому пилсудчики подчиняют другие проблемы польской внешней политики.

Если Вам и другим работникам полпредства придется разговаривать с поляками или иностранцами на эту тему, необходимо руководствоваться аргументацией, изложенной в статье Е. Петрова, появившейся 28 февраля в «Известиях».

4. Поведение польской прессы по отношению к СССР становится все более враждебным. Нельзя объяснить случайностью то обстоятельство, что за последнее время в разных польских газетах вдруг появились серии исключительно наглых и даже грязных пасквилей на советских деятелей. Вряд ли можно сомневаться в том, что инициатива исходит из одного** места, и именно из ведомства Бека или даже от него лично. Целью является, по-видимому, мобилизация польской общественности против Советского Союза. Это происходит в тот момент, когда в Польше нельзя написать буквально ни одного плохого слова о Гитлере, о его соратниках или даже о гитлеризме вообще. Совершенно справедливо отметил «Работник», что польская цензура более рьяно защищает от нападок гитлеровцев, чем даже руководящих деятелей польского государства.

В этом случае нам придется подумать о контрмерах. Я считал бы, кроме того, целесообразным, чтобы Вы при подходя-

* См. т. III, док. № 350.

** В тексте, видимо, ошибочно — не из одного.

шем случае обратили внимание кого-нибудь из видных правительственных деятелей Польши на составляющее угрозу для наших отношений и непрерывно продолжающееся за последнее время падение уровня высказываний польской прессы по адресу СССР³⁷. За беспримерными статьями Берсона (печатаемыми на видном месте в официозе польского правительства) следует серия грязных пасквилей по адресу виднейших деятелей СССР. Последовательность появления этих пасквилей на протяжении короткого промежутка времени и появление их в разных газетах вызвали в Москве убеждение, что индигнация подобного рода «борьбы» с СССР исходит из одного центра. Укажите при этом мимоходом, что в нашей прессе до сих пор не появлялись подобные нападки на руководящих польских деятелей, несмотря на то что «подобного рода материалы» были опубликованы в европейской прессе и появляются в ней, как известно, также и за последнее время.

5. По «делу 26-ти» нужно пока ограничиться заявлением. Вам устного протеста³⁸, не посылая ноты. Возможно, что нам в дальнейшем придется еще вернуться к этому вопросу.

6. Особое внимание обращают на себя происходящие за последнее время сдвиги во внешнеполитической концепции эндеков. После многократных выступлений Стронского и Косковского, отстаивавших по-прежнему необходимость тесной связи Польши с Францией и высказывавшихся в пользу включения Польши в систему пактов взаимопомощи, нам казалось, что приближающиеся к внешнеполитической концепции пилсудчиков идеи Козницкого во всяком случае не являются господствующими среди партии эндеков. Тем более неожиданным является сообщение о последнем решении центрального комитета н[ационально]-д[емократической] партии, решении, носящем открытый антисоветский характер, направленном в то же время по существу против политики Франции и как будто говорящем об уже совершившейся или совершающейся полной перемене внешнеполитической программы этой партии.

Ввиду большой важности позиции эндеков для дальнейшего развития внешней политики Польши и для будущего наших отношений с ней я прошу Вас и полпредство уделить этому вопросу большое внимание, собрать и проверить информацию из разных источников и прислать отдельный, обстоятельный доклад с заключением³⁹.

С товарищеским приветом

Б. Стомяков

63. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
4 марта 1936 г.

Крейги * пригласил Кагана ** и сообщил ему следующее: в настоящий момент рассчитывать на подписание морского соглашения Италией не приходится. Возражения Франции могут считаться изжитыми, и потому английское правительство предполагает, что в ближайшем будущем морское соглашение будет подписано тремя державами — Англией, Францией и США ***. На той же базе английское правительство рассчитывает подписать двойное соглашение с Германией, которая, хотя делает некоторые стоворки технического порядка, не имеющие особенно серьезного характера, в принципе не возражает против английского предложения о двустороннем договоре. Английское правительство хотело бы аналогичный двусторонний договор подписать и с СССР, но, не будучи уверено в приеме, который встретило бы с нашей стороны подобное предложение, оно пока воздерживается от посылки официального приглашения. Крейги поэтому в частном порядке просил Кагана выяснить, приемем ли мы предложение о переговорах и подписании двустороннего англо-советского морского соглашения на базе решений Лондонской морской конференции. Если да, то английское правительство официально пригласит СССР приступить к переговорам. По заявлению Крейги, основная идея английского правительства состоит в том, чтобы пока заключить хотя бы групповые или двусторонние соглашения с важнейшими морскими державами, а затем с наступлением более благоприятного политического момента свести их в один общий морской договор с участием, по возможности, Италии и Японии. Каган спросил Крейги: в случае подписания двустороннего договора будут ли участники его только взаимно обмениваться информацией о своих военно-морских программах или же они будут получать также аналогичную информацию от держав, признавших Лондонское морское соглашение? Крейги ответил, что, очевидно, участники двустороннего договора будут информировать друг друга только о морском строительстве, но высказал при этом мысль о возможности заключения между всеми державами, признавшими Лондонское соглашение, особого дополнительного договора на

* Помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Ванситарта.

** Советник полпредства СССР в Великобритании.

*** См. газ. «Известия», 23, 26 марта 1936 г.

предмет всеобщего обмена информацией по военно-морскому сирителъству. Срочно сообщите решение*.

Сущность лондонскаго соглашения посылается следующей телеграммой⁴².

Полпред

Печат. по арх.

64. Письмо Полномочнаго Представителя СССР в Монгольской Народной Республике Председателю Совета Министров и Министру Иностраннахъ Дел МНР Гендуна

4 марта 1936 г.

Честь имею подтвердить получение Вашего письма от 29 февраля с. г. за № 76 по поводу решения, вынесеннаго Правительством МНР, о передаче в ведение Министерства торговли и промышленности смешаннаго монголо-советскаго акционернаго общества «Монголтранс».

По поручению Правительства СССР, в соответствии с соглашением от 1 декабря 1934 г. о смешанных обществах**, сообщаю, что со стороны СССР нет никаких возражений против немедленной передачи «Монголтранса» Правительству МНР.

Представителями советскай стороны в коммиссии по передаче этого смешаннаго общества являются: Калашников — в качестве председателя и Фортшманов — в качестве члена.

С почтением

Полпред СССР
Таиров

Печат. по арх.

В упоминаемом письме Гендуна от 29 февраля 1936 г. говорилось:

«Ввиду истечения срока договора о созданин акционернаго общества «Монголтранс», заключеннаго в декабре месяце 1929 г. между Правительствами СССР и МНР***, в 1935 г. собрание акционеров вынесло решение о передаче «Монголтранса» МНР. 10 октября того же года Правительство, рассмотрев решение акционеров, признало решение правильным, со своей стороны назначило Яндака председателем коммиссии по приемке и членом Гомбозова, приказало закончить приемку 1 января 1936 г. и представить на утверждение Правительства акт приемки.

Направляя настоящее Полпреду СССР в МНР уважаемому Таирову, глубоко надеюсь, что Вы пришлете ответ с согласием на передачу акционернаго общества «Монголтранс».

* См. док. № 72.

** См. т. XVII, кат. № 409.

*** См. сб. «Советско-монгольские отношения, 1921—1966», М., 1966, стр. 40—43.

65. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

5 марта 1936 г.

Приходит Ота*. Вновь заверил в неизменности внешней политики Японии, несмотря на токийские события²⁹. Он говорил, что его правительство считает нужным скорейшее обсуждение и разрешение спорных между нами вопросов и, хотя эти вопросы конкретно ему не сообщены, он лично считает наиболее важным из них рыболовный вопрос. Пожаловавшись на безрезультатность многочисленных встреч Сако с Козловским**, он отметил, что главными вопросами являются вопросы о 12-летнем сроке, о торгах и о сборах. По последнему Козловский уже уступил, а если мы уступим и в сроке, тогда Япония готова уступить по вопросу о торгах. Я возложил ответственность за безрезультатность на японцев, которые заняли непримиримую позицию и не идут ни на какие уступки. Я не соглашался, что рыболовный вопрос является наиболее важным, ибо в случае даже незавершения переговоров к сроку останется в силе прежняя конвенция*** плюс карахановское соглашение, и никакой беды от этого не будет. Более серьезными, сказал я, надо считать пограничные вопросы и нажим на Монголию. У нас создается впечатление, что чем больше мы уступаем, тем больше возрастает требовательность Японии. После нашей капитальной уступки по Китайско-Восточной ж. д. появилось требование ревизии границы и наступление на Монголию. Наши отношения не зависят от того, что происходит за пределами СССР и Монголии, но в последнюю Японию лезть незачем, а если она полезет, то будем считать это опасностью для наших собственных границ. Последовала длинная дискуссия о редемаркации границы и о дипломатических отношениях между Монголией и Маньчжоу-Го. Я указывал на необходимость спокойствия на границах для успешности переговоров по другим вопросам. Хотя беседа продолжалась два с половиной часа, новых элементов не выявлено, кроме уступки Японии по торгам, которую надо еще уточнить. Ота напомнил обещание представить положение о смешанной комиссии, но я сослался на токийские события и обещал в ближайшее время вернуться к этому вопросу****.

Литвинов

Печат. по арх.

* Беседа состоялась 4 марта 1936 г.

** См. док. № 41.

*** См. т. XI, док. № 21.

**** См. док. № 75.

66. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

6 марта 1936 г.

Беседа Сталина с Роем Говардом * напечатана во всех без исключения газетах. В херстовской прессе — сокращенно. Она произвела сильное и весьма благоприятное впечатление. Газеты особенно уделяют внимание заявлению о защите МНР.

Полпред

Печат. по арх.

67. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

6 марта 1936 г.

Здешний абиссинский посланник явился ко мне и представил своего соотечественника Халла, который сообщил, что прибыл со специальным поручением негуса выехать в Москву для установления контакта с правительством СССР. Халл снабжен письмом министра иностранных дел к Литвинову и личным посланием негуса к Калужину **. Цель этой миссии — восстановление отношений Абиссинии с СССР. Посланник и Халл просили визировать паспорт последнему. Я ответил, что запрощу вашего разрешения. Жду ваших указаний †.

Полпред

Печат. по арх.

68. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Фланденом

7 марта 1936 г.

Фланден объяснил полпреду, что счел необходимым ознакомиться с положением, создающимся для Франции в результате денонсирования Германией Локарнского договора и нарушения ею режима демилитаризованной зоны ***. Поэтому по поводу министром иностранных дел Франции желал бы обменяться с представителем СССР взглядами, чтобы наметить общую линию поведения.

* См. док. № 59.

** См. док. № 99.

*** См. газ. «Известия», 8, 9 марта 1936 г.

Министр начал с заявления, что ни речь Гитлера, ни меморандум, врученный Нейратом представителям локкарнских держав, не произвели на французское правительство того впечатления, на которое они рассчитаны. Во всяком случае внешнеполитическая линия правительства Франции несколько не меняется вследствие указанных событий. В частности, министр считает долгом со всей определенностью заверить полпреда, что отношение французского правительства к франко-советскому пакту остается прежним. Ратификация этого договора в кратчайший срок представляется ему необходимой, и она должна состояться в намеченное время*. Французское правительство убеждено, что протесты Германии против франко-советского пакта являются только предлогом, оправдывающим самочинное нарушение Германией Версальского и Локкарнского договоров. Цель, преследуемая Германией, ясна: правительство Гитлера стремится занять своими войсками демилитаризованную зону и приступить к сооружению в ней той цепи укреплений, которая в случае конфликта Германии с Францией должна принудить французов к позиционной войне и обречь на неподвижность процентов 50 вооруженных сил Франции. Об этом плане Германии французское верховное командование и правительство знали уже давно, почему и нынешняя акция Гитлера не является для них неожиданностью.

Полпред заметил, что с удовлетворением констатирует ясное понимание французским правительством цели маневра Гитлера. Совершенно правильны и выводы, делаемые министром из создавшегося положения для дальнейшего направления внешней политики Франции. Само собою разумеется, что ратификация франко-советского пакта сенатом в кратчайший срок представляется единственно возможным решением. Малейшее колебание в этом вопросе было бы истолковано Германией и международным общественным мнением как проявление слабости и боязни со стороны Франции и повело бы к непоправимому умалению ее престижа. В конце концов сам Гитлер признает эту ратификацию свершившимся фактом, от которого он отправляется в своей аргументации и в своих предложениях. Можно быть уверенными, что, если бы не было франко-советского пакта, Германия нашла бы другой предлог для ввода своих войск в Рейнскую область.

Фланден ответил, что совершенно разделяет мнение, высказанное полпредом. Германия сознательно и последовательно освобождает себя от всех договорных обязательств, стесняющих ее свободу действий и являющихся помехой для осуществления ее экспансии и агрессивных замыслов. Этой

* См. док. № 74, 84.

тактике Германии необходимо противопоставить самое решительное противодействие всех государств, искренне заинтересованных в сохранении мира. Реакция на самочинные действия Германии должна быть единодушной. В противном случае Европе угрожает опасность новой войны.

Что касается «миролюбивых» предложений, выдвигаемых Гитлером, то французское правительство признает их неприемлемыми и не подлежащими обсуждению. Прежде всего они могут соблазнить только наивных и слишком доверчивых людей. Гитлер добивается подтверждения безнаказанности допущенных Германией нарушений международных договоров, создания непреодолимого военного барьера против Франции и Бельгии на западной границе Германии и обеспечения безопасности для германского агрессора при его продвижении на Восток. Совершенно очевидно, что никакие переговоры с Германией на этой базе неприемлемы. Первое, о чем надо думать,— это коллективная реакция на вопиющее нарушение Локарнского и Версальского пактов.

Правительство Франции решило воздержаться пока от ответа на нарушение режима демилитаризованной зоны принятием мер чисто военного порядка. Это не означает, впрочем, что военное командование бездействует, оставаясь пассивным перед зрелищем приближения германских вооруженных сил и укреплений к самой французской границе. Но правительство не считает нужным ни объявление мобилизации, ни введение в Рейнскую зону своих собственных вооруженных сил. Оно предпочитает обратиться к средствам коллективного международного воздействия на нарушителя договоров. С этой целью оно обращается в Лигу наций с требованием немедленного созыва Совета.

В ближайшие дни, вероятно, не позже понедельника — вторника, в Париже состоится конференция представителей локарнских держав*, долженствующих совместно обсудить создавшееся положение и наметить общую линию действий. Затем должен собраться Совет Лиги наций. Французское правительство намерено предложить ему применение к нарушителю договоров санкций экономического и финансового характера.

Полпред осведомился у Фландена, выяснилось ли уже отношение Великобритании к заявлениям Гитлера и к меморандуму Нейрата.

Фланден ответил, что только что поставил вопрос об этом перед английским послом Клерком, которого просил немедленно снестись с Лондоном. Фланден не закрывает глаз на опасность, вытекающую из общеизвестного «эмпиризма» анг-

* См. газ. «Известия», 10—14 марта 1936 г.

лийской политики, склонной к компромиссам и избегающей принятия на себя Англией конкретных и ответственных обязательств в отношении международных дел Европы. Гитлер учел эти тенденции английской политики, развертывая целую программу якобы миролюбивых предложений Германии, относящихся к участникам Локарно и к непосредственным соседям рейха. Тем не менее, если твердая позиция, занятая правительством Франции, найдет себе поддержку со стороны СССР и других государств, представленных в Женеве, Англия вынуждена будет последовать за ними, тем более что в итало-абиссинском конфликте она сама апеллировала к Лиге наций, полностью получила от нее нужную поддержку и ныне продолжает заявлять устами членов своего правительства о своей преданности Лиге наций, организующей коллективную безопасность.

Обращаясь к полпреду, Фланден заявил, что французское правительство, обсуждавшее нынешним утром вопросы, вытекающие из акции Гитлера, выразило уверенность в том, что со стороны СССР, связанного с Францией отношениями дружбы и обязательствами взаимной помощи, оно встретит активную и твердую поддержку при организации противодействия нарушителям международных договоров. Министр осведомился у полпреда, каково его мнение по данному вопросу.

Полпред ответил, что всем известно лояльное отношение СССР к принятым на себя обязательствам договорного порядка. СССР вступил в Лигу наций с намерением активно участвовать в организации безопасности и защите мира. СССР не уклонялся и не уклонится от выполнения обязательств, налагаемых на него Пактом Лиги наций.

Фланден заявил, что он удовлетворен ответом полпреда на его вопрос. Для Франции и для международного общественного мнения весьма важно знать, что в данный критический момент между французским правительством и правительством СССР существует единство взглядов и намечается единство действий.

Фланден добавил, что в кабинете министров поставлен был вопрос о позиции, занимаемой Италией перед лицом Германии, нарушившей международные договоры. Сарро просил Фландена обменяться по этому вопросу мнениями с полпредом. В частности, Фландену хотелось бы знать, допускает ли полпред некоторую согласованность в действиях Италии и Германии.

Полпред ответил, что, по-видимому, между Муссолини и Гитлером велись последнее время оживленные переговоры. Германия добивалась активного противодействия Италии ратификации франко-советского пакта, выступления итальянского правительства с угрозой денонсировать Локарнский до-

говор или с требованием признать за его гарантами право вето на эвентуальные решения Франции об оказании помощи СССР против Германии. Муссолини, со своей стороны, домогался от Гитлера твердых гарантий независимости Австрии и активной поддержки в противодействии санкциям, налагаемым на Италию участниками Лиги наций. По-видимому, ни та, ни другая сторона не получила удовлетворения при этих переговорах. Сегодня опубликованы сообщения итальянского правительства, которое отмежевывается от акции Гитлера, подтверждает свое мнение о совместимости франко-советского пакта с Локарнским договором и, наконец, заявляет о принципиальном согласии на предложение «комитета 13-ти» об открытии переговоров с Абиссинией. Цель итальянского маневра достаточно ясна. Муссолини дает понять Франции и Англии, что он готов идти с ними против Германии и восстановить «фронт Стрезы», если эти великие державы дадут ему удовлетворение в абиссинском вопросе и в деле санкций.

Фланден выразил свое согласие с выводами полпреда. «Может быть,— заметил он тут же,— и в самом деле стоило бы пойти на известные уступки Италии в отношении западных областей Абиссинии».

В дальнейшей части разговора Фланден отметил, что французское правительство вынуждено констатировать «ложность» сообщения Нейрата французскому послу в Берлине о «символическом» значении введения в Рейнскую область германских вооруженных сил. На самом деле в эту зону направляются достаточно крупные воинские соединения. Фланден прочитал полпреду телеграмму, только что полученную министром от берлинского военного атташе, в которой сообщалось, что в Рейнскую зону направляются 19 пехотных батальонов и 13 артиллерийских дивизионов. Вместе с находящимися уже в зоне тремя дивизиями, только для приличия именуемыми полицейскими, указанные вооруженные силы представляют почти то же самое количество войск, которое содержится во французских гарнизонах приграничной полосы. Ясно, что правительство Гитлера и в этом вопросе прибегает к обману.

В заключительной части беседы полпред отметил, что твердость, проявляемая французским правительством перед лицом нарушений Германией международных договоров, является единственно возможным средством предотвратить дальнейшие осложнения, угрожающие катастрофой. При этом полпред сослался на последнее заявление т. Сталина по адресу Японии*. Фланден подхватил эту тему и заявил, что придает чрезвычайно важное положительное значение тому, что высказано т. Сталиным американскому журналисту. Предупреждение по

* См. док. № 59.

адресу Японии производит впечатление спокойной уверенности в мощи СССР. Положительная оценка т. Сталиным франко-советского пакта свидетельствует о том, что СССР придает надлежащую важность этому договору и проявляет решимость развивать сотрудничество с Францией в интересах коллективной безопасности и мира. Чрезвычайно полезным считает Фландер и заявление т. Сталина о неземшательстве СССР во внутреннюю жизнь других стран. Фландер полагает, что эти слова т. Сталина наилучшим образом опровергают инсинуации врагов СССР и противников пакта, агитирующих общественное мнение страны.

Прощаясь, Фландер выразил уверенность в тесном контакте Франции и СССР в Женеве. Он добавил, что будет лично следить за скорейшей ратификацией франко-советского пакта в сенате и с надлежащей энергией выступит в его поддержку.

Потемкин

Печат. по арх.

69. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
8 марта 1936 г.*

В связи с тем, что выступление Гитлера состоялось в субботу*, ни вчера, ни сегодня нельзя было войти в надлежащий контакт с форин офисом и политическими кругами. Заседание кабинета состоится только 9-го утром**. Отношение воскресной прессы к выступлению Гитлера в общем спокойное и отчасти даже дружественное. Только «Санди таймс» резко выступает против Гитлера, заявляя, что «политика совершившегося факта», систематически проводимая Гитлером, окончательно подрывает доверие к его обещаниям и лишает ценности все его предложения. «Обсервер», мягко пожурив Гитлера за плохие манеры, настаивает на необходимости рассмотреть «блестящие и своевременные предложения фюрера» и притом «в духе симпатии и доброй воли». А лейбористская «Народ» (воскресное издание «Дейли геральд») даже договаривается до того, что предложения Гитлера являются базой для установления мира в Европе. Из кругов здешнего германского посольства идут сведения, будто британское правительство восприняло немецкий меморандум «не неблагоприятно», но я еще не имел возможности проверить это сообщение. Завтра постараюсь повидать Идена и получить у него инфор-

* См. док. № 68.

** См. газ. «Известия», 10 марта 1936 г.

мацию о позиции британского правительства⁴². Вообще же я считаю, что в ближайшие недели нас ожидают в Англии большие трудности. Выступление Гитлера снабжает прекрасной амуницией все гермаофильские элементы, которых здесь достаточно много. Кроме того, оно внесет большую путаницу в головы мягкотелых пацифистов и лейбористских бескребетников, которые готовы считать, что заявление Гитлера о желании вернуться в Лигу наций одним ударом разрешает всю германскую проблему. Судя по всему, неизбежен очередной зигзаг британской политики в сторону Германии. Длительность и серьезность этого зигзага в немалой степени будет зависеть от того, сумеют ли другие заинтересованные державы, в первую очередь Франция, проявить твердость и последовательность перед лицом нового акта германской агрессии.

Прошу вас возможно более срочно дать указания, касающиеся нашей линии поведения в сложившихся обстоятельствах*.

Полпред

Печат. по арх.

70. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полимоичному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину

*Вне очереди
9 марта 1936 г.*

Сегодня же скажите Фландену, что в ответ на переданный мне Вами его запрос о нашей позиции⁴³ я просил Вас заверить его, что он может полностью рассчитывать на мою поддержку в Женеве. Однако ввиду неулегшегося ещё возбуждения нашего общественного мнения, вызванного прохождением пакта**, я чувствовал бы себя в Женеве более свободно, если бы к тому времени была внесена полная ясность в наши отношения путем окончательной ратификации пакта. Мне кажется, что ратификация пакта без прений была бы достойным ответом на агрессию Германии и своевременной демонстрацией единства французской нации перед лицом этой агрессии.

«Комитет 13-ти» вряд ли примет серьезное решение, а расширение санкций, вероятно, теперь отпадет. Я считал бы, однако, ошибкой отмену действующих санкций. Было бы лучше созвать «комитет 18-ти» уже после сессии Совета.

Выезжаю сегодня, так что можете звонить мне в Берлин в понедельник.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 71.

** См. док. № 52.

71. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

9 марта 1936 г.

Если позиция, занятая английской прессой *, отражает политику правительства, то это означает возвращение к политике премии агрессору, разрыв системы коллективной безопасности и конец Лиги наций. Переговоры с Гитлером на второй день после нарушения Локарно ** будут иметь более тяжелые последствия, чем план Лавалля — Хора ***. Будет окончательно подорвано доверие к Англии. Лига наций, открывающая настежь двери агрессору, с точки зрения мира теряет всякую ценность. Мы решительно осуждаем такую позицию и готовы поддержать любые действия, коллективно принятые в Женеве против Германии. Есть полная возможность теперь же приостановить германскую агрессию и уменьшить ее опасность. Переговоры с Гитлером теперь означают увеличение этой опасности и поощрение не только Германии, но Италии и Японии. После этого продолжать санкции против Италии не будет никакого смысла. Сегодня выезжаю в Женеву.

Литвинов

Мечат. по арх.

72. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

9 марта 1936 г.

Заявите Крейги, что, не будучи привлечены до сих пор к общим лондонским переговорам и конференции о морском соглашении ****, мы этим вопросом не занимались, а потому нам потребуется некоторое время для изучения достигнутых результатов конференции и англо-франко-американского соглашения *****. После изучения мы дадим ответ по существу *****, а пока просим прислать нам это соглашение. Добавьте, что тем временем мы хотели бы знать, хочет ли Англия предложить нам двусторонний договор, полностью совпадающий с означенным соглашением, или же договор может быть

* См. док. № 69.

** См. док. № 68.

*** См. газ. «Известия», 15 декабря 1935 г.

**** См. док. № 63.

***** См. газ. «Известия», 23, 26 марта 1936 г.

***** См. док. № 139.

заклучен на иной основе, а в первом случае, будет ли Англия настаивать на двустороннем договоре или не исключается наше присоединение к тройственному соглашению.

Литвинов

Печат. по арх.

73. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку

9 марта 1936 г.

На телеграмму от 6 марта 1936 г.⁴⁴ Мы готовы ознаменовать приезд Файза Мухаммед-хана подписанием протокола о продлении на десять лет пакта о ненападении*. Если афганское правительство одобряет эту мысль⁴⁵, то пусть немедленно пошлет Файзу Мухаммед-хану телеграфические инструкции и полномочия**.

Литвинов

Печат. по арх.

74. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
9 марта 1936 г.

На телеграмму от 9 марта 1936 г.^{***} Поручение выполнено. Фланден выразил глубокое удовлетворение по поводу нашего сообщения. Правительство твердо решило провести ратификацию пакта сенатом в четверг. Что касается отказа от дебатов, то Фланден обсудит этот вопрос с Сарро и Поль-Бонкуром****. Во всяком случае сейчас многие из недавних оппозиционеров будут уже голосовать за пакт. Эventуальное предложение об отказе от дебатов выдвинуто группой сенаторов, а не правительством. Фланден соглашается со мной, что ему необходимо сегодня же переговорить с Беранже*****. Он сигнализирует нам, что слухи о колебаниях Бельгии лишены оснований. Сейчас бельгийский посол заверил его, что его правительство не производило в Лондоне демарш в пользу обсуждения предложенной Гитлера. Твердая позиция и Малой

* См. т. IX, док. № 246.

** См. док. № 107.

*** См. док. № 70.

**** Государственный министр Франции.

***** Председатель комиссии по иностранным делам сената Франции.

Антанты. Французское правительство не отступит от требований экономических и финансовых санкций против Германии и убеждено, что Англия пойдет за Францией и СССР.

«Комитету 13-ти» Фландер намерен предложить следующее. Стороны приглашаются немедленно начать в Женеве двусторонние переговоры. Комитет поручает представителю Секретариата Лиги участвовать в них в качестве наблюдателя. В любой момент по сигналу этого наблюдателя весь комитет или выделенные им органы могут интервенировать в переговоры для облегчения соглашения. Если оно осуществится, предпочтительно, чтобы Лига только зарегистрировала его, не подвергая обсуждению. Вопрос о санкциях Фландер уже обсуждал с итальянским послом Черрути. Последний указывает, что, если Италия согласится на применение санкций к Германии, она по существу будет втираться за усиление санкций, уже применяемых к самой Италии, ибо главным источником ее снабжения является сейчас Германия. Почему-де, если хотя бы присоединения Рима к предстоящим решениям о санкциях против Германии, пусть подумают о том, как облегчить положение Италии. Фландер понимает, что Италия торгуется и заламывает цену. Он все же считает, что возвращение Италии к сотрудничеству с Лигой против Германии настолько важно, что во имя этого возможно пойти на некоторые уступки. Он согласен с нами, что заняться данным вопросом лучше после сессии Совета Лиги.

Сегодня вечером условился о встрече с Поль-Бонкуром ⁴⁶.

Полпред

Печат. по арх.

75. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

10 марта 1936 г.

1. 9 марта я вызвал Ота и вручил ему проект положения о смешанной комиссии ⁴⁷ для расследования инцидента 30 января*. Ота обещал передать в Токио и просить ускорить ответ.

2. В связи с этим вопросом Ота предложил создать параллельную комиссию, которая работала бы одновременно с первой комиссией и провела бы редемаркацию хотя бы восточного участка границы. Так как Ота добивался ответа, я сформулировал нашу позицию в трех пунктах: а) Советское пра-

* См. док. № 31.

вительство возражало и возражает против пересмотра существующих границ; б) Советское правительство принципиально не возражало и не возражает против редемаркации, под которой оно понимает не совершенно новую демаркацию, а лишь проверку, в порядке ли прежняя демаркация; в) ускорение редемаркации зависит исключительно от японского правительства, поскольку непременным условием редемаркации, как мы это неоднократно заявляли, является прекращение наладений на нашу территорию и восстановление спокойствия на границе.

3. Я спросил Ота об ответе японского правительства на мое предложение от 21 февраля* по вопросу о монголо-маньчжурской смешанной комиссии. Ота объяснял отсутствие ответа событиями в Японии²⁹ и высказал предположение, что, может быть, японское правительство считает уже вопрос отпавшим, поскольку между Маньчжоу-Го и МНР по этому вопросу уже ведутся непосредственные переговоры. Я заявил, что нас тем не менее интересует ответ японского правительства на наши предложения. Ота обещал ускорить ответ**.

4. Сославшись на его заверения Литвинову, что февральские события не окажут никакого влияния на наши отношения***, я выразил сожаление по поводу того, что эти события в одном направлении уже оказали неблагоприятное влияние на наши взаимоотношения, а именно в отношении создания исключительно тяжелых условий работы нашего полпредства в Токио, с чем мы не можем примириться, ибо это прежде всего является открытой дискриминацией СССР. Поскольку японский миииндел не проявляет обычных в таких делах внимания и куртуазии, мы решили просить посла передать Хирота просьбу Советского правительства не обременять наших отношений этими по существу мелочными, но нетерпимыми мероприятиями в момент, когда в связи с созданием смешанной комиссии намечается как будто бы возможность некоторого улучшения отношений.

Ота просил не принимать все эти мероприятия «в нехорошем смысле» и стремился объяснить их военным положением, вызвавшим усиленную бдительность к японским коммунистам, а также необходимость охраны полпреда и сотрудников полпредства. Я указал, что мы не можем примириться с тем, что военное положение применяется из нескольких десятков посольств и дипломатических миссий только к нашему полпредству, что японская полиция знает японских сотрудников нашего полпредства лучше, чем сотрудников любого другого посольства, и знает также, что полпредство не имеет

* См. газ. «Известия», 23 февраля 1936 г.

** См. газ. «Известия», 17 марта 1936 г.

*** См. док. № 65.

никакого отношения к деятельности японских коммунистов. Я отверг также соображения об охране. Напомнив ему исключительное внимание и чуткость, которые НКВД всегда проявлял и проявляет во всех вопросах, затрагивающих положение японского посольства у нас, я настаивал в энергичной форме на прекращении дискриминации. В общем Ота защищался очень слабо, видимо, был встревожен моими заявлениями, искренне обещал просить Хироты произвести расследование и принять необходимые меры⁴⁸.

Стомоняков

Печат. по арх.

76. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

10 марта 1936 г.

Сегодня я опять видел Крэнборна и ознакомил его с взглядом Советского правительства на создавшуюся ситуацию в духе Вашей телеграммы от 9 марта *. Я подчеркнул при этом, что мы относимся к выступлению Гитлера ** с величайшей серьезностью, ибо оно является новым и важным звеном в длинной цепи его агрессивных действий, что агрессию Гитлера еще можно остановить путем оказания ей решительного отпора и что мы готовы поддержать любой акт Лиги наций против Германии, принятый всеми ее участниками. Далее указал, что всякая попытка в сложившейся обстановке вести какие-либо переговоры с Гитлером была бы равносильна выдаче премии агрессору и нанесла бы смертельный удар коллективной безопасности и Лиге наций. Я ясно дал понять также, что в случае упорства британского правительства в вопросе о переговорах с Германией может стать вопрос об аннулировании санкций против итальянцев. Наконец, я обратил внимание Крэнборна на то, что одной из важнейших целей, поставленных себе Гитлером, является вбивание клина между Лондоном и Парижем и что британское правительство, судя по его поведению, видимо, поймалось на эту удочку. Мои слова произвели на Крэнборна очень сильное впечатление, защищался он слабо и под конец обещал немедленно же сообщить о своей беседе со мной Идену и британскому правительству.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 71

** См. док. № 68.

77. Запись беседы заведующего I Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с советником Посольства Польши в СССР Янковским

11 марта 1936 г.

На обеде у Лукасевича* для наших военных у меня состоялась довольно длинная беседа с Янковским. Янковский развил следующие мысли: в Польше прекрасно понимают агрессивные стремления Германии. За нарушением Локарнского договора последует, вероятно, захват Австрии и далее нападение на Польшу. Однако Польша, в противоположность Франции, будет драться до последней капли крови за свои границы. Польша, в противоположность Франции, открыто заявляет, что попытка ревизии ее границ будет означать войну. Далее Янковский стал говорить насчет того, что Франция ведет слабую политику и абсолютно не в состоянии дать отпор германской агрессии; все это имело место не только на протяжении ряда лет после войны, но даже сейчас Франция вновь проявит слабость и пойдет, по-видимому, на переговоры с Германией. В нынешней ситуации для Франции есть две возможности: либо война против Германии, нарушившей Локарно, либо заключение такого договора, который действительно сделал бы германскую экспансию в будущем наименее вероятной. Франция не сделает ни того, ни другого. Именно поэтому Польша ведет столь сдержанную политику, оставаясь, однако, верной своему союзу с Францией.

Я возражал Янковскому, заявив, что трезвая оценка руководителей Польши подлинных устремлений Германии должна была привести к иному направлению польской внешней политики. Польша не включилась в Восточный пакт, чтобы таким образом воспрепятствовать германской экспансии, чтобы сколотить блок государств, готовых всеми силами воспрепятствовать германской агрессии. Польская позиция сейчас, во время нарушения Локарнского договора, также льет воду на мельницу Германии и затрудняет Франции и другим государствам, борющимся за мир, возможность организации отпора Германии.

В ответ Янковский заговорил вновь о Восточном пакте и привел избитые аргументы о том, что Польша не может пропускать чужие войска через свою территорию. Я отвел эти аргументы.

Отмечаю, что, когда Янковский говорил о германской агрессии и о политике Франции, он говорил с необычайной горячностью.

Д. Березов

Печат. по арх.

* Посол Польши в СССР.

78. **Протокол [о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой]**

[12 марта 1936 г.]

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики,

исходя из отношений неизменной дружбы, существующей между их странами со времени освобождения территории Монгольской Народной Республики в 1921 году при поддержке Красной Армии от белогвардейских отрядов, находившихся в связи с военными силами, вторгшимися на территорию Союза Советских Социалистических Республик,

руководимые желанием поддержать дело мира на Дальнем Востоке и содействовать дальнейшему укреплению существующих между ними дружественных отношений,

решили оформить в виде настоящего Протокола существующее между ними с 27 ноября 1934 года джентльменское соглашение*, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказание друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику, для каковой цели и подписать настоящий Протокол.

Статья первая.

В случае угрозы нападения на территорию Союза Советских Социалистических Республик или Монгольской Народной Республики со стороны третьего государства, Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются немедленно обсудить совместно создавшееся положение и принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территорий.

Статья вторая.

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из Договаривающихся Сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь.

* См. т. XVII, прим. 320.

Статья третья.

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики считают само собой разумеющимся, что войска одной из Сторон, находящиеся по взаимному соглашению на территории другой Стороны, в порядке выполнения обязательств, изложенных в статье первой или второй, будут выведены с соответствующей территории незамедлительно по миновании в том надобности, подобно тому, как это имело место в 1925 году в отношении вывода советских войск с территории Монгольской Народной Республики*.

Статья четвертая.

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах на русском и монгольском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Он вступает в действие с момента его подписания и будет оставаться в силе в течение 10 лет с этого момента.

Подписан в городе Улан-Батор — Хото 12 марта одна тысяча девятьсот тридцать шестого года.

Полномочный Представитель
Союза Советских
Социалистических Республик
в Монгольской Народной
Республике

Таиров

Председатель Малого Хурала
Монгольской Народной
Республики
Амор

Председатель Совета
Министров
Монгольской Народной
Республики
и Министр Иностранных Дел
Монгольской Народной
Республики
Гендун

*Печат. по арх. Опубл. в «Собрании
законов...», отд. II, № 23, 16 сентября 1935 г.,
стр. 487—492.*

79. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР в НКВД СССР, из Лондона

*Немедленно
13 марта 1936 г.*

Вчера прибыл вечером и сегодня утром виделся с Фланденом. Переговоры локарнских держав пока не дали никаких

* См. т. VIII, док. № 39.

результатов*. Английское правительство отвергает какие бы то ни было санкции, утверждая, что даже экономические санкции неизбежно приведут к войне. А воевать Англия раньше чем через три года не будет готова, а потому она настаивает на изучении гитлеровских предложений**. Такую политику поддерживает почти целиком лейбористская и либеральная партии и значительная часть консервативной, включая таких влиятельных членов правительства, как Болдуин и Невиль Чемберлен***. Более благоприятную для Франции позицию занимают Черчилль, Остин Чемберлен****, Иден и Дафф Купер. Фланден явно надеется, что выступления членов Совета Лиги наций смогут воздействовать на общественное мнение Англии, с каковой целью он и согласился на перенос заседания Совета в Лондон. Фланден пока решительно возражает против переговоров с Германией и добивается резолюции Совета, в которой было бы не только констатировано нарушение Локарнского договора, но и содержалась рекомендация локарнским державам добиваться эвакуации Рейнской зоны. По-видимому, даже на это Англия еще не соглашается, что и составляет предмет продолжающихся переговоров.

Тем временем Англия без ведома Франции обратилась к Германии с запросом, не даст ли она обещания воздержаться от создания укреплений в Рейнской зоне, на что получила ответ отрицательный. Италия отмалчивается, давая, однако, понять, что готова повернуть против Германии и даже принять участие в санкциях, если она сама будет освобождена от санкций. Заседание Совета начнется завтра и закончится, вероятно, только на будущей неделе.

Литвинов

Печат. по арх.

80. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
13 марта 1936 г.*

Был сегодня у Хирота***** в резиденции премьера. Киси***** сообщил мне, что до меня был принят только поверенный в делах Китая.

* См. газ. «Известия», 10—14 марта 1936 г.

** См. газ. «Известия», 8 марта 1936 г.

*** Соответственно премьер-министр и министр внутренних дел Великобритании.

**** Член парламента Великобритании.

***** Премьер-министр (с 9 марта) и министр иностранных дел Японии.

***** Секретарь министра иностранных дел Японии.

Беседа продолжалась полчаса. Я поздравил Хирота, пожелал ему успеха. Он сказал, что будет работать над урегулированием нерешенных вопросов советско-японских отношений и что сейчас, будучи премьером, он имеет больше возможностей в этом направлении. Я ответил, что всякий его действительный шаг в пользу упрочения японо-советских отношений встретит с моей и Советского правительства стороны всяческую поддержку. Хирота благодарил. В частности, он хочет скорейшего заключения рыболовной конвенции, и, дав нам согласие на сохранение института торгов, он надеется, что мы примем 12-летний срок. Я ответил, что надо искать компромисс и нельзя ставить вопрос о сроке ультимативно. Из других вопросов его интересует срок продления разведочного бурения на пять лет*. Он рад нашему согласию на редемаркацию части границы и согласен с нашим тезисом о необходимости спокойствия на ней**. Попутно он отметил значительный масштаб наших вооружений на границах, на что последовала моя краткая обычная реплика. Перед концом беседы я кратко сообщил Хирота о дискриминации полпредства и о последних явно организованных выступлениях печати против нас, расценивая таковые как подстрекательство в нынешний тревожный момент к враждебным действиям против посольства и его сотрудников. Я добавил, что никогда МИД нам не заявлял каких-либо претензий по поводу тех или иных сотрудников-японцев и что, если таковые имелись, надо было это делать, не прибегая к организации кампании в печати. Хирота ответил, что он заинтересуется этим вопросом.

Условившись, что впредь по наиболее важным делам наших отношений я буду говорить с Хирота, по остальным — с Сигемцу***.

По весьма откровенному заявлению Хирота, Иосида**** был выдвинут им на пост министра иностранных дел потому, что он является англофилом и вообще англосаксфилом.

Резиденция Хирота охраняется жандармами и полицией.

Выйдя от Хирота, я встретился с французским послом, сообщившим мне, что он идет к премьеру с заявлением о своем отозвании.

Полпред

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, док. № 28.

** См. док. № 75.

*** Заместитель министра иностранных дел Японии.

**** Посол Японии в Великобритании.

81. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Франции Леже

13 марта 1936 г.

Беседа началась со взаимных поздравлений по поводу ратификации франко-советского пакта в сенате. Затем Леже перешел к сообщениям, касающимся переговоров, происходящих в Лондоне*.

По словам Леже, Фланден предполагает несколько задержаться в Лондоне в надежде, что ему удастся склонить правительство и общественное мнение Англии к коллективному воздействию на Германию. На вопрос полпреда, в какой форме мыслится такое воздействие, Леже ответил, что имеются в виду санкции экономического и финансового характера, подержанные, в случае надобности, блокадой.

Леже убежден, что применение к Германии санкций создало бы для этой страны в высшей степени тяжелое положение. Между прочим, по словам Леже, в Париже находится в данный момент специальный эмиссар Гитлера — Штаусс, являющийся представителем дирекции Рейхсбанка. Штаусс прибыл в Париж, чтобы зондировать настроение французских финансовых сфер по вопросу об эвентуальных санкциях. В откровенных беседах с некоторыми представителями финансовых кругов Парижа Штаусс признается, что санкции были бы для Германии подлинной катастрофой. Об этом, между прочим, Штаусс говорил Эрнесту Мерсье, который лично передал такой разговор Леже. Что касается позиции отдельных государств, представленных в Совете Лиги и участвующих в лондонских совещаниях, то Леже вполне уверен в твердости Титулеску и Чехословакии. В частности, по его сведениям, Бенеш является убежденным сторонником применения к Германии коллективных санкций. Совсем иной является, по словам Леже, линия Араса. Его заявления в Лондоне создают такое впечатление, что Арас связан директивами, рекомендующими ему более или менее осторожную и даже примирительную позицию в отношении Германии.

По мнению Леже, чрезвычайную важность представляет активное участие Италии в соглашениях, имеющих целью коллективное воздействие на Германию и обеспечение мира и безопасности в Европе. Само собой разумеется, что для участия Италии в эвентуальных санкциях против Германии необходимо облегчить положение самой Италии, уже находящейся под прессом примененных к ней санкций. Леже считает, что можно будет приостановить действие этих санкций на том

* См. док. № 79.

формальном основании, что стороны выразили согласие на переговоры, имеющие в виду прекращение военных действий. Во всяком случае, если бы Англия воспротивилась наложению санкций на Германию, было бы несправедливо сохранять в силе санкции, наложенные на Италию.

Высказываясь относительно общей линии, которой следовало бы держаться в Лондоне в отношении Германии, Леже выражает убеждение, что политика уступок Гитлеру была бы пагубной. Безнаказанность Германии будет истолкована всеми как следствие слабости и страха противостоящих ей государств, и это вынудит слабейшие страны к равнению на Германию, с которой они предпочтут скорее договориться, нежели вступать в непосильную борьбу. Вслед за Лохарис удар будет нанесен и Лиге наций, а с нею и всей системе международных отношений, обеспечивавшей до сих пор некоторое равновесие и безопасность в Европе. Уже сейчас Польша идет за Германией. Вслед за ней могут пойти Румыния, Болгария, Греция, Югославия, Голландия, Дания и Скандинавские страны. Торжество Германии окажет свое влияние и на дальневосточные отношения. В данный момент, по мнению Леже, между Японией и Германией еще не существует военного договора. Имеется лишь обоюдная тенденция в этом направлении, выражающаяся пока в известном согласовании японской и германской внешней политики. Япония не вполне уверена в прочности гитлеровского режима и в шансах дальнейших побед Германии в области ее международной политики. Если Япония убедится, что Германии все сходит с рук и что это содействует упрочению авторитета Гитлера внутри самой страны, в ближайшее же время между Японией и Германией будет заключен настоящий военный союз. В первую очередь его действие ощутит на себе СССР.

Резюмируя свои рассуждения на эту тему, Леже вернулся к известному своему тезису, именно, что в интересах Лиги наций, мира и безопасности в Европе необходимо проявить в Лондоне максимальную твердость и полнейшее единство во всех решениях, касающихся ликвидации конфликта, созданного акцией Гитлера 7 марта *. Леже надеется, что и Англия, убедившись в единодушии других членов Совета, займет более твердую позицию в отношении Германии.

Потемкин

Печат. по арх.

* См. док. № 68.

82. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона *

*Вже очереди
14 марта 1936 г.*

Переговоры между локарнскими державами пока не дали никаких результатов**. Французы знают, что на экономические санкции не пойдут не только англичане, но и другие члены Совета. Не только Скандинавия, но даже Югославия заявляет, что санкции разорят не столько Германию, сколько их самих. Среди малых держав господствует мнение, что дело касается только локарнских держав, которые и должны расхлебывать кашу. Если тем не менее французы еще заговаривают об экономических или иных санкциях, то лишь с целью выторговать у англичан новые гарантии для себя, идущие далее локарнских, на что их партнеры пока не соглашаются. Англичане стремятся поскорее втянуть французов в переговоры с Гитлером, в чем им помогает Ван-Зеланд.

Иден мне рассказывал, что вчера французы склонны были принять предложения последнего, а сегодня их отвергли. Переговоры пока прекращены и возобновятся лишь после решения Совета. По-видимому, обе стороны решили прощупать настроение членов Совета. Думаю, что это принесет французам разочарование и что напрасно они надеются, что Совет воздействует на общественное мнение Англии.

Здесь наблюдается во всех слоях озлобление против французов. В Лондоне не забыли еще колебаний Лавалья в абиссинском вопросе. Фланден держится пока твердо, отклоняя переговоры с Гитлером до реэвакуации Рейнской зоны, достижения которой он добивается давлением юридического, экономического и даже военного характера. Иден говорил мне, что с Фланденом столкнуться можно было бы, если бы на него не давил Париж. На самом же деле сегодняшнее заявление Фландена в Совете, что он и теперь еще готов передать в Гаагу спор о совместимости франко-советского пакта с Локарнским, сделано им по настоянию Поль-Бонкура и Эррио. Иден к этому предложению относится полуотрицательно, опасаясь, очевидно, несогласия Гитлера. Хотя это предложение предполагает предварительные переговоры Гитлера о подчинении любому решению Гааги, на что он вряд ли пойдет, я атаковал сегодня Фландена и Поль-Бонкура. В Париже в пользу переговоров с Гитлером работают Лаваль и Эррио, так что можно ожидать постепенной сдачи позиций Фланденом. Сегодняшнее заявление Гитлера в Мюнхене, что ожидаемых

* Копия телеграммы направлена в подпредство СССР во Франции.

** См. газ. «Известия», 10—14 марта 1936 г.

от него дальнейших жестов он делать не будет, расстраивает игру Англии.

Сидеть здесь придется мне не менее недели.

Литвинов

Печат. по арх.

83. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинского с Министром Иностранных Дел Афганистана Файзом Мухаммед-ханом

14 марта 1936 г.

Министр выразил глубокое удовлетворение тем, что он получил возможность вновь посетить СССР, где он чувствует себя как дома. Афганистан всегда питал дружественные чувства к СССР. Постоянной заботой афганского правительства было поддержание и всемерное укрепление отношений с СССР. Афганистан прошел через период тяжелых внутренних испытаний и только в последние два-три года получил возможность заняться созидательной работой. В настоящее время в стране установлен порядок, и афганское правительство наконец может взяться за экономическое возрождение страны. В Женеве министр выдвинулся с т. Литвиновым и условился с ним продолжать разговор в Москве⁴⁹. И вот теперь он хотел бы высказать пожелание афганского правительства и его точку зрения на будущее советско-афганских отношений. Он с полной откровенностью хотел бы объяснить, чтобы таким образом создать почву для полного взаимного понимания и для улучшения советско-афганских отношений. Афганистан — бедная и отсталая страна, и перед афганским правительством стоят огромной трудности хозяйственные и культурные задачи. Но у правительства нет денег, и оно рассчитывает на помощь СССР. Для хозяйственного развития страны афганское правительство должно обратиться за помощью к своим соседям. Мы с вами, сказал министр, первые протянули друг другу руку, и потому Афганистан рассчитывает на помощь СССР прежде всего. Афганистан мыслит себя независимым государством, только опираясь на СССР; пока существует СССР, будет существовать самостоятельный и независимый Афганистан. Мы просим вашей помощи, чтобы не обращаться за ней ни к кому другому. Для внешней восточной политики СССР выгодно существование независимого и сильного Афганистана, имеющего тесные дружественные связи с Турцией и Ираном. Неполучение же помощи от Советского Союза означало бы для афганского правительства, вопреки его желанию, необходимость обратиться за ней к другим. Затем министр

выразил свою признательность за любезный прием и внимание, оказанное ему, и сказал, что он хотел бы в дальнейшем приступить к деловым разговорам.

В своем ответе г. Крестинский, подчеркнув стремление СССР к тесному политическому и экономическому сотрудничеству с Афганистаном, сказал, что это не требует доказательств, ибо, как справедливо заметил министр, мы первые признали независимость Афганистана и первые подписали с ним договор дружбы*. Последующие договоры 1926 и 1931 гг.** также служат свидетельством неизменно дружественных взаимоотношений между нашими странами, и не подлежит сомнению, что наши политические отношения все время улучшаются и развиваются. Однако министр прав, говоря, что политические отношения нуждаются в экономической базе и что Афганистан должен развивать свое хозяйство. Мы стремимся развивать экономические отношения с Афганистаном и в этих целях предложили подписать торговый договор***, который нормализовал бы и подвел бы правовую базу под существующие экономические отношения. Переговоры велись до самого отъезда министра из Афганистана, но пока не привели к положительным результатам. Сейчас в Кабуле ведутся переговоры о заключении хозяйственных контрактов, и мы выражаем надежду, что переговоры как по торговому договору, так и по этим контрактам закончатся благополучно****. Наша промышленность готова принять участие в сооружении в Афганистане промышленных предприятий, и министр будет иметь возможность говорить на эту тему с руководителями соответствующих учреждений.

На предложение г. Крестинского уточнить свои пожелания Файз Мухаммед конкретизировал их следующим образом: 1) строительство промышленных предприятий (текстильные и шерстоткацкие фабрики и сахарные заводы) и 2) закупка у нас оружия. Министр говорит, что афганское правительство решило закупить в Англии винтовки и самолеты, а артиллерию — в СССР. Афганистан хотел бы создать небольшую современную регулярную армию, чтобы, опираясь на нее, обеспечить внутреннее спокойствие, независимость страны и его хозяйственное и культурное развитие. Заметив вскользь, что по договору 1921 г. мы оказывали Афганистану валютную и товарную помощь, Файз Мухаммед добавил, что если почему-либо это невозможно, то Афганистан готов закупить необходимые ему оборудование и оружие на приемлемых для него условиях кредитования.

* См. т. III, док. № 309.

** См. соответственно т. IX, док. № 246 и т. XIV, док. № 190.

*** См. т. XVIII, док. № 417.

**** См. док. № 147.

Тов. Крестинский указал, что мы уже дали принципиальное согласие на продажу оружия и что в процессе переговоров нам удалось настолько сблизить наши позиции, что остается устранить лишь единственное разногласие, связанное с процентом кредитования. Мы выражаем полную готовность пойти навстречу Афганистану в деле снабжения его артиллерией на условиях, которые должны быть предметом специального соглашения.

На замечание министра, что он хотел бы окончательно решить этот вопрос до своего отъезда, т. Крестинский ответил, что мы охотно будем ему в этом содействовать, и порекомендовал ему переговорить на эту тему в НКВТ⁵⁰.

Выразив признательность за нашу добрую волю оказать содействие Афганистану, Фаиз Мухаммед вновь заявил, что Афганистан мыслит свое будущее только в сотрудничестве с СССР. При этом он подчеркнул, что Афганистан и в своей внешней политике связан с СССР, о чем свидетельствует вступление Афганистана в Лигу наций после того, как в нее вошел СССР*. Об этом свидетельствует также и солидарность во всех важнейших международных вопросах, которые обсуждаются в стенах Лиги наций. СССР заинтересован в сильном Афганистане, который не потерял некоторого значения в мире. Страна обладает полезными природными богатствами; афганский народ живуч (англичане два раза входили в страну и вынуждены были покинуть ее), и Афганистан сохраняет свое международное значение.

Тов. Крестинский ответил, что мы заинтересованы в независимости Афганистана и в его укреплении, и подчеркнул, что хозяйственное сотрудничество мыслится нами на договорно-коммерческих началах, выгодных для обеих сторон, как это существует между суверенными государствами.

В заключение министр сказал, что Афганистан полностью рассчитывает на нашу помощь и что, опираясь на нее, будут расширяться и укрепляться наши политические и экономические взаимоотношения.

Записал Цукерман

Печат. по арх.

84. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Председателем Совета Министров Франции Сарро

14 марта 1936 г.

Полпред начал беседу с выражения своего удовлетворения по поводу ратификации пакта сенатом. При этом он благодарил Сарро за активное содействие, оказанное успешному

* См. т. XVII, док. № 331.

прохождению франко-советского договора через законодательные органы. Полпред высказал надежду, что Франции и СССР не придется применять на деле обязательства взаимной помощи против агрессора. Уже самый факт ратификации франко-советского договора должен внести устойчивость в международные отношения и содействовать упрочению мира и безопасности в Европе. Если же, вопреки ожиданиям, Франция подверглась бы нападению, она может быть уверена, что СССР немедленно окажется бы на ее стороне. СССР умеет выполнять принятые на себя договорные обязательства добросовестнее других стран, гордящихся своей верностью данному слову.

Сарро ответил, что весьма благодарен полпреду за все, высказанное им. Сарро гордится тем, что его правительство провело ратификацию франко-советского пакта, который он считает одной из основных гарантий мира в Европе. Французское правительство и вся страна уверены в лояльности Советского Союза в отношении своих обязательств. В частности, Сарро считает долгом отметить в высшей степени благоприятное впечатление, произведенное на правительство заявлениями полпреда, сделанными Фландену 7 марта по поводу нарушения Гитлером международных договоров*. Фланден докладывал правительству, что на его вопрос, может ли Франция рассчитывать на поддержку СССР в Женеве и перед общественным мнением Европы, полпред без колебаний ответил, что Франция может быть уверена в такой поддержке, ибо СССР считает соблюдение международных договоров основным условием международного мира. «Мы убедились,— заявил Сарро,— что в области дипломатической взаимная помощь между Францией и СССР уже осуществляется в полной мере».

Переходя к событиям, происходящим в Лондоне**, Сарро отметил, что Фланден сигнализирует ему о больших затруднениях, встречаемых им при защите там интересов Франции и нерушимости международных договоров. Английское общественное мнение не расположено в пользу активного противодействия нарушителю Версальского пакта и Локарнских соглашений. В среде самих локарнских держав наблюдаются известные колебания. К этим внешним затруднениям присоединяются осложнения во внутренней жизни Франции. Сарро конфиденциально может сообщить полпреду, что против нынешнего кабинета уже ведется широко задуманная интрига. Ее вдохновители стараются использовать трудное положение правительства, чтобы его скомпрометировать в глазах общест-

* См. док. № 68.

** См. док. № 79, 81, 82.

венного мнения. Сарро надеется, впрочем, что правительство выйдет победителем из этой борьбы. Оно следит за всеми махинациями своих противников, знает их наперечет и вовремя предупреждает осуществление их замыслов.

Прощаясь, Сарро просил полпреда поддерживать с ним непосредственный контакт, сигнализируя французскому правительству все, что может быть им учтено и использовано при борьбе за мир и коллективную безопасность.

Потемкин

Печат. по арх.

85. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с главным редактором газеты «Тан» Шастенэ

16 марта 1936 г.

Шастенэ начал с вопроса о позиции, занимаемой нами в нынешней европейской ситуации, на что я ему ответил, что мы, естественно, не берем на себя никакой инициативы, поскольку выступлением Германии затронуты прежде всего не мы, а Франция, но что мы готовы полностью поддержать Францию в ее требованиях.

Шастенэ в связи с этим заявил, что мы ошибаемся, если думаем, что действия Германии не направлены против нас. Задача, которую ставит себе Германия, состоит в том, чтобы, укрепив Рейнскую область, запереть Францию в ее границах и, таким образом, сделать невозможной на будущее помощь с ее стороны ее союзникам в Центральной и Восточной Европе.

Я сказал, что готов признать, что укрепление немцами Рейнской области внесет усложняющий момент в случае, если наступит казус федерис. Но, насколько я понимаю его, он не хочет этим сказать, что Франция ввиду этого не смогла бы выполнить своих обязательств по франко-советскому договору. Шастенэ подтвердил, что он действительно не имел этого в виду, а хотел указать только на затруднения, которые были бы этим созданы Германией с целью облегчения для нее действий на Востоке.

Я далее сказал, что если он прав в том, что основной удар Германии направлен на Восток, то это не значит, что в отношении сроков и очередности не могут влиять факторы тактического и стратегического порядка. Ясно, что Германия свое выступление против СССР увязывает с Дальним Востоком. Германия и Дальний Восток — это те два очага военной опасности, о которых т. Сталин говорил в интервью с Говардом*.

* См. док. № 59.

причем т. Сталин тогда же указал, что основная опасность может передвинуться с Востока на Запад. Это и случилось.

Новыми обстоятельствами, которые возникли после разговора т. Сталина с Говардом, являются, во-первых, действие самого заявления т. Сталина о поддержке МНР, которое заставило японскую военщину призадуматься, и, во-вторых, образование нового правительства Японии, ослабленного кризисом и нуждающегося прежде всего во времени для того, чтобы окрепнуть.

Таким образом, если действия Гитлера создали в Европе обостренное положение (я подчеркнул, что я не имею в виду, что они создали предвоенное положение), то ослабление перспективы нападения на нас с Дальнего Востока лишает гитлеровские планы одного необходимого элемента выступления против нас, а поскольку соображения внутреннего положения Германии могут толкнуть его на военное выступление раньше, чем созреют необходимые предпосылки для выступления против нас, он может начать не с Востока, а с Юго-Востока или даже с Запада.

Шастенэ спросил, каким образом мы окажем Франции военную помощь в случае нападения на нее Германии. Я сказал, что вопрос конкретно между генеральными штабами обеих стран еще не обсуждался и, очевидно, при обсуждении они должны будут по этому поводу договориться*. Конечно, для оказания помощи Франции нам пришлось бы согласовать свои действия с другими союзниками Франции в Европе. Мне кажется, однако, что на помощь Польши рассчитывать трудно.

Шастенэ возразил, что я не учитываю того, что Польша, которую он только что посетил и которая продолжает считать себя союзником Франции, в случае нападения Германии на Францию выступит против Германии. Его интересует, как Советский Союз в этом случае сможет поддержать Польшу.

Я сказал, что подобное выступление Польши мне представляется сомнительным, но если польские войска действительно выступили бы против Германии, то мы могли бы на первом этапе войны поддержать их снабжением и таким образом совместными усилиями оттянуть часть немецких войск от Франции. Такая помощь на первом этапе помогла бы нам выиграть время для того, чтобы затем оказать Франции помощь более отдаленными и длинными путями. Это, конечно, облегчилось бы, если бы Польша действительно помогла Франции. Я сказал, что мне, однако, кажется, что в момент, когда произошло бы немецкое нападение на Францию, Польша в лучшем случае осталась бы нейтральной, сконцентрировав одновременно свои войска на своей восточной границе.

* См. док. № 350.

Эту концентрацию войск она официально объясняла бы опасением вступления советских войск в Польшу, фактически же и объективно это заставило бы нас сосредоточить войска на польской границе и затруднило бы оказание нами помощи Франции, но, как я добавил, что не означает, что эта помощь не была бы тем не менее оказана.

Шастенэ возражал против моей оценки польской позиции, ссылаясь, в частности, на свои разговоры в Варшаве. Я сказал, что мы с ним исходим из разных концепций современной польской политики. В то время как он рассматривает Польшу прежде всего как верного союзника Франции, который будет драться за Францию, мне кажется, что Польша тесно связала себя с Германией договоренностью и не выступит против Германии, разве что дело началось бы с нападения Германии на Польшу.

Шастенэ вслед за этим поставил вопрос о будущем советско-польских отношений. Ему кажется, что в этой области нужно было бы что-то сделать. Он знает, что в самой Польше трудности для улучшения советско-польских отношений лежат прежде всего в области сентиментальных и исторических моментов. Он хотел бы знать, что с советской стороны может быть сделано, чтобы улучшить отношения с Польшей.

Я подробно объяснил Шастенэ, что мы неоднократно делали предложения, одним из которых является Восточный региональный пакт, которые должны были бы обеспечить безопасность и Польше и дать ей, если она чего-либо опасается с нашей стороны, все необходимые договорно оформленные обязательства и заверения. С польской стороны наши предложения и наша инициатива не встречали поддержки, и польское желание договориться с нами существует на словах и на бумаге и притом даже и в этой форме не проявляет себя особенно ярко. На деле же имеется стремление к улучшению и укреплению отношений с Германией и отклонение всяких совместных шагов с нами. Таким образом, если должна быть сделана теперь инициатива, она должна исходить из Польши, причем поляки могут быть уверены в том, что у нас всякая инициатива, направленная на улучшение советско-польских отношений, встретила бы дружелюбный прием. В дальнейшем я дал анализ мотивов, толкающих Польшу на попытку сделки с Германией с целью откупиться от немецкой агрессии, но сказал, что Польша на этом может сильно прогадать, ибо, если у Германии не будет достаточно сил, чтобы напасть на СССР и Францию, она может начать именно с Польши.

Шастенэ на это сказал, что, как ему кажется, Германия собирается начать с Австрии. Затем он сказал, что хотел бы задать еще один вопрос, на который, если я не хочу, могу не отвечать. Вопрос возникает у него в связи с тем, что ему

известно, что в рейхсвере сохранились сильные тенденции в пользу сотрудничества с Советским Союзом. Он хотел бы знать, имеются ли в каких-либо кругах в Советском Союзе аналогичные встречные тенденции в пользу сотрудничества с Германией. Я сказал, что у меня нет данных о настроениях в рейхсвере, но мне кажется, что Гитлер своей политикой восстановления германских вооружений должен был завоевать поддержку и тех кругов рейхсвера, которые раньше были против его линии. Уже хотя бы поэтому не может быть речи о каких-либо встречных тенденциях. Кроме того, г. Шастенэ должно быть известно, что у нас политическая линия одна, политика имеет полное единство направления и для таких тенденций, как те, о которых он говорил, нет места.

Шастенэ поблагодарил за мою готовность отвечать на его вопросы, сказал, что, само собой разумеется, он понимает, что разговор не предназначается для печати, и выразил надежду повидать меня в Париже.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

86. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Венгрии с Министром Иностранных Дел Венгрии Канья

16 марта 1936 г.

К Канья я зашел под формальным предлогом сообщения ему о мотивах отсрочки переговоров, вызванной временным отсутствием наших переговорщиков в Москве, на самом же деле меня интересовало настроение, с которым он едет в Рим.

Сославшись на разговоры, которые были у меня с Хорти, Гембешем и им самим 22 февраля (см. запись моих бесед*), сообщил, что поездка уполномоченного по ведению переговоров о навигационном соглашении в Москву отсрочивается до окончания сессии Совета Лиги наций и возвращения наших переговорщиков.

В ответ на это Канья снова подчеркнул, что вопрос о взаимном использовании нами Дуная является *Lieblingsidee*** Хорти и что, сожалея об оттяжке переговоров, он тем не менее надеется, что в ближайшем будущем они приведут к заключению соглашения, которое может стать удачной прелюдией к заключению торгового соглашения и развития отношений между нашими странами вообще. Переходя к посещению Будапешта Шушнягом*** и к предстоящей поездке авст-

* См. док. № 50.

** — *излюбленной идеей (нем.)*.

*** *Канцлер Австрии.*

рийцев и венгров в Рим. Канья подчеркнул, что австро-венгерское сотрудничество за два года, прошедших со времени подписания римских протоколов*, дало доказательство своей живучести, прогрессивности и миротворческого характера, что оно, это сотрудничество, в тесной связи с Италией, стало сегодня немаловажным фактором общеевропейского возрождения и умиротворения. Подчеркнув снова хозяйственно-культурные основы Римского пакта, Канья отметил, однако, что в атмосфере всеобщей неуверенности и тревоги в Европе прочные и искренние хозяйственно-культурные связи между странами Римского пакта могут и должны сыграть умиротворяющую роль в политике Средней Европы.

В этом отношении, сказал Канья, мы смотрим на нашу поездку в Рим как на успокоительную, миротворческую, а стало быть, и полезную для дела мира.

Переходя затем к нашим взаимоотношениям, Канья сослался на визит Юнгерта к т. Литвинову** и успокоительные заверения последнего в отношении Венгрии. Указав на всю вздорность слухов о разрыве (тут он спросил меня: откуда они могут исходить?), он сказал, что Венгрия не питает к нам враждебных чувств, что корректное отношение ее к нам было бы обеспеченным даже при наличии враждебности и что выпады прессы не должны инкриминироваться правительству Венгрии, которое само нередко является объектом резких нападков со стороны органов, своеобразно толкующих свободу печати. Подтвердив со своей стороны, что в прессе открытого призыва к разрыву не было, я тем не менее упомянул в ответ некоторые органы прессы, в том числе и известную вам передовицу «Пестер Ллойд», где говорилось о посредственной «причастности Советского правительства» к подрывной работе в Венгрии. На это Канья мне заявил, что считает себя даже в «Пестер Ллойд» ответственным лишь за те статьи, которые обозначены двумя горизонтальными параллельными черточками; при этом он добавил, что в «Пестер Ллойд», 80% читателей которого являются евреями (тут я вставил: «также писателей»), очень часто появляются статьи, резко враждебные внутренней, в частности национальной, политике Гитлера. Из-за этого, сказал он, мне очень часто приходится иметь неприятные разговоры с германским посланником и уверять его, что эти статьи не могут быть инкриминированы мне.

Перебросив тем самым мост к Германии, Канья, ссылаясь на поручение, данное им Юнгерту для передачи т. Литвинову, счел нужным снова торжественно заявить мне для передачи

* Имеется в виду «консультационный» пакт, подписанный в Риме между Италией, Австрией и Венгрией 17 марта 1934 г.; см. газ. «Известия», 18, 20 марта 1934 г.

** См. док. № 58.

вам, что у Венгрии с Германией, кроме известных симпатий и оживленных хозяйственно-культурных связей, никаких договоров и никакой договоренности не было и нет. Но, прибавил он, наше народное общественное мнение в большой тревоге вследствие вашего договора с Чехословакией* (пресловутые аэродромы в Комарно, Словакия) и предстоящего аналогичного договора с Румынией. Вам неизвестно, сказали он, какие чувства связывают венгерский народ с этими странами. В случае реальной угрозы для Венгрии от вашей помощи Чехословакии и Румынии Венгрия может быть поставлена в необходимость искать себе защиту. На эту заключительную тираду я воспроизвел ответ г. Литвинова Юигерту (о том, что мы поддерживаем акции мира вообще, а не Чехословакию как таковую против Венгрии)**.

Под конец я попросил у Канья разъяснения одного деликатного разговора, который был у меня с графом Чаки (секретарь Канья). Чаки попросился как-то ко мне и, извинившись, что большой Канья не может лично меня навестить, сказал мне от его имени следующее: мы думаем, что у Вас может быть желание пригласить к себе Хорти. Поэтому мы хотели бы Вас предупредить. Конечно, зная хорошее отношение к Вам со стороны регента, мы не сомневаемся, что Ваше приглашение он принял бы. Но то, что он посетил бы Вас (молодое представительство), тогда как целый ряд представительств не видел его в течение 15 лет (читай: Малая Антанта), вызвало бы разговоры и неудовольствие, которое Канья хотел бы предотвратить. Графу Чаки я кратко ответил, что я не собирался во временном доме угощать регента, и просил передать Канья мою благодарность за его предупредительность и внимание.

Выслушав меня, Канья сказал следующее: «Я вообще против того, чтобы глава государства ходил в представительства. Но за время моего отсутствия (в Берлине) он был в некоторых из них. Было большое неудовольствие, впоследствии улегшееся. Теперь, зная хорошо отношение к Вам Хорти (также Гембеш на обеде у Хорти говорил о хорошем ко мне отношении со стороны Хорти), в чем я особенно убедился, когда мы с Вами были на охоте у него, я просто хотел предупредить новый взрыв неудовольствия, который прорвался бы, если бы Хорти посетил ваше молодое представительство».

Я ответил Канья, что все наши традиции против того, чтобы давать себя угощать, не угощая самому, что этот вопрос пока для меня не актуален, но когда я обзаведусь домом, то он станет таковым.

В заключение я заявил Канья маленькую претензию относительно поведения некоторых полицейских, «охраняющих»

* См. т. XVIII, док. № 223.

** См. док. № 59.

полпредство. Дело в том, что новички, очевидно, специально подобранные политической полицией, не узнают нас. Я спросил Канья, как может полицейский охранять меня, если он меня не знает (не приветствует). Канья обещал принять соответствующие меры.

Перед прощанием Канья спросил, как у нас обстоит с домом для полпредства. Узнав о том, что сплошь да рядом цены на дома, которые нам нравятся, вдвое, втрое взвизчиваются, вследствие чего я даже выразил сомнение, удастся ли мне купить дом в Будапеште, Канья порекомендовал во избежание спекулятивных махинаций будапештских посредников купить у города соответствующий участок и выстроить дом, какой нам нужен. На мое заявление, что тот же самый совет дал мне недавно обелавший у меня бургомистр Будапешта Сенди, Канья сказал, что кроме того, что у нас будет свобода выбора района и свой план, помимо всего этого, постройка своего дома обойдется нам дешевле, чем покупка с последующим ремонтом.

На этом мы попрощались.

Полпред СССР в Венгрии
А. Бекзаян

Печат. по арх.

87. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на сессии Совета Лиги наций, в Лондоне

17 марта 1936 г.

За короткий срок полуторагодового пребывания Советского Союза в Лиге наций его представителю в Совете Лиги приходится сегодня в третий раз выступать по поводу нарушения международных обязательств — в первый раз по поводу нарушения Германией военных статей Версальского договора*, во второй раз в связи с итало-абиссинским конфликтом** и сегодня вследствие одностороннего нарушения Германией как Версальского, так и Локарнского пактов***. Во всех трех случаях Советский Союз либо формально не заинтересован вследствие своего неучастия в нарушенных договорах, как Версальский и Локарнский, либо, как в случае с итало-абиссинским конфликтом, его собственные интересы ни в малейшей мере не были задеты. Эти обстоятельства не мешали в прошлом и не помешают в данном случае представителю Советского Союза найти свое место в числе тех членов Совета, которые наиболее решительным образом запротоколируют свое возму-

* См. т. XVIII, док. № 186.

** См. т. XVIII, док. № 357.

*** См. док. № 68.

шение нарушением международных обязательств, осудят его и присоединятся к наиболее эффективным средствам предотвращения подобных нарушений в дальнейшем.

Такая позиция Советского Союза определяется его общей политикой борьбы за мир, за коллективную организацию безопасности и за сохранение одного из инструментов мира — существующей Лиги наций. Мы считаем, что нельзя бороться за мир, не отстаивая в то же время ненарушимости международных обязательств, в особенности таких, которые непосредственно касаются сохранения существующих границ, вооружений и политической или военной агрессии. Нельзя бороться за коллективную организацию безопасности, не принимая коллективных мер против нарушения международных обязательств. Мы не считаем, однако, такой мерой коллективную капитуляцию перед лицом агрессора, перед лицом нарушения договора или коллективное поощрение таких нарушений и тем менее коллективное согласие на премирование агрессора путем принятия угодной и выгодной агрессору базы соглашения или других планов. Нельзя сохранить Лигу наций, основанную на святости международных договоров, в том числе самого Пакта Лиги, проходя мимо нарушения этих договоров или отделяясь словесными протестами и не принимая более действительных мер в защиту международных договоров. Нельзя сохранить Лигу наций, если она не будет выполнять своих собственных постановлений, а приучит агрессоров не считаться ни с какими ее рекомендациями, ни с какими ее предостережениями, ни с какими ее угрозами. Такую Лигу наций никто не будет принимать всерьез. Резолюции такой Лиги станут только посмешищем. Такая Лига не нужна. Скажу больше — такая Лига может быть даже вредна, вредна потому, что она может убаюкивать народы, создать у них иллюзии, которые мешают им самим заблаговременно принимать необходимые меры самообороны.

Ответственность Лиги наций и ее руководящего органа — Совета — тем больше, чем проше обсуждаемое нарушение международных обязательств. Характерной чертой всех трех случаев, о которых я только что говорил, является их простота, простота в том смысле, что установление самих фактов нарушения международных обязательств не представляло никаких затруднений и не могло вызвать ни споров, ни разногласий; говоря об отсутствии споров и разногласий, я, конечно, не имею в виду само государство, обвиняемое в нарушении договора, которое, естественно, всегда будет если не оспаривать нарушение, то придумывать всяческие аргументы для оправдания своего поступка. Невозможно мыслить себе такой случай, когда такое государство заявит открыто, что никаких оправданий у него нет и что виновато только оно и никто больше.

Обсуждаемый в настоящей сессии Совета вопрос даже превосходит предыдущие случаи своей простотой в указанном смысле. Здесь налицо не только нарушение договора по существу, но и игнорирование специального пункта договора, который предусматривает способ разрешения могущих возникнуть споров в случае мнимого или действительного нарушения договора. Но прежде чем высказать окончательное суждение о действиях Германии, я считаю справедливым учесть все, сказанное г. Гитлером в оправдание этих действий или для смягчения значения проступка.

Германское правительство утверждает, что Франция первая нарушила по духу и букве Локарнский договор заключением пакта о взаимной помощи с Советским Союзом*. Оно обратилось за разъяснением к другим локарнским державам, а именно к Великобритании и Италии. Надо полагать, что если эти державы согласились бы с германским тезисом о несовместимости советско-французского пакта с Локарнским договором, то Германия полностью использовала бы их заключение. Но так как эти державы пришли к другому заключению, то Германия безапелляционно заявляет, что Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, т. е. остальные локарнские державы, неправильно толкуют Локарнский договор и что единственно правильное толкование — ее собственное. Это, несомненно, чрезвычайно удобный способ разрешения спорных международных вопросов, когда страна, убежденная в несправедливости своего дела, возлагает на себя функции судьи в своем собственном деле и затем судебного пристава.

Несостоятельность германского утверждения о несовместимости с Локарнским договором советско-французского пакта с абсолютной ясностью вытекает из совершенно оборонительного характера этого пакта. Всему миру известно, что ни Советский Союз, ни Франция никаких территориальных претензий на германские земли не имеют, к изменению границ Германии не стремятся. Если Германия не совершит агрессии ни против Франции, ни против Советского Союза, то пакт никогда не будет приведен в действие. Если же Советский Союз делается жертвой нападения со стороны Германии, то Локарнский договор дает неоспоримое право Франции как члену Лиги прийти Советскому Союзу на помощь. Безошибочное определение агрессора в этом случае дает отсутствие общей границы между Германией и Советским Союзом. Если германские вооруженные силы выйдут за пределы собственной страны, пройдут разделяющие обе страны государства и моря, чтобы напасть на территорию Советского Союза, то германская агрессия будет совершенно очевидной, и наоборот. Это вполне ясно

* См. т. XVIII, док. № 205.

и германскому правительству, поэтому оно спешит призвать на помощь далеко идущую гипотезу об изменении социального строя во Франции, что лишь подчеркивает искусственность и натянутость германской аргументации о несовместимости советско-французского пакта с Локарнским договором.

Не полагаясь на силу и убедительность подобной аргументации, само германское правительство выдвигает другое оправдание своим действиям. Оно заявляет, что демилитаризация Рейнской зоны сама по себе несправедлива, противоречит принципу равноправия государств и подвергает опасности неприкосновенность германской границы. Такая аргументация звучит как будто убедительнее и во всяком случае искреннее, чем софистика касательно советско-французского пакта. Чтобы разобрать детально этот аргумент, мне пришлось бы повторить здесь то, что я говорил в Совете Лиги 17 апреля 1935 г. при обсуждении жалобы французского правительства на нарушение германским правительством международных обязательств касательно вооружений *. Лига наций как учреждение политическое, ставящее себе задачей организацию и укрепление мира, не может разрешать вопросы, а тем менее оправдывать нарушения международных обязательств с точки зрения абстрактных принципов. Критерием для решений Лиги должно быть раньше всего соответствие того или иного решения задаче наилучшей организации мира. Значительное число членов Лиги, среди которых тогда Советского Союза не было, считало в 1919 и 1925 гг., что этой задаче соответствует демилитаризация Рейнской зоны. Я не думаю, чтобы изменения, которые произошли с тех пор в идеологии и внешней политике Германии, позволили утверждать, что в настоящее время мир в Европе выиграет от ремилитаризации Рейнской зоны, тем более совершенной односторонне в нарушение добровольно принятых на себя Германией обязательств. Не позволяют этого утверждать ни внешняя политика нынешнего германского правительства, ни начатая и непрекращающаяся за последние три года в Германии проповедь агрессии и международной ненависти и глорификация духа войны.

Я не стану отнимать ваше время соответственными цитатами из германской периодической печати, из германских учебников, германских научных трудов, германских песенников — я позволю себе только напомнить вам политическое завещание нынешнего правителя Германии, которое вы найдете на 754 странице второго тома мюнхенского немецкого издания 1934 г. книги «Моя борьба»:

«Политическое завещание немецкой нации в сфере ее внешней деятельности будет и должно навсегда гласить: не допу-

* См. т. XVIII, док. № 186.

скайте никогда возникновения двух континентальных держав в Европе. В каждой попытке организации на германских границах второй военной державы, будь то хотя бы в форме образования способного стать военной державой государства, вы должны видеть нападение на Германию и считать не только своим правом, но и своей обязанностью воспрепятствовать возникновению такого государства всеми средствами вплоть до употребления силы оружия, а если такое государство уже возникло, то снова его разбить».

Вот, господа, для каких целей Германии требуется демилитаризация примыкающей к Франции Рейнской зоны. Речь идет о создании гегемонии Германии на всем европейском континенте, и я спрашиваю, должна ли и будет ли Лига наций потворствовать осуществлению этой задачи? Я зам читал не случайную статью в газетах, а документ, который автор сам характеризует как политическое завещание нынешнего правителя Германии, который дает квинтэссенцию всей его внешней политики. Какое значение имеют наряду с этим документом отдельные политические речи и заявления, произнесенные с политической целью в тот или иной момент, приспособленные к психологии части того или иного народа для достижения определенных временных целей? Такие речи и заявления находятся в таком же отношении к прочитанному мною основному документу, как временное тактическое прекращение стрельбы на одном участке театра военных действий к основной стратегической цели всей кампании.

Что касается защиты Германии, то если есть какое-либо государство в мире, которому не угрожает никакая внешняя опасность, так это — Германия. Я не знаю ни одной страны, которая предъявляла бы какие-либо территориальные претензии к Германии, не знаю литературы, которая содержала бы проповедь похода против Германии. Нападения на государство не происходят и не могут происходить без предварительной подготовки, без предварительного предъявления территориальных или иных притязаний, обоснования этих притязаний и воспитания народа в духе осуществления тех же притязаний. Такой подготовки нет ни в одной стране, нет поэтому и мысли об окружении Германии. В тот день, когда исчезло бы всякое сомнение в миролюбии Германии, в ее искренней готовности сотрудничать с другими европейскими народами в деле организации мира, когда она перестала бы отказываться дать те самые гарантии своего миролюбия, которые охотно дают другие европейские народы, представитель Советского Союза, всегда отстаивавшего равноправие народов как больших, так и малых, но равноправие в мире, и продолжающего питать глубокое уважение и горячие симпатии к великому германскому народу, первый поддержал бы протест против навязыв-

вания ему какого бы то ни было неравноправия, против лишения его каких бы то ни было средств вооружения, которыми обладают другие народы.

Я разобрал оба аргумента германского правительства, приведенные им в оправдание совершенного нарушения международных обязательств. Оно не ограничилось, однако, этими оправданиями. Оно, по-видимому, само не уверено в их убедительности, оно само сознает, что пробило брешь в существующей системе организации мира, и пытается поэтому создать впечатление готовности исправить совершенное зло, предлагая новую схему якобы еще лучшей организации мира.

Может поэтому возникнуть вопрос: раз организация мира не только не пострадает, но даже выиграет, то не следует ли нам пройти мимо какого-то формального нарушения международных договоров и стоит ли в таком случае констатировать это нарушение и выносить ему осуждение? В интересах беспристрастности я позволю себе самым кратким образом коснуться и этой стороны вопроса.

Я знаю, что есть люди, которые действительно усматривают особое проявление миролюбия со стороны Германии в предложении Франции и Бельгии пакта о ненападении на 25 лет под гарантией Англии и Италии. Такие люди теряют при этом из виду, что такой же пакт о ненападении с такими же гарантиями, причем не на 25 лет, а без ограничения срока, представлял собой только что разорванный Германией Локарнский договор с той лишь разницей, что последний включил в себя дополнительные гарантии для Франции и Бельгии в виде демилитаризованной Рейнской зоны. Таким образом, мнимое новое предложение Германии сводится к сохранению в силе Локарнского договора с сокращением его срока и с уменьшением тех гарантий для Бельгии и Франции, которыми они пользовались в силу старого Локарнского договора. Но те ограниченные гарантии, которые теперь предлагает г. Гитлер, гаранты Локарнского договора могут, если они этого захотят, предоставить Франции и Бельгии и без согласия Германии. Таким образом, предложение г. Гитлера имеет тот смысл, что он, лишив Францию и Бельгию некоторых гарантий, которые им давал Локарнский договор, хочет сохранить за Германией всю полную выгоду от этого договора.

Этим, однако, не исчерпывается «миролюбие» г. Гитлера. Он готов заключить пакты о ненападении не только с Францией и Бельгией, но и с другими своими соседями, правда без чьих-либо гарантий. Советский Союз сам заключил пакты ненападения со всеми своими соседями (исключая Японию, которая пакт отвергает до сих пор). Он, однако, всегда придавал большое значение тому, чтобы эти пакты не облегчали агрессии против третьих стран. Мы поэтому всегда включаем в та-

кие пакты специальную статью, освобождающую страну от всяких обязательств по пакту в том случае, если другая сторона совершит агрессию против третьего государства. Такая статья, однако, в предлагаемых г. Гитлером пактах указанного им образа будет отсутствовать. А без такой статьи предлагаемая система пактов сводится к проповедуемому г. Гитлером принципу локализации войны. Каждое государство, подписавшее такой пакт с Германией, ею иммобилизуется в случае нападения Германии на третье государство.

Это предложение г. Гитлера создает у меня впечатление, что мы имеем дело с новой попыткой деления Европы на две или несколько частей с тем, чтобы, гарантировав ненападение на одну часть, получить свободу рук для расправы с другой частью Европы. Как мне каждый раз приходится указывать в Женеве, такая система пактов может лишь увеличить безопасность агрессора, а не безопасность миролюбивых народов.

Предполагая, однако, что перечисленные мною «миролюбивые» предложения не будут сочтены достаточной компенсацией за нарушение международных законов, Германия изъявляет готовность вернуться в Лигу наций. Вместе с другими членами Лиги мы всегда искренне сожалели о неполноте Лиги, об отсутствии в ней некоторых великих стран, в частности Германии. Мы будем приветствовать возвращение в ее лоно и гитлеровской Германии, если мы будем убеждены в признании ею основных принципов, на которых покоится Лига и без которых она не только перестала бы быть инструментом мира, но эвентуально могла бы преобразоваться в его противоположность. К этим принципам в первую очередь относятся соблюдение международных договоров, уважение и ненарушение существующих границ, признание равноправия всех членом Лиги, поддержка коллективной организации безопасности, отказ от разрешения международных споров мечом.

В настоящий момент, к сожалению, слишком свежи в нашей памяти случаи одностороннего нарушения Германией ее международных обязательств и отказа подчиниться предусмотренным в международных договорах способам разрешения конфликта. Мы не забыли еще, что до самой последней минуты г. Гитлер в самой категорической форме боролся с идеей коллективной безопасности. Он проповедует принцип неравноправия не только рас, но и народов. Он недвусмысленно указывает на те земли, которые насильственно должны быть отобраны у других народов для германской колонизации. Мы знаем, что сравнительно недавно, а именно 28 мая 1931 г., в своей газете «Ангриф» один из главных соратников Гитлера г. Геббельс писал, что «единственным инструментом, с которым исключительно только и можно делать внешнюю политику, является меч», и что сам г. Гитлер писал 9 декабря 1930 г. в официаль-

ном органе его партии «Фелькишер беобахтер», что «в конечном счете меч будет все решать». Наконец, я должен напомнить уже процитированное мною политическое завещание г. Гитлера, в котором рекомендуется германскому народу не допускать существования рядом с Германией других сильных государств и éventуально уничтожить их. Мы не можем отделаться от опасения, что член Лиги наций, исповедующий подобные принципы, будет иметь возможность саботировать наиболее ценную часть деятельности Лиги наций, направленную к организации мира и к укреплению безопасности всех ее членов. Только когда мы получим убедительное доказательство, что наши опасения и сомнения впредь будут безосновательны, мы будем считать возвращение гитлеровской Германии в Лигу вкладом в дело мира.

Проанализировав всю совокупность предложений г. Гитлера, я прихожу к заключению, что они не только не компенсировали бы вреда, который был бы нанесен организации мира прощением нарушения международных договоров, но и сами по себе нанесли бы удар по организации мира, и в первую очередь по Лиге наций.

Я позволил себе, господа, высказать свои мысли с полной откровенностью. Мне это было легче сделать, чем другим моим коллегам, ввиду того, что та манера, с которой г. Гитлер позволяет себе говорить публично о представляемом мною государстве, освобождает меня от необходимости прибегать к замалчиванию и дипломатическим условностям. Я тем больше права имел это сделать, что смысл выступлений г. Гитлера и его предложений в области международной политики сводится к организации похода против народов представляемого мною государства, к объединению против них всей Европы, всего мира. Пусть его агрессия фактически метит на ближайшее время в другие страны, пусть его атаки на Советский Союз являются лишь дымовой завесой для подготовки агрессии против других государств, но уже то обстоятельство, что он выбирает для этой цели мишенью своих беспрестанных атак Советский Союз и что он это сделал опять в связи с нарушением Локкарнского договора, даст мне право открыто и с особой силой говорить о сущности агрессивной внешней политики г. Гитлера. Я выражаю при этом твердую уверенность в том, что ныне делаемые г. Гитлером предложения, вытекающие из такой его внешней политики, никогда не станут в их нынешнем виде базой соглашения между другими членами Лиги.

Прежде чем кончить, я позволю себе выразить надежду, что я буду правильно понят и что из сказанного мною не будут делать выводов, что Советский Союз предлагает только констатацию, осуждение, строгие меры и высказывается против всяческих переговоров и мирного разрешения возникшего серъ-

езного конфликта. Подобные выводы дали бы совершенно ложное представление о нашей концепции. Я не менее, а более других заинтересован в ненарушении мира как сегодня, так и на следующие десятилетия и не в одном только участке Европы, а во всей Европе и во всем мире. Мы решительно против всего, что могло бы приблизить войну, хотя бы на один месяц, но мы также против скороспелых решений, продиктованных скорее страхом и другими эмоциями, чем трезвым учетом реальности, решений, которые, якобы устраняя причины для мнимой войны сегодня, создадут все предпосылки для действительной войны на завтра.

Мы стоим за международное соглашение, которое не только упрочило бы существующие устои мира, но и, если возможно, создало бы новые. Мы стоим за участие в таком соглашении всех стран, которые этого желают. Мы возражаем против того, чтобы уход из Лиги наших, грубое нарушение международных договоров и бражание оружием создали бы государству привилегию диктовать всей Европе свои условия переговоров, выбирать по своему усмотрению участников переговоров и навязывать свою схему соглашения. Мы против того, чтобы переговоры велись на основе, которая дезорганизует ряды искренних сторонников мира и которая должна неизбежно привести к разрушению единственной межгосударственной политической организации — Лиги наций. Мы полагаем, что искренние сторонники мира имеют не меньшее, чем нарушители договоров, право предлагать свою схему организации европейского мира. Мы за создание безопасности всем народам Европы, против полумира, который не есть мир, а война.

Но к каким бы новым международным соглашениям мы ни хотели бы прийти, мы должны раньше всего обеспечить их лояльное выполнение всеми участниками, и Совет Лиги должен сказать, как он относится к односторонним нарушениям: подобных соглашений и как он намерен и может на них реагировать. С этой точки зрения всемерное удовлетворение жалобы французского и бельгийского правительств приобретает сугубое значение. Учитывая это, я от имени своего правительства заявляю о его готовности принять участие во всех мероприятиях, которые будут предложены Советом Лиги или локарискими державами и будут приемлемы для других членов Совета.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 67(5924). 30 марта 1935 г.*

88. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона

Немедленно
18 марта 1936 г.

Переговоры между локарновцами все еще безрезультатны*. Французы требуют сохранения Локарнского договора, согласны передать вопрос о франко-советском пакте на решение Гааги при условии, что немцы немедленно отведут войска на 25 км от границы, а часть войск совсем выведут из зоны, а также обяжутя вновь совсем демилитаризовать зону в случае гаагского решения в пользу Франции. В случае же неподчинения немцев решению Гааги к ним применяются экономические санкции, а Англия заключает с Францией военную конвенцию и посылает воинские отряды на французскую границу.

Сегодня Иден предложил занятие приграничной зоны как с германской, так и французской стороны международными отрядами и немедленные переговоры на базе гитлеровских предложений**. Фланден и Поль-Бонкур в больших вопросах пока тверды, но в общих мягкотелы и в конце концов будут опутаны англичанами. Поль-Бонкур объясняет слабость французской позиции непомерным страхом войны и отсутствием единства в правительственных кругах. Приезд Риббентропа, по мнению англичан, — их большая победа, и им, вероятно, удастся втянуть французов в переговоры с немцами. Вчерашнее и сегодняшнее секретные заседания Совета показали, что не менее шести членов имеют прогерманские установки, а именно: поляк, чилиец, аргентинец, датчанин, англичанин и австралиец, и что полную поддержку оказывают французам только Титулеску да я. Это побудит французов делать дальнейшие уступки.

Литвинов

Печат. по арх.

89. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Министром почт, телеграфа и телефона Франции Манделем

18 марта 1936 г.

Подпред начал беседу с указания, что французская делегация в Лондоне выдвинула предложение передать в Гаагу вопрос о совместимости франко-советского пакта с Локарнским договором. По этому вопросу подпред выразил свое изумление, ссылаясь на то, что и Фланден, и Поль-Бонкур еще в Женеве

* См. газ. «Известия», 10—14 марта 1936 г.

** См. док. № 68.

предупреждены были им об отрицательном отношении СССР к такой идее⁵¹.

Мандель, саркастически улыбаясь, сообщил полпреду следующее:

9 марта в кабинете Сарро, в присутствии Манделя, Фланден излагал тезисы своего предстоящего выступления в Лондоне. При этом затронут был вопрос о возможности передачи в Гаагу спора о совместимости франко-советского пакта с Локарнским. Фланден с большой точностью воспроизвел те возражения, которые выдвинул против такой мысли полпред при разговоре с ним в Женеве 2 марта. Тут же, у Сарро, было условлено, что Фланден будет упоминать об указанной идее лишь в аспекте историческом при доказательствах уклонения Германии от миролюбивого разрешения спорного вопроса. С этим Фланден и уехал в Лондон. Однако 13 марта к Сарро явился Эррио, который, патетически убеждая Сарро в необходимости предупредить войну, настаивал на том, чтобы французская делегация в Лондоне предложила Германии перенести в Гаагу разрешение спора о франко-советском пакте. Сарро вызвал к себе Леже. Последний весьма энергично восстал против советов Эррио. Тем не менее, учитывая настроение глаза радикально-социалистической партии, его политический авторитет и чуткость его к настроениям французской общественности, Сарро в конце концов согласился на его предложение. В Лондон передана была соответствующая директива. Мандель считает ее крупной политической ошибкой. Он учитывает, что германская юриспруденция пользуется в Гааге достаточным авторитетом и что в составе Гаагского трибунала имеются представители государств, враждебно относящихся к СССР. Если бы даже мнения в Гааге разделились, и это было бы частичной победой Германии и значительно ослабило бы моральный авторитет франко-советского пакта. Резюмируя свою мысль, Мандель заявил, что предложение о передаче дела в Гаагу он считает принципиально недопустимым и практически опасным.

Полпред ответил, что не только разделяет мнение Манделя, но и опасается, как бы предложение французской делегации не вызвало резкой реакции со стороны СССР. Позиция Советского правительства в вопросе о передаче пакта в Гаагу известна была и Фландену, и Сарро. Если, несмотря на категорические возражения полпреда, ими было решено обратиться к Германии с упомянутым предложением, не поставив об этом в известность Советское правительство через полпреда, это приходится рассматривать как недостаток лояльности в отношении СССР. Если учесть, в какой степени раздражено было общественное мнение СССР недопустимым замедлением с ратификацией пакта и неслышанным тоном парламентских деба-

тов по этому вопросу, отнюдь не невозможным представляется, что в Москве найдутся сторонники самых радикальных выводов в отношении договора, заключение которого не обставляется условиями, обеспечивающими достоинство и суверенитет договаривающихся сторон.

Мандель заявил полпреду, что полностью разделяет его мнение. Он попросил разрешения немедленно переговорить с Сарро.

Полпред не возражал. Взяв телефонную трубку и вызвав Сарро, Мандель ему сообщил, что ведет разговор с послом СССР, крайне изумленным тем оборотом, который получил в Лондоне франко-германский спор о дате 2 мая. Посол, по словам Манделя, предвидит, что предложение передать этот спор на разрешение Гааги может вызвать резкую реакцию со стороны СССР.

Сарро ответил, что очень хотел бы лично переговорить с полпредом по данному вопросу. Тут же было условлено, что свидание полпреда с Сарро состоится на следующий день, в 10 часов утра, в кабинете председателя совета министров*.

Покончив с вопросом о Гааге, Мандель сообщил полпреду, что крайне подозрительной кажется ему обстановка, при которой произошла акция Гитлера, имевшая место 7 марта**. Мандель обратил внимание полпреда на следующие обстоятельства: 3 марта в Женеве Фланден вручил Идену французскую ноту, которая предупреждала английское правительство, что в случае нарушения Германией режима демилитаризованной зоны Франция немедленно объявит мобилизацию и введет в зону свои войска. Нота ставила перед Англией вопрос, какую поддержку окажет она Франции в этом случае. Английский кабинет должен был обсудить ноту 9 марта. 4 марта по просьбе Фландена Сарро выступил в сенатской комиссии по иностранным делам с подробными объяснениями о франко-советском пакте. При обсуждении вопроса он ознакомил членов комиссии с содержанием ноты, врученной Идену Фланденом, и выразил твердую надежду, что Англия не замедлит дать на нее вполне удовлетворительный ответ. Действительно английскому кабинету трудно было от него уклониться, ибо, во-первых, он сам в свое время обратился с аналогичным вопросом к Франции, учитывая возможность итальянского нападения на английский флот, и, во-вторых, в отличие от Англии, поставившей Францию перед фактом своей мобилизации, французская нота запрашивала англичан о поддержке в предварительном порядке. Словом, по мнению Манделя, английскому

* См. док. № 93.

** См. док. № 68.

правительству было очень трудно отвернуться от ясного ответа на поставленный французской нотой вопрос. Очевидно, из каких-то осведомленных и заинтересованных источников Гитлер был информирован, что Франция и Англия договариваются о совместных военных контрмерах на случай нарушения им режима Рейнской зоны, причем сигнализировалось, что 9 марта английскому правительству придется выносить по данному вопросу вполне конкретное решение. И вот 7 марта Гитлер вводит свои войска в Рейнскую зону и денонсирует Локарнский договор. Трудно себе представить, говорит Мандель, чтобы эта акция Гитлера чисто случайно предупреждала англо-французское соглашение. Остается заключить, что либо во французском сенате имеются не только болтуны, но и предатели, либо англичане сами толкнули Гитлера на его акцию, предупреждавшую необходимость нового англо-французского соглашения, налагающего на Англию тягостные обязательства военной помощи французам.

По словам Манделя, когда совет министров собрался обсудить положение, создавшееся вследствие акции Гитлера, в нем не проявилось должной решительности в отношении необходимых контрмер. Правая печать упрекает Манделя в том, что он толкал правительство на мобилизацию. Мандель поясняет, что мобилизация была предрешена и что оставалось только осуществить решение, о котором 3 марта официально осведомлена была Англия. На это все пошли. К совещанию были привлечены также представители военного командования, которые считают долгом чести никогда не пользоваться оружием. Ген. Жоржа намеренно не привлекли к обсуждению вопроса. Таким образом, момент для решительных контрмер был упущен, и Гитлер пожал все плоды таких колебаний. Между тем Манделю известно, что немцы боялись ответной мобилизации французов и готовы были ретироваться при первых ее признаках. Они входили в зону, как во вражескую страну, оглядываясь и пугаясь каждой тени. Везде они высылали вперед разведку, которая освещала местность и сигнализировала подходящим войскам, что можно пока продвигаться беспрепятственно. Мандель самым решительным образом клеймит малодушие, проявленное правительством и высшим командованием в этот критический момент.

Несмотря на суровое осуждение, которому Мандель подвергает французское правительство и высшее командование, он не считает положение окончательно проигранным. По мнению Манделя, в общественном мнении Франции нарастает все большее возмущение предательством англичан и озлобление против немцев. С течением времени эти настроения должны еще усилиться. Бесспорно, что Франция не хочет войны. Но видя, что на нее наступают и что на силу приходится отвечать

только силой, страна в конце концов может потерять терпение, и тогда Германия увидит перед собою настоящую Францию. Мандель уверен, что с этой Францией окажется и СССР.

Потемкин

Печать по арх.

90. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с главным редактором французской газеты «Тан» Шастенэ

19 марта 1936 г.

Шастенэ. Какова позиция Советского правительства в настоящем международном кризисе? Не считает ли оно, что военная реокупация левого берега Рейна, позволяя Германии построить линии укрепления вдоль французской границы, имеет прежде всего целью предоставить Германии большую свободу для наступления на Востоке?

Молотов. Ремилитаризация Рейнской области несомненно усилила угрозу для стран, находящихся к востоку от Германии, и в частности для СССР. Не видеть этого было бы неправильно. Тем не менее ввод германских войск в Рейнскую область, пограничную с Францией и Бельгией, и создание укреплений вдоль франко-бельгийской границы, в нарушение известных международных договоров, означает угрозу прежде всего в отношении западных соседей, Франции и Бельгии. В связи с этим нам понятню особое беспокойство во Франции и Бельгии.

Шастенэ. Поскольку из этого ясно вытекает, что интересы Советского Союза и Франции в настоящем международном кризисе в известной степени одни и те же, возникает вопрос о том, как действовать перед лицом этого кризиса и какова по отношению к нему позиция Советского правительства?

Молотов. В связи с Вашим вопросом я могу сослаться на опубликованную сегодня в газетах речь т. Литвинова в Лондоне*. Она бросает яркий свет на политику Советского правительства в отношении теперешнего международного положения и освещает это положение в целом, что освобождает меня от подробного развития этой темы.

Шастенэ. В случае, если бы Германия предприняла нападение на Западе, и в случае, если бы Польша осталась нейтральной, какую помощь мог бы СССР практически оказать Франции? Вопрос имеет немного стратегический характер. По-видимому, помощь со стороны СССР означала бы помощь через Румынию и Чехословакию. Нейтралитет Польши, однако, в значительной степени затруднил бы действия СССР. Как

* См. док. № 87.

практически могла бы быть осуществлена советская помощь Франции?

Молотов. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы знать конкретную обстановку, в которой пришлось бы его решать. Вся помощь, необходимая Франции в связи с возможным нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не содержит никаких ограничений в этом отношении, Франции была бы оказана со стороны Советского Союза. Помощь была бы оказана в соответствии с этим договором и политической обстановкой в целом.

Ша ст е н э. Считает ли Советское правительство возможным улучшение польско-советских отношений и, в положительном случае, каким образом оно считает возможным осуществить это улучшение?

Желательно, чтобы Польша стояла на стороне Франции и Советского Союза. Это отвечало бы и подлинным интересам самой Польши. В настоящем состоянии советско-польских отношений, однако, существует возможность того, что Польша займет позицию нейтралитета. Не считает ли председатель СНК желательным найти пути к улучшению советско-польских отношений?

Молотов. Советское правительство считает улучшение советско-польских отношений и желательным, и возможным. Один из путей для этого был предложен в прошлом году в виде Восточного пакта, в который Польша могла бы включиться.

Ша ст е н э. Некоторые поляки утверждают, — я говорю это не от своего имени, а просто передаю то, что я слышал, — что коммунистическая пропаганда в Польше, одно время совершенно прекратившаяся, возобновилась с новой силой в середине 1935 г. Если это так, то нельзя ли было бы попытаться добиться ее прекращения как средства для улучшения советско-польских отношений?

Молотов. Указанных Вами данных о коммунистической пропаганде в Польше у меня не имеется, да и вообще этот вопрос мне кажется искусственным и за волосы притянутым теми некоторыми поляками, которые Вам сообщили о подобных слухах.

Ша ст е н э. Я пробыл в Польше четыре дня и пришел к заключению, что в Польше влиятельные лица считают, что у Польши общие интересы с СССР и что разделяют обе стороны только вопросы сентиментального и исторического характера.

Молотов. Советский Союз решительно покончил с империалистическими и угнетательскими тенденциями царизма. Мы противники всякого национального угнетения и доказали это на деле как своей внутренней, так и своей внешней политикой. Этим определяется и наше отношение к историческому прош-

лому народов, в частности Польши. Было бы у деятелей Польши действительное стремление к укреплению мира в Европе, в чем польский народ безусловно весьма заинтересован, тогда нашлись бы достаточные возможности для улучшения польско-советских отношений.

Ша ст е н э. Все ли существующие в настоящее время в Советском Союзе направления считают одинаково невозможным в настоящих условиях сближение Германии с Советским Союзом? Я имею в виду сведения о том, что внутри рейхсвера имеются группы, которые по чисто политическим соображениям стоят за сближение с Советским Союзом. Имеются ли аналогичные встречные тенденции в СССР?

Мо л о т о в. Среди определенной части советских людей есть направление, относящееся к современной правящей Германии с совершенной непримиримостью, в особенности в связи со все новыми враждебными выступлениями германских правителей против Советского Союза. Однако главное направление, определяющее политику Советской власти, считает возможным улучшение отношений между Германией и СССР. Разумеется, для этого могут быть разные пути. Одни из лучших — вхождение Германии в Лигу наций при том, однако, условии, чтобы Германия на деле доказала свое уважение к международным договорам, чтобы она на деле доказала, что она будет соблюдать свои международные обязательства в соответствии с действительными интересами мира в Европе и интересами всеобщего мира. При выполнении этих условий участие Германии в Лиге наций было бы в интересах мира и встретило бы с нашей стороны положительное отношение.

Ша ст е н э. Даже гитлеровской Германии?

Мо л о т о в. Да, даже гитлеровской Германии.

Ша ст е н э. Как относится Советское правительство к возможности франко-германского сближения? В случае такого сближения, отнеслось ли бы оно к нему благожелательным образом?

Мо л о т о в. Нам известно стремление Франции к сохранению мира. Если германское правительство также доказало бы на деле свое стремление к миру и уважение к договорам, в частности, доказало бы это по отношению к Лиге наций, то на этой базе защиты интересов мира мы считали бы франко-германское сближение желательным.

Ша ст е н э. Как со времени последнего японского кризиса и интервью г. Сталина * Советское правительство представляет себе ближайшее будущее своих отношений с Японией?

Мо л о т о в. За последнее время имеются признаки некоторого улучшения советско-японских отношений. Это нашло свое

* См. док. № 59

выражение в недавних переговорах заместителя народного комиссара по иностранным делам т. Стомонякова с японским послом г. Ота. Содержание этих бесед опубликовано*. Переговоры еще не окончены, но возможность улучшения советско-японских отношений имеется.

Ша ст е н э. Считает ли председатель СНК, что после заявления г. Сталина имелись новые признаки намерения японцев выступить против Внешней Монголии?

Мо л о т о в. Новых фактов в этом направлении нет.

Ша ст е н э. Как, по мнению Советского правительства, Франция могла бы в настоящее время наиболее полезным образом сотрудничать с ним в области военных приготовлений? Я имею в виду вопрос о том, должно ли это сотрудничество происходить в форме контактов между генеральными штабами или же должна идти речь о поставке Францией военных материалов Советскому Союзу?

Мо л о т о в. Вопрос требует специального изучения. Этим пришлось бы заняться военными специалистам.

Ша ст е н э. Я хотел бы задать тот же вопрос в области промышленности. Имеет ли в виду Советское правительство в настоящее время делать заказы французской промышленности и какие именно?

Мо л о т о в. Торговое соглашение, подписанное в начале января 1936 г.**, с нашей стороны будет полностью выполнено. Наши заказы связаны главным образом с покупкой металлов, продуктов машиностроения, химии и некоторых других отраслей промышленности. Наш общий импорт показывает за последнее время тенденцию к росту. Если технические и финансовые условия во Франции будут не хуже, чем в других странах, то возможно увеличение заказов во Франции.

Ша ст е н э. Позволит ли осуществление экономических планов Советского Союза импортировать в дальнейшем так называемые парижские изделия, т. е. продукты парижской промышленности в области предметов украшения, кожевенных и шелковых изделий и прочих предметов, так сказать, «полуроскоши»?

Мо л о т о в. Мы сами развиваем сейчас подобные отрасли промышленности, но в известных пределах не исключен и ввоз так называемых парижских изделий.

Ша ст е н э. Считает ли Советское правительство, что выполнение второго пятилетнего плана позволит в ближайшее время произвести значительное снижение внутренних цен? Какого порядка может быть это снижение?

* См. газ. «Известия», 15, 23 февраля, 14, 17 марта 1936 г.

** См. «Сборник действующих договоров», вып. IX, М., 1938, стр. 164—170.

Молотов. Да, считает. Советское правительство твердо уверено, что выполнение второго пятилетнего плана обеспечит значительное снижение внутренних цен. Могу еще добавить, что выполнение второго пятилетнего плана идет не менее успешно, чем выполнение первого. Вы спрашиваете, какого порядка будет это снижение. Я думаю, что снижение внутренних цен должно достигнуть нескольких десятков процентов.

Шастенэ. Насколько я понимаю, это не означает сокращения заработной платы, а увеличение реальной заработной платы путем повышения покупательной способности заработной платы?

Молотов. Совершенно верно.

Шастенэ. Было ли обращено внимание Советского правительства на трудности материального положения, которые возникают для проживающих в Союзе иностранцев вследствие последних финансовых реформ, и в особенности закрытия «Торгсина»?

Молотов. Советскому правительству этот вопрос, конечно, известен. Но этого рода трудности имеют скоропреходящий характер.

Шастенэ. В связи с демократизацией конституции,— правда, демократизацией не в западном смысле слова,— о проектах чего сообщалось, я хотел бы спросить, какие видоизменения будут внесены в Советскую конституцию? В частности, будет ли это означать замену существующей пирамидообразной системы выборов низших органов населением, а высших органов низшими системой прямого представительства? Будет ли также изменена в связи с этим федеральная структура Советского Союза, или же существование республик и национальных областей реформой конституции не затрагивается?

Молотов. В работах комиссии, которые должны закончиться в течение этого года и которыми руководит председатель этой комиссии т. Сталин, дело идет об осуществлении в СССР действительно всеобщего, действительно прямого, действительно равного и тайного избирательного права, которым не будут пользоваться только лица, лишенные избирательного права приговором суда. На основе этого избирательного права будут выбираться и местные органы власти, и центральный орган — общенародное представительство.

У нас во всех отраслях создано социалистическое хозяйство, тем самым окончательно подорваны основы классов и созданы условия для бесклассового социалистического общества. Теперь в новой конституции будут устранены остатки неравенства в избирательных правах между рабочими и крестьянами и вместе с тем избирательное право будет предоставлено всем группам населения, включая и тех граждан, которые раньше принадлежали к буржуазным слоям, но теперь работают на

предприятиях, в колхозах и в государственных и кооперативных учреждениях или как частные кустари и т. п. Более демократического избирательного права, чем то, которое будет установлено нашей конституцией, ни в одной стране не существует.

Существование республик и национальных областей реформа конституции не затронет.

Шастенэ. Допускаете ли Вы образование других партий?

Молотов. Этот вопрос в СССР не актуален, поскольку у нас дело вплотную подошло к полной ликвидации борющихся между собою классов, представительство интересов которых выражают партии.

Шастенэ. Мне кажется, что другие партии могли бы возникнуть и без классовой борьбы, в результате существования различных тенденций даже внутри самой коммунистической партии. В качестве примера того, что я имею в виду, я напому о расколе русской социал-демократической партии на большевиков и меньшевиков. Если бы таким путем возникла бы новая партия, было ли бы ее существование допущено Советским правительством?

Молотов. Что касается возможности раскола партии, то, если г. Шастенэ ознакомится с положением в нашей партии за последние годы, он сможет установить следующее: в партии была в свое время острая борьба и делались попытки создания особых фракций, ведущих к созданию новых партий, но вот уже несколько лет, как положение в этом отношении в корне изменилось и коммунистическая партия действительно едина. Теперь это можно сказать больше, чем когда бы то ни было в прошлом.

Шастенэ. Поскольку Советское правительство имеет в виду расширение базы выборов и допускает наличие известной оппозиции, не имеет ли оно в виду и известного ослабления административных мер, известного ослабления диктатуры?

Молотов. Вся наша внутренняя обстановка говорит за то, что теперь уже нередко нет необходимости в тех административных мерах, которые проводились прежде.

Но Советская власть, разумеется, должна быть сильной и последовательной в борьбе против террористов и разрушителей общественной собственности и их сообщников. Силы, противодействующие ей, делаются все слабее, но в некоторых случаях именно поэтому они хватаются за крайние меры, что требует соответствующих контрмер со стороны Советского правительства. Однако самое главное заключается в том, что Советская власть опирается теперь на широчайшую поддержку рабочих и служащих в городах и крестьян в деревнях, и реформа нашей конституции, вводящая максимум демократиз-

ма, свидетельствует о твердой уверенности Советской власти в этой поддержке.

Ша стенэ. Предполагает ли проект реформы конституции введение того, что у нас называется ответственным министерством?

Молотов. Совет Народных Комиссаров, как Вы знаете, является выборным органом и полностью ответствен перед Центральным Исполнительным Комитетом. После реформы конституции наше правительство будет по-прежнему выборным и полностью ответственным перед народным представительством Советского Союза, выбранным на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права.

Записал А. Ф. Нейман

*Печат. по газ. «Известия»
№ 71(5928), 24 марта 1936 г.*

91. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона

*Немедленно
19 марта 1936 г.*

Фланден подробно ознакомил меня с достигнутым соглашением*, но последующие беседы с англичанами и с Гранди заставляют думать, что Фланден грешит в сторону оптимизма. По его словам, англичане согласились через Совет предложить Германии обратиться в Гаагу, что предполагает ее согласие подчиниться решению Гааги. Тем временем Рейнскую зону на немецкой стороне занимают международные воинские силы, Германия обязывается не вводить новых войск, не превращать полицию и штурмовиков в военные части, не возводить укреплений и не посылать военные материалы в Рейнскую зону, а французы обязываются лишь не возводить новых укреплений на своей стороне. Локарнский договор остается в силе, поскольку это касается гарантий для Франции и Англии, а английский и французский военные штабы вступают немедленно в сношения. Совет Лиги выносит осуждение Германии и назначает комитет для обсуждения дальнейших мер. В случае согласия на это Германии, с ней вступают в переговоры в связи с ее предложениями**. Предусматривается заключение вместо Локарно пактов взаимной помощи, а если Германия не согласится участвовать в них, то англо-французского военного союза.

* См. газ. «Известия», 20 марта 1936 г.

** См. док. № 68.

Учтите, что во вчерашних переговорах, кроме Идена, участвовали Галифакс, Макдональд* и Невиль Чемберлен; соглашение должно быть еще утверждено сегодня кабинетом. Неясно, однако, какие меры Англия употребит, чтобы заставить Германию принять эту схему, и какое создастся положение, если Германия, как это не подлежит сомнению, откажется обращаться в Гаагу, а тем более пускать иностранные войска на свою территорию. Полагаю, англичане, предвидя это, чтобы дать временное удовлетворение Фландену, согласились на означенную схему, которая должна завтра разлететься в прах. Фланден согласился произвести немедленно в Париже или Москве обмен ратификационными грамотами, чтобы ввести советско-французский пакт в действие**.

Литвинов

Печат. по арх.

92. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 марта 1936 г.

Понсе, ознакомившись с английским текстом речи Литвинова***, разосланной нами еще вчера главнейшим главам миссий, заявил, что речь прекрасно аргументирована и при внешне умеренном тоне очень острая по содержанию. Понсе возмущен извращениями, допущенными немцами при ее передаче, и жалеет, что нельзя довести ее до сведения германской общественности. Аттолько также наговорил массу комплиментов, но вместе с тем выразил сожаление, что Литвинов вновь упоминал о премии агрессору. Аттолько опасается, что это может быть использовано при эвентуальной постановке вопроса о снятии или смягчении санкций против Италии. Аттолько полагает, что инициатива такого пересмотра диктуется всей теперешней обстановкой и что «логически» она должна была бы исходить от СССР как страны, которая рассматривала санкции против Италии преимущественно «как прецедент».

Оценивая положение в целом, Аттолько отмечает, что Германия в первом туре выиграла игру. Основная причина германского успеха лежит в отсутствии «фронта Стрезы» и в нерешительности Франции. Французы должны были сразу ответить частичной мобилизацией. Это показало бы, что Франция не зря грозила, что не примирится с новым свершившимся фактом. Что касается Англии, то она с самого начала вела себя как адвокат Германии.

* Соответственно лорд-хранитель печати и лорд-председатель совета.

** Обмен ратификационными грамотами состоялся 27 марта 1936 г. в Париже.

*** См. док. № 87.

Объясняя английскую позицию, Филпс выдвинул на первый план тот факт, что речь идет не о занятии чужой территории, а о восстановлении Германией суверенных прав. Поэтому английское общественное мнение решительно против заострения конфликта. По мнению Филпса, эти настроения широко разделяются и во Франции. Для рекомендации Санкций Совету Лиги наций нет никакой юридической базы. Применение санкций одними локарнскими странами с самого начала исключалось позицией, занятой Италией. К санкциям относятся отрицательно и все соседи Германии, не исключая Чехословакии. Поэтому ничего другого не остается, как путь компромиссов.

Теперешнюю стадию Филпс характеризует следующим образом. Опасность войны, по-видимому, устранена, но к миру еще не пришли. Сейчас переходное состояние. Переговоры с Германией будут возможны, конечно, только несколько позднее. Филпс упомянул о возможности созыва конференции приблизительно в мае и недвусмысленно высказывал надежду, что после выборов новое французское правительство будет «менее связано». До этого и на время переговоров английское правительство хотело бы обеспечить прочное перемирие. В этом смысл всех английских предложений, о которых сообщает печать. После 7 марта он посетил Гитлера лишь один-единственный раз с целью убедить его послать представителя в Лондон. Эта задача оказалась нелегкой. Заявление Идена Гешу сделано было позже* и «обязывает только Англию». Филпс с особой силой подчеркивал, что теперешняя английская позиция объясняется не дружбой к Германии, а исключительно характером нынешнего конфликта. В случае германской агрессии на территории любого государства Англия действовала бы не менее решительно, чем в итало-абиссинском конфликте. Возможность такой агрессии будет сильно парализована включением Германии в Лигу наций, и вся Англия поэтому едина в том, что не следует упускать такой okazji.

Суриц

Печат. по арх.

93. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Председателем Совета Министров Франции Сарро

19 марта 1936 г.

Полпред заявил Сарро, что весьма обеспокоен тем оборотом, который принимает в Лондоне дело о франко-советском пакте. Мысль о передаче этого договора на рассмотрение Гааг-

* Имеется в виду заявление Идена послу Германии в Великобритании от 17 марта 1936 г.; см. сб. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». Series C, vol. V. London, 1966, pp. 181—182.

ского трибунала, который должен решить, насколько пакт совместим с условиями Локарнского соглашения, представляется полпреду достаточно рискованной. Еще в Женеве 2 марта полпред имел по этому вопросу объяснение с министром иностранных дел Фланденом*. Последний сообщил полпреду, что группа сенаторов обратилась к нему с предложением перенести в Гаагу спор между Германией и Францией по поводу франко-советского пакта. Министр иностранных дел отнесся к этой мысли отрицательно, ссылаясь на то, что Германия формально не является жалующейся стороной. Тогда же полпред со всей определенностью предупредил Фландена, что не только по формальным соображениям, но и по мотивам принципиального и политического характера предложение группы сенаторов представляется неприемлемым для СССР. Франко-советский пакт заключен между двумя суверенными государствами, которые признали его политическую необходимость. Юристы обеих стран самым внимательным образом согласовали этот пакт с Уставом Лиги наций и с условиями Локарнского договора. После подписания пакта правительства Англии**, Италии и Бельгии*** подтвердили совместимость франко-советского договора с Локарнским пактом. Передача договора 2 мая на рассмотрение Гаагского трибунала могла бы быть истолкована международным общественным мнением в том смысле, что Франция и СССР сами допускают некоторое сомнение в вопросе о возможности примирить его обязательства с Локарнским пактом. С одной стороны, это было бы капитуляцией перед Гитлером. С другой, это создало бы Гаагскому трибуналу положение арбитра в деле, в котором он не компетентен, ибо, как сказано, политическая необходимость франко-советского пакта уже признана двумя суверенными государствами, заключившими этот договор, и поддержана рядом других стран, заинтересованных в защите мира и в организации коллективной безопасности.

Германская юриспруденция пользуется в Гааге известным авторитетом. В составе трибунала имеются представители стран, враждебно настроенных в отношении СССР. Полпред желал бы знать, какова, по мнению правительства Франции, была бы судьба франко-советского пакта, если бы Гаагский трибунал признал обоснованными возражения Германии против этого договора или если бы голоса в Гааге по этому вопросу разделились. Кроме того, полпред просит его разъяснить, обязуется ли Германия, в случае признания трибуналом ее возражений лишенными оснований, исправить то, что сделано

* См. док. № 89.

** См. док. № 42.

*** См. док. № 48.

ею в порядке односторонней и самочинной акции, другими словами, вывести обратно из Рейнской зоны свои вооруженные силы.

Сарро с большим вниманием выслушал все, сказанное ему полпредом. В ответ он заявил ему прежде всего, что Фланден сообщил ему в свое время мнение полпреда относительно передачи франко-советского пакта в Гаагу и что оно было принято во внимание правительством. Если в Лондоне вернулись к этой мысли, то это объясняется соображениями порядка тактического. Сарро убежден, что Германия не пожелает перенести в Гаагу спор о франко-советском пакте. Во-первых, она опасается, что трибунал выскажется против нее. Во-вторых, для Германии неприемлемо условие, выдвигаемое французами, именно, чтобы она заранее обязалась подчиниться решению Гаагского трибунала и, в случае признания ее возражений несостоятельными, эвакуировать из Рейнской области свои войска. Англичане также убеждены, что Германия не пойдет на такое обязательство. Не желая, чтобы своим отказом принять вышеуказанное условие Германия еще более восстановила против себя английское общественное мнение, правительство Великобритании воздерживается от давления на Гитлера в этом направлении и вообще опасливо относится к самой идее передачи спора о франко-советском пакте в Гаагу. В данный момент вокруг этого вопроса идет в Лондоне напряженная борьба. Если бы, вопреки ожиданиям Сарро, Германия и согласилась на передачу дела в Гаагу, это отнюдь не означало бы, что судьбе франко-советского пакта угрожает какая-либо опасность. Во-первых, Гаагский трибунал не пошел бы дальше чисто юридического анализа проблемы. Между тем основное значение франко-советского пакта заключается в его политических целях. В этой области, как правильно заметил полпред, Гаагский трибунал не компетентен, и решающее слово принадлежит здесь суверенным договаривающимся сторонам. Каково бы ни было решение Гаагского трибунала, франко-советский пакт как основа мира и безопасности в Европе полностью сохранит свою силу. Сарро заверяет в этом полпреда от имени правительства Франции и просит довести его заявление до сведения правительства СССР и г. Литвинова.

Полпред ответил председателю совета министров, что благодарит его за вышеизложенные объяснения, что с удовлетворением принимает их к сведению и не преминет информировать о них правительство СССР и Наркоминдел.

Продолжая свою речь, Сарро заявил полпреду, что сторонником сближения и сотрудничества Франции с Россией он был уже тогда, когда впервые возник вопрос об установлении дипломатических отношений между обеими странами. Председа-

тель совета министров остается неизменно верен этому убеждению, которое основывается на серьезном теоретическом и практическом изучении международных проблем, и в частности вопросов дальневосточной политики. Сарро полностью согласен со Сталиным, что Япония и Германия являются опаснейшими очагами войны. По мнению Сарро, имеются черты, роднящие оба эти государства. Оба считают себя обделенными. Оба воплощают воинствующий империализм в наиболее динамичной и агрессивной его форме. Оба проникнуты презрением к праву и уважением к одной лишь силе. Оба одержимы расовым мессианизмом. Оба ненавидят СССР и издеваются над Лигой наций. Сближение между Германией и Японией уже началось. Оно неизбежно примет форму настоящего военного соглашения, если Гитлер докажет Японии, что ему сходит с рук нарушение любого международного договора и что внутри Германии никто не смеет ему противодействовать. Сближению Японии с Германией помогают некоторые посредники. Сарро вспоминает, что в пору русско-японской войны Пилсудский делал японцам в Токио предложения — дать ему средства, чтобы он мог нанести России удар в спину. Сарро убежден, что Польша и сейчас работает в том же направлении. Он не разделяет широко распространенного мнения, ставшего банальностью, что Япония и Германия сговариваются одновременно напасть на СССР и что при таких условиях Франции можно не беспокоиться, ибо она останется в стороне. «Японцы хотят устроить кровопускание СССР на Востоке», — говорит Сарро, — они собираются отвлечь туда силы СССР. Тогда Германия, уверенная, что Франции никто не придет на помощь, обрушится на нас всей своей тяжестью». Сарро заявляет, что Франция и СССР должны с величайшим вниманием следить за всем, что происходит не только в Центральной Европе, но и на Дальнем Востоке. Он настойчиво сигнализирует это полпреду и через него правительству СССР. Он подчеркивает, что говорит не только как глава французского правительства, но и как человек, много и долго думавший над вопросами мировой политики. Он считает, что в деле обеспечения мира и организации коллективной безопасности Советскому Союзу принадлежит важнейшая роль. Отправляясь от этого убеждения, он не мыслит себе внешней политики Франции иначе, как в плане теснейшего сотрудничества с Советским Союзом.

Сарро с большим жаром излагал полпреду все эти общие соображения. Когда полпред поднялся, чтобы с ним проститься, председатель совета министров обратился к нему с просьбой считать все сказанное главой правительства предметом строго конфиденциальным. «Я не хотел бы, чтобы заявления, которые я только что Вам сделал и которые соответствуют моим глубочайшим убеждениям, сделались достоянием чинов-

ников дипломатической службы и их переписки. Передайте их вашему правительству таким путем, который обеспечил бы нам их полнейшую доверительность».

Потемкин

Печат. по арх.

94. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Австрии И. Л. Лоренца в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 марта 1936 г.

При случайной встрече вчера в министерстве Папен *, который только что вернулся из Берлина, заговорил со мной о международном положении. Он рад, что положение на Дальнем Востоке становится лучше. Он развернуто привел известную немецкую аргументацию в оправдание шага на Рейне **. Надо создать, продолжал он, новую систему договоров, которая обеспечит мир и будет соответствовать новой обстановке; Германия перестала быть побежденной страной. Он считает возможным создать действительную Лигу наций вместо теперешней бессильной. Нет препятствий, чтобы взаимоотношения Германии с СССР снова стали хорошими, как в лучшие годы Рапалло, которые он вспоминает с удовольствием. История, закончил он, подтверждает, что интересы Германии и России требуют хороших взаимоотношений. В разговоре, который проходил по инициативе Папена, я указал на наше отрицательное отношение к последнему шагу Германии, который нельзя оправдать немецкими аргументами, на то, что слова Папена не находятся в согласии с заявлением Гитлера ***, на то, что Молотов недавно затронул эту тему **** и говорил о желательности улучшения отношений, но что последовавшее за этим немецкое заявление и мероприятия шли вразрез с нашими мирными установками.

В ответ Папен подчеркивал, что Германия — за хорошие отношения с нами, а обострения официальных выступлений против Москвы подсказаны противоречиями политического мировоззрения, а не внешнеполитическими установками Германии.

Полпред

Печат. по арх.

* Посланник Германии в Австрии.

** См. док. № 68.

*** См. там же.

**** См. док. № 90.

95. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР И. В. Сталину, из Лондона

*Немедленно
21 марта 1936 г.*

В достигнутом между локарнскими державами соглашении* неприятным пунктом является обращение в Гаагу. Эта злополучная идея исходила от французов и ее горячо поддерживали Эррио и как французские, так и английские пацифисты. Поэтому против нее трудно было бороться здесь. Далее, в соглашении совершенно не упоминается безопасность Востока Европы. Попытаюсь это исправить во время обсуждения вопроса в Совете и буду об этом говорить еще с французами и англичанами. Они, однако, будут спрашивать, чего мы добиваемся конкретно от Гитлера. Можно вновь выдвинуть идею взаимного гарантирования нами и Германией балтийских государств, но на это Гитлер не пойдет. Англичане и французы скорее поддержали бы идею советско-германского пакта о ненападении.

Прошу указаний**.

Литвинов

Печат. по арх.

96. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Ота

21 марта 1936 г.

Господин Посол,

В своих беседах с Вами 9-го*** и 14-го⁴⁸ сего месяца я имел честь обратить Ваше внимание на принимаемые в последнее время полицейскими и военными властями г. Токио в отношении Посольства Союза Советских Социалистических Республик в Японии и его сотрудников меры, ставящие Посольство в положение враждебной блокады и создающие большие трудности в его работе. Я привел при этом ряд фактов, говорящих о недопуске к работе в Посольство японцев, принадлежавших в течение ряда лет к обслуживающему персоналу Посольства, и избении одного из них, о задержке доставки Посольству советской печати, японских изданий и изданий на английском языке, о постоянном дежурстве у здания Посольства большого числа полицейских автомобилей и полицейских агентов и т. д. Я указал на то, что все эти меры носят, очевидно, дискриминационный характер, вытекающий из того, что, несмотря на военное положение, которым эти меры час-

* См. док. № 91.

** См. док. № 97.

*** См. док. № 75.

тично мотивируются, они не были применены ни к одному другому иностранному посольству или миссии в Токио.

Я обратил далее Ваше внимание, г. Посол, на недопустимость появления в японской печати ряда клеветнических сообщений, имеющих целью опорочить деятельность Посольства и вызвать у населения враждебные к нему чувства.

Вместе с тем я вынужден был констатировать, что неоднократные обращения Посольства к Японскому Министерству Иностранных Дел были оставлены без должного внимания. Я сообщил Вам о нашем недоумении по поводу подобной позиции Японского Министерства Иностранных Дел и напомнил, что Народный Комиссариат по Иностранным Делах всегда шел навстречу всем пожеланиям Японского Посольства в отношении облегчения его деятельности и, в частности, принимал все меры к тому, чтобы не допустить предания гласности ничего, что могло бы настроить общественное мнение против Японского Посольства в Москве даже тогда, когда речь шла не о вымысле, а [о] твердо установленных фактах.

Наконец, я просил Вас, г. Посол, передать Японскому Правительству просьбу Советского Правительства принять меры к прекращению полицейской блокады Посольства и кампании в печати против него.

К моему глубокому сожалению, я должен констатировать в настоящее время, что, несмотря на все обращения Посольства Союза Советских Социалистических Республик к Министерству Иностранных Дел и несмотря на мои обращения к Вам, чрезвычайные мероприятия японских полицейских властей в отношении Советского Посольства в Токио не были прекращены. Напротив, система полицейской блокады проявляет себя за последнее время в таких грубых и беспрецедентных формах, как угроза применить оружие к сотруднику Посольства Жучкову со стороны «охранявшего» его полицейского за нежелание Жучкова идти к себе домой по маршруту, который полицейский считал наиболее удобным для себя, как задержка и вскрытие почты Посольства, как открытые на глазах у всех обыски на улице перед Посольством всех японских граждан, посещающих Посольство, вплоть до домашних работниц и поставщиков товаров, и т. д.

Равным образом не прекращены выступления в японской прессе против Посольства, несмотря на то что они носят характер очевидной бессмысленной и зловерной пропаганды. Только так могут быть расценены заявления о том, что японские сотрудники Посольства арестованы за «шпионскую работу по изучению февральских событий»²², хотя фактически уже 27 февраля эти сотрудники не были допущены японской полицией в Посольство. К этому же разряду должны быть причислены лживые утверждения, будто бы Посольство имеет

секретную радиостанцию, через которую снабжает другие страны неправильной информацией о Японии. Нельзя не удивляться тому, что японская столичная полиция и власти, которые проводят военное положение и на которые, как на источник своей информации, ссылаются газеты, публикующие эти клеветнические сообщения, не принимают мер против массового распространения подобных лживых инсинуаций, явно направленных к возбуждению и подстрекательству антисоветских элементов, хотя одновременно те же власти пытаются частично объяснить свои меры против Посольства необходимостью его охраны от этих антисоветских элементов.

Ввиду всего изложенного я вижу себя вынужденным заявить Вам, г. Посол, протест против подобного отношения японских властей к Посольству Союза Советских Социалистических Республик и настаивать на незамедлительной отмене всех принятых в отношении этого Посольства дискриминационных мер, а также на прекращении опубликования в японских газетах статей и заметок, имеющих целью опорочить деятельность Посольства и возбудить против него население⁵².

Я пользуюсь этим случаем, чтобы вновь засвидетельствовать Вам, господин Посол, мое высокое уважение.

Стомоняков

Печат. по арх.

97. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Лондон *

*Немедленно
22 марта 1936 г.*

Предлагаем потребовать восстановления Восточноевропейского пакта, т. е. присоединения Германии к советско-французскому пакту о взаимопомощи, который, как известно, открыт для других стран, в том числе и для Германии.

Советуем на этой базе вести последовательную и упорную борьбу. В ходе переговоров советуем подчеркивать, что ежель теперь же не будет вырешен вопрос о Восточной Европе, то авторитет Лиги наций и вопрос об ограничении вооружений в будущем будут поставлены под серьезную угрозу и что СССР придется стать на путь дальнейшего увеличения своей армии и авиации, ибо СССР будет считать, что он предоставлен самому себе.

Эту упорную и последовательную борьбу за Восточный пакт надо вести в том расчете, чтобы Англия, Франция или

* См. док. № 95.

Германия сами были вынуждены предложить в качестве компромисса пакт о ненападении между СССР и Германией. В этом случае Вы могли бы согласиться на этот пакт, имея в виду, что пакт о ненападении есть в то же время пакт о не оказании какой-либо поддержки агрессору и что пакт теряет силу, если одна из сторон нападает на третье государство.

По поручению инстанции

Крестинский

Печат. по арх.

98. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину

22 марта 1936 г.

Многоуважаемый Владимир Петрович,

Вчера г. Литвинов сигнализировал нам возможность попыток французов оттянуть в связи с создавшейся в Лондоне ситуацией обмен ратификационными грамотами франко-советского пакта.

Ваше сегодняшнее сообщение о разговорах с Леже и Фланденом⁵⁸ показывает, что мы были более или менее правильно информированы о положении вещей.

Поведение французов меня просто изумляет. Ведь для них должно быть ясно, что если бы Гитлер стремился лишь сорвать франко-советский пакт, ему не нужно было бы вводить войска в Рейнскую область, а достаточно было бы с трибуны рейхстага заявить, что он сделает это, если французский сенат ратифицирует пакт. Я почти не сомневаюсь, что если бы Гитлер поступил так, пакт в сенате не прошел.

Но так как основной целью Гитлера было провести демилитаризацию Рейнской области, а ратификация пакта была использована им лишь как предлог для осуществления этой основной цели, то Гитлер, не ставя французам ультиматума, без всякого предупреждения ввел войска в Рейнскую область. И теперь ни в каком случае, если бы даже французы отказались от ратификации нашего пакта, немцы своих войск из Рейнской области не выведут.

То обстоятельство, что правительство поставило в сенате вопрос о доверии и что сенат огромным большинством ратифицировал пакт, показывало, что положение вещей французам ясно и что, потеряв локальные обязательства Германии, французы хотят по крайней мере сохранить дружбу с нами и нашу помощь на случай немецкой агрессии.

Мне казалось, что передача вопроса о совместимости Локарнского договора и франко-советского пакта в Международ-

ный Гаагский суд преследует единственную цель — установить, законно или незаконно действовали немцы, объявляя Локарнский договор для себя необязательным. Если Гаагский суд признает, что утверждение немцев о несовместимости этих договоров неправильно, усиливается позиция противников Германии, ибо к авторитету единогласного решения Лиги наций присоединяется еще авторитет Международного суда.

Если Гаагский суд согласится с доводами Германии, единственным следствием этого будет то, что введение немецких войск в Рейнскую область постфактум будет признано законным.

Для франко-советского же пакта решение Международного суда никакого значения иметь не может.

Сегодняшние колебания французского правительства стоят в вопиющем противоречии с его же поведением 12 марта (день заседания сената) и с тем бесспорным для всех фактом, что германское правительство ни при каких обстоятельствах и что бы ни решил Международный суд своих войск из Рейнской области не выведет.

Отсрочкой обмена ратификациями французское правительство не выигрывает в своих отношениях с Германией и рискует серьезно испортить франко-советские отношения.

Я допускаю, что французское правительство будет продолжать свою выжидательную политику до получения немецкого ответа. Отказ германского правительства пойти в Международный суд или отказ его дать обязательства подчиниться всякому решению суда облегчит положение французского правительства и оно, очевидно, тогда немедленно произведет обмен ратификациями.

Если же германский ответ не будет категорически отрицательным, нам придется, очевидно, сделать серьезный шаг, чтобы заставить французов принять решение о немедленном введении пакта в действие.

Все эти соображения имеют мало практического значения, потому что, прежде чем это письмо дойдет до Вас, будет уже известен официальный ответ немцев и Вам с Максимом Максимовичем [Литвиновым] удастся добиться от французов ясного и определенного ответа.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

**99. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Министру Иностранных Дел Эфиопии Эруи**

23 марта 1936 г.

Господин Министр,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 10 февраля 1936 г., адресованного Народному Комиссару по Иностранным Делах Союза Советских Социалистических Республик М. М. Литвинову и переданного представителем вашего Правительства г. Давидом Халлом мне ввиду нахождения М. М. Литвинова вне Москвы.

Г-н Д. Халл был также принят в аудиенции Председателем Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, которому он и вручил привезенное им письмо Его Величества Императора Эфиопии и который поручил г. Д. Халлу передать Его Величеству Императору Эфиопии свой привет и лучшие пожелания.

Я очень рад вновь подтвердить согласие Правительства Союза Советских Социалистических Республик установить с Империей Эфиопии дипломатические отношения.

Необходимый для этого обмен нотами может быть произведен в Париже дипломатическими представителями обеих стран. Посол Союза ССР в Париже уже получил по этому поводу указания и необходимые полномочия⁵⁴.

Мое Правительство считает, что обмен дипломатическими представителями между нашими обеими странами может быть произведен в дальнейшем, в момент, подлежащий установлению по соглашению обеих Правительств, а до тех пор официальные отношения будут осуществляться Посольством Союза ССР и дипломатической миссией Эфиопии в Париже.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам, Господин Министр, чувства моего высокого уважения.

Заместитель Народного
Комиссара Иностранных дел
Н. Крестинский

Лечат. по арх.

В упоминаемом письме Хайле Селассие I на имя М. И. Калвинна от 4 февраля 1936 г. говорилось:

«Твердо желая, чтобы вековые и исторические отношения дружбы, всегда существовавшие между Союзом Советских Социалистических Республик и Эфиопией, а также между народами обеих стран, были восстановлены, желая также установить отношения постоянной дружбы, мы направили с этой целью к Вашему Превосходительству г. Давида Халла, советника одного из департаментов нашего Правительства, имеющего высокий орден офицера Троицы. Наш верный слуга г. Д. Халл уполномочен нами сообщить Вашему Превосходительству о наших пожеланиях.

В момент, когда Эфиопия защищается от агрессивного врага, мы от глубины нашего сердца выражаем Вашему Превосходительству, защитнику

правды, искренние пожелания личного счастья Вам и процветания Союзу Советских Социалистических Республик».

В письме Эрук на имя М. М. Литвинова от 10 февраля 1936 г. говорится:

«Его Величество Хайле Селассие I, Император Эфиопии, твердо желая возобновить дружественные отношения, всегда существовавшие между Союзом Советских Социалистических Республик и Империей Эфиопии, а также установить постоянные отношения дружбы, направил с миссией к вашему Правительству г. Давида Халла, советника одного из государственных департаментов Империи, имеющего высокий орден офицера Троицы. Я заранее уверен, что по прибытии на территорию Союза Советских Социалистических Республик ему будут оказаны дружественный прием и всякая помощь, которая может оказаться необходимой.

Я имею честь направить при сем Вашему Превосходительству копию с оригинала собственноручного письма, которое Его Величество Император, мой августейший Повелитель, направляет Его Превосходительству Президенту Союза Советских Социалистических Республик в связи с миссией, порученной г. Д. Халлу».

100. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона *

*Немедленно
24 марта 1936 г.*

Бек мне передал после закрытия Совета Лиги наций, что, поскольку выяснилась некоторая общность взглядов, он готов, если мы этого желаем, к дальнейшему обмену мнениями по назревшим вопросам. Я сказал, что, к сожалению, пока приглашение касалось лишь процедурных вопросов и я хотел бы знать, имеет ли Бек в виду только эту категорию вопросов или также проблему по существу. Бек ответил, что он готов поговорить и по вопросам по существу и дать соответственные инструкции своему послу в Москве **. Конечно, я выразил удовлетворение его предложением. Поль-Боикур мне рассказывал, что поляки добиваются возобновления военной конвенции и что он говорил Беку, что эту конвенцию надо теперь приспособить к советско-французскому пакту. Поль-Боикур полагает, что именно это побуждает Бека искать сближения с нами. Однако я серьезного значения заявлению Бека не придаю. Бек, конечно, рад использовать наше сотрудничество, когда решается борьба против воскрешения «пакта четырех» и засилья великих держав, но по существу он делал здесь всяческие предложения, имевшие целью оказать поддержку Германии и изолировать нас ***.

Литвинов

Печат. по арх.

* Копия телеграммы направлена в полпредство СССР в Польше.

** См. док. № 134, 146.

*** См. также док. № 108; сб. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», Series C, vol. V, London, 1966, p. 366.

101. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину, из Лондона *

24 марта 1936 г.

Сегодня был Поль-Бонкур, с которым обсуждали создавшееся положение. Свои пожелания я резюмировал следующим образом: 1. Если Германия отвергнет рекомендуемое ей обращение в Гаагу и предложит сделать его Франции, то последняя ни в коем случае не должна на это согласиться, ибо Германия в таком случае не была бы связана решением Гааги. Равным образом Совет не может от своего имени обращаться в Гаагу, и если вопрос будет там поставлен, я буду голосовать против. 2. Немедленно должны быть закончены все формальности по введению франко-советского пакта в действие. 3. Как новый локарнский пакт, так и возможные другие пакты с Германией должны оставлять за ее партнерами свободу действий в случае агрессии с ее стороны против третьих стран. 4. В случае обсуждения общеевропейской проблемы и возвращения Германии в Лигу наций должны быть потребованы гарантии в отношении Восточной Европы. Наилучшей формой таких гарантий мы считали бы Восточноевропейский пакт с участием Германии.

Поль-Бонкур со всем этим соглашался, а по второму пункту добавил, что необходимы немедленные переговоры между генеральными штабами. Он не знал ничего про наши переговоры об обмене грамотами **. Он лишь возражал против четвертого пункта, указав, что Гитлер на это раньше не соглашался, а тем менее согласится теперь, когда он значительно укрепился. Я ему сказал, что по всем вопросам собираюсь говорить с Фланденом проездом через Париж ⁵⁵.

Литвинов

Печат. по арх.

102. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона

*Немедленно
25 марта 1936 г.*

Сегодня я нашел Идена в состоянии растерянности. Он жаловался на общественное мнение и намекал на разногласия в кабинете. Ответ Гитлера *** вызвал у него сильное раздражение, и это, вероятно, отразится на его завтрашнем выступлении в палате ****, где он попытается воздействовать и

* Копия телеграммы направлена в НКВД СССР.

** См. также док. № 91.

*** См. газ. «Известия», 26 марта 1936 г.

**** См. газ. «Известия», 28 марта 1936 г.

на общественное мнение. Он полагает, что до французских выборов переговоры возобновлены не будут. Я сообщил ему наши требования, которые вчера изложил Бонкуру*. Иден, как и Бонкур, высказал сомнение в согласии Гитлера на участие в Восточном региональном пакте, который он и раньше отклонял. Я указал, что если Гитлер без этого не добьется соглашения по другим вопросам, то он вынужден будет изменить свое отношение к региональному пакту. Иден обещал упомянуть в палате, что Гитлер не добьется соглашения с Западом за счет Востока.

Литвинов

Печат. по арх.

103. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона**

*Немедленно
26 марта 1936 г.*

Французы с самого начала сильно опасались позиции Араса и несколько раз просили меня воздействовать на него. Позиция Араса мне самому не была ясна, ибо по обыкновению он сильно путал. Однако сегодня после заседания Совета Лиги наций я с ним подробно беседовал, и он меня заверял, что ни в коем случае Турция не разойдется с нами, тем более что он сам понимает, что наибольшими врагами мира в Европе являются Германия и Италия, а со стороны первой надо еще опасаться приближения через Балканы к турецким границам. Сегодня перед самым заседанием Совета Арас неожиданно вручил мне проект резолюции, который он собирался сегодня же предложить Совету. Резолюция говорит о том, что в результате важнейших изменений, происшедших в международной ситуации, конвенция о режиме проливов и их демилитаризации отменяется. Я не имел даже времени обдумать как следует это предложение, но сразу высказал сомнение в своевременности такого предложения, которое может внести еще больший конфуз в запутанное и без того положение. Я ему разъяснил, что Турции, может быть, придется когда-либо односторонним актом аннулировать конвенцию, что станет более затруднительным, если Совет Лиги прямо или косвенно выскажется против турецких предложений. Проводить такое важное решение через Совет можно лишь в том случае, если заранее обеспечить себе дипломатической подготовкой единогласие. Арас согласился со мной

* См. док. № 101.

** Копия телеграммы направлена в полпредство СССР в Турции.

и о своем предложении в Совете даже не упоминал. Я обещал ему по прибытии в Москву вновь обдумать его предложение и сообщить ему наше мнение*.

Литвинов

Печат. по арх.

**104. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Гер-
мании Я. З. Сурицу**

26 марта 1936 г.

Многоуважаемый Яков Захарович,

Максим Максимович [Литвинов] сегодня должен был приехать в Париж, где он повидает Фландена и, по всей вероятности, также Сарро. Если он будет ехать из Парижа в Москву через Берлин, то Вы через пару дней получите от него самую подробную информацию. Не исключено, однако, что он будет возвращаться через Вену — так он говорил мне перед отъездом. На этот случай кратко информирую Вас о положении дел с франко-советским пактом. Хотя резолюция локарнских держав** выглядела, как победа французской точки зрения, тем не менее французы не чувствовали себя победителями и у них наметилась готовность повременить с введением в действие нашего пакта (т. е. с обменом ратификациями) до того момента, когда немцы отклонят обращение в Гаагский международный суд или даже до решения суда (если бы немцы изъявили готовность передать спор на решение Гаагского трибунала). Мы, конечно, не могли бы спокойно отнестись к подобного рода проволочке, хотя, с другой стороны, показывать свою чрезвычайную заинтересованность мы тоже не считаем особенно целесообразным. Я рассчитывал, что т. Литвинову удастся урегулировать в Париже этот вопрос и произвести там же обмен ратификациями (на всякий случай мы послали ему туда ратификационную грамоту пакта). То обстоятельство, что немцы, не дав локарнским державам окончательного ответа, в то же время сочли возможным в предварительном ответе отклонить основные пункты лондонского предложения, улучшает шансы вступления в силу франко-советского пакта. Я теперь не сомневаюсь, что т. Литвинов сегодня-завтра доведет это дело до конца.

Но это касается лишь формального вопроса о пакте. Вообще же политические перспективы в Западной [и] Центральной Европе очень и очень неясны. Трудно думать, чтобы у

* См. док. № 126.

** См. газ. «Известия», 21 марта 1936 г.

французского правительства хватило твердости в течение долгого времени выдерживать политику отказа от непосредственных переговоров с Германией.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

**105. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

26 марта 1936 г.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич.

В настоящем письме ограничусь кратким изображением того, что происходило на наших глазах в Париже после акции Гитлера 7 марта*.

Не подлежит сомнению, что французское правительство предвидело возможность нарушения Гитлером режима демилитаризованной зоны. Доказательством этого служит нота, врученная Фланденом Идену в Женеве 3 марта. Текста этой ноты я не видал. Однако Мандель мне передал, что нота уведомляла английское правительство о решении французского кабинета, в случае нарушения Гитлером режима Рейнской зоны, ответить на это контрмерами военного порядка, т. е. мобилизацией и введением в зону собственных вооруженных сил. В своей ноте французское правительство запрашивало англичан, какую поддержку они окажут Франции при вышеуказанных условиях.

Ознакомившись с записью моей беседы с Манделем**, Вы убедитесь, что этот министр самым недвусмысленным образом обвиняет англичан в предательстве, выразившемся в том, что Гитлер был информирован из Лондона о необходимости помешать Англии и Франции договориться о совместном противодействии эвентуальному нарушению Германией режима Рейнской зоны. Решение по этому вопросу английский кабинет должен был принять 9 марта. Гитлер предупредил англо-французский стовор. 7 марта его «символические» отряды вступили в демилитаризованную область.

В тот же день я был приглашен Фланденом в МИД. Министр ознакомил меня с созданным положением и информировал о позиции, которую заняло французское правительство перед лицом событий.

Фланден начал с указания, что акция Гитлера не произвела на французов того впечатления, на которое она была

* См. док. № 68.

** См. док. № 89.

рассчитана. Франция сохраняет полное спокойствие. Ее правительство не видит пока надобности отвечать на действия Гитлера мерами военного порядка. Необходимые предосторожности приняты, и этого пока достаточно. Внешнеполитическая линия Франции остается неизменной. В частности, франко-советский пакт, использованный Гитлером только как предлог для нарушения Версальского договора и Локарнского пакта, не только остается в силе, но будет ратифицирован 12 марта. Франция обращается в Лигу наций с требованием немедленного созыва Совета. Она предложит Совету констатировать нарушение Германией международных договоров и будет настаивать на применении к нарушителю экономических и финансовых, а если понадобится, и военных санкций. Фланден надеется, что на стороне Франции окажутся не только локарнские державы, но и все члены Совета, дорожащие нерушимостью международных договоров. Министр со всей определенностью поставил мне вопрос, может ли Франция рассчитывать на поддержку со стороны СССР в Женеве и перед лицом международного общественного мнения.

Я ответил Фландену, что СССР всегда был сторонником строгого соблюдения международных обязательств и никогда не уклонялся от выполнения признанных им договоров. Нарушение гитлеровской Германией важнейших международных договоров не может не вызвать осуждения со стороны СССР. Поэтому Фланден может быть уверен, что, требуя в Женеве восстановления нарушенного права и противодействия грубому произволу воинствующей Германии, он встретит полную поддержку со стороны СССР.

Хотя мой ответ Фландену и носил характер личного моего мнения, Фланден выразил мне благодарность и удовлетворение. Несколько дней спустя Сарро, Беранже, Дельбос, Мандель, Торрес и др. сообщали мне, что Фланден докладывал совету министров о моем ответе на его вопрос и что правительство было так же им удовлетворено, как и сам министр.

Несмотря на решительный тон заявлений, сделанных мне Фланденом, и невзирая на предупреждение Англии французской нотой о решении Франции ответить мобилизацией на возможное нарушение Германией режима Рейнской зоны, в совете министров, созванном для срочного обсуждения положения, создавшегося 7 марта, возникли разногласия по вопросу о том, что следует предпринять. Сарро, Фланден и Мандель высказывались за встречную мобилизацию. Другие члены кабинета возражали. Высшее командование, привлеченное к обсуждению вопроса, заняло колеблющуюся позицию, склоняясь больше к тактике выжидания и ссылаясь на техническую неподготовленность Франции к немедленному военному конфликту. Мандель с презрением говорил мне об этих вое-

начальниках, которые гордятся тем, что их оружие лежит без употребления. Наиболее решительный сторонник встречных контрмер — ген. Жорж — вовсе не был привлечен к обсуждению вопроса. По мнению Манделя, вследствие указанных колебаний и опасений упущен был момент, когда можно было с успехом остановить движение немцев в Рейнскую зону и поднять международный престиж Франции на должную высоту. Мандель утверждает, что, вступая в Рейнскую зону, германские войска проявляли такой страх, как будто двигались по стране, занятой неприятелем. Они ждали встречи с французами и, наверное, отступили бы, натолкнувшись на превосходящие силы. Мобилизация, предпринятая французским правительством, декларированная его нотой, переданной англичанам, ожидавшаяся немцами, не состоялась.

По прибытии в Париж Идена открылась конференция локарнских держав. Здесь Фланден выступил с достаточной твердостью, настаивая на принятии участниками конференции той именно программы, которую он излагал мне 7 марта. Известен результат парижской конференции. Решено было продолжать ее в Лондоне, и туда же, по просьбе англичан, postponed было перенести заседание Совета Лиги наций, уже объявленное в Женеве.

Я осведомлялся у Фландена, почему были приняты в Париже эти решения. Он ответил мне, что английские делегаты явились на парижскую конференцию либо недостаточно информированными о позиции французского правительства, либо расположенными не принимать ее слишком всерьез. Когда же они убедились, что французы отнюдь не склонны идти на какой бы то ни было компромисс, они обеспокоились. Иден заявил, что ему нужно вновь обсудить положение со своим правительством, что ему невозможно ежеминутно сноситься с ним по телефону и пр. Вслед за этим из Лондона поступила просьба — перенести туда и заседание Совета Лиги наций. Фланден уступил. Во-первых, по его словам, он видел, что англичане смущены, и это казалось ему уже некоторым достижением. Во-вторых, он рассчитывал, что английское общественное мнение окажется более податливым, если Совет Лиги наций будет заседать в самом Лондоне, где любой англичанин может отдать себе ясный отчет в значении этого международного сиендрона, внушающего к себе естественное почтение. Другое дело — Женеве, откуда корреспонденты английской прессы шлют в Англию свои донесения, нередко искажающие действительность и во всяком случае окрашенные более или менее в субъективные тона.

Нечего говорить о разочарованиях, которые ожидали Фландена в Лондоне. 14 марта * Сарро не без тревоги гово-

* В тексте — 13 марта; см. док. № 84.

рил мне о затруднениях, которые приходится преодолевать Фландену в Лондоне при обсуждении плана действий, зытекающего из положения, созданного акцией Гитлера от 7 марта. К препятствиям дипломатического порядка присоединились осложнения и во внутренней жизни страны. Учитывая критическое положение правительства, связавшего себя достаточно решительными заявлениями и сулившего обществу победу французской точки зрения на лондонских совещаниях, стала поднимать голову правая оппозиция. Как известно, кампания против нынешнего кабинета вдохновлялась Лавалем. Проводником ее являлось агентство Гавас в лице его хозяина Гимье. Поддержку это движение получило и со стороны таких публицистов, как Владимир д'Ормессон и Эрве. По-видимому, за кулисами к нему присоединился и Даладьё*, действующий в контакте с Шотаном**. Торрес уверял меня, что не вполне безучастно относится к этому движению и Эррио, осуждающий резкий курс, взятый Сарро и Фланденом в конфликте с Германией, панически боящийся войны и стремящийся использовать пацифистские настроения в стране, чтобы обеспечить себе победу на предстоящих выборах. В моих записях бесед с Сарро***, Торресом, Манделем**** и, наконец, самим Лавалем⁵⁶ достаточно ясно вырисовываются очертания указанной мной кампании, направленной против нынешнего кабинета и его внешнеполитической линии. Осуществлению замыслов Лавала и его сторонников помешали роспуск парламента и начало избирательной кампании. Во всяком случае до выборов нынешний кабинет сохранит свою власть, если не произойдет событий порядка катастрофического.

В мою задачу не входит политическая оценка тех компромиссных предложений, которыми завершилась лондонская конференция локарнских держав*****. Я выделю лишь один из пунктов этих предложений, имеющий непосредственное значение для франко-советского сотрудничества. Дело идет о передаче пакта 2 мая на рассмотрение Гаагского трибунала.

Когда в Женеве Поль-Бонкур сигнализировал мне⁵¹, что в сенате образовалась группа сторонников перенесения в Гаагу спорного вопроса о совместимости нашего пакта с Локарнским договором, я постарался высмеять эту мысль, чтобы не подать виду, что придаю ей серьезное значение. В тот же день в разговоре с Фланденом⁵¹ я узнал от министра, что он

* Один из лидеров партии радикал-социалистов Франции.

** Министр общественных работ Франции.

*** См. док. № 93.

**** См. док. № 89.

***** См. газ. «Известия», 21 марта 1936 г.

отнесся отрицательно к этой идее, изложенной ему группой членов сената. К возражениям формального порядка, выдвинутым самим Фланденом, я добавил аргументы принципиального и практического характера, предупредив Фландена, что малейший намек на передачу франко-советского пакта на рассмотрение Гаагского трибунала встретит самый резкий отпор со стороны СССР. Перед отъездом в Лондон, обсуждая с Сарро и Манделем тезисы своего предстоящего выступления, Фланден коснулся вопроса о возможности передачи нашего пакта в Гаагу и при этом, как рассказывал мне Мандель, весьма добросовестно воспроизвел мои возражения против такой идеи. Мандель поддержал нашу точку зрения. Было решено, что в Лондоне Фланден может касаться данного вопроса в аспекте историческом, доказывая нежелание Германии пойти на миролюбивое разрешение поднятого ею спора о пакте. Как известно, решение это было пересмотрено 13 марта, когда к Сарро ворвался Эррио, панически напуганный разногласиями Фландена с англичанами, утверждавший, что Франция втягивается в войну с Германией, и едва ли не склонный уже признать франко-советский пакт действительной причиной создавшегося конфликта. Эррио убедил Сарро дать Фландену указания в том смысле, что можно вновь предложить перенести спор о пакте 2 мая в Гаагу, чтобы успокоить англичан, продемонстрировать перед всем светом и самой Германией французское миролюбие и предупредить дальнейшее обострение конфликта. Мандель рассказывал мне, что Леже противился такому решению. Однако голос этого чиновника был подавлен криком Эррио, в лице которого Сарро приходится считаться с фактическим главою радикальной партии, перманентным кандидатом в члены правительства и даже на пост главы кабинета и, наконец, с живым воплощением того «среднего французца», который выше всего ценит благополучное существование, бонус как огня войны и отдает свой голос лишь тому правительству, которое на деле проводит линию пацифизма.

Вам известно о разговоре, который имел я с Сарро по поводу предложения передать франко-советский пакт в Гаагу. Вы знаете, что глава французского правительства дал мне твердое заверение относительно сохранения в силе нашего пакта независимо от решений Гааги. Я считал, что эта декларация Сарро является достаточно обязывающей и что она дает нам известное удовлетворение. Об этом я сообщил, между прочим, и Манделю, который, как Вам известно, побудил Сарро объясниться со мной. Однако успокаиваться здесь нельзя никогда. Прошло всего несколько дней, и выяснилось, что французы намерены подождать с обменом ратификациями пакта 2 мая впредь до разрешения спора о нем Гаагским

трибуналом. Все подробности моих объяснений по этому поводу с Леже и Фланденом Вам известны из моих телеграмм⁵³. После этих объяснений я прождал дня два, ожидая, что в случае отказа Гитлера принять лондонские предложения французам труднее будет затягивать обмен ратификациями пакта. По некоторым сведениям, которые я только что получил, французы готовы проглотить и новый гитлеровский отказ, не делая из него практического вывода о необходимости не откладывать дольше обмен ратификациями пакта. Я не удивлюсь, если при проверке этого на Кэ д'Орсе окажется, что упомянутые слухи соответствуют действительности.

Не трудно понять причины, вызывающие проявления нерешительности и робости со стороны Франции. В области внешнеполитической причины эти сводятся к тому, что, столкнувшись с противодействием общественного мнения Англии и примиренческой позицией правительства этой страны, Франция опасается проявлять такую настойчивость и твердость, которые могли бы привести ее к разрыву с этим могущественнейшим партнером. К этому надо добавить тот неутешительный для Франции факт, что в среде ее союзников и друзей, не говоря уже о нейтральных странах, обнаруживаются те же колебания и страх перед возможностью войны с Германией. Лучше всего отображены эти настроения в разговорах со мною Леже, записи которых препровождаются с настоящей почтой*. Должен отметить, что мне никогда не приходилось видеть Леже в состоянии столь мрачного и безысходного пессимизма, как в эти последние дни. Упования на нашу поддержку, в случае вооруженного конфликта с Германией, явно слабы во Франции. Это приходится констатировать с полной объективностью. Здесь твердят, что СССР находится слишком далеко. У него нет общей границы с Германией. Красная Армия недостаточно подготовлена к наступательной войне. Условия транспорта в СССР таковы, что переброска советских вооруженных сил представляет чрезвычайные трудности. Скорость советских самолетов значительно ниже германских и т. д. и т. п. Если к этому добавить инсинуации, что СССР сознательно толкает европейские государства к войне, что он продолжает готовить мировую революцию, что он уклонится от помощи Франции в решающий момент, что к тому же ему самому придется отбиваться от Японии, то вполне ясной станет та атмосфера сомнений, страха, недоверия и колебаний, в которой приходится действовать французскому правительству в данный критический момент. Со стороны внутреннеполитической положение

* См. док. № 81.

того же правительства с достаточной ясностью определил для нас Мандель. По его мнению, никто не решится предстать перед избирателями как сторонник войны и защитник непримиримых позиций в отношении Германии, Англии и всех колеблющихся стран. Выборы должны пройти под знаком лацифизма. При таких условиях правительству волей-неволей приходится избегать обострения конфликта, выгадывать время, выжидать результата выборов и, с другой стороны, постепенного созревания международного общественного мнения под воздействием дальнейших ударов гитлеровского кулака.

Потемкин

Печат. по арх.

**106. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Япо-
нии К. К. Юреневу**

28 марта 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Февральские события в Японии²⁹ усилили влияние военных кругов на внутреннюю и внешнюю политику Японии, но в то же время выявили для всех в Японии опасный характер разведующих армию и государственный аппарат разногласий и очевидного для всех падения дисциплины в армии.

Беспринципный карьерист Хирота, балансирующий между военно-фашистскими кругами, с одной стороны, двором и деловыми кругами — с другой, несомненно являлся наиболее подходящим премьером для переживаемого Японией переходного периода, который начался подавлением мятежа и который, будучи насыщен глухой борьбой за власть, в конце концов должен повести к дальнейшему выяснению положения в ту или другую сторону. Судя по событиям на токийской бирже, деловые круги настроены резко отрицательно к внутренней политике Хирота, и можно уже в ближайшем будущем ожидать усиления внутренней борьбы в Японии, несмотря на то что основные политические партии, если судить по их заявлениям при формировании кабинета Хирота, заняли в отношении к нему примирительную, а сэйюкай даже и благожелательную позицию.

2. В этой ситуации можно ожидать, что правительство Хирота, являющееся правительством «позитивной» внешней политики, не решится в ближайшем будущем вести вызывающую политику в отношении своих крупных и опасных партне-

ров, как СССР, Англия и США, и будет искать успехов своей позитивной политики в направлении наименьшего сопротивления, т. е. в Китае. При этом, само собой разумеется, нельзя ожидать единой, последовательной и стройной политики от беспринципного и балансирующего Хирока. Его политика будет в значительной степени равнодействующей между устремлениями японской военщины и умеренных кругов в каждый данный момент. В особенности, конечно, можно ожидать толчков в советско-японских отношениях, где Хирока под давлением военных будет иногда принимать и резкие решения.

3. История переговоров о пограничных комиссиях и редемаркации* является прекрасной иллюстрацией к тому, что я говорю выше о политике Хирока. Являясь сам, по-видимому, сторонником образования комитетов для разрешения пограничных конфликтов, Хирока не проводил этой идеи в жизнь под давлением военщины. Став премьером и почувствовав серьезную потребность в смягчении напряженности в японо-советских отношениях для того, чтобы этим способом укрепить свое положение, и вместе с тем для того, чтобы развязать себе руки для агрессивной политики в Китае, Хирока, судя по довольно единодушным отзывам японской печати и даже по достоверным конфиденциальным сообщениям, склонялся или даже уже почти решил принять то предложение, которое я 16 марта сделал Ока относительно распространения японского предложения о пограничных комитетах и редемаркации также и на монголо-маньчжурскую границу**. Военщина, по всей видимости, сама понимающая в настоящее время невозможность немедленной агрессии против СССР, нашла, однако, что Хирока идет слишком далеко, и, по-видимому, сильно одернула его, ибо в результате мы получили вчера по существу весьма резкое отклонение нашего предложения от 16 марта***.

Можно ожидать и в дальнейшем ряда зигзагов в японской политике в отношении СССР со стороны Хирока, однако в ближайшем будущем общее направление, по-видимому, будет на смягчение существующего напряжения и на создание какого-то более спокойного переходного периода в наших отношениях, который позволил бы Японии закончить свои вооружения и вместе с тем, конечно, повести более экспансивную политику в Китае.

4. Я вчера послал Вам по телеграфу текст подписанного 12 марта в Улан-Баторе советско-монгольского протокола о

* См. т. XVI, док. № 2; т. XVIII, док. № 306, 381, 401, а также док. № 75 настоящего тома.

** См. газ. «Известия», 17 марта 1936 г.

*** См. газ. «Известия», 28 марта 1936 г.

взаимной помощи*. Заключение этого соглашения является развитием наших прежних отношений с Монголией с 1921 г. и находится в соответствии с теми разговорами, которые т. Богомолов имел в Нанкине и Шанхае с наиболее видными китайскими государственными деятелями ** об отношении СССР и Китая к японской агрессии, в частности к агрессии в отношении Монголии.

Улан-баторский протокол является новым звеном в той цепи последовательных действий, которыми мы обуздываем японскую агрессию против МНР. Теперь Япония уже конечно не сомневается в том, что завоевание ею Монголии привело бы к войне с Советским Союзом. Это доказывается той исключительной умеренностью, которую Япония и даже сам квантунский штаб проявляет за последние недели и месяцы к вопросам маньчжуро-монгольских отношений. Я, конечно, этим не хочу сказать, что не будет дальнейших столкновений на границе. Таковые, конечно, все еще возможны. Однако серьезных действий Японии против Монголии, я думаю, теперь можно ожидать уже только тогда, когда Япония примет окончательное решение о войне с нами.

5. Сближение Японии с Германией несомненно углубляется. Мы имеем об этом совершенно точные сведения, и Вам в беседах с японскими деятелями умеренного направления целесообразно в более категорической форме заявлять об этом. Хотя переговоры ведутся военными, я думаю, Хирота, ввиду своей близости с военными кругами, в общем информирован об этих переговорах. То обстоятельство, что он в своей последней программной речи ***, произнесенной в распущенном японском парламенте, перечисляя отношения с разными государствами, не решился даже упомянуть о простом сближении с Германией, показывает непопулярность Германии и непопулярность войны в Японии.

6. Мы имеем ряд сведений о сближении также между Японией и Италией. Это сближение Италия купила заключением соглашения с Японией на разрешение ей ввоза в Италию за счет выпавшего импорта санкционистских держав. Совершенно очевидно, что сближение как с Германией, так и с Италией лишь еще больше подчеркивает изоляцию Японии и углубляет недоверие и враждебность к ее политике со стороны неревизионистских великих держав и всех сторонников мира.

7. Сегодня или завтра мы сделаем доклад правительству о рыболовных переговорах и внесем наши предложения. В те-

* См. док. № 78.

** См. док. № 24.

*** См. газ. «Известия», 22, 24 января 1936 г.

чение апреля месяца, надо полагать, судьба переговоров будет решена в ту или другую сторону*.

8. При одном из подходящих случаев переговоров с Сигемцу или с Арита, если он действительно будет назначен министром, о диверсионной работе японских военных властей в Маньчжурии и на нашем Дальнем Востоке. Используйте для этого имеющиеся у Вас сообщения от II Восточного отдела, а также материалы нашей прессы** и свяжите этот вопрос с поведением японских властей в Маньчжурии вообще, являющимся перманентным источником осложнений и опасностей в японо-советских отношениях⁸⁷.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

107. Протокол [о продлении Договора о нейтралитете и взаимном неападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Афганистаном от 24 июня 1931 г.***]

29 марта 1936 г.

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Король Афганистана,

движимые стремлением обеспечить и в будущем прочную базу для развития отношений между их странами,

желая дать новое доказательство неизменности и прочности счастливо существующих между ними дружественных и добрососедских отношений,

констатируя, что Договор о нейтралитете и взаимном неападении, заключенный между ними в Кабуле 24 июня 1931 года, оказал благотворное влияние на развитие этих отношений,

решили подписать настоящий Протокол и для этой цели назначили своими Уполномоченными, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик —

Николая Николаевича Крестинского, Члена Центрального Исполнительного Комитета, Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Дела́м,

Его Величество Король Афганистана —

г. Файза Мухаммед-хана, Министра Иностранных Дел Афганистана, которые, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должном и надлежащем виде, согласились о нижеследующем:

* См. док. № 167, а также газ. «Известия», 27 апреля, 12 мая 1936 г.

** См. газ. «Известия», 27 января 1936 г.

*** См. т. XIV, док. № 190.

Статья 1.

Во изменение постановлений относительно срока и порядка прекращения силы Договора о нейтралитете и взаимном ненападении, заключенного в Кабуле 24 июня 1931 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Афганистана, этот Договор останется в силе до 29 марта 1946 года (9 хамалы 1325 года). После этого срока указанный выше Договор будет автоматически продолжать свое действие из года в год, с правом каждой из Высоких Договаривающихся Сторон прекратить его действие, предупредив о том за шесть месяцев.

Статья 2.

Настоящий Протокол подлежит ратификации. Он вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами. Обмен ратификационными грамотами будет произведен в городе Кабуле в кратчайший срок.

Статья 3.

Настоящий Протокол составлен на русском и персидском языках. При толковании его оба текста считаются аутентичными.

В удостоверение чего поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати.

Учинено в городе Москве, в двух экземплярах, 29 марта 1936 года (9 хамалы 1315 года).

Н. Крестинский

Файз Мухаммед-хан

Печат. по арх. Оpubл. в «Собрания законов...», отд. II, № 8, 16 февраля 1937 г., стр. 145—149.

Протокол ратифицирован: ЦИК СССР — 8 августа 1936 г., королем Афганистана — 29 июля 1936 г.

Обмен ратификационными грамотами произведен в г. Кабуле 3 сентября 1936 г.

108. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Польше с заведующим Восточным отделом МИД Польши Кобылянским

31 марта 1936 г.

Я зашел к Кобылянскому, чтобы заявить протест по поводу перелета польским самолетом нашей границы и полета над нашей территорией⁵⁸.

Кобылянский принял наш протест и заявил, что ему этот факт не известен, но, поскольку мы сообщили ему об этом, он предлагает передать нашим пограничным комиссиям рассмотреть этот вопрос. Кроме того, он от имени МИД выражает сожаление по поводу сообщенного нами факта перелета нашей границы польским самолетом. Если мы согласны на его предложение, то ими будут даны надлежащие инструкции пограничным властям. Он будет ждать нашего ответа.

Как обычно, Кобылянский не пропустил случая, чтобы поговорить со мной на общие международные темы. Кобылянский по своей тринадцатилетней привычке стал говорить о том, что Бек доволен результатами своего пребывания в Лондоне. Он доволен тем, что четко установлено, чем должна заниматься Лига наций. Бек доволен тем, что единодушно было отвергнуто стремление некоторых государств к тому, чтобы Лига наций рассмотрела по существу вопрос о нарушении Германией Локкарнского договора. Создавшееся положение еще раз подтверждает польский тезис, что Лига наций является единственной базой, на основе которой должно быть организовано сотрудничество держав. В этих целях и следует укреплять Лигу наций. В этих же целях, возможно, следует ее реорганизовать. На мой вопрос, в каком направлении следует реорганизовать Лигу наций, Кобылянский ответил, что еще трудно наметить конкретный план, но несомненно то, что она не должна быть универсальной. Кобылянский далее отметил как положительный факт сотрудничество Польши и СССР на базе Лиги наций. Он констатирует, что между нами расхождение лишь в методах обеспечения мира. Польша считает Лигу наций достаточным инструментом для обеспечения мира, в то время как СССР считает необходимым создание параллельной системы государств для обеспечения безопасности. Я заметил, что указанное им расхождение в вопросах обеспечения мира является важнейшим моментом, который, собственно говоря, в основном и определяет отсутствие на нынешнем этапе сотрудничества Польши и СССР. Он [Кобылянский] делает упор на вопросы второстепенного значения, игнорируя основной вопрос об обеспечении мира. На это Кобылянский снова возвратился к излюбленной теме о пакте неагрессии между Польшей и СССР*, что как Польша, так и СССР этим пактом определили свои отношения и что расхождение в вопросе обеспечения мира не имеет прямого отношения к польско-советским отношениям, так как они ясны и на этом участке можно констатировать отсутствие агрессивных намерений как с одной, так и с другой стороны. И тут же Кобылянский заметил, что нам бы следовало заключить еще пакт о неагрессии печати, который дополнил

* См. т. XV, док. № 300.

бы пакт о неагрессии, и это создало бы соответствующую атмосферу между нашими странами. Он докладывал своему шефу, т. е. Беку, наш разговор по поводу выступлений печати³⁷; Бек дал директиву принять энергичные меры, чтобы прекратились выступления против отдельных представителей Советского государства. Он принял все необходимые меры и может констатировать, что уже сейчас эти выступления прекратились. На мое замечание, что это не совсем так, что за последнее время были гнуснейшие статьи по поводу т. Сталина, т. Буденного в украинской и части польской печати, Кобылянский с возмущением сказал: «Это просто безобразие! Их надо, очевидно, бить по голове для того, чтобы они выполнили то, что было так энергично им предложено. Нам очень трудно справиться с украинской печатью». К этому Кобылянский добавил, что даны указания также и соответствующим департаментам о принятых мерах по поводу тех статей, о которых я ему также говорил, касающихся вопроса расчленения Советского Союза. Он надеется, что принятые меры дадут свои результаты. Со своей стороны он надеется, что и мы примем необходимые меры по отношению [к] советской печати. На это последнее я указал Кобылянскому, что статьи в нашей печати, если и были, то лишь как вынужденный ответ в связи с той антисоветской кампанией, которая велась и ведется по настоящее время в польской печати.

Далее Кобылянский сообщил мне, что он передал Беку мое заявление в связи с протестом по поводу процесса 26-ти³⁸ о том, что для нас сам факт этого процесса к протесту не имеет никакого отношения, так как это внутреннее дело Польши. Кобылянский сделал вид, что это наше заявление принято нами с удовлетворением. Кобылянский несколько раз подчеркнул необходимость улучшения атмосферы между странами, что в этих целях нужна обоюдная работа.

В процессе разговора он несколько раз упоминал о разговоре, который имел место между Бекем и т. Литвиновым в Лондоне*, и интерпретировал его в том смысле, что этот разговор имеет значение с точки зрения улучшения атмосферы и сотрудничества между Польшей и СССР. На мой вопрос, о чем же говорили Бек и т. Литвинов, Кобылянский ответил, что Бек ему подробно еще не успел рассказать, он лишь в общих чертах благоприятно отзывался об этом разговоре с т. Литвиновым.

Подольский

Печат. по арх.

* См. док. № 100.

109. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Швеции А. М. Коллонтай, в Норвегии И. С. Якубовичу, в Дании Н. С. Тихменеву

1 апреля 1936 г.

Уважаемые товарищи,

1. Как и следовало ожидать, Скандинавские страны в отношении разрыва Германией Локарнского договора заняли в общем позицию, близкую к английской, т. е. благоприятную для Германии*. Позиции отдельных Скандинавских стран, однако, не совсем идентичны.

2. Швеция заняла сравнительно более самостоятельную позицию. Шведская печать довольно единодушно, а часто даже и резко осудила Германию. Очень характерно, что шведские газеты не взяли под защиту Мунка от нападков французской печати и в то же время они в общем проявили понимание к позиции Франции и даже к позиции Советского Союза. Выступление Сандлера, судя по телеграмме ТАСС, также не содержало прямого одобрения Мунка, хотя Сандлер и высказался за обсуждение предложений обеих сторон, он подчеркнул заинтересованность Швеции в защите международного правопорядка в рамках Лиги наций и за обсуждение на Совете Лиги положения, сложившегося в результате разрыва Германией Локарнского договора и последующих событий. Эта позиция, конечно, отличается от позиции тех «нейтральных» государств, представители которых в Лондоне высказывались против обсуждения этих вопросов на Совете Лиги наций и за передачу их на разрешение самих локарнских держав.

3. Совсем иной была позиция Дании, удостоившаяся похвалы со стороны германского официоза. Фактически прогерманская позиция Дании продиктована как страхом перед возможностью германской агрессии, так и большей зависимостью датского сельского хозяйства от германского рынка. В результате не только Мунк занял известную примиренческую позицию в Лондоне, но и датская пресса получила директивы воздерживаться от всяких высказываний, могущих задеть Германию.

4. Наибольшего внимания заслуживает, однако, выступление Кута в стортинге. Он солидаризировался полностью с Мунком и приветствовал по существу действия Германии и позволил себе даже фактически антисоветский выпад, характеризуя франко-советский пакт как угрозу спокойствию в Европе. Не мудрено, что орган крестьянской партии «Национен» из речи Кута и позиции норвежского официоза «Арбейдербла-

* См. док. № 68.

дет» сделал тот вывод, что по мнению рабочей прессы угроза для мира в Европе исходит не от нацистской Германии. Не мудрено, что при такой позиции «рабочей» партии норвежская буржуазная пресса содержит похвалы политике Гитлера и критику политики Франции и СССР.

5. В свете изложенного необходимо рассматривать и выдвинутое Кутом предложение о воздушном пакте, в котором помимо четырех северных стран должны принять участие четыре великие державы: Англия, Франция, Германия и СССР*. Этот пакт отдаст не только неумным и нереальным профессорским прожектерством в области практической политики, но и может быть использован в антисоветских целях. Дело в том, что, как известно, Гитлер высказывается категорически против участия Германии наряду с Советским Союзом в каком бы то ни было коллективном пакте. Это обстоятельство и обсуждение проекта западного воздушного пакта могут дать основание некоторым элементам, и прежде всего антисоветским кругам в Скандинавских странах, выступить за присоединение трех Скандинавских стран к западному воздушному пакту, т. е. за выключение СССР из плана Кута.

В беседах с представителями скандинавских правительств следовало бы выяснить вопрос, как они представляют себе осуществление этого пакта при наличии известных позиций Германии против коллективных пактов вообще и против участия в них наряду с Советским Союзом в особенности.

6. Ввиду особой важности также и для нас расстановки сил в продолжающейся борьбе против разрыва существующих договоров и международных планов Гитлера вообще я прошу полпредов в Скандинавских странах уделить вопросу о позиции скандинавских правительств особое внимание и регулярно информировать нас**.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

110. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

1 апреля 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. В связи с коллективным письмом***, которое я сегодня продиктовал полпредам в Скандинавских странах, я прошу

* См. док. № 33.

** См. док. № 128, 158.

*** См. док. № 109.

Вас при первом же подходящем случае поставить Сандлеру следующие вопросы:

а) какова позиция Скандинавских стран в предстоящих переговорах по вопросу о нарушении Германией Локарнского договора?

б) выступал ли Мунк в Лондоне с официального согласия всех Скандинавских стран?

с) как относится шведское правительство к проекту Кута о заключении воздушного пакта с участием четырех северных стран и четырех великих держав? *

При этом, конечно, следует использовать соображения, высказанные в моем коллективном письме, и сообщить Сандлеру, что выступление Кута произвело в Москве несерьезное и неблагоприятное впечатление.

2. Я вполне согласен с Вами в оценке значения гастролей наших молодых музыкантов в Швеции⁵⁹.

Я уже много раз обращался к т. Каминскому с просьбой ускорить командирование в Швецию проф. Сперанского **. Он мне на днях сообщил, что уже вызывал к себе последнего и почти с ним договорился. Так как мне надоело звонить по этому вопросу и я не всегда для этого имею время, одновременно с настоящим я посылаю письмо т. Каминскому с просьбой выполнить наконец свое обещание⁶⁰.

3. Проф. Оливекрона произвел здесь во всех отношениях превосходное впечатление ***. Вы можете при случае сказать это кому надо.

4. Выступление в нашей печати с заверением, что «наша политика по отношению к финскому населению в Карелии несколько не изменилась», не совсем удобно, ибо мы не можем оправдываться против нападков финских националистов. Я, однако, приведу во внимание Ваше предложение⁶¹ и, если представится случай, постараюсь что-нибудь сделать в этом направлении.

5. Вы как-то, кажется в феврале (ибо даты на нем не было), прислали большое и интересное письмо о внутренней и внешней политике шведского правительства ****. Я просил бы Вас при случае продолжить обзор с учетом событий последних месяцев и в будущем, по мере накопления материалов, хотя и не периодически, присылать подобные обзоры *****.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 128.

** См. док. № 60.

*** См. газ. «Известия», 28 февраля 1936 г.

**** См. док. № 43.

***** См. док. № 128.

**111. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Нор-
вегии И. С. Якубовичу**

1 апреля 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Я просил бы Вас при первом подходящем случае спросить Кута, как он себе представляет реализацию своего пакта* в учете общеизвестного отрицательного отношения Гитлера к коллективным пактам, особенно с участием в них Советского Союза. В этой же беседе Вам следует сообщить Куту, что его выступление в стортинге против франко-советского пакта произвело весьма неблагоприятное впечатление в Москве, где указывают на то, что объективно это выступление оказало поддержку позиции Германии.

2. Я считал бы весьма желательным, чтобы Вы переговорили по вопросу о внешнеполитической ориентации рабочей партии и ее правительства с самим Транмелем⁶². Интересно знать, выражает ли Кут позицию норвежской рабочей партии по вопросам о франко-советском пакте, о Германии и о нынешнем международном положении.

3. В связи с открыто германофильской позицией всей норвежской прессы прошу Вас прислать со следующей почтой обстоятельный обзор экономических и политических позиций Германии в Норвегии.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

**112. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании
Н. С. Тихмееву**

1 апреля 1936 г.

Уважаемый товарищ,

Прошу Вас посетить Мунка и попросить у него информацию об отношении датского правительства к проекту Кута. Вы можете при этом высказать Муику наши сомнения, изложенные в моем коллективном письме, которое я сегодня посылаю нашим полпредам в Скандинавии*. Само собою разумеется, Ваши слова не должны быть истолкованы как выражение нашего беспокойства в связи с малосерьезным пактом**.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 109, 110.

** См. также док. № 158.

113. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота

2 апреля 1936 г.

Господин Министр Иностранных Дел,
Советский пароход «Сучан», следовавший из Петропавловска во Владивосток с 345 пассажирами, был застигнут штормом 17—19 марта в районе Цугарского пролива. Вследствие усиленного расхода угля на «Сучане» обнаружился недостаток такого, и капитан «Сучана» обратился за помощью в Управление Морского флота во Владивостоке. Управление Морфлота, установив по радио у капитана «Сучана», что судно не может ни самостоятельно, ни при помощи буксира дойти до ближайшего советского порта, послало на помощь «Сучану» пароход «Двина» с углем. Так как «Сучан» не приспособлен к погрузке угля в открытом море, особенно учитывая штормовую погоду, капитан «Сучана» запросил по радио у Морфлота разрешение на заход в ближайшую бухту для погрузки угля. Ввиду этого Дипломатический агент НКВД во Владивостоке обратился 17 марта письменно к японскому Генеральному консулу г. Сугисита с просьбой разрешить «Сучану» и «Двине» заход в Хакодате или Минмай для погрузки угля. В ответ на эту просьбу японский Генконсул дал устное разрешение на заход судов в указанные порты. На основании этого разрешения Морфлот дал указание капитанам обоих судов отправиться в порт Минмай.

Таким образом, заход этих судов в порт Минмай был произведен капитанами на основании разрешения японского Генконсула во Владивостоке и инструкции Морфлота. Несмотря на это, оба судна были задержаны японскими властями и отправлены затем в Аомори, где они, их команды и 345 пассажиров «Сучана» считаются, по заявлению Министерства Иностранных Дел, задержанными. Капитаны обоих судов, вызванные на допрос на берег в Аомори, были арестованы и до сих пор, несмотря на многократные обращения Посольства к Министерству Иностранных Дел, не освобождены.

Из указанного выше ясно, что капитаны «Сучана» и «Двины» действовали вполне законно, зайдя в порт Минмай, поэтому задержание судов и самих капитанов является совершенно необоснованным и недопустимым. Особенно недопустимым является то обстоятельство, что, несмотря на 12-дневный срок, истекший с момента задержания судов, Министерство Иностранных Дел до сих пор не сообщило Посольству точное содержание предъявленных капитанам «Сучана» и «Двины» обвинений.

Поскольку мое обращение 30 марта к г. Вице-Министру с просьбой об освобождении судов и капитанов и мое указа-

ние, что задержание судов на столь длительный срок влечет за собой серьезные убытки для Советского Союза и пассажиров «Сучана»*, не привели к удовлетворительному результату, я вынужден, г. Министр, заявить Вам решительный протест против необоснованного задержания советских судов, ареста их капитанов и настаивать на немедленном освобождении из-под ареста капитанов и предоставлении «Сучану» и «Двине» возможности продолжить свой путь в советский порт**.

Примите уверения в моем к Вам, господин Министр, совершенном почтении.

Юренев

Печат. по арх.

114. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром торговли Великобритании Ренсименом

2 апреля 1936 г.

Ренсимен был моим соседом на торжественном обеде, ежегодно устраиваемом Британской палатой судоходства. Сидя за столом, мы беседовали на разные темы, причем кое-что в нашем разговоре было весьма интересно.

1. Англо-советская торговля. Я спросил Ренсимена, доволен ли он развитием англо-советской торговли. Ренсимен ответил: «В общем и целом да. Могло бы быть, конечно, лучше, но могло бы быть и хуже. Торговый договор***, заключенный между нами, выполняется аккуратно и в этом отношении у нас никаких претензий к вам нет. Было бы, однако, желательно более быстрое развертывание торговых операций между обеими странами, в особенности увеличение экспорта британских продуктов в СССР». Я подтвердил, что торговый договор действительно выполняется с полной аккуратностью и прибавил: «Мы достаточно старомодны (old-fashioned) для того, чтобы уважать свою подпись под международными соглашениями. Не все в Европе сейчас придерживаются такого правила». Ренсимен усмехнулся, поняв намек, а я продолжал: «Что же касается расширения англо-советских торговых операций, в частности увеличения экспорта британских продуктов в СССР, то все это целиком в руках англичан. Мы не сторонники автаркии, готовы поддерживать и развивать коммерческие отношения с другими странами, но на выгодных для нас условиях».

* См. газ. «Известия», 1 апреля 1936 г.

** См. также док. № 172.

*** См. «Собрание законов...», отд. II, № 15, 31 июля 1934 г., стр. 185—203.

Ренсимен, оживившись, стал заверять меня, что британское правительство хочет всячески способствовать усилению товарооборота между Великобританией и СССР. Он несколько раз в этом духе выступал в парламенте. Сейчас именно в этих видах министерство торговли вступило в переговоры с торгпредством о новых формах финансирования англо-советской торговли*. Чего же еще нужно? Я ответил, что о переговорах между Никсоном и Озерским мне известно, но что как раз ход этих переговоров заставляет меня думать, что с британской стороны не делается все возможное для облегчения условий торговли. Ренсимен несколько обеспокоился и спросил, почему я так думаю. Ему ничего не известно о каких-либо трудностях, возникших в ходе переговоров. Я ответил, что на самом деле известные трудности есть. Вот уже почти два месяца, как начались переговоры — и притом о такой маленькой операции, как 1 млн. ф. ст., — а до практического результата еще далеко. Мы не очень торопимся, но все-таки налицо имеется известная ненормальность. Объясняется она тем, что британская сторона пытается связать переговоры о кредитах с разными другими вопросами, не имеющими прямого отношения к делу (об арбитраже, о методах расплаты наших хозяйственных организаций с английскими фирмами и т. д.). У меня создается впечатление, что в миниатюре повторяется то же самое, что мы наблюдали во время переговоров о торговом договоре. Тогда тоже вопрос о торговом договоре по инициативе британской стороны связывался с целым рядом посторонних вопросов, вроде дела «Лена-Голдфилдс»**, «Торгсина»*** и т. д. Если припомнит Ренсимен, мы настаивали на том, чтобы вести переговоры только о торговом договоре, а ликвидацию всех остальных недоразумений отложить до времени, которое наступит после его подписания. И как только британская сторона с нами согласилась, все пошло хорошо: договор был подписан, а все прочие спорные вопросы, например «Лена-Голдфилдс», были благополучно урегулированы после. Ренсимен тут вставил: «Да, да. Дело «Лена-Голдфилдс» действительно хорошо урегулировано». «Я считал бы, — закончил я, — что и в нынешних переговорах следовало бы сосредоточиться на основном вопросе — кредитном соглашении, а все прочие споры (которые к тому же кажутся мне малосерьезными) оставить до специального урегулирования в будущем». Ренсимен высказал предположение, что Никсон, возможно, слишком преувеличивает значение более мелких вопросов и тем самым задерживает ход переговоров. Время идет очень быстро и ему, Ренсиму, казалось, что переговоры начались совсем недавно. Он во всяком

* См. док. № 47.

** См. т. XVII, прим. 290.

*** См. т. XVII, док. № 44.

случае поинтересуется этим делом и до отъезда на пасхальные каникулы повидает Никсона и поговорит с ним.

2. Европейская ситуация. Ренсимен рассказывал мне, что на пасху едет на свой остров — маленький островок в Шотландии, где нет ни телеграфа, ни телефона, где стоит его летний дом и где он, забывая обо всем на свете, увлекается рыбной ловлей. Я пошутил, что Гитлер может, пожалуй, испортить его каникулы каким-нибудь новым драматическим выступлением. Ренсимен высказал надежду, что этого сейчас не случится. Отсюда разговор, естественно, перешел к европейским делам. Я спросил Ренсимена, что он думает о новых предложениях Гитлера*. Ренсимен ответил, что предложения составлены весьма ловко, с явным расчетом повлиять на британское общественное мнение. Я показал Ренсимену вечерку, в которой реакция французской прессы на предложения Гитлера характеризовалась как «фюриэс» (бешеная). Ренсимен спокойно ответил: «Да, это вполне естественно. То, что нравится английскому общественному мнению, может быть губельно для Франции». Я спросил Ренсимена, что же теперь делать. Ренсимен пожал плечами и ответил буквально следующее: «В такие моменты, как нынешний, лучше to go slow, perhaps something turns up (не торопиться, авось что-нибудь случится)».

Это типичное английское выражение, и это вместе с тем типичное отношение к нынешним событиям со стороны старого поколения британских министров.

Я возразил, что политика выжидания может иметь весьма печальные последствия. Бывают моменты, когда надо действовать быстро, иначе можно опоздать, и мне думается, что сейчас именно такой момент, когда только быстрота и решительность могут спасти Европу от катастрофы. Ренсимен стал высказывать сомнения и упомянул предложение Гитлера о 25-летнем мире в Западной Европе. Почему не поймать его на слове? Почему не испытать его искренность? Ведь никто точно не знает, чего хочет Гитлер и к чему он стремится? Я усмеянулся и ответил, что могу довольно точно охарактеризовать Ренсимену цели и задачи, которые преследует Гитлер. Ренсимен, оживившись, спросил: «Ну, какие же это задачи?» В ответ я довольно подробно развил концепцию юго-восточной линии германской агрессии и перспективы создания «Серединной Европы», охватывающей территорию в 2 млн. кв. км, с населением в 180 млн. человек. Моя аргументация, видимо, произвела на Ренсимена довольно сильное впечатление и, чтобы это впечатление еще больше углубить, я прибавил: «Таким образом, Германия выйдет на Средиземное море, и

* См. газ. «Известия», 2 апреля 1936 г.

вам придется иметь дело там не только с итальянцами, но и с немцами».

Это Ренсиму уже совсем не понравилось (необходимо еще учесть, что Ренсимен является одним из крупнейших судовладельцев Великобритании), и вид у него был довольно встревоженный. Видимо, германская проблема в таком аспекте для него была новостью. Это подтверждается такой очаровательной мелочью. Касаясь несколько дальше вопроса о советско-чехословацком пакте *, Ренсимен с некоторым недоумением спросил: «Но как же вы сможете, в случае необходимости, оказать Чехословакии помощь? Ведь между вами и Чехословакией расположена Венгрия. Что же, вы решитесь нарушить неприкосновенность Венгрии?» Оказалось, по представлению Ренсимиена, Венгрия граничит с СССР, отделяя нас от Чехословакии. Если британский министр торговли имеет столь смутное представление о географии Юго-Восточной Европы, то надо ли удивляться, что концепция «Серединной Европы» является для него совершенной новостью? Встревоженный Ренсимен стал спрашивать меня, в чем же тогда лежит спасение Европы. Я ответил, что спасение Европы лежит в создании сильной Лиги наций, для чего крайне необходимо возможно более тесное сближение в борьбе за мир между СССР, Францией и Великобританией на базе активного содействия других лигонационных государств. Таким путем может быть создана реальная коллективная безопасность. Ренсимен подумал немножко и сказал: «Но ведь это будет «окружением» Германии». Я разъяснил Ренсиму разницу между «окружением» и самозащитой на базе коллективной безопасности. Ренсимен ответил: «Но ведь Гитлер все-таки будет кричать об «окружении»».

Я возразил: «Мне известно, что в Англии имеется довольно много мягкосердечных людей, которые пугаются от такого крика, но это еще не резон для того, чтобы облегчать агрессору его задачу». Мое замечание, видимо, задело Ренсимиена, потому что он с некоторой подчеркнутостью бросил: «Я вовсе не принадлежу к числу мягкосердечных. Я готов хоть сейчас приветствовать «окружение», если только оно имело бы положительный результат. Но ведь политика «окружения» уже испробована и ничего не дала». Я с недоумением посмотрел на Ренсимиена и спросил, когда же эта политика испробована. Ренсимен в свою очередь с удивлением посмотрел на меня и сказал: «А франко-советский пакт? А чехо-советский пакт? Разве это не «окружение»?»

Мне пришлось опять подробно разъяснить Ренсиму смысл и задачи наших пактов. То, что я говорил, было, видимо,

* См. т. XVIII, док. № 223.

для Рейсимиена известным откровением. Я закончил повторением, что только срочное укрепление коллективной безопасности, готовой ответить на всякую новую агрессию Германии решительными действиями, может привести Гитлера к сознанию, что мир все-таки выгоднее, чем война. Рейсимиен пожал плечами и воскликнул: «К сознанию? О каком сознании тут может идти речь? Ведь Гитлер — это просто сумасшедший, и за его дальнейшие действия никто поручиться не может». Я возразил, что этот «сумасшедший» все-таки, по собственному признанию Рейсимиена, умеет составлять дипломатические документы, которые способны производить сильное впечатление на британское общественное мнение. Гитлер вовсе не «сумасшедший», он довольно ловкий и сообразительный политик. Если государства, стремящиеся к сохранению мира, не сумеют в течение ближайших 10—12 месяцев создать крепкой, реальной коллективной безопасности, я боюсь, что уже в 1937 г. Европа увидит начало новой войны. Рейсимиен опять сильно обеспокоился и спросил: «Неужели так скоро?» Я подтвердил, что к этому выводу невольно заставляет меня прийти общая оценка нынешней европейской ситуации. Рейсимиен еще раз вздохнул и сказал: «Да, опасные времена, тяжелые времена».

На этом наш разговор окончился. Боюсь, он несколько испортил настроение Рейсимиену на предстоящих пасхальных каиюлах.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

115. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Черчиллем

3 апреля 1936 г.

1. Я завтракал у Черчилля на квартире, и мы были только вдвоем. Черчилля я застал чрезвычайно взволнованным, готовым к бою. Он начал с того, что протянул мне свою статью «Stop it now» («Остановите это сейчас»), как раз в тот день напечатанную в бивербрукской «Ивнинг стандарт», постоянным сотрудником которой сделался Черчилль. Давая мне статью, Черчилль сказал: «Прочтите, и Вы увидите, какова моя теперешняя позиция. Нам легче будет в дальнейшем разговаривать».

Я быстро пробежал статью, в которой Черчилль с необычайными силой и блеском доказывал огромную опасность

Германии не только для Великобритании, не только для локарнских держав, но также и для всей Европы и даже для всего мира. Отсюда он делал вывод, что борьба с германской опасностью должна быть делом не того или иного государства, а всей Европы, всей Лиги наций в целом. Лига должна немедленно всерьез поставить вопрос о европейской безопасности на базе твердой и реальной взаимопомощи и создать «блок миролюбивых, но решительных наций, поставивших себе целью борьбу против агрессии в любой форме». После того как подобный блок будет создан, Лига должна коллективно обратиться к Германии, пригласить ее за круглый стол и попытаться договориться с ней о каком-либо приемлемом модус вивенди.

Когда я кончил читать, Черчилль спросил меня: «Ну, что Вы думаете?» Я ответил Черчиллю, что полностью согласен с его выводами. Именно так, сначала нужно создать «блок миролюбивых, но решительных держав», а затем уже вести с гитлеровской Германией переговоры. Черчилль был, видимо, очень доволен моим замечанием и, сильно жестикулируя и волнуясь, воскликнул: «Переговоры должны происходить между Европой и Германией, именно объединенной Европой и Германией, а не между Германией и Англией, Германией и Францией, Германией и локарнскими державами. Я особенно хотел бы предупредить сепаратные переговоры между Германией и Великобританией. От этого может получиться только плохое».

2. Далее Черчилль перешел к тому, что я назвал бы «философией британского империализма». Он твердо убежден, что Англия рано или поздно выступит против гитлеровской Германии. Его убеждение вытекает из четырех веков британской истории. Начиная со времен Генриха VIII и Елизаветы, Англия всегда боролась против той державы на континенте, которая становилась слишком могущественной, и не успокаивалась до тех пор, пока эта держава не была разгромлена. И это несмотря на то, что Англия всегда имела возможность заключить выгодную для себя сделку с гегемоном континента. Однако политика дальнего прицела каждый раз побеждала политику ближнего прицела. Вспомним Наполеона, разве он не предлагал Англии дружбу? Разве он не предлагал поделить мир между Францией и Великобританией? И тем не менее Великобритания выбрала не мир, а войну против Наполеона. 100 лет спустя, в эпоху кайзеровской Германии, разве Великобритания не могла бы договориться с Берлином? Разве кайзер не рассчитывал на нейтралитет Англии во время последней войны? Разве накануне этой войны он не присылал своего брата в Лондон для переговоров с английским королем о британском нейтралитете? Разве в последние июльские дни

1914 г. кайзер не делал самых соблазнительных предложений Великобритании в обмен за ее невмешательство в войну? Однако и на этот раз Великобритания выбрала не мир, а войну, несмотря на то что в стране и тогда было много близоруких людей, готовых ради интересов сегодняшнего дня забыть о будущем Британской империи. В наши дни происходит нечто подобное тому, что происходило в предвоенный период и в эпоху Наполеона. Гитлеровская Германия представляет собой гигантскую и все возрастающую опасность для Британской империи. Дураки те, кто пытается делать различие между Западной и Восточной Европой. Литвинов прав: мир в Европе неделен. Кто готов ограничиться концепцией «западной безопасности», тот развязывает Германии руки не против большевизма (ибо СССР сейчас достаточно силен для того, чтобы отстоять себя от атаки со стороны Германии), а для создания «Серединной Европы» от Северного и Балтийского морей до Средиземного. «Серединная Европа» означала бы смерть для Британской империи. На это Англия никогда пойти не сможет. Неизбежна и необходима борьба против Германии. Теперь или никогда! Сейчас путем ряда мер дипломатического, политического и военного порядка еще можно предотвратить наступление войны. Через год или полтора будет уже поздно. Войну надо остановить сейчас, или она всех нас поглотит. Но как? Черчилль дает на это следующий ответ.

3. Необходимо до конца текущего года создать или, по крайней мере, заложить основы оборонительного союза всех тех государств, которые боятся германской агрессии. В учете настроений британского общественного мнения это можно сделать только в рамках Лиги наций и только под флагом Лиги наций. Вот почему Черчилль в своей статье «Stop it now» предлагает перенести вопрос об ответе на гитлеровские предложения * в Женеву. Эта его идея встречает поддержку в лейбористских кругах, с которыми приходится очень серьезно считаться. В консервативной партии большинство также поддерживает апелляцию к Лиге наций. За столом Совета Лиги наций при переговорах с Гитлером могут быть мобилизованы не только Великобритания, Франция и Бельгия, но и все другие европейские государства. В особенности важно, что таким путем СССР будет открыта возможность также принять активное участие в урегулировании европейских проблем.

4. Однако к вопросу создания оборонительного союза надо подходить с большой осторожностью, ибо само слово «союз», «альянс» и т. п. страшно пугает английскую публику. Надо учитывать также особенности британской психологии. Англичане — классические эмпирики, у них нет воображения, они

* См. газ. «Известия», 8 марта, 2 апреля 1936 г.

не любят мыслить теоретическими концепциями и загадывать о будущем. Они действуют только тогда, когда жизнь заставляет их действовать. Не подлежит сомнению, что если бы за несколько лет до войны Великобритания ввела всеобщую воинскую повинность и создала бы армию в миллион человек, заявив открыто, что, в случае нападения Германии на Францию, она будет вместе с Францией, никакой войны не было бы. Но до войны англичан невозможно было заставить даже и помыслить о конскрипции, не говоря уже о том, чтобы ее осуществить. Больше того, британское правительство до момента нарушения бельгийского нейтралитета даже не в состоянии было обещать Франции военную поддержку. Эта неясность и неопределенность внешнеполитической линии Великобритании в 1914 г. в сильной степени способствовала развязыванию катастрофы. И все-таки ничего изменить было нельзя, ибо такова натура англичан. Не иначе и в наши дни. Черчиллю совершенно ясно, что если бы Великобритания сейчас твердо заявила, что в случае атаки Германии на то или иное европейское государство она выступит в поддержку коллективной безопасности со всей своей мощью, Гитлер вынужден был бы поджать хвост и, кто знает, не пришло ли бы тогда его господство в Германии к быстрому и бесславному концу. Но заставить Великобританию сделать что-нибудь подобное исключительно трудно. Мешают старые традиции, мешают унаследованная психология, мешают слабость и противоречивость ее имперских интересов. Вот почему тем, которые хотят все-таки заставить Великобританию принять на себя некоторые обязательства в отношении мира, нужно соблюдать величайшую тактичность и осторожность. Черчилль считает, что основная задача сегодняшнего дня — это установление возможно более тесных отношений между Англией и Францией и фактическое создание англо-французского оборонительного союза. Однако и тут необходимо действовать с оглядкой. Черчилль, например, считает, что на первой стадии развития было бы вредно говорить об оказании со стороны Великобритании помощи Франции. Лучше говорить об оказании помощи Бельгии. Франция же, наоборот, должна заверять, что с задачей защиты своих границ она справится самостоятельно. Логика вещей в дальнейшем привела бы, конечно, к оказанию помощи и Франции, но зачем предупреждать события? Всякому овощу свое время.

5. При таких условиях, по мнению Черчилля, совершенно ясно, что выдвигать и остро подчеркивать сегодня необходимость руководящего участия в антигерманской коалиции СССР было бы преждевременно. Это могло бы напугать кое-кого из консерваторов. Мы не должны обманываться: изменение отношения консерваторов к СССР несомненно есть, но

прежняя вражда еще далеко не изжита. «Я недавно выступал,— со смехом продолжал Черчилль,— в одном старом консервативном клубе, доказывая моим твердолобым друзьям необходимость сближения с Францией и СССР для борьбы с германской опасностью. Францию они проглотили сравнительно благополучно, но против СССР раздалось много возражений. Я рассердился и заявил им: «Будьте политиками и реалистами! Социализм и капитализм — несомненная противоположность, но нам в Англии придется серьезно считаться с этой противоположностью еще не скоро, самое раннее через 25—30 лет, а может быть и позже. Между тем германская опасность — это опасность ближайшей пятилетки. Мы были бы совершеннейшими идиотами, если бы из-за гипотетической опасности социализма, угрожающей нашим детям или внукам, отказались от помощи СССР против Германии в настоящее время. Моя аргументация произвела весьма сильное впечатление на моих твердолобых слушателей, и они несколько поколебались в своей непримиримости по отношению к вашей стране. Но все-таки подобные настроения есть и с ними приходится считаться. Поэтому я считаю, что сейчас надо форсировать англо-французский альянс. Его британское общественное мнение в конце концов проглотит. А в 1937 г., когда Германия станет еще могущественнее, чем сейчас, англо-французский альянс можно будет дополнить соглашением с СССР. Через год наши консерваторы будут так напуганы ростом германских вооружений, что сумеют проглотить и большевиков. Если у меня когда-нибудь возникает сомнение, то это только в том, хватит ли соединенных ресурсов Великобритании, Франции и СССР для того, чтобы управиться с Германией. Германия — страшная сила, в настоящее время она еще находится во власти отчаянных гангстеров».

6. Как бы то ни было, Черчилль хочет сейчас начать большую кампанию под лозунгом «Stop it now» в духе тех мыслей, которые развиты в его статье. Он уверен в поддержке Остина Чемберлена, Роберта Хорна, ген. Спирса и целого ряда других видных консерваторов. Иден также находится в полном согласии с Черчиллем, и, кроме того, он может рассчитывать на группу молодых консерваторов в правительстве. Их положение там довольно трудное из-за нерешительности Болдуина и сопротивления большинства министров старого поколения. Однако Черчилль рассчитывает на содействие со стороны лейбористов и многих либералов. В конечном итоге он полагает, что в ближайшие месяцы удастся создать в Великобритании большое движение в пользу серьезного укрепления коллективной безопасности в Европе. Необходимо эту коллективную безопасность вооружить зубами, тогда она станет реальною. Великобритания играет решающую роль в вопросах

европейской безопасности. Если, как Черчилль надеется, удастся изменить в благоприятную сторону настроение британского общественного мнения и правительства, значение Англии в деле сохранения мира станет колоссальным.

7. Переходя далее к СССР и впадая в тон «друга и союзника», Черчилль стал подробно расспрашивать меня о нашем внутреннем состоянии и о нашей обороноспособности. Спокойна ли деревня? Улучшилось ли материальное положение крестьянства? Удовлетворены ли рабочие на фабриках и заводах условиями труда? Освоена ли нашим пролетариатом новая техника? В каком положении наши железные дороги? Черчилль слышал, что тут имеются значительные трудности. Он знает, что у нас хорошие солдаты и прекрасная авиация. Но сможем ли мы в случае войны быстро сконцентрировать армию на границе? Какова подготовка нашего офицерского корпуса? Есть ли в его составе офицеры и генералы старой армии? Черчилль знает, что у нас самый многочисленный танковый корпус в мире и что на случай войны мы располагаем совершенно неограниченными ресурсами по части танков, — все это хорошо, но имеется ли у нас достаточное количество запасных частей для танков? Имеется ли у нас достаточное количество походных мастерских для их ремонта и восстановления? Без этого танковый корпус теряет 50% своей ценности. Каковы отношения между нами и Польшей? Можно ли рассчитывать на их улучшение? Каковы отношения между нами и Финляндией? Черчилль недавно (в период похорон короля) беседовал с Маннергеймом и пришел к выводу, что в случае войны Финляндия, вероятнее всего, останется нейтральной. Что мы думаем по этому поводу? Каковы наши отношения с Японией? Думаем ли мы, что столкновение с ней неизбежно и т. д. в том же роде. Я давал Черчиллю подробные разъяснения на все поставленные им вопросы и старался рассеять возникающие у него сомнения. Особенное удовлетворение Черчилля вызвало мое заявление, что все планы нашей обороны построены на допущении, что нам придется одновременно вести войну на обоих фронтах — дальневосточном и западном — и что в настоящее время мы чувствуем себя вполне готовыми для успешного разрешения этой чрезвычайно трудной военной задачи. Черчилль с оживлением воскликнул: «Вот это прекрасно! Если Россия будет сильна и если Великобритания будет решительна, нам, пожалуй, удастся избежать войны».

8. В ходе разговора Черчилль то и дело бросал острые замечания, яркие характеристики, блестящие афоризмы. Между прочим, заговорив о лейбористах, Черчилль сказал: «Вы думаете, они социалисты? О, нет, какие они социалисты, они просто буржуазные радикалы, которые хотят немножко улучшить долю маленького человека и слегка подпилить ногти

капитализма. Но уничтожить капитализм? Нет! Нет! Если бы кто-нибудь это предложил сделать моим лейбористским друзьям, они просто умерли бы со страха». Недлохая характеристика «рабочей партии»!

9. Под конец я спросил Черчилля, почему он не был назначен министром обороны. Черчилль усмехнулся и сказал: «Болдуин слишком боится Гитлера». В этом замечании Черчилля, несомненно, много правды, но не полная правда, ибо Болдуин, пожалуй, не меньше боится и самого Черчилля. Я слышал от нескольких знакомых депутатов, что недели три тому назад Черчилль (еще до назначения Инскипа министром обороны) в ответ на вопрос, почему Болдуин так долго не назначает министра обороны, ответил: «Еще бы! Болдуин ищет человека, который был бы еще меньше по калибру, чем он сам. Такого нелегко найти». Эта ядовитая стрела по адресу премьер-министра лишней раз напоминает о том, что Болдуин, будучи человеком среднего масштаба и не сильного характера, смертельно боится пустить в кабинет такую крупную и волевою фигуру, как Черчилль.

Полномочный Представитель СССР
в Великобританин
И. Майский

Печат. по арх.

116. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Бельгии Е. В. Рубинина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 апреля 1936 г.

Ратификация советско-бельгийской торговой конвенции* прошла в палате 89 голосами против 25 при 5 воздержавшихся. Воздержались и голосовали против крайне правые элементы католической партии. Фламандские активисты мотивировали воздержание страхом перед усилением влияния СССР в западных странах, в частности во Франции.

Руководящие круги настроены решительно в пользу переговоров и соглашения с Германией. В этом духе откровенно говорил мне обедавший у меня главный гофмейстер двора Елизаветы граф де Грюн. Де Грюн выражает убеждение в необоснованности разговоров о подготовке Германией нападения на СССР. Такая война связана для Германии со слишком большими трудностями ввиду отсутствия общих границ и не сулит достаточных компенсаций. Это рассуждение прикрывает собой тезис о необходимости соглашения о безо-

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 2, 13 января 1937 г., стр. 17—30.

пасности на Западе, не заботясь о положении на востоке Европы. В этом же духе в более завуалированной форме высказывался и Картон де Внар*, которого я недавно видел.

Нейману**. Де Грюн просил ускорить ответ по вопросу об участии наших скрипачей в конкурсе, организуемом под покровительством королевы Елизаветы, о чем я писал Вам 25 января за № 18⁶³.

Алкснсу***. Вопреки Вашему письму от 18 февраля, я до сих пор не получил сообщения о времени приезда Марьямова для ознакомления с моделью высотного компрессора. Это создает впечатление об отсутствии у нас интереса к этому делу****.

Полпред

Печат. по арх.

117. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

5 апреля 1936 г.

На Вашу телеграмму от 4 апреля⁶⁴. Последние предложения Гитлера почти ничем не отличаются от первых****, и наше отношение к ним остается прежним*****. Переговоры на этой основе с Германней будут поощрением диктаторских замашек Гитлера и его дальнейшей агрессивности. Если невозможно хотя бы частичное применение санкций, которого добиваются французы, то необходимо по крайней мере хоть временно оставить Гитлера в изоляции, а тем временем остальным странам Европы в Лиге или вне ее столкнуться об образовании единого фронта и выработке действительной основы обеспечения всеевропейского мира, которую и предложить Гитлеру. Принятие Гитлером принципа взаимной помощи на Западе затруднит ему отказ от участия в Восточном региональном пакте, идею которого мы вновь выдвигаем.

Литвинов

Печат. по арх.

* Государственный министр, бывший премьер-министр Бельгии.

** Заведующий III Западным отделом НКВД СССР.

*** Командующий военно-воздушными силами РККА.

**** См. док. № 230.

***** См. газ. «Известия», соответственно 2 апреля 1936 г. и 8 марта 1936 г.

***** См. док. № 71.

118. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну

5 апреля 1936 г.

Из посылаемой Вам копии директив⁶⁵ Потемкину Вы будете знать нашу линию. Отсюда, однако, далеко до предложения об отмене санкций или о нашем одностороннем отказе от санкций. Мы хотим оставаться лояльными членами Лиги. Мы всегда рады будем улучшению отношений с Италией, но предопределяющим моментом будет отношение Италии к германской агрессии. Если Италия осознает, что гитлеризм является огромной военной опасностью для всей Европы, и в частности для итальянской политики, то создается почва для сотрудничества. Только что у меня был Валентино и, со ссылкой на разговор Сувица с Вами⁶⁶, говорил, что, так как у Франции руки связаны, мы могли бы взять на себя инициативу предложения о прекращении санкций. Я указал на невозможность для нас такого выступления и даже активной поддержки чужой инициативы.

Литвинов

Печат. по арх.

119. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 апреля 1936 г.

Шуленбург*, выехавший вчера в Москву, в этот свой приезд кроме Нейрата повидал только Шахта и Бломберга**. По вопросу об отношении к нам все они, как выразился Шуленбург, «остались на прежних позициях». Шуленбург все еще не потерял надежды завязать с нами большие дела и ждет возвращения Канделаки. Ближайшее же окружение Шахта настроено менее оптимистически. Из слов Шуленбурга можно было понять, что в этих кругах нарастает тревога по поводу перерыва переговоров, расцениваемого ими как наш ответ на последнее выступление Гитлера*** и как сигнал, что мы не желаем дольше терпеть прежнего «дуализма» в наших отношениях. Они не скрыли от Шуленбурга, что свертывание экономических отношений с нами болезненно отразится на германской экономике.

Вообще, по словам Шуленбурга, все, с кем бы ему ни пришлось говорить, не одобряли политику Гитлера, но все они в

* Посол Германии в СССР.

** Военный министр Германии.

*** См. док. № 117.

один голос все же отсоветовали Шуленбургу предпринимать сейчас какие-нибудь шаги. Они указывали, что сейчас, пока не прошел угар от выборных успехов, «совершенно вскруживших голову Гитлеру и повысивших удельный вес партийной верхушки», такая его интервенция заранее обречена на неудачу.

Полпред

Печат. по арх.

120. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поликомочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову

6 апреля 1936 г.

Сообщаем решеине инстанции о строительстве в Монголии телеграфных линий:

1) обязать Народный комиссариат внешней торговли немедленно отгрузить для Монголии сверх плана 100 т телеграфной проволоки и в течение II и первой половины III квартала еще 50 т;

2) обязать Народный комиссариат связи приступить немедленно к постройке за счет СССР и закончить в срочном порядке телеграфную линию от Лама-Хурена до советской границы и дальше до ближайшего пункта СССР и обеспечить вступление в эксплуатацию этой линии до конца 1936 г. *

Это предложение было внесено нами в инстанцию по согласованию с Народным комиссариатом обороны.

Стомоняков

Печат. по арх.

121. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии И. С. Якубовича Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

6 апреля 1936 г.

Вашу телеграмму получил 5-го⁶⁷. С трудом удалось повидать сегодня Кута всего на несколько минут. Кут благодарит за любезное сообщение НКВД и должен меня посвятить, что вчера он сообщил Урби ** об изменившемся характере его поездки и что в Москве он будет официальным гостем. В субботней печати сообщалось об отъезде Кута в Бухарест без

* Это строительство было полностью закончено в 1937 г.

** Посланник Норвегии в СССР.

упоминания о его политических визитах. Выехал вечером вместе с румынским посланником Юраско. Из дипломатов, кроме меня, его провожал поляк.

Полпред

Печат. по арх.

**122. Письмо Полиомочиого Представителя СССР в Норвегии
Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел
СССР Б. С. Стомоякову**

9 апреля 1936 г.

Уважаемый товарищ,

Из высказываний Кута в моих разговорах с ним определенно вытекает, что он себе не дает отчета в том вреде, который он своими выступлениями, как и всей его позицией по вопросу о нашем пакте с Францией, натворил*. Он продолжает защищать свой взгляд, что всякий билатеральный договор объективно содержит в себе элементы будущих конфликтов с третьими странами, вызывая у них сопротивление и стремление к созданию новых группировок. Только коллективный пакт может обеспечить длительный мир, — доказывает постоянно СССР. За это же борется и будет бороться норвежское правительство и, в частности, он лично как наиболее заядлый пацифист из всех членов правительства, как говорит о себе Кут. При последней встрече Кут упоминал, что недавно просматривал лнгонационные материалы МИД и убедился, что не было случая, чтобы норвежские делегаты в Лиге наций не выступали со всей настойчивостью с требованием заключения коллективных пактов. Он как будто действительно не способен понять, чем руководствовались СССР и Франция, заключая двусторонний пакт и давая этим, по его мнению, вопреки идее коллективности и своему миролюбию, козырь в руки агрессивной Германии для нового насилия, т. е. разрыва Локарнского договора.

Кроме прямого английского влияния на норвежское правительство в этих установках у Кута выявляются его ученое доктринерство, а в публичных выступлениях его крайне неумелое поведение и корявое формулирование высказываний своих в роли министра иностранных дел. Вот последняя иллюстрация к этому. Его заявление в стортинге по вопросу о воздушном пакте было только ответом на высказанное в бюджетных прениях мнение о необходимости заключения такого пакта между Скандинавскими странами, а не прямым предложенным норвежского правительства приступить к переговорам с соседними великими державами о таком пакте. Как он объяснял,

* См. док. № 109, 111.

узкий скандинавский воздушный пакт он считает бессмысленной затеей*.

Второй пример — это шатаине Кута в вопросе о неофициальном и официальном характере его поездки в Москву. Как я Вам телеграфно сообщал**, Кут на протяжении нескольких дней меняет решение, не умея толком объяснить, чем это вызвано.

В последнем разговоре с ним в день отъезда Кут на ходу заметил, что в Москве будет выяснять позицию Советского правительства в отношении итало-абиссинского конфликта. По мнению норвежского правительства, обострение в этом вопросе, возникшее в самые последние дни, оттеснило на задний план локальное событие. Этим обострением ставится под вопрос дальнейшее существование Лиги наций, утверждает Кут.

Во второй половине апреля никаких встреч из-за пасхального разъезда на каникулы людей здесь не будет. Займусь сейчас же после окончания каникул собираю информацию согласно указаниям Вашего письма скандинавским полпредам от 1-го сего месяца. Обзор норвежско-германских взаимоотношений постараюсь послать следующей почтой.

По высказанным выше соображениям надо рассматривать поездку Кута в Москву как весьма полезное дело, если удастся в переговорах с ним направить его на правильный путь. Я прошу Вас приложить к этому надлежащие усилия, и результат посещения Кута будет безусловно положительный⁶⁸. Полагаю, что опасения Кута о том, что поездка его может расстроиться, несколько преувеличены, хотя, как я выяснил, премьер-министр Ньюгордсволд действительно тяжело болен.

Полпред СССР в Норвегии
И. Якубович

Печат. по арх.

123. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

10 апреля 1936 г.

Посетите Хакселя и обратите его внимание на систематическое нарушение финскими гражданами советской границы. На протяжении февраля — апреля наши территориальные

* См. док. № 109, 110.

** См. док. № 121.

воды в Финском заливе были иарушеиы девять раз. Задержано 68 человек. Потребуйте принятия энергичных мер к предотвращению подобных фактов в будущем*.

Стомоняков

Печат. по арх.

124. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

10 апреля 1936 г.

Власти на ст. Пограничная продолжают срывать передачу задерживаемых на территории СССР нарушителей границ — маньчжурских граждан. В конце февраля Стелмах** сообщил дипагенту*** о предстоящей очередной передаче группы иарушителей, однако до настоящего времени передача не состоялась по их вине. Дипагент пытается поднимать споры о месте передачи иарушителей и ссылается на отсутствие инструкции синьцзицского правительства. В результате накопилось несколько десятков нарушителей, ожидающих передачи.

Сделайте представление Ши Люй-бэю⁶⁹. Укажите, что маньчжурские власти заявляют иам лишние основания протесты по поводу задержания нашими пограничниками маньчжурских нарушителей и требуют их выдачи и в то же время саботируют передачу им нарушителей, которых наши власти находят возможным отпустить.

Стомоняков

Печат. по арх.

125. Сообщение Народного Комиссара Иностранных Дел СССР о беседе с Послом Германии в СССР Шуленбургом****

11 апреля 1936 г.

Вчера у меня был Шуленбург, но ничего интересного не сообщил. Виделся он в Берлине только с Шахтом. При разговоре на злободневные темы я отметил, что если бы в свое время германское правительство приняло наше предложение о гарантиях для Прибалтики*****, то наши отношения пошли бы

* См. док. № 132.

** Консул СССР на ст. Пограничная.

*** Представитель маньчжурского МИД на ст. Пограничная.

**** Из письма М. М. Лявтинова полпреду СССР в Германии Я. З. Сурицу от 11 апреля 1936 г.

***** См. т. XVII, док. № 94.

по другому пути. Шуленбург признал, что не было никаких оснований отвергать наши предложения. Он, однако, просил не верить в агрессивность Германии в отношении СССР. Я напомнил ему не только о книге «Моя борьба», но и о речах Гитлера, где он говорил об экспансии на Восток, подсчитывал плотность населения у себя и у нас и т. д. Я сказал, что если один и тот же человек говорит нам сегодня, что намерен нас атаковать, а завтра, что атаковать не намерен, то мы поступим благоразумнее, основываясь на его первом заявлении, и примем меры предосторожности. Если мы даже ошибемся относительно намерений противника, то мы ничем не рискуем, между тем как если мы будем основываться на втором заявлении и никаких мер не примем, то рискуем своим существованием.

С приветом

Литвинов

Печат. по арх.

**126. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции
Л. М. Карахану**

13 апреля 1936 г.

На Ваши телеграммы от 11 и 12 апреля 1936 г.⁷⁰ После вручения ноты * турки как будто обещали опубликовать ее, и наша печать ждет этого. Не зная мотивов и всей турецкой аргументации, о которой в кратком коммюнике ничего не говорится, трудно комментировать ноту. Сообщите, когда будет опубликована нота.

Арас собирался внести проект резолюции в Совет Лиги наций, сообщив мне об этом лишь за пять минут до заседания **. Мы условились, что из Москвы я сообщу ему окончательно наше мнение, и мною вопрос действительно поставлен. Однако Арас поспешил отправить ноту, не дожидаясь нашего ответа и даже не сообщив нам заранее. Я не думаю, чтобы такое поведение должно было побудить нас поспешить с ответом, не выждав даже реакции иностранной прессы. Нам отнюдь невыгодно, чтобы посылка ноты истолковывалась как сделанная по нашему совету, а таково было бы впечатление от преждевременных наших выступлений дипломатических или газетных. На днях обсудим и ответим.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 131.

** См. док. № 103.

127. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Болгарии в СССР Антоновым

13 апреля 1936 г.

Антонов говорил о том, что состояние наших отношений с Болгарией не совсем его удовлетворяет. Он ожидал от восстановления отношений гораздо большего. Некоторые из наших военных здесь ему будто бы говорили о недоверии, существующем у нас к Болгарии. Антонов просит меня сказать ему причины этого недоверия.

Я ему ответил, что слово «недоверие» совершенно не подходит к нашему отношению. Возможно, что еще не забыт факт участия Болгарии в мировой войне на стороне Германии, нанесенные ей поражения, которые автоматически ставят ее в ряд недовольных ревизионистских государств, и некоторые круги, может быть, наше нынешнее отношение к Германии отчасти переносят автоматически и на Болгарию. С другой стороны, СССР находится в дружеских отношениях с Турцией, а также с Румынией, к которым Болгария не питает слишком нежных чувств. Я лично, однако, не считаю эти обстоятельства помехой к установлению наилучших отношений между СССР и Болгарией, которых ничто не разделяет. Если есть недоверие у одной или у другой стороны, то побороть его можно постепенным сближением на культурной почве. Наш полпред в Софии прилагает все усилия к осуществлению такого сближения, но, к сожалению, не встречает достаточного отклика с болгарской стороны. Вот и все.

Антонов, между прочим, сказал, что Болгария не последует примеру Австрии в вопросе о восстановлении воинской повинности. Жаловался он на затягивание ратификации посылочной конвенции*. Я предложил ему выяснить вопрос в отделе.

Литвинов

Печат. по арх.

128. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову

13 апреля 1936 г.

Дорогой Борис Спиридонович,
В Вашем письме от 1 апреля** Вы совершенно правильно указываете, что Скандинавские страны в отношении разрыва Германней Локарнского договора идут за Англией, т. е. занимают позицию, благоприятную для Германии, отмечая вполне

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 19, 10 августа 1936 г., стр. 367—378.

** См. док. № 109.

справедливо, что среди всех трех Скандинавских стран существуют оттенки различного рода.

Швеция как страна, экономически менее всего зависимая от германского рынка и вообще стремящаяся вести более самостоятельную политику, гораздо резче осудила Германию. Современный кабинет в своей борьбе с заядлым германophilством «Аллександы» и ее последователей пользуется всяким случаем подчеркнуть лояльность Швеции по отношению Статута Лиги наций. Вы правильно уловили, что как Сандлер в своих речах, так и официоз проявили известную сдержанность по отношению к выступлениям Мунка.

По Вашему указанию (номер 5373) * я имела на эту тему беседу с Сандлером. Он ответил мне, что «выступления Мунка не могут не быть согласованы *«dans leurs grandes lignes»* (в основном) между Скандинавскими странами. Однако,— продолжал Сандлер,— политика наших кабинетов, исходящая из особенностей каждой страны, не может быть идентична во всех оттенках. Естественно, что Мунк пуантирует сильнее те стороны вопроса, которые ближе отвечают политике Данни». Однако Сандлер повторил мне то же, что он говорил в своей речи в Упсале, а именно, что шведы считают, что в вопросе разрыва Локарно Германией ст. 16 неприменима, но у Совета Лиги имеется достаточно иных способов, обсудив создавшееся положение и рассмотрев внесенные сторонами предложения, принять соответствующие меры, обеспечивающие сохранение мира. Шведское правительство будет и впредь отстаивать принцип коллективной безопасности, в которую как неотъемлемая часть входят санкции, и «намерено решительно бороться против ослабления этой меры воздействия».

В беседе со мной он снова щегольнул крылатой фразой, сказанной им в Упсале и облетевшей печать: «Законы джунглей не могут заменить правовых взаимоотношений между народами, Швеция стоит на страже отстаивания коллективной ответственности за мир».

На мои попытки выяснить у Сандлера, какова конкретно будет позиция шведов и других Скандинавских стран в предстоящих в Совете Лиги переговорах о нарушении Германией Локарнского договора, он ответил ссылками на то, что он только что говорил со мной по поводу выступления Мунка, добавив лишь следующее: «Наше отношение к Германии и то, что мы учитываем всю опасность ее агрессивной политики, вы можете учесть из того факта, что мы именно сейчас, именно в тот «жаркий момент» выпустили «Синюю книгу» (о «Синей книге» ниже).

По пункту о проекте Мувинкеля — Кута заключить воз-

* См. док. № 110.

душный пакт северных стран*, открытый для присоединения и четырех великих держав, Сандлер с улыбкой ответил, что этот проект пока только существует в «добрых пожеланиях» норвежцев. Сандлер об этом проекте имеет будто бы сведения только из газет. Сандлер подчеркнул, что инициатором этого «проекта» является собственно Мувинкель, который вообще любит выдвигать «идеи большого формата». Всем тоном, каким он говорил об этом проекте, Сандлер подчеркнул, что проект этот им всерьез не принимается. Я бы сказала, однако, что не следует упускать из виду, что Англия тесно связана с гражданской авиацией Скандинавии, о чем я не раз информировала Москву, и что такого рода проект мог родиться не только в головах Мувинкеля — Кута.

Ваши указания о последствиях и значении такого проекта, если бы действительно намечалось его осуществление, весьма правильны и ценны. Мы заострим наше внимание на этом вопросе.

Самым злободневным моментом является сейчас выпуск в свет миниделом «Синей книги». Книга разоблачает наглую политику Германии в 1917 и 1918 гг., всячески стремившуюся втянуть Швецию в так называемую освободительную войну Финляндии, т. е. в участие шведов в войне против Советской республики и в подавлении белыми финнами совместно с немецким генштабом красной Финляндии. Издание книги в настоящий момент преследует следующую цель: кабинет желает к началу выборной кампании показать массам, что еще в 1918 г. социал-демократический кабинет удержал Швецию от постыдного участия в активном подавлении немцами и белыми финнами Финляндии, за что Германия — это показано официальными документами, опубликованными в «Синей книге», — предлагала Швеции суверенитет над Аландом.

Сандлер на мой вопрос, чем руководствовался МИД, издавая эту книгу, ответил: задача весьма ясная, документами показать гнусную роль Германии в 1917—[19]18 гг., игравшую в дружбу и покровительство Финляндии, а на самом деле за спиной финнов пытавшуюся за счет Финляндии столкнуться со Швецией. «Это может повлиять отрезвляюще на известную часть финской общественности и вселить недоверие к политике Германии и на сегодняшний день».

Правая печать весьма недовольна появлением «Синей книги», и, конечно, больше всего рвет и мечет германофильская «Алеханда».

Социал-демократам важно показать сейчас также и шведской общественности, когда идет очень серьезная борьба между правительством и всеми буржуазными партиями по

* См. док. № 109, 122.

вопросу о бюджете обороны, что именно благодаря давлению социал-демократических министров в кабинете Эдена в 1918 г. удалось предотвратить участие Швеции в мировой войне, чего так усиленно добивалась Германия.

Пресса посвящает большое внимание «Синей книге». Либеральная печать считает появление книги полезным, даже по отношению к закреплению хороших отношений с Финляндией, вынося на свет вероломство германской политики и «глупость» шведов, отказавшихся от торга вокруг Алаида. Правая же пресса задним числом упрекает социал-демократов за то, что они в нужный момент не поспешили на помощь Финляндии в ее «освободительной войне». «Синяя книга» дает повод еще раз убедиться в борьбе политических сил внутри Швеции в отношении Германии и в том, что данный кабинет слишком политически дальновиден, чтобы не бояться гитлеровской Германии и идущих за ней общественных нацистских групп.

Самым злободневным вопросом внутренней политики Швеции является проект организации обороны, внесенный в риксдаг правительством (детали проекта приводим в обзоре печати*). Вокруг этого проекта сейчас разгорается весьма серьезная борьба, и кабинет сейчас более обеспокоен настроениями буржуазных партий, чем был еще несколько недель тому назад. По существу расхождение не в принципе, а в чисто финансовых расчетах: какие статьи бюджета придется сократить за счет увеличения бюджета обороны? Проект обороны правительством составлен в расчете на 135 млн. крон, что означает увеличение на 13,5 млн., причем на воздушную оборону ассигнуется 10 млн. Буржуазные партии требуют увеличения бюджета сверх 135 млн. по крайней мере еще на 18 млн. Такое увеличение потребовало бы сокращения статей бюджета по социальным мероприятиям, на что социал-демократический кабинет особенно перед выборами пойти не хочет. Однако нажим весьма крутой. Ходят слухи, что фолькпарти (либералы с Хамрием во главе) поговаривают о новом кабинете в сговоре с бундефорбундет (крестьянами). Последние, несмотря на постоянные заигрывания с ними со стороны социал-демократов, являются весьма неадекватными союзниками. И как будто в последнее время склоняются к сговору с Хамрием. Образование «национального кабинета» из всех буржуазных партий (без социал-демократов), однако, едва ли возможно, это лишь ослабит все партии в момент выборов, которые предстоят в октябре.

Социал-демократы не хотят уходить сейчас, утняя, что положение в стране такое, когда пасть на вопросе обороны едва ли создаст популярность в момент выборов. Сами члены ка-

* Не публикуется.

бинета говорят: «Год тому назад иам это могло бы быть только выгодно. Сейчас опасность войны настолько актуальна, что вопрос обороиы даже рабочими массами воспринимается в ниом аспекте, и если нас свалят на этом вопросе, это может неблагоприятно отразиться на выборах».

Сейчас происходит партийный съезд социал-демократов, очевидно, съезд постановит пойти «на компромисс» и увеличить бюджет обороны. В таком случае буржуазные партии не свалят кабинета. Он благополучно просуществует еще полгода до конца выборов.

Выборы в Германии встречены были всей шведской печатью весьма холодно и сдержанно (детали в нашем обзоре печати *). Социал-демократическая и либеральная печать весьма скептически оценила этот «театральный эффект». Прогерманские настроения внутри страны за последнее время в связи с мировыми событиями среди радикально-либеральных кругов идут на убыль, что, однако, не противоречит послушному следованию Швеции за Англией в своей международной ориентации.

Не могу не отметить также, что в радикальной интеллигенции Швеции несомненно намечается усиливающийся рост симпатий к СССР. Это сказывается в составе групп туристов, едущих в Союз (технические и научные силы, студейчество, общественные и коммуниальные деятели и пр.), в тоне прессы, в закреплении Общества культурсвязей. (О нем копия моего письма ВОКС ⁷¹).

Проф. Оливекрона дал хорошее интервью и вообще поездкой доволен **.

Любопытна та кампания, которую «Аллеганда» сейчас ведет за выход Швеции из Лиги наций. Она проводит «голосование» среди, разумеется, сочувствующей ей публики.

Вчера на обеде у министра юстиции Шлюттера последний рассказал мне «по секрету», что он отстоял и провел принятие в шведское гражданство финского коммуниста, бежавшего сюда от белого террора, за что комиссия риксдага вынесла ему порицание.

Была у меня недавно любопытная беседа с левыми социал-демократами. Они спрашивали меня: почему перед лицом возможных военных осложнений мы сейчас не углубляем наших торговых связей со Швецией, а, наоборот, их сокращаем? Я разъяснил, что мы покупаем там, где финансовые расчеты нам выгоднее, и что шведская промышленность сама виновата, если не сумела обеспечить за собою советский рынок.

С приветом

А. Коллонтай

Печат. по арх.

* Не публикуется.

** См. док. № 110.

**129. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции
Представителю Испании в Лиге наций де Мадарьяга**

Париж, 14 апреля 1936 г.

Господин Посол,

8 апреля в Женеве Вы любезно сообщили мне, что Министр Иностранных Дел Испании поручил Вам выяснить через мое посредничество у Правительства Союза Советских Социалистических Республик, намерено ли это Правительство окончательно урегулировать отношения между СССР и Испанией путем обмена дипломатическими представительствами⁷².

В этой связи я уполномочен напомнить Вам, что Его Превосходительство Министр Иностранных Дел Испании имел в Лондоне беседу с Народным Комиссаром по Иностранным Делам СССР относительно возобновления переговоров между СССР и Испанией.

В ходе этой беседы г. Литвинов выразил мнение, что переговоры вступили в такую стадию, когда остается лишь произвести назначение соответствующих дипломатических представителей.

Если Ваше Правительство разделяет мнение, высказанное г. Литвиновым, и если оно намеревается произвести обмен представительствами, то Правительство СССР также готово к этому*.

Примите, господин Посол, уверения в моем весьма высоком уважении.

Потемкин

Печат. по арх.

15 апреля 1936 г. де Мадарьяга направил В. П. Потемкину следующий ответ:

«Я только что получил Ваше письмо от 14 апреля относительно нынешнего состояния отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Испанией в том, что касается обмена дипломатическими представительствами. Направляю это письмо моему Правительству для возможного использования».

**130. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Полномочному Представителю СССР в Турции
Л. М. Карахану**

16 апреля 1936 г.

Сегодня я вручил Апайдыну** ответную ноту***, которая передается Вам отдельно. Я рассказывал Апайдыну, как Арас указал Вам мой лондонский совет и как он заготовленный

* См. док. № 258.

** Посол Турции в СССР.

*** См. док. № 131.

проект резолюции показал мне и Титулеску за 5 минут до начала заседания*, в то время как с представителем Югославии он обсуждал его накануне.

Литвинов

Печат. по арх.

131. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Апайдыну

16 апреля 1936 г.

Господин Посол,

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 11 апреля сего года, в которой Правительство Турецкой Республики предлагает государствам, «участвовавшим в обсуждении конвенции о проливах»**, «открыть переговоры с целью достигнуть в краткий срок заключения соглашений, предназначенных урегулировать режим проливов в условиях безопасности, необходимых для неприкосновенности турецкой территории, и в наиболее либеральном духе в смысле постоянного развития торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями».

В ответ, по поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик, имею честь довести до Вашего сведения нижеследующее:

Правительство Союза уже неоднократно высказывалось в прошлом с полной определенностью по вопросу о режиме проливов. Оно всегда считало, что в этой зоне должен быть целиком сохранен суверенитет Турции, являющийся необходимым условием для поддержания в проливах мира и спокойствия. Этот принцип был закреплен в советско-турецких договорах***, равно как был положен в основу предложений, сделанных советской делегацией на Лозаннской конференции в 1922—1923 гг.**** С того времени точка зрения Советского Правительства на вопрос о режиме проливов не подверглась изменению.

Советское Правительство считает вполне обоснованным опасения Турецкого Правительства в том, что касается обеспечения всеобщего мира в настоящий момент и наличия серьезной угрозы возникновения войны, и поэтому считает в нынешней обстановке естественным стремление Турецкой Республики обеспечить безопасность своей территории путем соответственного изменения режима проливов.

Ввиду изложенного Правительство Союза Советских Социалистических Республик изъявляет готовность, согласно

* См. док. № 103.

** См. т. VI, прил. 1.

*** См. т. III, док. № 342; т. VIII, док. № 418.

**** См. т. VI, док. № 17, 60.

предложению Правительства Турецкой Республики, принять участие в переговорах о приведении режима проливов в соответствии с интересами безопасности Турции и обеспечения мира и спокойствия в этой зоне.

Прошу Вас, господин Посол, принять уверения в моем глубоким к Вам уважении.

М. Литвинов

*Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия»
№ 92(5949), 18 апреля 1936 г.*

В упоминаемой ноте от 11 апреля 1936 г., в частности, говорилось:

«В 1923 г. Турция согласилась подписать в Лозанне конвенцию касательно режима проливов, установившую свободу прохода и демилитаризацию проливов. Тогда общая обстановка в Европе с политической и военной точек зрения имела совершенно иной вид, чем теперь.

Европа шла к разоружению, и ее политическая организация должна была основываться единственно на нерушимых принципах права, закрепленных международными обязательствами. Сухопутные, морские и воздушные силы были гораздо менее грозными, и они проявляли тенденцию к уменьшению».

В ноте указывалось, что «с того времени обстановка, существовавшая на Черном море, приобрела характер согласия, успокоительного во всех отношениях, тогда как на Средиземном море постепенно устанавливалась неуверенность. Морские конференции показали наличие тенденции к новым вооружениям, и морские верфи спускают в ближайшее время на воду корабли еще невиданной мощности. В области развития воздушных сил кривая головокружительно идет вверх, укрепления на материке и на островах неуклонно умножаются».

В то время как совершалось это полное изменение условий, единственная гарантия, которая должна была устранить полную необеспеченность проливов, исчезла в свою очередь, и в момент, когда наиболее заинтересованные державы объявляют, что имеется угроза всеобщего пожара, Турция в своем наиболее уязвимом пункте оказывается подверженной худшим опасностям без какого-либо противовеса этой тревожной необеспеченности.

Уступая настойчивым просьбам, которые были ей заявлены, Турция согласилась на демилитаризацию проливов, в то время полностью оккупированных иностранными силами. Турция пошла на это после того, как она основательно взвесила в существовавших тогда условиях значение того минимума гарантий, который предоставлялся ей, «чтобы демилитаризация проливов и соседних зон не стала с военной точки зрения причиной неоправданной опасности для Турции».

Далее в ноте отмечалось: «В настоящий момент нельзя утверждать, что безопасность проливов продолжает обеспечиваться реальной гарантией, и нельзя требовать от Турции, чтобы она оставалась безразличной к возможности опасного бездействия».

К этим соображениям надлежит добавить, что конвенция о проливах упоминает лишь о состоянии мира и войны, если в этом последнем случае Турция является нейтральной или воюющей страной, но не предусматривает возможности специальной или общей угрозы войны и не позволяет Турции принимать в этом случае меры для своей законной защиты. Между тем сейчас исчерпывающим образом доказано, что наиболее сложной фазой внешней опасности является именно эта фаза угрозы, причем состояние войны может наступить неожиданно и без всяких формальностей».

В конце ноты говорилось: «Имея в виду вышеизложенные соображения и справедливо полагая, что постановления статьи 18-й конвенции о про-

ливах касательно совместной гарантии четырех великих держав лишились действительности и стали сомнительными и что они не могут более практически предохранять Турцию от направленной против ее территории внешней опасности, Правительство Республики имеет честь сообщить державам, участвовавшим в обсуждении конвенции о проливах, что оно готово открыть переговоры с целью достигнуть в краткий срок заключения соглашений, предназначенных урегулировать режим проливов в условиях безопасности, необходимых для неприкосновенности турецкой территории, и в наиболее либеральном духе в смысле постоянного развития торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями.

132. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонникову

17 апреля 1936 г.

Многоуважаемый Борис Спиридонович,

1. В центре внимания сейчас проблемы шведско-финляндского сближения вообще и финская неделя в Стокгольме в частности. Большинство финских газет, даже «Ууси Суоми», выпустило специальные шведские номера. В Стокгольм выехала группа членов сейма во главе с Мантере*, писателей и журналистов, чиновников МИД. Туда же отправлен гельсингфорский оркестр, экскурсия студентов и т. д. Часть этих затей финансируется «Ууси Суоми». Министрство просвещения Финляндии организовало в Стокгольме выставки двух лучших художников и т. д. Во всей шумихе участвует шведский корреспондент.

Все это не что иное, как подготовка предстоящей поездки короля с ответным визитом к Свинхувуду** и проявление очередной волны «скандинавизма». На этот раз симптомы более серьезны. В учете предстоящих выборов в сейм все буржуазные партии стараются отвоювать у эсдеков часть лавров «миролюбивой скандинавской полтички». С открыто прогерманскими лозунгами на выборы идти трудно.

2. Германская работа здесь усилена продолжается. Приехал для чтения лекций очередной полковник и для пропаганды среди женщин «рейхсфрауенфюрерин» со своим штабом. Любопытно, что «Хельсингин саномат» не поместила интервью этого вождя женщин. Остальная пресса из ее приезда делает очередную сенсацию.

3. Я сделал соответствующее представление Хакселю по поводу нарушения нашей границы финскими рыбаками***. Хаксель ответил, что финляндское правительство обратило на это серьезное внимание, сожалеет об инцидентах и надеется,

* Министр просвещения Финляндии.

** Президент Финляндии.

*** См. док. № 123.

что впредь они повторяться не будут. Сейчас работает парламентская комиссия специально по этому вопросу. Она урегулирует положение рыбаков. На этот раз Хаксель не говорил о желательности аренды у нас вод и т. п. Сказал только, что раньше были такие предложения.

4. Прошу, если это возможно, информировать меня по телеграфу, чем вызван визит в Москву Кута*.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

133. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Румынии с Заместителем Министра Иностранных Дел Румынии Радулеску

18 апреля 1936 г.

Еще до приезда т. Островского** из Москвы я беседовал с товарищем министра Радулеску и указал ему в сдержанной, но энергичной форме на те ненормальности, которые имели место при организации выступления наших танцоров в Румынии. Я еще раз рассказал ему о тех препятствиях, которые чинил помощник Инкулеца*** Титяну, и о запрете выступления артистов в Черновцах и Кишиневе. Я напомнил также Радулеску, что именно он и его шеф указывали нам на желательность приезда в Румынию наших артистов, а когда же они на самом деле приехали, то оказалось, что они являются чуть ли не нежелательными иностранцами. Радулеску ответил мне, что если бы нашим артистам удалось выступить в Черновцах и в Кишиневе, то мы имели бы право зарегистрировать сто-процентный успех всего этого дела. Поскольку выступления состоялись только в Бухаресте и Яссах, то приходится довольствоваться, так сказать, 75-процентным успехом, что для начала вовсе не так уж плохо.

Я указал Радулеску, что в то время как два советских танцора превращаются в глазах румынской полиции чуть ли не в государственную опасность, в стране развертывается разнузданная гитлеровская пропаганда, толерлируемая правительственными органами. Гитлеровцы имеют свою партийную организацию, возглавляемую гаулейтером, присланным из Берлина. Издающийся в Бухаресте «Тагеблат» является не чем

* См. док. № 121.

** Полпред СССР в Румынии.

*** Министр внутренних дел Румынии.

нным, как флналом «Фелькншер беобахтер», так как почти все передовые статьи пишутся и подписываются лицами, постоянно проживающими в Берлине. Я привел также целый ряд других фактов, свидетельствующих о том, что под флагом перемены румынской внутренней политики на самом деле подготавливается перемена внешнеполитической ориентации.

Радулеску отвечал очень уклончиво и жаловался на бездействие французской и чешской делегаций, которые ничего не делают для организации контрпропаганды.

Б. Виноградов

Печат. по арх.

134. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтнису

19 апреля 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Сегодня у т. Литвинова был Лукасевич *. Когда выяснилось, что Лукасевич пришел лишь побеседовать, без всякого дела, М. М. [Литвинов] напомнил ему о последнем заявлении Бека в Лондоне **, когда Бек, говоря о наших отношениях и о совпадении польской и советской линий в некоторые моменты рассмотрения локального вопроса на Совете Лиги наций, сказал, что он готов к обмену мнениями относительно возможности улучшения отношений и поручит с этой целью Лукасевичу обратиться к нему, Литвинову. Лукасевич ответил М. М., что он не имеет никаких инструкций и что он дополнительно снесется с Бекон ***.

Изложенное я передаю Вам в качестве предварительной информации на основании короткого сообщения т. Литвинова по телефону. К сожалению, он не успел еще сегодня продиктовать запись своей беседы с Лукасевичем.

2. Этот факт, разумеется, никого из нас не удивляет. Анти-советский курс польской политики не только не ослабляется, но, пожалуй, даже усиливается за последнее время. Польское правительство все больше и больше открыто перед лицом всего польского общества берет курс против всякого сближения с Советским Союзом. Вчера мы имели сообщение о том, что в Польше запрещены какие бы то ни было переводы советской литературы. Ответственный чиновник польского МВД Кавецкий в беседе с бывшим редактором журнала «Пшеглэнд восточный» заявил, что в Польшу больше не будут допущены

* См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 301—302.

** См. док. № 100.

*** См. док. № 146.

какие бы то ни было советские книги, фильмы, пьесы и т. п. Полпредство сообщает, что польское правительство отказало в паспортах на поездку в СССР даже польским астрономам, собиравшимся наблюдать у нас солнечное затмение. Если все эти сведения верны, а как будто они соответствуют действительности, то, очевидно, польское правительство решило взять курс даже против поддержания культурных связей Польши с СССР*.

3. Причину этому надо, конечно, искать в резком обострении внутреннего положения Польши в связи с усилением классовой борьбы в городе и деревне. В том же, по-видимому, надо искать и причину продолжающейся эволюции в лагере национал-демократов, которые все больше и больше переходят на внешнеполитические позиции Бека. Особое впечатление производят известия о том, что среди национал-демократов наблюдается отход даже от позиции поддержки польско-французского союза.

4. Эта эволюция в лагере н[ационал]-д[емократов] имеет огромное значение, ибо она задерживает процесс расслоения среди пилсудчиков и во всяком случае нейтрализует противоягодствие в их рядах германофильской политике Бека.

В связи с этим я считаю весьма важным, чтобы Вы нашли подходящий случай поскорее познакомиться с Дмовским и поговорить с ним обстоятельно о внешнеполитическом курсе его партии³⁹. Само собою разумеется, я не ожидаю, что Вы в этой беседе остановите эволюцию н[ационал]-д[емократов] к взглядам Бека, но эта беседа может дать нам весьма ценную информацию о причинах, размерах и перспективах этой эволюции.

5. В настоящее время, конечно, мы в большей степени можем рассчитывать на поддержку идеи сближения Польши с СССР среди левых польских партий, среди крестьянской партии** и ППС. Особенно важно было бы поэтому усилить контакт полпредства с этими кругами.

6. Сегодня I Западный отдел докладывал мне о полемике, которая идет в Польше по вопросу о том, какой курс взять в области валютной и хозяйственной политики — на дефляцию или инфляцию. Ввиду недостаточности материалов и неясности социально-экономической подоплеку этих выступлений я прошу Вас поручить кому-нибудь из сотрудников полпредства составить и прислать нам доклад полпредства по этому вопросу***.

* См. док. № 135.

** См. док. № 156.

*** См. док. № 135.

7. I Западный отдел докладывал также о весьма интересной нелегальной листовке, выпущенной о Беке каким-то «Комитетом обороны народной». Сообщите, пожалуйста, что это за организация.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

135. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 апреля 1936 г.

1. В последнее время внутреннее положение становится в центре внимания всех, в том числе и правительства. Имевшие место некоторое время тому назад события в Кракове*, вызвавшие широкие протесты трудящихся в разных местах Польши, уже тогда сигнализировали о неблагоприятном настроении масс. Последние кровавые события во Львове произвели громадное впечатление на польское общественное мнение и вызвали, по-видимому, в правительственных кругах серьезное беспокойство. Львовский расстрел 16 апреля является из ряда вон выходящим как по числу жертв, так и по тому упорству, с которым демонстранты сопротивлялись полиции и жандармерии. По существу, в течение всего 16 апреля демонстранты в том или ином размере владели улицей, оказывая упорное сопротивление, несмотря на обстрел со стороны полиции и избиения. Совершенно естественно, что эти события вызвали широкий отклик и в прессе различных направлений. Правительство, по-видимому, также очень серьезно отнеслось к этим событиям. После первого замешательства власти уже на другой день начали придумывать различные версии, которые оправдали бы расстрелы рабочих. В ряде воззваний, которые были выпущены во Львове местными властями и проправительственными организациями, подчеркивается почти в одних и тех же выражениях, что львовские события являются провокацией «чужих агентов» во имя «чужих» интересов. Таким образом, делается уже попытка свалить вину за эти события на организацию, действующие и ныне. Если сопоставить эти заявления с тем, что усиленно подчеркивается роль компартии, то можно быть уверенным, что под «чужими» агентами подразумеваются агенты Коминтерна. Весьма возможно, что через несколько времени эта алгебраическая формула будет расшифрована более открыто. В данное время печать еще воздерживается от более широкой кампании в этом направлении.

* См. газ. «Известия», 26, 26 марта 1936 г.

Львовские события, вызванные в основном безработицей и резким ухудшением материального положения трудящихся, вновь ставят в повестку дня вопрос о дальнейшей экономической политике правительства. Уже давно ведутся споры между различными правящими кликами относительно того, должна ли финансовая политика правительства носить дефляционный или инфляционный характер. Сторонники и той, и другой политики имеют серьезных приверженцев. Более последовательно дефляционную политику отстаивала «Газета польска» во главе с Матушевским. Ряд других органов, а также и «Левиафан»* отстаивали точку зрения необходимости более «активной» экономической политики, проведения широких общественных работ для сокращения безработицы и т. д. Весьма характерны в этом отношении, а также и для характеристики вообще создавшегося в результате последних событий внутреннего положения в Польше работы съезда «Федерации польских союзов защитников отечества», имевшего место 17 апреля** (Подробности см. в сводках). На этом съезде принимали активное участие Косцялковский, Квятковский*** и многие другие видные пилсудчики. Докладчиком по экономическим вопросам выступал Квятковский. Пока в прессу ничего не проникло о прениях, имевших место на съезде, но, по видимому, они носили бурный характер. Принятая резолюция опубликована сегодня в «Газете польской». Несомненно, эта резолюция отражает и мнение влиятельных членов правительства, поскольку докладчиком был Квятковский, а в президиуме восседал Косцялковский. Прежде всего резолюция подчеркивает необходимость создания политической организации с четкой идеологической и политической программой в духе идей Пилсудского. Это решение представляет серьезное изменение той политики, которая в этом вопросе велась правящей кликой пилсудчиков, высказывавшихся до сих пор против создания партий. Далее резолюция подчеркивает, что Польша должна выйти «собственными силами» из хозяйственного кризиса путем индустриализации страны за счет собственного национального капитала и изменения сельскохозяйственного строя. Последнее резолюция не расшифровывает окончательно, так что пока трудно понять, что под этой демагогией кроется. Что же касается первого положения, то оно расшифровывается в дальнейшей части резолюции указанием на необходимость «активизации хозяйственной жизни в самых широких рамках».

* Название Центрального союза польской промышленности, горного дела, торговли и финансов — организации крупного капитала в буржуазно-помещичьей Польше.

** См. газ. «Известия» 22, 28 апреля 1936 г.

*** Заместитель премьер-министра и министр финансов Польши.

Эта резолюция, таким образом, имеет несомненно инфляционные тенденции. Некоторые органы печати уже сегодня совершенно недвусмысленно ставят вопрос, комментируя львовские события, о необходимости создания широких общественных работ и «накручивания конъюнктуры». В этом контексте знаменательно то, что сегодняшний номер «Газеты польской» был конфискован и последующее издание вышло с белой первой страницей. Можно предполагать, что конфискованная передовица трактовала именно вопрос о дальнейшей экономической линии, отстаивая по-прежнему дефляционную политику. Если правительство произвело эту сенсационную конфискацию по существу официального органа, то это показывает, что в правительственных кругах назревают уже другие тенденции в области финансовой политики. Ближайшее будущее покажет, насколько правильно это предположение. Следует отметить, что премьер Косцялковский, который сегодня должен был выехать в Будапешт с официальным контрвизитом³⁴, отложил свой отъезд по мотивам «болезни». Очевидно, эта дипломатическая болезнь вызвана также напряженным внутренним положением и необходимостью поэтому остаться в Польше.

2. Польская пресса за последние недели вела себя сравнительно корректно в отношении СССР, поскольку это касается прямых оскорбительных выпадов против наших вождей или отдельных деятелей. Если не считать статей Отмара*, то и особенно враждебных статей в печати тоже не было. Несомненно, что в этом отношении повлиял сделанный нами в свое время демарш³⁷. Сыграли также определенную роль те некоторые новые тенденции, которые, по-видимому, намечались у польского правительства в отношении СССР, т. е. новые заигрывания. Как вам известно, пока эти новые тенденции еще не получили никакого практического осуществления ни здесь, ни, насколько мне известно, в Москве. Я за это время Бека видел всего один раз на проводах норвежского министра Кута. Мы довольно много говорили с ним на разные темы (преимущественно о женевских делах), но Бек ни одним словом не обмолвился о своем разговоре с т. Литвиновым и о том якобы поручении, которое должен был получить Лукаевич**. Само собой разумеется, что я сам не затрагивал этого вопроса. Возможно, что Бек заговорит со мной на эти темы завтра, когда я встречу с ним у него дома на завтраке.

Я считаю необходимым отметить одновременно усиление общего похода против советского культурного влияния, а также и против русского языка. В этой области мы имели целый

* Псевдоним польского журналиста Берсона.

** См. док. № 100.

ряд фактов: закрытие единственного дружественного нам журнала «Пшеглёнд всходний»; прессе дана негласная инструкция о нежелательности помещения вообще какой-либо информации об экономике и культуре СССР; фактически запрещены переводы на польский язык книг советских авторов; усилена цензура книг, которые попадают на польский рынок через «Международную книгу»; запрещено выставлять на витринах книжных магазинов советские книги; фактически запрещены к постановке в театрах пьесы советских авторов и весьма усилена цензура советских кинокартин; отказано в паспортах польской научной экспедиции, которая собиралась ехать в СССР для наблюдения солнечного затмения, по тем мотивам, что это может создать прецедент для приезда в Польшу советских ученых; фактически введено запрещение выдачи паспортов для поездок в СССР; запрещено публичное исполнение песен на русском языке и т. д. Как видите, получается довольно солидный букет всяких гласных и негласных мероприятий, направленных к тому, чтобы оградить польскую общественность от нашего культурного влияния. Если к этому добавить, что в советское посольство боятся теперь ходить многие наши друзья из-за всевозможных репрессий и неприятностей, что целый ряд общественных деятелей из более или менее проправительственного лагеря избегают контакта с нами, то картина получится действительно интересная. В этих условиях говорить серьезно о какой-либо политике сближения, конечно, не приходится и следует рассматривать все попытки поляков в этом отношении исключительно как дипломатическую игру*. Конечно, многие из этих мероприятий, весьма одобряемые и даже провоцируемые также и эндецкой** оппозицией, вызваны страхом перед той социальной опасностью, которая сейчас особенно резко чувствуется в Польше ввиду напряженности внутреннего положения.

Я. Давтян

Печат. по арх.

136. Письмо III Западного отдела Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Бельгии Е. В. Рубинину

19 апреля 1936 г.

Комитет по делам искусств сообщил нам, что вопрос об обмене художественными выставками между СССР и Бельгией разрешен в положительном смысле.

* См. также сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 305.

** — национал-демократической.

Тов. Керженцев разделяет высказанное Вами и поддерживаемое нами мнение о целесообразности в первую очередь организовать выставку бельгийской живописи в Москве.

По вопросу о сроке выставки, ее программе и порядке организации мы сносимся с ВОКС и просим высказать также Ваши соображения ⁷³.

Заведующий III Западным отделом

А. Нейман

Ответственный референт

Каменев

Печат. по арх.

137. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомоякову

*Вне очереди
23 апреля 1936 г.*

Был у Арита *. Он начал, во-первых, с заявления о том, что хотел бы услышать что-нибудь от меня о наших отношениях. Я ответил, что сегодня хотел бы выслушать, как и полагается, мнение министра. Арита заявил, что пока надо выдвинуть пограничные вопросы, подумать о сокращении числа конфликтов на границе или совсем устранить таковые. Я ответил, что недоразумений на границе можно легко избежать, что для этого необходимо отдать категорический приказ соответствующим начальникам отрядов и военных постов ни в коем случае не переходить границу. За дисциплинированность наших пограничников мы абсолютно ручаемся. Кроме того, необходимо создать советско-маньчжурские и монголо-маньчжурские комиссии по урегулированию пограничных инцидентов. Арита ответил, что строгий приказ о непереходе границы отдан. Однако он думает, что приказа мало, будучи сторонником создания комиссий по урегулированию конфликтов, он все же полагает, что создания комиссий без уточнения границ недостаточно и что необходимо параллельно с этим провести работу по уточнению границы на ее восточном участке. Используя несколько туманное заявление Арита, я сказал, что очень рад, что он является сторонником создания комиссий по урегулированию конфликтов, что, хотя, по нашему мнению, граница совершенно бесспорна, мы готовы пойти на редемаркацию той ее части, о которой говорит г. министр, при условии создания мирной обстановки на границе. Я согласен с тем, чтобы работа обеих комиссий шла параллельно и что для этого необходимо возоб-

* Министр иностранных дел Японии (с апреля 1936 г.).

новление ведшихся между мной и Хирота переговоров о пограничной комиссии *. Арита ответил, что японское правительство пока что хотело бы создания комиссий по редемаркации и урегулированию конфликтов лишь для восточной части границы. Что касается создания комиссии по урегулированию инцидентов между Маньчжоу-Го и Внешней Монголией, то это дело этих двух стран, но ему казалось бы, что и там должны быть созданы две комиссии (по урегулированию инцидентов и по редемаркации), но это дело Маньчжоу-Го и Внешней Монголии и оно не касается непосредственно Японии. Поэтому он вновь предлагает сосредоточить все внимание на восточной части советско-маньчжурской границы. На это я ответил в порядке моего личного мнения, которое может быть дезавуировано моим правительством, что я намечаю такую возможность: на восточном участке границы создается комиссия по редемаркации и по урегулированию пограничных конфликтов с тем, что мы немедленно приступаем к переговорам относительно конвенции по урегулированию конфликтов на всей границе. Арита, оставаясь при своем прежнем мнении, заявил, что мы можем продолжать наш разговор о пограничных комитетах, но что самое существенное сейчас — это урегулирование конфликтов и редемаркация восточной части границы. Я ответил, что необходимо создать мирную обстановку по всей границе, а отнюдь не только на одном из ее участков. Арита сказал, что, возможно, у нас имеются опасения, что в случае если создание комиссии распространяется только на восточную часть границы, то японская сторона к другой части ее отнесется «не так серьезно», но это напрасные опасения. Япония имеет желание устранить конфликты, и самое существенное — это избежать их на восточной границе. Что касается вопроса о пограничной конвенции, то Арита считает, что пока надо сохранить то положение, которое имело место до сих пор, затем будем продолжать переговоры. Для наших отношений крайне важно разрешить вопрос о восточной части границы. Он просит передать об этом Советскому правительству и ждет возможно скорее ответа на свое предложение.

Арита по существу повторил предложение, сделанное Вам Ота **. Мое личное предложение по существу совпадает с Вашим последним ответом Ота *** и лишь облакает это последнее в более приемлемую для японцев и в конечном счете для нас форму. Считал бы целесообразным самостоятельно обсудить с Вами мое предложение в качестве нашего ответа Арита. При

* См. док. № 106.

** См. док. № 75.

*** По-видимому, имеется в виду беседа Стомоныкова с Ота 31 марта 1936 г.; см. газ. «Известия», 1 апреля 1936 г.

этом надо, на мой взгляд, вновь подчеркнуть вопрос монголо-маньчжурской комиссии по урегулированию пограничных конфликтов.

Сегодня вечером был у Арита на чае для посольств и миссий. Он спросил у меня, что я думаю по поводу предстоящего ответа Москвы на его предложение. Я сказал, что точка зрения Москвы ему известна, и подчеркнул, что согласие на редемаркацию мы даем при условии мира на границах. Арита заявил, что он обещает это. Я спросил: «И на монголо-маньчжурской границе?» На это Арита ответил положительно. Должен отметить, что Арита и его жена держались со мной и Юрневой демонстративно дружелюбно*.

Полпред

Печат. по арх.

138. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Немедленно
25 апреля 1936 г.*

Газеты сообщают о вопроснике, с которым Идеи предполагает обратиться к Гитлеру**. Вопросник имеет целью выявить отношение Гитлера к сохранению мира в разных частях Европы, причем упоминаются Литва, Австрия, Чехословакия, Рейнская зона, но ни слова не говорится об СССР. Немедленно поведите Идена*** и, если он подтвердит правильность газетных сообщений, обратите его внимание на несоответствие вопросника заявлению Невилля Чемберлена в палате о заинтересованности Англии в сохранении мира также на Востоке Европы. Ввиду многократных заявлений Гитлера об экспансии на Восток было бы совершенно уместно спросить его, сохраняется ли эта концепция. Поскольку Гитлер изъявляет согласие на пакт о взаимной помощи на Западе, желательно выяснить его отношение в настоящее время к такому же пакту на востоке Европы, каковой пакт мог бы придать советско-французскому и советско-чехословацкому договорам региональный характер для Восточной Европы.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. также док. № 140.

** См. газ. «Известия», 24 апреля 1936 г.

*** См. док. № 142.

139. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

27 апреля 1936 г.

Принято принципиальное решение вступить в переговоры с Англией о морском соглашении. С нашей стороны возможны некоторые оговорки. Уехавшему из Москвы Л. В. Анципо-Чикунскому* послана вдогонку телеграмма, чтобы он вернулся в Москву, где он получит директивы для ведения переговоров⁷⁴. Если окажется необходимым или англичане вновь будут спрашивать, можете сообщить им вышеизложенное**.

Литвинов

Печат. по арх.

140. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Арита***

27 апреля 1936 г.

Я с г. Родовым**** у г. Арита. Сделал ему от имени Советского правительства нижеследующее заявление:

«1. Советское правительство, исходя из того, что конфликты происходили на всем протяжении советско-маньчжурской границы, считает необходимым образование пограничных комиссий для разбора конфликтов, имевших или которые будут иметь место на любом участке границы. Оно не возражает, однако, против того, чтобы пограничная комиссия, а также комиссия по редемаркации начали свою работу с восточного участка. Оно ожидает ответа японского правительства на врученный нами 9 марта послу г. Ота проект статута комиссии*****.

2. Советское правительство, учитывая фактическое положение и, в частности, участие японской Квантунской армии в нападениях на территорию МНР, не может согласиться с мнением г. Арита, что вопрос восстановления спокойствия на маньчжуро-монгольской границе не касается Японии*****. Оно готово, однако, не настаивать на формальном согласии японского правительства на создании маньчжуро-монгольской комиссии, если такие комиссии будут фактически образованы

* Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Великобритании.

** См. док. № 142.

*** Из дневника К. К. Юренина за период с 16 апреля по 11 июня 1936 г.

**** Атташе полпредства СССР в Японии.

***** См. док. № 75.

***** См. док. № 137.

в результате непосредственных переговоров между Маньчжоу-Го и МНР.

3. Советское правительство считает необходимым условием нормальной и успешной работы комиссии наступление полного фактического спокойствия на границах и принятие японским правительством с этой целью соответственных мероприятий».

Арита. Правильно ли я понимаю, что Советское правительство не возражает против создания двух комиссий на восточном участке советско-маньчжурской границы?

Юренев. Как видно из только что оглашенного заявления, мы учли пожелания г. министра и пошли им навстречу.

Арита. Что касается вопроса о необходимости создания погранкомиссий для разбора конфликтов на всей советско-маньчжурской границе, то это следовало бы сделать второй стадией наших переговоров. Далее, я верю, что нашим войскам дан строгий приказ относительно неперехода границы...*

Юренев. «Верю» или «знаю»?

Арита. По условиям, существующим в Японии, в вопросах, связанных с прерогативами верховного командования, я не могу употребить другого слова, кроме «верю». Кроме того, если и бывают переходы советской границы, то это не является злым умыслом, и я верю, что дан строгий приказ из центра.

Я хотел бы знать, о каком проекте, врученном вами г. Ота, идет речь. Я не знаком с тем документом.

Юренев. Речь идет о конфликте от 30 января с. г. в районе пади Мещеряково — Гродеково **. В то время посол Японии г. Ота предложил нам создать комиссию для расследования этого инцидента. Согласившись, мы предложили включить в эту комиссию нейтральных представителей, от чего в дальнейшем отказались, и 9 марта вручили г. Ота упомянутый мною выше проект статута комиссии по расследованию инцидента от 30 января с. г. Я не сомневаюсь, что г. министр имеет в своих делах названный проект.

Насколько я понял министра, он сегодня, как и во время нашей последней встречи, согласен с необходимостью создания пограничных комиссий для всей советско-маньчжурской границы. Это соответствует позиции г. Хирота в бытность его министром иностранных дел. Я прошу Вас изучить врученный мною 17 августа 1935 г. г. Хирота проект соглашения об урегулировании пограничных конфликтов *** с тем, чтобы мы могли возможно скорее приступить к переговорам. В моем се-

* Многозначие в документе.

** См. док. № 31.

*** См. т. XVIII, прим. 187.

годняшим ответе Советское правительство не обуславливает начало работ двух комиссий на восточном участке границы немедленным приступом к переговорам о вышеуказанном пограничном соглашении, но мы надеемся, что таковые начнутся вскоре же после того, как министр ознакомится с нашим проектом от 17 августа 1935 г. Наконец, я с удовольствием принимаю к сведению заявление г. министра о том, что японским войскам отдан строгий приказ сохранять спокойствие на границе. Я думаю, что, говоря о японских войсках, г. министр имел в виду войска Квантунской армии, состоящие также и из маньчжур. Переход границы, независимо от того, представляет ли он собой злой умысел или нет, нами не будет допускаться и не будет допущен вами, ибо это неизбежно приведет к нежелательным инцидентам и конфликтам.

Арита. При переходе границы всегда возникает вопрос о неясности ее. Ваша квалификация действий японских войск зависит от вашей субъективной оценки пограничной линии. Я считаю, что надо начать как можно скорее работу обеих комиссий на восточном участке границы и решить вопрос о составе их.

Юренев. Мы готовы создать немедленно две комиссии на восточном участке. Соглашаясь на редемаркацию, мы считаем, что граница установлена точно, что она бесспорна и что не может быть речи о ее пересмотре по существу.

Как наши, так и японские пограничники хорошо знают границу, и потому нельзя оставлять никаких «возможностей» для ее перехода, ибо это вызвало бы неизбежные конфликты и скомпрометировало бы работу обеих комиссий.

Ответ на наш проект от 9 марта ускорит практический приступ к переговорам. Кроме того, я считаю, что г. министр согласен с моим толкованием его точки зрения по вопросу о создании пограничных комиссий для разбора конфликтов на всей границе.

Арита. Что касается вопроса о создании комиссий по всей границе, то я начал об этом разговор с Вами в бытность мою вице-министром*. Я, конечно, согласен на это, но если принять во внимание инциденты последнего времени, то, по моему мнению, надо в первую очередь устранить неясные места на границе и устранить эти неясности. Наконец, я предлагаю, чтобы начальник департамента нашего министерства иностранных дел и ваш советник немедленно начали бы переговоры относительно состава и компетенции обеих комиссий.

Юренев. Москва еще не высказалась по поводу вопроса о том, где должны вестись переговоры, но я лично считаю возможным их ведение здесь. Я запрошу об этом Москву.

* См. т. XVIII, прим. 156.

Арита. Итак, мы ограничимся сейчас восточным участком, ибо иначе можно запутать все дело, а об остальной части границы будем продолжать переговоры.

Юрнев. Как только получу ответ насчет места переговоров, передам Вам об этом *. Кроме того, прошу министра учесть п. 2 моего заявления в части создания маньчжуро-монгольских комиссий.

Арита. Относительно этого вопроса посмотрим, как получится на деле.

Юрнев. Но если дело не пойдет, то мне придется снова обратиться к Вам как представителю Японии и поставить перед Вами указанный вопрос.

К. Юрнев

Печат. по арх.

141. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Вне очереди
28 апреля 1936 г.*

Поручение выполнено ⁷⁵. Фланден указал мне, что в конфиденциальном меморандуме, врученном им Идену в Женеве во время последней сессии «комитета 13-ти», предлагалось поставить Гитлеру, между прочим, два вопроса. Во-первых, согласен ли он, чтобы намечаемые им пакты о ненападении подкреплялись обязательствами взаимной помощи, и, во-вторых, почему Гитлер не заключит пакт о ненападении и с СССР. Я настаивал на более ясной и полной формулировке вопросов в соответствии с Вашей телеграммой от 25 апреля с. г. В конце концов Фланден обещал мне сегодня же вечером передать в Лондон следующее: 1. Фландену известно о демарше нашего посла у Идена **. 2. Фланден поддерживает наше предложение. 3. Фланден считает, что упоминание об организации коллективной безопасности на основе взаимной помощи на востоке Европы и об участии СССР вместе с Германией в этой системе может быть истолковано как доказательство безразличия Франции и Англии к этим проблемам и даже как молчаливое предоставление ими Гитлеру свободы действий в указанном направлении.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 149.

** См. док. № 142.

142. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
28 апреля 1936 г.

1. Я имел сегодня длинную и весьма откровенную беседу с Иденом, которого я застал в сильно подавленном настроении. Прежде всего задал Идену вопрос: почему, если верить прессе, в британском вопроснике Германии нигде не упомянут СССР*. Иден ответил, что сообщения прессы не совсем точны. Вопрос ставит британское правительство как таковое. Никакого предварительного обсуждения и редактирования вопросов совместно с Францией и другими державами нет, но, конечно, британское правительство учитывает их настроения. В данном случае Иден готов дать обещание, что, если британское правительство вообще будет ставить вопрос Гитлеру о его намерениях в отношении восточных границ Германии, СССР также будет упомянут.

2. Иден не считает возможным включить вопрос о Восточном пакте взаимопомощи (хотя подтвердил, что британское правительство относится к этому пакту по-прежнему положительно), ибо данный вопрос якобы не вытекает непосредственно из предложения Гитлера, а также еще и потому, что события последних недель поставили в порядок дня гораздо более общий и важный вопрос — о судьбе коллективной безопасности вообще.

3. Я задал вопрос Идену, верны ли газетные слухи, будто бы Англия собирается выходить из Лиги наций и подготавливает проект какого-то нового объединения европейских держав на иных, чем Ковенант, основаниях. Иден уклонился от прямого ответа на этот вопрос и сослался на свое вчерашнее заявление в парламенте, где в ответ на предложение лейбориста Кокса выйти из Лиги, если не будут немедленно приняты эффективные меры для приостановки итальянской агрессии, Иден сказал: «Ход событий в Женеве в связи с итало-абиссинским конфликтом несомненно должен оказать серьезное влияние на характер будущей политики правительства его величества». Весьма вероятно, что Иден при этом имел в виду несколько поугасть нас, но вместе с тем нужно считаться с возможностью какого-либо крутого шага со стороны британского правительства на ближайшем заседании Совета в Женеве.

4. В связи с вопросом о судьбах коллективной безопасности Иден спросил меня, чем объясняется характер выступления Потемкина на последнем заседании «комитета 13-ти».

* См. док. № 138.

У Идена сложилось впечатление, будто бы Советское правительство недовольно британской позицией и хочет дать по рукам британскому правительству. Я ответил, что Потемкин едва ли преследовал такую жестокую цель в Женеве, но что мы действительно имеем достаточные основания быть недовольными нынешним оборотом британской политики. «Вы имеете в виду отношение британского правительства к Германии», — перебил меня Иден. Я подтвердил это и развил нашу точку зрения на смысл санкций, которые применялись Лигой к Италии. Иден попытался опереться на «общественное мнение» Англии, которое-де проводит крупное различие между поведением Италии в Африке и поведением Германии в пределах собственной же страны, но я быстро отвел этот аргумент, указав, что «общественное мнение» поддается воспитанию и воздействию, если правительство берет на себя руководящую роль (в качестве примера я привел конфликт из-за «Метро-Виккерса» *). Однако в данном случае я не вижу со стороны правительства желания задавать тон «общественному мнению» в надлежащем направлении. Это мое возражение Иден обошел молчанием.

5. Продолжая разговор на ту же тему, я подверг критике (вежливой по форме, но резкой по существу) внешнюю политику британского правительства, подчеркнув в особенности ее колебания и непоследовательность в итало-абиссинском конфликте и в вопросе о Германии. Иден защищался очень слабо (у меня было даже впечатление, что по существу он согласен со мной). Он констатировал, что в Англии сейчас сильны анти-французские настроения, и заявил, что все его усилия направлены к тому, чтобы предупредить разрыв между Лондоном и Парижем. В этой постоянной борьбе за поддержание англо-французского сотрудничества Иден сильно ослабил свои собственные позиции в стране, но иного выхода у него не было.

6. Ближайшие перспективы рисуются Идену в очень смутных и pessimистических тонах. Он еще не может сказать, какова будет британская позиция 12 мая. Лиге наций нанесен тяжелый удар. Положение в Абиссинии отчаянное. Если бы она сумела удержаться до периода дождей (т. е. еще пять-шесть недель), роль экономических и финансовых санкций оказалась бы значительнее, но Иден не уверен в силах Абиссинии. Отсюда сомнение в целесообразности таких санкций на нынешней стадии войны (о военных санкциях Иден не упоминал). Как выйти из положения, Идену, видимо, неясно. В германском вопросе Иден держится мнения, что «фронт Стрезы» не может быть восстановлен, в нем чувствуется также сильное раздражение против Франции. Иден очень хочет побеседовать

* См. т. XVI, прим. 82—84.

с Литвиновым в Женеве и вместе поискать путей к спасению Лиги и коллективной безопасности. Он бросил также фразу, что до отъезда в Женеву, может быть, еще пригласит меня к себе.

7. В ответ на вопрос Идена я сообщил о нашем принципиальном решении вступить в переговоры с Англией по морским вопросам *. Иден встретил мое сообщение с большим удовлетворением.

Майский

Печат. по арх.

143. [Договор между Правительством СССР и Правительством Германии о товарообороте и платежах на 1936 г.]

[29 апреля 1936 г.]

Между Германским Правительством, представленным германским Министром экономики, и Правительством Союза Советских Социалистических Республик, представленным Торговым Представителем СССР в Германии, имели место переговоры об урегулировании товарооборота и платежей между обеими сторонами на 1936 г., приведшие к следующему соглашению:

I

СССР оплатит в золоте или дивизами все обязательства СССР в Германии по векселям, возникшие до 31 декабря 1935 г., срок которых истекает в текущем году и которые еще не погашены до момента заключения настоящего договора.

Германское Правительство, однако, соглашается на то, чтобы Торговое Представительство СССР в Германии использовало суммы в германских марках, выплаченные ему германским Кальцийным синдикатом, общество с ограниченной ответственностью, или которые еще выплачиваются в текущем году, для погашения упомянутых в предыдущем абзаце платежных обязательств СССР.

II

1) Германское Правительство принимает на себя обязательство создать возможность для экспорта следующих советских товаров в Германию:

а) кормовая и столовая чечевица, вика, жмыхи, растительное масло, семена масличных культур, лен, конопля, льняные отходы, асбест, марганцевая руда, апатиты, хромовая руда, минеральное масло, промышленные отходы, содержащие благородные металлы, платина, конский волос, кожи и шкуры,

* См. док. № 139.

щетины, пушнина (причем Советская сторона будет добиваться, чтобы соотношение между сырьем и обработанными товарами составляло 45% к 55%), древесина (за исключением фанеры, которая предусмотрена в абз. «в» настоящей статьи) в объеме максимального фактического ввоза Германии из СССР в 1934 и 1935 гг. плюс 30% по каждому отдельному виду товара.

б) Все прочие советские товары — в размере максимального германского ввоза из СССР в 1934 или 1935 гг.

Далее, Германское Правительство заявляет о своей готовности, если Советская сторона поставит вопрос об увеличении установленного таким образом максимального объема на ввоз отдельных видов товаров, благожелательно рассмотреть такое ходатайство Советской стороны.

2) Германское Правительство примет надлежащие меры для того, чтобы германские компетентные учреждения, ответственные за осуществление девизного контроля, выдавали необходимые девизные сертификаты в указанных выше рамках.

3) К названным в п. 1 товарам относятся только такие товары, которые ввозятся в Германию непосредственно Торговым Представительством СССР в Германии или экспортными организациями СССР и в отношении которых имеется специальный сертификат Торгового Представительства СССР в Германии.

К советским товарам приравниваются также обычно реэкспортируемые в Германию советскими экспортными организациями товары, происходящие из Афганистана, Монголии, Северного и Западного Китая.

III

Обе Договаривающиеся стороны будут стремиться к возможно максимальному расширению товарооборота между ними. СССР соглашается, чтобы суммы в германских марках, полученные в результате советского экспорта в Германию в 1936 г., были употреблены на цели, указанные в ст. IV. Срок распоряжения этими суммами истекает 28 февраля 1937 г.

IV

Вся выручка от продажи советских товаров в Германии в 1936 г., а равно все остальные суммы в германских марках, которые выплачиваются Торговому Представительству СССР в Германии или советским экономическим организациям германскими фирмами, учреждениями или частными лицами в покрытие неоплаченных обязательств по имевшим место ранее сделкам или за иные, нежели товарные сделки, услуги, будет находиться — в пределах Германии — в полном распоряжении Торгового Представительства СССР в Германии для оплаты

товарных поставок и услуг, предоставленных в 1936 г., а также для покрытия накладных расходов и расходов на финансирование в этой связи.

В соответствии с этим из упомянутой выручки могут быть оплачены:

1) товарные поставки в 1936 г.; 2) предоставленные услуги; 3) фрахтование германского судового тоннажа; 4) стоимость железнодорожных перевозок; 5) техническая помощь, монтаж; 6) расходы по транспортировке, страхованию, складированию, приемке; 7) торговые и транспортные комиссионные расходы; 8) пошлины и комиссионные по трансакциям с банками, фирмами-поставщиками и фирмами-закупщиками; 9) суммы на погашение банковских кредитов; 10) скидки по ценам, возмещение убытков и другие виды компенсаций; 11) налоги, пошлины и подобные сборы; 12) выплаты на основании судебных постановлений, включая судебные издержки, оплату адвокатов; 13) разница по текущим счетам; 14) проценты по 200-миллионному кредиту в германских марках согласно соглашению от 9 апреля 1935 г.*

V

Германское Правительство соглашается с тем, что процедура по скользящей шкале цен, осуществляемая германскими торговыми фирмами в экспортных операциях, будет применяться в отношении СССР равным, как и в отношении других стран, образом в том, что касается закупок за наличный расчет, производимых СССР в Германии из названной выше выручки в германских марках в соответствии со ст. IV, абз. 1 и 2.

Германское Правительство употребит свое влияние на компетентные контрольные органы с тем, чтобы применение процедуры скользящей шкалы цен осуществлялось без помех.

VI

Согласовано, что настоящий договор не будет затрагивать права наибольшего благоприятствования, взаимно предоставленного обеими сторонами в советско-германском Экономическом договоре от 12 октября 1925 г. **

Берлин, 29 апреля 1936 г. ***

Д. Канделаки

Яльмар Шахт

Печат. по арх. Олупл. в сб. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». Series C, vol. V. London, 1966, pp. 489—491.

* См. т. XVIII, док. № 172.

** См. т. VIII, док. № 342.

*** 24 декабря 1936 г. состоялся обмен письмами между торгпредством СССР в Германии и министерством экономики Германии о продлении с некоторыми изменениями настоящего договора на 1937 г.

144. Заключительный протокол германо-советских экономических переговоров от 29 апреля 1936 г.

[29 апреля 1936 г.]

I

Нижеследующий договор был подписан и произведен обмен его текстами:

Договор о германо-советском товарообороте и платежах на 1936 г. (германо-советский экономический договор на 1936 г.*).

II

Были вручены данные в приложении нижеперечисленные документы**:

1) Обмен письмами о ведении счетов на основании экономического договора.

2) Обмен письмами о выдаче глобальных векселей во исполнение обязательства СССР о выставлении векселей согласно ст. VI, абз. 1, Соглашения о дополнительных заказах от 9 апреля 1935 г.***

3) Письмо о предоставлении девизных сертификатов на ввоз книг, печатных изданий и почтовых марок.

4) Обмен письмами об оплате германской стороной накладных расходов и расходов по финансированию.

5) Письмо об оказании содействия Торговому Представительству СССР в Германии в деле размещения заказов в Германии.

6) Письмо о распоряжении выручкой, полученной от продажи промышленных отходов, содержащих благородные металлы, или платины в Германии.

7) Обмен письмами о предоставлении автоматически возобновляемого кредита обществу «Гаранти-унд Кредитбанк фюр ден Остен».

Берлин, 29 апреля 1936 г.

Д. Канделаки

Яльмар Шахт

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». Series C, vol. V, London, 1966, pp. 488—489.

* См. док. № 143.

** Не публикуются.

*** См. т. XVIII, док. № 172.

145. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

29 апреля 1936 г.

Потемкии, согласно моей директиве⁷⁵, просил Фландеиа поддержать Ваш демарш*. Фланден обещал сообщить в Лондон, что он поддерживает наш демарш и считает, что упоминание об организации коллективной безопасности на основе взаимной помощи на востоке Европы с участием СССР и Германии может быть истолковано как доказательство безразличия Англии и Франции к этим проблемам, а также как молчаливое предоставление ими Гитлеру свободы действий в указанном направлении.

Литвинов

Печат. по арх.

146. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Польши в СССР Лукасевичем

29 апреля 1936 г.

Лукасевич сообщил, что он передал последний разговор со мною** Беку и имеет теперь поручение от него передать мне следующее. Бек имел в виду обмен мнениями со мною относительно Лиги наций. Это сейчас главный вопрос с точки зрения безопасности, и без выяснения этого вопроса трудно обсуждать какие-либо другие позиции. Бек не предвидит расхождения с нами в вопросе о Лиге наций и готов оставаться в дружественном контакте со мною и по мере надобности обмениваться мнениями.

Я сказал Лукасевичу, что принимаю к сведению его ответ и рассчитываю встретиться с Бекем в Женеве***, где вопрос о Лиге наций уже, вероятно, будет стоять в порядке дня, если не формального, то закулисного обсуждения. Я согласен, что вопрос о Лиге наций занимает сейчас центральное место среди международных проблем, но, по моему мнению, последний год доказал совершенную недостаточность Лиги без отдельных пактов. С другой стороны, если даже Лига наций исчезнет, то тем большее значение придется придавать пактам. Таким образом, тема о пактах является теперь уместной как в случае сохранения, так и исчезновения Лиги или ее реорганизации.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 141, 142.

** См. док. № 134, а также сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 301—302.

*** См. док. № 153.

147. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Афганистане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

29 апреля 1936 г.

На письмо Народного комиссара иностранных дел СССР от 19 февраля 1936 г.⁷⁶ Согласно заключаемым на днях трехлетним договорам между нашей торговой организацией в Афганистане «Совафгаиторгом» и афганскими торговыми обществами⁷⁷ мы освобождаемся здесь от уплаты каких бы то ни было налогов, связанных с торговлей. Эти договоры получают санкцию и самого афганского правительства. В порядке взаимности и «Совафгаиторг» взял на себя обязательство, что представители афганских обществ в СССР (в Кушке, Керках и Термезе) не будут подвергаться никаким налогам по купле и продаже товаров. Таким образом, предлагаемые Вами соглашения о взаимном освобождении торговых фирм и налогов здесь уже имеются. Надо только, чтобы наши финансовые органы учли это в отношении представителей афганских шеркетов в озабоченных пунктах.

Что касается представителей купцов, находящихся в тех же пунктах, торгующих с нами некоторыми товарами, помимо афганских торговых обществ, то обложение их не вызовет здесь обложения «Совафганторга» в силу вышеуказанного соглашения.

Поверенный в Делах СССР
в Афганистане
Сычев

Печат. по арх.

148. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Шн Люй-бэню

6 мая 1936 г.

Господин Особый агент,

Я уже имел честь неоднократно как устно, так и письменно обращать Ваше внимание на то, что маньчжурские власти разрешают и поощряют подготовку и организацию белогвардейскими элементами регулярной вооруженной силы и различного рода банд для вооруженных и диверсионных выступлений против Советского Союза. Я позволю себе напомнить Вам, г. Особый агент, хотя бы мое письмо от 8 октября прошлого года⁷⁸ по поводу деятельности белогвардейцев и, в частности, по поводу организации в Харбине «управлением союза дальневосточных военных в Маньчжоу-Го» военного училища для русской эмигрантской молодежи. К моему глубокому сожалению,

указанная деятельность белогвардейских организаций все расширяется. В качестве иллюстрации я приведу лишь пару примеров, отнюдь не являющихся единичными и случайными.

Так, по полученным мною сведениям, при встрече прибывшего 22 апреля с. г. в Харбин командующего Квантунской армией генерала г. Уэда принимали участие два русских белогвардейских отряда, вооруженных даже винтовками.

Далее, в местной белогвардейской газете «Наш путь» от 29 апреля с. г. за № 106 (869) на страничке № 4 «Голос военных — двухнедельный орган дальневосточного союза военных при бюро по делам российских эмигрантов» опубликован «приказ начальника дальневосточного союза военных в Маньчжурской империи» от 20 марта с. г., подписанный «числящимся по забайкальскому казачьему войску генералом от кавалерии Кислицыным» и «начальником штаба генерального штаба генерал-майором Сальниковым», о сформировании при «штабе дальневосточного союза военных» белогвардейской офицерской роты, включающей стрелковые, пулеметные взводы и взвод управления (копия приказа, опубликованного в указанной белогвардейской газете, при сем прилагается*), причем приказ этот не скрывает прямо направленной против СССР цели организации указанного белогвардейского отряда.

Эти факты являются новыми и неоспоримыми доказательствами организации на территории Маньчжурии, при непосредственном участии маньчжурских властей, вооруженных белогвардейских отрядов, что является прямым нарушением Пекинского и Мукденского соглашений 1924 г.**, обязательность которых для Маньчжоу-Го бесспорна, поскольку само маньчжурское правительство в свое время декларировало обязательность для него выполнения касающихся его международных обязательств Китая***.

Протестуя против этого, я ожидаю Ваших сообщений о принятых Вами мерах к недопущению впредь существования на маньчжурской территории белогвардейских отрядов и банд и к прекращению указанной деятельности белогвардейцев, направленной во вред нашим отношениям и делу укрепления мира.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, господин Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР
в Харбине
М. Славцкий

Печат. по арх.

* Не публикуется.

** См. т. VII, док. № 156, 222.

*** См. т. XV, прим. 97.

149. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в
Японии с Министром Иностранных Дел Японии Арита *

9 мая 1936 г.

Я (с т. Родовым) у г. Арита. Сделал ему от имени Советского правительства нижеследующее заявление:

«1. Советское правительство согласно на ведение в Токио переговоров о составе и статуте пограничных комиссий по разбору конфликтов на основе врученного мною г. Хирота 17 августа 1935 г. проекта **, а также о составе и статуте комиссии по редемаркации советско-маньчжурской границы между оз. Ханка и р. Тумынь.

2. В соответствии с этим Советское правительство согласно на учреждение специальной смешанной комиссии для рассмотрения конфликтов на участке границы между оз. Ханка и р. Тумынь и комиссии по редемаркации на этом же участке границы.

3. Так как японское правительство, несмотря на уже давно достигнутую принципиальную договоренность между сторонами и несмотря на неоднократные напоминания советской стороны, до сих пор еще не дало ответа на врученный г. Стомоныковым г. Ота 9 марта с. г. проект *** положения о комиссии по расследованию инцидента 30 января ****, и вследствие этого комиссия до сих пор еще не создана, Советское правительство в соответствии с п. 1 моего заявления от 27 апреля ***** предлагает, в изъятие ст. 1 нашего проекта от 17 августа 1935 г., установить специальную комиссию в соответствии с переданным г. Ота проектом, которая займется также рассмотрением такого важного конфликта, как вышеуказанный от 30 января, и коей должно быть поручено рассмотрение других конфликтов, имевших место на этом участке границы.

4. Советское правительство считает необходимым еще раз подчеркнуть, что, как это было мною уже заявлено раньше, оно согласно на редемаркацию границы от оз. Ханка до р. Тумынь лишь при условии одновременного создания указанной в п. 2 комиссии по разбору пограничных конфликтов на этом участке границы и при условии продолжения переговоров об образовании пограничных комиссий по урегулированию конфликтов и на всех других участках советско-маньчжурской границы, на что г. министром было уже дано его согласие.

При этом, само собой разумеется и как об этом заявил ми-

* Из дневника К. К. Юренина за период с 16 апреля по 11 июня 1936 г.

** См. т. XVIII, прим. 187.

*** См. док. № 75.

**** См. док. № 31.

***** См. док. № 140.

нистр, японской стороной будет создана на границе обстановка мира и спокойствия. Далее, Советское правительство имеет в виду, что через некоторое время после того, как будет создана определенная практика работы и упомянутая мною смешанная комиссия закончит разбор наиболее важных конфликтов, имевших место до сего времени, эта комиссия будет, по договоренности с японским правительством, заменена нормального типа пограничными комиссиями, предусмотренными ст. 1 советского проекта от 17 августа 1935 г.».

Арта попросил у меня разъяснения по поводу п. 3. Я ответил, что в нем лишь конкретно разввняется п. 2 моего положения, что создаваемой комиссией по конфликтам будет поручено урегулирование пограничных инцидентов на восточной части границы, а также рассмотрение конфликта от 30 января и других имевших место на указанном участке границы конфликтов.

Арта ответил, что он меня понял.

Я сказал, что если министр согласен с нами и примет п. 4 положения, то мы можем уже сейчас приступить к конкретным переговорам, в ускоренном конх был так заинтересован министр. При этом я сказал, что с нашей стороны практические разговоры будет вести советник посольства т. Райвнд.

Арта ответил, что изучит наше предложение и даст ответ* (он весьма спешил).

Как будто дискуссия по поводу моего вышензложенного заявления не было. Дело в том, что фактически наша беседа продолжалась не более 45 минут — Арта опоздал.

Выполняя указание НКВД, я сделал Арта заявление о том, что в японской прессе систематически появляются извращенные сведения о дипломатических переговорах, и дал ему дополнительную справку к моим аргументам от 4 мая по вопросу о прекращении Маньчжоу-Го выплат бывшим служащим КВЖД⁷⁹. На одно из моих заявлений Арта не реагировал.

Юрнев

Печат. по арх.

150. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссарнат Иностраных Дел СССР

*Немедленно
9 мая 1936 г.*

Журнал карельского академического общества «Проснись, Финляндия» помещает передаваемое сегодня ТАСС антирусское воззвание. Даже в условиях Финляндии содержание — не-

* См. док. № 172.

слыханно оскорбительное для русского народа. Газеты «Свенска прессен» и «Социал-демократен» удивляются наглости финских фашистов и их безнаказанности. Прошу разрешения заявить резкий протест по этому поводу, потребовать привлечения виновных к ответственности. При этом хочу заявить, что мы удивлены тем, что финляндское правительство совершенно не обращает внимания на систематические оскорбления СССР и тем самым их поощряет. Протест хотелось бы заявить не позднее 11 мая днем, ибо вечером этого дня приглашен на торжественный обед, даваемый правительством в честь глав дипломатии. Не следует ли мне демонстративно уклониться от посещения этого обеда ⁸⁰.

Полпред

Печат. по арх.

151. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

11 мая 1936 г.

Сегодня у меня был Поль-Бонкур. Он был сдержан, так как не уверен в своем участии в правительстве Блюма. В качестве личного мнения он соглашался со мной по вопросам, касающимся Италии, а также Германии. Лично он стоит за расширение пактов взаимной помощи, если не до европейских пределов, то с включением всех тех европейских государств, которые пожелают в этом участвовать. Он имеет в виду в первую очередь Францию, СССР, Польшу, Малую Антанту и Прибалтику, а если возможно, то и Англию, и Италию. Пакты обязательно должны сопровождаться военными конвенциями с разработкой действительной военной меры взаимной помощи. Он очень сокрушается по поводу отсутствия советско-французской военной конвенции, иначе он не видит, какую помощь мы можем оказать Франции, если Польша возражает против пропуска наших войск не только через Польшу, но и через Литву. Он должен был согласиться со мной, что пакт тем не менее дает больше выгод Франции, чем нам.

Литвинов

Печат. по арх.

152. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Валентино

11 мая 1936 г.

1. Валентино сообщает, что ему поручено довести до сведения Советского правительства текст итальянского декрета об аннексии Абиссинии*, и вручил мне текст его. Министерство

* См. газ. «Известия», 11 мая 1936 г.

иностранных дел в своей инструкции отмечает, что такое решение вопроса является наиболее логичным. Абиссинского правительства после бегства негуса больше не существует. Население занятых италийцами областей спонтанно стало на сторону италийцев. Валентино считает поэтому, что абиссинской проблемы больше не существует. Я ответил, что принимаю врученный мне им текст декрета. Само собой разумеется, что отношение Советского правительства к акту италийского правительства будет определено впоследствии*.

2. На вопрос Валентино о том, имею ли я какие-либо новости из Женевы, я ответил, что М. М. [Литвинов] еще ничего не сообщал. Судя по сообщениям печати, обсуждение итало-абиссинского конфликта будет отложено на некоторое время. Валентино считает, что это было бы крайне нежелательным, ибо означало бы, что санкции пока что остаются в силе.

3. Валентино сообщает, что по сведениям, полученным им из Рима, англичане предполагают поставить уже на этой сессии Совета Лиги наций вопрос о реорганизации Лиги. Имеется в виду отделение Устава Лиги наций от Версальского договора и заключение четырех региональных пактов: западного, восточного, дунайского и дальневосточного. Кроме того, предполагается создать комитет по разоружению.

Я ответил, что в Англии действительно усилилось течение в пользу реорганизации Лиги наций, но мне кажется невероятным, чтобы этот вопрос мог быть поставлен англичанам уже на этой сессии Лиги наций.

4. В связи с просьбой Валентино дать оценку международной обстановки я сказал, что последняя отнюдь не располагает к оптимизму. Во всяком случае европейское положение представляется сейчас значительно менее благоприятным, нежели это могло казаться до разрыва Локарнского договора и, в частности, во время лондонских бесед**, имевших место в связи с похоронами английского короля. Можно опасаться, что Германия, действия которой до сих пор остались безнаказанными, решится на новые агрессивные действия, которые в дальнейшем уже выйдут за пределы германской территории. Мне кажется поэтому несколько необоснованным оптимизм, проявленный как будто Валентино в беседе с г. Нейманом⁸¹ по вопросу об аншлюсе. Я скорее склонен считать, что угроза аншлюса усилилась.

Валентино заявляет, что германская угроза Австрии действительно очень велика, и если он проявил известный оптимизм, то только в том смысле, что, по его мнению, аншлюс не является делом ближайших дней, но он должен признать, что в

* См. док. № 206.

** См. док. № 32, 42.

Риме очень обеспокоены положением. На итальянское правительство произвело серьезное впечатление, в частности, следующее обстоятельство: в Германии издан приказ, по которому лицам в военной форме запрещено приближаться к границам Германии с рядом иностранных государств ближе чем на 5 км. В приказе перечислены все пограничные с Германией государства, за исключением Австрии.

На мой прямой вопрос, что сделает Италия, если в Австрии произойдет национал-социалистский путч или если германские войска перейдут границу, Валентино ответил, что позиция Италии идентична той, которая была занята ею в 1934 г. после убийства Дольфуса *. Он признает, что соотношение сил сейчас изменилось. Германия в настоящее время значительно сильнее, нежели она была в 1934 г., но, по его мнению, и Италия, несмотря на войну в Восточной Африке, значительно более вооружена в Европе, нежели в прошлом. Поэтому он склонен считать, что Германия все же не решится захватить Австрию.

Валентино обеспокоен возможностью английских интриг против Италии в австрийском вопросе. Он учитывает, что Англия будет стараться наносить Италии удары, где только возможно. То обстоятельство, что английские планы организации безопасности предусматривают также укрепление независимости Австрии, расценивается им, однако, как показатель того, что Англия не решится толкнуть Гитлера на осуществление аншлюса. Тем не менее положение носит угрожающий характер.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

153. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы **

13 мая 1936 г.

Посетивший меня сегодня Бек выражал удовлетворение по поводу схождения нашей линии в отношении санкций. На частном совещании Совета Лиги наций мы оба действительно стремились к выяснению взаимоотношений Совета с Италией. Далее при обозрении международного положения Бек ходил вокруг да около крупных вопросов, подчеркнув лишь смягчение польско-германских отношений и отсутствие в Германии антипольской пропаганды. Его интересует вопрос о реорганизации Лиги, и он предлагает нам обоим обдумать этот вопрос

* См. т. XVII, док. № 281.

** Копия телеграммы направлена в полпредство СССР в Польше.

и время от времени, по мере назревания мыслей, делиться друг с другом через послов. Я сказал ему, что мнения по этому поводу уже начинают выкристаллизовываться. Выявляются два течения: одно за ослабление, другое за укрепление Лиги. Все сторонники укрепления приходят к заключению, что единственным средством являются региональные пакты взаимной помощи, и ничего другого пока никто не предлагает. Я предлагал Беку, если у него еще нет мнения на этот счет, подумать и в дальнейшем мне сообщить*, тем более что наше мнение давно известно. Цель визита,— очевидно, получить возможность говорить в Варшаве о нашей согласованной работе в Женеве и о начатом обмене мнениями⁸², что должно вводить в заблуждение противников одностороннего сближения Польши с Германией, ничего не меняя по существу в политике Бека**.

Литвинов

Печат. по арх.

154. Нога Полномочного Представителя СССР в Великобритании Министру Иностранных Дел Великобритании Идену

13 мая 1936 г.

Сэр,

Вступая, по предложению Правительства Его Величества, в переговоры с целью заключения англо-советского морского соглашения согласно положениям трехстороннего Морского соглашения, заключенного между Соединенным Королевством, Соединенными Штатами Америки и Францией 25 марта 1936 г.***, советская делегация**** уполномочена своим Правительством заявить следующее:

Союз Советских Социалистических Республик всегда стоял и продолжает стоять на точке зрения всеобщего и полного разоружения или максимального ограничения вооружений, включая морские вооружения; однако, поскольку указанные государства пока еще не готовы согласиться на разоружение или на существенное ограничение вооружений, Союз Советских Социалистических Республик вынужден содержать флот, достаточный как по тоннажу, так и по качеству для защиты своих берегов.

* См. док. № 254.

** См. также док. № 108, 156; сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 305—307.

*** См. док. № 63, а также газ. «Известия», 26 марта 1936 г.

**** См. док. № 155.

В то же самое время Союз Советских Социалистических Республик не может не принимать во внимание два важных обстоятельства:

Во-первых, Союз Советских Социалистических Республик вынужден учитывать тот факт, что флот бывшей Российской империи, который достигал в 1917 г. по общему тоннажу 710 тыс. т, был во время гражданской войны и иностранной интервенции 1918—[19]21 гг. в его основной части или потоплен, или поврежден, или продан бывшими царскими генералами и адмиралами и безвозвратно угнан за границу. Известно, например, что Советское Правительство было вынуждено в свое время, ввиду опасности захвата Черноморского флота кайзером Германии, потопить часть этого флота. Известно также, что Тихоокеанский флот был угнан царским адмиралом Старком в Соединенные Штаты Америки и продан там. Таким же образом остатки Черноморского флота были частично проданы царским генералом Врангелем, а частично уведены в Бизерту и не были возвращены Союзу Советских Социалистических Республик. Советский Союз, таким образом превратившись, что касается морского флота, в самую слабую державу, не может, конечно, оставаться в таком состоянии и вынужден заботиться о создании флота, способного защищать его морские берега.

Во-вторых, Союз Советских Социалистических Республик учитывает тот факт, что моря Союза Советских Социалистических Республик отделены друг от друга, линии коммуникаций между ними проходят через иностранные моря и базы, в результате чего они являются изолированными морями, требующими для защиты побережья Союза Советских Социалистических Республик наличия отдельных флотов.

Эти обстоятельства являются основной причиной поправок*, которые были предложены Союзом Советских Социалистических Республик к тексту трехстороннего лондонского Морского соглашения от 25 марта 1936 г.

Помимо этого, Союз Советских Социалистических Республик резервирует за собой право не считать себя связанным теми положениями этого соглашения, которые относятся к ограничениям в отношении судов и в отношении обмена информацией в том, что касается всех его дальневосточных морских сил, до тех пор, пока между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией не будет заключено особое соглашение по этому вопросу.

И наконец, Союз Советских Социалистических Республик будет считать себя связанным положениями данного морского

* Содержание поправок изложено в док. № 160; см. также прим. 74.

соглашения только в пределах, в которых Германия возьмет на себя подобные обязательства.

Прошу принять, сэр, выражение моего высокого уважения.

Печат. по арх.

Майский

155. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситтартом

13 мая 1936 г.

1. Я вручил Ванситтарту две ноты: большую ноту от имени Советского правительства по вопросу о морских переговорах * и маленькую вербальную ноту, информирующую форин офис, что я и т. Чикунский назначены в качестве советских представителей в предстоящих морских переговорах. Ванситтарт быстро пробежал обе ноты и заявил, что не хочет сейчас высказываться по ноте Советского правительства, так как она подлежит предварительному рассмотрению экспертов форин офиса и адмиралтейства. Он сделал, однако, три коротких замечания. Во-первых, дойдя при чтении ноты до фразы, в которой Советское правительство заявляет, что оно было и является сторонником полного разоружения, Ванситтарт усмехнулся и бросил: «Ну это звучит сейчас уже несколько академически. Кто в наши дни думает о разоружении?». Я ответил, что, несмотря ни на что, Советское правительство продолжает стоять на базе полного разоружения и что оно готово было бы осуществить такое разоружение в любой момент, когда другие державы на это согласились бы. Во-вторых, коснувшись оговорок, относящейся к Дальнему Востоку, Ванситтарт заметил: «Эта оговорка понятна». В-третьих, указывая на ту часть ноты, которая характеризует причины, вызвавшие искусственное сокращение размеров советского флота после мировой войны (Врангель, Старк и т. д.), Ванситтарт сказал: «Да, мы, конечно, понимаем, что вы должны увеличивать свой флот». Затем Ванситтарт сообщил мне, что наша нота будет передана Крейги, который уведомит меня, когда и с кем можно будет начать переговоры.

2. Покончив с морскими делами, Ванситтарт перешел к делам политическим. Спросил, что слышно от Литвинова из Женевы. Я ответил, что Литвинов смотрит без большого оптимизма на нынешнюю ситуацию. Ванситтарт с этим вполне согласился и заговорил об Италии. Поведение Муссолини приводит его в отчаяние. Он, Ванситтарт, как мне должно быть известно, в свое время являлся большим сторонником «фронта

* См. док. № 154.

Стрезы». Он считал, что для борьбы с той главной опасностью, которая угрожает миру в Европе (надо было понять — с Германией), очень важно содействие Италии. Именно исходя из этих соображений, в конце прошлого года он поддерживал план Хора — Лавалья *. Европе не под силу иметь сразу дело с двумя агрессорами. Надо было «нейтрализовать» одного для того, чтобы иметь возможность принимать какие-либо эффективные меры против другого. Но судьба плана Хора — Лавалья известна. Он не хочет к этому сейчас возвращаться. Ванситтарт рассчитывал, однако, что, если и когда Муссолини одержит победу, он обнаружит известные гибкость и мудрость в ликвидации войны. Он надеялся, что Муссолини согласится облечь завершение абиссинской кампании в такую форму, чтобы оно было хотя бы в какой-либо мере приемлемо для Лиги наций и для общественного мнения Великобритании. К сожалению, Муссолини закусил удила, объявил аннексию Абиссинии и провозгласил короля итальянского императором вновь созданной африканской империи. Это делает совершенно невозможным какой-либо сговор с ним, по крайней мере в ближайшее время. Кроме того, употребление ядовитых газов вызвало в Англии такую широкую волну массового возмущения, что о каком-либо примирении между Великобританией и Италией в недалеком будущем говорить не приходится. Вот почему Ванситтарт считает, что надежды на восстановление «фронта Стрезы» в непосредственном будущем нет. Этот фронт, конечно, может еще восстановиться позднее в случае новых и ярких актов агрессии со стороны Германии, особенно если в дальнейшем Италия сильно понадобятся деньги, но пока о «фронте Стрезы» как о политической реальности говорить нельзя.

3. Я спросил Ванситтарта, насколько верны слухи о том, что британское правительство подготавливает проект какой-то реформы Лиги наций. Ванситтарт стал это отрицать. Он вспомнил Табуи, которая недавно приписывала ему, Ванситтарту, даже совершенно определенный проект такой реформы, и категорически опроверг сообщение Табуи. При этом он выдвинул такую мотивировку: прежде чем составлять проект реформы, нужно знать по крайней мере основные линии этой реформы, но таких основных линий ни у британского правительства, ни у британских политических кругов пока еще нет. Все находится в брожении. Ситуация крайне неясная. Рано или поздно все утрясется и какие-то линии выкристаллизуются, но сейчас таковых еще нет. Я спросил Ванситтарта: но в каком все-таки направлении идет процесс развития? В сторону укрепления Ковенанта и Лиги наций или же в сторону их

* См. газ. «Известия», 15, 20 декабря 1935 г.

ослабления? В сторону признания неделимости или в сторону признания «западной безопасности»? В ответ Ванситтарт пожал плечами и сказал, что пока он не решился бы делать никаких прогнозов. Он сослался при этом на колонку писем в редакцию «Таймс», где ежедневно происходит дискуссия по всем текущим политическим вопросам между сторонниками самых разнообразных воззрений. Эта кололика, по словам Ванситтарта, довольно хорошо отражает господствующий сейчас в политических кругах разброд. В общем у меня получилось впечатление, что Ванситтарт сейчас не хочет ангажироваться ни в одном направлении. Видимо, проект «западной безопасности» находит большую поддержку в правительственных кругах.

4. Я поинтересовался, что Ванситтарт думает о ближайших намерениях Германии. Ванситтарт сразу сильно обеспокоился и заявил, что, по всей вероятности, ближайшим объектом германской агрессии будет Австрия или Чехословакия и что вообще, если вовремя не будут приняты соответствующие меры, придется ожидать возникновения «Серединной Европы» под гегемонией Гитлера. Это очень опасная перспектива, и все государства, заинтересованные в европейском мире, должны уже сейчас отдать себе ясный отчет в открывающихся перспективах. В связи с этим Ванситтарт сел верхом на своего конька и стал жаловаться на малые и средние державы, которые сами не хотят вооружаться (в частности, он горько сетовал на Голландию, Швецию, Данию), но требуют, чтобы великие державы взяли на себя все бремя охраны европейского порядка. Так дело не пойдет. Уже сейчас создается такое положение, когда некоторые страны, формально сохраняя свою независимость, фактически являются германскими вассалами, например Дания. «Разве г. Мунк, — с усмешкой продолжал Ванситтарт, — решится не только сделать, но даже сказать что-нибудь такое, что могло бы вызвать хотя бы легкую тень неудовольствия в Берлине?». Все державы — великие и малые — должны нести свою долю ответственности, свою долю жертв для сохранения мира и порядка в Европе. Я тогда не без легкого ехидства спросил Ванситтарта: думает ли он, что его страна полностью осознает опасность положения? Думает ли он, что Англия на все 100% выполняет свои обязательства перед Европой? Ванситтарт поперхнулся, слегка смутился и вновь вернулся к теме о том, что в политических кругах Великобритании пока царит сильный разброд, но что в недалеком будущем, как он надеется, наступит некоторое изменение к лучшему.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

156. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с руководителями крестьянской партии

13 мая 1936 г.

У меня на завтраке Ратай, Лядось и Тенненбаум. От нас присутствуют гг. Николаев и Александров*.

Разговор носил дружественный характер, перебегая с темы на тему. Отмечаю лишь самое существенное. Ратай подчеркнул, что крестьянская партия проводит сейчас массовые митинги по всей стране. Такие митинги будут еще иметь место 31 мая, которое является Днем крестьян. На мой вопрос, какие темы главным образом ставятся на этих митингах и что особенно интересует крестьян, Ратай ответил, что крестьяне очень интересуются международными вопросами. Затем он подчеркнул, что по предложению руководства партии на этих митингах принимаются резолюции, требующие улучшения отношений с СССР, а также против прогерманской политики польского правительства. В общем, в процессе высказываний Ратай указывал, что партия продолжает по-прежнему считать необходимым улучшение отношений с СССР и что она против прогерманского курса внешней политики Польши. Лядось и Тениенбаум меня спросили, верно ли то, что в последнее время отношения между СССР и Польшей улучшились и что заметны какие-то сдвиги. Я ответил отрицательно, указав, что объективных фактов подобного рода не имеется, и охарактеризовал наши отношения лишь как корректно дипломатические.

Что касается внутренней политики, то Ратай оценивает внутреннее положение как очень тяжелое во всех отношениях. Крестьянская партия по-прежнему резко оппозиционна правительству. Ни о каком сотрудничестве речи быть не может. Отношения с ППС дружественны, однако формального блока не существует.

Давтян

Печат. по арх.

157. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Албании с принцем Салихом**

14 мая 1936 г.

Сегодня вр. и. о. министра иностранных дел министр национальной экономики Берати с женой устроили для меня чай, на котором присутствовал министр народного просвещения,

* Соответственно первый и второй секретари полпредства СССР в Польше.

** Из дневника М. В. Кобецкого за период с 7 по 27 мая 1936 г.

министр общественных работ, министр внутренних дел и министр финансов, а также принц Салих с адъютантом.

Принц, молодой офицер, только что окончивший военную школу в Сен-Сире, с большой симпатией расспрашивал меня о наших достижениях. Он кое-что читал о Красной Армии, которую считает лучшей в мире. Он особенно восторгался парашютизмом у нас. Обращаясь к присутствующим, он сказал, что Советская Россия — самая передовая в мире страна в области культуры, сельского хозяйства, промышленности и обороны. Он видел на королевских похоронах в Лондоне т. Литвинова. Он, принц Салих, позаботился о том, чтобы албанский министр иностранных дел представил т. Литвинова болгарскому царю Борису. Салих считает, что нам следовало бы иметь постоянного посланника в Тиране. Албания была бы нам очень благодарна, если бы мы оказали ей эту честь. Салих говорил, что неприязнь нас Югославией, несомненно, объясняется личными чувствами покойного короля Александра и нынешнего регента принца Павла, но оно противоречит симпатиям югославского народа и интересам югославского государства. Салих интересовался моими впечатлениями об Албании.

Я обещал прислать Салиху все, что издаю у нас в Союзе о Красной Армии на французском языке.

М. Кобецкий

Печат. по арх.

158. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком *

18 мая 1936 г.

Был у Муика. 1. Об общем международном положении. Дело сейчас, по словам Мунка, в том, что все ждут нового французского правительства. Малые державы (семерка) относятся к вопросу об усилении обязательств, налагаемых Ковенантом на членов Лиги наций, или об ослаблении их в зависимости от единодушия или разногласия среди великих держав; решающие державы в Лиге наций, по его словам, — Франция, Англия и СССР. На мой вопрос о проекте Кута о заключении воздушного пакта **, включающего в себя скандинавов, Финляндию, Францию, Англию, Германию и СССР, он ответил, что никаких конкретных предложений от норвежского правительства по этому поводу датчане не получили. Я указал Мунку на то, что Германия вообще против коллективных пактов, и особенно против участия в них СССР. Мунк, между прочим, рассказал мне, что к нему явился с протестом

* Из дневника Н. С. Тихменева за период с 10 мая по 7 июня 1936 г.

** См. док. № 122.

германский поверенный в делах по поводу того, что «Политикен» в числе стран, стремящихся к сохранению мира, назвала Францию, Англию и СССР и не упомянула Германию. Мунк рассказывал об этом с улыбкой. 2. О наших торговых делах. Мунк обещал поторопить их движение и сослался на предположение о введении нового порядка выдачи валют-аттестов на хлебпродукты с указанием страны, а также на наши дорогие цены на лес, дорожке будто бы шведских*. 3. Я пожаловался Мунку на систематическую антисоветскую кампанию «Социал-демократена», указав также и на карикатуры на т. Сталина в номере этой газеты от 15 апреля 1936 г. и в первомашком социал-демократическом листке, озаглавленном «Наша борьба». Мунк обещал поговорить со Стаунингом**.

Полпред СССР в Дании
Н. Тихменев

Печат. по арх.

159. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поликомочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу

19 мая 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Судя по всей имеющейся у нас информации, влияние японской военщины на японское правительство усилилось за последние три месяца, несмотря на неудачу февральского путча в Токио²⁹. Это усиление, по всей видимости, привело к победе линии на расчленение Китая, которую японская военщина защищала всегда против линии японского мииндела, настаивавшего на разрешении китайской проблемы посредством переговоров с наикинским правительством. С одной стороны, переговоры с Чан Кай-ши³⁰ почти замерли, а с другой стороны, японская военщина готовится и частично уже проводит на деле оккупацию Северного Китая и объединение Сун Чжэюаня с Инь Жу-гэном***, т. е. фактическое распространение на весь Хэбэй и Чахар того режима, который существует у Инь Жу-гэна. Одновременно проводится акция в Фуцзяни****.

Огромное значение при проведении этой политики «освоения» Китая по частям имеет проводимая под защитой японских вооруженных сил грандиозная контрабанда в Китае. Этой контрабандой японская военщина «убивает сразу нескольких

* См. док. № 211.

** Премьер-министр Дании.

*** Соответственно председатель Хэбэй-Чахарского политического совета и глава марионеточного «восточно-хэбэйского автономного правительства».

**** См. газ. «Известия», 20 апреля, 21 мая 1936 г.

зайцев»: 1) сводит на нет значение финансовой реформы как фактора объединения и укрепления Китая в борьбе с Японией. Поскольку таможенные доходы являются основой нанкинского бюджета, эта беспримерная по своим размерам контрабанда подрывает самые основы могущества и существования центрального китайского правительства; 2) разрушает китайскую промышленность; 3) меняет соотношение между импортом из Японии и Англии и других стран в пользу Японии и тем самым заинтересовывает все более широкие японские круги в той авантюристической политике, которую они ведут в Китае.

2. Проводимая таким образом политика разрушения Китая как централизованного государства объективно толкает Чан Кай-ши и нанкинское правительство на путь сопротивления Японии. Можно поэтому ожидать дальнейшего усиления тяги к СССР не только среди китайской общественности, но также и в правящих кругах Китая.

За последнее время мы получаем по разным линиям сведения о подготовке Чан Кай-ши даже вооруженного сопротивления Японии. Я думаю, что он действительно проводит такие приготовления на всякий случай, но что главной линией его продолжает быть стремление выиграть время в надежде на улучшение для Китая международной ситуации и на получение помощи извне, прежде всего от Англии, Соединенных Штатов и Лиги наций. Одновременно, конечно, он хотел бы поддерживать наилучшие отношения с СССР в надежде воспользоваться будущей советско-японской войной, которая, конечно, является основной надеждой и Чан Кай-ши, и многих китайцев.

3. Возникший по случаю заключения советско-монгольского протокола * «конфликт» Китая с нами ** в настоящее время можно считать уже ликвидированным.

4. Рекомендуемое Вами принятие предложения Чан Кай-ши положить в основу советско-китайских отношений декларацию Сунь Ят-сена — Иоффе я считаю неправильным⁸³. Основой этой декларации было признание со стороны Иоффе неприменимости к Китаю советского строя и коммунистической организации. Вы сами понимаете, что подтверждение нами этого тезиса, — а Чан Кай-ши не преминул бы, конечно, широко распубликовать это, особенно в тех районах, где борются китайские красные армии, — было бы поистине ударом ножом в спину героической китайской компартии и китайским красным армиям. Такое предложение для нас, конечно, недискутабельно.

* См. док. № 78.

** См. газ. «Известия», 9 апреля 1936 г.

По разным линиям до нас доходят сведения об успехах движения за единый фронт в Китае и, в частности, о фактическом перемирии между войсками Чжан Сюэ-ляна * и Красной армией ⁸⁴. Я очень просил бы Вас попытаться ближайшей почтой дать нам возможно более подробную и проверенную информацию по этим важным вопросам.

5. Я вполне согласен с теми предложениями, которые Вы высказываете в Вашем письме от 23 марта по вопросу о наших отношениях с Кантоном ⁸⁵. Впрочем, эти отношения после внезапной смерти Ху Хань-миня ** могут претерпеть изменения, которые в данный момент трудно предусмотреть. Кстати, я прошу Вас в следующем письме остановиться на значении смерти Ху Хань-миня для внутреннего развития в Китае ⁸⁶. Несмотря на всю враждебность Ху Хань-миня к нам, я склонен, на первый взгляд, думать, что исчезновение его отразится неблагоприятно, с нашей точки зрения, на этом развитии.

6. Большое впечатление произвела на нас подробная информация г. Саратовцева *** относительно грандиозного успеха выставки советской графики в Китае. Этот успех подтверждает, какую благодарную почву находит работа по культурному сближению с Китаем. Полпредству необходимо и дальше проявлять инициативу и энергию в этом отношении, конечно, избегая крайностей, которые могли бы, с другого конца, принести нам больше вреда, чем пользы.

7. Вновь прошу Вас усилить информацию о внутреннем положении в Китае, которая представляет все более и более настоящие захватывающий интерес ⁸⁷.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

160. Телеграмма Полиомочного Представителя и Военно-Морского атташе при Полпредстве СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел и Народный Комиссариат Оборонь СССР

*Немедленно
20 мая 1936 г.*

Сегодня на состоявшемся первом заседании по морским переговорам с английской стороны присутствовали Крейгн (помощник Ванситарта) и Филиппс (начальник планового отдела адмиралтейства) с двумя секретарями. Во время двух-

* Заместитель командующего группой войск в Северном Китае.

** Председатель так называемого Юго-Западного политического совета.

*** Первый секретарь полпредства СССР в Китае.

часовой беседы выяснилось, что в нашей ноте * оговорка относительно Германии не вызывает возражений со стороны англичан, но зато оговорка в отношении Дальнего Востока встречает с их стороны сильное сопротивление. Признавая по существу ее обоснованность, англичане, однако, выдвинули следующие возражения: 1. Эта оговорка может стать опасным прецедентом и дать повод другим державам пойти по тому же пути, в результате чего лопнет надежда на всеобщий морской договор (см. п. 4). 2. Если по крайней мере часть судов, предназначенных для дальневосточных вод, будет строиться на верфях европейской части СССР, то это будет фактически означать, что мы можем иметь в европейских водах в каждый данный момент суда, не подходящие под типы и лимиты, установленные соглашением. 3. По мнению англичан, ст. 25 договора (эскалаторная) дает нам все или почти все те технические преимущества, которые мы ищем в своей оговорке, если СССР не собирается взять на себя инициативу по постройке судов внелимитных типов независимо от того, будет ли Япония строить такие суда или нет. 4. Англичане считают, что СССР, настаивая на своей оговорке и в то же время не имея почти никаких технических преимуществ, подвергает себя риску быть обвиненным в срыве общего морского соглашения, которого англичане рассчитывают добиться несколько позже как результат целого ряда частичных договоров. Крейги лично высказал убеждение, что Япония на практике будет придерживаться договорных лимитов и что позднее она присоединится к соглашению.

Из всех рассуждений англичан ясно, что над ними довлечет мысль о Германии: если будет принята наша оговорка насчет Дальнего Востока, Германия будет настаивать на каких-либо оговорках для себя. В заключение Крейги сделал предложение изменить соответствующую часть нашей ноты в том смысле, что наша оговорка в отношении Дальнего Востока входит в силу, если Япония на практике станет нарушать договорный лимит. Наша делегация возражала против аргументов и предложений англичан, подчеркивая в то же время миролюбивые стремления СССР. Никакого соглашения не произошло, причем Крейги довольно явственно намекнул, что британскому правительству трудно будет подписать договор, если мы будем категорически настаивать на своей оговорке **. Следующее заседание состоится 25 мая⁸⁸. Трех технических поправок к тексту мы пока не оглашали.

*Майский,
Чикунский*

Печат. по арх.

* См. док. № 154.

** См. док. № 164.

**161. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Б. С. Стомонякову**

20 мая 1936 г.

Многоуважаемый Борис Спиридонович,

1. Последняя неделя наглядно показала, что предвыборная борьба в Финляндии будет вестись вокруг лозунгов вооружений и антисоветской агитации. Коалиционеры понемпогу снимают свои разногласия с лапуасцами. А последние во главе с карельским академическим обществом, объективно говоря, встали сейчас во главе движения за оборону страны и возглавляют военный психоз, охвативший Финляндию. Фашисты нашли то, что им нужно — лозунг обороны Финляндии от «советской опасности». Карельское академическое общество издало невиданным в Финляндии тиражом в 200 000 экземпляров брошюру «Отечество в опасности», направленную против нас. Газеты всех направлений, кроме эсдеков, встретили брошюру одобрительно. Большую военную шумиху подняли и коалиционеры. Член этой партии министр обороны Оксала произносит одну за другой воинственные речи, в которых, однако, избегает нападок на нас. Эти нападки зато содержит принадлежащая Оксала газета «Карьяла». В центре агитации — укрепление нами Карельского перешейка, очистка пограничных районов, усиление Балтфлота и т. п. Всему этому психозу противостоит робкая деятельность социал-демократов, требующих улучшения отношений с Союзом. Нынешние выборы в Финляндии имеют большое значение, они должны показать, какой оборот примет политическое положение Финляндии.

Мне сообщено левыми эсдеками, что подпольная компартия отчаивается убедить рабочих-коммунистов голосовать за эсдеков. Праздник 1 Мая прошел более оживленно, чем в прошлые годы.

2. Комментарий «Известий» от 11 мая 1936 г. к телеграмме ТАСС о выпадах в брошюре «Проснись, Финляндия» вызвал здесь оживленное обсуждение и озлобление. Газеты указывали, что речь идет об издании 1923 г., скрывая, что оно продолжает распространяться карельским академическим обществом. «Социал-демократен» резонно указывает, что подобные оскорбительные для СССР выпады лапуасцы позволяют себе беспрерывно. И сейчас в них недостатка нет. Очень серьезно и в общем удовлетворительно реагировала на комментарий «Известий» «Хельсингин саномат», осудившая подобную кампанию. Все более правые газеты ни слова осуждения не нашли, а, наоборот, использовали этот случай для новых нападок. Хорошо то, что многие газеты, в том числе «Ууси Суоми», перелечитали комментарий «Известий» целиком.

3. Последние события заставляют меня просить об ускорении издания для заграницы книги о Карелии (она может содержать и материал о Кольском полуострове). Подготавливаемое Ленинградским обкомом издание никак не заменит этого издания хотя бы потому, что это будет слишком большой труд. Для составления книги, конечно, надо будет использовать собираемый комсией обкома материал. Нельзя ли ответственность за скорейший выход этого издания возложить персонально на т. Березова* и командировать его с этой целью в Ленинград.

4. С предложением начать переговоры о консульской конвенции финны ко мне больше не обращались.

С товарищеским приветом

Асмус

Печат. по арх.

162. Письмо советника Полиомочиого Представительства СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

20 мая 1936 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

В связи с Вашим недавним указанием об освещении отношения прессы к СССР сообщаю Вам о своих наблюдениях за последний месяц:

1. О наличии какой-либо антисоветской кампании, направленной непосредственно против нас, сейчас говорить не приходится. Ежедневная крикливая кампания Херста о большевистской опасности сейчас в значительно меньшей степени, чем раньше, затрагивает вопросы советско-американских отношений. Однако заостренность кампании против американских коммунистов, иностранных рабочих, Коминтерна, «инфильтрации» радикальных элементов в Рузвельтовскую администрацию и т. д. отнюдь не означает, что антикоммунистические антисоветские выступления Херста объясняются исключительно его внутривнутриполитической борьбой с Рузвельтом. Пресса Херста становится последовательным защитником агрессивной политики Италии, Германии, а иногда и адвокатом Польши. Антияпонское прошлое Херста и его положение в Калифорнии, где антияпонские настроения относительно более ошутимы, не позволяют пока Херсту выступать прямо в пользу Японии. Полное прекращение «голодной» антисоветской кампании Херста, которой недавно нет и в остальной печати, крайне характерно для нынешней обстановки несомненного роста сочувствия к СССР в очень широких

* Заведующий I Западным отделом НКВД СССР.

кругах американского населения. Возможно, что именно этим же обстоятельством объясняется и некоторое падение доли советской информации в ряде крупных газет, не желающих укреплять эти настроения положительной информацией о СССР. Итак, основное: непосредственной антисоветской кампании сейчас нет; вопросы внутреннего положения в СССР не играют прежней роли; Херст становится адвокатом (чуть ли не единственным в прессе США) агрессивных государств Европы. Антисоветские сюрпризы в разгар избирательной кампании, однако, вполне возможны.

2. В ряде газет (включая и «Нью-Йорк таймс») за последние недели промелькнули новые — в американских условиях — нотки по вопросу о Коминтерне. Указывалось на концентрацию активности Коминтерна вокруг вопросов борьбы с фашизмом и военной опасностью, подчеркивалось акцентирование «национального характера» советской внешней политики. Если отвлечься от прессы Херста, то можно прийти к выводу, что процесс «затухания» вопроса о пропаганде, достигшего наибольшей остроты осенью прошлого года, пока продолжается⁸⁹.

3. Из внешнеполитических вопросов, имеющих прямое к нам отношение, дальневосточные дела привлекают по-прежнему наибольшее внимание, хотя и тут имеется некоторое ослабление интереса по сравнению с периодом крупных пограничных столкновений на маньчжурской и монгольской границах в марте — начале апреля. Под впечатлением решительных действий советской стороны и провозглашения нашей готовности защищать МНР* пресса стала относиться гораздо более осторожно и скептически к алармистским сообщениям о непосредственной опасности советско-японской войны. Необходимо учесть, что в случае пограничных столкновений большую роль играет быстрая информация из Москвы, поскольку она обеспечивает опубликование нашей версии. Как правило, в большинстве случаев за последнее время мы опережали в этом японцев и это приносило пользу. Оформление наших отношений с МНР было воспринято как нечто естественное и неизбежное. Рассуждения отдельных газет об «империалистическом характере» советской политики не были подхвачены.

4. Вопросам европейской политики СССР уделялось мало внимания. Интерес американской прессы целиком поглощен абиссинскими событиями, французскими выборами, неудачами Лиги [наций]. Выступления Блюма — Эррио не дали повода к постановке вопроса о наших долгах.

Советник Полпредства СССР в США
К. Уманский

Печат. по арх.

* См. док. № 78.

163. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу

22 мая 1936 г.

Сообщите Куна, что мы не отвечали на поставленные им и Чан Кай-ши вопросы¹⁵ потому, что за последние два месяца у нас создалось впечатление, что позиция китайского правительства в отношении переговоров радикально изменилась. Нота протеста* по поводу монгольского протокола**, посланная фактически под давлением Японии, и выступления некоторых китайских газет, пытавшихся приравнять заключение нами протокола к захвату Маньчжурии и Северного Китая и натравить на нас китайский народ и другие государства, а также отчасти опубликование известного манифеста ЦК гоминдана — все это вызывало представление о полной перемене позиции китайского правительства в отношении СССР.

Мы с удовлетворением ознакомились с сообщением Куна, что Чан Кай-ши считает переговоры между нами продолжающимися. Ввиду происшедших за последнее время событий, и в особенности ввиду непонятной для нас позиции китайского правительства по вопросу о монгольском протоколе, мы считали бы, однако, необходимым выяснить позицию китайского правительства, прежде чем продолжить переговоры. Мы хотели бы иметь полную информацию о переговорах Японии с Китаем по вопросу о монгольском протоколе, а также информацию о японо-китайских переговорах вообще, об их перспективах и намерениях китайского правительства и Чан Кай-ши. Нас интересует, в частности, отношение китайского правительства к тем переговорам, которые японцы ведут с Сун Чжэ-юанем, и в особенности к посылке японцами войск в Северный Китай.

Без выяснения положения и намерений нанкинского правительства нам было бы очень трудно продолжать переговоры***.

Стомоняков

Печат. по арх.

164. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

Немедленно
23 мая 1936 г.

На Вашу телеграмму от 20 мая****.

Считаем аргументацию англичан несостоятельной и настаиваем на своей оговорке о Дальнем Востоке.

* См. газ. «Известия», 9 апреля 1936 г.

** См. док. № 78.

*** См. док. № 171.

**** См. док. № 160.

Нас удивляет заботливость, проявляемая англичанами по отношению к Японии, после того как последняя расторгла Вашингтонское соглашение, ушла с Лондонской конференции 1936 г. и полностью развязала себе руки в вопросе о морских вооружениях. Во всяком случае можно заверить англичан, что ни один корабль с Дальнего Востока на Запад переведен не будет, а скорее будет иметь место обратное⁸⁸.

По поручению инстанции

Крестинский

Печат. по арх.

165. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу *

23 мая 1936 г.

Немедленно посетите Хакселя или того министра, кто его замещает, и по поручению Советского правительства, сославшись на то, что мы с разных сторон получаем информацию, что укрепление Аландских островов уже началось и что в связи с этим ведутся переговоры между Финляндией и Германией, попросите информацию о том, соответствуют ли действительно эти сведения. При этом укажите, что Советское правительство придает этому вопросу большое значение ввиду особой важности Аландских островов в отношении путей, соединяющих СССР с открытым морем.

Если Ваш собеседник спросит у Вас, на каком основании Советское правительство обращается по этому вопросу к финляндскому правительству, или укажет на то, что СССР не является участником Аландской конвенции, сошлитесь на неоднократные заявления Советского правительства** в связи с заключением этой конвенции и после этого заявите, что СССР заинтересован в этом вопросе и не может признать никаких соглашений, заключенных без его согласия. Ввиду указанного значения Аландских островов на путях, соединяющих СССР с открытым морем, заинтересованность СССР в вопросах, имеющих отношение к статуту Аландских островов, не может ни у кого вызывать никаких сомнений.

Учтите, что этому вопросу мы придаем большое значение. Характер Вашего обращения должен находиться в соответствии с этим. Не давая вовлечь себя в дискуссию или отвлечь разговор на другие темы, постарайтесь оставить у Вашего со-

* Копия телеграммы направлена в полпредство СССР в Швеции.

** См. т. II, док. № 165; т. IV, док. № 302.

беседника впечатление о большой заинтересованности Советского правительства в этом деле. Вместе с тем Ваш демарш ни прямо, ни косвенно не должен содержать угрозы*.

Стомоняков

Печат. по арх.

166. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

23 мая 1936 г.

В соответствии с телеграфной инструкцией, посланной Асмусу и одновременно в копии Вам**, сделайте аналогичный официальный запрос Сандлеру со ссылкой на поручение Советского правительства. Укажите, что, по последним сообщениям прессы, в Берлине ведутся переговоры Германии с представителями Финляндии и Швеции об укреплении Аландских островов. По сравнению с демаршем Асмуса форма Вашего демарша должна быть, конечно, более мягкой, но существо должно быть то же самое***.

Стомоняков

Печат. по арх.

167. Протокол [о продлении рыболовной конвенции между СССР и Японией**]**

[25 мая 1936 г.]

Поскольку в соответствии с постановлениями абзаца 2 статьи XV Рыболовной Конвенции между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, подписанной 23 января 1928 года, Японское Правительство уведомило Правительство Союза Советских Социалистических Республик о своем желании пересмотреть упомянутую Конвенцию*****,

Поскольку новая конвенция, о которой в настоящее время ведутся переговоры***** в целях пересмотра названной Конвенции, не будет заключена до истечения срока упомянутой существующей Конвенции и

Поскольку Уполномоченные Союза Советских Социалистических Республик и Японии заявили при подписании упомяну-

* См. док. № 168.

** См. док. № 165.

*** См. док. № 169.

**** См. т. XI, док. № 21.

***** См. т. XVIII, прим. 126.

***** См. док. № 65.

той существующей Конвенции о совпадении точек зрения о том, что, в случае, если переговоры о пересмотре Конвенции не закончатся в срок, предусмотренный в статье XV упомянутой Конвенции, модус вивенди будет, само собой разумеется, согласован между обоими Правительствами,

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Японии настоящим соглашаются, что упомянутая существующая Конвенция, равно как и приложенные к ней документы, подписанные 23 января 1928 года, останутся в силе до 31 декабря 1936 года *.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими соответственными Правительствами, подписали настоящий Протокол⁹⁰.

Составлен в Москве, в двух экземплярах, 25 мая 1936 года, что соответствует 25 дню 5-го месяца 11-го года Сиова.

Б. Стомоняков

Т. Ота

Печат. по арх. Оpubл. в «Собрании законов...», отд. 11, № 37, 23 ноября 1936 г., стр. 773—774.

168. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с вр. и. о. Министра Иностраных Дел Финляндии Мантере

25 мая 1936 г.

По специальному указанию Наркоминдела ** был у Мантере, заменяющего Хакселя, сделал ему запрос относительно укрепления Аландских островов. Я указал, что действую по специальному поручению своего правительства, которое получает с разных сторон информации о том, что Финляндией уже начато укрепление Аландских островов и что в связи с этим Финляндией ведутся в Германии специальные переговоры. Я попросил указать мне, соответствует ли все это действительности и сделаны ли Финляндией на самом деле шаги по укреплению островов. С первых же моих слов Мантере категорически отрицал самую возможность подобных действий со стороны Финляндии. По ходу разговора он уточнял с недопускающей сомнений категоричностью, что Финляндия и не думала приступать к укреплению островов. Правительство даже не обсуждало этого вопроса. Также никаких переговоров на эту тему с Германией не велось и не ведется, и такого вопроса правительство себе никогда не ставило и не обсуждало. Когда я указал, что газеты широко информировали о предполагае-

* См. также док. № 434.

** См. док. № 165.

мой постройке аэродрома на Аландских островах, он мне сказал, что ему ничего не известно и что даже и этого вопроса правительство не обсуждало. Мантере полагает, что наш запрос может быть вызван писаниями германских газет, которые очень много портят Финляндии в глазах международного общественного мнения, но что Финляндия-де, мол, ничего поделать не может. По ходу разговора он заявил, что не знает, будет ли правительство опровергать слухи и разговоры об укреплении Аландских островов. Правительство этого вопроса не обсуждало и не думает обсуждать до начала июня, пока не вернется Хаксель. К концу разговора Мантере мне старался разъяснить, что Финляндия твердо придерживается постановления Аландской конференции 1921 г., которую она не может менять без ведома всех участников и уже по этому одному не может предпринимать что-либо на Аландских островах. По ходу разговора Мантере ни разу не брал под сомнение наше право интересоваться этим делом и не выдвигал никаких формальных моментов против нашего демарша, наоборот, он сам сказал, что вполне понимает наш интерес к этому вопросу и считает его обоснованным. В связи с этим Мантере, который всем разговором был очень взволнован, заявил, что финляндское правительство предполагает принять все меры к улучшению отношений с СССР. На мой вопрос, в чем же это должно выразиться, он, однако, членораздельного ответа дать не смог.

Должен отметить, что все заявления Мантере были настолько ясны и он их настолько категорически и естественно высказывал, что у меня осталось впечатление, что он был достигнут нашим демаршем врасплох. Он, вероятно, имел кое-какие формальные основания давать такие заверения. Всем этим я, однако, вовсе не хочу сказать, что заверениям Мантере можно верить, ибо есть все основания полагать, что планы укрепления Аландских островов давно разработаны.

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

169. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

*Вне очереди
25 мая 1936 г.*

В соответствии с Вашими указаниями * встретился с Сандлером. Отвечая мне, последний категорически заявил, что о вооружениях Аландских островов и берлинских переговорах

* См. док. № 166.

ему решительно ничего не известно. По его мнению, это ни на чем не основанный слух. Наше выступление произвело на него большое впечатление, его особенно поразило заявление о начавшемся укреплении островов. Однако у меня осталось впечатление, что это удивление было неискренне. В заключение Сандлер подчеркнул, что он вполне отдает себе отчет в том значении, какое Советское правительство придает этому вопросу.

Белько

Печат. по арх.

170. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову

27 мая 1936 г.

Сообщаю решение инстанции о праздновании 15-летнего юбилея освобождения Монголии:

1. Командировать на празднование юбилея делегацию ЦИК СССР во главе с Элиавой, включив в состав делегации представителей Народного комиссариата иностранных дел и Народного комиссариата обороны.

2. Послать в качестве подарков монгольскому правительству:

- а) 5 хороших советских кинофильмов;
- б) 12 агитавтомобилей с оборудованием и киноустановками;
- в) 12 походных амбулаторий на автомашинах;
- г) подзорную трубу и другие астрономические принадлежности для элементарного ознакомления населения с луной, солнцем и звездами;
- д) 4 самолета гражданской авиации;
- е) разное политпросветимущество для Монгольской Народно-Революционной Армии, в том числе несколько походных автомобилей и походную типографию с монгольским шрифтом. Количество и перечень имущества определять т. Ворошилову.

3. Командировать сроком на два месяца цирковую группу в составе 35—40 человек с тем, чтобы она по окончании празднования совершила поездку по МНР⁹¹.

Стамоняков

Печат. по арх.

**171. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае
Д. В. Богомолова Заместителю Народного Комиссара
Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову, из Шанхая**

27 мая 1936 г.

Согласно Вашим инструкциям * разговаривал сегодня с Куном. По его словам, японцы сделали китайскому правительству представление по монгольскому протоколу уже после моего сообщения Чая Кай-ши¹⁵. Представление было сделано как в Нанкине, так и в Токно. Японцы заявили, что они полагают, что за монгольским протоколом имеется секретное китайско-советское соглашение, и требовали решительных мер против протокола. Кун не отрицает, что протест сделан в известной степени под давлением японцев. После обмена нотами и вторичного китайского протеста у Куна был разговор с Сюй Мо ** в Шанхае. Сюй Мо сообщил ему, что японцы не удовлетворены вторым китайским разговором со мною и требовали «решительных» мер. Однако китайское правительство решило считать вопрос исчерпанным. Кун отрицает, чтобы в настоящее время велись какие-либо переговоры о монгольском протоколе, кроме как в предлагаемом японцами в общей форме пакте о совместной борьбе против коммунизма.

По вопросу общих переговоров Кун сообщает, что японцы сделали недавно запрос китайскому правительству, против кого направлены его военные приготовления. Китайское правительство ответило, что приготовления делаются для защиты китайской территории. Подтвердив вновь свое желание жить в мире с Японией, китайское правительство будто бы сообщило, что в случае покушения на независимость Китая оно принуждено будет оказать вооруженное сопротивление. Для общих переговоров с Японией вице-министр Сюй Мо выезжает на днях в Японию.

Кун сказал, что китайское правительство заявило протест Японии по поводу ввода новых войск на Север. Что касается Сун Чжэ-юаня, то он не информирует подробно Нанкин о своих переговорах, требуя от Нанкина предоставления ему больших полномочий. На мой вопрос, подписал ли Сун Чжэ-юань соглашение с японцами о совместной борьбе против коммунистов, Кун ответил, что он имел такую информацию, однако на запрос Нанкина Сун ответил отрицательно, хотя сообщил, что сам в принципе за такое соглашение. Точно так же японцы опровергают это сообщение.

Кун согласился со мной, что Сун Чжэ-юань сильно «изменился» и готов идти на большие уступки японцам. В даль-

* См. док. № 163.

** Заместитель министра иностранных дел Китая.

нейшем разговоре Кун высказывался в пользу советско-китайского пакта о взаимной помощи, указывая, что такой пакт нужен как Китаю, так и СССР и мог бы остановить японскую агрессию. Я сказал, что раньше Чан Кай-ши и он говорили все время о секретном соглашении*, теперь он, по-видимому, имеет в виду открытое соглашение. Кун подумал и сказал, что он уверен, что другие державы приветствовали бы заключение советско-китайского пакта, который остановит агрессию Японии, так как последняя не в состоянии вести войну одновременно против Китая и СССР.

Мое заключение: полагаю, что поездка Сюй Мо имеет важное значение и означает, что китайцы еще постараются договориться с Японией, о чем говорит также выступление Чжан Цюня⁹². Однако я по-прежнему думаю, что база для соглашения отсутствует, так как японцы будут требовать признания Маньчжоу-Го и при всех условиях довершат политический отрыв Севера в ближайшее время. Как видно из информации Куна, он предпочел все-таки отвечать в общей форме, избегая ясных и точных формулировок, хотя, в частности, о монгольском протоколе я спрашивал его в упор, чего же конкретно требуют японцы. Новое и важное в сегодняшнем разговоре — согласие китайского правительства на немедленное опубликование пакта сразу после его подписания. Наличие «секретного» соглашения всегда давало бы Чан Кай-ши возможность переменить фронт и, получив от японцев известную компенсацию, отказаться от соглашения. Открытое соглашение обязывает самого Чан Кай-ши на определенную политическую линию. Полагаю, что такое соглашение будет встречено весьма благоприятно во всем Китае, оно сделало бы невозможным для Чан Кай-ши дальнейшее маневрирование в отношениях с Японией.

Полпред

Печат, по арх.

172. Запись беседы советника Полиомочного Представительства СССР в Японии с директором Европейско-Азиатского департамента Министерства Иностранных Дел Японии Того **

27 мая 1936 г.

Я посетил Того и заявил ему протест против недопустимого и издевательского обращения полицейских и жандармских властей в Аомори с пассажирами «Сучана»***. При этом я сделал ему следующее заявление:

* См. т. XVIII, док. № 389.

** Из дневника Н. Я. Райвида за период с 25 апреля по 6 июня 1936 г.

*** См. док. № 113.

«393 пассажира «Сучана» по прибытии в Советский Союз написали коллективное письмо с просьбой к Советскому правительству заявить японскому правительству протест по поводу издевательств, которым они подвергались во время задержания «Сучана» со стороны чинов японской полиции и жандармерии. Эти издевательства выразились в двукратном поголовном личном и имущественном обыске пассажиров, включая женщин и детей, причем обыск женщин проводили, несмотря на протесты, мужчины-полицейские в весьма наглой форме. Грудных младенцев по требованию жандармерии матери вынуждены были распеленывать на открытой палубе в сырую погоду. Подростков заставляли раздеваться и снимать верхнее платье. Ряд лиц из состава команды и пассажиров подверглись необоснованному аресту, свозились, иногда даже ночью, на берег в полицейское управление, где над ними учинился допрос, во время которого японские власти проявляли особый интерес к дислокации советской пограничной охраны и к востроющемуся судоремонтному заводу. Допрашиваемые пассажиры под угрозой репрессий принуждались подписывать протокол на японском языке, и полиция отказывала допрашиваемым в даче русского текста показаний и даже в прочтении показаний переводчиком из советского консульства.

Советскому консулу, прибывшему 25 марта на «Сучан», было запрещено какое-либо общение с пассажирами, и он также не был допущен присутствовать при перегрузке пассажиров на «Микояи» 11 апреля, очевидно, чтобы лишить его возможности воспрепятствовать массовому обыску».

Того ответил, что ему ничего не известно о подобных действиях властей и он произведет расследование.

Затем Того сообщил мне в ответ на протесты против перелетов японскими самолетами советской границы, заявленные т. Юрениным Хирота 9 января* и мною Того 17 февраля и 18 марта⁹³, что после расследования установлена совершенная необоснованность протестов. Перелетов не было, и некоторые считают, что мнение о нарушении границы сложилось из-за неясности последней. Я отвел ссылку на неясность, ибо, в частности, некоторые перелеты имели место на Амуре, где даже японская сторона не решается устанавливать «неясность» границы. Я сказал также, что мне очень странно слышать голословные отрицания наших протестов. Того поспешил подчеркнуть, что он не от себя говорил о неясности границы, и в порядке информации сообщил о том, что 22 апреля в 2 часа дня советский самолет нарушил границу Маньчжурии около Мишаня, пролетев два раза на высоте 600 м. Протест был заявлен в Харбине⁹⁴.

* См. док. № 10.

В дальнейшей беседе я высказал мнение, что нам уже пора было бы сидеть за рассмотрением проекта положения о пограничных комиссиях. Того по этому поводу сказал, что МИД еще не закончил согласование вопроса с Маньчжоу-Го⁹⁵.

Райвид

Печат. по арх.

173. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком *

28 мая 1936 г.

Я [был] у Муика в экстрениом порядке по поводу сегодняшней передовой в «Социал-демократене» (передовая резко нападает на Ланнунга за его «симпатии» к коммунизму, объясняя последние тем, что он — юрисконсульт нашего торгпредства). Я выразил Мунку энергичный протест против этой статьи, не за Ланнунга как такового, а усматривая в этой статье попытку приписать нам какое-то вмешательство во внутренние датские дела, впутать нас во внутренние датские дела; статью я назвал скандальной. Муик обещал переговорить с главным редактором «Социал-демократена» Серенсеном.

Затем я спросил Мунка про недавнюю скаидинавскую межпарламентскую конференцию **. Мунк сказал, что на ней господствовало пессимистическое настроение, а на мое заявление, что, судя по газетам, на конференции были выражены и пессимизм, и оптимизм, и вносились проекты, касающиеся организации мира, в частности Мувиикелем, Мунк вновь подтвердил, что на конференции царило пессимистическое настроение и в подтверждение пессимизма в оценке международного положения сослался на свои недавние разговоры с т. Литвиновым о надвигающейся войне. Я заметил на это, что конечно война надвигается, это — общая истина, но что она может быть и избегнута в зависимости от организации мира. Далее Мунк заявил, что опасность более всего угрожает малым странам, тогда как нападать на великие державы опасно; я согласился с этим, заявив, что, в частности, положение Дании довольно угрожаемое. Мунк возразил, сказав, что центр тяжести европейских конфликтов переместился в Средиземное море и отдаленся от Балтийского моря. На это я ответил, что в настоящее время ветер быстро меняет направление, иа что Мунк не возражал.

* Из дневника Н. С. Тихменева за период с 10 мая по 7 июня 1936 г.

** См. док. № 182.

Затем Мунк обратил внимание на статью «в одной из московских газет», очевидно, на статью Бухарцева в «Известиях» от 17 мая, поскольку эта статья занималась вопросом о постройке в Дании мостов через проливы и автострад, находя, что эта статья придает этому проекту неправильное значение. После этого разговор перешел на тему об этом проекте вообще, причем я высказал мнение, что он интересен с точки зрения автомобилизма, а Мунк сказал мне, что проект изучается правительством и может быть внесен в парламент. Далее Мунк заявил, что в Швеции относятся сдержанно к проекту моста от Мальмё на Копенгаген, так как шведы-де боятся притягивающего действия Копенгагена на население южной части Швеции (Скоие), прежде принадлежавшей Дании. На мой вопрос, почему же Мунк находит статью в нашей газете неправильной, Мунк ответил, что в этой статье проекту приписывается военное значение, что он находит неверным, так как-де трудно предполагать, что Германия считала путь для нападения на СССР через Данию, Швецию и Финляндию достаточно коротким. В ответ на это я указал Мунку на участившиеся за последнее время печатные выступления датских военных, указывающие на опасность оккупации Дании «анонимной державой», вступившей в войну с Германией. Мунк ответил, что он не придает этим писаниям серьезного значения. На высказанное мною со ссылкой на газеты предположение, что осуществление проекта потребует затраты 70—80 млн. крон ежегодно в течение десяти лет, Мунк ответил утвердительно, а на мой вопрос, не потребуются ли для этого привлечение иностранных капиталов, Мунк ответил отрицательно, заявив, что средства могут быть найдены внутри страны путем повышения сборов дорожных, за бензин и т. д. В заключение, возвращаясь к передовой «Социал-демократии», Мунк повторил свое обещание переговорить с главным редактором газеты, заявив при этом, что он «не может гарантировать «положительного результата», на что я ответил заявлением, что настаиваю на своем протесте, и добавил к этому «между нами», что я не могу «объяснить появление этой скандальной статьи иначе, чем тем, что главный редактор был «не в своем уме» в момент выпуска номера». В течение разговора Мунк сказал мне, между прочим, что он лично дружит с Ланунгом.

Полпред СССР в Дании
Н. Тихменев

Печат. по арх.

**174. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае
Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностраных
Дел СССР**

30 мая 1936 г.

Меламед начал с Гао обстоятельное обсуждение торгового договора *. На первых двух заседаниях дело ограничилось рассмотрением нескольких первых статей, причем китайская сторона откладывает решение по всем статьям. По-видимому, цель МИД — выяснить нашу позицию по всем статьям, прежде чем решить что-либо. Мы настаиваем на согласовании статей, прежде чем переходить к обсуждению следующих. Сообщается для сведения.

Полпред

Печат. по арх.

**175. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в
Польше в Народный Комиссариат Иностраных Дел
СССР**

30 мая 1936 г.

27 мая в Варшаву прибыла группа английских парламентариев-консерваторов: Мэйсфилд, де Курси, Уайз. Они были официально приняты Шембеком ** и другими польскими деятелями. Здешний посол устроил обед в их честь. Эта группа побывала в Париже, Берлине и 29-го выехала в Вену ***. Цель поездки — выяснить, какими силами располагает Европа для борьбы с коммунизмом, а также готовность немцев и поляков совместно воевать против СССР. Английский посол в Варшаве подготовил их приезд и встречи в Варшаве, следовательно, поездка этой группы происходит не без ведома форны офиса. Характерно, что польская печать замалчивает приезд этой группы в Варшаву.

Подольский

Печат. по арх.

**176. Нота Народного Комиссариата Иностраных Дел СССР
Миссии Норвегии в СССР**

1 июня 1936 г.

В ответ на ноту от 21 января 1936 г. Народный Комиссариат по Иностраным Делах имеет честь довести до сведения Норвежской Миссии о нижеследующем:

* См. док. № 56.

** Заместитель министра иностранных дел Польши.

*** См. также газ. «Правда», 4 июня 1936 г.

Компетентные органы Союза Советских Социалистических Республик подвергли внимательному и всестороннему изучению предложение Норвежского Правительства о заключении соглашения относительно установления единого срока начала промысла гренландского тюленя в морях, омывающих северное побережье Европы.

Насколько можно усмотреть из ноты 21 января, предложение Норвежского Правительства имеет в виду как открытое море, так и воды Союза ССР и Норвегии. Между тем граждане и организации Союза ССР в настоящее время не занимаются боем тюленя в открытом море в виде промысла; поэтому вопрос об ограничении промысла тюленя вне вод Союза ССР не имеет практического значения для Союза ССР и его граждан.

Правительство Союза ССР, так же как и Норвежское Правительство, заинтересовано в ограждении тюленьего стада от истребления. Однако в данный момент компетентные органы, учитывая, что промысел тюленя в открытом море производится почти исключительно иностранцами и что Норвежским Правительством уже приняты меры к урегулированию сроков начала этого промысла норвежскими гражданами и фирмами, считают положение удовлетворительным и не требующим оформления конвенционным путем.

Что касается вод Союза ССР, то не усматривается оснований для ограничения прав Союза ССР на эксплуатацию морских богатств, содержащихся в его водах. Будучи, однако, заинтересовано в хозяйственно целесообразной эксплуатации этих богатств, Правительство Союза ССР принимало и будет принимать в отношении промысла тюленя в его водах все необходимые меры, обеспечивающие тюленью стадо от истребления. Одной из таких мер является запрет производства этого промысла в соответственных водах Союза ССР ранее марта.

Это мероприятие и установленные советским уголовным законодательством санкции против нарушителей упомянутого выше запрета в достаточной степени обеспечивают интересы сохранения тюленьего стада от истребления и делают в настоящих условиях излишними в части, касающейся вод Союза ССР, какие-либо иные мероприятия того же порядка, в частности такое мероприятие, как предполагаемое Норвежским Правительством соглашение.

Разумеется, если в дальнейшем вопрос о промысле тюленя в открытом море приобрел бы для Союза ССР актуальное значение, то Народный Комиссариат изъявляет готовность вернуться в таком случае к обсуждению затронутого Норвежской Миссией вопроса для изучения мероприятий, могущих быть направленными к ограничению этого промысла.

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте миссии Норвегии в СССР от 21 января 1936 г., в частности, говорилось:

«Норвежское Правительство, детально изучив условия промысла гренландского тюленя в северных морях и неизменно стремясь сохранить этот вид животного на уровне, который постоянно приносил бы всем заинтересованным странам максимальную пользу, нашло возможным предложить Правительству Союза Советских Социалистических Республик заключить общую конвенцию между двумя государствами с целью определения единого срока начала промысла гренландского тюленя в морях, омывающих северное побережье Европы».

И далее: «Учитывая трудности жителей северных берегов. Норвежское Правительство, однако, полагает, что ограничения, предусматриваемые в проектируемой конвенции, не будут применены к охоте на тюленей на суше или с весельных лодок».

«Норвежское Правительство, — отмечалось в ноте, — считает, что если в принципе будет достигнуто согласие, то обсуждение деталей, а также редакция проекта конвенции должны быть представлены на рассмотрение смешанной комиссии экспертов».

177. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

1 июня 1936 г.

Многоуважаемый Эрик Адольфович,

Мне не внушает особого доверия ответ, полученный Вами по вопросу об укреплении Аландских островов*. Правильнее, я охотно допускаю, что никакого германо-шведско-финского совещания в тот момент, когда мы запрашивали финнов, в Берлине не происходило, но я не сомневаюсь, что фортификационные работы на Аландских островах в той или иной мере происходят.

Мы, конечно, и не рассчитывали, что финны скажут нам правду. Наш запрос преследовал цель показать финнам и вообще за границе, что мы считаем себя заинтересованными в Аландских островах и не позволим принимать решение об их ремилитаризации без нашего согласия.

Вновь без ивых указаний от нас этого вопроса перед финляндским правительством не ставьте, но старайтесь возможными для Вас путями узнавать, что в действительности происходит на Аланде.

С тов. приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 168.

178. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Итали в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР

6 июня 1936 г.

Неизбежность неблагоприятных для Италии решений на предстоящей Ассамблее Лиги наций и маловероятность снятия в ближайшее время санкций понижают Муссолини, как заявил мне вчера весьма близкий ему министр печати и пропаганды Чиано, решиться на выход из Лиги и ориентироваться на сближение с Германией. Чиано добавил, что такое сближение скорее оказало бы благотворное влияние на будущее итало-английских отношений, чем сохранение профранцузской ориентации Рима. К тому же Муссолини считает, что рассчитывать на французскую поддержку сейчас приходится, а сближение с Малой Антантой, и особенно с Югославией, чрезвычайно затруднено. С другой стороны, Германия, оказывавшая все это время поддержку Италии, склонна пойти на временное разрешение австрийского вопроса и стремится к сотрудничеству с Римом. Чиано давал понять, что нынешние переговоры с Шушнигом учитывают прогерманские настроения Италии, и не отрицал, что в последней беседе Муссолини разъяснил Хасселю* свое интервью «Дейли телеграф» в духе сохранения полностью итальянского отношения к проблеме ревизионизма в Европе и удовлетворенности ныне Италией лишь в области колоний. Хотя Италия, по словам Чиано, и заинтересована на много лет в мире для освоения Абиссинии, в существующей обстановке Муссолини вынужден ориентироваться на Германию. Примерно то же, что Чиано мне, в более замаскированной форме говорил Сувич Шамбрену**, настаивая на отмене санкций и признании Лигой оккупации Абиссинии. Только при этих условиях Муссолини готов активно сотрудничать в обеспечении мира в Европе. Все эти заявления предназначены оказать воздействие на СССР, Францию, Малую Антанту, однако в настоящей обстановке, в отличие от прошлой, итало-германский флирт имеет больше шансов перерасти из взаимно выгодного шантажа в договоренность по некоторым вопросам.

Временный Поверенный
в Делах СССР в Итали

Печат. по арх.

* Посол Германии в Итали

** Посол Франции в Итали.

179. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану

*Немедленно
7 июня 1936 г.*

Передайте министру просвещения от имени Бубнова * приглашение прислать в СССР делегацию в количестве 20—40 учителей, которые будут гостями Народного комиссариата просвещения. Желательно, чтобы они выехали ближайшим паромом, так как, если они приедут до 20—23 июня, мы сумеем им показать конец учебного года в школах и вузах. Если же они приедут после этого срока, придется ограничиться показом лагерей и прочих летних форм педагогической работы. На осень, когда им можно было бы больше показать, нам не хотелось бы откладывать. Мы опасаемся, что переенесение визита на осень может сорвать поездку вообще⁹⁶.

Стомоняков

Печат. по арх.

180. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с. Временным Поверенным в Делах США в СССР Гендерсоном

7 июня 1936 г.

Гендерсон сообщил, что имеет поручение от своего правительства поставить мне два вопроса. Первый вопрос — это сколько мы закупили товаров в Америке со времени заключения торгового соглашения 1935 г. ** и сколько мы намерены закупить еще до истечения этого соглашения, т. е. до 12 июня 1936 г. Во-вторых, американское правительство хотело бы знать, сколько мы намерены закупить в США в течение следующего года.

Я сказал, что по первому вопросу ему, вероятно, известно, что мы фактически перевыполнили наши обязательства, но точных цифр под рукой я не имею и должен буду запросить справку о них. Что касается второго вопроса, то наши обязательства о закупке определенного количества товаров были, конечно, связаны с известными американскими обязательствами. Мы не можем назвать цифры, не зная, как будет обстоять дело с этими обязательствами. Очень существенное значение имеет также вопрос о том, как будет обстоять дело с углем, поскольку против нашего угля до сих пор проводится

* Народный комиссар просвещения РСФСР.

** См. т. XVIII, док. № 320.

дискриминация⁹⁷. Кстати говоря, американское соглашение с Голландией показывает, что вопрос о пошлинах на уголь также поддается урегулированию в договорном порядке. Гендерсон ответил, что он занимался вопросом об угле и говорил по этому поводу несколько раз с т. Розенблумом*. Только что он оставил ему материалы, из которых вытекает, что вопрос о пошлине на уголь не может быть разрешен иначе, как конгрессом. Освобождение голландского угля от специальной пошлины было результатом не американо-голландского соглашения, но того, что Голландия закупает в США больше угля, чем сама им продает. Что касается ответа на его вопросы, то он понимает, что для этого потребуются некоторое время. Как только ответы смогут быть даны, он передаст их по телеграфу в Вашингтон, и тогда там будет принято на основании этих ответов решение в отношении соглашения на будущий год. Я сказал, что затребую необходимые сведения и дам ему ответ на вопрос о размерах наших закупок в США за истекший год⁹⁸ и о приблизительных планах на будущий год**.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

181. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

7 июня 1936 г.

1. 6-го состоялось первое совещание глав государств***, длившееся четыре часа. После совещания на обеде в министерстве иностранных дел Титулеску мне сообщил: король находится под впечатлением разрушительной политики Польши и роста агрессивности Германии; Югославия трепещет перед победоносной Италией и перспективой итало-германского сговора. Эти обстоятельства и предопределили характер сегодняшнего совещания, которое подтвердило на сегодняшний день абсолютную монолитность Малой Антанты во всех вопросах вопреки проискам Варшавы и Берлина.

На приеме во дворце имел 30-минутную беседу с Крофтой. По своей инициативе он счел необходимым поставить меня в курс первых совещаний глав государств, подчеркивая един-

* Заведующий экономической частью НКВД СССР.

** См. док. № 221.

*** Имеется в виду совещание глав государств Малой Антанты в Бухаресте 6—8 июня 1936 г.

ство Малой Антанты. Крофта настаивал на двух положениях: а) необходимость оказания максимального доверия искренности заявления Белграда, объясняя колебание Югославии обстоятельствами конъюнктурного порядка; колебания Югославии возникают, наверное, под влиянием оккупации Абиссинии и страха, кстати безосновательного, по мнению Крофты, перед итало-германским сближением; б) Белград полностью поддерживает политику Чехословакии и Румынии в отношении Советского Союза. Экивок югославо-советских отношений он объясняет исключительными затруднениями внутривластного порядка.

Я затронул вопрос о конвенции Москва — Прага⁹⁹. Крофта согласен с нашим требованием аннулирования конвенции, но склонен объяснять это наше требование обстоятельствами главным образом престижного порядка. Я указал Крофте на абсолютную неприемлемость для нас факта конвенции о советско-чешской воздушной линии, заключенной без нас и вне нас, предоставления румынам наравне с чехами и СССР участия в действительной эксплуатации линии и предоставления какой бы то ни было компенсации румынам за право транзита, так как нам такая практика неизвестна. Я обратил внимание Крофты, что конвенция от 2 апреля превращает задуманную линию Москва — Прага в линию Берлин — Москва через Украину. Крофта с этим согласился и сказал, что 7-го он сообщит Титулеску об аннулировании конвенции и о базе новой конвенции, учитывая наши соображения. В заключение Крофта сообщил, что Литвинов предполагает осенью нанести ответный визит Бенешу.

В 10-минутной беседе Бенеш заявил, что он очень доволен результатами сегодняшнего совещания, что происки Варшавы против Малой Антанты не увенчались успехом, что Чехословакия ведет свою политическую линию, невзирая и не страшась ни польского шантажа, ни немецких угроз, что Чехословакия упорно вооружается и что она уже сейчас сильнее, чем агенты ее врагов, что политика Чехословакии по отношению к СССР не является политикой на один день, а рассчитана на долгий исторически предвидимый отрезок времени. На последнем он особенно настаивал, несмотря на то что я уклонялся от беседы на тему чешско-советских отношений.

2. Титулеску со слов Араса мне сообщил, что турки предполагают на конференции потребовать, чтобы ни одна черноморская держава не имела права строить флот, превышающий турецкий. Титулеску заявил, что он никогда на это не даст своего согласия, полагая, что и мы не сможем пойти на самоограничение в этом вопросе. Во всех остальных вопросах на конференции Румыния пойдет за СССР. Эта тактика получила одобрение короля.

Председатель Международной авиационной ассоциации князь Бибеку от имени президиума ассоциации очень настойчиво просит пересмотреть вопрос о перелете Кайтакузино¹⁰⁰.

Островский

Печат. по арх.

**182. Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

7 июня 1936 г.

Уважаемый Николай Николаевич,

1. 22—23 мая в Копенгагене состоялась скандинавская межпарламентская конференция, на которой выступали Мунк с докладом на тему «О возможности работы в пользу мира в Лиге наций», Мувинкель и ряд других политических деятелей Скандинавии. Мунк высказался против ухода из Лиги наций, но заявил, однако, что «ситуация будет иной, если Лига наций опустится до того, что станет орудием в руках какой-либо отдельной группировки держав». Решающим условием успешной борьбы за мир он считает «перемену психологии в отдельных государствах», хотя оценка международного положения была дана им весьма пессимистическая. Он считает все-таки возможностью для Скандинавских стран устранить от войны значительными ввиду «перемещения центра конфликтов в области, отдаленные от Скандинавии», т. е. в центр и на восток и юго-восток Европы. Закончил он заявлением, что «нейтральные государства еще скажут свое слово», не определив точнее, что это будет за «слово».

Некоторые из этих положений Мунк развивал и в моих с ним беседах 18 и 28 мая (см. выписку из моего дневника)*.

Мувинкель на конференции высказывался за самостоятельное решение Скандинавскими странами вопроса об их поведении в возможных будущих конфликтах, участие или неучастие в санкциях, объявление себя абсолютно нейтральными, и предложил Скандинавским странам взять на себя инициативу заключения особого воздушного пакта между ними, СССР, Германией, Францией и Англией**.

Характерно, что дальше этого обмена мнениями дело на конференции не пошло и она закончилась без принятия какой-либо резолюции, лишь с туманным обещанием Мунка, что «нейтральные страны еще скажут свое слово».

Свою общую пессимистическую оценку международного положения Мунк подтвердил мне и в своей беседе со мной

* См. док. № 158, 173.

** См. док. № 109.

28 мая. Высказанная им при этом нотка «относительного оптимизма», базирующегося на том, что «центры конфликтов переместились далеко от Скандинавии», конечно, не меняет общей пессимистической его оценки международного положения; к тому же надо добавить, что этот «расчет» Мунка на перемещение центра европейских конфликтов далеко от Скандинавии подвергся уже резкой критике на страницах датской печати.

В этой связи, и особенно учитывая громадное стратегическое значение датских проливов и датской территории, все более и более актуальным становится вопрос о том, на чью сторону Дания (и Скандинавия) станет в войне на северо-востоке Европы, в которой инициатором выступит Германия, или, другими словами, с чьей совершенно необходимой помощью Дания (и Скандинавия) будет защищать свой «нейтралитет» (об этом я писал подробнее в прошлый раз, см. мое письмо от 10 мая, п. 2¹⁰¹), на сторону Германии или на сторону какой-либо антигерманской группировки держав, если таковая образуется. Одно можно сказать почти наверняка: если Англия не станет решительно на стороне обеспечения коллективной безопасности, если она заключит с Германией соглашение, развязывающее последней руки на востоке Европы, вроде того, с которым, по газетным сведениям, Риббентроп приехал в Лондон, Дания будет на стороне Германии; если же Англия на соглашение с Германией не пойдет и вступит на путь реальной защиты коллективной безопасности, то в таком случае возникает вышепоставленный вопрос о позиции Дании (и Скандинавии) в войне на северо-востоке Европы. Довольно интересны в этом отношении заявления Мунка о том, что Дания (и Скандинавия) не пойдет на усиление коллективной безопасности через Лигу наций, если последняя станет «орудием в руках какой-либо отдельной группировки держав».

2. Между тем боязнь Германии, а именно германского национализма, в стране растет, особенно в радикальных кругах и среди рабочих, и соответственно растет не только интерес к СССР, но и сознание роли СССР как последовательного борца с фашизмом и угрозой войны. Об этом я также уже писал в своих письмах — январском, февральском и мартовском¹⁰².

Кое-кем из радикалов ставится вопрос о политическом и экономическом сближении с СССР. Смотрите меморандум Гретора¹⁰³, приложенный к моему февральскому письму. В вышеупомянутых моих письмах я ставил вопрос об усилении наших экономических связей с Данией как по линии нашего импорта из нее, так и по линии нашего экспорта, особенно в отношении последнего, подчеркивая роль экспорта в Данию нашего промсырья.

Наши торговые связи с Данией сейчас чрезвычайно слабы и носят довольно случайный характер по ассортименту объектов нашей торговли с нею. Этим в основном следует объяснить и крайнюю затяжку в заключении нами торгового соглашения с Данией на 1936 г.* Соглашения нет еще до сих пор, тогда как в прошлом году оно было подписано 7 июня. Датчане мотивируют эту затяжку тем, что у них еще не готов их «план» внешней торговли на 1936 г. (с англичанами еще не договорились, а разговоры с ними — трудные), и второстепенными отговорками, вроде дорогих будто бы цен на наш лес. Главное по существу заключается в том, что тогда как в прошлом году мы имели хорошие условия для подталкивания переговоров в виде 5,5-миллионного заказа судов у «Бурмейстера и Вайна» и некоторых других наших заказов, подписанных в Москве в начале 1935 г., но приступ к выполнению которых задерживался до заключения общего соглашения, в этом году у нас таких условий нет: торгпредство пока что разместило лишь на 370 тыс. крон приблизительно разных мелких заказов, а от крупных заказов, пароход и дизеля, «Бурмейстер и Вайн» отказался вследствие своей полной загрузки заказами. По заказу на пароход переговоры ведутся с другими фирмами, но еще не закончены.

В то же время интерес у датских промышленников к нашему рынку есть. По сведениям торгпреда т. Дукальского, датский совет промышленности произвел опрос фирм, заинтересованных в торговле с нами, в результате чего выяснилось, что различные фирмы желали бы продать нам разных товаров на 14 млн. крон. Сюда входят: оборудование цементных заводов (фирма «Смит»), владелец которой Гуннар Ларсен очень близок со Стаунигом; турбины, дизеля и др. Согласно тем же сведениям совет промышленности собирает сведения среди фирм о покупке у нас таких товаров, которые не сталкивались бы скупаемыми в Англии. К этому добавлю, что англичане при происходящих в настоящее время торговых переговорах с датчанами настаивают на покупке Данией преимущественно английских готовых промтоваров.

Я думаю, что с чисто внешнеторговой точки зрения торговля с Данией не имеет для нас большого значения, но я считал бы весьма уместным именно теперь подойти к вопросу об этой торговле с политической точки зрения.

3. Очень хотел бы подробнее знать о переговорах, которые Кут вел в Москве**, а также и в Варшаве (если о последних есть сведения). Я об этом писал в прошлый раз, но не получил ответа.

* См. док. № 211.

** См. док. № 121.

4. Прошу ответить также и на вопрос о моей поездке в Исландию: я об этом запрашивал и в апрельском, и в майском моих письмах и также еще не имею ответа*.

5. Безработица сильно упала и к началу июня равна 65 749 человек, т. е. на 3 тыс. человек меньше, чем в прошлом году в это время.

6. «Социал-демократен» кроме обычной для него антисоветской кампании позволил себе недавно совершенно возмутительную выходку: нападая в грубейшей форме на председателя радикальной фракции Копенгагенского муниципалитета Ланнунга за его разоблачения финансовых скандалов и бесхозяйственности в деятельности муниципалитета и за то, что Ланнунг предложил ввести коммуниста в комиссию по обследованию денежного хозяйства муниципалитета, «Социал-демократен» «объяснил» такую линию поведения Ланнунга тем, что Ланнунг является юрнскоисультом советского торгпредства. Я по этому поводу немедленно заявил Мунку резкий протест**.

7. Есть слухи о назначении датским посланником в Москву, на место Энгеля, теперешнего датского посланника в Румынии Бьерринга, бывшего владельца имения на Кавказе (?), прекрасно говорящего по-русски и, по имеющимся сведениям, глубоко нам враждебного человека.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Дании
Н. Тихменев

Печат. по арх.

183. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
8 июня 1936 г.*

Сегодня меня посетил верховный комиссар Канады в Лондоне (пост, приблизительно соответствующий посту посланника Канады при английском правительстве) Массей и по поручению канадского правительства поставил вопрос о том, готово ли было бы Советское правительство вступить в переговоры о возобновлении торговых отношений между обеими странами и взаимной отмене торгового эмбарго. Если наш ответ был бы положительным, канадское правительство, возможно, послало бы своего министра торговли в Москву для ведения переговоров, однако это окончательно еще не реше-

* Поездка не состоялась.

** См. док. № 173.

но. Об одновременном возобновлении дипломатических отношений, хотя бы в форме обмена консулами, речи пока нет.

Равным образом на мой вопрос, включает ли канадское предложение согласие канадского правительства на открытие нами в случае надобности торговой миссии в Монреале, Массей отозвался незнанием. Я обещал Массею довести до сведения Советского правительства о предложении канадского правительства и сообщить ему ответ по получении соответственной инструкции из Москвы. Одновременно я дал Массею понять, что трудно рассчитывать на значительное развитие советско-канадской торговли без восстановления дипломатических отношений. Срочно сообщите наш ответ*.

Полпред

Печат. по арх.

184. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

9 июня 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. После возвращения Кута из-за границы я беседовал с ним о результатах его поездки с некоторым запозданием вследствие моей болезни. Я посетил его в министерстве 30 мая с. г. и в течение довольно продолжительного разговора выяснил для себя, что его установки по вопросам международной политики ничуть не изменились после его информационного вояжа, во время которого он встречался с политиками восьми стран, в том числе и СССР**. Наоборот, его высказывания, так же как и публичные выступления после поездки, свидетельствуют о том, что Кут еще больше укрепился в своих пацифистских устремлениях и еще упорнее стал защищать линию чистого нейтралитета для Норвегии в будущих европейских военных конфликтах. Стороной довелось узнать, что Кут весьма доволен московским визитом, но в то же время вернулся напуганным размерами наших вооружений. В беседе с Кутом я опять слышал старые напевы о том, что нельзя доверять французской политике военных союзов, порождающей вечную тревогу и напряженное состояние во всех странах мира. С большей определенностью, чем раньше, Кут объясняет свое недоверие к политике Франции ограниченностью или узостью ее национального духа. По его мнению, новое французское правительство Народного фронта во главе с социалистом Блюмом не способно изменить это основное качество француз-

* См. док. № 190.

** См. газ. «Известия», 20, 21, 23, 24 апреля 1936 г.

ской внешней политики. Свою союзницу Бельгию привела Франция к тому, что она вынуждена была после ремилитаризации Рейнской области решительно возражать против недуманных действий французского правительства. Такие же настроения господствуют в среде большинства нейтралов, совещавшихся в Женеве по инициативе Голландии относительно своей линии поведения в Лиге наций, уверяет Кут. Эти же опасения побуждают Скандинавские страны к настороженности в вопросе о дальнейшем пребывании их в рядах Лиги наций. Копенгагенская конференция скандинавского межпарламентского комитета отчетливо иллюстрирует это положение*.

Коснувшись в беседе своего московского визита, Кут рассказал, что нарком предложил Норвегии присоединиться к международной конвенции об определении агрессора**. Этот акт имел бы более символическое, чем политическое значение. Тем не менее он полагал, что для большей эффективности такого акта и ввиду существования скандинавского политического сотрудничества Норвегия должна согласовать вопрос со шведским правительством. К сожалению, вопрос еще не стал предметом обсуждения между обоими правительствами. О том, что он с Саидлером имел на эту тему разговор, остановившись в Стокгольме на обратном пути из Москвы, Кут умолчал. Присутствуя в Женеве на заседании Совета Лиги наций, он не имел возможности повидаться с наркомом и, таким образом, никакого ответа на наше предложение пока не давал. Неуверенно Кут как-то заметил, что указанная конвенция первоначально рассчитана была только на непосредственных соседей СССР. Понятно, я разъяснил ему ошибочность такого предположения.

Внешние политические установки Кута вызывают сильное недовольство в рядах НРП***. Имеются налицо крупные разногласия с другими членами правительства, в первую очередь с временным министром обороны, председателем НРП Торпом. Подтвердил мне это участвовавший 29 мая на обеде в полпредстве министр юстиции Лн, высказавший при этом сомнения, сможет ли оставаться Кут министром иностранных дел в будущем правительстве НРП, если выборы в октябре текущего года дадут партии большинство в стортинге. Обедавший у меня на днях более сдержанный Транмель тоже признавал наличие разногласий с Кутом, главным образом по вопросу об отношении к Лиге наций. Это выявилось с полной очевидностью на съезде НРП, состоявшемся 22—24 мая с. г., в прениях по внешней политике. Подробнее об этом сообщая ниже.

* См. док. № 173, 182.

** См. т. XVI, док. № 213.

*** Норвежская рабочая партия.

О своих переговорах во время заграничного путешествия Кут докладывал в комиссии по иностранным делам в начале мая в строго секретном порядке. Представляется почти невозможным получить самую малейшую информацию об этом отчете.

Если пассивом считать пока враждебные комментарии консервативной и фашистской печати против нас по случаю посещения Москвы Кутом, то в актив надо зачислить большое оживление революционного интереса норвежского рабочего класса к СССР и к его борьбе за мир и коллективную безопасность народов всего мира, что несомненно оказало свое влияние на руководство НРП, улучшившего в последнее время внешнее свое отношение к СССР и заявившего о необходимости защиты единственного пролетарского государства всеми доступными средствами.

2. Партийный съезд НРП протекал в этом году в особых условиях. Впервые за время существования НРП на нем широко дебатировались вопросы внешней политики. Быть может, поэтому соблюдалась непривычная секретность. На этот раз не были допущены представители буржуазной печати, прения не публиковались, не считая мелких заметок о них в рабочей печати. Видимо, состав его был соответственно подобран, ибо, несмотря на старания печати правых партий что-либо узнать, это до сих пор ей не удавалось. Имею краткую информацию о ходе прений по этим вопросам.

Наметились четыре разных течения. Все одинаково исходило из общего положения о неизбежности войны и невозможности воспрепятствования ей. Руководитель организаций в Ставангере Даль безоговорочно доказывал необходимость сотрудничества с СССР и признавал единственно правильной его политику. Остальные течения объединял взгляд, что в будущей войне будут противостоять Советскому Союзу и демократическим государствам все страны фашизма. Расходились же они в вопросах тактики.

Мейер (Осло), считающийся левым оппозиционером, требовал немедленного ухода из Лиги наций для спасения нейтралитета, во избежание обвинений в поощрении фашистских агрессоров, если уход произойдет в момент возникновения военного конфликта.

В выступлениях многих делегатов [эта] точка зрения подвергалась резкой критике.

Кут долго и отвлеченно распространялся о нейтралитете Норвегии старого образца, т. е. без всяких «но». Он считал уход из Лиги наций в данный момент преждевременным. Однако он сигнализировал возможность наступления такого положения, когда придется совершить уход внезапно, чтобы не быть вовлеченным в войну. Что касается вопросов нацио-

иальной обороны, он останется, кем был, т. е. безоговорочным пацифистом, и считает, что его политика соответствует полностью этой установке. Она не требует никаких перемен в военном деле Норвегии. Выступление Кута нашло как будто одобрение среди делегатов из деревни.

Группа Торпа, Транмеля и Финн Му (редактор иностранного отдела центрального органа) заявляли, что будущая война решит судьбу мирового рабочего движения. Поэтому нельзя оставаться безучастным зрителем. Иллюзией надо считать нейтралитет Норвегии, который уже в прошлую войну был делом формальным. Если не хочешь сползть в лагерь фашизма в будущей войне, необходимо сознательно стать на стороне СССР и Франции. Партия и правительство должны вести политику в непосредственном контакте с Советским Союзом и странами народного фронта — Францией и Испанией. В решающий момент покинуть Лигу наций означало бы отождествлять себя с фашистской агрессией, было бы изменой международному рабочему движению и считалось бы враждебным актом по отношению к СССР и Франции.

Предложения этих различных групп не голосовались из опасения, что это вызовет уход Кута из состава правительства и, возможно, даже правительственный кризис. Была принята общая резолюция, содержащая несколько туманных положений.

Решения съезда, по моему мнению, следует воспринимать с надлежащими оговорками. Надо учитывать, что они принимались в предвыборный период и имеют скорее характер лозунгов, чем руководящих и обязательных директив действия. При такой оценке положения, конечно, нельзя считать позицию Кута в правительстве совершенно пошатнувшейся. Не исключено, что установки Кута получают определенную поддержку со стороны будущего норвежского * правительства без социал-демократов, если теперешнее уйдет в отставку вследствие назревающего кризиса.

Не надо, однако, забывать об английском влиянии. В конечном счете решающие действия Кута будут предприниматься при некотором согласовании его шагов с английским правительством.

3. Работа последней сессии стортинга текущего созыва подходит к концу. Все же осталось еще несколько боевых вопросов, как-то: законопроект о создании государственного промышленного банка, о всеобщем страховании старости и др. Буржуазные фракции чинят правительству большие затруднения. На прошлой неделе министр торговли Мадсен говорил о возможном кризисе правительства, если не состоится согла-

* В документе ошибочно — шведского.

шение с крестьянской партией по этим вопросам. Несколько дней спустя, однако, Транмель уверял меня, что опасения минозали, компромисс с крестьянской партией уже намечается и правительству НРП до закрытия сессии стортинга, вернее до выборов нового стортинга, не угрожает никакая опасность.

Полпред СССР в Норвегии
И. Якубович

Печат. по арх.

**185. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране
А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел
СССР**

*Немедленно
11 июня 1936 г.*

Сегодня Сохейли* специально пригласил меня, чтобы передать в Москву просьбу иранского правительства помочь ему в определении позиции иранской делегации на предстоящей сессии Лиги наций. Он заметил при этом, что сегодняшний разговор является продолжением беседы со мной Самни, состоявшейся 24 мая¹⁰⁴. С этой просьбой иранское правительство обращается только к СССР и Турции. Иранское правительство обращается к нам, ввиду проводимой СССР политики мира и защиты малых народов и учитывая большой удельный вес СССР в международных отношениях. Иранское правительство просит Советское правительство сообщить, какую позицию займет оно по вопросу о санкциях, об Абиссинии и особенно о реформе Лиги наций, в частности по вопросу отделения Лиги наций от Версальского договора. Так как иранское правительство при наличии чрезвычайно сложной и опасной обстановки очень плохо в ней ориентировано, оно просит Советское правительство его информировать, какие последствия может повлечь за собой принятие Лигой наций того или иного из предполагаемых с разных сторон решений. Срочно сообщите**.

Полпред

Печат. по арх.

186. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

13 июня 1936 г.

На телеграмму от 11 июня***. Порекормендуйте дать указания иранской делегации связаться на самой сессии с Литвиновым. Мотивируйте это тем, что ввиду сложности и запутан-

* Заместитель министра иностранных дел Ирана.

** См. док. № 185.

*** См. док. № 185.

ности европейской ситуации ему даны широкие полномочия определить на месте наши позиции по некоторым вопросам*.

Стомоляков

Печат. по арх.

187. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

*Немедленно
15 июня 1936 г.*

По сообщению из Петропавловска, японские миноносцы в районе о. Птичий, залив Коврач, поставили флаги на линии трехмильной полосы. Катер миноносца с двумя офицерами, один из них в штатском, подошел к борту нашего краболова «Сибирцев» и вручил от имени командования письмо за подписью капитана Нагаки, в котором сказано, что миноносец установит 12 флагов на расстоянии одной мили одна от другого, обозначающих линию, где кончается трехмильная зона. В письме говорится также, что в случае снятия флагов командование примет меры и могут быть плохие последствия. Кроме того, в письме предлагается созвать совместное совещание капитанов наших и японских краболовов. По сведениям японского консула в Петропавловске, флаги выставлены с целью обозначения границы трехмильной полосы, чтобы японские рыбаки не заходили за эту линию. Поручите Райвнду заявить протест Того против самоуправства капитанов японских миноносцев, нарушающих элементарные нормы международного права. Потребуйте от Того немедленно выяснить самовольные действия капитанов, дав им указание не повторять подобных действий и прекратить угрозы по адресу наших рыболовных судов**.

Стомоляков

Печат. по арх.

188. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 июня 1936 г.

Вернулся из Кливленда. В восторженных овациях Гуверу республиканский конгресс показал свое истинное реакционное лицо. Но вынужден будет выдвинуть кандидатом в прези-

* См. док. № 197.

** См. док. № 192.

денты Лэндона, губернатора из Канзаса, который уже показал свое умение объединять консервативные и прогрессивные элементы. В Канзасе во время рузвельтовского бума он победил демократического губернатора Вудринга, теперешнего товарища военного министра. Он объединил вокруг себя и весьма либерального Уильяма Аллена Уайта, старого редактора либеральной газеты в Канзасе, и Гамильтона Фиша, консервативного руководителя избирательной кампании Лэндона, теперь для той же цели выбранного председателем республиканского всеамериканского партийного комитета.

Те же надежды возлагаются на Лэндона в национальном масштабе. Кроме того, он считается представителем фермерского Запада и уголей руководителям Востока и Уолл-стрит. Его выдвинул Херст и будет его поддерживать. Кандидат в вице-президенты Нокс, редактор газеты «Чикаго дейли Ньюс», — очень консервативный человек, пользующийся в некоторых кругах репутацией прогрессиста, бывший управляющий делами Херста.

Платформа республиканцев — механическое соединение самых реакционных положений с прогрессивными тенденциями типа Нью Дил*. Метод механического соединения противоположных принципов имел успех в Канзасе и, судя по отзывам прессы, имеет некоторый успех у американской публики. Он будет иметь известный успех и в ноябре.

Попытки поставить на конгрессе «советский вопрос» и включить в платформу разрыв отношений с СССР не удалось. С таким предложением выступили от имени Американской федерации труда Грин и Мэтью Уолл**. Этого же добивались Американский легион и отдельные члены конгресса. Гамильтон Фиш сказал Ромму***, что он не внес соответствующего предложения из-за сенатора Бора.

Разрыв не включен в платформу, во-первых, потому, что конгресс не хотел много заниматься вопросом внешней политики, во-вторых, сами инициаторы антисоветских предложений не проявляли большой энергии, в-третьих, этот вопрос вызывал бы возражения со стороны некоторых прогрессистов, а споры хотели избежать. В комиссии, выработавшей платформу, мы имели упомянутых деятелей — Уильяма Аллена Уайта и бывшего сенатора Бингхэма. Возможно, что Бора стал бы возражать.

Это не значит, что республиканцы стали нашими друзьями. Реакция не сложила оружия. При перемене настроения в стране они охотно выступят против нас.

* — «новый курс» (англ.).

** Соответственно председатель и вице-председатель Американской федерации труда.

*** Корреспондент газ. «Известия» в США.

В вопросах внешней политики преобладал изоляционизм и протекционизм. Сейчас изоляционизм, отчасти под давлением наших «друзей» пацифистов, все-таки здесь имеет успех. Но в случае серьезных мировых событий Америка легко станет очень активной. Я убежден, что мы должны сделать все возможное, чтобы эта активность пошла по линии наших интересов и во всяком случае не была бы направлена против нас. Позиция Америки будет иметь огромное значение, особенно для Англии.

Полпред

Печат. по арх.

189. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром авиации Франции П. Котом *

15 июня 1936 г.

Кот, которого я посетил по его приглашению, интересовался состоянием нашего сотрудничества, вытекающего из пакта, в частности по линии авиации. Кот в самых дружественных выражениях высказывал свое мнение о необходимости всяческого расширения этого сотрудничества. В частности, он предусматривает обмен специалистами, указав, что они особенно заинтересованы в посылке к нам таикистов и парашютистов, и обещав всячески поддерживать наши пожелания по линии направления специалистов во Францию, в частности артиллеристов. Кот считает также необходимым организацию постоянного обмена техническим опытом. Так, например, по линии моторостроения он готов сейчас уже заключить с нами договор в смысле обмена опытом.

Кот считает, что из пакта о взаимопомощи должна вытекать необходимость не только чисто военного взаимодействия, но и определенная согласованность действий в области промышленной подготовки. Он выдвигает поэтому проблему «индустриальной взаимопомощи» между Францией и странами, с которыми она связана пактами о взаимопомощи. Индустриальная взаимопомощь должна иметь место как в мирное время в порядке подготовки, так и непосредственно в военное время. Кот считает, что наиболее важным и эффективным явилось бы такое самое тесное сотрудничество в промышленной области между СССР и Францией. Советская промышленность по своему географическому положению находится в значительно более выгодных условиях, чем промышленность Франции, Чехословакии, Бельгии и Англии, которые находятся под непосредственной угрозой со стороны Германии. По-

* Из дневника Е. В. Гиршфельда за период с 11 по 25 июня 1936 г.

этому единственно лишь советская промышленность будет работать нормально во время войны, в то время как во Франции (в частности, в парижском районе, где сконцентрирована значительная промышленность), в Чехословакии военные действия сразу поставят под угрозу и, очевидно, сделают невозможной работу значительной части промышленности. Кроме того, у СССР имеются богатейшие сырьевые ресурсы. С другой стороны, Франция обладает большим техническим опытом и имеет высококвалифицированные кадры, которые могли бы éventуально быть использованы советской промышленностью. Таким образом, налицо определенные элементы для тесного сотрудничества. По мнению Кота, такая координация действий, такое сотрудничество Франции с СССР может заставить призадуматься Германию, прежде чем она предпримет какие-либо агрессивные шаги. С другой стороны, факт такого сотрудничества может оказать решающее положительное влияние на те колеблющиеся группы Франции, которые до сих пор не отдают себе ясного отчета в мощи СССР.

Кот, по его словам, говорил по этому поводу с председателем финансовой комиссии сената Кайо, со стороны которого он опасался встретить сопротивление, поскольку такого рода сотрудничество накладывает новые обязательства на Францию. Однако Кайо относится с сочувствием к этой идее индустриального сотрудничества и взаимопомощи со странами, связанными с Францией пактом о взаимопомощи. (Кот ставил вопрос в общей плоскости, не указывая, что речь идет по существу в первую очередь, с его точки зрения, о сотрудничестве с СССР).

Кот говорил о возможности своего полета в Москву, указав, что его предшественник * Денэн в свое время хотел реализовать этот проект. По мнению Кота, можно было éventуально приурочить его полет к моменту поездки французской миссии на большие маневры в СССР. Присутствие его как министра авиации могло бы придать определенный политический вес пребыванию военной миссии в СССР, даже если бы он формально не возглавлял или не входил в состав ее **. Кот обещал всячески содействовать успеху миссии Наркомтяжпрома во главе с т. Барковым, находящейся во Франции для реализации специальных заказов (я, между прочим, рассказал ему об этой миссии и о ее задачах). Кот обещал поставить перед Даладьё вопрос о нашем сотрудничестве в области авиации ***.

Гирифельд

Печат. по арх.

* В тексте ошибочно — преемник.

** Упомянутый полет не состоялся.

*** См. док. № 230.

190. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

16 июня 1936 г.

Одновременно с обращением к Вам верховного комиссара Канады * по тому же вопросу к Боеву ** в Нью-Йорке обратился торговый представитель Канады, причем в разговоре с Боевым был сделан большой упор на вопрос о поездке в Москву ***.

Инстанция решила через Вас и через Боева дать одинаковый следующий ответ: «Советское правительство не возражает против приезда в СССР кого-либо, в том числе и канадского министра торговли. Но если канадское правительство хочет возобновления торговых отношений с СССР, оно должно знать, что предварительным условием этого является отмена канадским правительством эмбарго на ввоз советских товаров, введенного им в 1931 г.» ****

Крестинский

Печат. по арх.

191. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову

17 июня 1936 г.

Можете сообщить монгольскому правительству о разрешении правительства послать в МНР сроком на два года ветеринарную экспедицию для оказания содействия министерству скотоводства и земледелия МНР в организации ветеринарной помощи и постановке зоотехнического дела ¹⁵⁵.

Стомоняков

Печат. по арх.

192. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренива Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

*Немедленно
17 июня 1936 г.*

В соответствии с Вашей телеграммой от 15 июня ***** сегодня Райвид заявил Того протест против действий японского

* См. док. № 183.

** Председатель «Амторга».

*** См. док. № 212.

**** Ответ был передан И. М. Майским верховному комиссару Канады 19 июня.

***** См. док. № 187.

миноносца. Того ответил, что ему известны обстоятельства этого дела и он не согласен с нашей оценкой действий миноносца как нарушение международного права и не находит в этих действиях оснований для протеста. Капитан миноносца действовал в интересах обеих сторон, руководствуясь чувством доброй воли, в целях избежания конфликтов с краболовами. Того просит передать Вам, что японское правительство считает действия капитана законными и просит оценить в них чувство доброй воли. Угрозы нашим судам также не было, было лишь высказано естественное желание, чтобы флаги не были сняты. Райвид высказал сожаление, что он должен передать такой ответ. Он сказал, что ни при каких условиях командир военного судна не имеет права вмешиваться в такие международные правовые вопросы, как обозначение линии границы территориальных вод у чужих берегов. Капитаны торговых и рыболовных судов должны определять свое местонахождение по отношению к территориальным водам при помощи навигационных приборов, устанавливать же какие-либо знаки могут только власти той страны, которой принадлежат территориальные воды. Если японское правительство имеет какие-либо пожелания в этом вопросе, то оно должно действовать через нормальные дипломатические каналы, а не своевольными действиями командиров военных судов. Сожалея о позиции японского правительства, Райвид поддерживает протест. Что касается вопроса доброй воли, то это относится к оценке субъективных побуждений японского капитана, а не к правовому и политическому значению факта, поэтому он не может входить в эту оценку. Того, повторив вновь свои аргументы, сказал, что ему непонятно, почему советская сторона не хочет признать доброй воли в факте нахождения японских военных судов в районах рыболовства и в их действиях. На это Райвид указал, что еще Сокольников, а затем Стомоняков и Юренев достаточно разъяснили Ота и министру иностранных дел¹⁰⁶, почему мы не можем рассматривать посылку японских военных судов к нашим берегам как дружественный акт, поэтому он считает нецелесообразным дискутировать по этому вопросу, в котором наша позиция осталась неизменной.

Сообщите мне для моей информации, что наши органы сделали с флагами, установленными миноносцем.

Полпред

Печат. по арк.

193. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Италии в Народный Комиссарнат Иностраных Дел СССР

*Немедленно
17 июня 1936 г.*

Большинство итальянских газет возобновило в последние дни резкие выпады против СССР. Одновременно прессе, видимо, поручено начать кампанию за итало-германское сближение. Этой теме посвящены вчера три статьи: Гайда в «Джорнале д'Италия», Бержере в «Гадзетта дель поподо» и в «Аввенире д'Италия». Основная идея статей — восхваление Германии, доказательство необходимости сотрудничества с ней Италии, попытка убедить Лондон в выгодности ориентироваться не на Францию и СССР, а на Германию и Италию. Враждебный характер этих выступлений заостряется против СССР. В этом контексте Бержере выгаается представить, что СССР сейчас будто бы заискивает перед Италией, и позволяет себе оскорбительные выпады против т. Литвинова.

**Временный Поверенный
в Делах СССР в Италии**

Печат. по арх.

194. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славскому *

19 июня 1936 г.

В беседе с Сако 17 июня я указал на то, что в последнее время японская жандармерия предприняла гонения и издевательства над нашими железнодорожными служащими на ст. Маньчжурия, что управление Забайкальской ж. д. рассматривает эти действия как попытки сорвать прямое международное сообщение и что оно просило разрешения у НКПС, в случае продолжения гонений на советских железнодорожников на ст. Маньчжурия, не посылать более туда наших поездов¹⁹⁷.

Ввиду того что японские местные власти явно не отдают себе отчета в серьезных последствиях прекращения международного сообщения между Маньчжурией и Европой, я просил Сако энергично вмешаться в дело через Токно и прекра-

* Телеграмма аналогичного содержания была одновременно направлена в консульство СССР в Маньчжурии. О содержании беседы в тот же день Б. С. Стомоновиков телеграфировал в полпредство СССР в Японии.

тить эти безобразия. Сако сказал, что он вполне согласен со мной относительно недопустимости прекращения движения, и обещал немедленно принять меры. Было видно, что он осуждает действия японской жандармерии.

Стомоняков

Печат. по арх.

195. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на конференции в Монтрё о режиме проливов

22 июня 1936 г.

Советское правительство не замедлило отозваться на ноту турецкого правительства от 11 апреля, содержащую предложение о пересмотре Лозаннской конвенции о проливах, и в своей ответной ноте от 16 апреля * оно изъявило «готовность принять участие в переговорах о приведении режима проливов в соответствие с интересами безопасности Турции и обеспечения мира и спокойствия в этой зоне». Советское правительство представлено здесь сегодня не только как участник Лозаннской конференции 1923 г., но и как одна из черноморских держав, интересы которых непосредственно связаны с тем или иным разрешением вопроса о проливах. К этому надо добавить специальные интересы Советского Союза, вытекающие из его географического положения, разобщения окружающих его морей. Если, по образному выражению г. Титулеску, проливы являются сердцем Турции и легкими Румынии, то для Советского Союза они составляют жизненный нерв, соединяющий разные части его тела. С удовлетворением отмечаю, что и остальные участницы Лозаннской конференции приняли предложение Турецкой республики, тем самым признав справедливость и своевременность пересмотра Лозаннской конвенции.

Лозаннская конференция состоялась в то время, когда в международном положении целиком царствовал хаос, вызванный мировой войной, когда европейские государства в политическом отношении только начали перестраиваться, направление и цели их внешней политики еще не определились и в некоторых случаях о них существовали даже превратные представления. Сильно было в то время пацифистское движение с его иллюзией о том, что мировая война была последней войной. Ни одно правительство не решилось тогда выступить открыто с проповедью агрессии, империалистической экспансии и глорификацией войны.

* См. док. № 131.

Истекшие с тех пор 13 лет внесли в этом отношении огромные изменения. Мощный пацифистский поток уменьшился в своем объеме и разбился на отдельные мелкие, слабые ручейки. Международные противоречия вновь чрезвычайно обострились, и те силы, которые от средних веков до новейшего времени, вплоть до мировой войны, толкали народы на кровавые столкновения, в некоторых странах вновь надменно подняли голову и открыто, без всякого стеснения не только проповедают, но и готовят войны. Не обошлось даже и без самих войн. С другой стороны, за истекшее время определились внешнеполитические диспозиции почти всех стран. Можно теперь почти безошибочно указать, какие из них стремятся к обеспечению мира в той или иной степени и какие, наоборот, всю свою политику строят на нарушении его.

Невозможно не учитывать все эти изменения и новые факторы при разрешении стоящей на этой конференции перед нами проблемы.

При этом мы особенно должны учитывать, что Турецкая республика за время, отделяющее нас от Лозаннской конференции, дала достаточно убедительные доказательства своего миролюбия.

Миролюбиво настроенная Турция должна быть, на мой взгляд, решающим соображением в нашем отношении к ее предложению о восстановлении ее неограниченного права защиты ее собственной территории. Право на защиту не может быть рассматриваемо абстрактно. Это право должно быть согласовано с общими интересами мира. Совсем иное отношение требуется к этому праву, когда есть опасения заведомого использования этого права для нарушения интересов других стран и в целях агрессии.

То же можно сказать о пересмотре договоров. Одно отношение к нему, когда этот пересмотр целиком укладывается в рамки сохранения, а тем более укрепления мира, иное отношение, когда реализация его может вызвать политические пертурбации, нарушить международное спокойствие и мир или привести к насильственному нарушению интересов других государств. Таким образом, мне представляется, что вопрос о пересмотре Лозаннской конвенции может быть при добром желании всех миролюбивых участников конференции разрешен с удовлетворением справедливых требований Турции, с соблюдением интересов всех черноморских держав, а также интересов укрепления и обеспечения мира в бассейне Черного моря, содействуя тем самым укреплению всеобщего мира.

В духе этих соображений советская делегация будет рада сотрудничать с остальными делегациями на этой конференции.

196. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

*Немедленно
22 июня 1936 г.*

Посетите Хакселя и сообщите ему, что мы готовы приступить к оформлению материалов советско-финляндской разграничительной комиссии 1934 г. Добавьте, что мы хотели бы провести конференцию в Москве или в крайнем случае в Ленинграде, ибо по условиям работы наши специалисты не могут в ближайшем будущем выехать из Союза*.

Крестинский

Печат. по арх.

197. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Самии

22 июня 1936 г.

Я сообщил Самии, что его отказ от связывания вопроса о «Кевир-Хурiane»** с пограничными соглашениями уже дал благоприятный результат. Советское правительство в настоящее время готово приступить к переговорам о заключении соглашения по «Кевир-Хурianу». Как только я разгрузусь от пограничных соглашений, мы сможем начать переговоры. Таким образом, этот вопрос, которому иранское правительство придавало весьма большое значение и на разрешении которого оно так часто настаивало, будет нами в скором времени урегулировано.

Самии поблагодарил за эту обрадовавшую его информацию. Он пока что не очень хорошо знаком с вопросом о «Кевир-Хурiane». Он знает только, что это серьезное дело и, пожалуй, единственный оставшийся неурегулированным спорный вопрос. Самии постарается основательно проработать все необходимые материалы, чтобы приступить затем к переговорам.

Затем Самии обратился ко мне с рядом вопросов, имевших в виду выяснить примерно объект предстоящих переговоров и нынешнее состояние «Кевир-Хурiane».

После этого Самии высказал большое сожаление, что он не сдержал своего обещания об окончании переговоров о погрансоглашениях в трехнедельный срок. Это объясняется тем, что вопросы оказались сложнее, чем он сам предполагал. Он и сейчас не может назвать точный срок, в течение которого

* См. т. XVIII, прим. 185.

** См. док. № 19.

можно будет окончить переговоры. Нужно еще штудировать соответствующие материалы, согласовывать разные моменты с военным ведомством и т. д.

Вслед за тем Самии спросил меня, верно ли, что я поеду в отпуск только после окончания переговоров. Я ответил, что, поскольку мы подходим к концу, я хотел бы довести дело до конца с пограничными соглашениями, а также заключить соглашение о «Кевир-Хурране». Самии вновь стал извиняться, что задерживает мой отпуск, хотя вид у него был такой, словно он хотел бы, чтобы я не задерживался и уехал.

Вслед за тем Самии стал уверять меня, что он очень много времени уделяет вопросу о границе — по два часа в день он заседает с ведомствами, детально прорабатывая все это сложное дело.

Я ответил, что не совсем понимаю, почему вопрос о границе теперь вызывает такое промедление и почему он требует такого длительного изучения. Ведь весь документ состоит из нескольких статей. Имеет решающее значение только самая формула о границе, все остальное играет вспомогательную роль. Формула же о Мугани и тезис о сохранении статус-кво на остальной границе уже давно согласованы и приняты обеими сторонами.

Самии с большой живостью возразил, что формула о Мугани не была согласована и что согласован был только принцип.

Я ответил, что была согласована, и притом неоднократно, именно формула. Мало того, еще в самом начале переговоров эта формула была запечатлена Пастуховым* в ориентировочном наброске на карте.

Самии на это не ответил, но заявил, что мы напрасно беспокоимся. Иранское правительство не имеет в виду отказываться от каких-либо прежних согласований, но ему, Самии, лично необходимо основательно изучить вопрос, чтобы с полной ясностью и ответственностью подписать документ. Пока что он изучает границу Ирана с Закавказьем. Вслед за тем ему нужно будет также основательно изучить восточную границу.

Так как, кроме того ему приходится вести переговоры с Ираком, с рядом других стран, а также готовить делегацию на пленум Лиги наций, то он не в состоянии так быстро справиться с погрансоглашениями, как этого ему хотелось бы.

Я сказал, что понимаю, как министр загружен работой, но тем не менее такая длительная задержка в оформлении уже вполне согласованных вопросов вызывает беспокойство.

* Полпред СССР в Иране с 1933 г. до апреля 1935 г.

Если где-либо — может быть даже не в министерстве иностранных дел — имеются намерения пересмотреть прежние договоренности, то я хотел бы личным порядком предупредить, что такого рода поворот в переговорах приведет нас к тупику и вызовет в Москве впечатление какого-то изменения в политической позиции Ирана в отношении СССР.

Самии вновь заявил, что для беспокойства нет никаких оснований, что таких намерений об отказе от достигнутых договоренностей нигде нет и ни одно ведомство ничего подобного не предлагает.

Я ответил, что принимаю это заявление к сведению и ожидаю быстрого окончания дела*.

После этого мы с Самии обменялись мнениями по поводу текущих европейских дел, и Самии сообщил мне, что дал Сепакхоби** указание вступить в контакт с г. Литвиновым в Женеве***.

А. Черных

Печат. по арх.

198. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на конференции в Монтрё о режиме проливов

• 23 июня 1936 г.

Прежде всего я хочу поздравить турецкое правительство с этим замечательным документом — проектом конвенции, проникнутым духом беспристрастия и широкого понимания, побудившим авторов документа принять во внимание не только интересы безопасности Турецкой республики, но и интересы других стран, и в особенности стран, расположенных на берегах Черного моря.

Мы не должны забывать, что в этом проекте конвенции Турция отступила от очень старого принципа, которого долго придерживалась Оттоманская империя, принципа полного закрытия проливов для военных судов, это само по себе выявляет дух проекта, на который я только что указывал.

Мы все знаем, что данные проливы — Дарданеллы и Босфор — имеют особый характер и не могут быть сравниваемы с другими международными каналами и проливами, так как они ведут только в Черное море, являющееся закрытым морем, не могущим быть использованным для транзита в другие страны. Учитывая эти обстоятельства, многие европейские государственные деятели, в том числе, например, лорд

* См. док. № 290, 353.

** Посол Ирана в СССР.

*** См. док. № 185, 186.

Пальмерстон и Веллингтон, неоднократно в течение XIX столетия допускали закрытие проливов.

Закрытие проливов имеет чрезвычайное значение не только для безопасности Турции, но также и для всех черноморских государств. Конечно, эта безопасность была бы лучше всего гарантирована полным закрытием проливов для военных судов нечерноморских государств. Тем не менее мое правительство готово не настаивать на таком закрытии, а поддерживать турецкое предложение об открытии проливов для судов всех стран для определенной цели и при известных ограничениях.

При полной свободе прохода через проливы коммерческих судов мне кажется, что ни одно государство не заинтересовано — с практической точки зрения — в посылке своих военных судов в Черное море, откуда нет выхода и где оно не имеет морских баз. Однако в международной практике принято посылать военные суда с визитами вежливости, и турецкое правительство приняло это во внимание, предлагая разрешить проход военных судов в Черное море для таких целей. Мы, конечно, не желаем лишать государства этой привилегии. Однако известные границы должны быть установлены для того, чтобы для черноморских государств не возникли угрозы и опасности. Чем более мы ограничим тоннаж и количество судов, проходящих в Черное море, тем больше будет обеспечена безопасность в этой части Европы и Азии, а создавая безопасность в одной части света, мы уже много делаем для общей безопасности.

Однако нет никаких оснований для того, чтобы черноморские государства не имели полной свободы прохода для своих военных судов через проливы в направлении великих международных водных путей и океанов.

Советский Союз, имея на своих границах разобщенные моря, находится в особом положении. Естественно, представляется необходимым, чтобы наши морские силы могли свободно сообщаться с нашими различными морскими базами и портами, и я уверен, что в духе справедливости в этом праве нам не будет отказано. У нас имеются судостроительные верфи в Черном море, и нет никаких оснований для того, чтобы нашим судам, построенным на этих верфях, не было разрешено следовать в другие морские базы, для которых они предназначены. С другой стороны, у нас имеются судостроительные верфи в других морях и портах, и нет никаких оснований для того, чтобы построенные там суда не могли быть включены в наш морской флот на Черном море. В свете этих соображений я изъявляю готовность принять турецкий проект конвенции за основу для дискуссии, хотя, возможно, мне придется внести некоторые небольшие поправки по ряду пунктов.

В отношении одного пункта — пункта, затрагивающего интересы черноморских государств, — я должен сделать особую оговорку.

Я не хочу обсуждать вопрос о демилитаризации проливов; мне кажется, что по этому пункту не понадобится дискуссии, так как мы все признаем право Турции на полную свободу защиты ее собственных берегов и территорий ее республики. Участвуя в этой конференции по пересмотру Лозаннской конвенции на основе турецких предложений, мы все признаем своевременность аннулирования тех статей конвенции, которые касаются демилитаризации проливов. В этом вопросе я не делаю никаких оговорок и принимаю соответствующие статьи проекта в том виде, как они предложены.

В заключение я хочу напомнить конференции, что мы не должны забывать про Лигу наций. Лига не умерла; она продолжает существовать и, я надеюсь, выйдет из своих затруднений оздоровленной и более сильной, чем прежде. Поэтому мы должны обеспечить ее интересы и предусмотреть возможность входа в Черное море и выхода из него военных судов во исполнение требований Лиги наций о предоставлении возможности жертвам агрессии пользоваться поддержкой и помощью. Авторы проекта конвенции имели в виду это обстоятельство, но я хотел бы видеть его выраженным в конвенции в более конкретной форме.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 136(5063), 24 июля 1936 г.*

199. Заявление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на конференции в Монтрё о режиме проливов представителям печати

25 июня 1936 г.

Советское правительство не добивается ничего иного, как того, чтобы принятый Лозаннской конвенцией принцип ограничения тоннажа нечерноморских держав в Черном море был развит до таких пределов, чтобы для черноморских держав не создалась угроза и необходимость чрезмерного увеличения их морских сил в Черном море. В то же время советская делегация не может не возражать против попыток ограничения прохода через проливы военных судов черноморских держав, — ограничения, которое в настоящее время по Лозаннской конвенции не существует. Советскому Союзу свобода прохода необходима для визитов вежливости, для сообщения между его морскими базами в разных морях и ни для чего иного. Вместе с тем советская делегация выставляет принцип свободы прохода военных судов через проливы для всех го-

сударств в тех случаях, когда это необходимо для оказания помощи жертвам агрессии в выполнении Пакта Лиги наций. Таким образом, предложения советской делегации не ставят себе целью нарушение принципов Лозаннской конвенции, а скорее направлены к их развитию в соответствии с теми самыми изменениями в международном положении, которые продиктовали пересмотр Лозаннской конвенции. Выставленное черноморскими государствами требование большей безопасности для их берегов не нарушает интересов других государств, которым предоставляется свобода прохода в Черное море в разумных пределах с мирными целями.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 147(6004), 25 июня 1936 г.*

200. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Валентино

25 июня 1936 г.

1. Валентино заявляет, что он хотел бы мне задать вопрос о позиции СССР в вопросе о санкциях. Британское правительство уже выявило свое отношение к этому вопросу. Точно так же поступило и французское правительство, заявив, что оно поддержит в Лиге наций предложение об отмене санкций. Ему кажется целесообразным, чтобы и Советский Союз до заседания Лиги наций сделал предварительное заявление о необходимости покончить с санкциями против Италии. Я отметил, что не вижу в этом практической необходимости, поскольку т. Литвинов в беседе с Алонзи уже имел возможность изложить наше отношение к санкциям¹⁰⁹. Наша позиция в этом вопросе известна также другим членам Лиги наций.

Валентино возразил мне, указав, что, принимая во внимание удельный вес Советского Союза в Лиге наций, представлялось бы желательным открытое выявление нашей позиции до заседания Совета Лиги наций. Валентино сожалеет о том, что СССР не взял на себя формальной инициативы в вопросе об отмене санкций. Он понимает, что это было невозможно, но во избежание нежелательной реакции итальянского общественного мнения он не хотел бы, чтобы СССР остался в стороне от возникшего сейчас движения против санкций. В свое время т. Литвинов очень ясно изложил, на каких условиях Советский Союз считает возможным применение санкций, причем предполагалось, что в том случае, если другие страны не сообразуются с этими условиями, Советский Союз сохраняет свободу действий. Валентино думает, что этот

момент сейчас наступил и СССР вправе заявить о своем отказе в дальнейшем применять санкции против Италии. Валентино вновь сослался на пример Англии и Франции.

Я обратил внимание Валентино на то, что в нашем положении нет аналогии с положением Англии и Франции. Позиция этих стран в вопросе о санкциях за последние месяцы подверглась значительным изменениям, в связи с чем эти страны, естественно, должны были выступить с декларацией, определяющей их позицию в этом вопросе в настоящее время. Между тем политика Советского Союза в вопросе о санкциях осталась совершенно неизменной, о чем известно как Италии, так и другим государствам. СССР в свое время действительно заявил, что он будет считать себя связанным решением о санкциях лишь в том случае, если другие страны будут лояльно проводить это решение в жизнь. Но пока что не произошло ничего такого, что позволило бы Советскому Союзу считать, что он освобождается от необходимости применять санкции. Ведь Англия и Франция, несмотря на то что они убедились в неэффективности и считают необходимым их отменить, тем не менее продолжают применять санкции. Я добавил, что не вижу, почему итальянское правительство должно было быть заинтересовано в том, чтобы мы сделали заявление по вопросу о санкциях до заседания Лиги наций.

Валентино просит иметь в виду, что он затронул вопрос о желательности нашего заявления об отмене санкций не по поручению правительства, а только по своей личной инициативе.

2. Валентино заявляет, что в Риме существуют серьезные опасения, как бы обсуждение Лигой наций аргентинского предложения не привело к принятию резолюции, осуждающей захват Италией Абиссинии или обязывающей членов Лиги наций не признавать факта присоединения Абиссинии к Италии. Италия отнюдь не собиралась добиваться в Лиге наций формального признания совершившегося факта. Она рассчитывала на то, что в целях создания условий для сотрудничества в деле укрепления коллективной безопасности Лига наций обойдет этот вопрос молчанием с тем, чтобы он мог решаться в порядке двусторонних переговоров Италии с соответствующими государствами в отдельности. В том случае, если бы Лига наций приняла резолюцию о непризнании аннексии, создавался бы тупик, выхода из которого он не видит. Валентино отмечает, что он официально уполномочен заявить, что принятие подобной резолюции крайне затруднило бы дальнейшее сотрудничество Италии с Лигой наций, о чем Валентино просит довести также до сведения г. Литвинова.

Валентино довольно прозрачно намекнул на то, что итальянское правительство намерено в будущем обусловли-

вать заключение различного рода соглашений согласием своих контрагентов на признание факта присоединения Абиссинии к Италии.

Я отметил, что мне не известно о существовании аргентинского предложения относительно непризнания аннексии (Валентино заявляет, что такого предложения пока еще нет, но оно, по-видимому, будет внесено в ходе дискуссии). В том случае, если бы такой вопрос действительно возник, не исключено, что т. Литвинов запросит инструкции правительства, хотя возможно, что он сам примет необходимое решение в соответствии с общей обстановкой. Я, во всяком случае, доведу до его сведения о заявлении Валентино.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

201. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

26 июня 1936 г.

Уважаемый товарищ,

Вследствие принятого по соображениям экономии решения отправлять почту в Японию через Китай мы, к сожалению, не имели еще от Вас почты после 10 мая и получим таковую только 10 июля. Мы посылаем поэтому нашу сегодняшнюю почту без обычного обсуждения полученных от Вас с последней почтой материалов.

1. Несмотря на сравнительное затишье на границах, я обеспокоен нынешним состоянием наших отношений с Японией, ибо для меня очевидно, что в результате усилившегося после февральских событий²⁹ влияния японской военищины в стране, и на внешнюю политику в частности, враждебность к нам в Японии за последние месяцы сильно углубилась и, по-видимому, продолжает и дальше углубляться. Военно-экстремистские элементы стали несомненно осторожнее, но их работа по материальной и психологической подготовке войны с нами чрезвычайно усилилась и, благодаря военному положению и другим принятым ими мерам, имеет несомненно крупные успехи. Все чаще приходят сведения, говорящие о том, что количество людей, верящих в неизбежность войны между Японией и Советским Союзом, растет, а число более или менее влиятельных деятелей, выступающих за сближение с Советским Союзом, уменьшается. Большое впечатление произвела на меня телеграмма т. Кочетова¹¹⁰, на которую Вы обратили мое внимание. Огромных успехов достигла работа японской военищины, если даже поставщики нашего торгпредства перестают интересоваться получением заказов.

2. Я часто думаю о том, какие меры мы могли бы принять для борьбы с враждебной нам пропагандой, и, к сожалению, каждый раз прихожу к тому выводу, что наши возможности воздействия на японское общественное мнение крайне ограничены. Больше впечатление произвела на меня полученная сегодня Ваша телеграмма, в которой Вы сообщаете, что передовая «Известий» от 18 июня была послана агентством Домэй Цусин только министру иностранных дел и военному министру.

Я прошу Вас проработать и сообщить нам по телеграфу Ваши предложения по этому крайне большому вопросу наших отношений с Японией¹¹¹.

3. Само собой разумеется, мы можем, однако, влиять на японскую общественность не только нашей разъяснительной контркампаньей, нейтрализующей антисоветскую кампанию военно-экстремистских элементов, но и прежде всего положительными актами, убеждающими японский народ в нашем желании улучшить отношения с Японией и тем самым разряжающими создавшуюся напряженную атмосферу вокруг наших отношений. Эти положительные акты должны идти параллельно с теми ударами, которые мы наносили и будем наносить японской воениции на наших границах, если она и дальше будет пытаться этими «прямыми действиями» подкрепить свою политику подготовки войны с нами. Эти удары показывают наглядно японской общественности, насколько рискованна и опасна политика, рекомендуемая ее военицией.

4. Наибольшее влияние на японскую общественность из всех возможных положительных актов нашей политики оказалось бы, конечно, урегулирование положения на советско-маньчжурской границе. К сожалению, события превзошли пессимистическую оценку поведения японского правительства по этому вопросу, данную в моем предыдущем письме к Вам от 19 мая за № 5511¹¹². Теперь уже очевидно: несмотря на то что японское правительство и, в частности, Хирота в свое время добивались образования пограничных комитетов и демаркации и несмотря на то что еще в беседе с Вами от 30 апреля Хирота выражал удовольствие по поводу нашего согласия на образование двух комиссий для восточной части границы с Маньчжоу-Го и надежду на то, что переговоры начнутся еще до его выступления в парламенте, он вынужден под давлением воениции уклоняться от дальнейших переговоров по этому вопросу. Об Арита и говорить нечего — он является прямым исполнителем велений военных кругов. Передовая «Известий» от 18 июня была рассчитана на то, чтобы побудить правительство Хирота в связи с переговорами о пограничных комиссиях на какие-нибудь дальнейшие шаги по этому вопросу.

Не навязываясь на эти переговоры с Арита или Хирота, Вам следует в беседах с более крупными деятелями с датами и фактами в руках указывать на открытый саботаж переговоров со стороны японского правительства и на введение в заблуждение японской общественности по этому вопросу, в частности путем непропуска разъяснительных сообщений из советской прессы.

Я собираюсь через некоторое время предложить правительству еще раз разоблачить политику японского правительства по этому вопросу в каком-нибудь интервью одного из крупнейших наших деятелей или в официальном сообщении ТАСС. Сообщите Ваше мнение по этому вопросу по телеграфу¹¹³ и, в частности, укажите, нет ли у Вас возражений против того, чтобы это было сделано со ссылкой на то, что сообщение ТАСС и передовица «Известий» от 18 июня были скрыты от прессы и посланы только министрам военному и иностранным дел.

5. Другим положительным актом нашей политики было бы, конечно, заключение рыболовной конвенции. К сожалению, однако, непримиримая позиция японского правительства по этому вопросу, выразившаяся в ряде непремлемых для нас требований, и в особенности в требовании закрепления за японскими рыбопромышленниками на 12 лет всех без исключения участков, которые находятся у них в аренде, не дала нам возможности пойти на заключение новой конвенции до истечения срока старой конвенции. Принятие японских требований, и в особенности создание прецедента закрепления на весь срок новой конвенции всех очутившихся у японцев рыболовных участков, не было бы компенсировано теми положительными результатами, которые дало бы заключение конвенции в срок.

Гов. Козловский все еще болеет и 28-го выезжает на лечение в Цхалтубо. Переговоры возобновятся фактически только в августе.

Как Вы узнаете из посылаемой Вам с этой почтой не правленной мною записи беседы с Сако от 17-го сего месяца, он вручил мне новые предложения японского правительства¹¹⁴. Они содержат уступку в отношении срока закрепления за японцами их участков, но по другим пунктам содержат ухудшение последних позиций, которые занимал Сако в переговорах с т. Козловским. Для того чтобы не давать японцам возможности говорить о длительном перерыве переговоров из-за болезни т. Козловского, возможно, что мне придется через некоторое время вызвать Ота или Сако и вручить им наш ответ на предложения Сако от 17 июня*.

* См. также док. № 234.

Как я уже Вам сообщил в моем последнем письме, правительство решило занять твердую позицию в этих переговорах и не соглашаться на закрепление за японцами всех их участков на весь срок новой конвенции.

6. Дальнейшим положительным актом с нашей стороны с целью воздействия на нынешнее состояние японо-советских отношений мог бы быть успешный результат предстоящих переговоров с адмиралом Сакондзи * по вопросам урегулирования положения японской нефтяной концессии на Северном Сахалине. Как я уже писал Вам 17 июня, я думаю предложить правительству продлить японцам программу производства разведочных работ на этой концессии до 1941 г. При нынешнем состоянии наших отношений с Японией и при фактическом отсутствии активных переговоров по сколько-нибудь серьезным вопросам представляется, однако, почти невозможным получить за это от Японии реальной компенсации по какому-нибудь другому вопросу наших с ними отношений. Я склоняюсь поэтому к мысли предложить правительству удовлетворить указанное основное требование японцев в отношении нефтяной концессии, попытавшись при этом урегулировать положение на этой концессии вообще, поскольку такие вопросы, как зарплата и жилплощадь для советских рабочих концессии, вопрос снабжения и т. п., составляют хронический источник конфликтов со стороны этой концессии.

7. Конечно, положительный исход переговоров с Сакондзи, хотя и важен для установления лучших отношений между нами и военно-морскими кругами Японии, может дать лишь сравнительно мало для воздействия на японскую общественность.

Так как наши возможности в этом отношении действительно очень малы, я прошу Вас тщательно проработать этот вопрос и сообщить по телеграфу, какие еще положительные шаги могли бы Вы рекомендовать в целях улучшения нынешнего состояния наших отношений с Японией¹¹⁵.

8. Кстати, в своей телеграмме от 1 июня¹¹⁶ Вы сообщили о заявлении Тамура т. Райвиду о том, что морские круги весьма недовольны политикой армией по советскому и китайскому вопросам и что флот подготавливает собственные позиции по вопросам внешней политики.

Ввиду большого значения позиции морских кругов для определения политики Японии вообще и в отношении Советского Союза в частности я просил бы Вас сделать все возможное для получения проверенной информации по этому вопросу.

* Председатель правления Северосахалинского нефтяного акционерного общества.

9. Несмотря на дружественные заявления, сделанные Вам японскими парламентариями на завтрак по случаю отъезда их делегации через СССР в Венгрию¹¹⁷, заявления, которые Вы расценили как «вызов» по адресу женщины, глава этой делегации Макияма в интервью, помещенном в газете «Харбин симбун», заявил, со ссылкой на информацию, полученную из токийского минидела, о том, что отношения Японии с СССР «находятся в довольно критическом состоянии», что «СССР должен либо эвакуировать свои вооружения с Дальнего Востока, либо объявить войну Японии», что на предстоящем съезде парламентариев «дальневосточный вопрос будет центральным» и, наконец, что, «если СССР будет продолжать вызывающую политику, война неизбежна».

Ввиду такого поведения делегации я, конечно, не могу рекомендовать т. Молотову принять ее. Я дал указание, чтобы делегация была встречена представителями ВОКС, которые окажут ей всякое содействие. Возможно, что вслед за этим, если об этом попросит Ота, я приму делегацию и переговорю с ней, в частности заведу разговор об интервью в «Харбин симбун». В зависимости от ответов, которые делегаты мне дадут, можно будет уже решить, рекомендовать ли еще кому-нибудь принимать эту делегацию или вместо этого, может быть, дать в прессу сообщение, которое заранее дискредитировало бы ее предстоящие враждебные выступления в Будапеште.

10. Как я уже писал Вам в своем письме от 19 мая, я предложил правительству применить ответные меры в отношении японского посольства в связи с продолжающимся дискриминационным режимом¹¹⁸, установленным в отношении нашего полпредства в Токио*. Это решение уже принято.

11. Мы еще не знаем точно, когда уедет Ота. Мы собираемся устроить ему подчеркнуто дружественные проводы, хотя наша задача затрудняется тем, что он всех уверяет, и в том числе прежде всего НКВД, что будто бы вопрос о его окончательном уходе еще не решен.

12. В связи с осмотром багажа т. Кочетова и некоторых других наших сотрудников при въезде в Японию у меня возникла мысль о том, не было ли бы целесообразно показать японцам неудобства такой практики производством досмотра во Владивостоке или в Негорелом багажа кого-нибудь из членов японского посольства в Москве. По получении настоящего со ссылкой на это письмо телеграфируйте, находите ли Вы это полезным и не думаете ли, что это может еще больше осложнить положение нашего полпредства¹¹⁹.

13. Мы за последнее время стали получать от Вас как будто меньше материалов о внутреннем положении Японии.

* См. док. № 75, 96.

Впрочем, может быть, мы найдем их в ожидаемой от Вас почте. Нас чрезвычайно интересует, что происходит в действительности в Японии после февральских событий. Каково положение правительства Хироита? Каково отношение между ним и финансово-промышленными и торговыми кругами Японии? Какое влияние оказало на буржуазию и на так называемую деловую жизнь страны довольно радикальное изменение финансовой политики, проводившейся Такахаши *? Каковы настроения различных кругов населения? Мы не имеем от Вас никакой информации о настроениях среди крестьянства, рабочих и трудовой мелкой буржуазии. Нас интересуют далее, конечно, конкретные сведения о тех отношениях, которые установились между правительством и армией, и о тех каналах, по которым проводится теперь фактическое влияние военщины на все государственные дела. Каковы настроения в военных и других кругах в отношении СССР, Китая, Англии и США? Каково отношение к европейским делам¹²⁰?

14. Очень интересна сообщенная Вашей телеграммой от 19-го сего месяца беседа с Камэи¹²¹, содержащая информацию о росте в армии тенденций в пользу соглашения с СССР, относительно роста движения за образование в Японии народного фронта и т. д. Многое из этих сообщений вызывает сомнения, но ввиду большого интереса было бы очень важно их проверить.

15. Как я уже телеграфировал Вам, желательно после каждой Вашей сколько-нибудь важной беседы с Хироита или Арита давать сюда по линии ТАСС сообщение с таким расчетом, чтобы оно могло быть нами опубликовано. Конечно, это не значит, что такое сообщение всегда будет опубликовано, но на всякий случай его полезно иметь.

С товарищеским приветом

Печат. по арх.

Б. Стомоняков

202. Нота Полиомочиого Представителя СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирова Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел МНР Амору

26 июня 1936 г. № 011

Прилагая при сем копию заключительного акта¹²², подписанного 24 июня Советско-Монгольской Паритетной Комиссией о приеме и сдаче Хатхильской шерстомойки, Полномочное Представительство СССР в МНР имеет честь довести до Вашего сведения, что согласно упомянутому выше акту акцио-

* Министр финансов Японии; был убит во время путча в феврале 1936 г.

иерное общество «Монголшерсть» перестало существовать и что Хатхыльская шерстомойка с 24 июня считается советской стороной переданной и принятой в свою собственность Монгольским Правительством.

Что касается вопроса о выкупе Монгольским Правительством советской доли капиталов, вложенных в бывшее акционерное общество «Монголшерсть», то этот вопрос, в соответствии с соглашением от 1 декабря 1934 г.^{*}, составит предмет особого обсуждения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Монгольской Народной Республики.

Печат. по арх.

На эту ноту Амор направил В. Х. Таирову следующий ответ от 10 июля 1936 г.:

«Имею честь сообщить Вам, уважаемый Полномочный Представитель, о том, что нами получена Ваша нота № 011 с приложением акта Паритетной Комиссии от Правительств СССР и МНР о сдаче и приеме Хатхыльской шерстомойки акционерного общества [«Монголшерсть»] с 24 июня 1936 г. в собственность монгольского государства.

В связи с этим нужно с благодарностью отметить, что Советский Союз всегда оказывал и оказывает горячую помощь в развитии промышленности нашей страны путем создания акционерных обществ с последующей передачей в собственность Монгольского Правительства, что является дружественной поддержкой СССР в развитии культуры и хозяйства и укреплении независимости нашей республики».

203. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

29 июня 1936 г.

На Вашу телеграмму от 27 июня 1936 г.¹²³ В конце 1934 г. перед моим отъездом в Москву Арас сделал совершенно точное предложение о заключении пакта взаимопомощи^{**}, по которому в случае нападения на проливы мы помогаем Турции защищать их, а в случае нападения на нас турки закрывают проливы и мы также помогаем их защищать. Напомните Арасу, что он начал свое предложение с того, что география диктует нам, какое соглашение мы должны заключить, и обосновывал это свое предложение тем, что здесь в проливах наши интересы совпадают и поэтому реальное соглашение должно содержаться в совместной защите этого пункта. В ряде бесед с того времени Арас не раз указывал, что предложение остается открытым и что дело за нашим согласием^{***}. В беседе

^{*} См. т. XVII, док. № 409.

^{**} См. т. XVIII, прим. 147.

^{***} См. т. XVIII, док. № 286.

12 июня¹²⁴ он коснулся пакта взаимопомощи, но, так же как и в предыдущих случаях, никогда не развизал и не уточнял содержания пакта, ссылаясь лишь на раз сделанное предложение. Напомните ему такую деталь, что, развивая идею пакта о защите проливов, он предусматривал участие нашего флота и указывал, что, может быть, часть его целесообразно будет держать в Смирне или на другой базе, так как эффективность его помощи будет больше на подступах к Дарданеллам. Хотя я и уверен в точности моего сообщения, но я проверил у Залкинда, который присутствовал на всех этих беседах с Арасом. В беседе 12 июня Арас не раскрывал содержания пакта о взаимопомощи, а говорил о нем, как о предложении известном и сохраняющем силу по настоящее время.

Карахан

Печат. по арх.

204. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

*Немедленно
30 июня 1935 г.*

Сегодня в результате предпринятых шагов Никсон сделал Озерскому следующее предложение: 1. Чисто финансовый кредит сроком на пять лет из $5\frac{1}{2}\%$. 2. Сумма кредита — 5 млн. ф. ст., но если мы захотим, то 10 млн. ф. ст., однако при условии, что мы обещаем принять все меры к реализации названных 10 млн. ф. ст. на товары английского производства при наличии надлежащих коммерческих условий на протяжении года (до 30 июня 1937 г.). 3. Поскольку мы отвергаем текст письма Никсона по вопросу о методах расплаты, он предлагает расчет за товары наличными против документов в Лондоне. Никсон высказал также желание возможно скорее закончить переговоры. Ванситтарт, которого я видел сегодня совсем в другой связи, в разговоре также заявил мне, что английское правительство хотело бы в ближайшее время завершить слишком затянувшиеся переговоры о кредитах. Я считаю чрезвычайно важным, чтобы мы со своей стороны тоже приняли меры к скорейшему завершению переговоров. Указанные Никсоном условия (пп. 1 и 2) не только вполне приемлемы, но и представляют собой крупнейшие достижения как с хозяйственной, так и с политической точки зрения, особенно если учесть, что такие условия нам предлагаются в Англии. Известным препятствием является лишь п. 3, на котором Ник-

* Копия телеграммы направлена М. М. Литвинову в Женеву.

сон сегодня категорически настаивал, но в конце концов вопрос о методах расплаты имеет второстепенное значение. Следовало бы либо принять новое предложение Никсона*, либо дать Озерскому достаточно гибкие директивы, на основе которых он мог бы быстро договориться с Никсоном о редакции письма.

Майский

Печат. по арх.

205. Письмо советника Полномочного Представительства СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

30 июня 1936 г.

Обнародование проекта новой конституции СССР изменило к лучшему общую картину отношения к нам американской прессы, данную в письме от 20 мая 1936 г.** Можно смело сказать, что за очень продолжительный период, примерно за последние полтора года, ни по одному касающемуся СССР вопросу у нас не было в США такой хорошей прессы. Конституция оценивается почти всей прессой как признак укрепления внутренней силы Союза и как плюс для его международного престижа, популярности, дружбы с демократическими странами и обороноспособности. Бесчисленные благоглупости о «сдвиге вправо», «подражании американской конституции» и т. п. не меняют того факта, что пресса делала в общем благоприятные для нас выводы и отразила несомненно вызванный конституцией рост симпатий к нам в очень широких кругах американской общественности. Характерно, что пресса Херста до сих пор воздерживается от комментариев о конституции, появившихся во всех остальных без всякого исключения газетах. Очень возможно, что Херсту приходится учитывать слишком явное положительное впечатление, произведенное конституцией в стране.

К положительным явлениям следует причислить также тот факт, что включение пункта о разрыве отношений с СССР в обращение Американской федерации труда к республиканской и демократической конференциям было лишь зарегистрировано прессой и явно никакого впечатления не произвело. В защиту требования не выступил никто, а против него выступил Хэйвуд Бруя в прессе Скриппса-Говарда. За исключением статей в некоторых херстовских газетах, никто не подхватил также обращения союза марганцевых промышлен-

* См. док. № 214.

** См. док. № 162.

ников в государственный департамент с требованием отменить в будущем торговом соглашении с СССР льготный тариф на марганец. Вообще вопрос о торговом соглашении, несмотря на актуальность вопроса о заключаемых на основе тарифного акта (против которого высказался республиканский съезд) договорах, освещался прессой в спокойном деловом тоне и не служил предметом полемики. Несмотря на концентрацию реакционных сил вокруг конференции республиканцев в Кливленде, местная руководящая республиканская газета «Кливленд пресс» сочла для себя безопасным выступить с передовой, приветствовавшей прибытие в Кливленд для присутствия на конференции г. Трояновского. Относительное затишье на наших дальневосточных границах, а особенно условия нашего морского соглашения с Англией * и позиция СССР на конференции в Монре ** несомненно укрепили в американской печати представление о прочности нашего международного положения, о повышении нашего международного престижа.

Херст время от времени продолжает выступать с призывами оградить страну от угрозы коммунизма и разорвать отношения с нами, как обычно, пересыпая эти призывы напаками на рузвельтовскую администрацию и превозношением антибольшевистской и агрессивной политики Германии и Италии. Регулярно появляются также всякого рода мемуары «разочаровавшихся» американских и иных коммунистов, бывавших в СССР, причем, как правило, описываемое ими положение по-прежнему относится к 1932—[1933 гг. Резонанс херстовской кампании в стране по-прежнему небольшой.

Уже сейчас, однако, имеются основания предвидеть усиление антисоветских кампаний по мере развертывания избирательной кампании и в связи с нарастающей угрозой серьезных забастовочных боев, в частности в связи с борьбой за создание производственного профсоюза в стальной промышленности.

Появление антисоветских фальшивок, целью которых будет доказать «обрастание» рузвельтовской администрации левыми элементами, и использование подобных фальшивок не только херстовской, но и частью республиканской прессы становится все более вероятным.

Советник Полпредства СССР в США
Уманский

Печат. по арх.

* См. док. № 160.

** См. док. № 131, 195, 198.

206. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги наций

1 июля 1936 г.

Мы собрались, чтобы дописать страницу истории Лиги наций, истории международной жизни, которую невозможно будет читать без чувства горечи. Мы должны ликвидировать акцию, начатую во исполнение наших обязанностей как членом Лиги гарантировать независимость одному из наших сочленов, но не доведенную до конца. Каждый из нас должен чувствовать свою меру ответственности и вины, которая не для всех одинакова и которая зависит не только от того, что каждый из нас сделал фактически, но и от степени его готовности поддерживать всякую общую акцию, требовавшуюся обстоятельствам.

Высказывая это, я должен заявить, что представляемое мной правительство с самого начала итапо-абиссинского конфликта заняло совершенно ясную и твердую позицию*, вытекающую отнюдь не из его собственных интересов или из его взаимоотношений с воюющими сторонами, а исключительно из его понимания принципа коллективной безопасности, международной солидарности, Устава Лиги и налагаемых на него этим Уставом обязательств. Народы Советского Союза не испытывают ничего иного к итальянскому народу, кроме высокого уважения и горячей симпатии. Они заинтересованы в непрерывном развитии и укреплении существовавших политических, экономических и культурных взаимоотношений с Италией. Тем не менее Советское правительство изъявило готовность участвовать в общих международных действиях против Италии в защиту страны, с которой у него не было даже никаких отношений — ни формальных, ни фактических. Оно вынуждено было сказать себе: Платон — мой друг, но международная солидарность, принцип коллективной безопасности, на котором мир в настоящее время зиждется, верность международным обязательствам должны на время заглушить голос дружбы. С тех пор на всех этапах обсуждения итапо-абиссинского конфликта мое правительство заявляло, что оно будет участвовать во всех акциях, предусмотренных Уставом, принятых и выполняемых Комитетом оосталиыми членами Лиги. Все постановлением Комитета координации выполнялись моим правительством без всякого исключения и с полной лояльностью.

Однако раньше, чем можно было ожидать, наступил момент, когда стала совершенно ясной необходимость пересмотра принятых в Женеве мероприятий с точки зрения их дальнейшей целесообразности, а именно, когда сопротивление храбрых

* См. т. XVIII, док. № 363, 376, 384, а также прил. 1 настоящего тома.

абиссинских войск было сломлено, император и правительство Абиссинии покинули свою территорию и значительная часть территории была занята итальянской армией. Представлялось несомненным, что одними экономическими санкциями нет возможности вытеснить итальянскую армию из Абиссинии и вернуть последней независимость и что такая цель могла бы быть достигнута лишь более серьезными санкциями, вплоть до военных. Вопрос о таких мерах мог бы быть поставлен лишь в том случае, если бы нашлось одно или несколько государств, которые в силу своего географического положения и особых интересов согласились бы принять на себя главный удар в военном столкновении. Таких государств среди нас не оказалось, а если бы они и нашлись, то остальные государства, прежде чем решиться на то или иное соучастие в серьезных мероприятиях, потребовали бы гарантии, что на аналогичные общие действия можно рассчитывать и в других случаях подавления агрессии. Такие гарантии были тем более необходимы, что некоторые действия и выступления одного европейского государства, агрессивные намерения которого не вызывают никаких сомнений и провозглашаются даже им самим, указывали на усиливающиеся темпы подготовки агрессии более чем в одном направлении. Отношение некоторых стран к этим действиям и милостивое обращение с их авторами поколебали уверенность в немедленном получении тех гарантий, о которых я только что говорил. При этих обстоятельствах я еще во время майской сессии Совета пришел к заключению о бесполезности дальнейшего применения к Италии экономических санкций и невозможности оказать этим путем Абиссинии какую-либо практическую помощь. К этому заключению, по-видимому, пришли все члены Лиги.

Я говорю о необходимости для каждого члена Лиги отдать себе ныне отчет в своей индивидуальной ответственности за успех общей акции по защите независимости сочлена Лиги, потому что как вне Лиги, так и в самой Лиге заметны попытки приписать этот успех Пакту Лиги, его несовершенствам и нынешнему составу Лиги, и отсюда делаются далеко идущие выводы, которые могут привести к тому, что вместе с независимостью Абиссинии окажется похороненной и сама Лига. Подобные попытки и выводы должны быть решительно отвергнуты.

Мы находимся перед лицом факта, что Лига наций не могла обеспечить одному из своих сочленов в соответствии со ст. 10 Устава его территориальную неприкосновенность и политическую независимость и ныне в состоянии лишь выразить ему платоническое сочувствие.

Мы не можем пройти спокойно и равнодушно мимо этого вопиющего факта, мы должны проанализировать и извлечь из

него все нужные уроки, чтобы предупредить подобные случаи в дальнейшем. Некоторые предлагают, однако, слишком простое средство, говоря: устраните совершенно ст. 10, освободитесь от обязательств по гарантированию неприкосновенности территорий и независимости членам Лиги и тогда нельзя будет никогда упрекать Лигу наций в банкротстве. Ошибкой они считают и то, что Лига вообще пытается останавливать агрессию и защищать своих членов. Так рассуждать могут лишь люди, в принципе отрицающие коллективную безопасность, отрицающие основную функцию Лиги и весь резон д'этр (смысл) ее создания и существования. С такими людьми спорить не приходится. Те же, которые признают принцип коллективной безопасности, которые продолжают видеть в Уставе Лиги инструмент мира, могли бы нападать на Пакт в том лишь случае, если бы они доказали, что либо Пакт не предусматривает достаточно эффективных мер для поддержания ст. 10, или же что все такие меры в конкретном случае были полностью использованы и все же не достигли своей цели. Но доказать это они не смогут.

Я утверждаю, что ст. 16 снабдила Лигу наций столь мощным орудием, что в случае полного пуска его в ход всякая агрессия может быть сломлена. Более того, одно убеждение в возможности пуска его в ход может отбить у агрессора охоту привести в исполнение свои преступные замыслы. Печальный опыт итало-абиссинского конфликта менее всего противоречит этому подтверждению. В данном случае, потому ли, что это был первый опыт применения коллективных мер, потому ли, что некоторые считали, что этот случай имеет специфические черты, потому ли, что он совпал с подготовкой в другом месте более крупной агрессии, которой в Европе приходилось уделять особое внимание, по другим ли причинам, но факт тот, что не только не был пущен в ход весь грозный механизм ст. 16, но с самого начала проявлено было стремление ограничиться минимальными мерами. Даже экономические санкции были ограничены в объеме и в функционировании. И в этом ограниченном объеме санкции применялись не всеми членами Лиги. Четыре члена Лиги с самого начала отказались применять какие бы то ни было санкции. Один член Лиги, граничащий с Италией, отказался применять наиболее действенную санкцию, а именно запрещение импорта из Италии. А из тех стран, которые принципиальных возражений против санкций не высказывали, некоторые фактически не применяли всех санкций со ссылкой на конституционные препятствия, необходимость изучения и т. д. Таким образом, даже эмбарго на оружие не применяли семь стран, финансовые меры — восемь стран, запрещение экспорта в Италию — десять стран, запрещение импорта из Италии — тринадцать стран — 25% общего числа

членов. Можно сказать, латиноамериканские страны, за немногими исключениями, наиболее действенных санкций фактически не применяли. Я это отнюдь не говорю кому-либо в упрек, а исключительно ради подкрепления моего положения. Далее, предложение об улучшении или ограничении возможности противодействия санкциям со стороны некоторых не членов Лиги — предложение, которое возможно было практически осуществить, — не было одобрено Комитетом координации. При всех этих ограничениях санкции могли бы дать эффект лишь в случае более продолжительного их применения и наряду с военным сопротивлением самой Абиссинии. Последнее, однако, было сломлено гораздо раньше, чем наиболее осведомленные наши информаторы ожидали. При таких обстоятельствах можно говорить, что члены Лиги наций по тем или иным причинам не захотели пустить в ход ст. 16 полностью, из чего отнюдь не следует, что сама ст. 16 оказалась несостоятельной.

Некоторые склонны объяснять неуспех акции Лиги ее недостаточной универсальностью, отсутствием в ней некоторых стран. Мы видим, однако, что не все члены Лиги участвовали в санкциях. Нет оснований ожидать, что к санкциям примкнули бы все государства, которые вышли из Лиги вследствие отрицания ими основ Лиги и наличия в Уставе ст.ст. 10 и 16. Их присутствие в Лиге способствовало бы лишь большему расстройству наших рядов и действовало бы скорее деморализующе.

С другой стороны, мы видим на примере США, что Лига наций может иногда рассчитывать в применении ст. 16 на сотрудничество и не членов Лиги, и тем вернее рассчитывать, чем энергичнее она сама выступает. Таким образом, мы видим, что не в несовершенствах Пакта Лиги и не в отсутствии универсальности надо искать причины недостаточной помощи Абиссинии.

Мы слышали в Женеве и другую аргументацию. Пусть, говорят, Пакт Лиги совершенно безупречен, пусть вина лежит на членах Лиги, отдельных людях — но не указывает ли это на дисгармонию между Пактом и умонастроением людей, призванных выполнять его, и не следует ли уже по этому одному приспособить Пакт к их умонастроению или же, как иногда говорят, к «действительности». Но и такой довод несостоятелен. Дело в том, что ведь люди бывают разные. Даже в одной и той же стране не все государственные деятели думают на этот счет одинаково. К чьему же умонастроению должен быть приспособлен Пакт? Тех ли, кто стоит на точке зрения последовательной коллективной защиты безопасности, кто высший интерес народов видит в сохранении всеобщего мира, кто считает, что в конечном счете этого требуют интересы каждого

государства и что этого можно достигнуть только путем принесения в жертву коллективу наций своих временных интересов, и кто готов даже предоставить в распоряжение этого коллектива часть своих собственных вооруженных сил? Тех ли, кто в принципе клянется принципом коллективной безопасности, но на практике готов проводить его только, когда с этим совпадают интересы его собственной страны? Или же тех, кто в принципе отрицает коллективную безопасность, международную солидарность заменяет лозунгом «Спасайся, кто может», проповедует локализацию войны и самую войну провозглашает высшим проявлением человеческого духа? Я боюсь, что именно эту категорию людей имеют в виду те, кто аргументирует от необходимости приспособления или, я сказал бы, принижения Пакта. Ибо они этот свой аргумент подкрепляют указанием на возможное возвращение таким образом в Лигу покинувших ее членов. Нам предлагают вернуть во что бы то ни стало в Лигу государства, которые покинули ее только потому, что они видят в Уставе Лиги, ст.ст. 10 и 16, в санкциях препятствия к выполнению своих агрессивных замыслов. И вот нам говорят: выкинем из Устава ст. 10, выкинем ст. 16, откажемся от санкций, отвергнем коллективную безопасность, и тогда в нашу среду смогут вернуться и бывшие члены Лиги, и Лига станет универсальной. Иначе говоря, сделаем Лигу безопасной для агрессоров. А я говорю, что нам не нужно Лиги, безопасной для агрессоров, не нужно нам такой Лиги, даже универсальной, ибо такая Лига из орудия мира превратится в его противоположность. В лучшем случае, лишив Лигу функций коллективной защиты, мы превратили бы ее в дискуссионный клуб, в благотворительное учреждение, недостойное названия Лиги наций, недостойное тех средств, которые на нее тратятся, и не отвечающее тем чаяниям и надеждам, которые на нее возлагаются.

Со своей стороны я предлагал бы приспособить Пакт не к умонастроению той или иной отдельной категории людей, тех или иных государственных деятелей, тех или иных временных правителей, а к умонастроению миллионов народных масс всех стран и всех континентов, тех, кто достойно называется человечеством и кто требует во что бы то ни стало сохранения мира и защиты его всеми средствами.

Не принижать Пакт мы должны, а воспитывать и поднимать людей до его высоких идей. Мы должны стремиться к универсализму Лиги, но ради этого отнюдь не делать ее безопасной для агрессора. Наоборот, все новые и желающие вернуться в нее старые члены должны читать на ее фронтоне: всякий, входящий сюда, да оставляет всякие надежды на агрессивную и безнаказанность ее.

Будем же откровенны. Лига наций переживает сейчас от-

нюдь не свою первую неудачу. Были не менее, а более разительные случаи военных нападений одних членов Лиги на других, когда Лига совершенно не реагировала, оставив жертву агрессии с глазу на глаз в неравном бою с агрессором. Тогда вопрос, однако, не ставился о негодности Пакта и о пересмотре его. Если тогда для этого не было оснований, то тем меньше их теперь. Что до меня, то я предпочитаю Лигу, пытающуюся оказать хотя какую-нибудь помощь жертве агрессии, помощь, которая оказалась недействительной, Лиге, которая на агрессию закрывает глаза и равнодушно проходит мимо нее. Я считаю, что нынешняя Лига, когда вместо того, чтобы, как в других случаях, заниматься исключительно перебрасыванием обсуждения конфликта из комитетов в подкомитеты и посылкой комиссий расследования, подавляющее большинство ее членов, не останавливаясь перед большими материальными жертвами, оказали помощь подвергнувшемуся нападению союзна, хотя и безуспешно, сделала огромный шаг вперед по сравнению с прошлым. Иными словами, умонастроения членов по сравнению со случаями, мною указанными, на несколько ступенек поднялись. Это позволяет нам надеяться, что в следующем случае умонастроение членов поднимется до определенного уровня идеи Лиги, и жертва будет полностью вырвана из рук агрессора.

Я далек от идеализации Пакта. Его несовершенство заключается не столько в его статьях, сколько в недомолвках и в неясностях. Говорить приходится поэтому не о реформе Пакта, а об его уточнении и об его усилении. Большим пробелом я считаю отсутствие в Пакте определения агрессии, которое облегчило в итало-абиссинском конфликте некоторым членам Лиги с самого начала отказ от участия в санкциях. Нет ясности в вопросе о том, какой орган констатирует агрессию. Нет ясности в вопросе об обязательности постановлений органов Лиги в деле санкций. Должно быть покончено с положением, когда ссылки на суверенность и конституционные формальности служат препятствием к выполнению международных обязательств. Ст. 16 должна остаться нетронутой. Экономические санкции должны оставаться обязательными для всех членов Лиги. Только при обязательности санкций исчезнет неверие, исчезнет опасение, что если в одном случае одна держава, не заинтересованная непосредственно в конфликте, принесет значительные жертвы, то в другом случае другие незаинтересованные государства поступят менее идеалистически. Нужна уверенность в том, что во всех случаях агрессии, независимо от степени заинтересованности в конфликте, санкции будут применяться всеми, и это может быть достигнуто лишь при обязательности их. Я считаю это обстоятельство главной причиной неудачи Лиги в итало-абиссинском конфликте. Можно

мыслить себе отдельные, правда редкие, случаи, когда агрессию можно остановить одними экономическими санкциями. Но я признаю, что в большинстве случаев экономические санкции должны идти параллельно с военными. В идеальной Лиге наций должны были бы быть обязательными для всех и военные санкции. Но если мы до таких высот международной солидарности подняться еще не можем, то следует позаботиться, чтобы все континенты, а для начала хотя бы вся Европа, были покрыты сетью региональных пактов, в силу которых отдельные группы государств обязывались бы защищать от агрессора определенные участки, причем выполнение этих региональных обязательств считалось бы равносильным выполнению обязательств по Пакту Лиги и пользовалось бы полной поддержкой всех членов Лиги наций. Эти региональные пакты должны не заменять собой, а дополнять Пакт Лиги, иначе они свелись бы к довоенным групповым союзам. Вот в каких направлениях я мыслю себе усовершенствование и усиление Лиги наций, и Советское правительство готово полностью сотрудничать с другими членами Лиги. Я приветствую программу, развитую первым делегатом Франции, с которой в значительной мере совпадали сделанные мною замечания.

Если обо всем этом я говорю в интересах укрепления мира, то я не могу не упомянуть о той мере, которую Советский Союз всегда считал и продолжает считать максимальной гарантией мира, а именно полное разоружение. Я хочу верить, что человечеству не придется пережить еще один армагедон (великая война), чтобы все народы пришли к этому же убеждению. А пока нет этой радикальной меры, нам не остается ничего иного, как укреплять Лигу наций в качестве инструмента мира. Укреплять Лигу — это значит цепко держаться принципа коллективной безопасности, который является отнюдь не продуктом идеализма, а практическим мероприятием по обеспечению безопасности всем народам. Держаться принципа неделимости мира! Мы должны сознавать, что в настоящее время нет ни одного государства, большого или малого, которое не подвержено угрозе агрессии, и что если ближайшая война и пощадит то или иное государство, то оно рано или поздно привлечет к себе вождение вышедшего победителем из войны агрессора. Укрепление и максимальное расширение этих идей и проведение их в жизнь избавит нас от новых разочарований, подобный тем, которые мы теперь переживаем, вдохнет новую жизнь в Лигу наций и поднимет ее на уровень стоящих перед ней великих задач. Лига наций сейчас более, чем когда бы то ни было, является международной необходимостью: она должна жить, она должна быть сильной, сильнее, чем когда-либо.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 152(6009), 2 июля 1936 г.*

207. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Швеции С. П. Белько

1 июля 1936 г.

На днях у меня был шведский посланник Юлленшерна. Он вручил мне меморандум¹²⁵, который Вам пересылает I Западный отдел, и просил информировать его о нашем отношении к заключению морского соглашения с Англией и о ходе наших переговоров с Англией*. Я информировал Юлленшерна о нашем отношении к заключению с англичанами морского соглашения в духе той статьи, которая была напечатана в свое время в «Известиях»**. Я сказал ему, что англичане предложили нам заключение двустороннего соглашения о качественном ограничении военно-морского строительства, совпадающего по своему тексту с тем трипартитным соглашением, которое заключили Англия, Франция и США. Я спросил его, знаком ли он с содержанием этого соглашения. Юлленшерна ответил, что знаком. Я тогда остановился на тех двух предварительных условиях, которые мы поставили англичанам. Первое условие — это то, что наше соглашение не вступит в силу до тех пор, пока англичане не заключат аналогичного соглашения с немцами. Это условие англичанами принято. Второе предварительное условие касается Дальнего Востока. Мы заявили, что обязательства, которые мы примем на себя по соглашению с Англией, не будут распространяться на наш дальневосточный флот. Другими словами, мы оставляем за собой право до тех пор, пока у нас не будет специального соглашения с Японией, на Дальнем Востоке строить линкоры тоннажем свыше 35 тыс. т с артиллерией, превышающей 14 дюймов, и крейсера свыше 8 тыс. т с артиллерией, превышающей 6 дюймов. Кроме того, мы не будем информировать англичан о тех судах, которые мы должны закладывать для Дальнего Востока. Эта вторая наша оговорка вызвала некоторые возражения с английской стороны, и сейчас сторонами обсуждаются вносимые английской стороной компромиссные предложения.

Что касается самого текста соглашения, то и тут мы вносим некоторые изменения. Трипартитное англо-франко-американское соглашение предусматривает полное запрещение постройки сверхлимитных линкоров и крейсеров, но оставляет в неприкосновенности все те превышающие новые лимиты линкоры и крейсера, которые уже построены.

Между тем у нас, благодаря тому, что флот царской России во время гражданской войны, блокады и интервенции был частично уведен белогвардейскими адмиралами, частично

* См. прил. 88.

** См. газ. «Известия», 24 мая 1936 г.

уничтожен, почти нет военных кораблей сверхлимитного типа. Для равенства же нашего флота с флотами других морских держав нам нужно иметь некоторое количество таких крупных линкоров и больших крейсеров. Поэтому мы настаиваем на предоставлении нам права постройки некоторого числа сверхлимитных кораблей. Этот вопрос в настоящее время подвергается обсуждению между нашими и английскими переговорщиками.

В общем переговоры развиваются нормально.

Юлленшерна со своей стороны сказал, что его правительство относится положительно к заключению англо-шведского морского соглашения, но обуславливает его тем, чтобы у англичан были аналогичные соглашения с СССР, Польшей и Германией, т. е. чтобы не только Швеция, но и другие крупные государства, примыкающие к Балтийскому морю, были связаны тем же соглашением.

Кроме того, шведское правительство должно будет внести ряд технических изменений в соглашение. Дело в том, что в Швеции военные суда строятся так, что при сравнительно небольшом тоннаже могут быть снабжены крупнокалиберной артиллерией. Поэтому единица шведского флота не укладывается в рамки тех категорий, которые приведены в тексте врученного шведами проекта соглашения.

Юлленшерна благодарил меня за получение информации и обещал держать меня в дальнейшем в курсе шведско-английских переговоров, когда они начнутся.

Только для Вашего личного сведения сообщаю, что по вопросу о Дальнем Востоке мы с англичанами уже договорились. Они принимают нашу оговорку, а мы — одностороннее заявление, что не возьмем на себя инициативы сверхлимитного строительства и на Дальнем Востоке. Это обозначает, что пока нам не станет известно, что японцы строят сверхлимитные суда, мы сами к такому строительству не приступим. Но если мы узнаем, что у японцев заложены сверхлимитные корабли, мы заявляем англичанам, что, согласно нашей оговорке, мы считаем себя свободными начать сверхлимитное строительство на Дальнем Востоке. При этом мы не будем обязаны информировать англичан о том, какие именно суда мы будем строить. В настоящее время лондонские переговоры сосредоточились на количестве сверхлимитных судов, которое мы будем строить. Переговоры сейчас временно приостановлены, так как один из наших переговорщиков — лондонский морской атташе т. Чикунский выехал в Монрё для участия в качестве эксперта на тамошних переговорах.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

208. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Ллойд-Джорджем

1 июля 1936 г.

1. Ллойд-Джордж с женой и дочерью Меган (депутатом парламента) были у нас на завтраке. Несмотря на свои 74 года, Ллойд-Джордж выглядит великолепно: шапка ярко-белых, совершенно седых волос на бронзовом, загорелом, живом лице с искрящимися молодыми глазами. Смотришь на него, и невольно создается впечатление, что этот человек может прожить еще четверть века. Его недавнее блестящее выступление в парламенте (18 июня), напомнившее его лучшее выступление предвоенной эпохи, только лишний раз подтверждает, что в этом человеке имеется еще немало жизненных сил.

2. За завтраком и после завтрака все время был оживленный разговор. Ллойд-Джордж еще 23 июня, встретив меня в кулуарах парламента, выражал желание побеседовать со мной на текущие темы. Теперь он полностью использовал представившийся ему случай. Ллойд-Джордж очень много говорил об СССР. Он еще раз и с особым подчеркиванием просил считать его другом Советского Союза. Если у нас в результате некоторых его выступлений по общеевропейским вопросам могло создаться иное впечатление, то оно неправильно. Ллойд-Джордж считает, что СССР сделал и продолжает делать громадные успехи на пути своего внутреннего строительства, и ему все больше приходит в голову, что те идеи, которыми вдохновляются большевики, — правильные идеи. Международная роль СССР все больше возрастает. Ллойд-Джордж считает, что роль европейского лидера постепенно переключивается с Запада на Восток. Политика Англии и Франции становится все более неясной, колеблющейся, неопределенной. Англия и Франция не знают, чего они хотят. Во Франции к тому же нет сколько-нибудь устойчивой власти. Это, естественно, подрывает доверие к Лондону и Парижу в других частях Европы, особенно в средних и малых странах. Между тем СССР все время ведет ясную, четкую, определенную политику — политику мира. Поведение и выступления г. Литвинова в Женеве безупречны. Что удивительного, если средние и малые страны теперь все больше начинают ориентироваться на СССР, если они все больше рассматривают его как своего лидера? Еще немного лет, и СССР станет руководящей державой европейского континента. Он, Ллойд-Джордж, будет это только приветствовать, ибо считает, что СССР несет с собой новые и здоровые идеи, стремления, упования.

Ллойд-Джордж думает, что уже миновал период, когда СССР мог серьезно опасаться какого-либо нападения извне.

Воевать с Россией всегда было делом очень трудным. Достаточно вспомнить пример Наполеона. Достаточно учесть опыт той же Германии в 1918 г. (Ллойд-Джордж как раз сейчас работает над пятым томом своих воспоминаний, относящихся к этому периоду). Россия всегда обладала огромной силой пассивного сопротивления, которую не мог победить ни один завоеватель. А сейчас СССР сверх того еще имеет сильное и эффективное правительство, крупную индустрию и могущественную армию. Впервые в истории Россия сумела организовать и хотя бы частично использовать свои колоссальные естественные ресурсы. Кто же в таком случае в состоянии разгромить Россию? Надо быть просто сумасшедшим для того, чтобы рискнуть напасть на СССР.

3. Я возразил, что, к сожалению, таких сумасшедших развелось в последнее время довольно много. Некоторые из них — в Европе и в Азии — занимают даже очень высокие посты. Поэтому мы склонны смотреть на положение вещей не столь оптимистично, как Ллойд-Джордж. Мы всегда считаемся с опасностью нападения на СССР, а соответственно этому принимаем необходимые предупредительные меры.

Ллойд-Джордж понял мой намек и заговорил о Германии. Он вспомнил, как больше года назад я послал ему точный перевод той главы «Майн кампф», в которой Гитлер излагает основы своей внешней политики с ее острем, направленным в сторону Востока. Эта глава произвела на Ллойд-Джорджа сильное впечатление (в разрешенных Гитлером английских изданиях его книги данная глава сильно смягчена). Ллойд-Джордж считает, что наши опасения в отношении Гитлера вполне обоснованны, поскольку речь идет о субъективных намерениях Гитлера. Он сомневается, однако, в реальной возможности для Гитлера осуществить свою программу. Ллойд-Джордж склонен думать, что Гитлер (а в особенности генералы рейхсвера) прекрасно сознает непомерные трудности похода против СССР. Поэтому их действительные стремления направлены в несколько иную сторону. Австрия и Чехословакия, страны Центральной и Юго-Восточной Европы — вот те непосредственные объекты, которые они имеют в виду. Однако и осуществление проектов «Серединной Европы» тоже не так просто, ибо интересы Германии и Италии сталкиваются и в известной степени уравновешиваются в Центральной Европе и на Балканах. Отсюда у Ллойд-Джорджа надежда, что, мол, черт не так страшен, как его малюют. В этой связи Ллойд-Джордж рассказал мне, что его посетил Риббентроп во время своего последнего визита в Англию (в конце мая — начале июня). Он долго доказывал Ллойд-Джорджу, что Гитлер полон самых лучших чувств и что основой всех его стремлений является мир. Однако на Ллойд-Джорджа Риб-

бентроп произвел неважное впечатление: чувствовалось, что Риббентроп все время говорит по определенной шпаргалке, данной ему Гитлером, и ни на шаг не решается от нее отступить. Риббентроп, между прочим, передал Ллойд-Джорджу приглашение от Гитлера на Олимпийские игры и дал понять, что Гитлер очень хотел бы повидаться с Ллойд-Джорджем. «Однако у меня есть значительные колебания, — продолжал Ллойд-Джордж, — по вопросу о том, ехать или не ехать на Олимпийские игры».

Я заметил, что вполне понимаю его колебания. Олимпийские игры рассматриваются Гитлером как своего рода демонстрация доверия к нему со стороны остального мира. Подходящее ли это дело для Ллойд-Джорджа быть частью такой демонстрации? Кроме того, имеются сведения о том, что Гитлер месяца через три после Олимпийских игр собирается поразить мир новой «сенсацией», на этот раз направленной в сторону Австрии и Чехословакии, — хочет ли Ллойд-Джордж приложить и свою руку к подготовке этой «сенсации»? Ллойд-Джордж очень заволновался и порывисто ответил: «Да, да, Вы правы. Олимпийские игры — это демонстрация. Я не хочу участвовать в демонстрации. Я не хочу также, чтобы мое имя хотя бы в самой отдаленной степени связывалось с какими-нибудь гитлеровскими «сенсациями» в Центральной и Юго-Восточной Европе. На Олимпийские игры я не поеду». И тут же он сказал, что сегодня же отправит Риббентропу письмо с отказом приехать на Олимпийские игры.

Вместе с тем было совершенно очевидно, что Ллойд-Джорджу очень улыбается мысль встретиться с Гитлером. Он мне прямо сказал, что хотел бы повидать фюрера с глазу на глаз и в непосредственном разговоре прощупать, что же у него такое в душе. При этом он цинично прибавил: «Когда человек много говорит, он под конец непременно что-нибудь выболтает». Отсюда Ллойд-Джордж делал вывод: на Олимпийские игры ехать не стоит, но после того — в сентябре — октябре, может быть, имело бы смысл побывать в Германии и повидаться с Гитлером. Кроме того, Ллойд-Джордж хотел бы повидаться также с Блюмом. Не сделать ли так: сначала поехать в Париж и побеседовать с Блюмом, а потом поехать в Германию и побеседовать с Гитлером. Продолжая «думать вслух», Ллойд-Джордж заявил, что его очень интересует также Бек, с которым он хотел бы иметь беседу, и что он, пожалуй, не прочь побывать в Праге. Впрочем, все это пока еще «в воздухе», ничего определенного не решено и многое будет зависеть от хода событий в ближайшие месяцы. В ответ я заметил, что, прежде чем ехать в Берлин, хотя бы и через Париж, Ллойд-Джорджу следовало бы взвесить, какое впечатление его беседа с Гитлером может произвести в Европе. У него уже сей-

час имеется репутация герmanoфила (Ллойд-Джордж стал тут решительно возражать, подчеркивая, что он не за Германию, а лишь против Болдуина), — не послужит ли поездка в Берлин только укреплению этой репутации? Ллойд-Джордж опять забеспокоился и сказал, что данный вопрос следует надлежащим образом продумать*.

4. О политике британского правительства Ллойд-Джордж самого низкого мнения. Он, не стесняясь, ругал Болдуина и его министров последними словами, доказывая, что если бы политика санкций против Италии с самого начала была проведена последовательно, и Абиссиния была бы сейчас цела, и создан был бы грозный прецедент для каждого будущего агрессора, в том числе и для Германии. Сейчас, к сожалению, положение совершенно иное. Британское правительство предпочло прекратить санкции и открыло дорогу будущим агрессорам.

Далее Ллойд-Джордж заговорил о ближайших перспективах и о «реформе» Лиги наций. Подходя к вопросу о функционировании Лиги наций, надо твердо усвоить, что британское общественное мнение мало интересуется Центральной Европой и не станет приносить каких-либо серьезных жертв ради Австрии или Чехословакии. Средний англичанин вообще даже не знает, что такое Чехословакия. Это имя не будит в нем никаких представлений. Иное дело Бельгия и Голландия, — с этими странами в сознании среднего англичанина связаны многочисленные акты прошлого. «В эти страны мы всегда посылали свои войска, это стало для нас своего рода национальной привычкой». И если бы какая-нибудь опасность вновь угрожала Бельгии или Голландии, самые широкие массы британского населения энергично поддержали бы правительство в борьбе против агрессора. Эти массы поняли бы также необходимость для Англии активной борьбы, может быть, даже с оружием в руках, где-нибудь на Дальнем Востоке, ибо средний англичанин гораздо легче и быстрее реагирует на все то, что связано с морем. Однако Центральная или Юго-Восточная Европа — все эти Австрия, Венгрия, Чехословакия, Румыния и т. д. — для британских масс звук пустой. И на этой базе разбудить в британских массах боевые инстинкты невозможно. Вместе с тем сам Ллойд-Джордж понимает, что создание «Средней Европы» представляло бы большую опасность для Британской империи. Он думает поэтому, что единственно практический подход к разрешению проблемы европейской безопасности был бы такой: региональные пакты в рамках Лиги наций с обязательством автоматической военной

* Ллойд-Джордж был в Германии в сентябре 1936 г.; см. газ. «Известия», 24 сентября 1936 г.

помощи для держав данного региона и с одновременным обязательством для всех остальных членов Лиги применения экономических и финансовых санкций против агрессора. Экономические и финансовые санкции против Германии неизбежно повлекли бы за собой обострение отношений между Лондоном и Берлином, а это в свою очередь привело бы к неизбежности применения военных санкций. Таким путем Великобритания тоже была бы втянута в общую вооруженную борьбу, что неизбежно. Но переход от нейтралитета к войне произошел бы не сразу, не круто, а постепенно, не вызывая острых внутренних потрясений в Англии.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

209. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота

3 июля 1936 г.

Я вызвал Ота и сказал ему, что имею поручение от моего правительства сделать ему некоторые заявления в связи с событиями, которые имели место в камчатских водах, а также на Сахалине. Для удобства посла это свое устное заявление я изложил в записке, которую я прошу г. Симادا * текстуально перевести послу именно как текст моего устного заявления:

«17 июня с. г. я заявил поверенному в делах Японии г. Сако протест по поводу самовольных действий одного японского миноносца, который позволил себе поставить 6 июня с. г. 11 знаков в виде японских флагов в районе залива Хайрюзова и о. Птичий внутри 12-мильной морской пограничной зоны СССР по линии, которая, по мнению командира названного миноносца, является границей 3-мильных территориальных вод СССР, а также по поводу посылки командиром миноносца капитанам советских судов писем с извещением о расставленных знаках и с угрозой на случай их устранения.

Того же 17 июня с. г. советник посольства СССР в Токио г. Райвид заявил по поручению Советского правительства протест по этому поводу начальнику европейско-азиатского департамента министерства иностранных дел г. Того **. В ответ на это г. Того просил довести до сведения правительства Союза ССР, что японское правительство считает действия миноносца законными и просило оценить в них чувство доброй воли, на-

* Второй секретарь посольства Японии в СССР.

** См. док. № 192.

правленной к избежанию конфликтов, так как, по заявлению г. Того, флаги были расставлены с целью предотвратить промысел японских краболовов в 3-мильных водах СССР.

Ознакомившись с этим заявлением, мое правительство поручило мне довести до Вашего сведения нижеследующее:

1. Союзное правительство неоднократно обращало внимание японского правительства на то обстоятельство, что посылка японских военных кораблей под предлогом защиты японских рыбопромышленников в воды, непосредственно прилегающие к побережью СССР, является ничем не оправданным и недружелюбным актом. В частности, я имел честь сделать Вам заявление по этому вопросу 2 июня 1934 г.¹⁰⁶ Советское правительство всегда указывало на то, что нет никаких оснований к подобным демонстративным действиям с японской стороны, способным лишь стимулировать необоснованную требовательность и незаконные действия со стороны японских рыбопромышленников и вызывать нежелательные инциденты между обоими государствами.

2. Самовольная установка командиром японского миноносца флагов вдоль предполагаемой им границы территориальных вод СССР является именно таким инцидентом, способным иметь весьма отрицательные последствия. Подобные действия являются беспрецедентными в международных отношениях. Представляется совершенно элементарным, что капитаны военных, торговых и рыболовных судов должны определять свое местонахождение по отношению к территориальным водам другого государства при помощи навигационных приборов; устанавливать же какие-либо знаки могут только власти той страны, которой принадлежат территориальные воды. Не требует никаких доказательств, что японские должностные лица ни при каких обстоятельствах не могут присваивать себе функцию одностороннего установления внешней границы территории или вод Советского Союза. Присвоение таких функций является тем более незаконным, что в свое время оно служило предметом дипломатических переговоров, во время которых японская сторона согласилась с мнением Союзной стороны о недопустимости подобного рода односторонних действий командиров японских кораблей. Эти переговоры велись в Москве в 1932 г. между советником японского посольства г. Амо и зав. II Восточным отделом НКВД г. Козловским и привели к снятию г. Амо 8 апреля указанного года предложения о том, чтобы советская сторона признала за командирами японских миноносцев право расставлять знаки вдоль внешней границы 3-мильных морских вод СССР и считалась бы с такими знаками*.

* См. т. XV, прим. 105.

Безответственность действий командира японского миноносца явствует также из того, что, заявляя об обозначении им 3-мильной зоны, он в действительности, как это установлено точными измерениями, поставил знаки-вешки на расстоянии от 2,4 до 2,7 мили от берега. Впрочем, японские кавасаки не считаются и с вышеупомянутыми знаками. Так, 15 июня с. г. 8 японских кавасаки производили промысел за линией этих знаков в 1½ милях от берега, уйдя при приближении дозорного судна СССР под защиту японского миноносца, стоявшего вне 3-мильных вод СССР.

3. Высказанное выше в п. 1 соображение, что одно только присутствие японских миноносцев вблизи советских территориальных вод само по себе уже стимулирует незаконные действия японских рыбопромышленников, к сожалению, подтверждается получаемыми за последнее время сообщениями о том, что на юго-западном и восточном побережье Камчатки наблюдается резкое увеличение случаев захода в нашу 3-мильную зону японских рыболовных шхун и хищнического лова там рыбы.

Так, 27 июня, в 8 час. 15 мин., на западном побережье в районе мыса Сивучий непосредственно у берега посыльный корабль «Держинский» задержал японскую шхуну, занимавшуюся хищническим ловом. В момент подхода «Держинского» команда шхуны выбросила за борт свежельвленную треску и снасти.

29 июня, в 6 час. 40 мин., в районе устья р. Опала против японского рыбозавода № 31 пограничным катером была задержана японская шхуна «Аканэ-мару» с командой в 9 человек, расставлявшая краболовные сети в 2 милях от берега. Местонахождение шхуны в 2 милях от берега капитаном шхуны обозначено на карте. В 11 час. 30 мин. при конвоировании пограничным катером задержанной шхуны в Усть-Большерекк (западный берег Камчатки) стоявшее против японского завода № 29 инспекторское судно японского министерства земледелия и лесов «Сюнкоцу-мару» подошло к берегу на 1 милю, развернулось курсом с юга на север и начало преследовать упомянутый пограничный катер. При этом «Сюнкоцу-мару» приблизилось на 1300 м к берегу и гудками требовало остановки катера. Преследование продолжалось до устья р. Большая, когда катер вместе с задержанной шхуной в 13 час. 40 мин. вошел в устье реки.

По полученным сведениям, в течение нескольких дней в Кроноцком заливе, на восточном побережье Камчатки, до 150 различных японских катеров и несколько рыболовных плазучих заводов производили активный хищнический лов рыбы. Высланный в этот район корабль «Воровский» у мыса Ольга обнаружил 30 хищнических японских шхун.

26 июня, в 9 часов, в районе мыса Трехполосный в 1½ милях от берега корабль «Воровский» задержал японскую шхуну «Коикоку-мару» с командой в 12 человек, на которой оказались рыболовные снасти и около тонны свежельвленной трески.

Того же числа, в 19 часов, корабль «Воровский» в том же районе, в 0,3 мили от берега задержал японскую шхуну «Хамадзима-мару» с командой в 9 человек. Шхуна была задержана в тот момент, когда ее команда расставляла сети, и на борту шхуны оказалось около полутонны свежельвленной трески и рыболовецкие снасти.

4. Присутствие японских миноносцев не только стимулирует частные рыболовные суда заниматься промыслом в 3-мильных водах СССР, но, как видно из сказанного выше, поощряет и незаконные действия инспекторских судов министерства земледелия и лесов. Обращает на себя внимание тот факт, что инспекторское судно «Сюнкоцу-мару», которому правительство СССР запретило заход в воды СССР, не только самовольно вошло в эти воды, но позволило себе вести в них преследование катера пограничной охраны СССР, требуя от него, чтобы он остановился, и пытаясь освободить японскую шхуну, хищничавшую в водах СССР и задержанную указанным катером.

5. Непринятие мер японским правительством против незаконной деятельности японских миноносцев вблизи советских территориальных вод, несмотря на неоднократные обращения Советского правительства и несмотря на протест, заявленный японскому правительству 17 июня в Москве и в Токио, привело к еще более незаконным и дерзким действиям со стороны одного из японских миноносцев. 2 июля с. г. к кораблю пограничной охраны СССР «Воровский» подошел в районе Жупаново японский миноносец «Камикадзэ» и поднял сигнал «прошу разрешить войти в порт». «Воровский» на сигнал не ответил. Тогда с миноносца был дан холостой орудийный выстрел. Одновременно миноносец поднял сигнал «немедленно остановиться», а затем сигнал «считаю вас своим призом». Не отвечая, «Воровский» продолжал идти своим курсом. Японский миноносец скрылся в тумане, но через час снова подошел к «Воровскому» и поднял сигнал «возвратите дрифтер». «Воровский» стал на якорь возле Жупаново. Там же в 3 милях от берега остановился и японский миноносец.

Советское правительство заявляет решительный протест по поводу этих неслыханных действий японских миноносцев и государственного судна «Сюнкоцу-мару», ожидает прекращения этих действий, наказания ответственных за них командиров японских судов и сообщения о принятых мерах. Советское правительство возлагает на японское правительство всю ответст-

венность за возможные осложнения в случае дальнейшего их продолжения.

Вместе с тем Советское правительство, обращая внимание на усилившийся хищнический лов японских рыболовных судов в советских территориальных водах и полагая, что японское правительство, так же как и Советское правительство, считает желательным избежать массовых задержаний хищничающих японских судов советскими властями, ожидает, что японское правительство категорически предупредит японских подданных о тех последствиях, которые влечет по законам СССР незаконный промысел в его водах».

Ота, с большим вниманием слушавший перевод моего устного заявления, ответил, что сейчас он ничего не может сказать по существу, а передаст это заявление своему правительству и попросит ответ, который немедленно после его получения будет передан мне.

В качестве своих личных соображений Ота заявил следующее. То обстоятельство, что японские миноносцы ставят вдоль 3-мильной полосы в советских территориальных водах особые знаки, указывающие линию этих вод, как об этом уже заявил Того т. Райвиду, не имеет какого-либо злого умысла и исходит только из доброй воли. Эти знаки ставятся для технического удобства, так как в открытые воды Камчатки прибывает много японских рыболовных судов, и капитаны их не всегда знают, где начинается 3-мильная полоса советских территориальных вод. Для того, чтобы эти капитаны знали, где начинается линия, за которую не следует переходить, и ставились знаки. Знаки эти ставятся для того, чтобы японские суда не занимались ловлей рыбы в советских водах. Вы сказали, говорит Ота, что расстановка этих знаков и письмо капитана японского миноносца, в котором он просил советскую сторону не трогать знаков, вызвали неблагоприятное впечатление, но он думает, что письмо вызвало неблагоприятное впечатление потому, что писавшие письмо не владеют достаточно русским языком, и он, Ота, опасается, что это письмо было составлено не в надлежащем духе. Он не знает, каково это письмо, его содержание и т. д., но думает, что неблагоприятное впечатление произвело именно то, что это письмо написано на неправильном русском языке. Правда, вопрос об этом письме он еще будет выяснять, но из моего заявления у него создалось именно такое впечатление об этом письме, как об этом было сказано выше.

Вы сказали, продолжал Ота, что хотя знаки и поставлены на линии 3-мильной полосы, но что после тщательной проверки оказалось, что они стоят несколько ближе к берегу, чем 3 мили. Это, по-видимому, произошло потому, что технический способ установления расстояния от берега различен у капитанов миноносцев и у советских организаций, производивших

промер. Ота говорит, что он не может сейчас вступать в дискуссию по этому вопросу, но глубоко уверен, что у капитанов миноносцев не было такого намерения, чтобы постановкой этих знаков ухудшить положение. Он уверен, что они руководствовались исключительно доброй волей. Серьезным вопросом является то, что советская сторона считает свои территориальные воды — 12 миль. Японцы же, исходя из международного права, считают территориальные воды СССР — 3 мили. Отсюда и получается осложнение положения.

Вы сказали далее, говорит Ота, что посылка миноносцев поощряет хищнический лов японских рыбопромышленников, однако он, Ота, лично полагает, что наша оценка действий миноносцев в этом вопросе является слишком строгой, т. е. что советская сторона слишком строго подходит к работе миноносцев.

Что касается сообщения о том, что советские власти задержали некоторые японские шхуны, то он имеет сведения о том, что по этому вопросу ведутся переговоры между японским консулом на Камчатке и местными властями. Поскольку это так, он этого вопроса пока касаться не будет. Судя по моему заявлению, сказал далее Ота, осложнение произошло оттого, что японский миноносец поставил знаки на линии 3-мильной полосы, но он просит учесть, что японские рыболовные суда, особенно капитаны этих судов, которые не совсем хорошо разбираются в географическом положении своего местонахождения, иногда ошибочно попадают в советские воды. В связи с этим, по-видимому, капитаны и решили поставить знаки, чтобы предупредить заход в наши воды. Поэтому он просит отнестись к действиям миноносцев с известным благодушием и снисходительностью. Конечно, говорит Ота, надо стремиться к тому, чтобы создавать меньше конфликтов, и поэтому мое заявление он сообщит своему правительству и попросит принять меры к предупреждению нежелательных явлений.

Я ответил, что не буду подробно отвечать на заявление посла в защиту японских миноносцев. Опровержение его аргументации подробно произведено в моем заявлении. На все эти соображения дан исчерпывающий ответ в сделанном мною заявлении и в том тексте, который мною ему передан. Должен отметить, что меня несколько удивило то, что посол, как и Того, нашел возможным защищать действия японских миноносцев. Мне не известно, да и, пожалуй, никому не известно, чтобы где-либо в цивилизованной стране на всем земном шаре позволили себе редемаркацию чужих вод, как это позволили себе японские миноносцы. Действия японских миноносцев являются рекордом самоуправства, не известного ни в какой другой стране. Посол говорит о том, что командиры миноносцев слабо знали русский язык, и поэтому у нас сложилось не-

благоприятное впечатление о присланном ими письме. Дело, однако, не в русском языке, а в том, что ни международное право, ни никакие другие договоры или просто добрые нравы не позволяют того, чтобы командиры миноносцев посылали такое письмо. Никто не давал права этим командирам посылать письмо, требовать от наших капитанов кроболювов каких-то переговоров и т. д., и я просто удивлен тем, что посол счел возможным оправдывать эти самоуправные действия.

Дело также не в разногласиях между нашими странами о ширине территориальных вод. Не только Советский Союз определяет территориальные воды шире чем 3 мили. Международное право знает прецеденты установления территориальных вод и в других странах больше чем 3 мили, но по этому вопросу я сегодня не намерен углубляться в дискуссию. Однако если даже признать японскую точку зрения по вопросу о территориальных водах, то и в этом случае действия японских миноносцев являются незаконными. Не понимаю также замечания посла о том, что мы слишком строго относимся к незаконному лову рыбы в наших водах. Хищничество на всех языках называется хищническим ловом, и это является точным определением такого вида лова во всех странах. Вот почему я и не могу употребить никакого слова, кроме как хищничество, по отношению к тем японским судам, которые занимаются незаконным ловом рыбы в наших водах. Я также не могу согласиться с мнением посла о необходимости великодушного и снисходительного отношения к японским миноносцам. Посол не касался наиболее дерзких и самоуправных действий японских миноносцев и вопроса о преследовании со стороны инспекторского судна минземлеса и миноносцев наших судов. Против этих действий я прежде всего и выражаю от имени Советского правительства протест. К этим действиям судна минземлеса и японских миноносцев не только нельзя относиться со снисходительностью, но это просто провокация с их стороны.

За последние годы, сказал я далее, в камчатских водах было спокойно. В этом году мы имеем вызывающие действия японских миноносцев. Эти действия угрожают осложнениями между нашими странами, и я надеюсь, что посол примет все зависящие от него меры, чтобы прекратить в дальнейшем эти действия.

Ота ответил, что он полностью согласен со мною, что необходимо принять меры к предотвращению нежелательных явлений, и поэтому он повторяет, что мое заявление он немедленно передаст в Токио. Он не имеет сведений относительно имевших место преследований советских судов со стороны «Сюнкоцу-мару» и японских военных судов. Возможно, что «Сюнкоцу-мару» и японский миноносец стремились к тому, чтобы япон-

ские рыболовные суда не были незаконно задержаны и чтобы выяснить, не было ли причинено какого-либо вреда японским рыболовным судам со стороны советских судов. Может быть, поэтому и производилось преследование, однако он повторяет, что об этом не будет сейчас говорить, так как не знает конкретно вопроса и вынужден будет запросить Токио.

Ота повторяет, что он просит отнестись с пониманием к вопросу об установлении знаков вдоль линии 3-мильной полосы, так как он уверен, что это делается с точки зрения доброй воли. Возможно, Вы правы, говорит Ота, когда говорите, что в других странах не имеется таких фактов, но поскольку миноносцы ставили знаки вне территориальных вод, то он не считает это незаконными действиями. Возможна, например, постановка знаков о наличии, скажем, подводного камня и т. д. Он считает, что постановка знаков на линии 3-мильной полосы является тем же самым. Это сделано для облегчения плавания японских судов. Если эти знаки ставились с мирными целями, то это возможно. Тем более что японским рыболовным судам приходится заниматься рыбной ловлей вблизи от советских территориальных вод, и эти знаки могли их только предупредить о том, что нельзя заходить в территориальные воды. Значение, цель и дух постановки этих знаков исходили из доброй воли, и в этом отношении он согласен с заявлением Того по этому вопросу. Он просит отнестись с пониманием к действиям японских миноносцев и лично считает эти действия допустимыми. Он считает, однако, неудачной форму сообщения нашим властям об этих знаках. Целью, однако, этого сообщения было просить советские власти не снимать этих знаков. Ота повторяет, что он думает, что письмо было составлено неудовлетворительно. Вот общее впечатление от моего заявления. Что касается деталей этого вопроса, то он повторяет, что он сообщит об этом в Токио и будет ждать ответа. Как только ответ будет получен, он не замедлит сообщить об этом мне.

Я повторил, что не могу вдаваться в подробную дискуссию по этому вопросу потому, что мое заявление опровергает все соображения посла, и потому, что меня уже дважды вызывали на заседание Совнаркома. Очень удивлен тем, что посол говорил слова оправдания не только по вопросу о расстановке знаков, но и по поводу преследования со стороны «Сюнкоцу-мару» и японских миноносцев наших судов. Обо всем этом подробно сказано в моем заявлении, и я прошу посла внимательно вникнуть в это заявление*.

Теперь перехожу ко второму вопросу. За последнее время, сказал я, т. е. 15, 23 и 24 июня, имели место массовые спуски на берег команд нефтеналивных нефтетранспортов в Охе.

* См. также док. № 224.

В первом случае командир транспорта спустил на берег 70 человек, а 24 июня — 83 человека. По действующим у нас правилам командирам нефтетранспортов хорошо известно, что для спуска на берег выше установленного количества людей требуется разрешение местных властей. По этому вопросу между нашими странами были разногласия, но в августе пр[ошлого] года Сако и т. Козловский, казалось, урегулировали этот вопрос, и командиры японских нефтетранспортов стали испрашивать разрешения на спуск на берег более 30 человек. После этой договоренности некоторое время не было конфликтов. Бросается в глаза то обстоятельство, что как раз теперь, во время усиления агрессивных действий японских рыбопромышленников на Камчатке, командиры нефтетранспортов разрешают себе спуск на берег большего количества людей, чем то допускается нашими правилами. Встает вопрос, не являются ли эти действия результатом возросшей агрессии со стороны некоторых японских кругов.

Вот почему мое правительство поручило мне заявить протест и просить посла, в соответствии с договоренностью между Сако и т. Козловским, принять меры к тому, чтобы командиры японских транспортов соблюдали существующие правила. Я прошу посла обратить на это обстоятельство внимание своего правительства.

Ота ответил, что этот вопрос возник для него неожиданно. Согласно телеграмме, полученной им из Охи, командиры нефтетранспортов действуют в этом году так же, как они действовали в прошлом году, и соблюдают все существующие формальности. Наши впечатления о том, что эти действия возникли в результате большей агрессивности со стороны Японии, являются недоразумением.

Ота обещал, однако, выяснить этот вопрос и о результатах сообщить мне¹²⁶.

Стомоняков

Печат. по арх.

210. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану

5 июля 1936 г.

Ко мне пришел Апайдын по поводу выступлений нашей прессы* и высказал удовлетворение по поводу того, что они прекратились, из чего сделал вывод, что они были вызваны неосведомленностью.

Я разъяснил Апайдыну в подчеркнуто серьезных тонах, что

* См. газ. «Известия», 2 июля 1936 г.

позиция Турции по вопросу о проливах вызывает много горечи и недовольства в наших общественных и правительственных кругах. В ответ на попытки Апайдына, впрочем весьма слабые и неуверенные, защищать турецкие позиции, я указал:

1. Никаких принципиальных возражений у Турции против прохода наших крупных судов через проливы быть не может, ибо тогда Турция должна была бы требовать, чтобы всякий проход судов происходил только на основании ее разрешения.

В ответ на замечание Апайдына, что дискриминации нет, ибо нам тоже предоставляется право выводить 15 тыс. т без разрешения, я возразил, что формальной дискриминации нет, но есть дискриминация по существу, ибо мы заинтересованы не в визитах, а в переводе наших черноморских судов в другое море, который имеет для нас неизмеримо большее значение, чем, например, для Японии право наносить визиты черноморским державам.

2. Неосновательна также ссылка на то, что в случае удовлетворения нашего требования пришлось бы предоставить такое же право Англии и другим державам, ибо сама Англия в лице Идена, хотя и в предварительных переговорах с Литвиновым¹²⁷, признавала, что мы находимся в особом положении, и уже не претендует на такие же права, как и мы.

3. Предложение Араса закрыть конференцию, ограничившись отменой демилитаризации проливов и оставив в силе весь остальной лозаннский режим*, вызывает удивление, ибо это противоречит интересам безопасности как Черного моря, так и самих проливов. Если несколько держав смогут ввести без всяких ограничений мощные эскадры современных дредноутов и других судов, то вновь возведенные укрепления в проливах вряд ли много помогут Турции. Я подчеркнул при этом, что сама Англия уже согласилась ограничить определенным тоннажем предоставленное ей и другим державам Лозаннской конвенцией право ввода судов в Черное море. Таким образом, также и по этому вопросу Турция занимает более неблагоприятную для нас позицию, чем Англия. Посол не должен удивляться поэтому недовольству, которое вызывает здесь позиция Турции.

Я указал также на то, что у нас вызывает удивление нежелание Турции выпускать из Черного моря наши суда тоннажем выше 25 тыс. т. Морское строительство держав может вынудить нас строить и значительно более крупные суда, и в этом случае мы должны, конечно, иметь право выводить их в другие моря.

Апайдын соглашался и с этим и сказал, что Турции нет смысла ставить ограничения для прохода крупных судов че-

* См. т. VI, прил. I.

рез проливы, ибо если они вообще представляют опасность для Турции, то они опасны не только в проливах, но также и в Черном море.

Апайдын вообще выражал уверенность, что вожди Турции, узнав, что державы не возражают против предоставления им особых прав, тоже не будут против этого возражать. Апайдын определенно, хотя и в осторожной форме, взваливал ответственность за затруднения на Араса, с которым, как известно, у него очень плохие отношения.

Я поддерживал эти его высказывания, конечно, тоже в осторожной форме.

В заключение Апайдын спросил меня: хотя переговоры и ведутся в Женеве, не хочу ли я подсказать ему шаги, которые он мог бы предпринять в интересах дела в Анкаре.

Я рекомендовал информировать Анкару о нашей беседе и объяснить причины и размеры того недовольства, которое вызывает в Москве позиция Турции.

Стомоняков

Печат. по арх.

211. Из письма Полномочного Представителя СССР в Дании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

8 июля 1936 г.

7 июля подписано наше торговое соглашение с Данией на 1936 г., ровно на один месяц позже, чем в прошлом году. В этом году мы встретились с трудностями, о которых я писал в прошлый раз*: датская промышленность в этом году далеко не так была заинтересована в наших заказах, как в прошлом, особенно по линии судов и дизелей, однако заинтересованность в торговле с нами в известных отраслях датской промышленности имеется, об этом я тоже писал в прошлый раз.

Новое соглашение, так же как и прошлогоднее, совершенно не касается хлебопродуктов (жмыхов), нефти и фрахта и базируется в остальном на пропорции 1 : 1, но лишь на меньшую, чем в прошлом году, сумму — на 4700 тыс. крон, тогда как в прошлом году было 6500 тыс. крон. Следует отметить, что, по заявлению торгпреда г. Дукальского, не известно, сможем ли мы разместить в Дании заказов на 4700 тыс. крон, размещенные по настоящий момент заказы на 1 млн. крон меньше этой суммы; предоставит ли НКВТ заказов на Данию до полной суммы соглашения, не известно; если нет, то придется сократить на соответствующую сумму и наш экспортный план.

* См. док. № 182.

Во время длительных и трудных переговоров мы имели одного противника: это — Брамснес, социал-демократ, директор Национального банка Дании, датский валютный диктатор. Но по сведениям, исходящим от людей близких к Стаунингу, этот последний дал определенную директиву: соглашение с нами заключить. Думаю, что положительную роль сыграли мои и т. Дукальского новые знакомые из делового мира, о которых я писал в предыдущей выписке из моего дневника (от 10 мая по 7 июня 1936 г.) и пишу в выписке, посылаемой этой почтой, это — Гуннар Ларсен (цементщик), Вильгельм Нильсен, Фейгенберг и некоторые другие.

Полпред СССР в Дании
Н. Тихменев

Печат. по арх.

212. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
9 июля 1936 г.*

Сегодня меня посетил канадский министр торговли Эйлер в сопровождении Массея (верховный комиссар Канады в Лондоне). Эйлер сообщил, что собирается выехать в Москву примерно около 20 июля и хотел бы провести в СССР от недели до двух для того, чтобы помимо переговоров о возобновлении торговых отношений иметь еще возможность несколько ознакомиться с СССР, к которому он, по его заявлению, «относится с большим интересом и симпатией». Из слов Эйлера можно было бы заключить, что интересуется он больше всего нашими достижениями в области экономики и культуры, в особенности же промышленностью. Я еще раз предупредил Эйлера, что предпосылкой к возобновлению торговых отношений является отмена канадского эмбарго*, на что он ответил, что он это понимает. У меня создалось впечатление, что Эйлер собирается также зондировать почву о возможности после отмены эмбарго развития советско-канадской торговли в более широком масштабе¹²⁸.

Майский

Печат. по арх.

* См. док. № 190.

213. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

10 июля 1936 г.

Сегодня договорились с Гендерсоном о продлении торгового соглашения на год. 11 июля произведем обмен нотами*, которые передаются нами прессе в 5 часов дня, а в Вашингтоне будут опубликованы в 10 часов утра с сообщением от госдепартамента. Как и в прошлом году, обмен письмами о заказах будет формально не связан с торговым соглашением. Запрос Гендерсона о заказах будет датирован 9 июля, мой ответ о намерении советских хозяйственных организаций закупить в США американских товаров не менее чем на 30 млн. долл. будет датирован 13 июля** и тогда же опубликован в США. У нас этот обмен письмами не публикуется. В сообщении госдепартамента 11 июля будет, однако, упомянуто об информации, полученной от Советского правительства о предполагаемых закупках. По вопросу об угле Гендерсон посылает датированное 8 июля конфиденциальное письмо с извещением о том, что госдепартамент рассматривает возможность внесения вопроса об отмене дискриминационной пошлины на уголь на ближайшей сессии конгресса⁹⁷.

Крестинский

Печат. по арх.

214. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Немедленно
10 июля 1936 г.*

Сообщаю только для Вашего сведения. Решено принять последние английские предложения¹²⁹. Озерский, который завтра утром вылетит в Лондон, получил подробные директивы. Информироваться у него.

Крестинский

Печат. по арх.

215. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

10 июля 1936 г.

22 июня с. г. в министерстве иностранных дел Финляндии состоялось подписание протокола о продлении Балтийской геодезической конвенции сроком еще на 12 лет.

* См. док. № 218.

** См. док. № 221.

Ожидается, что в ближайшем будущем протокол подпишут также остальные страны — участницы конвенции¹⁵⁰.

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

216. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

10 июля 1936 г.

Господин Особый агент,

Я уже неоднократно имел честь самым серьезным образом привлекать Ваше внимание к тому неслыханному в практике международного общения режиму, в который поставлены советские консульства в Маньчжоу-Го. Не далее как 2-го сего месяца я поставил Вас в известность об исключительных фактах, имевших место в отношении Консульства СССР в г. Маньчжурия, заключающихся в следующем:

В ночь на 29 июня квартал, в котором расположено советское Консульство, был оцеплен и патрулировался агентами полиции в количестве свыше 20 человек. С утра 29 июня полицейские не пропускали в здание Консульства никого из посетителей. При этом уполномоченному Забайкальской железной дороги на ст. Маньчжурия г. Крицу и другим служащим означенной дороги было заявлено, что на право посещения советского Консульства они должны получать специальные разрешения департамента полиции. Когда в тот же день один из советских граждан, которому необходимо было посетить Консульство, обратился в полицию за пропуском, департамент полиции в этом ему отказал, заявив, чтобы он не ходил в Консульство два-три дня, в течение которых вопрос о пропусках в советское Консульство будет выяснен.

Еще более возмутительные факты имеют место в отношении советского Консульства на ст. Пограничная. Так,

1) вокруг Консульства установлено усиленное и демонстративное наблюдение агентов сыска и полицейских-белогвардейцев;

2) за каждым из сотрудников Консульства, равно как и за их женами, следуют по пятам два агента сыска и трое полицейских-белогвардейцев, наносящих им, особенно женщинам оскорбления;

3) разнузданность полицейских-белогвардейцев дошла до того, что они не остановились даже перед нанесением грубого оскорбления лично Консулу СССР г. Е. И. Голубцову, что имело место еще 12 мая с. г.;

4) в результате сделанных полицией владельцам магазинов предупреждений с угрозой ареста в этих магазинах отказываются что-либо продавать сотрудникам Консульства; в тех же единичных магазинах, в которых сотрудникам Консульства или же их женам удается совершить покупки, белые полицейские, следующие за ними по пятам, тут же, в их присутствии, проверяют каждую покупаемую вещь и записывают как фамилию владельца магазина, так и предметы покупок;

5) властями производится вскрытие всей поступающей в адрес Консульства корреспонденции, причем белые полицейские, неизменно сопровождающие сотрудников Консульства, в самом издевательском тоне рассказывают им содержание их же личной переписки, открыто бравлируя этой своей осведомленностью;

6) в Консульство в Пограничной, как и большинству остальных советских консульств в Маньчжоу-Го, не только не доставляются советские газеты, но была даже прекращена доставка харбинских газет;

7) советским гражданам под угрозой ареста запрещено полицией посещать советское Консульство;

8) белогвардейцы систематически бросают через ограду во двор Консульства различные отбросы.

7 июля в личной беседе с Вами я уже имел честь сообщить Вам, г. Особый агент, о всех этих не поддающихся квалификации волиющих фактах и был вынужден заявить Вам энергичный протест и настаивать на отмене в самом срочном порядке установленного маньчжурскими властями режима в отношении консульств СССР, не укладывающегося даже в рамки самых элементарных понятий о международном праве и общении между цивилизованными странами. В связи с Вашим абсолютно неудовлетворительным ответом я тогда же имел честь поставить Вас, г. Особый агент, в известность, что я вынужден срочно довести до сведения Народного Комиссариата по Иностранным Делах Союза ССР как о вышеуказанных фактах, так и о беседе с Вами.

Ныне Народный Комиссариат по Иностранным Делах поручил мне заявить Вам, г. Особый агент, решительный протест и категорически настаивать на немедленном установлении в отношении консульств СССР в Маньчжоу-Го нормального режима, соответствующего международному праву и нормам, общепринятым всеми странами.

Мне поручено также довести до Вашего сведения, что в случае неприятия Маньчжурским Правительством самых эффективных мер к немедленному созданию нормального для советских консульств в Маньчжоу-Го и предусмотренного международным правом режима мы оставляем за собою право принять вытекающие из этого соответствующие меры¹³¹.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, господин Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР
в Харбине
М. Славцкий

Печат. по арх.

217. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Председателю Малого Хурала Монгольской Народной Республики Доксому

*11 июля 1936 г.**

От имени народов многонационального Союза Советских Социалистических Республик приношу в Вашем лице самые искренние поздравления монгольскому народу по поводу исполняющегося 15-летия Монгольской Народной Республики.

Народы СССР с неослабным вниманием и неизменным сочувствием следят за успешно проводимой монгольским трудовым аратством под руководством Правительства Монгольской Народной Республики работой по укреплению своей государственности, по переустройству народного хозяйства и по поднятию и развитию своей национальной культуры.

Я выражаю пожелания дальнейших успехов Монгольской Народной Республике и укрепления тех уз тесной дружбы, которые издавна связывают наши страны на пользу их народов и в интересах всеобщего мира.

Председатель ЦИК СССР
Калинин

*Печат. по газ. «Известия»
№ 160(6017), 11 июля 1936 г.*

218. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством США о продлении торгового соглашения

1. НОТА
ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ВРЕМЕННОМУ ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ США В СССР
ГЕНДЕРСОНУ

Москва, 11 июля 1936 г.

Господин Поверенный в Делах,

В связи с имевшими место переговорами имею честь подтвердить от имени моего Правительства соглашение, достигнутое между Правительствами наших соответственных стран о том, что Соглашение, касающееся торговых отношений меж-

* Дата опубликования.

ду Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки, о котором говорится в обмене нотами между Народным Комиссаром по Иностранным Делах и Американским Послом от 13 июля 1935 г. *, будет продолжать оставаться в силе в течение еще одного года, т. е. до 13 июля 1937 г.

Примите вновь, господин Поверенный в Делах, уверения в моем самом высоком уважении.

Н. Крестинский
Заместитель Народного Комиссара
по Иностранным Делах

2. НОТА
ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ США В СССР
ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
Н. Н. КРЕСТИНСКОМУ

Москва, 11 июля 1936 г.

Ваше Превосходительство,

В связи с имевшими место переговорами имею честь подтвердить от имени моего Правительства соглашение, достигнутое между Правительствами наших соответственных стран о том, что Соглашение, касающееся торговых отношений между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик, о котором говорится в обмене нотами между Американским Послом и Народным Комиссаром по Иностранным Делах от 13 июля 1935 г., будет продолжать оставаться в силе в течение еще одного года, т. е. до 13 июля 1937 г.

Примите вновь, Ваше Превосходительство, уверения в моем самом высоком уважении.

Лой В. Гендерсон
Временный Поверенный
в Делах Соединенных Штатов Америки

Ноты печат. по арх. Опубли. в «Собрании законов...», отд. II, № 35, 19 ноября 1936 г., стр. 745—746.

219. Запись беседы Полиомочиного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Олифантом

11 июля 1936 г.

Примерно в половине второго дня, т. е. уже после того, как начался священный в Англии уикенд, я получил из Монтрё от г. Литвинова телеграмму, в которой он, сообщая о британ-

* См. т. XVIII, док. № 320.

ской оппозиции нашему требованию свободного выхода советских военных судов из Черного моря в условиях мирного времени, давал мне директиву срочно повидать Ванситтарта и указать ему, что, если английская делегация будет упорно настаивать на ограничении тоннажа выходящих судов 15-ю тысячами, советская делегация может оказаться вынужденной покинуть конференцию. В этом случае за вытекающие отсюда последствия ответственность ляжет целиком на Великобританию, а англо-советским отношениям будет нанесен серьезный удар. Я сразу же позвонил Ванситтарту, но он оказался уже за городом и, по словам секретаря, до утра понедельника найти Ванситтарта будет невозможно. Иден был в этот момент в своем недельном отпуске, заменяющий его Галифакс утром уехал в Йоркшир тоже до понедельника. С некоторым трудом мне удалось разыскать Олифанта, который недавно повышеи в чинах и является сейчас одним из трех постоянных товарищей министра (Ванситтарт, Кадоган, Олифант). Однако и Олифант в данный момент был тоже за городом и лишь к вечеру должен был вернуться в Лондон. Секретарь Олифанта обещал информировать последнего о моем желании с ним срочно повидаться и просил меня после 7 часов вечера заехать к Олифанту на квартиру. Я это сделал и в результате имел с Олифантом весьма серьезный разговор.

Я начал с того, что ход конференции в Монтрё меня несколько удивляет и даже вызывает опасения. В самом начале конференции все казалось очень просто и благополучно. Иден в Женеве беседовал на данную тему с Литвиновым¹²⁷ и дал ему понять, что между советской и британской точками зрения по вопросу о проливах не существует сколько-нибудь существенных разиоречий. 30 июня я сам беседовал на ту же тему с Ванситтартом в Лондоне¹³², и Ванситтарт тоже уверял меня, что соглашение в Монтрё является делом предрешенным и не вызывающим никаких сомнений. Но вот началась вторая фаза конференции, после заседания Лиги наций, и декорация сразу резко изменилась. Лорд Стэнли, который сменил лорда Стэнхопа в качестве главы британской делегации, выдвинул свой собственный проект конвенции, который в целом ряде существенных пунктов оказался для советской делегации неприемлемым. Я не знаю, чем вызвана эта перемена, но чем бы она вызвана ни была, результат получился плачевный: произошло столкновение точек зрения между британской и советской делегациями, и приемлемого выхода пока не видно.

Олифант тут прервал меня и вставил, что, если у нас создалось впечатление, будто перемена в позиции британской делегации связана с отъездом Стэнхопа и приездом Стэнли, он должен прямо сказать, что личность лорда Стэнли тут не играет никакой роли.

Я ответил, что мы вовсе не связывали перемену в поведении * британской позиции со сменой лиц во главе британской делегации. Слова Олифанта только подтверждают наше общее впечатление, что за короткий срок, в какие-нибудь десять дней, позиция британского правительства в вопросе о проливах изменилась. Об этом я могу только пожалеть, ибо не вижу каких-либо действительно серьезных причин для конфликта между Лондоном и Москвой по вопросу о проливах. Сейчас не XIX век, а XX. Нет Османской империи — этого «большого человека» на стыке Азии и Европы. Вместо нее имеется молодая и быстро крепнущая Турецкая республика. Нет старой царской России, все время мечтавшей о завоевании Константинополя, и имперской экспансии на Балканах и Ближнем Востоке. Есть Советский Союз, мирная политика которого ни в ком до сих пор не вызывала подозрений. Вся обстановка радикально изменилась, и совсем не случайность, что весной прошлого года, в итоге визита Идена в Москву, в совместном англо-советском коммюнике ** было констатировано отсутствие противоречий между СССР и Великобританией во всех важнейших вопросах международной политики. Поэтому и проблема проливов в наши дни выглядит совершенно иначе, чем в XIX веке. Нет никаких реальных оснований для того, чтобы эта проблема являлась камнем преткновения в отношениях между Лондоном и Москвой. А между тем позиция, занятая британской делегацией в Монре́е в последние дни, создает впечатление, будто британское правительство в 1936 г. все еще живет интересами, традициями и настроениями XIX века. К чему это? Какой смысл подымать из гробов привидения прошлого?

Олифант, которому новая позиция британской делегации в Монре́е, видимо, была не совсем по душе (и неудивительно: эта позиция больше отражала настроение адмиралтейства, а не форин-офиса), стал довольно путано и не очень убедительно оправдываться, намекая на то, что дело тут, собственно говоря, не в интересах Великобритании, а в том влиянии, которое соглашение в Монре́е может иметь на общеевропейскую ситуацию. Впрочем, Олифант совсем не оратор (даже в разговоре тет-а-тет) и потому скоро замолк, передав слово мне.

Я указал, что попытка англичан (если они на ней будут твердо настаивать) ограничить в мирное время выход советских военных судов из Черного моря лимитом в 15 тыс. т может иметь самые тяжелые последствия. Это британское требование затрагивает очень важный принципиальный вопрос — о суверенитете СССР как государства. Если принять лимит в 15 тыс. т, это будет означать, что наш линкор «Парижская

* В документе — поведение.

** См. т. XVIII, док. № 135.

Коммуна», водоизмещение которого определяется в 23 тыс. т, окажется навсегда запертым в Черном море. Всякий новый линкор свыше 15 тыс. т, который мы построили бы на наших верфях в Николаеве, был бы также лишен возможности покинуть Черное море. Иными словами, суверенное государство СССР потеряло бы право располагать своими морскими силами и передвигать их по своему усмотрению, скажем, из Черного моря в Балтийское или в Тихий океан и обратно, в то время как Севастополь, Кронштадт, Владивосток являются различными пунктами все той же советской территории. Смешно даже ставить подобным образом вопрос. А между тем британская делегация в Монтрё именно так поступает. Прибавьте к этому еще одно важное соображение: на Черном море мы имеем крупные верфи. Если был бы введен 15 000-тонный лимит, продуктивная способность этих верфей, а стало быть, и общие возможности СССР в деле строительства своего военного флота были бы значительно сокращены. Мы на это никак не можем пойти. Я должен предупредить Олифанта, что пункт о 15 000-тонном лимите рассматривается нами как пункт глубоко принципиальный, по которому мы не можем пойти ни на какие уступки. Мы должны настаивать на полной отмене всякого лимита. Если этого не будет сделано, я опасюсь, что конференция в Монтрё кончится крахом.

Олифант с беспокойством заерзал на месте и спросил, как это надо понять.

Я ответил, что сегодня днем мне стал известен характер тех директив, которые вчера были посланы Литвинову из Москвы. Ознакомившись с этими директивами, я был глубоко встревожен, чтобы не сказать больше, ибо эти директивы предписывали Литвинову немедленно вернуться в Москву, если мы не получим удовлетворения по пункту о 15 000-тонном лимите. Будучи другом англо-советского сближения (Олифант тут сочувственно кивнул головой) и предвидя, какие тяжелые последствия для англо-советских отношений имел бы крах конференции по такому поводу, я решил на свой риск и страх проявить инициативу. Из газет я знал, что вчера в Лондон из Монтрё приехал эксперт британской делегации Ренал за получением инструкций. Судя по тем же газетам, Ренал должен был вернуться в Монтрё к понедельничному заседанию. Стало быть, — так мне казалось — инструкции для Монтрё будут выработываться в Лондоне в течение уикенда. Это заставило меня торопиться и я рискнул потревожить его, Олифанта, в столь неурочный час. Я считал своим долгом обратить внимание Олифанта на то, что если бы конференция в Монтрё оказалась сорванной по данному поводу, то ответственность за это несчастье легла бы целиком на британское правительство. Кроме того, общественное мнение СССР, которое — не

скрою — и сейчас относится с известным подозрением к политике Великобритании и склонно объяснять перемены в поведении британской делегации в Монтрё германскими влияниями, тогда окончательно уверилось бы в правильности своих предположений. А это имело бы самые губительные последствия с точки зрения развития англо-советских отношений.

Олифант совсем смутился. Он стал заверять меня, что подозрения советского общественного мнения совершенно неосновательны. Он заявил далее, что Ренал действительно приехал из Монтрё в Лондон, но не столько за получением инструкций, сколько для урегулирования некоторых личных дел (у него-де выходит замуж племянница, жена Ренала лежит в больнице, некому было присмотреть за ходом свадебной операции). Кое-какие инструкции Реналу даны, но инструкции по второстепенным вопросам. Основные инструкции будут выработываться в течение ближайших дней. Тогда британское правительство учтет и все те соображения, которые были развиты мной в сегодняшнем разговоре с ним, Олифантом. В понедельник утром он доложит обо всем Галифаксу и надеется, что все в конце концов урегулируется к общему благополучию*.

Я еще раз извинился за беспокойство и уехал.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

220. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

12 июля 1936 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

1. В связи с выборами в сейм и Женевой здесь последние четыре недели очень много занимались внешней политикой. Имели место известные антисоветское, на другой день опровергнутое интервью Хакселя¹³³, другие его интервью, в которых он пытался смягчить сложившиеся напряженные отношения, буйные выпады бывшего президента Реландера против Коминтерна и Советского правительства, сожаления по этому поводу Хакселя (сожалел он на этот раз по собственной инициативе, а не после разговора со мной), серия выпадов против нас газеты министра обороны «Карьяла», ответ «Хельсинггин саномат», вернее самого Кивимяки, на статью «Правды» от 1 июля, в котором, между прочим, делается намек на то, что

* См. также док. № 222.

СССР, видимо, специально заинтересован в травле «честной Финляндии», что за этим, должно быть, что-то кроется.

Одновременно социал-демократы развернули большую внешнеполитическую активность. Бывший секретарь партии Карл Виик дал очень серьезную статью о политике Финляндии. Известный Свенторжецкий * неожиданно по собственной инициативе предложил начать налаживание отношений с Союзом путем привлечения его в число гарантов Аландской конвенции; он же настаивал на серьезном улучшении отношений путем оживления культурных связей. Наконец, социал-демократическая газета «Кансан тьюэ» дала большую статью, в которой признается, что политика Финляндии должна вызывать подозрение у СССР и Франции.

Обо всех этих фактах мы телеграфировали подробно ¹³⁴. Все они показывают все новое и новое беспокойство, вызываемое в Финляндии нашими разоблачениями.

В ответ на статью «Правды» от 1 июля «Хельсингин саномат», между прочим, не берет под защиту лично Хакселя.

Много пользы принесли известные статьи Табуи и Пертиакса о финляндской политике **.

2. Правительствоная «Хельсингин саномат», придерживавшаяся в вопросах внешней политики умеренных взглядов, в последнее время закусила удила и, не стесняясь, подчеркивает свои симпатии к Германии, чего раньше открыто не делала. Эта газета дала большую статью о создании специальных военных запасов четырех северных стран на случай войны. Эта попытка проткнуть завесу над планами шведского и финляндского генштабов заслуживает нашего внимания.

3. Статья «Правды» от 1 июля была помещена с опозданием. Как я сообщал по телеграфу, финляндское телеграфное агентство отказалось ее передать газетам. Сделали мы это сами. Появилось сообщение о статье только в шведской вечерней газете. Все остальные, даже «Социал-демократен», не посмели послушаться правительства.

4. С Хакселем поговорить по аландским делам *** еще не удалось. По возвращении из Женевы он был целую неделю занят приемом норвежского кронпринца, прибывшего в Финляндию в порядке закрепления скандинавизма. Условился встретиться 13 июля ¹³⁵.

За это время газеты подтвердили сведения о планах постройки запасного аэродрома и двух авиамаяков на Аландских островах. Изучив внимательно конвенцию и разные комментарии к ней, полагаю трудным считать это мероприятием фор-

* Председатель иностранной комиссии сейма Финляндии.

** См. газ. «Известия», 17 июня 1936 г.

*** См. док. № 177.

мально противоречащим постановлениям конвенции. (Каково мнение наших юристов?). Это не мешает нам ссылаться в разговорах на постройку аэродрома. Его военное назначение, конечно, не вызывает сомнений.

Полагая, что Хаксель при встрече с Максимом Максимовичем [Литвиновым] в Женеве затронул и аландский вопрос, я запросил Вас об итогах разговора, но ответа, к сожалению, не получил¹³⁶.

5. Я передал Кивимяки, заменявшему Хакселя, о нашем согласии оформить акты по демаркации границы и просил пригласить финских делегатов в Москву. Он обещал обсудить предложение, но заявил, что раньше октября финские «землемеры» не освободятся. Кизимяки упомянул о необходимости урегулировать вопрос о компенсации за сестрорецкую перемычку. Я указал, что, по нашему мнению, делегаты соберутся только для оформления актов по демаркации; иных вопросов, насколько мне известно, в повестке нет*.

Мне кажется целесообразным заявить финнам еще до начала переговоров, что мы разговаривать о компенсации не собираемся, что этот вопрос урегулирован Юрьевским мирным договором**.

6. Недавно я побывал совместно с г. Брискиным*** по приглашению промышленников в финляндской Карелии, где осматривал заводы, покупающие советский лес, и изучал значение нашего лесного экспорта для Финляндии. По дороге побывал на Валаамских островах. Тамошние монахи (пополнение из русских интеллигентов и белых офицеров) рассказали нам, что финны отобрали у монастыря большинство угодий и понастроили батарей. К сожалению, Валаамские острова по Юрьевскому договору не демилитаризованы.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

221. Нога Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах США в СССР Гендерсову

Москва, 13 июля 1936 г.

Господин Поверенный в Делах,

В ответ на Ваш запрос относительно предполагаемых закупок Союзом Советских Социалистических Республик в Соединенных Штатах Америки в течение ближайших 12 месяцев я

* См. док. № 380.

** См. т. III, док. № 137.

*** Торгпред СССР в Финляндии.

имею честь сообщить Вам, что по информации, полученной мною от Народного Комиссариата Внешней Торговли, хозяйственные организации СССР намерены закупить в Соединенных Штатах Америки в течение следующих 12 месяцев американских товаров на сумму не менее 30 млн. долл.

Примите, господин Поверенный в Делах, уверения в моем высоком уважении.

Заместитель Народного
Комиссара Иностранных Дел
Н. Крестинский

Печат. по арх.

Эта нота была направлена в ответ на следующую ноту временного поверенного в делах США в СССР Гендерсона от 9 июля 1936 г.:

«Имею честь сослаться на наши недавние переговоры относительно продления соглашения от 13 июля 1935 г. о торговых отношениях между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик * и просить Вас информировать меня о стоимости продуктов почвы и промышленности Соединенных Штатов Америки, которые Правительство Союза Советских Социалистических Республик намеревается закупить в Соединенных Штатах Америки в течение ближайших 12 месяцев для экспорта в Союз Советских Социалистических Республик».

222. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР **

14 июля 1936 г.

Сараджоглу ***, приехавший сегодня к Иненю в Стамбул, пригласил меня к себе и спросил, нет ли у меня ответа на его заявление¹³⁷. На мой отрицательный ответ он вновь повторил просьбу турецкого правительства поддержать Турцию в Монтрё. Сараджоглу заявил, что турецкое правительство не одобряет позицию турецкой делегации в отношении английского проекта и согласно с моей оценкой создавшегося положения. Сославшись на отсутствие инструкции, я ограничился резкой критикой поведения турецкой делегации в Монтрё, которая систематически и совместно с англичанами выступает против нас, и что этот англо-турецкий фронт достигает апогея в защите Арасом английского проекта при возражении Литвинова, позиция которого оказалась более близкой интересам Турции, чем полагает Арас. В ответ на настойчивое заверение Сараджоглу, что Турция хочет идти вместе с нами, доказательством чего служат удовлетворенные турецким правительством всех

* См. док. № 218.

** Копия телеграммы направлена М. М. Литвинову в Монтрё.

*** Министр юстиции Турции; в июле 1936 г. исполнял обязанности министра иностранных дел.

наших предложений, что она против английского требования, я ему сказал, что если из его слов можно понять, что турецкое правительство намерено дать Арасу инструкции прекратить демонстративное сотрудничество с Англией против СССР и стать на прямое сотрудничество с нами, то об этом надо говорить не мне, стоящему в стороне от работы конференции, а что это — тема для прямого и открытого разговора Араса с Литвиновым. Возможно, что Апайдыну будет поручено на ту же тему переговорить в Москве.

Карахан

Печат. по арх.

**223. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Ита-
лии Б. Е. Штейну**

17 июля 1936 г.

Многоуважаемый Борис Ефимович,

1. По моему впечатлению сближение между Италией и Германией глубже и серьезнее, чем это предполагали Вы и вместе с Вами мы.

То обстоятельство, что итальянцы вопрос о своем участии или неучастии в Брюссельском совещании локарнских держав ставят в зависимости от того, будет ли на это совещание с самого начала на равных правах приглашена Германия, показывает, что между Германией и Италией на сегодняшний день существует единый фронт не только в вопросах, связанных с Австрией и Юго-Восточной Европой, но и в вопросах западноевропейских.

Соглашение между Германией и Италией является, на мой взгляд, серьезной победой Германии*. Ведь Германия получила фактическую возможность произвести постепенно неофициальный аншлюс Австрии, т. е. подчинить всю внутреннюю и в значительной степени внешнюю политику Австрии указаниям из Берлина. За это Италия не получила никаких серьезных компенсаций. Во всяком случае, в отличие от тех условий, на которых состоялось в свое время сближение Италии и Польши**, мы не имеем здесь обязательства Германии на определенное количество лет не посягать на независимость Австрии.

Италия делает хорошую мину в плохой игре и не показывает виду, что она потерпела поражение. Но фактически это так. Италия, увязшая в Абиссинии и не ликвидировавшая конфликта с Англией, не могла позволить себе роскошь ока-

* См. также док. № 226, 227.

** См. т. XVIII, док. № 207.

зять Германии вооруженное сопротивление и вынуждена была не протестовать против германо-австрийского соглашения*.

В прощальном разговоре со мной Валентино заявлял, что Италия не принимала участия в австро-германских переговорах, что она никаких компенсаций за это не получила и что роль Муссолини свелась к тому, что при последнем свидании с Шушнимгом в начале июня 1936 г. он, сознавая неизбежность приближающегося австро-германского соглашения, указал Шушнимгу те лимиты уступок, за которые он не должен идти. Шушнимг эти лимиты выдержал. Помешать же соглашению, по мнению Валентино, итальянское правительство не могло и поэтому не пыталось.

2. Я не сомневаюсь, что в итало-германском соглашении, существует ли оно в оформленном письменном виде или же представляет из себя лишь известную общность внешнеполитических интересов, имеется антисоветское заострение. Это антисоветское заострение выразится в том, что Италия не будет мешать Германии усилить античешскую политику, и в том, что Германия и без формального аншлюса сможет, не встречая противодействия Италии, продвигать свое влияние на Балканы, чтобы через Балканы повести в свое время наступление на нас.

3. Что касается перспектив наших экономических переговоров и отношений с Италией, то по этому вопросу Вам готовят письмо III Западный отдел и Экономическая часть¹³³. Договоренности с НКВТ у нас еще нет. Этим будем заниматься сегодня. Нет, конечно, и новых указаний директивной инстанции, за которыми мы обратимся тогда, когда итальянцы более точно сформулируют свои новые контрпредложения. Но наше первое впечатление, что позиция итальянцев дискутабельна. Переход от учета торгового баланса к расчетному для нас на ближайшие годы приемлем.

С товарищеским приветом

Печат. по арх.

Н. Крестинский

224. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Арита

17 июля 1936 г.

Господин Министр,

3 июля с. г. Заместителем Народного Комиссара по Иностранным Дела́м г. Стомоняковым был заявлен протест Японскому Послу в СССР Ота по поводу неслыханных действий инспекторского судна японского Министерства земледелия и лесов «Сюнкаоцу-мару», выразившихся в том, что 29 июня с. г.

* См. сб. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», Series C, vol. V, London, 1966. pp. 755—760.

упомянутое судно позволило себе преследовать катер пограничной охраны СССР, гудками требуя остановки катера, задержавшего в районе р. Опала японскую шхуну «Аканэ-мару», которая занималась незаконным хищническим ловом в территориальных водах СССР*.

В тот же день, т. е. 29 июня, «Сюнкоцу-мару», идя курсом на север, остановилось в 7 милях от берега на траверзе Кинкильского мыса, у западного побережья Камчатки, и опустило на воду 2 катера, которые, нарушив 3-мильную зону, в течение 30 минут производили промер глубин в одной миле от берега.

4, 5 и 6 июля «Сюнкоцу-мару» курсировало между Большерецком и Соболево на западном берегу, неоднократно нарушая линию 3-мильной полосы.

Доводя до сведения Японского Правительства об этих фактах, имею честь по поручению моего Правительства заявить Вам, г. Министр, протест против недопустимого и вызывающего поведения японского правительственного судна «Сюнкоцу-мару» и против нарушения им территориальных вод СССР.

Я ожидаю, что Японское Правительство немедленно примет надлежащие и эффективные меры для предупреждения подобных случаев в будущем, и уполномочен заявить, что в случае возникновения на этой почве новых осложнений вся ответственность за таковые ляжет на Японское Правительство¹²⁶.

Примите, господин Министр, уверения в моем совершенном к Вам уважении и преданности.

Юрнев

Печат. по арх.

225. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юрнева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 июля 1936 г.

Поведение полицейского агента, «охраняющего» Наги**, приняло сегодня форму явного преследования. Не удовлетворяясь обычным ожиданием полицейской машины у подъезда здания Дэмпо Цусин***, где находится помещение ТАСС, агент «сопровождает» Наги при подъемах и спусках в лифте до дверей помещения ТАСС. Во время нахождения Наги в помещении агент стоит около дверей, что бросается в глаза посетителям и остальным иностранным корреспондентам, которые сегодня сами обратили внимание Наги на присутствие

* См. док. № 209.

** Корреспондент ТАСС в Токио.

*** Японское телеграфное агентство.

агента. Во время передвижения Наги по городу агент по-прежнему сопровождает его на полицейской машине.

Полицейские агенты применяют за последние дни такие же методы преследования и в отношении сотрудников полпредства, в частности Райвида и Аскова*, за которыми агенты следовали по пятам (в лифтах и т. д.). Кроме того, агенты, дежурящие на автомобилях у ворот полпредства, устроили форменный лагерь — привезли с собой скамейки и т. п., придавая блокаде полпредства ярко демонстративный характер. Райвнд вчера сделал Того новое представление по этому вопросу, на что Того дал стандартное обещание «принять меры»**.

Полпред

Печат. по арх.

226. Письмо заведующего II Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии И. Л. Лоренцу

17 июля 1936 г.

Уважаемый Иван Леопольдович,

Хочу поделиться с Вами некоторыми своими соображениями в связи с австро-германским соглашением***.

Я с самого начала придавал очень серьезное значение ведшимся переговорам. Для меня является несомненным, что итало-германские отношения давно вышли из рамок обычного блефа и что Италия была вынуждена фактически отказаться от опеки над Австрией. Может быть, Муссолини рассчитывал добиться уступок со стороны Англии, однако соотношение сил складывается так, что обстановкой воспользуется только Германия. Я считаю, что австро-германское соглашение является вехой, которая отмечает включение Австрии в германскую орбиту. В ближайшее время будет иметь место следующая картина. Германия использует свой мощный экономический аппарат для вовлечения Австрии в свою хозяйственную сферу, австрийская промышленность будет включена в промышленное военизирование германского аппарата. Австрийская армия постепенно будет превращаться в филиал рейхсвера, австрийские политические деятели и руководящие чиновники поспешат прибежать на помощь победителю и будут стремиться закрепить свои личные позиции. Национал-социалисты постепенно будут просачиваться в государственный аппарат; германская миссия в Вене будет играть роль органа, фактически контролирующего австрийскую политику. Что касается оформ-

* Первый секретарь полпредства СССР в Японии.

** См. док. № 234.

*** См. док. № 223, 227, 233.

ления аишлюса, то это является вопросом времени и вряд ли будет иметь для Германии актуальное значение. Следует учитывать, что уже в настоящий момент в состав австрийского правительства введены два лица, связанные с национал-социалистами. Сюда относятся Гвидо Шмидт в качестве статс-секретаря МИД и министр без портфеля Глейзе-Горстенау. О последнем известно, что он является личным другом Бломберга и Фрича*.

Такова обстановка, как она представляется мне лично.

Был бы очень благодарен Вам за систематическое освещение ряда вопросов. В первую очередь я просил бы Вас регистрировать все этапы экономического проникновения Германии в Австрию, информировать нас о политике усиления национал-социалистов и их агентур в Австрии, давать информацию о роли германской миссии в Вене. К этому могут присоединиться и другие вопросы, которые Вы сочтете имеющими политическое значение**.

С товарищеским приветом

Штерн

Печат. по арх.

227. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полионому Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу

19 июля 1936 г.

Дорогой Яков Захарович,

Германо-австрийское соглашение*** я расцениваю, как большую победу немцев вообще, над Италией в частности. Правда, итальянцы делают хорошую мину при плохой игре и стараются, по крайней мере в Риме, изобразить дело так, будто они являются в этом деле победителями или, во всяком случае, что не может быть речи об их поражении.

Но я никак не могу согласиться с такой оценкой. Я очень ясно вижу то, что выиграла Германия, и не вижу пока тех компенсаций, которые получила Италия.

В самом деле, немецкие национал-социалисты получили легализацию своей партийной работы в Австрии. Под их флагом будут работать, конечно, и австрийские национал-социалисты. Значит, национал-социалистам вообще обеспечена свобода пропаганды в Австрии. В состав австрийского правительства введены двое министров, близких к национал-социалистам.

Осужденные и сидящие в лагерях национал-социалисты, по-видимому (точного подтверждения еще нет), амнистируются.

* Командующий сухопутными вооруженными силами Германии.

** См. док. № 233.

*** См. также док. № 226, 233.

Хотя итало-австрийско-венгерские соглашения* получили подтверждение и признание со стороны Германии, тем не менее не подлежит сомнению, что во внешнеполитическом отношении Австрия будет сейчас больше считаться с указаниями Берлина, чем Рима. Кроме того, Рим, по-видимому, будет вторить Берлину в его антикоммунистической и антисоветской демагогии. Я не сомневаюсь, что австрийская печать и общественность через короткий срок полностью, дружно будет распространять всякую антисоветскую клевету и вообще вести антисоветскую пропаганду. А это означает, конечно, выигрывает Германия, а не Италия.

В вопросах западноевропейской политики точно так же в выигрыше Германия. Как иначе объяснить заявление Италлини, что она не примет участия в совещании локарнских держав, если на это совещание с самого начала на равных правах не будет приглашена Германия. Воздушное соглашение между Италией и Германией обеспечивает Германии опорные пункты для ее авиации на итальянских островах, расположенных в Эгейском море, около турецких берегов**.

Если подвести итог, то на сегодня все плюсы на стороне Германии. А в дальнейшем развитие будет идти еще больше в пользу Германии. В отличие от германо-польского соглашения***, Германия не приняла на себя никаких длительных, очерченных определенным сроком обязательств по отношению к Австрии. Не исключено поэтому, что через несколько месяцев или через год — два, когда почва в Австрии будет достаточно подготовлена, Германия возьмет и присоединит Австрию к себе (на этот раз без всякого сопротивления со стороны австрийского правительства).

Экономическое и военно-политическое продвижение Германии на Балканы, препятствием к которому являлась независимая, враждебная Германии Австрия, сейчас может происходить беспрепятственно через замирившую Австрию. Хотя Австрия и не является еще составной частью Германии, но Чехословакия находится уже в клещах между Германией, Австрией и Италией.

Одним словом, как я сказал в самом начале, Германия может зарегистрировать очередной и довольно крупный внешнеполитический успех.

Я не утверждаю, что соглашение между Италией и Германией является прочным соглашением, связывающим обе эти страны надолго. Я готов допустить, что именно вследствие того, что соглашение состоялось не на началах равноправия, а является в основном успехом Германии, Италия будет стре-

* См. док. № 86.

** См. также газ. «Известия», 21 октября 1936 г.

*** См. т. XVII, прим. 14.

миться в удобный момент взять реванш. Но тем не менее не исключено, что развитие пойдет и по-иному и что дело, начатое австро-германским соглашением, закончится длительным и прочным итало-германо-польско-австро-венгерским соглашением.

Просьба сообщить Вашу оценку австро-германского соглашения¹³⁹.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

228. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
19 июля 1936 г.*

Сегодняшнее заседание в литературном обществе в присутствии членов правительства и большого числа общественных деятелей является несомненно крупным событием в наших взаимоотношениях*. Организованное по иранской инициативе, специально санкционированное правительством и шахом заседание — своеобразный ответ на наше чествование Фирдоуси**. Это заседание должно найти отражение в нашей печати. Иначе будут огорчены наши иранские друзья и обижены официальные круги. Прошу обеспечить опубликование телеграмм Бубнову и отчета корреспондента ТАСС***.

Полпред

Печат. по арх.

229. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заключительном заседании конференции в Монтрё о режиме проливов

21 июля 1936 г.

Мы присутствуем сейчас при финальном акте скромной конференции, заседавшей в тихом уголке Леманского озера, в небольшом составе участников, — конференции, которой суждено, однако, занять весьма почетное место в ряду международных собраний. Созванная для пересмотра международного договора и приспособления его к изменившимся обстоятельствам конференция в Монтрё с честью выполнила свою задачу. Полностью учтя изменившиеся обстоятельства, конференция

* Заседание было посвящено памяти А. М. Горького.

** См. т. XVII, док. № 306, 348.

*** См. газ. «Известия», 23 июля 1936 г.

признала, что предусмотренные Лозаннской конвенцией * гарантии безопасности проливов не могут внушать Турции чувства действительной безопасности. Конференция сделала отсюда необходимые выводы.

Конференция сделала больше этого. Она пересмотрела некоторые старые взгляды, которые позволяли трактовать проблему проливов как застарелый вековой спор между некоторыми державами и предсказывать поэтому неудачу конференции. Во избежание такой неудачи конференция должна была понять, что место дряхлой Османской империи, являвшейся объектом дипломатии империалистических держав, заняла новая, молодая, полная надежд и энергии Турецкая республика, которая под руководством своего создателя и великого реформатора Ататюрка быстро шагает по пути прогресса и играет все большую и большую самостоятельную роль в деле организации мира в Европе.

Конференция должна была понять, что вместо старой империалистической России, стремившейся пользоваться Черным морем как трамплином для участия в империалистической борьбе великих держав и для новых территориальных завоеваний, наибольшую часть побережья Черного моря занимает ныне новое. Советское социалистическое государство, одним из первых актов которого был полный отказ от всяких империалистических вождлений и которое с тех пор неизменно и последовательно проводит политику мира, озабоченное не только своей собственной безопасностью, но и безопасностью всех соседних и дальних государств. Нужно было признать, что 15-летняя тесная дружба между этими двумя возрожденными государствами — Советским Союзом и Турцией — ненарушима и не является лишь временной комбинацией.

Конференция признала, хотя, правда, в недостаточной еще степени, особые права черноморских стран в Черном море и в пользовании проливами, а также особое географическое положение Черного моря, к которому не совсем должны быть применимы общие понятия об абсолютной свободе морей. Что касается советской делегации, то она, добиваясь признания этих положений, отнюдь не возражала против неограниченной свободы навигации в Черном море для коммерческих целей и для обеспечения сообщения между расположенными в нем портами и портами других морских бассейнов. Она добивалась лишь ограничения свободы военных флотов нечерноморских держав как в мирное, так и особенно в военное время. Советская делегация этим путем стремилась отвоевать огромное водное пространство с прилегающими берегами от пламени возможной будущей войны и увеличить безопасность прибрежных стран, из которых ни одна не может быть заподозрена в

* См. т. VI, прил. I.

агрессивных замыслах. Обеспечивая мир и спокойствие на столь важном участке, как стык двух континентов, мы, кажется, оказываем немалую услугу делу укрепления всеобщего мира. Советская делегация, наконец, стремилась установить связь между вырабатываемым нами международным документом и другими существующими инструментами мира, а именно с Лигой наций и пактами о взаимной помощи.

Советская делегация с огромным удовлетворением констатирует, что она хотя и не полностью, но в весьма значительной мере этих своих целей добилась, и я выражаю благодарность всем моим коллегам за их содействие созданию атмосферы взаимного понимания и примирения, которой особенно отмечен был последний период конференции. Мне кажется, что все участники конференции получили удовлетворение и что недовольных среди нас нет. Конференция не дала повода также для недовольства и другим государствам, отсутствующим на конференции и чьи мирные интересы полностью обеспечены.

Я хочу надеяться, что подписанная конвенция*, гармонизируя интересы ее участников с разрешением частной проблемы, создаст почву для дальнейшего общего улучшения отношений между ними.

Значение конференции выходит далеко за пределы темы, которую она дискутировала. Она была созвана в момент, когда вера в разум правительств, вера в возможность миролюбивого коллективного разрешения международных вопросов начала исчезать, в момент, когда вновь возродилась в наиболее омерзительном виде идеология, отрицающая прогрессивные формы общения между народами и коллективного обсуждения и разрешения международных споров, идеология, проповедующая во имя торжества грубой силы идею сепаратных сговоров одних народов за счет интересов других. Удачный исход нашей конференции наносит первый сокрушительный удар этой идеологии, о чем можно судить хотя бы по тому бешенству, с которым носители этой идеологии встретили результаты конференции. Возрождение этой идеологии вызвало политический кризис в международной жизни, создало мрачные пессимистические настроения, близкие к отчаянию и к фатализму, и первым светлым проблеском в этой обстановке является конференция в Монреале. Результаты этой конференции позволяют надеяться, что международная жизнь вскоре окончательно выйдет из тесных проливов бесплодных дискуссий и споров в широкое море истинного международного сотрудничества и достигнет наконец гавани, на которой написано: «Всеобщий мир и безопасность всех народов».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 169(6025), 22 июля 1936 г.*

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 13, 25 апреля 1937 г., стр. 173—207.

230. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР во Франции с Министром авиации Франции П. Котом

22 июля 1936 г.

Посетил Кота совместно с воздушным атташе Васильченко, представителем Наркомтяжпрома Марьямовым и представителем торгпредства Фрадкиным.

Я передал Коту от имени Наркомтяжпрома официальное приглашение группе технических представителей воздушного министерства и авиапромышленности в составе примерно 10—15 человек посетить в ближайшее время Советский Союз для ознакомления с нашей авиапромышленностью и техникой*. Кот весьма заинтересовался этим приглашением, указав, что он заранее уверен, что прием у нас будет значительно лучше того, который был оказан во Франции Марьямову и его комиссии.

Для предварительного намечения списка участников и программы поездки было решено, что Кот выделит своего представителя, который договорится по этим вопросам с Васильченко и представителем торгпредства. Дата поездки была ориентировочно намечена с таким расчетом, чтобы французы могли прибыть в Москву еще до авиационного праздника 18 августа.

Я передал Коту благодарность Марьямова за содействие, оказанное ему и его комиссии, благодаря которому он смог посетить около 20 заводов. Вместе с тем я указал Коту, со слов Марьямова, что, к сожалению, последний не имел возможности завершить переговоры с фирмой «Рено» о договоре на поставку моторов и техпомощи. Дело в том, что, хотя после весьма длительных переговоров с фирмой было наконец достигнуто соглашение по всем пунктам, в частности и в отношении цены (мы пошли на определенное повышение цен), и был назначен день подписания, представители «Рено» буквально в последний день заявили, что они не могут подписать договора без согласования вопроса с министерством. Я указал Коту, что такое отношение фирмы весьма удивляет представителей нашей промышленности, которые вели с «Рено» переговоры о крупных заказах. Кот записал все это, сказав, что он считает такого рода поведение фирмы совершенно недопустимым, и обещал, хотя по его заявлению дело касается МИД, переговорить по этому вопросу.

Вернувшись к вопросу об итерпелляции де Керилдуса** по поводу пушки 23***, Кот указал, что де Кериллис имеет

* См. док. № 241.

** Депутат французского парламента.

*** Речь идет о приобретении Советским Союзом лицензии на авиационную пушку калибром 23 мм.

намерение выступить вторично с интерпелляцией по этому вопросу, мотивируя это тем, что раньше он не располагал «достаточными данными». Кот явно возмущен этой новой попыткой атаки и заявил, что он не допустит новых прений по существу, и выразил надежду, что на этот раз еще более значительное большинство палаты выскажется против де Кериллиса.

Гиршфельд

Печат. по арх.

231. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

*Немедленно
23 июля 1936 г.*

Ввиду того что Иден сейчас очень занят локарискими переговорами, он не мог меня сразу принять и предлагал отложить наше свидание до отъезда французского и бельгийского министров из Лондона, но я во избежание потери времени сделал Крейги сообщение о нашем ответе по вопросу о крейсерах⁸⁶. С соответственной мотивировкой я указал, что Советское правительство готово пойти на уступки и согласно на 8 внелимитных крейсеров (включая «Красный Кавказ») вместо 10, однако при условии, что на двух внелимитных линкорах оно будет вправе поставить 15- или 16-дюймовые орудия по своему усмотрению и что Германия построит 3 внелимитных крейсера, а прочие державы ни одного.

Крейги выразил большое удовлетворение по поводу моего сообщения и заявил, что Советское правительство обнаружило в ходе морских переговоров искреннюю готовность идти на компромисс в интересах торжества качественного ограничения морских вооружений и что, если тем не менее это ограничение не реализуется, ответственность будет падать не на СССР. Крейги вручил мне также первый набросок пунктов, по которым между нами уже состоялось соглашение (посылаю его дипломатой).

В ближайшие дни мы встретимся опять и в предварительном порядке согласуем все наши оговорки и дополнения к договору 25 марта **. После того британское правительство снесется с заинтересованными державами (США, Францией, Италией, Германией), и затем мы уже сможем приступить к окончательной редакции и подписанию двустороннего англо-советского договора. Обращение к первым трем державам Крейги

* Копия телеграммы направлена в народный комиссариат обороны СССР.

** См. док. № 63.

мотивирует тем, что они являются участниками договора 25 марта, а к Германии тем обстоятельством, что Советское правительство ставит свои обязательства по договору в зависимости от согласия на такие же обязательства Германии. Кроме того, по-видимому, в порядке информации Крейги доведет о сущности англо-советского соглашения до сведения Японии. Однако я предупредил Крейги, что сделанная нами уступка носит окончательный характер и что он не должен рассчитывать на какую-либо дальнейшую модификацию, какие бы мнения ни высказывали те державы, к которым английское правительство будет обращаться. Крейги ответил, что он это понимает. Далее я указал, что мы имеем в виду не обмен нотами, а подписание настоящего договора с ратификацией. Крейги не возражал против этого. Окончательный проект договора до его подписания пришлю вам на утверждение, но это будет едва ли раньше конца августа или начала сентября.

Майский

Печат. по арх.

232. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

25 июля 1936 г.

Ота уезжает 28 июля через Владивосток. 22 июля я дал в его честь обед, на котором с нашей стороны, кроме меня, Крестинского и сотрудников НКВД, присутствовали также Микоян, Тухачевский и нарком внешней торговли.

Я обратился к Ота с подчеркнуто теплой по отношению к нему речью, в которой, сославшись на слухи о том, что он собирается не возвращаться в Москву, подвел положительные политические итоги его четырехлетней деятельности в Москве. Указав на характер этого периода, изобиловавшего трудностями и препятствиями, которые возникали вопреки усилиям советской стороны и помимо воли Ота и сторонников мира в Японии, я отметил активность и инициативу Ота в деле улучшения отношений между нашими государствами. Перечислив далее ряд мероприятий в этом направлении, прошедших по инициативе или при ближайшем участии Ота, и засвидетельствовав обычные его корректность, джентльменство и объективность, я сказал, что вся деятельность Ота исходила из совершенно разделяемой нами предпосылки, что установление добрососедских отношений между СССР и Японией не только возможно, но и необходимо в интересах обеих стран. Сославшись на отсутствие между нами и Японией каких разногласий,

которые нельзя было бы примирить в короткий срок при наличии доброй воли с обеих сторон, я отметил, что Советское правительство по-прежнему готово договориться с Японией по всем вопросам наших отношений, и выразил надежду на то, что поездка Ота будет содействовать улучшению отношений между нашими странами.

В ответной речи Ота благодарил за торжественный характер обеда и сказал, что, исходя из убеждения в огромной мощи обеих стран и необходимости сближения между ними, которое обеспечило бы мир не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире, он всегда был и остается активным сторонником сближения наших стран. Однако он не удовлетворен теперешним состоянием отношений и решил поехать в Японию для того, чтобы как следует проинформировать японское правительство и японскую общественность о положении СССР и продолжить там свои усилия для улучшения отношений между обеими странами. В очень мягкой форме Ота проиллюстрировал свою неудовлетворенность отношениями — нерешенностью рыболовного вопроса и ростом вооружений в обеих странах — и сослался также на плохое знание Японии в СССР. Что касается его отъезда, то он вовсе не решил не возвращаться в СССР, и он с удовольствием вернется, если убедится, что сможет осуществить свою программу развития отношений между нашими странами. Под предлогом того, что предварительное опубликование его взглядов, которые он-де излагает публично впервые, может испортить его предстоящие выступления в Японии, Ота просил его речи не публиковать.

После обеда в интимном кругу Ота заявил, что он решил посвятить свою жизнь делу улучшения отношений между нашими странами, и потом два раза в разных контекстах говорил о том, что он будет до самой смерти бороться за это дело.

Когда я сказал, что мы верим ему и убеждены, что если бы во главе японского правительства стояли такие люди, как он, мы легко и очень быстро договорились бы по всем вопросам, ибо нас ничто не разделяет, и в случае войны выиграли бы другие, но не СССР и не Япония, он живо заявил, что он полностью с этим согласен и даже думал об этом говорить в своей речи, но решил воздержаться от этого «ввиду присутствия некоторых японских граждан», т. е. военных атташе.

Сообщите, все ли отклики японской печати на обед Вы передали через ТАСС * и как реагировали на обед в МИД.

Стомоняков

Печат. по арх.

* 27 июля 1936 г. К. К. Юренев телеграфировал в НКВД СССР, что все отклики японской печати были переданы ТАСС.

233. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому

27 июля 1936 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Если оставить в стороне казенные восторги и шумиху вокруг австро-германского соглашения* в австрийской печати, то нужно подчеркнуть, что в ответственных австрийских правительственных кругах это соглашение никаких восторгов не вызывает, а, наоборот, сопровождается довольно тревожным настроением, вызванным тем, что здесь великолепно отдают себе отчет в искренности и в цене тех обещаний, которые Германия дала на бумаге, обещая соблюдать независимость Австрии. Если еще недавно могли быть на этот счет сомнения, то за последнее время имеется ряд указаний, которые могли внушить нужную трезвость и доверчивым людям. «Ди дейче виртшафт», официальный хозяйственный орган германской национал-социалистской партии, открыто пишет, что австро-германское соглашение есть только временное разрешение перед аншлюсом. С военной точки зрения оно означает укрепление немецкой защитной линии в Альпах, с хозяйственной точки зрения это — первый шаг к созданию хозяйственной империи, которая должна охватить Среднюю и Юго-Восточную Европу. Это заявление достаточно четко и понятно. На днях появилась листовка подпольной австрийской национал-социалистской партии, в которой требуется свободное существование и работа этой партии. В ряде других листовок «наци» уверяют, что они будут продолжать работу по аншлюсу.

В связи с этими материалами ряд австрийских газет, в том числе «Рейхспост», «Нейнгкейтсвельтблат» и официальная «Виенер пейтунг» помещают довольно резкие предупреждения по адресу «наци». Эти предупреждения подчеркивают, что партия «наци» в Австрии остается и будет оставаться запрещенной, что всякая работа в направлении к аншлюсу будет встречать резкие меры воздействия, что «наци», освобожденные по амнистии, при первой попытке возобновления своей деятельности будут вновь арестованы и т. п. Угрозы эти, конечно, не особенно сильно смогут подействовать. Факты имеют свою логику. В провинции при освобождении «наци» устраивают демонстрации, освобожденных встречают криками «хайль Гитлер». Люди, которые скрывали свои немецко-национальные установки, сейчас открыто говорят, кто они. «Наци» всячески стараются из подполья выйти на легальную работу, правильно учитывая, что нелегко будет применить репрессии в новой обстановке. Работа «наци» несомненно развернется и усилится.

* См. также док. № 226.

Имеются данные, что Шушниц с большими колебаниями решился на подписание австро-германского соглашения. Это соглашение, видимо, нужно было в международной игре Муссолини, и оно, видимо, частично подсказано из Рима. Шушниц должен был решиться на этот шаг также из внутривластных соображений. Он все больше и больше терял под собой всякую базу. В хеймвере крепла ориентация на то, чтобы искать контакта с Германией. На это давно целился Фей, на это в последнее время готов был идти и Штаремберг*. Для Шушница важно было получить в соглашении четко сформулированные заверения, что Германия будет соблюдать независимость Австрии. Надо полагать, что Шушниц получил со стороны Муссолини заверения, что Италия по-прежнему гарантирует эту независимость. Не приходится думать, что Италия отказалась от своего влияния в Австрии.

Во всем этом плане мало учтено то, что факты и события имеют свою логику, и что соглашение неминуемо приведет к значительному усилению влияния Германии в Австрии, и что этой логике придется или подчиниться, или вести чрезвычайно тяжелую борьбу.

В этом сочетании большой интерес представляет только что объявленная амнистия. Такой широкой амнистии в Австрии еще не было. Она охватывает как «наци», так и социал-демократов и коммунистов. По ней уже на сегодня освобождено около 2 тыс. человек. В дополнение должна быть издана амнистия для лиц, административно наказанных, по которой должно быть освобождено еще значительное количество арестованных. Обе амнистии должны коснуться около 15 тыс. человек. Фактически должны быть освобождены около 4½ тыс. человек. Конечно, политический смысл амнистии в первую очередь составляет освобождение арестованных «наци». Этого требовала Германия и к этому Австрия была обязана по соглашению. Но Шушниц решил одновременно распространить амнистию также и на левые круги. Несомненно, будут приняты все меры к тому, чтобы круг этих лиц сузить, чтобы выпущенных по возможности быстрее снова посадить, но в этой широкой амнистии несомненно имеется мысль сделать попытку примирения с левыми, в особенности с умеренными социал-демократическими кругами, и тем самым укрепить свои позиции и базу. Весь этот план производит впечатление наивных попыток растерявшихся людей.

Я уже в дневнике писал о заявлениях хеймвера и о позиции хеймвера. Они** открыто подчеркивают, что не доверяют пока Германии и что будут выжидать дальнейших событий. Они

* Руководитель хеймвера — австрийской военно-фашистской организации.

** Имеются в виду представители хеймвера.

приветствуют, правда, договор. Они предлагают свои кондотьерские услуги Гитлеру для борьбы с большевизмом. В хеймвере разброд. Баар-Баренфельс* выступил с интервью, где без оговорок хвалил австро-германский договор. На следующий же день это интервью было дезавуировано руководством хеймвера. Между Веннингером и Штарембергом идет глухая борьба. Оба одинаково бессильны. Среди широких кругов хеймвера большое недовольство и растерянность. Расслоение выявляет правую группировку, готовую идти на широкое соглашение, даже на слияние с австрийскими «наци». Последние уже давно работают в подполье над этим расслоением и над своим внедрением в хеймвер. Более левые демократические группировки хеймвера дезориентированы соглашением. В этих группировках ведется большая и, видимо, успешная работа левыми партиями.

В католических кругах австро-германское соглашение также вызвало различное к себе отношение. Группа Фундера** соглашением довольна. Иннишер*** также поддерживает соглашение. Но в католических кругах все больше проявляется реальное понимание обстановки и той опасности, которая угрожает католикам в связи с соглашением. Недавно появилась пространная статья в «Рейхспост», которая в кисло-сладком тоне хвалит договор, в то же самое время выявляя опасности и критикуя его. Тем временем «Рейхспост» не вошла в список газет, допущенных в Германии. В последнем номере «Кристинлихер штенденштаат» появилась статья, критикующая договор. Номер конфискован.

Имеется ряд фактов, свидетельствующих о том, что Германия старается ускорить развитие событий в нужном ей направлении. Вначале говорили о назначении Палена в Лондон. Но он возведен в чин посла и оставлен в Вене для окончания своей «особой миссии».

На днях в Германию на олимпийское состязание едет большая австрийская спортивная команда. Думали даже, что ее возглавит Штаремберг, но назначен другой. Австрийское правительство поручило защиту своих граждан германскому посольству в Мадриде. Австрийская делегация во главе с Вильднером поехала в Берлин для переговоров по экономическим вопросам. Хозяйственные дела встретят значительные затруднения, но это как раз та область, где Австрия думает выиграть от соглашения.

В легитимистских кругах соглашение вызвало переполох. Видимо, Габсбургам еще долго придется сидеть на своих упа-

* Вице-канцлер Австрии с мая по ноябрь 1936 г.

** Главный редактор католической газеты «Рейхспост».

*** Кардинал, глава католической церкви в Австрии.

кованных чемоданах. Я уже сообщал о позиции Папена во время переговоров с Шушнимом по вопросу о реставрации Габсбургов. Но было бы неправильным считать идею реставрации похороненной. Шушник является убежденным монархистом и держит возможность реставрации в запасе.

Из всего сказанного Вы видите, что обстановка в Австрии по-прежнему остается очень осложненной, ближайшие перспективы — неясными. Сделан, однако, весьма серьезный шаг, чреватый последствиями, и австро-германское соглашение усиливает и ускоряет работу тех сил, которые вводят Австрию все больше в орбиту Германии.

С товарищеским приветом

И. Лоренц

Печат. по арх.

234. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Подномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреиеву

28 июля 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Судя по всей поступающей к нам за последнее время информации, можно считать, что переходный режим, установленный Японией после февральских событий²⁹ в виде кабинета Хирога, приходит к концу, и вскоре Япония окажется вновь на перепутье.

В своем интересном докладе о внешней политике Японии в первой половине 1936 г.¹⁴⁰ т. Райвнд считает, что правительство Хирога появилось в результате того, что под влиянием февральских событий «весь класс японской буржуазии в целом» осознал «необходимость доведения военно-экономической базы Японии до уровня целей ее империализма», — необходимость, которую «авангард японского империализма — военщина — понимал раньше». Я думаю, что этот вывод неправилен. Японская буржуазия, несомненно, и до февральских событий ясно видела те «противоречия» между задачами внешней политики Японии и средствами к их реализации, на которых останавливается т. Райвнд. Разногласия, существовавшие между наиболее просвещенными и разумными кругами японской буржуазии, ориентирующимися в мировой обстановке, с одной стороны, и японской военщиной и поддерживающими ее экстремистскими элементами японской буржуазии, с другой стороны, касались не этого вопроса, а вопроса о темпах осуществления империалистической программы Японии. Именно блок дворцовых, финансовых и промышленных кругов понимал упомянутые «противоречия» между задачами внешней политики Японии и средствами к их реали-

заций», а примитивные империалистические представители армии и их штатские друзья очень мало отдавали себе отчета в этом основном противоречии между целями и средствами японского империализма. В то время как умеренные и мудрые, в силу необходимости, представители дворцово-капиталистических кругов, вроде Такахаши, понимали, что Япония вследствие слабости своих ресурсов может только медленно и исподволь идти к осуществлению своих империалистических целей, военщина, не понимая ни международного, ни внутреннего положения Японии, но торопясь использовать порожденную кризисом слабость держав, требовала от страны по существу совершенно невыполнимых и фантастических темпов осуществления империалистических идеалов Японии.

Это положение несколько не изменилось в результате февральских событий. «Умеренные» круги японской буржуазии были лишь терроризованы и вынуждены в несравненно большей степени, чем раньше, считаться с настроениями армии, несмотря на подавление февральского путча.

Кабинет Хирога был «компромиссом» в том смысле, что дворцово-капиталистические круги под давлением террора согласились пойти на уступки военщине по вопросу о темпах развязывания войны и в то же время по вопросу о фашизации страны. Не прошло, однако, и полугода, как крах этой политики ускорения темпов стал все более явно вырисовываться. Правительство Хирога могло надавать военщине всевозможных обещаний, но оно, понятно, оказалось бессильным их осуществить. Политика усиления темпов уже вызывает явные признаки истощения финансового и народнохозяйственного организма Японии. Болтовня о реформах, не дав ничего положительного, усиливает в стране ощущение тупика.

В результате со всех сторон начинаются разговоры о крахе политики Хирога и о необходимости скорой его замены — в августе или сентябре этого года.

2. Трудно, конечно, предвидеть, какие формы примет и к каким результатам приведет назревающий новый кризис в Японии. Одно, однако, ясно: фиаско в значительной степени продиктованных военщиной планов правительства Хирога отнюдь не гарантирует нас от дальнейшего обострения отношений Японии с нами под влиянием военно-экстремистских кругов. Как я писал уже в моем предыдущем письме к Вам от 26 июня*, особенно беспокоящим моментом в наших отношениях с Японией является углубление враждебности к нам в Японии за последние месяцы, в особенности после февральских событий. За эти годы военщина имела один несомненный успех: она сумела внушить довольно широким кругам в Япо-

* См. док. № 201.

нии представление о враждебности Советского Союза и о той великой опасности, которую представляет для Японии наличие вооруженной мощи СССР на Дальнем Востоке. Эти представления и неустойчивость положения в Японии, неустойчивость, при которой совсем не исключенными являются дальнейшие вооруженные попытки военных экстремистов навязать свою волю правительству и даже императору, являются источником хронической опасности возникновения в дальнейшем и более серьезных конфликтов между Японией и нами.

Я не могу согласиться с высказанным Вами в письме от 17 июня¹⁴¹ положением, что «центральные военные власти... пока что все же являются хозяевами положения и без их согласия война не будет спровоцирована действиями тех или иных авантюристски настроенных элементов Квантунской армии». Конечно, экстремистскому крылу армии поражением февральского путча и дальнейшими мероприятиями был нанесен чувствительный удар; было бы, однако, большой иллюзией считать, что дисциплина в японской армии уже полностью восстановлена и что новые выступления против правительства, генералитета и двора уже невозможны. Разговорам Камэи из сякай тайсюто о том, что среди молодых офицеров растет настроение за соглашение с СССР и т. п., трудно верить.

3. В своем предыдущем письме я писал Вам о необходимости изыскания нами мер для борьбы с опасной пропагандой в пользу войны, которую ведет японская военщина среди японского народа. В этом направлении мы делаем, что можем, и об этом отчасти речь будет ниже, но я просил Вас и прошу вновь проработать этот вопрос и сообщить нам по телеграфу и Ваши предложения по этому важнейшему вопросу наших отношений с Японией¹⁴¹.

4. Предположения о том, что японское правительство окончательно уклонится от переговоров о погранкомиссии, к счастью, не оправдались. Хотя полученные т. Райвидом от Того предложения по вопросам создания комиссий по урегулированию конфликтов и по редемаркации⁵⁵ и содержат ряд неприемлемых для нас положений, все же их вручение является крупным шагом вперед, ибо дает нам возможность длительно-го ведения переговоров и при этом противопоставления наших последовательных миролюбивых позиций позициям японской военщины.

Этот вопрос на днях будет заслушан правительством, и после этого я сообщу Вам новые директивы для переговоров*. Хотя японский МИД и просил, чтобы мы не опубликовывали его предложений, я предложу правительству опубликовывать здесь сообщения ТАСС о переговорах т. Райвида с Того. Вос-

* См. док. № 250.

препятствовать этому японское правительство не сможет, а наши сообщения, несмотря на все мероприятия цензуры в Японии, все же станут известны во многих кругах и затруднят работу военщины.

5. Правительство приняло мои предложения к переговорам с адмиралом Сакондзи по вопросам урегулирования положения японской нефтяной концессии на Сев. Сахалине. Переговоры по моему предложению было поручено вести заместителю наркома тяжелой промышленности т. Рухимовичу. Они близятся к концу, и, я надеюсь, к моменту получения Вами этого письма соглашение будет уже достигнуто*. Это соглашение будет, конечно, крупной статьей актива в балансе наших отношений с Японией.

6. Хуже обстоит дело с рыболовными переговорами. Я решил не отвечать на меморандум Сако¹¹⁴ до приезда т. Козловского, которого я ожидаю в течение первой половины августа. По этому вопросу я, конечно, не мог сказать ничего утешительного Ота ни на обеде в его честь, ни во время его прощального визита ко мне 26 июля.

7. Как Вы уже знаете из посланной Вам телеграммы** и как Вы увидите из посылаемого Вам с этой почтой текста речи, произнесенной мною на обеде, данном в честь Ота, мы устроили ему подчеркнуто торжественные проводы. Само собой разумеется, все это делается нами не из симпатии к Ота, хотя он и заслуживает некоторого уважения за ту последовательность и то несомненное мужество, с которыми он, как это нам доподлинно известно, отстаивает в Токио необходимость установления лучших отношений с Советским Союзом. То, что мы делаем в честь Ота и в связи с его отъездом, продиктовано, как я Вам уже телеграфировал, желанием помочь Ота стать по возможности крупной фигурой, в которой японская общественность видела бы не только последовательного защитника мира между Японией и СССР, пострадавшего за эти свои идеи, но и деятеля, который на практике доказал, что с Советским Союзом даже в самых неблагоприятных условиях можно поддерживать хорошие отношения и этим добиваться полезных для Японии результатов.

Я считаю, что эта наша линия дала уже крупные результаты не только тем, что все присутствовавшие на обеде многочисленные японцы несомненно будут еще много и долго рассказывать об этом обеде и о беседах в связи с ним, но и потому, что мы несомненно укрепили в Ота решимость по приезде в Японию бороться за лучшие отношения между Японией и СССР. В устах такого несомненно честного и мужественного

* См. газ. «Известия», 11 октября 1936 г.

** См. док. № 232.

человека, как Ота, заявление вроде того, что он решил посвятить свою жизнь борьбе за лучшие отношения между своей страной и Советским Союзом, что он решил продолжить эту борьбу до самой своей смерти, имеет, конечно, большое значение. Это не пустые фразы, и я убежден, что мы скоро в этом убедимся.

8. В своем письме от 16 июня за № 219/с Вы, говоря о необходимости ответных мероприятий в отношении японского посольства в Москве для того, чтобы заставить японское правительство отказаться от его политики блокады нашего полпредства в Токио, высказали весьма разумную мысль, что «будет целесообразнее подождать, по всей видимости, вскоре предстоящего снятия военного положения, не принимая в отношении японского посольства в Москве соответствующих контррепрессий».

В ближайшие дни мы сделаем еще одно предупреждение японцам* и вслед за тем приступим к проведению ответных мероприятий в отношении японского посольства в Москве. То обстоятельство, что это будет сделано после отъезда Ота, принесет со всех точек зрения одну только пользу.

9. Я считаю связи полпредства и информацию, которую Вы благодаря им получаете, весьма ценными. Само собой разумеется, их надо и дальше поддерживать и развивать.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

235. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочиому Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

*Немедленно
28 июля 1936 г.*

На телеграмму от 28 июля¹⁴². Посетите лично Арита и заявите, что мы долго терпели полицейские мероприятия в отношении полпредства, но наше терпение, вызванное исключительно нежеланием осложнять наши отношения, очевидно, неправильно истолковывается некоторыми японскими органами, которые явным образом ищут всяких поводов и возможностей для того, чтобы создавать все новые и новые трения и конфликты между нашими странами. Беспремерное поведение полицейских органов, дошедших до такой неслыханной наглости, как установка на тротуаре перед полпредством кроватей для

* См. док. № 235.

агентов тайной полиции во время их ночного дежурства, не может быть более терпимо. Мы заявляем категорический протест против поведения японской полиции, а также против попустительства японского мининдела и требуем немедленного прекращения всех без исключения дискриминационных мероприятий в отношении полпредства. При этом заявите, что НКВД всегда принимал и принимает все возможные меры для обеспечения нормальных условий работы японского посольства в Москве и для ограждения его от неприятностей даже и в тех случаях, когда некоторые сотрудники японского посольства были уличены в незаконных действиях. Напомните советских женщин в чемоданах, а также мое сообщение Ота от 21 мая * о том, что нам приходилось уже много раз вмешиваться в такие дела, когда наши власти хотели применить наши законы по отношению к другим сотрудникам японского посольства, уличенным в незаконных действиях. Напомните мое указание послу на то, что такие наши ходатайства становятся все более и более трудными, ибо наши власти справедливо возражают против вмешательства НКВД, указывая на совершенно иное отношение японского мининдела в отношении нашего полпредства. Заявите в заключение, что, если дискриминационные мероприятия в отношении полпредства не будут немедленно прекращены, Вы опасаетесь, что наши власти перестанут совершенно считаться с просьбами НКВД и станут применять практику, которую применяют японские власти. В соответствующей форме дайте ясно понять, что мы не удовлетворимся одним только смягчением режима, вроде устранения кроватей и т. п., и что необходима полная отмена всех мероприятий против полпредства, ибо в противном случае неизбежны ответные мероприятия по адресу японского посольства в Москве.

Для того чтобы Ваш протест произвел большее впечатление, рекомендую ограничиться этими заявлениями, не втягиваясь в дискуссию и уклоняясь от разговоров на другие темы. О результатах телеграфируйте **.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 22 мая 1936 г.

** См. док. № 237.

236. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
28 июля 1936 г.*

Кредитное соглашение подписано *. Его опубликование ус-
ловлено 30 июля.

Полпред

Печат. по арх.

**237. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Япо-
нии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара
Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову**

*Вне очереди
30 июля 1936 г.*

Ваше поручение ** сегодня выполнил. Арита не моргнув глазом ответил, что сообщенные мною факты ему не известны и никто ему об этом не докладывал. Возможно, те или иные сотрудники полпредства доводили до сведения чиновников МИД, но до него, министра, это не дошло. Он наведет справки и даст мне ответ. Я выразил удивление по поводу подобной неосведомленности Арита и напомнил ему, что об этом неоднократно говорилось в Токио и в Москве замнаркомом с послом Ота ***. Арита сказал, что и его охраняет полиция, хотя он иногда отказывается от ее услуг. Кроме того, он неоднократно слышал, что японское посольство в Москве также терпит некоторые неудобства в его работе. Я ответил, что мне ни о каких неудобствах японского посольства в Москве не известно. Далее Арита попытался изобразить блокаду полпредства как меру охраны, каковую нам не следовало бы делать предметом протеста. Подобную постановку вопроса я решительно отверг, не отрицая за полицией права и обязанности охранять нас при неременном условии, чтобы эта охрана была «невидимой». Я вновь указал, что в отношении нас создан специальный режим, который должен быть немедленно и полностью отменен, и что я жду его срочного ответа, в связи с чем задержусь до завтрашнего вечера в Токио, после чего уеду в Карундзаву. Он ответил, что даст мне ответ завтра в полдень¹⁴³.

Никаких вопросов Арита не поднимал.

Полицейская машина, следовавшая за мной от полпредства, проводила меня до самого МИД, где в некотором отда-

* См. «Сборник торговых договоров...», М., 1941, стр. 39—42.

** См. дск. № 235.

*** См. док. № 75, 96.

лении от главного входа ожидала моего выхода из МИД, после чего сопровождала до полпредства.

Полпред

Печат. по арх.

238. Телеграмма советника Полномочного Представительства СССР в Турции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомоиякову

31 июля 1936 г.

Согласно Вашему поручению я уведомил Араса о ратификации ЦИЖ СССР проливной конвенции* и поздравил его. Арас сказал, что в докладе меджлису у него не было повода выделить СССР из числа участников конвенции, но полученное сообщение даст Инению возможность отметить в своем выступлении этот акт и сказать о советско-турецкой дружбе. В своей речи Инению не упоминал ни одно государство, кроме СССР — «большого друга, подписавшего конвенцию и только что ее ратифицировавшего». Сообщение Инению было встречено бурными аплодисментами**. После заседания я поздравил Инению и поблагодарил за выступление.

Залкинд

Печат. по арх.

239. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу

4 августа 1936 г.

Многоуважаемый Яков Захарович,

Если не считать некоторого обмена мнениями по вопросу о Германии во время общей беседы т. Литвинова в инстанции, то немецкие дела у нас сравнительно давно не обсуждались. Можно, однако, сказать, что оценка перспектив советско-германских отношений остается прежней.

Германия не скрывает своего определенно враждебного отношения к нам и все более и более откровенно ставит разрыв с нами*** условием сближения с ней. Последний раз Германия декларировала это в своих политических предложениях Чехословакии. Пусть эти предложения не вручены еще, может быть, чешскому правительству, но ведь не подлежит сомнению, что опубликованный в газетах проект исходит от гер-

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 13, 25 апреля 1937 г., стр. 173—207.

** См. газ. «Известия», 2 августа 1936 г.

*** Имеется в виду разрыв третьими странами, в частности Чехословакией, отношений с СССР.

манского правительства¹⁴⁴. Дальнейшим показателем враждебности по отношению к нам является бешеная кампания германской печати против нас в связи с событиями в Испании. Эта кампания тем более показательна, что ни для кого не секрет активное содействие, оказываемое Германией испанским мятежникам. Немцы, конечно, не отказываются от своих кредитных предложений и готовы были подписать с нами хоть сейчас кредитное соглашение на полмиллиарда и даже на миллиард марок. Но, как Вы знаете, делают они это не по политическим, а исключительно по экономическим соображениям (нужда в нашем сырье, невозможность получить его в другом месте иначе, как за отсутствующую у немцев инвалюту). Они стали настолько откровенны, что даже их официальные представители не стесняются при этом прибавлять, что заключение кредитного соглашения ни в какой мере не улучшает существующих политических взаимоотношений.

Думаю, что при таких условиях мы не пойдем на возобновление кредитных переговоров.

Ведь после того, как мы договорились с Англией*, нам было бы очень трудно полностью использовать германский кредит или разместить там заказы хотя бы на значительную часть общей суммы кредита. Таким образом, экономическая ценность кредита для нас стала еще меньшей. Поддерживать немцев политически у нас нет никаких побуждений.

Оговариваюсь, что никакого решения по этому поводу нет и не было даже подробного обсуждения. Эта точка зрения моя и Максима Максимовича [Литвинова], причем она, как нам кажется, во всяком случае в значительной степени совпадает и с точкой зрения руководящих товарищей.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

240. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

4 августа 1936 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

Сейчас в центре внимания здесь, конечно, избирательная кампания. Обстановка сложилась так, что идет борьба между прогрессом и реакцией, причем Рузвельт, может быть помимо его воли, возглавляет прогрессивную сторону, а Лэндон, несмотря на многие его либеральные фразы, возглавляет реакционную сторону. Избирательная кампания обещает быть ожесточенной, и победа Рузвельту достанется нелегко. В настоя-

* См. док. № 236

шее время положение выглядит так, что он может даже потерпеть поражение, ибо против него идет весь крупный капитал и значительная часть американской печати. Его опорой являются средние люди, широкая масса мелкой буржуазии, фермеры и значительная часть рабочих. Истинное мнение этих широких кругов сейчас очень трудно знать, потому что оно в газетах и журналах, конечно, не выявляется, а давление со стороны деловых кругов и печати, естественно, очень велико, и, в какой мере удастся повернуть общественное мнение против Рузвельта, сказать сейчас очень трудно. Во всяком случае ненависть к Рузвельту доходит до открытой проповеди его убийства и тостов за смерть президента.

Я все же думаю, что Рузвельт одержит верх, и считаю, что шансов у него на победу больше, чем у Лэндона, но всякое может случиться.

Отношение к нам переплетается с внутренним положением в стране, и, естественно, здесь, как и везде, прогрессивные круги склонны к лучшему отношению к нам, а реакционные — к более враждебному. Может быть, стопроцентного совпадения нет, но в основе это так. Все это имеет большое значение с точки зрения готовящейся мировой войны, и работа, которую ведут против нас здесь враждебные нам элементы, конечно, скажется. Недаром говорят, что немцы тратят здесь ежегодно 5 млн. долл. на пропаганду. Какие виды принимает пропаганда против нас, можно судить по прессе Херста, имеющей как-никак до 10 млн. читателей.

25 июля этого года Херст в «Вашингтон геральд», а значит, во всех херстовских газетах напечатал передовую статью, которая доходит до следующего утверждения:

«Тенденция в Европе окончательно в сторону от войны. Настоящее насилие во Франции и Испании, воодушевленное коммунистами и поддерживаемое Россией, является первостепенным фактором в консолидации могущественного блока западных держав, создающих союз за мир.

Конкретным примером этого является быстрый рост фашистских государств — Германии, Австрии и Италии, которые поднялись против флирта между Францией и Россией.

Консервативные силы за мир в Европе являются господствующими и нуждаются только в активной поддержке Англии, чтобы сделать самым эффективным влияние против войны на континенте, которое только было видно со времени мирового конфликта».

Кампания в этом духе продолжается изо дня в день, и, конечно, в известной мере она привлекает умы средних американцев.

У нас имеются сведения, что Германия и Япония сейчас укрепляются в Центральной Америке для того, чтобы в слу-

чае войны иметь возможность использовать американский рынок через государства, подобные Мексике, Никарагуа, Гватемале и пр. Создаются организации и торговые предприятия, которые будут использованы немцами на случай войны. Кое-что делается в Канаде, но в значительно меньшей степени. Работа немцев в Центральной Америке видна потому, что вывоз германских товаров в Центральную Америку, за исключением Мексики и Кубы, вырос на 260% в 1935 г. в сравнении с 1934 г. — с 6697 тыс. немецких марок до 17784 тыс. марок. Правда, импорт Германии из этих стран упал, но это есть результат общего падения германского импорта.

Мне кажется, что на это обстоятельство следует обратить внимание и подумать о том, что следует нам делать для того, чтобы в случае войны не оказаться застигнутыми врасплох. Во всяком случае, страны Центральной Америки, очевидно, будут играть немалую роль.

А. Трояновский

Печат. по арх.

241. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельду

*Немедленно
5 августа 1936 г.*

Вместе с Васильченко посетите Кота и со ссылкой на поручение Орджоникидзе передайте, что мы готовы принять французскую авиационную делегацию в количестве 10—15 человек*. Срок пребывания 15 дней. Во время пребывания в СССР участники делегации будут гостями Главвиапрома Наркомтяжпрома, который принимает на себя расходы на территории СССР. Желательно, чтобы делегация прибыла не позднее 13—15 августа, чтобы успеть до Дня авиации 18 августа посетить ряд институтов и заводов.

Срочно сообщите точный состав делегации и дату ее приезда**.

Крестинский

Печат. по арх.

242. Запись беседы заместителя заведующего III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Франции в СССР Пайяром

5 августа 1936 г.

Пайяр заявляет, что вчера он имел поручение только информировать меня об обращении французского правительства

* См. док. № 230.

** См. газ. «Известия», 21, 23, 24, 26, 28, 29 августа, 1 сентября 1936 г.

к итальянскому правительству по вопросу о невмешательстве в испанские дела. Сейчас же им получена телеграмма Дельбоса, предлагающая ему довести до сведения НКВД ответ английского и германского правительств на аналогичное обращение французского правительства.

Английское правительство в своем ответе отмечает, что оно считает целесообразным заключение соглашения о невмешательстве в испанские дела между Англией, Францией, Германией, Италией и Польшей. По достижении соглашения между этими странами к участию в нем могли бы быть приглашены и другие заинтересованные страны.

Германское правительство в ответе, подписанном Нейратом, заявляет, что оно согласно заключить соглашение о невмешательстве в испанские дела при том лишь условии, если в этом соглашении примет участие и Советский Союз.

В связи с изложенным Дельбос предлагает Пайяру заявить НКВД, что французское правительство считает весьма желательным принятие Советским Союзом принципа невмешательства во внутренние дела Испании и участие СССР в отмеченном соглашении.

Я заявил Пайяру, что немедленно доведу до сведения т. Крестинского содержание сделанного мне сообщения и думаю, что т. Крестинский не замедлит поставить вопрос перед правительством*.

Вейнберг

Печат. по арх.

243. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поликомочиному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Немедленно
7 августа 1936 г.*

На Вашу телеграмму от 6 августа¹⁴⁵. Вы уже знаете из печати, что Франция предложила нам присоединиться к предложению о невмешательстве в испанские дела и что мы уже дали положительный ответ**. Мы высказали при этом два пожелания: а) привлечение к этому соглашению Португалии и б) немедленное прекращение помощи, оказываемой некоторыми государствами мятежникам. Из Парижа имеем сообщение, что Франция уже обратилась к Португалии.

Если Галифакс будет делать попытку рассматривать денежные сборы наших рабочих как вмешательство в испанские дела, Вы, конечно, должны со всей энергией и убедительностью

* См. док. № 243.

** О согласии Советского правительства см. газ. «Известия», 6 августа 1936 г.

доказывать, что сборы, производимые населением СССР, конечно не являются вмешательством Советского правительства в испанские дела. Ведь такие сборы производятся повсеместно, в том числе и в Англии, и английскому правительству, стоящему на точке зрения невмешательства, не приходится тем не менее в голову запрещать эти сборы. Если Галифакс будет упорствовать, можете выразить удивление по поводу того, что английское правительство не выступило открыто против чисто военной помощи, оказываемой Германией и Италией мятежникам, и в то же время член кабинета, управляющий МИД, находит возможным ставить в вину правительству СССР денежную помощь, оказанную законному испанскому правительству трудящимися массами СССР.

Крестинский

Печат. по арх.

244. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну

7 августа 1936 г.

Многоуважаемый Борис Ефимович,

1. События в Испании послужили толчком к развитию в Италии нового взрыва злобной враждебности по отношению к нам.

Вообще, поскольку международное положение становится все более и более острым, поскольку определяются группировки в будущей мировой войне, итальянскому правительству при всей гибкости Муссолини становится все труднее и труднее сохранять по отношению к нам хотя бы внешнее приличие. Итальянская печать усваивает все более и более немецкие гитлеровские приемы по отношению к нам. Да и правительственные люди, сохраняя, конечно, в разговорах с Вами дружелюбие и корректность, все меньше и меньше могут скрывать противоположность итальянской международной позиции нашей политической линии.

Итальянское правительство, как Вы сообщаете нам¹⁴⁶, скрывает от своей общественности то обстоятельство, что итальянские тяжелые самолеты в большом количестве посланы испанским мятежникам и что при их помощи и под их прикрытием испанские повстанцы начинают перебираться из Испанского Марокко в европейскую часть Испании.

В то же время по указке правительства итальянская печать раздувает налупые, явно неправдоподобные истории о том, что наше маленькое нефтеналивное судно принимало участие в бомбардировке испанскими правительственными судами одного из мятежных портов. Сейчас итальянское правительство, конечно, центр своей антисоветской кампании перенесет на про-

изведенные у нас рабочими денежные сборы. В своем ответе Франция итальянское правительство, давая согласие не вмешиваться в испанские дела, обусловливает его тем, чтобы были прекращены митинги и выступления печати в защиту испанского правительства, чтобы не производилось денежных сборов и не оказывалась денежная помощь испанскому правительству. Итальянское правительство, конечно, понимает, что денежные сборы рабочих, производившиеся не только в СССР, но и повсеместно, и военная помощь, оказываемая итальянским и германским правительствами испанским мятежникам,— не одно и то же. Но ему выгодно будет кричать о том, что вмешиваются в испанские дела не итальянское правительство, не Германия, а Франция и в первую голову Советский Союз.

Мы, конечно, и в нашей печати, и в мировой печати будем разоблачать позиции итальянцев и клеймить их за помощь, оказываемую ими совместно с Германией реакционным мятежникам, но мы считаемся с тем, что итальянская печать и итальянское правительство, в связи с испанскими событиями, во все время гражданской войны в Испании будут, конечно, резко враждебны нам.

2. Французское правительство свой дипломатический демарш по вопросу о невмешательстве начало без согласования с нами. Оно обратилось прежде всего к Англии и к Италии. Италия на несколько дней задержала ответ, англичане же сразу дали положительный ответ, но при этом высказали пожелание, чтобы к переговорам о невмешательстве были привлечены также Германия, Бельгия и Польша, а затем и другие страны. СССР англичанами, как мы знаем из переданного нам французами английского ответа, назван не был. Затем французы обратились к немцам. Сделали они это в результате высказанного англичанами пожелания или еще до получения ответа — мы не знаем. Но мы знаем, что немцы сразу же ответили, что они готовы принять на себя обязательство о невмешательстве, если аналогичное обязательство примет на себя Советский Союз.

5 августа французский поверенный в делах довел до нашего сведения ответ Англии и Германии и по поручению МИД высказал пожелание, чтобы мы признали принцип невмешательства и присоединились к соглашению Франции, Англии, Италии и Германии по вопросу о невмешательстве *. В тот же день вечером я ответил Пайяру **, что мы принимаем французское предложение о невмешательстве, но высказываем при этом два пожелания. Первое пожелание сводится к тому, чтобы к соглашению была привлечена также и Португалия. Второе — это немедленное прекращение помощи, оказываемой не-

* См. док. № 242.

** См. также док. № 243.

которыми государствами мятежникам против законного испанского правительства. Мы знаем, что французское правительство удовлетворено нашим ответом и что оно готово обратиться с соответствующим предложением к Португалии. Может быть, впрочем, предложение Португалии было сделано и несколько раньше нашего ответа.

3. Хотя расстояние, отделяющее нас от Испании, делает очень трудным вопрос об оказании нами какой-либо военной помощи *, мы тем не менее поспешили дать недвусмысленный положительный ответ, потому что мы понимали, что Италия и Германия будут продолжать помогать мятежникам и притом будут оправдывать свои действия тем, что мы якобы вмешиваемся в испанские дела и оказываем помощь другой борющейся стороне.

Мы решили поэтому придать нашему ответу возможно более краткий принципиально положительный характер.

4. Каково будет дальнейшее развитие переговоров в связи с французским предложением? Я не сомневаюсь, что итальянцы и немцы, как это видно уже из первых сообщений о содержании итальянского ответа, будут, конечно, утверждать, что кампания митингов и сборов, проводимая трудящимися Советского Союза, есть вмешательство в испанские дела и что это дает им право оказывать помощь другой борющейся стороне или по крайней мере не препятствовать отдельным гражданам Италии и Германии помогать мятежникам в добровольном порядке.

Я не жду поэтому никакой официальной договоренности по этому вопросу и во всяком случае ни одной минуты не сомневаюсь, что до окончательного разгрома испанских повстанцев Германия и Италия будут им самым активным образом помогать.

5. Мне трудно представить себе, чтобы в условиях Италии Вы могли в какой-либо мере противопоставлять в итальянской печати нашу точку зрения обвинениям и утверждениям итальянской стороны. Но в разговорах с коллегами Вы должны, конечно, твердо подчеркивать разницу между добровольными денежными сборами, проводимыми совершенно спонтанно трудящимися массами Советского Союза и других стран, сборами, направляемыми при этом законному испанскому правительству, и между организованной военной помощью, которую правительства Италии и Германии предоставляют мятежникам против законного испанского правительства.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

* О поддержке и помощи Советского Союза испанскому правительству см. док. № 296, 312, 327, а также сб. «Солидарность с Испанской республикой. 1936—1939», М., 1972.

245. Запись беседы заместителя заведующего III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Франции в СССР Пайяром

9 августа 1936 г.

1. Я сообщил Пайяру, что Советское правительство в основном принимает французский проект декларации о невмешательстве в испанские дела*. Наши поправки относятся только к вводной части. Мы считаем целесообразным оставить в вводной части только решение не вмешиваться во внутренние дела и не указывать мотивов, по которым принимается это решение. Эти мотивы у разных стран различны, и трудно найти формулировку, которая была бы приемлемой для всех стран.

Я вручил Пайяру проект декларации в нашей редакции на французском и на русском языке. Пайяр заявляет, что он немедленно доведет об этом сообщении до сведения правительства. Лично он считает, что наш ответ будет принят с удовлетворением, так как исключение из вводной части указанных мотивировочных фраз должно только облегчить заключение соглашения.

2. Пайяр сообщает полученную им новую информацию о позиции отдельных государств.

а) Англия. Англия по существу согласна с французским проектом, но сообщает, что необходимо будет сформироваться с действующим в Англии законодательством. Некоторые трудности может встретить вопрос о запрещении транзита. Конкретных предложений с английской стороны до сих пор не поступало.

б) Италия. Чиано заявил французскому послу, что он до сих пор еще не может сообщить об отношении Муссолини к предложению подписать декларацию о невмешательстве в испанские дела. Он считает, однако, нужным отметить, что проект не предусматривает «морального разоружения», между тем как Муссолини, насколько ему известно, придает этому серьезное значение.

в) Германия. Нейрат заявил, что он относится с симпатией к французскому предложению, но не может еще сообщить решение правительства. По его мнению, контроль над осуществлением обязательств, содержащихся в проекте декларации, должен был бы предусматривать и морское наблюдение. Вместе с тем Нейрат заявил, что он предвидит некоторые трудности в связи с той позицией, которую могут занять США.

Нейрат также заявил, что он рад ответу СССР, но относит-

* См. док. № 242, а также газ. «Известия», 6 августа 1936 г.

ся к нему с некоторым недоверием в связи с различием, которое делается в СССР между правительством и Коминтерном.

г) Польша. Польша в принципе не возражает против заключения соглашения о невмешательстве в испанские дела.

д) Бельгия. Бельгия готова присоединиться к французскому проекту декларации.

Вейнберг

Печат. по арх.

246. Речь Полномочного Представителя СССР в Афганистане Б. Е. Сквирского при вручении верительных грамот Королю Афганистана Мухаммеду Захир-шаху

11 августа 1936 г.

Ваше Величество,

Имею честь вручить Вам отзывные грамоты моего уважаемого предшественника, г. Старка, а также верительные грамоты, подписанные Председателем Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик г. Калининим, аккредитующие меня при Вашем Величестве в качестве Полномочного Представителя Союза на правах Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Правительство СССР, преданное делу мира и дружбы среди народов, глубоко удовлетворено тем, что отношения между Советским Союзом и Афганистаном, всегда строившиеся на основах дружбы, непрерывно и счастливо развивались. Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что и дальнейшее развитие этих дружественных отношений будет способствовать не только укреплению политических, экономических и культурных связей между обеими странами, но и упрочению всеобщего мира.

Я считаю своим приятным долгом заявить, что, руководствуясь волей и указаниями моего Правительства, я буду счастлив работать во взаимных интересах обеих стран, Союза Советских Социалистических Республик и страны Вашего Величества, и дальнейшего развития их всесторонних связей.

В этой работе я надеюсь встретить со стороны Вашего Величества полную поддержку и всемерное содействие, которые будут столь необходимы при выполнении мною задач, возложенных на меня Правительством Союза Советских Социалистических Республик.

Печат. по арх.

В ответной речи Мухаммед Захир-шах заявил:
«Господин Посол,

С большой радостью мы принимаем Ваши верительные грамоты, копии Его Превосходительства г. Калинин, Председатель Центрального Исполни-

тельного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, аккредитует Вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла при нашем Шахском Дворе, а также отзывные грамоты Вашего предшественника.

Ваши заявления об обеспечении дружественных отношений, счастливо существующих долгие годы между Афганистаном и Союзом Советских Социалистических Республик, мы встречаем с глубоким удовлетворением и одобрением и желаем, чтобы эти дружественные отношения между обоими государствами развивались бы в будущем еще более.

Так как добрые отношения и близкая связь между обоими государствами и народами Афганистана и Союза Советских Социалистических Республик являются нашим сердечным пожеланием, то мы укажем и рекомендуем своему Правительству оказать Вам всякого рода содействие и поддержку».

247. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному секретарю Лиги наций Авенюлю

22 августа 1936 г.

Господин Генеральный секретарь,

Вследствие резолюции Ассамблеи от 4 минувшего июля¹⁴² Вы обратились к Правительству СССР с просьбой довести до Вашего сведения предложения, которые это Правительство приняло бы нужным представить для улучшения применения принципов Статута.

В ответ на это приглашение и ссылаясь на замечания, которые я уже имел случай высказать при обсуждении этого вопроса в заседании Совета 26 июня* и на Ассамблее 1 июля с. г.**, имею честь сообщить, что мысль о пересмотре Статута не могла бы в настоящее время быть признана оправдываемой обстоятельствами и способной привести к желаемым результатам ввиду затруднений, связанных с применением процедуры изменений Статута согласно его ст. 26. Вместе с тем имею честь довести до Вашего сведения нижеследующие положения, принятие которых способствовало бы, по мнению моего Правительства, более точному и эффективному применению принципов Статута в области коллективной безопасности и которые могли бы быть приняты с этой целью либо в форме резолюции Ассамблеи, либо путем протокола, открытого для подписания членом Лиги:

1. В случае войны против какого-либо из членом Лиги наций Совет должен быть созван не позже чем в 3-дневный срок со дня извещения об этом Генерального секретаря.

2. В 3-дневный срок с момента своего созыва Совет обязан вынести решение по вопросу о наличии условий, дающих место применению ст. 16 Статута.

Это решение будет считаться принятым, когда за него будут поданы голоса не менее $\frac{3}{4}$ присутствующих членом, не счи-

* См. также газ. «Известия», 5 июля 1936 г.

** См. док. № 206.

тая голосов представителей государства, явившегося жертвой агрессии, и государства, на которое подана жалоба.

3. С момента констатации Советом наличия условий, дающих место применению ст. 16, государство, прибегнувшее к войне, тем самым считается находящимся в состоянии войны со всеми членами Лиги наций и признается подлежащим действию мер (санкций), имеющих целью обеспечить уважение к обязательствам Статута.

4. Выполнение военных санкций осуществляется государствами — участниками договоров о взаимной помощи, призванных действовать в данном случае, а также государствами, которые желали бы сообразоваться с рекомендацией Совета, согласно п. 2 ст. 16 Статута, вынесенной большинством голосов, указанным выше в п. 2.

5. Невынесенные Советом решения, указанного в п. 2, не несут ущерба немедленному выполнению государствами — участниками договора о взаимной помощи их обязательств помощи на условиях, указанных в этих договорах.

6. С того момента, как Генеральный секретарь будет извещен с целью созыва Совета, согласно п. 1, о войне против члена Лиги наций, государства — участники договоров о взаимной помощи, призванных действовать в данном случае, имеют право принимать все подготовительные меры, необходимые для приведения их вооруженных сил в готовность к оказанию помощи согласно этим договорам.

7. Государства — члены Лиги обязуются не рассматривать как акты агрессии действия, осуществляемые в порядке военных санкций как участниками договоров о взаимной помощи, так и другими членами Лиги на основании п. 4.

8. Независимо от вопроса о применении к государству-агрессору военных санкций Совет решает большинством, указанным в п. 2, вопрос о применении мер, указанных в пп. 1 и 3 ст. 16 Статута, об их содержании, объеме и сроке введения в действие, причем такое постановление обязательно для всех членов Лиги.

Совет может также, если это необходимо для успешности проведения общего плана действий или для сокращения потерь для отдельных членов Лиги, отсрочить для отдельных государств полностью или частично приведение в исполнение мер, предусмотренных в п. 1 ст. 16 Статута.

9. Всякий член Лиги, уклоняющийся от участия в экономических и финансовых санкциях, может быть подвергнут мерам таможенной и торговой дискриминации со стороны прочих членов Лиги.

10. Члены Лиги обязуются провести немедленно после вступления в силу настоящей резолюции (протокола) все законодательные постановления, необходимые по их внутрен-

нему конституционному устройству, для того, чтобы заранее обеспечить своевременное применение ими мер, могущих быть рещенными в области экономических и финансовых санкций.

11. Договоры о взаимной помощи между государствами, заинтересованными в поддержании безопасности в определенных районах, признаются дополнительной гарантией безопасности в рамках Статута. Договорами, составляющими такую дополнительную гарантию, признаются те договоры, заключенные или могущие быть заключенными между двумя или несколькими государствами, которые 1) содержат обязательство помощи любому из участников, только если он явится жертвой нападения, 2) устанавливают обязанность помощи в тех случаях, в каких право оказания помощи вытекает из Статута Лиги наций, 3) зарегистрированы и опубликованы согласно ст. 18 Статута.

Считаю необходимым добавить, что, по мнению Правительства СССР, проведение в жизнь вышеозначенных положений было бы облегчено, если бы они были дополнены указанием, что для целей применения ст. 16 Статута государством, прибегнувшим к войне, должно признаваться государство, которое совершило бы один из актов, входящих в категорию, указанные в докладе об определении агрессии, представленном Комитетом по вопросам безопасности Конференции по сокращению и ограничению вооружений 24 мая 1933 г.*

Примите, господин Генеральный секретарь, уверения в моем высоком уважении.

М. Литвинов

*Печат. по арх. Оpubл. в газ. «Известия»
№ 202(6059), 30 августа 1936 г.*

248. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу

22 августа 1936 г.

Вчера Шуленбург заявил устный протест по поводу тона нашей прессы в отношении Германии и каких-то сообщений по радио, якобы компрометирующих германского поверенного в делах в Мадриде и подвергающих опасности его жизнь. Я ответил контрпротестом по поводу тона германской прессы, а насчет радио выразил предположение, что передавались разоблачения из английских газет о деятельности германских фашистов в Испании**.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. т. XVI, док. № 162.

** См. также док. № 256.

249. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Франции по вопросу о Декларации о невмешательстве в дела Испании

1. НОТА

ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ ФРАНЦИИ В СССР
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
М. М. ЛИТВИНОВУ

23 августа 1936 г.

Господин Народный Комиссар,

Имею честь подтвердить Вам текст Декларации, переданной 15 августа г. Министром Иностранных Дел Французской Республики г. Послу Великобритании в Париже, следующего содержания:

«Правительство Республики, сожалея о трагических событиях, театром которых является Испания,

полное решимости строго воздерживаться от всякого прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела этой страны,

руководствуясь стремлением избежать всяких осложнений, вредных для сохранения добрых отношений между народами,

заявляет следующее:

1. Французское Правительство запрещает в том, что его касается, экспорт, прямой или косвенный, реэкспорт и транзит в направлении Испании, испанских владений или испанской зоны Марокко всякого оружия, амуниции и военных материалов, а также всяких воздушных судов как в собранном, так и в разобранном виде и всяких военных кораблей.

2. Это запрещение применяется также к уже заключенным контрактам.

3. Французское Правительство будет информировать другие правительства, участвующие в этом соглашении, о всех мерах, принятых им для того, чтобы ввести в действие настоящую Декларацию.

Французское Правительство в том, что его касается, начнет применять эту Декларацию с того момента, как Правительство Его Британского Величества, германское правительство, итальянское правительство, Правительство СССР и португальское правительство присоединятся к Декларации».

По мере поступления сообщений о присоединении заинтересованных правительств Французское Правительство позаботится о доведении их до сведения Правительства СССР.

Примите, господин Народный Комиссар, уверения в моем высоком уважении.

Ж. Пайяр,
Поверенный в Делах Франции

2. НОТА
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ВРЕМЕННОМУ ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ ФРАНЦИИ В СССР
ПАЙЯРУ

23 августа 1936 г.

Господни Поверенный в Делах,

В связи с переговорами, имевшими место по вопросу о линии поведения по отношению к положению в Испании, я имею честь сделать Вам следующее сообщение:

Правительство Союза Советских Социалистических Республик,

сожалея о трагических событиях, театром которых является Испания,

полное решимости строго воздерживаться от всякого прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела этой страны,

руководствуясь стремлением избежать всяких осложнений, вредных для сохранения добрых отношений между народами, заявляет следующее:

1. Правительство СССР запрещает в том, что его касается, экспорт, прямой или косвенный, реэкспорт и транзит в направлении Испании, испанских владений или испанской зоны Марокко всякого оружия, амуниции и военных материалов, а также всяких воздушных судов как в собранном, так и в разобранном виде и всяких военных кораблей.

2. Это запрещенное применяется также к уже заключенным контрактам.

3. Правительство СССР будет информировать другие правительства, участвующие в этом соглашении, о всех мерах, принятых им для того, чтобы ввести в действие настоящую Декларацию.

Правительство СССР в том, что его касается, начнет применять эту Декларацию с того момента, как сверх Французского и Британского Правительств, которые 15 августа с. г. уже обменялись соответственными нотами, к Декларации присоединятся также германское, итальянское и португальское правительства*.

Примите, господин Поверенный в Делах, уверения в моем высоком уважении.

Литвинов,
Народный Комиссар
по Иностранным Делах

Ноты печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 26, 28 августа 1936 г.

250. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

23 августа 1936 г.

Заявите Арита, что правительство, приступив к изучению его контрпроекта о пограничных комиссиях по урегулированию конфликтов и их проекта о комиссии по редемаркации⁹⁵, остановило свое внимание на отсутствии ясного ответа японского правительства на ранее поставленные ему через Вас вопросы, неразрывно связанные с переговорами, и поэтому Вам поручено предварительно добиться внесения нужной ясности.

1. Вами официально заявлялось, что наше согласие на редемаркацию участка Ханка — Тумынь обусловлено созданием одновременно с комиссией по редемаркации комиссии по урегулированию пограничных конфликтов на этом участке и продолжением переговоров о создании комиссий по урегулированию пограничных конфликтов на всех остальных участках советско-маньчжурской границы. Это нужно понимать так, что после выработки в предстоящих переговорах положения о конфликтных комиссиях мы для начала создаем такую комиссию на участке Ханка — Тумынь и продолжаем переговоры с японским правительством о количестве и времени начала работы таких же комиссий по урегулированию пограничных конфликтов на остальных участках границы*.

2. Мы не получили также ответа на наше предложение возложить на комиссию, которая будет создана на участке Ханка — Тумынь, расследование конфликта от 30 января и последующих конфликтов на этом участке**. Поскольку мы в свое время договорились о создании смешанной советско-япономаньчжурской комиссии*** для расследования конфликта 30 января, наше предложение не должно встретить возражений, и мы ожидаем положительного ответа.

3. Нами неоднократно заявлялось, что, само собой разумеется, в смешанных советско-япономаньчжурских пограничных комиссиях японцы и маньчжуры, как одна сторона, должны будут иметь вместе столько же представителей, как и советская сторона****. Это бесспорное предложение не встречало и, надеемся, не встретит возражений со стороны японского правительства.

4. Непременным условием нашего согласия на редемаркацию участка Ханка — Тумынь было и остается полное спокойствие на границе, возможное только при тщательном соблюде-

* См. док. № 149.

** См. док. № 31.

*** См. газ. «Известия», 15 февраля 1936 г.

**** См. т. XVIII, док. № 306.

нии существующей границы (можете сослаться на Пеккинское и Мукденское соглашения *). Заявленное Арита Вам мы понимаем таким образом, что японское правительство с этим согласасно и что им приняты необходимые меры в этом смысле.

5. Подтвердите, что, если предстоящие переговоры между МНР и Маньчжоу-Го ** о создании аналогичных пограничных комиссий не приведут к положительным результатам, мы в соответствии с теми заявлениями, которые Вами на этот счет делались, оставляем за собой право поставить этот вопрос перед японским правительством в связи с нашими переговорами.

Скажите, что по получении ответа на эти вопросы мы немедленно сообщим Арита наши замечания по поводу его контрпроектов ¹⁴⁸.

Литвинов

Печат. по арх.

251. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Арита

24 августа 1936 г.

Господни Министр,

19 июня 1936 г. я, по поручению моего Правительства, обратился к Правительству Японии с просьбой об оказании содействия тому, чтобы правительство Маньчжоу-Го возобновило незаконно прекращенную выплату бывшим рабочим и служащим КВЖД всех платежей ***, предусмотренных соглашением от 23 марта 1935 г. ****

Хотя я и не получил от Вас ответа на мою ноту от 19 июня, однако то обстоятельство, что правительство Маньчжоу-Го возобновило упомянутые платежи *****, дает Правительству СССР основание полагать, что это возобновление платежей было результатом шагов, предпринятых Правительством Японии.

К сожалению, как Вы усмотрите из прилагаемого для Васшего сведения меморандума ***** правительства Маньчжоу-Го, врученного Генеральному консулу СССР в Харбине 22 июня 1936 г., правительство Маньчжоу-Го, решив возобновить незаконно прекращенные выплаты пенсий, пособий и пр. бывшим рабочим и служащим КВЖД, в то же время решилось пойти на еще более грубое нарушение соглашения от 23 марта 1935 г. Это правительство заявило, что оно будет оплачивать за счет СССР неизвестные Советскому Правительству претензии тре-

* См. т. VII, док. № 156, 222.

** См. газ. «Известия», 2 сентября 1936 г.

*** См. газ. «Известия», 23 июня 1936 г.

**** См. т. XVIII, док. № 134.

***** См. газ. «Известия», 29 июня 1936 г.

***** Не публикуется.

тых лиц и, в случае непокрытия Советским Правительством всей суммы произведенных таким образом платежей, оно уменьшит на соответствующую сумму причитающуюся СССР выкупную сумму за КВЖД.

В связи с изложенным НКВД поручил Генеральному консульству СССР в Харбине заявить категорический протест правительству Маньчжоу-Го против предполагаемого им открытого нарушения основного условия соглашения от 23 марта 1935 г., которое совершенно точно определяет размеры выкупной суммы, причитающейся Правительству СССР за уступку КВЖД.

Поскольку в данном случае намечаемые правительством Маньчжоу-Го мероприятия имеют в виду платежи, в отношении точного выполнения которых Японское Правительство приняло на себя гарантию, установленную обменом приложенных к соглашению писем от 23 марта 1935 г. и вновь подтвержденную Вашей нотой от 20 мая 1936 г., я имею честь, по поручению моего Правительства, препроводить для Вашего сведения текст протеста, заявленного правительству Маньчжоу-Го 22 августа 1936 г.¹⁴⁹

Правительство СССР выражает уверенность, что и на этот раз, благодаря своевременному содействию Японского Правительства, противоречащие соглашению от 23 марта 1935 г. мероприятия правительства Маньчжоу-Го будут отменены и, таким образом, не будет допущено нарушение со стороны правительства Маньчжоу-Го одной из важнейших статей соглашения от 23 марта 1935 г.¹⁵⁰

Примите, господин Министр, уверения в моем совершенном к Вам уважении и преданности.

Юрнев

Печат. по арх.

252. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Иране с Послом Афгаиистаиа в Иране Ахмед-ханом

26 августа 1936 г.

Германская воздушная миссия. Посол, вернувшийся на германском аэроплане в Тегеран из Кабула, куда он летал вместе с германской воздушной миссией, рассказал мне подробности своего путешествия и пребывания в Кабуле¹⁵¹.

Германская воздушная миссия по прибытии в Тегеран явилась вместе с германским посланником Смендом с визитом в афганское посольство. Капитан аэроплана и посланник сказали послу, что Германия предлагает организовать воздушную линию из Кабула через Тегеран — Стамбул в Германию и обротно с тем, чтобы путешествие по этой линии продолжалось

четыре дня. Посол с восхищением отнесся к этому предложению и дал сейчас же ответ, что Афганистан благодарит Германию за инициативу, которая, будучи осуществлена, явилась бы замечательным подарком афганцам.

Из Тегерана в Кабул миссия взяла только одного пассажира — посла и летела в составе 7 человек, из которых: капитан, 2 его помощника, 2 метеоролога, шестой — член экипажа и афганец. В Афганистане германские летчики пробыли почти три недели, совершив за это время полеты во все пограничные районы Афганистана.

Отвечая на мой вопрос, посол добавил, что германские летчики побывали и на советской границе, которая их, должно быть, заинтересовала. Посол прибавил, что он лично выражал в Кабуле премьеру удивление по поводу странной любознательности германских летчиков и что они злоупотребляли афганским гостеприимством.

Посол сказал, что представителей промышленности в составе германской воздушной миссии не было, но одновременно с пребыванием германского аэроплана в Кабуле туда же прибыла и германская промышленная делегация. По имеющимся у посла сведениям, афганское правительство не предполагает размещать крупных заказов в Германии на промышленное оборудование, так как до сих пор не освоены машины, прибывшие в Афганистан по заказу, сделанному в свое время Амануллой*.

Обратный путь из Кабула в Тегеран германский аэроплан совершил, имея на борту 5 человек, включая посла, 2 человека экипажа остались в Кабуле. Расстояние от Кабула до Тегерана аэроплан покрыл в 5 часов.

Посол сказал, что покамест Германия ни в Кабуле, ни здесь в Тегеране не делала никаких предложений об устройстве воздушной линии. Посол понял, что в Берлине будут изучены результаты этого полета, который имел целью в предварительном порядке выяснить метеорологические и другие условия для такой линии; после же изучения итогов полета Германия сделает предложение заинтересованным правительствам.

Относительно Афганистана посол предполагает, что германская инициатива будет принята в Кабуле с благодарностью, но имеются сомнения, будет ли принято это предложение Турцией, особенно после неприятного инцидента, вызванного отказом турецкого правительства разрешить германскому аэроплану обратный полет через турецкую территорию.

Афгано-советские отношения. Посол пространно рассказывал мне о советско-афганских недоразумениях, вызванных задержкой на советской территории нескольких десятков тысяч баранов, принадлежащих афганским скотово-

* Король Афганистана в 1919—1929 гг.

дам¹⁵². Посол присутствовал на совещании у афганского премьера, посвященном этому вопросу.

Посол полагает, что, несмотря на развитие торговли между обоими государствами, политические отношения между ними оставляют желать многого. Прежде всего, по мнению посла, обеим сторонам надо договориться о пользовании пастбищами*.

Ближневосточные отношения. Посол потерял надежду на возможность осуществления ближневосточного пакта четырех государств. Он убежден, что Англия будет и впредь срывать этот пакт и что Ирак не может быть рассматриваем как самостоятельный фактор во внешней политике. По мнению посла, всего правильнее было бы иметь реальный пакт Турция — Иран — Афганистан. Сам посол является сторонником настоящего союза между этими государствами, союза не декларативного, а реального, построенного на обязательстве взаимной помощи. Но перспективы такого союза в настоящее время довольно неопределенны.

Посол говорил с большим раздражением о позиции Англии в ближневосточных делах и об общем положении английской империи, подчеркивал, что престиж Англии после абиссинской войны пал повсюду, и в частности заметно упал также и в Афганистане.

Советник

Печат. по арх.

253. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

28 августа 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Двенадцать дней, истекшие после окончания Олимпиады, оправдали наилучшие предсказания тех, кто ожидал, что Гитлер после краткой «олимпийской передышки» вновь поставит весь мир перед новыми сюрпризами. Германская агрессивность, проявившаяся с особой остротой в испанских событиях и в неслыханной по наглости антисоветской кампании, завершилась декретом об установлении двухлетнего срока военной службы. Этим актом Германия побила все свои прежние рекорды в области вооружений. Около миллиона солдат отныне будут стоять в рядах германской армии.

Проведение этого мероприятия в жизнь было формально мотивировано сокращением призывного возраста в нашей стране и было внешне обставлено как реакция на советские

* См. док. № 431.

вооружения. Эта попытка перенести вину за усиление военной тревоги в Европе на наш Союз вряд ли, однако, увенчалась большим успехом. От внимательных наблюдателей прежде всего не укрылось, что еще задолго до опубликования нами декрета о сокращении призывного возраста здесь предпринимались шаги, предвещавшие уже предстоящее увеличение германской армии (постройка казарм и т. д.). Безмерное злоупотребление советской угрозой, принявшее особенно неслыханные размеры в связи с испанскими событиями, по моим наблюдениям, значительно притупляется от того бесспорного факта, что германская агрессия последнего времени в первую очередь задевает интересы западных стран.

Начиная с 7 марта все сюрпризы, которые преподносит Европе Гитлер, имеют своим объектом Центральную и Западную Европу. Правда, все это может быть рассматриваемо как подготовительный и переходный этапы для осуществления его конечной цели — развязывание войны против нас, но острота того факта, что на этих переходных этапах под непосредственные удары попадают западные страны, и в первую очередь Франция с ее союзниками, от этого не умаляется. Это положение полностью применимо и в отношении последнего гитлеровского акта, больше всего задевающего, конечно, интересы Франции. Проводя свой закон, Гитлер руководствовался не только соображениями, вытекающими из всей его политики разжигания войны, но и соображениями временного порядка, желанием укрепить свои позиции при предстоящих переговорах локальных стран. Заранее уверенный, что этот акт, как и предшествующие, пройдет для него безнаказанно, он решил еще раз пустить в ход излюбленный им метод устрашения силой — метод, к сожалению, так часто оправдывающийся. Что Гитлер, размахивая и бряцая оружием, все же не чувствует себя еще достаточно подготовленным к войне и что он хотел бы договориться (не связывая себе, конечно, рук) не только с Англией, но и с Францией, явствует из всех его внешнедипломатических мероприятий последнего времени. Германия всю свою дипломатическую активность последнего времени строит на сочетании антисоветской травли со стремлением разрядить атмосферу в своих отношениях с остальными странами. Это особенно наглядно проявляется в отношении Гитлера к Англии. Уже назначение Риббентропа* было всеми воспринято как показатель того, что Берлин далеко еще не оставил расчетов на возможность сговора с Англией и, во всяком случае, не отказался от разыгрывания английской карты.

Тот факт, что германское правительство свой новый вызов Европе вынуждено было нейтрализовать присоединением к эм-

* В июле 1936 г. он был назначен послом Германии в Великобритании.

барго, к невмешательству в дела Испании (не дождавшись при этом даже возвращения своих аэропланов), свидетельствует уже о том, насколько Гитлер дорожит своими отношениями с Англией.

Надо предполагать, что между Берлином и Лондоном уже установлен в дипломатическом порядке контакт для подготовки локарнской конференции и что немцы пока не заинтересованы в том, чтобы этот контакт сорвать, если дело не дойдет, в силу непредвиденных обстоятельств, до серьезных событий.

Что касается отношений с Францией, то после введения двухлетнего срока службы Германия должна считаться с фактом нового углубления франко-германских противоречий и разногласий. Не приходится сомневаться, что новое усиление германской армии вызывает во Франции сильнейшую тревогу и побуждает даже сторонников соглашения с Германией более внимательно считаться со всеми источниками, укрепляющими безопасность Франции, в первую очередь с заключенными Францией союзами и пактами о взаимопомощи. Германскому правительству приходится поэтому прибегать к более сильным средствам воздействия на французское общественное мнение, чем Олимпиада и обработка комбатантов; к числу последних относится и состоявшаяся поездка Шахта в Париж. Утверждают, что Шахт повез с собой в Париж ряд существенных уступок в торгово-политической области, но совершенно ясно, что его миссия выходит за рамки узкоэкономические и имеет своей задачей растопить лед в отношениях.

В отношении Австрии Берлин добился некоторых новых частных успехов, которые выразились в окончании несколько затянувшихся переговоров о снятии девизных ограничений, об урегулировании местного пограничного сообщения, о туризме и т. п. Одновременно Германия не отказалась от попыток укрепить свои позиции в Чехословакии, причем сравнительно холодный прием, оказанный по существу столь приятной для немцев речи Бенеша *, лишь свидетельствует о том, что немцы надеются получить от Чехословакии больше, нежели благожелательные заверения чехословацкого президента.

Конечно, не следует преувеличивать значения всех этих моментов, но о них следует помнить, особенно если учесть, что германские маневры в отношении Англии, Франции и Чехословакии зачастую остаются незамеченными в связи с тем, что на первом плане происходит шумная демонстрация солидарности германского фашизма с испанскими милитаристами и с итальянским фашизмом, оказывающим испанской контрреволюции непосредственную помощь. Совершенно, конечно, бесспорно, что за последние дни особенно усилилась связь между отдель-

* См. газ. «Известия», 22, 23 августа 1936 г.

ным фашистскими странами и силами фашизма в различных государствах. Однако все же нельзя (на основании берлинских наблюдений) говорить о сформировании блока фашистских стран. Германско-итальянские отношения все еще не вышли из стадии общего флирта (в котором инициатива, по-видимому, принадлежит Риму) и совместных действий по отдельным вопросам, иногда, как, например, в Испании, правда, заходящих очень далеко. Пока Германия не отказалась от надежд на Англию и пока Италия не капитулировала окончательно перед Германией, в Юго-Восточной Европе, по-видимому, нельзя ждать создания итало-германского блока в подлинном смысле этого слова.

Неустойчивой является и база, на которой строятся отношения Германии с другим ее потенциальным союзником — Польшей. Несомненно, что Берлин чрезвычайно обеспокоен развитием польской внешней политики. Германия вынуждена считаться с некоторым укреплением франко-польских отношений и вместе с тем с наличием определенного предела, дальше которого Польша не намерена идти в своем сближении с Германией. Не лишено вероятия, что германское правительство ускорило введение двухлетнего срока военной службы именно в связи с визитом Гамелена* в Варшаву и предстоящей поездкой Рыдз-Смиглы в Париж.

Все эти соображения мною приводятся не для того, чтобы нарисовать перспективу мирного развития германской внешней политики. Как я уже указал вначале, события последних дней свидетельствуют об обратном. Однако именно в силу того, что германская агрессивность принимает все более шумный и одиозный характер, необходимо трезво взвесить все те моменты, которые дают возможность получить объективную картину германской внешнеполитической тактики в данный момент.

Эта картина свидетельствует о том, что германская дипломатия, расчищая путь своей агрессивности на Восток, вынуждена прибегать к сложнейшим и требующим много времени маневрам и на Западе. Эти маневры, преследующие своей основной задачей создание антисоветского фронта и нейтрализацию стран, в нем не участвующих, наталкиваются на ряд затруднений, среди которых не последнее место занимает неурегулированность отношений между самой Германией и большинством остальных стран. Для преодоления этих трудностей германская дипломатия и прибегает к тактике кнута и пряника. Никаких новых платформ и никаких новых лозунгов в германской внешней политике я не вижу. Единственная концепция, единственная программа, которой оперируют германские фа-

* Начальник французского генерального штаба.

шисты, это — борьба против большевизма, борьба против СССР.

Как я уже ранее указывал, дикая антисоветская свистопляска, развернувшаяся на страницах германской печати, являлась косвенным ответом на московский процесс *, больно задевший фашистов. Несомненно также, что антисоветская травля была связана с подготовкой закона о двухлетней службе. Но можно усомниться в том, чтобы с окончанием процесса и принятием закона антисоветская кампания была свернута. Именно отсутствие определенного нового лозунга во внешней политике и большие внутриполитические трудности (которые в данном письме не касаюсь) побуждают гитлеровцев вновь и вновь возвращаться к антисоветским лозунгам. Заявление, сделанное на днях Леем о нюрнбергском конгрессе, содержало прямое указание на то, что конгресс должен быть проведен под знаком борьбы против большевизма, против Советского Союза.

Сегодня не приходится говорить о завершении какого-либо этапа в развитии событий последних дней. Поэтому нет оснований для обобщающих выводов. Можно лишь констатировать, что фашистская Германия усиливает свою внешнеполитическую агрессию, и в первую очередь против СССР, в обстановке, когда ее международный и внутриполитический тыл далеко не обеспечен. С этой точки зрения характерным является двоякое значение закона о двухлетней службе: он свидетельствует об интенсификации германской подготовки войны и, следовательно, об ускорении ее сроков, но вместе с тем он требует ряда мероприятий, которые не могут быть быстро осуществлены. Иными словами, фашистская Германия по-прежнему еще не готова для большой войны на многих фронтах, но внутреннее и международное развитие усиливает опасность новых авантюр германского фашизма.

С товарищеским приветом

Я. Суриц

Печат. по арх.

**254. Письмо Политбюро Представителя СССР в Польше
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

28 августа 1936 г.

Уважаемый товарищ,

1. Визит Гамелена. Как мне говорил Ноэль, вначале предполагалось, что Рыдз-Смиглы раньше поедет с визитом в Париж, но затем французы сами решили, что лучше раньше приехать в Варшаву Гамелену для того, чтобы на месте лучше познакомиться с положением. Кроме того, французы хотели

* См. также док. № 254.

полюстить самолюбие поляков. Сегодня Рыдз-Смиглы уже выезжает в Париж с ответным визитом и будет присутствовать на французских маневрах.

Если резюмировать разные сообщения о визите Гамелена (в том числе и то, что мне говорил Ноэль), то получаем следующее. Атмосфера визита была исключительно дружественная. Поляки создали в этом отношении наилучшие условия. Соответствующим образом вела себя и пресса. Разговоры касались, очевидно, всех вопросов, интересующих военных обеих сторон. Мне кажется несомненным, что поляки ставили в какой-то форме и вопрос о финансировании польских военных заказов во Франции. По-видимому, французы к этому относятся благожелательно и во всяком случае не отрицательно. Говорят, что этот вопрос будет окончательно решаться в Париже во время приезда туда Рыдз-Смиглы.

Поляки категорически заверяли Гамелена в отсутствии у них каких-либо соглашений или отношений с Германией, которые противоречили бы франко-польскому союзу и французской внешней политике. Как мне говорил Ноэль, Гамелен считает, что эти заверения были искренними.

Во время визита Гамелена поляки, по-видимому, избегали антисоветских разговоров. Они не пытались втянуть Гамелена и в празднование дня 15 августа (которое, кстати сказать, прошло очень бледно и носило преимущественно характер внутрипартийной гзырн). Гамелен присутствовал лишь на панихиде по убитым в соборе.

Отмечаю, что Ноэль старался всячески быть лояльным в отношении нас и считал нужным держать меня в курсе. Он стремился всячески к тому, чтобы мы как-нибудь не остались недовольны поведением Гамелена здесь.

2. Внешнеполитические вопросы. Я уже телеграфировал, что Бек мне сегодня сообщил о присоединении Польши к «испанскому пакту»*.

Затем он просил передать Вам, что Польша не предполагает вносить никаких предложений по поводу реорганизации Лиги наций¹⁵³. Бек примет лишь участие в прениях, если таковые будут на сентябрьской сессии Совета [Лиги наций].

Очевидно, Бек предпочитает самому не ангажироваться, чтобы не ссориться ни с кем, и будет выжидать событий, несомненно, контактируя свое поведение с Берлином и Римом.

3. Антисоветская кампания в печати. Польская пресса использовала процесс троцкистско-зиновьевских террористов, чтобы выступить с рядом антисоветских статей¹⁵⁴. Следует отметить единодушие всей прессы в этом отношении, и

* Имеется в виду декларация о невмешательстве в дела Испании; см. док. № 245, 249.

правительственной, и оппозиционной (даже еврейской). Но особенно гнусные статьи написал «Работник».

Вчера и сегодня стали уже появляться сообщения о «голодных бунтах», «восстаниях», «введении военного положения на Украине и Кавказе» и пр. Большинство источников этих сообщений — немецкие *, причем первое такое сообщение было передано ПАТ из Берлина как исходящее от ДНБ. Некоторые дипломаты вчера вечером спрашивали меня, верны ли эти сообщения. Болгарин слышал эти сведения даже из итальянского радио.

Я, конечно, высмеял все это, разъяснив источник и цели этих провокационных сообщений.

Я считаю полезным, чтобы ТАСС дал соответствующие опровержения и разъяснения **, ибо и в европейской прессе начинают муссировать всякие такие небылицы.

С товарищеским приветом

Я. Давтян

Печат. по арх.

255. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Заместителем Министра Иностранных Дел Греции Маврудисом

29 августа 1936 г.

Перед тем как отлучиться на несколько дней из Афин, я зашел сегодня к Маврудису. Поздравил его с назначением перманентным товарищем министра иностранных дел. Он ответил, что это лишь новый титул, который ничего не изменит ни в его работе, ни в его ответственности.

Затем я заявил протест против последнего постановления суда первой инстанции по делу Сусаниса *** и категорически подтвердил, что никакого участия в судебном разбирательстве по этому делу мы принимать не будем. Маврудис рассказал, что к проведению закона, которым он предполагал положить конец делу Сусаниса, встречаются препятствия: юристы, в том числе и юрисконсульт МИД (Юпис), считают невозможным распространение закона на находящиеся уже в производстве дела. Я заметил, что в таком случае закон теряет всякий смысл.

Наконец, я обратил внимание Маврудиса на начавшуюся в прессе антисоветскую кампанию. Даже такая полуофициальная газета, как «Мессаже д'Атен», правда, со ссылкой на какую-то египетскую газету, пишет снова злостный вздор об идентичности Коминтерна и Советского правительства и т. д.

* См. также док. № 253, 259.

** См. газ. «Известия», 1, 5 сентября 1936 г.

*** См. док. № 13.

В ответ на это Маврудис рассказал мне об организации нового министерства прессы, в которое из МИД переходит Пападакис *, и обещал принять меры против начавшейся кампании.

Полпред СССР в Греции
М. Кобецкий

Печат. по арх.

256. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу

31 августа 1936 г.

29-го Шуленбург приходил ко мне вновь жаловаться на радиопередачи **. Если мы и передаем лишь сообщения английских газет, то, поскольку они доходят на испанском языке до испанцев, они ставят под угрозу германского поверенного в делах. Кроме того, Шуленбург жаловался на личные нападки в нашей печати на Геббельса и даже на Гитлера. Я заявил ему, что наше радио передает факты, сообщаемые английскими газетами, и, таким образом, ответственности за это не несет, и это все же лучше, чем самим сочинять факты, как это делает германская печать в отношении СССР. Что же касается личных нападок, то мы давали и даем указания нашей прессе их избегать, но наши журналисты, очевидно, под влиянием анти-советской кампании в немецкой печати не могут сдерживать себя. Впрочем, добавил я, если Геббельс прочтет свою собственную речь на прошлогоднем нюрнбергском партийтаге, то он вряд ли сочтет себя вправе обижаться на нападки в нашей прессе.

Литвинов

Печат. по арх.

257. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юрневу

*Немедленно
31 августа 1936 г.*

Владивосток получил радиограмму с «Терека», в которой просят немедленной помощи, так как у них кончилась питьевая вода, которую японцы не пополняют. Начались заболевания среди команды ***. Повидайте Арнта и потребуйте освобожде-

* Заведующий отделом печати МИД Греции.

** См. док. № 248.

*** См. газ. «Известия», 24, 27 августа 1936 г.

ния парохода, указав, что только в Японии мы сталкиваемся с таким отношением к нашим пароходам и командам, которым приходится искать убежище в японских портах, и что японское правительство должно учесть, что оно гораздо больше заинтересовано в гостеприимстве для его судов, заходящих к нам, чем мы.

Обратите внимание на лишения, которым подвергают команду, и потребуйте допуска к ним Краузе*. Заявите, что поведение японских властей вызывает у нашей общественности глубокое возмущение¹⁵⁵.

Литвинов

Печат. по арх.

258. Речь Полномочного Представителя СССР в Испании М. И. Розенберга при вручении верительных грамот Президенту Испании Асанье

31 августа 1936 г.

Господин Президент,

Я имею честь передать в Ваши руки верительные грамоты, которыми Центральный Исполнительный Комитет СССР аккредитует меня при Вашем Превосходительстве в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Аккредитуя меня при Вашем Превосходительстве, г. Президент, воплощающем свободно выраженную волю испанского народа жить с честью и достоинством под сенью своих демократических конституционных учреждений, Правительство Советского Союза пожелало, чтобы между нашими странами были установлены сердечнейшие связи с целью содействовать тем самым укреплению мира, в чем нуждаются все страны, и упрочению основ мирного сотрудничества между нашими народами.

Я прекрасно знаю, что Правительство Испанской Республики не желает навязывать другим свою собственную политическую и социальную концепцию, и это полностью соответствует взглядам моего Правительства.

Выражая Вашему Превосходительству, г. Президент, чувства, отображающие волю к миру и доброму согласию между всеми странами, вдохновляющую деятельность моего Правительства, я горячо желаю, чтобы при выполнении высокой миссии, возложенной на меня, мне было оказано доверие Вашим Превосходительством, равно как и поддержка со стороны главы Правительства Испанской Республики.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 203(5060), 1 сентября 1936 г.*

* Генеральный консул СССР в Кобе.

В ответной речи Асанья заявил:

«Господин Посол,

Для меня является большой честью и удовольствием принять от первого Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик верительные грамоты, аккредитующие его в качестве Посла при Испанской Республике. Я рассматриваю установление официальных отношений между обоими нашими народами как одно из самых важных дел, которыми руковожу благодаря свободной воле испанского народа, поставившего меня во главе своих демократических и конституционных учреждений.

Принимая верительные грамоты, которыми Центральный Исполнительный Комитет СССР аккредитует Вас при мне и при Правительстве Республики в качестве своего Чрезвычайного и Полномочного Посла, я с большим удовольствием отвечаю на Ваше приветствие и обещаю Вам мое и Правительства сотрудничество в целях плодотворного развития Ваших трудов на пользу мира и доброде взаимопонимания».

259. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
1 сентября 1936 г.*

Вчера был у Чиано. Он доверительно сообщил мне, что 5—6 сентября сюда приедет Авеноль. Целью визита является выяснение вопроса, будет ли Италия принимать участие в ближайшей сессии Совета и Ассамблее Лиги. Чиано намерен ответить Авенолью, что непременно условием присутствия Италии как на Ассамблее, так и на Совете является отказ в допуске абиссинской делегации. Тут же Чиано добавил, что для этого есть два способа: либо при проверке полномочий абиссинской делегации на Ассамблею не утвердить их, поскольку они будут выданы несуществующим правительством, либо использовать влияние какого-нибудь правительства (Чиано явно намекал на Англию) для того, чтобы посоветовать негусу не посылать делегацию в Женеву. Впечатление от беседы с Чиано по ряду актуальных политических вопросов суммирую в докладе дипломатой¹⁵⁶.

Со всей серьезностью я обратил внимание Чиано на продолжающееся воспроизведение итальянской печатью заведомо фантастических и злостных небылиц, публикуемых некоторыми органами заграничной, преимущественно германской, печати. В ряде приведенных мною примеров я указал Чиано на перепечатанный здесь список «подозреваемых» советских дипломатов. Я заявил, что этот новый способ проведения антисоветской кампании, заключающийся в тщательной и подробной перепечатке гнусностей и клеветы, свидетельствует о фактическом единстве действий германской и итальянской печати. Чиано ответил, что считает свое обещание сдержанным, так как итальянская пресса не помещает ни одной собственной анти-

советской статьи или комментария. Запретить же газетам перепечатывать сообщения из-за границы он не может. В частности, Чиано указал, что последние перепечатки взяты из «Матэн» и «Энтрансижан». К сказанному он прибавил, что и другие французские газеты, менее враждебные СССР, тоже печатают подобную информацию. В последующей длительной дискуссии я решительно настаивал на том, что непомещение статей при одновременном воспроизведении антисоветских сообщений не меняет положения вещей. Чиано ответил мне, что конфисковали на днях весь тираж газеты «Мерло» за помещенные враждебной СССР карикатуры, готов отдать распоряжение об опубликовании любого опровержения ТАСС, равным образом он намерен завтра поместить в виде телеграмм из Лондона сообщение о фантастичности и вымышленности опубликованного списка дипломатов, но ничего не сможет поделать с перепечатками. Сегодня эта телеграмма из Лондона опубликована.

Полпред

Печат. по арх.

260. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. Б. Кагану

2 сентября 1936 г.

На Вашу телеграмму от 1 сентября ¹⁵⁷. Вам надо пойти на совещание, в случае получения приглашения, но, не зная, какие будут делаться предложения, не могу давать Вам директивы. Руководствуйтесь нашим отношением к испанским событиям, стремлением всячески затруднить доставку оружия испанским мятежникам и необходимостью строгого контроля над действиями таких стран, как Германия, Италия и Португалия. Если спросят, почему в распоряжении НКВТ ¹⁵⁸ не говорится о распространении его на заключенные контракты о поставках, разъясните, что о таких контрактах не мог бы не знать НКВТ, а их нет.

Литвинов

Печат. по арх.

261. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 сентября 1936 г.

Кот, прилетевший в Париж с маневров, вчера устроил большой завтрак в честь Якира с верхушкой генералитета и представителями МИД *. Сегодня Якир устроил прощальный завт-

* См. газ. «Известия», 4 сентября 1936 г.

рак, на котором также присутствовал Кот. Кот и вчера, и сегодня в своем тосте весьма твердо и тепло говорил о необходимости сотрудничества с нашей авиацией, отметив большие успехи Советского Союза как по линии армии, так и «вообще в социальной области». Прием Кота носил явно демонстративный характер, причем он прямо мне сказал, что имел в виду ряд событий, как, например, приезд Рыдз-Смиглы. Кот считает необходимым особо подчеркнуть важность пребывания Якира.

Гирифельд

Печат. по арх.

262. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 сентября 1936 г.

По полученным нами из серьезных источников данным, 100 офицеров фашистской милиции с ведома и санкции Лиссабона направлены по фальшивым паспортам отсюда через Португалию в Испанию. Отправка офицеров будет продолжаться и впредь. Кроме этого, в Испанском Марокко находят-ся на сборке 10 итальянских тяжелых бомбовозов для мятежников. На оружейном заводе в Терни произошли на этих днях серьезные беспорядки в связи с отказом рабочих исполнять срочный заказ для отправки в Испанию. В течение нескольких дней город был объявлен на осадном положении.

Полпред

Печат. по арх.

263. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
9 сентября 1936 г.*

Давер и Бейят* обратились со следующей просьбой: приступая к осуществлению большой программы реконструкции хлопководства — увеличения за три года посевной площади со 150 до 450 тыс. га, — иранское правительство просит разрешения немедленно послать в СССР группу специалистов примерно в пять человек для тщательного изучения советского хлопководства в отношении агротехники, механизации, семеноводства, борьбы с вредителями, орошения. Они хотели бы начать

* Соответственно министр финансов и начальник главного управления сельского хозяйства Ирана.

с Азербайджана и кончить Туркменией. Бейят просит, если возможно, устроить скидку в «Интуристе». Считаю крайне важным организацию такой поездки с обеспечением ей хорошего приема, предоставления возможности изучить наши достижения и в дальнейшем обсудить форму нашей помощи. Телеграфируйте ваше решение, в частности вопрос о стоимости проезда, содержания и т. д.*

Полпред

Печат. по арх.

**264. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

10 сентября 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

1. Сегодня министр иностранных дел сообщил мне, что, ознакомившись с антикоммунистической выставкой, МИД еще раз выражает свое глубокое сожаление «за нетактичность экстремистских кругов» и сообщает, что шведское правительство приняло меры к удалению наиболее неподходящих снимков и карикатур, запретило вывесить вывеску о выставке на улице и сегодня по настоянию МИД выставка уже закрыта.

2. Советской делегации на международный конгресс по ревматизму оказан был исключительный прием как со стороны шведского медицинского мира, так и международных представителей Лиги борьбы с ревматизмом. Великодушные, с которым Советский Союз поддерживает научные изыскания международного медицинского мира в борьбе с ревматизмом, произвело здесь огромное впечатление. Проф. Кончаловский, как Вы знаете, избран вице-президентом Международной лиги борьбы с ревматизмом, причем провален был кандидат-немец. Я устроила очень удачный прием в полпредстве нашей делегации, на котором представлен был МИД, крупнейшие имена медицинского мира Швеции, общественные деятели и пр. Вице-председатель конгресса ван Бремен произнес речь, полную симпатий к Союзу, отмечал замечательно организованный конгресс в Союзе, советское радушие и благодарил Советское правительство за «великодушную помощь» Лиге для развития научных изысканий по борьбе с ревматизмом.

3. Наш новый дом готов. Он имеет солидный вид, отвечает престижу полпредства и во всех смыслах нас удовлетворяет. Завтра, после отправки почты, переезжаем.

С лучшим приветом

Полпред СССР в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

* См. док. № 275.

265. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

11 сентября 1936 г.

Уважаемый Николай Николаевич.

1. Последний месяц создается впечатление, что правительство Финляндии дало директиву печати вести более усиленную, чем раньше, пропаганду против СССР. Поводом послужила заметка в «Правде» о строительстве аэродромов в Финляндии и ингерманландские дела*. Процесс контрреволюционеров в Москве также был использован для неслыханной кампании. Финляндская пресса собирала распространяемую о нас клевету со всего мира. Наиболее возмутительно вело себя официальное телеграфное агентство. Мы приняли меры против этой кампании и дали опровержения, которые и появились, но кампания продолжается.

2. Отношение всей прессы, за исключением социал-демократической, к испанским событиям характеризуется выражением горячих симпатий фашистским генералам. Информация о событиях настолько предвзята, что даже эсдеки сочли нужным протестовать.

3. Начал работу новый сейм. Социал-демократы и шведы мягко намекнули правительству на желательность его ухода. Квиmjаки даже не потрудились ответить. Таннер, с которым я на днях имел продолжительную беседу, считает, что к декабрю возможна смена правительства.

4. Никаких попыток упорядочения своих отношений с нами правительство не делает. Таннер меня предупредил, что возможное новое правительство будет вести ту же внешнюю политику. Под этим он понимает ориентацию на Скандинавию. Он и Сандлер обсуждали наше отношение к этому вопросу и удивляются, почему мы столь скептически к нему относимся. Я разъяснил Тааниеру нашу точку зрения. Он полагает, что мы имеем преувеличенное представление о мероприятиях финляндского правительства по сближению с Германией.

5. Скандинавы и Финляндия дали свои ответы о реформе Лиги наций в отдельности, предварительно посоветовавшись в Копенгагене. Точка зрения финнов была Вам передана по телеграфу¹⁵⁹.

6. Поездке Маинергейма в Лондон нельзя придавать пока большого значения. Озабоченные отсутствием проявления знаков внимания со стороны Финляндии англичане принимают Маинергейма весьма почетно. Одна эта поездка еще не озна-

* См. док. № 220.

чает желания Финляндии восстановить нарушенное за последние годы в пользу Германии относительное равновесие.

С товарищеским приветом

Полпред
Асмус

Печат. по арх.

**266. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

13 сентября 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

1. Общая оценка нюрнбергского партийтага в настоящий момент является еще преждевременной *. Гитлер еще не произнес всех своих речей, еще неизвестно, не сделает ли он специальной внешнеполитической декларации, которая по всем сведениям была назначена на 12 сентября, но не состоялась. Но еще сейчас иностранные наблюдатели ждут какой-то большой речи Гитлера, поскольку, если не считать зачитанной в Нюрнберге прокламации фюрера, Гитлер ограничился краткими, чисто митинговыми речами. Наконец, не исключено, что партийтаг завершится заседанием рейхстага, хотя бы для принятия законов, связанных с новой четырехлетней, о чем было сказано в прокламации Гитлера.

Тем не менее следует остановиться на нескольких моментах, которые характерны для первых дней нюрнбергского съезда.

2. В области внутренней политики декларации и речи, произнесенные на нюрнбергском партийтаге, свидетельствуют о больших внутренних затруднениях, вероятно, превосходящих даже наиболее пессимистические оценки иностранных наблюдателей. Как-никак манифест Гитлера содержит почти неприкрытое признание крупнейшего дефицита в продовольственном и сырьевом балансе страны. Уже ничего не говорится, как это было в прошлом году, о недопустимости повышения цен и понижения зарплаты, наоборот, все внимание уделено мероприятиям, которые должны в будущем обеспечить население страны достаточным количеством предметов питания, а германскую промышленность — необходимым сырьем. В вопросе о внешней торговле режим по существу заявил о своем банкротстве, поскольку весь так называемый четырехлетний план построен на принципах автаркии, которая еще совсем недавно отвергалась официально фашистскими политиками и экономистами.

* См. также док. № 270, 289, 305.

Вместе с тем бешеная ругань по адресу большевизма и СССР, о чем подробнее ниже, полемика Геббельса с коммунистической литературой и лозунгами германских коммунистов 1932 г., характер всех без исключения речей на съезде, не касавшихся вовсе ближайших перспектив и наполовину посвященных ругани по адресу СССР,— все эти обстоятельства также свидетельствуют о большом внутреннем неблагополучии в третьей империи.

Не обобщая всех этих моментов и не делая из них преждевременных выводов, нужно их уже сейчас зарегистрировать, так как эти признаки внутренней слабости режима облегчают понимание всей установки нюрнбергского партийтага.

Иными словами, открытая антисоветская установка «партийтага чести» 1936 г. не может не быть поставлена в связь с внутриполитической слабостью Германии.

3. С внешнеполитической точки зрения наиболее существенными чертами нюрнбергского партийтага являются, конечно, провокационные выпады против СССР и постановка колониальных требований. Собственно, никаких других внешнеполитических заявлений до 12 сентября включительно на съезде сделано не было.

Для антисоветских выступлений в Нюрнберге в 1936 г. характерным является не столько обычный низкий уровень, грубость и оскорбительные личные выпады против членов Советского правительства (это имело место в несколько меньшей степени и в прошлом году), сколько открыто агрессивный характер выступлений против Советского государства под лозунгом создания международного блока против СССР. Даже по форме основные антисоветские речи были обращены не к германскому народу, а к иностранным правительствам.

Дополнительно к посланной информации следует отметить следующие существенные для нас моменты в антисоветских выступлениях на нюрнбергском партийтаге.

Во вступительной речи Гесс объявил, что борьба против большевизма в мировом масштабе является центральным вопросом нюрнбергского партийтага. Гесс подчеркнул, что «Германия выступает как мощный антибольшевистский фактор».

Прокламация Гитлера заканчивается призывом к борьбе против «международного еврейского революционного центра в Москве». С этим призывом Гитлер непосредственно связал введение двухлетнего срока военной службы.

Речь Геббельса, которая публикуется всей прессой под лозунгом «Сигнал тревоги против Москвы», начинается в первой же фразе с указания, что эта речь посвящена не только марксизму в теории, но и Советскому государству, где марксизм осуществлен на практике. Самая же речь Геббельса, посвященная, таким образом, Советскому государству, состоит, как из-

вестно, из чрезвычайно оскорбительных и провокационных нападков и содержит прямой призыв к принятию окончательных решений в борьбе против большевизма и к созданию международного антисоветского блока для его уничтожения.

Речь Розенберга насыщена оскорблениями по адресу Советского правительства, советской дипломатии и отдельных персонально названных советских деятелей. В заключение своей речи Розенберг прямо призывал к преодолению «большевистской опасности» во всем мире, и в частности в самом Советском Союзе, «при помощи воли к действию и решающих дел».

4. Для объяснения причин, побудивших Гитлера и его соратников выступить в Нюрнберге столь открыто не только против большевизма, но и против СССР, можно привести следующие соображения:

а. Уже отмеченные нами выше внутривнутриполитические затруднения должны были побудить гитлеровцев снова в максимальной степени использовать антибольшевистские и антисоветские лозунги, завуалировав их внутривнутриполитическое значение подчеркиванием лозунгов борьбы в международном масштабе.

б. Международное положение фашистской Германии накануне Нюрнберга было далеко не блестящим; колебания Англии, общий характер ее политики, нажим англичан по вопросу о локальной конференции и их намерение все же поставить, хотя бы в скромной форме, восточно-европейские проблемы — все эти моменты вызывают растущую тревогу и раздражение в Берлине. Бесспорное ослабление Японии все сильнее дает себя чувствовать и в германской политике. Неблагополучно обстоит дело и с европейскими союзниками Германии; маневры Рима за последнее время вызывают все большее недоверие в Берлине; франко-польское сближение сильно тревожит немцев. Между тем флирт с правительством Блюма пока не имел особого успеха и по крайней мере не открывает определенных перспектив.

Однако все эти отрицательные моменты не могли побудить немцев к политике уступок и капитуляции, ибо общее развитие германской политики за последний год укрепило в немцах убеждение, что лучшим методом является политика наскоков, совершившихся фактов, настойчивых требований и т. п. Вот почему ослабление международного положения фашистской Германии побудило гитлеровцев в Нюрнберге не прибегать к примирительным жестам, а, наоборот, выступить с новыми крикливыми требованиями и угрозами, на этот раз опирающимися на чрезвычайно возросшие вооруженные силы Германии и на милитаризацию Рейнской зоны.

в. Выдвигая колониальные требования, немцы пустили в ход новый козырь в игре, но чтобы ослабить неблагоприятное

впечатление от этих требований, они сопроводили их новой атакой против СССР.

г. Эта новая антисоветская демонстрация должна была, по мнению гитлеровцев, укрепить германские связи с фашистскими или полуфашистскими странами (Италия, Польша, Венгрия, Югославия); Гесс об этом говорил прямо в вступительной речи, а прием, оказанный в Нюрнберге делегации итальянских фашистов, свидетельствовал о попытках перенести на нюрнбергские подмостки инсценированное во время Олимпиады содружество фашистских стран.

д. Энергичное выступление за изоляцию СССР должно было вместе с тем укрепить позиции германских друзей в колеблющихся странах; оно должно было вместе с тем затруднить отход от Германии Польши или Венгрии.

е. Вместе с тем бешеная антисоветская кампания, конечно, должна, по мнению гитлеровцев, облегчить их борьбу за срыв франко-советского договора, которую они за последнее время значительно активизировали. Равным образом после подобных деклараций враждебности к Советскому Союзу гитлеровцы надеются с большим основанием сопротивляться попыткам втянуть Германию в переговоры о пачификации Восточной Европы.

ж. Наконец, само собой разумеется, что испанские события сыграли весьма значительную роль в решении Гитлера поставить в центре нюрнбергского партийтага борьбу против большевизма, борьбу против СССР.

Таковы те основные побудительные причины, которые могли повести к столь острым и открытым выступлениям против СССР в Нюрнберге. Эти причины приведены выше не в порядке их важности и значения, поскольку сейчас еще трудно судить, какие из этих обстоятельств сыграли решающую роль в придании нюрнбергскому партийтагу столь ярко [выраженного] антисоветского характера.

Б. Трудно сейчас еще сказать, намеревались ли гитлеровцы, выступая столь открыто и провокационно против СССР, вызвать серьезный конфликт или даже разрыв отношений. Вероятно, такие намерения существовали и существуют еще у части советников Гитлера. Возможно, что эта группа надеялась, что в специфической, накаленной нюрнбергской обстановке удастся толкнуть Гитлера на соответствующий акт, как в прошлом году удалось в самом Нюрнберге ускорить проведение антисемитских законов.

Однако, по-видимому, этого уже не случится. На гитлеровцев, по всем признакам, произвело большое впечатление то обстоятельство, что атака против СССР не встретила сочувствия за границей и даже, наоборот, встретила осуждение. Видимо, они этого не ожидали, полагая, что в связи с испанскими со-

бытиями антисоветская кампания может иметь больший успех, чем прежде. В этом, быть может, заключался основной просчет гитлеровцев.

Кроме того, эффект антисоветской кампании был значительно ослаблен ее сплетением с новой антисоветской истерией. Антисоветские лозунги встретили явно отрицательную реакцию за границей и не вызвали, по-видимому, особого энтузиазма в стране.

Между тем если антисоветская кампания не имела ожидавшегося успеха за рубежом, то тем сильнее сказались, прежде всего в Англии, неблагоприятные последствия постановки колониального вопроса.

Этими обстоятельствами, очевидно, объясняется то, что правительство через инспирированную статью Кирхера забило отбой, подчеркивая, что нюрнбергские речи не представляют собой ни дипломатического, ни вообще внешнеполитического акта. В силу этих же обстоятельств к моменту отправки этого письма создалось впечатление, что не следует ждать новых особо острых провокационных выпадов против СССР.

6. Такова общая картина антисоветских выступлений в Нюрнберге и их подоплека. Атака против СССР представляет собой не проявление силы фашистского режима, а в основном проявление его внутренней и внешней относительной слабости. Вместе с тем эта атака против Советского Союза на первых порах не дала положительных результатов для международного положения Германии и вряд ли будет иметь особо положительный эффект внутри Германии.

Этими соображениями, очевидно, должно определяться решение вопроса о том, как нам реагировать на нюрнбергский партейтаг и какой придерживаться в дальнейшем тактики¹⁶⁰.

С коммунистическим приветом

Я. Суриц

Печат. по арх.

267. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. Б. Кагану

*Немедленно
17 сентября 1936 г.*

Сегодня принято решение немедленно и без всяких условий возобновить дипломатические отношения с Мексикой. Год тому назад инициатива исходила от мексиканцев*, и возобновление не состоялось лишь потому, что мы потребовали удовле-

* См. т. XVIII, док. № 194.

ния за прежнюю высылку нашего полпреда*. Сейчас мы это требование снимаем.

Срочно сообщите, какие отношения у Вас с мексиканским посланником и можно ли быстро провести это дело в Лондоне или лучше сделать это в Париже. По получении ответа дам окончательные указания¹⁶¹.

Крестинский

Печат. по арх.

**268. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше
Я. Х. Давтяну**

17 сентября 1936 г.

Многоуважаемый Яков Христофорович,

В связи с тем, что в течение 11—12 дней не было никаких вестей об одном из польских аэростатов¹⁶², наши власти и воздухоплавательные организации проделали большую работу. Естественно, что эта работа началась не с первого дня, а лишь через несколько дней, когда выяснилась опасность того, что аэростат снизился в какой-либо безлюдной местности. Наши радиостанции, начиная с 5-го числа, по несколько раз в день давали сообщения, передававшиеся особенно в северные районы, призывавшие население разыскать и оказать помощь аэронавтам, сообщив одновременно в Москву. Такие же указания были даны Наркомвнуделом всем районным органам власти на местах. 8-го числа мы поставили перед правительством вопрос о необходимости организовать поиски аэронавтов при помощи самолетов. Хотя в настоящее время года при отсутствии в районах тундры и тайги аэродромов это задача не легкая и небезопасная, тем не менее правительство поручило Аэрофлоту в срочном порядке организовать поиски польского аэростата при помощи самолетов, используя для этого не только свои самолеты, но и самолеты военвевда и Осоавиахима. В течение 10 и 11 сентября производились интенсивные поиски, причем 11-го числа в этих поисках принимало участие одновременно 15 самолетов. Аэронавты были найдены не при помощи самолетов. Они вышли к деревне, население которой, зная уже о производившихся поисках аэростата, оказало им необходимую помощь и дало проводника до ближайшего более крупного пункта.

Когда стало известно, что аэронавты нашлись, навстречу им были посланы самолеты. Один из самолетов видел аэронавтов в лесу и предложил сбросить им провизию. В этом, однако, не было надобности, так как аэронавты шли уже с про-

* См. т. XIII, док. № 30, 40: т. XVII, док. № 440.

водником и были снабжены необходимой провизией. Как только аэронавты вышли к пункту, где была возможна посадка самолета, он взял их и доставил в Архангельск. Аэронавты дали представителю ТАСС интервью, в котором выражают благодарность населению и советским властям за оказанную им помощь. Такую же благодарность они опубликовали в местной газете.

Я надеюсь, что, после того как аэронавты нашлись, попытки польской прессы выступить против нас в связи со всем этим делом прекратились. Если это не так, сообщите, и мы тогда решим, как на это реагировать.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

269. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

*Немедленно
17 сентября 1936 г.*

На вопрос, как относится французское правительство к нюрнбергским выступлениям **, Дельбос ответил, что позиция Франции будет формулирована сегодня Блюмом в речи по радио ***. Во всяком случае, Франция не предаст ни своих друзей, ни франко-советский пакт. Я заметил, что исключительная любезность, проявленная французским правительством к Шахту, визит Бастида **** в Берлин и вся политика капитуляпий перед нахрапом фашистских стран ведет к потере Францией ее союзников и к ее изоляции. Дельбос с волнением возразил, что Франция стремится предупредить войну и держит общую линию со своим другом Англией. На это я напомнил Дельбосу его же неоднократно жалобы мне на неверность той же Англии. Относительно франко-польских переговоров я заявил, что нас радуют признаки восстановления сотрудничества обеих стран. Однако мы хотим знать, отмежевывается ли Польша от Германии, угрожающей миру, и дает ли она осязательные обязательства своего дружественного отношения к СССР и Чехословакии. Дельбос ответил, что Рыдз-Смиглы письменно заверил французское правительство в отсутствии у Польши соглашений с Германией, противоречащих франко-польской дружбе и Пакту Лиги наций. Польша-де не замышляет ничего враждебного Чехословакии и СССР. Рыдз-Смиглы сознает опас-

* Копия телеграммы направлена М. М. Литвинову в Женеву.

** См. док. № 266, 270.

*** См. газ. «Известия», 18 сентября 1936 г.

**** Министр торговли Франции.

иость гитлеровской Германии и просит Францию помочь Польше вооружиться. Но не менее беспокоит его и возможность «социальных потрясений» внутри Польши. Дельбос с возрастающим волнением заговорил о том, что та же внутренняя опасность ощущается и во Франции. Это не только тревожит французское правительство, но и вызывает предупреждение со стороны дружественных Франции правительств, в частности Англии, посол которой сигнализирует о нежелательности дальнейшего развития забастовочного движения в стране. Я выразил удивление, почему французское правительство допускает вмешательство иностранного правительства в его внутренние дела. Дельбос обижению оправдывался ссылками на «дружбу», позволяющую Англии поверять Франции свои опасения. На это я заявил, что та же дружба дает и мне право сигнализировать, что затруднения с нашими военными заказами во Франции¹⁶³ вызывают сомнения в действительной заинтересованности французского правительства в укреплении вооруженных сил СССР, а отсутствие делового контакта между генеральными штабами наших стран, которого добивался еще Лаваль в Москве*, мешает нам поддержать моральную твердость Чехословакии, настойчиво ищущей также контакта с нами и могущей сделать опасные для мира выводы из такой уклончивости. Дельбос ответил, что готов содействовать скорейшему урегулированию указанных мною вопросов. По испанским делам я изложил ему позицию Советского правительства и настаивал на поручении Корбену** добиваться действительного контроля за выполнением обязательств нейтралитета. На мое напоминание, что сам Корбен говорил о возможности блокады Португалии, он мне ответил, что этот вопрос ставил перед англичанами, которые, однако, высказались за отсрочку такого решения.

Потемкин

Печат. по арх.

270. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

18 сентября 1936 г.

В дополнение к телеграмме от 18 сентября¹⁶⁴. Если верить Додду***, заверение Дикгофа**** не очень его убедило, но все же он вынес впечатление, что немцы, по крайней мере аусамт, не хотят разрыва. Как же обстоит дело у нас?

Я ему ответил, что нюрнбергские выступления, естественно,

* См. т. XVIII, док. № 224.

** Посол Франции в Великобритании.

*** Посол США в Германии.

**** Заведующий политическим отделом МИД Германии.

вызвали у нас совершенно исключительное возмущение, но они не явились для нас и особой неожиданностью *. Планы и намерения Гитлера нам известны не со вчерашнего дня, но я ему напомнил, что нюрнбергский партейтаг прошлого года прошел под знаком борьбы с нами, а что произошло за год между двумя партейтагами? Ряд фет акомпли **, в первую очередь задевающих не нас, а западные страны: ремилитаризация Рейнской зоны, двухлетняя [военная] служба, вмешательство в испанские дела. Было бы поэтому неправильно полагать, что Гитлер избрал лишь одно направление для своей агрессивности. В ненависти к нам коммунизм служит больше предлогом, главным же образом Гитлера раздражает наша роль и работа по укреплению коллективной безопасности. Против нее-то по существу и направлены все нюрнбергские речи, и не случайно поэтому Гитлер в Нюрнберге атаковал и мировую демократию. Никакие провокации, однако, не сведут нас с нашего пути обеспечения и укрепления мира. Я не знаю, будет ли реагировать мое правительство на Нюрнберг ¹⁶⁰, но уверен в одном, что с нашей стороны мыслима лишь такая форма реакции, которая увязывается с нашей политикой мира и нашей ненавистью к провокациям и разжиганию войны.

На это Додд мне сказал, что таков же и путь Рузвельта, и рассказал, что по некоторым, еще не официальным сведениям Рузвельт после переизбрания намерен созвать всеобщую конференцию мира, успех которой Рузвельт связывает с участием в ней всех без исключения решающих стран. По словам Додда, Нюрнберг вооружил против себя всю Америку. Наряду с разжиганием войны возмутили нападки на демократию и прилив волны антисемитизма.

Суриц

Печат. по арх.

271. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 сентября 1936 г.

Резюмирую сообщение Блюма.

1. Ликвидация забастовки текстильщиков в Лилле удалась Блюму с величайшим трудом при активном содействии слева и Генеральной конфедерации труда и упорном сопротивлении хозяев. Блюм утверждает, что последние провоцировали острый конфликт, запасались оружием, переправляли семьи и капиталы за границу за расчете не только учинить кровопускание рабочим, но и свалить Народный фронт. Провокация сорва-

* См. также док. № 266.

** — совершившихся фактов (фр.).

лась, но фашисты продолжают работу, прибегая, между прочим, к подстрекательству рабочих к новым выступлениям. Блюм удовлетворен согласованностью действий социалистов и коммунистической партии. На этот раз я не слышал ни жалоб, ни апелляций к нам.

2. Блюм спрашивал, нет ли новых затруднений с нашими военными заказами *, отмечая несомненный саботаж аппарата морского министерства и отчасти самих фирм, раздраженных предстоящей национализацией их предприятий. Блюм готов воздействовать и дальше в нужном нам направлении.

3. На мое указание на пассивность Корбена, не поддерживающего в Лондоне требования контроля выполнения договора о нейтралитете в испанских делах **, Блюм ответил, что уже обратил на это внимание Дельбоса.

4. Блюм подробно информировал меня о польско-французских делах. Он подтвердил, что Рыдз-Смиглы письменно заверил Гамелена в отсутствии какого бы то ни было соглашения против СССР и Чехословакии между Польшей и Германией. Устно Рыдз-Смиглы заявил, что в случае нападения Германии на Францию готовы пропустить наши военные аэропланы над Польшей. Согласны-де они и на операции французских войск на польской территории при эвентуальном конфликте Германии с Чехословакией. Рыдз-Смиглы заверил Блюма, что внешняя политика Польши определяется уже не Беком, а им и что германская опасность сознается Польшей все яснее. Блюм считает, что начало для восстановления франко-польского сотрудничества положено и что следует продолжать работу в этом направлении.

5. Шахту Блюм заявил то же, что и Болдуину в Лондоне. Франция легко могла бы договориться с Германией о мирном двустороннем соглашении. Однако Франция считает, что лишь всеобщий договор может действительно обеспечить мир. Поэтому она настаивает на организации коллективной безопасности во всей Европе на базе Пакта Лиги наций. Политические разговоры с Шахтом на этом оборвались.

6. По словам Блюма, при несомненном крене части английского общественного мнения в сторону Германии, особенно под влиянием испанских событий, такие представители английского правительства, как Иден, Невиль Чемберлен и пр., остаются сторонниками системы коллективной безопасности, организуемой не только на Западе, но и на Востоке.

7. Блюм сигнализирует, что Черрути усиленно добивается контакта с ним в последнее время. Блюм осведомлялся у меня, нет ли того же самого со стороны итальянцев и по отношению

* См. док. № 269.

** См. док. № 277.

к нам. Я ответил, что некоторые благоприятные симптомы наблюдались уже с весны.

8. Блюм озабочен скорейшим проведением увеличенных военных кредитов. Возможен ускоренный созыв палаты. Сейчас отлучиться из Франции даже на неделю он не может.

9. Блюм вылетит в Женеву на 48 часов. Будет говорить с Литвиновым*. Охотно обсудит с ним и вопросы сотрудничества Франции, Чехословакии и СССР.

Потемкин

Печат. по арх.

272. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 сентября 1936 г.

В беседе со мною перед отъездом в Москву Ирье-Коскинен** сообщил, что он говорил со Свинхувудом, Хакселем, всем правительством. Никакой надежды на какое-либо изменение поведения финляндского правительства в отношении СССР нет. Он жалеет, что ничего сделать нельзя, но в Хельсинки не хотят менять своей политики, которую Ирье-Коскинен признает прогерманской и подозрительной для всей страны. Правительство поручило Хакселю вновь повидаться в Женеве с Литвиновым, пояснить ему политику финляндского правительства***. У Хакселя никаких конкретных предложений нет. Уезжая, Хаксель заявил, что сделает новую попытку получить свидание с Литвиновым, но надежд на это после того, как Литвинов прошлый раз ему не поверил¹³⁶, сам не питает.

Обратите внимание на сегодняшние телеграммы ТАСС о возвращении финской делегации с нюрнбергского съезда. До сегодняшнего дня эта поездка тщательно скрывалась.

Полпред

Печат. по арх.

273. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому, из Женевы

20 сентября 1936 г.

У меня был Антонеску****, который пытался главным образом доказывать непричастность румынского правительства к болезни Титулеску и объяснять причины его отставки. Признавая гениальность последнего, Антонеску, однако, критикует его за то, что он пытался играть в Европе роль, не соответствующую значению и весу Румынии, и что он, сидя постоянно

* См. док. № 294.

** Посланник Финляндии в СССР.

*** См. док. № 300.

**** Министр иностранных дел Румынии с августа 1936 г.

за границей, не считался с реальностями внутренней жизни Румынии. Титулеску выходил из себя из-за нападения румынских газет на СССР и на меня лично, между тем как пресса пользуется своей свободой для таких же нападений на Германию, Гитлера, Муссолини и на Польшу. Титулеску имел возможность свалить правительство Татареску, каковой он не воспользовался, и Татареску опасался повторения этой возможности. На смену нынешнему правительству должны прийти царанисты, но это невозможно до тех пор, пока в этой партии играет ведущую роль Манну, к которому король питает непреодолимую ненависть. Татареску поэтому решил сохранить правительство, сделав его более однородным и избавившись от Титулеску, который мог в любое время подставить правительству иожку. Татареску сознает, что вежливость требовала предупреждения Титулеску, но он опасался, что такое предупреждение вызвало бы мотивированное заявление Титулеску об отставке, на которую пришлось бы публично отвечать, что поставило бы Татареску в невыгодное положение. Далее Антоеску пытался внушить мне, что дело не в лицах, а в политике и что, каково бы ни было правительство Румынии, оно должно определиться к дружбе с СССР.

Я сказал ему, что Титулеску действительно пользовался нашим доверием, ибо он в качестве большого патриота понимал, что интересы Румынии требуют тесных отношений с СССР. Он вел прямую мужественную политику без всякой маскировки. Как мы ни жалеем об уходе Титулеску, мы признаем за каждым государством право увольнять своих министров, и если будут продолжать политику Титулеску, то наши отношения с Румынией не претерпят никаких изменений. Я подчеркнул, что политическая дружба или близость ценна постольку, поскольку она внешне манифестируется, а не скрывается. Наоборот, манифестация в пользу враждебных нам стран не может свидетельствовать о дружбе с нами. Равным образом успех фашистской партии в Румынии, являющейся агентурой Германии, не может не порождать у нас сомнений. Я указал Антоеску на некоторые мелкие факты последнего времени, которыми печать уже объясняет уход Титулеску, в том числе и возобновление экономических переговоров с Германией. Я указал, что Германия, не имеющая девиз для покупки сырья, больше нуждается в Румынии, чем последняя в Германии.

Антоеску спешил на другое свидание, и поэтому беседа прервалась, и мы условились вновь встретиться для продолжения ее*.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 288.

274. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

23 сентября 1936 г.

Испугавшись общественного мнения, ни Иден, ни Дельбос не решились даже предложить в Мандатной комиссии исключение абиссинцев, и комиссия единогласно постановила признать за абиссинцами право заседать в Ассамблее¹⁶⁵. Паифи-стская публика приписывает этот результат советской делегации, но мы лишь отказывались таскать каштаны из огня для Дельбоса и Авеноля и поддержать их закулисную игру. Если Италия затруднит теперь созыв локарнской конференции, то от этого мы не пострадаем.

Литвинов

Печат. по арх.

275. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с начальником Главного управления сельского хозяйства Ирана Бейятом

23 сентября 1936 г.

Мы встретились с Бейятом, чтобы обсудить некоторые вопросы нашей сельскохозяйственной помощи Ирану.

Я сообщил Бейяту, что Наркомзем может принять в качестве гостей трех иранских хлопковых специалистов для ознакомления их с состоянием нашего хлопководства*. Передал Бейяту, что Наркомзем рекомендует начать маршрут с Узбекистана. Бейят очень благодарил за проявленное со стороны Советского правительства, как всегда, чрезвычайно доброжелательное отношение к иранским пожеланиям. Он не возражает против того, чтобы маршрут был начат с Узбекистана. Далее хорошо было бы побывать в Туркмении, Азербайджане и, если возможно, то в новых хлопковых районах, чтобы там познакомиться с условиями развития хлопка в условиях более холодного климата. Бейят особый интерес выразил при этом к вопросам применения удобрений, механизации, к постановке научно-исследовательской работы.

Главная задача, которую иранское правительство ставит перед посылаемой группой специалистов, заключается в том, чтобы найти такие методы повышения урожайности хлопка, которые можно было бы реализовать в Иране в государственных хлопковых хозяйствах и в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Группа специалистов выедет отсюда примерно через десять дней. Бейят предполагает через несколько дней сообщить нам точную дату ее отъезда¹⁶⁶.

* См. док. № 263.

Бейят уже знает о том, что наши два хлопковых специалиста приехали в Тегеран по приглашению центрального акционерного общества (при министерстве финансов). Я порекомендовал Бейяту использовать, насколько это окажется возможным, пребывание здесь наших специалистов, хотя они формально числятся не за другим ведомством, а также оказать им необходимую поддержку и помощь. Бейят сказал, что он это имеет в виду. Кроме того, он признал желательным, чтобы по возвращении группы иранских специалистов из Советского Союза было бы устроено специальное совместное совещание этой группы с нашими двумя специалистами.

Бейят настроен очень оптимистически и думает, что намеченный на следующий год план увеличения посевных площадей хлопка на 100 тыс. га будет выполнен с превышением.

На вопрос Бейята, как обстоит дело со специалистом-метеорологом и со специалистом-зоотехником, я ответил, что вопрос о метеорологе уже решен положительно и через несколько дней я, вероятно, смогу назвать его имя и дать характеристику. Что же касается зоотехника, то соответствующую кандидатуру мы подыскиваем. Думаю, что в ближайшее время нам удастся и этот вопрос разрешить благоприятным образом.

Бейят был очень доволен и вновь благодарил нас за охотно оказываемую Ирану сельскохозяйственную помощь.

После этого по инициативе Бейята разговор перешел на международно-политические темы. Бейят возмущался агрессивной позицией Германии, соглашался с необходимостью объединенных усилий всех государств, стремящихся к сохранению мира, но из высказываний было видно, что он плохо верит в то, что можно избежать в настоящих условиях военного столкновения. Лига наций, по его мнению, окончательно скомпрометирована после абиссинской истории и неспособна более сдерживать какие бы то ни было агрессивные действия. Фронт мирных держав чрезвычайно слаб и ненадежен. Бейят возмущался немецкой расовой теорией, также тем обстоятельством, что иранцы трактуются в Германии как неполющенный с точки зрения расовой теории народ.

А. Черных

Печат. по арх.

276. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Болгарии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 сентября 1936 г.

Клеветническая антисоветская кампания болгарской печатью продолжается. Все газеты напечатали сообщения из Берлина и Варшавы об отправке СССР 200 аэропланов в Испанию

и о создании в Москве триумvirата. Сегодня разговаривал на эту тему с министром Красновским, замещающим уехавшего в Женеву Кьосенванова, а вчера с Николаевым. Оба отрицали злостный умысел болгарской печати и обещали дать указания цензуре о прекращении печатания антисоветских сенсаций. Чехословацкий посланник Макс сообщил мне, что он тоже несколько раз делал представления МИД по поводу лживой газетной информации о сооружении советского аэродрома в Праге и постройке стратегической железной дороги из Могилева в Чехословакию. По словам Макса, МИД обещал принять меры, но газеты по-прежнему продолжают печатать германские информации.

Полпред

Печат. по арх.

277. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 сентября 1936 г.

Сегодня меня пригласил к себе французский посол Корбен. В разговоре он уговаривал не возражать против обсуждения итальянского меморандума¹⁶⁷ и мотивировал это нежеланием дать итальянцам разводиться демагогией и использовать отказ в обсуждении их меморандума для саботажа. Мне пришлось ему разъяснить еще раз нашу позицию и указать, что как раз их уступчивость и готовность обсуждать все, что вносится Гранди, дает последнему возможность осуществить его тактику саботажа. Указал ему на то, что до сих пор из-за их уступчивости вопрос о Португалии не обсужден, между тем все знают и вся мировая пресса полна сообщений о снабжении Португалией мятежников военными материалами (указал, в частности, на статью «Нью-Йорк таймс» и руководящие лондонские газеты). Это чрезвычайно важный вопрос, и на следующем заседании надо, по-моему, вынести практическое решение.

Корбен соглашался с тем, что Португалией надо заняться вплотную, все же старался убедить меня в необходимости согласиться обсудить итальянский меморандум. Мне пришлось ему разъяснить, что на следующем заседании, вероятно, я вынужден буду занять прежнюю позицию. Корбен выразил надежду, что, может быть, мне дадут другие инструкции, а то я могу оказаться в одиночестве, на что я ответил, что не боюсь остаться один там, где я прав.

Говоря о том, что Комитет до сих пор даже не начал заниматься своим непосредственным делом, я задал Корбену во-

прос, почему, когда я на двух заседаниях ставил вопрос о доставленных в Виго итальянских самолетах и требовал расследования. ни он, ни англичанин меня не поддержали и постарались замять вопрос. Корбен заявил, что эти самолеты действительно были доставлены в Виго, но, поскольку это имело место до опубликования в Италии запрета вывоза (были доставлены 28 августа), он считал нецелесообразным поднимать этот вопрос, также как, например, вопрос об итальянских самолетах, задержанных во Французском Марокко.

Каган

Печат. по арх.

278. Телеграмма заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

26 сентября 1936 г.

20 сентября в 15 час. 20 мин. финский самолет типа разведчика на высоте 3 тыс. м нарушил нашу границу в районе погранстолбов № 219—221. Долетев до селений Путколово и Коросары, самолет вернулся в Финляндию. В тот же день в 17 час. 43 мин. в том же районе другой финский самолет вновь нарушил границу и, сделав круг над селением Гарболово, повернул в Финляндию. Заявите протест по поводу двукратного нарушения нашей границы¹⁶⁸.

Крестинский

Печат. по арх.

279. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

26 сентября 1936 г.

Имел беседу с Татареску. Почти вся беседа свелась к монологу Татареску, объяснявшему вывод Титулеску из кабинета **. В дополнение к заявлению Инкулеца Татареску объяснил, что преобразование кабинета имело задачей замену трех министров: внутренних дел, юстиции и иностранных дел. Первые двое должны были быть принесены в жертву общественному мнению, в особенности учитывая истекающий срок палаты (апрель 1937 г.), так как общественное мнение в Румынии и за границей считало Инкулеца и Поппа *** чуть ли не сообщниками крайне правых групп в стране. Титулеску должен

* Копия телеграммы направлена М. М. Литвинову в Женеву.

** См. также док. № 273.

*** Министр торговли Румынии.

был бы удален из-за своего характера и потому, что, во-первых, делал невозможным лояльное сотрудничество между ним и прочими членами кабинета: «Титулеску был сверхминистр», и в Европе, и в Румынии считали кабинет придатком Титулеску. Во-вторых, потому, что он испортил отношения Румынии со многими державами, в том числе и главным образом с Италией, «дружественные отношения с которой для Румынии являются вопросом первостепенной важности». По словам Татареску, «все союзники без исключения не без удовольствия приняли уход Титулеску». В-третьих, в самое последнее время выяснилось, что Титулеску скрывал многое из своей деятельности от своего правительства и страны. При таких условиях совместная работа с ним в правительстве сделалась невозможной, и, «несмотря на противодействие короля, Титулеску должен был уйти». Реорганизованный кабинет будет продолжать политику Титулеску, являющуюся традиционной политикой страны, с меньшим блеском, но с большей методичностью и энергией. Единственными врагами Румынии являются Германия и Венгрия. Правительство и король того мнения, что надо стремиться к восстановлению фронта 1916 г. обязательно с Италией плюс Малая и Балканская Антанты. Это и будет служить главной задачей кабинета. Отношения с СССР не только не будут изменены, но правительство имеет план укрепления и углубления этих отношений. Антонеску было поручено сделать Литвинову также заявление, которое способствовало бы исчезновению неблагоприятного впечатления, произведенного уходом Титулеску.

Уход Титулеску, заявил я премьеру Татареску, породил в нашем и всех прочих стран общественном мнении, борющемся за мир, вполне объяснимое недоумение, так как Титулеску по праву считался воплощением воли румынского народа в стремлении к миру. Тем не менее смена министра, даже такого, как Титулеску, сама по себе не дает еще основания для перемены в нашей политике дружелюбия, тем более, что наша румынская политика является одним из проявлений традиционной советской политики борьбы за мир.

Я закончил принятием к сведению декларации Татареску. Для окончания беседы премьер-министр пригласил меня в начале октября к себе на интимный завтрак. Словом, излияние будет продолжаться.

Островский

Печат. по арх.

280. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги наций

28 сентября 1936 г.

Я должен с самого начала признать, что подведение итогов работы Лиги за год отнюдь не наводит советскую делегацию на радостные размышления. Объясняется это отчасти тем, что советская делегация подходит к оценке деятельности Лиги с точки зрения не количества, а качества разрешенных вопросов, а качество это она определяет той ролью, которую эти вопросы играют в проблеме организации укрепления мира, являющейся основной функцией Лиги.

В числе 80 вопросов, упомянутых в годовом докладе Генерального секретаря, мы находим лишь 3 вопроса, имевшие касательство к проблеме мира, а именно: итало-абиссинский, локарнский и данцигский*. О разрешении абиссинского вопроса никто из нас не может вспомнить без чувства горечи, тем более что он продолжает назойливо напоминать о себе. Локарнский вопрос подвергнут на апрельской сессии Совета abortивной дискуссии, ставился в порядок дня и переносился с одной сессии Совета на другую и стоит в повестке нынешней сессии Совета также, вероятно, для того, чтобы быть перенесенным и затем списанным в качестве плохого долга. То же можно сказать, вероятно, и о данцигском вопросе. Баланс скорее скудный.

Обращаясь к порядку дня настоящей сессии Ассамблеи, мы находим в нем один лишь вопрос интересующей нас категории, отосланный пока в Бюро для решения его дальнейшей участи. Я говорю о применении принципов Пакта Лиги. Мы полагаем, что только обсуждение этого вопроса могло бы наполнить существенным содержанием нынешнюю сессию Ассамблеи. Я позволю себе не согласиться с приведенными в сводке материалов Секретариата Лиги соображениями некоторых правительств о том, что работы по интерпретации и применению Устава должны быть отложены до тех пор, пока политическая атмосфера очистится от нынешних тревог и беспокойств. Я позволю себе думать, что именно наличие этого беспокойства является самым сильным аргументом в пользу своевременности постановки этого вопроса. Беспокойство именно и вызвано близостью опасности. Должны ли мы ждать с этим до того, как эта опасность станет реальностью? С другой стороны, я считал бы ничем не оправдываемым оптимизмом веру в скорое очищение политической атмосферы. Должна ли Лига наций вечно оставаться «залой ожидания»?

Позвольте напомнить вам, господа, что вопрос о применении принципов Пакта не возник академически, а был вызван

* См. газ. «Известия», 24, 26 января, 9 июля 1936 г.

к жизни, навязан нам как неудачным исходом итало-абиссинского конфликта, так и всем ходом политических событий последних лет.

Этот ход событий не изменил своего зловещего курса, который, как мы все это не только предполагаем, но и знаем, даже ощущаем, ведет к такому кровавому столкновению народов, последствия которого наше воображение бессильно даже представить себе.

Уже четыре года, как более или менее отчетливо выкристаллизовались и противостоят друг другу, с одной стороны, идеи мира, ненарушимости договоров и международного порядка, а с другой стороны, идеи войны, презрения к международным обязательствам и насильственного передела мира. Но в то время как на одной стороне идеи организуются, облачаются плотью и кровью или, лучше сказать, железом и свинцом, силы другой стороны, к сожалению, остаются бесформенными, разрозненными и пассивными.

Какова, в самом деле, расстановка международных сил?

Я не сомневаюсь, что самый неискушенный в политике читатель газет знает, какие страны должны считаться опасными по агрессивности, если даже он читал лишь речи и писания их правителей, и сколько этих стран. Есть также немногие страны, готовые искать спасения в нейтралитете. Если они действительно верят, что достаточно будет им самим написать на своих границах слово «нейтралитет», чтобы пламя пожара остановилось у их границ, если они забыли свежие уроки истории о нарушении даже международно признанных нейтралитетов, то это их дело. Мы вправе, однако, просить их, чтобы свои нейтралитеты они осуществили уже теперь, при подготовке планов агрессии одними и планов самозащиты другими. К сожалению, они уже теперь свой нейтралитет часто ставят на службу агрессивным силам. Наряду с этими мнимо нейтральными странами имеется значительное число таких стран, — а в их числе наиболее мощные, — которые, несомненно, видят надвигающуюся на Европу тучу, понимают ее зловещий характер, чувствуют неминуемую опасность для себя и как будто признают необходимость общей защиты, возвещая еще и еще раз свою приверженность принципу коллективной безопасности. К сожалению, дальше этих заявлений они пока не идут и ничего не делают для облечения идей коллективной безопасности в надлежащую форму и придания ей действительной силы в тишечной надежде, что авось агрессор, внемля их увещаниям, образумится и поможет им удержать его же самого от агрессии.

Но агрессор, строящий всю свою политику на превосходстве грубой материальной силы, имеющий в арсенале своей дипломатии лишь грозные требования, блефы или угрозы и

тактику свершившихся фактов, может быть доступен лишь голосу столь же твердой политики, расчету соотношения сил. Всякие увещевания и упрашивания его, а тем более уступки его незаконным и бессмысленным требованиям, экономическое задабривание его производят на него лишь впечатлительное слабости, укрепляют сознание его собственной силы и поощряют его к дальнейшей непримиримости и к незаконным действиям. Даже вовне создается легенда непобедимости агрессора, что порождает фаталистические и капитулянтские настроения в некоторых странах, которые постепенно, иногда даже незаметно для себя, начинают терять свою самостоятельность, превращаясь в вассалов агрессора. Так начинается процесс образования гегемонии, которая должна завершиться военным разгромом всех непокорных стран.

Да, господа, мы не должны закрывать глаза на существующие стремления к гегемонии, к гегемонии «избранного народа», призванного якобы историей господствовать над всеми другими народами, провозглашенными неполноценными. Я не говорю уже об идеологических последствиях такой гегемонии, о насильственном вытеснении всех идейных и культурных ценностей, которыми человечество гордилось в течение последних столетий, и об искусственном возрождении идей наихудших времен средневековья. Между тем, общая мощь миролюбивых стран как в экономическом, так и в военном отношении, общие их ресурсы в людском материале и в военной промышленности значительно превосходят силы любой возможной комбинации стран, которые мог бы сгруппировать вокруг себя агрессор.

Я глубоко убежден, что стоит этим силам в какой-либо мере объединиться, показать одну только возможность совместных действий, чтобы не только предотвратить угрозу войны, но и заставить агрессора просить рано или поздно о включении его самого в общую систему коллективной безопасности.

Я считаю нужным сейчас же оправдаться от возможного обвинения меня в призыве к блокам, ибо я знаю, что для некоторых сверхнацифистов слово «блок» стало жупелом. Нет, я не требую новых блоков. Я готов довольствоваться существующим уже блоком Лиги наций, блоком миролюбивых стран, объединившихся в целях взаимозащиты и взаимопомощи. Мы требуем лишь, чтобы этот блок действительно организовал взаимопомощь, чтобы он заблаговременно составил план действий, дабы не быть застигнутым врасплох, чтобы происходящей вне этого блока организации войны соответствовали действия по организации мира. И если этого не хотят сделать все страны, образующие ныне блок Лиги наций, если есть среди них такие, для которых безопасность ущемляется в слове «нейтралитет» или которые надеются в последний момент

перебежать на сторону агрессора, то это не лишает права объединенных действий тех, которые хотят и могут защищаться и которые не желают подвергаться нападению поочередно.

В ответ на рекомендацию последней Ассамблеи и на приглашение Генерального секретаря Лиги Советское правительство представило свои соображения о том, как оно представляет себе уточнение и улучшение Пакта Лиги*. Центральное место в его предложениях занимает идея региональных и, если необходимо, двусторонних пактов о взаимной помощи.

Мыслятся при этом регионы (области) различных географических величин и очертаний, вплоть до целых континентов, ибо чем крупнее область, охватываемая Пактом, тем большие гарантии безопасности создаются. Мы пока еще не знаем, сколько таких региональных пактов будет заключено и каково будет их поле применения. На данном этапе существенно определение их места в общей системе коллективной безопасности Лиги наций, установление взаимозависимости отдельных пактов, причем надо будет позаботиться о безопасности таких стран, которые почему-либо не попадут ни в один из этих пактов.

Я не буду останавливаться здесь ни на этом, ни на других советских предложениях, резервируя это до обсуждения вопроса в соответственной комиссии. Там же мы выскажемся по поводу предложений, внесенных другими правительствами.

Кроме предложений, посланных правительствами письменно, некоторые предложения были высказаны здесь устно. Я считаю нужным сказать о них несколько слов.

Советская делегация не недооценивает значения ст. 11 Устава Лиги, имеющей целью предупреждение возможных военных конфликтов путем примирения. Можно много сказать в пользу отмены единогласия в некоторых таких случаях. Необходимо, однако, осторожность, дабы мы этим путем не открыли шлюзов, через которые в Совет Лиги хлынули бы возможные мелкие претензии, не имеющие отношения к сохранению мира. Мы знаем по опыту, что только единогласие явилось до сих пор плотниной для них.

Необходимо, однако, иметь в виду, что процедура по ст. 11 может давать результаты лишь в случае, когда угроза нарушения мира может явиться результатом неожиданно и случайно возникшего спора, устранение которого восстановит положение. Ст. 11 не сможет, однако, предотвратить нарушения мира, имеющего своими источниками целеустремленную агрессивность и преследование завоевательных целей, ради которых споры сознательно провоцируются. Лиге наций уже приходилось иметь дело с такими случаями, когда ст. 11 ока-

* См. док. № 247.

звалась совершенно бессильной. Во всяком случае, рекомендации Совета по ст. 11 будут иметь эффект лишь тогда, когда за этими рекомендациями будет стоять хорошо вооруженная ст. 16. Мы считаем поэтому гораздо более важным установление единогласия в этой последней статье.

Некоторые говорившие здесь ораторы возлагают надежду также на усиление активности Лиги в пределах ст. 19 о пересмотре международных договоров. Такой пересмотр возможен и целесообразен, по мнению советской делегации, лишь при наличии согласия на такой пересмотр всех заинтересованных сторон. Блестящим примером является недавний пересмотр конвенции о проливах*, который удался именно потому, что вопрос был поставлен с предварительного согласия участников конвенции. Без такого согласия постановка вопроса о пересмотре, для которого и говорившие ораторы признают необходимость единогласия, не только не даст положительных результатов, но лишь еще больше обострит отношения между заинтересованными сторонами и еще больше обременит международную ситуацию. Почти нет таких стран, которые были бы абсолютно довольны существующими международными договорами, заключенными в недавнем или более отдаленном прошлом, и вряд ли можно ожидать чего-либо хорошего от загрузки Лиги подобными претензиями. Не следует ли опасаться, что моральная поддержка какой-либо претензии даже меньшинством Ассамблеи поощрит агрессора к нарушению договора насильственными мерами?

Не советской делегации, конечно, возражать против французского предложения о созыве Бюро конференции по разоружению. Советское правительство всегда считало и считает, что наиболее эффективной гарантией мира является разоружение, в особенности полное и всеобщее, которое при доброй воле легче осуществить, чем частичное. Вот где нужно действительно поставить универсализм, и не только в европейском масштабе, в качестве необходимого условия любой меры разоружения. Я воздерживаюсь, однако, от высказывания о том, насколько такой универсализм в настоящее время возможен.

Совершенно иначе обстоит дело, когда говорят об универсализме в связи с улучшением Пакта Лиги. Принципиально мы целиком и полностью за универсализм. Мы не желаем ничего лучшего, как скорейшего включения в Лигу всех государств до единого, но в Лигу, предоставляющую всем ее членам действительные гарантии безопасности, в Лигу, основанную на взаимной помощи, в Лигу, признающую равенство народов. Если, однако, речь идет о том, что до осуществления такого универсализма мы ничего не делаем по улучшению

* См. док. № 238.

Пакта, если нас вновь приглашают в «залу ожидания», то я с этим согласиться не могу. Еще решительнее я возражал бы против того, чтобы во имя универсализма Лига занялась удалением из Пакта всего того, что делает ее орудием мира и угрозой агрессору, против того, чтобы, как я говорил на последней сессии Ассамблеи *, попытаться сделать Лигу безопасной для агрессора. Конечно, государство, которое открыто противопоставляет международным обязательствам силу меча, не скрывает своего презрения к таким обязательствам и цинично призывает другие государства к презрительному отношению к своей подписи на таких документах с целью окончательного уничтожения международного доверия, не может чувствовать себя комфортно в Лиге наций, которая провозглашает одной из основных своих целей «обеспечение сохранения справедливости и тщательного уважения к договорным обязательствам в сношениях между собой организованных народов».

Государство, управляемое людьми, которые заключили в программу своей внешней политики завоевание чужих земель, которые на своих торжествах перед своим народом и представителями других государств перечисляют огромнейшие территории, которые они собираются насильственно отделить от других стран, не может искренно подписываться под ст. 10 Устава Лиги, обеспечивающей всем членам Лиги территориальную неприкосновенность и политическую независимость. Государство, которое провозгласит легальность так называемых локализованных войн, не может мириться со ст. 16, провозглашающей, что прибегание к войне против одного члена Лиги означает совершение акта войны против всех остальных членов Лиги, и предписывающей градацию санкций против агрессора. На днях в Женеве под эгидой Лиги наций подписана конвенция, которой запрещается даже обращение по радио с призывом к нарушению внутреннего мира в других государствах **. Разве может искренне примкнуть к такой конвенции государство, которое, как доказано, имеет во всех странах свои экспозитуры и агентства из собственных националов, которые активно вмешиваются в жизнь этих стран, натравливают одни партии против других? Более того, которые организуют и финансируют восстания и открыто оказывают военную помощь мятежникам. Совместима ли с принципом равенства наций, лежащим в основе Лиги, идеология государства, построенная на расовом и национальном неравенстве и характеризующая все народы, кроме собственного, как «подчеловечество»? Я спрашиваю сторонников «универсализма» во что бы

* См. док. № 87.

** См. газ. «Известия», 26 сентября 1936 г.

то ни стало», должны ли мы пожертвовать всеми основными принципами Лиги, чтобы приспособить ее к теории и практике такого государства, или мы должны предложить ему самому приспособиться к существующей идеологии Лиги? Я на это отвечаю, что предпочитаю Лигу без универсализма универсализму без принципов Лиги.

Советская делегация настойчиво предлагает, чтобы стоящий в порядке дня вопрос о применении принципов Пакта был немедленно передан для разработки в первую комиссию, не дожидаясь пришествия универсализма. Если эта комиссия не справится со своей работой в продолжение нынешней сессии Ассамблеи, продолжение работы должно быть поручено специальной комиссии, которая должна в кратчайший срок выработать конкретные согласованные предложения с тем, чтобы была созвана возможно скорее чрезвычайная сессия Ассамблеи для окончательного принятия этих предложений.

Пока будет происходить теоретическая работа, члены Лиги, намеревающиеся участвовать в тех или иных региональных или, когда это невозможно, то в двусторонних пактах о взаимной помощи, вступят между собой в дипломатические переговоры для осуществления этой цели.

Я утверждаю, что чем интенсивнее и успешнее будет проводиться эта работа, тем легче будет сговориться даже с агрессивными странами и добиться желаемого универсализма.

Мы отнюдь не возражаем против попытки соглашения даже с агрессивными странами, наоборот, мы считаем необходимым приглашение их к участию во всяком международном начинании. Но мы против того, чтобы они диктовали условия переговоров или чтобы им платили премии за то, что они соизволили вести переговоры. Мы считаем ненормальным, чтобы из-за их отказа или намеренного оттягивания ответа задерживались или срывались такие начинания. Мы полагаем, что попытки добиться универсального соглашения могут быть сделаны путем созыва конференции мира или паневропейской комиссии. Не связанные с прошлым и свободные пока от всяких пактов любые из этих организаций представляют собой наиболее подходящее место для предварительного обсуждения любых вопросов как политических, в том числе разоружения, так и экономических. Если какие-либо государства откажутся принять участие и в таких организациях, то для всех станет ясным, что нам с ними не по пути, что мы должны окончательно организовать мир и международный порядок без них.

Господа, я вам изложил ту политику и те мероприятия, которые, будучи проводимыми в Лиге наций и вне ее, могут действительно сдвинуть с мертвой точки дело организации мира. Они имеют то преимущество, что означают немедленные действия, в отличие от ныне проводимой политики «зала ожидания».

ния», спекуляции на настроениях враждебных миру сил, сосредоточения всех надежд на какой-либо определенной конференции, улодобляющейся неуловимой Синей птице, политики, ведущей к фатализму и капитуляции перед агрессором. Мы убеждены, что действия, а отнюдь не бездействие в состоянии разрядить сгустившуюся международную атмосферу и предотвратить катастрофу.

Советское правительство само остерегается и никому не будет рекомендовать никаких шагов, которые могли бы на самую малую толику увеличить риск войны или приблизить ее, независимо от того, идет ли речь о войне у его собственных границ или в более отдаленных местах. Советское правительство дало немало доказательств миролюбия не только на словах, но и на деле перед лицом множества провокаций и оскорблений. Опираясь на свою огромную внутреннюю и внешнюю силу и гордое своими достижениями, оно не отвечает на такие оскорбления традиционными методами не только из презрения и отвращения к источникам этих оскорблений, но главным образом желая предоставить другим, а не брать на себя ответственность за последствия нарушения элементарных правил общения между народами. Признавая за каждым народом право избрать для себя любой политико-социальный порядок, Советское правительство не проводит дискриминации между государствами в зависимости от их внутреннего режима.

Считая национал-социализм и расизм смертельным врагом всех трудящихся и самой цивилизации, Советское правительство не только никогда не проповедовало крестового похода против стран, где господствует эта теория, но и стремилось к сохранению с ними таких же нормальных дипломатических и экономических отношений, как и с другими странами. Советское правительство не увеличило своей армии, своих вооружений, своей авиации для борьбы с бациллами этих учений или для защиты от них своих границ. Советское правительство присоединилось к декларации о невмешательстве в испанские дела * только потому, что дружественная страна опасалась в противном случае международного конфликта. Оно поступило так, несмотря на то что считает принцип нейтралитета неприменимым к борьбе мятежников против законного правительства и противоречащим нормам международного права, в чем оно полностью согласно с заявлением, сделанным нам испанским министром иностранных дел **. Оно понимает, что указанное несправедливое решение было навязано другим теми странами, которые, считая себя опло-

* См. док. № 249.

** См. газ. «Известия», 26 сентября 1936 г.

том порядка, установили новое, чреватое неисчислимыми последствиями положение, в силу которого допускается открыто помогать мятежникам против их законного пражительства. Все эти новые доказательства миролюбия Советского правительства, располагающего достаточными средствами самозащиты, должны убедить вас, господа, что предложения, которые советская делегация вам делает, продиктованы стремлением к обеспечению мира не только на границах ее собственной страны, но и других стран, к созданию условий безопасности всем народам, искренним желанием восстановить во всех странах чувство уверенности в себе и уверенности в эвентуальную помощь других и воскресить веру в идеал международной солидарности и справедливости.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 227 (5084), 29 сентября 1936 г.*

281. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР, из Шанхая

28 сентября 1936 г.

Кун в разговоре со мной* подтвердил, что Кавагоэ** предъявил Чжан Цюню 7 требований, из которых основными являются: 1) экономические привилегии на Севере, которые, по словам Куна, фактически сводятся к требованию автономии северных провинций; 2) экономические уступки в самом Китае; 3) соглашение о совместной борьбе с большевизмом. Кун не детализировал второе требование, но, по-видимому, оно заключается в снижении тарифов на японские товары. Когда я спросил, в чем же суть третьего требования, Кун ответил, что японцы его не детализируют, но требуют принятия его «в принципе», после чего настаивают на создании комиссии из военных экспертов, которая должна выработать детали соглашения. Кун говорит, что хотя японцы и не называют СССР, но их требование заключается в создании военного союза против СССР***.

Из других требований японцы в особенности настаивают на предоставлении им права установления воздушной связи между Шанхаем и Японией. Год тому назад китайское правительство согласилось на такое соглашение, но в самый последний момент Чан Кай-ши запретил его подписать. Так как японцам впоследствии стало известно, что соглашение было сорвано личным распоряжением Чан Кай-ши, они теперь на-

* Беседа состоялась 26 сентября 1936 г.

** Посол Японии в Китае.

*** См. также док. № 349.

стаивают на выполнении этого требования как доказательстве «искренности» Чан Кай-ши. Сам Кун, по-видимому, не прочь пойти на удовлетворение этих требований.

Вообще Кун настроен весьма пессимистически и ожидает новых требований Японии в связи с убийством японского моряка в Шанхае*. Кун опасается, что независимо от выполнения японских планов на севере японская экспансия пойдет также на юг, и не считает исключенным, что японцы займут о. Хайнань.

Богомолов

Печат. по арх.

282. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с заместителем начальника Генерального штаба французской армии Швейсгутом

28 сентября 1936 г.

Швейсгут, вернувшийся с французской военной миссией с маневров из СССР**, пришел в полпредство, чтобы еще раз поблагодарить за прекрасный прием, оказанный французской миссией в СССР, и поделиться впечатлениями от поездки.

Швейсгут дает высокую оценку организации маневров, их размаху и четкости проведения.

Переходя к оценке отдельных родов войск, Швейсгут подчеркнул прекрасное впечатление, которое на него произвели танки в смысле конструкции, содержания их и ухода за ними, бесперебойной работы как во время маневров, так и на параде и, наконец, квалификации водителей.

По мнению Швейсгута, различия условий Франции и СССР отразились на показателях танков обеих армий. Так, Швейсгут считает совершенно правильным с точки зрения условий СССР, что у нас основное внимание уделяется быстроходности танков, иногда даже отчасти за счет толщины брони, в то время как во Франции наблюдается обратное явление.

Сильное впечатление, по словам Швейсгута, на него произвела наша авиация, как истребительная, так и бомбовозная. Он, Швейсгут, как и главным образом его коллега ген. Виенен констатировали наличие у нас на вооружении прекрасных современных машин, быстроходных, с большим радиусом действия и с весьма совершенным вооружением. Швейсгут отмечает также большие производственные возможности СССР в области авиации.

Швейсгут весьма положительно отзывался о парашютистах. Он считает, что парашютизм, помимо своего непосред-

* См. газ. «Известия», 26 сентября 1936 г.

** См. газ. «Известия», 21 сентября 1936 г.

ственного боевого назначения, важен в смысле коллективного физического и морального воспитания армии («не только индивидуальная, но и коллективная гимнастика»). Швейсгут говорит, что во французских условиях парашютизм может изменяться с гораздо большим трудом, но это, однако, не исключает возможности целесообразности его внедрения во французскую армию. По словам Швейсгута, немцы, в частности, весьма интересуются парашютизмом и в последнее время усиленно занимаются его изучением.

Швейсгут положительно отзывается о нашей пехоте, указывая на ее большую физическую выносливость, дисциплинированность и четкость действий.

Указывая на высокое качество кавалерии, хорошее состояние лошадей, четкость маневра, Швейсгут вместе с тем высказал сомнение насчет целесообразности тактики атаки в конном строю. По его мнению, такая тактика могла бы еще éventуально применяться против непосредственных соседей СССР, но вряд ли она была бы целесообразна в войне с немцами.

Об артиллерии Швейсгут говорил довольно уклончиво, указывая, что во время маневров вообще, дескать, трудно установить качество работы артиллерии. Он тут же вскользь добавил, что, с его точки зрения, в наших условиях артиллерия не может играть той роли, какую она играет, например, во Франции. Швейсгут очень восторженно отзывается о Домах Красной Армии, свидетельствующих о любви и заботе, которой окружена в СССР Красная Армия, и в частности комсостав. Швейсгут привел слова своего английского коллеги, начальника миссии, который с завистью отзывался о Домах Красной Армии и выразил пожелание о том, чтобы английские финансовые чиновники познакомились с этими учреждениями, чтобы стать более щедрыми в смысле ассигнований на английскую армию.

Швейсгут рассказал о длинной беседе, которая у него состоялась перед отъездом с наркомом т. Ворошиловым.

Коснувшись вопроса о подготовке Германии к войне, Швейсгут указал, что у Германии уже есть 36 дивизий и что она может уже выступить, если представится соответствующий благоприятный случай, но что она еще не настолько готова, чтобы выступить в любой момент.

Перед уходом Швейсгут снова поблагодарил за прекрасный прием в СССР, указав, что кроме военных объектов он имел возможность познакомиться с целым рядом вещей общего порядка, которые также его весьма заинтересовали.

Гирифельд

Печат. по арх.

283. Сообщение Государственного Банка СССР в связи с заявлением Министра финансов США Моргентая

28 сентября 1936 г.*

Как сообщает агентство Ассошиэйтед Пресс из Вашингтона, министр финансов США Моргентая 26 сентября заявил представителям печати, что Госбанк СССР, стремясь будто бы снизить курс фунта стерлингов, предлагал на денежных рынках по любой цене 1 млн. ф. ст. и что только его, Моргентая, вмешательство, выразившееся в приобретении этих фунтов за счет стабилизационного фонда США, предотвратило действие мероприятий Госбанка СССР.

Госбанк сообщает, что приведенное выше заявление Моргентая о стремлении Госбанка СССР снизить курс фунта стерлингов абсолютно ни на чем не основано и является вздорным вымыслом. Министр финансов Моргентая в качестве повода для своего выступления использовал обычную банковскую операцию, произведенную Госбанком через «Чейз банк» в Нью-Йорке.

Для платежей по досрочному выкупу к 1 октября с. г. через «Эншильда банк» в Стокгольме облигационного займа 1931 г. известной шведской фирме АСЕА, о чем Советским правительством было объявлено в советской и заграничной печати еще в июне с. г., требовалась сумма в 6 890 700 долл.¹⁶⁹

Для этого 25 сентября текущего года Госбанк СССР дал своему постоянному корреспонденту в Нью-Йорке «Чейз банку» одновременно два поручения:

1. Перевести на счет «Эншильда банка» (Стокгольм) 6 890 700 долл.

2. Продать по лучшей цене (о чем было специально указано в телеграмме Госбанка «Чейз банку» 25 сентября текущего года) 1 млн. ф. ст. в целях подкрепления долларového счета Госбанка в «Чейз банке» на сумму около 5 млн. долл.

Более чем странно, что министр финансов США Моргентая мог усмотреть в этой обычной банковской операции повод для своего выступления об угрозе мировому валютному равновесию и курсу фунта стерлингов.

Таким образом, очевидно, что заявление Моргентая по адресу Госбанка СССР является совершенно неосновательным и производит впечатление несолидного, антисоветского выпада, преследующего не интересы защиты международного валютного равновесия и курса фунта стерлингов, а какие-то другие цели¹⁷⁰.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 235 (5083), 28 сентября 1936 г.*

* Дата опубликования.

284. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

*Немедленно
29 сентября 1936 г.*

Заявите МИД, что создается недопустимое положение, когда мелкий провинциальный суд выносит решение политического порядка, задерживает большую брошюру из-за каких-нибудь трех-четырёх строчек, в которых абсолютно нет ничего такого, что можно было бы истолковать как направленное во вред интересам Чехословакии¹⁷¹. Несмотря на протест полпредства, МИД ничего не предпринял, чтобы не допустить выполнения решения суда, которое может только повредить нашим дружественным отношениям.

Враждебный характер решения суда тем более бросается в глаза, что эти брошюры допущены беспрепятственно во всех странах, даже таких, с которыми у нас нет дипломатических отношений, как, например, в Швейцарии.

Мы не можем дать согласия, чтобы из речи прокурора было что-нибудь вычеркнуто. Суд сам мог разрешить эти брошюры с заклеюкой этих однозвучных для чешского суда строчек, но он этого не сделал. В свете того, что чешские власти в то же время не препятствуют распространению троцкистских и других антисоветских брошюр, просачивающихся из Германии, это решение суда носит явно враждебный и антисоветский характер.

Заявите решительный протест, потребуйте вмешательства МИД и отмены запрещения хотя бы в порядке прокурорского надзора.

Крестинский

Печат. по арх.

285. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 сентября 1936 г.

Шумиха вокруг заявления Моргентау * улеглась, с сегодняшнего вечера вопрос в прессе не фигурирует. Не подлежит сомнению, что основной причиной образа действий Моргентау была паническая боязнь дальнейшего падения фунта, которое вызвало бы необходимость нежелательного в предвыборной обстановке снижения курса доллара. Моргентау ожидал, что за первым миллионом фунтов последуют дальнейшие. Кроме

* См. док. № 283.

того, как указывалось в нашей телеграмме от 26 сентября 1936 г.¹⁷², твердого соглашения с англичанами о паритете доллара — фунта нет, и американское правительство не уверено, что Англия не подведет. Таким образом, за фразами об услуге англичанам скрывалась угроза по их адресу. Наряду с этим по явному согласованию лично с Рузвельтом, для которого предвыборные соображения превыше всего, Моргентау воспользовался поводом для того, чтобы обезвредить кампанию Херста о поддержке Рузвельта Москвой и инсценировать конфликт с СССР, якобы пытающимся сорвать стабилизацию, являющуюся предпосылкой роста международной торговли и улучшения конъюнктуры в Америке. Поскольку речь идет о широком общественном мнении, слабо разбирающемся в валютных делах, Рузвельт, по-видимому, кое-чего достиг, и крикливые заголовки газет оставили впечатление, что у Америки конфликт с Москвой. Но именно в силу предвыборной обстановки влиятельная республиканская печать разоблачила маневр Моргентау и, базируясь на разъяснениях Госбанка, стала на нашу сторону и заклемила антисоветскую бестактность министра финансов, поиздевавшись также над его паникой перед продажей 1 млн. ф. ст. Даже газеты, сомневающиеся в чисто коммерческом характере операции Госбанка и считающие, что мы покупаем доллары, опасаясь падения фунта стерлингов, указывают, что Моргентау должен был расследовать характер операции, прежде чем обвинять СССР. Кроме того, ряд газет указал, что уроком инцидента является необходимость финансового сотрудничества с СССР, который, по признанию Моргентау, не был предупрежден. На приеме прессы Моргентау уже не решился повторить антисоветское заявление и не реагировал на резкое выражение по его адресу в заявлении Госбанка. Таким образом, для нас инцидент закончился в общем не плохо.

Уманский

Печат. по арх.

286. Запись беседы заведующего III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с представителем американских деловых кругов Лампортом

29 сентября 1936 г.

Лампорт зашел ко мне с письмом от т. Трояновского и показал мне копию письма Рузвельта и американского министра торговли Ропера по поводу поездки Лампорта в Европу, причем Рузвельт заявляет, что он рассчитывает получить от Лампорта отчет о его поездке, а Ропер выражает надежду, что

Лампорт изучит возможность экспорта американских текстильных товаров на европейский рынок, а также изучит возможность расширения торговых операций между Америкой и Европой вообще.

Лампорт сказал, что цель его визита ко мне следующая. Свои деловые разговоры с «Экспортльном» он уже здесь закончил, заключив сделку на покупку наших льняных тканей на несколько миллионов долларов. Он интересуется, однако, другим. Его интересует возможность более широкого развития советско-американских торговых отношений как базы для укрепления дружбы между обеими странами и усиления сопротивления Гитлеру, которого Лампорт глубоко ненавидит за страдания, причиненные им евреям. После этого Лампорт развил мне идею о полезности широкого импорта Советским Союзом текстильных товаров и других предметов потребления из США. По его мнению, такой импорт в большей степени, чем импорт оборудования, который мы сейчас производим, воздействовал бы на американское общественное мнение и противодействовал бы херстовской кампании. Экономически это было бы возможно на основе предоставления Советскому Союзу кредитов, которые, может быть, были бы и наилучшей формой урегулирования старых спорных вопросов.

Я сказал Лампорту, что вопрос о развитии торговых отношений с США меня тоже весьма интересует, но я не думаю, чтобы Советский Союз мог идти на развитие потребительского импорта на основе даже долгосрочных кредитов. Как деловой человек он сам должен понять, что это было бы экономически неправильно (с чем Лампорт действительно согласился). Во всяком случае, увеличение советского импорта из США в области тех товаров, которые интересуют Лампорта, потребовало бы значительного увеличения американского импорта из СССР. Я сказал, что, как мне кажется, вообще от увеличения готовности Америки принимать советские товары и зависит во многом будущее наших торговых отношений.

В дальнейшем разговор шел на более общие темы, причем Лампорт очень хвалил Гендерсона, как человека весьма дружественного к СССР, очень хорошо здесь работающего. По поводу заявления Моргентау об операциях Госбанка* Лампорт сказал, что думает, что и для нас не является секретом, что инспириатором такого заявления должен быть Фарли — организатор избирательной кампании Рузвельта. Поскольку недавно началась херстовская атака, утверждающая, что Рузвельт поддерживается Советским правительством, Фарли считал, вероятно, необходимым, чтобы возможно скорее сделать какой-нибудь демонстративный выпад против Москвы. Лам-

* См. док. № 263.

порт лично, разумеется, этой тактики не одобряет и знает, что и здешнее посольство чрезвычайно расстроено заявлением Моргентау.

Нейман

Печат. по арк.

287. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы*

30 сентября 1936 г.

Имел сегодня длительную беседу с Иденом. Он вновь жаловался на нашу подозрительность и склонность приписывать английскому правительству несуществующие у него намерения и планы. Он ознакомил меня с содержанием последней ноты, посланной локарнским державам, в которой на первом плане английское правительство подтверждает необходимость вслед за заключением Западного пакта расширить обсуждение для осуществления европейского соглашения. Англия стоит за региональные пакты, в свое время одобрила франко-советский пакт, одобряет его и теперь, но это не значит, что Англия сама должна участвовать во всех пактах. Иден видит необходимость согласования между собой пактов и установления взаимозависимости, но не представляет себе, как это произойдет. Он согласен, что необходимо использовать трудное финансово-экономическое положение Германии, чтобы добиться от Гитлера максимума уступок и не давать ему ничего даром.

Конечно, все это Иден говорил мне не в виде монолога, а в ответ на мои вопросы и заявления. Он намекал, что не может делать все, что он лично считает нужным и правильным. Иден жаловался на нашего представителя в Лондонском комитете, отказавшегося обсуждать вопрос о косвенном вмешательстве, как не стоящий в порядке дня. Я ему сказал, что не имею об этом никаких сообщений ни из Лондона, ни из Москвы, но мне кажется, что ввиду продолжающихся постановок повстанцам и невозможности установления эффективного контроля ранее принятых обязательств нельзя говорить о новых обязательствах, которые также будут выполняться только одной стороной. Иден сказал, что речь не идет о принятии обязательств, а лишь об обсуждении, и он не понимает, почему мы от этого отказываемся.

Из достоверных источников известно, что часть форин офиса стояла за немедленную посылку в Берлин Лейт-Росса для

* Копия телеграммы направлена в полпредство СССР в Великобритании.

экономических переговоров с тем, чтобы показать Германии возможность получения финансовой помощи, а затем уже требовать от нее компенсации. Однако победило мнение другой части форин офиса о необходимости воздержаться пока от экономических переговоров с Германией.

Литвинов

Печат. по арх.

288. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому, из Женевы

1 октября 1936 г.

Сегодня Антоеску показал мне бенешевский проект нового пакта Малой Антанты о взаимопомощи против любого агрессора. Он подчеркивал, что пакт будет осуществлен лишь в случае заключения такого же пакта Францией с Малой Антантой, а еще лучше и с СССР. Он показал мне также секретный протокол Братиславской конференции Малой Антанты, в котором говорится как о вышеуказанном бенешевском проекте, так и о решении в случае восстановления габсбургской монархии или восстановления в Венгрии воинской повинности прибегнуть к мобилизации лишь при нейтралитете Германии и Италии. Это является ослаблением ранее достигнутого соглашения о мобилизации без указанных условий. Постановили план Годжи, сводящийся к таможенной унии, обсудить при следующей встрече. Остальные пункты протокола касаются поведения Малой Антанты на Ассамблее и в Совете Лиги наций. Антоеску вновь распространялся на тему о неизбежности для Румынии держаться дружбы с СССР. Я ему вновь указал, что политическая дружба имеет свою ценность лишь тогда, когда она не скрывается *. Если он мне на ухо будет шептать о дружбе, а публично расшаркиваться перед Германией и Польшей, то это не принесет никакой пользы ни нам, ни Румынии. Я ознакомил его с историей переговоров о советско-румынском пакте **, подчеркнув, что инициатива всегда исходила от Титулеску, и сообщил, что при последней встрече с Титулеску были улажены почти все спорные вопросы. Антоеску выразил сомнение, чтобы в его министерстве имелась какие-либо следы этих переговоров, в которые Титулеску не имел обыкновения кого-либо посвящать. Я ему сказал, что проект пакта был нами

* См. док. № 273.

** См. т. XVIII, док. № 407, 411, 436. а также док. № 309, 357 настоящего тома.

представлен через Островского и первоначальные переговоры велись через него в Бухаресте. Я еще раз напомнил ему, что не мы, а Титулеску добивался этого пакта.

Литвинов

Печат. по арх.

289. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

1 октября 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

На заключительном заседании проходившего во Франкфурте всегерманского съезда бюро путешествий председатель Имперского объединения по туризму (Рейхсфремденферкерфербанд) Эссер сделал доклад о правительственной политике в вопросах иностранного туризма и значительную часть этого доклада посвятил доказательству недопустимости поездок из Германии в СССР и обратно. Эссер, являющийся совершенно официальным лицом, повторил в духе речи Геббельса грубую ругань по адресу СССР и его правительства и выражал свое возмущение по поводу того, что в германских рейзбюро* еще можно получить наряду с другими проспекты, касающиеся поездок в Москву и Ленинград.

«Интурист» является членом того германского объединения бюро путешествий, которым руководит Эссер. При этом «Интурист» был принужден германскими властями войти в состав этого объединения, поскольку берлинское отделение «Интуриста» является обществом, подчиненным германским законам. Вместе с тем представители аусамта нас неоднократно заверяли, что деятельность отделения «Интуриста» как бюро путешествий не должна и не будет встречать никаких препятствий. Все эти моменты дают нам основание обратить внимание аусамта на речь Эссера и потребовать, чтобы были приняты меры к обеспечению нормальной работы берлинского отделения «Интуриста» и, следовательно, чтобы было предотвращено проведение в жизнь призыва имперского комиссара Эссера к бойкоту «Интуриста»¹⁷³.

Однако значение речи Эссера не ограничивается вопросом о работе «Интуриста». Речь Эссера является одним из многих признаков того, что в этом году оскорбления и угрозы по адресу СССР, оглашенные с нюрнбергской трибуны** и после закрытия съезда, повторяются в разных вариантах официальными лицами. Я считаю нужным подчеркнуть, что дело за-

* — бюро путешествий (нем.).

** См. док. № 266.

ключается не только в продолжающейся газетной кампании, в повторении оскорблений по адресу СССР по различным поводам в газетных статьях и даже не в таких фактах, как включение антисоветской речи Геббельса в текущую кинохронику, которая сама по себе уже не посвящена Нюрнбергу. Насколько нам известно, антисоветские речи Геббельса и Розенберга читаются и комментируются в школах, в лагерях трудовой повинности и т. п. Мы должны считаться с тем, что официальные ораторы третьей империи будут и в дальнейшем в своих речах выступать не только с антисоветскими выпадами, но и с оскорблениями по адресу правительства СССР.

Иными словами, антисоветские лозунги, данные в Нюрнберге, призывы к бойкоту СССР продолжают свое действие и после Нюрнберга, причем гитлеровцы считают себя ничем не связанными в своих антисоветских выступлениях.

С товарищеским приветом

Суриц

Печат. по арх.

290. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 октября 1936 г.

В беседе с Давером я обратил его внимание на странность иранской позиции в отношении «Кевир-Хурриана»*. Иранское правительство и лично Давер добивались начала переговоров, торопили, а когда Советское правительство дало согласие**, иранская сторона уклоняется от переговоров. На мою ноту с извещением о согласии на переговоры и о составе советской делегации¹⁷⁴ МИД вообще не ответил, ссылаясь на необходимость какого-то изучения вопроса. Казалось бы, нужно прежде всего получить и изучить наши предложения, а от этого МИД уклоняется. Давер сделал вид, что не знает, почему МИД занимает такую позицию, и даже ею удивлен. В то же время он предложил мне передать ему наш проект в приватном порядке.

Прошу указаний, следует ли в таком порядке передавать наш проект. Нет сомнения, что иранцы хотят начать переговоры в наименее связывающей их форме. Срочно сообщите¹⁷⁵.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 19.

** См. док. № 197.

291. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Венгрии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
2 октября 1936 г.*

Несмотря на запрет министром внутренних дел политических собраний, вчера христианско-социальная партия под предлогом собрания с отчетом своих депутатов в парламенте устроила антисоветский митинг, на котором депутат Петровац, называя полпредство СССР на улице Байза центром большевистской пропаганды в Венгрии и ее финансированья, требовал разрыва сношений с СССР, не упустив также случая назвать «Лейбе Блюма позором Франции». На митинге раздавались возгласы: «Долой правительство, впустившее большевиков, идем на улицу Байза вернуть им паспорта». Колонна демонстрантов, направлявшаяся после митинга к полпредству, была на полпути рассеяна полицией, вторая колонна, направлявшаяся к редакции эсдековской газеты «Непсава», натолкнулась на физическое сопротивление рабочих. Сегодня по всему городу расставлены усиленные наряды полиции. Обедавший у меня сегодня Юнгерт проанализировал вчерашний митинг, пытаясь одновременно доказать, что поддержка нами Чехословакии и Малой Антанты вызывает сильное беспокойство и антисоветские настроения.

Телеграфируйте, считаете ли нужным, чтобы я завтра сделал представление вр. и. о. министра иностранных дел, указав, что попустительство правительства и участие официальной прессы в антисоветской кампании поощряет и гарантирует безнаказанность и что возможные последствия возлагаю на венгерское правительство*.

В комментариях нашей печати к этим выступлениям считал бы нужным отметить следующее: рост антисоветской кампании после визита Нейрата и приезда Геббельса, поощрение правительством, несмотря на запрет политических собраний, специфических антисоветских выступлений, возможную перемену в составе правительства с привлечением открытых агентов Германии и резко антисоветски настроенных Тлявского, Мартона, Антала, Райниша, Мечера. В случае желательности демарша учтите, что завтра суббота и он должен быть сделан до полудня.

Мирный

Печат. по арх.

* См. док. № 293.

292. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в
Великобритании С. Б. Кагану

4 октября 1936 г.

Уважаемый товарищ,

Поскольку Ваши запросы в связи с работой контрольного Комитета носят обычно срочный характер, мы отвечаем Вам по телеграфу, и в письме поэтому я хочу дать лишь общую установку.

Не только англичане, но и французы не хотели и не хотят оказать мадридскому правительству какую-либо реальную помощь. Они выступили с инициативой соглашения о невмешательстве для того, чтобы создать перед своим общественным мнением легальную базу для неоказания помощи. В момент начала переговоров об этом соглашении французское правительство, может быть, искренне надеялось, что при помощи этого соглашения оно положит предел помощи, которую мятежники получали в то время от Италии, Германии и Португалии. В дальнейшем выяснилось, что перечисленные выше государства, несмотря на присоединение к соглашению, продолжают оказывать помощь мятежникам. Если этот факт будет официально констатирован, то французы должны будут или присоединиться к каким-либо мерам против нарушителей соглашения, или признать, что соглашение перестало действовать. В этом последнем случае у французского правительства не будет никаких аргументов против требования французской общественности, профсоюзов и компартии оказать эффективную помощь мадридскому правительству. А этого левое французское правительство не хочет, боится. Поэтому французское правительство и его представитель в Лондонском комитете, конечно, не будут помогать нам в разоблачении Португалии, Германии и Италии, а будут всячески саботировать постановку вопроса о помощи мятежникам. Мало того, для того чтобы занять Комитет какими-либо другими делами, французы охотно будут идти на обсуждение всякого рода предложений, вроде изложенных в итальянском меморандуме¹⁶⁷, хотя эти предложения, если бы они были приняты, обозначали бы дальнейшие трудности для мадридского правительства в получении помощи извне.

Имейте в виду (это дель Вайо * говорил открыто т. Литвинову), что мадридское правительство не столько заинтересовано в том, чтобы было прекращено снабжение мятежников, сколько в том, чтобы у самого мадридского правительства не были отняты все возможности получения вооружения извне. Поэтому для мадридского правительства невыгодно какое-

* Министр иностранных дел Испании.

либо дальнейшее расширение существующих уже международных обязательств о невмешательстве в испанские дела.

Вот почему мы все время предлагали Вам возражать против обсуждения итальянского меморандума. Возможно, что сегодня ввиду давления, оказываемого на нас французами и англичанами, мы изменим свою директиву и разрешим Вам дать свое согласие на обсуждение меморандума по существу. Об этом я сообщу Вам дополнительно сегодня по телеграфу*. Но мы не можем допустить, чтобы то или другое принятое Комитетом итальянское предложение рассматривалось как постановление, связывающее правительства, представленные в Лондонском комитете. Поэтому по окончании обсуждения Вам нужно будет в неоставляющей сомнения форме заявить, что обсуждение в Комитете поднятого итальянцами вопроса представляет собою лишь предварительный обмен мнениями, результат которого будет доведен членами Комитета до сведения правительств, но что характер обязательности постановления Комитета получают лишь после утверждения их соответствующими правительствами.

При нынешней обстановке в Испании подпись Советского Союза под каким-либо новыми ограничениями помощи испанскому правительству произвела бы очень тяжелое впечатление на стоящие за правительством силы и понизило бы их твердость и боеспособность.

Вот почему мы должны быть очень осторожны в этих вопросах.

Независимо от согласия на обсуждение итальянского меморандума Вы должны продолжать требовать немедленного рассмотрения действий Португалии, нарушающей обязательство о невмешательстве в испанские дела. Вы можете выступить в качестве жалобщика. Материал для этого Вы частично получили из Женевы, частично можете взять из газет (показания Додда и других), частично Вам шлет сегодня т. Нейман.

С товарищеским приветом

Н. Крестичский

Печат. по арх.

293. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Венгрии С. М. Мирному

4 октября 1936 г.

Заявите министерству иностранных дел устный протест по поводу имевших место 2 октября антисоветского митинга, демонстрации и оскорбительных выступлений по адресу полпред-

* См. док. № 296.

ства. Потребуйте принятия решительных мер против повторения подобных антисоветских демонстраций и непрекращающейся антисоветской кампании прессы*.

Крестинский

Печат. по арх.

294. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

5 октября 1936 г.

После моего визита к Блюму последний демонстративно приходил ко мне и, не застав меня дома, явился вторично. На Ассамблее он также демонстративно беседовал все время с нашей делегацией. Он произвел на меня впечатление усталости, фатализма и обреченности. Чувствовалось, что он мало надеется преодолеть внутренние затруднения. О Польше он говорил, отвечая на мои критические замечания, что обмен визитами был предпринят по его личной инициативе и что если сделана ошибка, то это его личная ошибка или сознательный риск. Рыдз-Смиглы дал письменное заверение об отсутствии секретного соглашения с Германией, направленного против Франции, Чехословакии или Советского Союза. Он устно дал обещание о пропуске советских самолетов в случае нападения на Францию. Вопрос об уходе Бека якобы не ставился ни одной из сторон, хотя многие здесь утверждают, что Рыдз-Смиглы осведомлялся об отношении Франции к Беку, но что Дельбос не нашел ничего лучшего, чем требовать лояльного сотрудничества.

Я упрекал Блюма главным образом в том, что не был затронут вопрос о Восточном региональном пакте с участием Польши. Блюм признал эту ошибку. Блюм соглашался и с моими критическими замечаниями касательно Испании. Он объяснял свое поведение главным образом опасением внутреннего кризиса. Блюм не отвергает идею более широкого пакта взаимопомощи, охватывающего Францию, СССР, Малую и Балканскую Антанты, которую я приписывал Бонкуру, но до локарнской конференции он ничего не будет предпринимать. Он считает также возможным пакт с Турцией и с нами, но также лишь после локарнской конференции.

О военных переговорах я говорил ему, что мы ничего не предлагаем и ничего не требуем, а только отмечаем, что, поскольку на этой почве возникает недовольство в Чехословакии, мы оставляем ответственность за это за Францией. Блюм дал понять, что это дело саботируется не только военными, но и Даладье, и не подтвердил ранее сделанное Дельбосом заявле-

* См. также док. № 291, 295.

ние, будто военным даны теперь какие-то новые указания на этот счет*.

В данный момент политику Блюма можно характеризовать: ничего до локарнской конференции, до которой остается якобы лишь несколько недель. Он оценивает пессимистически возможные результаты конференции. Новые затруднения возникли со стороны Бельгии, требующей односторонних гарантий. Блюм говорил, что в крайнем случае обойдется без Бельгии, но вряд ли он так думает.

По моему требованию он дал мне заверение, что никаких новых толкований советско-французского пакта в связи с Локарно не будет допущено. Блюм считает декабрьский протокол**, подписанный Лавалем и мною, утратившим свою силу с подписанием пакта; он не возражает против нового аналогичного соглашения, но вряд ли он имеет это в виду серьезно. Он обещал воздействовать на прессу, ведущую антисоветскую кампанию, в частности на Гавас и его представителя в Москве, и просил об этом напомнить ему через Потемкина. Он уклонился от ответа на вопрос о дате его поездки в Москву, и надо думать, что мысль об этой поездке им пока совершенно оставлена. Повторяю, разговор с Блюмом оставил у меня тяжелое впечатление, хотя я не сомневаюсь в его добрых намерениях.

Литвинов

Печат. по арх.

295. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Венгрии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

5 октября 1936 г.

На мой сегодняшний протест, согласно Вашей телеграмме от 4 октября*, вр. и. о. министра иностранных дел Апор заявил, что осуждает и сожалеет о выступлении на митинге против полпредства, что будут приняты меры к недопущению повторения подобных инцидентов в будущем и что МИД обратится к соответствующим органам с предложением прекратить антисоветские выступления. Кроме того, он, Апор, лично вызовет также журналистов и укажет на необходимость не затрагивать Советское правительство и не делать антисоветских выпадов «в принципиальной идеологической борьбе против большевизма, вызванной в стране испанскими событиями». Апор заявил, что в намерение правительства, в частности его и Канья как главных сторонников восстановления отношений с

* См. док. № 269.

** См. т. XVII, док. № 417.

*** См. док. № 293.

СССР, входит помешать всяким актам, могущим колебать эти отношения.

Я в решительном тоне на основании фактов перебил и прекратил попытку Апора представить газетные выступления как критику системы Советской власти, сравнивая их с выступлением одной части прессы против правительства Леона Блюма и Народного фронта во Франции, после чего он сделал вышеизложенное заявление о предстоящем принятии мер к прекращению антисоветской кампании и выпадов.

Мирный

Печат. по арх.

296. Заявление Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании* Председателю Комитета Плимуту

Лондон, 7 октября 1936 г.

По поручению Правительства СССР я делаю следующее заявление:

В итоге, адресованных 15 сентября правительствам Португалии, Германии и Италии**, испанское правительство протестует против непрерывной помощи военным снаряжением, оказываемой этими странами испанским мятежникам. Испанское правительство препроводило эти ноты также всем другим участникам Соглашения о невмешательстве в испанские дела с просьбой принять меры к прекращению положения, при котором законное испанское правительство очутилось в состоянии фактической блокады, в то время как мятежники беспрепятственно с разных сторон получают военные самолеты и другие виды вооружения.

В своем выступлении на пленуме Лиги наций министр иностранных дел Испании Альварес дель Вайо поставил тот же вопрос перед всеми государствами, входящими в Лигу наций***.

Длинный перечень фактов, представляющих нарушения Соглашения о невмешательстве и относящихся к самому последнему времени, приведен испанским правительством как в изданной им Белой книге****, так и в дополнительных материалах, опубликованных испанским правительством в Женеве 3 октября. Достаточно привести из них следующие факты.

7 сентября из Португалии прибыли в Севилью 23 вагона с ящиками, в которых находились в разобранном виде 14 само-

* Его официальное наименование — Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании.

** См. газ. «Известия», 29 сентября 1936 г.

*** См. газ. «Известия», 26 сентября 1936 г.

**** См. газ. «Известия», 5 октября 1936 г.

летов, отправленных из Гамбурга. 20 сентября в Тетуан прибыли 12 больших германских самолетов. На этих самолетах впоследствии перевозились из Тетуана в Севилью войска мятежников из так называемого иностранного легиона. 29 сентября испанским правительством было получено сообщение о том, что из Лиссабона 27 сентября была отправлена на испанскую границу партия отравляющих веществ и военных материалов итальянского происхождения.

Целый ряд очевидцев, допрошенных заседающим в Лондоне общественным комитетом под председательством члена английского парламента мисс Ратбон, а также многие корреспонденты крупных газет, опубликовавшие свои личные наблюдения, подтверждают, что снабжение мятежников оружием, прежде всего через Португалию, продолжается в широких размерах. Мятежники располагают десятками бомбовозов и истребителей германского и итальянского происхождения, которых не было в испанской армии в момент возникновения мятежа. В числе сбитых правительственными силами аэропланов мятежников оказалось девять самолетов немецкого происхождения марки «Хейнкель». Войска мятежников перебрасываются через Гибралтарский пролив из Марокко в Испанию на германских и итальянских самолетах. Пограничные районы Португалии являются с самого начала мятежа опорной базой мятежников. В Португалии мятежники формируют свои отряды и оттуда получают боевое снаряжение.

С момента образования нашего Комитета Советское Правительство через меня все время ставило вопрос о расследовании действий Португалии, открыто нарушающей Соглашение о невмешательстве, и прекращении подобных действий.

Советское Правительство опасается, что такое положение, созданное повторяющимися нарушениями Соглашения, делает Соглашение о невмешательстве фактически несуществующим.

Советское Правительство ни в коем случае не может согласиться превратить Соглашение о невмешательстве в ширму, прикрывающую военную помощь мятежникам со стороны некоторых участников Соглашения против законного испанского правительства.

Советское Правительство вынуждено ввиду этого заявить, что если не будут немедленно прекращены нарушения Соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из Соглашения.

Поверенный в Делах СССР
в Великобритании
С. Каган

297. Письмо заместителя заведующего II Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Венгрии С. М. Мирному

7 октября 1936 г.

Многоуважаемый Семен Максимович,

Я лично склонен также считать, что влияние Германии в Венгрии усиливается. Непосредственно в связи с этим, очевидно, и находится та антисоветская кампания, которую ведет венгерская пресса и которая, очевидно, поддерживается руководящими деятелями Венгрии. Что касается митинга и демонстрации, а также выпадов против полпредства, то мы Вам уже дали согласие на заявление устного протеста в МИД*. Мы рассчитываем, что Ваш протест должен возыметь соответствующее действие. В то же время мы решили здесь пока не реагировать в нашей прессе. Но если в будущем тон венгерской прессы останется таким же антисоветским, как в настоящее время, нам, разумеется, придется в соответствующей форме информировать и наше общественное мнение.

С товарищеским приветом

Безанов

Печат. по арх.

298. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Францию в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР**

Немедленно
8 октября 1936 г.

Сегодня вечером меня посетил Кот и от имени своего правительства предложил официально приступить к конкретным переговорам воздушных штабов. Кот заявил, что Блюм и Дельбос вполне согласны с этим предложением. Гамелен весьма сдержанно высказался в разговоре с Котом насчет целесообразности и своевременности контакта генеральных (сухопутных) штабов, ссылаясь на необходимость предварительной договоренности с третьими странами насчет эвентуального пропуска советских войск ввиду отсутствия германо-советских границ (Кот видит в этом отражение «сдержанности» Даладье).

Наоборот, к идее контакта воздушных штабов Гамелен отнесся вполне положительно, согласившись, в частности, с точкой зрения Кота о необходимости применения франко-советского воздушного сотрудничества в первую очередь в Чехословакии.

* См. док. № 293.

** Копия телеграммы направлена В. П. Потемкину в Женеву.

Кот предлагает начать переговоры в ближайшее же время либо в Париже через наших военных или воздушных атташе, или специально присланных из Москвы лиц, либо в Москве.

Кот считает целесообразным начать двусторонние переговоры, затем привлечь Чехословакию и éventуально в будущем другие страны Малой Антанты. Кот считает, что успешные разговоры по линии воздушных штабов могут повлечь за собой в будущем аналогичный контакт генштабов СССР и Франции*.

Срочно сообщите указания ¹⁷⁶.

Гиршфельд

Печат. по арх.

299. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 октября 1936 г.

Сегодня я был у нового министра торговли Поппа, которому сделал подробное сообщение о состоянии наших торговых дел и о ходе выполнения конвенции**. Министр согласился в том, что Национальный банк как по своей структуре, так и по своему характеру не может выполнить задач делового банка и обещал поставить на ближайшем заседании экономических делегатов вопрос о перенесении счета из Национального банка в какой-нибудь из крупных коммерческих банков. Несколько раз в продолжении беседы министр подчеркивал важность торгового обмена между нашими странами и говорил, что его министерство сделает все возможное, чтобы этот обмен облегчить и развить.

Островский

Печат. по арх.

300. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы***

9 октября 1936 г.

Ко мне приходил с визитом новый министр иностранных дел Финляндии Холсти заверять в том, что его политика будет базироваться на стремлении к миру, лояльности Лиге наций и дружбе со всеми соседями. Он знает о существующем у нас недовольстве финской политикой и сделает все от него завися-

* См. док. № 350.

** Имеется в виду соглашение о платежах между СССР и Румынией от 15 февраля 1936 г.; см. «Сборник действующих торговых договоров...», вып. II, № 11. М., 1936, стр. 62—64.

*** Копия телеграммы направлена в полипредство СССР в Финляндии.

щее, чтобы удовлетворить нас. Я высказал ему те же упреки, что и Хакселю*, а Холсти ссылаясь на свободу печати, но признавал, что финская молодежь действительно воспитана в антисоветских чувствах и потому с этим придется бороться. Он оставляет за собой свой пост в Женеве, поэтому рассчитывает встречаться со мною здесь и просит меня откровенно высказывать ему все наши претензии.

Литвинов

Печат. по арх.

301. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
10 октября 1936 г.*

Вчера пришел познакомиться (приватно, так как он еще не вручил грамоты) новый испанский посол в Англии Пабло Аскарате. Сообщил, что передал в форин офис сведения об участии 700 итальянских солдат при занятии мятежниками острова Ивиса (Балеарские о-ва). Колонной, в которой было больше итальянских солдат, чем мятежников, командовал граф Россн. Аскарате обещал информировать о всех новых сведениях. Очень хочет поддерживать контакт. Я разъяснил ему положение вещей в Комитете. Аскарате просил держать его в курсе дел.

На заседании Комитета многие из дипломатов заявляли мне, что они считают правильным нашу решительную постановку вопроса, но откровенно заявляли, что не представляют себе, какие конкретные меры можно принять, чтобы прекратить нарушения (швед, чехословак, литовец, румын). Ирландец заявлял, что согласен со всем, что мы говорим, но не представляет себе, как можно послать комиссию, поскольку Португалия никак не соглашается. Турецкий поверенный в делах в разговоре полностью солидаризировался, но во время заседания рта не открыл. Француз держится весьма холодно и при обсуждении нашей декларации** не выступал. За весь день он ограничился несколькими короткими заявлениями о необходимости расследовать факты и ускорить процесс расследования. Англичанин явно хочет держать вопрос строго в рамках процедуры и избежать острой постановки вопроса о мерах для прекращения нарушений. Как вы знаете, после дискуссии вопрос остался открытым для дальнейшего обсуждения в случае поступления конкретных предложений. Нет сомнений, что

* См. док. № 220.

** См. док. № 296.

никто таких предложений не внесет. Нужны ваши указания*. Вчера на вопрос о том, есть ли у меня конкретные предложения, я ответил указанием на то, что все участники должны быть заинтересованы в соблюдении соглашения. Мы поставили вопрос о необходимости немедленно прекратить нарушения, дело же Комитета предпринять для этого нужные меры.

Согласно вашей директиве¹⁷⁷ при обсуждении нашей жалобы на Португалию я не повторял и не настаивал на обсуждении предложения о посылке комиссии, поэтому, когда председатель предложил отложить обсуждение этого предложения, я не возражал. Я в сводке уже сообщил вам, что в связи с нашим заявлением Гранди употребил слово «шантаж». Я решил не превращать мое ответное слово в грызню с Гранди по этому поводу и этим отвлечь внимание от моих возражений по существу. Поэтому в моем ответном слове я заявил, что Гранди не имел никакого права употребить подобное слово. В перерыве после прений я все же обратил внимание председателя на недопустимость подобного выражения Гранди. Лорд Плимут с этим согласился, но не советовал обострять вопроса. Я думаю, что наши газеты должны крепко ударить Гранди. Не мешаает Штейну указать МИД на недопустимость таких хулиганских выражений, а мы постараемся кое-что сделать здесь.

Каган

Печат. по арх.

302. Письмо Полномочного Представителя СССР в Бельгии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

11 октября 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Эти две недели были посвящены у меня восстановлению личных контактов после каникулярного перерыва. У меня были продолжительные беседы с министром иностранных дел Спааком, с французским послом Лярошем, с Вандервельде** и рядом других лиц. Как я предвидел в свое время на основе анализа итогов парламентских выборов, политическая жизнь в этой стране продолжает развиваться под знаком значительного обострения. Я не буду сейчас анализировать здесь целого ряда изменений в здешней политической ситуации, происшедших за истекшие два месяца. Отмечу лишь, что как в области

* НКВД СССР дал указания 11 октября; их содержание приведено в заявлении советского представителя в Комитете по невмешательству 12 октября; см. док. № 303.

** Заместитель председателя совета министров, министр здравоохранения Бельгии.

внутренней, так и в области внешней политики здесь продолжается крен вправо.

Если два-три месяца тому назад лозунг народного фронта становился модным в руководящих кругах бельгийской социалистической партии, то сейчас этот лозунг официально осужден генеральным советом. Правда, Вандервельде в частных беседах, а де Брукер* и в публичных выступлениях остаются на точке зрения необходимости народного фронта, но их позиция отличается в такой же мере стойкостью, как и бесплодностью. Де Брукер выступает в пользу единства на национальном конгрессе британской рабочей партии, который почтительно выслушивает его и переходит к текущим делам. Вместе с тем де Брукер ничего не делает для пропаганды своих взглядов внутри бельгийской социалистической партии.

В самой социалистической партии последовательные враги народного фронта де Ман** и Спаак чрезвычайно усилили свои позиции. Не будет преувеличением в настоящий момент сказать, что они имеют сейчас руководящее влияние в партии. «Пепль», который пару месяцев тому назад охотно позволял себе более или менее прозрачно замаскированные выпады против де Мана и Спаака, сейчас буквально ходит на задних лапках перед де Маном.

По-прежнему наблюдается рост в стране влияния рексистов (фашистов). Их последнее достижение, политические последствия которого пока еще трудно учесть, состоит в заключении блока между рексистами (являющейся чисто валлонской по своему национальному составу организацией) и фламандской разновидностью фашистов — фронтистами. В своем парламентском выражении это означает образование блока из 37 депутатов (21 рексиста плюс 16 фронтистов), к которым несомненно примкнут некоторые колеблющиеся элементы из среды фламандских католиков.

В области внешней политики «дружеские беседы» Спаака в Женеве с Дельбосом и Иденом, несмотря на характерный для Спаака несколько партизанский характер этого выступления, заслуживают самого серьезного внимания. Я уже сообщил Вам¹⁷⁸, как Спаак обосновывал передо мной свое выступление. Лярош сказал мне, что Ван-Зееланд по этому вопросу развил перед ним такой ход мыслей: «Надо дать максимум удовлетворения фламандцам в плоскости внешней политики, дипломатической, чтобы таким образом получить возможность в плоскости практических мер по обороне провести все, что нужно для отражения эвентуального нападения со стороны Германии». Однако даже склонный все видеть в розовом свете Лярош сам

* Один из лидеров социалистической партии Бельгии.

** Министр финансов Бельгии.

должен был отметить, что такого рода рассуждения ведут к опасным последствиям, так как фламандские националисты разных оттенков, получив одну уступку, немедленно начнут добиваться следующей. Так фламандские националисты не удовлетворились денонсацией франко-бельгийской военной конвенции, а требуют полного отказа от контакта между французским и бельгийским генеральными штабами. Если бы они добились этого, они стали бы требовать заключения пакта о ненападении с Германней и т. д.

Как видите, картина в общем малоблагоприятная. Дальнейшее развитие событий здесь будет находиться в тесной связи от событий в Испании и во Франции.

В плоскости советско-бельгийских отношений все развивается самым благополучным образом. Наши закупки в Бельгии за первый конвенционный год достигли примерно 250 млн. франков вместо 190 млн., предусмотренных по конвенции*. Мы не только перевыполнили наши обязательства в сумме на 60 млн. франков, но и удвоили наши закупки по сравнению с последним годом до возобновления дипломатических отношений. Следует отметить, что, за исключением некоторых, наиболее оголтелых фашистских листков, нигде в прессе не приходится видеть жалоб, с которыми мы встречались еще полгода тому назад, на слабое развитие торговли с СССР.

Нападки на СССР и на полпредство по линии чисто политической (обвинения в пропаганде, организации стачек и т. п.) прочно укоренились в фашистской прессе, как в валлонской, так и во фламандской.

С товарищеским приветом

Рубинин

Печат. по арх.

303. Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту

Лондон, 12 октября 1936 г.

Сэр,

В связи с вопросом, поставленным в моем заявлении, врученном Вам 7-го сего месяца**, и обсуждавшимся на последнем заседании Комитета, я имею честь по указанию моего Правительства представить для срочного рассмотрения Комитета нижеследующее:

Главное снабжение мятежников оружием идет через Португалию и португальские порты. Минимальной и притом совершенно неотложной мерой, чтобы положить конец этому снабжению и нарушению Соглашения о невмешательстве, должно

* См. док. № 116.

** См. док. № 296.

явиться немедленное установление контроля над португальскими портами.

Мы поэтому требуем от Комитета установления такого контроля. Мы предлагаем возложить осуществление этого контроля на английский или французский флот, или на оба флота вместе.

Без таких вышеуказанных мер, как минимального и неотложного мероприятия против нарушений Соглашения о невмешательстве в испанские дела, это Соглашение не только не отвечает назначению, а, наоборот, служит прикрытием для мятежников против законного испанского правительства.

Я имею честь просить Вас, чтобы сделанные выше предложения были обсуждены на ближайшем заседании Комитета, которое настоятельно прошу созвать без всякого замедления.

Примите, сэр, уверения в моем высоком уважении.

Временный Поверенный в Делах
С. Каган

*Печат. по арх. Оpubл. в газ. «Известия»
№ 240 (6097), 15 октября 1936 г.*

В ответ Плимут направил С. Б. Кагану письмо от 14 октября 1936 г., в котором говорилось:

«Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 12 октября, в которой Вы на основании инструкций своего Правительства просите, чтобы я немедленно созвал Комитет по вопросам невмешательства в дела Испании для обсуждения предложения, которое сделано Вами в этой ноте, о немедленном установлении контроля над португальскими портами с целью помешать предполагаемому снабжению оружием испанских повстанцев через Португалию.

Как Вы знаете, все конкретные жалобы по поводу нарушения Соглашения о невмешательстве в дела Испании, выдвинутые против португальского правительства, были представлены Комитету и обсуждены им на заседании 9 октября. Португальскому правительству в соответствии с правилами процедуры, установленными Комитетом 21 сентября, было предложено представить в возможно короткий срок объяснения, необходимые для установления фактов.

Поскольку ответ португальского правительства еще не получен и поскольку, кроме того, в Вашей ноте от 12 октября не содержится каких бы то ни было дополнительных доказательств, которые свидетельствовали бы о том, что Соглашение действительно нарушается, я не считаю, что было бы целесообразным с моей стороны созвать в этой стадии новое заседание Комитета для обсуждения этого вопроса».

304. Запись беседы Народного Комиссара пищевой промышленности СССР А. И. Микояна и Полномочного Представителя СССР в США с Государственным Секретарем США Хэллом

12 октября 1936 г.

Я представил т. Микояна Хэллу. Последний встретил нас очень любезно и расспрашивал Микояна о его путешествии по Соединенным Штатам¹⁷⁹. Тов. Микоян ему сказал, что он ви-

дел очень много интересного и полезного для нас и пришел также к заключению, что можно избежать некоторых ошибок и недостатков, которые имеются в американской пищевой промышленности. Хэлл сказал, что он недавно видел одного человека, приехавшего из Европы, который сказал ему, что экономическое оживление в Европе в значительной степени построено на военной промышленности и вообще на производстве вооружения. Он спросил Микояна, думает ли он, что это экономическое оживление является здоровым и прочным. Микоян ответил, что он считает, что такая база для экономического оживления, конечно, не является здоровой и прочной. Далее Хэлл сказал, что его беспокоит международное положение. Он думает, что в центре Европы имеется одно государство, а на Тихом океане другое государство, которые стремятся к экономическому и политическому господству над миром. Он думает, что если наши обе страны — Советский Союз и Соединенные Штаты будут вести изоляционистскую позицию, то это приведет к тому, что указанное стремление к мировому господству увенчается успехом, что приведет к печальным последствиям для наших стран. Над этим положением надо задуматься. Хэлл спрашивал, имеется ли почва для развития экономических отношений между нашими странами. Тов. Микоян, конечно, сказал, что почва такая имеется. Затем т. Микоян поблагодарил Хэлла за содействие, которое ему было оказано, и выразил удовольствие по поводу участия в его поездке чиновника госдепартамента Уилларда, который вел себя все время очень выдержанно, тактично и принес значительную пользу т. Микояну в деле осмотра различных предприятий и учреждений. Хэлл сказал Микояну, что он считает необходимым указать на то, что Советский Союз в Соединенных Штатах представлен достойным и корректным образом. Тов. Микоян на это сказал, что мы знаем, кого надо посылать. Хэлл сказал, что он очень рад, что видные люди Советского Союза приезжают для осмотра Соединенных Штатов, что способствует укреплению личных связей и улучшению отношений. Микоян на это сказал, что он был бы рад принимать из Соединенных Штатов двух человек на каждого одного, приезжающего из Советского Союза. На этом мы расстались.

Кроме Хэлла мы посетили Мура*, беседа с которым велась к разного рода шуткам. Мы также посетили Келли**, у которого были две-три минуты.

А. Трояновский
Полпред СССР в США

Печат. по арх.

* Помощник государственного секретаря США.

** Начальник Восточноевропейского отдела госдепартамента США.

305. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому.

12 октября 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Несомненно, что в жизни страны и в работе значительной части правительственных и в особенности партийных организаций центральное место занимает внутреннее положение в стране и в первую очередь хозяйственные затруднения. В этой области можно ждать сюрпризов, однако в настоящее время никто не в состоянии сказать, каковы именно будут мероприятия правительства и к каким последствиям они приведут. Пока германская печать пытается по-прежнему сосредоточивать внимание на вопросах внешней политики. Из внешнеполитических проблем наибольшее значение имеет, конечно, вопрос об Испании и о подготовке так называемой локарнской конференции (по немецкой терминологии — Западного пакта). Для понимания германской тактики по вопросу об Испании и в отношении локарнской конференции надо учесть, каково было развитие событий после нюрнбергского партийтага.

Непосредственная реакция на нюрнбергский съезд* была, как известно, почти во всех странах отрицательной. Большинство правительств насторожилось, даже германские друзья, как Италия или Польша, отнеслись весьма сдержанно, а порой и критически к программе, развернутой в Нюрнберге. Таким образом, в первый период, следовавший за Нюрнбергом, международное положение сложилось довольно неблагоприятно для Германии. Однако в настоящий момент немцы, по-видимому, пришли к выводу, что нюрнбергские выступления и международная реакция на Нюрнберг не испортили серьезно германской игры. В этом отношении чрезвычайно ободряюще на немцев подействовало поведение представителей ряда держав в Женеве. Выступление Идена** было понято Берлином как доказательство того, что давление на английскую политику еще может давать свои плоды и что англичане по-прежнему пытаются загрызть с Германией. В самом деле, ограничившись абстрактной защитой демократии, Иден выступил в качестве сторонника универсальности Лиги наций, довольно ясно дал понять, что Англия не мыслит реорганизации Лиги наций без Германии, обрадовал немцев заявлением об отделении Пакта Лиги наций от Версальского договора, подал надежду на ревизию договоров, посвятил много внимания ст. 19 [Устава] Лиги наций и оставил совершенно в тени ст. 16 Устава. Но — что для немцев особенно важно — Англия и в речи

* См. также док. № 266.

** См. газ. «Известия», 26 сентября 1936 г.

Идена, и в дальнейшем подчеркнула свою непосредственную заинтересованность только в Западном пакте. На фоне подобной английской тактики в Берлине вызвало, конечно, большое удовлетворение и выступление Дельбоса*, которое по существу шло по линии солидаризации с Англией в ее политике фактических уступок Германии.

Исходя из такой оценки английских маневров и довольно растерянных выступлений французской дипломатии, германское правительство определяет свое отношение к английской ноте** по поводу Западного пакта. Как я уже сообщал, немцы довольны общим характером ноты и тем обстоятельством, что в отличие от вопросника*** нота не была опубликована. Вообще не подлежит сомнению, что последняя английская нота относительно локарнской конференции представляет собой серьезнейшую уступку немцам, вернее отступление перед Германией по сравнению с позицией, занятой английским правительством в вопроснике, который немцы оставили без ответа.

Германские соображения по поводу локарнской конференции, как известно, сводятся к трем пунктам: 1. Германия желает знать, не намерена ли Франция сделать изъятия из Западного пакта для случаев, предусмотренных во французских союзных договорах и во франко-советском договоре. Германия не хочет иметь дела с Францией вместе с ее союзниками, а только с одной Францией. 2. Германия не согласна на увязку рейнской проблемы с проблемой Средиземного моря; Германия будет возражать против подписания пактов о взаимопомощи без Италии и, следовательно, в известных условиях против Италии. 3. Германия интересуется, как будет решен вопрос о третейской инстанции по Западному пакту, поскольку Германия возражает против увязки Западного пакта с Лигой наций, как это было в старом Локарно.

Из этих трех пунктов, которые, очевидно, составят главное содержание возможного германского ответа на английскую ноту, наиболее существенным, конечно, является первый. Гитлеровцы по-прежнему считают главной задачей своей внешней политики борьбу против франко-советского договора и по возможности его аннулирование. Если они не сумеют добиться последнего, то они во всяком случае будут стремиться к тому, чтобы лишить франко-советский пакт всякого практического значения, к тому, чтобы его по меньшей мере заморозить. Вместе с тем надо иметь в виду, что немцы вовсе не торопятся с ответом на английскую ноту и, если не будет специальных ос-

* См. газ. «Известия», 27 сентября 1936 г.

** См. газ. «Известия», 20, 21 сентября 1936 г.

*** См. док. № 138, 141.

нований, постараются максимально оттянуть свой ответ*. В своем стремлении затянуть подготовку Локарнской конференции гитлеровцы руководствуются соображениями двойного рода: во-первых, желанием выждать исхода испанской борьбы, во-вторых, спекуляцией на внутривнутриполитических трудностях во Франции. Ряд признаков говорит о том, что германские фашисты во все большей степени ставят ставку на внутреннюю неурядицу во Франции и связывают с внутривнутриполитическим развитием во Франции, вероятно, далеко идущие планы. В настоящий момент немцы относятся с повышенным интересом к разнобою между отдельными участниками Народного фронта, в первую очередь между коммунистами и Блюмом. Немцы внимательно регистрируют расхождения между коммунистами и социалистами как во французской внутренней политике, так и по вопросу об Испании.

В отношении гражданской войны в Испании гитлеровцы продолжают укреплять и развивать ту недвусмысленную позицию поддержки военного мятежа, какую они заняли с первых дней выступления Франко. В соответствии с этой позицией, с надеждами на скорое взятие Мадрида и расчетами на слабость Франции Германия заняла сразу вполне непримиримую точку зрения в отношении нашего шага по вопросу о невмешательстве**. Германия не намерена отступать от линии, занятой ею по испанскому вопросу. Можно не сомневаться, что гитлеровцы будут саботировать всякие обращения и даже решения комиссии по контролю, если такие решения вообще состоятся. Наша открытая помощь мадридскому правительству может вызвать не только усиление германской помощи мятежникам, но не исключает при известных условиях и возможность открытого столкновения между немцами и нами. Очевидно, немцы рассчитывают, что в этом вопросе они сумеют идти нога в ногу с Италией. Само собой разумеется, что ход дальнейшей борьбы вокруг Испании и нашего выступления в Лондоне тесно связан с общей проблемой коллективной безопасности и сотрудничества между европейскими странами перед лицом германской военной опасности. До сих пор германские успехи определялись исключительно беспомощной политикой как Англии, так и Франции. В настоящий момент больше, чем когда бы то ни было, сила Германии заключается исключительно в слабости фронта мира. Возможно, что наше решительное выступление по испанскому вопросу будет иметь оздоровляющее влияние и поведет хотя бы к некоторой консолидации факторов, противодействующих фашизму. Если такая хотя бы некоторая консолидация удалась, то немцев можно

* См. газ. «Известия», 18 октября 1936 г.

** См. док. № 296.

было бы вынудить к отступлению, ибо германская хозяйственная и даже военная мощь сильно подрывается хозяйственными и общими внутривластическими затруднениями.

Надо подчеркнуть со всей определенностью, что фашистский режим испытывает сейчас такие затруднения, с какими он за последние два года своего существования не сталкивался. За последний месяц вполне подтвердилось в свое время высказанное предположение, что антисоветская истерика в Нюрнберге и весь характер нюрнбергского конгресса в значительной степени объясняется внутренней слабостью. Продовольственное положение быстро ухудшается, с промышленным сырьем создается почти катастрофическое положение.

Валютное соглашение, явившееся сильным ударом по Германии, поставило под вопрос судьбу марки и создало дополнительные затруднения для германской внешней торговли. В партийных кругах, несомненно, наблюдается растущее недовольство, в широких слоях населения популярность режима значительно упала. При такой ситуации всякий германский внешнеполитический шаг должен расцениваться как новая попытка блефа, между тем как серьезный отпор германским выступлениям может значительно ослабить и без того тяжелое положение фашистского режима.

С коммунистическим приветом

Я. Суриц

Печат. по арх.

306. Сообщение советской печати о радиограмме Министра Иностранных Дел Испании дель Вайо Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

12 октября 1936 г.

10 октября начала функционировать прямая радиотелеграфная связь между Москвой и Мадридом. По этому случаю испанский министр иностранных дел отправил народному комиссару по иностранным делам следующую радиограмму:

«Пользуюсь представившейся нашей стране возможностью прямого сообщения с Москвой, чтобы выразить глубокую благодарность правительства республики за оказанную испанскому народу посылкой продовольствия великодушную помощь советского народа, действующего в полном единении с его правительством.

Это — помощь, которой никогда не забудет наш народ, связанный с СССР чувством взаимной дружбы и одинаковым стремлением служить делу мира».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 238 (5095), 12 октября 1936 г.*

307. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Председателю Совета Министров Испании Кабальеро

13 октября 1936 г.

От имени правительства и трудящихся Союза Советских Социалистических Республик благодарю Вас за теплое приветствие и пользуюсь случаем передать революционному правительству и героическому народу дружественной Испанской республики наши самые сердечные пожелания успехов в их борьбе за свободу и права народа.

Председатель
Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. Калинин

*Печат. по газ. «Известия»
№ 289 (6696), 14 октября 1936 г.*

В приветственной телеграмме Кабальеро от 13 октября 1936 г. говорится:

«От имени правительства Испанской республики, рабочих и демократических организаций, защищающих конституционную легальность против вооруженного фашизма, сердечно приветствую Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и рабочие организации вашей страны».

308. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Вены

13 октября 1936 г.

Передайте в Лондон: мексиканский посол в Англии Басольс сказал мне в Женеве, что он еще не получил ответа и просил связать его с Вами и дать Вам инструкции. Речь идет о сделанном ему мной предложении о возобновлении отношений. В случае положительного ответа надо обменяться идентичными нотами о том, что дипломатические отношения между обоими государствами считаются восстановленными и что предстоит обмен дипломатическими миссиями*.

Литвинов

Печат. по арх.

309. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому

13 октября 1936 г.

Многоуважаемый Михаил Семенович,

1. Мы регулярно передавали Вам все телеграммы Максима Максимовича [Литвинова], в которых были какие-либо упоминания о Румынии. Таким образом, Вы в курсе всех женевских

* См. док. № 267.

разговоров о Румынии. В Женеве, так же как и в разговорах с Вами в Бухаресте *, румыны подчеркивали, что с уходом Титулеску позиция Румынии по отношению к СССР не изменится. Максим Максимович, так же как и Вы, давал понять, что об изменении или неизменении политики мы будем судить не по обещаниям и словам, а по делам. На меня, между прочим, произвело неблагоприятное впечатление заявление Антонеску Литвинову, что вряд ли он, Антонеску, найдет в производстве МИД материалы, относящиеся к переговорам Титулеску с Литвиновым о пакте **. Об этих переговорах Титулеску докладывал королю, об этих переговорах, как Вы знаете, хорошо информирован Татареску; руководящим людям Румынии (королю, Татареску и Инкулецу), конечно, известны все детали переговоров, в том числе и то, что, вернувшись во второй половине июля из Бухареста в Монтрё, Титулеску заявил Литвинову, что вопрос о Бессарабии не будет больше служить препятствием к заключению пакта. Трудно представить себе, чтобы, направляя Антонеску в Женеву и поручая ему вести с т. Литвиновым успокоительные разговоры, ни король, ни Татареску не сказали ему ничего о пактовых переговорах. Поэтому я делаю из слов Антонеску тот вывод, что в настоящий момент румыны не хотят возобновлять этих переговоров, не хотят связывать себя в отношении нас, а предпочитают иметь полностью свободные руки.

Мы со своей стороны в этих переговорах инициативы проявлять не будем. Держитесь этой позиции и Вы.

2. Несмотря на заверения Антонеску, что внешнеполитическая ориентация Румынии остается без всяких изменений, можно констатировать ряд симптомов, говорящих об изменении этой ориентации. К этим симптомам относится в первую очередь заключение торгового соглашения с Германией ¹⁹⁰. Правда, это соглашение носит чисто экономический характер, но пока был Титулеску, ему удавалось не допускать даже и таких чисто коммерческих соглашений. Он понимал, что широкое развитие торговли с Германией неизбежно облегчит Германии приобретение руководящего политического влияния в Румынии. Этого не может не понимать и нынешнее правительство, и тот факт, что они заключили торговое соглашение, говорит о готовности к широко идущему сближению с Германией. Вторым таким симптомом является подчеркнутое улучшение отношений с Польшей. Во времена Титулеску румыно-польский союз фактически не функционировал. Происходило это по инициативе Румынии и являлось ответом на сближение Польши с Германией. Сейчас же между Румынией и

* См. док. № 279.

** См. также док. № 288.

Польшей опять началась дружба. Наконец, третьим симптомом является улучшение отношений с Италией. При Титулеску итало-румынские отношения стали в последнее время достаточно холодными. Причина этому была та же, что и в отношении Польши — сближение Италии с Германией. Титулеску как верный сторонник франкофильской политики и враг Германии не мог сохранить неизменными отношения Румынии с Италией, когда Италия вступила в некоторый конфликт с Францией и пошла на сближение с Германией. Сейчас же, по имеющимся у нас данным, Румыния стремится улучшить отношения с Италией, о чем прямо ей заявляет. Думаю, что Вы в Бухаресте не можете этого не заметить.

Конечно, у румынского правительства нет желания и решения ухудшить отношения с нами. Но оно сближается с нашими врагами, а это объективно не может не привести к тому, что через некоторое время позиция Румынии по отношению к нам начнет меняться.

3. О наших отношениях с другими странами я Вам не пишу, потому что думаю, что возвращающийся послезавтра Максим Максимович сделает это в своих первых письмах полпредам и направит Вам копии этих писем.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

310. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Самин

13 октября 1936 г.

Я сообщил Самин, что нами передана министерству нота с изложением обстоятельств убийства красноармейца Коваленко и наших требований, связанных с этим делом¹⁸¹. Я указал Самин, что имеем дело с чрезвычайно тяжким случаем, который требует самого срочного разрешения.

Самин, выслушав мое изложение всей истории конфликта, заявил, что информация, полученная министерством, совершенно расходится с советской информацией. Во-первых, весь конфликт произошел на иранской территории, на другой стороне реки. Во-вторых, красноармеец Коваленко был убит во время перестрелки. В-третьих, тело убитого красноармейца не было выдано и похоронено на иранской территории только потому, что советский погранкомиссар не явился за получением тела.

Я вновь подтвердил правильность нашей информации и заявил, что не подлежит никакому сомнению, что иранские пограничники, виновные в изъятиях и в убийстве нашего

пограничника, виновные в нарушении советской границы и территории, сейчас пытаются лживой информацией освободить себя от надлежащей ответственности. Особенно очевидны лживость и преднамеренность информации иранских пограничных органов из того факта, что они пытаются невыдачу тела красноармейца и похороны его на иранской территории объяснить неявкой советского погранкомиссара за телом. Между тем советский погранкомиссар непрерывно требовал выдачи ему тела красноармейца; тело красноармейца было даже предъявлено советскому погранкомиссару в присутствии иранского погранкомиссара и было подвергнуто медицинскому осмотру, но в дальнейшем все попытки советского комиссара получить тело были категорически отклонены иранской стороной. Не подлежит сомнению, что иранские пограничники стремятся скрыть следы своих преступных действий, особенно после того, как медицинский осмотр, произведенный в присутствии обоих погранкомиссаров, позволил выяснить картину убийства красноармейца.

Самин не настаивал более на иранской версии конфликта и заявил, что он примет меры к расследованию этого случая.

Я вновь настойчиво потребовал у Самин, чтобы было дано телеграфное распоряжение о немедленной выдаче тела красноармейца, хотя бы для этого пришлось открыть могилу, и чтобы были реализованы прочие требования, изложенные в нашей ноте.

Самин уклонился от прямого ответа на мое заявление, сказав, что он сделает все необходимое.

Самин затем сообщил мне, что проработка вопросов границы уже закончена и он рассчитывает, как только шах вернется из поездки, сделать доклад на правительстве. После получения надлежащих инструкций он, Самин, сможет возобновить переговоры по соглашению о границе.

Что же касается соглашения о пограничных комиссарах и о режиме в пограничной полосе, то у него лично осталось несколько вопросов, которые он хотел бы уже разрешить непосредственно со мной, так как он считает, что вся подготовительная работа, в которой принимали участие Амин-заде и Америк *, сейчас закончена.

Я ответил, что в течение последнего времени все вопросы этих двух пограничных соглашений были разрешены между сторонами и работа шла только над уточнением редакции французского текста, причем и эта работа уже закончена и сейчас согласовано буквально каждое слово. Поэтому я не

* Соответственно директор политического департамента и ответственный сотрудник МИД Ирана.

понимаю, какого рода вопросы должны быть обсуждены между Самин и мной.

Самин ответил, что таких вопросов несколько и он надеется на днях мне сообщить, может быть в присутствии Сохейли, все относящиеся к этому свои соображения. В качестве примера он может назвать три таких вопроса. Неясно, например, что в соглашении должно подразумеваться под контрабандой. Если речь идет о том, что каждой стороне предоставляется квалифицировать контрабанду согласно ее внутренним законам, то тогда этот вопрос не вызывает никаких затруднений. Но вряд ли возможно понимать под контрабандой все, что закон другой страны считает контрабандой, ибо для этого пришлось бы пересматривать соответствующие законы в обеих странах.

На мое замечание, что под контрабандой нужно подразумевать передвижение через границу товаров или ценностей помимо таможи и без прохождения таможенных формальностей, Самин ответил, что, во-первых, невозможно будет требовать от всех представления документов о том, что все их вещи прошли необходимым формальным порядком через таможенные учреждения другой страны. Таких удостоверений таможня не выдает. Во-вторых, он просит учесть такой пример: кто-либо, переходя через советскую таможню, однако, провозит с собой червонцы. Червонцы запрещены к вывозу из Советского Союза, но они не запрещены к ввозу в Иран. Можно ли требовать от иранских властей, чтобы они, скажем, конфисковывали червонцы в этом случае и привлекали к той или иной ответственности лицо, их вывезшее.

Далее Самин имеет в виду коснуться в предстоящих переговорах вопроса о высылке из пограничной зоны эмигрантов. Самин понимает, что присутствие эмигрантов в пограничной зоне крайне нежелательно, что оно создает разнообразные конфликты. Поэтому он в принципиальном отношении понимает необходимость выселения эмигрантов из пограничной полосы. Но, с другой стороны, он просит учесть, что речь идет о людях, уже много лет живущих в пограничной зоне, построивших там себе дома, имеющих участок земли. Изгнать их из пограничной зоны — это значит разорить их. Кроме того, перед иранским правительством станет проблема устройства большого количества людей, может быть даже десятка тысяч, в других районах Ирана, т. е. нужно будет позаботиться о постройке для этих людей жилищ, об отводе им земли, об оказании им материальной помощи и т. д. Самин не имеет сейчас какого-нибудь конкретного предложения, но он считает, что в этом вопросе должен быть найден какой-то компромисс, и он просит нас подумать и облегчить решение проблемы.

В качестве третьего примера Самин остановился на вопросе о том, правильно ли, что правительство обязано выдавать

материальные возмещения в случаях убытков, нанесенных угонем скота и т. п. По мнению Самини, текст соглашения о пограничных комиссарах так составлен, что его можно толковать в указанном смысле. Самини считает, что правительство не должно нести материальной ответственности за действия тех или других лиц, которые на границе будут причинять убытки жителям другой страны.

Я указал Самини, что вопрос об эмигрантах имеет значение как для пограничной конвенции, так и вообще для вопроса об установлении мира и порядка на границе. Эмигранты являются основным источником пограничных конфликтов, что и понятно ввиду их отношения к тому государству, откуда они эмигрировали. Эмигранты систематически переходят границу, они производят постоянные нападения и набеги, угоняют скот и наносят всякого рода другие ущербы. Если мы не разрешим правильно вопроса о выселении эмигрантов из пограничной полосы, то тем самым в значительной степени сведем на нет всю нашу работу над приведением границы в порядок.

Наша дискуссия на поставленную Самини тему закончилась заявлением Самини, что он высказал только некоторые предварительные замечания по интересующим его вопросам и намерен вернуться к ним через несколько дней.

На мой вопрос, когда же кончится изучение «Кезир-Хуриана» * и мы начнем переговоры, Самини ответил, что на днях с ним на эту тему говорил министр финансов и он думает, что в ближайшие дни можно было бы устроить специальное совещание, чтобы ознакомиться с нашими предложениями.

Я ответил, что, прежде чем созывать совещание и заслушивать наши предложения, необходимо, чтобы иранское правительство ответило на мою ноту **, посланную уже два месяца тому назад, и сообщило, что оно начинает переговоры по «Кезир-Хуриану» и назначает своих делегатов. После этого можно будет приступить к обсуждению наших предложений.

Самини ответил, что он не возражает и против такого порядка и в ближайшие дни рассчитывает прислать ту ноту, о которой я говорю.

Затем Самини спросил меня о том, как идут переговоры о ветеринарном протоколе.

Я ответил, что ввиду отсутствия Бейята переговоры пока задержались. Бейят через несколько дней вернется, и тогда можно будет продискутировать с ним оставшиеся спорные вопросы ***.

На мой вопрос, можно ли в ближайшем будущем ожидать подписания ближневосточного пакта, Самини ответил, что име-

* См. док. № 19.

** См. док. № 290.

*** Эти переговоры были продолжены в 1937 г.

ется предположение подписать ближневосточный пакт в марте 1937 г.^{*}, но иранское правительство поставило в известность всех остальных участников пакта, что оно подпишет пакт в марте месяце только в том случае, если до этого времени пограничные разногласия между Ираком и Ираном будут ликвидированы. Положение же сейчас таково, что Ирак до сих пор не ответил на ноту Ирана, содержащую его последние предложения. Хотя иранское правительство надеется, что за остающееся до марта месяца время между Ираном и Ираком будет достигнуто соглашение, тем более что Иран выступает сейчас с самыми скромными требованиями, тем не менее какой-либо уверенности в этом нет. Если соглашение не состоится, то пакт не будет подписан и Иран обратится вновь к посредничеству Лиги наций. Самин подтвердил, что подписание пакта, ежели оно состоится, намечено в Тегеране.

Одновременно Самин обратился ко мне с просьбой передать в Москву следующее заявление иранского правительства: на последней сессии Лиги наций происходили выборы в Совет Лиги наций представителя от Западной Азии. Было заявлено, что на этот раз турецкий делегат займет это место. Но через восемь — девять месяцев будут происходить новые выборы, и иранское правительство хотело бы выставить кандидатуру своего представителя на это место. Иранское правительство ведет соответствующие переговоры с Турцией, Афганистаном и Ираком, и оно обращается к Советскому правительству с просьбой поддержать иранского делегата в этом вопросе, когда это понадобится.

Я ответил, что сделанное мне сообщение передам в Москву¹⁸².

На мой вопрос, когда ожидается в Тегеране афганский военный министр, Самин ответил, что он сам не знает, где сейчас министр находится и какие у него дальнейшие планы. Так как премьер-министр Афганистана уезжает за границу, то военный министр сейчас должен торопиться в Кабул.

Что касается турецкой экономической делегации, то, по словам Самин, она ожидается в Тегеране в ближайшие дни.

Дальнейшие наши разговоры перешли на вопросы последней сессии Лиги наций. Самин выразил удовлетворение по поводу решения, которое было принято на сессии по вопросу об Абиссинии (о допуске ее делегации). Затем большой разговор был об Испании. Самин развивал такой взгляд, что, во-первых, речь идет, если рассматривать испанский вопрос с точки зрения международных взаимоотношений, о борьбе между демократиями и диктатурами. С другой стороны, он высказывал

^{*} Ближневосточный пакт четырех держав (Афганистан, Ирак, Иран и Турция) был подписан 8 июля 1937 г.; см. сб. «League of Nations Treaty Series», vol. CXC, Geneva, 1938, pp. 21—27.

ся в таком духе, что, мол, имеется разногласие между большими державами и каждая из них стремится укрепить свои позиции. В-третьих, он заявил, что собственно, пожалуй, не доказано нарушение Германией и Италией соглашения о невмешательстве, и, в-четвертых, спрашивал, не имеет ли место военная помощь испанскому правительству со стороны Советского Союза (ссылаясь на соответствующие выступления итальянских и германских представителей).

В происшедшей дискуссии я объяснил Самми нашу позицию в испанских делах, рядом примеров показал, что итальянские, германские и португальские опровержения носят смехотворный характер, а что обвинение Советского Союза во вмешательстве носит просто характер инсинуации, указал, что хотя законное испанское правительство с точки зрения международных норм имеет право требовать иного отношения к себе, чем мятежники, но Советский Союз, ввиду обращения к нам некоторой державы и в целях избежания осложнений в международных отношениях, согласился на себя взять такое обязательство о невмешательстве, которое запрещает поставку вооружения и законному испанскому правительству. Но практикой Германии, Италии и Португалии соглашение о невмешательстве превращено в блокаду законного испанского правительства и в прикрытые вмешательства трех держав в пользу мятежников. Я подчеркнул, что со стороны Италии и Германии мы имеем дело с политикой подготовки войны, напомнил министру, что еще недавно в отношении Ирана некоторыми державами проводилась аналогичная политика поддержки мятежных окраинных племен против центрального правительства для того, чтобы подчинить Иран своему политическому влиянию, указал также, что Иран должен быть заинтересован в сохранении мира и, стало быть, должен иметь всегда ясную позицию в отношении понимания того, какие государства в Европе защищают мир и какие, наоборот, готовят войну.

Самми в конце концов должен был согласиться с тем, что нарушение соглашения о невмешательстве Италии и Германии не подлежит сомнению; должен был он также согласиться с тем, что абсолютно не доказано нарушение Советским Союзом обязательства о невмешательстве; он констатировал также разделение Европы на государства, готовящие войну, и государства, защищающие мир; заявил, что Иран со всех точек зрения может быть только в числе государств, защищающих мир. Он сам напомнил, что Италия и Германия в течение долгого времени вообще не хотели подписывать соглашения о невмешательстве, тем самым доказывая, что они хотят вмешиваться в испанские дела. Он согласился с тем, что нарушение Италией и Германией подписанного ими соглашения корни свои имеет в позорной истории с Абиссинией и в других

аналогичных фактах, которые позволяют агрессивным государствам заранее относиться без всякого уважения ко всяким под-
писываемым ими международным обязательствам. Но вместе с тем я чувствовал, что его симпатии в испанских событиях на стороне мятежников, а не правительства Народного фронта. Это вполне отвечает тем выступлениям здешней прессы, которые, хотя в небольшом количестве, имели здесь место. Эти выступления без всяких колебаний относили симпатии Ирана к мятежникам как представителям монархического начала.

А. Черных

Печат. по арх.

311. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
14 октября 1936 г.*

Сегодня я посетил в сопровождении Кагана лорда Плимута и, сославшись на письмо Кагана от 12 октября*, спросил, когда будет назначено заседание Комитета. В ответ Плимут заявил, что консультировался по вопросу, поднятому в этом письме, со своим начальством (английским) и может сообщить, что впредь до получения ответа от Португалии, Германии и Италии на посланные ранее Комитетом запросы по поводу нарушения невмешательства созыв Комитета не является целесообразным.

На мой дальнейший вопрос, когда примерно Плимут ожидает ответа названных стран, он пожал плечами и сказал, что не знает, но во всяком случае не в ближайшие дни. Тут же Плимут передал мне свой письменный ответ на письмо Кагана от 12-го, содержащее по существу то же, что я только что слышал от него устно. Текст письма послан вам телеграммой**. Я и Каган решительно возражали против этой тактики оттягивания и указали на полную ненормальность такого положения, когда Советскому правительству отказывают в обсуждении его практических предложений по вопросу величайшей срочности. Плимут, однако, ссылаясь на решение более высокой инстанции, еще раз повторил о невозможности созыва Комитета в настоящий момент.

Я заявил, что передам ответ Плимута Советскому правительству, но уже сейчас могу ему со всей определенностью сказать, что считаем этот ответ неудовлетворительным¹⁸³. Мое общее впечатление сводится к тому, что британское правительство ожидает скорого падения Мадрида и окончательной

* В тексте ошибочно — 11 октября; см. док. № 303.

** См. стр. 471.

победы Франко, а впредь до того играет в оттяжку. Однако маневрируют они не совсем ловко: если бы они наше предложение отвергли Комитетом, ответственность за это легла бы на 26 государств, а сейчас весь одним берет на себя британское правительство.

Срочно сообщите дальнейшие директивы ¹⁸⁴.

Полпред

Печат. по арх.

312. Телеграмма И. В. Сталина Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Испании Диасу

15 октября 1936 г.

Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества.

Братский привет

И. Сталин

*Печат. по газ. «Известия»
№ 241 (5098), 16 октября 1936 г.*

Эта телеграмма явилась ответом на телеграмму Диаса в адрес ЦК ВКП(б) от 15 октября 1936 г., в которой говорилось:

«От имени испанского народа, тесно сблизившегося с отечеством социализма, Центральный Комитет Коммунистической партии Испании, члены которой сражаются в первых рядах против мятежных генералов и фашистов, поддерживаемых международным фашизмом, приветствует Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза».

Далее в телеграмме указывалось: «Испанский народ в суровой борьбе, которая длится до сих пор, чувствует себя подкрепленным солидарностью народов СССР и обещает не прекращать ни на минуту борьбы до того, пока не добьет фашизма в нашей стране, нанеся тем самым жестокий удар международному фашизму».

Наш народ, жертвующий своей жизнью в борьбе против фашизма, хочет, чтобы вы знали, что ваша братская помощь подняла его энтузиазм, дала новую энергию бойцам и укрепила его веру в победу».

313. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
15 октября 1936 г.*

Британское правительство явно раздражено против нас в связи с нашими последними выступлениями* по испанским делам, но пока не хочет открыто нас атаковать.

* См. док. № 296, 303.

В речи, произнесенной 14 октября в Шеффилде, Иден, не называя СССР, полемизировал (в тактичной форме) с нашей позицией и заявил, что британское правительство при всяких условиях будет продолжать свою политику «невмешательства». Пресса, следуя указаниям британского правительства, старается также не слишком раздувать вопрос.

Наша нота от 12 октября напечатана во всех газетах, но по большей части без особых комментариев. Только «Дейли телеграф» касается ее в общей передовице об испанских делах и резко возражает против блокады Португалии. Та же газета сообщает, будто на вчерашнем заседании кабинета раздавались голоса, что шансы Локарно быстро падают и что СССР несет за это главную ответственность.

Испанский посол Аскарате, который был сегодня у меня, завтра вручает королю верительные грамоты — очевидно, британское правительство не так уверено в близости победы Франко. Эттли, которого я видел сегодня, относится положительно к нашей акции и заверял меня, что лейбористское движение будет давить на британское правительство в интересах Испанской республики. Другие лейбористские лидеры (Моррисон, Хикс и т. д.) также сочувствуют нашим требованиям контроля португальских портов, но вносят некоторые практические поправки (например, чтобы блокада осуществлялась не только флотами Англии и Франции, а флотами всех участвующих в Комитете держав). Либералы и люди из «Союза друзей Лиги наций» одобряют позицию Советского правительства. Однако пока еще трудно сказать, как велика будет активность лейбористов и либералов в поддержке нашей позиции.

Полпред

Печат. по арх.

314. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину

16 октября 1936 г.

Если у Вас есть удобный случай встретиться с Блюмом, то разъясните ему, что мы не можем индифферентно относиться к тому, как Лондонский комитет, прячась за процедурные мотивы, фактически попустительствует дальнейшему наступлению повстанцев благодаря непрерывно получаемой военной помощи извне, и что мы не можем нести ответственность за последствия, чем и объясняются наши последние заявления Комитету*. Цель Вашего разговора показать, что мы

* См. док. № 296, 303.

не игнорируем французское правительство и, в частности, лично Блюма¹⁸⁵.

Литвинов

Печат. по арх.

315. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Арита *

16 октября 1936 г.

Я (с т. Родовым) у г. Арита.

В самом начале беседы Арита, как бы извиняясь за недоразумение в связи со сроком, на который установлена рыболовная конвенция, спросил, был ли у меня Касэ и все ли улажено¹⁸⁶.

Я ответил, что был и что, разумеется, подобного характера недоразумения, когда речь идет о цифрах, фигурирующих в разных местах соглашения, вполне возможны. Я постарался проявить максимальную бережность в отношении чувствовавшего себя весьма плохо Арита. Вслед за этим я сделал ниже следующее заявление.

Так как наши беседы от 25 и 26 ** августа¹⁸⁵ не внесли полной ясности в обсуждаемые нами вопросы, в особенности ввиду ответа японского правительства 28 сентября¹⁸⁷ через г. Сако Козловскому на наше предложение от 3 сентября о совместном расследовании инцидента от 26 августа*** (район Дуннина), то мое правительство считает необходимым до того, как гг. Райвид и Того начнут переговоры по нашему и японскому проектам⁸³, внести окончательную ясность по следующим пунктам:

«1. Комиссия по урегулированию конфликтов на восточном участке границы должна быть создана одновременно с комиссией по редемаркации на том же участке. Обе комиссии начинают свою работу немедленно после подписания соглашения. Это означает, что если в каком-либо пункте границы возникнет инцидент до того, как на этом участке закончена редемаркация, то этот конфликт должен быть разрешен в конфликтной комиссии немедленно и не дожидаясь окончания работ по редемаркации.

2. В соответствии с выдвигавшимся нами ранее условием мы предлагаем при подписании соглашения о конфликтной комиссии на восточном участке границы установить особым протоколом, что аналогичные комиссии должны быть учреж-

* Из дневника К. К. Юренева за период с 25 сентября по 12 ноября 1936 г.

** В тексте ошибочно — 28 августа.

*** См. газ. «Известия», 28 августа. 4 сентября 1936 г.

дены через два месяца после этого также и для всех других участков границы.

Мы не утверждали и не утверждаем, что японское правительство приняло какие-либо конкретные обязательства по вопросу учреждения конфликтных комиссий на других участках границы. Однако при всех переговорах оно само всегда подчеркивало, что учреждение конфликтной комиссии на восточном участке границы является лишь первым шагом. Мы не понимаем, почему нужно откладывать на неопределенные долгие сроки дальнейшие шаги по умиротворению советско-маньчжурской границы. Не видим также основания для выработки особых статуты для конфликтных комиссий на других ее участках, ибо несомненно, что права и обязанности таких комиссий не могут не быть одинаковыми на всех участках. Поскольку г. министр еще 4 мая 1936 г. в переговорах со мной первый предложил нам создание конфликтных комиссий на всех участках границы*, мы рассчитываем, что он согласится с нами.

3. В соответствии с заявлением, сделанным г. Сако 28 сентября г. Козловскому, мы не возражаем против того, чтобы поручить постоянной конфликтной комиссии рассмотреть все прошлые конфликты. Однако мы настаиваем на том, чтобы из прошлых конфликтов в первую очередь был рассмотрен конфликт 30 января с. г.**, поскольку по этому вопросу еще 21 февраля между зам. народного комиссара по иностранным делам г. Стомоняковым и послом Японии г. Ота было достигнуто полное соглашение на основе предложения японского правительства от 14 февраля***.

4. Мы оставляем за собой право вновь поставить перед японским правительством вопрос о создании монголо-маньчжурских комиссий о пограничных конфликтах и о редемаркации границы, если начинающиеся теперь переговоры**** не приведут к положительным результатам.

5. Еще 16 марта г. Ота сообщил г. Стомонякову о принятии японским правительством выдвинутых нами в виде условий для начала редемаркации требований обеспечения спокойствия на границе*****. Аналогичное заявление сделал г. министр лично мне 27 апреля***** и в последующих переговорах. Мы понимали эти заявления таким образом, что японское правительство дало или собирается дать японским властям

* См. т. XVIII, прим. 156.

** См. док. № 31.

*** См. газ. «Известия», 15, 23 февраля 1936 г.

**** См. газ. «Известия», 2 сентября 1936 г.

***** См. газ. «Известия», 17 марта 1936 г.

***** См. док. № 140.

строгий приказ о соблюдении существующих границ между Маньчжоу-Го и СССР в соответствии со ст. VII Пекинского соглашения и ст. III Мукденского соглашения *. Однако переданное г. Сако 28 сентября заявление японского правительства о бесплодности расследования нарушений границы впредь до производства редемаркации находится по существу в явном противоречии как с указанными заявлениями гг. Ота и Арита, так и с упомянутыми статьями Пекинского и Мукденского соглашений. Эта последняя позиция японского правительства, если бы она была проведена в жизнь, не только сделала бы невозможным обеспечение мира и спокойствия на границе, но и явилась бы источником новых опасных конфликтов, ибо связала бы руки безответственным элементам в их попытках нарушать существующие границы под предлогом того, что они якобы еще не установлены. Заявление японского правительства от 28 сентября тем более непонятно, что оно 14 февраля предложило создать смешанную комиссию для расследования инцидента 30 января и при этом не выдвигало требования, чтобы предварительно граница подвергалась редемаркации.

Во избежание какой бы то ни было недоговоренности Советское правительство считает необходимым еще раз заявить со всей ясностью и категоричностью, что только при условии соблюдения существующей границы, как это предусмотрено договорами, может быть обеспечено спокойствие, являющееся непременным условием нашего согласия на редемаркацию. Отказ от этого условия со стороны японского правительства явился бы, таким образом, отказом от состоявшейся договоренности о создании комиссий по редемаркации.

Мы считаем, наконец, само собой разумеющимся, что во всех смешанных советско-японо-маньчжурских комиссиях японцы и маньчжуры являются одной стороной, в то время как СССР является другой стороной. Это положение до сих пор не встречало возражений со стороны японского правительства, и мы надеемся, что не вызовет возражений и теперь. Если г. министр согласен с выдвинутыми нами положениями, мы не возражаем против немедленного начала переговоров между гг. Райнхольдом и Того. При этом, поскольку наши проекты составлены применительно к японским проектам, по каждой статье могли бы обсуждаться одновременно предложения той и другой стороны, и таким образом отпал бы вопрос о том, чтобы в основу обсуждения класть проекты только одной стороны.

В заключение я должен подчеркнуть, что наше возвращение к прежде выдвинутым условиям приступа к переговорам

* См. т. VII, док. № 156, 222.

продиктовано лишь желанием облегчить таковые и поскорее добиться действительного умиротворения границы. Я особо подчеркиваю, что два новых имевших место 11 октября случая нарушения японскими войсками границы * являются новым подтверждением опасности для мира той позиции, которую заняло японское правительство в заявлении г. Сако от 28 сентября, и необходимости скорее организовать комиссию для разбора всех инцидентов».

Перевод моего заявления и считка его с японской записью, сделанной Ямагути **, заняли два часа. Арита спешил приготовиться к обеду у румынского посланника (то же предстояло сделать и мне.— К. Ю.), поэтому заявил, что сейчас он не может мне ничего ответить, вызовет меня на этот предмет на будущей неделе ¹⁸⁸.

В то время когда т. Родов и г. Ямагути согласовывали мое заявление, мы обменивались «шепотом» с Арита разными замечаниями.

Арита сказал мне, между прочим, что, насколько он понял мое сегодняшнее заявление, мы выдвигаем слишком много требований, ввиду этого переговоры Райвида с Того, видимо, затянутся на полгода.

Арита, между прочим, подчеркнул, что он не мыслит создания конфликтных комиссий на северной части границы без создания на том же участке комиссии по редемаркации.

Как известно читателям моих дневников, Арита высказывался подобным же образом и во время предшествующих встреч. Я спросил, должен ли я понимать сказанное им как предложение нам с японской стороны; Арита ответил, что это именно так. В связи с этим должен отметить, что его заявление я не могу считать официальным ввиду особых условий разговора, носившего скорее частный характер.

Между прочим, Арита сообщил мне, что Сигемцу *** вероятнее всего выедет 5 ноября по маршруту Владивосток — Москва.

П. С. Я вручил Арита русский текст наших проектов соглашений о конфликтной комиссии и комиссии по редемаркации, пообещав вскоре прислать министру английские переводы наших проектов.

К. Юрнев

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 14 октября 1936 г.

** Чиновник МИД Японии.

*** Вновь назначенный посол Японии в СССР.

316. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Финляндии Кивикоски

16 октября 1936 г.

Получив телеграфное указание Наркоминдела¹⁶⁹, я посетил Кивикоски, которому заявил устный протест в связи с убийством нашего пограничника командира отделения Спирина. Оставил за собой право вернуться к этому вопросу по окончании расследования.

Я указал Кивикоски, что совершавший обход границы Спирин 7 октября в 12 час. 00 мин. был тяжело ранен выстрелом с финляндской стороны. Этот случай имел место на Карельском перешейке в районе пограничного столба 162. Через некоторое время Спирин скончался. Перед своим концом он указал, что лица, стрелявшие в него с финской стороны, были в военной одежде установленного в Финляндии образца. Прибывшим в тот же день к месту убийства комиссаром был составлен акт о том, а) что Спирин был ранен и скончался от выстрела с финляндской территории, б) что комиссар финляндской стороны принял протест советского комиссара, выразил соболезнование и готовность произвести расследование для выявления и предания суду виновных. Далее я указал, что с советской стороны дано согласие на совместное расследование описанного случая на границе.

Кивикоски указал, что у МИД имеются сведения об этом деле, что туда на границу посланы финляндские офицеры, которые ведут расследование.

Я указал на то, сколь неблагоприятное впечатление производят подобные допускаемые с финской стороны инциденты у нас. Между прочим, я напомнил Кивикоски, что в конце февраля и начале марта я несколько раз говорил с Паюлой* на тему о некорректном поведении финляндских пограничников в связи с действиями ныне снятого по нашему требованию финляндского погранкомиссара Шредера. Я напомнил, что в рассматривавшихся тогда протоколах было перечислено большое количество случаев стрельбы по советской территории со стороны Финляндии. Очевидно, хотя Шредер и был снят, финляндские власти на местах не принимают мер к тому, чтобы навести порядок на границе. Систематически практиковавшаяся стрельба привела к имеющимся теперь результатам. Этот инцидент нельзя также не поставить в связь с систематически ведущейся в Финляндии антисоветской кампанией и воспитанием населения в агрессивном к СССР духе.

* Директор политического департамента МИД Финляндии.

По разъяснениям Кивикоски, его замешательству и т. д. чувствовалось, что финны весьма обеспокоены этим происшествием*.

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

317. Сообщение Временного Поверенного в Делах СССР в Венгрии о беседе с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Ариоти**

16 октября 1936 г.

Юнгерт в беседе со мной с сожалением констатировал рост антисоветских настроений среди венгерской общественности. Этот рост отчужденности между СССР и Венгрией Юнгерт объясняет, конечно, не «большевистской опасностью», а нашей поддержкой Малой Антанты, в первую очередь Чехословакии. Всякий венгр, говорит Юнгерт, понимает, что за Чехословакию стоит мощный СССР, который гарантирует ее безопасность и интегральную целостность ее территории. Юнгерт констатирует также рост германофильских настроений. Обыватель теперь возлагает все свои ревизионистские надежды на Германию. Юнгерт вскользь бросил фразу: «Пожалуй, теперь уже поздно взять другую ориентацию; но если бы Венгрия могла рассчитывать на Союз в осуществлении своих национальных aspirations, то вся эта стрекотия о большевистской опасности моментально испарилась бы».

Юнгерт старался преуменьшить значение антисоветского митинга от 1 октября***; по его мнению, так называемая христианско-социальная оппозиция и смежная с ними пфейлькрейцлеровская организация метили, собственно говоря, не в СССР, а в Козму****. Юнгерт считает агитацию за разрыв сношений детской забавой, не встречающей сочувствия в каких бы то ни было серьезных политических кругах. Тут он мне передал свой разговор с г. Литвиновым по поводу мартовской антисоветской кампании этого года в связи с раскрытием коммунистической организации. Он указал Максиму Максимовичу, что о разрыве болтают безответственные лица в безымянных газетах.

Я ответил Юнгерту, что не думаю, чтобы кто-нибудь даже в безымянной статье в «Вечерней Москве» требовал разрыва

* См. док. № 325.

** Из письма С. М. Мирного в НКВД СССР от 16 октября 1936 г.; беседа состоялась 2 октября.

*** См. док. № 291.

**** Министр внутренних дел Венгрии.

отношений с Венгрией, но мне твердо помнится, что передовая статья о разрыве отношений с СССР была напечатана в газете «Эшти курир» и подписана депутатом палаты графом Георгом Аппони, сыном Альберта Аппони.

Внешнеполитическую позицию нового правительства Юнгерт охарактеризовал следующим образом: сохранение курса Гембеша «оси Рим — Берлин»; культивирование дружбы в равной степени с обоими концами оси — Германией и Италией; сохранение свободы рук как в отношении этих обеих стран, так и в отношении держав, находящихся вне сферы влияния этой оси; отказ войти в какие-нибудь соглашения политического порядка, блока и т. п. с Германией и Италией; верность намеченной линии группы трех стран римских протоколов*.

Юнгерт намерен по возвращении в СССР продолжить переговоры о платежном соглашении, вдобавок ему будет послан эксперт Национального банка; переговоры о навигационном соглашении считаются законченными, так как «осталось лишь договориться по некоторым техническим пунктам(!)»²⁸. Из этого можно заключить, что венгры окончательно отказались от мысли получить у нас каботаж и плавание по нашим внутренним водным путям.

Юнгерт намерен обсудить с ВОКС план «культурного взаимодействия». Венгерские культурные и научные круги интересуются искусством, музыкой, языками, художественным, историческим развитием отсталых угро-финских народов Союза — черемисов, вогулов, вотяков и др.; многочисленными материалами о царской интервенции в революцию 1848—49 гг., археологическим изучением мадьярских кочевий на юге СССР и, что самое главное, изучением какой-то фрески на одном соборе в Киеве, где изображен Ярослав Мудрый со своими дочерьми, из которых одна вышла замуж за венгерского короля Андреаса и тем внесла лепту варяжско-славянской крови в династию Арпадов. Мы не то помысли, не то реставрировали эту фреску, и сам Юнгерт обязательно поедет в Киев ее изучать. Он очень долго говорил о венгерском археологе Феттихе, бывшем в СССР в начале этого года. Венгерское министерство народного просвещения командировало его вновь для археологических исследований в Киеве и на Украине.

Учтите в вопросе о Феттихе, что венгерское правительство и научные круги придают очень большое значение его археологическим работам и приглашают, со слов Юнгерта, советских ученых для аналогичных работ в Венгрии. У меня создалось впечатление, что он уезжает с довольно кушыми «директивамп» по «углублению» советско-венгерских отношений.

* См. газ. «Известия», 18, 20 марта 1934 г.

Юнгерт за все время пребывания в Москве репатрировал 45 бывших венгерских военнопленных. Теперь его репатрианты являются нашей самой настойчивой клиентурой по возвращению в СССР.

С. Мирный

Печат. по арх.

318. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром Иностранных Дел Румынии Антонеску

17 октября 1936 г.

Антонеску начал беседу с того, что он расстался с Литвиновым вполне корректно.

Имея три беседы с М. М. [Литвиновым]*, он был очень трогателен искренностью и брутальной откровенностью своего собеседника: «Мы говорили откровенно обо всех проблемах, касающихся обеих стран. По одним вопросам мы договорились полностью, по другим — наполовину, а по иным еще не договорились, но это абсолютно ничего не означает. Важно то, что мы откровенно поговорили и что наши страны будут продолжать поддерживать между собой лучшие отношения».

Антонеску несколько раз упирал на «откровенность» Литвинова, сопоставляя ее с различными прилагательными.

Я поблагодарил Антонеску за сообщение и изложил ему нашу точку зрения на дипломатию. Я сказал Антонеску, что искренность в наших отношениях с иностранными державами является краеугольным камнем нашей внешней политики, поэтому и наша дипломатия имеет то свойство, что она откровенна. Она откровенна, потому что не преследует никаких целей, которые следовало бы скрывать. Она, дипломатия наша, откровенна и потому еще, что скрывать что-нибудь сейчас очень трудно, если не невозможно, в противоположность временам довоенным. Сейчас, не в пример довоенным временам, иностранными делами своей страны интересуются широчайшие народные массы, которые во всех странах решительно стоят за мир и против войны. Моя страна, внешняя политика которой преследует только одну цель — «мир для себя, мир во всем мире», о чем знают широчайшие народные массы мира, не имеет необходимости это скрывать и имеет возможность вести эту политику методами широкой гласности, поэтому мы — за Лигу наций, так как полагаем, что гласность Лиги является одним из средств против войны, поэтому мы за укрепление Лиги наций, поэтому моя страна имеет возможность иметь единую политическую линию без игры на два табла.

* См. док. № 273, 268.

Антонеску, слушая мою пятиминутную диатрибу, будучи еще очень молодым министром иностранных дел, покраснел в том месте, где я говорил об игре на два табло. После неловой паузы Антонеску перевел разговор на наши экономические отношения и просил меня изложить ему сущность вопроса. Заслушав мое сообщение, он тут же поговорил по телефону с управляющим Национальным банком и — «святая простота!» — раза три-четыре во время пятиминутного разговора пускал фразы: «Вы понимаете, мы не можем омрачать наших отношений с нашим великим соседом», или: «Мы должны убрать с пути все, что может повредить дружественным отношениям, которые мы твердо решили продолжать с соседней великой республикой», и т. д.

Перед уходом он надолго задержался у дверей, настаивая на том, что он хочет меня видеть у себя очень часто и установить, кроме официальных, также и личные отношения, аналогичные тем, которые были у меня с Титулеску и которые, он надеется, будут установлены между ним, Антонеску, и Литвиновым.

Беседа продолжалась 30 минут.

Накануне, на приеме у чехов, и вечером 17 октября на музыкальном докладе французской посланницы м-м Тьерри министр демонстративно держался и садился рядом со мной.

М. Островский

Печат. по арх.

319. Письмо Полиомочного Представителя СССР в Польше Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

18 октября 1936 г.

Уважаемый товарищ,

I. Антисоветская дипломатическая работа пилсудчиков. Я уже в предыдущем письме отмечал ту исключительную тенденциозность, которую польская пресса проявила в освещении деятельности советской делегации в Женеве¹⁹³, особенно т. Литвинова. Можно без преувеличения сказать, что имя т. Литвинова весь этот месяц не сходило со страниц правительственной прессы. Подробности Вы найдете в наших сводках. Основное инспирирование этой прессы имело целью создать впечатление о том, что т. Литвинов «мутит воду» в Женеве, расстраивает все мирные комбинации западных держав, стремясь к тому, чтобы, с одной стороны, сорвать новую локарнскую конференцию, а с другой стороны, создать фронт, чуть ли не вызвать войну, против Германии. Подобные комментарии имели место как по поводу вопроса о полномо-

циях абиссинской делегации, так и в отношении самой речи т. Литвинова *. Эта исключительно тенденциозная и враждебная оценка деятельности советской делегации вызвала известный отпор со стороны части оппозиционной прессы, а также еврейского «Нашего пшеглэнда».

Одновременно правительственная пресса всячески инсинуировала, что позиция, занятая СССР в Женеве, привела к охлаждению Франции к Советскому Союзу и даже к ухудшению отношений.

Вообще польская пресса не упускала ни малейшего случая, чтобы развить подобные атаки против СССР то более откровенно, то более прикрито. Так как главными каналами, через которые вся эта тенденциозная кампания шла в страну, были ПАТ, «Искра», «Газета польска», «Иллюстрированы курьер цодзенны», то дирижерская рука самого Бека не вызывает никакого сомнения **.

Для своих атак против советской дипломатии пилсудчики использовали и другие крупные события международной жизни, в особенности испанские события. Все наши выступления в Лондоне, а также и Женеве (речь т. Литвинова) *** преподносились в исключительно злопыхательских тонах. Действия советской дипломатии представлялись в виде намерений взорвать мир в Европе и сеять смуту.

Польская дипломатия и раньше весьма усердно работала против СССР в Женеве и во всех европейских столицах, не упуская ни одного случая, чтобы мешать нашей дипломатической акции в деле обеспечения коллективной безопасности. Характерным для последнего времени является то, что польская подрывная работа против нас начинает уже выходить из-за кулис и проявляется более открыто. Создается впечатление, что пилсудчики не стараются уже скрывать своих анти-советских карт и начинают действовать более откровенно.

Даже вызвавшая большую сенсацию в Европе декларация бельгийского короля **** подается в Варшаве под антисоветским соусом. Не говоря о злорадстве, которое эта декларация вызвала в проправительственной прессе, она толкуется как результат ошибок самой Франции, слишком связавшейся с СССР. Эта же пресса с удовлетворением отмечает, что бельгийская политика полностью совпадает с польским тезисом о независимости внешней политики, и делает признание, что Бек во время встреч с Ван-Зееландом полностью сошелся с ним во взглядах *****.

* См. док. № 280.

** См. также док. № 62.

*** См. док. № 280, 296, 301, 303.

**** См. газ. «Известия», 15 октября 1936 г.

***** См. док. № 62.

Также антисоветски комментируется и внутреннее положение Франции, делая нас ответственными как за все выступление французской компартии, так и вообще за все рабочие выступления. Пилсудчики, конечно, почти не скрывают своей ненависти к Народному фронту, явно рассчитывая на скорый провал нынешнего левого правительства.

Все вышензложенное, подтверждаемое и рядом сообщений от разных лиц, укрепляет мое впечатление, что Польша не только не стремится сейчас к улучшению своих отношений с СССР, но, наоборот, усиливает свою дипломатическую акцию против нас, уже почти не считая нужным вуалировать ее. Можно не сомневаться в том, что ослабление франко-советских отношений еще более усилят наглость пилсудчиков и их работу против нас. Также в случае осложнения в испанских делах и дипломатического конфликта между нами и западными державами мы будем, конечно, иметь открыто враждебную позицию Польши против нас. Тут добавочно играет большую роль социальный фактор, ибо конечно сочувствие пилсудчиков открыто на стороне мятежников (так же, как, впрочем, и эндеков).

В заключение следует отметить снова, что «улучшение» польско-французских отношений не привело пока ни к какому изменению внешнеполитического курса Польши. Не оправдалась пока и надежды французов на уход Бека, которого они слишком оптимистически противопоставляют Рыдз-Смиглы. Фактически Бек по-прежнему ведет свою линию.

2. Проезд Бека через Париж. Бек, как известно, давно добивается официального приглашения в Париж, но французы не хотят понять его намеков, всячески уклоняясь от этого. Ноэль мне говорил, что, когда Бек в прошлом году решил поехать в Женеву через Париж, Лаваль сознательно выехал из Парижа, чтобы не принимать его. В этом году Бек, по словам того же Ноэля, поступил более хитро. Он поехал на Ривьеру (где, кстати говоря, проводил время в тесной компании с Иденом) и оттуда поехал в Париж, обставив свой частный проезд весьма помпезно. Польская пресса очень подчеркнуто преподносит встречи Бека в Париже и устроенный ему Блюмом и Дельбосом завтрак. Целью Бека было, очевидно, с одной стороны, пустить пыль в глаза польскому общественному мнению, с другой стороны, создать представление, что он работает рука об руку с Рыдз и успешно доканчивает начатое последним дело*.

Весьма, конечно, вероятно, что Бек при встречах с французами не ограничился одними любезностями, а настаивал на ускорении реализации финансового соглашения. Несомненно,

* См. док. № 254.

по-видимому, одно — железнодорожный заем начинает уже реализовываться, что полуподтвердил мне и Ноэль.

3. Положение польского злотого. Несмотря на всякие официальные разъяснения и деманги*, здесь упорно говорят, что польский злотый будет также девальвирован. Многие дипломаты также высказывали мне подобное мнение. Я также считаю это вероятным, ибо полякам теперь, после девальвации франка, легче объяснить стране необходимость девальвации и злотого. С другой стороны, девальвация ударит и по тем слоям населения, которые являются оплотом пилсудчиков, и им конечно не так легко решиться на этот весьма соблазнительный шаг.

С товарищеским приветом

Я. Давтян

Печат. по арх.

320. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Россо

19 октября 1936 г.

Я выразил свое удовлетворение назначением Россо в Москву. Мы вспоминали наши встречи в Вашингтоне и поговорили об американских делах, причем Россо выразил убеждение в переизбрании Рузвельта.

Я сказал Россо, что после наших встреч и переданного им мне в Вашингтоне приглашения Муссолини посетить Рим советско-итальянские отношения пошли в гору и подъем этот продолжался почти до самого отъезда Аттолико из Москвы. Итало-абиссинский конфликт должен был, естественно, вызвать заминку в наших отношениях, как и в отношениях Италии с большинством государств. Мы рассчитывали, однако, на выпрямление линии после ликвидации конфликта, и со своей стороны мы делали для этого все от нас зависящее. К сожалению, итальянское правительство или по крайней мере его пресса делала и делает все от нее зависящее для ухудшения отношений. То и дело вспыхивает антисоветская кампания в прессе, наше полпредство жалуется, Сувиц и затем Чиано обещают принять меры**, кампания действительно на несколько дней затихает, чтобы вслед за тем возобновиться с новой силой, а иногда наши представления не имеют никакого эффекта. Нам это до того надоело, что я уже дал директиву нашему полпредству не реагировать больше на эти кампании и я со своей стороны также решил не вмешиваться в поведение нашей прессы в отношении Италии. Если такое положение

* — опровержения (фр.).

** См. док. № 17, 259.

отвечает интересам Италии, то пусть она его сохраняет. Дело, однако, не только в прессе. Политика самого итальянского правительства становится все более враждебной в отношении СССР, и ее порой трудно отличить даже от таковой же политики Гитлера. Нам известно, что итальянское правительство обещало поддержку Гитлеру в его антисоветской политике. К тому же порядку явлений надо отнести и вновь упорно выдвигаемый Италией «пакт четырех»*, который мы рассматриваем, как направленный исключительно против интересов СССР.

Россо ответил, что он ехал сюда с самыми лучшими намерениями и что он сам разочарован состоянием наших отношений. Необходимо, однако, учитывать, что даже в Италии пресса по внешней политике пользуется известной свободой, в особенности же не стоит обращать внимания на писания второстепенных газет. Политика каждого государства часто меняется, и он не теряет надежды на изменение наших отношений.

Я не соглашался с Россо относительно свободы итальянской печати. Я ему говорил, что даже в демократических странах как раз по внешней политике иногда и оппозиционная печать ориентируется на правительство, из патриотизма не желая создавать ему затруднения. Тем более не решалась бы итальянская пресса портить отношения между двумя странами, если бы она опасалась, что это противоречит намерениям правительства. Я, однако, согласился с Россо в отношении изменчивости политики, и в особенности итальянской.

Россо заговорил было об оказании ему помощи в подыскании квартир его сотрудникам, которые пережили и становятся для него обузой. Я сказал ему, что этими делами не занимаюсь, что мне, однако, известны большие жилищные затруднения, существующие у нас. Я добавил, что Бюробин и III Западный отдел сделают все от них зависящее, чтобы пойти навстречу его желаниям.

Литвинов

Печат. по арх.

321. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Апайдыном

19 октября 1936 г.

Апайдын сослался на полученное им сообщение о моих переговорах с Арасом¹⁹¹, каковые должны быть продолжены им в Москве, и спрашивал, что я могу сказать ему по этому пово-

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 3—21.

ду. Я подробно рассказал ему о моих беседах с Арасом. Последним было сделано сперва предложение об ограниченном пакте о взаимной помощи, но на это предложение Арас хотел еще получить санкцию своего правительства. Перед отъездом Арас заявил мне, что вследствие отсутствия маршала правительства не могло обсудить его предложение, которое, однако, одобряется лично Иненю. Я это понял в том смысле, что Арас, по приезде в Анкару, вновь поставит вопрос перед своим правительством и тогда уже сделает мне предложение, более или менее точно сформулированное. Сделал Арас мне и другое предложение: о заключении пакта, связанного с Лондонской конвенцией об определении агрессии *, и в пределах моих предложений об уточнении ст. 16 Устава Лиги, но это предложение, очевидно, также личное Араса, не было уточнено, и мне, по-видимому, самому придется сформулировать предложение и запросить Араса, соответствует ли формулировка его намерениям.

Апайдын зачитал мне телеграмму Иненю, в которой предлагается заверить нас в верности Турции дружбе с нами и в том, что она никогда не примкнет к какой-либо комбинации, направленной против интересов СССР. Далее говорится, что если мы считаем нужным, после недоразумения в Монтрё **, какую-либо манифестацию дружбы, то нет возражений против заключения пакта о совместной защите Дарданелл и Анатоллии против Италии. Более широкий пакт был бы нецелесообразен, так как до того, как Турция смогла бы оказать помощь СССР, могла бы сильно пострадать ее внешняя торговля (от себя ли или цитируя телеграмму, Апайдын пояснил, что речь идет о Германии). Иненю понимает, что нами может быть поставлен вопрос, не повторяет ли предлагаемый пакт того, что мы имеем уже по Пропливной конвенции ***, но на это можно указать, что предполагаемые обязательства с нашей стороны были бы лишь подтверждением известного письма Чичерина ****.

Я спросил Апайдына, надо ли понимать инструкцию Инеию в том смысле, что сама Турция не испытывает нужды ни в манифестации, ни в заключении пакта и предложение нам делается условно на тот случай, если мы считаем такую манифестацию необходимой. Апайдын невнятно ответил, что предложение не делается условно и что он полагает, что ему поручено вести со мною переговоры по этому поводу.

Я ответил, что оставляю пока в стороне вопрос о том, насколько письмо Чичерина является формально пактом

* См. т. XVI, док. № 213.

** См. док. № 210, 222.

*** См. док. № 238.

**** См. т. VIII, док. 419.

о взаимной помощи. Но если ответить на этот вопрос утвердительно, то там речь идет о ничем не ограниченном пакте о взаимной помощи против любых агрессоров. Теперь же Турция предлагает ограничить эту помощь лишь защитой проливов. (Я упомянул, что Арас не называл Италию в качестве единственно возможного агрессора). Если бы речь шла об общем пакте о взаимной помощи, то никаких затруднений не было бы и мы могли бы легко сформулировать его, тем более что имеется уже достаточно образцов. Поскольку, однако, Турция предлагает ограничить пакт, она должна указать нам точно границы этой помощи, о чем я и просил Араса. Он обещал это сделать, но не получил на это разрешения своего правительства. Я полагаю, что маршал тем временем уже успел вернуться в Анкару, что кабинет, таким образом, сможет собраться и высказаться окончательно, подтверждает ли он предложение Араса. Когда г. посол сделает мне такое сообщение, я поставлю вопрос перед моим правительством и éventуально приступим к переговорам. Я добавил, что, желая быть совершенно откровенным с послом, я позволю себе сказать, что мною в Женеве вынесено впечатление о том, что Турция в настоящее время лишена полной свободы в своей внешней политике и что она, по соглашению или добровольно, вынуждена считаться с мнениями других правительств. Я добавил, что не имею никаких фактов, но таково мое впечатление. Во всяком случае, во избежание недоразумений я считал бы желательным, чтобы Апайдын получил вновь подтверждение из Анкары данного ему раньше поручения*.

Апайдын вручил мне для сведения копию ноты французскому правительству об Александретте**.

Литвинов

Печат. по арх.

322. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
20 октября 1936 г.*

1. В течение последнего месяца все основные итальянские поставки аэропланов, их подготовка, заправка и снаряжение происходят не в самих итальянских портах, а через военные аэродромы в Сардинии (Кальари, Терра-Нова, Паузаия). Затем оттуда аэропланы направляются или своим ходом, или в разобранном виде до Пальмы (Мальорка) или до Мелильи

* См. док. № 336.

** См. газ. «Известия», 3 ноября, 18 декабря 1936 г.

(Испанское Марокко). За последние две недели в общей сложности таким путем отправлено около 50 аппаратов. Сборка и окончательное боевое оснащение и проверка аппаратов в Пальме и Меллье производятся итальянскими инструкторами и техниками под общим руководством известного итальянского летчика Феррарино, состоящего при главном штабе ген. Франко.

2. Доставка амуниции, военного снаряжения, пулеметов, зенитных орудий и пр. за последние две недели реорганизована и еще больше законспирирована. Если раньше транспорты оружия отправлялись по непосредственному заказу представителя ген. Франко, проживавшего в гостинице «Ройаль» в Риме, прямо в порты, занятые мятежниками, то теперь заказы проходят исключительно через подставных лиц, рекомендуемых итальянскому военному министерству или бывшим испанским военным атташе в Риме, или коммерческим атташе Португалии Лопесом Пессоа. Большая часть поставок идет через Лиссабон, куда итальянские пароходы входят под португальским флагом. За последние две недели из портов Ливорно и Чивитавеккья (как менее контролируемых) отправлено в Испанию два транспорта оружия и снарядов.

Полпред

Печат. по арх.

323. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

21 октября 1936 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Две недели осталось до выборов. Кампания идет достаточно ожесточенно. Сказать точно, каковы будут результаты в выборах, сейчас очень трудно. Если можно было бы в Соединенных Штатах судить об общественном мнении по газетам и журналам, то можно было бы прийти к выводу, что Рузвельт потерпит поражение и будет выбран Лэндон, так как 80%, а может быть и больше, ежедневной прессы выступает против Рузвельта и за Лэндона. Положение осложняется тем, что несколько демократических газет выступило против Рузвельта. К числу их принадлежит старинная либеральная газета «Балтимор сан». Крупный капитал делает все возможное для того, чтобы провалить Рузвельта. Ненависть его к Рузвельту не знает пределов. В Нью-Йорке во многих местах за обедом провозглашают тосты за смерть президента. Огромная машина экономического и политического давления пущена в ход крупным капиталом, чтобы помешать избранию Рузвельта.

Журнал «Literary Digest», отличавшийся до сих пор точными предсказаниями результатов выборов, на основании своих пробных голосований дает Лэндону 55% голосов, Рузвельту около 40%, при 5% для всех остальных партий. Как будто бы из всего этого следует, что Рузвельт должен провалиться. Но я этого не думаю. Прежде всего основанием для такого вывода служит, мне кажется, процесс полевения масс, что должно отразиться на результатах голосования. Этот процесс полевения особенно сказывается в рабочей среде, выражающийся в политизации рабочего движения, в создании широких политических организаций рабочих, правда, больше на основе поддержки Рузвельта. В настоящее время в Американской федерации труда происходит процесс, выражающийся в широкой борьбе за индустриальные, иначе говоря, производственные союзы, охватывающие широкие массы рабочих, в противовес профессиональным, охватывающим только квалифицированную верхушку рабочих. Не очень ясно, что происходит в фермерской среде. Недостаточно ясен процесс, происходящий среди интеллигенции и мелкой буржуазии. Выборы покажут, что в действительности происходит среди толщи американских народных масс. У меня создалось впечатление, что должно обнаружиться полевение масс и тогда пройдет Рузвельт, ставший волеи-незолеей символом какого-то прогресса в Соединенных Штатах. Надо сказать, что если предсказания «Literary Digest» до сих пор оправдывались, то происходило это потому, что не было того расслоения в общественном мнении в Соединенных Штатах, которое наблюдается в настоящее время. А «Literary Digest» в своих пробных голосованиях всегда охватывал преимущественно верхушки населения, производя свои анкеты по адресам телефонных книг, автомобильных списков и пр. Между прочим, пробное голосование Института общественного мнения дает 54% Рузвельту, 43% — Лэндону. «Literary Digest» до настоящего времени получил около миллиона анкет, а разослал 20 млн. Институт общественного мнения располагает только 250 тыс. голосов.

Если говорить более конкретно, то я предполагаю, что Рузвельт получит от 55 до 60% голосов, но это, как Вы знаете, еще не решает вопроса, важно количество выборщиков в каждом штате. Причем относительное большинство в каждом штате предоставляет в распоряжение соответствующего кандидата все голоса выборщиков, которые имеет данный штат. Например, Нью-Йорк имеет 47 голосов, Калифорния — 22, малые штаты, вроде Вермонта, — 3 выборщика и т. д. Если в Нью-Йорке Рузвельт получит относительное большинство, то все 47 голосов выборщиков будут его голосами. Для большинства нужно иметь 266 голосов выборщиков. Рузвельт имеет то преимущество, что все южные штаты имеют демократическое

большинство и дают голоса Рузвельту. Большинство штатов на Западе будет также на стороне Рузвельта. Решающими будут такие штаты, как Нью-Йорк — 47 голосов, Пенсильвания — 37 голосов, Огайо — 26 голосов, Иллинойс — 29 голосов, Мичиган — 19 голосов. Вероятно, относительное количество голосов, поданное за Рузвельта среди всего населения, уменьшится, хотя надо учесть, что интерес к выборам столь велик, что количество голосующих избирателей в этом году будет больше, чем в 1932 г. миллионов на 5—6.

Мне кажется, что Рузвельт получит 22—23 млн. голосов, Лэндон — 18—19 млн.

Мое предположение относительно успеха Рузвельта основано еще на двух моментах. Штат Мэн производит выборы сенаторов и губернатора не одновременно с президентскими выборами, а производит их в сентябре. Республиканцы там получили приблизительно 55% голосов, а демократы около 45%, по пробным голосованиям республиканцы должны были получить 63%, а демократы 37%. Предсказания в пользу республиканцев были преувеличены на 8%. Другой случай мы имеем в штате Мэриленд, где анкета, произведенная газетой «Балтимор сан» среди всех избирателей по официальным адресам избирательной комиссии, дала 64% Рузвельту, при предсказаниях других пробных голосований 54—55%. Здесь опять ошибка в пользу республиканцев на 9—10%. Если таким образом внести поправку в пробное голосование, то результат получится в пользу Рузвельта и приблизительно с большинством в 55%, Лэндон же получит не больше 110 голосов выборщиков.

Результаты выборов, я бы сказал, будут иметь историческое значение для Соединенных Штатов и, вероятно, не только для Соединенных Штатов. Если в стране обнаружится действительно резкое колебание настроений, то Рузвельту придется считаться с этим колебанием, если же его большинство будет незначительным, то он решительно пойдет направо. Это, разумеется, отразится на внешней политической ориентации Соединенных Штатов, в том числе на отношении к нам. Так как в международном масштабе дело идет о борьбе прогресса и реакции, то в зависимости от настроений в Соединенных Штатах будет определяться и внешнеполитическая ориентация Соединенных Штатов на господство прогресса или реакции.

Избирательная кампания, ведущаяся Браудером, являющимся кандидатом компартии, проходит под лозунгом «голосуйте за Браудера, но во всяком случае не допускайте победы Лэндона». Это — косвенная поддержка Рузвельта. Республиканцы всячески пользуются этим для того, чтобы доказать, что Рузвельта поддерживают коммунисты и Москва. Отсюда

делаются выводы о социализме Рузвельта, о его коммунистических тенденциях и пр. Рузвельт был напуган этими обвинениями и постарался отмежеваться от коммунистов, заявив, что он не ищет и не ищет поддержки со стороны коммунистов. Многие считают здесь лозунг коммунистов медвежьей услугой для Рузвельта. Я лично с этим не согласен. Если бы коммунисты вели агитацию, в которой ставили бы на одну доску Рузвельта и Лэндона, то это создало бы путаницу в глазах населения и помогло бы Лэндону одеваться в прогрессивную тогу, как это он старается делать все время. Правда, позиция Лэндона разоблачается той поддержкой, которую оказывают ему Херст и Гувер и все реакционеры, включая бывших кандидатов в президенты от демократов — Ал. Смита и Джона Дэвиса. Социалисты, как известно, имеют позицию, что Рузвельт немногим лучше Лэндона, и это сбивает многих с толку. Я думаю, что позиция коммунистов, которую они заняли в выборах, правильна.

Я считаю, что для нас результаты выборов будут иметь большое значение потому, что внешнеполитическая ориентация Соединенных Штатов чрезвычайно важна, ибо во время мировой войны Соединенные Штаты, даже если они не будут втянуты в войну, будут играть большую роль и поддержка с их стороны будет иметь, может быть, решающее значение. Нельзя забывать, что в прошлой мировой войне Соединенные Штаты решили ее исход не только тем, что выступили на стороне союзников путем отправки войск во Францию, но главным образом тем, что почти все время, с самого начала войны, помогали активно союзникам и дали им возможность долго держаться при сравнительно слабой технической мощи, и той, которая была на стороне Германии.

Большую роль будут играть международные интересы Соединенных Штатов. Во время мировой войны Соединенные Штаты поддерживали союзников потому, что опасались мирового господства Германии. Это обстоятельство, а не только связи дома Моргана с Англией, играло здесь решающую роль. В ближайшей мировой войне на стороне Германии будет и Япония. Раздел мирового господства между этими державами также неприемлем для Соединенных Штатов, как и возможное господство Германии. Для американского империализма, окруженного агрессивными империализмами Германии и Японии, это равносильно удушению; эта опасность заставляет Соединенные Штаты становиться на нашу сторону.

Лозунг «догнать и перегнать» в настоящее время носит очень конкретный характер — догнать и перегнать Соединенные Штаты, так как у других стран (Германия, Англия и Франция) мы можем кое-что получить, но очень немного. Соединенные же Штаты за последние годы в техническом отноше-

нии сильно шагнули вперед, и нам нужно сделать значительное напряжение, чтобы в первую очередь не отстать от них, а затем уже перегнать.

А. Трояновский
Полпред СССР в США

Печат. по арх.

324. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти

21 октября 1936 г.

Был с первым длившимся 20 минут визитом у Холсти. Холсти начал с рассказа о своем последнем разговоре с т. Литвиновым в Женеве *. У него создалось впечатление, что т. Литвинов сочувственно отнесся к его заветным в части налаживания отношений между нашими странами. Холсти начал меня горячо уверять, что между Финляндией и Германией нет военного соглашения, как то нами подозревается. Я указал, что события последних двух лет с абсолютной ясностью показали всему миру теснейшую взаимную связь между германскими и финляндскими военными, что мне не совсем понятно, как можно опровергать эту связь. Холсти согласился, что такая связь существует, и поспешил перейти к другим темам. Мы согласились иметь через день более подробную беседу. По совокупности рассуждений Холсти можно прийти к выводу, что он собирается продолжать политику так называемой скандинавской ориентации, но не считает ее, подобно Хакселю, панацеей от всех бед. Поэтому он делает особое ударение на участии Финляндии в Лиге наций и на обязательстве, которое такое участие налагает как на Финляндию, так и на Союз. Никаких конкретных предложений Холсти не делал, отговорившись тем, что лишь 23-го состоится первое совещание правительства по вопросам внешней политики. Он лично пока что только информируется.

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

325. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

Немедленно
22 октября 1936 г.

Немедленно посетите Холсти и сделайте ему следующее представление: «В соответствии с пожеланием финской сто-

* См. док. № 300.

роны мы согласились допустить финляндского погранкомиссара с экспертами на советскую территорию для совместного расследования обстоятельств убийства пограничника Спирина*. Начиная с 14 октября производилось совместное расследование на советской территории. По просьбе финнов советская сторона предъявила все вещественные доказательства, в том числе и материалы экспертизы. Расследование на советской территории, таким образом, исчерпано.

Крайне важно произвести совместное расследование на финляндской территории, ибо убийца находится там, и затягивание сроков расследования облегчает убийце возможность замести следы.

Несмотря на неоднократные требования нашего погранкомиссара, финская сторона отказывается от производства расследования на финляндской территории, мотивируя отсутствием указаний МИД. Равным образом финская сторона уклоняется от подписания протоколов расследования, произведенного на советской территории.

Такое поведение финляндского комиссара создало у наших властей впечатление, что финляндские пограничные власти хотят уклониться от того, чтобы расследование было доведено до конца».

Потребуйте, чтобы финляндскому погранкомиссару было дано указание: во-первых, приступить к совместному с нашим комиссаром расследованию на финской территории и чтобы результаты совместного расследования на советской территории были оформлены протоколами¹⁸⁹.

Крестинский

Печат. по арх.

326. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

22 октября 1936 г.

Уважаемый товарищ,

Мы получили вчера Вашу телеграмму о беседе с Арита 21-го ** сего месяца¹⁸⁹ по вопросу о пограничных комиссиях и дадим Вам новую директиву после обстоятельного обсуждения вопроса в НКВД и в руководящей инстанции***. Сегодня я хотел бы высказать лишь несколько предварительных соображений о позиции Японии и о нашем к ней отношении.

1. Судя по заявлениям Арита от 25 и 26 августа¹⁸⁹, Сако от 28 сентября¹⁸⁷ и того же Арита от 21 октября, японское пра-

* См. док. № 316.

** В тексте ошибочно — 20-го.

*** См. док. № 364.

вительство, очевидно под давлением военщины, заняло следующую позицию: оно по-прежнему настаивает на том, что причиной всех конфликтов является неясность советско-маньчжурской границы¹⁹², и, исходя из этого, оно настаивает на том, что необходимым условием всякого рассмотрения пограничных конфликтов является предварительная проверка того участка границы, где произошел конфликт, в комиссии по редемаркации. Исходя из того же основного тезиса неясности границ, японское правительство, заявляя формально, что оно за мир на границах, в то же время отказывается на деле принять основное наше условие о соблюдении существующих границ. Очевидно, военщина не хочет связывать себе руки в отношении пограничных инцидентов на весь период переговоров и работ по редемаркации. В связи с этими двумя основными разногласиями стоит и третье — относительно состава конфликтной комиссии. Хотя в беседе от 26 августа Арита и сказал мимоходом, что решения в конфликтной комиссии будут приниматься ие большинством, он вновь настаивает на равном представительстве СССР, Японии и Маньчжоу-Го. Выдвигая это требование, японское правительство, по-видимому, хочет закрепить за собой позицию «третьей стороны» между нами и Маньчжоу-Го с тем, чтобы в случае возникновения неудобного для нее конфликта закрепить за собой возможность заявить в конфликтной комиссии, что конфликт не может быть принят к рассмотрению, поскольку имеются разногласия о границе между обеими заинтересованными сторонами, СССР и Маньчжоу-Го, разногласия, которые должны быть предварительно урегулированы в комиссии по редемаркации.

2. При наличии таких фундаментальных разногласий я считал бы неделесообразным принятие японского предложения начать практическое обсуждение проектов между т. Райвидом и Того. Наше согласие с японским предложением, несомненно, будет истолковано японцами как принятие нами их позиции по изложенным трем вопросам или по крайней мере как наша готовность впоследствии, в ходе переговоров, примириться с этой позицией. Если японское правительство не пошло до сих пор на уступки по этим вопросам в заявлениях Арита, то тем менее оно пойдет на уступки при переговорах Того с т. Райвидом.

3. Я полагаю бы необходимым заявить японцам, что мы не считаем делесообразным начать переговоры между т. Райвидом и Того прежде, чем будет достигнуто согласие по изложенным трем основным вопросам. Это значит, что мы должны заявить японцам:

а) конфликтная комиссия не только должна начать работу в определенный срок после подписания соглашения, как это

Вы предлагаете в своей телеграмме от 21-го сего месяца, но и обязана принимать к рассмотрению всякий конфликт, независимо от того, закончена ли редемаркация на соответствующем участке границы (без второй части этого предложения установление немедленного начала работы комиссии недостаточно, ибо японцы будут в особо невыгодных для них случаях отклонять рассмотрение со ссылкой на необходимость предварительно договориться о границе в комиссии по редемаркации);

б) японское правительство должно подтвердить обязательство соблюдать существующие границы и

в) японцам надо будет прямо заявить, что мы не можем признавать их третьей стороной в конфликтах с Маньчжоу-Го и что в конфликтной комиссии они должны выступать как одна сторона вместе с представителями Маньчжоу-Го.

Далее, я считал бы целесообразным согласиться на установление редемаркационных комиссий по всей границе одновременно с конфликтными комиссиями. Для конституирования тех и других должен быть установлен определенный срок. Два месяца являются, конечно, «запросом», и можно будет, в случае необходимости, пойти на уступки, имея все же в виду чрезвычайную важность скорейшего установления конфликтных комиссий по всей границе.

Вопросу о рассмотрении прошлых конфликтов я придаю меньшее значение и считал бы возможным в крайнем случае уступить японцам, разоблачив их боязнь беспристрастного рассмотрения имевших место конфликтов, особенно конфликта 30 января*, поскольку по отношению к нему японское правительство находится в особенно затруднительном положении.

4. Я считаю не исключенным, что японское правительство под влиянием исключительных затруднений, которые оно испытывает в своей внутренней и международной политике, пойдет на серьезные уступки по изложенным выше вопросам. Вся китайская политика Японии зашла в тупик и находится перед перспективой полного провала. В отрицательном отношении США и Франции к ее последней акции в Китае, если они даже и не делали никаких демаршей в Токно, японское правительство не сомневается. Политика расчленения и подчинения Китая привела к его объединению и сопротивлению. Перспектива настоящей большой войны с Китаем становится все более и более реальной, и параллельно с этим Япония все более и более бьется быть втянутой в эту войну, которая могла бы поглотить все ее ресурсы, ослабить ее по отношению [к] СССР и другим державам и в конце концов привести японский империализм к катастрофе всех его планов. Внутреннее положение Японии — обострение всех противоречий и растущее сознание

* См. док. № 31.

безвыходности, продолжающаяся борьба руководящих факторов * Японии, ослабление армии и правительства в результате этой борьбы и, наконец, неустойчивое положение правительства Хироита — все это объясняет давно уже не виданные нами умеренность и скромность, которые проявляют японское правительство и японская пресса по отношению к нам и к другим странам. Японское правительство явно стремится не заострять отношений с нами и, очевидно, в этом смысле дало указания своей прессе. В очень скромных тонах реагирует японское правительство и на активность англичан в Китае. Даже в отношении Китая тон стал несравненно более умеренным.

5. Все это, конечно, отражает лишь неудачи японской политики, но не ее перемену. Само собой разумеется, я не думаю, что японское правительство в какой бы то ни было степени изменило свое отношение к СССР. Оно по-прежнему готовится к войне и по-прежнему строит свои расчеты на одновременной войне с нами Германии. По имеющимся у нас совершенно достоверным сведениям, переговоры в Берлине, для участия в которых в помощь японскому военному атташе был командирован из Токио какой-то генерал (кажется, Осуми), сильно продвинулись вперед и, может быть, даже уже привели к заключению японо-германского соглашения о борьбе против Коминтерна. Это соглашение, заключаемое по инициативе Гитлера, является основным. Оно должно быть опубликовано и оставлено открытым для присоединения к нему других стран. Параллельно с этим соглашением ведется переговоры о заключении секретного союзного договора, направленного против нас **.

По имеющимся у нас совершенно достоверным сведениям, в японских правительственных кругах существует беспокойство в связи с заключением этих соглашений с Германией. В Токио боятся, как бы из-за непопулярности Германии в результате этих соглашений не увеличилась изоляция Японии. Все же японцы, по-видимому, считают нынешнюю международную ситуацию особо благоприятной для заключения и, главное, для опубликования соглашения о борьбе с Коминтерном.

Кстати, мы, кажется, никогда не получали от Вас серьезной информации о японо-германских отношениях. Было бы желательно, чтобы Вы и полпредство уделили этой проблеме больше внимания и постарались получать и присылать нам информацию.

6. Лянния на войну с нами не исключает некоторых зигзагов с целью облегчить ее проведение. Такими зигзагами могут быть не только переговоры или даже заключение соглашений

* Так в документе.

** См. т. XVIII, прил. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

о пограничных комиссиях, но даже заключение пакта о ненападении. Конечно, при нынешней международной ситуации это является исключенным, но то обстоятельство, что некоторое время тому назад, в связи с выступлением Ота * и по случаю благоприятного завершения рыболовных переговоров **, многие стали серьезно говорить о заключении пакта с нами, наводит на мысль, что при известных обстоятельствах, а именно в случае дальнейшего неблагоприятного для Японии развития событий в Китае и усиления изоляции Японии, японское правительство может, с целью облегчить себе маневрирование и ослабить антияпонские группировки в Китае, пойти даже на заключение пакта с нами. Японская военщина, выступавшая всегда против заключения пакта только потому, что это подействовало бы демобилизующим образом на японскую общественность, могла бы даже дать согласие на такое заключение с тем, чтобы получить передышку, а потом, при более благоприятных условиях, порвать это соглашение так же, как она порвала многие другие.

7. Вы, конечно, заметили по характеру нашего реагирования на пограничные инциденты 11 и 12 октября ***, что мы считаем целесообразным не раздувать конфликтов с Японией. При исключительно большом размахе и злобном характере антисоветской кампании, которая ведется на Западе в связи с испанскими событиями, сообщения о столкновениях и трениях с Японией были бы лишь желанной пищей для наших врагов.

8. Переговоры между т. Козловским и Сако об оформлении нового рыболовного соглашения продвигаются успешно. Обращает на себя внимание необыкновенная торопливость, которую проявляют японцы в деле подписания этого соглашения. Объяснить эту торопливость только желанием закончить дело до приезда Сигемitsu — невозможно, так как он придет еще через месяц. Достаточно времени имеется у них также для утверждения соглашения в Токио. Не объясняется ли эта торопливость желанием поскорее опубликовать заключаемое в Берлине или уже заключенное соглашение о борьбе против Коминтерна и опасением, что мы можем после этого занять иную позицию в отношении подписания рыболовного соглашения?

9. После шума, который вызвало в японской прессе сообщение о достигнутой договоренности по всем вопросам рыболовного соглашения, привлекает к себе далее внимание то обстоятельство, что японская пресса явно по указке свыше оказала более чем сдержанную встречу недавно заключенному

* См. газ. «Известия», 20 августа 1936 г.

** См. газ. «Известия», 3 октября 1936 г.

*** См. газ. «Известия», 14 октября 1936 г.

нефтяному соглашению*. Очевидно, японская военщина и находящийся теперь у нее в услужении министр, избегая сообщений, которые могли бы вызвать за границей, и особенно в Китае, представление об обострении японо-советских отношений, в то же время препятствуют и таким сообщениям, которые могли бы действовать демобилизующим образом на японскую общественность в отношении СССР.

10. Внутреннее развитие в Японии идет, видимо, к новым обострениям, и можно ожидать новых серьезных перемен. Вы прислали весьма интересный доклад по этому вопросу от 30 сентября с. г.¹⁹³ Ввиду серьезности внутреннего положения Японии и его влияния на внешнюю политику Японии прошу Вас давать с каждой почтой хотя бы краткий обзор происходящих перемен с Вашими выводами.

С товарищеским приветом

Б. Стожояков

Печат. по арх.

327. Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту

Лондон, 23 октября 1936 г.

Сэр,

Приняв Соглашение с державами о невмешательстве в испанские дела, Правительство Советского Союза рассчитывало, что Соглашение будет выполняться его участниками, что вследствие этого сроки гражданской войны в Испании будут сокращены, а количество жертв уменьшено. Истекший период показал, однако, что Соглашение нарушается рядом его участников систематически, мятежники снабжаются оружием безнаказанно, одна из участниц Соглашения — Португалия — превратилась в главную базу снабжения мятежников, а законное правительство Испании оказалось на деле под бойкотом, отнимающим у него возможность закупить оружие вне Испании для защиты испанского народа. Таким образом, вследствие нарушения Соглашения создано привилегированное положение для мятежников, что ни в коем случае не входило в расчеты Соглашений. В результате этого некорректного положения получилась затяжка гражданской войны в Испании и рост количества ее жертв.

Попытки представителя Советского Правительства положить конец практике нарушения Соглашения не нашли поддержки в Комитете. Последнее предложение советского представителя о контроле портов Португалии**, являющейся

* См. газ. «Известия», 11 октября 1936 г.

** См. док. № 303.

главной базой снабжения мятежников, также не встретило сочувствия и даже не поставлено в порядок дня сегодняшнего заседания Комитета.

Таким образом, Соглашение превратилось в пустую, разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать.

Не желая оставаться в положении людей, невольно способствующих несправедливому делу, Правительство Советского Союза видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие вне Испании, каковыми правами и возможностями пользуются теперь все правительства мира, а участникам Соглашения предоставить продавать или не продавать оружие Испании.

Во всяком случае, Советское Правительство, не желая больше нести ответственность за создавшееся положение, явно несправедливое в отношении законного испанского правительства и испанского народа, вынуждено теперь же заявить, что в соответствии с его заявлением от 7 октября* оно не может считать себя связанным Соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого Соглашения.

Я был бы Вам весьма признателен, если бы Вы, г. Председатель, сообщили содержание этого письма Комитету в начале сегодняшнего заседания.

Примите, сэр, уверения в моем высоком уважении.

И. Майский

*Печат. по арх. Огубл. в газ. «Известия»
№ 248 (5105), 24 октября 1936 г.*

328. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

23 октября 1936 г.

В Праге усиленно циркулируют слухи о предстоящем советско-германском сближении, как политическом, так и хозяйственном. Из промышленных кругов идут разговоры о нашем новом кредитном соглашении с Германией. Источники, видимо, германского происхождения. Прошу информировать о задачах Кандедаки в Москве и указать, следует ли реагировать на слухи и в какой форме**.

Александровский

Печат. по арх.

* См. док. № 296.

** См. док. № 331.

329. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

Вне очереди
25 октября 1936 г.

Можете сообщить в подкомиссии или в Комитете, что на запрос, посланный Вами согласно просьбе Корбена *, Вы получили следующее разъяснение Советского правительства **.

«Советское Правительство присоединилось к Декларации о невмешательстве, исходя из предположения о равных обязательствах для всех участников Соглашения. Нарушение обязательств хотя бы одним из участников Соглашения освобождает от обязательств и остальных. Советское Правительство, как, вероятно, и весь мир, твердо убеждено в том, что уже после состоявшегося Соглашения правительства, сочувствующие целям и задачам испанских мятежных генералов, продолжали обильно снабжать их военной авиацией, танками, артиллерией, пулеметами, винтовками, патронами и другими военными материалами. Работа Комитета убедила Советское Правительство в том, что сейчас не существует никаких гарантий против дальнейшего снабжения военными материалами мятежных генералов. При таких обстоятельствах Советское Правительство полагает, что впредь до создания таких гарантий и осуществления действительного контроля строгого выполнения обязательств о невмешательстве, те правительства, которые считают снабжение законного испанского правительства отвечающим нормам международного права, международного порядка и международной справедливости, вправе морально не считать себя более связанными Соглашением, чем правительства, снабжающие мятежников вопреки Соглашению. Таков смысл заключительной части заявления от 23-го ***. Иное положение станет возможным лишь с того момента, когда будет установлен эффективный контроль выполнения обязательств о невмешательстве со стороны всех правительств, участвующих в Соглашении. Советское Правительство с этой целью выдвинуло свое предложение о контроле над португальскими портами **** и готово обсудить идущее в этом же направлении предложение председателя Комитета лорда Плимута об установлении сверх этого контроля в Португалии также контроля в испанских портах и вдоль испанских сухопутных границ.

* См. док. № 277.

** Это разъяснение по просьбе И. М. Майского было приобщено к коммюнике о состоявшемся 28 октября 1936 г. заседании Комитета по невмешательству; см. газ. «Известия», 30 октября 1936 г.

*** См. док. № 327.

**** См. док. № 296.

Советское Правительство не возражает против контроля также в портах и погранпунктах, не оккупированных мятежниками, при условии согласия на это законного испанского правительства. Советское Правительство предлагает приступить немедленно к обсуждению этого предложения».

Дальнейшие инструкции следуют *.

Литвинов

Печат. по арх. Опубли. в газ. «Известия», № 233 (6103), 30 октября 1936 г.

330. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

25 октября 1936 г.

Сделав заявление, переданное Вам телеграммой **, не давайте себя втягивать в дальнейшие разъяснения и негодуйте против попыток допроса. В порядке аргументации укажите, что мы еще в заявлении от 7 октября *** говорили о последствиях непрекращения нарушения соглашения и это же повторяют заявления от 23-го **** и сегодняшнее, уточняя лишь моральные выводы, которые мы делаем. Совершенно ясно, что обменом вопросников и ответов с нарушителями соглашения точное соблюдение последнего не может быть обеспечено. Разрыв отношений с Испанией не может быть истолкован иначе, как стремлением Португалии расширить возможности своего вмешательства в испанские дела. Наше же стремление к приданию соглашению полной силы доказывается нашим согласием на установление полного контроля. Это единственное дело, которым Комитет может заняться с пользой для оправдания своего существования.

Не защищайтесь, а нападайте, и хулиганские выходки Гранди не оставляйте без достойных ответов. Когда вопрос о контроле перейдет в стадию делового обсуждения, настаивайте на распространении контроля на прилегающие испанские острова и на Испанское Марокко. Контроль в португальских портах, независимо от контроля на границе, мотивируйте возможностью пересылки мятежникам самолетов из Португалии по воздуху. Требуйте также, чтобы контрольные представители назначались Комитетом единогласно ввиду необходимости беспристрастия. Но обо всем этом говорить еще рано, пока не принят повсеместный контроль в принципе.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 330.

** См. док. № 329.

*** См. док. № 296.

**** См. док. № 327.

331. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поляемочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

25 октября 1936 г.

На Вашу телеграмму от 23 октября *. Никаких изменений во взаимоотношениях с Германией как политических, так и экономических не намечается. Новых директив Канделаки не получал. Можете опровергать как германский шантаж.

Литвинов

Печат. по арх.

332. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

25 октября 1936 г.

Господин Особый агент,

Генеральное консульство имело честь уже неоднократно обращать Ваше внимание на неслыханный в международной практике режим, установленный маньчжурскими властями в отношении советских Консульств и его сотрудников, начиная с самих Консулов **. Только недавно я привлекал Ваше внимание на совершенно недопустимые факты, имевшие место на ст. Маньчжурия, где полицейские в своих хулиганских выходках против советского Консульства распоясались настолько, что не останавливаются даже перед нанесением оскорблений лично Консулу СССР г. Смирнову¹⁹⁴.

Безнаказанность этого и общий режим, в который поставлены Консульства СССР в Маньчжоу-Го, способствуют дальнейшему облавлению белогвардейцев-полицейских и других маньчжурских чиновников-белогвардейцев, уже позволяющих себе даже препятствовать поездкам советских Консулов в СССР.

22-го сего октября на ст. Пограничная имело место следующее: собиравшийся я несколько дней в Советский Союз Консул СССР в Пограичной г. Голубцов при проходе через таможду, расположенную на самой станции, был задержан белогвардейцем — чиновником таможди, потребовавшим предъявления ему для досмотра лично принадлежащего г. Голубцову чемодана. На указание г. Голубцова на незаконность подобного требования ему было в грубой форме заявлено, что в противном случае он не будет пропущен в поезд и не сможет совершить свою поездку. В результате г. Голубцов не смог осуществить своего намерения проехать в СССР и был вынужден вернуться в Консульство.

* См. док. № 328.

** См. док. № 216.

Против этой неслыханной в общении между цивилизованными странами выходки белогвардейцев-чиновников таможни я вижу себя вынужденным заявить Вам, г. Особый агент, самый энергичный протест и решительно настаивать на том, чтобы виновные были примерно наказаны и чтобы местные власти принесли г. Голубцову свои извинения.

Я ожидаю, что Вы, г. Особый агент, не замедлите уведомить меня о принятых Вами мерах.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, господин Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
М. Славуцкий

Печат. по арх.

333. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
27 октября 1936 г.*

Сегодня меня посетил Корбен и интересовался характером моей позиции на завтрашнем заседании Комитета. Я ответил, что пока еще не могу сказать ничего определенного, ибо жду окончательных инструкций * утром 28-го. После этого Корбен пустился в длинные рассуждения на тему о том, что распад Комитета был бы большим несчастьем, что это сыграло бы на руку Германии и Италии, что в результате положение испанского правительства только ухудшилось бы и т. п.

Потом Корбен стал изображать в довольно мрачных красках внутреннее положение Франции и, в частности, перспективы правительства Блюма и прибавил, что Франция никогда не пойдет на повторение одесского опыта 1919 г., когда французские броненосцы были посланы в Россию для поддержки одной определенной партии. Я ответил Корбену, что сейчас речь идет не об отправке войск или броненосцев на помощь испанскому правительству, а исключительно лишь о том, чтобы снять эмбарго с продажи оружия законному испанскому правительству в то время, как мятежники широко снабжают этим оружием из фашистских стран. Тогда Корбен стал напирать на то, что ликвидация невмешательства создаст условия для возникновения опасного инцидента между странами, снабжающими оружием различные партии в Испании, но я возразил, что 50% внешней политики Гитлера и Муссолини построены на блефе и что если страны, которые захотят снабжать испанское правительство оружием, проявят достаточную

* См. док. № 334.

решительность и твердость в проведении своей линии, риск возникновения опасного инцидента сведется к минимуму. Корбен воскликнул: «Вам хорошо рассуждать — ваша граница далеко от театра событий, а Франция ведь сосед Испании!». Тогда я взял Корбена в оборот и, изложив нашу точку зрения на значение гражданской войны в Испании, подчеркнул, что сейчас на Пиренейском полуострове происходит очень важная авиационная битва между силами мира и силами войны. Я выразил при этом изумление близорукостью той политики, которую Англия и Франция проводят в отношении Испании. Корбен пробовал защищаться, но довольно неудачно.

В общем у меня осталось впечатление, что Корбен приходил ко мне по поручению форин офиса, который несколько встревожен перспективами завтрашнего заседания. Возможно также, что Корбен имел инструкции и из Парижа, ибо вчерашнее решение Амстердамского и II Интернационалов об отказе от политики невмешательства ставит Блюма в тяжелое положение.

Сегодня же у меня был Чилстон *, который через два дня выезжает в Москву. Чилстон несомненно был послан ко мне из форин офиса для зондажа по вопросу о наших ближайших действиях. Я, конечно, уклонился от каких-либо откровенностей.

Полпред

Печат. по арх.

334. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Немедленно
27 октября 1936 г.*

На Ваши телеграммы от 26 октября ¹⁹³⁵. Мы полностью поддерживаем наше предложение о контроле над Португалией **. Лорд Плимут также говорил о контроле в пограничных пунктах и, стало быть, имел в виду и испано-португальскую границу. Вы можете заявить в Комитете, что мы готовы признавать авторитет Комитета в установлении нарушений обязательств в случае установления действительного контроля. Заявите, что от нашего абсолютного убеждения в снабжении мятежников из Германии, Италии и Португалии как до, так и после подписания соглашения мы ни в коем случае отказаться не можем и полностью поддерживаем свои обвинения против этих трех стран. Даже в случае отказа Гранди от обсуждения вопросов.

* Посол Великобритании в СССР.

** См. док. № 296.

касающихся Италии по первому пункту порядка дня. Вам не следует уклоняться от обсуждения следующего пункта, касающегося обвинений против СССР*.

Литвинов

Печат. по арх.

335. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром просвещения Ирана Хекматом

27 октября 1936 г.

После краткой беседы о последней поездке Хекмата по провинции я сообщил ему о намерении Советского правительства подарить ему два планера и некоторое количество парашютов, чтобы помочь в развитии в Иране парашютного и планерного спорта. Я напомнил Хекмату о наших беседах на эту тему¹⁹⁶ и указал, что Советское правительство в данном случае имеет в виду помочь ему как человеку, возглавляющему культурную связь между Советским Союзом и Ираном, и как руководителю физкультурной работы в Иране в организации новых и интересных видов спорта, закаляющих здоровье и воспитывающих мужество.

Хекмат ответил, что иранское правительство с глубокой признательностью приняло сообщение о подарке Советского Союза. Факт подобного подарка Советского Союза произвел совершенно исключительное впечатление. Особенно ярко сказалось различие между отношениями к Ирану старой царской России и других соседей Ирана и новой Советской России. Старая царская Россия, как и целый ряд других стран, стремилась к тому, чтобы ослабить иранское государство и всячески помешать его развитию. Старая Россия и другие соседи желали видеть Иран слабым, беспомощным, население его безграмотным, иранский народ тщедушным, хилым. Новая же, Советская страна, наоборот, всей своей политикой в отношении Ирана, и в особенности этим последним подарком, показывает, что ее руководители искренне хотят развития и укрепления здоровья его населения, прогресса в стране во всех областях как культурной, так и хозяйственной жизни и укрепления международного положения Ирана. Это показывает, по словам Хекмата, что руководители Советского Союза подошли с широким горизонтом и с большой перспективой на будущее. Подарок Советского правительства произвел на него чрезвычайно большое впечатление, и он, Хекмат, считает, что этим подарком положено начало полосы новых и особо близких отношений между Ираном и СССР.

* См. газ. «Известия», 30 октября 1936 г.

«Я хочу, чтобы Вы поняли мою мысль. Восточные страны, к которым принадлежит Иран, как Вам известно, сильно отстали в своем культурном и хозяйственном развитии от европейских стран. И вот когда встал вопрос о приобщении этих стран к европейской культуре, то каждая страна пошла совершенно различными путями и достигла на этом пути далеко не одинаковых успехов. Возьмем, например, такую так называемую восточную страну, как Япония или Китай, Индию, Турцию, Египет и, наконец, Иран. Вы увидите, что их настоящее положение на пути к дальнейшему развитию совершенно различно. Каждая из этих стран пыталась опереться на какую-нибудь страну, более развитую в хозяйственном и культурном отношении. Каждая искала своих друзей. Мне представляется, что в условиях существующих искренних отношений между Советским Союзом и Ираном Советский Союз может стать для Ирана именно такой страной, на которую Иран может опереться в своем культурном и хозяйственном развитии и в укреплении своей мощи. Мне кажется, что этот последний исключительно дружественный шаг со стороны Советского правительства и является началом таких отношений между Ираном и СССР. На мой взгляд, Советский Союз также и в силу своего географического положения является наиболее желательной страной, на которую Иран должен был бы опереться в своем развитии. В условиях такой географической близости этих двух стран между нами не может быть безразличных отношений: либо будут отношения недоверия и боязни, либо, наоборот, отношения полной дружбы и тесного сотрудничества. Если первые относятся к прошлому времени, то последние к настоящему времени. Уже сейчас можно считать, что отношения между СССР и Ираном могут служить образцом дружбы между двумя народами. Дружба между нашими государствами дошла до степени полного взаимного понимания и плодотворного сотрудничества в хозяйственном отношении и широкого обмена культурными ценностями. Оба наши государства прекрасно понимают, что со стороны другого нет никаких агрессивных тенденций. На земном шаре в настоящее время нелегко найдется государство, находящиеся в столь искренних взаимоотношениях друг с другом. Какой противоположностью этому являются отношения между большинством европейских государств. Европа превратилась в вооруженный лагерь, где все готовы вцепиться друг другу в горло и каждая небольшая возможность немедленно же используется отдельными государствами для захвата. Мы все это видели на примере африканских событий и сейчас наблюдаем на примере Испании. Страны обнесли себя укрепленными границами и ограничили себя от других стран также и в области культуры. В народах воспитывается узкий национализм и шовинизм. Культура дру-

гих народов бракуется, как что-то негодное для данной нации. Всякого рода такой национализм, шовинизм и фашизм являются очень вредными для общего прогресса развития культуры человечества. Только такие страны, которые умели воспринимать от других народов вершины их культурных достижений, прогрессировали и сами помогли общему прогрессу человечества. Страны же, культивирующие у себя узкий шовинизм, сужают понимание общечеловеческой культуры, и такого рода политика является регрессивной. Если же такого рода идеология воспитывается в более сильных государствах, то они становятся опасными и для более слабых стран.

Я считаю, что могут существовать двоякого рода правительства вне зависимости от образа правления: первое — исторически объективно полезное для развития человечества и второе, вне зависимости также от образа правления, — объективно вредное. Такие правительства, которые снижают жизненный уровень населения, которые воспитывают в народе дух национальной ограниченности, на мой взгляд, являются регрессивными и объективно вредными с точки зрения человеческой истории.

У вас этого нет. Советская культура — привлекательная для Ирана тем более, что она лишена элементов шовинизма и узкой национальной ограниченности. Мы также быстрыми шагами освобождаемся от остатков идеи национальной ограниченности и, встав на путь прогресса, готовы широко воспринимать его откуда угодно, где мы смогли бы почерпнуть для себя что-нибудь полезное. Найдя в лице Советского Союза такого близкого друга, мы сможем базировать свое культурное развитие на этой дружбе».

После этих общих замечаний мы перешли к обсуждению конкретных вопросов, связанных с реализацией подарка. Хекмат сказал, что чем скорее мы возьмемся за дело, тем это будет лучше. Он просит командировать на службу в соответствующий отдел министерства просвещения, скажем, на один год нашего специалиста, который должен помочь сначала создать всю необходимую техническую базу, а затем приступить к практической работе с планерами и парашютами. Хекмат спросил меня, какую мы считаем необходимым установить заработную плату для нашего специалиста. При этом он отметил, что специалисты, работающие по линии министерства просвещения, получают самые разнообразные ставки от 100 до 1 тыс. туманов в месяц в зависимости от своей квалификации, в частности от знания ими иностранных языков. Кстати, Хекмат обратил внимание на крайнюю желательность, чтобы наш специалист знал французский язык, так как ему в основном придется работать с учащейся молодежью, со студенчеством, которое владеет французским языком.

Я ответил, что ставку заработной платы назову позже и что во всяком случае это вопрос, который не вызовет затруднений.

Хекмат со своей стороны поспешил добавить, что и со стороны министерства просвещения будет сделано все необходимое, чтобы предоставить нашему специалисту вполне приличную ставку.

Я сообщил далее Хекмату, что ввиду бесед, которые имели место между нами и Хекматом относительно возможности совместного издания энциклопедии иранской культуры, Академия наук СССР обратилась к правительству за разрешением взять на себя издание такой энциклопедии. Правительство одобрило инициативу Академии наук и поручило ей приступить к этой работе. В настоящее время специальная комиссия при Академии наук разрабатывает план и программу издания, и по окончании этой работы, вероятно в ближайшее время, мы сможем предложить на одобрение Хекмата соответствующие предложения. Я добавил, что дело это большое, важное и не простое и что, вероятно, оно потребует несколько лет для своего завершения. Мы не сомневаемся в том, что кооперация иранских и советских ученых даст в результате весьма ценное издание.

Хекмат ответил, что он очень рад успешному ходу этой идеи, которой он давно уже является сторонником. Как только получат разработанный Академией наук план и программу издания, он просит его с ними тотчас же ознакомить. Он в свою очередь внесет все необходимые предложения на утверждение правительства.

Что же касается организационной стороны, то Хекмат считает, что было бы хорошо создать единый редакционный комитет, часть которого была бы сформирована при Тегеранском университете, а советская — при Академии наук. Он считает правильным, чтобы энциклопедия иранской культуры выходила на двух языках — на персидском и на русском.

После этого Хекмат обратился ко мне с просьбой посодействовать в получении им консультации по организации школьных радиоузлов. Основная консультация должна быть технической. По всей вероятности, в дальнейшем министерство просвещения обратится к нам с просьбой поставить необходимые комплекты оборудования. Хекмата интересует возможность использования таких радиоузлов для внутренней школьной работы.

Я пообещал послать в Москву соответствующий запрос¹⁹⁷.

Я обратил внимание Хекмата, что мы до сих пор не имеем с его стороны рекомендации иранских певцов для гастролей в Закавказье. Соответствующие радиокомитеты уже давно к нам обращались, и неоднократно, с просьбой организовать гастроль иранских певцов в закавказских центрах, но дело задер-

живается из-за того, что мы не сговорились здесь еще относительно кандидатур.

Хекмат извинялся и обещал заняться этим делом, которое до сих пор не урегулировано только потому, что он все время был в разъезде.

Заодно я обратился к Хекмату с просьбой помочь нам подобрать для московского радио несколько наиболее удачных пластинок с записями иранской музыки (вокальной и инструментальной).

Хекмат обещал это сделать.

Вслед за тем мы перешли к вопросам пушкинского юбилея. Хекмат заявил, что Иран намерен принять участие в чествовании памяти великого русского поэта. Сам Хекмат, по его словам, хорошо знает Пушкина и любит его. О программе чествования можно будет еще переговорить. Пока же Хекмат считает, что 10 февраля нужно будет организовать в Тегеране торжественное заседание, посвященное памяти поэта. Также нужно будет издать в хорошо оформленном виде томик произведений Пушкина. Хекмат даст предисловие к этому изданию, а также постарается сам лично сделать некоторые переводы, если мы доставим ему французское издание Пушкина. Доклады, которые будут прочтены на торжественном заседании памяти Пушкина, будут изданы отдельной брошюрой. В газетах и журналах будут опубликованы статьи. Идея устройства здесь пушкинского концерта при всей ее привлекательности может вызвать то возражение, что здешняя аудитория еще мало воспитана в европейской музыке и все усилия преодолеть это непонимание европейской музыки пока не дали никаких результатов. Музыкальная школа влечит пока самое жалкое существование. Попытка организации концертов тоже окончилась неудачей. Европейское кение вызывает здесь недоумение. Все же Хекмат намерен подумать над этой идеей. Пока же он выдвигает другое предложение, а именно, чтобы 10 февраля или в другой день из Москвы было дано специальное выступление, посвященное памяти Пушкина, для Ирана. С небольшой речью на персидском языке мог бы выступить иранский посол в Москве, а затем мог бы быть дан любой концерт.

Для организации всего дела Хекмат намерен создать специальную комиссию, куда просит включить кого-либо из наших работников, могущих непосредственно участвовать в переводной, редакционной и тому подобной работе.

Я рекомендовал в этой связи для участия в комиссии Белгородского и Талиб-заде*.

А. Черныш

Печат. по арх.

* Соответственно научный консультант торгпредства и переводчик полпредства СССР в Иране.

336. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Апайдыном

28 октября 1936 г.

Апайдын начал с расспросов об испанских делах, которые его начинают тревожить, и спрашивал, не ожидаем ли мы осложнений. Я ответил, что мы не считаем монополией Германии и Италии интересоваться испанскими делами и не предвидим на этой почве осложнений и что в отличие от других правительств мы не поддаемся блефам и запугиваниям фашистских правительств.

Апайдын затем заявил, что его телеграмма о последней беседе со мною * обсуждалась в совете министров, который пришел к следующему заключению. Провливая конвенция ** достаточно обеспечивает интересы СССР и Турции. Новое соглашение, выходящее за пределы этой конвенции или базирующееся на какой-либо ее части, было бы неуместно и нецелесообразно и во всяком случае преждевременно, тем более, что еще не все участники конвенции ратифицировали ее, а Италия не присоединилась к ней. С другой стороны, не подлежит сомнению, что Турция выполнит обязательства всех подписанных ею договоров и соглашений, в том числе и проливной конвенции. Сухопутные и водные пути Турции никогда не послужат целям агрессии против дружественных стран, в особенности против СССР. Турция рассчитывает, что она при этом не останется в одиночестве и будет всегда иметь поддержку заинтересованных государств. Все это так очевидно, что не нуждается в договоренности. При удобном случае турецкое правительство выразит эту точку зрения публично ***. Что же касается письма Чичерина ****, то турецкое правительство предпочитает предоставить Советскому Союзу интерпретацию и оценку его значения, когда придется применять его. Такой жест больше соответствует обычным методам взаимного доверия между нашими странами. Акция такого рода является наилучшей и наиболее убедительной манифестацией верности Турции дружбе с СССР. Советскому правительству предоставляется определить образ действий в отношении Турции. С Италией Турция имеет лишь известный нам пакт дружбы. Что же касается Германии, то с нею нет даже никакого контакта политического характера. По интересующему Турцию вопросу об Александретте с Францией не установлен даже еще контакт. Обещан разговор на эту тему со стороны французского посла Понсо, но пока нет никаких признаков таких разговоров. Между тем данный вопрос

* См. док. № 321.

** См. док. № 238.

*** См. газ. «Известия», 3 ноября 1936 г.

**** См. т. VIII, док. № 419.

имеет для Турции большее значение, чем это можно предположить. Турецкому представителю в Женевском комитете по реформе Пакта даны инструкции о прямом сотрудничестве с советским представителем.

Я более или менее точно записывал то, что Апайдын читал мне из двух телеграмм — одной от Араса, другой от Иненю. Апайдын спрашивал, каково мое впечатление от новой ориентации, с которой он меня ознакомил.

Я сказал, что ничего нового и положительного в сделанной мне декларации я не нахожу. Арас в Женеве сделал одно предложение*, связанное с проливной конвенцией, и теперь оно берется обратно. Он сделал и другое предложение**, основанное на наших предложениях к Пакту Лиги**, и оно берется обратно. Нам остается принять это к сведению, ибо инициатива исходила не от нас. Посол, однако, совершенно правильно говорил о новой ориентации Турции. В течение многих лет турецкое правительство настаивало на недостаточности существующих отношений и добивалось договорного оформления их. Теперь турецкое правительство заявляет, что отношения должны остаться такими, какими они были до сих пор. В своей последней беседе с послом я ему высказывал некоторые предложения***, которыми можно объяснить эту новую ориентацию турецкого правительства. Мы будем ждать заявления турецкого правительства****, о котором говорится в сегодняшней декларации. Я доложу эту декларацию своему правительству, но не думаю, чтобы оно со своей стороны взяло на себя инициативу каких-либо публичных заявлений или каких-либо новых предложений.

На вопрос Апайдына, что же я считал бы полезным сейчас сделать, я ему ответил, что мы с Арасом только что вернулись из Женевы, где много говорилось о недостаточности гарантий, предоставляемых Пактом Лиги, и необходимости укрепления его системой региональных и двусторонних пактов.

Апайдын интересовался узнать, сочувствует ли этой системе пактов английское правительство. Я ему заметил, что мы определяем свою политику, не считаясь с сочувствием или несочувствием Англии, но фактически Иден в Женеве выступал в защиту необходимости региональных пактов.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 321.

** См. т. XVII, док. № 331, 334.

*** В своей беседе с Апайдыном 19 октября я говорил ему о создавшемся у меня в Женеве впечатлении, будто Турция теперь менее свободна в определении своей внешней политики, чем до сих пор. — *Прим. док.*

**** См. газ. «Известия», 3 ноября 1936 г.

337. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
28 октября 1936 г.

Сегодняшнее заседание Комитета продолжалось больше шести часов подряд*. Мое разъяснение нашей позиции вызвало заявление Бисмарка**, что в связи с создавшимся положением он должен получить от своего правительства инструкции, и заявление Гранди, что он считает ненормальным, когда за столом Комитета сидит представитель страны, о которой точно не известно, является ли она членом соглашения или нет. Гранди также прибавил, что при обсуждении итальянской ноты (которая стояла в порядке дня сразу же после моего разъяснения) он не считает возможным отзвучать на какие-либо вопросы со стороны представителя государства с неясной в отношении соглашения позицией, однако на практике не решился привести свои угрозы в исполнение.

Внешне Гранди был спокоен и корректен, а в перерыве подошел ко мне, выражал сожаление, что Италия, которая 12 лет назад первой из великих держав признала СССР, приходится теперь быть в оппозиции к нам, нам же об этом лично приходится драться друг против друга в Комитете. При этом Гранди прибавил: «Что ж, мы с Вами люди партийные и понимаем положение».

Португалец тоже что-то сказал о неясности позиции Советского правительства, а Плимут заявил, что он даже теперь все-таки толком не представляет себе отношение Советского правительства к соглашению и Комитету. Корбен не проронил ни слова. Молчали и все остальные, хотя, как всегда, в перерыве многие (турок, швед, грек, чехословак и др.) потихоньку выражали свое сочувствие.

Я под конец заявил, что мое разъяснение совершенно ясно и что никаких сомнений в нашей позиции не может быть.

Затем обсуждались итальянский и португальский ответы на наши и испанские обвинения против них, причем я выступил со своими замечаниями по обеим нотам, которые передаются ТАСС***. Португальца я, к явному, хотя и несколько приглушенному, удовольствию Комитета, просто высмеял, а в конце своего выступления развил мысль о том, что в Испании сейчас происходит борьба между силами мира и войны. Я заявил, что обе ноты считаю неудовлетворительными; Плимут же на этот раз пошел еще дальше, чем в случае с Германией, и

* См. газ. «Известия», 30 октября 1936 г.

** Представитель Германии в Комитете по невмешательству.

*** См. газ. «Известия», 30 октября 1936 г.

протащил через Комитет признание, что все обвинения Италии и Португалии в нарушении соглашения не доказаны.

Гранди хотел было добиться от Комитета прямого признания своей ноты удовлетворительной, но этому удалось воспрепятствовать. Когда Плимут поставил перед Комитетом вопрос о том, мол, обвинения не доказаны, никто, кроме меня, не решился ему возражать. Корбен меня никак не поддержал, но все время хранил молчание. За поздним временем обсуждение наших ответов на германское и итальянское обвинение отложено до следующего заседания Комитета, назначенного на 11 часов утра 4 ноября.

Итальянцы вручили Плимуту новую ноту с обвинениями против нас по 20 пунктам, вышлю ее завтра. 2 ноября состоится заседание подкомитета, на котором будет обсуждаться план Плимута по улучшению работы Комитета. Тогда же я потребую обсуждения и нашего предложения по вопросу о контроле за экспортом оружия в Испанию*. Гранди и Корбен сегодня заявили, что итальянское правительство в принципе относится к плану Плимута сочувственно.

Полпред

Печат. по арх.

338. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Президентом Чехословакии Бенешем

30 октября 1936 г.

На приеме у румынского посланника Эманди в честь румынского короля Кароля меня отыскал начальник военной канцелярии президента ген. Блага и сообщил мне, что Бенеш хочет говорить со мной. Бенеш находился в столовой в группе вокруг короля, на которой, понятно, было сосредоточено внимание всех присутствующих. Когда я подошел, Бенеш без излишних демонстраций, но с определенным подчеркиванием, двинулся мне навстречу и сердечно приветствовал. Он поставил меня, так сказать, на виду у всех и разговаривал минут десять. Кто-то из дипкорпуса потом подчеркивал мне, что такое исключительное внимание, «особенно в присутствии короля», не осталось незамеченным. По существу разговора следует отметить следующее.

Бенеш просил передать наркому Литвинову от своего имени, что он именно сегодня, после окончания всех совещаний с королем и Антонеску, может с удовлетворением заявить, что «Румыния полностью одобряет чехословацкую политику сближения с СССР» и благожелательно относится и к дальнейшему развитию самых близких отношений. С другой стороны, Малая Антанта еще больше укрепилась в результате приезда короля

* См. док. № 342.

в Прагу и в дальнейшем будет «действенным союзом». В изложенном заключался главный тезис Бенеша, варьируя который он несколько раз подчеркивал, что таким образом никаких изменений во взаимоотношениях Чехословакии с СССР не может произойти.

На вопрос об отношении Малой Антанты как «действенного союза» к СССР Бенеш отвечал в уверенных тонах, что Югославия тоже не имеет никаких возражений против сближения Чехословакии с СССР, но ее положение особое, и с этим надо считаться.

Поскольку мне казалось, что Бенеш уклоняется от точного ответа о настроениях самой Румынии, я задал прямой вопрос, что думает на эту тему король. Ответ был, на мой вкус, недостаточно определенным, хотя Бенеш и сказал, что никаких изменений в отношении Румынии к СССР не произойдет. Антонеску «хорошо понимает ситуацию», но он уже старый человек и ему не хватает темперамента Титулеску. Эта ссылка стала теперь ходячей при всех разговорах, касающихся внешней политики Румынии.

Обстановка не позволяла задерживать Бенеша более подробным разговором.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

339. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 октября 1936 г.

Выехав больным из Москвы, я ухудшил состояние здоровья во время поездки и поэтому не мог принять участия в празднествах*. Ввиду этого после парада Арас сам заехал ко мне. Из почти двухчасового монолога Араса сообщаю кратко то, что он говорил о пакте**: в случае надобности Турция не сможет помочь больше, чем закрытием проливов для флота агрессора, Турция еще недостаточно вооружена, чтобы действовать за пределами своей территории. Закрытие же проливов в случае агрессии против СССР является настолько самоочевидным, что не требует оформления документом. Ататюрк в своей речи в национальном собрании 1 ноября заявил во всеуслышание, как он поступит в случае попыток нападения на СССР через проливы***. Что касается помощи Турции со стороны СССР, то Турция опирается на письмо Чичерина****. Хотя Лигтвинов

* См. газ. «Известия», 1 ноября 1936 г.

** См. док. № 321, 336.

*** См. газ. «Известия», 3 ноября 1936 г.

**** См. т. VIII, док. № 419.

и сказал, что это письмо имеет слишком неопределенный характер, но Турция все же полагается на то решение, которое Советское правительство внесет в конкретном случае. На мое замечание, что Арас не раз сам предлагал заключение пакта взаимопомощи*, министр ответил: быть может, это было ошибкой с его стороны. В результате его настоячивых требований в Москве составилось мнение, что этот пакт сможет быть реализован в каждый момент, когда Москве это представляется удобным. Между тем сейчас не то положение. 1936 год был годом комбинаций, которые должны были предотвратить вооружение Германии и итальянскую агрессию. Это не удалось вследствие ошибок Франции и политики Лавалля. 1937 год явится годом выжидания, в течение которого нужно вооружаться и никого не провоцировать. Я сказал Арасу, что вопрос сложнее, чем он думает, но из-за нездоровья я сейчас не буду высказывать свои соображения, а вернусь к этому разговору, как только почувствую себя лучше**.

Карахан

Печат. по арх.

340. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Немедленно
1 ноября 1936 г.*

На Вашу телеграмму от 30 октября¹⁹³. Контроль не надо ни форсировать, ни тормозить. Предложение Плимута мы рассматриваем как дополняющее наше, а не противостоящее ему. Заявите, что мы считаем наиболее целесообразным контроль португальских портов англо-французским флотом, а затем в порядке уступчивости согласитесь на посылку контролеров в португальские, а также испанские порты и на пограничные пункты. Подчеркните, что, по нашему мнению, в места, оккупированные мятежниками, должны быть посланы контролеры безусловно, а в пункты, где есть законная администрация, — лишь с согласия мадридского правительства.

Требуйте, чтобы роль контролеров состояла преимущественно в самостоятельной проверке следующих грузов и в донесении Комитету случаев обнаружения военных материалов, а не только в выполнении заданий Комитета в соответствии с нынешней или аналогичной процедурой. В случае надобности давайте понять, что мы потеряли всякий интерес к нынешней абсолютно никчемной работе Комитета и что остаемся в нем,

* См. док. № 203.

** См. док. № 347.

лишь пока еще есть надежда установить контроль на будущее время. Тем не менее собирайте все появляющиеся в английской, как и иной, печати сообщения о поставках мятежникам.

Литвинов

Печат. по арх.

341. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 ноября 1936 г

1. На днях я имел беседу с Черчиллем по различным вопросам текущей политики, причем больше всего меня поразили крайний пессимизм, с которым он смотрит на ближайшие перспективы. Враждебность Черчилля к Германии еще более увеличилась, если это возможно. Борьбе с Гитлером, по мнению Черчилля, должны быть подчинены все прочие политические проблемы. Англо-франко-советская комбинация по-прежнему представляется ему единственным путем к обузданию Германии, однако Черчилль недоволен «вмешательством» СССР в испанские дела, так как-де это отвлекает нас от главной цели и, кроме того, затрудняет процесс сближения между Англией и СССР.

2. Черчилль очень доволен повышением нашей военной мощи. Он говорил, что английская делегация вернулась с советских маневров с хорошим впечатлением. Делегация находит, что моральное состояние Красной Армии хорошее, техника обильна и хорошего качества, умение владеть техникой поставлено на должную высоту, вообще армия хоть куда. Со мнения у делегации вызывает лишь состояние транспорта.

3. По испанскому вопросу у нас произошла большая дискуссия. Начал Черчилль с того, что, мол, победа Франко с точки зрения британских интересов выгоднее, чем победа испанского правительства, так как-де «красная» Испания слишком напугала бы английских консерваторов и вызвала бы большие пертурбации во Франции. На Франко же английское правительство могло бы надавить и, таким образом, обеспечить свои позиции на Средиземном море.

Я возражал, подчеркивая падение британского престижа в Европе и рост влияния Гитлера и Муссолини, и предрекал, что в случае победы Франко хозяевами положения в Испании и на Средиземном море окажутся фашистские диктаторы. В конце концов я назвал Черчилля «плохим империалистом», и что он обиделся и воскликнул: «Так что же вы хотите, чтобы я стал поддерживать диктатуру пролетариата в Испании? Но я же не коммунист и не фашист, а демократ!».

Я несколько подробнее мотивировал свою точку зрения на международное значение испанских событий именно под углом зрения борьбы за мир и против германской опасности. В конечном итоге моя аргументация, видимо, произвела на Черчилля известное впечатление, потому что он сказал: «Хорошо, я обещаю Вам быть нейтральным и сегодня вечером в парламенте по испанскому вопросу не буду выступать». В парламентских прениях 29-го Черчилль действительно не выступал, а как будет держаться в дальнейшем, не знаю.

4. Черчилль был нынче во Франции на маневрах и констатирует, что французские генералы, с которыми ему приходилось много разговаривать, в большинстве относятся к СССР и франко-советскому пакту отрицательно, но вместе с тем подчеркивают, что довольны французскими коммунистами больше, чем социалистами: коммунисты-де поддерживают вооружение Франции, из коммунистов часто выходят образцовые солдаты. Черчилль заклинает нас всемерно хранить правительству Блюма, ибо всякие внутренние потрясения во Франции в нынешней международной обстановке были бы равносильны катастрофе.

Полпред

Печат. по арх.

342. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
2 ноября 1936 г.*

Сегодняшнее заседание подкомиссии характеризовалось следующими чертами:

1. Немцы, итальянцы и португальцы вели явный саботаж попытки сделать какой-нибудь шаг вперед в деле осуществления контроля, ссылаясь в особенности на то, что до сих пор ими не получены инструкции от своих правительств.

2. Наоборот, Плимут и Корбен проявляли необычайную для них проворность в стремлении протащить какую-либо видимость контроля. Плимут, в частности, настаивал на том, чтобы теперь же обратиться к «обеим сторонам» в Испании с его пустой формулой в расчете (это я случайно узнал из его разговора с Корбеном), что испанское правительство, или мятежники, или и те и другие отклонят предложение Комитета, и тогда уже «на законном основании» можно будет ничего не делать. Я, однако, категорически возражал против каких-либо дальнейших шагов до тех пор, пока очертания контроля не будут сколько-нибудь выяснены, и был поддержан французом, шведом и чехословаком. В результате Плимуту пришлось

уступить. К концу заседания на основе имевшей место дискуссии был набросан проект основных положений о контроле, и Плимут просил всех членов Комитета в срочном порядке запросить по данному вопросу мнение своих правительств. Завтра проект будет разослан всем участникам соглашения, и тогда я вам его телеграфирую¹⁹⁹.

3. Я опять поставил на обсуждение вопрос о Португалии, но, конечно, ниоткуда не встретил сочувствия. В ходе дискуссии я дал понять, что в качестве личного предложения готов запросить Советское правительство о замене морского контроля Португалии назначением в португальские порты уполномоченных Комитета и резервировал за собой право в дальнейшем вернуться к этому проекту. Сомневаюсь, чтобы и данное предложение было принято, но оно может оказаться полезным для тактических надобностей.

4. Я потребовал уточнения функций уполномоченных (заявив, что мы настаиваем на предоставлении им инициативы в контроле на местах, а не только сообщения Комитету нужных ему данных в ответ на запросы Комитета, как хотел Плимут), единогласного назначения их пленумом Комитета и распространения контроля на Испанское Марокко, острова и другие владения Испании.

Последние два предложения были приняты. Что же касается задач уполномоченных, то Плимут и Корбен (не говоря уже о представителях фашистских держав) усиленно стремились придать им чисто пассивные функции (только сообщать по запросу Комитета). Ввиду, однако, моей оппозиции было решено предоставить на выбор правительств, входящих в Комитет, две формулы — о пассивных и активных функциях.

5. Большой спор вышел по вопросу о «двух партиях» в Испании. Я требовал, чтобы Комитет «признавал» только законное испанское правительство (в вопросе о назначении уполномоченных и т. п.), все же остальные, исходя из «правительственных соображений», настаивали на получении согласия на назначение уполномоченных от «обеих сторон». Так как в окончательной редакции предложения подкомитета осталась формула «обе стороны», я заявил, что снимаю с себя ответственность за редакцию «предложения», но ввиду просьбы Плимута готов снестись с Советским правительством по существу обсуждавшихся вопросов²⁰⁰ (в пояснение должен сказать, что предложение по вопросу о назначении уполномоченных в португальские порты, а также предложения о единогласном назначении уполномоченных и о распространении контроля на испанскую территорию вне Пиренейского полуострова я пока сделал от своего личного имени).

6. Общее мое впечатление сводится к тому, что наш нажим плюс позиция лейбористов, II Интернационала и французских

коммунистов вынудили британское и французское правительства зашевелиться, но пока они хотят отделаться лишь фикцией контроля.

Майский

Печат. по арх.

343. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бекем

2 ноября 1936 г.

Я пришел к Беку тогда, когда от него выходил английский посол, который приходил для согласования вопросов, связанных с поездкой Бека в Лондон²⁰¹. В связи с этим у нас неожиданно завязался общий политический разговор, продолжавшийся свыше часа.

Бек выезжает в Лондон 6 ноября и вернется обратно 13-го. Официальное пребывание в Лондоне продлится три дня. В ответ на мой вопрос, будет ли нескромным спросить, имеет ли его визит целью какую-нибудь специальную задачу или он имеет только протокольный характер, Бек очень охотно начал рассказывать, испытывая видимое удовольствие, что ему предстоит этот визит.

Визит, с одной стороны, мол, является ответным на визит Идена*. Он задержался из-за траура при английском дворе. Визит не предусматривает никаких специальных соглашений. Будет общий обмен мнениями и «сравнение точек зрения» по европейским вопросам.

Коснувшись Данцига, Бек очень философски комментировал последние антипольские эксцессы**, считая, что просто переусердствовали местные люди. Поведение Берлина очень, мол, корректно, и, например, германская пресса очень спокойно пишет вообще о данцигских делах. Что касается порученных ему Лигой [наций] переговоров***, то пока ничего нового нет.

Разговор как-то коснулся «пакта четырех». Бек опять заметил, что надеется, что пакт похоронен окончательно. Я заметил, что в прессе опять стали появляться сообщения о каких-то новых планах пакта, особенно после поездки Чиано в Берлин****. Бек стал говорить, что подобные планы безнадежны. Затем он коснулся вчерашней речи Муссолини в Милане*****, особенно той части, которая касается Лиги наций. Бек сказал, что это новый важный факт. Хотя Муссолини и раньше не щадил в своей критике Лигу наций, но еще никогда он так резко и определенно не высказывался против Лиги наций. Дальше он

* См. т. XVIII, док. № 160.

** См. газ. «Известия», 2 ноября 1936 г.

*** См. газ. «Известия», 29 октября 1936 г.

**** См. газ. «Известия», 23 октября 1936 г.

***** См. газ. «Известия», 3 ноября 1936 г.

начал философствовать на ту тему, что последняя сессия в Женеве не способствовала, а усложнила возвращение Италии в Женеву. Хотя, мол, с другой стороны, и поведение Италии было неподходящим. Он, Бек, предпочел не выступать по этому вопросу. Затем Бек стал резко критиковать Авеноля, поездка которого в Рим * была неуместна. Это, мол, опять возвращение к закулисным сделкам, которые ставят других перед совершившимся фактом, и пр. Эти методы ничего хорошего дать не могут и только роняют авторитет Лиги.

Говоря об общем напряженном положении в Европе, Бек заметил, что еще много лет тому назад Пилсудский говорил ему, что европейские державы перессорятся из-за Африки. Пилсудский неоднократно возвращался к этому вопросу и всегда спрашивал Бека после его возвращения из Женевы, как обстоит дело с Африкой. Теперь, мол, это «пророчество» маршала оправдалось.

Я заметил, что положение в Европе действительно очень усложняется. Этому способствует еще и то, что одни державы запугались в политике всяких колебаний, тогда как другие (Италия и Германия) все больше наглеют и считают, что им все сойдет. Приведя пример Англии, нерешительное поведение которой перед войной 1914 г. ускорило нападение Германии, я заметил, что и сейчас более твердая и определенная политика способствовала бы делу мира. Я намекнул и на колебания Польши. Бек стал пространно говорить о «принципах» внешней политики Польши (ничего нового) и почему-то вспомнил период нашего вступления в Лигу наций. Он сказал, что Польша, которая ничем решительно не хотела мешать нам, потому лишь хотела тот обмен нотами **, что это освобождало наши отношения от какой-либо зависимости от Лиги наций. Поясняя свою мысль, он говорил, что если бы Лига наций ослабела, наши отношения, как независимые от нее, остались бы те же.

Поскольку разговор у нас стал довольно интимным, я заметил, что, к сожалению, не могу констатировать никакого движения вперед в наших отношениях. Попытки, которые были тогда сделаны, углубить эти отношения (Восточный пакт) не увенчались успехом. И хотя наши отношения продолжают быть добрососедскими и корректными, они все-таки далеки от того, чем могли бы быть. Даже в области культурных отношений мы имеем движение назад, а не вперед. Опять приводя в пример поведение Англии перед 1914 г., я доказывал, что перед лицом все более развивающейся германской агрессивности необходима более определенная внешняя политика, которая заранее

* См. док. № 259; газ. «Известия», 9 сентября 1936 г.

** См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 220—221, 225.

бы предупреждала агрессора. Я заметил, что, когда мы говорим о германской агрессии, мы отнюдь не думаем только об СССР, ибо Германия в первую очередь угрожает другим (я намекнул и на Польшу). Но всякая агрессия, где бы она ни была, может нарушить мир в Европе. Все это говорилось в очень общих выражениях, как и то, что говорил Бек. Он снова говорил о том, что никогда не считал серьезной возможность германской агрессии против СССР без содействия Польши. А Польша этого не допустит и пр. Я ответил, что, конечно, не сомневаюсь в этом и, кроме того, мы достаточно сильны для того, чтобы помешать любому нападению на нас со стороны Германии, но дело в том, что Германия и сама хорошо знает, что не так-то легко будет добраться до Урала и даже Украины, а потому она будет искать других путей для своей экспансии.

Когда разговор касался советско-польских отношений, Бек заметил, что Гжибовский* полон всяких хороших намерений и желаний и несомненно будет тоже работать в пользу улучшения наших отношений. Другие его высказывания на эту тему были полны обычным туманом. Я тоже, конечно, не старался конкретизировать вопросы.

Я перешел к непосредственной цели своего визита — статусу торгпредства²⁰². Я рассказал ему подробно, как обстоит дело с приложением плана торгпредства к соглашению, доказывая невозможность исключения коридоров и пр. из экстерриториальной части. Бек обещал еще раз изучить дело и затем сообщить. Он заметил лишь, что польские власти, как вообще всякие власти, не любят, когда очень много экстерриториального. Пошутив на эту тему, мы расстались. Он еще раз обещал ускорить дело.

Давтян

Печат. по арх.

344. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немеженко
3 ноября 1936 г.*

Я был сегодня у Идена, в порядке возобновления личного контакта после отпуска, и имел с ним беседу, продолжавшуюся около часа. Иден, видимо, был доволен моим визитом, ибо не только проявлял совершенно исключительную любезность, но даже два раза меня задерживал, когда я собирался уходить. Из беседы, касавшейся большого количества вопросов, отмечу важнейшие.

* Посол Польши в СССР с 4 июля 1936 г.

1. На мой вопрос о Локарно Иден ответил, что, несмотря на все трудности и разочарования, он еще не потерял надежды на возможность локарнской конференции, хотя не ждет ее скоро, во всяком случае не в этом году. Бельгия соглашается участвовать в Локарно на условии, что ее гарантируют, но она сама никого не гарантирует. Английское правительство на это пошло бы, но французское правительство пока упрямы. Хотя в британском общественном мнении несколько усилились германофильские тенденции (благодаря испанским событиям), но английское правительство по-прежнему-де стоит на базе комюнике 23 июля* и стремится к общеевропейскому урегулированию осложнений, а не только к западному соглашению.

2. Говоря о последнем выступлении Муссолини**, Иден заметил, что его собственный «порядок дня» уже достаточно заполнен важными вопросами и что сначала надо покончить с Локарно, а потом уже можно будет подумать о каком-либо средиземноморском соглашении.

3. Английское правительство решило сделать новую и возможно последнюю попытку оживить Лигу наций. С этой целью в тронную речь короля была внесена фраза о Лиге, ибо 5-го в парламенте Иден выступит с речью***, в которой будет защищать необходимость придать Лиге большую эффективность. В этом виде Иден готов отстаивать отмену единогласия по ст. 11, а также предложение Литвинова, касающееся ускорения процедуры в случае возникновения конфликта****. Иден, однако, считает, что усиление обязательств в данный момент неосуществимо. По словам Идена, французское правительство стоит на той же точке зрения, и вместе с тем Иден рассчитывает подойти к реформе Лиги на ближайшем заседании в Женеве.

Я изложил Идену нашу точку зрения на испанские события в духе моего заявления по португальской ноте*****, что, по-видимому, произвело на Идена известное впечатление, хотя он и оговорился, что не во всем согласен с нами. Потом мы говорили о возможных последствиях для Европы, и для Англии в частности, победы той или иной стороны в испанской гражданской войне, причем Иден вскопился с места и, ходя по кабинету, воскликнул: «Как посмотришь поглубже — и так идрхо, и этак нехорошо!». Иден носитися с фантазией, что в случае победы мятежников Франко будет преследовать какую-то «испанскую» политику, которая-де приведет его чуть ли не в объятия Англии. Я постарался рассеять эту иллюзию. В заключение Иден еще раз подчеркнул желательность «лока-

* См. газ. «Известия», 24 июля 1936 г.

** См. газ. «Известия», 3 ноября 1936 г.

*** См. газ. «Известия», 10 ноября 1936 г.

**** См. док. № 247.

***** См. газ. «Известия», 30 октября 1936 г.

лизации» наших разногласий по испанскому вопросу с тем, чтобы эти разногласия не мешали нам сотрудничать в других областях международной политики.

Полпред

Печат. по арх.

345. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочию Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану

4 ноября 1936 г.

Не делайте туркам никаких предложений касательно пактов²⁰³. Скажите, что подобных предложений мы им и раньше не делали и что заявления Апайдына * рассматриваем как взятие обратно предложений, сделанных мне Арасом в Женеве **, и принимаем это к сведению. Добавьте, что, желая говорить с той откровенностью, которая соответствует нашим давнишним отношениям, Вы не можете скрыть, что в этом деле нас поразило лишь то, что, как нам доподлинно известно, аннулирование предложений последовало под нажимом Англии ***.

Выразите удовлетворение по поводу слов, сказанных по нашему адресу Ататюрком в национальном собрании ****. Для Вашего сведения сообщаю, что турки даже выразили благодарность форин офису за данный им совет, которому они обещали следовать.

Литвинов

Печат. по арх.

346. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочию Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину

4 ноября 1936 г.

Дорогой Владимир Петрович,

Оставаясь в Лондонском комитете, мы учитываем главным образом отношение к этому делу французского правительства и его заинтересованность в сохранении фикции невмешательства. По нашим указаниям т. Майский пытается побудить Комитет стать на путь действительного контроля соблюдения обязательств о невмешательстве *****. Кажется бы, что представитель Франции в Комитете должен быть в этом деле заодно с нами, на самом же деле Корбен не только не оказывает никакого содействия Майскому, но даже противодействует

* См. док. № 336.

** См. док. № 321.

*** См. док. № 347, 356.

**** См. газ. «Известия», 3 ноября 1936 г.

***** См. док. № 342.

ему. Мы требуем посылки уполномоченных во все пограничные пункты и порты Испании, занятые как мадридскими войсками, так и мятежниками. Они, конечно, смогут осуществлять контроль лишь в том случае, если они будут иметь право по собственной инициативе проверять все поступающие грузы и в случаях обнаружения военной контрабанды сообщать Комитету. Плимут же при содействии Корбена настаивает на том, чтобы уполномоченные могли только выполнять поручения Комитета и чтобы кроме уполномоченных были назначены еще старшие уполномоченные, с которыми Комитет и будет сношаться. Это означает создание длительной процедуры, которая делает контроль так же мало эффективным, как и нынешняя процедура. Я сообщаю Вам это пока лишь для Вашего сведения, но в дальнейшем, может быть, придется обратиться по этому поводу на Кэ д'Орсе. Без наших указаний, однако, туда пока не обращайтесь.

О разных других международных вопросах Вы узнаете из посылаемой Вам копии письма г. Майскому²⁰⁴. Хочу лишь добавить, что в часовой беседе, которую Майский имел на днях с Иденом*, последний соглашался, что, несмотря на наши расхождения с Англией по испанскому вопросу, известное комюнье**, данное во время его визита в Москву, об отсутствии противоречивых интересов между нами и Англией полностью сохраняет свою силу. Иден был при этом исключительно любезен. Он говорил, что хотя шансы на локарнскую конференцию слабы, но что он не потерял еще окончательной надежды на нее, хотя состоится она, вероятно, уже не в этом году. Говорит он также о твердом решении энергично взяться за улучшение работы Лиги наций. Из других источников нам известно, что Иден решил и убеждал французов взять более твердый тон в отношении Германии.

Литвинов

Печат. по арх.

347. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 ноября 1936 г.

Арас начал с того, что сообщил, что, поручая Апаидыну сообщить вам об отказе от пакта***, он поручил ему сделать заявление, состоящее из трех следующих пунктов: 1) по ряду

* См. док. № 344.
** См. т. XVIII, док. № 155.
*** См. док. № 336.

соображений турецкое правительство считает, что переговоры о соглашении, касающемся обязательств по конвенции в Монтрё *, вести «слишком рано и преждевременно»; 2) турецкое правительство не считает возможным заключение общего пакта по состоянию своих вооруженных сил; 3) Апаидын должен был сообщить, что Арас всесторонне и широко обследовал проблему заключения нового соглашения.

Причем секрет кроется в третьем пункте. Арас мне объяснил, что под третьим пунктом он имел в виду дать понять нам, что он выяснил этот вопрос у других держав. Мне он признался, что действительно он выяснял вопрос о пакте с нами у англичан и Югославии. Он пытался утверждать, что будто, спрашивая англичан, он не назвал нас, потом признался, что именно о соглашении с нами он советовался с англичанами. Что он хотел будто бы сказать мне об этом 29-го **, но, так как я был болен, он этого не сделал, между тем он сидел у меня два часа и без умолку говорил. Он признает, что, может быть, он лично сделал ошибку, сразу не сообщив нам о своих переговорах с Англией, но что турецкое правительство искренне в своем отношении к нам, что доказывает визит Ататюрка в полпредство ²⁰⁵. Причем он заявил мне, что Ататюрк будто бы не знал о моем разговоре с Иненю ²⁰⁶, когда пришел ко мне в полпредство, между тем Ататюрк сказал мне сам, что он пришел именно вследствие моего разговора с Иненю.

Все высказывания Араса не стоят того, чтобы их излагать. Я ему сказал, что остается факт, что турки по поводу пакта с нами, который они сами же предложили, обратились за советом к англичанам. Получили совет не идти на соглашение с нами, приняли этот совет и немедленно прекратили переговоры с нами, скрыв от нас факт переговоров с Англией. Его объяснение не изменяет этого факта, и я считаю создавшееся положение тяжелым.

Я уверен, что Арас извратит мою беседу и передаст Иненю в таком свете, что будто он мне все разъяснил и успокоил, поэтому я на днях увижусь с Иненю и скажу, какое впечатление на меня произвела беседа с Арасом ***.

Полпред

Печст. по арх.

* См. док. № 238.

** См. док. № 339.

*** См. док. № 358.

348. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Б. С. Стомонякову, из Шанхая

*Немедленно
6 ноября 1936 г.*

Хотя Кун уже телеграфировал Чан Кай-ши о моем отъезде в Москву и моем желании повидаться с ним, однако до сих пор ответа нет. Кун и Т. В. Сун * оба сказали мне, что Чан Кай-ши в течение ближайших двух-трех недель не сможет отлучиться из Сианьфу. Таким образом, моя встреча с Чан Кай-ши до моего отъезда едва ли состоится. Так как я в моем разговоре с Куном поставил перед ним все вопросы, которые согласно Вашим инструкциям ²⁰⁷ я должен был поставить перед Чан Кай-ши, то я полагаю, что для нас нет никакого ущерба от того, что моя встреча с Чан Кай-ши не состоялась. Антияпонские группировки будут информированы через Куна о нашей готовности разговаривать и моем желании видеть Чан Кай-ши, и ответственность за промедление будет целиком лежать на последнем.

Т. В. Сун сообщил мне, что 2-го у Сума ** был важный разговор с Гао, в течение которого японцы пошли на значительные уступки: сперва они настаивали на автономии пяти провинций, потом трех, а теперь требуют только автономии Хэбэя и Чахара. Точно так же в вопросе размещения своих гарнизонов в Китае под предлогом «совместной борьбы с большевизмом» японцы удовлетворяются только Хэбэем и Чахаром, что касается других провинций, то они настаивают на принципиальном согласии китайского правительства вернуться к этим вопросам в будущем.

Полагаю, что Чан Кай-ши не хочет встретиться в настоящий момент со мной, так как он ответил, что в этом случае он не мог бы отказать в свидании Кавагоэ, который все время этого добивается. Кроме того, от разговора с Куном и другими гоминьдановцами у меня осталось впечатление, что у Чан Кай-ши составилось мнение о невозможности договориться с нами без предварительной договоренности с Красной армией. Однако, так как он согласен договориться с Красной армией только на основе признания последней единства военного командования, без обсуждения основных политических вопросов (единый фронт и т. п.), что для руководства Красной армией непринемлемо, то теперь он, по-видимому, попытается ликвидировать Красную армию, чтобы совершенно устранить этот вопрос о Красной армии из наших переговоров. Полученная нами на днях информация о том, что Чан Кай-ши сосредоточил на фронте против Красной армии 16, повторяю — 16, своих дивизий и уже начал общее наступление, подтверждает мое

* Сун Цзы-вэнь — президент Банка Китая.

** Генеральный консул Японии в Нанкине.

предположение. Одновременно он, возможно, рассчитывает на то, чтобы показать японцам, что отпадает необходимость всякой «совместной борьбы с большевизмом».

Чан Кай-ши известно о договоренности Чжан Сюэ-ляна с руководством Красной армии, и поэтому он, не доверяя ему, решил провести наступление против Красной армии исключительно своими войсками.

Выезжаю 10-го.

Богомолов

Печат. по арх.

349. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Китае с Министром Иностранных Дел Китая Чжан Цюнем

7 ноября 1936 г.

В начале разговора * Чжан сообщил, что давно хотел поговорить с полпредом и с этой целью еще летом специально выехал из Кулина **. Встрече помешал инцидент в Чэнду ***, после которого на министра свалилось много срочной работы. Чжан предлагает следующий порядок беседы: 1) вопросы полпреда и 2) вопросы Чжана.

Богомолов. В таком случае разрешите просить Вас осведомить меня, в каком состоянии находятся сейчас японо-китайские переговоры. Уже много месяцев целый ряд газет сообщает, что японцы неоднократно ставили вам требования о так называемой совместной борьбе с большевизмом. Поскольку ряд японских источников разъясняет это положение как требование объединенного японо-китайского выступления против Советского Союза, мое правительство не может относиться к этому вопросу равнодушно.

Чжан. Состояние японо-китайских отношений сейчас крайне неблагоприятное. В области переговоров с японцами имеется два основных вопроса, по которым никакое соглашение невозможно.

1. За все время, что я нахожусь на посту министра, Китай держится твердой позиции, настоятельно требуя, чтобы все переговоры в Китае японцы вели только через центральное правительство и отказались как от попыток непосредственных переговоров с местными властями, так и от попыток создания в отдельных районах Китая какого бы то ни было специфического режима, отличного от положения в центре. Словом, основная политика Китая — объединение и консолидация страны вокруг центрального правительства. Японцы, наоборот, стре-

* На беседе присутствовал заместитель министра иностранных дел Китая Сюй Мо.

** Гуянь.

*** См. газ. «Известия», 28 августа 1936 г.

мятся вести переговоры на местах и пытаются держать курс на отрыв от Китая его территорий.

2. Второй вопрос — тот самый, который интересует Вас. Коммунистическая партия Китая является группировкой, ставящей своей непосредственной целью изменение путем вооруженной силы существующего в Китае режима и свержение военным путем центрального правительства Китайской республики. Поэтому наше правительство вынуждено действовать против коммунистов специфическими методами, выражающимися в военном их подавлении. Весь этот вопрос в целом является, таким образом, исключительно вопросом внутренней политики Китая, и мы не можем допустить здесь никакого вмешательства со стороны любой иностранной державы. Японцы предъявляли нам требование согласиться принять от них помощь в борьбе против коммунизма, но мы неизменно до настоящего времени категорически отказываемся даже хотя бы просто разговаривать с ними по этому вопросу нашей внутренней политики.

Богомолов. Может быть, я недостаточно точно поставил вопрос. Я имел в виду разговоры в прессе (в особенности в японской) относительно совместной борьбы Японии и Китая против «большевизма» за границей — против СССР.

Чжан. Об этом японцы никогда с нами прямо не говорили. Их мотивировка была примерно такова: «Коммунисты есть и у вас, и у нас. Они ваши и наши враги. Давайте обсудим сообща методы борьбы с ними». Конечно, можно видеть, что подлинным объектом японских стремлений здесь является именно СССР, но, во всяком случае, японцы нам на это даже не намекали. Вообще этот вопрос японцы пытались активно поставить два раза: в первый раз непосредственно после заключения советско-монгольского протокола* и во второй раз за последнее время — после инцидента в Чэнду. В обоих случаях Китай категорически отклонил, как я уже говорил, все попытки японцев поставить этот вопрос. Не подумайте, пожалуйста, что я хочу поставить с Вами на обсуждение монгольский вопрос. У меня совершенно таких намерений нет. Я хочу лишь на этом примере показать, что японцы боятся любой из двух вещей: как активизация политики СССР на Дальнем Востоке и укрепления его позиции (что и получило свое выражение в советско-монгольском протоколе), так и усиления деятельности китайской компартии, поскольку это угрожает интересам Японии. И в том и в другом случае японцы усиливают свое давление на нас.

Во всяком случае я прошу Вас принять мои заверения, что за последнее время отношения между Китаем и СССР улуч-

* См. док. № 78.

шаются изо дня в день. Отношения же между Китаем и Японией, наоборот, портятся. Я могу заявить, что ни в одном из этих вопросов Китай не пойдет ни на какие уступки. Перед Японией остается два выхода: или, убедившись в непоколебимой позиции Китая, снять эти требования и повернуть отношения неизменности нашей позиции прибегнуть к активным мерам, что будет означать ухудшение наших отношений с Японией до самой крайней степени, ибо на уступки в этих вопросах мы не пойдем и идти не можем. Могу ли я узнать, какова точка зрения Советского правительства на японо-китайские отношения?

Богомолов. Я могу только заявить, что мое правительство [могло] бы только приветствовать соглашение между Китаем и Японией, если только это соглашение не будет установлено за счет Советского Союза*.

Чжан. Теперь позвольте мне предложить Вашему вниманию три следующих пункта, которые я считаю весьма важными для улучшения отношений между Китаем и СССР:

1. Я уже сказал, что основная линия китайской политики заключается в объединении страны и в ее консолидации вокруг центрального правительства. Поэтому для нас является совершенно необходимым, чтобы Советское правительство вело переговоры с нами непосредственно. Пусть Советский Союз будет представлен в Вашем лице, а Китай — МИДом или же пусть переговоры ведет уехавший посол Цзян** с НКИД. Мы рассчитываем, что переговоры между нашими странами не будут проходить через безответственных и не уполномоченных на то законным образом лиц.

2. Было бы крайне желательно, если бы Советское правительство сочло возможным поставить на разрешение дипломатическим путем синьцзянский вопрос. Думаю, что это значительно улучшило бы отношения между нашими странами.

3. Мы были бы очень рады узнать мнение Советского правительства относительно тех методов и мер, которые, по мнению СССР, привели бы к значительному улучшению советско-китайских отношений.

Богомолов. Охотно отвечу на все три пункта.

1. Я могу Вам заявить, что Советское правительство желало бы видеть Китай единой и сильной страной, ибо мы считаем, что единый и сильный Китай явился бы фактором мира на Дальнем Востоке. (Чжан прерывает, выражая свое полное удовлетворение этим заявлением, и с удовольствием констатирует, что СССР, следовательно, принимает основную установку политики Китая).

2. Что касается Синьцзяна, то заинтересованность наша в

* См. док. № 362, 374.

** Цзян Тин-фу — посол Китая в СССР.

этой провинции является экономической — мы ведем торговлю с Синьцзяном, и я думаю, что эта торговля направлена к благу населения Синьцзяна. Политически мы заинтересованы в Синьцзяне лишь настолько, поскольку мы не желаем проникновения туда японцев и создания там базы по маньчжурскому образцу — базы военной агрессии против СССР. Этим наша заинтересованность в Синьцзяне и ограничивается. Мы, повторяю, хотим единства и усиления Китая и, в частности, в Синьцзяне желаем укрепления и усиления авторитета центрального правительства. Об этом я делал официальное заявление г. Ван Цзин-вэю²³⁸ по возвращении моем из Москвы полтора года назад, об этом же заявлял на весь мир председатель Совета Народных Комиссаров Молотов*. Мы нынешним положением в Синьцзяне удовлетворены, и если китайская сторона считает себя недовольной, то никто не мешает ей самой поставить на обсуждение интересующие ее вопросы.

3. Что же касается предложений СССР, имеющих целью укрепление отношений между нашими странами, то в этом направлении мы уже предлагали переговоры о пакте о ненападении** и о торговом договоре***, каковые переговоры, к сожалению, протекают весьма медленно.

Ч ж а н. Сначала по синьцзянскому вопросу. Вопрос в том, что многие в Китае невольно проводят параллель между Северным Китаем и Синьцзяном, поскольку японцы в разговорах о положении на Севере часто приводят нам в пример Синьцзян, обвиняя нас в бездейственности и попустительстве по этому вопросу. Таким образом, многие китайцы говорят, что положение в обоих этих районах аналогично. Как Япония не желает консолидации Северного Китая с центральным правительством, так, мол, и СССР не желает консолидации Синьцзяна с Нанкином.

Богомолов. Не понимаю, как это можно сопоставлять. Председатель Совета Народных Комиссаров ясно заявляет на съезде во всеуслышание, что СССР признает суверенные права Нанкина над Синьцзяном и желает укрепления влияния центрального правительства в Синьцзяне; я что-то не слышал, чтобы подобное заявление было сделано Хирота в отношении Северного Китая, как будто дело обстоит как раз наоборот. Но и этого мало: японцы держат в Северном Китае свои гарнизоны в любом крупном пункте и производят широкие военные маневры на китайской территории. В Синьцзяне же, как Вам известно, нет ни одного советского солдата. Я не понимаю, как это можно сравнивать.

* См. т. XVIII, док. № 27.

** См. т. XVI, док. № 263.

*** См. т. XVIII, док. № 217, а также док. № 56, 174 настоящего тома.

Чжао. Я имею в виду, что раньше в Синьцзяне мы имели инцидент с Цзинь Шу-жэнем*. Это дело сейчас закончено, но какие переговоры ведутся сейчас с Шэн Ши-цаем**, этого я не знаю. Я хорошо знаком с Шэном и знаю, что он многое мог бы сделать по консолидации Синьцзяна с центральным правительством, если бы только не боялся, что такая консолидация вызовет недовольство со стороны СССР. Наше желание, чтобы все переговоры по синьцзянскому вопросу СССР проводил нормальным дипломатическим путем через наше центральное правительство.

Богомоллов. Еще раз повторяю, что интересам СССР соответствует всемерное укрепление влияния центрального правительства в Синьцзяне. Я нарочно ссылаюсь сегодня на заявление Молотова, чтобы показать Вам нашу позицию в Синьцзяне. До этого заявления среди властей Синьцзяна существовали сепаратистские тенденции, и заявление Молотова с трибуны съезда было ушатом холодной воды на головы этих сепаратистов. Поэтому позиция СССР совершенно ясна, и единственно, чего мы не можем,— это вмешиваться в отношения, существующие между вашим центральным правительством и властями Синьцзяна. Это не наше дело.

Чжао. (Сначала выражает еще раз пожелание о ведении переговоров, касающихся Синьцзяна, с нанкинским правительством, а затем переходит к вопросу о советско-китайских переговорах). Вы упоминали здесь о пакте о неагрессии. Я должен сказать, что многие уверены в бесполезности такого пакта. Советско-китайские отношения находятся сейчас в такой стадии, что надо говорить не о возможности нападения одной стороны на другую (совершенно очевидно, что ни СССР, ни Китай друг на друга нападать не намерены), а об установлении более далеко идущих отношений, скажем, по линии сотрудничества и взаимной помощи. Что же касается пакта о неагрессии, то он не только не актуален, но, больше того, отсутствие такого пакта между Китаем и СССР в известных отношениях является полезным.

Богомоллов. С Вашим последним замечанием я никак согласиться не могу. При всех условиях я считаю отсутствие советско-китайского пакта о неагрессии минусом в советско-китайских отношениях. Правда, я должен сказать, что, конечно, за последний год отношения между нашими странами стали лучше, чем они были, скажем, два или четыре года назад. Однако эти отношения до сих пор не базируются ни на каком официальном документе. Я считаю, что говорить сейчас о таких далеко идущих вещах, как пакт о взаимной помощи, по которому на народы СССР лягут определенные и весьма

* См. т. XVI, прим. 270.

** Правитель (дубань) Синьцзяна; см. также т. XVII, док. № 307.

серьезные обязательства, в данный момент довольно трудно, ибо общественное мнение обеих стран к этому совершенно не подготовлено. И именно так я должен буду ответить своему правительству на вопрос, насколько такая подготовка общественного мнения проведена. Ваши газеты на девять десятых полны сообщениями о необходимости урегулирования отношений с Японией, а об СССР говорится только кое-где и кое-как. Разве это подготовка общественного мнения?

Чжан. Я думаю, что эта «пропорция» является совершенно неверной. Конечно, со времени мукденских событий* мы волею-неволею сильно заняты вопросом об отношениях с Японией, ибо все время находимся под угрозой японской агрессии. Именно это и заставляет нашу печать уделять такое большое место отношениям с Японией. Вместе с тем китайский народ знает, что отношения с СССР улучшаются. Могу ли я понять Вас таким образом, что Вы считаете пока невозможным пакт о взаимной помощи между СССР и Китаем?

Богомолов. На этот вопрос я ответил бы, что я считаю, что без предварительной, хотя бы короткой подготовки общественного мнения к такому пакту сейчас подписывать пакт о взаимной помощи было бы трудно. Именно поэтому мы и предлагали торговый договор и пакт о неагрессии как те ступени, которые могли бы подготовить почву для серьезного сближения. Извиняясь за откровенность, я должен сказать, что у меня составилось впечатление (я был бы очень рад, если бы оно оказалось ошибочным), что для вас по вашей установке главным пунктом во внешней политике китайского правительства являются отношения с Японией, а отношения с СССР представляются чем-то второстепенным. Мне кажется, что во всяком вопросе советско-китайских отношений, включая даже такие скромные вопросы, как торговый договор, вы всегда прежде всего думаете, какое впечатление произведет это на Японию.

Чжан. Это неверно. Просто японо-китайские отношения очень плохи, и со времени мукденских событий мы все время стоим под угрозой агрессии. Воевать же с Японией мы пока еще не готовы.

Богомолов. Это и есть то же самое. Между тем возможно, что заключение с СССР, скажем, торгового договора, хотя и может вызвать недовольство японцев, но вместе с тем (и этого не учитывают многие китайские деятели) опасность японской агрессии в Китае будет тем самым ослаблена; ведь совершенно ясно, что сотрудничество Китая и СССР может быть мощным оплотом мира на Дальнем Востоке.

* Очевидно, имеются в виду события в сентябре 1931 г.; см. т. XIV, док. № 268.

Чжан. Но у нас очень многие считают необходимым воевать с Японией, когда Китай будет к этому готов. Позвольте Вам прямо поставить вопрос: какова будет позиция Советского Союза в случае нашей войны с Японией?

Богомолов. Высказывания советского общественного мнения по вопросу о японо-китайских отношениях ясно свидетельствуют, что все симпатии народов Советского Союза безусловно на стороне Китая. Что же касается торгового договора, то я думаю, что для обеих сторон сейчас было бы очень полезно его заключение, ибо это демонстрировало бы взаимное желание установить более близкие отношения, хотя торговля СССР с Китаем настолько ничтожна, что она не занимает сколько-нибудь важного места во всей внешней торговле Советского Союза.

Чжан. То же самое думаем и мы, и именно поэтому мы настаиваем на включении в этот договор политических статей, т. е. статей о дружбе, и настаиваем на названии для этого договора «договор о дружбе, торговле и мореплавании». (Здесь в разговор вступает Сюй Мо, который указывает, что СССР имеет договоры под подобным названием с другими странами).

Богомолов. Я не помню, чтобы у СССР были торговые договоры с другими державами, включающие в себя такие широкие политические статьи, как это имеет место в китайском проекте. Если же китайская сторона действительно придает торговому договору главным образом политическое значение, то я не понимаю, почему вы так настаиваете на статье о торговом балансе. Что же касается статей политического характера, предложенных китайским правительством, то мы, может быть, за исключением некоторых поправок, не возражали бы против них, но самое главное заключается в том, что подобные статьи надо включать не в торговый договор, а в пакт о ненападении. Кроме того, предложенные вами статьи по существу односторонни.

Чжан. В целях доведения переговоров о торговом договоре к успешному концу я думаю, что китайская сторона могла бы подумать об отказе от статьи о торговом балансе при условии, что СССР согласится на включение в договор политических статей, предложенных Китаем.

Богомолов. Что касается статьи о торговом балансе, то я имел по этому поводу заверение, что Китай согласится на аннулирование этой статьи. Только после этого заверения я вручил проект советской стороны*. (В разговор вступает Сюй Мо, сообщая, что Ван** лишь принял к сведению требование т. Богомолова об аннулировании этой статьи и обещал над этим требованием подумать).

* См. т. XVIII, док. № 217.

** Ван Цзин-вэй.

Тов. Богомоллов после этого рассказывает подробно обстоятельства первой беседы с Ваном и заявляет, что переговоры о торг[овом] договоре могут продолжаться лишь в том случае, если китайское правительство снимет требование о торговом балансе.

Чжан Цюнь в ответ заявляет, что в настоящее время этот вопрос уже не актуален и что, поскольку договор этот имеет чисто политическое значение для обеих сторон, китайская сторона хотела бы подчеркнуть это, оставив в нем политические статьи.

Министр и Сюй Мо после этого резюмируют содержание разговора, и министр просит содержание его как можно скорее довести до сведения Москвы. После обмена любезностями стороны расходятся.

Беседа продолжалась 3 час. 15 мин.

Д. Богомоллов

Печат. по арх.

350. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 ноября 1936 г.

Несколько дней тому назад состоялось совещание Блюма с Даладье, Котом и Гамеленом, решившее послать в Москву представителя генерального штаба, чтобы совместно с нами наметить основы технических переговоров о взаимной помощи. Об этом сегодня конфиденциально сообщил Блюм. На мой вопрос, ограничатся ли московские переговоры вопросами, относящимися лишь к воздушным силам, как это намечалось раньше, Блюм ответил отрицательно, пояснив, что первоначальную программу переговоров, предложенную нам через Кота *, решено расширить. Поняв из моих дальнейших замечаний, что у меня явилось подозрение, не хотят ли деловой разговор специалистов авиации подменить малообязывающим и расплывчатым зондажем, Блюм поспешил заверить, что новое решение в сравнении с прежним представляет «шаг вперед». Тут же он назвал и предположительную кандидатуру представителя французского генерального штаба, именно ген. Мендраса, бывшего военного атташе посольства в Москве, оговорившись, что окончательной ее считать не следует. Блюм отметил, что Гамелен, постепенно втягивающийся в более широкую постановку вопроса нашей взаимной помощи, настаивает на абсолютной секретности начинаемых переговоров ²⁵⁹.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 298.

351. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Кулондром

10 ноября 1936 г.

Кулондр был у меня с первым визитом накануне вручения верительных грамот. Мы имели с ним продолжительную беседу, в течение которой он жаловался главным образом на антисоветские настроения во Франции, все более и более усиливающиеся. О наличии этих настроений ему приходилось слышать из разных источников и от многих государственных деятелей, которых он считал нужным повидать перед отъездом. В частности, Эррио охарактеризовал франко-советские отношения, как отравленные. Возникновение этих настроений имеет своим источником забастовочную волну с занятием фабрик и слухи о том, что коммунисты готовились взять власть. Средний француз всему этому верит. Он настроен свободолобно и антирелигиозно, ненавидит фашизм, но относится также отрицательно к коммунизму. Блюм поручил ему заверить меня в непоколебимости позиций его правительства, в его верности обязательствам на востоке Европы и его решимости не допускать в локариских переговорах ничего, противоречащего советско-французскому пакту, что бы ни происходило. Правительство приходится, однако, очень туго, и Кулондр спрашивал, не можем ли мы как-нибудь помочь в борьбе с указанными им настроениями.

Я выразил недоумение. Причины настроений лежат в каких-то социальных движениях в самой Франции, и я не вижу, чем мы можем помочь. Франция является демократической страной, допускающей свободу партий и свободу партийной борьбы. Почему многочисленные французские партии могут вырабатывать свои программы действий, выступать на митингах и в печати по собственному разумению и почему такая способность оспаривается за коммунистической партией. Мы заявляли не раз, что никакого отношения не имеем ни к тактике ФКП в целом, ни к выступлениям ее отдельных представителей, ни к публикациям «Юманите». Я могу лишь это подтвердить, могу даже изложить это письменно и предоставить Кулондру сделать из этого любое употребление. Я думаю, однако, что дело не только в тактике ФКП, а в свободе германской пропаганды через подкупленные Гитлером газеты. Наша вина, может быть, в том, что мы не боремся с Гитлером теми же средствами. Во всяком случае если французское правительство дорожит дружественными отношениями с СССР, то оно должно использовать все доступные ему средства для борьбы с фашистской пропагандой и с теми настроениями, которые эта пропаганда порождает во Франции.

После ухода Кулондра я немедленно послал ему вдогонку резюме моего ответа. Когда мне сообщили из отдела печати о принесенной Люсиани * телеграмме, я распорядился немедленно сообщить Кулондру, что если эта телеграмма будет отправлена, то я опубликую свой ответ. Кулондр был чрезвычайно убит и просил исключить некоторые места из моего резюме. Я согласился, однако, лишь смягчить эти места.

Литвинов

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЗЮМЕ ЗАЯВЛЕНИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПОСЛУ ФРАНЦИИ В СССР КУЛОНДРУ

Вы сегодня, г. Посол, при первой нашей официальной встрече говорили со мною на тему, которая затрагивалась неоднократно также в беседах г. Дельбоса с г. Потемкиным **, а именно о поведении французской коммунистической партии, отдельных ее представителей и ее официального органа «Юманите». Я считаю нужным в интересах освобождения советско-французских отношений от засоряющих их элементов и их оздоровления заявить Вам следующее:

Советское Правительство неоднократно заявляло, что одним из руководящих принципов его внешней политики является полное невмешательство во внутренние дела других государств. Этому принципу оно, как и его представители в Париже, строго придерживается в своих отношениях с Францией. Оно никогда не пыталось и не намерено пытаться оказывать какое бы то ни было давление на отдельные политические партии Франции. Не составляет из этого исключения и французская коммунистическая партия. Никакого отношения, ни прямого, ни косвенного, к деятельности ФКП в целом, к выступлениям отдельных ее представителей и к публикациям «Юманите» Советское Правительство не имело и не имеет. Надо полагать, что ФКП, как и другие французские партии, имеет свое собственное мнение о политике и отдельных мероприятиях Французского Правительства, интересуясь такими моментами, которые даже ускользают от внимания Советского Правительства.

Множественно выражавшееся недовольство линией поведения ФКП в беседах с представителями Советского Правитель-

* Корреспондент французской газеты «Пти паризьен».

** См. также док. № 269.

ства не может иметь никакого практического значения, если оно не будет понято как приглашение Советского Правительства оказать влияние на эту линию поведения в сторону ее изменения, иначе говоря, вмешаться во внутренние дела Франции. Г-н Посол, конечно, этого не говорил и не желает. Во всяком случае Советское Правительство ни на одну минуту не могло бы встать на этот путь, нарушив принцип невмешательства.

Было бы достойно сожаления обременение советско-французских отношений неосновательными предположениями о возможности для Советского Правительства влиять на французские междупартийные отношения или отношение отдельных французских партий к Правительству. Советско-французские отношения только выиграют, если Французское Правительство раз навсегда освободится от подобных предположений.

*Запись беседы и приложение
печат. по арх.*

352. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии с директором Политического департамента Министерства Иностранных Дел Финляндии Паюлой

10 ноября 1936 г.

Я явился в МИД по приглашению Паюлы, который мне передал ответ на заявленный мной 4 ноября протест. Ответ Паюла передал в виде памятной записки, который при сем прилагаю²¹⁰.

Я заявил, что ответ финляндского правительства я сообщу своему правительству, и добавил, что объяснения инцидентов на севере не носят убедительный характер. Паюла мне объяснил, что это результаты телеграфного запроса и что он полагает, что именно так и было, как это сказано в их ответе, но что на Вайда-Губу выехал тамошний кронленцман, который еще произведет лично новое обследование.

Я Паюле обрисовал положение на нашей стороне границы и существующую красноармейскую дисциплину и на этом основании отрицал всякую возможность нарушения границы с нашей стороны. При этом я сделал вывод, что обвинения, которые сейчас выдвигают финские погранвласти, показывают, что именно они неправильно информируют вышестоящие власти.

Разговор опять зашел насчет финской прессы и той кампании, которая все время ведется против Советского Союза в виде измышлений о голоде, восстаниях и т. п. Паюла присо-

единился к моему мнению, что это очень плохо, но что делать? Он может мне лишь сказать то, что он уже сказал итальянцу и немцу, которые тоже были у него с протестом по поводу того, что пишут о них финские газеты. Он им указал на свободу прессы, которую финны приобрели после царизма.

Я сказал, что я вовсе не против свободы прессы, и не цензура и суды нужны для финской прессы, а чтобы газеты писали правду, чтобы финское телеграфное бюро их не снабжало разными небылицами, чтобы газеты партий, входящих в правительство, своим поведением действительно подтвердили то, что говорит финляндское правительство, т. е. что оно хочет иметь хорошие отношения со своими соседями.

Паюла тогда перешел на жалобы по адресу прессы, рассказывал, что он уже несколько раз говорил с редактором «Ууси Суоми» Пентти о даваемой газетой неправильной информации.

Для иллюстрации я еще раз ссылаюсь на случай с пароходом «Нанна», которого, по сведениям финской прессы, будто бы потопил советский пароход «Менжинский», когда на самом деле «Менжинский» как раз спас команду «Нанна».

Тут Паюла мне заявил свое недовольство работой гельсингфорского ТАСС, который вообще изображает события в Финляндии неправильно и то же самое сделал со случаем с «Менжинским», воспользовавшись первыми неправильными сведениями, которые проникли в некоторые газеты из Ревеля. Я сказал, что, по-моему, ТАСС передал этот случай совершенно правильно и что я не видел, чтобы газеты, давшие неправильную информацию, дали опровержение. Паюла сказал, что он пришлет мне вырезки из газет, по которым я смогу убедиться, что ТАСС поступил неправильно. Что же касается самого случая с «Нанна», то финский генеральный консул уже выразил свою благодарность и сейчас стоит вопрос о награждении команды «Менжинского» («может быть, золотые часы или что-либо другое»)*. Что пишет ТАСС из Гельсингфорса, я сказал, прочитываю с большим вниманием, и поэтому мне совершенно непонятно недовольство его работой, так как гельсингфорский ТАСС ведь сообщает лишь то, что печатают финские газеты.

Паюла в связи с тем, что он будто бы относится отрицательно к газетчикам, сказал, что он и по данному случаю дал информацию газетам лишь потому, что «Правда» первая напечатала**. Но теперь, когда к нему обращаются из газеты, он отказывается что-либо им сообщать, но это, понятно, при условии, что и советские газеты не будут писать. Я сказал, что про-

* См. газ. «Известия», 8 февраля 1937 г.

** См. газ. «Правда», 3 ноября 1936 г.

исшедшие на границе инциденты настолько взволновали нашу общественность, что я ему не могу дать обещание, что наши газеты ничего не будут писать. «Ну, тогда и финские газеты будут писать»,— сказал Паюла. Я улыбнулся и сказал: «Вот видите, как это тогда получится, вы будете защищаться, и объективно выйдет из этого защита и оправдание того, кого нужно привлечь к ответственности». Паюла, горячась, произнес: «Почему защищаться, мы будем тоже нападать».

Далее Паюла начал говорить о том, что он считает, что отношения Финляндии и Советского Союза, хотя и не могут быть сердечными, но могут быть корректными, что он в этом отношении вполне разделяет мою точку зрения. Я тогда заинтересовался, почему он так определенно заявил, что эти отношения не могут быть сердечными. Он начал говорить о поведении советской и финской прессы, о теперешних инцидентах и т. д. Я спросил, а где же корень, от которого все это вырастает. Причин много, по мнению Паюлы, но он назвал лишь две. Впоследствии он уже не захотел развивать эту тему. Первая причина, что по ту сторону границы финны имеют соплеменных братьев, в судьбе которых финский народ заинтересован, но, понятно, и не думает ставить этот вопрос так, как это делают финские фашисты. Вторая, что в Финляндию все еще продолжают прибывать тайные агенты, которые, он должен это подчеркнуть, ничего общего, понятно, не имеют с Советским правительством или советской миссией. Я выразил большое удивление и спросил, как это Финляндия думает вмешаться во внутренние дела Советского Союза. Что же это такое? Советский Союз ведь не вмешивается во внутренние дела Финляндии, не поднимает вопросы, связанные с судьбой нефинских национальностей.

Паюла начал объяснять, что он усматривает некоторую параллель в наших взаимоотношениях и, скажем, Югославии и Болгарии, Чехословакии и Германии. Да, я сказал, между Югославией и Болгарией все-таки отношения бывают не всегда одинаковые, бывает, когда они улучшаются и когда ухудшаются, и это вовсе не зависит от того, что есть группы, работающие, как и в Финляндии, на ухудшение отношений, а от того, какого направления держится само правительство, поощряет правительство этим безответственным элементом или нет. Ссылка на Германию же меня еще больше поражает, это можно понять лишь так, что по примеру теперешней Германии Финляндия тоже мечтает приобрести новые области.

Паюла начал меня заверять, что маленькая Финляндия не может иметь такие мысли по отношению к своему великому соседу и т. д.

Вопрос о запрещении охоты в пограничной полосе, по мне-

нию Паюлы, нужно будет передать сейму, так как правительство вряд ли сможет принять такое запрещение, которое противоречит основным законам государства.

Первый секретарь Посольства СССР в Финляндии
Аустрик

Печат. по арх.

353. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочию Представителю СССР в Иране А. С. Черных

11 ноября 1936 г.

Еще 29 октября, вызвав Сепяхбоди, я обратил его внимание на ненормальность того положения, что с марта совершенно застопорились переговоры в Тегеране по ряду вопросов, которые были поставлены самим иранским правительством*.

Сегодня Сепяхбоди информировал меня, что Самини через одну-две недели даст Вам ответ по погранкомиссарам и режиму погранполосы, а в дальнейшем, закончив изучение других вопросов, скоро даст Вам ответ по другим соглашениям.

Я разъяснил Сепяхбоди, что, если иранская сторона будет и дальше затягивать переговоры, мы сами ими интересоваться не будем и не станем больше напоминать. Далее я обратил внимание Сепяхбоди, что большая и растущая активность немцев в Иране, по-видимому, связана с затяжкой переговоров, что в особенности видно на переговорах о «Кевир-Хурнана»*. Иранское правительство все время настаивало на разрешении вопросов «Кевир-Хурнана» одновременно с другими вопросами, но после нашего согласия** как будто утратило всякий интерес к «Кевир-Хурнана». В то же время, однако, оно, по-видимому, находит время вести переговоры с немцами о семнанской и вообще североиранской нефти и даже допустило немцев к изыскательной работе в Семнана и Мазендеране. Я сослался при этом на то, что английская печать сообщала о переговорах немцев с иранским правительством о семнанской нефти. Я напомнил Сепяхбоди о ряде постановлений советско-иранских договоров, ограничивающих деятельность иностранцев в Иране против интересов и безопасности СССР***, и отметил, что помимо этого использование иранским правительством граждан наиболее враждебной нам страны для работы вблизи наших границ является малодружественным актом. Я сказал Сепяхбоди, что Вам, вероятно, будет поручено поставить этот вопрос в Тегеране в более развернутой форме. В связи с этим сделайте представление Самини, мотивируя тем,

* См. док. № 19.

** См. док. № 197.

*** См. т. III. док. № 305; т. X, док. № 225.

что использование иранским правительством враждебных нам иностранных специалистов произвело в Москве неблагоприятное впечатление. Изложите Самии имеющиеся у нас факты и помимо аргументации, изложенной в моей телеграмме, сошлитесь на письмо 1932 г. Фарроха Петровскому²¹¹, показавшее, что иранское правительство признавало обособанность наших пожеланий, чтобы иностранцы не проникали в Мазендеран. Независимо от юридической стороны подчеркните политическую несовместимость с нашими отношениями использования иранским правительством граждан наиболее враждебной нам страны вблизи наших границ. Разъясните, что не только передача им концессий, но и их работа в пограничных с нами районах неизбежно окажет самое неблагоприятное влияние на наши отношения*. Сепакхбоди обещал довести мое представление до сведения иранского правительства и поддержать его в части неиспользования граждан враждебных нам стран вблизи наших границ.

Стомоняков

Печат. по арх.

354. Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту

Лондон, 11 ноября 1936 г.

Сэр,

Представители СССР в Комитете по невмешательству в ряде случаев уже обращали Ваше внимание на примеры нарушения Соглашения о невмешательстве в пользу испанских мятежников некоторыми правительствами**, являющимися участниками этого Соглашения. С той поры накопилось так много фактов подобного рода, что я как представитель СССР в Комитете по невмешательству чувствую себя обязанным обратить Ваше внимание на ряд новых случаев нарушения Соглашения, пока еще не доведенных до сведения Комитета:

1. 3 ноября парижская газета «Попюлер» сообщила, что в середине октября итальянское судно приняло на борт в Ливорно и доставило мятежникам 250 танков, из коих 100 было оборудовано огнеметами.

Между 7 и 21 октября итальянцы доставили на Мальорку и в Испанское Марокко свыше 50 самолетов. Самолеты, предназначенные для испанских мятежников, сперва были сосредоточены в Сардинии, а оттуда одни перелетели в зону испанских мятежников, а другие были разобраны, упакованы

* См. док. № 368.

** См. док. № 296. 303.

в ящики и отправлены в Лас Паломас и Мелилью. Сдача этих самолетов производилась итальянским летчиком Феррарио или чинами, подчиненными ему.

2. 28 октября «Ньюс кроникл» опубликовала следующее сообщение о нарушении Португалией Соглашения о невмешательстве:

«2 октября, через пять недель после присоединения Португалии к Пакту о невмешательстве, три итальянских боевых самолета, пилотируемых итальянцами, сделали вынужденную посадку в Порталегри по недостатку бензина.

Машина ведущего командира опрокинулась при посадке. Очевидцы показали, что пулеметные ленты и гнезда для подвески бомб были пусты, а то обстоятельство, что от машины еще пахло кордитом, подтверждало предположение, что они вели бой как раз перед тем, как пересечь границу со стороны Испании. Через час обе неповрежденные машины были заправлены бензином, из города прибыли португальские чиновники и в честь летчиков устроили банкет на открытом воздухе. Затем оба заправленных горючим самолета полетели в Испанию продолжать свою службу в воздушных частях мятежников.

Границу пересек грузовик с номером севильской регистрационной машины, в нем находились испанские механики; третий самолет был разобран, погружен на грузовик и увезен обратно в Испанию».

«Ньюс кроникл» заявляет, что в ее распоряжении имеются фотоснимки самолета после приземления — с итальянским пилотом и обслуживающими его испанскими механиками — и его увоза на севильском грузовике.

3. 7 ноября лондонские газеты опубликовали содержание заявления испанского посла министерству иностранных дел, согласно которому итальянский солдат Луиджи Корси Силиберта, уроженец Вилла-Костелла в провинции Бриндизи, был 1 ноября с. г. взят в плен войсками испанского правительства близ Парла. Он показал, что принадлежит к 10-му артиллерийскому корпусу в Риме, что он и другие, в количестве 50 человек, были зачислены приказом корпусного командира на службу в Испании. В день их отъезда каждому выдано было по 200 лир, а по прибытии их в Касерес командовавший ими офицер лейтенант Равелло выдал им по 200 пезет. Далее Силиберта показал, что их посадили на пароход в Генуе в конце сентября под командою вышеупомянутого лейтенанта Равелло и двух других лейтенантов. Высадились они в Виго в начале октября. Судно, на котором они плыли, везло еще 15 орудий и 50 ящиков боеприпасов, каждый из которых заключал в себе 10 снарядов калибра 65/17. Из Виго их отправили в Толедо через Саламанку, Касерес, Талаверу и Торрихос.

Далее Силиберта сообщил, что в Касересе он видел 15 броневиков, сплошь итальянских и обслуживаемых итальянскими солдатами. Он показал также, что 6 орудий, на установке которых он работал, находились на линии Ильескас. Каждое орудие было под командою итальянского офицера, заряжающие, канониры и подручные были той же национальности.

4. (а) 8 октября, по заявлению испанского правительства, 160 молодых немцев, по-видимому, специализованного рода войск, прибыли в Севилью с 12 зенитными орудиями и поездом выехали на фронт.

(в) 15 октября в Кадисе было выгружено большое число танков и 100 огнеметов из Италии.

(с) 16 октября германское судно, как полагают, контрминоносец, выгрузило в Алхесирасе зенитные орудия.

5. Сообщения, что Италия снабжает испанских мятежников танками и танковыми экипажами, подтверждаются тем, что видели некоторые иностранные корреспонденты, попавшие в плен к мятежникам. Свидетельство одного из них, г. Генри Горрелля из агентства Бритиш Юнайтед Пресс, было напечатано газетой «Дейли телеграф» в номере от 29 октября. Г-н Горрелль, писавший из Сен-Жан-де-Люз, сообщает:

«Танкетки, ведущие наступление мятежников на Мадрид, имеют итальянские экипажи. В прошлое воскресенье я был взят в плен инсургентами на автострате Мадрид — Аранхуэс, пытаюсь получить информацию об их продвижении к железной дороге у Аранхуэса и в сторону Мадрида. Мой арест произошел в весьма неприятных обстоятельствах. Я чуть не был убит градом пулеметных очередей с разных сторон, а также с танков, управляемых итальянцами и ведущих наступление на Мадрид со всех сторон. Один из этих танков с ревом несся на меня полным ходом, изрыгая пулеметный огонь. Он намеревался раздавить меня, но я растянулся на дне глубокой канавы, и танк опрокинулся. Я помог выбраться водителю танка. Он оказался итальянцем. Моя помощь ему спасла меня от расстрела кучкой марокканцев, по требованию которых я поднял руки вверх. Я беседовал с водителями и командирами других танков. Все они были итальянцы. Эти и другие воины иностранного легиона армии инсургентов, воюющие на суше и в воздухе, выигрывают войну для ген. Франко».

6. Такого же рода сообщения, подтверждающие, что Италия снабжала и продолжает снабжать мятежников артиллерией, находят себе дополнительное доказательство в статье корреспондента «Дейли экспресс» О. Д. Галлахера, который пишет в номере этой газеты от 9 ноября:

«Я и другие беспристрастные иностранцы также видели

итальянскую артиллерию, действующую против правительственных войск. Канониры были итальянцы».

7. В той же статье, упомянутой в предыдущем абзаце, г. Галлахер, сообщая о немецких летчиках, помогающих войскам мятежников в Испании, сообщает:

«Их было в Авиле так много — мне известно о 42-х, — и они творили такие ужасы, когда взмывали со своими бомбами в небо. Но настоящих оснований к страхам не имелось, ибо 42 летчика в Авиле были сплошь немцы, не сражавшиеся против мятежных властей, удерживающих Авилу. Они даже привели с собой свои боевые самолеты. На аэродроме на окраине города я видел 18 боевых машин».

8. Сведения о регулярной вербовке людей для службы в Испании, организованной в Риме при потворстве итальянского правительства, были опубликованы газетой «Попюлер» 7 ноября. Вот это сообщение:

«Как итальянское правительство организует вербовку в войска для испанских мятежников. Будапешт, 6 ноября.

Согласно абсолютно надежным сведениям, вербовка иностранных добровольцев в армию ген. Франко была организована в Риме Союзом бывших военнослужащих на Виа Грегорнана. Вербовка ведется совершенно открыто. Вдохновителем этого дела является председатель Союза бывших военнослужащих депутат Козельки. Козельки хорошо известен как активный член общества, носящего наименование «Универсалита ди Рома». Согласно тем же сведениям, некоторое число венгерских офицеров, членов прогитлеровских обществ, подписали контракты на службу в армии ген. Франко».

Мадам Табун в статье, помещенной в «Эвр» от 4 ноября, пишет следующее на ту же тему:

«В данный момент в Италии энергично действует ген. Валье, вербующий охотников на службу в авиации. Тем из добровольцев, кто желает записаться в войска, посылаемые итальянским правительством в Испанию на специальную службу, ген. Валье предлагает следующее вознаграждение: 20 000 лир на расходы; 8000 лир жалованья в месяц и каждому офицеру страховой полис на 100 000 лир. Эти добровольцы отправляются в Испанию из генуэзского порта, а по прибытии к месту назначения часть завербованных используется в качестве инструкторов на Иберийском полуострове».

9. Парижская газета «Эвр» от 25 октября 1936 г. сообщает из Танжера:

«Германский крейсер «Дейчланд», отплывший из Танжера утром 20 октября в направлении Малаги и Валенсии, в пути взял на борт группу испанских мятежников, которых нужно было посадить на германский гидроплан, прибывший из Германин».

10. Что касается помощи, оказываемой испанским мятежникам итальянскими подводными лодками, мадам Табуи в статье, напечатанной в «Эвр» 27 октября, указывает:

«Только что полученные сведения подтверждают сообщение, что итальянские фашисты, командующие испанскими войсками на Мальорке, усиленно спешат выполнить свои планы. Восемь подводных лодок, построенных на военных верфях, вероятно, в Северной Италии и выкрашенных в испанские национальные цвета, готовы отплыть со своих морских баз на Балеарские острова. Их экипажи состоят из механиков и матросов, входящих в испанскую фашистскую партию Примо де Риверы, но командуют ими итальянские офицеры. Задача лодок заключается в том, чтобы непрерывно контролировать проливы между побережьем Балеарских островов и Каталонией и тем самым препятствовать входу в проливы каких бы то ни было военных судов».

Тот же автор в статье на ту же тему, помещенной в «Эвр» 4 ноября, опять сообщает:

«Минувшей ночью в Кадис прибыли две итальянские подводные лодки с итальянской морской базы в Газте... * Это, как видно, две из восьми субмарин, предоставленных Италией в распоряжение Франко для охраны побережья Балеарских островов».

11. Страны, непрерывно оказывающие военную поддержку Франко, с самого начала прибегали к разнообразным способам сокрытия своих поставок мятежникам, чтобы затруднить обнаружение их нарушений Соглашения о невмешательстве. Недавно эти страны в тех же видах прибегли к еще более остроумным уловкам. Свет на них пролила статья, помещенная мадам Табуи 7 ноября в «Эвр», в которой автор заявляет:

«Поставки итальянского оружия армии инсургентов.

Теперь доказано, что итальянские организации, поставляющие оружие и боеприпасы испанским мятежникам, прибегают к сложным стратагемам для сокрытия своих контрабандистских операций. Эти организации вооружают, например, иностранные пароходы, отдавая преимущество греческим и португальским судам, плывущим в направлении Гибралтара. По предварительному уговору капитаны названных судов дают флоту мятежников захватывать себя. Мятежники затем отводят их в свои порты под предлогом, что эти иностранные суда перевозят военные материалы, предназначенные для правительства. Так разом убиваются два зайца: во-первых, конфискуется военный материал, якобы адресованный мадридскому правительству, а во-вторых, фабрикуются «доказательства» для представления в Комитет по невмешательству в целях

* Многозначие в документе.

разоблачения покупки мадридским правительством боеприпасов у иностранных правительств.

Таким путем, например, несколько дней тому назад был конфискован греческий пароход, пливший из Ливорно (Италия) с грузом танков и броневиков. «Захваченное» греческое судно выгрузило весь свой груз, взятый в Италии, в порту Сеуте в Испанском Марокко».

Статья на ту же тему того же числа появилась в «Попюлер».

Вышеперечисленные примеры — лишь небольшая частица того, что приходится узнавать всякому, кто следит за сообщениями прессы и заявлениями ответственных общественных и государственных деятелей и наблюдателей. Но даже приведенных немногих примеров достаточно для непредубежденного человека, чтобы заключить, что нарушения Соглашения о невмешательстве Германией, Италией и Португалией в пользу испанских мятежников не прекратились и фактически продолжают с неослабевающей силой.

Обращая Ваше внимание на вышеозначенные нарушения Соглашения о невмешательстве, я не собираюсь просить, чтобы Вы как председатель Комитета затребовали у заинтересованных правительств объяснений, по той простой причине, что процедура вопросов и ответов оказалась абсолютно бесполезной и бесплодной.

Бесплодность этой процедуры достаточно иллюстрируется прежним опытом Комитета по рассмотрению аналогичных случаев и подтверждается Вашими собственными замечаниями, сделанными по разным поводам.

Примите, сэр, уверения в моем высоком уважении.

И. Майский

*Печат. по арх. Оpubл.
в сб. «Внешняя политика СССР»,
т. IV. М., 1946, стр. 210—213.*

**355. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

11 ноября 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Празднование 19-й годовщины прошло у нас в этом году особенно удачно. Было представлено правительство, МИД, все посольства, много радикальной интеллигенции, научные «имена», представитель от двора — всего около 200 человек.

Приезд делегации Моссовета и Ленсовета был очень полезен и дал зарядку культурным связям на начавшийся

зимний сезон²¹². Проф. Линтон прочел прекрасный доклад о своей поездке в Союз на вечере Шведско-советского общества. Сейчас Общество просит обеспечить приезд сюда т. О. Ю. Шмидта.

Весьма удачно прошел общественный просмотр советских коротких фильмов-обзоров. Присутствовали члены правительства, дипломаты, члены парламента и пр.

По поводу Вашего запроса о письме принца Карла организациям Красного Креста придется ответить телеграфно, так как у меня будет встреча по этому поводу только завтра, т. е. после ухода почты²¹³.

Последние недели у меня особенно большая перегрузка в работе, так как фактически в полпредстве осталось два человека.

Из наших обзоров печати НКВД может заключить, каково отношение шведской общественности к испанским событиям. Орган правительства ведет четкую линию за законное испанское правительство, приветствуя позицию Союза в этом вопросе. Либерально-радикальная газета «Хандельстиднинген» в Гётеборге, ведущая планомерно антигерманскую линию, также выдерживает дружеский тон по отношению к испанскому правительству. Остальные буржуазные газеты явно на стороне испанских фашистов. Буржуазная печать полна ежедневно сенсационных заголовков в пользу белых. Нет сомнения, что события в Испании обострили настроения классовых противоречий и в Швеции и что, несмотря на победу социал-демократов на выборах в сентябре, чувствуется бессилие нынешнего кабинета противостоять нажиму буржуазных кругов, особенно в вопросе международной политики. «Эластичность» Англии, ее эквилибристика увлекает за собою даже те круги шведов, которые до сих пор были значительно тверже настроены по отношению к принципам Лиги наций. Шведы, включая кабинет, весьма сочувственно встретили измену Бельгии принципам коллективной безопасности*, тон прессы был почти единодушен. Этот раз то, что писала «Аллекханда» по поводу Бельгии, отмечая ее новую политическую ориентацию, приветствовалось «как прецедент, о котором следовало бы подумать северным странам». «Аллекханда» по существу выразила лишь то, что в более скрытой форме говорили и остальные газеты.

Германия продолжает усиливать здесь свою работу. Она закупает здесь огромное количество железной руды. За прошлый месяц Швеция вывезла 900 [тыс.] т, из которых большинство уходит в Германию. Между Швецией и Германией существует соглашение по клирингу, так как от Германии нельзя

* См. газ. «Известия», 16—18 октября 1936 г.

добиться платежей; сейчас Швеция заказала самолеты «Юнкерса» в Германии. Таким образом, значительно ослабевшие за прошлые два года торговые связи с Германией сейчас оживляются. Германия крайне заинтересована в шведской руде и в том, чтобы приток руды не прекратился. Я уже сообщила о том, что ген. Бломберг ездил на север Швеции в горный округ. Ходили слухи, что немцы пытаются скупить акции обществ, владеющих рудниками, но рудники эти под контролем государства, и ни одна акция не может перейти в другие руки без ведома правительства. Министр социальных дел Меллер на днях объяснял мне технику контроля и уверял, что кабинет зорко следит, чтобы акции не могли попасть в руки немцев, даже через подставных лиц. Тем не менее не подлежит сомнению, что глаза немцев направлены на рудники Кируны на севере Швеции и что заинтересованность их в этом районе имеет еще и чисто стратегический интерес: близость возможных воздушных баз к нашей границе. Статья немецкого ген. Гайсгофера из Мюнхена в «Рейх унд фольк» выбалтывает истинные намерения Германии по отношению к Скандинавии.

Я уже сообщила Вам, что немцы обратились с предложением к шведскому правительству (при кабинете бунде) колонизовать шведский север, т. е. рудный район, и притом близкий к нашей границе, десятью тысячами немцев.

Ко мне заезжал поверенный в делах Чехословакии Ванек я также рассказал мне об этом предложении немцев лишь с той разницей, что немцы предложили будто заселить север 200 тыс. немцев, яо что шведское правятельство не сочло даже нужным ответить на подобное наглое предложение. Чехи усиливают здесь антигерманскую работу. До сих пор у них не было военного атташе, сейчас он приехал. Ванек считает, что надо использовать статью ген. Гайсгофера, чтобы «раскрыть» глаза тем, кто еще здесь яе осознал немецкой опасности. Ванек вообще ищет с нами «сотрудничества». При всей «дружественности» к чехам отношусь к его предложениям с полагающейся осторожностью.

Что немцы уже сейчас работают над тем, чтобы завербовать и завязывать за собою на будущее время шведский морской торговый флот, не подлежит сомнению. Немцы не только усиливают фрахтование шведских судов, но стремятся, где возможно, прояикнуть в число акционеров сухоходных обществ. Многие того мнения, что Германия будет заинтересована сохранить нейтральность Швеции со специальной целью: обеспечить себе здесь я в Норвегии «нейтральный флаг» морского транспорта в момент войны.

В этом направлении мы совершенно не работаем, на что я не могу не обратять Ваше внимание.

Бывший испанский посланник Фискович, изменивший мадридскому правительству, все еще сидит в доме посольства, очевидно, ожидая победы белых.

Назначен новый китаец — Ван Цзин-гу. Он был у меня, выражал чувства большой дружественности к Союзу. На приеме 7-го у меня были все посольства, за исключением японцев.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

**356. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану**

13 ноября 1936 г.

Уважаемый Лев Михайлович,

Сообщение туркам об имеющихся у нас сведениях касательно их сговора с Англией * может быть только полезно для наших отношений. Со мною на эту тему говорил Апайдын на приеме 7-го, и я ему разъяснял, что нас отнюдь не волнует отказ от заключения пакта, за которым мы сами никогда не гнались, но что нас не может не задевать передача советско-турецких отношений под контроль Англии. Я ему сообщил при этом некоторые подробности турецко-английских переговоров по этому поводу. Апайдын высказывал предположение, не является ли это личной политикой Араса, что я опроверг ссылкой на Ваши разговоры с Иненю²⁰⁶ и Ататюрком²⁰⁵. Из разговоров с Апайдыном получается впечатление, что турки ждут от нас какой-то декларации. Я не думаю, чтобы мы имели основания оправдать эти ожидания. Заявление Ататюрка в национальном собрании ** имело целью сгладить перед нами вероломный шаг Араса, нам же перед турками оправдываться не в чем. Для Вашего сведения сообщаю, что турки согласовывали с англичанами даже то самое заявление, которое мне сделал Апайдын о том, что они будут защищать проливы против агрессора ***. Английский поверенный в делах в Анкаре высказывался даже против такой декларации.

Розенгольд до сих пор не представил затребованных у него сообщений о расширении торговли с Турцией ****.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 347.

** См. газ. «Известия». 3 ноября 1936 г.

*** См. док. № 336.

**** См. док. № 414.

**357. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Румынии
М. С. Островскому**

13 ноября 1936 г.

Уважаемый Михаил Семенович,

Антонеску мне отнюдь не говорил о своем совершенном незнакомстве с переговорами о пакте *. Конечно, он знал о самом факте переговоров и в общих чертах о сущности их, но не был знаком с деталями. Мне известно, что бумажка, которую мы с Титулеску парафировали в Монтрё, до сих пор хранится у Титулеску и в Бухаресте о ней никто не имеет никакого представления. Я также не считал нужным говорить о ней Антонеску, тем более что считаю переговоры о пакте с Румынией прекрасенными и не думаю, чтобы они возобновились раньше возвращения к власти Титулеску, если это когда-либо будет иметь место.

Я согласен с Вами в Вашей оценке (письмо № 285) ²¹⁴ нынешнего этапа советско-румынских отношений. Факт ухода Титулеску сам по себе является значительным ухудшением этих отношений, что бы ни пел нам Антонеску. Сближение с Польшей является достаточно красноречивым свидетельством этого. Кстати, я полагаю, что при разговоре с румынами Вы не должны скрыть от них нашей отрицательной оценки предстоящей поездки румынских военных представителей в Варшаву. Польско-румынский союз направлен исключительно против СССР и был заключен в такой момент, когда между нами и Румынией не существовало никаких отношений. Скажите, что мы имели право рассчитывать, что после Лондонской конвенции, заключения советско-французского и советско-чехословацкого пактов и нашего сближения с Румынией польско-румынский союз не будет акцентироваться. Мы в этом усматриваем уже первый признак изменения отношения в результате ухода Титулеску.

Недостаточное развитие франко-советских отношений, колебания и трусость правительства Блюма не могут, конечно, не влиять на отношение к нам Румынии. Я согласен с Вами в том, что измененные отношения к нам Франции в худшую сторону вызовет параллельное отношение и со стороны Румынии, но из этого отнюдь не следует, что такой же параллелизм непременно будет иметь место и при обратном процессе во Франции. Результатом такого процесса скорее может быть ухудшение отношения Румынии к самой Франции.

Для Вашего сведения сообщаю, что в результате внятного ответа Германии на английскую ноту о Локарно **, итало-гер-

* См. док. № 286.

** См. газ. «Известия», 26 марта, 2 апреля 1936 г.

манского сближения и поворота Бельгии Блюм стремится теперь активизировать отношения с нами, но, как выше мною указано, это отнюдь не должно повлечь за собой изменения в позиции Румынии. Иное дело, если осуществится унификация внутренних обязательств Малой Антанты и заключение Францией с Малой Антантой союзного договора, открытого для присоединения других, в частности СССР. Осуществление этого плана может, конечно, заставить Румынию сделать выбор между нами и Германией.

Выдвигаемый Фотино и Гафенку* план создания барьера между нами и Германией настолько нелеп, что Вам не стоит, вероятно, большого труда высмеять его. В самом деле, за исключением Польши, ни Эстония, ни Латвия, ни Румыния не могут приостановить движения германской армии на Восток. Не по силам это и одной Польше, хотя, конечно, она могла бы некоторое время сопротивляться. Именно поэтому Германия, вероятно, предпочтет более тонкую часть «барьера». Если даже допустить, что страны, образующие этот «барьер», заключат между собой союз, то они никакой существенной помощи друг другу оказывать не смогут, ибо у каждой из них не хватит вооруженных сил для собственной защиты. Иное дело — Бельгия. Она отнюдь не рассчитывает на собственные силы и провозглашает свой нейтралитет только потому, что уверена в неизбежной помощи Англии и Франции. Бельгия не будет самостоятельной целью наступления Германии, а лишь коридором в направлении Франции и Англии. Балтийские же страны и Румыния могут оказаться и самостоятельной целью германской агрессии. Но если бы СССР решил воздержаться от помощи этим странам, то при сговоре с Германией или без него Германия может ограничиться покорением этих стран. Сторонникам подобного «барьера» не мешало бы поразмыслить и над такой возможностью. Но если они даже уверены, что СССР пойдет навстречу германским войскам в Прибалтике или в Румынии, то для последних отнюдь не безразлично, будет ли предварительная договоренность между ними и СССР или нет. В эту точку всегда и бил Титулеску, доказывая королю необходимость пакта с СССР.

Я согласен с Вашими выводами относительно позиции, которую мы должны теперь занимать в отношении Румынии, что мы не должны, конечно, говорить ей, что уже поставили крест на наших отношениях, а должны все усилия употреблять к сохранению по крайней мере нынешнего уровня отношений, если нельзя его поднять. Такая наша позиция будет.

* Соответственно вице-председатель палаты депутатов и заместитель министра иностранных дел Румынии.

однако, пассивной в том смысле, что мы не будем пока предлагать Румынии никаких пактов или заключения других политических актов.

Литвинов

Печат. по арх.

358. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахаива в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 ноября 1936 г.

Как я ожидал, Арас после беседы со мной * сообщил Иненю, что он дал мне все объяснения и что все в порядке. Иненю сообщил мне об этом на приеме у меня. Я ему ответил, что это неверно, и мы уговорились с ним о специальном свидании, где я обещал изложить положение дела. Иненю признал, что был обмен мнениями с англичанами, так же как и с другими державами, заинтересованными в Средиземном море. Однако он отрицал, что Турция просила у англичан совета. Он отрицал также, что мнение англичан оказало какое-либо влияние на решение турецкого правительства, а произошло простое совпадение мнений. Он сказал, что о переговорах Араса с Англией мы узнали даже раньше его и что только после беседы со мной ²⁰⁶ он выяснил у Араса все подробности. Он все время выгораживал Араса. Иненю торжественно заверял меня, что дружба с СССР — это главное в их внешней политике, что независимо от договоров турки знают, что в трудную минуту они могут положиться только на нас. Я ему ответил, что если допустить, что решение о пакте принято без давления со стороны, то факты все-таки сохраняют свое значение, несмотря на его и Араса объяснения. В промежутке между предложением Араса Литвинову и отказом от своего предложения ** Арас обратился к англичанам за советом и получил настойчивый совет не заключать с нами пакта. Все это усугубляется тем, что факт обращения к англичанам был скрыт от нас. Никакие объяснения не могут уничтожить этого факта. Создалось положение, при котором, если нам придется обсуждать или согласовывать в будущем какие-либо важные политические вопросы, как мы это делали в прошлом, мы будем думать, что турки не будут считать неудобным советоваться без нашего ведома с третьими государствами. Я добавил, что меня несколько не тревожит, что Турция дорожит Англией, старается стать к ней ближе, не хочет делать

* См. док. № 347.

** См. док. № 321, 336.

ничего, что могло бы оттолкнуть Англию от Турции, в частности отказывается от пакта с нами, что, маневрируя таким образом, она рассчитывает, что Англия обеспечит безопасность Турции. Дело турецкого правительства — определять свои внешнеполитические шаги и решать, что им выгодно. Но мы хотим одного, чтобы Турция не делала судьей наших отношений третьи государства, а главное, не скрывала этого от нас. Если бы Арас сказал нам прямо: я воздерживаюсь от пакта потому, что это может испортить мне отношения с Англией, мы могли бы считать такое решение правильным или неправильным, но такая ясность и искренность соответствовала бы нашим отношениям и не могла бы создать нынешнего тяжелого положения.

Арас сегодня мне сообщил, что будто бы Иненю остался доволен беседой со мной. Почему он остался доволен, мне неясно, так как, уходя, я ему сказал, что мы продолжаем находиться в тяжелом положении. Арас снова уверял меня, что он был корректен, что он, разговаривая с англичанами, не говорил об идущих переговорах с нами, а сказал англичанам, что у него есть идея пакта, связанная с конвенцией в Монтрё*, ибо им хотелось знать лишь их мнение, какое влияние такой пакт может иметь в Средиземном море. Он пытался оправдываться тем, что мы часто не информировали Турцию о наших шагах, которые интересуют Турцию: переговоры в Стамбуле с Болгарией и заключение с ней соглашения²¹³, о котором они узнали из газет, подписанное морское соглашение с Англией⁸⁸, содержание которого ему также неизвестно. Я разъяснил, что тут нет никакой аналогии. Он заверял всячески, что дружба с СССР — основа его политики, и закончил тем, что обещал впредь всегда извещать нас заранее о разговорах и переговорах, не только непосредственно нас касающихся, но в которых мы можем быть заинтересованы даже самым косвенным образом.

Во время одной из бесед Арас как-то без прямой связи с тем разговором сказал, что разве можно себе представить, чтобы при каких-либо обстоятельствах Советское правительство пожертвовало бы Литвиновым, а турецкое правительство Арасом. По-видимому, он хотел сказать, что хотя он и попал впросак, но не может быть и речи о его голове.

Я думаю больше не возвращаться в разговорах с турками к этой теме по своей инициативе. Сказано все с достаточной ясностью.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 238.

359. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Метаксасом *

13 ноября 1936 г.

Вчера я был у Метаксаса. Начал я с того, что после переворота 4 августа ** Метаксас неоднократно заявлял, что внешняя политика Греции остается неизменной. Одним из элементов этой политики было поддержание дружественных отношений с СССР, что является вполне естественным и нетрудным, так как у нас нет никаких особенных спорных вопросов. Тем не менее на другой же день после переворота вся греческая пресса начала яростную, лживую и ненавистническую кампанию против СССР. Кампания все усиливается, причем приводятся не только заведомо ложные сообщения, черпаемые из более чем подозрительных источников, но сочиняются лживые слухи и здесь на месте (например, слухи о том, [что] якобы мы фрахтуем в Греции суда для перевозки амуниции в Испанию, предлагая арматорам баснословные ставки). Пресса не стесняется распространять оскорбительные слухи о членах моего правительства, в частности о моем шефе г. Литининове. Был также случай, когда одна газета, ссылаясь на сообщение из Парижа, написала, что якобы я нахожусь под подозрением у моего правительства и буду отозван. Это противоречит самым элементарным правилам международных приличий.

Так как греческая пресса в настоящее время контролируется и дирижируется правительством, то я не могу не задать себе вопроса: что означает эта кампания? Хочет ли правительство испортить отношения с нами? (Испортить отношения между двумя странами очень легко, но восстановить их чрезвычайно трудно). Или же оно просто не ценит этих отношений и безразлично относится к их судьбе?

Говоря это, я еще раз заявил Метаксасу, что во внутренние дела Греции мы не вмешиваемся и уважаем существующий здесь режим.

Метаксас ответил, что в наших газетах тоже ведется кампания против Греции и в «Известиях» была помещена статья, оскорбляющая лично его. Я перебил его замечанием, что такой статьи я не видел: если она была, то я выражаю сожаление, но систематической кампании против Греции в нашей прессе не было и нет. Затем Метаксас пробовал уверять, что греческая пресса лишь перепечатывает сообщения иностранных газет, а статей против нас якобы не пишет. Когда я стал приводить факты, он попросил, чтобы я составил и прислал ему досье из газетных вырезок. Он намекнул на то, что газетная

* Из дневника М. В. Кобецкого за период с 8 по 24 ноября 1936 г.

** См. газ. «Известия», 6, 8, 9 августа 1936 г.

«критика» наших порядков необходима для борьбы с коммунизмом. Попросил у меня извинения за то, что был помещен слух обо мне лично.

Метаксас заявил далее, что он всецело занят внутренними делами, что внешняя политика Греции базируется на тесном сотрудничестве с Балканскими странами и поддержании дружественных отношений с великими державами, в том числе и с СССР. «Мы не принадлежим ни к одному из двух лагерей», — сказал он.

Я ответил, что принимаю к сведению его заявление и, желая верить его искренности, обращаю еще раз его внимание на антисоветскую кампанию греческой прессы. Досе я обещал составить и прислать.

М. Кобецкий

Печат. по арх.

360. Сообщение советской печати о речи Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании И. М. Майского на заседании Комитета

13 ноября 1936 г.

Лондон, 13 ноября. (ТАСС). На заседании Комитета по невмешательству в дела Испании 12 ноября итальянский посол в Лондоне Гранди выступил с большой речью, полной антисоветских выпадов и попыток путем различных переделжек и извращения фактов доказать, что Советское правительство стремится к созданию в Испании коммунистической республики. Отвечая Гранди, т. Майский сказал:

«Я должен выразить глубокое сожаление по поводу «замечаний» итальянского представителя в ответ на нашу ноту *. Это совсем не «замечание», это пламенная речь в защиту и для прославления ген. Франко. Данный факт лишний раз подтверждает, сколь тесна связь между итальянским правительством и испанскими мятежниками, связь, на которую я уже неоднократно имел случай обращать внимание Комитета. Однако я должен прямо сказать, что «риторические упражнения» итальянского представителя, которые мы только что прослушали, как бы это выразиться в рамках парламентского лексикона, несколько неуместны и несвоевременны. Представитель Италии бросился сегодня в «бой» с диким воплем, напоминающим боевой клич краснокожих, которыми все мы так увлекались в детстве.

Менянисколько не удивляет та линия атаки, которую сегодня избрал итальянский представитель. Италия была первой из великих держав, которая признала Советское правительст-

* См. док. № 354.

во и которая в течение последних десяти лет поддерживала с СССР наилучшие политические и экономические отношения.

И если сегодня мы слышим из уст итальянского представителя так хорошо знакомые берлинские напевы, то нам приходится лишь поздравить Берлин с его новейшей «победой» и одновременно выразить соболезнование Риму по поводу потерн им своей былой независимости в деле международной политики и капитуляции перед Берлином в вопросе об отношениях к Советскому Союзу.

Великий водораздел нашего времени идет не по линии «коммунизм и фашизм», а по линии «война и мир». Есть страны, которые обожают войну и превозносят агрессию, страны, которые одновременно считают признаком хорошего тона издеваться над Лигой наций. Эти страны стоят по одну сторону великого водораздела. Но есть и другие страны, которые хотят мир и ненавидят войну, страны, которые стараются укрепить мир на базе принципов Лиги наций. Эти страны находятся по другую сторону великого водораздела. Таково основное деление, проходящее в настоящее время через весь мир.

Конечно, странам-агрессорам очень не нравится такая постановка вопроса. Они хотят ее смазать, затушевать для того, чтобы с тем большей легкостью осуществлять свои преступные намерения. Вот почему вместо прямой и ясной дилеммы «война или мир» они пытаются подsunуть дилемму «коммунизм или фашизм» и таким путем повести по ложному следу широкое общественное мнение. Однако не надо быть мудрецом для того, чтобы разгадать эту нехитрую механику.

В своих отношениях с другими странами Советский Союз никогда не руководился и не руководится соображениями о характере господствующего в них внутреннего режима. Решающим моментом во всех таких случаях для СССР являются соображения: по какую сторону водораздела находится данная страна? Стоит ли она за мир или стоит за войну и агрессию?»

*Печат. по газ. «Известия»
№ 264 (5121), 15 ноября 1936 г.*

361. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

14 ноября 1936 г.

Срочно посетите Арита и скажите ему, что нами получены сведения о предстоящем оформлении японо-германского соглашения*, направленного прямо или косвенно против СССР.

* См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

Мы и раньше получали сведения о японо-германских переговорах на эту тему, но, учитывая постоянные заверения японского правительства о желании поддерживать с СССР дружественные отношения и мирно разрешать текущие вопросы, отказывались этим сведениям верить. Японское правительство, вероятно, не может не понимать, как подобное соглашение обременяло бы советско-японские отношения и как оно неблагоприятно отражалось бы на разрешении текущих вопросов. Мы собирались в ближайшие дни подписать рыболовное соглашение, поэтому и поручили Вам спешно выяснить, соответствуют ли циркулирующие сведения действительности, или же получить соответственное заверение в противоположном. Вы должны сказать это в такой форме, чтобы у Арита возникли опасения в задержке подписания рыболовной конвенции, но чтобы это в то же время нас не связывало и подписание конвенции не было потом истолковано как отступление. Не придавайте поэтому заявлению слишком формального характера. Возможное указание Арита, что речь идет об антикоммунистическом соглашении, а не об антисоветском, надо хорошенько высмеять как наивный камуфляж. Телеграфируйте о выполнении поручения, сообщив по возможности точно все сказанное Вами Арита*.

Литвинов

Печат. по арх.

362. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае И. И. Спильванку, в Шанхай

*Немедленно
14 ноября 1936 г.*

Вам следует немедленно повидать Чэнь Ли-фу и сделать ему следующее заявление: «Мы получили из совершенно достоверных источников сведения о том, что министр иностранных дел Китая в переговорах с японским послом дал принципиальное согласие на требование японского правительства о заключении соглашения «о совместной борьбе с так называемой красной опасностью» в Северном Китае, причем в переговорах прямо указывалось, что речь идет об опасности, якобы угрожающей Китаю из СССР через Монголию. По этим же сведениям, в настоящее время уже ведутся конкретные переговоры о районах, на которые должно распространиться это соглашение, и о формах этого сотрудничества.

* См. док. № 367.

Так как заключение подобного соглашения находилось бы в непримиримом противоречии с теми переговорами, которые китайское правительство ведет с нами по собственной инициативе*, и с теми заверениями и предложениями, которые авторитетные представители китайского правительства сделали т. Богомолову, то я просил бы авторитетного разъяснения указавшей выше позиции китайского министерства иностранных дел для немедленного доклада Москве.

Ссылаясь на свою неосведомленность о переговорах, не вступайте в дискуссию с Чэнь Ли-фу и заявите, что Вам поручено только передать запрос и получить от него скорее ответное сообщение для передачи в Москву²¹⁶.

Стомоняков

Печат. по арх.

363. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

14 ноября 1936 г.

Продолжается набор добровольцев через бюро на Виа Грегориа. Завербованные зачисляются в состав иностранного испанского легиона. Местные фашисты (комитеты фашистской партии) ведут усилению пропаганды среди безработных за вступление в легион, суля хороший заработок.

За время с 1 по 15 ноября из итальянских портов отправлено 12 пароходов с авиачастями, танками, броневедомолами, бомбометами, снарядами. По данным из авторитетного источника, близко стоящего к центру, ведающему всем снабжением с начала «испанской кампании», итальянское военное министерство поставило испанским мятежникам 255 аэропланов типа «Капрони» и «Фиат», 350 танков и бронемашин, 185 скорострельных орудий и бомбометов, 580 пулеметов.

Продолжается концентрация крупных авиационных соединений на Сардинии, предназначенных к переброске в решающий момент в Испанию после занятия Мадрида для «молниеносной» ликвидации каталонского правительства.

На последних пароходах, отправленных в Испанию, отгружено значительное количество газовых баллонов. Состав и название газов не известны. По всем данным, фашистская итало-испанская банда готовит газовую войну против Мадрида.

Брат ген. Франко приехал в Италию на совещание с итальянским генеральным штабом и итальянским правительством для обсуждения вопроса об ускорении признания правительства Франко и согласования военно-оперативных дейст-

* См. док. № 171, 349.

вий. Речь идет о блокаде восточного побережья Испании и портов, находящихся на Средиземном море, о посылке в распоряжение Франко 15 итальянских подводных лодок, о получении новых кредитов от итальянского правительства и от Ватикана.

Полпред

Печат. по арх.

**364. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии
Министру Иностранных Дел Японии Арита**

14 ноября 1936 г.

Господин Министр,

Советское Правительство придавало и придает большое значение нормализации положения на советско-маньчжурской границе и скорейшему успешному завершению ведущихся в Токио переговоров о создании пограничных комиссий. Советское Правительство стремится внести полную ясность в позиции обеих сторон по этим вопросам для того, чтобы обеспечить плодотворность и конкретность обсуждения гг. Райвидом и Того представленных обоими правительствами проектов соглашений о комиссии по урегулированию конфликтов и о комиссии по редемаркации границы на участке Ханка — Тумынь. Поэтому при вручении Вам 16 октября с. г. указанных проектов соглашений я вновь изложил в моем заявлении с максимальной полнотой те условия, которые Советское Правительство считает предпосылкой успеха переговоров*.

Учитывая пожелания Японского Правительства и стремясь ускорить практическое разрешение указанных выше вопросов, Советское Правительство решило принять Ваше предложение о том, чтобы гг. Райвид и Того немедленно приступили к обсуждению представленных обоими Правительствами проектов соглашений. Желая еще далее пойти навстречу Японскому Правительству, мое Правительство поручило мне заявить, что оно принимает также Ваше предложение о том, чтобы и на остальных участках советско-маньчжурской границы были созданы, кроме комиссий по урегулированию конфликтов, также комиссии по редемаркации границы. При этом Советское Правительство продолжает поддерживать свое предложение о том, чтобы комиссии по урегулированию пограничных конфликтов на всех участках границы были созданы через два месяца после подписания соглашения о создании пограничной комиссии на участке границы Ханка — Тумынь.

Вместе с тем Советское Правительство считает нужным еще раз напомнить со всей ясностью, не оставляющей места ни для какой недоговоренности, ни для эвентуальных недоразу-

* См. док. № 315.

менный в последующих переговорах между гг. Райвидом и Того, что оно дало и подтверждает свое согласие на редемаркацию советско-маньчжурской границы при непременном условии соблюдения существующей границы, как то предусмотрено ст. VII Пекинского и ст. III Мукденского соглашений *. Таким образом, обеспечение мира и спокойствия на существующей границе, которая должна точно соблюдаться, является **непременным** условием производства редемаркации.

Советское Правительство настаивает далее на своем предложении о том, чтобы немедленно после подписания соглашения комиссия по урегулированию конфликтов приступила к разбору всяких инцидентов и недоразумений на границе, и выражает свою уверенность в том, что это его предложение не встретит возражений со стороны Японского Правительства.

Советское Правительство готово, наконец, в крайнем случае даже отказаться от своего требования расследования в смешанной комиссии прошлых конфликтов, если Японское Правительство настаивает на этом, и, вопреки уже достигнутому соглашению, отказывается от первоочередного рассмотрения инцидента 30 января **.

Давая свое согласие на оставление без рассмотрения старых инцидентов, Советское Правительство считает в то же время безусловно необходимым, чтобы в интересах обеспечения мира и спокойствия на границе **всякие** новые инциденты, в случае, если бы таковые возникли до создания постоянной конфликтной комиссии, были немедленно предметом совместного расследования в целях установления и привлечения к ответственности виновников нарушения существующей границы. Иначе создалось бы положение, при котором безответственные элементы, рассчитывая на полную безнаказанность и надеясь на то, что и новые инциденты останутся нерассмотренными, создали бы как раз в период наших переговоров о создании пограничных комиссий ряд новых инцидентов, которые обострили бы наши отношения и сорвали бы ведущиеся переговоры.

Советское Правительство считает нужным еще раз заявить Японскому Правительству, что оно не может согласиться на то, чтобы Японское Правительство участвовало в качестве третьей стороны в комиссии по урегулированию конфликтов на советско-маньчжурской границе. Японское Правительство, как известно, объясняет присутствие своих войск в Северной Маньчжурии своими особо тесными отношениями с Маньчжоу-Го; совершенно очевидно, что при такого рода отношениях с Маньчжоу-Го Япония не может претендовать на роль третьей стороны в тех конфликтах, которые происходят на советско-маньчжурской границе.

* См. т. VII, док. № 156, 222.

** См. док. № 31.

В заключение мое Правительство считает необходимым подчеркнуть, что, как мною неоднократно заявлялось, оно оставляет за собой право в случае, если в этом возникнет необходимость, вновь поставить перед Японским Правительством вопрос о создании аналогичных пограничных комиссий на монголо-маньчжурской границе*.

Примите, господа Министр, уверения в моем к Вам совершенном уважении.

К. Юрнев

Печат. по арх.

365. Письмо Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 ноября 1936 г.

14 ноября мне позвонил Инкулец и просил к нему заехать по делам фильмов. Дело в том, что распоряжением МВД сняли с экрана шедший фильм «Пепел» и не допустили к постановке «Цирк». На приеме 7 ноября я сказал начальнику цензуры генсекретарю МВД г. Дмитрию, что такие приемы с трудом сочетаются с дружбой.

Инкулец мне сообщил, что вопрос с «Пепел» и «Цирком» правительством пересмотрен, и эти фильмы допущены на экран.

При этом Инкулец самодовольно улыбнулся и сказал, что запрещение этих фильмов действительно является головотяпством субалтериев, но что личное общение между мной и членами правительства при тех отношениях дружбы, которые существуют между нашими странами, — и такие вопросы быстро ликвидируются. Доказательство — фильмы.

Я в свою очередь улыбнулся и попросил вице-председателя правительства объяснить, каковы, по его мнению, отношения между нашими странами, в какое место румынское правительство ставит СССР: друзей или открытых врагов.

Инкулец сильно удивился и завел обычную пластинку, которая сводится к румыно-русской дружбе как географическому императиву, доказанному и проверенному историей.

Я тогда обратил его внимание на то, что за самое последнее время некоторые явления заставляют меня критически отнестись к этому утверждению Инкулеца, как и утверждениям этого рода других членов правительства. Причины? Их много: поведение прессы, совершено разнузданной, как никогда до сих пор, абсолютный произвол в отношении наших фильмов, поведение правительственных официозов («Виниторул» и «Эн-

* См. док. № 375.

депаидаис румэн»), из которых первый не поместил речи Литвинова* и не упомянул даже о том, что она имела место (единственная газета в Бухаресте!), и второй, поместивший комментарий к этой речи, в первой половине которых содержались набившие оскомину антисоветские выпады, а из второй не видно было отношения газеты к выступлению народного комиссара.

И, наконец, выступление самого Икулеца на митинге — ответ Муссолини — в Орадя Маре (пограничный с Венгрией город), из которого явствует, что румынское правительство считает угрозу нападения одинаково вероятной и возможной как с Тиссы, так и с Днестра.

Если, обращаясь к населению пограничного с Венгрией города и призывая его держаться стойко, заверяя его население в поддержке всех 19 млн. румынского народа, указать одновременно, что бессарабы на Днестре тоже зорко следят за своими границами, если эти слова произносит влиятельнейший член правительства, вице-президент совета министров, то из этого следует, что румынское правительство считает, что положение на Тиссе аналогично положению на Днестре, и мобилизует в этих целях сознание своих народных масс.

Разумеется, всякое правительство делает ту политику, которую оно считает соответствующей своим национальным интересам, и мне остается только принять к сведению, что национальные интересы Румынии на данном этапе ей диктуют по тем или иным причинам мобилизацию сознания народных масс и против Советского Союза. И делается это двояким способом: как замалчиванием мирной политики моей страны, так и спекулируя на патриотизме народных масс, указывая ему на угрозу со стороны Союза, о которой и Икулец, и все правительство знают, что эта опасность существует только в воображении Гоги, Кузы и Жоржа Братиану**.

Относительно фильмов Икулец сказал, что члены правительства за гололупство чиновников не отвечают, они их исправляют. Что касается газет, то он сослался на свободу печати (?), что касается «Винторул» и «Эидепаидаис румэн», то он этих газет не читает, но справится; он категорически протестует против искажения мной его выступления в Орадя Маре. Он уверял, что его упоминание о Днестре находилось в связи с его заявлением, что «за Днестром мы имеем дружественного соседа».

Сверили оба наши утверждения.

Текст: «Мы там, на Днестре, сильные своим правом, опираясь на наших соседних и дальних союзников и главным

* См. газ. «Известия», 11 ноября 1936 г.

** Лидеры национально-христианской и национал-либеральной партий.

образом на солидарность нашего 19-миллионного народа, стоим зорким часовым на восточной границе нашей нации» — не допускал двойственности толкования в контексте антиревизионистской речи в Орадя Маре. Тогда Иркулец пошел на самозарез и заявил, что текст не соответствует стенограмме.

Моя реплика: Из двух — одно: либо в этом вопросе кабинет не имеет единой точки зрения, и одинаковая опасность с Днестра и с Тиссы является концепцией МИД, и коррективы, внесенные в Вашу стенограмму отделом печати МИД, являются выражением этой концепции, либо концепция оригинала стенограммы, т. е. Ваша концепция, является концепцией кабинета только для внутреннего употребления, а для внешнего мира действительной является концепция официального текста.

Ни одно, ни другое объяснение изменения текста не колеблет несколько создавшегося у меня впечатления, что румынское правительство либо мобилизует сознание народа своей страны, или обращает внимание европейского общественного мнения на актуальную угрозу для Румынии со стороны Советского Союза.

Иркулец закончил патетической речью о дружбе двух народов, о Литвинове и искренности нашей внешней политики и румынской.

За поздним временем беседа была отложена*.

М. Островский

Печат. по арх.

**366. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Италии
Б. Е. Штейну**

16 ноября 1936 г.

Дорогой Борис Ефимович,

Я с интересом читал Ваше подробное письмо с оценкой итало-германского соглашения²¹⁷. В основном я с Вами согласен. Есть несомненно нюанс в итальянской антисоветской установке, и этот нюанс сознательно сохраняется Муссолини, который в своем милайском выступлении осторожно употребил слово «антибольшевистское» вместо «антисоветское» с тем, чтобы облегчить себе в дальнейшем отход от этой позиции. Тем не менее надо учитывать, что Чиано в беседах с дипломатическими представителями определенно говорит о перенесении борьбы с коммунизмом в международную плоскость. Далее, заявление о несовместимости франко-советского пакта с Локарнским никак не может быть отнесено к идеологической

* На документе — приписка М. С. Островского от 19 ноября 1936 г.: «Продолжение беседы не состоялось».

борьбе с коммунизмом. Полицейское соглашение с Германией, к которому как будто, судя по газетам, присоединились теперь Австрия и Венгрия, является также камуфляжем для определенной политической борьбы. Таким образом, для настоящего времени мы должны исходить из антисоветской, а отнюдь не только из антикоммунистической установки итальянского правительства. Я думаю, что Вы поступили совершенно правильно, не обратившись к Чиано ни за какими разъяснениями, подчеркивая этим, что новейший зигзаг итальянской политики нам совершенно ясен.

По существу итало-германское сближение имеет конъюнктурный характер и используется обоими партнерами исключительно в качестве давления на Англию. Мне достоверно известно, что официальные представители Германии уже открыто заявили англичанам, что Германия по-прежнему ненавидит и презирает Италию, что на сближение она вынуждена идти вследствие своей изоляции, но что, в случае дружественного отношения Англии, Германия готова в любой момент от этого сближения отказаться. Можете этот факт пустить в обращение.

О других международных делах Вас информируют посылаемые копии моих писем другим полпредам.

Литвинов

Печат. по арх.

367. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
16 ноября 1936 г.*

Посетил Арита, выполнил поручение, изложенное в телеграмме от 14 ноября*. Пункт моего заявления, затрагивающий вопрос о рыболовной конвенции, был изложен следующим образом: «Учитывая последовательное разрешение ряда вопросов в советско-японских отношениях и, в частности, то обстоятельство, что Советское правительство имело в виду в ближайшие дни подписание рыболовной конвенции, оно поручило мне специально выяснить, соответствуют ли действительности циркулирующие сведения о японо-германском соглашении». Ответ Арита, который передаю полностью, гласит следующее: «Знаю, что имелись слухи о том, что между Японией и Германией состоялся союз, и что эти слухи за последнее время участились, но это совершенно неверно. Япония боится распространения коммунизма у себя в стране и принимает внутренние меры. Думаю, что послу об этом известно. Далее, ввиду того, что в

* См. док. № 361.

Китае в результате работы III Интернационала возникло анти-японское движение, мы считали нужным договориться с Китаем относительно принятия совместных мер против коммунизма для стабилизации положения в Восточной Азии и для принятия мер против коммунизма в самом Китае, особенно в Северном. Необходимые мероприятия являются одним из трех основных условий японской политики в Китае. Это было установлено еще при Хирота, и мы искали случая, чтобы договориться по этому вопросу с Китаем. С другой стороны, летом прошлого года Коминтерн на своем съезде уделил Японии особое место в своей резолюции, в результате чего Япония сочла нужным принять меры против распространения коммунизма и находит необходимым договориться с теми государствами, перед которыми возникла та же угроза со стороны коммунизма. Я мог бы вполне конфиденциально сообщить послу о том, что сейчас такие переговоры происходят, но с каким государством, — не могу сказать без его согласия, о чем сожалею. Как я Вам говорил, это не имеет в виду Советское правительство как объект. Эта мера направлена исключительно против III Интернационала. Речь вовсе не идет ни о союзе, ни о взаимной помощи. Японская политика в отношении СССР несколько не изменилась, и даже, более того, мы полагаем установить еще более тесные дружественные отношения и развивать мир. С этой точки зрения мы хотели бы создать такую атмосферу ясности, при которой возможно было бы быстрое разрешение различного рода спорных вопросов. Я имею в виду вопросы о погранкомиссиях, о разрешении пограницидентов и демаркации границы. Создание комиссий по этому вопросу поможет разрешать возникающие неприятные случаи на границе мирным путем, дабы японо-советские отношения не пострадали от этих конфликтов и не подвергались опасности. Таким образом, предметы, о которых посол сделал запрос, ни косвенно, ни прямо не могут влиять на советско-японские отношения. Я имел еще раньше в виду поговорить с Вами по этому делу при первом подходящем случае, но, поскольку Вы сами сделали запрос, я Вам отвечаю».

Арита ни разу во время беседы, содержание которой передаю дополнительно *, не коснулся вопроса о рыболовной конвенции.

Завтра в 3 часа пополудни по инициативе Арита состоится моя встреча с ним, которую он хочет посвятить выяснению некоторых моментов нашей ноты от 14 ноября **, что ему нужно для ответа на нее.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 370.

** См. док. № 364.

368. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Самни

16 ноября 1936 г.

Я напомнил Самни историю переговоров о «Кевир-Хуриане»*. Еще недавно иранское правительство настойчиво добивалось от нас начала переговоров по вопросам «Кевир-Хуриана» и заключения нового соглашения. Но когда Советское правительство, идя навстречу иранским пожеланиям, согласилось приступить к соответствующим переговорам и официально уведомило иранское правительство об этом и о назначении специальной делегации, иранское правительство по непонятным для советской стороны причинам потеряло интерес к переговорам и в течение долгого времени не только уклоняется от каких-либо переговоров, но даже не ответило до сих пор на советскую ноту¹⁷⁴. Мы очень долго недоумевали, чем могло быть вызвано такое изменение позиции иранского правительства.

Ряд накопившихся за последнее время фактов позволяет, однако, высказать некоторое предположение относительно причин, создавших существующее странное положение с переговорами по «Кевир-Хуриану». Стало известно, что, в то время как иранское правительство не находит достаточно времени для того, чтобы вести переговоры с советской стороной об урегулировании вопроса о «Кевир-Хуриане», в это же время оно нашло возможность не только договориться с немцами относительно организации каких-то работ по нефтеразработкам, но даже приступить к этим нефтеразработкам в разных частях страны. Мало того, эти разработки с участием и под руководством немцев производятся даже в таких районах, относительно которых имеются специальные весьма важные оговорки в заключенных между Советским Союзом и Ираном договорах**.

Так как иранское правительство не сочло нужным нас информировать о характере производимых в Мазендеране и Семнине нефтеразработок, то нам приходится с большим вниманием следить за появляющейся в различных органах печати соответствующей информацией. Мы принуждены были поэтому обратить серьезное внимание на информацию, появившуюся в таком серьезном и осведомленном органе, как журнал «Грейт Брити энд энд энд ист».

В этом журнале, в номере от 30 июля 1936 г., помещена большая корреспонденция из Тегерана под названием «Германская торговая экспансия в Иране». В этой корреспонденции сообщается о переговорах, которые имели место между Ираном и Германией по различным экономическим вопросам, и, в частности, сообщается: «Обсуждались также концессии

* См. док. № 353.

** См. т. III, док. № 305; т. IX, прил. 5; т. X, док. № 225.

на ископаемые, и в частности на железо и медь, и, по-видимому, не была также забыта семнанская нефть — к востоку от Тегерана».

Эти факты, а также некоторые другие заставляют нас предположить, что приостановка переговоров между СССР и Ираном по вопросам «Кевир-Хуриана» является результатом неких соглашений между Ираном и Германией. Мы не знаем, имеет ли место какое-нибудь прямое соглашение или же иранское правительство просто предпочитает, приостановив нашу совместную работу по нефтяным изысканиям, открыть здесь дорогу немецкой активности, но во всяком случае мы считаем, что в создавшееся положение должна быть внесена полная ясность, позволяющая и нам определить в зависимости от этого свою позицию в отношении иранского правительства.

Если немецкая активность в Иране пускает здесь столь глубокие корни, встречает столь доброжелательное отношение со стороны иранского правительства и способна в такой степени влиять на ирано-советские отношения, что приостанавливает на долгое время урегулирование ранее столь сильно интересовавшего иранское правительство вопроса о «Кевир-Хуриане», то мы должны заявить, что такое положение создает новые условия наших взаимоотношений с Ираном и ставит под сомнение те дружественные связи, в наличии которых нас постоянно заверяет иранская сторона.

К этому необходимо добавить, что если речь идет о предоставлении немцам концессии в Мазендеране или в других северных провинциях, то мы напоминаем, что в отношении подобных концессий должны быть применены соответствующие статьи основного ирано-советского договора 1921 г. и определение, содержащееся в обмене письмами, состоявшемся при подписании в 1932 г. соглашения о «Кевир-Хуриане». Мы предупреждаем, что будем настаивать на точном выполнении иранским правительством взятых на себя обязательств.

Речь идет, таким образом, о ст. XIII договора 1921 г., согласно которой правительство Ирана обязалось не передавать возвращенные Ирану концессии и имущества во владение, распоряжение или пользование никакому третьему государству или его гражданам. Речь идет также о принятом на себя иранским правительством обязательстве в обмене письмами Петровский — Фаррох от 28 августа 1932 г.²¹¹ для тех случаев, когда иранское правительство возымело бы намерение сдать в концессию под разработки нефти какие-либо участки в Мазендеранской провинции.

Самим в ответ на мое представление заявил следующее. Совершенно необоснованно предположение, что задержка в переговорах о «Кевир-Хуриане» произошла вследствие каких-то комбинаций с немцами. Единственной причиной, вызвавшей

эту задержку, было то обстоятельство, что он, Самин, должен был внимательнее изучить эту новую для него проблему. Так как он был занят, кроме того, целым рядом других неотложных дел, то изучение им проблемы «Кевир-Хуриана» затянулось. Во всяком случае в настоящее время изучение и разработка соответствующих вопросов закончены, составлена докладная записка, а также намечены иранские предложения, и дело сейчас находится в таком состоянии, что через два дня он сможет известить меня о начале переговоров и ответить таким образом на мою соответствующую ноту¹⁷⁴ и вслед за тем можно будет сейчас же начать переговоры*.

Что касается предположений о возможности сдачи нефтяных концессий немцам, то Самин категорически отрицает возможность чего-либо подобного. Иранское правительство в целом и шах в особенности стоят на позиции, не допускающей ни при каких условиях сдачи иностранцам концессий. Мы все здесь великолепно понимаем, что такого рода концессии прямым путем ведут к закабалению страны, к лишению ее национальной независимости.

Корреспондент журнала «Грейт Бритн энд зи ист» в этом отношении освещает положение неправильно. Иранское правительство не делает никакой тайны из того, что оно намерено индустриализировать страну. Оно работает над созданием национальной промышленности и придает также большое значение разработке ископаемых.

Иранское правительство не делает также тайны из того, что оно серьезно интересуется вопросами разработки нефти. Но речь не идет, конечно, о каких-либо концессиях, и иранское правительство ставит эту работу как государственную. Немецкие специалисты, участвующие в этой работе, работают на простых условиях найма. Иранское правительство энергично взялось за изучение недр страны, но и в этой работе иностранные специалисты участвуют только на простых условиях найма. Сейчас большое значение придается задаче создания металлургического комбината, чтобы обеспечить Иран железом. Это предприятие будет тоже государственным, причем еще не известно, какая страна будет поставлять оборудование для этого комбината. Имеется предложение крупных германских фирм, имеются бельгийское предложение, польское, венгерское и еще некоторые. Но и здесь речь идет не о концессии, а только о поставке оборудования.

Самин не отрицает, что в тех переговорах, которые имели место некоторое время тому назад в Тегеране между иранцами и приехавшей сюда немецкой делегацией, обсуждали также вопросы разработки ископаемых. Но обсуждение это шло не в

* См. док. № 388.

концессионном плане, а под углом зрения желательности развития добычи ископаемых, в частности нефти, для того, чтобы путем вывоза соответствующей продукции в Германию увеличить возможности закупки для Ирана оборудования и других товаров в Германии.

У Ирана нет каких-либо особых побуждений для того, чтобы торговать с Германией. Иран не может себя считать виновным в том, что клиринговое соглашение заключила с ним Германия, а не Франция. Поскольку клиринговое соглашение с Германией заключено, оно, естественно, стимулирует товарооборот Ирана с Германией. Объективные условия складываются так, что Иран в основном ведет торговлю с Советским Союзом и с Германией, причем, по мнению Самин, торговля с Германией не уменьшает товарообороты Ирана с Советским Союзом. Наоборот, товарообороты Ирана с Советским Союзом растут.

Я ответил Самин, что если иранская сторона намерена начать переговоры о «Кевир-Хуриане», то мы и сейчас не возражаем против таких переговоров. Однако мы остаемся при своей позиции относительно ненормальности создавшегося по настоящий момент положения с кевир-хурианским соглашением. Несмотря на заверения с иранской стороны, мы не склонны рассматривать имеющую место до сих пор задержку как вызванную необходимостью изучения этого вопроса. Мы продолжаем считать, что эта задержка была увязана с некоторыми посторонними моментами.

Что касается концессии, то мы можем только присоединиться к той принципиальной оценке концессии, которая дается с иранской стороны. Разумеется, что иностранные концессии, в какой бы форме они ни давались, являются фактором закабаления страны, особенно такой слабой в экономическом отношении, как Иран.

Советский Союз симпатизирует промышленному развитию Ирана. Мы симпатизируем также развитию добычи ископаемых в Иране, в том числе и нефти. Но соответствующие работы будут только тогда способствовать укреплению экономической и политической мощи Ирана, если они не будут создавать здесь опорной позиции капиталам империалистических государств. В противном случае вследствие слабости иранской экономики эти работы и предприятия будут, наоборот, источником ослабления Ирана, подчинения его тому или другому империалистическому государству.

Иранское правительство сейчас стремится широко опереться на иностранную техническую помощь. Оно широко привлекает иностранных специалистов к работе в различных областях. Мы понимаем, что иранское правительство не в состоянии сейчас обойтись без иностранных специалистов. Но нельзя

забывать, что специалисты в руках империалистического государства являются весьма важным фактором экономического и политического внедрения. Это не менее серьезный фактор, чем были в свое время миссионеры. Приглашая специалистов на работу, нужно весьма тщательно взвешивать возможные экономические и политические последствия их пребывания в Иране.

Между тем мы наблюдаем за последнее время колоссальный наплыв в Иран специалистов из одной европейской страны. Эта европейская страна известна своими открытыми завоевательными планами. Эта страна открыто готовится к войне и заявляет о своих широких агрессивных планах создания колониальной империи. Общеизвестны в этом смысле ее устремления — через Балканский полуостров на Ближний Восток. Общеизвестно также, насколько активно и неразборчиво использует в своих целях эта страна своих граждан, находящихся за границей.

В Иране, очевидно, недостаточно уясняют себе эту сторону дела.

В этом вопросе есть, кроме того, одна сторона, которая вынуждает нас поставить перед иранским правительством со всей серьезностью некоторые предложения. Мы констатируем, что за последнее время масса немецких специалистов появилась в районах, прилегающих к советско-иранской границе, и на побережье Каспийского моря. Мы должны обратить внимание иранского правительства, что имеется ряд постановлений в подписанных нами совместно с Ираном документах, устанавливающих особый режим в отношении допуска иностранцев в соответствующие районы. Наличие такого рода документов свидетельствует о том, что Иран признает необходимым специальными мероприятиями охранять соседнюю страну от возможной вредной или нелояльной деятельности иностранцев. Наличие дружественных отношений между нашими двумя странами в свою очередь требует особенно внимательного учета обеими сторонами, и Ираном в частности, этого момента. Между тем, вопреки этим соображениям, иранские правительственные органы массами направляют в приграничные с нами районы немецких специалистов, т. е. специалистов той страны, которая проявляет к СССР наиболее враждебное отношение, которая открыто готовит наступательную войну против СССР, руководители которой публично заявляют о желании отторгнуть от Советского Союза громадные территории.

Мы считаем, что иранское правительство не может игнорировать это положение, если оно будет правильно понимать смысл заключенных между нами соглашений и если оно имеет в виду осуществлять в отношении Советского Союза дружественную политику.

Самии вновь подробно остановился на значении иностранных специалистов для Ирана. Программа индустриального строительства Ирана не может быть осуществлена без привлечения большого количества иностранных специалистов. В этом отношении Иран целиком следует примеру Советского Союза, который, несмотря на свою резко отрицательную позицию в отношении империалистических стран, тем не менее широко применял привлечение иностранных специалистов, да и сейчас имеет их значительное количество. Когда Советский Союз был в хороших отношениях с Германией, он массами использовывал немецких специалистов, и сейчас, несмотря на плохие взаимоотношения с Германией, Советский Союз не отказывается от использования немецких специалистов. Самии согласен с тем, что наличие иностранных специалистов создает специфические опасности, но другого выхода у Ирана нет. Задача заключается, стало быть, в правильном подборе специалистов и в тщательном наблюдении за их деятельностью. Но по какому принципу подбирать специалистов? Если говорить о колониальных притязаниях Германии, то другие европейские страны также имеют эти колониальные притязания. Вообще нет ни одного капиталистического государства, которое не желало бы при первой возможности увеличить свои колонии. Даже малые европейские государства, такие, как Бельгия, имеют большие колонии и ведут, таким образом, колониальную политику. Иран хочет в интересах своей безопасности стоять в стороне от крупных европейских конфликтов. Он не хотел бы в своих практических мероприятиях включаться в те или иные европейские осложнения. Поэтому он подбирает специалистов под техническим углом зрения. Немецкие специалисты приглашаются в Иран не потому, что Иран имеет какие-нибудь политические симпатии или ориентацию, а потому, что Германия дает хороших специалистов, которые едут в Иран, соглашаясь на более дешевые ставки, чем специалисты других стран. Конечно, было бы безопаснее приглашать специалистов по нефти, скажем, из Румынии, но Иран, затрачивая крупные средства на иностранных специалистов, хочет получить специалистов первого качества, могущих принести в Иран наиболее передовую технику. Передать нефтеразведывательные работы английским специалистам мы тоже по ряду соображений не могли, да мы не уверены в том, что вы были бы довольны, если бы нефтеразведывательные работы на севере вели англичане. Для производимых на юге, в Хузестане, нефтеразведывательных работ иранское правительство пригласило тоже немецких специалистов. Сделано это совершенно сознательно, чтобы получить наиболее объективные результаты и информацию. Разумеется, англичане были бы более довольны, если бы иранское правительство послало в Хузестан англий-

ских специалистов, или, если не английских, то во всяком случае не немецких.

Для иракского правительства было бы трудно согласиться принять такое положение, чтобы оно лишено было возможности в северных провинциях использовать немецких специалистов. Это было бы прецедентом, за которым могло бы последовать турецкое требование о неиспользовании итальянских специалистов вблизи турецких границ, вслед за тем англичане могли бы выставить те или другие пожелания касательно иракской и индийской границ. Это создало бы для Ирана невозможное положение, тем более что в конце концов вопрос о том, где, каких специалистов Иран использует, является целиком внутренним делом Ирана.

Самин считает, что наиболее правильным решением вопроса было бы, если бы иракское правительство самым строгим образом следило за тем, чтобы иностранные специалисты находились в пределах выполняемых ими технических функций и не допускали никаких нелояльных действий в отношении других государств, в частности Советского Союза. Самин заверяет нас от имени иракского правительства, что никакие нелояльные действия со стороны иностранных граждан, и немцев в частности, не будут ни в коем случае допущены. Он просит о всяком подобном случае немедленно доводить до его сведения и гарантирует, что подобный нелояльно выступающий иностранец будет немедленно снят со своего поста.

Ему, Самину, не известно ни одного случая нелояльного поведения немецких специалистов в отношении Советского Союза. Он считает поэтому, что и впрямь будет обеспечено такое же поведение немецких специалистов.

Отвечая на рассуждения Самин, я прежде всего заметил, что если мы и приглашали к нам на работу иностранных специалистов, то делали это с величайшей обдуманностью и осторожностью. Наше положение в этом вопросе было легче, чем у Ирана потому, что мы имеем сами в своем распоряжении большие возможности. Тот объективизм, который иракское правительство хочет проявить в отношении подбора иностранных специалистов, в конце концов оказывается малообоснованным. Иракское правительство хочет изолировать себя от европейских осложнений и начинает с того, что наводяет страну немецкими специалистами. Только чрезвычайным пристрастием иранских органов к Германии может быть объяснен такой факт, что дело нефтегазразведки передано в руки немецких специалистов, хотя, как известно, Германия не имеет своей нефтяной промышленности и, стало быть, не располагает достаточно квалифицированными кадрами в этой области.

Что касается вопроса о применении немецких специалистов в районах, прилегающих к нашей границе и к Каспийскому

морю, то мы на основании ряда документов можем настаивать на учете наших интересов. Но независимо от юридических соображений те дружественные отношения, которые существуют между СССР и Ираном, должны были подсказать иранскому правительству линию поведения в этом вопросе. Аналогично с Турцией, Ираком и т. п. не может быть ни по юридическим, ни по политическим условиям.

Нас не может удовлетворить заверение в том, что иранские органы будут наблюдать за лояльностью немецких специалистов. Это не может нас удовлетворить хотя бы уже потому, что вопреки мнению, высказанному Самии, уже имел место ряд случаев нелояльного поведения немецких специалистов, о которых было доведено до сведения иранского правительства, и тем не менее по отношению к соответствующим немецким специалистам не было принято никаких мер.

Так, еще недавно, когда германская пресса распространяла клеветнические выдумки о Советском Союзе, в частности о голоде на Украине, Самии лично сообщил мне, что он считает распространяемые германской прессой информации ложными и дал указание не печатать сведений о голоде на Украине. Это не успокоило находящиеся в иранском Национальном банке немецких специалистов — руководителей информационного бюро этого банка, и они, игнорируя заявление МИД, опубликовали от имени этого бюро, хотя и в несколько завуалированной форме, информацию о голоде на Украине. Мне пришлось по этому вопросу беседовать с Сохейли и написать личное письмо директору Нацбанка Амир Хосрови.

В результате была напечатана предложенная мною уже правильная информация о положении на Украине, но в отношении немецких специалистов, организовавших это антисоветское выступление, не было принято никаких мер. Наоборот, они ответили на наше выступление тем, что вообще прекратили давать в прессу какую-либо информацию о Советском Союзе. Получилось так, что от немецких специалистов и в настоящее время зависит тот факт, что об экономике дружественной Ирану страны, имеющей с ним колоссальную общую границу, ничего не дается в прессу.

В качестве другой иллюстрации могу привести следующие случаи.

Группа советских работников, проезжая по Мешхедскому шоссе, остановилась в одном месте в чайной. Она обратила там внимание на какие-то новые строения. Им сообщили, что это нефтеразработки. Работники, естественно, заинтересовались этим новым предприятием, и двое из них направились посмотреть это дело поближе. Никто их не предупредил, что к этому предприятию нельзя близко подходить. Никаких объявлений, запрещающих приближение к предприятию, там не было.

Так как мы приезжающим из Ирана в Баку иранским делегациям всегда охотно показываем наши нефтяные промыслы, а здесь на кевир-хурианских разработках допускаются к осмотру все свободно, то упомянутые два работника не видели ничего предосудительного в том, что они направляются к месту разработок. Подойдя к месту разработок, огороженному забором, они у ворот спросили у рабочих, где находится начальник разработки. Им ответили, что начальника нет. И тогда они, не входя в ворота, повернули обратно. Не успели они вернуться к месту остановки, как все они, в том числе и те лица, которые остались в чайной, были задержаны, несмотря на наличие у двух из этих работников дипломатических карточек. Организатором целого скандала, который возник, и задержания наших работников, в том числе работников с дипломатическими карточками, был руководитель разведки — немецкий специалист и его какой-то немецкий помощник. Вед себя этот «специалист», конечно, не как специалист, а как полновластный хозяин района, как концессионер в стране, где концессионеры могут распоряжаться как хозяева. В то время как иранские чиновники все время выражали склонность прекратить конфликт и предоставить советским работникам ехать дальше, немецкий руководитель разведки требовал их ареста, фактически добился этого ареста, кричал на иранских работников, схватил иранского полицейского за шиворот и с силой втолкнул его в советскую машину. Под его давлением иранские власти заставили советских работников поехать в ближайший центр. При этом «немецкий специалист» ехал в качестве эскорта вместе с полицейским. В районном центре повторилась та же история; иранские власти держали себя крайне смущенно и выражали в любой момент желание закончить конфликт, но не могли ничего сделать, так как этого им не позволял сделать «немецкий специалист». Иранские представители прямо говорили, что они готовы все ликвидировать, но им не позволяет этого сделать немецкий руководитель разведки. Лишь после пятичасового задержания советским работникам была предоставлена возможность ехать.

Несмотря на то что мы сделали по поводу всех этих недолгих действий представление МИД, насколько нам известно, никаких мероприятий, в частности против немецкого специалиста, показавшего верх нелояльности, не было принято.

С другой стороны, мы не можем не беспокоиться по поводу того факта, что вся система ветеринарного контроля в Азербайджане, где мы закулаем громадные количества скота, находится в руках немцев. Мы не можем рассчитывать на сколько-нибудь активное желание этих немецких специалистов ограждать наши границы от заноса эпизоотий.

Изложенные факты приведены исключительно для доказательства того, что со стороны немецких специалистов наблюдается нелояльное отношение к Советскому Союзу и что со стороны иранского правительства эти нелояльные действия не встречают должного отпора. Факты подобного рода могут повторяться потому, что корни их заключаются в агрессивных устремлениях германского государства.

Основываясь на соответствующих ирано-советских соглашениях, а также аргументируя политическими соображениями, мы настаиваем на том, чтобы практика внедрения немецких специалистов в районах, прилегающих к нашим границам, была изменена.

Самин попробовал полемизировать со мной по поводу случая на нефтеразработке в Мазендеране, причем цитировал различные показания немецкого специалиста, мало общего имеющие с тем, как на самом деле происходили события. Так, по версии Самин выходило, что будто бы немецкий специалист, стоя в воротах, предупредил наших работников о запрете входить на нефтеразработку, а наши работники будто бы силой его оттолкнули и вошли через ворота в запретное место.

Я сказал, что подобное показание является просто ложью, о которой не стоит говорить.

В конце концов Самин сказал, что специальная комиссия работает по расследованию происшедшего в Мазендеране инцидента.

Не продолжая более дискуссии, Самин заявил, что он учтет сделанные мною заявления и предложение и в соответствующем духе переговорит с руководителями хозяйственных ведомств — министерством финансов, главным управлением промышленности и главным управлением сельского хозяйства.

Заключая свое заявление, Самин добавил, что Иран очень дорожит дружественными отношениями с Советским Союзом, знает, что Советский Союз относится к Ирану хорошо, и Иран платит Советскому Союзу тем же, и не может быть и речи, чтобы свою дружбу с Советским Союзом Иран променял на какую-либо другую дружбу.

Этим Самин хотел сказать, что отношения с Германией имеют только деловой, но не политический характер и не стоит вопрос о перемене внешнеполитической позиции Ирана в пользу Германии.

Уже в самом конце Самин сказал, что слышал о моем желании выехать в отпуск. Ввиду того, что он намерен через два дня начать переговоры по «Кевир-Хурману», он просит меня задержаться с отъездом в отпуск.

А. Черных

369. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

*Вне очереди
17 ноября 1936 г.*

Посетите Арита и заявите ему, что Советское правительство не считает его разъяснения * удовлетворительными. Заявите, что японское правительство, конечно, имеет право бороться с коммунизмом в своей стране, и это же право принадлежит и Германии. Непонятно, однако, почему необходимо международное соглашение для этой борьбы, ибо вряд ли Германия будет посылать свою полицию в Японию, а Япония — в Германию. Кроме того, Советскому правительству известно, что соглашение о борьбе с коммунизмом является лишь прикрытием для другого японо-германского соглашения, направленного непосредственно против СССР. Советское правительство считает, что подписание такого соглашения несомненно нанесет тяжелый удар советско-японским отношениям, о чем Вы и уполномочены заявить **.

В ответ на возможные претензии Арита по поводу опубликования нами сообщения ТАСС *** скажите, что, согласно полученной Вами от НКВД телеграмме, краткое содержание Вашей беседы с Арита было сообщено ТАСС из аппарата НКВД еще до того, как была получена Ваша последующая телеграмма, передавшая просьбу Арита о неопубликовании. Таким образом, невыполнение просьбы Арита вызвано непредвиденными техническими затруднениями.

Поскольку японское правительство несомненно примет меры, чтобы скрыть от прессы и общественности содержание ТАСС, примите меры, чтобы содержание этого соглашения стало известным.

Стомоняков

Печат. по арх.

370. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
17 ноября 1936 г.*

В дополнение к телеграмме от 16 ноября *. Я ответил, что мы не можем разделить точку зрения министра в этом вопросе. Разговоры о создании «антикоммунистического» фронта в нынешних международных условиях всеми правительствами н

* См. док. № 367.

** См. док. № 375.

*** См. газ. «Известия», 18 ноября 1936 г.

народами понимаются как направленные против СССР. Установка на борьбу против «коммунизма» — это маскировка антисоветских устремлений ряда держав. Все мы знаем, что эти страны, которые ведут против нас агитацию, готовят войну, и поэтому блок Японии с ними мы воспринимаем с величайшим чувством огорчения и недоверия. То соглашение, о котором говорит министр, явится формулой, которая может быть в любой момент наполнена «содержанием» и вылиться в военное выступление против СССР. Это отлично понимают как в Японии, так и вне ее пределов. Если соглашение, о котором идет речь, еще не подписано, я просил бы министра, прежде чем принять окончательное решение по этому вопросу, серьезно подумать над тем, что мы говорим. Это мое пожелание как человека, который искренне желает развития добрых отношений между нашими странами. Попутно я указал, что, не беря на себя защиту Коминтерна, могу сказать, что антияпонские настроения в Китае — следствие исторических обстоятельств совершенно другого порядка. Отметив, что Коминтерн является независимой международной организацией, за которую мы никак не отвечаем, я подчеркнул, что в памфлетах, издаваемых военным министерством Японии, ведется совершенно открытая кампания против СССР, ориентирующаяся целиком на войну с нами, а о том, какие меры принимаются японским правительством против такого рода агитации, мы не слышали и не знаем.

Арита ответил, что японское правительство рассматривает вопрос о коммунистической опасности и борьбу против СССР как две совершенно различные вещи. Он не спорит, что некоторые в Японии отождествляют Коминтерн и СССР и считают, что борьба против коммунистической опасности является борьбой против СССР, но так не думает японское правительство, которое, стремясь оградить себя от коммунистической опасности, желает развития дружественных отношений с СССР и не видит в этом никаких противоречий. Поэтому если бы японское правительство заключило с какой-либо другой страной соглашение, о котором говорилось, то это не означало бы, что оно вступило в блок, направленный против СССР. Я прошу довести эту мысль до сведения вашего правительства, дабы между нами не было недоразумений. Поскольку Коминтерн является международной организацией, то для борьбы с ним нужна также международная организация. Поэтому мы имеем в виду международные полицейские меры для борьбы с коммунизмом.

На это я ответил, что мы никогда не вмешиваемся во внутреннюю политику других стран, не возражали и не возражаем против тех мер, которые принимала и принимает каждая страна у себя дома. Суть вопроса в том, что некоторые агрес-

сивные страны, как Германия и Италия, которые получили всеобщее признание как ведущие агрессоры, готовят войну и пытаются прикрыть свои враждебные планы необходимостью борьбы с «коммунистической опасностью». Я при этом отметил, что размежевание между странами не идет по линии «за коммунизм или против коммунизма», ибо такие капиталистические страны, как Англия, Франция, Чехословакия и др., прекрасно понимают истинный смысл политики указанных стран и не идут с ними. Участие Японии в блоке с Германией будет означать для всех народов мира участие в антисоветской комбинации. В этом политический смысл японо-германского соглашения.

Министр ни разу не поправил меня, когда я говорил о японо-германском соглашении. Из заявления министра видно, что японское правительство считает необходимым договориться с некоторыми странами о полицейских мерах международного характера. Такой тип соглашения между полицией разных стран существует и сейчас. В данном случае речь идет о политическом акте, который будет иметь международные последствия с точки зрения отношений Японии с другими странами. Арта ответил, что японское правительство не ставит себе задачу «спасения мира» от коммунизма, как это делает Германия. У Японии есть одно желание — спасти Японию и Азию от коммунистической опасности. Поскольку Коминтерна является международной организацией, то ему необходимо противопоставить также международную организацию. Известно, что печатные издания и воззвания Коминтерна проникают в Японию через Америку и лиц, принадлежащих к национальностям других стран, поэтому необходимо установить контакт с другими странами, ибо иначе справиться невозможно. Отсюда и вытекает необходимость международного сотрудничества. Возможно, что Англия и Франция не чувствуют такой остроты борьбы с коммунистической опасностью, как Япония, но министру кажется, что Франция в связи с испанскими событиями также ее почувствовала. Точка зрения, что антикоммунистический блок (министр затем поправился и употребил вместо слова «блок» — «борьба») — это есть антисоветский блок, явно свидетельствует о смешении двух идей. Японское правительство считает, что борьба против СССР и борьба против коммунистической опасности — это две разные вещи. Затем Арта сообщил о получении им нашей ноты о пограничных комиссиях * и заявил, что он считает необходимым немедленно урегулировать это дело и устранить причины, мешающие нашим дружественным отношениям. Далее он подчеркнул, что наша беседа является конфиденциальной, что он откровенно выска-

* См. док. № 364.

зал свои мысли и поэтому просит нас воздержаться от опубликования ее в печати. Он предлагает сообщить в здешнюю прессу, что сегодняшний разговор касался создания пограничных комиссий. Когда договор будет опубликован, он не представит секрета, но в настоящее время надо считать разговор конфиденциальным²¹⁸.

Полпред

Печат. по арх.

371. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Францию В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

18 ноября 1936 г.

Пригласивший меня для беседы Дельбос начал с вопросов: во-первых, достоверны ли слухи о японо-германском соглашении против СССР* и, во-вторых, не произойдет ли серьезного конфликта между нами и Германией в связи с московскими арестами**. На первый я ответил ссылкой на нынешнее сообщение ТАСС**, на второй заявил, что Германия нас не залугает. Кстати, мы считаем, что для нападения на нас ей нужно еще многое подготовить технически и политически. Легче напасть на союзника Франции Чехословакию, даже на саму Францию. Между прочим, я уже сигнализировал вчера Блюму мнение военных специалистов, что в направлении Фрейбург — Страсбург — Бельфор возможно наиболее легкое вторжение немцев. Дельбос ответил, что по последнему вопросу совет министров только что вынес решение о поездке Даладье и представителей высшего командования на указанный участок для обследования и выработки плана защиты. На мое замечание, что Германия не теряет время, стараясь разложить Малую Антанту и, в частности, укрепляя свои позиции в Румынии и Югославии, Дельбос заявил, что всемерно активизирует переговоры с Малой Антантой о заключении пакта о взаимной помощи против любого агрессора. Чтобы скорее понудить к этому Румынию и Югославию, первой обещана значительная помощь Франции по части вооружений, второй предоставляются благоприятнейшие условия торговли с Францией. О них будет говорить в Белграде Бастид. На мой дальнейший вопрос, что известно Дельбосу о переговорах Бека в Лондоне***, министр ответил, что существенным считает лишь заявление Бека о необходимости при совещании локарнских держав не

* См. т. XVIII, прил. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

** Речь идет о некоторых германских гражданах; см. газ. «Известия», 18 ноября 1936 г.

*** См. также док. № 343.

забывать об обеспечении безопасности и в Восточной Европе. Хотя Бек и защищал, собственно, интересы Польши, заявление его можно будет использовать шире. Я осведомился, имеются ли уже со стороны Англии какие-нибудь конструктивные предложения в связи с последними выступлениями Гитлера и Муссолини. Дельбос ответил отрицательно, подчеркнув, что считал бы долгом нас с ними ознакомить. Тут же он проговорился, что происходят оживленные переговоры Англии с Бельгией, что последняя больше ориентируется на Лондон, чем на Париж, и что в организации своей воздушной защиты Англия, по-видимому, уже имеет известные обязательства со стороны Бельгии. В заключительной части разговора Дельбос упомянул о первой встрече Кулондра с Литвиновым в Москве*, поспешив отметить, что сам поручил Кулондру переговорить там о некоторых моментах, осложняющих франко-советские отношения. Явно было, что Дельбос хочет несколько выгородить посла, неудачно проводшего свой первый дипломатический разговор. При этом он пожаловался, что газета «Вердат» в Валенсию поместила 15 или 16 ноября статью о том, что французские заводы снабжают оружием убийц жев и детей республиканцев, причем статья ссылается на какие-то сообщения, напечатанные в «Правде». Дельбос просил выяснить, как «Правда» может выступать против французского правительства с такими обвинениями. Я обещал выяснить, в чем дело, но тут же упомянул, что в наших газетах было сообщение о согласии французского правительства снабжать Германию железной рудой. Дельбос горячо заявил, что согласия еще нет, что ведутся только переговоры, что лишь вчера вопрос ставился в совете министров и что сам он решительно возражает против помощи Германии. На мой вопрос, такова ли и позиция Бастида, Дельбос ответил жестом, явно свидетельствующим об обратном.

Поллред

Печат. по арх.

372. Нота Полномочного Представительства СССР в Италии Министерству Иностранных Дел Италии

18 ноября 1936 г.

Посольство СССР в Италии имеет честь обратить внимание Королевского Министерства Иностранных Дел на нижеследующее:

13 ноября в 22 часа в порт Чивитавеккья прибыл с грузом угля советский пароход «Ногин». Немедленно по прибытии капитан парохода представил в управление порта необходимые

* См. док. № 351.

документы и пароход прошел санитарный осмотр. Утром 14 ноября с. г. на пароход явились представители таможи, проделавшие все необходимые формальности по опломбированию товаров, находившихся на борту. После ухода представителей таможи в 8 час. 30 мин. утра на пароход явились 10—12 агентов финансовой стражи в штатском во главе с двумя офицерами и заявили, что они должны произвести обыск в целях обнаружения контрабандного табака. Несмотря на заявление капитана об отсутствии табака, кроме уже заявленного, был произведен обыск, носивший исключительный характер: были осмотрены все помещения, постели, грязное белье, головные уборы, были тщательно просмотрены книги и газеты. Такой же обыск был произведен и в каюте капитана. Некоторые члены экипажа, в том числе помощник капитана, подверглись личному обыску.

Обыск, как это было подтверждено в официальном сообщении командира отряда королевской финансовой стражи Чивитавеккья, не дал результатов, хотя в упомянутом сообщении и указывается, что королевские власти имели «обоснованные подозрения» в наличии на пароходе контрабандных товаров.

Посольство СССР заявляет протест как против применения в отношении советского парохода столь исключительной, ничем не обоснованной процедуры, так и против форм применения этой процедуры.

Посольство выражает надежду, что Королевское Министерство Иностранных Дел примет необходимые меры, чтобы в будущем в отношении советских пароходов не применялись такие лишенные всяких оснований меры, тем более, что все имевшие в прошлом место случаи обысков советских пароходов показали, что экипажи этих судов строго соблюдают существующий в Италии порядок ввоза в Королевство различных товаров*.

Печат. по арх.

373. Запись беседы Торгового Представителя СССР в Иране А. М. Тамарина с Министром финансов Ирана Давером

18 ноября 1936 г.

После взаимных приветствий г. Давер высказал несколько замечаний по адресу г. Шостака, в которых в дружеских выражениях расценил его деятельность в Иране. Он обратил внимание на то, что г. Шостак пришел к руководству торгпредством в самый тяжелый период советско-иранских торговых отношений. Требовалась огромная работа и доброе желание,

* См. док. № 379, 381.

чтобы это дело выправить. Он, г. Давер, сам много работал, чтобы оздоровить наши отношения, и оказал помощь т. Шостаку со стороны иранского правительства.

Выразив надежду, что ему удастся сработаться и с новым торгпредом, г. Давер сформулировал основные принципы, на базе которых должны, по его мнению, развиваться советско-иранские торговые отношения в будущем.

Первый принцип заключается в том, что советско-иранские торговые отношения вытекают из естественных объективных условий — географического соседства и длительных исторических связей, установившихся между обеими сторонами. Этот фактор никогда не должен забываться и не должен быть слоняем явлениями случайного порядка и конъюнктурными моментами.

В переводе на язык торговых отношений это значит, что, если в один прекрасный момент на какой-нибудь из наших товаров, которые вы постоянно покупаете, явился бы новый случайный покупатель, скажем, какая-нибудь Аргентина, расположенная от нас за тридевять земель, и предложила бы нам коммерчески более выгодные условия, мы все же, учитывая этот самый принцип, должны предпочесть продать этот товар вам. Следовательно, этот принцип заключается в том, что советско-иранские торговые отношения для наших обеих стран географически и исторически являются важным и длительно действующим фактором.

Мы ожидаем, сказал Давер, на основах взаимности такого же внимательного отношения с советской стороны к нашим нуждам и потребностям.

Второй принцип касается вопроса наших личных взаимоотношений с Вами: меня как иранского министра, ведающего хозяйственными вопросами, и Вас как советского торгпреда. Это — полная откровенность во взаимоотношениях. Мы не дипломаты, а хозяйственные работники, в частности, мы никогда не должны закрывать глаза на какие-либо трудности, возникающие для одного из нас. Мы не должны ждать, когда подобное затруднение вырастет в труднопреодолимое препятствие. Только правильно определив в самом начале, в чем заключается затруднение, мы общими усилиями сможем наиболее безболезненно его ликвидировать. Приблизительно такие же отношения у меня установились с г. Шостаком и такие же я желал бы установить с Вами.

Третий принцип нашей работы, я бы сказал, — перспективная плановость. Наша взаимная торговля — не частная торговля, частный купец и тот имеет какую-то свою программу, что же говорить о нашей торговле, когда с обеих сторон выступает государственная торговля. Только имея перспективный план на несколько лет вперед, мы сможем организовать

нашу торговлю таким образом, чтобы она отвечала основным ведущим линиям экономического развития, по которым идет каждая из наших стран.

Четвертый принцип — это принцип непрерывного роста. То, что останавливается в своем росте, начинает быстро деградировать, и самый факт остановки в развитии есть первый признак загнивания. Нашу взаимную торговлю, вытекающую, как я уже сказал, из естественных географических и исторических условий, в которые поставлены обе страны, необходимо развивать все больше и больше. Каждый следующий день и каждый новый отрезок времени должен нам приносить какое-то увеличение торговли. Например, исходя из ранее высказанного принципа, что советско-иранская торговля должна согласовываться с основными линиями экономического развития обеих стран, можно заранее сказать, что через несколько лет состав товаров, которыми мы будем обмениваться, изменится. Ряд товаров, которые мы завозим из Советского Союза, будет сильно сокращен в своем объеме — сахар, хлопчатка и пр. — или совершенно выпадет из нашего импорта. Однако это никак не должно нарушать общего объема советско-иранской торговли, и мы должны заранее разработать вопрос, чем эти статьи должны быть заменены, т. е. какие другие товары, особенно технические, нам будут нужны и какие из них вы сможете или захотите нам дать. Точно так же и по нашему экспорту.

Вот, собственно, мои основные принципы. Если Вы с ними согласны, наша взаимная работа будет протекать очень хорошо.

Тов. Тамирян ответил, что он разделяет все соображения г. Давера.

Касаясь отзыва г. Давера о т. Шостаке, т. Тамирян подчеркнул, что он рассматривает этот отзыв как оценку торговой политики Союза в отношении Ирана со стороны г. Давера.

В советских условиях торговая политика не зависит от личных взглядов отдельных представителей нашего государства.

Что касается сформулированных г. Давером основных принципов, на базе которых должна развиваться советско-иранская торговля, то они целиком отвечают торговой политике СССР в отношении Ирана, и т. Тамирян будет их проводить.

По первому вопросу совершенно очевидно, что связи между нашими странами очень длительные и они вытекают из объективных факторов. В этих условиях т. Тамирян рад констатировать, что иранское правительство не склонно руководствоваться посулами «аргентинцев», хотя в данный момент эти конкретные предложения могли бы показаться коммерчески выгодными. Для развития советско-иранского экономического

сотрудничества никакие «аргентинцы» не нужны. Включивание в эти отношения подобных «аргентинцев» в свете наших взаимных больших перспектив вредно.

Тов. Тамирин также целиком поддерживает принцип открытости в личных отношениях. Искренность и прямота — основной принцип нашей государственной политики. Важно придерживаться этого порядка и в хозяйственных отношениях.

Прав г. Давер в вопросе необходимости иметь плановую перспективу в нашей взаимной работе, особенно учитывая большое промышленное строительство Ирана.

Наконец, г. Тамирин полностью разделяет и последний принцип г. Давера — необходимость развития и роста нашей взаимной торговли.

После этого, сказал г. Тамирин, в порядке реализации второго принципа, а именно полной открытости во взаимоотношениях и своевременной информации г. Давера о возникающих трудностях, он вынужден при первой же встрече обратиться его внимание на факт отставания иранского экспорта в Союз против нашего экспорта в Иран. Тов. Тамирин указал на высокое наличие нашей рналовой кассы (свыше 40 млн. рналов) и подчеркнул, что это обстоятельство является первым признаком нарушения принципа взаимности и нетто-балаиса. Он указал, что отставание в сдаче иранцами своих товаров идет по двум линиям: первая — отставание самих заготовок и сдачи и вторая — в еще большей степени — задержки в отгрузке. На сегодня мы имеем около 1500 т хлопка, около 1000 т шерсти и около 100 тыс. штук кожсырья уже принятых, но не отгруженных. Товары эти нам крайне необходимы, и задержка в их отгрузке приносит нам большие убытки. Если сдача и отгрузка сырья не будет усилена, а это дело причинило много забот и г. Шоастаку, то и я с самого начала работы буду поставлен г. Давером в затруднительное положение, а важность этого вопроса настолько значительна, что промедление в урегулировании его может в дальнейшем создать серьезные затруднения в товарообороте.

Г-н Давер обещал немедленно принять необходимые меры для заброски в нужные пункты автомашин и просил г. Тамирина прислать ему справку, какие конкретно товары, в каких количествах и в каких пунктах находятся неотгруженными, чтобы дать распоряжения местам. Он надеется, что в скором времени мы полностью используем запасы в рналах и что этот вопрос перестанет быть актуальным.

Со своей стороны он обратил внимание г. Тамирина на задержку в получении иранцами советской мануфактуры и сахара. Он обратил внимание на то, что это ударяет их с двух сторон: с коммерческой стороны, так как создает товарный голод на рынке, и с фискальной стороны — в форме недобора

косвенных налогов, так как обложение этих товаров играет важнейшую роль в их бюджете.

Тов. Тамарин на это ответил, что помощь г. Давера в отношении скорейшей сдачи и отгрузки иранских товаров в СССР вооружит его возможностью после ознакомления с делом благожелательно рассмотреть все пожелания г. Давера.

Прощаясь, г. Давер просил т. Тамарина поставить перед Москвой вопрос о возможности закупки в Иране пшеницы. Он при этом заявил, что они уже имеют покупателя в лице немцев, но предпочли бы продать пшеницу Союзу. Он просил дать ответ в течение семи-восьми дней.

«Если вы у нас ее не купите,— сказал г. Давер,— то мы продадим ее немцам, которые уже ведут по этому поводу с нами переговоры».

Он при этом сказал, что речь может идти о количестве в 100 тыс. харваров (1800 тыс. пудов) пшеницы урожая персидско-азербайджанского района.

«О цене мы несомненно договорились бы, тем более, что вы за эти последние годы, в тех или иных количествах, покупали иранскую пшеницу»,— сказал в заключение г. Давер.

Тов. Тамарин обещал довести это предложение до сведения Москвы.

Краткую запись составил
научный консультант
Торгпредства
Белгородский

Печат. по арх.

374. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тии-фу

19 ноября 1936 г.

Я начал беседу с вопроса, что посол может сообщить мне о ходе японо-китайских переговоров. Посол ответил, что центральным пунктом переговоров были японские требования о полицейском сотрудничестве по борьбе с коммунизмом и о военном сотрудничестве вдоль северо-западной границы. Оба требования Китаем отклонены с указанием, что полицейские меры каждая сторона может проводить у себя самостоятельно, а военное сотрудничество не вызывается необходимостью ввиду отсутствия угрозы для Китая. Я сказал, что, по имеющимся у меня сведениям, Нанкин будто бы частично принял означенные требования, по крайней мере для нескольких провинций, и если посол не может мне ничего сообщить по этому поводу, то просил бы его информироваться у своего правительства и срочно мне сообщить. Я добавил, что посол должен

понимать, как неблагоприятно подобные сведения должны отразиться на наших взаимоотношениях с Китаем.

Цзян Тин-фу заявил, что он уполномочен своим правительством обсудить пути к усилению дружественных отношений между СССР и Китаем и сотрудничества между обеими странами и что его правительство желало бы вести переговоры об этом в Москве. Я ответил, что кое-какие разговоры на эту тему велись уже в Нанкине т. Богомоловым *, который сегодня выехал уже из Владивостока. Когда он приедет, мы ознакомимся с имевшими место разговорами и дадим ему дальнейшие инструкции. Я не считал бы целесообразным перенесение в Москву переговоров, начатых уже в Нанкине. Переговоры эти требуют абсолютной секретности, которую легче будет обеспечить указанным мною методом. Мы зачастую не решаемся даже писать об этом по телеграфу и посылаем в Нанкин специальных курьеров. Нам известно, что в окружении китайского правительства и его дипломатических представительства имеются люди, не сочувствующие китайско-советскому сближению и предпочитающие капитуляцию перед Японией. Желательно, чтобы такие люди поменьше знали о переговорах. К таким людям, например, по нашим сведениям, принадлежит и тот советник посольства в Москве, о котором У[Нань-жу]** так недавно усиленно хлопотал. Может быть, наши сведения о нем неверны, но во всяком случае излишняя осторожность в таком деле не мешает. Цзян Тин-фу вновь повторил, что его правительство желало бы перенести переговоры в Москву, что он примет все меры предосторожности для обеспечения секретности переговоров, которые он будет вести лично, без помощи секретарей, а сноситься он будет непосредственно с Чан Кай-ши. Наша информация о советнике, по его мнению, неточна. Речь идет о человеке, совершенно чуждом политике, который должен был бы заниматься в посольстве консульскими делами. К тому же он уже и раньше был в Москве. Это дело еще обсуждается между У и т. Козловским. Я сказал, что во всяком случае мы должны обждать приезда Богомолова и что я по-прежнему считаю предпочтительным ведение переговоров в Нанкине.

Посол интересовался сообщением ТАСС о японо-германском соглашении***. Я заверил его, что это сообщение весьма точно. Посол рассказал, что несколько времени тому назад китайское посольство в Берлине запрашивало аусамт, который, однако, отрицал ведение переговоров. Аусамт при этом указывал, что Германия экономически весьма заинтересована

* См. док. № 24, 171.

** Советник посольства Китая в СССР.

*** См. газ. «Известия», 18 ноября 1936 г.

в Китае, между тем как торговля с Японией для нее интереса не представляет, а кроме того, Германия все еще надеется на дружбу Англии и уже по одному этому не стала бы заключать соглашения с Японией.

Интересовался Цзян Тин-фу также целью приезда Амора, а я успокоил его, указав на исключительно экономический характер переговоров с ним * и на то, что он приехал также с целью познакомиться с врачами.

Говорил посол об усилении штатов посольства и просил замолвить словечко в Бюробине, дабы новым секретарям были предоставлены помещения.

Литвинов

Печат. по арх.

375. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомоиякову

*Вне очереди
19 ноября 1936 г.*

Сегодня выполнил Ваше поручение **. Выслушав, Арита заявил: «На этот раз я предпочитаю об этом деле больше не дискутировать, так как эта дискуссия может быть немедленно опубликована, а опубликование нежелательно. Японское правительство предпочитает не говорить по этому вопросу. Мы уже говорили в достаточной мере об этом деле». Я ответил, что считаю ответ министра неудовлетворительным, но что это тоже ответ, ибо уклонение от ответа на столь важное заявление есть ответ, который будет соответствующим образом расценен моим правительством и подтверждает его заявление. Вслед за этим я пояснил Арита, почему произошло частичное опубликование нашего с ним разговора от 16 ноября ***.

Подтвердив свое прежнее заявление, Арита добавил, что моя характеристика его уклонения от ответа не соответствует действительности, но об этом он спорить не будет. Я указал, что мое заявление во всяком случае сделано совершенно официально, и японское правительство так или иначе должно будет с ним считаться. Отсутствие ответа произведет еще более тяжелое впечатление на советскую общественность. На это Арита сказал, что тут ничего не поделаешь, ответственность за это лежит на Советском правительстве, каковы бы ни были последствия, за это отвечает Советское правительство точно так же, как и за другие последствия (возможный намек на

* См. газ. «Известия», 30 октября, 5 ноября 1936 г.

** См. док. № 369.

*** См. док. № 367.

эventуальную отсрочку подписания рыболовной конвенции), за которые японское правительство не может принять на себя ответственности. Этим вышензложенный разговор по существу Вашего поручения был исчерпан, после чего состоялась беседа, уточняющая некоторые обстоятельства нашего с Арита разговора от 16 ноября, о чем сообщаю дополнительно*.

Полпред

Печат. по арх.

376. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомоиякову

*Вне очереди
19 ноября 1936 г.*

Сообщаю в дополненне к предыдущей телеграмме**. 1. По пункту нашей ноты от 14 ноября***, в которой говорится, что мы настаиваем на своем предложении, чтобы немедленно после подписания соглашения комиссия по урегулированию конфликтов и т. д., Арита заявил, что «как только комиссия по разбору конфликтов будет сформирована, то, независимо от того, приступила ли к работе или нет комиссия по редемаркация, возникающие инциденты будут разбираться в конфликтной комиссии». При этом он имел в виду восточную часть границы; наше требование о совместном расследовании инцидентов на границе, если таковые возникнут до создания постоянной конфликтной комиссии, и т. д. министр понимал как относящееся к восточной части границы. Я указал на его заблуждение. Арита ограничился лишь заявлением, что на других частях границы конфликтов бывает очень мало, и дальше не пошел. 2. Разговоры о структуре комиссии по конфликтам остались, как и прежде, безрезультатными. Уходя, я сказал Арита, что еще раз считаю своей обязанностью напомнить ему, что японо-германское соглашение****, исключительно из-за которого я пришел сегодня, нанесет тяжелый удар японо-советским отношениям. На всякий случай передаю Вам текст моего заявления Арита в том виде, как оно было ему зачитано: «Советское правительство не считает данные мне г. министром 16 ноября разъяснения***** по поводу японо-германского соглашения удовлетворительными. Японское правительство, конечно, имеет право бороться с коммунизмом в своей стране, и это право принадлежит и Германии. Моему прави-

* См. док. № 376.

** См. док. № 375.

*** См. док. № 364.

**** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

***** См. док. № 367.

тельству, однако, непонятно, почему необходимо международное соглашение для этой борьбы, ибо вряд ли Германия будет посылать свою полицию в Японию, а Япония в Германию. Кроме того, Советскому правительству известно, что соглашение о борьбе с коммунизмом является лишь прикрытием для другого японо-германского соглашения, направленного непосредственно против СССР. Советское правительство уполномочивает меня заявить Вам, г. министр, о том, что оно считает, что подписание такого соглашения несомненно нанесет тяжелый удар японо-советским отношениям».

Полпред

Печат. по арх.

377. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
20 ноября 1936 г.*

Брат ген. Франко закончил переговоры с итальянским генеральным штабом о поставке в Испанию фашистским повстанцам новых партий авиационного материала*. С этой целью он лично посетил несколько итальянских авиазаводов, в том числе в Сесто-Календе, где дал указания относительно монтажа, подобрал штат специалистов монтеров и техников для отправки в Испанию в качестве инспекторов. Одновременно Франко вел переговоры с итальянским генеральным штабом о переброске в Испанию в срочном порядке моторизованной дивизии в полном составе без людского контингента. В частности, по заводам и аэропортам Франко сопровождал личный секретарь министра иностранных дел Италии Анфузо. Анфузо должен отправиться вместе с Франко в Бургос в качестве временного итальянского поверенного в делах.

Последние дни широко развернулась кампания набора добровольцев для фашистской армии Франко среди отрядов фашистской милиции в Риме и других городах. Этим «добровольцам» при вербовке обещается кроме высокого жалования выдача 20 тыс. итальянских лир награды после полного захвата фашистами всей территории Испании.

Здесь считают, что угрозой открытого развязывания войны Муссолини решил добиться во что бы то ни стало отказа Англии и других стран от поддержки правительства Кабальеро с целью полной ликвидации республиканской Испании. Ожидают более широкую и откровенную военную помощь Италии войскам Франко.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 363.

**378. Нота Полномочного Представительства СССР в Италии
Министерству Иностранных Дел Италии**

21 ноября 1936 г.

Посольство СССР имеет честь сообщить Королевскому Министерству Иностранных Дел нижеследующее:

8 ноября с. г. группа советских граждан, членов Комиссии «Судопроект» в Ливорно, в количестве 14 человек, в том числе женщины и дети, прибыла на автомобиле во Флоренцию для осмотра музеев. По прибытии группы во Флоренцию все 14 человек были задержаны агентами полиции и направлены в полицейский участок. Там были тщательно проверены все паспорта, а один из работников Комиссии был подвергнут допросу, во время которого ему задавались весьма странные вопросы. Через час все были освобождены.

Затем 18 ноября начальник кабинета полицейского управления Ливорно вызвал через фирму «Орландо» представителя Комиссии «Судопроект» и потребовал, чтобы председатель Комиссии в обязательном порядке извещал полицию в письменной форме о всех случаях выезда членов Комиссии из Ливорно с указанием также времени отъезда, поезда, места назначения и гостиницы.

Председатель Комиссии обратился с просьбой о подтверждении этого распоряжения в письменной форме, однако его просьба была отклонена и ему было предложено лично явиться в полицейское управление.

Посольство СССР заявляет решительный протест против распоряжения полицейского управления Ливорно; эти действия находятся в противоречии с существующим в Италии законодательством о передвижении иностранцев.

Посольство расценивает эти факты как проявление желания создать для граждан СССР, находящихся в Италии, исключительный режим и надеется, что Королевское Министерство Иностранных Дел примет необходимые меры для прекращения подобных действий*.

Печат. по арх.

379. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
21 ноября 1936 г.

Сегодня заявил Бастианини** протест и вручил ему ноту по поводу последнего инцидента с советским пароходом***.

* См. док. № 379, 381.

** Заместитель министра иностранных дел Италии.

*** Имеется в виду инцидент с советским пароходом «Зырянин»; см. док. № 381.

Равным образом вручил ноту протеста по поводу имевшего место вчера происшествия в Ливорно, где полиция потребовала от председателя приемочной комиссии дачи ей предварительных сведений о передвижениях всех членов комиссии *. Впредь требуется указание места и продолжительность работы, наименование гостиниц и т. д. Я указал Бастианини, что все эти мероприятия создают особый режим дискриминации для советских граждан, что мы терпеть не сможем. Бастианини обещал расследовать и принять те меры, которые окажутся в пределах его компетенции.

Я убежден, что мы не добьемся серьезных результатов при помощи ноты протеста и устных заявлений. Все предпринятые против советских пароходов мероприятия не являются случайными и не могут быть отнесены на счет «произвола местных властей», как пытался сегодня мне доказывать Бастианини. Только ответные мероприятия с нашей стороны будут здесь поняты как следует.

Полпред

Печат. по арх.

380. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиниеном

22 ноября 1936 г.

1. Ирье-Коскинен сказал, что он имеет поручение правительства просить Советское правительство поддержать кандидатуру посланника Финляндии в Риме проф. Эриха в члены постоянной палаты Международного суда в Гааге. Эрих, профессор международного права, имеет много трудов, был долгое время посланником Финляндии в Берне и в то же время представителем Финляндии при Лиге наций. Его, вероятно, хорошо знает г. Литвинов. Финляндское правительство было бы очень благодарно нам, если бы мы поддержали эту кандидатуру. Для избрания требуется вотум Совета и Ассамблей Лиги наций, но Ирье-Коскинен думает, что дело это не отложится до сентября, а будет разрешено на ближайшем экстренном собрании Лиги наций. Ирье-Коскинен вручил мне маленькую памятную записку.

2. Затем перешли к вопросу об утверждении проведенной в 1934 г. в натуре советско-финской границы **.

При нашем прошлом свидании Ирье-Коскинен сообщил, что финляндское правительство согласно прислать своих де-

* См. док. № 378.

** См. док. № 196.

легатов в СССР, в Ленинград (прежде финны настаивали на приезде наших представителей в Гельсингфорс) и что для финских представителей наиболее удобным был бы ноябрь месяц.

Сегодня я могу дать Ирве-Коскинену наш ответ. Мы согласны на открытие совместных заседаний наших и финских представителей в декабре. Готовы начать работы 8 декабря. Если эта дата для финнов почему-либо неудобна и они хотели бы начать работы несколько позднее, с нашей стороны возражений нет. Далее я сказал, что наша делегация будет состоять из четырех членов во главе с г. Колчановским *. Может быть, при делегации будут еще один-два топографа и другой технический персонал, но членов делегации будет четыре. Это, конечно, не обязывает финнов прислать только четырех человек, но я сообщаю Ирве-Коскинену число членов нашей делегации, чтобы финны учли это при определении состава своей делегации. Ирве-Коскинен ответил, что их делегация также, вероятно, не будет многочисленна, ибо чем многочисленнее делегация, тем больше расходов и тем дольше длится заседание. Во главе финской делегации будет стоять, вероятно, директор [политического департамента] МИД Паула.

3. Далее я перешел к вопросу об убийстве Спирина. Я сказал Ирве-Коскинену, что до сих пор все переговоры по этому вопросу велись в Гельсингфорсе. Там наша миссия заявила сначала устные протесты **, а 14 ноября вручила большую ноту, в которой вопрос всесторонний, детально освещен ¹⁸⁹.

Однако, поскольку до сих пор (прошла уже неделя после вручения ноты) МИД не реагирует на нее, я считаю необходимым обратить внимание Ирве-Коскинена на неблагоприятное впечатление, производимое на нашу общественность убийством Спирина и последующими пограничными инцидентами (обстрелы наших пограничников и наших приграничных жителей). Я изучил материалы дела и глубоко убежден в том, что Спирин убит выстрелом с финской стороны, причем мы имеем дело не со случайным выстрелом, а с умышленным убийством, виновником которого является финский военнослужащий.

Подобного рода вещи не должны оставаться безнаказанными, иначе неизбежно серьезное ухудшение отношений между государствами. Я прошу г. Ирве-Коскинена объяснить это МИД. Наша общественность требует от нас ответа, что мы предприняли в связи с убийством Спирина. Надеюсь, что финляндское правительство даст нам по этому делу необходимое удовлетворение, я пока отказываю в просьбе наших газет

* Старший консультант правового отдела НКВД СССР.

** См. док. № 316, 325.

разрешить им опубликовать нашу ноту от 14 ноября. Но, если дело будет оставаться в нынешнем положении, я не смогу долго оставаться на этой позиции. Ирве-Коскинен сказал мне, что он 25-го уезжает на неделю в Гельсингфорс, там он ознакомится с материалами (пока он знает только содержание финской и нашей нот) и постарается добиться удовлетворительного решения вопроса.

4. После этого я перешел к вопросу о Выборгском консульстве. Три года тому назад мы по бюджетным соображениям временно закрыли консульство в Выборге. Сейчас наркомфин менее теснит НКИД при утверждении бюджета, и мы решили вновь открыть консульство в Выборге. Я поручил нашей миссии послать в МИД ноту об этом с указанием, что мы предполагаем открыть консульство 1 декабря²¹⁹. Я не жду никаких возражений, но просил бы г. Ирве-Коскинена принять меры к тому, чтобы положительный ответ не задержался.

Ирве-Коскинен ответил мне, что он также не ждет никаких возражений и проволочек по этому вопросу.

5. Далее Ирве-Коскинен заговорил о том, что посольство испытывает чрезвычайно большие неудобства в связи с тем, что выдаваемые им паспорта не признаются советскими властями. Всякий раз приходится требовать присылки нового паспорта из Гельсингфорса. Это ненормальное положение, причем, как ему кажется, другие посольства и миссии в Москве правом выдачи паспортов пользуются. Финляндское правительство рассчитывает, что этот вопрос будет разрешен в консульской конвенции между нами. При прошлом свидании он сообщил мне, что финляндское правительство хотело бы приступить к переговорам о заключении конвенции.

Я ответил Ирве-Коскинену, что для ведения переговоров по вопросам, вызывающим обычно много споров, необходимо наличие благоприятной атмосферы. Такой атмосферы в отношениях между нами нет. Я имею в виду главным образом последние пограничные инциденты. Если при нынешнем состоянии советско-финских отношений мы приступим к переговорам, то будет очень трудно находить компромисс по вопросам, где у нас и у финнов различные точки зрения. Я предлагаю поэтому подождать с началом переговоров до улучшения политической атмосферы.

Ирве-Коскинен напомнил мне, что предложение заключить консульскую конвенцию исходило не от финнов, а от нас, а финны лишь дали свое согласие и вручили контрпроект*.

Я сказал, что я это помню, но, как я говорил при последнем разговоре²²⁰, наше предложение было сделано несколько лет тому назад. За это время обстановка несколько изменилась.

* См. т. XVII, док. № 55.

Тем не менее мы не отказываемся вообще от ведения переговоров и от заключения конвенции, но я предлагаю отложить начало ведения переговоров до более благоприятного момента.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

**381. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

23 ноября 1936 г.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,

Из моих телеграмм Вы знаете о многочисленных инцидентах, имевших место за последнее время. Эти инциденты представляют собою, конечно, не случайное совпадение отдельных фактов, а выражение новой линии итальянской политики в отношении нас. Вот их список:

1. Обыск парохода «Ногин» в Чивитавеккья с применением личного обыска команды и с последующим письменным сообщением посольству о наличии «обоснованных подозрений». Обыск ничего не обнаружил*.

2. Обыск команды парохода «Зырянин» в Генуе. Грубое обращение с обыскиваемыми, отвод нескольких человек в полицию, личный обыск с раздеванием платья. Недопуск капитана «Зырянина» на пароход «Декабрист», стоявший тоже в Генуэзском порту.

3. Обыск на пароходе «Старый большевик» в Ливорно. Во время обыска в каютах и помещениях парохода команда была собрана на палубе.

4. Задержание полицией во Флоренции нескольких советских граждан, сотрудников морской приемочной комиссии, работающей в Ливорно, приехавших во Флоренцию для осмотра города и картинных галерей. Несмотря на то что среди задержанных были женщины и дети, допрос в полиции продолжался около двух часов**.

5. Задержание полицией советского инженера, члена той же комиссии, совершавшего прогулку на мотоцикле. Полиция предъявила ему обвинение в «разбрасывании иностранной валюты». Эта нелепо идиотская выдумка базировалась на том обстоятельстве, что у «обвиняемого» во время расплаты за обед выпала из кошелька советская трехкопеечная монета.

6. Запрещение этому же советскому инженеру т. Лукьянову посещать верфи, на которых он работает, без объяснения причин такого отвода.

* См. док. № 372.

** См. док. № 378.

7. Предъявление полицией председателю приемочной комиссии в Ливорно т. Туркову требования сообщать в квестуру заранее о всех передвижениях членов комиссии. Сообщению подлежит время отъезда, место назначения, продолжительность пребывания и, наконец, адрес (гостиница).

По времени вместе с описанными выше случаями имело место и задержание парохода «Декабрист» ввиду неуплаты торгпредством фирме «Виллен и Фасчио» по выигранному ею делу²²¹. Этот случай, однако, имеет специфический характер и должен быть выделен особо.

Вы знаете, что по всем приведенным инцидентам мною заявлен как устный, так и письменный протест. Я также сообщил Вам о своем разговоре с Бастианини, разговоре, который до сих пор никаких практических результатов не имел, кроме обещания Бастианини «навести справки, расследовать и дать ответ».

Я уже Вам сообщил свою точку зрения в этом вопросе*. Считаю нужным еще раз остановиться на этом. Думаю, Вы согласитесь со мною, что все описанные факты не являются случайными. Мы имеем дело с определенной линией, и как бы мы ни протестовали, как бы любезно Бастианини со мной ни разговаривал, никакого эффекта мы не добьемся. Полицейские власти неизменно будут утверждать, что ничего противозаконного они не сделали, что во время обыска они вели себя как джентльмены и т. д. и т. п. Ничего, кроме бюрократической переписки и нескольких неприятных объяснений, не получится, а затем все начнется сызнова и притом в более ухудшенном виде.

Единственным способом избежать подобных явлений следует считать метод немедленной и адекватной репрессии. Я подчеркиваю, что это нужно сделать немедленно, ибо чем скорее мы проявим наше нежелание мириться с подобной наглостью, тем быстрее будет нужный нам эффект. Я предлагаю немедленно дать предписание в наши черноморские порты, где находятся почти постоянно итальянские пароходы, произвести один-два «хороших» обыска с недопуском капитана на берег и т. д. Совершенно убежден, что подобный урок весьма легко поймут здесь и сделают из него нужные выводы.

Боюсь, что в противном случае итальянцы будут нагнеть и дальше.

Б. Штейн

Печат. по арх.

* См. док. № 372, 378, 379.

382. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 ноября 1936 г.

1. В военном порту западного побережья Италии в спешном порядке производится подготовка к загрузке нескольких миноносцев и двух отрядов подводных лодок для отправки в Гибралтар и Мальорку. 2. Во второй половине ноября с заводов Бреда и Капрони отправлено для армии Франко более 50 бомбардировщиков через Португалию. На машинах отсутствуют фабричные свидетельства и штампы фирмы. 3. 23 ноября на пароходе «Ле тре Марие» отправлено из Генуи 13 танков и несколько десятков тонн авиационного бензина.

Полпред

Печат. по арх.

383. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

26 ноября 1936 г.

Многоуважаемый Сергей Сергеевич,

Из писем и дневников т. Шапрова видно, что чехи допускают свободное распространение в Чехословакии издаваемой в Германии антисоветской литературы²²². Правда, после наших протестов они исправляют иногда допущенные ими ошибки и прекращают дальнейшее распространение, но обычно делается это тогда, когда книга расходуется достаточно широко. Мне кажется, что нужно было бы Вам переговорить на эту тему с самим Крофтой²²³. Нет нужды облекать этот разговор в форму протеста. Надо просто обратить его внимание на систематические упущения, допускаемые соответствующими чешскими властями, и указать, что за этими упущениями несомненно имеются известные политические, враждебные нам настроения соответствующих чешских административных органов. Необходимо поэту, чтобы Крофта предложил своему коллеге по кабинету, министру внутренних дел, надлежащим образом инструктировать подчиненные ему органы.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

384. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому

26 ноября 1936 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

За истекший месяц я неоднократно информировал Вас телеграфно по всем вопросам, связанным с последней конференцией стран Римского пакта*, а также с поездкой Шмидта в Берлин**. По линии ТАСС эти вопросы были также освещены. Не буду поэтому здесь повторять сообщенного, тем паче, что у Вас имеется богатая информация из других мест, и в частности с других, более высоких наблюдательных пунктов. Мне поэтому было бы очень интересно получить из Москвы оценку создавшейся обстановки. Вчера я подробно телеграфировал о содержании пунктов протоколов, касающихся борьбы с коммунистической опасностью. Информацию мне давал Петер***, и вся обстановка разговора, и заявления Петера составляют меня считать, что информация была правдивой. Он подчеркнул, что в результате венского совещания Австрии, Италии и Венгрии в неопубликованном подписанном протоколе, который упоминается в коммюнике, было записано, что договаривающиеся страны считают коммунизм опасностью для европейской культуры и будут с ним бороться каждая на своей территории. Последняя оговорка о территории будто бы сделана по предложению Австрии. Во время поездки Шмидта в Берлин был составлен протокол для памяти, в котором, по словам Петера, повторено то же самое, что и в венском протоколе.

Уже в телеграмме я отметил, что из этой информации Петера ни в коем случае нельзя сделать вывода о том, что эти протоколы не являются для нас однозначными. В этом меня хотел убедить Петер, но я это решительно отвел, указав на чрезвычайно враждебные статьи, которые за последнее время появляются в австрийской печати, особенно после венского совещания и после поездки Шмидта в Берлин. Сейчас, после опубликования германо-японского соглашения****, эти протоколы приобретают особенно враждебный для нас смысл. Отзывы австрийской печати на японо-германское соглашение подтверждают мои выводы, изложенные в телеграмме, в какой я подчеркнул, что австрийская внешняя политика тянется за германской, и если она пока не идет в ногу с последней, то потому, что не может пока высвободиться от итальянского влияния.

* См. газ. «Известия», 14 ноября 1936 г.

** См. газ. «Известия», 27 ноября 1936 г.

*** Генеральный секретарь МИД Австрии.

**** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. 370, 402 настоящего тома.

Я посылаю сегодня в отдел Запада копию полученной на днях ноты, из которой следует, что МИД будет настаивать на прекращении рассылки нами «Пресседнист» * полпредства. Он рассылался в течение шести лет. Мы его посылали также для сведения в отдел Запада. Считаю необходимым рассылку прекратить и впредь размещать нужный нам материал другими путями, в первую очередь через ТАСС.

С товарищеским приветом

И. Лоренц

Печат. по арх.

385. Телеграмма Поликомического Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
27 ноября 1936 г.*

В дополнение к телеграмме от 27 ноября²²⁴. 1. В момент вручения текста соглашения Понсе указал Нейрату, что а) соглашение переводит вопрос внутренней политики в плоскость международной, б) заверения, что оно не направлено против СССР, обесценятся, поскольку исходят от немцев, всегда отрицавших различие между Коминтерном и СССР и, в) ставя своей задачей и борьбу против коммунизма в третьих странах, соглашение соскальзывает на путь вмешательства во внутренние дела этих стран. Нейрат ничего членораздельного не ответил.

2. Когда Фиппс сказал, что для него непонятно, почему Япония сейчас решила на демонстрацию против СССР, я сказал, что не исключаю, что мотивы лежат не только в плоскости японо-советских отношений. Фиппс встрепетнулся и спросил у меня, не располагаю ли я сведениями о более широком характере соглашения. Я сказал, что сверх опубликованных в нашей печати сведений у меня нет, но что не сомневаюсь, что соглашение является актом взаимопомощи в агрессивных планах в разных направлениях.

3. Ему я с сожалением отметил, что силы, работающие на мир, слабо сплочены; Фиппс сказал, что одной из причин является неустойчивость внутреннего положения во Франции и что вину за это несут «экстремисты». Из дальнейшего было ясно, что он имеет главным образом в виду борьбу против вмешательства в испанские дела.

4. Румын располагает сведениями, что Муссолини отказался присоединиться к германо-японскому соглашению, мо-

* Информационный бюллетень на немецком языке.

тивировав это как формальными соображениями (противоречит итало-советскому договору*), так и несвоевременностью с точки зрения итальянских интересов.

5. Все отмечают, что реакция за границей на соглашение в общем напоминает реакцию на нюрнбергские речи, т. е. далека от того, чтобы удовлетворить немцев в одной из главных поставленных себе целей. В Англии, и особенно в Америке, — дополнительные поводы для неудовольствия, связанного с участием Японии.

Полпред

Печат. по арх.

386. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

27 ноября 1936 г.**

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,

На № 23960 от 4 ноября с. г.²²⁵

20 ноября состоялось первое заседание по переговорам о временном [торговом] соглашении на 1937 г.

Перед заседанием мы с торгпредством обсудили линию поведения. Решено было предложить в качестве основы прежнее соглашение***, затем просить о расширении ряда контингентов (по лесу, углю и пр.). Имея в виду затянувшиеся переговоры по постоянному торговому договору, решено было поставить перед французами вопрос о включении во временное соглашение ряда моментов общего характера, имеющих для нас как принципиальное, так и практическое значение (ретроактивность соглашения, налоговый режим торгпредства и сотрудничество его, вопрос о происхождении товаров из европейских и азиатских портов).

Переговоры будет вести торгпредство, но по договоренности с т. Поповым**** присутствовать на заседаниях в зависимости от хода дела будет представитель полпредства.

Французы на первом же заседании решительно отвергли расширение контингента по лесу, указав, что норма будет равна средней цифре за последние два года. В отношении угля они также заняли отрицательную позицию, но чувствовалось, что это вопрос дискуссионный.

Вопросы общего порядка на повестку дня первого заседания поставлены не были.

* См. т. XVI, док. № 277.

** Дата отправления письма.

*** См. док. № 1.

**** Торгпред СССР во Франции.

Следующее заседание состоится 26 ноября.

О дальнейшем ходе переговоров будем Вас информировать.

С приветом

Гирифельд

Печат. по арх.

387. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

27 ноября 1936 г.

Холсти сообщил, что финляндское правительство решило запретить въезд в Финляндию посланцу из Германии Эрнту, который хотел прибыть сюда для фашистской агитации в связи с германо-японским договором*. Решение принято с одобрения президента, и немцам отвечено, что Финляндия своими силами справится с коммунистической агитацией и не может допустить, чтобы такие делегаты Германии портили отношения Финляндии с СССР. Об этом решении ничего не будет писать финская пресса и также германская. Посланец, по словам Холсти, дипломатически заболел. Холсти просит нас учесть значение этого решения правительства при существующей в Финляндии «свободе слова и печати».

Далее Холсти заверял, что внешняя политика Финляндии будет основываться на Женеве. Финляндия по всем вопросам Лиги наций будет идти рука об руку со Скандинавскими странами. Холсти заявил, что он франкофил и будет руководствоваться политикой Франции, а потом Англии. Он хочет удовлетворительных отношений с СССР. До сих пор он был занят парламентом, но на днях приезжает сюда Ирве-Коскинен, и он займется вопросом об отношениях с СССР. Он уже со слов Лютвинова знает, что мы считаем Финляндию в числе агрессоров, но он хочет поработать, чтобы изменить это наше мнение. В ближайшее время он будет говорить со мною на эту тему**.

По поводу моей беседы с Паула о корректных отношениях*** Холсти сказал, что Финляндия уже на основании Статута Лиги наций должна иметь дружественные отношения с СССР. В ближайшее время он соберет представителей прессы и будет иметь с ними беседу на тему о наших взаимоотношениях, потом он хочет собрать верхушку военных около 50 человек и им сказать, чтобы ничего не было такого, что могло

* См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

** См. док. № 397.

*** См. док. № 352.

бы портить отношения с СССР. Вопрос о положении на границе тоже будет иметь уже решение парламента. От разговора по делу Спирина * Холсти уклонился, отговариваясь, что он будто бы не знает последней стадии этого дела. Разговор состоялся целиком по инициативе Холсти во время ужина, устроенного членами правления «Кансалис панкки» **.

Аустрин

Печат. по арх.

388. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

28 ноября 1936 г.

Я уже сообщал Вам телеграфно о том, что Сепახбодн 11 ноября в ответ на мое представление ему 29 октября о чрезвычайной затяжке переговоров в Тегеране сообщил мне *** по поручению Самии, что последний в течение одной — двух недель даст Вам ответ по конвенциям, о пограничных комиссарах и о режиме пограничной полосы, а вслед за этим и по остальным вопросам. Насколько я могу судить на основании Ваших сообщений, по-видимому, никакого ответа Вам Самии пока не дал. Таким образом, остается в силе изложенное мною с прошлой почтой соображение о заинтересованности Самии в дальнейшем затягивании переговоров и о том, что в этом затягивании, возможно, известную роль играют иранские переговоры с немцами ²²⁶.

Полученный Вами ответ Самии о немецких специалистах является совершенно неудовлетворительным ²²⁷. Самии напрасно пытается перенести вопрос в область формальных моментов. Мы не предполагаем доказывать иранскому правительству, что в силу таких-то статей договоров оно не может приглашать к себе на службу немецких специалистов. Наши ссылки на ряд статей советско-иранских договоров имели целью показать Самии и другим иранским чиновникам, что в свое время при заключении договоров и соглашений с нами иранское правительство учитывало нашу заинтересованность в том, чтобы территория Ирана не могла быть использована третьими странами или их представителями во вред Советскому Союзу. Это показывает, что иранское правительство действительно ценно дружбу с нами и даже в договорном порядке считало возможным создать известные гарантии соблюдения наших государственных интересов. Конечно, в наших со-

* См. док. № 380.

** Национальный банк Финляндии.

*** См. док. № 353.

глашениях с Ираном нигде не сказано, что иранское правительство не может приглашать иностранных специалистов для работы в Мазендеране, однако приглашение ими в настоящее время для этой работы немцев, представителей наиболее враждебной нам державы, показывает, что иранское правительство не считает нужным считаться с нашими интересами в том, чтобы в приграничных с СССР районах Ирана не развивали своей работы агенты враждебных СССР государств. Равным образом беспредметны соображения Самии о суверенности и о том, что иранское правительство не вмешивается в вопрос о подборе иностранных специалистов правительством СССР. Мы ни в какой мере не считаем возможным и нужным вмешиваться в подбор иранским правительством иностранных специалистов для работы в Иране, однако мы считаем себя вправе высказывать оценку такому факту, как массовое приглашение иранским правительством представителей фашистской Германии, которая в настоящее время представляет основную угрозу миру и ведет неприкрытую враждебную работу против СССР. Вполне естественно, что правительство нашей страны, в дружеских отношениях к которой нас уверяет правительство Ирана, обеспокоено такими шагами иранского правительства, которые могут быть злобно использованы враждебными влияниями и создать нежелательные осложнения в отношениях между нашими двумя странами. Ответ Самии означает, что иранское правительство вольно приглашать иностранных специалистов любой национальности. Этому права за ним мы никоим образом не отрицаем и не в этой плоскости поставлен вопрос. Но мы, дорожа нормальным развитием дружеских отношений между нашими странами, обязаны довести до сведения иранского правительства об отрицательных результатах деятельности тех пристрастных и близоруких иранских чиновников, которые заинтересованы в тесном сотрудничестве с немцами, иногда вопреки государственным интересам своей страны. Сами иранцы в свое время нам говорили, что деятельность ряда германских специалистов в Иране (д-р Лииденблат, представитель «Юнкерса», проф. Герцфельд) развивалась вразрез с интересами Ирана и что поэтому иранскому правительству пришлось прекратить контакты с ними. Никто не гарантирован от того, что работа новых германских специалистов будет лишена этих отрицательных моментов. При встрече с Самией необходимо разъяснить ему, что его формальный ответ является по существу дела политической декларацией о том, что в некоторых вопросах, представляющих серьезный интерес для СССР, иранское правительство признает ненужным считаться с этими интересами.

Советник посольства Самии пытался уверять нас, что немецкие специалисты приглашаются из-за их дешевизны и что

онн в большинстве случаев являются антифашистскими элементами (неарийцами). Мы знаем, что в ряде мест так называемые неарийцы являются прямыми эмиссарами Гитлера. С другой стороны, готовность германских специалистов получать в Ираке небольшие оклады убедительно говорит о том, что они получают взамен этого какие-то дополнительные блага, имея возможность, в частности, вести политическую работу против Советского Союза.

Заместитель Народного Комиссара
Б. Стомоняков

Печат. по арх.

**389. Письмо Полномочного Представителя СССР в Болгарии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

30 ноября 1936 г.

Дорогой Николай Николаевич,

1. В последнее время Германия заметно активизировала свою работу в Болгарии. Она тратит крупные суммы на подкуп общественных деятелей, имеющих вес и влияние, а также на покупку болгарских газет.

Эта работа ведется через германскую миссию в Болгарии и через бывшего гофмаршала царя Фердинанда — ген. Райчева, проживающего в Германии, но сейчас приехавшего в Софию. Редактор газеты «Камбана» Лазарь Поповский рассказал мне, что немцы предложили ему продать «Камбану» за 200 тыс. левов (около 2 тыс. долл.). По существу Лазарь Поповский готов продать малодоходную газету, но немцы требуют, чтобы в течение шести месяцев Лазарь Поповский оставался редактором газеты. Иначе говоря, немцы хотят купить газету вместе с редактором. Но, как заявил мне Поповский, он не хочет «продавать свою душу», и ввиду этого сделка еще не состоялась.

Жак Асеов, представитель германского табачного консорциума «Ремста», покупающего свыше 75% экспорта болгарского табака, приобрел крупный пакет акций газеты «Зора». Сохранив прежнего редактора Кранчева, газета «Зора» все более превращается в проводника германского влияния. Отсюда и вытекает, что «Зора» является застрельщиком антисоветской кампании, а испанские события освещает в фашистском духе.

Другая ежедневная газета — «Утро» бесплатно получает бумагу из Германии и также придерживается германофильской ориентации, хотя и в более осторожной, замаскированной форме.

Вечерняя газета Цанкова «Слово» получает ежемесячную субсидию от лиги Обера и является оголтелым антисоветским органом.

Таким образом, в настоящее время Германия располагает в Болгарии двумя ежедневными утренними газетами и одной вечерней. После закрытия болгарским правительством семнадцати левых [газет] последовательно благожелательную политику по отношению к нам проводит только одна газета «Заря». Газета «Мир», орган бывшей русофильской партии «народняков», представляет собою парламент мнений и помещает о Советском Союзе самые противоречивые высказывания, начиная от враждебных выладов проф. Младенова и кончая благожелательными замечками 82-летнего Михайла Маджарова, последнего болгарского послаинка в царской России в 1914—1915 гг. Любопытно, что по вопросу об испанских событиях Маджаров занял позицию, благоприятную мадридскому правительству.

2. Приезд из Германии ген. Ганчева имеет целью образование акционерного общества для постройки в Болгарии химического завода, производящего газы, газовые бомбы и т. п. В новое общество должен войти болгарский филнал «Байера», который занимается в Болгарии дообработкой германских медикаментов и др. Со стороны Германии этим делом интересуется «Фарбениндустри». Несколько месяцев назад Болгарию посетил германский промышленник и военный химик Лелсиус, который изучил на месте технические условия для сооружения газового завода.

3. Необходимо отметить и факты, устанавливающие непосредственное военное сближение между Болгарией и Германией. Приход в Варну германского крейсера «Эмден» превратился в манифестацию болгаро-германской дружбы. Царь Борис посетил «Эмден» и потом устроил у себя во дворце прием для высшего командного состава крейсера. Болгария увеличивает военные закупки в Германии. Недавно прибыла новая партия аэропланов, купленных в Германии. Сейчас болгары ведут переговоры о покупке в Германии подводных лодок для Черного моря. Переговоры встречают некоторые затруднения, в частности, из-за высокой цены, запрошенной немцами.

В ближайшее время ожидается приезд в Болгарию германского генерала запаса Массова, бывшего военного атташе в Софии, теперь состоящего председателем германского общества сближения с Болгарией.

4. Параллельно с усилением германского «дранг нах остей» в Болгарии растет активность Италии. Недавно в Софию приезжал итальянский авиатор Эрколе. Официальная цель его приезда — «развитие связей между болгарской и итальянской гражданской авиацией». На днях в Софию при-

летит эскадрилья итальянских аэропланов. По-видимому, происходит какой-то контакт Болгарии с итальянской военной авиацией.

Миланская речь Муссолини * вызвала в Болгарии с ее ревизионистскими настроениями сочувственное отношение. «Утро», «Мир», «Слово» и другие газеты поместили восторженные статьи. Такую же сочувственную оценку находят здесь визит Чиано в Берлин и германо-итальянское сближение. Проф. Генов в газете «Утро» подчеркивает, что «Муссолини и Гитлеру удалось вбить клин в моральное единство их противников — союзников СССР».

В ближайшее время следует ожидать еще большего германо-итальянского натиска на Балканские страны.

5. Германо-японский пакт о борьбе с коммунизмом ** еще не нашел достаточного отклика в печати. Во всяком случае болгары понимают, что суть дела здесь в военном союзе против СССР.

Коммунистическое движение в Болгарии, как известно, очень сильно. Болгарская буржуазия борется с ним методами белого террора. Борьба с коммунизмом в глазах правящего класса Болгарин — актуальный вопрос, и мысль о соглашении с другими державами по вопросу о борьбе с коммунизмом встретила бы здесь полное сочувствие. Но в данный момент, несмотря на большие германофильские симпатии при дворе, Болгария не хочет открыто присоединиться к Германии и открыто занять враждебную позицию по отношению к СССР. Поэтому, если Германия предложит Болгарии присоединиться к германо-японскому пакту, в данный момент Болгария едва ли решится на этот шаг. Она будет выжидать поведения более крупных держав и, в частности, своих соседей.

Подробнее я освещу этот вопрос в следующем письме ***.

6. Чем теснее сближается Болгария с Германией, тем внешне предупредительнее становятся по отношению к нам официальные лица. На прием 7 ноября в наше полпредство явились почти все члены правительства во главе с Кюсенвановым. Без всяких затруднений болгарское правительство разрешило открытие выставки советской графики. Наконец, в результате моего представления Кюсенванову болгарское правительство закрыло русскую фашистскую газету «Русь», орган сторонников Вонсяцкого. Эта газета позволила себе очень резкие выпады против СССР и, в частности, против гг. Литвина, Карахана и меня. Не знаю, как долго продержится это запрещение. Но во всяком случае впервые за два года болгары

* См. газ. «Известия», 3 ноября 1936 г.

** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

*** В архиве не обнаружено.

обратили внимание на наши представления. В то же время за нашей спиной болгарское правительство борется с влиянием советской культуры. Например, советский фильм «Последний табор» прошел через цензурную комиссию, но был запрещен по личному распоряжению министра народного просвещения Николаева.

Болгарская печать продолжает печатать антисоветскую информацию из германских и белогвардейских источников. По единодушным заявлениям моих знакомых журналистов, болгарская цензура поощряет печатание статей и заметок против СССР, допускает печатание материалов против Франции и Малой Антанты и запрещает все, что в какой-либо степени направлено против Германии. Разумеется, это не случайность, а линия, обусловленная общим курсом болгарской внешней политики.

7. Цанков уехал за инструкциями в Берлин. Туда на днях неофициально отправится брат царя — князь Кирилл. С участием Кирилла и Цанкова в Берлине состоится ответственное совещание о дальнейшей тактике болгарских германофилов.

По имеющимся сведениям, правительство Гитлера все же недоволио царем Борисом за его нерешительность, препятствующую Болгарии открыто стать на сторону Германии, и за его нежелание вручить власть Цанкову, который открыто повел бы Болгарию по пути фашизма.

8. 27 ноября в Софии состоялись инспирированные правительством студенческие уличные демонстрации под лозунгом: «Долой Нейи». Полиция для виду разгоняла демонстрантов.

9. На приеме 7 ноября у нас в полпредстве были представители всех иностранных миссий, за исключением немцев, которые ограничились присылкой визитных карточек. Этот факт обратил на себя общее внимание.

С товарищеским приветом

Полпред

Печат. по арх.

390. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном

1 декабря 1936 г.

Чилстон спрашивал, имеем ли мы сведения о заключении между Японией и Германией секретного соглашения и какого оно характера. Я ему ответил, что если я заявил публично на съезде* о существовании такого соглашения, то у нас для этого должны быть неопровержимые доказательства. Что

* См. прил. 2.

касается характера соглашения, то нам известно, что стороны обязались в случае состояния одной из них в войне с третьим государством не заключать с этим государством никаких соглашений, которые ставили бы его в выгодное положение по отношению к противнику. Обязались они также соответственно интерпретировать заключенные ими международные договоры, в том числе и пакт Келлога *. Германия обязалась давать Японии в обмен на девизы, а может быть и некоторые товары, военные материалы и инструктаж, в особенности по авиации и морскому строительству. Чилстон высказал мнение, что такой договор еще хуже союза и несомненно затрагивает интересы его страны. Он не понимает, каким образом Япония и Германия могли думать, что антикоммунистическое соглашение будет принято как чистая монета. Еще труднее ему понять, почему в этом деле участвовал Риббентроп уже после своего назначения в Лондон. Он это относит к обычной неуклюжести германской дипломатии.

Посол затронул также вопрос о предстоящем созыве Совета Лиги наций. Я сообщил ему, что к нам по этому поводу несколько раз обращалось испанское правительство за советом и мы всегда указывали на нежелательность и бесцельность созыва Совета. Такой же совет я дал дель Вайо на его последнее обращение к нам десять дней тому назад²²⁸. Дель Вайо, однако, настойчиво добивался изменения нашей позиции, указывая на настояния друзей, а также на благожелательное отношение к этому Идена. Мы тогда ответили, что не можем давать указаний испанскому правительству, которое вольно или невольно считается с нашими советами и поступить так, как оно считает выгодным для себя. Само собой разумеется, что в случае Совета мы окажем Испании максимальную поддержку. Чилстон повздыхал и изложил те же аргументы против созыва Совета, которые мы в свое время сообщали дель Вайо.

Под конец посол сказал, что получил на днях запрос относительно состава нашей делегации на коронацию. В Лондоне необходимо это знать возможно скорее, во-первых, для подготовки программы и обозначения места наших делегатов, а во-вторых, ввиду затруднительности уже теперь найти комнаты в гостиницах, сплошь уже заказанных на коронационное время. Я сказал послу, что нас об этом уже запрашивал несколько раз Майский, но мы считали этот вопрос не очень срочным ввиду отдаленности срока коронации, но что теперь мы этим делом займемся и дадим ответ.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. т. XI, док. № 298.

391. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

1 декабря 1936 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Как и следовало ожидать, Рузвельт оказался победителем на выборах и будет президентом еще четыре года. Победы его не ожидали только лидеры республиканцев, которые еще накануне выборов упорно уверяли меня, что непременно пройдет Лэндон и что только поверхностное впечатление дипломатов и некоторых журналистов может дать основание предполагать, что Рузвельт будет переизбран. Я допускал возможность той большой победы, которую фактически одержал Рузвельт, но я все же брал более консервативную цифру и предполагал, что Лэндон получит более 100 выборщиков. Сам Рузвельт считал, что Лэндон получит приблизительно 170 выборщиков, а Фарли за неделю до выборов говорил, что Лэндон будет иметь приблизительно 160 выборщиков. Мне кажется, что большую роль сыграл страх перед возможностью победы Лэндона, и многие голосовали за Рузвельта не из-за симпатии к нему, а потому, что опасались, что победа Лэндона произведет большой перелом в политике правительства, главным образом внутренней. Были опасения, что и внешняя политика Лэндона будет резко расходиться с политикой Рузвельта в сторону еще большего изоляционизма и в связи с этим ущерба для позиции Соединенных Штатов. В конце избирательной кампании организаторы кампании Лэндона допустили много грубых ошибок, которые увеличили шансы Рузвельта. Прежде всего Лэндон вначале пытался изображать из себя прогрессиста, что ему отчасти удалось благодаря поддержке таких людей, как Уильям Аллен Уайт, но затем под давлением реакционной верхушки республиканской партии и при содействии Джона Гамильтона Лэндон скатился на позицию совершеннойшей реакции. Отрицательную роль для него сыграло его братание с реакционерами демократической партии вроде Альфреда Смита, Джона Дэвиса и пр. Поддержка Херста также была для него большим минусом. В Детройте он допустил безтактность, проехав по городу с Фордом, который не пользуется популярностью среди детройтских рабочих. Затем он выступил против политики Хэлла о возможном снижении тарифов, осуществленной в отношении ряда государств, политики, поддерживавшейся крупным финансовым капиталом. Многие банкиры Уолл-стрита говорили, что после речи Лэндона, направленной против Хэлла, они начали колебаться, голосовать им за Лэндона или нет. Выступление Лэндона против закона о социальном страховании на случай старости, закона,

за который голосовало в конгрессе большинство республиканцев, совершенно подорвало его шансы на избрание и способствовало увеличению размеров победы Рузвельта.

Страна показала, что она не хочет реакционной политики, хотя за Рузвельта голосовали реакционные демократы Юга, которые имеют пока выгоды от поддержки Рузвельта, сохраняют все свои права в своих штатах, ни в какой мере не поколебленные рузвельтовским правительством. Это их вотчина, в которую никто не вмешивается. Они не дают избирательных прав неграм, всячески поддерживают почти рабовладельческую систему. Они всеми средствами борются против коммунистов и рабочих организаций. Очевидно, Юг так и останется и при нынешней администрации Рузвельта таким же реакционным, каким был до сих пор. Реакционный Юг представлен рядом сенаторов вроде сенаторов Гласа, Джозефа Робинсона, Берда — брата известного исследователя Антарктики. Наконец, Юг имеет своего вице-президента в лице Гарнера — яркую реакционную фигуру, который в случае смерти Рузвельта сможет еще быть президентом.

Рузвельт был поддержан всеми прогрессивными элементами, включая рабочие организации. Казалось бы, что эта победа Рузвельта смогла бы заставить его непременно пойти по прогрессивной линии в сторону социальных реформ. Но в настоящее время он чувствует себя довольно свободно и независимо, так как ни одна группа населения не может сказать, что только благодаря ее помощи он был переизбран. Его собственная психология либерала также не развивает левых тенденций в его политике. Так что скорее всего надо ожидать его колебаний между правыми и левыми элементами. Сейчас на него производят большой нажим деловые круги, которые добиваются какого-нибудь компромисса и потянут его вправо. Рабочие организации, здесь — далеко не левые, будут нажимать с другой стороны, и он будет бросаться из стороны в сторону, пожалуй, как и раньше.

Во внешней политике он, вероятно, будет чувствовать себя свободнее, чем за последние годы. На очереди стоит его работа по укреплению влияния Соединенных Штатов в Южной Америке, в которую сильно проникло фашистское влияние, что неминуемо приведет к усилению экономического и политического влияния Германии, Италии и Японии в Южной Америке. В связи с этим положение в Европе становится очень важным для Соединенных Штатов, так как через Южную Америку Соединенные Штаты могут получить врагов уже не за океаном, а у себя под боком на американском континенте.

Я считаю совершенно неизбежным заигрывание с Соединенными Штатами разных стран для привлечения их на свою сторону. Имеются сведения, что Франция и Италия начинают

разговоры об уплате долгов. Затем Германия будет добиваться какого-нибудь экономического соглашения с Соединенными Штатами. Япония также постарается замять неблагоприятное впечатление, произведенное ее соглашением с Германией*.

Пока что обстановка здесь для нас благоприятная. Фашистские государства здесь не популярны, и если явных симпатий к ним нет, то можно все-таки ожидать, что выбор будет сделан в нашу пользу.

Общая тенденция в отношении испанских событий скорее положительна. Во всяком случае даже представители крупного финансового капитала, социальные симпатии которых на стороне повстанцев, что влияет и на находящуюся в руках этого капитала прессу, все же колеблются и в худшем случае занимают нейтральную позицию, а за последнее время даже склоняются на сторону мадридского правительства. Я думаю, что широкие круги населения, плохо разбирающиеся во внешней политике, все же склонны симпатизировать скорее мадридскому правительству, чем повстанцам.

Что касается японо-германского соглашения, то оно хорошей прессой не имело и встретило враждебное отношение.

Самым большим местом для Соединенных Штатов является положение Латинской Америки, и не удивительно поэтому, что в такое тревожное с международной точки зрения время, в которое мы проживаем сейчас, и президент и госсекретарь ищут возможным поехать в Буэнос-Айрес на паанамериканскую конференцию для того, чтобы улучшить и закрепить свою позицию в этой части Америки, которая находится явно под угрозой быть втянутой в орбиту фашистского влияния.

События в Испании, которая в культурном отношении значительное влияние имела на Латинскую Америку, также могут быть чреваты последствиями для Соединенных Штатов с этой точки зрения. Нельзя недооценивать роль Южной Америки для Соединенных Штатов, доказательством чего является и та тревога, которая имеется сейчас, правда, в очень ограниченных кругах американской верхушки, но все же, видимо, довольно большой, если президент уделяет столько внимания паанамериканской конференции, созванной по его инициативе.

А. Трояновский
Полпред СССР в США

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

392. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

1 декабря 1936 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

1. В разговоре со мной 1 ноября с. г. Крофта упоминал о польском проекте раздела Чехословакии. Сейчас по Праге ходит слух, преподносящий вопрос о плане раздела Чехословакии в следующей развернутой версии.

Судето-немецкие части в Чехословакии отходят к Германии. Словакия присоединяется к Венгрии. Польша получает Моравскую Силезию и ряд исправлений на своей границе в Татрах и на Карпатах. Закарпатская Русь отходит к Венгрии лишь в незначительной части. Карпатские же горы переходят к Румынии с тем, чтобы румынская граница приняла в стратегическом отношении «естественный характер». Жалкий остаток от такого раздела — почти Прага и ее окрестности — остается в качестве «самостоятельной Богемии», заключающей союзный договор с окружающими ее государствами. Румыния привлекается к этому плану не столько приобретением новой территории, сколько германо-венгерско-польскими гарантиями неприкосновенности ее территории, особенно на случай «вмешательства СССР». Югославия должна согласиться на гарантию неприкосновенности ее границ, даваемую Германией, Польшей и Италией при торжественном отказе Венгрии от претензий на ревизию своих границ с Югославией. Австрия соглашается и вступает на путь полного аншлюса, фактического аншлюса, формально сохраняя некоторое неопределенное время свою самостоятельность. Италия удовлетворяется какими-то гарантиями отказа Германии от дальнейшего проникновения на Балканы, признанием «империи» и Балеарскими островами. Германия направляет свой нажим на Францию, нейтрализуя Англию, и добивается колоний в Африке, и в первую очередь в Марокко.

Я ни в какой степени не выдаю изложенное за сколько-нибудь серьезный план. Разговоры на эту тему слышны в журналистских кругах. Однако, поскольку изложенное в главных чертах совпадает и с тем, что Вы сообщаете мне в Вашем письме от 26 ноября²²⁹, я решил, осведомить Вас об изложенном и попытаться следующей почтой произвести проверку в первоисточниках.

2. Изложенному несколько противоречит слух самых последних дней, проникший как раз сегодня и в печать. Он гласит, что в результате псевдок Чиано и Шмидта в Берлин Гитлер дал согласие на восстановление Габсбургов в Австрии. Хотя, с другой стороны, это как раз может быть одной из тех гарантий отказа Германии от экспансии на юго-восток Европы.

которые нужны Италии. Чехи, во всяком случае, сильно обеспокоены, потому что в вопросе о Габсбургах они ставили ставку на сопротивление Гитлера. Сейчас они рассчитывают лишь на испуг и сопротивление Югославии, но уже сегодня от директора телеграфного агентства Крауса я слышал расуждения упадочного характера в том духе, что если Германия согласна, то для Малой Антанты безнадежно пытаться сопротивляться и реставрация Габсбургов тогда — дело решенное.

3. Что касается Венгрии, то можно считать правильными сведения о германских заверениях, даваемых Румынии и Югославии об отрицательном отношении к ортодоксальному венгерскому ревизионизму. В свете изложенного легко можно себе представить, что Германия действительно против ревизии румыно-венгерских и югославо-венгерских границ, поскольку предполагается удовлетворение Венгрии целой Словакией. Факт тот, что чехи с явным недоверием отнеслись к выступлению Розенберга и демонстрировали это недоверие небольшими заметками как раз в словацкой печати. Характерно также выступление чешского клерикала Мичуры, вождя чешских клерикалов в Словакии, основное содержание которого изложено в «Прагер прессе» от 1 декабря с. г. Мичура в парламенте очень темпераментно выступил против Германии и всех иных рук, протягивающихся к Словакии. Одновременно он небывалым для католиков способом выступал за прямой союз с СССР и проводимую им политику мира и коллективной безопасности.

4. Реакция Румынии на подобные возможности чрезвычайно интересуют самих чехов. Констатирую у целого ряда моих собеседников значительное беспокойство по поводу пребывания Антонеску в Варшаве. Чего-нибудь конкретного по этому поводу сегодня еще не могу сообщить.

Отмечаю в качестве общего тона за последнее время вообще рост беспокойства у чехов, которое одно время не было так ясно выражено, как летом после занятия Рейна Гитлером*, что дало мне тогда основание адресоваться в Ваше отсутствие к Николаю Николаевичу [Крестинскому] с особой докладной запиской. Сейчас я хотел бы еще раз настоятельно повторить, что испуг у чехов растет, а с ним растет и опасность их капитуляции перед Гитлером. В частности, рекомендую Вашему вниманию запись моего разговора с редактором «Венкова» Каганеком²³⁰.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

* См. док. № 68.

393. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

3 декабря 1936 г.

Немедленно пошлите Плимуту письмо *, сформулировав в нем наше предложение о распространении соглашения о невмешательстве также на посылку в Испанию добровольцев. Правительства должны обязаться всеми мерами препятствовать отправке и транзиту добровольцев в Испанию, а контроль за этим должен быть поручен тем же агентам, которые назначены для контроля над ввозом оружия. Важно сохранить инициативу, чтобы она исходила от нас. О сделанном предложении дайте широко в печать.

Литвинов

Печат. по арх.

394. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
3 декабря 1936 г.*

В результате совещания итальянского штаба с участием командующего итальянским экспедиционным корпусом на Балеарских островах ген. графа Росси решено дать заверение ген. Франко в том, что итальянский флот окажет деятельную поддержку блокаде восточного побережья Испании. Последняя отправка итальянских фашистских отрядов в Марокко под видом «добровольцев» в иностранный легион уже происходила на военных итальянских кораблях. Подтверждаются сведения об отправке 6 тыс. «добровольцев» на трех военных кораблях из Специи. Ввиду острого недостатка людского состава в армии Франко проблема пополнения ее итальянскими «добровольцами» сейчас стоит особо остро. Есть сведения об отправке в Марокко также дивизии туземных итальянских войск из Триполитании в полном снаряжении. На том же совещании решено, что Италия должна остаться в составе Комитета по невмешательству, так как это является наиболее удобной формой для снабжения Франко без риска вызвать международные осложнения. Набор безработных для отправки в испанский иностранный легион производится почти открыто в Риме районными отделами фашистской милиции.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 396.

395. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Иране с иранскими журналистами

3 декабря 1936 г.

У меня сегодня за завтраком присутствовали: редактор-издатель «Ирана» Мовагер, редактор журнала «Мехр» проф. Нафиси, сотрудник отдела печати министерства просвещения Солях, директор отдела информации МИД Гариб и некоторые другие.

Беседа с иранскими журналистами была посвящена подготовке к пушкинскому юбилею. Я познакомил журналистов с мероприятиями, проводимыми в СССР в связи с празднованием в феврале столетия со дня смерти Пушкина и с планами, которые приняты министерством просвещения для празднования этого юбилея в Иране. Обратив внимание работников иранской печати на то, что пушкинский юбилей создает хороший повод для ознакомления иранской читающей публики с произведениями великого русского писателя, я советовал, не дожидаясь выхода в свет сборника пушкинских произведений, подготавливаемого иранским министерством просвещения, приступить на страницах печати к напечатанию уже готовых переводов. Газета «Эттелаат» уже сделала начин и приступила к печатанию пушкинской биографии. «Ле журнал де Тегеран» последовала тому же примеру. Без сомнения, самый распространенный орган иранской печати и имеющий большие литературные традиции «Иран» не пройдет мимо такого исключительного события в жизни русской и мировой литературы и включится в работу по печатанию пушкинских материалов. Конкретно я советовал «Ирану» начать серию статей о Пушкине с опубликования его биографии более развернутой, чем это делают другие газеты, а затем дать в качестве литературных фельетонов переводы произведений Пушкина, заканчиваемые сейчас в Иране и появляющиеся впервые на персидском языке. То же самое можно посоветовать и другим газетам и журналам.

Присутствовавшие сказали мне, что они относятся с большим интересом к пушкинскому юбилею, с охотой принимают мой совет и просят только помочь в получении материалов.

Редактор-издатель «Ирана» Мовагер сказал, что закажет Нафиси обширную биографию Пушкина для «Ирана» и литературно-критическую статью для журнала «Мехр». «Мехр», если сумеет, посвятит Пушкину один из своих ближайших номеров с портретом Пушкина на обложке. Кроме того, «Иран», конечно, напечатает переводы пушкинских произведений, которые он сумеет получить. Он обсудит также предложение, которое делает также Нафиси об учреждении премий за лучшие переводы пушкинских стихов.

396. Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту

Лондон, 4 декабря 1936 г.

Сэр,

В моем письме от 11 ноября* я уже имел случай привлечь Ваше внимание к вопросу о «добровольцах». Недавнее прибытие в Кадис и другие удерживаемые мятежниками пункты тысяч германских «добровольцев», посылаемых в помощь мятежникам, настоятельно требует того, чтобы Комитет немедленно предпринял какие-нибудь действия для разрешения данной проблемы.

Поэтому, руководясь инструкциями моего Правительства**, я предлагаю:

1. Чтобы обязательства Соглашения о невмешательстве были распространены на отправку в Испанию добровольцев.

2. Чтобы правительства, участвующие в Соглашении о невмешательстве, обязались всемерно препятствовать отправке и транзиту добровольцев в Испанию.

3. Чтобы представители правительств — участников Соглашения в Комитете немедленно обратились к им за получением согласия на расширение обязательств Соглашения о невмешательстве в том духе, как это предлагается в вышеприведенных 1-м и 2-м пунктах.

4. Чтобы на агентов Комитета о невмешательстве, которые будут назначены в главнейшие пункты въезда в Испанию сушей или морем, возложена была добавочная обязанность контролировать соблюдение всеми заинтересованными сторонами предложенных выше дополнительных обязательств.

Примите, сэр, уверения в моем высоком уважении.

И. Майский

*Печат. по арх. Оpubл.
в сб. «Внешняя политика СССР».
т. IV, М., 1946, стр. 221.*

397. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти

4 декабря 1936 г.

Позвонил Паюла и передал, что Холсти просит меня заехать к нему. Холсти принял меня не в министерстве, а в своем особняке и в присутствии генерального секретаря МИД Кивикоски.

* См. док. № 354.

** См. док. № 393.

Начав разговор в очень дружеских тонах, Холсти осторожно перешел к речи Жданова * и просил меня сказать, как звучит настоящий текст речи, так как здесь фигурируют уже несколько вариантов. Тут же Холсти пожаловался, что на него наседають, что он ничего не предпринимает и что Союз чуть ли не объявляет Финляндии войну, но все это он говорил в шутовском тоне.

Я его ознакомил с речью Жданова по телеграмме ТАСС и добавил, что совершенно ясно, что в речи нет никакой угрозы суверенитету Финляндии, но что это для некоторых предупреждение, чтобы территория Финляндии не была предоставлена большим агрессорам. Тут Холсти меня перебил, что совершенно ясно, что никакой угрозы для Финляндии в речи нет. Сказав опять несколько слов по адресу правых, он просил меня, чтобы разрядить атмосферу и «вообще положить этому делу конец», дать ему сейчас же разрешение напечатать мое объяснение в прессе, как это было сделано в Риге и Ревеле. Холсти тут же сам средактировал, как изложить мое объяснение, и я дал согласие.

Далее Холсти начал рассказывать о своем выступлении в парламенте, спрашивал, доволен ли я его выступлением, и указал, что он уже в парламенте осуществляет ту программу, о которой он мне говорил во время нашей встречи у Палохеймо.

Я напомнил Холсти, что до сих пор еще нет ответа на нашу ноту по делу Спирина **. Холсти опять оправдывался, что он все время занят и нет совершенно времени для этого дела.

Видно, что он по этому вопросу говорит с большой неохотой и тут же тон его меняется. Сказал, что 7 декабря он надеется со мной встретиться и тогда он также даст ответ по делу Спирина. Потом на лету бросил фразу, что лучше так стовариваться, без длинных нот. Я будто бы прослушал эту фразу, спрашивал о часе приема. Тогда Холсти сказал, чтобы я созвонился по этому поводу с Паюлой, который к тому же ведет дело Спирина. Я еще раз сказал, что Москва делу Спирина придает большое значение, поэтому нужно это дело кончить, чтобы легче говорить на других темы.

Прощаясь, Холсти спросил меня, не знаю ли я о том, поедет ли т. Литвинов в Женеву на заседание Совета Лиги наций.

Я спросил, какой состав финской делегации на коронационных празднествах английского короля. Кивикоски ответил, что

* См. газ. «Известия», 24 ноября 1936 г.

** См. док. № 380.

они сообщили англичанам, что финская делегация будет назначена лишь после президентских выборов новым президентом.

Временный Поверенный в Делах СССР
Аустрин

Печат. по арх.

398. Из дневника заместителя заведующего II Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР

4 декабря 1936 г.

4 декабря ВОКС совместно с Центросоюзом устроил прием для группы болгарских кооператоров в количестве 13 человек, приехавших в СССР в качестве иностранных туристов. Группу возглавляет известный болгарский кооператор Илья Палазов. На приеме присутствовали некоторые работники Центросоюза, болгарский посланник Антонов с женой и секретарь болгарской миссии Левенсон.

Палазов в беседе со мной подчеркнул, что в Болгарии в широких общественных и особенно кооперативных кругах чрезвычайно интересуются жизнью Советского Союза. Если не считать отдельной индивидуальной поездки болгарских общественных деятелей в СССР*, то эта поездка группы болгарских кооператоров является самой выдающейся, которая, как он думает, должна значительно способствовать дальнейшему культурному сближению между Болгарией и Советским Союзом. На мое заявление, что навряд ли при существующей обстановке в Болгарии им удастся объективно изложить свои впечатления об СССР, Палазов начал уверять, что он не сомневается, что это им удастся. Более того, Палазов начал доказывать, что не только условия цензуры, но и условия режима сейчас в Софии гораздо мягче, нежели это было в 1934 г. при правительстве Георгиева. Как Палазов, так и другие болгары очень много говорили о тяжелом экономическом положении Болгарии, о зависимости болгарского хозяйства от германского рынка и о том, как Германия использует эту зависимость в своих политических целях. Тем не менее симпатии болгарского народа и широких общественных кругов на стороне Советского Союза. При этом в доказательство он привел тот факт, что в Болгарии и по сей день в гимназиях русский язык является обязательным и в Болгарии читают и любят русских классиков, в том числе и Максима Горького.

В разговоре со мной Антонов, между прочим, говорил о том, что отношения Болгарии с Югославией не только улуч-

* См. т. XV, док. № 333.

шаются, но и крепнут. Также улучшаются отношения и с Турцией. Возможно, что Кюсеиванов в ближайшие дни поедет с визитом в Турцию. При этом Антонов подчеркнул, что он считает правильным сближение с Югославией и Турцией. На мой вопрос, как смотрит на это Греция, Антонов, улыбаясь, ответил, что Греции это очень не нравится, да и другим не по вкусу, не расшифровав, кого именно он имел в виду (очевидно, Италию).

За ужином т. Аросев * произнес очень длинную речь о задачах ВОКС и желании ВОКС развивать культурные отношения с Болгарией, которая «исторически была связана с Россией». Затем речь произнес Палазов, в которой отметил экономическую зависимость Болгарии от Германии, подчеркнув, что 70% всего экспорта идет в Германию, в то время как великая французская демократия дала разрешение на ввоз во Францию во втором полугодии 1936 г. только двух вагонов ящ. Палазов подчеркнул, что он желает развития не только культурных отношений с Советским Союзом, но и экономических. Закончил Палазов свою речь тем, что болгарский народ является демократичным и Болгария никогда не станет фашистской, что вызвало аплодисменты всех присутствовавших.

Это выступление Палазова, очевидно, было не по душе Антонову, который не только не аплодировал, но чувствовал себя не в своей тарелке. Выступил с речью и Антонов, который сдержанно говорил о необходимости развития культурных и экономических отношений и [о том,] что ему как инициатору восстановления дипломатических отношений между Болгарией и Советским Союзом было приятно видеть, что эти отношения развиваются нормально и удовлетворительно.

Зам. заведующего II Западным] отд[елом]
Бежанов

Печат. по арх.

399. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Норвегии в СССР

5 декабря 1936 г.

Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м настоя́щим имеет честь подтвердить получение вербальной ноты Норвежской Миссии за № 1817/36 от 28 ноября с. г. с просьбой о передаче благодарности Норвежского Правительства и экипажа п/х «Квест» советским властям, капитану, командирам

* Председатель ВОКС.

и команде ледокола «Седов» за оказанную имя в апреле текущего года помощь терпевшему бедствие в Белом море яорвежскому суду «Квест».

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте норвежской миссии в СССР от 28 ноября 1936 г. № 1817/36 говорилось:

«Королевская Миссия Норвегии в СССР имеет честь выразить благодарность Норвежского Правительства и экипажа парохода «Квест» советским властям, капитану, командирам и команде ледокола «Седов» за оказанную ими в апреле этого года помощь терпевшему бедствие в Белом море норвежскому суду «Квест».

400. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Мииистром Иностранных Дел Дании Мунком

7 декабря 1936 г.

Ратификация соглашения об обмене почтовыми посылками*. После говорил с Муяком: 1. Об архивах бывшей российской легации**. Я спросил Муяка об ответе яа мою яоту от 15 июня²³¹; Муяк объяснял задержку ответа тем, что датское правительство не может ответить яичего ияого, кроме уже раяее им заявляяого, т. е. что без суда решить это дело нельзя. Муяк спросил меня, зяаю ли я что-либо о реальном содержании этих архивов. Я ответил, что яе зяаю, яо что для яас — это вопрос принципа. 2. О яастоящем политическом положении. Муяк, по обыкяовяию, смотрит яа вещи пессимистически и, в частности, заявил, что яз обращения яспанского правительства в Лигу яаций едва ли что-либо выйдет ввиду яевозможяостя добитьяя согласия между великяими державами. Я ответил, что в этом вопросе державы, желающие зашищать демократию, легко могли бы при желаяии добитьяя своей цели, так как в Испаяии дело ядет только о защите демократии и республики и яи о чем, идущем дальше этого. Муяк у меня спросил, имею ли я сведения о количестве добровольцев яа обеих сторояах в Испаяии. Я ответил, что добровольцев вообще яевозможяо подсчитать, так как это дело вольное и индивидуальное, яо что имеются опубликоваянные в газетах точяые цифры «добровольцев» яз Гермаяии и Италии. Затем Муяк спросил, не было ли советских судов с оружием для испаяского правительства. Я ответил, что яе было, приведя в пример случай задержания мятежкяками советского

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 14, 27 апреля 1937 г., стр. 209—223.

** См. док. № 57.

парохода с яефтью, шедшего в адрес германской фярмы. Далее мы с Мунком вдвоем возмущались зверством и варварством Фраяко, бомбардирующего Мадрид, причем я подчеркивал, что Фраяко в этом практически применяет яацистские теории насилия и возвращения к первобытному варварству. В заключение Муяк спросил, верю ли я в то, что войны яе будет. Я ответил, что верить или яе верить в этом вопросе я яе могу, яо что я убежден, что войны при желании, твердости и организованности держав-сторояниц мира можяо избежать, так как в выступлеляях страя-агрессоров очень много блефа, моментов простого запугиваяия.

Полпред СССР в Даяия
Н. Тихменев

Печат. по арх.

401. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР

*Немедленно
8 декабря 1936 г.*

Сегодяя Корбея посетил мяея и долго доказывал всю важность и полезность посредничества пяти великих держав (по его словам, Португалаяя как будто хочет остаться в стороые от демарша) в целях прекращаяя гражданской войны в Испанияи. Я выяснил путем ряда наводящих вопросов, что Корбея (а вероятно, и фраяцузское правительство) яе очаяя верит в успех своих иачияаяяя, яо считает, что эту ияициативу яужяо было проявить по соображениям двоякого порядка: 1) чтобы сдержать растущее во Фраяция движение против яевмешательства; 2) чтобы вьести разложение в испаяский Народяый фронт. По последнему пункту Корбея аргументировал ярямерио следующим образом.

В лагере Кабальеро я в лагере Франко имеются весьма пестрые элементаы; сейчас все ояи логякой войны сбиты в два объединяяых фроята, и все мысли я чувства их обращены к одной цели — войне. Ни о чем другом они не могут думать и не думают. Но попробуйте помаяять все эти элементаы мыслью о мяре, попробуйте хотя бы в самых общих и грубых чертах яарисовать перед яими картину возможности выхода из войны и возвращения к яормальным условиям жизни, — яе-медлеляно же обруч, стягивающий в настоящее время пестрые элементаы, из которых состоят оба фронта, яачает трещать. Фронтаы стаяют рассыпаться, и создадутся условия для воссоздания мирной демократяя.

Из вежлявости Корбея говорил об обоих фроятах, но по существу его больше всего иятересовал распад Народного

фронта, причем особая надежда в этом отношении она возлагает на противоречия между басками-католиками и левыми элементами.

Я пытался выяснить, как французское правительство представляет себе разрешение стоящих на пути трудностей (организация волеизъявления народа, неиспользование Франко перемарши для своего усиления, дальнейшая судьба армии Франко и т. п.), но не мог добиться никакого членораздельного ответа. Было совершенно очевидно, что все эти вопросы Корбея не интересуют и что единственно, чем она действительно болеет, это как бы сорвать путем предложения мира (хотя бы и неадекватного) крепящее настроение Народного фронта в Испании.

Между прочим, Корбея мне сообщил, что англо-французский демарш * в Берлине был встречен холодно и скептически, в Риме же чуточку лучше. В Риме ответили, что в принципе итальянское правительство, пожалуй, не возражало бы против идеи посредничества, но хочет иметь яемножко времени для размышления и взвешивания всех за и против.

Ияформаруйте, какова реакция Кабальеро **.

Майский

Печат. по арх.

402. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемицу

8—9 декабря 1936 г.

Сигемицу. Сегодня я обращаюсь к Вам не по специальному делу. Я пришел для того, чтобы высказать свое мнение по общим вопросам наших отношений. Вчера я на приеме *** я уже имел честь говорить, что мнение японского правительства заключается в том, чтобы сделать отношения между Японией и СССР еще более дружественными, чем они были раньше. Такое мнение существовало у японского правительства до моего отъезда, и такие инструкции я имею и теперь. Я ехал в Москву с надеждой яемедленно приложить усилия к установлению дружественных отношений между обоими странами. Но, к сожалению, я попал в очень плохую атмосферу, и в этой атмосфере я должен начать свою работу.

Относительно японо-германского соглашения **** против компартия японский министр иностранных дел уже дал подробные объяснения *****. Но из этой советской печати видно,

* См. газ. «Известия», 11 декабря 1936 г.

** См. док. № 403.

*** Сигемицу вручил верительные грамоты 7 декабря 1936 г.

**** См. т. XVII, прим. 262.

***** См. док. № 370.

что относительно этого соглашения в СССР имеется заблуждение. Я не могу ничего добавить к официальным объяснениям японского правительства, но мне хорошо известно, что это соглашение не преследует других целей, кроме указанных в разъяснении японского правительства. Другого я ничего не знаю и не могу верить другим сообщениям.

Соглашение направлено только против компартии, нарушающей порядок внутри Японии, и совершено не касается СССР. Какне прячяпы исповедует СССР, какая конституция принята в СССР и т. п., — эти вопросы Японии не касаются.

В намерения японского правительства, как я уже сказал, входит развитие дружественных отношений между Японией и СССР. Я прошу принять во внимание указанное намерение японского правительства и обращаться с просьбой оказывать содействие в моей работе в указанном направлении. Буду очень благодарен, если я узьяю на этот счет Ваше мнение.

Лнт в я ов. Я очень рад иметь подробный разговор с послом о японо-советских отношениях и охотя выскажу свои взгляды. Позволю предупредить, что я всегда говорю прямо и откровенно. Коллеги посла в Москве ему это подтвердят. Я не прячу мыслей за тумаяными фразами и считаю это наилучшей дипломатией.

Я не сомневаюсь в намерениях г. посла добиваться улучшения отношений между СССР и Японией. Об этом много говорили и его предшественники на этом посту. Я должна отдать справедливость г. Ота, что он делал все от него зависящее для улучшения этих отношений. Я не сомневаюсь, что если бы это зависело от г. Ота, то обе стороны могли бы быть довольны состоянием отношений. Не все, конечно, зависит от послов. Им приходится делать политику своего правительства.

С тех пор как мы поддерживаем отношения с Японией, мы беспрерывно говорим и здесь, и в Токио об улучшении отношений. Если бы эти отношения все время действительно улучшались, то мы давно достигли бы предела и улучшать больше было бы нечего. А между тем теперь больше, чем когда-либо, эти отношения нуждаются в улучшении, ибо они находятся сейчас в очень плохом состоянии.

Я рассматриваю сегодняшний разговор как вступление к дальнейшим разговорам. Поэтому я говорю не для того, чтобы начать дискуссию, а для того, чтобы высказать свои взгляды, для того, чтобы посол мог понять и учесть эти взгляды.

У нас с Японией есть разногласия в методах улучшения отношений. Мы считаем, что раньше всего необходимо установить и закрепить мирные отношения, устранить всякое недоверие и всякие угрозы с тем, чтобы на почве созданных общих отношений разрешать все частные, менее важные вопросы. В зависимости от того, просит ли у нас чего-либо страна,

которая ничем не угрожает, которая доказала свое миролюбие и дружбу, или же страна, которая вызывает у нас сомнения и подозрения насчет миролюбия и дружбы, мы решаем и частые вопросы.

Япония же, наоборот, считает, что надо ячать с разрешением всех спорных вопросов, с урегулированием всех возникающих каждый день новых вопросов, с удовлетворением всех взаимных требований и тогда только решать вопрос о мире и о мирных отношениях, о дружбе. Но так как жизнь не стоит на одном месте и выдвигает все новые и новые вопросы, аппетиты государств редко полностью удовлетворяются, удовлетворение одного требования вызывает новые требования, и так как удовлетворение этих требований затруднено неопределенностью относительно общих намерений правительства, неуверенностью относительно миролюбия, то действительное улучшение отношений не только не достигается, но и дружбы все больше и больше отдаляется.

Я считаю японский метод неправильным. Он, может быть, правилен был бы в отношениях с малым или слабым государством, которое можно запугать и заставить исполнять любые требования и тогда установить мирные отношения на почве подчинения одного государства другому. Но этот метод совершенно неправильный и не достигающий цели, когда речь идет о таких двух крупных государствах, как СССР и Япония, которые запугивать не могут поддаться, а угрозы вызывают результаты, обратные желательным.

Если японо-советские отношения времяем улучшались, то следует сказать, что заслуга в этом принадлежит главным образом советской стороне, потому что требования предъявлялись почти исключительно Японией, и эти требования в большей или меньшей степени удовлетворялись. Шла ли речь о продаже КВЖД, о предоставлении японцам в наших водах прав рыбной ловли, о концессии на Сахалине — все это были вопросы, интересовавшие Японию, по которым мы шли на встречу. Этим мы улучшали отношения. Я, однако, не помню, чтобы то же самое делалось со стороны Японии, и, по правде сказать, мы никакими требованиями Японии не предъявляли. Нам от Японии ничего не нужно, кроме мира и развития торговли на условиях, выгодных для обеих сторон. И, кроме того, мы требуем от Японии, чтобы наши интересы и права уважались, по крайней мере, в такой же мере, как права и интересы других государств. Но даже это, к сожалению, не удовлетворяется Японией.

Только для иллюстрации я укажу, что с тех пор как Япония заявила своими войсками Маньчжурию она стала нашим фактическим соседом, не прекращаются набеги на наши территории. Мы имеем из всех государств самую длинную сухо-

путную границу. Ня на одной границе нет такого беспокойства, как на советско-маньчжурской. Из более мелких вопросов нужно отметить, что обращение японских властей с нашими пароходами противоречит всем международным нормам и всем понятиям о дружественных отношениях между государствами. Стоит нашему пароходу в случае шторма или порчи машины искать убежища в японском порту, как пароход и его команда подвергаются всевозможным притеснениям, команды — издевательствам, а мы как государство — крупным материальным убыткам. Достаточно вспомнить историю только что отпущенного парохода «Терек»*, который вследствие вынужденного захода в японский порт был задержан на четыре месяца. Таких случаев у нас не бывает ни с одним другим государством.

Остановлюсь еще на отношении к нашему посольству в Токио, которое подвергается оскорблениям со стороны фашистских организаций, а полпред и сотрудники подвергаются притеснениям со стороны полиции**. То же самое можно сказать о положении представителя агентства ТАСС. Я отнюдь не хочу перечислить все случаи подобного отношения к нам со стороны японских властей. Однако я не могу обойти молчанием поведение маньчжурских властей в отношении советских граждан, которые фактически поставлены вне закона. Их без всяких оснований арестовывают, пытаются убивать, а протесты наших консулов остаются без всяких последствий***. Вдобавок советские граждане подвергаются издевательствам со стороны специальных органов для этого русских белогвардейцев — наших злейших врагов. Поведение маньчжурских властей не отвечает элементарным требованиям, которые могут предъявляться мало-мальски цивилизованному государству. Их поведение является сплошной провокацией. Я уже не говорю о возмутительном поведении маньчжурской прессы. Мы не можем освободить японское правительство от ответственности за то, что происходит в Маньчжурии.

Все это не свидетельствует о действительных стремлениях японского правительства установить мирные и дружественные отношения. Особо надо выделить ябегу я яшу территорию и упорный отказ Японии от заключения пакта о ненападении****, — от пакта, который мы заключили со всеми нашими остальными соседями. Если к этому добавить агитацию и пропаганду в японской прессе, журналах и клягах в пользу экспансии Японии за счет территории СССР, то не приходится

* См. док. № 257, а также газ. «Известия», 6 декабря 1936 г.

** См. док. № 237.

*** См. док. № 23.

**** См. т. XIV, док. № 401; т. XV, док. № 483; т. XVI, док. № 2.

удивляться, что мы вынуждены были против воли, с большими материальными затратами, сосредоточить большие военизированные силы на Дальнем Востоке в целях самозащиты.

Несмотря на все это, мы со своей стороны продолжаем усилия в направлении улучшения отношений, учитывая в известной мере заявление японского правительства *, что после урегулирования некоторых вопросов можно будет перейти к более крупному вопросу о подведении прочной мирной базы под наши отношения. Мы пошли на всякие уступки в вопросе о пограничных конфликтных комиссиях, о комиссии по редемаркации границы **, мы сделали значительную концессию Японии в рыболовном вопросе *** — концессии, к которым нас не приуждали никакие международные обязательства. То же самое можно сказать в отношении разведок на Сахалине ****. Нам казалось недавно, что действительно отношения обещают и начинают улучшаться. Но все эти надежды похорошели заключением японо-германского соглашения.

Г-н Арита дал объяснения нашему послу об этом соглашении, и наш посол по моему поручению заявил, что это объяснение неудовлетворительно и что мы его отвергаем *****.

Г-н посол, вероятно, читает иностранную прессу и знает, что нет таких наивных людей, которые поверили бы, что Япония нуждается в помощи Германии для подавления коммунизма внутри своей страны или что Германия нуждается в такой помощи Японии. Сегодня в газетах есть сообщение из Австрии — сообщение газеты, являющейся органом австрийского правительства, которая решительно отвергает международное соглашение для подавления коммунизма, ибо Австрия сама может справиться с этим движением у себя. Это говорит маленькая слабая Австрия, где недавно была сильная коммунистическая партия, где имела место гражданская война. Кто же может поверить, что в Японии и Германии компартия выросла в такое могущественное движение, с которым каждая из этих стран в отдельности не может справиться. Мы еще меньше наивны, чем другие. Мы поэтому считаем, что слово «компартия» или «Коминтерн» в японо-германском соглашении есть не что иное, как код, под которым надо понимать СССР, и что это соглашение заключено с целью борьбы против СССР и вовлечения в эту борьбу других стран. Мал того, г. посол, вероятно, знает о моем заявлении, сделанном на съезде *****, о том, что наряду с опубликованным согла-

* См. т. XVIII, док. № 66.

** См. док. № 364.

*** См. т. XVIII, док. № 300.

**** См. док. № 234.

***** См. док. № 376.

***** См. прил. 2.

шеием имеется соглашение секретное, где открыто говорится не о Коминтерне, а о государстве, против которого это соглашение направлено. Мы знаем текст этого соглашения со всеми его приложениями. Мы считаем совершенно тщетными всякие попытки заверить, что заключенное соглашение направлено против Коминтерна, а не против СССР. На эту тему в интересах экономики времени лучше не дискутировать. Я извиняюсь, что не так долго излагал свое мнение. Я не делаю никаких предложений. Я только хотел составить инвентарь отношений, которые посол застанет здесь при своем приезде. Я очень ценю заявление посла о его стремлении работать для улучшения отношений, в чем он может рассчитывать на мое содействие*.

Сигемицу. Вчера Вы объяснили свою позицию. Принимая к сведению Ваши объяснения, я со своей стороны должен объяснить Вашу позицию, наши взгляды. Я буду просить г. Симада изложить это на русском языке.

Симада зачитывает заранее заготовленный текст объяснений Сигемицу:

Я был очень рад выслушать Ваше откровенное мнение. Вместе с тем я рад был узнать, что Вы находите возможным сотрудничать в деле развития дружественных отношений между обоими государствами. Это именно является той задачей, которая возложена на меня.

Ваши интересные и откровенные объяснения для меня были весьма полезны. Я принимаю к сведению все, что Вы сказали. Я не собираюсь вступать в дискуссию, но считаю необходимым дать свое мнение относительно тех вопросов, в которых японская сторона занимает позицию, противоположную вашей позиции. Я буду очень рад, если мои объяснения в какой-либо мере окажутся полезными для наших отношений.

Из Ваших объяснений я вынес впечатление, что советская сторона не имеет правильного понимания действительных намерений японского правительства. Заслуживает сожаления и то, что советская сторона считает позицию Японии в отношении СССР враждебной. В связи с этим к Японии в СССР относятся с недоверием.

В действительности Япония очень серьезно думает об урегулировании отношений между обеими странами и хочет урегулирования их с точки зрения практических интересов. Япония прежде всего стремится к действительному улучшению государственных отношений и к углублению взаимоотношений и считает это более важным, чем заключение каких-либо соглашений общего характера, носящих характер пропаганды и бедных содержанием.

* Продолжение беседы состоялось 9 декабря.

Такова позиция японского правительства в отношении всех стран, независимо от того, являются ли они большими или малыми государствами. По этому пути Япония шла все время и до сих пор.

Политика ненападения, разумеется, не встречает возражений в Японии. Но Япония считает целесообразным предварительно урегулировать все конфликты и неурегулированные вопросы с тем, чтобы подготовить обстановку, которая позволила бы прийти к заключению пакта о ненападении. Этот путь Япония считает наиболее правильным.

СССР всегда заявляет о своей государственной мощи и о том, что он проводит достаточные военные приготовления, благодаря чему ему не страшна угроза извне. В частности, СССР заявляет о том, что в пограничных районах на Дальнем Востоке сосредоточены большие военные силы. При этом на маньчжурской границе наши пограничники, иногда даже нестроевые, как, например, военные врачи, подвергаются беспричинным нападениям. По слухам, трупы некоторых убитых до сих пор не возвращены. Число наших военных, ставших жертвой пограничных конфликтов, достигает внушительной цифры. При этих условиях страной, подвергающейся угрозе, является наша страна, а не СССР.

Я убежден, что можно проводить и развивать мирную работу в целях смягчения создавшейся обстановки. Но я боюсь, что, если существующая угроза останется, эта работа не даст практической пользы, хотя бы мы и говорили о пакте ненападения. Мы стремимся к полному устранению пограничных конфликтов, считая, что устранение этих конфликтов смягчит то положение, которое создалось в последнее время. Но для того, чтобы пограничные конфликты могли быть полностью устранены, нужно уточнить пограничную линию. Правительство предполагает приступить к этой работе в районе восточной границы. Этот вопрос требует скорейшего разрешения. Я от души желаю, чтобы переговоры, которые ведутся по этому вопросу в Токно, завершились успехом. Одновременно мы желаем, чтобы и советская сторона содействовала успеху этого дела. К сожалению, я не совсем согласен с Вашим заявлением о том, что для улучшения японо-советских отношений главным образом прилагала усилия советская сторона. Я не собираюсь приуменьшать значение усилий, проявленных советской стороной для урегулирования различных вопросов, но думаю, что, например, в вопросе о продаже КВЖД Япония также приложила значительные усилия. С другой стороны, я думаю, что после образования Маньчжоу-Го продажа КВЖД соответствовала интересам СССР. Что касается рыболовного вопроса и вопроса о концессии, то я должен указать, что эти права являются договорными правами, вытекающими из Пекинской

конвенции*, причем мы считаем, что осуществление постановлений Пекинской конвенции до сих пор является недостаточным. В связи с этим я вынужден просить вас о полном осуществлении прав, которые обеспечены японцам Пекинской конвенцией. Что касается Японии, то в этих вопросах она всегда проявляла сговорчивость и уступчивость. Это факт.

Вчера Вы говорили также о желательности развития торговых отношений. Я это приветствую. Однако я вынужден констатировать, что наши торговые связи очень слабы. Япония каждый год ввозит из СССР значительное количество товаров, но, несмотря на это, ввоз СССР из Японии все уменьшается. Правда, в последнее время ввоз японских товаров в СССР вырос, но этот рост объясняется товарными поставками в счет уплаты за КВЖД, а не развитием нормальных торговых сделок. Я думаю, что СССР имел возможность убедиться, что японские товары дешевы и хорошего качества. Я искренне желаю, чтобы японо-советские торговые отношения развивались и тем самым улучшались бы отношения между обоими государствами.

Далее Вы изложили свои претензии по поводу задержания «Терека», по поводу отношения к советскому посольству в Токно и т. п. Но в отношении этого рода вопросов японская сторона также имеет претензии. Однако наше правительство держится того мнения, что в этих случаях нужно оказывать возможное содействие в соответствии с международными нормами. Этому принципа, равно как и принципа взаимности, Япония будет придерживаться и в дальнейшем. Если бы это было необходимо, я мог бы подробно остановиться на этих вопросах, но я ограничусь тем, что я сказал выше.

В связи с этим я мог бы указать и такие факты, что полгода тому назад в районе, граничащем с Кореей, советскими властями были задержаны около десяти рыбачьих лодок, причем, несмотря на наши неоднократные обращения к местным советским властям, судьба команды этих лодок неизвестна. Пользуясь случаем, я просил бы освободить задержанных рыбаков при первой возможности. Далее, во Владивостоке был арестован японец Нака, который получил смертный приговор. Позже наказание ему было смягчено, и он получил десять лет тюремного заключения. Поведение Нака как будто было неосторожно, но едва ли за это он должен нести столь тяжелое наказание. Я очень просил бы Вас, г. народный комиссар, поинтересоваться этим вопросом и сделать так, чтобы Нака был выслан за границу. Из-за этого дела нежелательно портить наши отношения, которые и без того находятся в трудном положении.

* См. т. VIII, док. № 30, 31.

Дальше Вы говорили о нашей прессе. Относительно этого я должен сказать, что с прессой в Японии дело обстоит иначе, чем в СССР. Наши газеты и журналы могут свободно высказывать свои мнения. Наша пресса выступает с нападками даже на руководителей правительства. Статьи японских газет и журналов не всегда отражают линию правительства и общественности. Я думаю, что не следует обращать внимания на сообщения и статьи, которые появляются в нашей прессе. В противоположность этому вы имеете полный контроль над прессой. Поэтому любая статья в вашей печати отражает мнение правительства, и правительство может отвечать за печать. Мы же находимся в другом положении.

При этом я должен подчеркнуть, что те статьи и заметки, которые публикуются в советской печати и передаются советским телеграфным агентством, вызывают серьезные отклики в японских официальных и частных кругах.

Перехожу к японо-германскому соглашению, которое является новым вопросом. Это соглашение целиком касается Коминтерна и ни в какой мере не касается СССР. Ваша страна с этим не согласна. В вашей стране существует представление, будто Япония питает враждебные чувства к СССР. Это представление неправильное и для нас крайне досадное. Как Вам известно, Япония была всегда против той разрушительной деятельности, которую компартия проводит внутри страны. И до сих пор мы считали, что Коминтерн и Советское правительство не имеют между собой никакой связи. Такое объяснение все время давало и Советское правительство. Несмотря на это, когда японо-германское соглашение было опубликовано, советская сторона стала говорить, что Коминтерн и Советский Союз — одно и то же. Такое заявление для нас является неожиданным. Кроме того, я чрезвычайно сожалею, что Вы не считаете возможным принять то официальное разъяснение, которое было дано японским министром иностранных дел о том, что секретного соглашения не существует.

Если бы Япония питала враждебные чувства к СССР, то она не пошла бы на переговоры по нефтяному и рыболовному вопросам. За то, что японская концессия просила продлить срок разведки на три года, она понесет расходы в размере свыше 10 млн. нен. Что касается рыболовных переговоров, то японская сторона не была удовлетворена стабилизацией рыболовных участков сроком на пять лет и в продолжение полутора лет вела переговоры о том, чтобы стабилизация рыболовных участков была обеспечена на возможно долгий срок исключительно на основе принципа взаимного процветания обеих стран.

Вышеизложенное является мнением японской стороны. Я не буду вступать в дискуссию по этим вопросам, но, поскольку

Ваше сообщение я принял к сведению, я просил бы Вас принять к сведению и мое сообщение. В заключение я обращаюсь к Вам с просьбой не отказать мне в сотрудничестве в той работе, которая необходима для развития дружественных отношений между обоими государствами. Мне кажется, что мирная работа должна заключаться в скорейшем создании пограничных комиссий, в развитии торговых отношений и в скорейшем подписании рыболовной конвенции. Я надеюсь, что рыболовная конвенция скоро будет подписана, так как вопрос упирается только в завершение необходимых формальностей. Заканчивая на этом свои объяснения, приношу благодарность за те разъяснения, которые Вы дали мне. Вы проявили большое терпение, выслушав мое длинное сообщение.

Литвинов. Я с интересом слушал г. посла. Если я проявил терпение, то вчера г. посол показал мне пример, выслушав мое длинное сообщение. Я не буду делать сейчас возражений против положений, выставленных г. послом, ибо мои возражения заключаются в том, что я говорил вчера. Если бы г. посол говорил раньше меня, я в ответ не сказал бы больше того, что я говорил вчера.

Я не буду также останавливаться на отдельных вопросах, затронутых г. послом, как, например, на вопросе о задержании японских рыбацких лодок, об осуждении японского гражданина Нака, о невыданных трупах и т. п. Я посоветую г. послу поговорить по этим вопросам с моим заместителем Стомоняковым.

Я хочу только еще раз отметить основное расхождение между нами, а именно о методах урегулирования взаимоотношений между обоими государствами во всем их объеме. Мне кажется, что сам г. посол сегодня дал мне аргумент в пользу метода, который мне представляется наиболее целесообразным.

Г-и посол говорил об угрозе, якобы созданной нашей армией на Дальнем Востоке. Это новый вопрос, который не существовал несколько лет тому назад и возник именно потому, что Япония отклонила наше предложение о пакте ненападения и не дала нам необходимой гарантии своего миролюбия, и это сопровождалось недружелюбными действиями. Ввиду этого мы вынуждены были принять меры самообороны, которые ни в какой мере не являются угрозой для Японии. Если бы мы собирались нападать на Японию, то мы не стали бы предлагать пакта о ненападении. Во всяком случае, Япония считает нашу армию угрозой. Из такого понимания вытекают, очевидно, соответствующие действия. А эти действия опять-таки вынуждают нас на ответные действия. И мы, таким образом, попадаем в порочный круг.

Я не отрицаю, что у Японии могут быть встречные претензии, как, например, в вопросе о задержании рыбацких лодок и т. п. Но эти претензии возможны именно вследствие наших ответных действий на действия японских властей. Мы, конечно, будем обращаться с японскими судами в наших водах так же, как Япония обращается с нашими судами*. Мы во всем будем соблюдать взаимность. На антисоветские статьи японской прессы соответственно будет откликаться и наша пресса. Но все это будет иметь своим источником японскую инициативу.

С другой стороны, если бы японское правительство каким-нибудь крупным актом показало своему собственному народу, что оно преисполнено решимости жить с Советским Союзом в мире и дружбе и все вопросы разрешать мирным путем, то это было бы учтено всеми японскими властями, японской общественностью и японской прессой. В этом случае власти иначе бы относились к нашим судам и к нашему полпредству, и пресса вела бы себя иначе. Мы же, со своей стороны, менее подозрительно относились бы к японским гражданам, было бы меньше процессов и менее суровые приговоры. И вообще все вопросы, рыболовный и др., разрешались бы совсем иначе.

Я не согласен с г. послом, что японская пресса имеет абсолютную свободу. Я знаю о существовании весьма строгой цензуры и о том, что пресса замалчивает все те вопросы, о которых цензурой запрещено писать. Равным образом г. посол ошибается, когда он полагает, что всякие статьи в нашей прессе отражают мнение правительства. Я не отрицаю нашего влияния на прессу, но это не значит, что если мы не препятствуем появлению той или иной статьи, то мы с ней согласны. Со стороны Японии мы имеем факты, когда официальные лица и учреждения, как, например, военное министерство и представители Квантунской армии, выступают с антисоветскими заявлениями, как, например, брошюры военного министерства. В этих случаях японское правительство не может отклонить свою ответственность, ибо эти лица и учреждения ему подчинены.

О японо-германском соглашении я высказал мнение мое и моего правительства не только вчера в беседе с г. послом, но и на съезде перед всеми народами Союза и перед всем миром. И мы при этом мнения не остаемся.

Если бы речь шла действительно о борьбе против коммунизма и Коминтерна, то мы спокойно прошли бы мимо этого, разве бы немножко посмеялись над этим. Нас несколько не беспокоят любые меры, которые Япония и Германия отдельно или вместе принимают в борьбе с коммунизмом или другими идеями. Но мы считаем, что не об этом идет речь, иначе согла-

* См. док. № 425.

шение было бы совершенно бессмысленным, и мы не такого мнения о правительствах Японии и Германии, чтобы считать их способными на такие бессмыслицы. Я принимаю к сведению заявление японского посла о том, что японское правительство различает между Советским правительством и Коминтерном, и я рад, что японское правительство заявляет это, хотя и впервые, ибо это действительно так. Нас интересует соглашение только потому, что опубликованная часть является лишь прикрытием для секретного соглашения, направленного против наших интересов, парализующего надлежащее развитие японо-советских отношений и ограничивающего свободу Японии в ее отношениях с нами. Я бы очень советовал г. Арнта не настаивать на отсутствии секретного соглашения, ибо мы можем в конце концов решиться на опубликование документов, которые выставят в странном свете заверения г. Арнта нам и другим правительствам.

Переходя к просьбам г. посла, я хочу сказать следующее. Рыболовное соглашение было готово к подписанию. Когда мы узнали о германо-японском соглашении, правительство пожелало еще раз обсудить рыболовный вопрос в свете этого нового факта. Таким образом, формальность заключается в том, что правительство желает еще раз вынести решение по этому вопросу. Оно еще этого не сделало, но, как только решение будет вынесено, мы не замедлим известить г. посла. Попутно считаю необходимым указать ради точности, что Пекинская конвенция, на которую ссылался г. посол, отнюдь не предусматривает всех тех уступок, которые г. Козловский сделал в переговорах с г. Сако. По Пекинской конвенции у нас нет обязательств отказываться от торгов или закреплять участки на восемь лет и т. п. Я это говорю, между прочим, потому, что г. посол счел нужным остановиться на Пекинской конвенции, которая будто бы полностью определяет новое рыболовное соглашение.

Что касается вопроса о пограничных комиссиях, то переговоры об этом ведутся уже давно. Мы сделали максимальные уступки, идя навстречу пожеланиям японской стороны. Но есть два вопроса, в которых мы больше уступать не можем. Мы настаиваем на том, чтобы и теперь, до окончания работ комиссии, обеими сторонами уважалась существующая граница. Если на отдельных участках исчезли или стерлись пограничные знаки, то отсюда не следует, что не существует границы или что ее надо вновь установить. Второе — это то, что в этом деле могут быть только две стороны: с одной стороны — советские представители и с другой стороны — маньчжуры или японцы или маньчжуры и японцы вместе, но не может быть третьей стороны, которая решала бы между нами и маньчжурами или между нами и Японией. Мы не возражаем против

участия японцев в комиссиях, но они должны образовать вместе с маньчжурами вторую сторону, а не третью. Об этом было заявлено Юревым * г. Арита, и мы ждем ответа от последнего. Мы искренне хотели бы, чтобы комиссия возможно скорее была образована и начала функционировать. Но теперь это зависит от Японии.

Вот все, что я могу сказать в продолжение мыслей, высказанных мною вчера. Если г. посол пожелает более подробно обсудить многочисленные вопросы, поверхностно затронутые в нашей беседе, то я очень прошу его обратиться к г. Стомнякову, который лучше меня знает все эти дела. Я со своей стороны всегда готов оказывать г. послу всякое содействие в исполнении намеченной им цели улучшения отношений. Но все же я должен отметить, что у меня создалось впечатление, что японо-германское соглашение ставит предел улучшению этих отношений с японской стороны. Буду рад, если японское правительство найдет средства достаточно убедительные, чтобы это впечатление рассеять.

Сигемitsu. Будет очень нежелательно, если подписание рыболовной конвенции будет отложено. Я получил сообщение от Арита. Он хочет, чтобы конвенция была подписана, так как неподписание конвенции создаст большие затруднения для многих лиц. Я бы очень хотел, чтобы Вы предприняли шаг к подписанию соглашения.

Литвинов. Теперь Вы будете продолжать беседу с г. Стомняковым. Организация нашего комиссариата несколько иная, чем вашего министерства. Конкретные вопросы я доверяю своим заместителям. Наша беседа, как я уже говорил, не для публикации, но если о ней появятся неправильные сообщения в японской прессе, то оставляю за собой право дать свою версию.

Сигемitsu. По общим вопросам я буду говорить с Вами. Вы не имеете в виду, что все вопросы должны обсуждаться с Вашим заместителем?

Литвинов. Я имею в виду практические вопросы. Когда будет необходимо, я буду говорить с Вами. Это моя обязанность.

Сигемitsu. Я хочу, чтобы те переговоры, которые ведутся в Токно между Юревым и Арита, велись только между ними. Я буду только помогать.

Литвинов. Да, разумеется, параллельные переговоры не нужны.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 364.

**403. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Послу Великобритании в СССР Чилстоу ***

9 декабря 1936 г.

Господни Посол,

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 5-го сего месяца, в которой Вы, по поручению своего Правительства, известили меня об обмене мнениями, имевшем место между Великобританским и Французским Правительствами, и о заключениях, к которым они пришли касательно испанских событий.

Советское Правительство со своей стороны также чрезвычайно озабочено этими событиями и теми последствиями, которые их исход может иметь для культуры, цивилизации и дела мира, и считает поэтому весьма желательным согласованные действия заинтересованных держав с целью предотвращения опасностей, вытекающих из вмешательства отдельных государств во внутренние дела Испании.

Советское Правительство считало и считает, что таким вмешательством не может рассматриваться выполнение другими государствами заказов законного, ими признаваемого правительства, в том числе и заказов на военные материалы, и что, наоборот, грубым вмешательством, противоречащим международным нормам, должно почитаться снабжение оружием восставших против законного правительства и произвольное признание их руководителя в качестве правительства. Учитывая, однако, позицию других заинтересованных держав, не совпадающую с его собственными взглядами, Советское Правительство сочло возможным присоединиться к предложению ему в свое время Французским Правительством Соглашению о невмешательстве **. Оно исходило при этом из естественного предположения, что возлагаемые Соглашением обязательства будут выполняться всеми государствами, присоединившимися к нему. К сожалению, этого не случилось, и в то время, как Советское Правительство лояльно выполняло свои обязательства, некоторые другие государства непрерывно их нарушали, а Лондонский комитет не смог обеспечить своевременную фактическую проверку и прекращение этих нарушений.

Советское Правительство готово вместе с другими государствами вновь заявить о воздержании от прямых или косвенных действий, которые могли бы привести к иностранной интервенции в Испании, ожидая, однако, что будет обеспечен или гарантирован полный контроль такого же воздержания

* Идентичная нота 9 декабря 1936 г. направлена послу Франции в СССР Кулондру.

** См. док. № 242.

со стороны других государств. Считаю уместным напомнить, что представитель Советского Союза в Лондонском комитете настаивал на установлении эффективного контроля над ввозом военных материалов, предназначенных для Испании, а на днях предложил распространить контроль на посылку так называемых добровольцев*. Это обстоятельство уже само по себе дает ответ на предложения в §§ 4 и 5 Вашей ноты.

Далее, Советское Правительство готово в принципе присоединиться к попытке положить конец вооруженному конфликту в Испании путем предложения посредничества и выступить для этой цели в совещание с правительствами других стран для обсуждения формы такого посредничества.

Примите, господин Посол, уверения в моем высоком уважении.

М. М. Литвинов

*Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия»
№ 288 (6145), 11 декабря 1936 г.*

Эта нота явилась ответом на ноту Чилтона от 5 декабря 1936 г. следующего содержания:

«1. По поручению Министра Иностранных Дел я имею честь информировать Ваше Превосходительство о том, что Правительства Соединенного Королевства и Франции обменялись мнениями о положении, создаваемом продолжением гражданской войны в Испании, и пришли к следующим заключениям:

2. В интересах мира, сохранения европейской цивилизации и гуманности страны, к которым это относится главным образом, обязаны действовать совместно, чтобы спасти Европу от опасности быть втянутой тем или иным путем во внутреннюю борьбу в Испании. Чтобы избежать этого, они должны совместно найти дополнительные меры, способствующие более действительному разрешению настоящего кризиса.

3. Оба Правительства уверены, что Правительства СССР, Германии, Италии и Португалии так же, как и они, путем присоединения к принципам невмешательства и участием в работах Лондонского комитета подтвердили свое намерение подчинить все другие политические соображения основным интересам сохранения мира.

4. Под впечатлением чрезвычайной необходимости сохранения и подтверждения этой позиции перед миром Соединенное Королевство и Франция считают крайне необходимым, чтобы другие заинтересованные правительства, имея в виду предохранение мира, присоединились к ним немедленно, подтвердив свою твердую готовность воздержаться от всяких прямых или косвенных действий, которые каким-либо образом могли бы привести к иностранному вмешательству в конфликт в Испании.

5. Эти шесть государств могли бы также выступить со своими определенными соображениями в Лондонском комитете с требованием, чтобы немедленно были приняты меры для установления вполне действительного контроля над всякого рода военными материалами, отправляемыми в Испанию.

6. Имея в виду соображения, изложенные в § 2, оба Правительства, кроме того, считают, что должны быть приложены новые усилия к тому, чтобы облегчить то тяжелое положение, которое преобладает в Испании.

7. С этой целью они считали необходимым обратиться к другим заинтересованным правительствам с приглашением присоединиться к ним, чтобы

* См. док. № 396.

попытаться положить конец вооруженному конфликту в Испании, предложив посредничество, имеющее целью обеспечить этой стране единое выражение ее национальной воли.

8. Если бы это предложение оказалось принципиально приемлемым, шесть Правительств могли бы рассмотреть путем дальнейшего обмена мнениями, в какой форме их посредничество могло бы выразиться.

9. Обращаясь к Вашему Превосходительству, я имею поручение подчеркнуть важность достижения соглашения на означенной основе и просить Советское Правительство как можно скорее высказать свои соображения по отношению к совместным британско-французским предложениям. Кроме того, я должен заявить, что в целях обеспечить этим предложениям наибольшее шансы благоприятного приема оба Правительства не имеют намерения сделать какие-либо публичные заявления по этому поводу до тех пор, пока из полученных ответов они не убедятся, что их предложения получили всестороннее рассмотрение»*.

404. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзяи Тин-фу

9 декабря 1936 г.

1. По поручению МИД Цзян Тин-фу просил сообщить, какие у нас имеются сведения о японо-германском секретном договоре**.

Я ответил, что в этом договоре, переговоры о котором велись почти полтора года в Берлине между японскими военными и Риббентропом и для которого антикоммунистическое соглашение было с самого начала задумано как прикрытие и камуфляж, обе стороны приняли на себя следующие обязательства. Если одна из сторон, Германия или Япония, подверглась нападению со стороны третьего государства или если, как сказано в договоре, имеется опасность такого нападения, то другая сторона не должна предпринимать никаких шагов, которые могли бы повредить первой стороне, т. е. той, которая подверглась нападению. Обе стороны обязались согласовывать свои мероприятия по всем вопросам, затрагивающим их общие интересы. Обе стороны приняли обязательство не заключать без согласования друг с другом никаких двусторонних или многосторонних договоров, которые затрагивали бы их общие интересы. Стороны обязались далее в договоре поручить своим генеральным штабам в кратчайший срок заключить детальное соглашение о применении договора на практике. Ковенция о техническом сотрудничестве уже заключена. В ней Германия обязалась поставлять всякие военные секреты и уже доставляет ряд секретных вооружений. Вот основ-

* Аналогичная нота 5 декабря 1936 г. направлена М. М. Литвинову послом Франции в СССР Кулондром.

** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

ные положения договора. Кроме того, при подписании был разрешен ряд вопросов. Например, была установлена общая политика в отношении Лиги наций: ни одна из сторон не войдет в Лигу без согласования с другой. Было установлено общее толкование пакта Келлога *: он считается неприменимым в том случае, когда с третьей стороны одной из договаривающихся сторон угрожает опасность нападения. Договор очень широкий, ибо, как посол сам понимает, ничто не может мешать двум таким агрессивным государствам, как Германия и Япония, договориться, что им угрожает опасность нападения со стороны третьего государства, чтобы поставить отношения с этим третьим государством под действие договора. Это относится, конечно, к СССР, но может также относиться и к Китаю. Фактически стоит Японии заявить, что со стороны Китая, Японии или Маньчжоу-Го угрожают враждебные действия, чтобы это подпало под действие договора и Германия была бы обязана оказать помощь. Особое значение договор имеет для Китая в связи с антикоммунистическим соглашением, в котором, как известно, имеется специальный пункт о том, что Япония и Германия могут принимать меры также и за границей. Нам известно, что между Германией и Японией при подписании соглашения по настоянию Японии специально говорилось о применении к Китаю этого пункта соглашения. Борьба с коммунистической опасностью, как это известно послу, в японской трактовке означает также посылку войск. Таким образом, в практике применения к Китаю имеется полная возможность слияния воедино обоих соглашений — публичного и секретного. Конечно, для Германии в настоящее время вопросы Китая не являются первоочередными, и ее в большей степени интересуют вопросы СССР, однако на основании договора Германия обязана будет оказывать Японии помощь в ее агрессии против Китая. Вообще же договор является только первым, хотя и основным, актом сколачивания блока агрессивных держав. Последовавшее соглашение между Японией и Италией ** подтверждает это. Таким образом, можно в дальнейшем ожидать совместных действий этих государств с целью добиться завоевания новых территорий, сфер влияния и т. д. В этом основное значение этого договора для международной политики.

На соответствующие дальнейшие вопросы посла я ответил, что специального документа о Лиге наций нет, но из формулировки постановления о многосторонних договорах ясно видно, что имеется в виду. Кроме того, нам известно, что об этом велись переговоры. Трудно подразделять договор на

* См. т. XI, док. № 298.

** См. газ. «Известия», 3 декабря 1936 г.

военный и дипломатический разделы, как предполагает посол. Это единый договор. Договор действительно, как правильно заметил посол, заключен формально на случай агрессии или угрозы агрессии. Но посол, как опытный политик, понимает, что в новейшее время не имеется договоров, где прямо говорилось бы о нападении. Учитывая возможность опубликования, чтобы не вызывать слишком большого негодования мировой общественности, договоры стараются завуалировать. Ничто, однако, как я уже сказал, не может воспрепятствовать таким государствам, как Германия и Япония, которые достаточно показали свое презрение к международному праву, условиться, что им угрожает опасность нападения, и начать принимать меры. История последних лет дает для этого более чем достаточно примеров. Нападение Италии на Абиссинию было мотивировано тем, будто Абиссиния напала на Италию. Когда японцы нападают на наши или монгольские границы, они каждый раз заявляют, будто на них нападают мы или монголы. Когда Япония приступила к завоеванию Маньчжурии, она заявила, что это китайцы напали на нее под Мукденом. Теперь японцы говорят, что китайцы нападают на них в Маньчжоу-Го в Суйюани. Другими словами, государства такого типа, как Германия и Япония, имеют полную возможность свои отношения с любым третьим государством подвести под действие этого договора, заявляя, что им угрожает нападение со стороны этого государства.

На дальнейшие уточняющие вопросы посла я ответил, что, насколько я припоминаю, договор состоит из двух или трех пунктов и нескольких приложений. В ответ на специальный, «в упор» поставленный вопрос я сказал, что текст договора у нас имеется, но дать его мы не можем.

2. На вопрос посла, верны ли сообщения газет о том, что в связи с японо-германским договором СССР готовится к усилению своей военной мощи на Дальнем Востоке, я ответил, что, как известно всему миру, мы все время принимали и принимаем необходимые меры на Дальнем Востоке и подготовлены ко всякой éventуальности. В этом отношении договор мало что изменил. Мы и раньше считались с возможностью нападения и принимали все необходимые меры. Договор только оформил и подтвердил то, с чем мы считались уже раньше.

На вопрос посла, ратифицирована ли уже рыболовная конвенция, я ответил, что японское правительство ратифицировало конвенцию, официально сообщило нам об этом и добивается подписания. Наше правительство, однако, еще не рассматривало вопроса*.

* См. док. № 412.

3. Затем посол спросил, достоверны ли полученные им сведения о том, что из Синьцзяна в СССР прибыла следственная миссия с целью заключения займа в 2 млн. зол. руб.

Я ответил, что первый раз слышу об этом и что этого не только нет, но и нет никаких фактов, которые могли бы дать повод говорить об этом даже косвенно. Это чья-то нелепая выдумка.

Посол заявил, что, как мне известно, по международному праву все переговоры ведет государство как единое целое и по китайским законам также какие-либо договоры, заключаемые местными правительствами, не имеют силы, если нет согласия со стороны центрального правительства.

Я ответил, что мне это известно, но я не понимаю, почему посол говорит мне это, особенно в связи с предыдущим вопросом, на который я дал столь исчерпывающий ответ.

Посол сказал, что знает, что я уже ответил, и что он очень удовлетворен моим ответом, но затронул этот вопрос еще в связи с дальнейшим. Он знает, что Советское правительство в отношении Синьцзяна надеется на развитие торговли и желает, чтобы там не возникли больше волнения. Эти надежды и надежды китайского правительства не находятся в противоречии, поэтому посол надеется, что наши государства достигнут понимания не только в отношении законов, но и в отношении взаимных интересов. Посол имеет в виду будущее улучшение отношений между нашими государствами.

Я ответил, что очень рад слышать это от посла и что он действительно правильно сформулировал, что Советский Союз заинтересован в торговле и в том, чтобы не было волнений. Можно прибавить еще, что Советский Союз заинтересован в укреплении китайской власти в Синьцзяне, чтобы туда не проникало влияние империалистических государств, в частности Японии. Этим исчерпываются интересы Советского Союза в отношении Синьцзяна. Из этого видно, как это мы и говорили неоднократно китайскому правительству здесь и в Нанкине, что имеется полная возможность сотрудничества*. Синьцзян должен быть не яблоком раздора между нами, а фактором, укрепляющим наши дружественные отношения. Нанкинское правительство должно быть всегда уверено в том, что Советское правительство не имеет никаких скрытых намерений в отношении Синьцзяна и ничего так не желает, как укрепления китайской власти в Синьцзяне. Я был бы рад, если бы посол хорошо меня понял и действовал в соответствии с этим. Тогда у нас никаких недоразумений в связи с Синьцзяном не будет.

Посол сказал, что он согласен со мною на сто процентов. Он уже сказал, что его правительство не против нашей торгов-

* См. док. № 349.

ли в Синьцзяне, также не против спокойствия в Синьцзяне, равно как и не против третьего момента. Таким образом, нет возможностей для недоразумений и налицо возможность сотрудничества. Посол убежден поэтому, что не только есть полная возможность для сотрудничества в Синьцзяне, но и что это сотрудничество может быть основой для сотрудничества в остальных районах Китая. Однако за последние три—четыре года имеется вмешательство третьей стороны, которая говорит, что СССР питает тайные замыслы. Поэтому возникает недоверие в некоторых правительственных кругах. Это происходит потому, что в прошлом Советское правительство вело переговоры с синьцзянским правительством. Если бы эти переговоры велись с Нанкинском, то они не составили бы труда и не было бы, следовательно, возможности, чтобы третья сторона подрывала наши отношения.

Я ответил, что мне известны слухи, которые периодически пускаются в оборот главным образом из японских, но также и из германских источников. Я могу только порекомендовать послу и нанкинскому правительству относиться к ним с тем недоверием и презрением, которых они заслуживают. Периодически сообщается, что Советское правительство якобы собирается включить Синьцзян в качестве союзной республики в Советский Союз, что в Москву приехала или приезжает для переговоров по этому или по аналогичным вопросам особая синьцзянская миссия или глава правительства Синьцзяна и т. д. Никогда в этих сообщениях не было и не могло быть правды. Я могу повторить в самой категорической и торжественной форме, что Советское правительство никогда не имело и не имеет никаких скрытых намерений в отношении Синьцзяна. Нам не нужны чужие территории, и наши интересы в Синьцзяне исчерпываются теми моментами, о которых я сказал. Что касается переговоров с синьцзянским правительством, то это не соответствует действительности. Никогда никаких политических переговоров с этим правительством мы не вели. Конечно, наши консулы, как и консулы других государств, по вопросам местного значения, главным образом торговым, ведут переговоры с местными властями в Синьцзяне. Это общепринято, от этого мы отказываться не можем, и против этого, разумеется, не может возражать и нанкинское правительство. Я прошу посла передать эти мои заявления нанкинскому правительству и употребить все свое влияние, чтобы ликвидировать без остатка то недоверие, которое имеется в некоторых нанкинских кругах в отношении намерений СССР в Синьцзяне. Из заявления посла я с большим удовлетворением принимаю к сведению, что он целиком со мною согласен, и я надеюсь, что нам удастся общими усилиями не только устранить недоразумения на почве Синьцзяна, но и использовать

наше согласие в отношении Синьцзяна для улучшения общих отношений между нашими государствами.

Посол сказал, что еще два года назад Ваи Цзии-вэй говорил с ним о Синьцзяне, основываясь также на газетных сообщениях. Тогда посол ответил, что нельзя доверять подобным сообщениям и что он не верит в наличие агрессивных намерений у СССР. Поэтому посол и раньше не подозревал СССР и сегодня поднял этот вопрос только потому, что, во-первых, получил соответствующую телеграмму от МИД и, во-вторых, китайское посольство два дня тому назад получило две телеграммы из Синьцзяна с просьбой передать их обследовательской миссии.

Я ответил, что ничего не понимаю и что ни в Москве, ни где бы то ни было в Союзе такой миссии нет, и что если бы она была, то я бы об этом знал.

Посол сказал, что, возможно, это имеет отношение к Наркомвнешторгу.

Я сказал, что и в этом случае я также был бы в курсе. Я поручил переводившему нашу беседу т. Палею*, согласно просьбе посла, навести справки в НКВТ, но тут же сказал, что я считаю этот факт исключительным и думаю, что имеет место недоразумение. Я отметил, кроме того, что самый факт отправки телеграммы в адрес китайского посольства подтверждает, что Синьцзян не имеет представительства в Москве.

На мой вопрос, от кого исходят телеграммы, посол ответил, что не знает, ибо они смогли перевести только начало.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

405. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Дельбосом

9 декабря 1936 г.

Посетил Дельбоса по поручению наркома²³².

Я обратил внимание Дельбоса на совершенно недопустимый характер ряда передовиц «Тан», в особенности от 28 ноября и 1 декабря. Антисоветское направление этих статей приобретает особое значение в связи с тем, что «Тан», и в особенности его внешнеполитическим передовым, придается официальный характер.

Дельбос указал, что «Тан» ни в коей мере не является официальным правительством и никак не может отражать его линии, ибо «Тан» неоднократно и в весьма резкой форме критикует

* Ответственный референт II Восточного отдела НКВД СССР.

нынешнее правительство. Французское правительство неоднократно высказывало свою точку зрения на франко-советское сотрудничество, и только такого рода заявления ответственных представителей правительства могут считаться выражением официального мнения. В частности, французское правительство выразило свое отрицательное отношение к германо-японскому соглашению*, поскольку оно стимулирует создание двух блоков и таким образом усиливает угрозу миру.

При таких условиях французское правительство никак не может солидаризоваться с позицией «Тан».

После этого заявления Дельбоса я спросил у него, не сочтет ли он возможным передачу мною через наше официальное агентство ТАСС в Москву сообщения о том, что французское правительство в его лице отмежевывается от указаний передовиц «Тан».

Дельбос ответил, что он в принципе согласен, но должен подумать насчет подходящей «формулы», которую он сообщит нам завтра**.

Затем Дельбос по своей инициативе затронул испанский вопрос. Дельбос рассчитывает на возможность установления эффективного контроля портов и сухопутных границ. Это повлечет за собой прекращение всякой помощи извне людьми и снаряжением и через некоторое время прекратит гражданскую войну.

Дельбос считает, что в настоящее время итальянцы действуют более сдержанно в Испании, чем немцы, ибо они боятся слишком большого усиления Германии в Испании и Средиземном море. Дельбос рассказал о посещении его до моего прихода Черрути. Черрути затронул ряд вопросов, в урегулировании которых заинтересована Италия (Тунис, Джибути, Абиссиния). Дельбос заверил Черрути как от имени Блюма, так и своего собственного, что все эти вопросы могут быть легко разрешены, однако при обязательном условии, что Италия пойдет на установление единой позиции в Испании. Черрути обещал об этом довести до сведения своего правительства, причем он будто бы намекинул Дельбосу, что в последнее время Италия не так уже рьяно следует за Германией, в частности по вопросу соглашения с Японией.

В связи с рассказом о беседе с Черрути Дельбос подчеркнул мне, что Франция готова на значительные жертвы, поскольку они будут способствовать делу мира, но, с другой стороны, не уступит ничего без определенных гарантий.

Дельбос надеется на быстрое окончание английского кризиса путем отречения Эдуарда VIII. Эдуард известен своими

* См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

** См. док. № 409.

германофильскими симпатиями, кроме того, он связан с английским фашизмом, решившим при помощи короля дать бой английскому парламентаризму. Симпсон не только связана с Риббентропом, но, очевидно, является прямым немецким агентом.

Болдуин проявил в этом деле большую твердость, которая объясняется поддержкой парламента, в том числе и лейбористов, и доминионов. Болдуин не остановился бы в крайнем случае перед использованием досье на короля и Симпсон.

Выступление Черчилля в защиту короля Дельбос объясняет главным образом причинами персонального характера — желанием занять место премьера.

Гирифельд

Печат. по арх.

406. Речь члена советской делегации В. П. Потемкина на заседании Совета Лиги наций

11 декабря 1936 г.

Международное общественное мнение не было единодушным в оценке обращения правительства Испанской республики к Совету Лиги наций. Имелись различные суждения о целесообразности этого обращения. Мы не призваны высказываться здесь по этому вопросу. Государство — член Лиги наций осуществило свое неотъемлемое право. Очевидно, оно считало это и своим долгом. Во всяком случае, положение, о котором оно сигнализировало Совету Лиги наций, представляется ему не только явной агрессией, но и прямой угрозой международному миру.

Факты, изложенные в прекрасной, полной достоинства речи делегата Испанской республики *, чрезвычайно серьезны. Они установлены с неотразимой убедительностью. Не может быть двух мнений в оценке их значения.

Налицо поддержка, оказываемая извне мятежникам, поднявшим бунт против законного правительства, свободно избранного народом и защищающего дело демократии. Это — не что иное, как интервенция в пользу мятежников, осуществляемая иностранными державами. Эти державы выступали в сообществе с мятежниками, несмотря на то что эти державы еще поддерживали нормальные дипломатические отношения с правительством Испанской республики. Однако как только мятежникам удастся благодаря помощи этих держав расширить сферу своих операций, отношения эти порываются. Гла-

* См. газ. «Известия», 14 декабря 1936 г.

вою государства интервенты уже спешат признать руководителя мятежа.

После этого признания мятежники начинают получать от своих покровителей еще больше того, что доставлялось им раньше. Теперь вдобавок к вооружению, самолетам, инструкторам им посылаются из-за границы дельные войсковые формирования. Этим дело не ограничивается. Руководитель мятежа уже грозит, что он установит блокаду портов, находящихся в руках правительства. Всякому понятно, что осуществить этот план возможно лишь в том случае, если на помощь военным кораблям мятежников явятся морские силы тех же интервентов.

С этого момента интервенция принимает особо опасную форму. Она чревата серьезнейшими международными осложнениями. Создается непосредственная угроза для всеобщего мира.

Если бы речь шла только об агрессии, которой подверглась Испания, состоящая членом Лиги наций, то Совет Лиги должен был бы безотлагательно реагировать и на такой случай согласно Уставу Лиги наций. Сейчас положение представляется более грозным: в опасности находится мир народов. Соответственно возрастает и ответственность Совета Лиги. Сознывая эту ответственность, Совет Лиги обязан занять позицию, которая позволила бы ему использовать все возможности для скорейшей ликвидации агрессии и предупреждения катастрофы, угрожающей народам мира.

Как известно, в последние дни некоторыми государствами, входящими в состав Совета Лиги наций, сделана новая попытка отыскать выход из положения, приобретающего все более и более опасный характер*. В связи с этой инициативой я позволю себе напомнить Совету Лиги, какова основная позиция СССР в данном вопросе.

Правительство СССР не считало никогда, что помощь законному правительству Испанской республики против мятежников представляет собой вмешательство во внутренние дела этой страны или противоречит Уставу Лиги наций. Наоборот, запрещение продавать оружие этому правительству — притом даже по контрактам, заключенным ранее, — всегда представлялось моему правительству мерой произвольной, несправедливой и нарушающей принципы международного права. Тем не менее в силу некоторых исключительных обстоятельств и ради сохранения мира СССР счел возможным присоединиться к Международному соглашению о невмешательстве** и со всей лояльностью выполнял принятые на себя обязательства.

* См. док. № 403.

** См. док. № 243.

Тот факт, что Советское правительство без колебаний шло на усиление и расширение этих обязательств, является достаточным доказательством его доброй воли.

Как известно, 4 декабря представителю СССР в Лондонском комитете было поручено внести предложение распространить невмешательство и на посылку в Испанию так называемых добровольцев*. Само собой разумеется, что Советское правительство соглашалось на принятие таких обязательств при неременном условии строгого выполнения их всеми участниками Соглашения. В этих целях Советское правительство неизменно требовало проведения системы действенного контроля. В частности, в том же Лондонском комитете представитель СССР настаивал на предоставлении агентам контроля возможно более широких полномочий. Из всего этого с очевидностью вытекает, что осуществлению действенного контроля правительство СССР всегда придавало капитальное значение.

Усиление этой системы и обеспечение выполнения всеми ее требований могут ускорить прекращение мятежа в Испании. Когда правительству удастся восстановить порядок, будет устранена и возможность чужого вмешательства во внутренние дела этой страны. Тем самым будет предупреждена и опасность дальнейших международных осложнений. Совету Лиги надлежит учесть важность мероприятий, которые должны быть проведены Лондонским комитетом для достижения указанных целей. Если расчеты на эти мероприятия окажутся ошибочными, тому же Совету придется изыскивать иные средства для предотвращения новой мировой катастрофы.

Что касается англо-французской инициативы, направленной к скорейшему прекращению вооруженной борьбы, идущей в Испании, то правительство СССР в принципе уже присоединилось к этой инициативе. Оно готово вступить в переговоры с другими правительствами, чтобы сообща обсудить вопрос о ее желательном направлении и конкретизации.

Не предпрешая, чем завершится эта попытка, можно ее испробовать. Все, что окажется полезным как средство прекратить агрессию, от которой страдает народ Испании и которая грозит бедствиями всему миру, — все это может рассчитывать найти сочувствие в Совете Лиги наций. В этом плане Совет Лиги наций поддержит своим моральным авторитетом и ту инициативу, которая проявлена правительствами Франции и Великобритании.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 290 (6147). 14 декабря 1936 г.*

* См. док. № 396.

407. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
11 декабря 1936 г.

По полученным в Лондоне сведениям, множатся симптомы того, что Франко подготавливает в ближайшем будущем новый большой удар с помощью германских и итальянских подкреплений. Численность немецких «волонтеров» в настоящий момент Форин офис определяет в 6—10 тыс., итальянских — до 5 тыс. Однако ожидается дальнейшее пополнение. Форин офис считает, что 60 тыс., которыми грозитя Муссолини, — блеф, но допускает возможность посылки еще 10—15 тыс. Вероятен и новый контингент из Германии. В связи с этим встает вопрос о том, что если посредничество имеет какой-либо смысл, то необходимо действовать быстро.

Поскольку Англия, Франция и СССР в принципе считают посредничество желательным, мне кажется, было бы целесообразно произвести нажим в Лондоне и Париже с тем, чтобы отсюда твердо потребовали у Германии и Италии немедленного ответа по вопросу о посредничестве и о полном прекращении дальнейших посылок людей и оружия в Испанию. У британского правительства, если оно пожелает, есть возможность давить на Италию, ибо, по доходящим до меня сведениям, англо-итальянские переговоры об урегулировании средиземноморских вопросов идут лучше, чем можно было ожидать. Британское правительство будто бы готово обсуждать исключение Абиссинии из Лиги наций и превращение миссии в Аддис-Абебе в генеральное консульство, а итальянское правительство не настаивает на лимитировании британских морских сил в Средиземном море. Муссолини проявляет большой интерес к достижению соглашения с Англией, и британское правительство имело бы возможность понудить итальянцев к известной сдержанности в испанских делах. Французское правительство, вероятно, тоже могло бы повлиять на Муссолини. Мыслим известный нажим британский и в Берлине, особенно сейчас, когда с отречением Эдуарда VIII* немцы потеряли в Великобритании серьезную позицию. Надо было бы попробовать договориться с Лондоном и Парижем о том, что в случае попыток фашистских держав затягивать переговоры, посылая тем временем новые части в Испанию (такая тактика с их стороны весьма вероятна), Англия, Франция и СССР принимают какие-либо более энергичные меры, формы и размеры которых можно было бы продумать в течение ближайших дней. Так как, однако, перспективы намечаемых мною дейст-

* См. также док. № 405.

внй пока не ясны, то тем временем должны приниматься самые срочные и энергичные меры к дальнейшему усилению позиций испанского правительства *.

Майский

Печат. по арх.

**408. Письмо Полномочного Представителя СССР в Бельгии
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

11 декабря 1936 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

Германо-японское соглашение **, с одной стороны, и выявившееся за последнее время укрепление англо-французского сотрудничества, с другой, — вот два основных факта, влияние которых сказывается на настроениях политических кругов этой страны. Германо-японскому соглашению, несомненно, мы в самой большой мере обязаны тем, что внезапно, как будто повинувшись какой-то дирижерской палочке, здесь исчез с газетных столбцов еще недавно столь модный лозунг: «Ни Рекс, ни Москва». Во-первых, брутальность, с которой японо-германское соглашение лишней раз осветило агрессивность Германии, произвела здесь известное отрезвляющее действие. Во-вторых, большое впечатление здесь произвела английская реакция на германо-японское соглашение. В этом же направлении подействовала и речь Рузвельта на панамериканской конференции ***.

Как я отметил в обзоре печати от 11 ноября с. г. ²³³, укрепление англо-французского сотрудничества здесь всячески приветствуется. При этом та пресса, которая теснее всего связана с подлинными руководителями бельгийской внешней политики, продолжая расточать комплименты Блюму и Дельбосу за их умеренность и трезвость, в то же время дружески пеняет им за то, что они не находят у себя достаточно решимости, чтобы отказаться от франко-советского договора о взаимопомощи, являющегося, дескать, одной из важнейших причин напряженности в Европе. Католическая «Либер Бельжик» недавно в порыве дружеских чувств к Блюму — Дельбосу заявила, что нельзя же, в сущности говоря, винить их за то, что они получили в наследство от Баргу и Лавала.

Эта борьба против франко-советского пакта, проводимая без особой нервозности, но весьма систематически правой печатью, в основном вдохновляется враждебными СССР выступ-

* См. газ. «Известия», 14 декабря 1936 г.

** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

*** См. «Development of United States Foreign Policy. Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt...», Washington, 1942, pp. 16—20.

лениями части английской и в особенности французской печати. Тот факт, что официозный французский «Тан» в целом ряде важнейших внешнеполитических моментов, привлекавших напряженное всеобщее внимание, занимал более или менее открыто антисоветскую позицию, создает здесь в широких кругах убеждение в том, что в самой Франции назрело сильное движение в пользу отказа от сотрудничества с СССР. Если к этому добавить влияние Ватикана, которое здесь сильнее, чем в какой-либо из европейских стран, то не приходится удивляться тому упорству, с которым правая бельгийская печать продолжает отстаивать антисоветские позиции в области внешней политики.

2. Я недавно отмечал благоприятное развитие советско-бельгийских хозяйственных отношений*. Как Вам уже известно из тассовской телеграммы, этот факт был отмечен также в сенате докладчиком бюджета министерства иностранных дел сенатором Липпенсом. Липпенс не ограничился только приведением цифр, свидетельствующих о том, что СССР значительно перевыполнил предусмотренные советско-бельгийским торговым соглашением от 5 сентября 1935 г.** свои обязательства по импорту. Комментируя эти цифровые данные, он в заключении своего доклада заявил, что СССР представляет хороший рынок сбыта и что советско-бельгийская торговля имеет основания для дальнейшего развития. Было бы своевременным, заявил Липпенс, обуздать некоторые кампании и научиться отличать, как и другие страны это делают, между правительством СССР и III Интернационалом. Липпенс напомнил, что не кто иной, как фашистская Италия была в числе первых государств, признавших СССР и заключивших с ним договор. Тот факт, что это заявление исходит от бывшего председателя сената графа Липпенса, одного из богатейших людей Бельгии и обладающего, несмотря на его принадлежность к либеральной партии, репутацией махрового реакционера, делает его заявление особенно ценным.

Выступление Липпенса особенно интересно отметить в связи с тем, что я говорил выше об отношениях здешних правых кругов к СССР, поскольку это еще раз подтверждает наблюдения, которые мне пришлось сделать здесь в первые же дни после моего прибытия в Бельгию, а именно, что с нами хотя и торговать, но в то же время избегают сотрудничать с СССР в области политической.

3. В области внутривнутриполитической можно отметить, что правительству Ван-Зеееланда удалось провести в обеих палатах закон об увеличении срока военной службы. Правительству лишь пришлось идти на маленькую уступку социалистам и

* См. док. № 302.

** См. «Собрание законов...», отд. 11, № 2, 13 января 1937 г., стр. 17—30.

христианским демократам, согласившись вместо 18 месяцев на 17-месячный срок военной службы.

Следует отметить продолжение процесса перегруппировки сил реакции. Ослабление напора валлонских фашистов, так называемых рексистов, отнюдь не означает умаления сил реакции. Наоборот, умудренные испытанной неудачей фашисты разных мастей действуют более гибко и осторожно. Вам уже известно о блоке между рексистами и фламандскими националистами. Этот блок сейчас значительно расширен благодаря присоединению к нему фламандских католиков. Образование этого тройственного блока способствует созданию известной угрозы нынешней правительственной констелляции. Вообще усиление влияния реакции чувствуется здесь повсю. Характерно, что это чувствуется не только в правых партиях, но и в так называемой бельгийской рабочей партии, где правые элементы крепко прибрали к рукам бразды правления. На недавних выборах в бюро генерального совета партии все подозрительные по части левизны оказались вне бюро. Сейчас очень серьезно поговаривают о мерах партийно-административного характера против таких людей, как Марто, Брэнфо, Изабелла Блюм, о которых создалась репутация «левизны». «Пепль» изодня в день поет дифирамбы правительству Ван-Зееланда. Бельгийские социалисты выступают не только в качестве пособников, но и в качестве проводников той реакционной оффензивы, которую мы сейчас здесь наблюдаем.

С товарищеским приветом.

Е. Рубинин

Печат. по арх.

409. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Дельбосом

11 декабря 1936 г.

Посетил Дельбоса по его просьбе.

Дельбос настоятельно просил исключить из нашего проекта коммюнике через ТАСС упоминание «Тан»* ввиду того, что другие газеты поместили аналогичные статьи и это было бы «несправедливо». С другой стороны, Дельбос дал свое полное согласие на то, чтобы в комментариях в нашей прессе определенно было указано, что речь идет о таких-то статьях «Тан». Дельбос еще раз усиленно подчеркивал, что «Тан» ни в коей мере не является официозом. Вместе с тем он обещал дать указания Комеру** о «воздействии» на «Тан».

* См. док. № 405.

** Заведующий отделом информации и прессы МИД Франции.

Перейдя к испанским делам, Дельбос выразил надежду на успех «посреднической» акции. Правда, он тут же указал, что не исключает возможности «затягивания» ответа со стороны немцев и итальянцев. Однако в таком случае можно будет обратиться к мировому общественному мнению для разоблачения Италии и Германии.

Дельбос верит в возможность вмешательства папы, который хотя и симпатизирует Франко, но все же до сих пор его не признал. Папу удастся, как надеется Дельбос, склонить к посреднической роли, поскольку Ватикан заинтересован в поддержании хороших отношений с Францией.

Основной задачей является отрыв Италии от Германии с тем, чтобы изолировать последнюю, если она захочет продолжать во что бы то ни стало политику интервенции в Испании.

Дельбос считает преувеличенными появившиеся в печати сведения о количестве прибывших в Испанию немцев. По его мнению, там всего около 12 000 немцев на стороне Франко и примерно такое же количество (?) французов на стороне правительства.

Франция определенно не допустит оккупации Балеаров итальянцами. По директиве МИД французский поверенный в делах в Риме сделал в этом отношении несколько дней тому назад «твердое» заявление итальянскому правительству.

Дельбос считает, что позиция Англии в испанском вопросе за последнее время значительно улучшилась.

В конце ноября Англия готова была уже признать Франко воюющей стороной. За это признание было адмиралтейство и большинство кабинета. Тогда Дельбос через Корбена в «личном порядке» просил Идена отказаться от такого признания, ибо подобная акция Англии могла бы поставить в безвыходное положение французское правительство, и в частности Блюма и Дельбоса. Благодаря этому демаршу и нажиму Идена английское правительство отказалось от признания за Франко прав воюющей стороны.

Гирифельд

Печат. по арх.

**410. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Греции М. В. Ко-
бецкому**

13 декабря 1936 г.

Заключая антикоммунистическое соглашение с Японией*, Гитлер рассчитывал не только на благоприятное отношение к этому акту со стороны многих государств, но и на присоеди-

* См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

нение их к соглашению. Он рассчитывал, несомненно, в первую очередь на Австрию, Венгрию, Италию, а также на Польшу, Финляндию, Болгарию, Румынию, Югославию и Грецию. Хотя ожидавшиеся Гитлером результаты не оправдались, соглашение встречено в штыки почти повсюду. Италия к соглашению не примкнула *, и даже Австрия и Венгрия заявили о необходимости борьбы с коммунизмом каждым государством на своей территории собственными силами. Надо допустить, что Гитлер все же еще будет делать попытки расширить базу соглашения и будет обращаться к Болгарии, Греции и другим государствам. Я обращаю на это Ваше внимание и предлагаю не упускать этого из виду. Найдите случай поговорить с кем следует ²³⁴ и указать, что присоединение к германо-японскому соглашению будет нами рассматриваться как недружелюбный акт. Надо при этом разъяснять, конечно, что речь отнюдь не идет о борьбе с коммунизмом и что Коминтерн в соглашении является лишь кодом, под которым надо понимать СССР.

Литвинов

Печат. по арх.

411. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому

13 декабря 1936 г.

НКВТ информирует нас о том, что намеченный на 1936 г. план закупок в Румынии на 1 100 000 франковых руб. не будет в этом году реализован по вине румынской стороны. До последнего времени с румынами не было договоренности о счете Национального банка, что делало невозможной всякую торговлю. Сейчас, после того как этот вопрос, по-видимому, урегулирован (присланный Вами текст румынской ноты о договоренности с Национальным банком сам по себе удовлетворителен, однако нет никакой уверенности, что практика Национального банка будет также удовлетворительна; ведь текст соглашения от 15 февраля ** сам по себе также был удовлетворительный, а Национальный банк соглашения не соблюдал), создаются новые трудности, поскольку, по информации НКВТ, румыны с большим трудом выдают контингенты на завоз наших товаров в Румынию.

На будущий год план намечен на том же уровне — 1 100 000 франковых руб. Само собой разумеется, что и в 1937 г. реали-

* Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту 6 ноября 1937 г.

** Соглашение о платежах между СССР и Румынией от 15 февраля 1936 г.; см. «Сборник действующих торговых договоров...», вып. II, № 11, М., 1936, стр. 62—64.

зация этого плана будет зависеть от румын. Если румыны не будут чинить препятствий нашему экспорту в Румынию, если Национальный банк будет точно выполнять соглашение от 15 февраля и последнюю договоренность, то план на Румынию легко может быть реализован, и даже не исключено, что можно будет говорить о некотором увеличении этого плана в целях развития экономических взаимоотношений с Румынией.

Просим Вас следить за ходом выполнения соглашения от 15 февраля и за развитием экономических операций с Румынией и своевременно нас информировать.

Зам. Наркома
Н. Крестинский

Печат. по арх.

412. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреву

15 декабря 1936 г.

Сигемицу, не проявляя напористости и отнюдь не ссылаясь ни на Портсмутский, ни на Пекинский договоры, усердно просил ускорить подписание рыболовной конвенции, необходимое Японии по внутренним соображениям*. Разрешение этого вопроса и вопроса о комиссиях откроет широкие перспективы. На это я ответил, что мы, договариваясь о рыболовной конвенции и идя на уступки Японии, действительно имели в виду эти перспективы, которые, однако, представляются нам теперь значительно суженными или даже совершенно закрытыми германо-японским соглашением**. Сигемицу настаивал на том, что наша позиция в вопросе о комиссиях им недостаточно ясна и что у Арита осталось впечатление, что слово теперь за нами. Я ему сказал, что после нашей последней беседы*** должно быть ясно, что мы свое последнее слово сказали, а если Арита все это еще не ясно, он может вызвать Вас и просить разъяснений, как я всегда поступаю с послами. Сигемицу твердил, однако, что Вам следует вновь обратиться к Арита, и у меня создалось впечатление, что Арита желает именно теперь продолжать разговоры с Вами на эту тему и сделать Вам уступки. Я сказал ему, что готов Вам протелеграфировать, что Арита желает Вас видеть.

Попроситесь немедленно к Арита и, придя к нему, скажите, что явились согласно просьбе Сигемицу и готовы разъяснить еще раз нашу позицию, если это необходимо²³⁵. Настаивайте,

* Беседа состоялась 14 декабря 1936 г.

** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

*** См. док. № 402.

конечно, на принятии нашего условия об уважении существующей границы и об исключении Японии в качестве третьей стороны.

Под конец я сказал Сигемицу, что мне приходится часто беседовать здесь с послами, а нашим полпредам за границей — с МИД и что в весьма редких, исключительных случаях мы или МИД эти беседы оглашаем. Наши газеты даже не пишут о моих посетителях. В Японии дело обстоит иначе. Стоит Вам появиться в МИД или японскому послу у меня, чтобы об этом немедленно затараторили все японские газеты, давая к тому же неправильное изложение бесед. В частности, мы по просьбе Сигемицу условились не давать в печать о наших последних беседах, тем не менее ими полна японская печать. Мы не возражаем против гласности и не боимся ее, но хотели бы иметь договоренность. Во всяком случае, я в дальнейшем оставляю за собою право сообщать о наших беседах, когда и в какой форме я это сочту нужным. Соответственно этому предупреждению я и дал вчера краткое резюме о наших беседах через ТАСС*.

Литвинов

Печат. по арх.

413. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзяи Тии-фу

15 декабря 1936 г.

На мой вопрос, имеет ли он какие-либо новые сведения из Нанкина, посол ответил, что нанкинское правительство поддерживает всеми провинциями, за исключением Гуаньси и, само собой разумеется, Шэньси. Он послал правительству поддержки из статей «Известий» и «Правды»**, доказывающих наше дружественное отношение к нанкинскому правительству. Посол считает, однако, неправильным связывание выступления Чжан Сюэ-ляна с происками Ван Цзи-вэя, который никакого отношения к этому делу иметь не мог. Я заявил послу, что мы чрезвычайно озабочены создавшимся положением и считаем выступление Чжан Сюэ-ляна большим несчастьем. Я не думаю, чтобы Чжан Сюэ-ляни действовал непосредственно в контакте с японцами, и склонен скорее допустить, что он поддавался чьим-то злосчастным и дуриным советам. Мы всегда стояли за объединение Китая и никогда не сочувствовали внутренней борьбе китайских генералов. Мы особенно рады попыткам, которые делались в последнее время к расширению базы нанкинского правительства, и сопротивлению, оказываемому япо-

* См газ «Известия», 15 декабря 1936 г.

** См. газ. «Известия», «Правда», 14 декабря 1936 г.

но-маньчжуро-монголам*. Я опасюсь, как бы Япония не использовала последних событий для новой агрессии. Во всяком случае японское правительство, которое находилось в последние дни в критическом положении, может быть спасено этими событиями.

Посол сказал, что он имеет из Нанкина поручение выяснить, не можем ли мы каким-либо путем помочь Нанкину не только выражением симпатий. Я ответил, что таких путей не вижу, так как никакого контакта с Чжан Сюэ-ляном не имели с тех пор, как он покинул Маньчжурию.

Посол напомнил о заявлении, ранее мне сделанном**, о том, что он уполномочен своим правительством обсудить с нами все вопросы наших взаимоотношений, и спросил, как мы к этому относимся. Я в свою очередь напомнил послу, что мы ожидали приезда т. Богомолова, который, правда, уже здесь, но отдыхает. Кроме того, надо выждать все-таки развития последних событий.

Посол спросил, не согласимся ли мы продавать Нанкину самолеты в обмен на чай или другие китайские продукты, о чем он уже говорил с т. Стомоняковым, и нельзя ли вообще усилить внешнюю торговлю между обеими странами. Я подумал вслух, каким образом самолеты могли бы доставляться в Китай, не проходя через японский контроль, и посоветовал послу продолжать переговоры на эту тему с т. Стомоняковым. Посол сказал, что они получают самолеты из других стран в разобранном виде.

Литвинов

Печат. по арх.

414. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочиому Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану

15 декабря 1936 г.

1. В связи с истечением 31 декабря торгового договора и модуса*** договоритесь с турками о продлении путем обмена нотами обоих документов на срок переговоров о новом торговом договоре. Можете в крайнем случае согласиться ограничить продление трехмесячным сроком.

2. При этом необходимо добиться приравнения СССР к стране, имеющей «клиринговое или подобное соглашение» применительно к ст. 3 последнего турецкого закона о режиме ввоза в Турцию.

* Имеется в виду прояпонски настроенная группировка в районах Внутренней Монголии.

** См. док. № 374.

*** См. т. XIV, док. № 85; т. XV, док. № 167.

3. Ввиду того что и это приравнение не обеспечивает полностью интересов нашего экспорта, НКВТ дает одновременно указание торгпредству добиться обеспечения ввоза тканей, сахара, антрацитового мелочи, химических удобрений и токарных станков. Примите меры к удовлетворению турками этого пожелания.

4. Сообщите МИД нотой, что ведение переговоров о торговом договоре поручено Вам и торгпреду²³⁶.

Стомоняков

Печат. по арх.

415. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае И. И. Спильванеку

*Вне очереди
16 декабря 1936 г.*

Немедленно посетите Куна или Чжан Цюня и заявите ему:

1. Советское правительство немедленно по получении известия о событиях в Сиани* заняло ясную и определенную позицию осуждения действий Чжан Сюэ-ляна, которые объективно могут принести пользу только врагам Китая, стремящимся к его расчленению и порабощению.

2. Советское правительство уполномочило Вас заявить со всей ясностью и категоричностью, что оно не только, как это само собой разумеется, не имело и не имеет никакого отношения к событиям в Сиани, но что оно со времени занятия японскими войсками Маньчжурии никогда не поддерживало никаких — ни прямых, ни косвенных — сношений с Чжан Сюэ-ляном.

3. Ввиду продолжающегося распространения ложных и клеветнических сообщений Советское правительство уполномочило Вас далее заявить, что оно не может нести ответственности за действия китайской Красной армии.

4. Советское правительство крайне удивлено и возмущено тем, что в Китае могли найтись отдельные люди и газеты, которые повторяют гнусную клевету, пущенную врагами Китая, будто Советское правительство имеет какие-то отношения к событиям в Сиани. Советское правительство протестует против этого и ожидает, что китайское правительство примет меры к прекращению распространения подобных клеветнических слухов**.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 14 декабря 1936 г.

** См. док. № 422.

416. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

17 декабря 1936 г.

На Вашу телеграмму от 14 декабря²³⁷. Даю инструкцию Потемкину сделать демарш²³⁸. Необходимо и Вам переговорить на эту тему с англичанами*, указав, что, предлагая задержание волонтерства, мы рассчитывали, что одновременно будут приняты меры всеми заинтересованными державами при установлении контроля, иначе всякое новое такое предложение будет выгодно лишь Германии, Италии и Франко.

Литвинов

Печат. по арх.

417. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

17 декабря 1936 г.

9 декабря в 15 часов на участке петрозаводского погранотряда в районе погранзнаков 439—440, что против деревни Мезиламба, с территории Финляндии на расстоянии 15—20 м по нашему сторожевому наряду были произведены два выстрела из автоматического оружия. Пуля пролетела непосредственно вблизи головы пограничника Галюка. После выстрела был услышан разговор двух мужчин на финском языке. По линии 1-й местной контрольной комиссии финнам заявлен протест.

12 декабря на участке заставы Майнила сестрорецкого погранотряда в районе погранзнака 66 со стороны Финляндии был произведен выстрел по нашему пограннаряду. Пуля легла на советскую территорию. Погранкомиссар СССР заявил финпогранкомиссару протест.

Посетите МИД и заявите протест по поводу указанных двух новых случаев обстрела с финляндской территории**.

Свяжите вопрос с требованием ускорения ответа на нашу ноту от 14 ноября*** и подчеркните, что безнаказанность убийц Спирина и непринятие мер, которых мы требовали в ноте, имеют результатом непрекращающуюся стрельбу с финляндской стороны по нашим пограничникам. Укажите, что все это создает неблагоприятную обстановку для работы заседающей в Ленинграде конференции****.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 424.

** См. док. № 421.

*** См. док. № 380.

**** См. док. № 196.

418. Телеграмма Поликоммунного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР

Немедленно
17 декабря 1936 г.

Суммируя всю имеющуюся сейчас в Лондоне информацию, приходится прийти к выводу, что в ходе испанских событий приближается очень важный, может быть, даже решающий момент.

1. Франко собирает большой кулак, в котором немецкие и итальянские вооруженные силы играют основную роль, для того чтобы сделать новое и, как он надеется, на этот раз успешное усилие для захвата Мадрида. Помощь Германии и Италии ему пока обеспечена (спор идет лишь о размерах этой помощи), причем, по имеющимся здесь сведениям, Муссолини склонен идти в поддержке Франко дальше, чем Гитлер. Это объясняется не только географической близостью Италии к Испании и планами Муссолини в отношении Средиземного моря, но также и характером заключенного недавно между Чиапо и Гитлером соглашения*. Во время берлинского визита между сторонами было договорено, что в сферу влияния Германии входят Австрия, Чехословакия, Румыния, Болгария, Советская Украина, в сферу влияния Италии — Венгрия, Югославия, Албания, Греция, Испания и Северная Африка. В результате Гитлер готов предоставить Муссолини первую роль в Испании и оказать ему лишь необходимую военную и всякую иную поддержку. В качестве компенсации Гитлер склонен удовлетвориться главным образом экономическими преимуществами (сырье, ископаемые, концессии и пр.) плюс те военно-политические выгоды, которые для него представляло бы появление фашистского союзника на пиренейской границе Франции. Вот почему в Лондоне, в частности в кругах форин офиса, считают, что приходится считаться с вероятностью солидной помощи Франко оружием и людьми со стороны Рима и Берлина.

2. Такое положение вещей начинает рождать в британских правительственных кругах все растущую тревогу за возможный исход испанских событий. Твердая позиция и активность СССР в поддержке испанского правительства, видимый успех этой поддержки, превосходство советской авиации над германской (по мнению здешних руководящих кругов, явно демонстрированное в Испании), наконец, усиливающееся сопротивление республиканцев, показывающее, что возможно иное решение испанской борьбы, чем победа Франко, — все это имеет результатом известный, хотя еще весьма недостаточный, подъем

* Имеется в виду германо-итальянский протокол от 23 октября 1936 г.; см. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», Series C., vol. V. London, 1966, pp. 1136—1138.

настроения не только в демократических кругах Англии, но также и у британского правительства. И у тех, и у других создается впечатление, как будто в Европе появилась сила, наглядно демонстрирующая принцип неделимости мира и способная сказать Гитлеру и Муссолини: «Стоять». Отсюда речь Идеи (14 декабря в Брайфорде) *, которая вообще (а не только под испанским углом зрения) заслуживает несомненного внимания. Отсюда же усилия английского правительства в направлении посредничества, которому оно придает значение. Я лично полагаю, что сейчас из посредничества едва ли что выйдет (Франко несомненно хочет сделать по крайней мере еще одну серьезную попытку выиграть войну), и поэтому нам в ближайшем будущем правильнее считаться с перспективой нового обостренного вооруженного конфликта.

3. Если не произойдет чего-нибудь совершенно непредвиденного, Америка даже в самом лучшем случае не пойдет дальше благожелательного нейтралитета в испанском конфликте, т. е. корректное, приличное отношение прессы к испанскому правительству, изапрещение волонтерства и т. п. Не считаю себя компетентным высказать суждение о возможной позиции Франции, хотя склонен думать, что французское правительство в общем будет следовать лондонскому примеру. Роль активного фактора, как и до сих пор, будет предоставлена СССР, и максимум, на что можно было бы при известных условиях рассчитывать, — это моральная и политическая поддержка Великобритании.

4. В политических кругах Англии испанские события все отчетливее и откровеннее (о чем я уже раньше сигнализировал) рассматриваются как скрытый поединок между СССР, с одной стороны, Германией и Италией, с другой. Таким образом, помимо вопросов о будущем фашизма и европейского мира, на карте сейчас стоит наш международный престиж. Некоторые сочувствующие испанскому правительству военные и морские специалисты на этих днях доказывали мне, что, несмотря на помощь Германии и Италии, республиканцы все-таки могли бы оказаться победителями, если бы: а) интернациональные бригады могли быстро развернуться в корпус или даже армию, б) республиканский флот мог быстро гальванизироваться и получить подкрепления в виде известного количества «москиток», и тогда мог бы быть обеспечен подвоз с моря всего необходимого, в) известное количество советских военных судов появилось в испанских водах для оказания морального воздействия не столько на Франко, сколько на Муссолини и Гитлера. Не будучи специалистом в военных вопросах, я воздерживаюсь от высказывания собственного мнения по поводу

* См. газ. «Известия», 16 декабря 1936 г.

изложенного содержания. Однако склонен думать, что в поведении Муссолини и Гитлера, как всегда, имеется много блефа и действительные их возможности (моральные и материальные) активной помощи Франко ограничены гораздо более скромными лимитами, чем они это стараются показать. Одно не подлежит сомнению: в испанских событиях назревает серьезнейший перелом в ту или иную сторону.

Майский

Печат. по арх.

419. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 декабря 1936 г.

Передаю итог моей первой, по приезде из отпуска, беседы с Холсти 17 декабря. Холсти не говорил о конкретных планах нормализации отношений с нами, хочет заняться этим вопросом «еще в этом году». Намекнул, что Ирве-Коскинен тоже поехал без конкретных предложений. Холсти просил обратить внимание на его выступление в сейме и на более спокойное отношение к нам финской прессы. Я указал, что вижу его личные старания и заботы, но речь должна идти о серьезных мероприятиях с финской стороны, могущих показать изменение финской политики. Холсти просил обратить внимание, сколь хорошую прессу они имеют в Скандинавии и плохую в Германии.

На мой вопрос об ответе по делу Спирина Холсти заверил меня (как раньше Аустрина) *, что нота готова, но переводится и будет нам вручена на днях¹⁸⁹. Я выразил удивление по поводу затяжки этого дела более двух месяцев и просил сообщить содержание ноты. Оказывается, нота изготовлена в дискуссионном порядке и не дает нам удовлетворения. Я указал, что подобный образ действия не может быть оценен иначе, как нежелание финляндского правительства исчерпывающе покончить с этим тяглым инцидентом.

В ответ на просьбу Холсти начать на днях обсуждение с ним финской ноты по пунктам я указал, что без специального разрешения своего правительства на это не могу пойти, но заранее сомневаюсь в возможности получения такого разрешения. Напомнил, что затягивание дела финляндским правительством может заставить нас опубликовать в советской прессе переписку, о чем Крестинский предупреждал Ирве-Коскинена **.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 397.

** См. док. № 380.

420. Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Секретарю Комитета Хеммингу

Лондон, 18 декабря 1936 г.

Сэр,

Я препроводил моему Правительству одобренное в заседании Комитета 9 декабря коммюнике по вопросу о косвенном вмешательстве*. По должном рассмотрении этого коммюнике мое Правительство уполномочило меня заявить следующее:

(А) Правительство СССР, желая сотрудничать с другими державами в обеспечении полного соблюдения обязательств Соглашения о невмешательстве и придания возможно большей эффективности контролю Комитета над выполнением их,

(I) В принципе соглашается на расширение Соглашения в том смысле, чтобы оно охватывало, насколько это осуществимо, как прямое, так и косвенное вмешательство, и

(II) Соглашается, в виде первого шага, на распространение Соглашения на случай вербовки, отправки с территорий или транзита через территории договаривающихся сторон лиц, предполагающих принять участие в гражданской войне в Испании.

В связи с п. II прошу обратить внимание Комитета на предложения, которые я сделал от имени моего Правительства в письме от 4 декабря**, адресованном Председателю*** Комитета, и просить, чтобы они были поставлены на повестку Подкомиссии для возможно скорейшего обсуждения.

(В) Что касается п. I, II и III (коммюнике), прошу заметить следующее:

1. Никакая вербовка с намерением принять участие в гражданской войне (I) или с какой бы то ни было другой целью (II) не имеет места в СССР.

2. Никакие займы или кредиты испанскому правительству не были предоставлены в СССР никаким правительством или общественным учреждением (III), и никаких просьб о таких займах или кредитах не было направлено СССР испанским правительством. В настоящий момент не запрещаются общественные подписки или собиране средств, предназначенных для гуманитарных целей.

Меры в связи с предметами, затронутыми в пункте (В), могут быть введены лишь после того, как все заинтересованные

* См. газ. «Известия», 11 декабря 1936 г.

** См. док. № 396.

*** В тексте ошибочно — Секретарю.

правительства возьмут на себя надлежащие обязательства в этом отношении.

Правительство СССР вполне готово обсудить со всеми другими членами Комитета меры, охватывающие все виды косвенного вмешательства, упомянутые в I, II, III и IV статьях п. (B), в целях распространения Соглашения о невмешательстве на эти случаи.

(С) Правительство СССР полностью разделяет мнение правительства Соединенного Королевства о важности и неотложности вопросов, возбуждаемых прибытием в Испанию все более возрастающего числа иностранных подданных для принятия участия в гражданской войне, и поэтому считает существовавшим важным и готово уделить преимущественное внимание рассмотрению вопроса о вербовке и пр. в соответственных странах лиц, намеревающихся служить той или другой из враждующих сторон.

Примите, сэр, уверения в моем высоком уважении.

И. Майский

*Печат. по арх. Опубл.
в сб. «Внешняя политика СССР».
т. IV, М., 1946, стр. 231—232.*

421. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

18 декабря 1936 г.

Сделал соответствующее заявление Холсти, заявил протест по поводу инцидентов 9 и 12 декабря*. На этот раз Холсти не нашел оправдания действиям финских властей. Выразил сожаление в связи с последними двумя инцидентами. Указание на создание финнами неблагоприятной обстановки для работы в Ленинграде**, видимо, встревожило Холсти. Он обещал срочно сделать доклад премьеру Каллио и созвать заинтересованных министров для обсуждения и принятия мер. Следующую беседу Холсти отложил до 22-го***. Полагаю, что он надеется, что тем временем работы в Ленинграде закончатся.

Полиред

Печат. по арх.

* См. док. № 417.

** См. док. № 196.

*** См. док. № 426.

422. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
19 декабря 1936 г.

На телеграмму от 16 декабря *. Чжан Цюнь принял меня сегодня утром. Выслушав наш протест, он заявил следующее. 1. Еще до иачала событий в Сиани Чжан Сюэ-лян распространял слухи о своих связях с СССР, о поддержке, получаемой им оттуда, а также что он заключил союз с китайской Красной армией и что его представители находятся в Москве, а представитель компартии — в Сиани. 2. Чжан Цюнь лично, а также остальные члены правительства и лидеры прекрасно понимали и понимают, что подобные слухи являлись и являются ложью и клеветой. 3. Центральное правительство глубоко ценит дружбу с СССР, поддержку и благожелательное отношение к нему со стороны Советского правительства. Поэтому он не мог верить и не верит злостным слухам, распространяемым Чжан Сюэ-ляном или третьими лицами. Теперь, заслушав наше официальное заявление, он, подтверждая отрицательное отношение центрального правительства к упомянутым слухам, благодарил за отношение Советского правительства, которое всегда было дружественным и благожелательным к центральному правительству. 4. Со своей стороны он сделает все, чтобы прекратить распространение клеветнического намека третьих лиц в Китае.

На телеграмму от 17 декабря ²³⁹. Затем я обратил внимание Чжан Цюня на действия цензуры в Шанхае и сообщил ему о наших впечатлениях по этому поводу. Он ответил, что, несмотря на тупость цензуры, он и лидеры прекрасно осведомлены о статьях «Правды» и «Известий» **, которые действительно благоприятны для центрального правительства. В действиях цензуры в этом пункте сказывается непонимание своих обязанностей, цензура нашла невозможным пропустить характеристику, данную в этих статьях Ван Цзин-вэю, бывшему министру иностранных дел и главе правительства, но в таких случаях она могла бы просто вычеркнуть места о Ван Цзин-вэе. Он примет меры к предотвращению в будущем таких случаев.

Спильванек

Печат. по арх.

* См. док. № 415.

** См. газ. «Правда», «Известия», 14 декабря 1936 г.

423. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэю

19 декабря 1936 г.

Господин Особый агент,

Я неоднократно обращал Ваше внимание на гнусную работу белогвардейской печати, позволяющей себе недопустимые грязные выпады против Советского Правительства и отдельных его официальных представителей. К сожалению, маньчжурские власти, покровительствующие, вопреки лежащим на них обязательствам, предусмотренным Пекинским и Мукденским соглашениями*, белогвардейским организациям и прямо содействующие их деятельности, направленной против Советского государства, не принимают и в данном случае тех элементарных мер, которые всякое цивилизованное государство обязано принимать в таких случаях, особенно учитывая наличие определенных договорных обязательств.

В результате этой политики Маньчжурского Правительства белогвардейская пресса обнаглела до того, что выступает с открытыми призывами к террору против советских представителей. Так, например, фашистский листок «Наш путь» поместил 10 декабря передовую статью, посвященную освобождению убийцы Советского Полномочного Представителя в Польше г. Войкова, и в связи с этим пишет: «Мы знаем, что, прочтя эти строки, многие русские юиоши и девушки вдохнутся мыслью подражать Борису Коверда в его пламенном патриотизме».

Народный Комиссариат по Иностранным Делах СССР поручил мне заявить Вам решительный протест против допущения маньчжурскими властями печатания в белогвардейской газете подобных неслыханных призывов и ожидает, что маньчжурские власти, во-первых, привлекут к строгой ответственности редактора указанного фашистского листка и, во-вторых, сделают невозможным появление в дальнейшем в газетах, издаваемых на территории Маньчжоу-Го, подобных статей.

Я имею поручение просить Вас о скорейшем ответе для представления его Советскому Правительству**.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, господин Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
М. Славуцкий

Печат. по арх.

* См. т. VII, док. № 156, 222.

** См. также док. № 429.

424. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
21 декабря 1936 г.*

Сегодня я был у Идена и имел с ним беседу *, продолжавшуюся около 45 минут. Отмечу важнейшее.

1. На мой вопрос, предполагает ли британское правительство издавать какое-либо одностороннее запрещение по части волонтерства, Иден ответил, что не имеется в виду вводить ничего нового, однако указал на то, что уже ныне действующий закон 1870 г. воспрещает волонтерство и что, вопреки мнению некоторых английских юристов, советники британского правительства полагают, что запрещение имеет силу даже и в том случае, если Франко не будет признан воюющей стороной. Вместе с тем в процессе ответа на мои дальнейшие вопросы Иден заявил, что британское правительство стремится в вопросе о волонтерстве к интернациональной акции, и при этом дал явственно понять, что впредь до осуществления такой акции он будет смотреть сквозь пальцы на отъезд волонтеров из Великобритании, если он будет происходить без большого шума.

2. По вопросу о посредничестве Иден настроен далеко не оптимистически. В возможность плебисцита при нынешних условиях он не верит (плебисцит — французская идея), ему кажется более практичным такой выход: с согласия обеих сторон в Испании создается временная директория, которая уже спустя некоторый период устраивает выборы или плебисцит. Иден сознает огромные практические трудности, стоящие на пути такого плана, и потому склонен смотреть на его перспективу довольно пессимистически, но ничего лучшего пока он придумать не мог. В связи с данным вопросом Иден с некоторой подозрительностью и тревогой старался у меня прощупать, какие наши намерения в Испании, не собираемся ли мы создавать там советское правительство, на что я ответил, сославшись на мой прежний разговор с ним 3 ноября **, что такого «опасного» намерения у нас нет, что мы хотели бы лишь восстановления в Испании нормального демократического порядка (свидетельством чего является, между прочим, наше согласие на посредничество) и что наш основной интерес в испанском вопросе сводится к тому, чтобы дать урок агрессорам и предупредить победу фашизма. Испанский народ должен иметь такое правительство, какое он желает. Иден, видимо, был успокоен моим разъяснением и несколько приободрился.

* См. док. № 416.

** См. док. № 344.

3. Затем я поставил вопрос, что думает делать английское правительство, если Германия и Италия будут продолжать массовую посылку войск в Испанию? Кстати, я сослался на появившиеся в печати сведения о том, что Франко требует от Германии присылки 60 тыс. человек и что германское правительство собирается удовлетворить эти требования. Иден ответил, что, по его впечатлениям, Италия в последнее время как будто несколько ослабила свою активность в Испании, но вопрос о Германии действительно очень серьезен. Иден считает, что «война в Испании потеряла свой испанский характер и стала международной войной». Он очень озабочен создавшимся положением и просит верить, что английское правительство изыскивает все возможные способы для его улучшения. Он ждет возвращения Корбена из Парижа для того, чтобы обсудить с ним, что дальше делать. Он пока дал указания своим послам в Риме и Берлине обратить внимание соответственных правительств на то, что английское правительство с большой серьезностью относится к продолжающейся посылке «волонтеров» к Франко. Если у нас есть какие-либо предложения в связи с испанскими делами, он охотно готов их обсудить. Быть может, общими силами мы найдем какой-либо выход. Иден просил обо всем этом довести до сведения т. Литвинова.

4. В дальнейшем Иден сообщил мне, что между Англией и Италией в самом ближайшем будущем будет подписано соглашение общего характера, констатирующее важность Средиземного моря и отсутствие противоречий в этом море между Лондоном и Римом, а также желание обеих стран к поддержанию и развитию дружественных отношений*.

5. Иден спрашивал, будет ли т. Литвинов на январской сессии Лиги, выражал надежду, что будет, ибо январская сессия должна иметь очень важное значение. Сам Иден в январе в Женеву поедет.

Полпред

Печат. по арх.

425. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юриева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
22 декабря 1936 г.*

На телеграмму от 20 декабря²⁴⁰. Применяемые к нашим судам ограничения и притеснения сводятся к следующему: 1. По приходе советского судна в японский порт являются, кроме

* См. газ. «Известия», 3—5 января 1937 г.

обычных портовых властей, не менее 5 и до 30 полицейских, которые устраивают тщательный обыск и детальный допрос команде, иногда фотографируют весь состав. 2. Опечатаются радиостанция, библиотека, все показавшиеся подозрительными вещи (фотоаппараты, фильмы, письма, документы) уносятся в полицейский участок, как правило, без активирования. 3. Капитана обязывают выдать подписку, носящую название «присяги», в том, что все требования японских властей будут им и командой беспрекословно выполняться, в том числе все специальные ограничения, установленные для наших людей. В случаях, когда капитаны отказывались выдавать эту подписку, запрещалось начинать работу и судно лишалось средств связи с берегом и портового обслуживания. 4. На борту иа все время стоянки остаются два полицейских в форме, производящих допрос каждого приезжающего и уезжающего и ведущих надзор. Зачастую они ведут себя вызывающе, были случаи, когда ложились спать на столах в кают-компаниях, игнорируя протесты капитанов. 5. Ограничение связи судна с берегом выражается в виде случаев неподачи моторных лодок, задержки закупленных и необходимых судну материалов и продовольствия, особенно когда капитаны протестовали против дискриминации. 6. Спуск на берег разрешается на ограниченные часы — четыре — шесть часов (обязательно группами в ограниченном числе, в безотлучном сопровождении полицейских в форме и в штатском, бесцеремонно усаживающихся вместе с капитаном и моряками в такси). Прогулки допускаются только в установленных полицией районах и улицах. 7. При спуске на берег и возвращении все, включая капитана, обязаны получать и сдавать пропуска в полицейский участок, где снова даются обязательства подчиняться всем правилам. 8. Кроме того, введено особое ограничение для команд, приезжающих для приемки судов. Независимо от наличия служебных паспортов приезжающие подвергаются тщательному допросу и попадают в положение полуарестованных рядом ограничений прав передвижения, выхода из вагона, из гостиниц; передвижение возможно лишь при условии неотлучного сопровождения полицейских. Имели место случаи, когда при пересадках и на конечных станциях полиция буквально выстраивала наших моряков в шеренгу, проверяя их наличие в присутствии толпы японцев. 9. Примерно такой же безобразный режим установлен и для наших транзитных пассажиров (в качестве примера сообщенный вам случай с Евдокимовым²⁴¹). 10. Мы случайно узнали, что японский консул во Владивостоке при выезде нашей команды и даже отдельных работников, едущих со служебными паспортами, отбирает у них подписку об обязательном подчинении всем порядкам, которые будут для них установлены в Японии.

В отношении режима, установленного для проверки советских граждан, описание соответствует действительности. Вы не упоминаете о системе дежурств у ворот полпредства трех — четырех полицейских автомобилей, стоящих несколько в стороне от входа, а по вечерам и в плохую погоду — у самых ворот. Эти автомобили сопровождают меня, мою жену, советника, секретаря, воздушного и морского атташе при выездах и выходах из полпредства. Полицейские агенты заходят вместе с товарищами в кино, магазин, делая это в вызывающей форме, а при случайной встрече наших работников с их знакомыми японцами часто останавливают этих японцев и допрашивают их. По-прежнему продолжается практика задержки газет и журналов, поступающих в адрес полпредства, торгпредства и сотрудников, в особенности номеров, содержащих статьи о Японии или посвященных особым датам (1 мая, 7 ноября, 1 августа). Как раз теперь все газеты, содержащие речь Литвинова на съезде Советов *, задержаны. Все описанное выше мы предлагаем наряду с намеченным вами обратиться к японцам.

Полпред

Печат. по арх.

426. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

22 декабря 1936 г.

Сегодня Холсти по своей инициативе дал ответ на наш протест от 18-го **.

1. По пограничному инциденту от 9-го финской стороной установлено, что на расстоянии 300 м от границы стрелял финский крестьянин. Якобы стрелял вдоль границы, а не в направлении границы. Холсти уверяет, что этот инцидент разобран на месте смешанной комиссией и советская сторона осталась удовлетворенной результатами.

2. По инциденту 12 декабря финской стороной установлено, что в 400 м от границы стрелял в птицу солдат финской пограничной охраны. Он строго наказан, так как ныне имеется распоряжение военных властей и министерства внутренних дел, запрещающее стрельбу в пограничной зоне.

3. Я оставил за собой право вернуться к этим вопросам по отношению инструкции и отметил, что данные Холсти расходятся с полученными советскими властями.

* См. прил. 2.

** См. док. № 421.

4. Холсти просил обратить внимание на места в речи Свиухувуда на закрытии сейма, где он во исполнение наших пожеланий призывает прессу к благоразумию в отношении СССР (передается ТАСС).

5. Холсти не касался конкретных вопросов по урегулированию советско-финских отношений (поездка министров и др.). Отсюда можно сделать вывод, что его далеко идущие планы не получили одобрения правительства и Свиухувуда.

6. Сегодня ночью правительство Каллио четыре раза было под угрозой падения из-за разногласий между социал-демократами и аграриями, но удержалось (вероятно, до выборов нового президента).

Полпред

Печат. по арх.

427. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
24 декабря 1936 г.*

Мы с женой были на завтраке у Ванситтарта (других гостей не было) и имели с ним разговоры на разные политические темы *. Ванситтарт передавал свои впечатления от летних посещений Берлина, стараясь подчеркнуть, что этот визит, несмотря на весь окружавший их шум, только усилил их опасение перед Германией. Леди Ванситтарт рассказывала, что немецкие сановники и генералы просто пугали ее своей грубостью и беспощадностью, широкие же массы населения поражали своей запуганностью и нищетой. Сам Ванситтарт издевался над Риббентропом и констатировал, что последний провалился в Лондоне. Его неловкость, бестактность, менторский тон и наигранно-неизменные монологи о коммунизме и колониях раздражают англичан.

Ванситтарт сообщил, что количество немецких войск в Испании форин офис определяет: точно — 13 тыс., вероятно — до 20 тыс. По его словам, посылка войск Германией очень беспокоит британское правительство, но каких-либо практических выводов отсюда оно пока не делает, заявляя, что предпочитает в каждый данный момент заниматься только одним делом. Это одно дело сейчас — налаживание отношений с Италией. Англо-итальянское соглашение будет подписано на днях **. Ванситтарт придает ему очень большое значение: это — начало англо-

* Беседа состоялась 23 декабря 1936 г.

** См. док. № 424.

итальянского сближения, которое в дальнейшем, как он надеется, оторвет Италию от Германии и поможет восстановлению Стрезы. Содержание соглашения малосенсационно, но самый факт его заключения знаменует собой крупное изменение атмосферы. Ванситтарт рассчитывает, что англо-итальянское сближение, которым Муссолини очень дорожит, окажет влияние и на позицию Италии в испанских делах. По мнению Ванситтарта, Италия за последние две недели проявляла мало активности в Испании. Это он считает хорошим симптомом.

Ванситтарт удовлетворен нашей позицией в испанском вопросе (в частности, поддержкой посредничества), не верит в басню о том, что мы будто бы стремимся к советизации Испании, и намеками даже выражал одобрение той помощи, которую мы оказываем испанскому правительству. По мнению Ванситтарта, было бы очень плохо, если бы Гитлер оказался в Испании победителем. Жаль только, что пока Ванситтарт, видимо, не склонен приложить своей собственной руки к поражению Гитлера и хотел бы, чтобы СССР взял на себя эту нелегкую работу. Под конец Ванситтарт туманно намекал, что неделек через три мы будто бы сможем обсуждать испанские события в более оптимистических тонах, чем сейчас.

Майский

Печат. по арх.

428. Письмо советника Полномочного Представительства СССР в Бельгии Председателю Всесоюзного общества культурной связи с заграницей А. Я. Аросеву

24 декабря 1936 г.

Уважаемый Александр Яковлевич,
Спешу информировать Вас об очередных делах по линии ВОКСовской работы в Бельгии.

1. О праздновании юбилея Пушкина.

Для проведения юбилея Пушкина мы образовали комитет, о составе которого я Вам писал в одном из прошлых моих писем. На днях состоялось первое заседание этого комитета. На заседании явились: депутат Пьерар (социалист), возглавивший комитет, секретарь французского Пен-клуба Буржуа, проф. де Рейль и секретарь Общества культурной связи с СССР Брзифо. Сенатор Вермейлен, бывший ректор Фламандского университета в Генте, Герман Терлиник, советник короля по вопросам искусства и директор Академии декоративных искусств, Франсуа де Бакер, председатель фламандского Пен-клуба, проф. Виктор Боэ (Льежский университет) выразили в письменном виде свое согласие принять участие в комитете. Тов. Рубинии согласился принять на себя «почетный патронаж».

Первое заседание комитета совпало с появлением в здешней печати заметки о том, что русские белые создали свой комитет по празднованию юбилея Пушкина под вице-председательством «известного» поэта Николая Пушкина, проживающего в Брюсселе. Этот комитет разработал план празднования (прилагается) *, по которому некоторые бельгийские государственные учреждения должны выступить на праздновании вместе с русскими белыми. В связи с этим наш комитет получил от двух приглашенных в его состав лиц: проф. Грегуара и Жоржа Рэнси (ассоциация писателей) письма, в которых эти лица заявили, что они не намерены участвовать в работах нашего комитета, так как «патронаж» Рубинна придает комитету политический характер. Для того чтоб Вам было еще яснее, с кем мы вынуждены здесь иметь дело, отмечу, что эти письма произвели на наш комитет очень сильное впечатление и участники заседания высказались за то, что при существующем положении наш комитет должен ограничиться лишь проведением пушкинской выставки и не устраивать никаких других манифестаций.

Узнав об этом решении, мы немедленно его дезапробировали и приняли свои меры. Тов. Рубинн имел длинный разговор с Вандервельде, в результате которого последний признал недопустимость участия бельгийских государственных органов в манифестациях, организуемых белыми, обещал воздействовать на либерального министра народного просвещения г. Хоста в этом же смысле (по последним сведениям Хост полностью принял эту точку зрения) и согласился войти в наш комитет и выступить на торжественном заседании, которое нами будет организовано, с вступительной речью или даже с докладом. Одновременно мы предприняли шаг по привлечению в комитет председателя палаты депутатов, бургомистра г. Антверпена Камилла Гюисманса, с помощью которого предполагаем провести работу по юбилею во Фландрии.

Таким образом, в настоящее время мы имеем вполне отличный комитет по празднованию юбилея и можем рассчитывать с его помощью провести намечаемые нами массовые торжественные заседания в Брюсселе и в других крупнейших городах Бельгии и выставку, которую Вы нам обещали. О последующем я буду Вас регулярно информировать. Надеюсь, что через некоторое время через агентство ТАСС мы сможем дать первое сообщение о работе по подготовке юбилея в Бельгии.

2. Вполне закончеца в настоящий момент подготовка ко второму выступлению — докладу английского юриста

* Не публикуется.

Притта о советской юридической системе и о процессе зиновьевско-троцкистского блока. Доклад назначен на 5 января. О причинах постановки этого доклада я Вам уже писал.

3. Подготовка к выставке детского рисунка продолжается нормально.

4. Что нам сейчас нужно от Вас: 1) своевременно получить обещанную пушкинскую выставку — это самое главное; 2) своевременно получить материалы для выставки гравюры. О других, более мелких текущих наших запросах я пишу т. Граисбергу и т. Мельникову*.

5. За период между почтами имели место следующие культурные выступления: 1) в клубе «Норт сите» был показан фильм «Новый Гулливер», 2) в клубе «Экран» показан фильм «Гроза». Оба показа имели значительный успех — советским кино здесь, как я уже отмечал, очень интересуются. Я получил много лестных отзывов от лиц, которым я послал книгу «Кино в СССР». Думаю, что ВОКС сделал бы прекрасное дело, выпустив книгу о театре в СССР такого же типа. По театру мы, по моему мнению, могли бы собрать даже более интересный материал, чем по кино.

6. В ответ на Ваше письмо о расходовании средств, отпущенных на работу ВОКС, замечу, что 1) к концу года на моем счету не останется ни сантима, так как предстоящие выставки, конференции и юбилей Пушкина поглотят всю наличность. 2) О причинах, по которым я воздерживался от траты отпущенных средств, я Вам уже писал с одной из прошлых почт, и, как я понял из Вашего ответа, наша работа здесь по культурной линии и наметки на дальнейшее были Вами одобрены. Мне кажется, что я поступаю правильно, не расходуя советских денег без крайней необходимости.

С товарищеским приветом

Антонов

Печат. по арх.

429. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

25 декабря 1936 г.

Господни Особый агент,

За последнее время, несмотря на мои неоднократные письменные и устные обращения к Вам, усилилась сознательно на-

* Сотрудницы ВОКС.

правленная к нанесению серьезного вреда существующим между нашими странами отношениям и делу мира антисоветская активность белогвардейских организаций и белогвардейской печати, проводимая при прямом покровительстве и даже содействии маньчжурских властей.

Только 19-го сего декабря я, по поручению Народного Комиссариата по Иностранным Делах СССР, привлекал самым серьезным образом Ваше внимание к тому, что в результате политики Маньчжурского Правительства белогвардейцы и их пресса обиагтели до того, что стали выступать с открытыми призывами к террору против советских представителей*.

Между тем эта гнусная работа белогвардейцев не только не прекращается, но еще более расширяется, принимая явно провокационный характер.

Белогвардейская печать ежедневно пестрит самыми грязными выпадами и призывами против Советского государства и его официальных представителей; радиостанции в Сибирии и Харбине систематически передают аналогичные выступления на русском языке отдельных белогвардейцев; причем это имеет место в то время, когда является общеизвестным наличие в Маньчжоу-Го строжайшей цензуры печати и радиовещания и, больше того, когда сами указания радиостанции являются правительственными. Начиная с 20 декабря в ряде пунктов Маньчжоу-Го имели место сборища белогвардейцев, организованные при прямой поддержке маньчжурских властей и даже открытом соучастии официальных лиц Маньчжоу-Го. На этих сборищах, согласно сообщениям самой местной прессы, произносились прямые призывы против Советского Союза, причем особой и неслыханной наглости достигло поведение белогвардейцев на ст. Маньчжурия, где, участвуя в уличной демонстрации, организованной совместно с официальными лицами Маньчжоу-Го и маньчжурскими властями, они себе позволили выступать против Советского Союза и вождей моей страны с не поддающимися квалификации и совершенно невозможными в культурных странах выпадами, вызывающими глубочайшее возмущение и негодование общественного мнения Советского Союза.

Заявляя самый решительный протест против допущения подобных нетерпимых фактов и возлагая ответственность за последние на Маньчжурское Правительство, я ожидаю, что Вами, г. Особый агент, будут предприняты незамедлительно самые эффективные шаги к тому, чтобы сделать невозможным повторение вышеуказанного.

* См. док. № 423.

Вместе с тем имею честь напомнить Вам, г. Особый агент, что я ожидаю скорейшего ответа на мое письмо от 19-го сего декабря.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, господин Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
М. Славущий

Печат. по арх.

430. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае И. И. Спильванку

26 декабря 1936 г.

На телеграмму от 25 декабря²⁴². Выразите также наше полное удовлетворение тем, что конфликт закончился без кровопролития и без гражданской войны, и заявите еще раз, что мы искренне желаем полного объединения и укрепления всего Китая.

Стомоняков

Печат. по арх.

431. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Б. Е. Сквирскому

26 декабря 1936 г.

На телеграммы от 23 и 25 декабря 1936 г.²⁴³ На данной стадии нас вполне устраивает распоряжение афганского правительства о пропуске скота через прогонно-пропускные пункты. Считаю, что этим снимается вопрос об уже перешедшем скоте в районе Хаджа — Шкурдека.

Сейчас все дело в скорейшем заключении пастбищной конвенции. При переговорах с послем о конвенции выяснилось, что, как и следовало ожидать, самым трудным и единственным вопросом является конфискация эмигрантского скота. Для Вашего сведения сообщаю, что мы предложили правительству применять судебную процедуру конфискации. Если это будет санкционировано, то мы рассчитываем, что на этой базе можно будет договориться с афганцами. Пока что порекомендуйте Наим-хану дать инструкции посольству о скорейшем заключении конвенции теперь же, не дожидаясь возвращения Файза Мухаммед-хана²⁴⁴.

Стомоняков

Печат. по арх.

432. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

27 декабря 1936 г.

Сегодня Чилстон сделал мне предложение по поводу волонтерства. Ваши требования в Комитете об одновременном запрещении волонтерства и введении контроля* вызвали бы значительную задержку в приостановке массового волонтерства, а потому британское правительство надеется, что мы согласимся запретить отъезд и поступление на службу в Испанию наших граждан и провести это мероприятие в начале января, в день, который будет установлен по соглашению между всеми странами, представленными в Лондонском комитете. Это предложение сегодня поддержано французским послом по поручению его правительства.

Я обещал поставить вопрос перед правительством**, а в предварительном порядке сказал, что запрещение без контроля означает дальнейшую посылку волонтеров для Франко и полное прекращение волонтерства для республиканской армии и что повторится история с ввозом оружия. Я сообщил Чилстону конфиденциально, что по нашим достоверным сведениям, итальянское правительство посоветовало Франко в случае согласия Валенсии на контроль максимально оттягивать решение, требуя от Комитета уточнений и разъяснений, и в конце концов контроль отклонить.

Пользуясь случаем, я известил Чилстона о наших решениях касательно правил войны для подлодок, о морском решении и о составе делегации на коронацию. На его вопрос, требуем ли мы предоставления помещения для делегации, я ответил, что такое потребует, вероятно, только для Тухачевского.

Литвинов

Печат. по арх.

433. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Испании Л. Я. Гайкису

*Вне очереди
27 декабря 1936 г.*

К нам и к другим правительствам, представленным в Лондонском комитете обратились английское и французское правительства с предложением согласиться на запрещение

* См. док. № 420, 424.

** См. док. № 437.

отъезда в Испанию своих граждан и поступления их на службу воюющих армий с тем, чтобы эта мера была проведена всеми одновременно в начале января.

Мы уже в Лондонском комитете предлагали одновременно ввести контроль *, против чего возражают англичане и французы, указывая, что введение контроля требует много времени, а прекратить волонтерство желательно немедленно. Без контроля немцы и итальянцы не будут соблюдать запрещения, но все же посылка больших количеств войск будет затруднена; но зато совершенно прекратится приток иностранцев для республиканской армии. Желательно знать отношение к этому Кабальеро и дель Вайо. Срочно сообщите об этом, так как необходимо дать скорейший ответ Англии и Франции **.

Литвинов

Печат. по арх.

434. Протокол [между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о продлении на 1937 год существующего режима рыболовства]

[28 декабря 1936 г.]

Поскольку срок действия Рыболовной Конвенции между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, подписанной 23 января 1928 г. *** и продленной Протоколом от 25 мая 1936 г. ****, истекает 31 декабря 1936 г., и

Поскольку новая Конвенция не будет заключена до 31 декабря 1936 г.,

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Японии настоящим соглашаются, что Рыболовная Конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, равно как и приложенные к ней документы, подписанные 23 января 1928 г., останутся в силе до 31 декабря 1937 г.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими Правительствами по принадлежности, подписали настоящий Протокол.

Совершено в г. Москве, в двух экземплярах, 28 декабря 1936 г., что соответствует 28 дню двенадцатого месяца 11 года Сива²⁴⁵.

Б. Стомоняков

М. Сигемицу

Печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 15, 27 апреля 1937 г., стр. 224

* См. док. № 396, 406.

** См. док. № 436.

*** См. т. XI, док. № 21.

**** См. док. № 167.

435. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

28 декабря 1936 г.

У меня сегодня был Ирве-Коскинен. Говорил о намерениях финляндского правительства улучшить отношения и о данном ему поручении получить у нас подтверждение приглашения, ранее сделанного нами предшественнику Холсти. Министр иностранных дел готов приехать к нам в самое ближайшее время в сопровождении других авторитетных лиц, возможно членов правительства и парламента. Я ответил, что хотя я не помню, чтобы мы делали приглашение Хакселю, но я приветствую заявление о намерении улучшить отношения и весьма ценю предложение о приезде Холсти. Я тем более рад буду видеть его здесь, что знаю его персонально издавна и его преданность Лиге наций. Однако необходимо выбрать для этого визита наиболее подходящий момент, потребуется, может быть, подготовить общественное мнение и, может быть, принятие финляндским правительством некоторых предварительных мер, а также обдумать, не последует ли за визитом повторение антисоветских выступлений печати и финской общественности. Обо всем этом я подумаю и на днях сообщу наш ответ о дате визита Ирве-Коскинену*. На мой вопрос, предполагаются ли визиты Холсти в другие страны, которые могли бы нейтрализовать посещение Москвы, Ирве-Коскинен ответил отрицательно.

Литвинов

Печат. по арх.

436. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

Вне очереди
28 декабря 1936 г.

На Вашу телеграмму от 27 декабря**. Кабальеро и дель Вайо не возражают против принятия предложения Англии и Франции, выдвигая в то же время вновь идею распространения запрета волонтерства также и на Марокко.

Они все же надеются, что этот запрет не приведет на деле к полному прекращению притока иностранной помощи, роль которой нельзя преуменьшать.

Гайкис

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 8—11 февраля 1937 г.

** См. док. № 433.

437. Меморандум Правительства СССР Правительством Великобритании и Франции *

29 декабря 1936 г.

Советское Правительство разделяет тревогу Британского и Французского Правительств, вызываемую развитием событий в Испании, и их опасения, что подобное развитие представляет собою серьезную опасность для мира в Европе **. Советское Правительство считает бесспорным тот факт, что силы мятежников, борющиеся против испанской республиканской армии, состоят в подавляющей части из иностранных элементов, среди которых испанцы играют ничтожнейшую роль. С самого начала борьбы силы мятежников состояли преимущественно из марокканцев и так называемого иностранного легиона. Таким образом, мятеж испанских генералов с самого начала являлся попыткой опрокинуть силами марокканцев и других неиспанских элементов существующий парламентско-демократический строй, созданный волеизъявлением всего испанского народа. В дальнейшем силы мятежников пополнялись также в значительных количествах германскими и итальянскими гражданами. За последнее время означенные граждане стали прибывать в места расположения мятежных сил в массовом порядке специальными пароходами. Сведения, которыми располагает Советское Правительство о характере вербовки этих граждан, об их вооружении и об отправке пароходов, отнюдь не позволяют говорить, что мы имеем дело с волонтерством. Благодаря этому обстоятельству действительно создается та угроза миру, о которой говорил г. Британский Посол.

Советское Правительство считало бы правильным и желательным, чтобы исход борьбы в Испании решался исключительно силами самих испанцев. Если невозможно элиминирование иностранного элемента из рядов борющихся сторон, то представляется вполне целесообразным принять меры к дальнейшему прекращению пополнения рядов борющихся сторон неиспанским элементом. Представитель Советского Правительства в Лондонском комитете еще 4 декабря письмом на имя председателя этого Комитета внес предложение о запрещении так называемого волонтерства и установлении контроля над выполнением этого запрещения ***.

Пример Декларации по запрещению вывоза оружия в Испанию показывает с достаточной убедительностью, что при нынешнем отношении некоторых участников Лондонского ко-

* Вручен М. М. Литвиновым послам Великобритании и Франции в СССР Чилстону и Кулондру 29 декабря 1936 г.

** См. газ. «Известия», 31 декабря 1936 г.

*** См. док. № 396.

митета к международным обязательствам дальнейшие соглашения без одновременного установления контроля над их выполнением могут иметь своим результатом лишь создание преимуществ для мятежников.

Советское Правительство готово присоединиться к англо-французскому предложению о заключении соглашения между государствами, участвующими в Лондонском комитете, о запрещении выезда гражданам этих стран, намеревающимся принять участие в военных действиях в Испании. Советское Правительство считает, однако, необходимым:

1) чтобы участники соглашения изъявили согласие на установление эффективного контроля над выполнением этого соглашения;

2) чтобы те или иные меры контроля были приняты возможно скорее, независимо от согласия или несогласия мятежных генералов;

3) чтобы участники морально обязались до введения контроля следить за прибытием так называемых волонтеров через имеющихся у них на местах официальных и неофициальных агентов и донесения о таких случаях публиковались во всеобщее сведение;

4) чтобы была установлена возможно ранняя дата заключения соглашения, дабы промежуток, отделяющий нас от этой даты, не позволил усилить теперь же отправку в Испанию так называемых волонтеров, и чтобы п. 3 вступил в силу теперь же.

По мнению Советского Правительства, цель, преследуемая британско-французским предложением, будет достигнута лишь при означенных условиях.

*Печат. по арх. Оpubл. в газ. «Известия»
№ 305 (6162), 31 декабря 1936 г.*

438. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поликомочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

30 декабря 1936 г.

Хотя существующие соглашения дают нам формальное право интересоваться пребыванием иностранцев в некоторых местах Персии, мы тем не менее вопрос ставим не в юридической, а в политической плоскости. Мы считаем, что существовавшие ранее между нами и Ираном дружественные отношения дают нам право обратить дружественное внимание нравского правительства на возможные последствия экономического охвата Ирана Германией, ибо экономическая зависимость влечет за собою и политическую. Весь мир ныне убеж-

ден в агрессивности Германии, в подготовке ею мировой войны и в создании ею для этих целей широко разветвленной сети агентур во всех странах. К тому же мы имеем сведения, что в планы германского правительства входит создание специальной агентуры в Иране для совершения диверсионных актов против нас на Кавказе в случае войны. Если мы предостерегаем Иран против того, чтобы он невольно не сделался пособником агрессивных планов Германии, то мы этим отнюдь не покушаемся на суверенность Ирана. Замечания Самии о том, что и мы приглашали германских специалистов, не спрашивая Ирана*, мы считаем неуместным и невежливым. Советский Союз велик, и пребывание в нем нескольких десятков немецких специалистов вдали от Ирана никакого отношения к Ирану иметь не могло. К тому же это имело место до создания в Германии нынешнего агрессивного режима. Нас не интересует приглашение шведских, чехословацких или американских специалистов, но мы не можем относиться индифферентно к созданию в пограничной с нами стране агентур агрессивных стран со специфическими целями.

Иранское правительство должно понимать, что почти всякий немец, посылаемый теперь из Германии, получает определенные задания от полицейских, разведывательных и партийных органов и не вправе ограничиваться лишь работой по своей специальности. Если немцы соглашаются на меньшую плату, чем другие иностранцы, то это объясняется доплатой им со стороны германского правительства за оказание ему специфических услуг. Мы поэтому удивлены и шокированы грубыми ответами, данными Вам Самии на Ваши дружественные представления.

Сообщите Сохейли, что Вы телеграфировали мне о выполненном им поручении Самии и что я в свою очередь поручил Вам заявить ему вышеизложенное. Можете то же самое повторить и Даверу и, если считаете нужным, самому Самии²⁴⁶.

По поводу визитов** можете указать, что Форуги и др. были в Москве проездом в другие страны, а Персия не лежит на нашем пути и ездить туда надо специально.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 368.

** См. т. XVIII, док. № 239, 364; газ. «Известия», 13—16 сентября 1932 г., 16, 17, 21 октября 1935 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Из доклада Председателя СНК СССР на 11 сессии ЦИК СССР 7-го созыва ²⁴⁷

10 января 1936 г.

III. Международное положение, нарастание угрозы войны и наша политика

Перехожу к вопросам международной политики.

Взаимоотношения Советского Союза с другими странами развивались в истекшем году в общем нормально. В подавляющем большинстве случаев наши взаимоотношения с иностранными государствами развивались в хорошем для дела мира направлении. Во всяком случае все, что зависело от Советского правительства, было сделано для укрепления дела всеобщего мира, и прежде всего для укрепления мира в Европе и в Азии.

Сейчас нет необходимости подробно говорить о взаимоотношениях СССР с отдельными странами. По сравнению с периодом VII съезда Советов здесь не произошло каких-либо существенных изменений, а на отдельных важных моментах мне еще придется остановиться в дальнейшем.

В качестве примера, характеризующего смысл внешней политики Советского Союза, можно указать хотя бы на наши взаимоотношения с непосредственными соседями, с пограничными государствами.

На протяжении всех наших громадных сухопутных границ на западе, на юге и на востоке, составляющих в общей сложности около 20 тыс. км, расположено достаточно больших, средних и малых государств, и не всегда таких дружественных к СССР, как, скажем, Турция. Ни одно из этих государств за все это время не имело оснований испытывать какое-либо беспокойство с нашей стороны. Напротив, даже самые малые государства, в том числе и те, политика которых нередко **входит** под нажимом антисоветских сил более крупных империалистических держав, не имели и не имеют повода выразить беспокойство в отношении Советского Союза. Придется, впрочем, особо остановиться на наших взаимоотношениях по линии

дальневосточных границ, где в связи с оккупацией Маньчжурии Японией создалось, как известно, особое положение.

С точки зрения обеспечения мира в Европе Советское правительство, а также правительства Франции, Чехословакии и некоторых других государств придавали особое значение заключению так называемого Восточноевропейского пакта о взаимопомощи, который по проекту Франции должны были подписать, кроме СССР, Франции и Чехословакии, также Германия, Польша, Латвия, Эстония и Литва. Однако ввиду противодействия Германии, а вслед за нею и Польши Восточноевропейский пакт о взаимопомощи не имел успеха.

Это не помешало тому, что в мае месяце прошлого года был подписан советско-французский договор о взаимной помощи. Во время приезда в Москву Лаваля *, теперешнего премьер-министра Франции, было снова подтверждено совместное желание СССР и Франции содействовать осуществлению регионального Восточноевропейского пакта в составе ранее намечавшихся государств и содержащего обязательства ненападения, консультации и неказания помощи агрессору.

Вслед за этим был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией. При этом представители Советского Союза и Чехословакии заявили, что считают как договор СССР с Францией, так и договор СССР с Чехословакией лишь частичной реализацией задачи обеспечения мира в Восточной Европе **.

В известном сообщении о беседах, происходивших в Москве с г. Бенешем, теперешним президентом Чехословакии, было указано, что представители обеих стран в настоящее время придают исключительное значение «действительному осуществлению всеобъемлющей коллективной организации безопасности на основе неделимости мира» **. На почве этой политики стояло и стоит правительство Советского Союза.

Отмечу еще визит в Москву г. Идена, теперешнего министра иностранных дел Великобритании. Значение этого визита видно уже из того, что беседы представителей СССР с Иденом позволили установить, что «в настоящее время нет никакого противоречия интересов между обоими правительствами ни в одном из основных вопросов международной политики» ***. Следовательно, налицо имеются благоприятные предпосылки для дальнейшего развития англо-советских отношений.

Отношения Советского Союза с Соединенными Штатами Америки развивались в общем нормально, главным образом в торгово-экономической области. Наряду с этим нельзя пройти

* См. т. XVIII, док. № 224.

** См. т. XVIII, док. № 264.

*** См. т. XVIII, док. № 135.

мно повторяющихся попыток искусственно раздувать анти-советские кампании в некоторой части американской печати, что делается определенными реакционными и склонными к фашизму кругами с целью подрыва политики сближения между СССР и США, которое имеет огромное значение с точки зрения сохранения всеобщего мира.

В истекшем году установлены дипломатические отношения СССР с Бельгией, Люксембургом и Колумбией*.

С другой стороны, правительство Уругвая под давлением бразильских и, говорят, также кое-каких европейских реакционеров прервало дипломатические отношения с Советским Союзом**.

Если поверить господам уругвайцам, то можно подумать, что Советскому правительству нечем больше заниматься, как внутренними делами Бразилии и Уругвая, в которых господа бразильские и уругвайские правители, видимо, неважно разбираются, если валят свои беды на других. Если вы читали новогодний фельетон Демьяна Бедного «Политический Гаврик»***, в котором дано достаточное разъяснение уругвайского инцидента и связь его с вопросом об уругвайском сыре**** и пр., то на господах уругвайцах больше можно не останавливаться.

Однако Советское правительство не может проходить мимо таких актов, хотя бы и со стороны Уругвая, которые являются не только совершенно необоснованными в отношении нашего государства, но и являются прямым нарушением Пакта Лиги наций, в которую входят как СССР, так и Уругвай. Поэтому Наркоминдел обратился в Лигу наций с жалобой на действия уругвайского правительства, выразившиеся в разрыве дипломатических отношений с СССР без предварительной передачи спора на разрешение арбитражного суда или Совета Лиги, как это требуется Уставом Лиги наций*****.

Перехожу к взаимоотношениям с Германией и Японией, которые привлекают к себе, по понятным причинам, особое внимание трудящихся нашей страны.

Начну с Германии.

Скажу прямо, Советское правительство желало бы установления более хороших отношений с Германией, чем те, которые существуют теперь. Нам это кажется бесспорно целесообразным с точки зрения интересов народов и СССР, и Германии. Но осуществление этой политики зависит не только от нас, но также и от правительства Германии.

* См. т. XVIII, соответственно док. № 318, 347, 285.

** См. т. XVIII, док. № 457.

*** См. газ. «Правда», 1 января 1936 г.

**** См. т. XVIII, док. № 439.

***** См. т. XVIII, док. № 458, а также газ. «Известия», 25, 26 января 1936 г.

А в чем заключается внешняя политика теперешнего германского правительства? Об основном направлении этой внешней политики я говорил на VII съезде Советов*, когда цитировал программную книгу Гитлера «Моя борьба», распространенную в Германии в миллионах экземпляров. В этой книге Гитлер прямо указывает на необходимость перехода «к политике территориальных завоеваний». При этом Гитлер без стеснения заявляет: «Когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства».

С тех пор, как были прочитаны эти заявления Гитлера с трибуны съезда Советов, германское правительство не сделало никакой попытки к отказу от этих планов захвата в отношении Советского Союза и, наоборот, своим молчанием полностью подтвердило, что указанные заявления Гитлера остаются в силе. Для нас это не было неожиданностью. Зарвавшиеся в своих планах господа национал-социалисты ведут подготовку, как всем известно, именно в этом захватническом направлении, хотя и не в одном этом направлении.

Эта преступная пропаганда захватов чужих территорий имеет уже и новых последователей за пределами Германии. Находятся уже всякие подголоски германского капитала и в соседней Польше, вроде пана Студницкого** и безголовых панов из краковской газеты «Час», которые настолько распоясались, что открыто болтают в печати о захвате некоторых территорий СССР***, что в пьяном бреду снилось разным чудакам уже не раз. Подобные же бредни не чужды некоторым элементам соседней с нами Финляндии, все больше ориентирующейся на наиболее агрессивные империалистические государства.

Всем известно, что германский фашизм не ограничивается только простой выработкой захватнических планов и готовится действовать в ближайшее время. У всех на глазах германские фашисты превратили попавшую сейчас в их распоряжение страну в военный лагерь, который благодаря своему расположению в самом центре Европы и является угрозой отнюдь не только для Советского Союза. Если даже не говорить о других странах, то кому не известно, что, например, над Чехословакией, никому из своих соседей не угрожающей и занятой мирным трудом, что над ней уже нависла черная туча германского фашизма, обтыканного солдатскими штыками и жерлами пушек, оснащенного всеми возможными и вчера еще невозможными отравляющими и поражающими людей химическими

* См. т. XVIII, док. № 27.

** См. т. XVII, прим. 152.

*** См. газ. «Известия», 29 мая 1935 г.

припасами, быстроходной и для неожиданности нападения бесшумной военной авиацией, снаряженного всем тем, что превращает теперешнюю войну в массовое убийство не только солдат на фронте, но и простых мирных граждан, женщин и детей.

Все это представляет растущую опасность для мира не только в Европе.

Насколько противоречиво положение в современной Германии, видно из следующего.

Наряду с беспардонной антисоветской внешней политикой определенных правящих германских кругов по инициативе германского правительства Советскому Союзу был предложен и 9 апреля 1935 г. подписан договор между Германией и СССР о кредите в 200 млн. марок на пятилетний срок *. Этот кредит в общем успешно нами реализуется, как и пятилетний кредит в 250 млн. крон, предоставленный нам в прошлом году Чехословакией **. В последние месяцы представители германского правительства ставили перед нами вопрос о новом, более крупном кредите — уже на 10 лет ***. Хотя мы не гоняемся за иностранными кредитами и в отличие от прошлого времени в значительной мере уже перешли за границы на покупки за наличный расчет, а не в кредит, мы не отказывались и не отказываемся обсудить и это деловое предложение германского правительства.

Развитие торгово-экономических отношений с другими государствами, независимо от временного господства в них той или другой политической силы, отвечает политике Советской власти. Мы думаем, что это отвечает и интересам германского народа, а сделать практические выводы из этого, разумеется, — дело правительства Германии.

Наконец, о взаимоотношениях с Японией.

Свое миролюбие и уступчивость Советский Союз демонстрировал заключением соглашения о продаже Китайско-Восточной железной дороги Маньчжурии. Соглашение о продаже КВЖД подписано в марте прошлого года ****. Дорога передана японо-маньчжурским властям. Выплата Советскому Союзу полагающихся за КВЖД сумм и покупка на них в Японии и Маньчжурии товаров идет нормально. По всем другим практическим вопросам Советский Союз также находил до сих пор пути к соглашению с Японией.

Однако остается нерешенным главный вопрос во взаимоотношениях СССР с Японией. От сделанного нами три года тому назад предложения о заключении советско-японского договора

* См. т. XVIII, док. № 172.

** См. «Сборник действующих торговых договоров...», вып. I, М., 1935, стр. 289—295.

*** См. т. XVIII, док. № 291.

**** См. т. XVIII, док. № 134.

о ненападении * Япония до сих пор уклоняется. Такое поведение нельзя не считать подозрительным.

С другой стороны, попытки новых и новых нарушений наших границ со стороны японо-маньчжурских военных отрядов не прекращаются и не сокращаются. Укажу хотя бы на инцидент, имевший место 12 октября в районе Ново-Алексеевки, когда на советскую территорию на расстоянии свыше 1—2 км от линии границы перешло около 50 японо-маньчжурских солдат, открывших ружейный и пулеметный огонь по нашим пограничным нарядам. В результате перестрелки с нашей стороны был убит пограничник, командир отделения Котельников и ранено двое других пограничников. Получив энергичный отпор и понеся соответствующие потери, нарушители границы вернулись на маньчжурскую территорию, но провокационный характер таких инцидентов понятен и без дальнейших пояснений **.

Вот еще один пример поведения представителей японского правительства, причем это поведение тоже не укладывается в рамки нормальных отношений.

Прошло уже почти полгода, как наш посол в Японии г. Юрнев передал проект соглашения о советско-японо-маньчжурских пограничных комитетах ***, которые могли бы рассматривать и ликвидировать пограничные инциденты. Но до сих пор на наш проект японское правительство не дало своего ответа.

Говорят, что определенным кругам японской военщины нужны были пограничные инциденты на советской границе для того, чтобы отвлекать чье-то внимание от ее хозяйничанья в Маньчжурии и от тех экспансионистских действий, которые проводятся ею в Северном Китае и вообще на территории Китайской республики. Будто бы также эти и подобные им пограничные инциденты нужны кое-кому в Японии для того, чтобы продемонстрировать перед внешним миром «твердость» и «силу» японской политики. Ясно одно, что игра с огнем вдоль наших дальневосточных границ не прекращается и что японская военщина подбирается к нашим границам как непосредственно, так и через другие территории.

За последнее время появились сообщения о заключенном между Японией и Германией военном соглашении **** и о связи с этим делом Польши. Ничего неожиданного для нас в этом нет. Недаром как Япония, так и Германия вышли заблаговременно из Лиги наций, чтобы развязать себе руки, и по понятным причинам во всем мире считаются наиболее агрессивными по своей внешней политике державами.

* См. т. XIV, док. № 401; т. XVI, док. № 2.

** См. т. XVIII, док. № 380.

*** См. т. XVIII, прим. 187.

**** См. т. XVIII, прим. 262, а также док. № 370, 402 настоящего тома.

Фашистские правители Германии пытаются иногда отвести глаза наивных людей от своих захватнических планов в отношении Советского Союза тем, что ссылаются на отсутствие общих границ между Германией и СССР. Но мы знаем, с другой стороны, что Германия, поощряемая некоторыми иностранными державами, лихорадочно готовится занять господствующее положение в Балтийском море и вошла в особые отношения с Польшей, имеющей достаточно большие границы с Советским Союзом.

Поэтому как в отношении восточных, так и в отношении западных границ мы должны поставить на должную высоту дело обороны.

За последние годы сделано в этом отношении не мало. Но там, где дело касается защиты мирного труда рабочих и колхозников нашей страны от нападения извне, там, где идет речь об обороне наших завоеваний и великого социалистического строительства, мы на достигнутых результатах по обороне не можем успокоиться.

Мы должны безотказно найти все необходимые для этого материальные средства, и поэтому нам необходимо в этом году значительно увеличить ту часть государственного бюджета, которая связана с обороной страны. Мы вырастили крепкую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и должны теперь еще упорнее работать над тем, чтобы вся наша армия состояла из преданных и знающих до конца свое дело бойцов — летчиков, артиллеристов, химиков, танкистов, стрелков и бойцов всех других необходимых видов оружия. Мы ввели личные звания для начальствующего состава Красной Армии, чтобы еще больше укрепить и поднять значение руководящих кадров нашей армии. Только такая Красная Армия будет с честью служить делу мира, делу обороны границ Советского Союза, делу социализма.

Нам нужно укреплять и дальше нашу Красную Армию и вместе с тем использовать всякую возможность для поддержания мира и для разъяснения трудящимся всех стран нашей особой принципиальной линии в международной мирной политике.

Наше вхождение в Лигу наций отнюдь не означает, что отныне не существует коренного, принципиального отличия советской международной политики от политики капиталистических держав. На примере итало-абиссинской войны мы уже видим обратное.

Итало-абиссинская война — типичная империалистическая война за колонии. Итальянский фашизм открыто защищает политику захвата Абиссинии и превращения ее в итальянскую колонию. Считая себя державой, обиженной по части колониальной добычи, которую делили между собой главные импе-

риалистические государства после окончания мировой войны, Италия начала новую войну, чтобы силой оружия расширить свои колониальные владения за счет Абиссинии. Фашистская Италия выступает в данном случае в качестве застрельщика нового частичного передела мира, что чревато большими событиями и многими неожиданностями для господствующих капиталистических классов в Европе. Фашистское правительство требует при этом от других империалистов и от Лиги наций в целом поддержки ее колониального наступления.

На отношении держав к итало-абиссинской войне демонстрируется действительная политика. В первую очередь здесь надо иметь в виду крупные, решающие державы.

С поверхностной точки зрения может показаться, что между этими державами существуют разногласия принципиального значения в отношении к политике колониального захвата. На самом деле это, конечно, не так. Различие в позиции отдельных капиталистических государств, участвующих в Лиге наций, сводится отнюдь не к принципиальной разнице в отношении колониальных захватов. Это различие объясняется прежде всего разной заинтересованностью отдельных крупных держав в степени усиления империалистического могущества Италии. Это можно сказать также и в отношении держав, не входящих в Лигу наций. Среди капиталистических держав нет таких держав, которые ставили бы независимость той или другой слабой страны выше интересов своего корыстного участия в дележе колоний.

Только Советский Союз занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию, чуждую всякому империализму, чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия*. Эта политика Советского Союза, принципиально отличающая его от других членов Лиги наций, имеет исключительное международное значение и еще принесет свои большие плоды.

Советский Союз продемонстрировал в Лиге наций свою верность этому принципу, принципу государственной независимости и национального равноправия всех государств, на примере одной из малых стран — Абиссинии. Советский Союз использовал также свое участие в Лиге наций для того, чтобы на практике проводить свою линию в отношении империалистического агрессора.

* См. т. XVIII, док. № 357, 362.

Первый же год участия Советского Союза в Лиге наций полностью подтвердил правильность нашего решения о вступлении в Лигу. При всех недостатках, которые присущи Лиге наций как организации капиталистических государств, Лига в известной мере выполняла сдерживающую роль в отношении поджигателей войны, в отношении агрессора. Можно и должно критиковать Лигу наций за то, что она не принимала достаточных мер, например, в связи с итало-абиссинской войной, в отношении которой Лига должна была в конце концов сказать свое мнение об агрессоре. Следует также признать, что Лига ничего не сделала для предупреждения этой войны. Однако нельзя не видеть того факта, что в данном случае Лига наций стесняла не тех, кто служил делу мира, а тех, кто хотел помочь агрессору. В этом свете надо рассматривать участие СССР в решениях Лиги по вопросу об итало-абиссинской войне и, в частности, в проведении экономических санкций в отношении Италии, которая была признана Лигой агрессором.

Итало-абиссинская война показывает, что угроза мировой войны все больше нарастает, все больше захватывает Европу.

Эта война только еще началась, и сейчас невозможно предвидеть, когда и чем она кончится. Кому, однако, не видно, что итальянский фашизм поставил большую ставку в этой игре.

Тот факт, что не задачи внутреннего хозяйственного и культурного подъема, а рискованную войну за новые колонии господствующие силы Италии рассматривают как главный путь к своему дальнейшему усилению, говорит сам за себя. Даже теперь, когда капиталистические страны в большей или меньшей мере, — весьма, впрочем, неравномерно, — выходят из экономического кризиса последних лет, — даже теперь они уже сами не верят в возможность значительного роста своих сил на основе развития своих внутренних сил. Только в этой связи можно понять развязку новых империалистических войн за колонии. В этом же и глубокая основа итало-абиссинской войны.

Такие страны, как Япония и Германия, а теперь и Италия, уже вышли или готовы завтра выйти на авансцену новой схватки между империалистическими державами всего мира. Нет такого капиталистического государства, которое не было бы затронуто в той или иной мере активностью внешней политики указанных трех держав. В этой международной обстановке особенно велика ответственность Советского Союза.

Тот, кто ввязывается в новую империалистическую войну, может успеть сломать себе шею и до осуществления своих захватнических планов. Не исключено такое положение, что расчеты империалистических клик на пассивность народных масс могут провалиться в самый неожиданный момент, как это уже бывало раньше. Нам, большевикам, не трудно понять такого

рода стремления народных масс. Мы знаем также, что народным массам капиталистических стран чужды захватнические планы империалистов всех мастей, особенно же империалистов фашистского лагеря.

Но мы, трудящиеся Советского Союза, должны рассчитывать в защите своего дела на свои силы, а в обороне нашей Родины — прежде всего на свою Красную Армию. Мы примем все меры к тому, чтобы еще и еще раз подорвать возможность внешнего нападения на нашу страну со стороны империалистов. А если все же нападут, мы не сомневаемся, что наша Красная Армия даст им должный отпор.

Рабочий класс России вместе с революционным крестьянством сбросил со своей шеи помещиков и капиталистов и помог национальному освобождению всех народов бывшей царской империи. Теперь трудящиеся Союза Советских Социалистических Республик в дружном труде строят новую жизнь, идут действительно к счастливой жизни.

И после этого все еще находятся господа империалисты, которые живут мечтой насильно оседлать свободные народы Советского Союза и посадить нам на шею иностранных помещиков и капиталистов. Мы скажем на это: господа хорошие, протрите глаза, вы опоздали родиться!

Мы пережили в свое время трудную пору иностранных военных интервенций, но тогда мы были слабы, голодны и еще по-настоящему не успели глотнуть чистого воздуха. Но и тогда империалистические планы разгрома нашего государства провалились с треском.

С тех пор дело в нашей стране круто изменилось.

Народное хозяйство уже не похоже на то, что было 10—15 лет тому назад. Проведена техническая реконструкция всех важных отраслей промышленности и уже выросли на этой новой базе новые люди, освоившие технику и по-стахановски быстро двигающиеся вперед производительность социалистического труда.

С тех пор до основ перестроилась самая отсталая часть нашей страны — деревня. Колхозы и ликвидация последнего капиталистического класса — кулачества закрепили дело ликвидации классов в нашей стране. Вместе с уничтожением последних капиталистических классовых прослоек в деревне, которые, как мелкие паразиты, были особенно живучи, все доходы нашей страны идут целиком в руки трудящихся и их государства. Улучшилась жизнь, и теперь, как никогда, широко распахнулись двери к счастливой, культурной жизни для народов нашего Союза. Первыми плодами нашей победы мы уже пользуемся и видим, что впереди нас ожидает невиданный рост материального благосостояния и культуры всех народов Советского Союза.

И даже после этого не перевелись еще на свете такие господа, которые в слепой ненависти к новому миру строят планы захватов и расчленения Советского Союза. Ну, что им на это сказать? Мы действительно появились на свет без разрешения этих господ и безусловно против их воли... *

Значит, пришло время, когда старый мир должен уступить дорогу новому миру.

*Печат. по кн. 12-я сессия ЦИК Союза ССР
7-го созыва. Стенографический отчет,
10-17 января 1936 г., бюллетень № 1,
М., 1936, стр. 37-37.*

2. Выступление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов

28 ноября 1936 г.

Товарищи делегаты съезда, позвольте раньше всего предупредить вас, что я выступаю здесь сегодня не с обзором международного положения, ибо такого пункта в порядке дня съезда не имеется, а по докладу о проекте конституции. Тов. Сталин отметил интерес, которого заслуживает заграничное общественное мнение о проекте конституции, и я, как человек, сидящий у окошка, выходящего за границу, хочу поделиться с вами некоторыми мыслями на эту тему.

Тов. Сталин дал блестящий и остроумнейший анализ заграничной критики проекта конституции. Надо, однако, признать, что проект конституции был встречен за границей не только критикой, не только сомнениями и скептицизмом, но и поощрительными и хвалебными отзывами. В некоторых кругах заграничного общественного мнения проявилась склонность покровительственно похлопывать нас по плечу, как вернувшегося в свою семью раскаявшегося блудного сына. Вернулся-де Советский Союз к европейскому демократизму, к буржуазным свободам. В этот вопрос я хочу внести некоторые уточнения.

Насчет сущности демократизма и буржуазных свобод мы, марксисты, всегда были особого мнения. Это мнение выразил т. Сталин, когда он в своем докладе сравнивал свободы, предоставляемые советской конституцией, с одноименными, но отнюдь не равнозначными буржуазными свободами. Но беря даже эти свободы в их условном, ограниченном значении, в котором они в конце XVIII и в течение XIX века играли несомненно крупнейшую прогрессивную роль и ими по праву гордилась буржуазия со времени французской революции, мы, кажется, теперь можем говорить о них, как о чем-то отходящем в прошлое.

* Многоточие в документе.

В самом деле, из 26 европейских буржуазных стран так называемый демократизм и буржуазные свободы сохранились едва ли больше, чем в 10 странах. Остальные 16 стран, т. е. две трети буржуазной Европы, имеют режим фашистской или полуфашистской диктатуры. Иной раз разница между фашистскими и полуфашистскими странами не качественная, а количественная. Это скорее разница оттенков или даже лишь внешних признаков. Одни страны открыто объявляют себя фашистскими, другие же, подражая во всем своем политическом и социальном устройстве фашистским странам, по соображениям внутренней, а иногда и внешней политики предпочитают избегать фашистского названия.

Как выглядят демократизм и свободы в фашистских странах, рассказывать не приходится. Фашизм сам хвастает тем, что он является отрицанием демократизма и всяческих свобод. Ибо что представляет собой фашизм? Я хотел бы дать ему не философское или научное, а житейское, общепонятное и в то же время верное определение. Мы с вами знаем, товарищи, какие противоречия разъедают буржуазное общество. Эти противоречия не только неустранимы, но они неизбежно растут и множатся. Они особенно обострились в результате мировой войны и получили яркое выражение в экономическом кризисе, начавшемся в 1929 г. В некоторых странах ни одной из буржуазных партий, сменявшихся у власти, не удалось справиться с этим кризисом. На этой почве росло недовольство граждан. И вот является на политической сцене или «посылается провидением» гениальный человек, который берется вывести государство из затруднительного положения, не посягая на его устои. В ход им пускается средство столь же «гениальное», сколь и простое. Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных: достаточно запретить гражданам выражать недовольство, лишить их всех средств выражения мыслей, желаний и требований, лишить их газет, собраний, союзов, партий, а для упорствующих и особо провинившихся в прошлом выстроить и приспособить определенное количество тюрем и концентрационных лагерей, и также виселиц и плах, а часть населения, вследствие ненадлежащего ее происхождения, объявить вне закона и отдать на поток и разграбление другой части населения. Это и называется фашизмом! Где же тут место демократизму и свободам?

Но вы, может быть, скажете, что этот метод обуздания граждан не может претендовать на оригинальность, а те из вас, кто читал писателя Глеба Успенского, пожалуй, вспомнят, что метод этот вполне укладывается в классическое правило будочника Мырещова «тащить и не пущать». Кое-кто из вас, пожалуй, скажет, что прототипом фашистской партии надо

считать хорошо знакомый нашему старшему поколению «Союз русского народа» или «Союз Михаила-архангела». Я с вами, товарищи, спорить не буду. Я хотел лишь дать вам представление о состоянии свобод в образцовом фашистском государстве, к которому более или менее приближаются фашистские или полуфашистские страны. Особенностью некоторых таких полуфашистских стран надо считать господствующее влияние военщины, дающей приказания официальному правительству, угрожающей ему террором, а иногда и террор осуществляющей и являющейся фактическим хозяином государства. Из слуги государства, каковой как будто должна быть армия в демократическом государстве, она фактически превращается в его повелителя.

Как мною уже было сказано, в Европе все же осталось стран 10, которые сохранили еще чистоту демократических риз. Сохранили? Да, но надолго ли сохранят, вот в чем вопрос. Во всяком случае, в этих странах, под влиянием и благодаря щедро оплаченной агитации фашистских стран, нарождаются и крепнут элементы, открыто проповедующие уничтожение остатков демократизма и демократических свобод. В большинстве этих стран практически уже ставится вопрос о запрещении той или иной партии, причем такими партиями обыкновенно оказываются, конечно, партии рабочего класса и крестьянства, партии недовольных. Искусственное подавление недовольных и лишение их возможности объединения, как мы видели, и есть начало фашизма. Бывает, что правительство, опирающееся на огромное большинство населения и на большинство в парламенте, буквально терроризируется и вынуждается прислушиваться преимущественно к голосу меньшинства, если только последнее имеет в своем распоряжении достаточное количество бойких и горланцистых органов печати. Голос таких газет выдают за общественное мнение страны, а насколько это соответствует действительности, мы недавно видели на примере выборов в Соединенных Штатах Америки. 90 процентов печати этой страны выступало против президента Рузвельта. Можно было думать, если считать газеты выразителем общественного мнения, что вся страна против г. Рузвельта. Тем не менее г. Рузвельт одержал на выборах блестящую победу, получив подавляющее большинство голосов. Совершенно ясно, что общий голос прессы, претендующей быть выразителем общественного мнения страны, представляет иногда ничтожное меньшинство, а то — лишь несколько газетных магнатов или несколько промышленных трестов, финансирующих эти газеты. Тем не менее подобные газеты зачастую оказывают огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, парализуют действия демократического правительства. Крупным фактором, давящим на политику даже в демократических

странах, иногда является и верхушка военщины. Вряд ли такое положение действительно отвечает понятию демократии. Если же в такой стране находятся честные радикальные элементы, которые вместе с рабочими и крестьянами пытаются отстоять демократический строй и свободы, то они подвергаются ожесточенной атаке со стороны собственных фашистских элементов, а то и насильственно опрокидываются своей военщиной, которой приходят на помощь фашистские и полуфашистские страны. Блестящий пример этому мы видим в Испании, имевшей правительство, вышедшее из всеобщих выборов, произведенных по всем правилам буржуазного демократизма. Но так как это правительство провозгласило программу охраны демократизма, охраны свобод, охраны парламентаризма, то против него восстала кучка генералов и офицеров, поддержанная иностранными фашистскими правительствами, и пытается его опрокинуть под лозунгом фашизма. Но всего характернее то, что эта открытая организованная борьба встречает сочувственное отклонение и даже существенную поддержку со стороны демократических государств.

Вот, товарищи, какова судьба демократизма и буржуазных свобод ныне в Европе и вот почему мы не можем чувствовать себя особенно польщенными, когда нам говорят в связи с проектом конституции, что мы возвращаемся в лоно европейского демократизма, к буржуазным свободам. Правильнее будет сказать, что мы берем выпадающее из слабых рук дряхлеющей буржуазии знамя демократизма, знамя свобод и наполняем эти понятия новым, богатым, советским содержанием.

Становясь оплотом демократизма и свободы, Советский Союз не призывает, однако, к созданию международного блока для борьбы с фашизмом, отрицающим демократию и свободу. До внутреннего фашистского режима тех или иных стран нам, как государству, дела нет. Наше сотрудничество с другими странами, наше участие в Лиге наций основаны на принципе мирного сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической, причем мы считаем, что в последнюю укладывается и фашистский строй. Но фашизм теперь перестает быть внутренним делом исповедующих его стран. Было время, когда родоначальник фашизма, г. Муссолини, заявлял, что фашизм не есть предмет экспорта. Надо отдать справедливость г. Муссолини, что он в течение многих лет был верен этому заявлению и борьба за распространение фашизма за пределы Италии не составляла элемента его внешней политики, но это длилось лишь до тех пор, пока фашизм г. Муссолини не двинулся в Берлине курса усовершенствования или, как у нас говорят, переквалификации и не оплодотворился теориями германского так называемого национал-социализма. В отличие от итальянского фашизма германский национал-социализм, как

только он обосновался внутри своей страны, перенес свою деятельность и за ее пределы. Документально установлено, что деятельность национал-социалистской партии, которая имеет свою широко разветвленную агентуру почти во всех странах, не сводится в этих странах, как нас в этом хотят уверить официальные представители фашизма, к социальному и культурному обслуживанию членов этих агентур. Установлено, что эти агентуры ведут широкую фашистскую агитацию среди граждан стран своего пребывания, активно вмешиваются во внутреннюю политику этих стран, направляют одни партии против других, создают и финансируют органы печати, не брезгают разведывательной деятельностью и не останавливаются даже перед террористической, отнюдь не считаясь с законами стран, дающих им гостеприимство. Подобная агентура недавно раскрыта и в нашем Советском Союзе. Нас, однако, ни в малейшей мере не пугает и эта заграничная деятельность фашизма. Она представляет действительную и большую угрозу для других стран, для самого их существования, но не для нас. Мы легко справимся с ней на советской территории собственными силами, и мы не станем просить для борьбы с нею иностранной помощи и заключать для этого международные союзы и соглашения.

Более серьезной представляется заграничная деятельность фашизма, когда она принимает такие формы, как, например, в Испании. В настоящее время не подлежит никакому сомнению, что после разгрома правых партий на демократических выборах в Испании, выявивших доверие и преданность народа испанскому правительству, вышедшему из этих выборов, мятежные генералы не посмели бы поднять бунт против этого правительства, если бы им заранее не была обещана поддержка германского или итальянского фашизма, а то и обоих вместе. И эта поддержка была не только обещана, но и оказана. Призыв генералов к бунту не нашел отклика среди солдат и матросов испанской армии, и генералы вынуждены были прибегнуть к помощи марокканцев и иностранного легиона, т. е. легиона, который вербуются из международных авантюристических и уголовных элементов. С этими силами ген. Франко выступил против испанского народа, с ними он наступает на столицу Испании. Но и эти силы, расположенные в Марокко, не могли бы быть перевезены в Испанию, если бы в распоряжение Франко не были предоставлены германские и итальянские самолеты и военные корабли. Заметьте, что Германия и Италия в то время еще поддерживали дипломатические отношения с испанским правительством, и их вмешательство во внутреннюю борьбу Испании являлось вопиющим нарушением с их стороны элементарнейших международных обязательств. Германский фашизм, драпнующийся в тогу защитника арий-

ской расы, по-видимому, не испытывает никакой совестливости от того, что ему приходится вести в бой против арийского испанского народа неарийских мавров. Германия и Италия без всяких стеснений заявляют, что они поддерживают ген. Франко, потому что они не хотят иметь в Испании демократического правительства, правительства единого фронта и что они хотят видеть там обещанное им ген. Франко правительство, основанное на фашистских началах. Само собой разумеется, что Германия и Италии отнюдь не нужен в Испании фашизм ради фашизма, ни утверждение какой-нибудь идеологической доктрины. Фашизм является в данном случае средством для достижения совершенно других, отнюдь не идеологических целей.

По инициативе Франции и Англии, по мотивам предотвращения возможных международных осложнений, угрожающих миру, было подписано международное соглашение о невмешательстве в испанские дела поставкой правительству или мятежникам каких бы то ни было военных материалов. Это предложение несомненно шло вразрез с обычными представлениями о международных отношениях, допускающих поставку любого оружия одним правительством другому признанному им правительству и запрещающих такие поставки мятежникам в какой-либо стране, с которой поддерживаются дипломатические отношения. Тем не менее, учтя официальные мотивы, которыми было обосновано это предложение, Советское правительство присоединилось к нему. Оно полагало к тому же, что по существу это соглашение, будучи всеми лояльно соблюдаемо, не нанесет ущерба испанскому правительству, ибо предложенный самому себе ген. Франко не имел бы никаких шансов предотвратить подавление мятежа. Повторяю, что само собой понятной предпосылкой нашего присоединения к соглашению было лояльное выполнение его всеми его участниками. Германия и Италия, а также фашистская Португалия долго задерживали свой ответ на предложение о присоединении к соглашению о невмешательстве, под разными предлогами затягивали переговоры на эту тему и использовали выигранное таким образом время для ускоренного обильного снабжения ген. Франко авиацией, танками, артиллерией и другими предметами вооружения. Это необходимо было им для того, чтобы в дальнейшем, в случае обнаружения в Испании вооружения германских и итальянских марок, можно было оправдаться тем, что оно попало в Испанию до подписания соглашения. Но вот соглашение подписано и фашистскими странами. Недели шли за неделями, и СССР, Франция, Англия и другие государства лояльно и скрупулезно выполняли свои обязательства в то время, как Германия и Италия, со свойственным им пренебрежением к международным обязательствам, тайно, используя для этого преимущественно португальский плацдарм, про-

должали снабжать ген. Франко всеми видами военного и морского вооружения. Это снабжение стало притчей во языцех. Об этом писали корреспонденты иностранных газет всех политических направлений, не исключая самых правых. Об этом рассказывали многочисленные очевидцы и свидетели. Это несомненно было известно и находившимся в соответственных портах иностранным консулам, донесения которых, к сожалению, до сих пор не опубликованы. Наконец, испанское правительство формально заявило в Лиге наций и в нотах на имя отдельных государств о военных поставках ген. Франко, вдвойне незаконных: во-первых, с точки зрения обычного права и, во-вторых, в силу состоявшегося международного соглашения. Советское правительство тогда обратилось к Лондонскому комитету послов*, который, как казалось ему, был создан для обеспечения соблюдения всеми участниками соглашения принятых ими на себя обязательств и расследования случаев их нарушения. Мы, однако, ошиблись. Лондонский комитет понял слово «невмешательство» в том смысле, что он сам не должен вмешиваться в дело вмешательства в испанские события. Лондонский комитет понял свою задачу в том смысле, что он должен следить лишь за тем, чтобы государства, принявшие на себя определенные обязательства по соглашению о невмешательстве, сами не признавались в их нарушении, и что, пока они какую бы то ни было вину за собой отрицают, их объяснения признаются удовлетворительными, и на этом кончается функция Комитета. Такое решение Комитета заранее санкционировало всякие нарушения обязательств и в дальнейшем со стороны фашистских государств. Советскому правительству не оставалось ничего больше сделать, как лояльно заявить Лондонскому комитету, хотя оно отнюдь не обязано было это сделать, что оно не считает себя морально более связанным соглашением, чем остальные его участники**.

Результатом германских и итальянских военных поставок было то, что ген. Франко с его марокканскими войсками удалось занять важнейшие стратегические пункты и подойти вплотную к Мадриду. Результатом является то, что в течение нескольких недель дено и ночью на прекрасную столицу испанского народа обрушиваются сотни и тысячи килограммов взрывчатых и зажигательных бомб и артиллерийских снарядов, убиваются и калечатся сотни и тысячи мирных граждан, женщины и детей и разрушаются величайшие памятники зодчества, живописи и скульптуры, памятники старины, составляющие сокровищницу всего человечества. И эти разрушения производятся с германских и итальянских самолетов, руками гер-

* Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании, состоявший из представителей 27 государств.

** См. док. № 296, 327.

манских и итальянских пилотов. Эта разрушительная геростратова работа первого объединенного германо-итальянского международного активного сотрудничества останется навсегда позорнейшей страницей истории международных отношений, истории Европы. Я уверен, товарищи, что выражу чувство всего съезда, если скажу, что в этот момент, когда мы говорим об Испании, наши мысли, наши чувства, полные горячей симпатии и восхищения, устремляются к героическим защитникам Мадрида, к мужественным борцам испанской республиканской армии на других фронтах в их ожесточенных схватках с силами варварства и вандализма. (Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают, делегаты съезда обращаются с овацией по адресу посла Испанской республики г. Паскуа, находящегося в дипломатической ложе: «Да здравствует героический испанский народ!»).

В чем состоит интерес нашего Советского государства к испанским событиям? Население нашего Союза своими щедрыми сборами в пользу испанских женщин и детей, своими коллективными резолюциями и приветствиями по адресу Испании и другими манифестациями свидетельствовало о том живом сочувствии, с которым оно из наиболее демократичной и свободной страны следит за мужественной и мучительной борьбой народа хотя и отдаленной страны за свой демократизм, за свои свободы, против фашистского варварства, против фашистского порабощения. О том же свидетельствует только что произведенная вами манифестация. Но это лишь эмоциональная сторона дела, есть еще и сторона политическая — государственная, которую я и хочу разъяснить. Наши враги утверждают, будто мы добиваемся создания на Пиренейском полуострове коммунистического советского государства, которое мы намерены даже включить в Советский Союз. Если есть наивные люди, верящие этим глупым утверждениям, то они должны быть немало удивлены, что мы не отложили VIII съезд в ожидании включения в конституцию 12-й, испанской социалистической республики. Им, впрочем, разъясняют, что мы уже не рассчитываем на завоевание для коммунизма всей Испании и готовы удовольствоваться каталонским уголком ее, созданием независимой каталонской республики, чтобы оттуда идти походом против всей Европы. Подобные сказки для маленьких детей и больших дураков распространяются, конечно, с целью затемнения смысла нашего действительного интереса к испанским событиям.

В случае с Испанией мы имеем дело с первой крупной вылазкой фашизма за пределы его родины. Мы имеем дело с попыткой насильственного насаждения в Испании извне фашистского строя, навязывания испанскому народу фашистского

правительства при помощи штыка, гранаты и бомбы. Если бы эта попытка удалась, то не было бы никаких гарантий от повторения ее в более обширном масштабе в отношении и других государств. Опять-таки, если бы речь шла о фашизме лишь как об особом внутреннем политико-социальном режиме, то наше отношение к этому было бы более спокойным. Существовала же в Испании коррупционная монархия, была там недавно диктатура ген. Примо де Ривера, и это нас сравнительно мало смущало. Но речь идет теперь о другом, о явлении международного характера, о действительном усилении угрозы миру, и этого одного достаточно для оправдания нашего интереса.

Необходимо исходить из того, что фашизм есть не только особый внутренний государственный режим, а что он есть в то же время подготовка агрессии, подготовка войны против других государств. Это не наша характеристика фашизма, а его собственная. Фашизм кричит со всех крыш о своей агрессивности и не только кричит о ней, но кое-где уже и осуществляет ее. Я попрошу вас, товарищи, вспомнить сказанное мною раньше о сущности и методах фашизма. Я вам говорил о способе подавления недовольства населения фашистской страны, но это, так сказать, программа негативная. Есть у фашизма и программа положительная. Одними механическими полицейскими средствами, намордниками можно лишь временно зажать рот недовольным, но поскольку причины недовольства этим не устраняются, а устранить их другими мерами фашизм не способен, в ход пускаются другие, так сказать, духовные средства для обработки, я бы сказал, околпачивания недовольных граждан. Используя монопольно прессу, книгоиздательства, радио и все прочие средства агитации, фашизм внушает гражданам, что их народ является избранным, лучшим из всех народов, призванным господствовать над другими, неполноценными народами. Им рассказывают о каких-то замечательных их предках, об их принадлежности к особой, высшей расе. Как в свое время примитивных людей, да и маленьких детей, запугивали мнимым существованием леших, домовых, вельзевула, сатаны, чертей, чертенят и других нечистых сил, так и граждан фашистской страны запугивают коммунистами, марксистами, демократами, жидомасонами, которых-де необходимо обязательно одолеть и уничтожить, чтобы обрести счастье. Живописуются заманчивые цветущие края, вроде Украины, Урала и Сибири, да богатые сырьем колонии. Беда лишь в том, говорят им, что эти соблазнительные края и колонии принадлежат другим народам. Стало быть, необходимо их завоевать, отнять силой, а для этого требуются вооружения, для этого необходимы большая армия, огромный флот, большие разнообразные вооружения. Ясно, что граждане должны напрягать все усилия, терпеть лишения и отдавать все свои средства фашистскому

государству на создание военной мощи. Таким образом целый народ изо дня в день воспитывается в духе агрессии, и агрессия становится открыто программой фашистского государства, а сам фашизм делается функцией самого разнузданного шовинизма и империализма.

Сказанного мною, кажется, вполне достаточно для оправдания того интереса, с которым мы как государство, непоколебимо стоящее за нерушимый мир между народами, следим за попыткой насильственного насаждения в новых странах фашизма как носителя идеи агрессии. Но это еще не все.

Подготовку к созданию своих агрессивных целей фашизм осуществляет не только неизмеримым усилением своих вооружений, но и тем, что он односторонне освобождает себя от всех связывающих его международных обязательств или просто нарушает их, когда это ему выгодно, избегает всякого международного сотрудничества в деле укрепления мира, подкапывается под международные организации, призванные охранять этот мир, ведет кампанию за разъединение других стран и недопущение коллективной организации безопасности. Той же цели служит распространение лживых сообщений про другие страны, для чего создается специальное государственное учреждение, называемое министерством пропаганды, во главе которого ставится человек, который, надо отдать ему справедливость, в качестве создателя и распространителя нелепейших вымыслов и самых лживых сообщений является, как англичане говорят, надлежащим человеком на надлежащем месте.

Свои воинственные стрелы фашизм направляет главным образом в Советское государство, на словах якобы потому, что там исповедуются идеи коммунизма, а в самом деле потому, что оно само по себе является объектом хищнических вожделений фашизма, а также помехой его завоевательским устремлениям в других направлениях. Хотя фашизм, придя к власти, заявлял о своем стремлении поддерживать с Советским Союзом наилучшие отношения и даже ратифицировал продление берлинского советско-германского договора о дружбе и нейтралитете*, он особенно не взлюбил нас после того, как мы предложили ему гарантировать безопасность и целостность наших общих соседей. Озлобление против нас только усилилось после того, как мы заключили пакт о ненападении с Францией, объявленной им своим наследственным врагом, и после вступления нашего в Лигу наций и развертывания там нашей программы мира.

Бешеной агитацией при помощи платных агентов и политических друзей в других странах фашизм пытается максималь-

* Договор о ненападении и нейтралитете, заключенный 24 апреля 1926 г.; см. т. IX, док. № 141; т. XIV, док. № 191.

но использовать существующие в этих странах предрассудки против страны, строящей социализм, с целью, во-первых, разрушить связи, существующие между этими странами и Советским Союзом в качестве членом Лиги наций, а во-вторых, с целью получения финансовой поддержки на усиление своих вооружений, которые можно будет направить не обязательно против Советского Союза.

Меня могут спросить, почему нас беспокоят военные приготовления фашизма, если на самом деле они не обязательно имеют антисоветское значение. Я позволю себе на это ответить анекдотом. Когда одного человека, на которого напали лающие собаки, спросили, почему он испугался, разве он не знает, что лающие собаки не кусаются, он ответил, что он-то знает, но что он не уверен в том, знают ли это собаки. Мы, большевики, лающих собак не боимся, но все же мы не станем полагаться на собачью сознательность и лучше вооружимся дубиной покрепче и подлиннее.

Не найдя себе союзников среди членом Лиги наций, стоящих еще на почве идеи коллективной безопасности, фашизм, очутившись в изоляции, чтобы внешне скрасить эту свою позорность, обратился к тем немногим странам, которые пребывают в таком же одиночестве, разделяют его отрицательное отношение к Лиге наций и организации мира и также преследующим агрессивные цели, и заключил с ними блок якобы для борьбы с «международной коммунистической опасностью». Для точности отмечу, что блок заключен не общий между тремя государствами, а между Германией и Италией и отдельно между Германией и Японией. Впрочем, мы имеем точные сведения, что Италия, желая идти во что бы то ни стало по стопам своей новой менторши Германии, предложила Японии заключить с ней соглашение, аналогичное опубликованной части японо-германского соглашения*. Г-н Муссолини, поддерживавший с Советским Союзом весьма корректные отношения свыше 10 лет, убедился в «международной коммунистической опасности» лишь после того, как Советский Союз лояльно и последовательно участвовал в мероприятиях Лиги наций против Италии, нарушившей Пакт Лиги наций, совершившей агрессию и захватившей Абиссинию, а затем выступил против фашистской военной интервенции в Испании.

Авторы этих международных соглашений по борьбе с коммунизмом не замечают, очевидно, в какое смешное положение они себя ставят, когда они просят действительно поверить в идеологический характер этих соглашений. В подобном понимании эти соглашения должны как будто говорить о том, что германский фашизм, после четырех лет гомерических усилий

* См. т. XVIII, прил. 262, а также дек. № 370, 402 настоящего тома.

по искоренению всеми мыслимыми мерами не только коммунизма и марксизма, но даже демократизма в своей стране. вновь стоит перед величайшей коммунистической опасностью внутри страны, с которой он не в состоянии сам справиться, и вынужден искать иностранной помощи. Разным образом итальянский фашизм после 14 лет своего царствования и после поднятия страны до ранга империи очутился перед лицом коммунистической опасности, преодолеть которую он может только вкуче с германским и японским фашизмом. Японское правительство, ведшее неустанную борьбу по искоренению «вредных мыслей» в стране, не достигло своей цели и вынуждено звать себе на помощь иностранную полицию. Выходит как будто, что как раз фашистские страны охвачены паникой перед лицом победоносного роста коммунизма у них. Не менее смехотворны и цели, которые якобы ставят себе эти соглашения и которые могут состоять лишь в следующем. Японское правительство обязуется, вероятно, своевременно извещать германское в случае решения японского коммуниста искать убежища в свободной Германии, и наоборот. В случае нехватки места для коммуниста в германском концентрационном лагере или тюрьме японское и итальянское правительства обязуются, очевидно, найти для него жилплощадь в своих тюрьмах и лагерях, и наоборот. Надо полагать, что высокие договаривающиеся стороны обязались также одалживать друг другу номера «Коммунистического Интернационала» и тому подобные издания или что они, может быть, на началах коллективного творчества создадут газету, которая должна будет доказывать преимущества фашистских идей перед коммунистическими. Трудно представить себе, какие другие практические цели могут преследовать эти своеобразные международные трактаты. Неудивительно, что, судя по отзывам прессы, сообщения об этих трактатах во всех нефашистских странах встречены с трудносдерживаемым вежливым хохотом. Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куких статей японо-германского соглашения необходимо было вести переговоры в течение 15 месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить обязательно с японской стороны военному генералу, а с германской — сверхдипломату и что эти переговоры должны были вестись в обстановке чрезвычайной секретности, втайне даже от германской и японской официальной дипломатии. Неудивительно, что делаются предположения, что японо-германское соглашение написано особым кодом, на котором антикоммунизм означает совсем не то, что пишется в словарях, и что люди по-разному расшифровывают этот код. Японская военщина в Маньчжурии, например, по своему поняла код и, нарушив господствовавшее в течение изрядного времени на советско-маньчжурской границе затишье.

в течение двух суток совершила два налета на советскую территорию с довольно значительными силами. Она не учла, что берлинское соглашение отнюдь не помешает Краснознаменной Дальневосточной армии дать ей тот же ответ, что она давала и раньше на подобные налеты.

Она, будем думать, сообразила это, когда после налетов сосчитала количество увезенных ею раненых и оставленных на советской территории трупов и предметов вооружения. Мы надеемся, что, вопреки берлинскому соглашению, японская военщина в Маньчжурии не забудет убедительной просьбы Дальневосточной армии «для своих прогулок подальше брать закоулок».

Что касается опубликованного японо-германского соглашения, то я рекомендовал бы не доискиваться в нем смысла, ибо соглашение это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово «коммунизм» даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом.

Агрессивный характер недавно заключенных соглашений вытекает уже из того, что в нем участвуют три государства, ушедшие из Лиги наций. Правда, Италия формально еще участвует в Лиге наций, но ее участие состоит в том, что, как г. Муссолини недавно сам публично заявил, он участливо желает скорейшей ее смерти. Все три государства известны своей агрессивностью и покушениями на чужие территории, борются с принципами коллективной безопасности и неделимости мира. Уже это одно придает зловещий характер этим соглашениям и указывает на угрозу, которую они составляют всеобщему миру, безопасности и интересам многих стран.

Активность фашистских стран за последнее время вскрыла, между прочим, все лицемерие и фальшь некоторых их политических, якобы программных заявлений и лозунгов. Германский фашизм, например, утверждал, что он принципиально против всяких международных союзов и комбинаций, кроме пактов о ненападении, и то лишь с пограничными соседями. Он заключил соглашение с отстоящей на десятки тысяч километров и отделенной от него несколькими государствами Японией и отнюдь не о ненападении. Германский фашизм клялся в своей приверженности принципу локализации войны. Соглашение с Японией имеет тенденцию распространить войну, возникшую на одном континенте, по крайней мере на два, если не на боль-

ше континентов. Итальянский фашизм заявлял после абиссинской экспедиции, что его территориальные аппетиты полностью удовлетворены и что он отныне готов сотрудничать в деле стабилизации мира, а теперь он включился в систему агрессивных соглашений. Не выиграл также репутация искренности японского правительства, заверявшего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом и побудившего нас ради этого пойти ему навстречу в урегулировании интересующих его некоторых спорных вопросов, а ныне заключившего секретное агрессивное соглашение с Германией. Японское правительство уверяло нас также в том, что предложенный ему пакт о ненападении все еще им обсуждается и сможет быть заключен по урегулированию всех спорных вопросов, а ныне оно поставило заключение таких пактов в зависимость от согласия на это Германии, уменьшив самостоятельность своей внешней политики.

Антидемократические, фашистские агрессивные страны свое слово сказали. Они сказали, что не хотят участвовать в общем международном сотрудничестве для организации мира, для обеспечения безопасности всем народам. Они бросают один вызов за другим миролюбивым, в первую очередь демократическим народам. Слово теперь за этими народами.

Советский Союз не видит оснований менять свою политику, которая была, есть и будет политикой мира. Он хочет этого мира для себя и для других народов и поэтому предлагал им свое сотрудничество. Он ждет от других не слоз о мире, а действий по организации этого мира. Советский Союз, однако, не напрашивается ни в какие союзы, ни в какие блоки, ни в какие комбинации. Он спокойно предоставит другим государствам взвесить и оценить ту выгоду, которую можно извлечь в интересах мира из тесного сотрудничества с ним, и понять, что Советский Союз может больше давать, чем получать.

Заключенные соглашения, о которых мы сегодня говорили, ничего не меняют в фактическом положении дел. Опасность представляют не договоры, не подписи под ними, какова бы ни была их ценность, а наличие государств с правительствами, строящими свою внешнюю политику на презрении к миру, на принципах агрессии и хищничества и норовящими захватить все, что плохо лежит. Нас это, однако, не пугает потому, что у нас нет ничего, что плохо лежало бы. Под наибольшей угрозой очутились другие государства, другие владения. Наша безопасность не зависит от бумажных документов и от внешнеполитических комбинаций. Советский Союз достаточно крепок сам по себе. Он крепок спаянностью, сцепкой и налаженностью всех его частей, и эта крепость еще больше усилится, когда он будет скреплен новым прекрасным цементом, который представляет собой принимаемая нашим съездом новая кон-

ституция. Советский Союз крепок единством стремлений всех населяющих его народов и единством воодушевляющей их единой цели. Он крепок своим подлинным демократизмом. Он крепок непрерывно растущим духом действенного патриотизма всего его населения. Он крепок огромным сочувствием и любовью к нему миллионов и десятков миллионов трудящихся за его пределами. Он крепок централизованностью правительственной власти и авторитетом руководящей коммунистической партии. Он крепок своими стахановцами, своими героями-летчиками и рекордсменами во всех областях спорта. Он крепок беспредельной преданностью государству и его идеалам многочисленного комсомола и охваченного энтузиазмом всего подрастающего поколения. Он крепок своими несметными естественными богатствами, безостановочным подъемом и мощью своей гигантской промышленности. Он крепок колхозными формами земледелия. Он крепок сознанием своей силы и непобедимости. Он крепок, наконец, своей славной Красной Армией и Красным Флотом во главе со всеми любимым полководцем т. Ворошиловым. Мы уверены, что если наступит день, когда наша армия и флот вынуждены будут выступить на защиту Родины, то военное стахановство, помноженное на рождаемый в таких случаях энтузиазм, явит миру неслыханный в истории всех времен и народов пример беззаветной храбрости, героизма, богатырства и большевистского умения воевать. Я уверен и мы все, товарищи, уверены в том, что наш Советский Союз будет стоять и гордо выситься как неприступная крепость, о которую разобьются мутные волны беснующегося фашистского моря. [...]

Печат. по кн. «Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 26 ноября — 6 декабря 1936 г.», бюллетень № 7. М., 1936, стр. 9—25.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соглашение о продлении торгового соглашения между СССР и Францией было подписано в Париже 6 января 1936 г. (см. «Сборник действующих договоров...», вып. IX, М., 1938, стр. 164—170).— 12

² В связи с протестами, заявленными по указанию НКВД СССР советником полпредства СССР в Японии Н. Я. Райзидом директору европейско-азиатского департамента МИД Японии Того 16 и 27 сентября, 5 и 24 октября 1935 г. по поводу нарушений японскими самолетами советской границы в период с 28 июля по 16 октября 1935 г., 23 декабря 1935 г. заведующий отделом упомянутого департамента МИД Японии Ниси от имени Того сделал первому секретарю полпредства СССР в Японии Н. Н. Дейчману заявление, в котором пытался отрицать факты нарушения японскими самолетами границы СССР.— 15

³ В упоминаемом письме генерального консула СССР в Харбине особому агенту МИД в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню указывалось на участвовавшие случаи нарушений границы СССР военными самолетами со стороны Маньчжурии, а также выражалось глубокое сожаление, что «случаи эти за последнее время, в особенности на некоторых участках границы, стали столь частыми, что заставляют предполагать явно преднамеренный характер их». В письме приводились факты нарушений, зарегистрированные в 1935 г. советскими пограничными властями в зоне, прилегающей к пограничным знакам литер «Н» и №№ 21 и 22: 6 ноября — в районе пали Мешеражово; 9 ноября — в районе горы Посадница; 13 ноября — в 9 км севернее пограничного знака литер «Н» и в 8 км северо-восточнее этого знака.

Памятная записка от 4 ноября 1935 г. была вручена дипломатическому бюро МИД в Северной Маньчжурии с одновременным заявлением устного протеста по поводу нарушений 26 октября лятью японскими самолетами границы СССР в районе Верхне-Благовещенска и Благовещенска. В своем ответе от 14 ноября дипломатическое бюро МИД отрицало факты нарушения советской границы.

При вручении памятной записки от 9 ноября 1935 г. генеральным консульством был заявлен устный протест в связи с нарушением 24 октября японским самолетом границы СССР в районе Турьего Рога.— 15

⁴ В указанной телеграмме о беседе с Коноэ 8 января 1936 г. К. К. Юрнев, в частности, отмечал: «Коноэ заявляет, что слухи о германо-японском соглашении являются абсолютной ложью. От союза с Германией пользы бы только Японии, отношения к ней с США и особенно с Англией были бы окончательно испорчены».

15 февраля полпред сообщил телеграммой в НКВД СССР: «Я передал Коноэ нашу информацию о германо-японских переговорах. Коноэ от-

ветил, что он об этом ничего не слышал. В Токио переговоров, во всяком случае, не было. В Берлине если и были, в чем он сомневается, то велись не с послом, который давно находится в Токио, а с кем-либо другим».—22

⁵ В телеграмме К. К. Юренина в НКВД СССР от 13 января 1936 г. по поводу состоявшейся в тот же день беседы с Хирота отмечалось: «Выразив сожаление по поводу спуска самолета на нашей территории, Хирота просил Советское правительство разрешить японскому консулу во Владивостоке поговорить с летчиками на предмет оказания им помощи и дать указания советским властям вернуть японцам самолет и летчиков». Летчики и самолет были переданы японской стороне 13 февраля 1936 г. (см. газ. «Известия», 24 января, 17 февраля 1936 г.).—23

⁶ Имеется в виду беседа с Хирота 3 декабря 1935 г., о которой К. К. Юренин записал в дневнике: «Он сообщил мне, не вдаваясь ни в какие детали, о том, что им даны указания Ота пойти нам несколько навстречу в спорных вопросах рыболовной конвенции. Он думает, что надо идти вперед и проявить дух взаимного компромисса, на что я ответил, что этот «дух» мы выявили с достаточной определенностью, и теперешняя затыжка переговоров — прямой результат японской неуступчивости».—23, 73

⁷ В связи с препятствиями, чинившимися маньчжурскими властями открытию больницы и школы, переданных в соответствии с положениями ст. V соглашения об уступке прав на КВЖД (см. т. XVIII, док. № 134) в ведение колонии советских граждан в Харбине, 25 октября 1935 г. К. К. Юренин по указанию НКВД СССР обратился к Хирота с просьбой оказать содействие в решении этого вопроса, отметив, что неоднократные обращения генерального консульства СССР в Харбине и местным властям за разрешением на открытие больницы и школы не дали должного результата. 5 ноября 1935 г. Хирота сообщил Юренину, что «вопрос относительно харбинских школы и больницы решен».—23

⁸ 31 декабря 1935 г. в беседе с заведующим II Восточным отделом НКВД СССР Б. И. Козловским советник посольства Японии в СССР Сако сообщил, что «позиция Хирота в последнее время сильно ослабилась» и что в МИД ожидают «большой перемены». В телеграмме с подполковником этой беседы, направленной в тот же день полпреду СССР в Японии, В. С. Стомянов поручил К. К. Юренину попытаться проверить информацию Сако.

В телеграмме от 5 января 1936 г. полпред сообщал: «Необычно «откровенное» заявление Сако свидетельствует или о том, что положение Хирота действительно весьма тяжелое и Сако хочет заработать у нас на своей откровенности, или же что он имеет поручение разжалобить нас и толкнуть на уступки в рыболовном вопросе, т. е. дать Хирота хотя бы какой-то успех, в коем он так нуждается, особенно перед открытием парламента».—24

⁹ В упомянутой телеграмме В. П. Потемкин, сообщая в НКВД СССР, что «интерпретированные Лавалем сообщения в газеты о программе предстоящих заседаний палаты умалчивают о ратификации пакта», запрашивал: «Если сочтете нужным, могу поставить вопрос перед Лавалем, от которого пока зависит все».—25

¹⁰ В. П. Потемкин в беседе с Лавалем 15 января 1936 г. осведомился, будет ли немедленно рассмотрен палатой законопроект о ратификации пакта (см. т. XVIII, док. № 205). «Лаваль просил меня сообщить Вам, — телеграфировал Потемкин М. М. Литвинову в тот же день, — что завтрашняя конференция представителей парламентских комиссий, как всегда, устанавливает порядок дня палаты лишь на неделю, т. е. до 23 января. До этого дня Лаваль предполагает находиться в Женеве. Без него вопрос ратификации обсуждаться не может. Внесен он будет в повестку немедленно по окончании сессии Совета Лиги, возможно даже 23 января». В телеграмме в НКВД СССР от 16 января 1936 г. Потемкин информировал и о других вопросах, затронутых им в беседе с Лавалем. «Я поблагодарил Ла-

вадь, — сообщалось в телеграмме, — за то, что через Кулондра он сообщил нам о своем желании подписать торговое соглашение (см. док. № 1.— *Ред.*) и разрешил опубликовать декрет о введении его в действие, не дожидаясь фактического подписания договора главой правительства. Лаваль ответил, что надеется на успешное развитие наших экономических взаимоотношений на базе нового договора. На мой вопрос, можно ли рассчитывать на скорейшее осуществление соглашения о кредитах (см. т. XVIII, док. № 319.— *Ред.*), Лаваль заявил, что некоторые затруднения возникают со стороны кэс де дело (депозитный банк, фр.— *Ред.*), причем оговорился, что еще не ознакомился с ее возражениями. Я осведомился, с какими намерениями собирается Лаваль в Женеву. Лаваль ответил, что положение представляется ему смутным и внушающим мало надежды. Возможно, впрочем, что *Идан*, приняв руководство внешней политикой Англии, проявит больше осторожности и миролюбия. В частности, в вопросе о санкциях в области снабжения Италии нефтепродуктами Лаваль рассчитывает на то, что члены Совета примут во внимание предстоящее скоро прекращение военных действий в связи с дождями и не будут настаивать на запрещении ввоза в Италию нефтепродуктов. В противном случае Муссолини может вытолкнуть угрозу выхода Италии из Лиги. На мой вопрос, не собирается ли кто-нибудь внести в «комитет 13-ти» новое, одностороннее предложение компромисса, Лаваль ответил отрицательно». — 27

¹¹ Предупреждения по поводу непрекращавшейся антисоветской кампании итальянской прессы делались полпредом СССР в Италии Б. Е. Штейном стате-секретарю МИД Италии Сувичу 1 мая, 17 октября, 18 октября и 14 декабря 1935 г. Так, например, 14 декабря 1935 г. Штейн обратил самое серьезное внимание Сувица на статью «Полово ди Рома» (см. т. XVIII, док. № 444). «В результате дискуссии, — сообщал полпред, — Сувиц просил передать в Москву, что взгляды, изложенные статьей, не соответствуют мнению итальянского правительства и что он даст инструкцию прессе о непосторонности подобных выступлений в будущем». — 30

¹² Советско-иранское акционерное общество «Кевир-Хурнак» было учреждено в 1925 г. для эксплуатации нефтяных месторождений в районе Кевир-Хурнака и производства работ по переработке и продаже нефтепродуктов сроком на 70 лет. В январе 1936 г. правительством Ирана обратился к правительству СССР с предложением начать переговоры о пересмотре этого соглашения. 22 июня 1936 г. полпред СССР в Иране А. С. Черных сообщил министру иностранных дел Ирана Самми, что Советское правительство готово приступить к переговорам о заключении нового соглашения (см. док. № 197). Однако иранская сторона задерживала начало переговоров (см. док. № 290, 353, 368).

В июле 1956 г. Советское правительство приняло решение об отказе в пользу Ирана от своих прав, вытекавших из участия в названном обществе. В соответствии с этим решением, в январе 1957 г. советская сторона безвозмездно передала, а иранская сторона приняла принадлежавшие Советскому Союзу здания, имущество, материалы, акции и другие ценные бумаги этого общества. — 31

¹³ Ответ МИД Японии на публикуемую ноту в архиве МИД СССР не обнародован.

20 января 1936 г. генеральный консул СССР в Харбине М. М. Славутский направил особому агенту МИД в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню письмо аналогичного с публикуемой нотой содержания. — 32

¹⁴ В ответной ноте МИД Японии от 14 марта 1936 г., в частности, сообщалось, что лица, упомянутые в ноте полпредства, «были арестованы японской жандармерией по причине их подозрительной деятельности и во всех случаях японская жандармерия действовала на законном основании». В ноте указывалось, что вскоре после ареста была освобождена Аверрия, 28 декабря 1935 г. — Рабокош и 15 января 1936 г. — Людиг; Аверри, Ершов и Халецкий находятся в заключении в жандармском отделении на ст.

Маньчжурия, по их делу производится дознание; Озарелович, Маркевич и Браун 20 января переданы жандармерией полицейским властям ст. Мянью-дуня, которые заканчивают дознание по делу этих арестованных; что Богомолов 9 ноября 1935 г. «воспользовавшись недосмотром охраны, совершил побег». — 35

¹⁵ В ответной телеграмме Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Китае от 29 февраля 1936 г. констатировалось, что, поскольку Чан Кай-ши «все еще колеблется и все еще не решил для себя окончательно вопроса о сопротивлении японской агрессии», «мы, таким образом, находимся по существу перед такой же ситуацией, что и при посылке нашей директивы от 28 декабря» (см. т. XVIII, док. № 435).

В связи с этим Д. В. Богомолову поручалось заявить китайскому правительству, что «мы затрудняемся говорить о Суйюани, поскольку японцы начали «осваивать» уже и эту провинцию, а китайская армия бездействует», что «ввиду того, что Чан Кай-ши позволяет, таким образом, японцам без войны занимать одну за другой провинции Северного Китая, нам очень трудно принять на себя обязательства оказания «взаимной» помощи в отношении таких провинций».

«Что касается предложения Чан Кай-ши об оказании нами воздействия на китайскую Красную армию, — указывалось далее в телеграмме, — то Вы должны вновь подтвердить ему невозможность нашего посредничества между Нанкингом и китайской Красной армией», заявить, что «нам непонятны настояния Чан Кай-ши, чтобы мы взяли на себя посредничество, которого мы не имеем возможности ни взять на себя, ни осуществить, в то время как он имеет полную возможность договориться с китайской компартией непосредственно, без всякого посредничества».

В заключение Вам следует сказать Чан Кай-ши, что неопределенность его ответа по вопросу о так называемых трех пунктах Хирога произвела в Москве неблагоприятное впечатление.

Возможные и вероятные упреки со стороны Чан Кай-ши в том, что мы недостаточно идем ему навстречу и что переговоры затягиваются, Вам следует твердо отвести с указанием на то, что наши заявления находятся в соответствии с теми неопределенными позициями, которые он сам занимает...

В Вашей беседе с Чан Кай-ши Вы должны по-прежнему исходить из того, что соглашение между СССР и Китаем несравненно более выгодно для Китая, чем для Советского Союза».

Информируя Б. С. Стомонякова о выполнении поручения в беседе с Чан Кай-ши и Куном 21 марта 1936 г., Д. В. Богомолов сообщал:

«Заканчивая изложение нашей точки зрения, я сказал, что неопределенность ответа Чан Кай-ши в прошлом разговоре по вопросу так называемых трех пунктов Хирога произвела в Москве неблагоприятное впечатление».

Чан Кай-ши начал отвечать с последнего пункта. Он сказал, что может заверить меня, что китайское правительство не дало согласия на три пункта Хирога. Эти три пункта являются пожеланиями, но правительство Китая согласилось их только обсудить и до сего времени на них не согласилось».

Кун, сообщая далее полпреду, сказал, что «он должен высказать разочарование китайского правительства нашими переговорами. Переговоры продолжаются уже очень долго, и нет никаких результатов. Он хотел бы знать окончательно, согласно ли Советское правительство на заключение оборонительного соглашения против Японии или нет. Китайское правительство пошло очень далеко, оно предложило пакт и предоставило СССР полную возможность наметить, как он себе этот пакт мыслит. Я ответил, что Советское правительство в самом начале переговоров заявило о своей готовности начать переговоры, и если происходит задержка, то только

по вине китайской стороны. Китайское правительство проявило инициативу, предложив пакт, следовательно дело китайского правительства сказать прежде, как оно себе этот пакт мыслит».

«Кун.—отменил далее Богомолов.—обменившись несколькими фразами с Чан Кай-ши, затем сказал, что китайское правительство мыслит себе соглашение как широкий пакт. Китайское правительство готово взять на себя обязательство выступить на стороне СССР, если Япония выступит на любой границе СССР, то же самое должен сделать и СССР. Те территории, которые могут быть заняты Японией к моменту подписания договора, не принимаются во внимание. Точно так же понятно, что в случае дальнейшего продвижения Японии на территории Китая после подписания договора первым выступает Китай, а СССР выступает только после китайского выступления, в поддержку Китая. Он добавил, что Китай, однако, не может выступить один на один против Японии, не имея поддержки извне. Он просит меня довести об этом до сведения Советского правительства. Я сказал, что сделаю это».

«Кун сказал.—отметил в заключение полпред.—что может сообщить мне по секрету, что Чан Кай-ши уже ведет переговоры с компартией о едином фронте. Он лично надеется на успех».— 38, 276, 282

¹⁶ Имеется в виду информационное письмо Я. З. Сурица в НКВД СССР от 12 января 1936 г. о реакции в Германии на послание президента США Рузвельта конгрессу от 3 января 1936 г. на парижские переговоры генеральных штабов Англии и Франции 8 января 1936 г., а также о германо-итало-японском сотрудничестве и усилении активности германской дипломатии в Прибалтике, Юго-Восточной Европе, Латинской Америке.— 44, 48

¹⁷ Б. Е. Штейн в беседе с Муссолини 17 января 1936 г. обратил его внимание на тот факт, что в Италии «политика Советского правительства в итало-абиссинском конфликте систематически извращается». «Это извращение», заявил Штейн, «находит сейчас наиболее яркое выражение в усиливающейся антисоветской кампании итальянской печати». Муссолини, сообщал полпред, признавая, что «итальянская печать в своей антисоветской кампании перешла в последнее время границу», объяснял это «состоянием самообороны» и обещал «отступить на терристорах антисоветской кампании итальянской печати при условии одновременного прекращения анти-итальянских выпадов нашей прессы». Штейн изложил Муссолини принципиальную позицию Советского правительства в отношении итало-эфиопской войны.— 49

¹⁸ В ответной телеграмме заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинского временно поверенному в делах СССР в Италии от 29 января 1936 г. говорилось: «Никаких заявлений Сузику не делайте, а наша печать ответит контркампаниями».— 50

¹⁹ Народный комиссар иностранных дел СССР находился в Лондоне с 26 по 31 января 1936 г. во главе советской делегации на похоронах короля Георга V. Во время своего пребывания в Лондоне он был принят королем Эдуардом VIII.

3 февраля 1936 г. И. М. Майский в телеграмме в НКВД СССР сообщил о корреспонденции из Лондона, опубликованной 4 февраля 1936 г. в «Нью-Йорк таймс», о якобы имевшем место возмущении в Лондоне по поводу высказываний М. М. Литвинова об английском короле Эдуарде VIII в их беседе, состоявшейся 29 января 1936 г.

Телеграммой от 5 февраля 1936 г. Литвинов дал следующее указание Майскому: «Разъясните кому следует, что кроме Вас и Илена я никому о беседе с королем не высказывался. Срочно сообщите, не выдумал ли или не преувеличивает ли лондонский корреспондент «Нью-Йорк таймс»?

В ответ Майский телеграфировал 11 февраля 1936 г. в НКВД СССР, что «помощник редактора «Нью-Йорк таймс» в Лондоне, отправивший со-

общение, чистокровный американец и получил он его от одного английского журналиста». — 57, 73

²⁰ Геринг находился в Польше в феврале 1936 г. с неофициальным визитом под предлогом охоты. 17 февраля накануне приезда Геринга премьер-министр Польши Косциалковский выступил с заявлением, которое свидетельствовало о намерении польских правых кругов продолжать прогерманский внешнеполитический курс.

Судя по донесению в Берлин германского посла в Польшу Мольтке от 26 февраля 1936 г., Геринг, встречавшийся с президентом, премьер-министром и министром иностранных дел Польши, заверил их от имени Гитлера в стремлении к взаимопониманию на антисоветской основе (см. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», Series C, vol. IV, London, 1962, pp. 1201—1202). Как следует из записи в дневнике заместителя министра иностранных дел Польши Шембека от 19 февраля 1936 г., Геринг заявил также польскому правительству, что в случае ратификации советско-французского договора о взаимопомощи Германия будет считать Локарнские соглашения деанонсированными (см. Szembek, J., «Journal 1933—1939», Paris, 1952, p. 162; там же о визите Франка, p. 161).

Выступая 18 декабря 1936 г. в сенатской комиссии по иностранным делам, Бех дал следующую оценку визита Геринга: «Хотя это был неофициальный визит, он явился выражением постоянного стремления наших двух государств-соседей укреплять наилучшие отношения путем взаимного ознакомления и прямых контактов» (см. «Documents on International Affairs 1936», London, 1937, p. 410.) — 65, 116

²¹ В соответствии с телеграфным указанием Б. С. Стомякова от 17 января 1936 г. полпредство направило 6 февраля МИД Польши ноту протеста по поводу выступления на суде по делу студенческой организации Вильнюсского университета прокурора Пиотровского, допустившего ряд антисоветских выпадов. В ответной ноте МИД Польши от 12 февраля делалась попытка отрицать враждебный Советскому Союзу характер речи прокурора. В связи с этим 6 марта 1936 г. полпредство направило МИД Польши новую ноту, в которой приводились текстуальные выдержки из речи и в заключение указывалось: «Поскольку эти выдержки с несомненностью свидетельствуют о явно антисоветском характере выступления вышеупомянутого прокурора, Посольство отнюдь не может удовлетвориться ответом Министерства Иностранных Дел и считает себя вынужденным поддержать свой протест, заявленный в ноте Посольства от 6 февраля с. г.»

В письме Стомякову от 9 марта 1936 г. временный поверенный в делах СССР в Польше Б. Г. Подольский отметил: «Конечно, ожидать от поляков при нынешнем их курсе удовлетворительного ответа не приходится. За последнее время в печати появилось множество антисоветских выступлений. Особенно усердствует в этом смысле украинская печать. Они совсем расползались. Совершенно открыто обсуждают вопрос о разделе Советского Союза и т. д.» (см. также док. № 62, 108, 254, 319). — 66

²² По-видимому, имеется в виду германская нота государствам — участникам Локарнского пакта Франции, Великобритании, Италии и Бельгии от 27 июля 1935 г. в связи с нотами правительств этих стран Германии соответственно от 25 июня, 6, 15 и 19 июля 1935 г., направленными в ответ на германский меморандум от 25 мая 1935 г. о несовместимости советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. с Локарнским пактом (см. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», Series C, vol. IV, London, 1962, pp. 202—206; 352—355; 421—422; 452—453; 455—456; 491—493). — 69

²³ В телеграмме народного комиссара иностранных дел СССР И. М. Майскому от 10 февраля 1936 г., в частности, говорилось: «Принципиальное постановление о разрешении выезда московского балета в Париж имеется, хотя оттуда формального антажемента еще не поступало. Возможно поэтому рассчитывать на разрешение гастролей и в Лондоне, если

лондонский импресарио не будет настаивать на деннинградском балете». — 80

²⁴ При встрече с Б. С. Стомоняковым 27 января 1936 г. шведский посланник Юлленшерна просил его оказать содействие в приеме директора шведского общества «Люкс» Вестберга в Наркомтяжпроме СССР по делам концессии этого общества в Советском Союзе. Стомоняков удовлетворил эту просьбу. Далее, как отмечалось в записи беседы, Юлленшерна «сам заговорил о предстоящих выборах, которые, по его мнению, приведут к дальнейшему укреплению социал-демократической партии и правительства». По словам Юлленшерна, «национал-социалисты в Швеции — в ущерб себе. Число их сторонников сильно падает, и они очень непопулярны. Необходимость обороны открыто мотивируется опасностью со стороны национал-социалистической Германии».

Юлленшерна говорил также об обстановке в Финляндии. «Предстоящие выборы в Финляндии», — сказал посол, — должны привести к усилению финляндской социал-демократии, которая является противницей ориентации на Германию, как, впрочем, и шведская партия. Это две разумные партии в Финляндии. Приход к власти финляндских социал-демократов привел бы к ослаблению преследования шведов в Финляндии и к действительному сближению Финляндии со Швецией. Финляндские социал-демократы довольно тесно связаны со шведами». — 83

²⁵ Упомянутый «новый план» представлял собой совокупность разработанных Шахтом методов внешнеэкономической экспансии Германии в слабо развитые страны; он начал осуществляться с сентября 1934 г. Воспользовавшись падением цен на мировом рынке, вызванным мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., Германия закупила большое количество сырья на основе безальтернативных клиринговых расчетов, не компенсируя эти закупки в достаточной мере поставками своих промышленных товаров. В итоге Германия искусственно превратилась в «должника» многих стран. Уже к марту 1935 г. в германских банках оказались замороженными их счета на сумму до 1 млрд. марок. — 89

²⁶ В упомянутом письме С. С. Александровскому от 11 февраля 1936 г. о гарантиях Австрии говорилось следующее: «Инициатором привлечения СССР к соглашению о независимости Австрии является Титудеску. Нам известно, что Фланден спрашивал югославского посланника Пурича, готова ли Югославия вместе с Чехословакией и Румынией принять на себя твердое обязательство о помощи Австрии в случае посягательства на ее независимость. Пурич ответил, что если такое же обязательство примут на себя Франция, Англия и СССР, то и Югославия не откажется». — 93

²⁷ Переговоры о предоставлении Советскому Союзу кредитов начались по инициативе правительства Великобритании. В телеграмме в НКНД СССР от 13 февраля 1936 г. И. М. Майский сообщил: «На вчерашнем заседании кабинета было принято решение поручить министру торговли выступить с Советским правительством в переговоры о предоставлении Советскому правительству через министерство торговли банковских кредитов более длительного характера. Размер, условия и срок этих кредитов пока еще не уточнены». — 94

²⁸ В 1936 г. были начаты советско-венгерские переговоры о заключении соглашений о торговле, мореплавании и платежах. Сторонам не удалось достигнуть договоренности по ряду вопросов, и переговоры были прекращены.

Советско-венгерский договор о торговле и мореплавании и соглашение о товарообороте и платежах были заключены 3 сентября 1940 г. (см. «Сборник торговых договоров...», М., 1941, стр. 43—57). — 97, 494

²⁹ Имеется в виду попытка группы «молодых офицеров», входивших в состав военно-фашистской группировки «императорского пути» («кодоха»), с помощью обманутых ими солдат токийского гарнизона совершить путч 26 февраля 1936 г. (см. газ. «Известия», 27 февраля 1936 г.).

В письме Д. В. Богомолу от 29 февраля 1936 г. Б. С. Стомоняков, в частности, отмечал: «Последние события в Японии, насколько можно судить по имеющейся у нас информации, приведут во всяком случае к усилению влияния военно-экстремистских элементов на японскую политику, что прежде всего означает ускорение темпов японской агрессии в Китае... Таким образом, и внутреннее развитие в Китае, и последние события в Японии толкают к развязке в смысле занятия Чан Кай-ши и нанкинским правительством определенной позиции в отношении японской агрессии». — 102, 103, 122, 133, 180, 195, 269, 319, 352

³⁰ В письме Б. С. Стомонякову от 23 марта 1936 г. Д. В. Богомолу, в частности, сообщал: «По имеющимся у нас сведениям, переговоры, которые происходили в Нанкине в течение последних двух недель между японским послом Арита и Чжан Цюнем и Чан Кай-ши, ничем не кончились... Арита еще до поездки в Нанкин заявил, что предпосылкой «урегулирования» японо-китайских отношений должно быть признание Маньчжоу-Го и что положение в северных провинциях вообще не может быть предметом переговоров между ним и китайским правительством... «Договориться» на этих условиях ни одно китайское правительство не может и не сможет. Поэтому в течение ближайших месяцев все останется, по-видимому, в прежнем положении: японцы будут забирать все, что могут, стараясь это проделывать по возможности без шума и с меньшими потерями; нанкинское правительство будет обещать японцам все, что угодно, лишь бы избежать открытого конфликта, но вместе с тем будет всемерно саботировать свои обещания, стараясь проделать это тоже по возможности без шума и с меньшими потерями».

В письме в НКВД СССР от 3 мая 1936 г. Богомолу отмечал, что основное требование Арита «заключалось в 3-м пункте Хирога — совместная борьба с коммунизмом. Но этот завуалированный пункт предполагает ни больше ни меньше, как право Японии располагать японские войска на любом участке китайской территории, а это равносильно по существу протекторату над Китаем. Совершенно ясно, что как бы Чан Кай-ши ни хотел договориться с Японией, он не может пойти на выполнение такого требования». — 103, 269

³¹ В письме Д. В. Богомолу от 29 февраля 1936 г. Б. С. Стомоняков, в частности, отмечал: «Я согласен с Вашим предложением о занятии Вами выжидательной позиции по вопросу переговоров о заключении торгового договора и о предоставлении инициативы в этом деле нанкинскому правительству». — 103

³² Полномочный представитель СССР в Дании Н. С. Тихменев в ноте от 8 ноября 1935 г. заявил министру иностранных дел Дании Мунку, что 7 ноября 1935 г. со здания торгового представительства СССР неизвестным лицом был снят государственный флаг СССР, и просил «произвести расследование с целью установления и наказания виновного, а также его возможных сообщников».

В письме Тихменева Б. С. Стомонякову от 10 мая 1936 г. сообщалось, что «процесс нациста Ларенцена, снявшего флаг с торгпредства 7 ноября 1935 г., закончился тем, что присяжные заседатели признали его виновным, а суд приговорил его к штрафу в 100 датских крон». — 103

³³ Упомянутое сообщение содержалось в телеграмме полпреда СССР в Бельгии в НКВД СССР от 3 марта 1936 г. 5 марта полпред дополнительно телеграфировал, что вопреки мнению политических и дипломатических кругов Брюсселя о приезде Бека исключительно с целью подписания торговой конвенции «коммуныке, данное Беком в прессу, не содержит ни слова о польско-бельгийских экономических отношениях и целиком посвящено изложению тезиса о независимости «держав с ограниченными интересами» от «держав с неограниченными интересами» (Польша не желает себя называть малой державой). Бек этим демонстративно подчеркивает политический характер своей поездки».

После беседы 8 марта с французским послом в Бельгии Лярошем полпред сообщил: «Оказывается, Бек уверял Ван-Зее-ланда и Ляроша, что немцы не будут односторонне менять режим [Рейнской] демилитаризованной зоны». — 116

³⁴ Информацию о визите премьер-министра Польши Косцялковского в Будапешт, полпред СССР в Венгрии А. А. Бекзаян в письме заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому от 8 мая 1936 г. сообщил: «Глазным полезным для Венгрии фактом (итогом — *лат.* — *Ред.*) этого визита здесь считают активизацию политики Польши в Дунайском бассейне и тем самым укрепление тыла Венгрии на возможный худой случай. Гембешу приписывается заслуга предотвращения в будущем, ценой указанной активизации Польши, возможных недриятностей и осложнений для Венгрии в том случае, если бы Италия и Австрия сочли целесообразным присоединение Праги к Римскому пакту. В таком случае Венгрия, заручившись поддержкой Польши, могла бы выступить со своими требованиями, не считаясь ни с Малой Антантой и ни с франко-итальянскими отношениями, а Европа была бы поставлена в необходимость при разрешении дунайской проблемы учесть не только естественную заинтересованность Германии в этом вопросе, но и неотвратимые справедливые требования ревизии границ со стороны Венгрии.

Все это, конечно, гадания на счет будущего, но в них много симптоматичного, как в том, например, что «связанные узами вековой дружбы в национальными идеалами Польша и Венгрия являются гарантами западной цивилизации против грозящего с Востока варварства — большевизма». Учитывая обстоятельства (внутриполитические), предшествовавшие приезду сюда Косцялковского (см. док. № 134. — *Ред.*), в местных дипломатических кругах поговаривают о тайных переговорах, которые были у Гембеша за спиной Косцялковского с неким Кобылянским, доверенным лицом Бека, и по поручению последнего. Характерно, что Гембеш вызвал к себе этого Кобылянского как раз в то время, когда Косцялковский ездил за город на осмотр конных заводов, и имел с ним двухчасовую конфиденциальную беседу. Этой беседе придают большее значение, чем торжественным речам и подписанным малозначащим протоколам.

Далее в письме отмечалось: «Говорят также о том, что затрагивание в прессе вопроса об общей границе между Польшей и Венгрией (Прикарпатская Русь) и имевший место в Варшаве митинг с резолюцией об отчуждении от Чехословакии Прикарпатской Руси преследовали цель устрашения Чехословакии, ущемления Франции и вбивания клина в ослабленную Малую Антанту. Точно так же толкуют предстоящую поездку в Белград польского министра Бека. Ясно одно, что вся эта помпезная манифестация (польско-венгерская) острее своим была направлена как против нас, так и против Франции — вдохновительницы стран Малой Антанты».

В письме в НКВД СССР от 2 июня 1936 г. полпред СССР в Румынии М. С. Островский, сообщая о состоявшейся в тот же день беседе с министром иностранных дел Румынии Титулеску, отметил: «Стоядинович заезрил [Титулеску], что в его замыслах никогда не входило разрушение Малой Антанты, это видно из приема, оказанного Беку в Белграде. Стоядинович, а на следующий день за завтраком и принц Павел сообщили Титулеску, что Бек действительно предлагал Стоядиновичу совместно работать над организацией итало-германского союза, что Белградом было категорически отвергнуто. Принц Павел при этом сказал Беку, что Югославия не может работать над тем, чтобы быть взятой в итало-германские тиски, что это в лучшем случае означало [бы] для Югославии потерю Далмации (в пользу Италии), Баната и Хорватии (з пользу Венгрии). Бек уехал в очень кислое состоянии». — 117, 239

³⁵ В записи беседы от 21 февраля 1936 г. со статс-секретарем МИД Италия Сувичем временный поверенный в делах СССР в Италии отметил, что Сувич «еще не успел спросить у Муссолини о подробностях» его раз-

говора с Высоцким. «Единственно существенное,— говорилось далее,— что Сувиц успел узнать, сводится к заявлению польского посла о заинтересованности Варшавы в австрийском вопросе и о ее желании участвовать в эвентуальном обсуждении дунайской проблемы. Ничего не сообщив мне о заявлении Высоцкого по венгерскому вопросу (что я узнал впоследствии), Сувиц старался дать понять о согласованности германо-польско-итальянской акции в отношении Австрии и о противоблаговолении позиции этих трех стран парижским переговорам» (см. док. № 35).

После встречи 22 февраля с послом Турции в Италии временный поверенный в делах телеграфировал в НКВД СССР: «По поводу беседы Высоцкого с Муссолини Рагиб сообщил, что Польша, наряду с заявлением о своей заинтересованности в дунайской проблеме, подчеркивает итальянцам желание поддержать условия, выставляемые Венгрией. Высоцкий якобы прямо заявил Муссолини о согласии Польши на удовлетворение венгерского требования о вооружениях». По поводу слухов об отзыве Высоцкого и замене его Беком он телеграфировал в НКВД СССР 27 февраля, что в беседе с ним первый секретарь польского посольства Хромеский «не отрицал их, но утверждал, что уход Бека из министерства иностранных дел может произойти не ранее конца итапо-абиссинской войны. Польский посол возвращается в Рим 4 марта. О своей отставке он будто бы сам просил». В телеграмме также отмечалось: «Хромеский полностью подтвердил перепланную иную информацию о беседе Высоцкого с Муссолини. Заявление посла по австрийскому и венгерскому вопросам было сделано на основе директивы». — 118

²⁶ 20 февраля 1936 г. в официне «Газета польска» появилась статья о финансовых претензиях к Советскому Союзу по Рижскому мирному договору. При этом замалчивались встречные претензии советской стороны и ее предложения по разрешению этих вопросов и налаживанию добрососедских отношений с Польшей (см. т. IV, док. № 138, 236, 252; т. V, док. № 81, 131; т. VI, док. № 300; т. VII, док. № 93; т. VIII, док. № 62, 68, 85, 323; т. IX, док. № 69, 84; см. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV, М., 1966, стр. 251—252).

В письме Б. С. Стомычкова от 23 февраля 1936 г. Б. Г. Подольский в связи с этим сообщал: «Польское правительство неожиданно вытаскило этот вопрос как по внутренним, так и по внешнеполитическим мотивам. Внутренний смысл этого дела заключается в том, чтобы развести сильное впечатление, какое произвели среди польской общественности заявления Шахта и нежелание немцев платить за перевозки через коридор. Точно так же имеется в виду подведение материальной базы под ухудшившиеся и еще могущие ухудшиться отношения с СССР». И далее: «Поляки этим актом имеют в виду также успокоить немцев, дабы они, борясь боже, не усмотрели в требованиях поляков уплатить долги какую-либо акцию, направленную исключительно против немцев. Они стремятся создать видимость «независимости» польской политики как в отношении Востока, так и Запада и лишний раз отдать должное «мудрости» польской политики, балансирующей между Востоком и Западом. Наконец, они имели в виду также подкрепить права во Франции против франко-советского пакта еще одним документом, свидетельствующим о том, что СССР не платит не только парских долгов, но и по своим собственным договорным обязательствам».

В письме указывалось, что попытка правящих кругов Польши дискредитировать Советский Союз не достигла цели. «Уверенность, существующая среди польской общественности, основана на самих же польских источниках, пропагандировавших не раз нашу аккуратность в платежах и выполнении обязательств, сильнее, нежели эта неожиданная «бомба», вылетевшая без предварительных дипломатических переговоров, без официальной постановки этого вопроса перед правительством СССР. Весьма характерной является по существу мелочь — отсутствие в «Газете польской» сообщения

(что обычно делается по отношению ко всем послам, министрам, поверенным в делах) о том, что т. Давтян был у Бека за несколько дней до появления этой статьи (14 февраля 1936 г.— *Ред.*). Как Вам известно, Бек ни единым словом не обмолвился о долгах, несмотря на то, что т. Давтян специально спросил его о наших отношениях. Что же касается внешнего мира, поскольку я в состоянии следить за иностранной печатью, то и там, как мне кажется, не было серьезных отступок».— 118

¹⁷ 11 марта 1936 г. советник полпредства СССР в Польше Б. Г. Подольский обратил внимание заведующего Восточным отделом МИД Польши Кобылянского на планомерную антисоветскую кампанию польской печати и, в частности, на грубые инсинуации в отношении государственных деятелей и дипломатических представителей Советского Союза. Кобылянский выразил сожаление по поводу выпадов личного характера и обещал принять меры к их недопущению, но при этом пытался отклонить демарш относительно общей линии польской прессы, ссылаясь на бессилие властей.

Подольский был вынужден повторить представление, подчеркнув, что в ряде названных им статей «пропагандируется раздел Советского Союза». «Польские органы власти,— заявил далее Подольский,— несмотря на свободу печати, о которой Вы говорили, привлекали даже к уголовной ответственности и сажали в тюрьму за выступления, касающиеся другого соседнего государства Польши. Кроме этого мне также известно, что статьи в отношении другого соседнего государства довольно тщательно проверяются цензурой и цензура находит у себя достаточно сил, средств и полномочий к тому, чтобы в условиях «свободной печати» не пропускать того, что касается этого государства. Очевидно, цензура имеет разные полномочия по отношению к разным государствам. Совершенно естественно, что цензура, представляющая государство, несет ответственность за выполняемые получаемых от правительства директив. Это дает мне основание предполагать, что, очевидно, к Западу и к Востоку были даны разные директивы и цензура придерживается этих директив. Это обстоятельство дает нам еще больше оснований к тому, чтобы серьезно обратить внимание на подобного рода поведение печати».— 119, 201, 239

¹⁸ 26 февраля 1936 г. временный поверенный в делах СССР в Польше Б. Г. Подольский заявил заведующему Восточным отделом МИД Польши Кобылянскому решительный протест против клеветнических антисоветских инсинуаций близких к правительственным кругам «Газеты польской» и «Иллюстрированного курьера подпольного», допущенных в ходе судебного процесса над 26 польскими коммунистами.

Подольский указал затем на многочисленные призывы польской печати к расчленению Советского Союза и захвату советских земель, а также на факт выступления в сейме депутатов Мудрого и Целевича с программой создания «Великой Украины».— 119, 291

¹⁹ Полпредство неоднократно информировало НКВД СССР о внешнеполитических концерциях лидеров национально-демократической партии Польши. Сообщая о своей беседе с лидером и идеологом партии Дмовским 14 мая 1936 г., полпред СССР в Польше Я. Х. Давтян, в частности, отметил: «Говоря об СССР и о польско-советских отношениях, он несколько раз категорически подчеркнул, что позиция эндеков в этом вопросе не изменилась. Он еще раз заявил, что Польша никогда не пойдет против СССР. Что касается взаимоотношений Польши с нынешней Германией, то он сам признал, что у него имеется в этом вопросе известная раздвоенность. Он против прогерманского курса польского правительства и Бека, но ценит Гитлера, так же как и Муссолини, и считает необходимым, чтобы они оба остались у власти. Вообще в вопросах внутренней политики он проявил себя недвусмысленным поклонником как Гитлера, так и Муссолини».

29 сентября 1936 г. в письме в НКВД СССР Давтян подчеркнул: «После целого ряда всяких колебаний и эскападов эндеки опять заявили твердую линию хороших отношений с СССР и сугубой настойчивости в отно-

шении Германии». И далее: «Таким образом, следует отметить, что рост германской агрессивности и усиление германской военной мощи вызвали серьезное беспокойство в польских кругах, особенно тех, которые и раньше были против гитлеровского курса польской политики. Гитлеровская агрессивная истерия «вправила мозги» и таким, как Козийский (один из лидеров национал-демократов.— *Ред.*), который так много колебался в последний год».— 119, 236

⁴⁰ В телеграмме от 5 марта 1936 г. полпред сообщил в НКВД СССР, что, по полученным от Крейги материалам, содержание предполагаемого морского соглашения в основном сводилось к следующему: «Обмен информацией о годовых военно-морских строительных программах; предусматривается сообщенне друг другу сведений (по категориям, принятым в Лондонском морском соглашении 1930 г.) о тоннаже, размерах, мощности механизмов, скорости, калибре и количестве пушек, числе торпедных аппаратов, устройствах для мин и самолетов. Число кораблей не может быть больше сообщенных в декларации. Закладка не раньше четырех месяцев после декларации. О модернизации и изменениях в существующих кораблях сообщается периодически за четыре месяца до начала этих работ».

Далее приводились предполагавшиеся качественные пределы для линкоров, легких кораблей, подводных лодок и авианосцев; устанавливалась новая классификация по категориям надводных кораблей, включая вспомогательные боевые корабли. Предусматривалась статья, допускавшая приостановку действия соглашения в случае угрозы со стороны третьей страны и определявшая процедуру согласования такой приостановки. Намечался также ряд статей технического характера.— 121

⁴¹ 9 марта 1936 г. НКВД СССР дал телеграфное указание В. П. Потемкину предложить представителю Эфиопии «обменом нот объявить, что считается дипломатические отношения восстановленными, а контакт между правительствами впредь до обмена визитами установить при посредстве дипломатических представителей обоих государств в Париже». Если представитель Эфиопии будет настаивать на поездке в Москву, говорилось в телеграмме, «то в визе не отказывайте» (см. также док. № 99).— 123

⁴² 9 марта 1936 г. И. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР (п в копии главе советской делегации в Женеве) о беседе с Крэнборном, состоявшейся в тот же день:

«Я не мог поймать Идена (который был занят на заседании кабинета, потом в парламенте, а затем сразу уехал во Францию) и шел поэтому беседу с его заместителем лордом Крэнборном. Дополнительно в заявлении Идена в палате общин я попросил Крэнборна разъяснить мне, какие надежды британское правительство возлагает на переговоры с Гитлером. Крэнборн возразил, что пока речь идет не о переговорах, а лишь о выяснении вопроса, являются ли семь пунктов Гитлера подходящей базой для переговоров. Из дальнейшего выяснилось, что британское правительство больше всего интересуется предложением Гитлера о пакте о ненападении с Францией и Бельгией плюс воздушный пакт, на основе которых он хотел бы восстановить старое Локарно без Рейнской демилитаризованной зоны. Остальные гитлеровские пункты в сознании британского правительства отодвигаются на второй план. Я с оговоркой, что высказываю личное мнение (разговор происходил еще до получения мной директивы Литвинова (см. док. № 71.— *Ред.*), в весьма решительной форме подверг критике намерения британского правительства вести переговоры с агрессором и подчеркнул, что единственным достойным отстом Гитлеру явилось бы всемерное укрепление коллективной безопасности, включая и те меры репрессии в отношении Германии, на которые сочла бы возможным пойти Лига наций».— 129

⁴³ 8 марта 1936 г. В. П. Потемкин телеграфировал в НКВД СССР: «Флахден спрашивал меня, может ли Франция рассчитывать на поддержку

СССР в Женеве. Я ответил ссылкой на общеизвестное наше отношение к договорным обязательствам СССР и, в частности, на лояльное выполнение нами требований Пакта Лиги. — 129

⁴⁴ В упоминаемой телеграмме Л. Н. Старк сообщал в НКВД СССР, что, по словам премьер-министра Афганистана Хашим-хана, Файз Мухаммед-хан должен приехать в Москву около 15 марта и что «разговоры, которые он будет вести в Москве, будут иметь лишь предвзятельный и информационный характер». — 131

⁴⁵ 11 марта 1936 г. Л. Н. Старк сообщил в НКВД СССР, что премьер-министр Афганистана Хашим-хан одобрил инициативу Советского правительства ознаменовать приезд в СССР Файза Мухаммед-хана подписанием протокола о продлении на десять лет советско-афганского пакта о нейтралитете и ненападении, заявив, что указания об этом Файзу Мухаммед-хану и соответствующие полномочия будут посланы по телеграфу. — 131

⁴⁶ 9 марта 1936 г. В. П. Потемкин телеграфировал в НКВД СССР: «Поль-Бонкур, с которым я виделся сегодня, будет по поручению правительства поддерживать в сенате наш пакт. Он полагает, что правительство не могло бы без риска нарушить намечающееся единодушие в сенате, предложив ему без прений проголосовать пакт. Как и Фландер, он убежден, что ратификация пройдет в тот же день при весьма внушительном большинстве». — 132

⁴⁷ Предложение советской стороны о создании специальной смешанной комиссии для расследования инцидента 30 января 1936 г. предусматривало включение в указанную комиссию председателя и двух делегатов от каждой из сторон. В частности, в состав советской части смешанной комиссии имелось в виду включить представителей НКВД, Главного управления пограничных войск НКВД и народного комиссариата обороны.

Советская сторона предложила также, не дожидаясь заключения соглашения о порядке расследования и разрешения пограничных конфликтов и инцидентов, проект которого был вручен японской стороне 17 августа 1935 г. (см. т. XVIII, прим. 187), создать комиссию по рассмотрению конфликтов, как имевших место в прошлом, так и могущих возникнуть в будущем, на участке границы Туумынь — Ханка. При этом имелось в виду, что указанная комиссия, руководствуясь в общем положениями советского проекта соглашения, проведет расследование конфликта от 30 января, а также последующих крупных столкновений на этом участке границы. Предполагалось также, что стороны согласятся временно ввести в действие на участке Туумынь — Ханка положения советского проекта соглашения от 17 августа 1935 г., причем в качестве временной меры намечалось, что расследованием пограничных инцидентов и конфликтов будут заниматься не представители местных пограничных властей, а те лица, из которых предлагалось образовать специальную смешанную комиссию для расследования конфликта от 30 января. Впоследствии, когда сложится практика разрешения инцидентов и конфликтов и когда общее соглашение окажется введенным в действие на всей линии границы, комиссия уступит место обычным представителям по пограничным делам (пограничным комитетам). — 132

⁴⁸ В беседе 14 марта 1936 г. Ота сообщил ответ японского правительства на заявление Б. С. Стомонякова от 9 марта 1936 г. по поводу дискриминационных мер японской полиции в отношении полпредства СССР в Токио. Отметив, что он не видит «возможности удовлетвориться объяснениями, которые послал получил от МПД», Стомоняков заявил: «Мы прилагаем очень серьезное значение кампании против нашего посольства по двум причинам: 1) мы не можем примириться с дискриминацией нашего посольства и СССР; 2) мы усматриваем в этой кампании определенное стремление некоторых японских властей натравить население на наше посольство, вызвать ненависть и озлобление против нашего посольства и изобразить его как какой-то опасный очаг, представляющий опасность для

Японии. Мы понимаем, что такие действия властей могут привести к опасным последствиям. Ввиду этого я прошу посла от имени нашего правительства передать г. Ариота нашу просьбу принять меры к немедленному прекращению кампании против нашего посольства». — 134, 179

⁴⁹ О беседе с Файзом Мухаммед-ханом М. М. Литвинев телеграфировал в НКВД СССР 24 января 1936 г. из Жезызы: «Афганистан хотел бы установить с нами такие же отношения, какие имеет Турция, и об этом Файз Мухаммед-хан хочет договориться с вами в Москве. Мы условились продолжить наш разговор в Москве». — 143

⁵⁰ Файз Мухаммед-хан в беседе с народным комиссаром внешней торговли СССР 26 марта 1936 г. по указанному вопросу заметил, что в ближайшее время в Москву «приедет военный министр, который продолжит переговоры по вопросу о закупке артиллерийского имущества».

Военный министр Шах Махмуд-хан находился в Советском Союзе с официальным визитом с 26 сентября по 4 октября 1936 г. Он ознакомился с военным заводом, артиллерийской академией, научно-испытательным институтом военно-воздушных сил и рядом воинских частей Московского и Ленинградского военных округов. К. Е. Ворошилов устроил в его честь прием, на котором присутствовали члены правительства, советские военачальники, иностранные военные атташе и другие лица. Каких-либо практических вопросов военный министр в ходе визита не затрагивал (см. также газ. «Известия», 27—29 сентября, 2, 5, 6 октября 1936 г.). — 145

⁵¹ В телеграмме от 3 марта 1936 г. В. П. Потемкин сообщал в НКВД СССР из Жезызы: «Поль-Бонкур сообщил мне вчера, что в сенате образовалась группа сторонников передачи пакта до его ратификации на рассмотрение Гаагского трибунала, который должен будет решить, права ли Германия, утверждая, что пакт противоречит Локарнскому договору. Поль-Бонкур добавил, что Кейно (председатель финансовой комиссии сената.— *Ред.*) поддерживает эту мысль и что с ней придется серьезно считаться. Мне пришлось доказывать Поль-Бонкуру смехотворную нелепость этой идеи. Фланден подтвердил, что к нему третьего дня обратилась группа сенаторов с предложением, о котором говорил Поль-Бонкур. Фланден решительно его отклонил, разъяснив, что Германия формально не выступает как жалующаяся сторона и что даже на этом одном основании обращение в Гаагу бессмысленно. Я предупредил Фландена, что малейшая попытка делать Гаагский трибунал судьей нашего пакта вызовет протест с нашей стороны». — 163, 192

⁵² 27 марта 1936 г. советник посольства Японии в СССР Сако в устной форме сообщил заведующему II Восточным отделом НКВД СССР Б. И. Козловскому об ответе японского правительства на публикуемую ноту, в котором делалась попытка отвести приведенные в ней факты как «сошiboчные» и утверждалось, что «таких фактов не было». Отметив, что ответ японской стороны «явно неудовлетворителен», Козловский обещал довести его до сведения Б. С. Стоженикова.

В беседе с послом Ота 21 мая Стожеников заявил, что устные объяснения, данные Сако Козловскому, «находятся в резком противоречии с фактами, имевшими место до этого объяснения. Это объяснение находится в еще более резком противоречии с фактами, имевшими место после 27 марта. Мы вынуждены были констатировать, что все наши заявления по этому вопросу не имели влияния, и положение все более ухудшается». «Таким образом», — подчеркнул Стожеников, — несмотря на заявление г. Сако, строгое замечание не произвело никакого действия, и кампания, направленная против советского посольства, продолжается в совершенно открытой форме. Можно констатировать в высшей степени ненормальное положение, когда в течение нескольких месяцев ведется кампания против подпредства страны, с которой Япония находится в дипломатических отношениях, и без того, чтобы власти принимали какие-либо меры против этой кампании». Указав, что такое положение «не может быть терпимым

в дальнейшем и должно быть прекращено», Стомоляков по поручению Советского правительства просил посла «обратить самое серьезное внимание своего правительства на создавшееся положение и использовать все свое влияние, чтобы добиться прекращения создавшегося положения». — 181

⁵³ 21 марта 1936 г. В. П. Потемкин телеграфировал в НКВД СССР о встрече с Леже для выяснения причин, по которым французское правительство предполагает отсрочить обмен ратификационными грамотами. Не получив удовлетворительного ответа, Потемкин в тот же день встретился с Фланденом. Последний сообщил, что «специалисты МИД убеждали его еще обдумать совместно с нами этот вопрос. Их доводы: а) до получения ответа немцев не следует броскировать их «жестом» демонстративного характера; б) не нужно раздражать этим жестом и Гаагу; в) английское общественное мнение также может неблагоприятно реагировать на него; г) вообще лучше избегать всего того, что может отяготить и без того трудное положение Франции и быть использовано нашими противниками». Потемкин ответил, что «отсрочка обмена ратификациями может быть истолкована как сомнение в твердости нашей позиции: или как проявление слабости перед напором Германии». — 182, 194

⁵⁴ 9 марта 1936 г. НКВД СССР дал указание В. П. Потемкину сообщить посланнику Эфиопии в Париже о готовности СССР установить дипломатические отношения с Эфиопией (см. прим. 41). После отъезда Халла из Москвы НКВД СССР направил Потемкину полномочия ЦНК Союза ССР на подписание всех актов, касающихся установления дипломатических отношений СССР с Эфиопией. Однако предусмотренный обмен нотами между дипломатическими представительствами СССР и Эфиопии во Франции об установлении дипломатических отношений не состоялся ввиду оккупации Эфиопии итальянскими войсками.

Дипломатические отношения между СССР и Эфиопией были установлены 21 апреля 1943 г. — 183

⁵⁵ 28 марта 1936 г. М. М. Литвинов телеграфировал в НКВД СССР из Парижа: «Сарро, Фланден и Леже настроены очень твердо. По получении германского ответа они потребуют новой конференции локарнских держав и будут добиваться отклонения гитлеровского предложения и выполнения гарантийного письма Англии. Леже говорил и о возможности экономических санкций и даже мобилизации, но они сами признавали невозможность этих мер. О наших пожеланиях я говорил с ними в таком же духе, как с Поль-Безкурор и Иденом (см. док. № 102), но только один Сарро одобрял вторичную постановку вопроса о Восточном региональном пакте, тогда как Фланден и Леже признали такой пакт неосуществимым. Все они обещали не принимать никакого европейского соглашения, которое не предусматривало бы гарантий для Восточной Европы. Предостерегали они против маневров Бека, который, делая германскую политику, старается показывать Варшаве, будто бы он сближается с Францией и с нами». — 186

⁵⁶ Об этой беседе с Лавалем от 15 марта 1936 г. В. П. Потемкин сообщал: «Лаваль не без некоторого злорадства констатировал, что правительство Сарро переживает критический момент. Лаваль не считает, впрочем, что акция Гитлера непосредственно вызвана ратификацией франко-советского пакта. Этот пакт является для Гитлера только предлогом. Гитлер давно задумал нарушить режим Рейнской зоны, и произведенное им демонстративное восстановление суверенных прав Германии на эту область происходит в момент, особо благоприятный для Германии. Между Францией и Англией нет достаточной согласованности в действиях. Италия выведена из строя европейских держав как военная сила и кровно оскорблена применением к ней санкций. В Лиге наций не наблюдается необходимого единства. Наконец, Франция вступает в избирательную борьбу, мешающую установлению внутреннего мира и национальной солидарности». — 192

⁵⁷ 28 апреля 1936 г. К. К. Юрнев телеграфировал Б. С. Стомонякову: «Сегодня сделал Хориноути (заместителю министра иностранных дел Японии.— *Ред.*) устное представление... по поводу доверительной деятельности японцев на нашей территории». Хориноути заявил: «Мы изучим Ваше представление, расследуем указанные факты и затем представим ответ».

В ответе МИД Японии, переданном полпредству СССР 10 сентября 1936 г., в частности, указывалось, что «не имеется фактов, что наши военные власти в Маньчжурии в целях подготовки исполнителей антисоветских актов участвуют в формировании и руководстве подобных военных или полицейских отрядов». — 198

⁵⁸ 28 марта 1936 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Б. С. Стомоняков дал телеграфное указание полпредству СССР в Польше заявить протест в связи с нарушением 27 марта 1936 г. польским самолетом типа разведчик государственной границы СССР. Инцидент был исчерпан после направления польским погранпредставителем письма советскому погранпредставителю по Заславскому району БССР, в котором признавался факт нарушения границы СССР и выражалось сожаление по поводу случившегося.

В течение 1936 г. имели место четыре других случая (14 июня, 6 августа, 24 августа и 20 сентября) нарушения воздушного пространства СССР. Наиболее серьезное нарушение произошло 14 июня, когда польский самолет перелетел границу СССР в районе погранотряда № 720 и, несмотря на предупредительные выстрелы и ясно видимые сигналы дымовых шашек, продолжал полет в глубь советской территории, пока не был принужден к посадке советскими истребителями. Экипаж самолета состоял из двух человек, на борту имелось приспособление для аэрофото съемки. Инцидент рассматривался на заседании погранпредставителей 22 июня 1936 г. Через два дня на ст. Негорелое состоялась передача польской стороне летчиков и самолета. — 199

⁵⁹ В письме Б. С. Стомонякову от 14 марта 1936 г. А. М. Коллонтай сообщила, что выступления в Швеции советских артистов Г. Р. Гиназбурга и Д. Ф. Ойстраха «прошли блестяще и безусловно имеют политическое значение, показав наглядно, на какой высоте стоит советское искусство. Ведь эта колодезь выросла и получила свое музыкальное воспитание при Советской власти, что многими отмечается. Даже «Аллеканда» вынуждена была признать, что «перед таким совершенством музыкального понимания и высокой техникой мы вынуждены сжать шляпу». Отзывы левых были исключительно хвалебные».

Далее в письме говорилось: «Второе выступление советских музыкантов состоится сегодня на музыкальном вечере, который со всей пышностью устраивает шведское Общество культурной связи и на котором будут члены правительства, дипломаты, члены риксдага, видные композиторы, музыканты и пр. Вчера чехословацкий посланник дал в честь наших музыкантов обед. Филармония приглашает Гиназбурга и Ойстраха на осенний сезон». — 204

⁶⁰ Б. С. Стомоняков в письме от 23 февраля 1936 г. просил Г. Н. Каминского ускорить командирование в Швецию проф. Сперанского и группы советских врачей.

В ноябре 1936 г. такая поездка состоялась. О пребывании советских врачей в Швеции А. М. Коллонтай в телеграмме в НКВД СССР от 10 ноября 1936 г. сообщила: «Пребывание нашей делегации в Стокгольме помогло нам политически, особенно в настоящий момент. Прием им был оказан исключительный, отмечают высокий уровень советской медицины. Делегация пользовалась заслуженным успехом и проделала здесь полезную работу среди шведской общественности». — 204

⁶¹ В письме Б. С. Стомонякову от 14 марта 1936 г. А. М. Коллонтай, сообщая о своей беседе с социал-демократами, отмечала: «Мне пришлось долго объяснять им азбуку нашей политики в Карелии и той паскудной

работы, какая ведется наинтереснейшими кругами Финляндии. Брантинг и остальные высказали желание, чтобы в советской прессе было бы четко сказано, что наша политика по отношению к финскому населению в Карелии несколько не изменилась, что нет в ней и тех русификаторских тенденций и что походы подобного рода могут идти только со стороны известных групп Финляндии». — 204

⁴² В телеграмме в НКВД СССР от 18 июля 1936 г. И. С. Якубовичу сообщал, что, по сведениям одного из руководителей норвежской рабочей партии Транмеля, консерваторы, крестьянская партия и либералы собираются образовать единый избирательный блок против норвежской рабочей партии. Эта акция, писал Волград, «вызвана директивами съезда рабочей партии, согласно которым партия в своей предвыборной кампании будет проводить линию за активное сближение и сотрудничество с СССР. Транмель решил с августа открыть в газете «Арбейдер-бладет» специальный отдел, в котором регулярно будет освещаться вопрос о внутренней жизни СССР». — 205

⁴³ В упомянутом письме Е. В. Рубинич сообщал: «Ко мне обратился популярный молодой здешний композитор Шарль Удрэ со следующим делом. Как известно, вдова покойной королевы Елизаветы большая любительница и почитательница музыки. С целью поощрения распространения музыкального образования и молодых талантов по ее инициативе создан был в 1929 г. фонд ее имени. Далее в письме указывалось, что в апреле 1937 г. правление фонда организует международный конкурс скрипачей и Удрэ вносит предложение пригласить на этот конкурс советских скрипачей. «Я обещал Удрэ, — говорилось в письме, — съездить по этому вопросу с Москвой. По моей просьбе Удрэ прислал мне при официальном письме, в котором подтверждает приглашение, прилагаемые материалы о фонде и конкурсе».

В конкурсе, проходившем в Брюсселе с 22 марта по 2 апреля 1937 г., участвовали пять советских скрипачей, которые приезжие места. Первое место жюри присудило Д. Ф. Ойстраху. — 218

⁴⁴ В упомянутой телеграмме в НКВД СССР от 4 апреля 1936 г. говорилось о предстоящей 8 апреля встрече И. М. Майского с Ванцеттартом и содержалась просьба сообщить «нашу линию в отношении последних предложений Гитлера». — 218

⁴⁵ В указанных директивах, изложенных в телеграмме от 5 апреля 1936 г., В. П. Потемкину предлагалось участвовать в «комитете 13-ти» и указывалось, что «переговоры между Италией и Эфиопией должны вестись вне Лиги, а Лига лишь регистрирует достигнутое соглашение». Потемкину поручалось держаться «по возможности общей линии с Францией». — 219

⁴⁶ 30 марта 1936 г. полпред СССР в Италии Б. Е. Штейн телеграфировал в НКВД СССР о беседе со статс-секретарем МИД Италии Сузичем, во время которой последний заявил, что «сакции материально несут лишь значительный вред Италии и что весь вопрос в их моральном эффекте». Сузич добавил также, что он не скрывает свою «неудовлетворительность французской позицией и большое желание ускорить радикальное разрешение этого вопроса». «Я ограничился заявлением, — сообщал полпред, — что по существу поставленного Сузичем вопроса никаких сведений не имею». — 219

⁴⁷ В упомянутой телеграмме В. С. Стомякова И. С. Якубовичу от 4 апреля 1936 г. говорилось: «Сообщите Куту, что, хотя он едет в СССР с неофициальным визитом, он может рассчитывать на такой же дружественный прием здесь, как и в других странах». — 220

⁴⁸ Министр иностранных дел Норвегии Кут находился в Советском Союзе с 20 по 24 апреля 1936 г. Он был принят председателем ЦИК Союза ССР М. И. Калинин и председателем СНК СССР В. М. Молотовым. Международным комиссаром по иностранным делам СССР М. М. Лит-

вновь и Кутом состоялся обмен мнениями по международным вопросам, в ходе которого, как сообщал Н. Н. Крестинский полпреду СССР в Дании Н. С. Тихменеву в письме от 1 июля 1936 г., Литвинов «поставил перед Кутом вопрос, как отнеслось бы норвежское правительство к тому, чтобы присоединиться к конвенции об определении понятия агрессора. Но и на этот вопрос Кут, естественно, без совещания со своим правительством и со своими коллегами по балтийскому блоку никакого ответа не дал» (см. также док. № 184).

В Москве Кут посетил мавзолей В. И. Ленина, осмотрел Кремль и метрополитен, встречался с видными учеными в Академии наук СССР и присутствовал на спектаклях в Большом театре и МХАТ имени Горького (см. газ. «Известия», 20—24 апреля 1936 г.). — 222

⁶⁹ 13 апреля 1936 г. М. М. Славудский в телеграмме Б. С. Словянкову, информируя об исполнении поручения, сообщал: «Ши Люй-бэнь ответил, что принятие «захваченных» нами маньчжур является их дружественным актом, па что [вице-консул] Дрибинский ему разъяснил, что (никого мы не захватывали и что задача нарушителей является как раз дружественным актом с нашей стороны. Ши Люй-бэнь ответил, что он все о всех переданных говорит как о захваченных и что нужно подходить индивидуально к каждому случаю. По поводу представления обещал выяснить».

12 мая 1936 г. представителем маньчжурской стороны были переданы 53 нарушителя советской границы. — 223

⁷⁰ В телеграмме от 11 апреля 1936 г. полпред СССР в Турции Л. М. Каракан сообщил в НКВД СССР, что Арас и Иненю ожидают статьи в «Правде» или «Известиях» по поводу ноты турецкого правительства от 11 апреля 1936 г. В телеграмме от 12 апреля он просит дать ответ на ноту Турции как можно скорее и в ответной ноте отметить, что «мы твердо держимся принципов, установленных в московском договоре, а именно, чтобы проливы были открыты для торговых сношений и чтобы режим провоза не наносил ущерба суверенитету Турции, так же как и ее безопасности».

Нота правительства Турции была опубликована в газ. «Известия» 14 апреля, а ответ Советского правительства — 18 апреля 1936 г. — 224

⁷¹ В упомянутом письме от 13 апреля 1936 г. А. М. Коллонтай сообщала о предстоящем приезде из Швеции в Советский Союз проф. Линтона с группой студентов, советуя устроить его доклад в одном из вузов.

В письме в р. о. председателя Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей Л. Н. Черныяского от 1 июля 1936 г. за имя Коллонтай о пребывании этой группы в СССР говорилось: «Программа обслуживания была нами составлена очень тщательно и объекты показа были весьма серьезные. Например, строительство метро второй очереди со искусом в шахты, комбинат «Правды», Болшево, завод «Динамо», строительная выставка, театры и др. Кроме того, в ВОКС для них был устроен прием». Проф. Линтон прочитал также лекцию в Московском автомобильном институте. — 229

⁷² Обмен идентичными телеграммами между правительством СССР и правительством Испании о восстановлении дипломатических отношений, состоявшийся 28 июля 1933 г. (см. газ. «Известия», 29 июля 1933 г. — окончательный текст и т. XVI, док. № 258 — проект), предусматривал «приступить к немедленному обмену посланьи». Советским полпредом в Испании был назначен А. В. Луначарский, получивший 18 августа агреман. Однако пришедшее к власти в сентябре 1933 г. правительство Лерруса стало чинить препятствия обмену посланьи, 6 декабря 1933 г. устно и на следующий день нотой испанский посол в Париже Мадарьяга сделал полпреду СССР во Франции В. С. Довгалеvesкому заявление, из которого следовало, что испанская сторона ставит условием приезда советского полпреда в Мадрид предварительное подписание протокола по ряду правовых и экономических вопросов. Это означало по существу требование пересмотра договоренности о восстановлении дипломатических отношений. Советская сторона предла-

шла урегулировать поставленные испанским правительством вопросы в обычном дипломатическом порядке.

В результате предыдущих контактов между испанскими и советскими представителями в Париже (см. т. XVII, док. № 206, 203, 273) и в Женеве испанское правительство отказалось от своих предварительных условий, продолжая, однако, настаивать на согласовании, до решения дипломатическими представителями отдельных правовых вопросов. Советская сторона, проявляя добрую волю, предложила компромиссное решение, которое и было принято 27 сентября 1934 г. в Женеве Мадарьяк направил находившемуся там народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову письмо, содержащее, наряду с заявлением о намерении назначить посла в Москву, изложение позиций испанского правительства по вопросу о функциях абсолютной и численности его персонала, а также относительно учреждения в СССР, на основе взаимности, двух консульств. Ответным письмом от того же дня Литвинов подтвердил совпадение взглядов сторон. Одновременно был согласован и парафирован текст письма о невмешательстве во внутренние дела, которые должны были вступить в действие после обмена обеими сторонами во внешнеполитическое ведомство страны преобладающим. Однако и эта договоренность не была реализована испанской стороной, прекратившей контакты с Советским Союзом вплоть до упоминаемого в комментируемом документе зондажа в конце января 1936 г.

Переговоры были продолжены после прихода к власти правительства Народного фронта. Обмен дипломатическими представителями состоялся в начале гражданской войны.

Советский полпред в Испании вручил верительные грамоты 31 августа (см. док. № 258), посол Испании в СССР — 9 октября 1936 г. — 230

⁷³ В письме в НКВД СССР от 26 апреля 1936 г. Е. В. Рубиния информировал, что о согласии на организацию в 1936 г. в Москве выставки современной бельгийской живописи он сообщил депутату бельгийского парламента Пьерару, который уже неоднократно ранее выступал в качестве организатора таких выставок за границей и считает, что выставку следует проводить под патронажем правительства СССР и Бельгии. «Со своей стороны полагаю, — писал Рубиния, — что с точки зрения политической целесообразности Пьерара следовало бы поддержать».

Выставка открылась в Москве 3 июня 1937 г. (см. газ. «Известия», 4 июня 1937 г.). — 241

⁷⁴ Директивы инстанции П. М. Майскому и Л. В. Андипо-Чкуновскому к переговорам с Англией о заключении морского соглашения гласили:

«1. СССР согласен заключить с Англией морское соглашение на основе положений тройственного англо-франко-американского морского соглашения.

2. СССР оставляет за собой право не считать себя связанным положениями этого соглашения как в части лимитов кораблей, так и в части информации в отношении всех своих морских сил Дальнего Востока до тех пор, пока между СССР и Японией не будет заключено по данному вопросу специальное соглашение.

3. СССР будет считать себя связанным положениями морского соглашения лишь в той мере, в какой аналогичные обязательства примет на себя Германия.

4. СССР оставляет за собой право построить до 1 января 1943 г. такое число линейных кораблей с артиллерией не выше 16 дюймов, сколько таких кораблей имеется у державы-участницы Лондонского морского соглашения, обладающей такими кораблями в наименьшем количестве.

5. СССР соглашается с тем, что число легких надводных кораблей с орудиями калибра выше 7,1 дюйма (180 мм), построенных СССР до 1 января 1943 г., не будет превышать числа легких военных кораблей с 4-дюймовой артиллерией той державы-участницы Лондонского морского соглашения, которая обладает такими кораблями в наименьшем количестве.

6. СССР оставляет за собой право не сообщать сведений о «малых и вспомогательных военных кораблях и не будет требовать таких сведений от британского правительства». — 244

75 М. М. Литвинов передал В. П. Питомкину в тот же день содержание своей телеграммы П. М. Майскому от 25 апреля 1936 г. (см. док. № 138) и указал: «Позадайте немедленно Флиндера и требуйте, чтобы он со своей стороны настаивал на включении Великобритании в договорник Восточка Европы». — 247, 254

76 В упомянутом письме доводилось до сведения советских полномочных представителей, что в соответствии с решением советских финансовых органов представительства иностранных фирм в СССР «могут быть освобождены от обложения налогами на основании соглашения о ликвидации между СССР и соответствующими иностранными государствами». В связи с этим намечалось провести с заинтересованными странами переговоры о заключении конвенций, в которых предусматривалось бы, что «в компенсацию за полное или частичное освобождение представительств иностранных фирм от вышеуказанного обложения в СССР советские хозяйственные организации или советские интересы на территории соответственной страны будут в свою очередь освобождены полностью или частично от тех или иных падающих на них налогов». В письме содержалась также просьба «сообщить соображения о возможности заключения указанного соглашения с правительством страны вашего пребывания и о характере компенсации, которую мы могли бы получить по этому соглашению». — 255

77 Между Всесоюзным экспортно-импортным объединением по торговле с Афганистаном «Совафганторгом» и Афганским национальным банком и шеркетом «Асхам» 16 мая 1936 г. были подписаны генеральные соглашения: договор о взаимных поставках товаров и соглашение о банковских расчетах по всем торговым операциям. Согласно этим соглашениям, заключенным на три года, «Совафганторг» принял обязательство закупать ежегодно в Афганистане 1000 т шерсти, 12—14 тыс. т хлопка и 30 т опiums и поставлять афганцам оборудование для хлопкоочистительных и маслобойных заводов, автомашины, мануфактуру, керосин, сахар, чай. Стоимость товарных поставок в течение трех лет с каждой стороны предусматривалась в 10 млн. ам. долл. С подписанием этих соглашений товарооборот между СССР и Афганистаном увеличивался по сравнению с предыдущим периодом примерно на 90%. — 255

78 В указанном письме М. М. Славутский по поручению НКВД СССР заявил протест в связи с тем, что маньчжурские власти «разрешают и поощряют подготовку и организацию белогвардейскими элементами регулярной вооруженной силы для вооруженной борьбы против СССР». В письме приводились конкретные примеры, послужившие основанием для протеста, и подчеркивалось, что «организация подобных открытых вооруженных банд из эмигрантов, ставящих своей целью террористические акты, диверсионные действия и вооруженные выступления против Советского Союза, является фактом, абсолютно недопустимым в международных отношениях». В письме выражалась надежда, что маньчжурские власти «предпримут немедленные шаги и прекратят и запрещают деятельность белогвардейцев и, в частности, не допустят существования на своей территории военных училищ и учебных команд». — 255

79 Во время беседы с министром иностранных дел Японии 4 мая 1936 г. К. К. Юренев по указанию НКВД СССР вручил Аrita копию ноты, направленной генеральным консулом СССР в Харбине М. М. Славутским министру иностранных дел Маньчжоу-Го 2 мая 1936 г., в которой заявлялся протест против прекращения маньчжурской стороной всех платежей советским гражданам — бывшим рабочим и служащим КВЖД, уволенным с дороги, и нарушения тем самым соответствующих положений соглашения об уступке прав на КВЖД (см. т. XVIII, док. № 134). При этом полпред

разъяснил, что советская сторона вынуждена на заседании МПД Японии и урегулировании возникшего осложнения.

В связи с раздражением в японской печати содержания беседы Юрковского с Арига Б. С. Стомяков направил 5 мая 1936 г. полпреду телеграмму с поручением обратиться ввиду МПД Японии «на неправомерность информации японской прессы, например, на ложное сообщение, будто Вы протестовали», подчеркнув при этом, что «мы просим содействия японского правительства в не протестуем». — 258

⁸⁰ Телеграммой от 10 мая 1936 г. Б. С. Стомяков ответил полпреду: «С Вашим предложением о протесте согласен. На обед правительства надо, однако, пойти».

В письме Стомякову от 12 мая 1936 г. Э. А. Демус сообщил: «Согласно Вашим указаниям я посетил Мартере и заявил протест против того, что филиппинское правительство допускает подобные оскорбительные и недопустимые с точки зрения поддержания добрососедских отношений выпады. При этом указал, что правительство, как видно, не относится серьезно к фактам оскорбления советского народа».

В письме далее говорилось: «Мартере выслушал мои заявления и их зарисовал, затем выразил сожаление по поводу такого поведения и выводов указанных элементов». — 259

⁸¹ В записи беседы заведующего III Западным отделом НКВД СССР А. Ф. Пеймана с Валентино, состоявшейся 9 мая 1936 г., в частности, отмечалось: «Что касается Австрии, то он (Валентино. — *Ред.*) твердо убежден в том, что на ближайшее время Германия никаких попыток аннуксии делать не будет». — 260

⁸² 14 мая 1936 г. М. М. Дитвиннов телеграфировал из Женевы: «Как я и предвидел, поляки распространяют слухи о чрезвычайно важном значении моей встречи с Бекон, носившей якобы весьма сердечный характер, и о решении будто бы обидные визитам. Цель этих слухов понятна, но нам опровергать незачем». — 262

⁸³ Имеется в виду письмо Д. В. Богомолова Б. С. Стомякову от 23 марта 1936 г., в котором, в частности, отмечалось: «Так как трудно рассчитывать, что в ближайшее время наши переговоры с нанкинским правительством дадут реальные результаты, я считаю: бы целесообразным ускорить наш ответ Чан Кай-ши на его предложение положить в основу советско-китайских отношений декларацию Сунь Ят-сена — Шоффе (см. т. XVIII, док. № 453. — *Ред.*). Наш положительный ответ на его предложение в некоторой степени заменит собой отсутствие реальных результатов в наших разговорах». — 270

⁸⁴ В письме Б. С. Стомякову от 3 мая 1936 г. Д. В. Богомолов отметил, что «Иван Сюз-лян не только в принципе за соглашение с красными армиями для общей борьбы против Японии, но что даже фактически у него заключено перемирие с красными [армиями]. Все его группировки и его генералы за сопротивление Японии. В подтверждение этого заслуживает быть отмеченным тот факт, что, когда недавно в Сяни приехало несколько делегатов от студенческих организаций Пекина для своего рода пригласительной в пользу сопротивления Японии, командующий войсками в Сяни генерал Ян Ху-чэн не только принял хорошо студенческих делегатов, но даже пригласил их выступить с докладом на собрании офицеров, что они и сделали». — 271

⁸⁵ В письме Б. С. Стомякову от 22 января 1936 г. Д. В. Богомолов отметил, что успех выставки советской графики, организованной в Шанкэне при содействии Китайского общества культурной связи с СССР, «превышил наши ожидания», и, сообщив об обращении кантонских художественных кругов в полпредство с просьбой организовать показ выставки в Кантоне, просил информировать его о целесообразности направления выставки в Кантон. В письме от 23 марта полпред сообщал: «Я не настаиваю на отсрочке выставки в Кантон, потому что считаю необходимым, прежде чем

установить с Кантоном отношения, потребовать от Юго-Западного политического совета отмены запрещения на ввоз советских товаров; кроме того, необходимо, чтобы его лидеры открыто засвидетельствовали бы о перемене своей позиции по отношению к СССР. После этого, мне думается, можно было бы пойти на возобновление связи с Кантоном». — 271

⁸⁶ В ответ на этот запрос Д. В. Богомолов в письме Б. С. Стомякову от 25 июня 1936 г. сообщил: «Смерть Ху Хань-миня повлияла на отношения между Нанкинном и Юго-Западом в двух направлениях. 1. Ху Хань-минь, являясь злейшим врагом Чан Кай-ши и имея значительное влияние не только на Юго-Западе, но и внутри гоминьдана, был той силой, с которой Чан Кай-ши все время приходилось считаться. В случае решающего конфликта между Нанкинном и Юго-Западом при жизни Ху Хань-миня положение Чан Кай-ши было бы гораздо хуже, так как Ху Хань-минь имел бы много сторонников и в центральных провинциях. 2. С другой стороны, нужно признать, что смерть Ху Хань-миня ускорила развязку конфликта между Нанкинном и Юго-Западом. Как ни ненавидел Ху Хань-минь Чан Кай-ши, он не мог решиться на гражданскую войну против Нанкина, прекрасно понимая, что при всех условиях он окажет этим большую услугу японцам». — 271

⁸⁷ В докладе полпреда СССР в Китае от 24 июня 1936 г. «Китай в 1935—[19]36 гг.», в частности, отмечалось наличие глубоких антияпонских настроений у китайской интеллигенции и буржуазии, особенно наглядно проявившихся в студенческом движении, которое «прокатилось в декабре и январе широкой волной по всему Китаю». И если вначале, указывалось в докладе, отношение китайских властей к движению определялось их расчетами на то, что японцы, напуганные антияпонским движением, несколько замедлят свою экспансию на Севере, то в дальнейшем, «под давлением японских протестов, а также само напуганное размахом антияпонского движения, национальное правительство приняло немедленные меры к его подавлению», в результате чего «все студенческие демонстрации были запрещены и произведены аресты наиболее активных».

«Неизбежность столкновения Чан Кай-ши с Японией, — констатировало полпредство, — пусть не для защиты Севера, пусть только для защиты центральных провинций, ставит в порядок дня вопрос о создании единого фронта. Популярность идеи единого фронта среди китайской молодежи (как это показало студенческое движение), среди массы интеллигенции (как это показывают многие официальные и неофициальные выступления их), среди рядовых гоминьдановцев... и, наконец, среди части лидеров гоминьдана не оставляет никаких сомнений в том, что вопрос о едином фронте в Китае безусловно созрел». Отметив, что «не только часть лидеров гоминьдана, но и сам Чан Кай-ши понимает, что в случае войны с Японией китайское правительство может рассчитывать на успех сопротивления только тогда, когда будут прекращены все раздоры между отдельными политическими группировками и когда оно будет пользоваться поддержкой всей массы населения, включая крестьянство», полпредство в то же время делало следующий вывод: «Чан Кай-ши, однако, понимает и то, что соглашение о едином фронте предполагает развертывание сил всех прогрессивных элементов в стране и неизбежную демократизацию всей системы, а это как раз самое последнее, на что он может пойти». Из этого следует, отмечалось в докладе, что «как бы Чан Кай-ши ни понимал необходимость единого фронта для борьбы с Японией, он пойдет на него только тогда, когда будет к этому принужден событиями: только после того, как война с Японией станет фактом, он может пойти на соглашение о едином фронте». — 271

⁸⁸ Советско-английские морские переговоры проходили в мае — декабре 1936 г. и продолжались в 1937 г. В 1936 г. состоялось 6 заседаний: 20, 25 мая, 4, 12, 17 июня и 24 ноября. Помимо этих заседаний 22 июня 1936 г. имела место беседа И. М. Майского с Иденом и Хором в присутствии Крейги и Филлипса о морском соглашении, а также беседы Майского с Крейги

23 июля 1936 г. (см. док. № 231), Майского и С. В. Кагана с Крейги 30 октября 1936 г. и Кагана с Крейги 15 и 22 декабря 1936 г.

На первых трех заседаниях обсуждался вопрос об оговорке о Дальнем Востоке (см. док. № 160, 164). Была достигнута устная договоренность, что англо-советское соглашение не будет связывать СССР в отношении морских сил на Дальнем Востоке до заключения специального морского соглашения между СССР и Японией. В одностороннем порядке Советский Союз принял обязательство не проявлять инициативы внедипломатного морского строительства. Но если инициатива такого строительства будет принадлежать Японии, СССР считает себя свободным от обязательств.

Вторым важным вопросом на переговорах был вопрос о количестве советских кораблей и калибре их орудий. Английская делегация на третьем заседании 4 июня 1936 г. изъявила согласие на предоставление Советскому Союзу права в течение договорного периода построить два линкора с орудиями в 15 дюймов, т. е. приравнять СССР в этом отношении к Франции и Италии, у которых в то время в постройке находилось по два таких корабля. Была выражена также готовность признать за Советским Союзом право в течение того же периода построить десять крейсеров с орудиями в 7,1 дюйма, возмещением не свыше 8 тыс. т каждый. Однако на четвертом заседании 12 июня 1936 г. английская делегация изменила свою позицию и предложила советской стороне согласиться на постройку Советским Союзом указанных двух линкоров лишь при условии, что СССР ограничит число внедипломатных крейсеров десятью или семью. В результате последующих встреч была достигнута договоренность о количестве и калибре орудий советских кораблей (см. док. № 231).

Англичане согласились с тем, что обязательства СССР будут действовать лишь в той мере, в какой аналогичные обязательства примет на себя Германия. СССР обязывался построить до 1 января 1943 г. не больше семи крейсеров только в том случае, если Германия будет строить не больше трех крейсеров).

22 декабря 1936 г. Крейги информировал Кагана о переговорах с немцами и о позиции Германии по вопросу о крейсерах. «Из разговора с ними, — сообщил Каган в НКВД СССР, — у него создалось твердое убеждение в том, что немцы на этой оговорке (право на доведение количества крейсеров до пяти путем постройки двух новых или увеличения калибра пушек на двух существующих) будут настаивать».

23 декабря 1936 г. НКВД СССР телеграфировал Майскому: «После достигнутого с англичанами соглашения приходится возобновить переговоры из-за позиции Германии. После нашего ответа будут, очевидно, опять переговоры с Германией и затем опять с нами. Далее, Англия ведет переговоры с Турцией, со скандинавами и будет вести с Италией и Японией; могут быть подняты новые вопросы, которые опрокинут наши переговоры. Нам представляется поэтому наиболее целесообразным, чтобы английское правительство созвало совещание представителей всех заинтересованных государств, и тогда, вероятно, легче и быстрее можно будет створаться».

14 января 1937 г. Майский телеграфировал в НКВД и НКО СССР «Крейги сообщил мне, что британское правительство не считает целесообразным созывать конференцию морских держав по следующим соображениям: 1. Созыв конференции без Франции и США он полагал бы невозможным, а Франция отказывалась и отказывается сидеть за одним столом с Германией. 2. Британское правительство не созывает конференцию, пока не будет уверено в ее успехе, а идти на конференцию, не договорившись по крайней мере с СССР и Германией, оно считает рискованным. 3. Остающиеся еще разногласия между Англией, Германией и СССР настолько значительны, что они смогут быть вполне урегулированы путем двусторонних переговоров. 4. Созыв конференции потребовал бы значительного времени, а британское правительство очень торопится закончить переговоры с главнейшими державами, дабы сократить бездоговорный период со всеми вытекающими отсюда осложнениями».

Телеграммой НКВД СССР от 7 марта 1937 г. Майскому было поручено изложить Крейги дезоды Советского правительства в пользу созыва морской конференции, так как оно считало, что международная конференция предоставляет больше гарантии и на ней можно было бы также обсудить методы контроля. В дальнейшем советская сторона не настаивала на своем предложении и двусторонние переговоры были продолжены. Основным нерегулируемым вопросом оставался вопрос о крейсерах. В телеграмме Майскому от 20 марта 1937 г. НКВД СССР дал указание завести Идзэу о готовности Советского правительства принять в новой редакции пункт о максимальном калибре в 16 дюймов для линкоров, а в отношении крейсеров сообщить, что «мы не можем согласиться, чтобы постройка нами дополнительных трех крейсеров зависела от инициативы Германии. Мы настаиваем на сохранении за нами права постройки этих трех крейсеров по собственной инициативе, независимо от германских планов, причем то же право инициативы в постройке дополнительных одного-двух крейсеров независимо от нашего строительства, мы признаем и за Германией».

В телеграмме Майскому и Чижурскому в НКВД и НКО СССР от 3 апреля 1937 г. сообщалось: «По основному вопросу о крейсерах англичан вполне удовлетворяет наше требование, чтобы вопрос о постройке трех дополнительных вехлитных крейсеров ни в какой мере не был связан с германским строительством».

В мае — июне 1937 г. статьи о крейсерах были согласованы, 17 июля 1937 г. советско-английское морское соглашение было подписано (см. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1938, № 6). — 272, 277, 376, 368

⁸⁹ В конце 1935 г. американской прессой, особенно Харстовской, была поднята шумная кампания по обвинению Советского Союза в нарушении обязательств, содержащихся в нотах, которыми обменялись М. М. Литвинов и президент Рузвельт 16 ноября 1933 г. (см. т. XVI, док. № 363). Поводом для этой антисоветской кампании послужила нота посольства США в СССР в НКВД СССР от 25 августа 1935 г. в связи с проходившим в Москве VII конгрессом Коминтерна. В ответной ноте НКВД СССР от 27 августа 1935 г. обосновано отвергалась какая-либо связь между упомянутыми обязательствами и конгрессом Коминтерна (см. т. XVIII, док. № 348). — 275

⁹⁰ Предыстория подписания публикуемого протокола такова. 29 апреля 1936 г. советник посольства Японии в СССР Сако информировал заведующего II Восточным отделом НКВД СССР Б. И. Козловского об официальном предложении японского правительства подписать временное соглашение относительноmodus vivendi на период с 31 мая 1936 г., когда истек срок действия рыболовной конвенции, до 31 декабря того же года и представил при этом японский проект протокола.

5 мая 1936 г. Козловский сообщил Сако о согласии Советского правительства с предложением японского правительства. После согласования текста проекта протокол был подписан. — 279

⁹¹ Советские артисты цирка (40 человек) находились в МНР в течение двух месяцев. Они дали представления в Улан-Баторе и во многих аймачных центрах. Вместе с группой поездки по стране совершали советские врачи, выступавшие перед населением с докладами и лекциями по вопросам здравоохранения и борьбы с болезнями, распространяемыми в МНР. Советские артисты и врачи были тепло приняты монгольским населением. — 281

⁹² По-видимому, имеется в виду заявление министра иностранных дел Китая от 25 мая 1936 г. (см. газ. «Известия», 2 июня 1936 г.). — 283

⁹³ В соответствии с поручением, изложенным в телеграмме Б. С. Стомонова от 15 февраля 1936 г., Н. Я. Райвид 17 февраля занял директору европейско-азиатского департамента МИД Японии Того устный протест по поводу нарушений японскими самолетами границы СССР 22 января 1936 г. в 7 км севернее падь Сеняя в районе Гродеково и 27 января 1936 г. — в районе селения Турой Рог.

18 марта 1936 г. по указанию НКВД СССР Н. Я. Райвид заявил про-

гест в связи с нарушениями японскими самолетами советской границы, имевшими место 9 марта 1936 г. в 4 км южнее ст. Даурия и 10 марта — в 4 км юго-восточнее селения Дураевская на Аргуни. — 284

⁶⁴ 12 мая 1936 г. дипломатическим бюро в Северной Маньчжурии был заявлен протест генеральному консульству СССР в Харбине по поводу якобы имевшего место 22 апреля 1936 г. нарушения советским самолетом маньчжурской границы в районе г. Мишани; 6 июня генеральное консульство информировало дипломатическое бюро о том, что «в результате тщательного произведенного расследования установлено, что означенного нарушения не было, ввиду чего протест дипбюро от 12 мая отклоняется». — 284

⁶⁵ 16 июля 1936 г. директор европейско-азиатского департамента МИД Японии Того информировал советника полпредства СССР в Японии Н. Я. Райзиду о том, что он, Того, уполномочен начать переговоры о статусах и составе комиссий по демаркации границы на участке от оз. Ханка до р. Тумынь и по предупреждению и урегулированию пограничных споров на том же участке границы. Вручив Райзиду проекты двух соглашений, Того заявил, что японская сторона предлагает, чтобы после достижения представителями СССР и Японии соглашения в общих чертах в переговорах приняв участие представитель Маньчжоу-Го, с тем чтобы окончательные соглашения были подписаны представителями МИД Японии, полпредства СССР и Маньчжоу-Го.

Японский проект соглашения о пограничных комиссиях предусматривал распространение его действия только на участок границы между оз. Ханка и р. Тумынь; создание комиссий в составе трех делегаций (японской, маньчжурской и советской), каждая из которых состоит из трех лиц; создание, помимо местных комиссий, центральной смешанной комиссии, имеющей тот же состав, что и местные комиссии; двухлетний срок действия соглашения с автоматическим его продлением (см. также док. № 250). — 285, 384, 404, 486

⁶⁶ Делегация турецких учителей (41 человек) находилась в СССР с 3 по 20 сентября 1936 г. Она посетила Москву, Ленинград, Одессу, Севастополь, где имела встречи и беседы с учителями школ, с учеными институтов Академии наук СССР, профессорско-преподавательским составом Московского и Ленинградского университетов. Ей была предоставлена широкая возможность для ознакомления с постановкой учебной работы и методикой преподавания в советских школах и высших учебных заведениях. Делегация была принята народным комиссаром просвещения РСФСР и председателем Мособлгорисполкома. — 291

⁶⁷ 13 июля 1936 г. путем обмена нотами было заключено соглашение о торговых взаимоотношениях между СССР и США (см. т. XVIII, док. № 320). В соответствии с соглашением ряд советских товаров (марганец, льняные ткани и др.) получил в США тарифные преимущества, что содействовало расширению советско-американской торговли. Однако соглашение не предусматривало распространения на договаривающиеся стороны принципа наибольшего благоприятствования, в связи с чем в отношении советского угля, ввозимого в США, продолжал действовать американский протекционистский закон о пошлине на уголь иностранного происхождения. Эти меры носила явно дискриминационный характер, мешая развитию торговли между двумя странами. Советская сторона неоднократно ставила перед госдепартаментом и посольством США в Москве вопрос об отмене такой пошлины, указывая, что ее сохранение осложнит ведение переговоров о продлении торгового соглашения.

3 мая 1936 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинский направил полпреду СССР в США А. А. Трояновскому письмо с поручением переговорить с Хэллом по этому вопросу, отметив, в частности: «Если же по угляю мы не добьемся удовлетворительного для нас ответа от госдепартамента, то придется этот вопрос перенести на торговые переговоры, которые ввиду этого осложнятся». Американская сторона немаловажно ссылалась на невозможность для правительства изменить положение

поскольку-де закон о пошлине на уголь, принятый конгрессом США, продолжает оставаться в силе, общая тем не менее добиваться его отмены. В то же время правительство США без санкции конгресса 6 февраля 1936 г. освободило голландский, а несколько позднее и шведский уголь от обложения пошлиной.

В 1936 г. во время переговоров о продлении торгового соглашения американская сторона добивалась увеличения Советским Союзом закупок товаров до 37 млн. долл. против 30 млн. долл. в 1935 г. (см. т. XVIII, док. № 169). Это требование было отвергнуто на том основании, что при нерешенности вопросов о признании принципа наибольшего благоприятствования и ликвидации дискриминационной пошлины на советский уголь подобное расширение обязательств Советского Союза по будущему торговому соглашению носило бы односторонний характер. В результате дальнейших переговоров была достигнута договоренность, в соответствии с которой временный поперечный в делах США в СССР Гендерсон письмом от 8 июля 1936 г. информировал НКНД СССР о том, что «государственный департамент рассматривает в настоящее время возможность постановления на следующей сессии конгресса вопроса об отмене путем законодательной акции по меньшей мере дискриминационных постановлений этой пошлины». 11 июля 1936 г. состоялся обмен нотами о продлении торгового соглашения (см. док. № 218), а 13 июля того же года в соответствии с указанной договоренностью Крестинский в письме Гендерсону сообщил, что Советский Союз намерен закупить в течение года американских товаров на сумму «не менее 30 млн. долл.» (см. док. № 221). Таким образом, из-за позиции американской стороны вопрос о дискриминационном обложении пошлиной советского угля, ввозимого в США, не получил надлежащего разрешения и в 1936 г.

Во время переговоров, начавшихся в июне 1937 г., Советское правительство вновь выдвинуло предложение заключить торговое соглашение на базе обоюдного признания принципа наибольшего благоприятствования. Правительство США приняло это предложение, и 4 августа 1937 г. народный комиссар иностранных дел СССР и посол США в СССР обменялись нотами, скрепившими достигнутое соглашение между СССР и США. Оно вступило в силу 5 августа, после одобрения СНК СССР и прокламации президентом США. По этому соглашению стороны согласились предоставлять друг другу «безусловный и неограниченный режим наиболее благоприятствуемой нации», и, таким образом, дискриминационная пошлина на советский уголь была отменена. Советское правительство со своей стороны взяло на себя обязательство принять меры к существенному увеличению закупок американских товаров. Годовая сумма импорта СССР из США была определена в 40 млн. долл.— 292, 364

⁹⁸ 17 июня 1936 г. заведующий III Западным отделом НКНД СССР А. Ф. Нейман вручил Гендерсону меморандум, в котором сообщалось: «Закупки американских товаров в результате мероприятий, проведенных в связи с соглашением 1935 г. (см. т. XVIII, док. № 320.— *Ред.*) советскими хозяйственными организациями, составят в период, начиная с 13 июля 1936 г. по 13 июля 1937 г. не менее 37 млн. долл.»— 292

⁹⁹ Имеется в виду конвенция о воздушной линии Прага — Москва, подписанная в Бухаресте 2 апреля 1936 г. между Румынией и Чехословакией фактически в обход соглашения о воздушном сообщении Прага — Москва, заключенного между СССР и Чехословакией 16 мая 1935 г. (см. т. XVIII, док. № 227). Как видно из комментируемого документа, Чехословакия согласилась с предложением советской стороны аннулировать упомянутую конвенцию с Румынией.

В результате последовавших затем советско-румынских переговоров 22 марта 1937 г. состоялся обмен письмами между М. С. Островским и министром авиации и флота Румынии Примеску, где говорилось, что воздушная линия Москва — Прага, проходящая через территорию Румынии, будет функционировать в течение 1937 г. на основе советско-чехословацкого со-

глашения от 16 мая 1935 г. Румынское правительство оставляло за собой право с 1 января 1938 г. поставить вопрос о преобразовании двустороннего советско-чехословацкого соглашения в трехстороннее советско-чехословацко-румынское. С 4 по 18 июля 1938 г. в Москве состоялась конференция представителей СССР, Чехословакии и Румынии по вопросу о заключении трехстороннего соглашения о воздушном сообщении Прага — Москва, закончившаяся безрезультатно главным образом из-за неуступчивой позиции румынской делегации. — 293

¹⁰⁰ 17 мая 1936 г. румынский посланник в СССР Чунту обратился в НКВД СССР с ходатайством разрешить румынскому летчику Кантакузину перелет по трассе Архангельск — Якутск — Кимчатка. Ходатайство не могло быть удовлетворено по мотивам, изложенным в письме II Западного отдела НКВД СССР М. С. Островскому от 13 июня 1936 г.: «Заявите Бибееску, что это — общее распоряжение правительства и что мы не можем разрешить полеты румынскому летчику в то время, как мы уже отказали на основании этого распоряжения правительства французам, англичанам и японцам».

По приглашению Центрального аэроклуба СССР Кантакузину совершил поездку в Советский Союз в конце 1936 г. — 294

¹⁰¹ В упомянутом письме Н. С. Тихменев Б. С. Стомянкову сообщалось, что в последнее время в Дании участились выступления военных в печати. «Эти печатные выступления, — говорилось в письме, — построены на констатации того факта, что не только датские проливы, но и сама территория Дании (да и частично территория Швеции) имеет колоссальное стратегическое значение во всякой северо-западной или северо-восточной европейской войне и что проливы и датская (частично и шведская) территория будут перед угрозой захвата со стороны обеих гипотетических противников. Военные и консерваторы доказывают, что датский (и шведский) нейтралитет можно обеспечить надлежащим усилением вооружений; датские социал-демократы и датское правительство, по-видимому, идут навстречу этим пожеланиям военных; радикалы пока что придерживаются еще в этом вопросе традиционных радикальских взглядов».

Но, конечно, даже при искреннем желании и серьезных усилиях вооружиться Дания (и Швеция) не сможет защитить своей «нейтралитет» без чьей-либо сильной поддержки, т. е. без того, чтобы не стать на ту или другую сторону, т. е. фактически пожертвовав своим «нейтралитетом». Шансы на то, что Дания выберет в таком случае Германию, довольно значительны, если не будет создана достаточно мощная группировка, способная противостоять германской агрессивности. — 295

¹⁰² В письме Б. С. Стомянкову от 6 января 1936 г. Н. С. Тихменев по данному вопросу сообщал: «Как бы ни были намерения вождей датской социал-демократии, и особенно Стаунинга, в массе датского народа, особенно же среди радикальной интеллигенции, растет искренняя и сильная тревога перед фашистской Германией, особенно под влиянием колебаний Англии, на которую здесь до сих пор привыкли смотреть, как на защитницу скандинавской независимости и демократии. Среди этой радикальной интеллигенции, являющейся здесь влиятельным слоем, растет интерес, а подчас и сочувствие к СССР».

В письме Тихменев Стомянкову от 7 февраля 1936 г. говорилось о беседе с сотрудником газеты «Подтигген» Гретором. «Гретор, — писал полпред, — недавно был во Франции, говорил там с французскими политиками, в частности с радикалами, и слышал от них заявления, что против фашистской Германии есть одна опора — СССР; он не верит в то, что Англия поддерживает Скандинавские страны против Германии, и также считает, что они должны искать опоры у СССР; в Дании есть круги, интересующиеся СССР и симпатизирующие ему; эти круги боятся потери независимости Дании и превращения ее в германского вассала; деятельность этих кругов была бы значительно подкреплена и дала бы значительно большие результаты, если бы можно было развить датско-советские торгово-политические связи».

В письме от 8 марта 1936 г. Тихменев затрагивал вопрос о расширении советско-датских торговых отношений «в смысле увеличения и нашего вывоза из Дании и особенно в смысле увеличения и расширения импорта нашей продукции в Данию промышленного сырья. Само собой ясно, что мы не можем претендовать заменить во внешней торговле Дании Германию или Великобританию, являющихся основными рынками сбыта ее сельскохозяйственной продукции», но, отмечалось далее в письме, «мы смогли бы сильно заинтересовать датскую промышленность». — 295

¹⁰³ В упомянутом меморандуме Гретора, полученном полпредством СССР в Дании от автора, задавались вопросы, связанные с датским экспортом в Англию, имевшим важное значение для экономики Дании. По мнению Гретора, Англия теряет политический интерес к судьбам Дании, в результате — последняя вынуждена искать новые рынки сбыта для своей сельскохозяйственной продукции. Германия использует это для хозяйственного, политического, идеологического проникновения в Данию. Автор отмечал, что речь идет о мирном завоевании Дании Германией, конечной же целью Германии является безраздельное овладение Балтийским морем.

Далее в меморандуме говорилось:

«Известный круг политически мыслящих датчан создают эту опасность, они решили бороться против подрыва датской независимости Германией. Эта защита датской независимости и нейтралитета была бы значительно облегчена, если бы наряду с внутриполитической деятельностью была возможна новая торгово-политическая ориентация Дании на СССР. Большой объем товарооборота между СССР и Данией сам по себе дал бы другое направление внутреннему развитию Дании... общественное мнение поняло бы, что единственная опасность для датской самостоятельности грозит из Германии, тогда как СССР является той великой державой, которая заинтересована в наличии самостоятельного здорового государства на выходе из Балтийского моря, государства, готового выступить на защиту неограниченной свободы плавания по Зунду и Бельтам». — 295

¹⁰⁴ В упомянутой беседе А. С. Черных и вновь назначенный министр иностранных дел Ирана Самин обменялись мнениями по некоторым вопросам международной обстановки. Черных, в частности, подчеркнул, что окончание итапо-эфиопской войны «отнюдь не означает ликвидации конфликта вообще. Конфликт входит в новую свою стадию, может быть, даже более опасную, чем раньше, поскольку изменившееся соотношение сил в этой части света задевает в настоящее время интересы значительно более крупных государств и переносит очаг возможного возникновения международной войны на мировой путь». Он также отметил, что «в этих условиях все государства, заинтересованные в сохранении мира, должны стремиться поддерживать друг друга и этим способствовать созданию более устойчивого положения на международной арене». Самин, сообщил Черных, «с этим целиком согласился и сказал, что Иран со своей стороны предлагает много усилий к стабилизации положения в странах Среднего Востока». — 302

¹⁰⁵ По просьбе правительства МНР народным комиссариатом земледелия СССР в июле 1936 г. в МНР была направлена научная ветеринарная экспедиция из девяти человек (позднее к ним присоединились еще два специалиста).

Планы экспедиции предусматривали изучение эпизоотического состояния страны, обследование районов распространения важнейших инфекционных заболеваний, разработку и организацию мер борьбы с каждым заболеванием в отдельности и с учетом местных условий.

Экспедиция проделала большую исследовательскую и практическую работу по выполнению указанного плана, совершила поездку по стране, оказывая практическую помощь аратским хозяйствам.

В связи с пожеланием правительства МНР срок работы экспедиции был продлен до 1940 г. Однако ввиду потребности в специалистах монгольское правительство в 1939 г. ходатайствовало о переводе сотрудников экспедиции

в министерство рыбного хозяйства и земледелия и Ученый комитет МНР. Эта просьба была также удовлетворена. — 307

¹⁰⁶ 10 июля 1933 г. посол Японии в СССР Ота вручил заместителю народного комиссара иностранных дел СССР памятную записку, в которой излагались предложения японской стороны «о мероприятиях по предотвращению и урегулированию инцидентов в связи с рыболовным сезоном» (имеются в виду многочисленные случаи нарушения советских территориальных вод японскими рыболовными судами, а также миноносцами, направлявшимися в районы лова ярибы для «охраны» рыболовных судов). 21 сентября того же года посол вручил заместителю народного комиссара памятную записку, содержащую измененный вариант предложений японской стороны по этому вопросу, а во время встречи с ним 13 апреля 1934 г. заинтересованным ответом на сделанные предложения. В связи с этим заместитель народного комиссара заявил, что для предупреждения инцидентов «японское правительство должно дать указания о прекращении хищнического лова с другой стороны, следует прекратить практику стационарирования японских миноносцев, наличие которых поощряет японских рыбопромышленников к незаконному лову». При этом он напомнил о заявлении Советского правительства по поводу незаконных действий японских миноносцев (см. т. XVI, док. № 197).

2 июня 1934 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомонов сообщил Ота ответ на предложения от 21 сентября 1933 г. и в связи с запросом посла от 13 апреля 1934 г. Перечислив факты самозащитных действий японских миноносцев в советских территориальных водах в рыболовный сезон 1933 г., Стомонов отмечал, что у японской стороны нет никаких оснований держать вблизи от советских берегов военные суда, что посылка военных судов «создает неблагоприятную для наших отношений атмосферу», и, наоборот, «отказ от посылки этих судов является лучшим средством для установления хороших отношений как между жителями и японскими рыбопромышленниками, так и между двумя странами» (см. также т. XVIII, док. № 87). — 308, 343

¹⁰⁷ 22 июня 1936 г. М. М. Славуцкий информировал особого агента МИД в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэя о том, что, по имеющимся у него сведениям, управление Забайкальской ж. д. «оставило вопрос о прекращении отправки поездов, если не прекратятся дальнейшие провокации, расчленившие на срыв международного сообщения».

6 июля 1936 г. Славуцкий заявил секретарю дипломатического бюро Уэно для передачи особому агенту протест против «новых безобразий властей на ст. Маньчжурия» и предупредил, что «ответственность за последствия действий маньчжурской стороны, направленных к срыву международного сообщения, возлагается на маньчжурское правительство».

На VIII конференции по европейско-азиатскому пассажирскому сообщению транзитом через СССР, проходившей в Варшаве в июле 1936 г., советская делегация разослала всем участникам конференции декларацию о ненормальности положения, сложившегося на станциях Маньчжурия и Пограничная (Суйфынхэ) вследствие бесчинств чиндзых маньчжурским властям в отношении советских железнодорожных служащих. — 309

¹⁰⁸ В телеграмме А. С. Черных в ИКНД СССР от 24 мая 1936 г. сообщалось: «Сегодня в Саминь детально обсуждали положение о пограничных конвенциях. Я указал на недопустимость дальнейшей затяжки, подчеркнул, что связывание пограничных конвенций с «Кевар-Хурианом» лишает всякой возможности разрешить и те и другие вопросы. Выразил свое личное убеждение, что после подписания пограничных документов мне удастся получить согласие Москвы на переговоры по «Кевар-Хуриану». Саминь ответил, что он до сих пор не имел возможности заняться нашими делами, будучи отвлечен другим, но сейчас он возьмется за них вплотную. Он дает слово примерно в три недели закончить переговоры подпиской и просит об этом сообщить Москву». Далее полпред указывал: «Саминь не сказал прямо, что

прекращается связывание пограничных перевозов в «Кевир-Хурпаном», но смысл его слов был именно таков». — 312

¹⁰⁸ Содержание беседы М. М. Литвинова с Алоизи было затронуто и в его беседе с Иденом, о которой он в телеграмме из Женевы в НКВД СССР от 13 мая 1936 г. сообщал: «Я ему говорил то же, что я предлагал Поль-Бонкуру и Алоизи, что вернуть Абиссинию независимость нельзя одними экономическими санкциями без более сильных мер, как блокада, и раз Совет на это не идет, то нет смысла сохранять санкции. В обмен на прекращение санкций надо, однако, добиться от Италии твердых обязательств по укреплению мира в Европе, в поддержке принципа коллективной безопасности и Лиги наций» (см. также док. № 206). — 317

¹¹⁰ В телеграмме в НКВД СССР от 4 июня 1936 г. торгпред СССР в Японии В. Н. Кочетов, резюмируя итоги своих бесед с влиятельными представителями японских деловых кругов, сообщал: «Общее впечатление: в связи с несколько изменившимся курсом японской политики в сторону больших уступок военские отношения делового мира более сдержанное. Не проявляют большого интереса к нашим делам, и мои замечания, что не исключена возможность расширения наших операций при наличии приемлемых условий, встречены холодно. Многие фирмы, ранее посещавшие нас, очевидно, не желают портить отношений с военными кругами, воздерживаются от встреч с нами». Подтверждая изложенное конкретными примерами, торгпред отметил: «До сих пор, несмотря на наши предложения, все фирмы воздерживаются от конкретных переговоров с нами». — 319

¹¹¹ В письме от 23 июля 1936 г. полпред СССР в Японии сообщал: «Я не думаю, что враждебность Японии к нам сильно углубилась и продолжает дальше углубляться. Несомненно, что нынешнее положение на наших с Маньчжурией границах не может считаться устойчивым, но я не думаю, что Япония в данных условиях рискнет на какую-либо серьезную авантюру в отношении нас.

Пропаганда в пользу вооружений Японии, несомненно достигла широкого размаха. Военщина использовала длившееся в течение 6 месяцев военное положение для того, чтобы «отыграться» на нас. К сожалению, возможности борьбы с враждебной нам пропагандой действительно крайне ограничены, и мы едва ли будем в состоянии проталкивать в прессу нашу информацию. К счастью, японская печать (газеты и журналы) «недостаточно дисциплинирована» и поэтому дает информацию самого пестрого порядка — враждебной и иногда положительного характера.

То обстоятельство, что военщина и Хирота приходится не раз долеми-зировать на страницах печати с теми группами и лицами, которые высказываются за пакт с нами, за политическое урегулирование отношений между СССР и Японией, свидетельствует о том, что общественность Японии все же не дает себя полностью обмануть.

Наше положение в Японии мы могли бы улучшить, поставив нашу торговлю с этой страной на серьезную почву. К сожалению, этого нет и едва ли будет. Мы с г. Кочетовым сейчас думаем над неким планом нашего экономического сотрудничества с Японией; по окончательной выработке плана сообщим Вам о нем телеграфно.

Япония заинтересована сейчас в нашем чугуне, и особенно в нашей нефти. С отказом США от продажи Японии железного лома вопрос о нашем чугуне приобретает для Японии большую остроту. Мы намеревались, как Вы, вероятно, знаете, продать примерно 300 тыс. т чугуна, но эта сделка Москвой была аннулирована. Трудно защищать чугунозную комбинацию, зная, для каких потребностей японского империализма пойдет наш советский чугун!»

Касаясь переговоров о выработке новой рыболовной конвенции, К. К. Юренев указывал: «Японский империализм принадлежит к числу наиболее хищных, и поэтому уступки ему, особенно на таких участках, как рыболовный, лишь разжигают вожаков враждебных нам групп».

«В разговорах с нашими знакомыми, — продолжал полпред, — мы, как Вы выражаетесь, «с цитатами и фактами в руках» стараемся, и не безуспешно, доказывать нежелание японского правительства пойти на мирное сотрудничество с нами (в частности, в вопросе о границах) и [указываем] на введение в заблуждение японской общественности насчет наших якобы враждебных планов и намерений в отношении Японии. Эта работа, скажу без преувеличения, дает свои результаты прежде всего потому, что каждый наш разговор с тем или иным политическим деятелем становится известным довольно широкому кругу его друзей и знакомых». — 320, 354

113 В упомянутом письме, в частности, отмечалось: «Странное впечатление производит поведение Арига в переговорах с Вами о пограничных комиссиях. После большого интереса к этим переговорам он вдруг перестал ими интересоваться. Не является ли это результатом того, что даже этот близкий к военным дипломат был ею одернут вследствие нежелания японской элиты создавать «демобилизационные» настроения в стране. Эта мысль напрашивается, хотя, с другой стороны, возможно также, что Хирота и Арига выжидают закрытия парламента, для того чтобы продолжить переговоры». — 320

112 21 июля 1936 г. К. К. Юренев телеграфировал Б. С. Стомякову: «После встречи Райвида с Того (см. прил. 95. — *Ред.*) будет целесообразно подождать с назначением Вами разоблачением политики японского правительства в вопросе о пограничных комиссиях». — 321

114 В телеграмме полпреду СССР в Японии от 19 июня 1936 г. по поводу этой беседы Б. С. Стомяков сообщал: «17 июня Сако вручил мне ответ японского правительства на наши последние предложения по рыболовному вопросу (см. газ. «Известия», 27 апреля, 18 июня 1936 г. — *Ред.*). Ничего нового в японском ответе не имеется, за исключением предложения о закреплении за японцами их участков и, соответственно с этим, о заключении конвенции не на 12, а на 10 лет». — 321, 355

115 В связи с затронутым в документе вопросом К. К. Юренев в письме М. М. Литвинову от 27 августа 1936 г. сообщал: «Японское правительство в лице Арига не делает никаких шагов в сторону улучшения отношений с нами. Арига в разговорах со мной, особенно в последнее время, проявляет исключительную беспомощность, боится высказать свое мнение по самому малейшему вопросу». «Японское правительство, — отмечал полпред, — избегает какой-либо демонстрации улучшения отношений с нами». — 322

116 В упоминаемой телеграмме приводились высказывания японского журналиста Тамура, по словам которого, «настроение в армии характеризуется лучше всего тем, что в политических кругах циркулируют слухи о подготовляемом на август новом выступлении офицерства», а позиция военно-морских кругов в вопросах внешней политики «нашла теперь свое выражение в заявлениях моряков и правительства об экспансии на юге и в образовании правительства, с согласия парламента, специальной акционерной компании для развития военной экспансии в южных морях».

В письме М. М. Литвинову от 27 августа 1936 г. К. К. Юренев в связи с поручением сообщал: «Мы имеем заслуживающие полного доверия сообщения об острых трениях между армией и моряками в вопросе о японско-советских отношениях. Моряки, и в частности мор[ской] министр Нагано, высказываются решительно против военной затеи в отношении СССР». В телеграмме в НКВД СССР от 28 августа 1936 г. полпред отмечал, что «моряки решительно поддерживают политику продвижения на «юг» и воздержание от агрессии против «севера». — 322

117 В телеграмме от 2 июня 1936 г. К. К. Юренев информировал НКВД СССР об обращении в полпредство группы депутатов парламента Японии, направившихся в Будапешт на международную парламентскую конференцию, которые высказали пожелание сделать остановку в Москве и посетить некоторые промышленные предприятия, научные и культурные учреждения, школы, а также встретиться с рядом официальных лиц.

Как сообщал Юренев в телеграмме в НКВД СССР от 12 июня 1936 г., на завтрак в полпредстве СССР «председатель нижней палаты Томита в присутствии всех гостей и нас заявил, что он был и остается сторонником заключения пакта о ненападении с СССР», «депутаты говорили о том, что Япония и СССР являются двумя великими соседними странами и сохранение между ними добрососедских отношений имело бы огромное значение для дела международного мира».

«Сегодняшнее поведение Томита и прочих парламентариев,— отметил полпред,— объективно является открытой демонстрацией дружбы в отношении нас и «вызовом» по адресу военщины». — 323

¹¹⁸ В телеграмме полпреду СССР в Японии от 16 мая 1936 г. Б. С. Стомомяков запрашивал, «продолжает ли действовать режим, установленный полицией для полпредства» (см. док. № 73, 96), а также «какие имеются новые факты притеснений». «Возможно, что при ближайшей встрече с Ота,— говорилось в телеграмме,— я вновь поставлю этот вопрос». В ответ 18 мая 1936 г. К. К. Юренев телеграфировал: «Режим, установленный полицией для полпредства, сохраняется. Число полицейских машин, дежурящих около полпредства, сократилось до четырех, но сопровождение сотрудников полпредства стало более назойливым. При этом полицейские вовсе не стараются скрыть, что дело идет о слежке, а не о «личной охране» (см. также док. № 225). — 323

¹¹⁹ 5 июня 1936 г. К. К. Юренев телеграфировал в НКВД СССР: «При проезде [торгпреда] Кочетова через Цуругу в Москву и обратно его личные вещи были досмотрены, несмотря на предъявление в обоих случаях лессе-пассе. МИД об этих случаях послана 2 июня вербальная нота. Вскрыты были также три чемодана [драгомана полпредства] Андреева, предъявлявшего цуругской таможене лессе-пассе, выданное МИД». В другой телеграмме от того же числа Юренев сообщил, что полпредством сделано представление МИД Японии по этому поводу.

В ответ на поставленный в документе вопрос Юренев телеграфировал Б. С. Стомомякову 17 июля 1936 г.: «Полагаю, что целесообразнее выдержаться от контрмер до нового случая незаконного досмотра японцами багажа у кого-либо из наших сотрудников, имеющих лессе-пассе МИД». — 323

¹²⁰ Ответ на некоторые из поставленных в публикуемом документе вопросов содержался в письме К. К. Юренева в НКВД СССР от 27 августа 1936 г. Подчеркнув «огромное значение» для Японии отношений с Англией «на данном этапе борьбы японского империализма за гегемонию в Китае и на Дальнем Востоке» и отметив, что «Япония стоит за соглашение с Англией», полпред делал вывод о том, что такого рода соглашение, «даже относительно выгодное для Англии, в нынешних условиях означало бы чрезмерное усиление Японии в Китае». «В нынешних международных условиях,— сообщал он,— Англия делает ставку на японо-китайскую войну в уверенности, что мы будем в нас неизбежно втянуты».

Об отношении крупнейших политических партий Японии — минсэйто и сэйюкай — к правительству Хирота полпред писал: «Обе эти партии являются представителями японского империализма, сторонниками всемирной экспансии и сильной Японии. Однако они лучше военных понимают положение Японии и чувствуют тревогу за ее судьбу. Сам факт создания «единого фронта» обеих еще недавно враждовавших партий... является весьма показательным с точки зрения роста боязни быть вовлеченными в войну и антивоенных настроений в Японии».

Касаясь выдвинутого обеими партиями в связи с обсуждением в парламенте военного бюджета требования, чтобы правительство ясно высказалось по вопросу внешнеполитической линии, полпред отмечал: «Требую от Хирота определенной внешней политики, вышеназванные партии стремились и, добавим, стремятся в Китай и на «юг», удерживая Японию от опасной и непопулярной в стране войны с Советским Союзом. Политика минсэйто

и сязкою поддерживалась и поддерживается морскими кругами, ориентированными на Китай и «ю».

В письме в НКВД СССР от 22 ноября 1936 г. полпред, характеризующий обстановку в стране после февральского путча, отмечал ухудшение экономического положения трудящихся масс Японии, обострение классовых борьбы в городе и деревне, оживление деятельности фашистских и профсоюзных организаций. «Из той борьбы,—говорилось в письме,—которая сейчас ведется между политическими партиями и воищенной, низшейшей государственно-политической режим во всяком случае выйдет с несомненным ущербом. По существу говоря, политические партии лишь обороняются, да и то крайне слабо; это прекрасно понимает военщина».— 324

¹²¹ Излагая содержание своей беседы с лидером социалистической массовой партии Японии (сейкай тайсюто), депутатом японского парламента Камэи, состоявшейся 19 июня, К. К. Юренев привел ряд его высказываний о советско-японских отношениях:

«За последнее время в армии значительно усилились тенденции в пользу соглашения с СССР и поворота японской политики против Англии; эти настроения особенно сильно растут среди молодого офицерства после февральских событий. В основе этих настроений лежит растущее убеждение в том, что Англия является главным препятствием для японской экспансии, и, кроме того, растущая боязнь среди высшего состава, что Япония не может одержать победу в войне с СССР».

У молодых офицеров, особенно возвращавшихся из Маньчжурии и Китая, также за последнее время складывается мнение, что Япония, начав войну против СССР, обязательно ее проиграет, ибо самым главным козырем СССР является превосходство советской цивилизации, как высшей формы человеческой цивилизации, над японской капиталистической».

«Говоря о внутренней политике,—сообщал далее полпред,—Камэи отметил два основных явления: 1) продолжающийся упадок фашизма и фашистских организаций в стране, все больше теряющих массовую базу и даже финансовую поддержку крупного капитала; 2) возникновение под влиянием французских и испанских событий движения за создание народного фронта, против фашизма и милитаризма. Сейкай тайсюто хочет видеть на себя инициативу организации народного фронта... По мнению Камэи, к осени удастся оформить движение народного фронта, подготовка уже идет, и, в частности, все японские кооперативные съезды уже приняли резолюции против фашизма и милитаризма».

В заключение полпред отметил, что считает необходимым отнестись к высказываниям Камэи «весьма критически, учитывая его известную нам крайнюю субъективность».— 324

¹²² В заключительном акте комиссии о сдаче — приемке Хатхильского шерстоулки было отмечено, что все производственные, хозяйственные и жилые помещения, оборудование и монтаж находились в удовлетворительном состоянии. На фабрике на день передачи работало 81,5% национальных кадров. В акте указывалось, что капитал акционерного общества «Монголшерсть» составлял 2 100 000 тугриков и принадлежал поровну, т. е. по 1 050 000 тугриков, СССР и МНР.

30 декабря 1940 г. между правительством МНР и правительством СССР было заключено соглашение о порядке возмещения правительству СССР его капиталовложений в бывшие советско-монгольские смешанные общества, в том числе в «Монголшерсть». Согласно этому соглашению правительство МНР обязалось возместить правительству СССР 1 050 000 тугриков в течение 25 лет равными долями, начиная с 1940 г.— 324

¹²³ В телеграмме из Женевы от 27 июня 1936 г. М. М. Литвинов сообщал в НКВД СССР, что Арас «отрицает сообщение Карахана касательно предложения взаимной защиты проливов» и утверждает, что «он говорил о пакте взаимной помощи».— 325

¹²⁴ В телеграмме в НКВД СССР от 12 июня 1936 г. Л. М. Карахин, сообщая об упоминаемой беседе, писал: «Арас сегодня по своей инициативе и в результате совещания с Ататюрком и Иненю вернулся к старому турецкому предложению о заключении соглашения о проливах, сущность которого в том, что в случае угрозы нам или туркам мы помогаем друг другу в защите проливов. Арас подчеркнул, что только такое соглашение с нами сделало бы Турцию твердой и обеспечило бы в проливах режим, который был бы одинаково в интересах обеих сторон». — 326

¹²⁵ В упомянутом документе говорилось, что в связи с обращением английского правительства к Швеции высказать мнение относительно морского соглашения, заключенного Англией с Францией и США, Юлдезшерне поручено выяснить точку зрения Советского Союза по этому вопросу — 336

¹²⁶ 9 августа 1936 г. временный поверенный в делах Японии в СССР Сако по поручению правительства Японии заявил Б. С. Стомонякову, что японские рыболовные суда в момент их задержания находились «вне территориальных вод» СССР или «были задержаны в то время, когда они стояли в тумане благодаря поврежденным машинам... Что касается «Ихуви» «Аканэ-мару», то она была задержана вне территориальных вод». Указав на то, что ввиду изложенного «капитаны Ихуви не должны были привлекаться к ответственности за нарушение территориальных вод», Сако сказал, что «японское правительство считает меры, принятые советской стороной, несоответствующими (неправильными) и поэтому просит, чтобы Советское правительство дало местным властям инструкцию о том, чтобы в дальнейшем такие случаи не имели места».

Заявив, что он отклоняет демарш японского правительства как находящийся «в резком противоречии с фактами», я привел подробные данные, свидетельствующие об обоснованности каждого случая задержания советскими властями японских рыболовных судов. Стомоняков отметил: «Ввиду того, что заходы японских судов в советские воды продолжаются, я просил бы г. Сако, чтобы в Токно были приняты соответствующие меры». Тем не менее и в ноте Арита К. К. Юрекеву от 9 сентября 1936 г. отмечалось, что «задержание «Аканэ-мару» явилось незаконным актом». «Что касается промера глубины моря у мыса Канкальского, — утверждалось далее в ноте, — то ничего подобного не имело места», а в отношении «Сюнкоу-мару» установлено, что вышеуказанное судно совершило только безобидный переход через советские территориальные воды». — 359, 368

¹²⁷ В телеграмме М. М. Литвинова в НКВД СССР из Женевы от 27 июня 1936 г. (и в копии полпредству СССР в Англии) о беседе с Иненю по вопросу о проливах говорилось: «Сегодня у меня был Иден со Стрэнгом. Он сказал, что не желает создавать для нас затруднений в Черном море, но должен учитывать и свое положение в парламенте. Иными словами, он не хочет создавать впечатления сдачи позиций. Он готов не возражать против выхода наших сил из Черного моря, но с тем, чтобы была установлена некоторая зависимость между тоннажем иностранных судов в Черном море и нашими. Я выдвинул нашу первую позицию, предложил полное закрытие Черного моря с предоставлением выхода с известными ограничениями наших судов. Иден предпочитает, однако, свободу проливов. В результате длительной беседы Иден согласился на ограничение общего тоннажа судов всех стран в Черном море 30 тыс. т с тем, чтобы этот тоннаж соответственно увеличился в зависимости от роста нашего Черноморского флота. Наш флот будет тогда иметь свободу выхода с теми ограничениями, на которых будет настаивать Турция в интересах безопасности проливов, иначе говоря, изложенных уже в турецком проекте. Я предложил Идену еще раз обсудить со своими экспертами мое предложение о полном закрытии проливов. Я полагаю, что в случае отклонения нашей первой позиции можно в крайнем случае принять предложение Идена, но я еще потаргуюсь». — 351, 359

¹²⁵ Во время пребывания в СССР в июле 1936 г. Эйлер вел в Наркомвнешторгом переговоры, в результате которых была достигнута договоренность о снятии канадским правительством эмбарго, наложенного на ввоз советских товаров в феврале 1931 г. (см. «Внешняя торговля», 1936, № 13, стр. 18).

Переговоры о торговых отношениях между СССР и Канадой продолжались в 1937 г. — 353

¹²⁶ Последние английские предложения касались формы расчета с английскими фирмами по заказам, сделанным в счет кредитов, предоставляемых Советскому Союзу. Н. М. Майский в телеграмме от 9 июля 1936 г. сообщил в НКВД СССР, что в ходе переговоров 30 июня Никсон предложил следующую форму расчета: «наличными против документов в Лондоне» (см. док. № 204).

В телеграмме НКВД СССР на имя н. о. торгпреда СССР в Великобритании В. И. Жилина от 10 июля 1936 г. сообщалось о согласии на заключение кредитного соглашения на условиях последних предложений Никсона: чисто финансовый кредит на сумму 5 млн. ф. ст., сроком на полтора-два года, с процентной ставкой 5,5% годовых; размещение заказов в течение 12 месяцев с момента подписания соглашения с оговоркой о приемлемых ценах.

Телеграмма заканчивалась указанием: «Не проявляйте инициативы в вопросе о сумме. Если англичане сами предложат 10 млн. ф., то можете это предложение принять, но обязательно оговорите, что срок для размещения заказов в этом случае должен быть по нашему требованию продлен на дальнейшие шесть месяцев» (см. док. № 236). — 354

¹²⁷ Балтийская геодезическая конвенция была заключена 31 декабря 1925 г. сроком на 12 лет. Ее участниками были: Германия, Дания, Вольный город Данциг, Латвия, Литва, Польша, Советский Союз, Эстония, Финляндия, Швеция. Протокол о продлении конвенции до 1 января 1949 г. подписали все ее первоначальные участники (см. «Собрание законов...», отд. I, № 25, 27 июня 1937 г., стр. 659—663). — 355

¹²⁸ 16 июля 1936 г. н. о. особого агента МИД в Северной Маньчжурии Ши Чжао-хэ сообщил вице-консулу СССР в Харбине А. М. Дрибнянскому: ответ маньчжурской стороны на публикуемое письмо. Он заявил, в частности, что «надзор за сотрудниками консульства в Пограничной и запрещение продажи им продуктов места не имели», что якобы Голубцов «искал и в недоброжелательном духе сфабриковал факты», ввиду чего маньчжурская сторона считает протест «необоснованным». Что касается консульства в Маньчжурии, то там «только в ночь на 29 июня была установлена чрезвычайная охрана и утром снята». Дрибнянский расценил этот ответ как неудовлетворительный, подчеркнув, что «оставляя полностью в силе наши представления, мы продолжаем настаивать на установлении нормального режима в отношении наших консульств и возлагаем ответственность на маньчжурское правительство за возможные последствия». — 356

¹²⁹ В ходе указанной беседы Н. М. Майский затронул вопрос о конференции в Монреэ. В записке беседы полпреда говорилось, что, по словам Вансигтгарта, «британское правительство не имеет никакого желания обострять англо-советские отношения из-за Дарланилла. Идену и Стэнхопу даны инструкции искать приемлемый компромисс. Вансигтгарт полагает, что такой компромисс будет не очень трудно найти. По крайней мере телеграммы Идена из Жемезы по вопросу о проливах носят в общем оптимистический характер. Конференция в Монреэ — одна из таких конференций, которой суждено кончиться благополучно». — 359

¹³⁰ Финская газета «Свенска прессен» 17 июня 1936 г. опубликовала статью, в которой, в частности, говорилось, что, по заявлению Хаксона, в Советском Союзе «5 тыс. фингерманландцев несколько дней тому назад подверглись принудительной высылке из своих жилищ вблизи границы».

Газета «Суомен sosial-demokratit» 18 июня 1936 г. сообщила, что согласно информации финляндского бюро печати Хаксель заявил этому бюро, что он никакого интервью газете «Свенска прессан» не давал.— 362

¹³⁴ В телеграмме Э. А. Асмуса в НКВД СССР от 25 июня 1936 г. говорилось: «Предвыборная кампания подтверждает наше предположение о том, что внешнеполитические вопросы служат мобилизацией реакционных сил. Печать всеми силами старается вызвать к моменту выборов впечатление, что острые моменты в советско-финских отношениях сглажены. Виновниками оставшихся разногласий выставляются Советское правительство и Коминтерн. Социал-демократы широко используют в выборных целях требование улучшения отношений с СССР и отход Финляндии от Германии».

В телеграмме в НКВД СССР от 3 июля 1936 г. Асмус сообщил: «Статья «Правды» была помещена 1 июля в одной только шведской газете. Сегодня «Хельсингин саномат» помещает ответную передовую, в которой отделяется общими фразами, обвиняет в ухудшении положения СССР и делает выпад против полпредства». — 363

¹³⁵ В записи беседы Э. А. Асмуса от 13 июля 1936 г. говорилось, что «по аландскому вопросу Хаксель рассказал, что им сделано т. Литвинову специальное заявление о том, что Финляндия не думает укреплять остров» (см. также прим. 136). — 363

¹³⁶ В телеграмме в НКВД СССР от 16 июля 1936 г. из Женевы М. М. Литвинов сообщил: «Хаксель заверял меня, что германские наци, которые раньше действительно вели сильную пропаганду в Финляндии, теперь притихли в результате финских предостережений. Сообщения германских газет об укреплении Аландских островов лишены всякого основания. Финляндское правительство утвердило кредиты на военные расходы на пять лет, и для Аландских островов ничего не предусмотрено. Я напомнил ему международные обязательства Финляндии. Он признал, что были неофициальные разговоры между финскими и шведскими военными о совместной защите Аландских островов, но ничего из этого не вышло». — 364, 432

¹³⁷ 10 июля 1936 г. Сараджоглу в беседе с Л. М. Караханом заявил: «Вчера около полуночи Арабу была дана инструкция договориться наконец по турецко-советским разногласиям, касающимся эскортирования советских судов двумя миноносцами». Одновременно он высказал просьбу, чтобы по этому вопросу М. М. Литвинову были направлены соответствующие указания. — 365

¹³⁸ В письме Н. Н. Крестинского Б. Е. Штейну от 7 августа 1936 г. указывалось, что Советскому Союзу «нет необходимости торгаться с италяговорами» с Италией, что «Италия предъявила нам требования, аналогичные тем, которые предъявлены ею всем странам», и что «переговоры с большинством стран у Италии прерваны. В первую очередь прерваны переговоры с Англией. Едва ли итальянцы сумеют полностью сбросить свои условия в переговорах с третьими странами. Едва ли, с другой стороны, они сумеют сохранить существующее положение, когда санкции, формально отмененные, фактически действуют». — 367

¹³⁹ В ответном письме Н. Н. Крестинскому от 27 июля 1936 г. Я. З. Сурриц отмечал: «Высказанные Вами соображения, что от австро-германского соглашения вытесняет в первую очередь Германия, а не Италия, в настоящий момент, за очень малым исключением, разделяются здесь почти всеми». Анализируя германо-австрийское соглашение от 11 июля 1936 г., Сурриц подчеркивал, что это «подписанное в Вене соглашение широко раскрывает двери для проникновения в Австрию германского влияния и облегчает позднейший аншлюс». — 372

¹⁴⁰ В упоминаемом докладе, направленном полпредством СССР в Японии в НКВД СССР 17 июня 1936 г., отмечалось: «Международное положение Японии в течение первой половины 1936 г. заметно ухудшилось. Противоречия с основными державами (Англия, США, Китай) обострились, отношения с СССР достигли чрезвычайного напряжения, и лишь отношения

с Германией упрочились, что не могло, однако, компенсировать общее ухудшение международного положения Японии. За этот период ни японская дипломатия, ни армия не смогли зарегистрировать ни одного сколько-нибудь заметного успеха во внешней политике. Наоборот, Япония получила за этот период несколько ошутительных ударов по своему престижу, в частности из-за престижа ее армии, в результате поражений в спровоцированных ею самой же пограничных столкновениях на советской и монгольской границах. «Хотя правительство Хироита еще не конкретизировало своей экономической и финансовой политики,—подчеркивалось в докладе,—не подлежит сомнению, что его основной задачей является: а) осуществление нового скачка в деле вооружения японской армии и флота; б) изменение стратегической дислокации армии в смысле большей готовности к войне в СССР; в) расширение военно-промышленной базы для внешней экспансии путем перестройки всей экономики страны в военную, прикрытую дознанием «контролируемой экономики»; г) увеличение доли народного дохода, расходуемой на военную подготовку и д) дальнейшее снижение жизненного уровня существования масс».

«Февральские события,—говорилось в докладе,—в свою очередь несколько затерзали темпы экспансии, ибо они дезорганизовали армейскую верхушку, внесли общую сумятицу в армию и отвлекли ее внимание к внутренним и в особенности к внутриармейским проблемам. Теперь эта полосу растерянности и дезорганизации, видимо, подходит к концу, и мы видим новое усиление активности военных в Китае и подготовку ею новой акции в Северном Китае. Одновременно усилился и саботаж военными в деле урегулирования пограничных вопросов между СССР и Японией. В настоящее время влияние, которое февральские события оказали на характер японской внешней политики, стало вполне отчетливым. Она стала еще более агрессивной. Влияние на внешнюю политику военных и воюющих кругов финансового капитала стало, таким образом, более отчетливым».

Констатируя, что «под влиянием флота и заинтересованных кругов буржуазии правительство высказалось в пользу расширения экономической экспансии на юг и укрепления ее материальной базы», подпредство в то же время делало вывод, что «южное направление по-прежнему остается второстепенным. Основной удар японской агрессии по-прежнему направлен против Китая при одновременном чрезвычайном усилении военной подготовки всей страны к решающему столкновению с СССР».

По поводу японо-германских отношений в докладе отмечалось: «Со всех сторон поступали сведения, подтверждающие далеко идущее военное сближение между Японией и Германией против СССР. Многие японцы в разговорах с нами признавали, что понимание в этом вопросе существует де-факто между Германией и Японией, что, быть может, даже имеются отдельные соглашения генштабов, но что нет оформленного военного союза. Мы, однако, конечно, должны считаться с наличием такого нелинейного союза как с реальностью». — 382

¹⁴ В упоминаемом письме, по словам полпреда, делалась попытка проанализировать «тактическое маневрирование японской дипломатии, выполняющей заказ военщины в вопросе советско-японских отношений», а также излагались основные этапы советско-японских переговоров по урегулированию положения на советско-маньчжурской границе. «Японское правительство,—говорилось в письме,—начинает брать курс на отказ от им же самим предложенных переговоров». Характеризуя настроения в отношении СССР среди политических партий, финансово-промышленных кругов, а также в армии, полпред отмечал: «Я считаю, что война Японии против нас, война, к которой армия так усиленно готовится (вооружения и «военизация» экономики) возникнет, со всей вероятностью, лишь в случае возникновения войны в Европе. Менее вероятной, но не исключенной является такая возможность, когда Япония, действуя в добром согласии с

Германией, нападет на нас и явится кастрельщиком международной войны». — 384

¹⁴² В упоминаемой телеграмме в НКВД СССР полпред сообщал: «Вчера вечером полицейская машина, как всегда, сопровождала Райвида и Кочетова. Агент вышел из машины и пошел вслед за этими товарищами в кинотеатр, заняв ближе к ним место. Вечером, в 11 часов Райвид встал перед воротами сопредства следующую сцену: у полицейской будки у ворот стоит полицейская машина и на походных колесиках на тротуаре лежат два агента в штатском, задрав ноги кверху». — 385

¹⁴³ 31 июля 1936 г. К. К. Юренев телеграфировал Б. С. Стомозякову: «Сегодня Хидака (начальник протокола) передал Райвиду ответ Арита на мой вчерашний демарш: Арита поручил аппарату МПД связаться с полицейскими властями на предмет выяснения, что можно сделать. Каков будет ответ, Хидака не знает, но он лично связает, что «спра быть недоторному смягчению чувств». Хидака сопроводил этот ответ потоком аргументов, оправдывающих действия полиции, аргументами, многократно нами приводившимися. Райвид, не вступая в дискуссию, заявил, что должен мне ответ, но напоминает мое заявление Арита, что речь идет о неосуществленной и полной отмене всех дискриминационных мер». — 388

¹⁴⁴ Касаясь германских маневров в отношении Чехословакии, народный комиссар иностранных дел СССР в письме полпреду СССР в Чехословакии С. С. Александровскому от 26 августа 1936 г. также указывал: «Не подлежит сомнению, что немцы делают усилия договориться с Чехословакией еще до встречи локарских держав или, по крайней мере, подготовить почву для соответственного выступления Гитлера на юрнбергерском партийном. Выступление Бенеша (см. «Известия», 22, 23 августа 1936 г. — *Ред.*) также говорит в пользу этого предположения. Имеем сведения, что Гендлейн (председатель судебно-немецкой партии. — *Ред.*) во время своего пребывания в Берлине имел длительную беседу с Маастык (посланник Чехословакии в Германии. — *Ред.*), после чего последний немедленно выехал в Прагу. Посетивший меня вчера консервативный член английского парламента сказал мне, сославшись на разговор с Масариком (посланник Чехословакии в Великобритании. — *Ред.*) в Лондоне, что Чехословакия в крайнем случае готова будет пойти даже на преиспыт в населенных немцами пунктах Чехословакии взамен значительных экономических уступок со стороны Германии».

В своем ответе от 31 августа 1936 г. на это письмо Александровский отмечал, что германо-чехословацкие «полуофициальные переговоры были, но прервались в момент опубликования австро-германского соглашения, сильно изменившего ситуацию». В записи беседы Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой 31 августа 1936 г. в частности, говорилось, что «Крофта подтверждает, что у него были разговоры с германским посланником Эйзендором, в которых последний в общей форме «философствовал» на тему о том, что ни в историческом прошлом, ни в ситуации сегодняшнего дня нет препятствий для более близкой кооперации между Германией и Чехословакией. На уточняющие вопросы Крофта ответил, что речь шла о возможности заключения пакта о ненападении, пакта о невмешательстве, а может быть, и еще какого-нибудь пакта о консультациях. Однако Крофта при этом весьма категорически заявлял, что эти разговоры не носили характера даже предварительных переговоров». — 390

¹⁴⁵ В упоминаемой телеграмме полпред сообщал в НКВД СССР о намерении перед отъездом в отпуск нанести визит Галифаксу, временно замещавшему в то время Идена. «Так как Галифакс в разговоре может затронуть испанский вопрос, в частности наше отношение к французскому предложению о нейтралитете в испанской войне, то срочно сообщите указания. Кстати, верны ли сообщения здешней прессы, что французское правительство обратилось к Советскому правительству с подобным предложением?»

11 августа 1936 г. полпред телеграфировал в НКВД СССР, что ввиду отсутствия Гамифакса он беседовал с заместителем министра иностранных дел Кадоганом. «В разговоре был затронут также испанский вопрос, но никаких попыток обмануть нас во вмешательстве Кадоган не обнаружил». Наоборот, он с удивлением констатировал, что Советское правительство приняло французское предложение, не ставя никаких условий». — 394

¹⁴⁶ 3 августа 1936 г. Б. Е. Штейн телеграфировал в НКВД СССР «о замалчивании здесь разоблаченной иностранной печатью отправке 21 итальянского самолета в Марокко и других фактов итальянского вмешательства». В письме И. И. Крестинскому 13 августа 1936 г. полпред, касаясь этого вопроса, сообщал: «Можно много не распространяться на тему о помощи, которую Италия оказывает испанским генералам. Разным образом можно не обмываться в том, что итальянскому правительству были хорошо известны планы Франко и других. Интересно отметить, что за несколько дней до восстания Чинго в разговоре со мной высказал убеждение в том, что в недалеком будущем в Испании неизбежно восстание срыва. Итальянская печать с исключительной наглостью не скрывает своих симпатий по адресу мятежников, хотя считает нужным сарказать от своих читателей помощь, оказываемую этим мятежникам. До сих пор в дешевой печати нет ни звука о 21 аэроплане, посланном в Испанское Марокко. Характерно, что эта печать воздерживается даже от предположения какой-либо своей версии об аэропланах, как будто бы вообще такого факта не существовало». — 394

¹⁴⁷ В упомянутой резолюции Ассамблеи Лиги наций от 4 июля 1936 г. говорилось:

«Ассамблея,

1) вновь обратившись по инициативе правительства Аргентинской Республики в связи с решением от 11 сентября 1935 г. об отсрочке сессии для рассмотрения положения, сложившегося в результате итапо-африканского конфликта;

2) принимая к сведению сообщения и заявления, сделанные ей в этой связи;

3) констатируя, что различные обстоятельства вооруживают полную применимость Устава Лиги наций;

4) твердо и неизменно придерживаясь принципов Устава, которые также находят свое выражение в других дипломатических актах, таких, как декларация американских государств от 3 августа 1932 г., отвергающих урегулирование территориальных вопросов при помощи силы;

5) стремясь укрепить авторитет Лиги наций путем применения этих принципов, исходя из имеющегося опыта;

6) убежденная в том, что необходимо подыть действительную эффективность гарантий безопасности, которые Лига предоставляет своим членам;

Выражает пожелание, чтобы Совет:

а) предложил правительствам стран — членом Лиги направить Генеральному секретарю по возможности до 1 сентября 1936 г. любые предложения, которые они считали бы необходимым представить с тем, чтобы улучшить в духе и рамках вышеуказанного осуществления принципов Устава;

б) поручил Генеральному секретарю изучить в предварительном порядке и, в частности, классифицировать данные предложения;

в) отчитался перед Ассамблеей во время ее очередной сессии о состоявшийся дел в данном вопросе». (см. газ. «Известия», 5 июля 1936 г.) — 394

¹⁴⁸ В телеграмме в НКВД СССР от 25 августа 1936 г. К. К. Юренев, информируя о выполнении поручения в беседе с Арита в тот же день, сообщал: «По п. 1 он сказал, что японская сторона никогда не соглашалась на создание комиссии по урегулированию конфликтов на всей границе без создания при этом комиссии по демаркации всей границы. По п. 2 ска-

зал, что, по его мнению, незачем касаться прошлых конфликтов, но если мы на этом настаиваем, то он считает целесообразным, чтобы были рассмотрены также и все имевшие место до 30 января конфликты. По п. 3 относительно предоставления в смешанных пограничных комиссиях Арита воздержался от ответа. По п. 4 относительно мира и спокойствия на границе он сказал, что согласен, что надо сохранять мир и спокойствие, но что сам вопрос о границе неясен и подлежит уточнению, что явствует из соглашения о создании комиссии по демаркации. По п. 5 относительно маньчжуро-монгольских пограничных комиссий Арита сказал, что Япония незачем вмешиваться в это дело. Насколько ему известно, между обоими правительствами указанных стран намечаются нормальные переговоры».

Беседа была продолжена на следующий день. В телеграмме в НКВД СССР от 26 августа полпред привел высказывания министра, отметившего, в частности, что «если бы мы пригласили в принципе демаркацию всей границы, то можно было бы признать принцип создания комиссии по урегулированию конфликтов на всей границе» и что «нет необходимости касаться старых конфликтов, ибо об этом все забыли». Арита повторил, — резюмировал полпред, — изложенное во вступительном иам Того прозвучавшем о том, что комиссия по демаркации будет состоять из представителей Маньчжоу-Го и СССР, а комиссия по урегулированию конфликтов — из представителей трех стран» (см. прим. 95). По п. 4 о спокойствии на границе он заявил, что «вообще желание о спокойствии на границе должно быть поддержано» (см. док. № 315). — 405, 488, 508

¹⁴⁹ 22 июля 1936 г. дипломатическое бюро МИД в Северной Маньчжурии направило в генеральное консульство СССР в Харбине памятную записку, в которой делалась попытка поставить под сомнение справедливость представленной советской стороной справки о состоянии счетов КВЖД, в том числе об всех обязательствах дороги к моменту подписания соглашения о КВЖД; в ней утверждалось, что маньчжурская сторона удовлетворяла иски иностранных граждан и организаций к дороге по обязательствам, не указанным в упомянутой справке, и содержалось требование о возмещении «суммы, состоящей из этих платежей за вас и начисленных на них 3% годовых». И далее: «В случае, если ваше правительство в течение трех месяцев со дня отсылки настоящей памятной записки не оплатит на наше требование, то мы будем вынуждены покрыть означенную сумму из неоплаченной стоимости выкупа дороги».

22 августа 1936 г. генеральный консул СССР в Харбине М. М. Славущий по указанию НКВД СССР заявил протест против намерения маньчжурских властей производить незаконные платежи за счет СССР. «Правительство СССР, — подчеркивалось в протесте, — со всей решимостью отвергает ультимативную постановку вопроса правительства Маньчжоу-Го, присвоившего себе право оплачивать за счет СССР из причитающейся последнему выкупной суммы за КВЖД не признанные им претензии третьих лиц».

Тем не менее в письме особого агента МИД в Северной Маньчжурии Ши Люй-бяня Славущкому от 5 сентября 1936 г. утверждалось, что «долговые обязательства, по которым в настоящее время мы уплачиваем за вас кредиторам КВЖД, являются правильными и законными сделками». — 499

¹⁵⁰ В ноте К. К. Юреневу от 2 октября 1936 г. Арита утверждал, что Советское правительство якобы «совершенно отказывается» «выполнять свои обязанности по долгам КВЖД», вследствие чего «Маньчжоу-Го, вынужденное платить указанную задолженность вместо СССР», «решило вычесть из еще не оплаченной суммы за КВЖД сумму, соответствующую вышеуказанной задолженности». Вместе с тем Арита сообщал, что он советовал Маньчжоу-Го «воздержаться от этого для того, чтобы разрешить вопрос благополучно, и этот мой совет, как Вам известно, был принят маньчжурским правительством». — 456

пустыные выпады и вчера сообщил нам, что им сделаны соответствующие указания прессе. В последние два дня кампания действительно несколько притихла, хотя отдельные враждебные статьи и сообщения еще продолжаются». — 413

¹⁵⁵ В соответствии с указанием советник полпредства Н. Я. Райвид 1 сентября 1936 г. сделал представление заместителю министра иностранных дел Японии Хориноути. В телеграмме в НКВД СССР, направленной в тот же день, Райвид, в частности, сообщал, что «Хориноути обещал выяснить возможность удовлетворения наших требований». 8 октября 1936 г. К. К. Юренев по поручению НКВД СССР сделал министру иностранных дел Арита заявление, в котором, отметив необоснованность задержания японскими властями «Терека», а также безуспешность шагов, предпринятых полпредством в целях освобождения судна и его экипажа, подчеркнул, что «в случае, если этот вопрос не будет урегулирован срочно и справедливо, советские власти вынуждены будут обращаться с японскими пароходами, заходящими в советские порты, со всей строгостью законов» (см. также док. № 402, 425). — 416

¹⁵⁶ В упоминаемом докладе в НКВД СССР от 4 сентября 1936 г. полпред сообщал, что в беседе с Чиано были затронуты международные проблемы и вопросы отношений Италии со странами Юго-Восточной Европы. В частности, он указывал: «В разговоре с Чиано я отмечал бурный характер и непрерывный рост германской экспансии в Румынии и Югославии». Чиано, говорилось в докладе, в свою очередь согласился с полпредом: «относительно размеров и темпов проникновения Германии на Балканы». — 417

¹⁵⁷ В упомянутой телеграмме в НКВД СССР С. Б. Катан, ссылаясь на сообщение лондонской печати от 1 сентября 1936 г. о возможном созыве в ближайшем дне Комитета по невмешательству, запрашивал соответствующие директивы.

Вопрос о создании Лондонского комитета по невмешательству в дела Испании с участием Советского Союза был решен в конце августа 1936 г.

В беседе с заместителем заведующего III Западным отделом НКВД СССР Ф. С. Вейнбергом 29 августа 1936 г. временный поверенный в делах Франции в СССР Пайяр сообщил о предложении французского правительства, чтобы «каждое участвующее в соглашении правительство уполномочило своего представителя, находящегося в какой-либо из европейских столиц, участвовать в работах специального комитета, задачей которого является суммирование информации о принятых отдельными странами мерах, а также практическое разрешение могущих возникнуть вопросов. Французское правительство считает, что этот комитет мог бы быть создан в Лондоне». Пайяр просил по возможности скорее дать ответ на это предложение.

31 августа 1936 г. между Вейнбергом и Пайяром состоялась новая беседа по этому вопросу. В записи беседы Вейнберга говорилось: «Я сообщил Пайяру о нашем согласии с французским предложением о создании в Лондоне комитета послов для суммирования информации о мерах, принятых отдельными странами в связи с соглашением о невмешательстве в испанские дела, а также для практического разрешения могущих возникнуть вопросов». — 418

¹⁵⁸ В связи с обменом нотами между М. М. Литвиновым и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром по вопросу о Декларации о невмешательстве в дела Испании (см. док. № 249) 28 августа 1936 г. был издан приказ по НКВД СССР № 491, подписанный в. о. народного комиссара внешней торговли С. К. Судановым, который гласил: «Запрещая с 28 августа 1936 г. экспорт, реэкспорт и транзит в Испанию, испанские владения и испанскую зону Марокко всякого рода оружия, аммуниции и военных материалов, всяких воздушных судов в собранном и разобранном виде, а также всяких военных кораблей» (см. газ. «Известия», 30 августа 1936 г., а также док. № 327, 329, 330). — 418

¹⁵⁹ В телеграмме Э. А. Асмуса от 6 мая 1936 г. в НКВД СССР гово-

рилось: «По сообщениям газет, Хаксель выезжает 6-го через Стокгольм в Женеву, где 9-го состоится совещание скандинавов и Голландии о судьбах Лиги наций... Ряд политических деятелей подтвердил мне тревогу, охватившую Финляндию в связи с судьбой Лиги наций». В письме Б. С. Стомнякову от 12 мая 1936 г. Асмус сообщил, что «пресса беспрерывно задает Лигой наций. Многочисленные мои финские собеседники разъяснили мне тревогу Финляндии. Наконец, отправили Хакселя в Женеву на совещание четырех северных стран и Голландии, к которому присоединились Испания и Швейцария. Судя по газетной информации, все эти страны высказались за поддержку Лиги наций и ее реконструкции, но промолчали о санкциях. Из финских газет только фашистские категорически высказались за выход Финляндии из Лиги наций, Коалиционная пресса, а за ней и остальная в разных оттенках требует гарантий дееспособности Лиги». — 421.

¹⁶⁹ В телеграмме в НКВД СССР от 11 сентября по тому же вопросу Я. З. Суриц высказывал мнение, что «на Нюрнберг нам необходимо дать ответ сильный и резкий, который встретит понимание и одобрение в ряде стран, но не такой, который сыграл бы на руку поджигателям войны. Этот ответ мог бы выразиться, например, в следующих мероприятиях: 1) нота протеста; 2) твердое публичное выступление одного из руководителей нашей страны; 3) приостановка поставок сырья в ущерб Германии, даже если это сопряжено с оплатой некоторых наших векселей в золоте».

По этому поводу заместитель народного комиссара иностранных дел СССР И. Н. Крестинский писал Сурицу 19 сентября 1936 г., что народный комиссар поставил вопрос относительно реактирования на нюрнбергские антисоветские выступления. «Решено, — сообщал Крестинский, — ноты не посылать. Что касается реактирования в прессе, то, как Вы видели, наша печать откликнулась на партийтаг достаточно решительно, не останавливаясь перед резкими характеристиками даже членов правительства». — 426, 430

¹⁷⁰ В ответ на этот запрос С. Б. Каган 20 сентября телеграфировал в НКВД СССР: «Мексиканский посланник Бассольс одновременно представляет Мексику в Лиге. Он уезжал в Мексику с расчетом вернуться к сентябрьской сессии. Теперь он, вероятно, в Женеве. Если он там, не целесообразнее ли, чтобы нарком поговорил с ним на эту тему?»

М. М. Литвинов телеграммой из Женевы от 21 сентября 1936 г. информировал НКВД СССР: «Мексиканец сообщил мне, что он недавно был в Мексике, знает настроение президента, уверен в его склонности к восстановлению отношений. Мексика, как страна маленькая, хотела бы, чтобы мы первые сделали какой-нибудь дружественный жест. Я ему напомнил, что мы раньше требовали извинения, а теперь ввиду общих интересов мы готовы восстановить отношения без всяких условий. Мексиканец сказал, что немедленно сообщит наше предложение президенту, и спрашивал, где продолжать переговоры, так как он не рассчитывает получить ответ раньше, чем через десять дней. Эту затяжку он пояснил тем, что телеграфно он сможет обращаться лишь к министру иностранных дел, который не очень благожелательно рассмотрит предложение и может сорвать его, между тем как письма он может адресовать непосредственно президенту».

14 октября 1936 г. И. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР: «Сегодня я видел мексиканского посланника Бассольса, который сообщил мне, что его письмо из Женевы о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Мексикой мексиканским президентом получено и встречено благоприятно. Бассольс надеется в течение ближайших дней получить из Мексики инструкцию о восстановлении отношений. Я отнесусь к этому заявлению Бассольса с некоторой осторожностью, учитывая известную восторженность и романтичность, свойственную его характеру».

17 декабря 1936 г. член советской делегации в Лиге наций Б. Е. Штейн телеграфировал в НКВД СССР из Женевы: «Бассольс сказал, что президент считает данный момент неудобным по соображениям своей внутренней политики».

Дипломатические отношения между СССР и Мексикой были восстановлены 12 ноября 1942 г. — 427

¹⁶² Посольство Польши в СССР обратилось 6 марта 1936 г. в НКВД СССР с нотой, в которой выражалась просьба разрешить éventуальный перелет границы и приземление на территории Советского Союза аэростатов, экипажи которых намеревались принять участие в международных состязаниях, организованных польским аэроклубом. 23 июня 1936 г. НКВД СССР ответил согласием.

Аэростаты стартовали в Варшаве 30 августа 1936 г. Девять из них приземлились 31 августа — 3 сентября в различных районах СССР. Местные власти и население оказали аэронавтам необходимую помощь. Десятый аэростат, о котором идет речь, совершил посадку 1 сентября в лесах Онежского района. Отсутствие в течение нескольких дней сведений о судьбе аэростата было использовано, как сообщал полпред СССР в Польше телеграммой в НКВД СССР от 11 сентября, некоторыми польскими кругами для попыток выступить с обвинениями в адрес советской стороны (см. также сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 317, 319; газ. «Известия», 4 ноября 1936 г.). — 427

¹⁶³ В письме Н. Н. Крестинскому от 12 сентября 1936 г. временный поверенный в делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельд сообщал, что, «несмотря на все заверения, вопрос о реализации наших специальных заказов находится пока еще в весьма тяжелом состоянии» и что «налицо яркая картина саботажа со стороны аппарата морского министерства и промышленности». — 429

¹⁶⁴ В упоминаемой телеграмме Я. Э. Сурница говорилось, что на вопрос посла США Додда, «чем вызваны нюрнбергские атаки и какие цели они преследуют» в отношении СССР, и. о. статс-секретаря МИД Германии Дикгоф лицемерно заявил, что «Нюрнберг явился лишь предостережением и только; версию о призыве к войне против СССР, как и о намерении этого рода у Германии нужно отвергнуть». — 429

¹⁶⁵ 19 сентября 1936 г. М. М. Литвинов телеграфировал в НКВД СССР из Женевы: «Италия, как вам известно, ставит условием своего присутствия на Ассамблее Лиги наций устранение из нее абиссинской делегации. Вместо того, чтобы открыто признать исчезновение Абиссинии как государства, предполагают для удовлетворения итальянского требования не признавать полномочий абиссинской делегации, подписавших негусом, лишенным своей территории. Предложение это должно исходить от мандатной комиссии, а потому я отклонил предложение о посылке нашего представителя в эту комиссию».

Телеграммой в НКВД СССР из Женевы от 21 сентября 1936 г. Литвинов сообщил об активной деятельности, развернувшейся в Лиге наций, по созданию мандатной комиссии для решения вопроса о полномочиях делегации Эфиопии. «Сегодня Авеноль вновь просил меня войти в мандатную комиссию, но я отказался. После того ко мне приходили вместе Иден и Дельбос с заявлением, что Ассамблея зайдет в тупик, если они оба не войдут в мандатную комиссию, но без меня они этого не хотят сделать». Литвинов сказал собеседникам, что не может обещать им поддержать их точку зрения. «После долгих утраченных согласий, предупредив их, что я могу только испортить зря их игру. Я был выбран тайным голосовавшим большинством, что и Иден, получив даже на один голос больше Дельбоса. Это, однако, отнюдь не отражает настроения для выборов в президиум. В мандатной комиссии я заявил, что не согласен на разговор по абиссинскому вопросу окольным путем и что вопрос должен быть поставлен прямо — продолжаем ли мы считать Абиссинию самостоятельным государством или признаем аннексию. Так как такая постановка вопроса отнюдь не улыбается Идену, ибо он рассчитывает признание аннексии сделать объектом торговли с Италией, то он не стал больше настаивать

на непризнании абиссинских мандатов. Мандатная комиссия сегодня своих работ не закончила». — 434

¹⁶⁶ Иранская делегация специалистов по хлопку (пять человек) находилась в Советском Союзе с 12 октября до конца декабря 1936 г. Она посетила Москву, Туркмению, Узбекистан, Азербайджан, ознакомилась с деятельностью научно-исследовательских институтов, селекционных станций, а также с работой по борьбе с вредителями и болезнями хлопчатника. Делегация побывала на заводах сельскохозяйственных машин, текстильных фабриках, в хлопководческих колхозах и совхозах. По возвращении в Иран члены делегации тепло отзывались о поездке в СССР. 16 января 1937 г. Бейят просил А. С. Черных передать «горячую благодарность Советскому правительству и наркому земледелия за прием, оказанный делегации, и вообще за постоянное внимательное отношение к нуждам иранского сельского хозяйства». — 434

¹⁶⁷ В упомянутом меморандуме итальянского представителя Гранди, датированном 18 сентября 1936 г. в подкомиссию при председателе Комитета, говорилось, что, касаясь принципа невмешательства в дела Исландии, итальянское правительство «уже выразило и теперь подтверждает свое мнение, что этот принцип не может быть сведен к вопросу экспорта оружия и военных материалов, но должен охватывать все формы вмешательства, включая косвенное вмешательство». Об отношении Советского Союза к этому меморандуму см. док. № 292. — 436, 459

¹⁶⁸ В письме Э. А. Асмуса в НКВД СССР от 11 октября 1936 г. сообщалось: «По получении телеграфных указаний 1 Западного отдела мнимо был заявлен 29 сентября 1936 г. проект генеральному секретарю МИД Кизикоски по поводу двукратного нарушения финляндскими самолетами нашей границы». Кизикоски обещал расследовать эти случаи. — 437.

¹⁶⁹ 25 мая 1927 г. между Советским правительством и Всеобщим шведским электрическим акционерным обществом (АСЕА) был заключен концессионный договор, по которому АСЕА предоставлялось право сооружения и эксплуатации электромеханического завода в г. Ярославле. Договор был заключен на 35 лет, однако в нем предусматривалось право Советского правительства на досрочный выкуп концессии. Договоренность об этом была достигнута в 1931 г. С этой целью 1 октября 1931 г. Советское правительство выкупило в Швеции облигационный заем на общую сумму свыше 7 млн. долл., подлежащий выкупу в 1935—1948 гг., а 10 мая 1932 г. с АСЕА было заключено соглашение о прекращении действия концессионного договора от 25 мая 1927 г. Советское правительство имело также право досрочного выкупа вышесказанного в Швеции займа при условии благоприятнейшего оповещения об этом держателей облигаций займа. Эти условия были соблюдены, и по решению Советского правительства заем был выкуплен в 1936 г. (см. также газ. «Известия», 16 июня 1936 г.). — 459

¹⁷⁰ Еще до появления в печати указанного заявления Госбанка СССР некоторые американские газеты поставили под серьезное сомнение заявление Моргентгау. Так, 27 сентября 1936 г. «Нью-Йорк таймс» сообщала: «После первоначального возбуждения стало преобладать мнение, что действия Госбанка СССР являются обычной валютной сделкой, лишенной каких-либо политических мотивов». При этом американская пресса указывала со ссылкой на самого Моргентгау, что США «получили неплохую прибыль» при покупке фунтов стерлингов, продавая Советским Союзом. После опубликования заявления Госбанка СССР антисоветское выступление Моргентгау подверглось еще более резкой критике, особенно со стороны оппозиционной печати, которая расценила это выступление как явный предвыборный маневр руководства демократической партии США. «По-видимому», — писал политический обозреватель «Вашингтон пост» 29 сентября, — Моргентгау пытался использовать незнание действий СССР для того, чтобы во внутренних политических целях создать впечатление, что Рузвельт борется с Советским правительством». Газета «Геральд трибюн» от 29 сен-

тября свою передовую статью, посвященную заявлению Моргентау, озаглавила «Дешевый политический трюк». Иронически отметив, что Моргентау изыскал «судачный повод» для критики СССР через несколько дней после того, как печать Херста обвиняла Москву в поддержке Рузвельта.

Критически отнеслись к заявлению Моргентау и английские деловые круги. Лондонская «Ньюс кроникл» от 29 сентября прямо указала, что «всякий, кто ознакомится с фактами, сразу убедится, что заявление Моргентау совершенно необоснованно». В тот же день «Файненшл таймс» сообщила, что английские финансовые круги «не встревожены страшными рассказами относительно иных попыток СССР ударить по фунту стерлингов».

Сам Моргентау отказался как-либо комментировать заявление Госбанка СССР, подтвердив тот факт, что Советский Союз, в отличие от некоторых других государств, не был извещен о валютном соглашении между США, Англией и Францией. Тем самым несостоятельность антисоветского выступления Моргентау, преследовавшего интригополитические цели, проявилась со всей очевидностью. — 450

¹⁷¹ Имеется в виду решение Лейтмеричкого суда от 7 сентября о запрещении продавать в Чехословакию советскую брошюру. О принятом в связи с этим мерах С. С. Александровский в письме на имя Н. И. Крестинского от 30 сентября 1936 г. сообщал, что он 18 сентября в беседе с чиновником отдела печати министерства иностранных дел Папоушек указал ему «на враждебный характер этого выступления, так же как на нецелесообразность ссылки со ссылкой на три строчки в заключительной части речи прокурора, и в какой мере не затрагивающее Чехословакию или какое-либо другое государство. При этом я предупредил, что такое же заявление сделаю министру Крофте, как только он меня примет... По поводу запрещения Папоушек всячески заверял, что сделает все возможное для немедленной отмены [решения суда]».

В том же письме полпреда говорилось, что он был 19 сентября у Крофты и получил такие же заверения в готовности отменить запрещение продавать советскую брошюру. — 451

¹⁷² В телеграмме в НКВД СССР от 26 сентября 1936 г. временный поверенный в делах СССР в США К. А. Уманский, в частности, сообщал: «Об англо-франко-американском соглашении о стабилизации валюты как о совершившемся факте пока говорить не приходится. Девальвирующая франка, произведенная по согласованию с Вашингтоном и Лондоном, встречена здесь положительно и соответствует давнейшей линии американцев на подрыв золотого блока. Франция не рассматривается как конкурент США на мировом рынке, в возможное преимущество для французского экспорта в глазах американцев перевешивается фактом отхода от золотого стандарта, открывающим возможность переговоров о международной валютной стабилизации рынка». — 452

¹⁷³ По поводу дискриминации «Интуриста» германскими властями, вызвавшейся в конфликтации агентам гестапо проспектов «Интуриста», запрещении его рекламных плакатов и т. д., полпредство СССР направило ноты в МИД Германии 7 июня 1936 г., 9 июня и 11 июля 1936 г., требуя принятия мер по устранению препятствий, мешающих нормальной деятельности «Интуриста» в Германии. Тем не менее дискриминация «Интуриста» продолжалась. — 456

¹⁷⁴ О согласии Советского правительства приступить к переговорам о заключении нового соглашения по «Кевир-Хуриану» А. С. Черных устно сообщил Самин еще 22 июня 1936 г. (см. док. № 197). 23 июня А. С. Черных информировал Самин о получении из Москвы предложения по «Кевир-Хуриану» и вручил ноту, содержащую официальное извещение о согласии советской стороны начать переговоры о «Кевир-Хуриане» и о назначении для этой цели делегации в составе полпреда Черных, торговца М. Л. Шостака и председателя правления акционерного общества «Кевир-Хуриан»

Чамова. Сампи заявил, что он «немедленно же сообщит о вручении ноты министру финансов и затребует у этого министерства соображения по «Кевир-Хуриану» (см. также док. № 353, 368). — 457, 551, 583

¹⁷³ Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинский 7 октября 1936 г. дал указание А. С. Черных воздержаться от передачи Дюверу в доверительном порядке советского проекта соглашения о «Кевир-Хуриане» до получения от МИД Ирана официального уведомления о назначении даты переговоров и делегатов для их проведения. — 457

¹⁷⁶ 19 октября 1936 г. народный комиссар иностранных дел СССР телеграфировал В. П. Потемкину: «Если Кот спросит, Вы можете сказать, что мы готовы начать переговоры в Москве, куда просим прислать специалиста». — 466

¹⁷⁷ 8 октября 1936 г. Н. Н. Крестинский телеграммой С. Б. Казану (копии телеграммы были направлены полпреду СССР во Франции в М. М. Литвинову в Женеву) дал указание не настаивать на его предложении, внесенном 7 октября в Комитет, о посылке комиссии на испано-португальскую границу. — 468

¹⁷⁸ В телеграмме от 6 октября 1936 г. в НКИД СССР Е. В. Рубинин сообщал: «Слаак в строго личном порядке изложил свои взгляды относительно наиболее отвечающей интересам Бельгии внешней политики в связи с возможностью заключения «нового Локарно». Эти взгляды и легли в основу его заявления, сделанного в Женеве Дельбосу и Идену. Слаак подчеркнул, что пока речь идет о его личной позиции, а не бельгийского правительства». «Считаю, — отмечал полпред, — что внешнеполитические поползновения Слаака таят в себе серьезную опасность. Слаак идет значительно дальше Ван-Зееанда по пути компромисса с Германией. Его целью, весьма вероятно, является заключение с Германией двустороннего пакта о неападении и полный отказ от сотрудничества с Францией». — 469

¹⁷⁹ А. И. Микоян с группой советских специалистов совершил поездку по США с 17 августа по 14 октября 1936 г. (см. А. И. Микоян, «Два месяца в США». «США. Экономика, политика, идеология», 1971, № 10, стр. 68—77 и № 11, стр. 73—84). — 471

¹⁸⁰ Имеются в виду германо-румынские экономические соглашения, заключенные в Мюнхене 24 сентября 1936 г. в результате переговоров, проходивших с 8 по 24 сентября (см. «Reichsgesetzblatt, Teil II, Berlin, 1936, S. 311—315»). Наряду с этими соглашениями были подписаны секретный протокол, а также секретный заключительный протокол, в котором, в частности, предусматривались поставки румынской нефти Германии (см. «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945», Series C, vol. V, London, 1966, pp. 1003—1004). — 478

¹⁸¹ В ноте полпредства СССР в Иране от 12 октября 1936 г. говорилось, что 9 октября в 10 час. 15 мин. утра в районе Чат на Атреке «на советскую территорию перешло из Ирана два стада баранов для нелегального выласа. Оба стада на советской территории были задержаны советской пограничной охраной в лице двух пограничников. Немедленно вслед за этим из Ирана на советскую территорию перешло четыре иранских солдата, а вскоре еще десять солдат, всего 14 иранских солдат, которые открыли стрельбу по советским пограничникам. На выстрелы к месту происшествия подошло с заставы еще два советских пограничника, один из которых — Коваленко — был ранен иранским солдатом и силой уведен на иранскую территорию.

На другой день, 10 октября, во время встречи пограничных комиссаров обеих сторон по этому делу советский пограничный комиссар потребовал немедленного возвращения красноармейца и прежде всего личного свидания с ним. Иранский комиссар всячески уклонялся от выполнения этого элементарного требования советского комиссара, а затем после продолжительных переговоров заявил, что красноармеец Коваленко умер. Вследствие настоятельного требования советского пограничного комиссара

после трехчасовых переговоров ему был предъявлен труп Коваленко». Полпредство заявило «самый решительный протест против жестокого преступления, совершенного иранскими пограничниками, фактов истязаний и убийства красноармейца Коваленко, а также протест в тех исключительно грубых нарушениях неприкосновенности советской границы и территории, которые были произведены в ходе изложенного конфликта иранскими пограничниками».

В заключение в ноте указывалось, что полпредство «считает необходимым, чтобы весь конфликт и совершенные при этом преступления самым тщательным образом были расследованы, виновные были подвергнуты строгому наказанию, труп красноармейца был немедленно передан советскому пограничному комиссару и было уплачено справедливое возмещение семье погибшего».

На эту ноту и заявление А. С. Черных, сделанное в беседе с Самии 13 октября 1936 г., МИД Ирана ответил нотой от 15 октября, повторив версию, изложенную Самии в комментируемом документе. Той же версии МИД Ирана придерживался и в последующих переговорах по данному вопросу.— 479

¹⁸² Просьбу Самии о поддержке Советским Союзом кандидатуры Ирана в Совет Лиги наций на предстоявшей Ассамблее Лиги наций А. С. Черных передал в НКВД 11 ноября 1936 г. В конце августа 1937 г. Самии, находясь в Москве проездом в Женеву, повторил эту просьбу в беседе с Б. С. Стомяновым, который заявил, что «просьба иранского правительства будет нами рассмотрена благожелательно». 20 сентября 1937 г. Иран был избран непостоянным членом Совета Лиги наций.— 483

¹⁸³ Телеграммой от 16 октября 1936 г. народный комиссар иностранных дел СССР рекомендовал полпреду не настаивать на ускорении созыва Комитета.— 485

¹⁸⁴ В ответ на этот запрос полпреда телеграммой от 22 октября 1936 г. народный комиссар иностранных дел СССР дал ему следующее указание: «Пошлите имеющееся у Вас заявление лорду Плимуту завтра, до заседания Комитета, с просьбой огласить его в начале заседания». Заявление было вручено Плимуту 23 октября 1936 г. (см. док. № 327).— 486

¹⁸⁵ В. П. Потемкин, телеграфируя 23 октября 1936 г. в НКВД СССР о беседе с Блюмом, состоявшейся в тот день, писал по этому поводу: «Об испанских делах Блюм предпочел не говорить».— 488

¹⁸⁶ В беседе с К. К. Юреневым 8 октября 1936 г. Арита, сославшись на информацию, полученную из посольства Японии в СССР, высказал неудовлетворение тем, что советский уполномоченный на переговорах о пересмотре рыболовной конвенции Б. И. Козловский «в одностороннем порядке» заявил советнику посольства Сако, что новая рыболовная конвенция будет заключена на восемь лет. Арита просил полпреда дать официальное разъяснение по этому поводу.

В тот же день по поручению Арита заведующий отделом европейско-азиатского департамента МИД Японии Касаэ сообщил Юреневу, что, как выяснилось, восьмилетний срок новой рыболовной конвенции был действительно согласован в ходе переговоров.— 488

¹⁸⁷ В упоминаемом ответе японского правительства утверждалось, что инцидент 26 августа 1936 г. произошел якобы «в результате вторжения советской стороны на территорию, которую Маньчжоу-Го считает своей», поэтому «не необходимости в производстве расследования», как это предлагалось в советском предложении от 3 сентября. При этом японское правительство предлагало «возложить расследование всех прошлых инцидентов на комиссию по урегулированию пограничных конфликтов, которая должна быть создана на участке Ханка — Туьань одновременно с комиссией по демаркации».

29 сентября 1936 г. содержание этого ответа было сообщено телеграммой полпреду СССР в Японии К. К. Юреневу.— 488, 508

¹⁸⁸ Встреча состоялась 21 октября 1936 г., о чем в тот же день К. К. Юренев телеграфировал в НКВД СССР: «Арита дал ответ японского правительства по всем пунктам моего заявления от 16 октября. По п. 1: Арита принимает наше предложение, кроме слов о немедленном приступе комиссии к работе и о немедленном разборе постоянной конфликтной комиссии конфликты, возможных впрямь до завершения работы по редемаркации. «Немедленно» он расшифровывает как в «кратчайший срок». По п. 2: японское правительство принципиально не возражает против создания комиссии для разбора конфликтов и по редемаркации на других участках границы, но не может согласиться с созданием только одной комиссии по конфликтам и тем более в двухмесячный срок. Я предложил Ариту назвать другой срок, на что он ответил, что всякое изменение предложенного мною срока отпадает до тех пор, пока Москва не даст согласия на создание двух комиссий на двух участках границы». По п. 3: Арита сказал, что, по его мнению, нет оснований для рассмотрения в первую очередь инцидента от 30 января и что он считает более целесообразным, чтобы постоянная конфликтная комиссия рассмотрела все пограничные инциденты, начиная с инцидента у Янжулнызсы, имевшего место в мае 1935 г. Вообще же он думает, что целесообразно оставить прошлые конфликты без рассмотрения и возложить на постоянную конфликтную комиссию лишь разбор тех инцидентов, которые возникнут после заключения конвенции. После некоторой дискуссии Арита остался на той же точке зрения. По п. 4: Арита заявил, что вопрос о маньчжуро-монгольской пограничной и редемаркационной комиссиях — это дело Маньчжоу-Го и Внешней Монголии и что Япония не может касаться этого вопроса, тем более, что между сторонами уже начались переговоры. Я ответил Ариту ссылкой на известное заявление Сако Стомоныякову от 14 февраля прошлого года (см. т. XVIII, док. № 308.— *Ред.*) с комментариями. По п. 5: Арита заявил, что японское правительство уделяет достаточное внимание вопросу сохранения мира на границе, но что последняя содержит в себе много неясных пунктов, что является поводом к возникновению пограничных конфликтов, поэтому обещание абстрактного соблюдения настоящей границы не имеет практического смысла. Он считает, что кратчайший путь для сохранения мира на границе — это ускорение работ по редемаркации. Я, подтвердив критику такую постановку вопроса Арита, указал, что Москва придает вопросу сохранения мира на границе исключительное значение и что только при соблюдении существующей обусловленной договором границы можно будет достигнуть спокойствия, являющегося неизменным условием нашего согласия на редемаркацию. Отказ от этого условия явился бы отказом от состоявшейся договоренности о создании комиссии по редемаркации. По п. 6: Арита стоит на той точке зрения, что три государства должны иметь равные права и каждое должно иметь своих представителей в комиссиях; в общем он считает, что этот вопрос должен стать предметом обсуждения во время переговоров относительно конвенции. — 491, 508

¹⁸⁹ В связи с убийством на советско-финляндской границе советского пограничника, командира отделения Спирина Н. Н. Крестинский телеграфировал полпреду 15 октября 1936 г.: «Заявите МИД устный протест по поводу убийства Спирина и укажите, что оставляете за собой право вернуться к этому вопросу по окончании расследования».

23 октября 1936 г. Э. А. Асмус по поручению НКВД СССР посетил Холсти и сделал ему представление (см. док. № 325).

27 октября 1936 г. временный поверенный в делах СССР в Финляндии А. А. Аустин телеграфировал в НКВД СССР, что замещающий Холсти министр просвещения Кукконен ответил, что считает упомянутое заявление Асмуса преждевременным, так как «расследованием еще не было доказано, что стреляли с территории Финляндии». Действие финляндского комиссара, не подписавшего протокола, Кукконен оправдывал тем, что этот комиссар якобы «имел вполне основательные причины». Кукконен отрицал также

факт отказа финляндской стороны производить расследование на своей территории и заверил, что финляндская сторона сделает все, чтобы «протоколы были заготовлены возможно скорее».

В ноте министерства иностранных дел Финляндии от 31 октября 1936 г. полпредству СССР в Финляндии вопреки бесспорно установленным пограничными комиссарами обеих сторон фактам утверждалось, будто «даже не доказано, что в пограничного стражника СССР Спирина стреляли с территории Финляндии» и что советский пограничный комиссар якобы не изъявил желания произвести расследование на территории Финляндии. В ноте содержалась просьба предоставить финляндской стороне возможность ознакомиться, хотя бы в помещении полпредства, со всеми материалами, собранными на территории СССР.

Между тем, все эти материалы ранее были предъявлены финляндскому пограничному комиссару и значительная их часть в копиях передана ему.

В ответной ноте полпредства СССР в Финляндии от 14 ноября 1936 г. говорилось о тщательном изучении НКВД СССР материалов об убийстве Спирина, подтвердившем полную обоснованность устных протестов, заявленных полпредством СССР МИД Финляндии (см. док. № 316, 325).

В ноте отмечалось, что приглашенный на место происшествия финляндский пограничный комиссар «лично допросил свидетелей и выслушал пояснения врача. Советский и финляндский пограничные комиссары констатировали в совместно составленном и подписанном акте факт убийства командира Спирина выстрелом с финской территории». Финляндский пограничный комиссар «выразил по этому поводу сожаление и обещал принять меры к скорейшему обнаружению виновников преступления».

Во время совместных заседаний, указывалось в ноте, советская сторона «предъявила привезенные в ее распоряжение материалы расследования», а также вручила финляндской стороне копии этих материалов. Советский пограничный комиссар «спросил финского комиссара предоставить ему материалы расследования, произведенного на финской территории. Но г. Муурман отклонил и это предложение, сославшись на то, что для этого он должен получить санкции высших финских властей».

В заключение в ноте подчеркивалось: «Полномочное представительство вынуждено сделать тот вывод, что финляндские власти не только не стремятся к скорейшему обнаружению убийц командира Спирина, а, наоборот, желают всячески затягивать это дело».

Министерство иностранных дел Финляндии на приведенную ноту ответило нотой от 16 декабря 1936 г., в которой по существу повторило свои доводы, изложенные в ноте от 31 октября 1936 г.

Переписка по этому вопросу продолжалась в 1937 г. — 492, 508, 607, 674

¹⁹⁰ В упоминаемом письме Я. К. Давтяна Н. Н. Крестинскому от 29 сентября 1936 г. говорилось: «Польская официозная пресса, а также ПАТ и «Искра» распространяли все те же тенденциозные сведения о выступлениях в работе нашей делегации в Женеве, в особенности т. Литвинова, как и некоторая часть реакционной европейской печати, с особым удовольствием давая соответствующее освещение этим сообщениям». — 496

¹⁹¹ В телеграмме в НКВД СССР от 30 сентября 1936 г. М. М. Литвинов сообщил из Женевы о беседе с Арасом, который, касаясь советско-турецких отношений, сказал, что «он обсуждал вопрос с Иниеню и он надеется, что существующие отношения лучше всего было бы оформить в виде конвенции, по которой мы обязывались бы помогать Турции в Средиземном море, а Турция во всех случаях — закрыть и защищать проливы против вторжения враждебных нам сил. Он обещал снестись с Анкарой еще раз и представить мне письменный набросок. Если оба правительства примут эти основные идеи, то можно будет вести переговоры в Москве через турецкого посла». 10 октября Литвинов телеграфировал в НКВД СССР из Женевы: «Арас заявил мне вчера, что предложение, которое он хотел мне сделать письменно, не могло быть обсуждено в Анкаре вслед-

ствие отсутствия маршала, но что Инению полностью одобряет его индивидуальную мысль о заключении пакта, открытого для всех. В рамках понятия поправок к Уставу Лиги наций. Он уклонился от уточнения, но должен был признать, что это означало бы по существу тот же пакт о взаимной помощи с применением всех санкций, предусмотренных ст. 16 Устава. Он предлагает связать это с Лондонской конвенцией об определении агрессии, но опять-таки не уточнял этого. Условился, что оба продумаем при визите в Анкару и Москву и обменяемся письменными набросками, причем Арас опять подчеркивал желательность ведения переговоров в Москве» (см. также док. № 336). — 500

¹⁹² Заявления японского правительства насчет «неясности советско-маньчжурской границы» имели целью оправдать прозокационное поведение японской военщины, оккупировавшей Маньчжурию, на границе; за ними скрывались агрессивные устремления японского империализма.

Советское правительство категорически отвергло попытки японской военщины поставить под сомнение прохождение на некоторых участках линии границы, которая сложилась исторически и была четко определена русско-китайскими договорными документами. Вооруженным японско-маньчжурским прозокациям на границе неизменно оказывался решительный отпор (см. также т. XVIII, док. № 381, 399, 401). — 509

¹⁹⁰ В упоминаемом докладе, содержавшем характеристику внутриполитического положения Японии после февральских событий, в частности, отмечалось, что прозал попытки установления военно-фашистской диктатуры с помощью вооруженного восстания вынудил руководство японской армии «перейти к методам «мирной» законной фашизации Японии» и что Хирота удовлетворил «почти все пожелания военных». Касаясь осуществлявшихся новым кабинетом реформ в армии и государственном аппарате, полпредство расценивало сущность этой реорганизации как приспособление вооруженных сил и правительственного аппарата «к нуждам eventualной войны». В докладе подчеркивалось: «Перед нами надлежит завязка правительственного кризиса. Сейчас было бы трудно предсказать, чем завершатся переговоры между правительством Хирота и военными, но возможность ухода Хирота в отставку уже сейчас обсуждается во всех политических кругах». — 513

¹⁹⁴ В телеграмме генеральному консулу СССР в Харбине 3 октября 1936 г. консул СССР в г. Маньчжурия В. В. Смирнов сообщал: «Возвращаясь 1 октября в 8 часов вечера домой, я был задержан у здания консульства резким окриком полицейского... требовавшего остановиться; не останавливаясь, я сказал ему: «Я консул». Приближаясь ко мне, полицейский продолжал кричать, и я вынужден был остановиться и предложить ему прекратить крик. Несмотря на это, полицейский продолжал кричать, бравясь по моему адресу; я повернулся и ушел в консульство. Тотчас же по телефону заявил протест заместителю начальника дипломатического бюро Нонами, указав последнему, что полицейский режим и поведение полицейских по отношению к консульству начинают приобретать безобразные формы, и настаивал на расследовании и наказании полицейского, а также отмене контроля над лицами, посещающими консульство. Нонами обещал принять меры к расследованию».

3 октября 1936 г. Нонами заявил посетившему его секретарю консульства, что «полиция сожалеет по поводу случившегося инцидента с консулом и отдала распоряжение, чтобы впредь такие инциденты не имели места; точно так же полиция отдала распоряжение не задерживать и не спрашивать посетителей консульства». — 517

¹⁹⁶ В первой телеграмме народному комиссару иностранных дел СССР от 26 октября 1936 г. полпред сообщил о заседании подкомитета, состоявшемся 24 октября, и о реакции на его письмо председателю Комитета по невмешательству Плимуту от 23 октября 1936 г. (см. док. № 327). «Сначала Плимут и Корбен обратились ко мне с просьбой разъяснить последнюю фразу моего письма. Я ответил, что она ясна сама по себе. Тогда

Плимут спросил, кто же будет судьей того, выполняют или не выполняют свои обязательства члены Комитета. Согласны ли мы считать таким судьей Комитет? Я ответил, что мы готовы были бы считать судьей Комитет, если бы он принял действительно эффективные меры к соблюдению соглашения. Ввиду такого моего ответа Плимут предложил приступить к немедленному обсуждению вопроса о том, какими путем может быть эта цель достигнута.

Далее в телеграмме говорилось: «Возможно, что на заседании 28 октября, где я предполагаю огласить содержание Вашей телеграммы от 25 октября (см. док. № 329.— *Ред.*). Гранди откажется от обсуждения вопросов, касающихся Италии, которые пока стоят пунктом 1 порядка дня. Срочно сообщите, как в этом случае мне целесообразнее поступить: участвовать все-таки в обсуждении следующего пункта порядка дня, касающегося обвинения, выдвинутого против СССР, или же тоже отказаться от обсуждения, мотивируя это тем, что Советское правительство не может быть связано обязательствами, вытекающими из соглашения, более чем всякий иной член Комитета?»

Во второй телеграмме в НКВД СССР от 26 октября полпред информировал о том, что 28 октября на заседании «должны обсуждаться все наши предложения в отношении Португалии. Как быть с требованием контрольной комиссии? Считать ли, что оно отпало или все-таки настаивать на нем? Срочно сообщите». — 519

¹⁹⁶ В беседах А. С. Черных с Хекматом от 10 марта, 3 апреля и 25 июня 1936 г. шла речь о культурных и спортивных связях между СССР и Ираном. В беседе 25 июня Хекмат, в частности, сказал, что его интересует планерный и парашютный спорт, а также просил достать ему соответствующую литературу и оказать содействие в организации этого дела в Иране». — 520

¹⁹⁷ 27 октября 1936 г. А. С. Черных телеграфировал в НКВД СССР о просьбе Хекмата. 1 ноября Б. С. Стомяков поручил Черных выяснить, на какой срок нужен инструктор по радиоузлам и какое техническое оборудование необходимо для их установки. В ответ 28 ноября Черных телеграфировал в НКВД СССР, что иранцы намерены установить радиоузлы в новом здании университета, строительство которого еще не закончено, и что «вопрос о приезде сюда специалиста может быть отложен». — 523

¹⁹⁸ В телеграмме народному комиссару иностранных дел СССР от 30 октября 1936 г. полпред излагал английский проект установления контроля в портах и на границе Испании. «Речь идет о проекте Плимута создать в Испании с согласия «обеих партий» специальных уполномоченных Комитета, которые могли бы расследовать на месте, т. е. в испанских портах и на пограничных железнодорожных станциях, заявленные Комитету случаи нарушения соглашений. Такова общая формулировка, ибо детали пока не выработаны.

В связи с тем, что данный план будет обсуждаться на заседании подкомитета 2 ноября, прошу у Вас указаний по следующим вопросам:

1. Какая общая установка — желательно форсировать или не форсировать организацию контроля?

2. На подкомитете столкнутся два плана — Плимута и наш, причем весьма вероятно, что кто-нибудь (например, Корбен) в качестве компромисса предложит сначала обсудить план Плимута, а потом уже решить, включать или не включать Португалию. Как мне держаться в этом случае? — 530

¹⁹⁹ Телеграммой от 3 ноября 1936 г. в НКВД СССР полпред сообщил план контроля на территории Испании, выработанный подкомиссией Комитета по невмешательству на заседании 2 ноября 1936 г. Он писал, что по окончании дискуссии «все члены подкомиссии по просьбе председателя согласились:

Во-первых, запросить инструкции относительно нижеследующей выработки плана, предложенного на заседании 24 октября, подготовленной секретарем Комитета на основе дискуссии, имевшей место на этом заседании».

Создание двух беспристрастных органов с нахождением в Испании и в испанских владениях, в главных пунктах въезда в страну с суши и моря, причем подразумевается:

а) что назначенные комиссии будут назначены только после согласия обеих сторон в Испании и что поэтому испанский суверенитет их назначением никоим образом не был бы нарушен;

б) что по одной комиссии должно было бы находиться в тех частях Испании, которые находятся под контролем каждой стороны соответственно;

в) что в целях обеспечения строго нейтрального характера обеих комиссий состав их должен быть назначаем на пленуме Международного комитета по невмешательству;

г) что обеими сторонами в Испании будет предоставлена полная возможность для того, чтобы предлагаемые комиссии могли удостовериться всеми надлежащими путями, что никакой противоречащий соглашению импорт не имел места;

д) что функции предлагаемых комиссий должны состоять в следующем: либо 1) представлять Международному комитету по своей собственной инициативе доклады по любому случаю, когда им кажется, что нарушение соглашения имело место, либо же 2) представлять Международному комитету доклады только по отдельным случаям, когда их об этом запросит Комитет.

Во-вторых, просить свои соответствующие правительства сообщить, согласятся ли они на обращение к обеим сторонам Испании в кратчайший срок после того, как будут окончательно установлены условия этого обращения, рассмотренные в разделе первом.— 533

²⁰⁰ Телеграммой от 4 ноября 1936 г. народный комиссар иностранных дел СССР направил полпреду следующее указание: «Настанвьте на праве уполномоченных по своей инициативе сообщать Комитету о поставках оружия, на их непосредственных сношениях с Комитетом без посредствия в лице старших, а также на контроле в португальских портах по крайней мере в отношении авиации. Если не пройдет единогласие, в качестве уступки требуйте для каждого члена Комитета права отвода уполномоченных». И далее: «Можете снять возражения против обращения за разрешением к мятежникам, оговорившись, что это ни в коем случае не должно означать формального признания каких-либо прав мятежников в оккупированных или частях Испании. Должна быть выработана точная инструкция уполномоченным, признающая их право посещения всех прибывающих судов, осмотра грузов как на судах, так и в пограничных пунктах. Постарайтесь частным образом убедить француза и других членов Комитета согласиться с Вашими предложениями».— 533

²⁰¹ В письме заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому от 14 ноября 1936 г. Я. Х. Давтян сообщил: «Мы знаем, что Бек давно добивался этого визита, а также знаем и то, что англичане весной очень сдержанно отозвались к нему. Того же нельзя сказать теперь, когда англичане с известной охотой приняли визит Бека. Объясняется это, по-моему, тем, что Англия хочет теперь несколько приблизить к себе Польшу на всякий случай, если понадобится использовать ее против нас. Момент для такого хода Иденом был выбран удачно, учитывая большой дипломатический разброд сейчас в Европе... Что касается Польши, то она всегда стремилась в последние годы улучшить свои отношения с Англией, всячески завиская перед ней.

Поляки, конечно, прекрасно понимают, что серьезный антисоветский блок невозможен без Англии, и это их особенно стимулирует искать сближения с ней. Кроме того, Польша, желающая играть роль великой державы и участвовать в европейском концерте, ищет поддержки Англии. Я не говорю тут уже о стремлениях поляков получить финансовую поддержку в Лондоне. Попытка сближения с Англией, кроме общего тщеславного жела-

ния быть в близких отношениях с такой великой державой, целиком идет и по линии всей, германофильской и антисоветской, внешней политики Бека и пилсудчиков».

Давтян подчеркнул далее как «факт очень важный» обещание Идена поддержать стремление правящих кругов Польши включиться в предлагавшиеся английским правительством переговоры стран — участниц Локарнского договора (см. также док. № 37!).

В беседе 23 октября 1936 г. со вторым секретарем полпредства СССР в Польше Г. А. Александровым корреспондент французского агентства Гавас Жув рассказал, что накануне визита Бека МИД Польши ориентировал журналистов следующим образом: «Значение этой поездки далеко превосходит значение поездки в Париж Рыдз-Смиглы (см. док. № 254. — *Ред.*). Бек надеется убедить англичан, что восстановить нарушенное равновесие в Европе можно только включением Польши в конфер. держав. Так как Германия никогда не пойдет на соглашение с СССР и так как нельзя оставлять незащищенным восток Европы, то Польша является единственной страной, способной не допустить до ослаблений в этой части Европы. Одним словом, Бек будет предлагать заключение пакта пяти держав с включением в него Польши и с исключением СССР».

Поляки, по словам Жува, не рассчитывают на немедленный успех, но вся их внешняя политика направлена именно на изоляцию СССР и на поддержку враждебной СССР политики других стран, и они надеются, что эта политика раньше или позже оправдается. В этом духе ему говорили ответственный офицер из генерального инспектората и редактор (газеты) «Польска збройна» Рудницкий. — 534

²⁰² Переговоры о правовом положении торгпредства СССР в Польше начались в Варшаве 8 января 1936 г. в соответствии с договоренностью, достигнутой в 1935 г. (см. т. XVIII, док. № 325). Переговоры затрагивали стремлением польской стороны отменить привилегии торгпредства, в частности, его право экстерриториальности. 14 июня 1936 г. состоялось подписание соглашения о правовом положении торгпредства, которое подлежало ратификации. Новые трудности возникли при обозначении экстерриториальных помещений торгпредства на плане здания. Представители польской стороны отказались признать неприкосновенность коридоров и лестницы, соединявших служебные помещения торгпредства. Обращение Я. Х. Давтяна к Беку по данному вопросу осталось безрезультатным; не изменили положения и последующие компромиссные предложения советской стороны.

В ходе переговоров о статусе торгпредства польские представители обратились к советской стороне с просьбой дать предложения о решении вопросов транзита. В ответ на это временный поверенный в делах СССР в Польше Б. Г. Подольский по указанию НКВД СССР передал 22 июня 1936 г. МИД Польши проект протокола о транзите, наибольшем благоприятствовании в таможенной области и о других смежных вопросах. Проявленная советской стороной готовность договориться о правовом урегулировании советско-польской торговли не встретила в то время отклика. Комплекс вопросов советско-польской торговли был решен в результате заключения 19 февраля 1939 г. торгового договора между СССР и Польшей, одновременно с ратификацией которого было ратифицировано и соглашение о правовом положении торгпредства (см. «Внешняя торговля», 1939, № 5—6, стр. 10—23). — 536

²⁰³ Это указание Л. М. Карахану было послано в связи с его телеграммой в НКВД СССР от 3 ноября 1936 г. о беседе с Иденом, в ходе которой полпред заявил: «Решение турецкого правительства отказаться от заключения пакта создает неясность и смущает меня. Конечно, Турция вольна заключать или не заключать пакт, она сама решает, что ей выгодно, и у меня нет никаких претензий. Я обязан только правильно понять и правильно объяснить своему правительству значение этого турецкого решения». «Я напомнил ему, — сообщал полпред, — что Турция за время моего пребывания

не раз поднимала вопрос о пакте (см. док. № 203.— *Ред.*). В Женеве Арас по своей инициативе сделал Литвинову предложение о пакте и сообщил, что это предложение одобрено им, Иненю, и что послу в устной форме поручается вести переговоры о пакте. Там же в Женеве Арас сделал новое предложение о пакте, более общего характера. Алайдын заявил в Наркоминделе и мне лично, что он уполномочен вести переговоры о пакте (см. док. № 321.— *Ред.*), и вступ 28-го тот же Алайдын сообщает Литвинову, что Турция не хочет заключения пакта» (см. док. № 336, 339).— 538

²⁰⁴ В упоминаемом письме народного комиссара иностранных дел СССР от 4 ноября 1936 г. говорилось: «Французы никаких переговоров с нами ни по испанскому, ни по другим вопросам за последнее время не вели, если не считать известного заявления Пайяра (см. док. № 242, 245.— *Ред.*), о котором я Вам в свое время телеграфировал. Германский ответ на английскую ноту о Локарно (см. газ. «Известия», 18 октября 1936 г.— *Ред.*) и декларация бельгийского короля (см. газ. «Известия», 16 октября 1936 г.— *Ред.*) вызвали во французских правительственных кругах панику, имеющую, однако, ту хорошую сторону, что там стали серьезнее подумывать о тех предложениях, которые мы все время делали в области коллективной безопасности. В частности, Блюм окончательно склоняется к мысли о заключении с Малой Антантой пакта о взаимной помощи, открытого для присоединения других. Я на эту тему говорил с Блюмом в Женеве (см. док. № 294.— *Ред.*). Идея общеевропейского пакта сильно пропагандируется также Поль-Бонкуром, с которым у меня установилось единство взглядов на этот счет еще в Монре. Речь Муссолини будет еще больше толкать Францию в том же направлении. Если бы еще Англия включилась в такого рода акцию, хотя бы только платонически, то политическое равновесие в Европе вновь было бы восстановлено отнюдь не в пользу Гитлера и Муссолини. Опасаюсь, однако, что поражение лейбористов на муниципальных выборах подействует парализующе на дипломатические устремления Идена и укрепит скорее позиции друзей Гитлера в Англии».— 539

²⁰⁵ Атаюрк присутствовал в подпредстве на приеме, данным 2 ноября 1936 г. по случаю пребывания в Турции делегации Особаявяхима СССР. В телеграмме в НКВД СССР от 3 ноября Л. М. Карахан привел высказывание Атаюрка в ходе состоявшейся между ними беседы: «Я говорил о дружбе с СССР в меджлисе и повторяю еще раз: мы никогда, никогда не отойдем от наших друзей персами. Как бы ни продолжались события, дружба остается дружбой». Карахан писал далее, что Атаюрк своим приездом в подпредство «пытается смягчить положение», создавшееся «в результате дипломатической игры Араса».— 540, 564

²⁰⁶ 3 ноября 1936 г. Л. М. Карахан телеграфировал в НКВД СССР о беседе с Иненю, которому он заявил: «Нами получена из одной европейской столицы информация, которая прямо говорит, что по поводу пакта с нами турецкое правительство запросило мнение английского правительства и получило совет пакта с нами не заключать».

Иненю не протестовал, говорилось в телеграмме, а ограничился лишь замечанием, что «они, конечно, обмениваются мнениями с англичанами по различным международным вопросам» (см. также док. № 347).— 540, 564, 567

²⁰⁷ Телеграммой от 26 октября 1936 г. Б. С. Стомоняков поручил Д. В. Богомолу до отъезда в Москву встретиться с Чан Кай-ши и Чань Ли-фу. «При этом,— говорилось в телеграмме,— Вам надо будет доставать получить от Ваших собеседников возможно более обстоятельную информацию о японо-китайских переговорах, о переговорах с китайской Красной армией и о планах китайского правительства вообще». «В частности,— отмечал Стомоняков,— укажите, что мы должны иметь уверенность, что, ведя переговоры с нами, китайское правительство не ведет за нашей спиной переговоры с японским правительством о военном соглашении против нас, к чему, собственно, и сводится так называемое соглашение о борьбе с красной опасностью» (см. док. № 349).— 541

208 Как отметил в дневнике Д. В. Богомолов, 29 апреля 1935 г. он информировал председателя исполнительного юаня Китая Ван Цзин-вэй о данном ему в Москве поручении «разъяснить, что Союзное правительство проникнуто желанием установить более дружественные отношения с Китаем, основанные на полном уважении взаимных прав и интересов», «специально заверить китайское правительство в абсолютном уважении СССР суверенных прав Китая, а также целостности и неприкосновенности всех его частей, в том числе и Синьцзяна». «Я сказал, — указывалось далее в дневнике, — что политические интересы СССР в Синьцзяне исчерпываются заинтересованностью СССР в установлении и укреплении в Синьцзяне китайской власти, действующей в интересах исключительно Китая и свободной от влияния империалистических государств. Ван Цзин-вэй ответил, что он весьма признателен Союзному правительству за это заявление». — 545

209 В ответ на эту телеграмму 14 ноября 1936 г. народный комиссар иностранных дел СССР сообщил В. П. Потемкину: «Нам не совсем ясно, что представитель штаба желает здесь и размер переговоров. Считаю бы целесообразным предварительно ознакомиться с вопросами, которые штаб желал бы выяснить и разъяснить здесь, для того чтобы можно было бы соответственно подготовиться и повести переговоры более конкретно. Лучше несколько оттянуть переговоры и обеим сторонам подготовиться к ним как следует. Безрезультатность переговоров, вследствие неподготовленности, только повредила бы делу. Надеемся, что Блюм с этими соображениями согласится и со своей стороны даст штабу указания, в каком направлении подготовить переговоры».

Переговоры о контактах генеральных штабов Франции и СССР продолжались и в дальнейшем, но к заключению военной конвенции, дополняющей франко-советский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., не привели. — 549

210 Телеграммой от 3 ноября 1936 г. Н. Н. Крестинский дал указание полпреду посетить МИД и сделать следующее заявление: «В течение 27, 29 и 30 октября имели место новые случаи обстрела со стороны Финляндии советской территории, советских граждан и красноармейцев. Так, 27 октября в 10 часов двумя выстрелами был обстрелян председатель колхоза Вайда-Губа Коляманен; 29 октября в 13 час. 30 мин. с финляндской стороны к берегу пограничного р. Сестра, в районе пограничного столба № 73 подошли два финских пограничника. Один из них спрятался за дерево, а другой с колена стал целиться из винтовки в красноармейцев Машина и Мартынова, производивших очистку просеки на советской территории. Красноармейцы, заметив действия финских пограничников, легли на землю, после чего финны ушли в направлении пограничного столба № 74. 30 октября в 17 часов финские пограничники четырьмя винтовочными выстрелами обстреляли жилой дом и саниарник, расположенные на северной окраине Вайда-Губы».

По поводу указанных случаев заявите от имени Советского правительства решительный протест. Укажите, что пять случаев обстрела нашей границы на протяжении месяца и на различных участках границы придают этим инцидентам массовый и организованный характер».

4 ноября 1936 г. временный поверенный в делах СССР в Финляндии А. А. Аустрици сообщил Крестинскому: «Согласно Вашей телеграмме от 3 ноября 1936 г. сегодня заявил решительный протест. Паула, заведующий политическим департаментом МИД Финляндии, сообщил, что случай стрельбы серьезно беспокоит и финляндское правительство. Что касается последних трех случаев, то будет произведено строгое расследование и дан Советскому правительству ответ».

В памятной записке МИД Финляндии, переданной Паулой Аустрици 10 ноября 1936 г., отрицались все перечисленные выше случаи стрельбы с финской стороны. В то же время указывалось, что уже приняты меры с целью прекращения стрельбы вблизи границы. — 552

211 В упомянутом письме генерального директора департамента промышленности Ирана Фарроха полпреду СССР в Иране А. М. Петроскому

от 28 августа 1932 г. в частности, говорилось, что «периодское правительство в настоящий момент не намеревается дать кому-либо концессию на разработку нефти в указанной (Мазендеранской.— *Ред.*) провинции и не предполагает дать этой концессии в ближайшем будущем». — 556, 592

²¹⁰ В письме первого секретаря полпредства СССР в Швеции С. П. Белько от 10 октября 1936 г. в НКВД СССР говорилось, что приезд в Стокгольм делегации городских советов депутатов трудящихся Москвы и Ленинграда «нужно считать как по результатам их чести практической работы, так и по тому впечатлению, какое это произвело в шведских политических и общественных кругах, весьма удачным. Печать их приезд приняла весьма доброжелательное».

В письме сообщалось, что газета «Социал-демократен» поместила 5 октября подробный отчет о состоявшемся в городской рагусе приеме в честь советских гостей, на котором председатель Совета городских уполномоченных Н. Югансон «очень тепло приветствовал гостей великой страны». — 542

²¹³ Н. Н. Крестинский в телеграмме А. М. Коллонгай от 5 ноября 1936 г. передал следующую просьбу председателя исполкома обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР В. А. Майровой. «Принц Карл написал международным организациям Красного Креста письмо, в котором, очевидно, выражает свое неудовольствие бездействием международных организаций Красного Креста в связи с абиссинскими событиями. Письмо по просьбе принца национальным обществам не разослано. Поднятый им вопрос будет обсуждаться в Париже в конце месяца. Не найдете ли возможным, пользуясь знакомством с принцем, если не получите копию письма, то ознакомиться с его содержанием, сообщив мне по возможности до 15 числа».

12 ноября Коллонгай телеграфировала Крестинскому: «Передайте Майровой, что высылаю воздушной почтой материал с выдержкой из письма принца, предлагавшего созвать частного совещания в Париже. Обращение шведов направлено было только странам, имеющим в Абиссинии свои колонии лазареты». — 562

²¹⁴ Письмо М. С. Островского № 285 от 29 октября 1936 г. о внешней политике Румынии и усилении ее антисоветских тенденций являлось ответом на письмо Н. Н. Крестинского Островскому от 13 октября (см. док. № 309).

Касаясь советско-румынских переговоров о пакте о взаимомолчании, Островский сообщил: «Сейчас, при нынешнем состоянии вещей в Европе, румыны едва ли захотят продолжать разговоры о пакте. Это — ясно. Из многочисленных разговоров как с иностранцами, так и с румынами у меня сложилось убеждение, что румыны имеют в виду дать тормоз своим отношениям с Советским Союзом». Подпред указывал, что определенные круги в Румынии носят с идеей создания «нейтрального блока» государств Малой Антанты, который «должен поддерживать одинаково хорошие отношения как с Германией, так и с Россией, и в особенности не должен делать ничего такого, что могло бы показаться направленным против Германии». В связи с вышесказанным, отмечал Островский, «нужно, разумеется, ждать ухудшения отношений между Румынией и нами. Ни никакие заверения Антоанеску, Тагареску и даже короля делу тут не помогут и положение не изменят до тех пор, пока не выяснится отношение Франция к нам и немцам», ибо, по мнению автора, «основная видимая причина охлаждения (Румынии к СССР.— *Ред.*) — политика Парижа, возмемная как при Лавале, так и при Блюме, с той только разницей, может быть, что первый ее делал на убеждения, а второй — из трусости. Для нас это не имеет никакого значения. Таким образом, центр воздействия на Бухарест находится в значительной степени в Париже». — 565

²¹⁵ Речь идет о переговорах представителей СССР и Болгарии и подписании 23 июля 1934 г. в Стамбуле протокола о взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела и протокола о передаче ламятарка и монастырей на Шипке и в Ямбле в собственность Болгарии, а

также об оставлении русской церкви в Софии в распоряжении дипломатического представительства СССР в Болгарии.— 568

²¹⁶ 19 ноября 1936 г. временный поверенный в делах СССР в Китае И. И. Сливянок телеграфировал Б. С. Стомонякову: «Сегодня был у Чэнь Ли-фу и сделал ему заявление согласно Вашей директиве. Выслушав заявление... Чэнь Ли-фу дал следующий ответ: «Ни согласия, ни соглашения о совместной японо-китайской борьбе с красной опасностью нет и не будет. Прошу Вас немедленно передать в Москву правительству, что сведения о заключении подобного соглашения между Китаем и Японией неправильны и необоснованны».— 573

²¹⁷ В упоминаемом письме в НКВД СССР от 5 ноября 1936 г. Б. Е. Штейн, отмечая усиленное проникновение Германии в страны Центральной Европы и на Балканы, сообщал: «Бурный рост германской экспансии, как политической, так и экономической, в этом секторе Европы неизбежно сопровождается параллельным уменьшением итальянского влияния вплоть до его полного вытеснения в некоторых районах. Я не утверждаю, что оба государства не могли бы на тот или иной ограниченный отрезок времени договориться о разделе этого влияния». «Само собой разумеется», — говорилось в письме, — что подобное соглашение возможно только в том случае, если обе стороны готовы на него пойти. Италия в настоящий момент политически и экономически более слабая сторона, неоднократно выражала готовность к такому размежеванию интересов и сфер влияния. Германия не видит ни оснований, ни выгоды для себя в подобном размежевании. В настоящей стадии международных отношений Италия более нуждается в Германии, нежели наоборот. И далее: «Было бы ошибкой отрицать, что по некоторым вопросам между Италией и Германией действительно существует не только «параллелизм интересов и единство политики», но действительная договоренность». «Нет никакого сомнения в том, — писал он, — что испанская проблема являлась децентрирующим началом в итадо-германских отношениях. Именно в этой проблеме можно говорить о параллелизме и совпадении интересов Италии и Германии. Именно в этой проблеме ни одна из сторон не сделала другой стороне какой-либо уступки, не поступилась чем-либо своим, не прикляса никакой жертвы. В Берлине было констатировано, что оба правительства желают одного и того же, думают одно и то же и будут продолжать делать одно и то же».

Что касается СССР, то «антисоветская тенденция итальянской внешней политики не являлась, так же как и в проблеме Испании, какой-либо уступкой со стороны Муссолини Гитлеру. В антисоветской концепции Берлин и Рим сошлись без особенного труда».

О позиции Италии и Германии в отношении Лиги наций и системы коллективной безопасности в письме указывалось: «Отношения Муссолини к обеим проблемам за последний год достаточно известно. Это отношение было резко отрицательным. И Лига наций, и система коллективной безопасности являются препятствиями для любого агрессора. Локализованная война — вот что противопоставлял коллективной безопасности Гитлер в ряде своих речей. Это же противопоставил Муссолини во время абиссинской войны санкциям как выражению коллективного действия и коллективной безопасности. Ничего нет удивительного и нового в том, что в Берлине констатировали общность взглядов по этим вопросам».— 578

²¹⁸ В дополнительной телеграфной информации, направленной в НКВД СССР в тот же день, К. К. Юренев отметил, что в беседе с Арита он «ановь подчеркнул, что в нынешний момент японо-германский договор означает включение Японии в блок, носящий ярко выраженный враждебный нам характер. Я добавил, что не могу утверждать, что японское правительство желает этой враждебности, но значение акта будет именно таковым, он набросит тень на наши отношения и обременит их. Что касается конфиденциальности нашей беседы, то она вряд ли представляет большой секрет, ибо весь мир говорит о японо-германских переговорах».— 594

²¹⁹ Нотой от 17 октября 1933 г. полпредство СССР в Финляндии уведомило министерство иностранных дел Финляндии, что «согласно решению правительства СССР консульство СССР в Выборге временно закрывается».

Ссылаясь на эту ноту, полпредство СССР в Финляндии 18 ноября 1936 г. сообщило министерству иностранных дел Финляндии, что «с 1 декабря 1936 г. в Выборге возобновляет свою деятельность Консульство Союза Советских Социалистических Республик».

Нотой от 20 ноября 1936 г. министерство иностранных дел Финляндии подтвердило получение ноты полпредства СССР от 18 ноября 1936 г.— 608

²²⁰ В записке беседы Н. Н. Крастинского с Ирве-Коскинином от 13 октября 1936 г. в частности, говорится: «Ирве-Коскинин сказал, что финляндское правительство готово приступить к переговорам о заключении консульской конвенции. Это предложение было сделано советской стороной». «Я ответил, [что] мы сделали предложение несколько лет тому назад. Я не знаю положения дел сейчас, потому что ввиду долгого отсутствия ответа мы считали, что вопрос не интересует финляндское правительство, и сами, возможно, потеряли к нему интерес. Я выясню этот вопрос в соответствующих отделах наркомата. Кроме того, на днях сюда придет в отпуск г. Асмус, и после разговора с ним я дам посланнику ответ». Этот ответ содержится в комментируемом документе.— 608

²²¹ Задержание парохода «Декабрист» явилось незаконным актом, противоречащим ст. 3 договора о торговле и мореплавании, заключенного между СССР и Италией 7 февраля 1924 г. (см. т. VII, док. № 39), в части определения пределов ответственности торгпредства СССР перед итальянскими судами.

В письме заместителя заведующего Правовым отделом НКВД СССР М. А. Плоткина полпреду СССР в Италии Б. Е. Штейну от 16 ноября 1936 г. говорится: «Наложение ареста на пароход «Декабрист», который находится в ведении самостоятельного юридического лица, государственного советского пароходства, неправильно даже с точки зрения итальянского толкования ст. 3. Ст. 3 устанавливает, что правительство берет на себя ответственность за все сделки, заключаемые торгпредством в Италии. Это отнюдь не означает, что может быть наложен арест на государственное имущество вообще. Следующая за фразой об ответственности фраза ст. 3 разъясняет, какое имущество может служить объектом для ареста. Устанавливается, что на товары не может быть наложен судебный арест предварительного характера. Таким образом, исполнительные меры могут быть приняты в отношении товаров. При этом ничего в ст. 3 не говорится о возможности наложения ареста на другое государственное имущество, не связанное со сделками торгпредства. Очевидно, что государственным имуществом, не имеющим никакого отношения к деятельности торгпредства, являются государственные торговые суда».— 610

²²² Имеются в виду сообщения первого секретаря полпредства СССР в Чехословакии М. С. Шапрова о его беседах с заведующим политическим отделом МИД Чехословакии Фирдлингером 21 и 27 октября и сотрудником этого отдела Миллером 6, 21 и 26 ноября 1936 г. по поводу антисоветских выпадов в геллейновском органе «Ди цейт» и распространения антисоветской литературы в Чехословакии при финансовой поддержке геллейновской партии. Так, в сообщении о беседе с Миллером 26 ноября Шапров писал о своем заявлении Миллеру, что ни у кого не может быть сомнения о геллейновских «каналах, через которые производится направление подобной деятельности на территории Чехословакии» и о своей повторной просьбе «принять меры к прекращению этой деятельности». Миллер ответил, что министерство иностранных дел «приложит все усилия к тому, чтобы этот вопрос был решен в благожелательном для нас смысле» (см. также прим. 223).— 611

²²³ В сообщении от 1 декабря 1936 г. о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой 23 ноября С. С. Александровский, в частности, писал: «Я был у Крофты для того, чтобы лично ему коротко сообщить о том

широком распространении, какое получает за последнее время антисоветская литература в Чехословакии. Крофта был об этом осведомлен своими чиновниками и заверил, что борьба с этим явлением лежит также в интересах Чехословакии; поэтому все необходимые меры будут приняты «в пределах, допускаемых законами и практикой в Чехословакии».

Кроме того, Александровский обратил внимание Крофты на антисоветскую деятельность троцкистских элементов в Чехословакии, которая могла бы «послужить лишь к развитию злонамеренной и клеветнической травли против СССР с единственной целью помочь фашизму в его стараниях изолировать СССР от Европы и, в частности, испортить наши взаимоотношения с Чехословакией».

Крофта коротко и весьма определенно ответил, что он все это понимает и «это в Чехословакии не произойдет». — 611

²²⁴ В упоминаемой телеграмме Я. З. Сурица от 27 ноября 1936 г. содержались предварительные сведения об «антикоминтерновском пакте», полученные в результате бесед Сурица с иностранными дипломатическими представителями, аккредитованными в Берлине. В частности, в телеграмме говорилось, что «по вопросу о том, имеется ли помимо опубликованного договора секретное военное соглашение, между коллегами наблюдается разногласие. Филипс, который вообще пытается багatelизировать соглашение, утверждает, что военных статей нет. По мнению Додда, уже давно заключено военное сотрудничество, но обременное, возможно, и сейчас в юридическую форму. По мнению Понсе, одновременно с опубликованным договором подписано и секретное военное соглашение. По всестороннему мнению, директива исходила от Германии». «Мотивы, которыми руководствовались немцы, подписывая соглашение, ни у кого не вызывают сомнений. Коллеги указывают, что это соглашение вытекает из общей антисоветской политики Гитлера, связано с тегеренской обстановкой в Испании и рассчитано для воздействия на колеблющиеся страны». И далее: «Только Понсе усматривает в соглашении консолидацию фронта войны. Он рисует контуры большого фронта, которому должен быть противопоставлен фронт демократических стран с участием СССР и Америки». — 613

²²⁵ В упомянутом письме Н. Н. Крестянский сообщает В. П. Потемкину, что «директивная инстанция разрешила предложить французам продлить временное торговое соглашение, заключенное в начале этого года, на 1937 г.»

В результате последующих переговоров 17 декабря 1936 г. в Париже было подписано соглашение о продлении торгового соглашения от 11 января 1934 года между СССР и Францией (см. «Сборник действующих договоров...», вып. IX, М., 1938, стр. 177—179). — 614

²²⁶ В письме Б. С. Стомякова А. С. Черных от 28 октября 1936 г. говорилось: «Нам, вероятно, придется в ближайшее время разъяснить иранцам их заблуждение. При ближайшей встрече с Селахбоди я, со своей стороны, разъясню ему действительное положение, хотя не расквитываю на то, что с голосом Селахбоди (который, кстати, неоднократно соглашался с правильностью наших позиций) будут особенно считаться в Тегеране». В письме отмечалось, что немцы, вероятно, «рисуют иранскому правительству радужные перспективы по добыче нефти» и что «кроме слов они не скупаются и на финансирование нужных людей в аппарате иранского правительства. Все это более правдоподобно объясняет двусмысленную позицию Самии в переговорах, от которых уходит в отчаяние даже Сохейли в разговорах с Вами». — 616

²²⁷ В записи беседы А. С. Черных с заместителем министра иностранных дел Ирана Сохейли от 25 ноября 1936 г. кратко содержание которой в тот же день было передано телеграфом в НКВД СССР, говорилось, что Сохейли на его представление об использовании немецких специалистов в пограничных районах (см. док. № 368) передал по поручению Самии ответ иранского правительства, что будто бы «на севере Ирана работают всего

два немецких специалиста», что к Мазендерану «не имеют отношения те письменные обязательства, которые иранским правительством даны в отношении порта Пеклеви и Каспийского моря» (см. т. X, док. № 227; док. № 353 настоящего тома), и что якобы Советское правительство пытается «оказывать влияние на производимый иранским правительством подбор специалистов».

Черных на это заявил: «Ответ иранского правительства передам в Москву, но заранее могу сказать, что он не будет признан Советским правительством удовлетворительным. Наше представление относительно использования немецких специалистов было объяснено и с формально-правовой, и с политической точек зрения. Если отношения между Ираном и Советским Союзом настолько дружественны, как об этом неоднократно заявляли иранские руководящие лица, то мы могли, конечно, рассчитывать на иное отношение к поднятому нами вопросу».

Относительно деятельности немецких специалистов вблизи советских границ в записи беседы отмечалось: «Зная о развиваемой Германией интенсивной враждебной Советскому Союзу деятельности, зная, что некоторые германские органы в своей ненависти к Советскому Союзу не останавливаются перед организацией вредительских и террористических актов, зная, что и на территории Ирана находятся германские специалисты и другие работники, объединенные в политическую фашистскую организацию, которая руководит ими в интересах германских планов, мы должны принимать меры к тому, чтобы обезопасить от всякой враждебной деятельности нашу границу с Ираном» (см. также док. № 438). — 616

¹² Полпред СССР в Испании М. И. Розенберг телеграфировал в НКВД СССР 21 ноября 1936 г.: «Дель Вайо заявляет, что какие-то англичане оговаривают Аскараге (прослу Испании в Великобритании. — Ред.) обратиться в Лигу в порядке ст. 11. Дель Вайо намерен обратиться в Лигу 23-го с заявлением о том, что Германия и Италия вооружали мятежников, а теперь признали их, что может повести к международным осложнениям. Срочно сообщайте указания».

В ответ М. М. Литвинов 23 ноября телеграфировал Розенбергу: «Предлагают, вероятно, совершенно безответственные англичане из радикальных кругов, между тем как нынешнее правительство будет в Женеве вести совершенно другую линию».

23 ноября 1936 г. Розенберг сообщал телеграммой Литвинову: «Дель Вайо уже составил текст заявления в Лигу, он ангажировался в этом отношении перед своими английскими и французскими друзьями».

На эту телеграмму 25 ноября Литвинов ответил: «Мы высказали только свое мнение о бесцельности созыва Совета, но это не значит, что мы возражаем, если Дель Вайо все же решит требовать этого созыва. Наше мнение не должно его останавливать».

Мотивы относительно бесперспективности созыва Совета Лиги наций излагались в телеграмме Литвинова П. М. Майскому от 23 ноября 1936 г.: «Совет либо назначит комиссию для изучения, с тем чтобы отложить пока вопрос, либо же будет предложена резолюция, неблагоприятная для Мадрида, и, ввиду отсутствия единогласия, вопрос будет считаться исчерпанным».

Обращение Испании к Лиге наций обсуждалось на чрезвычайной сессии Совета Лиги наций, открывшейся 10 декабря 1936 г. в Женеве. 12 декабря на заседании по этому вопросу выступил дель Вайо. Позицию испанского правительства поддержал глава советской делегации В. П. Потемкин. В тот же день была принята резолюция Совета по заявлению правительства Испании (см. газ. «Известия», 14 декабря 1936 г.).

В связи с принятием этой резолюции дель Вайо заявил, что «так как действия Совета Лиги наций не являются исчерпывающими в вопросе, поднятом испанским правительством, то он оставляет за собой право, если это потребуют обстоятельства, просить Совет продолжить рассмотрение вопроса». — 622

²²⁰ В письме М. М. Литвинова С. С. Александровскому от 26 ноября 1936 г. о планах раздела Чехословакии говорилось: «Из источника, за безусловную достоверность которого я не ручаюсь, известно, что Муссолини предлагал Бетраду следующую комбинацию. Германия получает согласие на аншлюс, Италия, Югославия и Венгрия заключают блок, к которому присоединяется Польша, которая в результате раздела Чехословакии получает общую границу с Венгрией. Чехословакия делится между Венгрией, Польшей и Германией, взамен чего Германия отказывается от дальнейшей экспансии на Восток и поворачивается фронтом к Франции и Великобритании, добываясь колоний. Король (Румыния.— *Ред.*) осведомлен об этой комбинации и склонен был бы дать на нее свое согласие, даже на уступку Венгрии пограничной полосе, населенной мадьярами, но опасается интервенции СССР в пользу Чехословакии». — 626

²²⁰ В записи беседы С. С. Александровского с внешнеполитическим редактором центрального органа чешской аграрной партии «Венкоз» Каганеком, состоявшейся 24 ноября 1936 г., приводятся, в частности, высказывания Каганека по вопросу о германо-чехословацких отношениях. В записи говорится, что «Каганек уклонился от оценки перспектив (этих отношений.— *Ред.*) и лишь повторял, что «сближение с Германией нужно всегда и всячески стараться». Далее он утверждал, что «Чехословакия ведет очень скверную национальную политику в отношении такого меньшинства, каким являются судетские немцы», и что «основным элементом правильной национальной политики было бы привлечение партии Генлейна в правительство, чем на Генлейна была бы возложена ответственность, от которой он сейчас свободен, оставаясь в оппозиции».

В заключение отмечалось, что по Каганеку «выходило так, что только аграрная партия может быть в единении с партией Генлейна, по-настоящему может вершить судьбы государства. Несмотря на оговорки Каганека, что это — его личное мнение, не подлежит сомнению, что на правом крыле аграрной партии эта проблема привлекает сейчас наибольшее внимание и увязывается с внешнеполитической проблемой чешско-германских взаимных отношений. Поэтому высказываниям Каганека следует придать серьезное значение». — 627

²²¹ Вопрос о возвращении архивов бывшей российской империи был поставлен перед МИД Дании в начале 1936 г. 25 ноября 1935 г. Н. С. Тихменев в беседе с Мунком напомнил ему о переговорах по этому вопросу с Берихофтом и подчеркнул, что «архивы — не материальные ценности и не могут быть объектом частного права, а являются принадлежностью государства». Мунк обещал посоветоваться с юрискомультом.

В ноте заместителя министра иностранных дел Дании Берихофта Тихменеву от 10 марта 1936 г. сообщалось, что по заключению авторитетных юридических органов для решения вопроса об архивах русского представительства «необходимо обратиться в компетентный суд».

В ноте подпреда СССР в Дании министру иностранных дел Дании от 15 июня 1936 г. указывалось: «Правительство Союза ССР не может согласиться с Вашим предложением разрешить вопрос о выдаче архивов, принадлежащих дореволюционному Российскому правительству, Правительству Союза ССР в судебном порядке. Поскольку речь идет о бесспорно государственных архивах, передача которых должна была иметь место при возобновлении дипломатических отношений между Союзом ССР и Данией, поскольку с точки зрения принятых в международном общении положений представляется бесспорным право Союза ССР на получение этих архивов. Мое Правительство считает невозможным рассмотрение этого бесспорного права в гражданском суде. Я считаю необходимым отметить, что единственной страной, в которой Союзу ССР пришлось встретиться с подобного рода трудностями, является Дания, причем отношение датских властей к этому вопросу представляется совершенно необъяснимым. Очевидно, что никаких претензий на государственные архивы Союза ССР никто, кроме Союза ССР,

предъявлять не может. По мнению Правительства Союза ССР, Датское Правительство должно само изыскать пути, которые дадут ему возможность передать архивы Союза ССР Полномочному Представительству Союза ССР, не прибегая к необходимости приглашения Союза ССР к участию в каком бы то ни было судебном процессе. Если действительно по датским законам в данном случае судебный процесс неизбежен, то Датское Правительство должно в силу правил международной куртуазии возбудить этот процесс через органы прокуратуры, как это уже имело место в иных случаях, без того, чтобы Правительство СССР вынуждено было принять в этом процессе какое-либо участие». — 634

²²² В телеграмме Е. В. Гиршфельду от 8 декабря 1936 г. М. М. Литвинов дал следующее указание: «Нельзя оставить без внимания передовые в «Тайп» от 28 ноября и особенно от 1 декабря. Необходимо на эту тему поговорить с Дельбосом, указав на приписываемый передовицам этой газеты официальный характер. Было бы желательно, чтобы Дельбос отмежевался от этих передовиц и разрешил Вам дать об этом в печать через ТАСС». — 656

²²³ В упоминаемом обзоре печати Е. В. Рубинин, в частности, писал: «Постоянное стремление бельгийской политики идти в английском фарватере нашло отражение в том факте, что последняя речь Илена в палате общин, воспринятая здесь как новое подтверждение англо-французского сотрудничества, немедленно вызвала определенную перемену тона в отношении Франции. Даже некоторые католические газеты, усвоившие с некоторых пор весьма кислый тон по отношению к Франции, в последние дни стали расхваливать Леона Блюма за ту последовательность, с которой он проводит политику солидарности с Англией». — 662

²²⁴ В письме М. М. Литвинову от 28 декабря 1936 г. М. В. Кобецкий, касаясь вопроса о японо-германском соглашении, отмечал, что «вряд ли Греция к нему присоединится».

В записи беседы с министром иностранных дел Турции Рюштю Арасом от 28 декабря 1936 г. Кобецкий указывал: «На мой вопрос об отношении Греции к японо-германскому антикоммунистическому договору Рюштю ответил, что ни Греция, ни Югославия к этому договору не присоединятся». — 666

²²⁵ Информируя НКВД СССР о встрече с Арита 16 декабря 1936 г., по инициативе последнего, полпред СССР в Японии К. К. Юренев привел в телеграмме заявление министра о том, что «японская сторона по-прежнему считает необходимым и готова продолжать переговоры об урегулировании пограничных конфликтов и о редемаркации границы». «Пользуясь этим заявлением Арита, — отметил полпред, — я «вспомнил», что сегодня получил из Москвы сообщение о том, что Сигемизу просил наркома, чтобы я посетил министра и разъяснил ему нашу точку зрения по вопросу относительно сохранения мира и спокойствия на существующей границе и о составе комиссии по урегулированию конфликтов. Тут же я защитил Арита соответствующие пункты нашей ноты от 14 ноября (см. док. № 364. — *Ред.*). Вначале Арита никак не реагировал на мое заявление, а потом, в ответ на мой вопрос, что же он думает по поводу вышеуказанных пунктов, ответил: «Сигемизу, вероятно, высказался в том смысле, что о пограничных комиссиях не СССР ждет ответа от Японии, а, наоборот, Япония ждет ответа от СССР, поэтому Сигемизу просил Вас зайти ко мне и передать этот ответ». В заключение Юренев констатировал, что «Арита не проявил никакого действительного интереса к проблеме пограничных комиссий».

17 декабря полпред телеграфировал в НКВД СССР: «Считаю несомненным, что упорная инициатива Сигемизу насчет моей встречи с Арита по делу пограничных комиссий была подсказана ему самим Арита в целях получения столь необходимой для него по условиям момента [рыболовной] конвенции». — 667

²³⁴ В телеграмме от 30 декабря 1936 г. Л. М. Карахан сообщил в НКВД СССР, что турецкое правительство «предложило продлить договор на один месяц» и что оно согласно предоставить контингенты товаров на три месяца в размере четверти ввоза 1936 г. и «приравнять СССР к клиринговым странам». На этих условиях 5 января 1937 г. советско-турецкий договор о торговле и мореплавании от 16 марта 1931 г. был продлен путем обмена нотами между полпредом СССР и генеральным секретарем МИД Турции до 1 февраля 1937 г. В конце каждого последующего месяца он продлевался. 8 октября 1937 г. между СССР и Турцией были подписаны новый договор о торговле и мореплавании и торговое и платежное соглашение (см. «Сборник торговых договоров...», М., 1941, стр. 312—328). — 670

²³⁷ В упоминаемой телеграмме полпред сообщил в НКВД СССР о ходе заседания подкомитета 14 декабря 1936 г., на котором обсуждалась главным образом схема воздушного контроля. В перерыве между заседаниями И. М. Майский беседовал с Корбеном, который заявил, что «германский и итальянский ответы на англо-французский демарш о посредничестве не так плохи и что надо попытаться путем дальнейших переговоров нащупать почву для какого-нибудь соглашения шести держав. Вместе с тем Корбен намекнул, что французское правительство, не дожидаясь решения Комитета о волонтерах, может односторонним актом принять меры для прекращения движения волонтеров из Франции и через Францию. Подобную же мысль недавно высказывал Плимут касательно Англии. Мне кажется, что надо было бы немедленно сделать демарш в Париже (если хотите, то и в Лондоне), дабы предупредить повторение в вопросе волонтерства того же трагического забегания вперед перед немцами и итальянцами, которое было проделано французским правительством в начале августа в вопросе экспорта оружия в Испанию. Иначе создается положение, когда Германия и Италия будут посылать на помощь Франко регулярные войска, а Франция и Англия запретят даже подлинное волонтерство в пользу испанского правительства». — 671

²³⁸ В телеграмме от 17 декабря 1936 г. М. М. Литвинов сообщил В. П. Потемкину, что на основании беседы И. М. Майского с Корбеном (см. прим. 237) выяснилось, что «можно опасаться, что французское правительство, не дожидаясь согласия Италии и Германии на запрещение волонтерства, односторонним актом примет уже теперь меры для прекращения движения волонтеров из Франции и через Францию. Очевидно, повторяется та же история, что с невмешательством, когда Франция прекратила снабжение Мадрида задолго до того, как Италия, Германия и Португалия присоединились к ее декларациям. Переговорите с Дельбосом на эту тему и скажите, что, когда мы предлагали прекращение волонтерства, мы рассчитывали, что запрещение будет всеми проведено одновременно по установленной контроле, иначе всякое новое подобное предложение будет лишь выгодно Италии, Германии и Франко». — 671

²³⁹ Телеграммой от 16 декабря 1936 г. из Шанхая полпредство информировало НКВД СССР об отказе китайской цензуры пропустить в печать телеграммы ТАСС, содержащие тексты передовиц «Правды» и «Известий» от 14 декабря 1936 г. по поводу событий в Сиани, а также опровержение ТАСС в связи с клеветническими материалами китайской печати по адресу СССР. В связи с этим 17 декабря Б. С. Стомоняков направил временному поверенному в делах СССР в Китае Н. И. Спильванку указание заявить китайскому правительству, что «непродукт китайской цензурой опровержения ТАСС и содержания передовиц «Правды» и «Известий», благоприятных для нанкинского правительства, произвел в Москве крайне тяжелое впечатление и расценивается как результат враждебного влияния в нанкинском правительстве». В тот же день Спильванек сообщил в НКВД СССР, что полпредство обратило внимание МИД Китая на необъяснимое отношение китайской цензуры в Шанхае, не пропустившей в печать передовые «Правды» и «Известий». — 677

²⁴⁰ В упомянутой телеграмме Б. С. Стомяков сообщал К. К. Юреневу с намерением НКВД СССР внести на утверждение правительства предложение об установлении для японских пароходов режима, аналогичного установленному японскими властями для советских пароходов. «Так как мы хотим, — указывалось в телеграмме, — чтобы наши мероприятия по возможности копировали их меры, просим обсудить с [торгпредом] Кочетовым и на основе их практики в отношении наших судов сообщить ваши конкретные предложения».

В телеграмме также излагались некоторые меры для возможного принятия в отношении посольства Японии в СССР и поручалось сообщить, «насколько это будет соответствовать тому, что делается ими вокруг нашего подпредства в настоящее время, и не нужны ли еще какие-нибудь дополнительные меры». — 680

²⁴¹ 12 ноября 1936 г. подпред СССР в Японии К. К. Юренев телеграфировал в НКВД СССР: «Советскому гражданину Евдокимову, едущему из Сан-Франциско во Владивосток, властями Империума было отказано в высадке с парохода, несмотря на предъявление японской транзитной визы. После вмешательства консульства высадка была разрешена, но под подпиской о немедленном выезде в Суругу. Хотя подписка и была дана, Евдокимов был задержан в морской полиции до отхода поезда. Консульство сообщает о грубом отношении морской полиции также и к сотруднику консульства, ходатайствовавшему о разрешении высадки». — 681

²⁴² В упоминаемой телеграмме сообщалось об освобождении Чан Кайши и его прибытии в Нанкин.

В связи с изложенным в публикуемом документе поручением П. И. Спильванек информировал 28 декабря 1936 г. НКВД СССР о посещении заместителя министра иностранных дел Чэнь Цзе, которому он «выразил удовлетворение мирным разрешением шаньского инцидента. Со своей стороны Чэнь Цзе «просил передать правительству СССР благодарность за внимание и дружественные чувства» (см. док. № 415, 422). — 688

²⁴³ В телеграмме от 23 декабря 1936 г. Б. Е. Сквирский сообщил в НКВД СССР: «Наим-хан заявил, что пастбищной конвенции при всем желании они в ближайшие дни подписать не могут. Он уверял, что по возвращении фаяза Мухаммед-хана, в середине января, последний успешно закончит со мной переговоры в Кабуле, ибо у него «больше точных сведений, чем у посла в Москве».

25 декабря Сквирский информировал о заявлении Наим-хана, который сказал, что «немедленно сделает распоряжение своим пограничным комиссарам не пропускать скотоводов и скот в обход установленных перепонных пунктов». — 688

²⁴⁴ Советско-афганские переговоры о заключении пастбищной конвенции проходили в 1936—1938 гг. Однако она не была подписана. В связи с этим, а также учитывая нужды Афганистана в выпасе скота на советской территории, правительство Туркменской ССР приняло 2 декабря 1938 г. постановление «О порядке выпаса скота, пригоняемого афганскими подданными-скотовладельцами, являющимися коренными жителями Афганистана, на территории Туркменской ССР и о взимающемся с них пачевого сбора». В постановлении, в частности, предусматривалось, что «выпас скота афганских подданных, являющихся коренными жителями Афганистана, в пределах Туркменской ССР допускается сроком с 1 октября текущего года по 1 октября следующего года». Указывалось также, что «пачевый сбор за период выпаса уплачивается афганскими подданными натурой» в размере 5% скота, пропущенного на пастбища через специально установленный для этого пункт. — 688

²⁴⁵ После подписания протокола Б. С. Стомяковым было сделано следующее устное заявление: «В связи с запросом японской стороны о том, как будут сдаваться рыболовные участки в 1937 г., я информирую с. посла, что народный комиссариат пищевой промышленности Союза Советских

Социалистических Республик даст указание «Дальрыбе» сдвигать рыболовные участки в 1937 г. в том порядке и на тех же условиях, что в 1936 г.» Отметив, что он принимает к сведению это заявление, посол Сингемицу заявил, что, «поскольку дело касается 1937 г., вопрос как в отношении рыболовных участков японской стороны, так и в отношении сдачи советских участков является урегулированным». — 690

²⁴⁶ В телеграмме от 4 января 1937 г. А. С. Черных сообщил в НКВД СССР: «Сегодня имел беседу с Сохейли в соответствии с вашими указаниями. Тщательно записав сделанное заявление, Сохейли сказал, что доложит министру и правительству». 11 января 1937 г. Черных телеграфировал, что Сохейли сделал ему следующее заявление: «Шах, заслушав доклад министра иностранных дел о ваших представлениях по поводу немецких специалистов, приказал передать свою благодарность за сделанное предупреждение. Шах просит Советское правительство не беспокоиться: «Иранское правительство не допустит никаких враждебных актов в отношении СССР». К этому Сохейли добавил в порядке частной информации, что шахом отдано приказание о выявлении всех немцев, проживающих вблизи советско-иранской границы, и об удалении их оттуда. При выполнении первой части этого приказания выяснилось, что большинство немцев, проживающих близ границы, работают не в госаппарате, а в частных предприятиях». Несмотря на эти заверения шаха, проникновение в Иран немецко-фашистских агентов продолжало усиливаться. — 694

²⁴⁷ С докладом выступил председатель СНК СССР В. М. Молотов. — 695

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Борьба Советского Союза за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества* — 28, 35, 42, 46, 58, 59, 68, 71, 76, 78, 83, 84, 87, 90, 103, 107, 154, 195, 198, 199, 206, 229, 246, 247, 249, 258, 280, 296, 305, 310, 318, 339, 349, 360, 402, 406, 437, прил. 1, 2
- борьба за мир, против опасности войны — 6, 28, 35, 36, 42, 46, 53, 59, 61, 65, 68, 70, 71, 74, 76, 78, 82, 84, 85, 86, 87, 90, 93, 94, 95, 101, 102, 104, 105, 106, 108, 114, 115, 117, 125, 137, 138, 140, 141, 142, 145, 151, 153, 155, 184, 195, 198, 199, 201, 206, 229, 232, 247, 249, 258, 270, 271, 280, 294, 305, 310, 315, 318, 326, 333, 339, 341, 343, 349, 360, 370, 371, 385, 400, 402, 406, 437, прил. 1, 2
- выполнение договоров и соглашений — 16, 21, 31, 46, 62, 83, 84, 90, 105, 107, 108, 114, 127, 131, 143, 147, 148, 220, 250, 315, 336, 353, 364, 388, 388, 402, 411, 412, 423, 438, прил. 1, 2
- невмешательство во внутренние дела других государств — 24, 51, 55, 59, 68, 82, 173, 249, 273, 310, 349, 351, 352, 359, 370, 404, 415
- нормализация и развитие отношений с Абиссинией — см. с Эфиопией
- » Албанией — 157
 - » Афганистаном — 73, 83, 107, 147, 246, 252, 431
 - » Бельгией — 48, 116, 136, 302, 408, 428
 - » Болгарией — 127, 276, 389, 398
 - » Великобританией — 3, 32, 33, 36, 42, 44, 63, 72, 114, 115, 139, 142, 154, 155, 160, 164, 208, 214, 219, 231, 287, 344, 390, прил. 1
 - » Венгрией — 50, 58, 61, 86, 317
 - » Германией — 12, 25, 29, 45, 90, 94, 95, 97, 119, 125, 289, 328, прил. 1
 - » Грецией — 255, 359
 - » Данией — 57, 112, 158, 173, 182, 211, 400
 - » Ираном — 16, 18, 19, 185, 186, 197, 275, 290, 310, 335, 353, 368, 385, 438
 - » Испанией — 129, 258, 292, 301, 306, 307, 312, 433, 436, прил. 2
 - » Италией — 17, 30, 118, 152, 200, 206, 223, 259, 320, 372, 378, 379, прил. 2
 - » Немеценом — 8
 - » Канадой — 183, 190, 212
 - » Китаем — 24, 56, 159, 163, 171, 174, 348, 349, 362, 374, 404, 413, 415, 422, 430

* Цифры указывают номера документов

- с Колумбией — прил. 1.
- » Люксембургом — прил. 1.
- » Мексикой — 267, 308
- » Монгольской Народной Республикой — 59, 64, 65, 66, 78, 106, 120, 159, 162, 170, 191, 217, 349
- » Норвегией — 39, 109, 111, 121, 122, 176, 184, 399
- » Польшей — 20, 22, 26, 28, 37, 59, 62, 77, 85, 90, 100, 108, 134, 135, 146, 153, 156, 268, 343
- » Румынией — 133, 181, 273, 279, 288, 309, 318, 357, 355, 411
- » Соединенными Штатами Америки — 38, 59, 162, 188, 285, 286, 304
- » Турцией — 103, 126, 130, 131, 179, 195, 203, 210, 222, 229, 238, 321, 336, 339, 345, 347, 356, 358
- » Финляндией — 53, 123, 132, 150, 161, 165, 168, 177, 196, 215, 220, 278, 300, 316, 324, 325, 352, 380, 387, 397, 417, 419, 421, 426, 435
- » Францией — 1, 14, 15, 33, 34, 35, 51, 52, 55, 68, 70, 74, 81, 84, 85, 89, 90, 91, 93, 98, 101, 104, 105, 141, 145, 151, 189, 230, 241, 261, 269, 271, 282, 294, 298, 314, 350, 351, 357, 371, 386, 405, 409, прил. 1
- » Чехословакией — 6, 46, 181, 284, 338, 383, 392, прил. 1
- » Швейцарией — 43, 60, 109, 110, 128, 166, 169, 207, 264, 355
- » Эфиопией — 67, 99, 206
- » Японией — 6, 10, 31, 41, 65, 75, 80, 90, 106, 137, 140, 149, 201, 232, 234, 250, 251, 315, 326, 361, 364, 367, 369, 370, 376, 402, 412, 434, прил. 1.

— переговоры о возобновлении дипломатических отношений с Мексикой — 267, 308

— переговоры о заключении советско-английского морского соглашения — 63, 72, 139, 142, 154, 155, 160, 164, 207, 214, 231

— переговоры о заключении пактов о ненападении

- с Китаем — 24, 163, 171, 349
- » Румынией — 288, 309, 357
- » Турцией — 203, 321, 336, 339, 345, 347, 356, 358

— переговоры об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Эфиопией — 67, 99

— укрепление равноправных дружественных отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки с Абиссинией — см. с Эфиопией

- » Афганистаном — 73, 83, 107, 147, 249
- » Ираном — 16, 18, 228, 275, 335, 373
- » Йеменом — 8
- » Китаем — 24, 349, 430
- » Мексикой — 267, 308
- » Монгольской Народной Республикой — 59, 64, 78, 106, 170, 202, 217
- » Турцией — 103, 131, 179, 195, 198, 229, 238, 321, 336
- » Эфиопией — 67, 99

Борьба Советского Союза за разоружение — 164, 155, 206, 280

Борьба Советского Союза за создание системы коллективной безопасности в Европе — 22, 28, 33, 35, 36, 42, 46, 48, 53, 57, 58, 62, 68, 69, 71, 76, 77, 84, 85, 87, 90, 93, 95, 97, 101, 102, 105, 114, 115, 117, 138, 141, 142, 145, 146, 151, 153, 184, 206, 270, 280, 294, 305, 319, 333, 343, прил. 1

— вопрос о Восточном пакте — 28, 53, 77, 85, 90, 97, 101, 102, 117, 138, 142, 294, 343, прил. 1.

— переговоры о сотрудничестве СССР и Франции в военной области — 85, 101, 151, 189, 230, 241, 261, 269, 271, 282, 294, 298, 350

— советско-французский договор о взаимной помощи (2. V. 1935 г.) — 14, 15, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 40, 42, 46, 48, 51, 52, 55, 57, 59, 62, 68, 70, 74, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 95, 97, 98, 100, 101, 104, 105, 109, 111, 114, 122, 138, 151, 189, 266, 269, 287, 294, 305, 341, 351, 357, 366, 408, прил. 1, 2

— советско-чехословацкий договор о взаимной помощи (16. V. 1935 г.) — 46, 50, 86, 114, 138, 357, прил. 1

Взаимные финансово-имущественные претензии

— СССР — Великобритания — 34, 44

— СССР — США — 38, 286

Враждебные действия иностранных государств против Советского Союза и борьба Советского правительства против этих действий (см. также Политическая, экономическая и идеологическая подготовка военной агрессии фашистских государств и позиция СССР)

— антисоветская деятельность германского фашизма — 40, 59, 239, 246, 253, 256, 266, 270, 289, 368, 387, 388, 389, 438, прил. 1, 2

— антисоветская деятельность японских милитаристов — 4, 5, 6, 21, 23, 31, 96, 113, 124, 172, 187, 192, 194, 201, 209, 224, 235, 237, 257, 369, 370, 402, 425, прил. 1, 2

— антисоветские выступления, провокации, измышления, фальшакты — 17, 30, 37, 57, 58, 62, 86, 96, 108, 133, 134, 135, 150, 158, 161, 162, 173, 182, 193, 205, 220, 240, 244, 264, 255, 256, 259, 264, 265, 266, 268, 276, 283, 284, 285, 286, 291, 293, 295, 297, 302, 317, 319, 320, 352, 359, 365, 366, 368, 372, 378, 383, 389, 405, 408, 409, 415

— деятельность белоэвардейских эмигрантских организаций и поддержка этой деятельности иностранными государствами — 59, 148, 216, 352, 369, 402, 423, 426, 429

— ограничительные мероприятия против экспорта советских товаров — 180, 190, 212, 213

— провокации и репрессии в отношении советских представительств, консульств, организаций и советских граждан за границей — 23, 96, 172, 194, 216, 225, 234, 235, 237, 257, 291, 295, 297, 302, 332, 372, 378, 379, 381, 402, 425

Выставки

— советской графики в Китае — 159

Гаагский трибунал — см. Постыдная память третейского суда

Дипломатические акции капиталистических государств и позиция СССР (см. также Конференции: Политическая, экономическая и идеологическая подготовка военной агрессии фашистских государств и позиция СССР)

— англо-итальянское соглашение (переговоры о заключении) — 424, 427

— Ближневосточный пакт (переговоры о заключении) — 252, 310

— воздушная конвенция (пакт) (переговоры о заключении) — 32, 33, 40

— воздушный пакт Скандинавских стран и великих держав (переговоры о заключении) — 109, 110, 111, 112, 122, 128, 158, 162

— Лондонское трехстороннее соглашение о морских вооружениях (25.II. 1936 г.) — 63, 72, 134, 164, 207, 231

— переговоры о пересмотре Локкарнских соглашений 1925 г. — 223, 227, 231, 274, 294, 305, 319, 344, 346, 351, 357

Договоры, соглашения, конвенции и протоколы (тексты)

двусторонние

- Протокол о продлении договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном — 107
- Договор между правительством СССР и правительством Германии о товарообмене и платежах на 1936 г. — 143
- Заключительный протокол германо-советских экономических переговоров от 29 апреля 1936 г. — 144
- Протокол о взаимной помощи между СССР и Монгольской Народной Республикой — 78
- Протокол о продлении рыболовной конвенции с Японией — 167
- Протокол между СССР и Японией о продлении на 1937 г. существующего режима рыболовства — 434

многосторонние

- Декларация о невмешательстве в дела Испании — 249

Займы и кредиты Советскому Союзу (переговоры, соглашения) — 12, 25, 29, 34, 44, 47, 55, 114, 204, 236, 239, 286, прил. 1

Китайско-Восточная железная дорога

- нарушения японо-маньчжурскими властями соглашения о КВЖД 23, III, 1935 г. — 149, 251

Конференции

- локарнских держав (Лондон — Париж, март 1936 г.) — 68, 79, 81, 82, 84, 88, 89, 91, 93, 95, 104, 105
- Лондонская морская (9/XII 1935 г. — 25/III 1936 г.) — 34, 55, 63, 72, 164
- Малой Антанты (Братислава, сентябрь 1936 г.) — 288
- в Монре́е о режиме проливов (22/VI — 21/VII 1936 г.) — 103, 130, 131, 181, 195, 198, 199, 205, 210, 219, 222, 229, 280, 321, 347, 358
- премьер-министров и министров иностранных дел Скандинавских стран и Финляндии (Хельсинки, декабрь 1935 г.) — 39, 43
- скандинавская межпарламентская (Копенгаген, 22—23/V 1936 г.) — 173, 182, 184
- стран Рпынского пакта (Вена, ноябрь 1936 г.) — 384

Конференция по сокращению и ограничению вооружений (Женева, 1932—1937 гг.) — 280

Концессии — 201, 234, 402

Культурные, научные и спортивные связи СССР

- с Бельгией — 116, 136, 428
- » Болгарией — 389, 398
- » Великобританией — 42
- » Венгрией — 317
- » Грецией — 27
- » Ираном — 16, 18, 228, 275, 335, 395
- » Китаем — 159
- » Монгольской Народной Республикой — 170
- » Польшей — 26, 37, 134, 135

- с Румынией — 133, 365
- » Турцией — 179
- » Швецией — 43, 60, 110, 128, 264, 355
- Лига наций* — 3, 7, 22, 29, 36, 68, 71, 74, 87, 92, 105, 108, 115, 117, 152, 185, 198, 206, 247, 259, 280, 305, 343, прил. 1, 2
 - Ассамблея Лиги наций — 178, 185, 186, 197, 206, 247, 259, 274, 280, 288, 294, 296, 380
 - вопрос о пересмотре Устава Лиги наций — 22, 29, 152, 158, 185, 206, 208, 247, 254, 265, 280, 305, 344
 - вопрос о применении санкций Лиги наций — 3, 6, 7, 35, 42, 68, 70, 71, 74, 76, 79, 81, 82, 92, 105, 117, 118, 122, 142, 152, 153, 178, 185, 200, 206, 208, 247, 253, прил. 1, 2
- Пакт Лиги наций — см. *Международные договоры*
- Постоянная палата международного правосудия — 380
- Секретариат Лиги наций — 3, 74, 280
- Совет Лиги наций — 3, 28, 29, 35, 68, 70, 74, 79, 81, 82, 80, 87, 88, 91, 92, 95, 100, 101, 103, 105, 109, 115, 126, 128, 130, 134, 142, 152, 153, 184, 200, 206, 247, 254, 259, 280, 288, 310, 380, 390, 406, прил. 1
 - участие Советского Союза в Лиге наций — 17, 28, 29, 35, 68, 70, 76, 79, 83, 87, 88, 92, 100, 101, 103, 118, 130, 134, 142, 146, 153, 155, 184, 185, 186, 200, 206, 247, 274, 280, 294, 318, 319, 406, 424, прил. 1, 2
- Международно-правовой статус посольств, консульств и консульств* — 75, 80, 86, 96, 201, 216, 225, 234, 235, 237, 332, 343, 380, 402, 425
- Международные договоры (ссылки, упоминания)*
 - англо-германское морское соглашение (1935 г.) — 3, 6, 7, 34, 40, 55
 - Аландская конвенция (1921 г.) — 165, 168, 169, 177, 220
 - Балтийская геодезическая конвенция (1925 г.) — 215
 - Вашингтонский договор пяти держав (1922 г.) — 164
 - Версальский (1919 г.) — 34, 68, 84, 87, 105, 152, 185, 305
 - Конвенция об использовании радиовещания в мирных целях (1936 г.) — 280
 - Лозаннская конвенция о проливах (1923 г.) — 103, 131, 195, 198, 199, 210, 229
 - Локарнские соглашения (1925 г.) — 3, 34, 40, 48, 68, 71, 77, 79, 81, 82, 84, 87, 88, 89, 91, 93, 98, 104, 105, 108, 109, 110, 115, 122, 128, 152, 280, 305, 366
 - Лондонская конвенция об определении агрессии (1933 г.) — 184, 247, 321, 357
 - Лондонские соглашения (1935 г.) — 33, 35, 40
 - Парижский пакт (Бриана — Келлога) об отказе от войны (1928 г.) — 390, 404
 - Пакт Лиги наций (1919 г.) — 22, 35, 42, 48, 68, 87, 93, 128, 142, 152, 155, 158, 199, 206, 247, 269, 271, 280, 305, 321, 336, 387, 406, прил. 1, 2
 - Римские протоколы (1934 г.) — 86
 - Соглашение о невмешательстве в дела Испании (1936 г.) — см. *Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании*

Международные конфликты и позиция СССР

- гражданская война в Испании и борьба СССР в защиту Испанской республики — 239, 242, 243, 244, 245, 248, 249, 253, 254, 260, 262, 265, 266, 269, 270, 271, 277, 280, 287, 292, 294, 296, 301, 303, 305, 306, 310, 311, 312, 313, 314, 319, 322, 327, 329, 330, 333, 334, 336, 337, 340, 341, 342, 344, 346, 354, 355, 360, 363, 371, 377, 382, 390, 391, 393, 394, 396, 400, 401, 403, 405, 406, 407, 409, 416, 418, 420, 424, 427, 432, 433, 436, 437, прил. 2
- итало-эфиопский — 2, 3, 6, 7, 17, 22, 33, 35, 42, 43, 46, 59, 68, 87, 92, 122, 142, 152, 155, 162, 178, 181, 185, 200, 206, 208, 252, 259, 274, 275, 280, 310, 319, 320, 404, 407, прил. 1, 2

Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании — 260, 269, 271, 277, 287, 292, 296, 301, 303, 305, 311, 313, 314, 327, 329, 330, 333, 334, 337, 340, 342, 346, 354, 360, 393, 396, 403, 416, 420, 432, 433, 437, прил. 2

Мирное сосуществование и сотрудничество — см. *Борьба Советского Союза за превращение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества*

Незаконное присоединение Бессарабии Румынией — 309, 365

Обмен посланиями, телеграммами по случаю национальных праздников и знаменательных событий — 8, 217, 307

Оккупация Японией китайских территорий — 24, 38, 159, 171, 281, 326, 348, 349, 404, 413, 415, прил. 1

Политика попустительства империалистических держав агрессии фашистских государств и позиция СССР — 3, 37, 53, 68, 69, 71, 76, 77, 79, 81, 82, 85, 87, 88, 89, 92, 105, 109, 114, 115, 116, 138, 142, 145, 152, 155, 206, 240, 253, 269, 280, 305, 333, 343, 371

Политическая, экономическая и идеологическая подготовка военной агрессии фашистских государств и позиция СССР — 2, 7, 9, 10, 29, 33, 34, 40, 42, 59, 68, 69, 76, 81, 85, 87, 90, 92, 105, 109, 117, 119, 125, 132, 133, 152, 155, 165, 166, 178, 208, 223, 226, 227, 233, 239, 240, 253, 266, 270, 280, 289, 343, 355, 357, 368, 370, 371, 388, 389, 392, 438, прил. 1, 2

— «антикоминтерновский» пакт между Германией и Японией (25. XI. 1936 г.) — 9, 10, 12, 22, 49, 55, 81, 93, 106, 326, 361, 367, 369, 370, 371, 374, 375, 376, 384, 385, 387, 389, 390, 391, 402, 404, 405, 408, 410, 412, прил. 1, 2

— военное вмешательство Германии и Италии в гражданскую войну в Испании — 239, 243, 244, 248, 253, 260, 262, 270, 277, 292, 296, 301, 303, 305, 310, 314, 322, 327, 329, 333, 336, 337, 354, 360, 363, 377, 382, 394, 396, 405, 406, 407, 409, 418, 424, 427, 433, 437, прил. 2

— германо-австрийское соглашение (11. VII. 1936 г.) и подготовка Германией аншлюса Австрии — 7, 35, 40, 132, 155, 223, 226, 227, 233, 392

— германо-итальянское соглашение (25. X. 1936 г.) — 7, 29, 40, 178, 181, 193, 223, 226, 227, 253, 357, 366, 384, 389, 404, 418, прил. 2

— итало-японское сближение — 29, 106, 404

— подготовка захвата и раздела Чехословакии — 392

— попытки сколачивания широкого антисоветского блока — 62, 175, 253, 266, 404, прил. 2 (см. также *Враждебные действия иностранных государств против Советского Союза и борьба Советского правительства против этих действий*)

— демилитаризация Рейнской зоны — 40, 46, 68, 76, 79, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 98, 104, 105, 134, 184, 266, 270, 392

Помощь СССР иностранным государствам

Афганистану — 83

Ирану — 16, 263, 275, 335

Испанской республике — 243, 244, 306, 312

Монгольской Народной Республике — 120, 170, 191, 202

Постановления и другие документы высших органов Коммунистической партии и Советского государства по внешнеполитическим вопросам — 97, 120, 164, 170, 190, 267, 296, прил. 1

Постоянная палата третейского суда — 88, 89, 91, 93, 95, 98, 101, 104, 105

Правовое положение граждан

— советских за границей — 23, 172, 402, 425

— иностранных в СССР — 15, 402

Развитие народного хозяйства СССР — 59, 90, прил. 1

Разоружение — см. *Борьба Советского Союза за разоружение*

Режим воздушного пространства СССР — 4, 5, 10, 31, 108, 172, 181, 268, 278

Режим государственной границы СССР — 10, 21, 31, 65, 75, 80, 106, 123, 124, 132, 137, 140, 149, 172, 197, 201, 220, 234, 250, 310, 315, 325, 326, 352, 353, 354, 367, 376, 380, 387, 388, 402, 412

— пограничные комиссары — 310, 316, 325, 353, 388

— пограничные комиссии, комитеты — 10, 31, 75, 106, 108, 137, 140, 149, 172, 196, 201, 234, 250, 315, 326, 364, 367, 370, 376, 402, 412, 426, прил. 1

— пограничные конвенции, соглашения — 137, 197, 310, 388

— пограничные конфликты — 21, 31, 75, 137, 140, 149, 250, 310, 315, 316, 325, 326, 352, 354, 380, 387, 397, 402, 417, 419, 421, 426, прил. 1, 2

Режим советских территориальных вод — 123, 132, 187, 192, 209, 224

Режим судоходства и навигации — 86, 113, 187, 192, 209, 229, 257, 317, 402, 425

— помощь советских кораблей терпящим бедствие иностранным судам — 352, 399

Связи с зарубежными общественными организациями и деятелями — 27, 398

Торговые и экономические связи Советского Союза

с Афганистаном — 83, 147, 431

» Бельгией — 48, 54, 116, 302, 408

» Великобританией — 44, 47, 114, 204, 236

» Венгрией — 50, 86, 317

» Германией — 12, 29, 40, 45, 119, 143, 144, 239

» Грешвей — 11, 13, 30

» Данкеей — 57, 158, 182, 211

» Ираном — 16, 19, 310, 335, 353, 368, 373

» Италией — 223

» Канадой — 183, 190, 212

» Китаем — 56, 174, 349, 404

» Монгольской Народной Республикой — 64, 120, 202

» Норвегией — 176

» Румынией — 299, 318, 411

» Соединенными Штатами Америки — 180, 213, 218, 221, 286, 304

» Турцией — 414

» Финляндией — 220

» Францией — 1, 15, 90, 230, 386

» Швецией — 128, 283

» Японией — 10, 41, 65, 80, 106, 167, 201, 234, 315, 326, 361, 367, 402, 404, 412, 434

**УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ,
КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМОТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ***

- Абиссиния* — см. *Эфиопия*
Австрия — 35, 46, 152, 226, 233, 384
Албания — 157
Афганистан — 73, 83, 107, 147, 246, 252, 431
Бельгия — 48, 54, 93, 116, 135, 302, 408, 428, прил. 1
Болгария — 127, 276, 399, 398
Великобритания — 3, 6, 32, 33, 34, 36, 40, 42, 44, 46, 47, 63, 69, 71, 72, 76,
93, 95, 97, 102, 114, 115, 117, 138, 139, 142, 154, 155, 160, 164, 204, 207,
208, 214, 219, 231, 236, 243, 287, 313, 333, 341, 344, 346, 390, 403, 407,
416, 418, 424, 427, 432, 437, прил. 1
Венгрия — 60, 58, 61, 86, 291, 293, 295, 297, 317
Германия — 12, 25, 29, 40, 42, 45, 59, 71, 75, 85, 87, 90, 92, 93, 94, 95, 97,
101, 102, 105, 117, 119, 125, 138, 141, 143, 144, 208, 227, 239, 242, 245,
248, 253, 256, 266, 270, 280, 289, 305, 328, 331, 385, 390, 404, прил. 1, 2
Греция — 11, 13, 27, 255, 359, 410
Дания — 57, 109, 112, 158, 173, 182, 211, 400
Иран — 16, 18, 19, 185, 186, 197, 228, 263, 275, 290, 310, 335, 353, 368, 373,
388, 395, 438
Испания — 129, 242, 243, 244, 245, 249, 258, 260, 262, 269, 277, 280, 287, 292,
296, 301, 303, 305, 306, 307, 310, 311, 312, 313, 314, 322, 327, 329, 330,
333, 334, 337, 340, 341, 342, 344, 346, 354, 360, 363, 377, 382, 390, 393,
394, 396, 401, 403, 406, 407, 416, 418, 420, 424, 432, 433, 436, 437, прил. 2
Италия — 7, 17, 29, 30, 32, 71, 92, 93, 118, 152, 178, 193, 200, 206, 223, 244,
259, 271, 301, 320, 337, 360, 366, 372, 378, 379, 381, 385, прил. 1, 2
Ямен — 8
Канада — 183, 190, 212
Китай — 24, 56, 159, 163, 171, 174, 281, 348, 349, 362, 374, 404, 413, 415,
422, 430
Колумбия — прил. 1
Люксембург — прил. 1
Мексика — 267, 308
Монгольская Народная Республика — 59, 64, 65, 78, 85, 106, 120, 170, 191,
202, 217, 374
Норвегия — 39, 109, 111, 121, 122, 176, 184, 399
Польша — 20, 22, 26, 28, 37, 62, 77, 85, 90, 100, 108, 134, 135, 146, 153, 156,
254, 268, 294, 319, 343, прил. 1
Румыния — 133, 181, 273, 279, 288, 299, 309, 318, 338, 357, 365, 411
Соединенные Штаты Америки — 38, 59, 66, 162, 160, 188, 205, 213, 218, 221,
240, 283, 285, 286, 304, 323, 391, прил. 1

* Цифры указывают номера документов.

Турция — 103, 126, 130, 131, 179, 195, 198, 203, 210, 222, 229, 238, 321, 336,
339, 345, 347, 356, 358, 414, прил. 1
Уругвай — 29, прил. 1
Финляндия — 39, 43, 53, 60, 110, 123, 132, 150, 161, 165, 168, 177, 196, 215,
220, 265, 272, 278, 300, 316, 324, 325, 352, 380, 387, 397, 417, 419, 421,
426, 435, прил. 1
Франция — 1, 14, 15, 32, 33, 34, 35, 36, 40, 46, 51, 52, 55, 59, 68, 70, 74, 81,
82, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 95, 97, 98, 101, 104, 105, 141, 145, 151,
189, 230, 241, 242, 244, 245, 249, 261, 269, 271, 282, 294, 298, 314, 333,
342, 346, 350, 351, 371, 386, 403, 405, 407, 409, 415, 437, прил. 1
Чехословакия — 6, 35, 46, 181, 284, 328, 331, 336, 383, 392, 429, прил. 1
Швеция — 43, 60, 109, 110, 128, 165, 166, 169, 207, 264, 355
Эфиопия — 67, 99, 206, 274, прил. 1, 2
Япония — 4, 5, 6, 9, 10, 21, 23, 31, 41, 42, 46, 49, 59, 65, 68, 76, 80, 85, 87,
90, 95, 106, 113, 124, 137, 140, 148, 149, 154, 160, 164, 167, 172, 187, 192,
194, 201, 207, 209, 216, 224, 225, 232, 234, 235, 237, 250, 251, 257, 281,
315, 326, 332, 349, 361, 364, 367, 369, 370, 375, 376, 385, 390, 402, 404,
412, 423, 425, 429, 434, прил. 1, 2

**ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В XIX ТОМ***

Телеграмма короля Йемена имама Яхья председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин	<i>6 января</i>	22
Нота миссии Норвегии в СССР народному комиссару иностранных дел СССР	<i>21 января</i>	289
Письмо императора Эфиопии Хайле Селассие I председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин	<i>4 февраля</i>	184
Письмо министра иностранных дел Эфиопии Эрун народному комиссару иностранных дел СССР	<i>10 февраля</i>	185
Письмо председателя совета министров и министра иностранных дел Монгольской Народной Республики Гендуна полномочному представителю СССР в МНР	<i>29 февраля</i>	121
Нота правительства Турции правительству СССР	<i>11 апреля</i>	232
Письмо представителя Испании в Лиге наций де Мадарьяга полномочному представителю СССР во Франции	<i>15 апреля</i>	230
Нота временного поверенного в делах США в СССР Геидерсона заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	<i>9 июля</i>	365
Нота председателя совета министров и министра иностранных дел Монгольской Народной Республики Амора полномочному представителю СССР в МНР	<i>10 июля</i>	325
Нота временного поверенного в делах США в СССР Геидерсона заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	<i>11 июля</i>	358
Речь короля Афганистана Мухаммеда Захир-шаха при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР в Афганистане	<i>11 августа</i>	398
Нота временного поверенного в делах Франции в СССР Пайяра народному комиссару иностранных дел СССР	<i>23 августа</i>	402
Речь президента Испании Асаньи при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР в Испании	<i>31 августа</i>	417

* В перечне документы расположены в хронологическом порядке.

Радиограмма министра иностранных дел Испании дель Вайо народному комиссару иностранных дел СССР	<i>10 октября</i>	476
Телеграмма председателя совета министров Испа- нии Кабальеро председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Ка- линину	<i>13 октября</i>	477
Письмо председателя Комитета по невмешатель- ству в дела Испании Плимута представителю СССР в Комитете	<i>14 октября</i>	471
Телеграмма генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Испании Диаса Центральному Комитету ВКП(б)	<i>15 октября</i>	486
Нота миссии Норвегии в СССР народному комис- сару иностранных дел СССР	<i>28 ноября</i>	634
Нота посла Великобритании в СССР Чилстона народному комиссару иностранных дел СССР	<i>5 декабря</i>	650

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- «Акторг»** — Акционерное общество, осуществляющее торговлю между СССР и США
- АН** — Академия наук
- Бюробин** — Бюро по обслуживанию иностранцев НКВД СССР
- «Внешняя политика СССР...», т. IV** — «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Том IV (1935 — июнь 1941 г.), Москва, 1946
- ВОКС** — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
- вр. н. о.** — временно исполняющий обязанности
- ВСНХ** — Высший Совет Народного Хозяйства СССР
- вып.** — выпуск
- генконсул** — генеральный консул
- генконсульство** — генеральное консульство
- Глававиапром** — Главное управление авиационной промышленности Наркомтяжпрома СССР
- Госбанк** — Государственный банк СССР
- ДНБ** — Германское информационное бюро
- док.** — документ, документы
- замнаркома** — заместитель народного комиссара
- «Известия»** — «Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»
- «Интурист»** — Акционерное общество для обслуживания иностранных туристов
- н. о.** — исполняющий обязанности
- КВЖД** — Китайско-Восточная железная дорога
- Коминтерн** — Коммунистический Интернационал
- МВД** — Министерство внутренних дел
- МИД** — Министерство иностранных дел
- мининдел** — Министерство иностранных дел, министр иностранных дел
- МНР** — Монгольская Народная Республика
- «Монголтранс»** — Советско-монгольское акционерное транспортное общество
- «Монголшерсть»** — Советско-монгольское акционерное объединение по заготовке, закупке, первичной обработке и экспорту шерсти из МНР

- нарком
Наркомвнешторг, НКВТ — народный комиссар
— Народный комиссариат внешней торговли СССР
- Наркомвиудел, НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
- Наркомзем
Наркоминдел, НКИД — Народный комиссариат земледелия СССР
— Народный комиссариат иностранных дел СССР
- Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР
- НКПС — Народный комиссариат путей сообщения СССР
- опубл. — опубликовано
- опубл. в газ., в сб. — опубликовано в газете, в сборнике
- Осавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
- отд. — отдел
- П. — пункт
- ПАТ — Польское телеграфное агентство
- печат. — печатается
- печат. по арх., по газ., по кн. — печатается по архиву, по газете, по книге
- полпред — полномочный представитель
- полпредство — полномочное представительство
- ППС — Польская социалистическая партия
- пп. — пункты
- прим. — примечание, примечания
- РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
- сб. — сборник, сборники
- «Сборник действующих договоров...», вып. IX, М., 1938 — «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами». Выпуск IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 года. Москва, 1938
- «Сборник действующих торговых договоров...», вып. II, М., 1936 — «Сборник действующих торговых договоров и иных хозяйственных соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами». Выпуск II. Москва, 1936
- «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934 — «Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций. 1 января 1933 года — 1 января 1934 года». Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск VI. Москва, 1934
- «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936 — «Разоружение. 1933—1936. 1. Четвертые переговоры. 2. Конференция по разоружению. 3. Довооружение Германии». Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск X. Москва, 1936
- «Сборник торговых договоров...», М., 1941 — «Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г.», Москва, 1941
- сы. газ., док., прил., сб., т. — смотри газету, документ, документы, приложение, сборник, том, тома
- СНК, Совнарком — Совет Народных Комиссаров СССР

- «Собрание законов...» — «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик». Издание Управления делами Совнаркома СССР
- «Совафганторг» — Всесоюзное экспортно-импортное объединение по торговле с Афганистаном НКВТ СССР
- «Союзкино» — Государственное Всесоюзное кинофотообъединение при ВСНХ СССР
- ст.
«Судопроект» — статья, статьи
— Всесоюзное объединенное конструкторское бюро морского судостроения Главного управления морской судостроительной промышленности Наркомтяжпрома СССР
- т.
ТАСС — том, тома
торгпред — Телеграфное агентство Советского Союза
торгпредство — торговый представитель
«Торгсвяз» — торговое представительство
— Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
- Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ
ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет СССР
- ЦК — Центральный Комитет
«Экспортлен» — Всесоюзное объединение «Экспортлен» НКВТ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		5
1. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>3 января</i>	12
2. Письмо советника Полномочного Представительства СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	<i>4 января</i>	12
3. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>6 января</i>	13
4. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	<i>8 января</i>	15
5. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	<i>8 января</i>	15
6. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Президентом Чехословакии Бенешем	<i>8 января</i>	16
7. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>8 января</i>	20
8. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Пемена имаму Яхья	<i>9 января</i>	22
9. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	<i>9 января</i>	22
10. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову	<i>10 января</i>	23
11. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>10 января</i>	25
12. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	<i>11 января</i>	25
13. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции М. В. Кобецкому	<i>12 января</i>	26

14. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину	13 января	26
15. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Аль- фаном	14 января	27
16. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Председателем Совета Минист- ров Ирана Джамом	14 января	28
17. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну	15 января	29
18. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 января	30
19. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Предста- вителю СССР в Иране А. С. Черных	17 января	31
20. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Польше Я. Х. Давтяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 января	31
21. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии	18 января	32
22. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Варшавы	18 января	33
23. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии	21 января	33
24. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомо- някову	22 января	35
25. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	23 января	38
26. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше Заместителю Народного Комиссара Ино- странных Дел СССР Б. С. Стомонякову	24 января	39
27. Письмо Уполномоченного ВОКС в Греции во II Западный отдел ВОКС	24 января	42
28. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну, из Женевы	25 января	43
29. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	27 января	44
30. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	29 января	49
31. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота	30 января	50
32. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа	31 января	57
33. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа	1 февраля	58
34. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа	2 февраля	58

35. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Фланденом	5 февраля	59
36. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Военным Министром Великобритании Купером	5 февраля	62
37. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	7 февраля	64
38. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 февраля	67
39. На письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомолякову	9 февраля	67
40. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурцу	11 февраля	69
41. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юрневу	11 февраля	72
42. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Иденом	11 февраля	73
43. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомолякову	13 февраля	80
44. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с директором Северного департамента Министерства Иностранных Дел Великобритании Кошчером	13 февраля	86
45. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Германии с заведующим Торгово-Политическим отделом Министерства Иностранных Дел Германии Риттером	13 февраля	89
46. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	14 февраля	90
47. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 февраля	94
48. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Бельгии с Премьер-Министром Бельгии Ван-Зееландом	17 февраля	94
49. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юрневу	20 февраля	96
50. Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Венгрии с Регентом Венгрии Хорти, Премьер-Министром Гембешем и Министром Иностранных Дел Канья	22 февраля	97
51. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину	23 февраля	98
52. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 февраля	99

53. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Председателем Комиссии по иностранным делам сейма Финляндии Войонмаа	24 февраля	99
54. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Бельгии с Министром экономики Бельгии Ван-Изакером	24 февраля	101
55. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	26 февраля	102
56. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	26 февраля	103
57. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком	26 февраля	103
58. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арноти	28 февраля	104
59. Запись беседы И. В. Сталина с председателем американского газетного объединения Скриппс-Говард Ньюспейпере Говардом	1 марта	105
60. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	2 марта	114
61. Запись беседы вр. и. о. заведующего II Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арноти	3 марта	115
62. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Польше Б. Г. Подольскому	4 марта	116
63. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 марта	120
64. Письмо Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел МНР Гендуву	4 марта	121
65. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	5 марта	122
66. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	6 марта	123
67. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	6 марта	123
68. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Фланденом	7 марта	123
69. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 марта	128
70. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину	9 марта	129

71. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	9 марта	130
72. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	9 марта	130
73. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку	9 марта	131
74. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комис- сарат Иностранных Дел СССР	9 марта	131
75. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Предста- вителю СССР в Японии К. К. Юреневу	10 марта	132
76. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Ком- иссару Иностранных Дел СССР М. М. Литви- нову	10 марта	134
77. Запись беседы заведующего I Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с советником Посольства Польши в СССР Янков- ским	11 марта	135
78. Протокол о взаимопомощи между Союзом Совет- ских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой	12 марта	136
79. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона	13 марта	137
80. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комисса- рат Иностранных Дел СССР	13 марта	138
81. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Генеральным секретарем Ми- нистерства Иностранных Дел Франции Леже	13 марта	140
82. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона	14 марта	142
83. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинского с Министром Иностранных Дел Афганистана Фай- зом Мухаммед-ханом	14 марта	143
84. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Председателем Совета Ми- нистров Франции Серро	14 марта	145
85. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с главным редактором газеты «Тан» Шастенэ	16 марта	147
86. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Венгрии с Министром Иностранных Дел Венгрии Канья	16 марта	150
87. Речь Председателя советской делегации М. М. Лит- винова на сессии Совета Лиги наций, в Лондоне	17 марта	153
88. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона	18 марта	162
89. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Министром почт, телеграфа и телефона Франции Майяделем	18 марта	162

90. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с главным редактором французской газеты «Тан» Шластена	19 марта	166
91. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона	19 марта	172
92. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 марта	173
93. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Председателем Совета Министров Франции Сарро	19 марта	174
94. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Австрия И. Л. Лоренца в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 марта	178
95. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. В. Сталину, из Лондона	21 марта	179
96. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Ота	21 марта	179
97. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Лондон	22 марта	181
98. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину	22 марта	182
99. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Эфиопии Эруи	23 марта	184
100. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона	24 марта	185
101. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину, из Лондона	24 марта	186
102. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона	25 марта	186
103. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Лондона	26 марта	187
104. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	26 марта	188
105. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	26 марта	189
106. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	28 марта	195
107. Протокол о продлении Договора о нейтралитете и взаимном ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Афганистаном от 24 июня 1931 г.	29 марта	198
108. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Польше с заведующим Восточным отделом МИД Польши Кобылянским	31 марта	199
109. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Швеции А. М. Коллонтай, в Норвегии И. С. Якубовичу, в Дании Н. С. Тихменеву	1 апреля	202

110. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Колдунтай	<i>1 апреля</i>	203
111. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии И. С. Якубовичу	<i>1 апреля</i>	205
112. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании Н. С. Тимменеву	<i>1 апреля</i>	205
113. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота	<i>2 апреля</i>	206
114. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром торговли Великобритании Ренсименом	<i>2 апреля</i>	207
115. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Черчиллем	<i>3 апреля</i>	211
116. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Бельгии Е. В. Рубякина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>4 апреля</i>	217
117. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	<i>5 апреля</i>	218
118. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну	<i>5 апреля</i>	219
119. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>5 апреля</i>	219
120. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову	<i>6 апреля</i>	220
121. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии И. С. Якубовича Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову	<i>6 апреля</i>	220
122. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову	<i>9 апреля</i>	221
123. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	<i>10 апреля</i>	222
124. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славущкому	<i>10 апреля</i>	223
125. Сообщение Народного Комиссара Иностранных Дел СССР о беседе с Послом Германии в СССР Шуленбургом	<i>11 апреля</i>	223
126. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану	<i>13 апреля</i>	224
127. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Болгарии в СССР Антоновым	<i>13 апреля</i>	225
128. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову	<i>13 апреля</i>	225

129.	Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Представителю Испании в Лиге наций де Мадарьяга	14 апреля	230
130.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану	16 апреля	230
131.	Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Алайдыну	16 апреля	231
132.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомомякову	17 апреля	233
133.	Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Румынии с Заместителем Министра Иностранных Дел Румынии Радуюлеску	18 апреля	234
134.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	19 апреля	235
135.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 апреля	237
136.	Письмо III Западного отдела Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Бельгии Е. В. Рубинину	19 апреля	240
137.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юрежева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомомякову	23 апреля	241
138.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании П. М. Майскому	25 апреля	243
139.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании П. М. Майскому	27 апреля	244
140.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Аrita	27 апреля	244
141.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	28 апреля	247
142.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 апреля	248
143.	Договор между Правительством СССР и Правительством Германии о товарообороте и платежах на 1936 г.	29 апреля	250
144.	Заключительный протокол германо-советских экономических переговоров от 29 апреля 1935 г.	29 апреля	253
145.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании П. М. Майскому	29 апреля	254
146.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Польши в СССР Лукашевичем	29 апреля	254
147.	Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Афганистане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	29 апреля	255

148.	Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	6 мая	255
149.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Арита	9 мая	257
150.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 мая	258
151.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР из Женевы	11 мая	259
152.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Валентино	11 мая	259
153.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	13 мая	261
154.	Нота Полномочного Представителя СССР в Великобритании Министру Иностранных Дел Великобритании Идену	13 мая	262
155.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванкиттартом	13 мая	264
156.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с руководителями крестьянской партии	13 мая	267
157.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Албании с принцем Салихом	14 мая	267
158.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком	18 мая	268
159.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	19 мая	269
160.	Телеграмма Полномочного Представителя и Военно-Морского атташе при Полпредстве СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел и Народный Комиссариат Обороны СССР	20 мая	271
161.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову	20 мая	273
162.	Письмо советника Полномочного Представительства СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	20 мая	274
163.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	22 мая	276
164.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	23 мая	276
165.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	23 мая	277
166.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	23 мая	278

167.	Протокол о продлении рыболовной конвенции между СССР и Японией	25 мая	278
168.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с в. и. о. Министра Иностранных Дел Финляндии Мантере	25 мая	279
169.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомомякову	25 мая	280
170.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову	27 мая	281
171.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомомякову, из Шанхая	27 мая	282
172.	Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Японии с директором Европейско-Азиатского департамента Министерства Иностранных Дел Японии Того	27 мая	283
173.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком	28 мая	285
174.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 мая	287
175.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 мая	287
176.	Nota Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Норвегии в СССР	1 июня	287
177.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	1 июня	289
178.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	6 июня	290
179.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану	7 июня	291
180.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах США в СССР Гендерсоном	7 июня	291
181.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	7 июня	292
182.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	7 июня	294
183.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 июня	297
184.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	9 июня	298
185.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 июня	302

186. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Иране А. С. Черных	18 июня	302
187. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Предста- вителю СССР в Японии К. К. Юреневу	18 июня	303
188. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комис- сарнат Иностранных Дел СССР	15 июня	303
189. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром авиации Фран- ции П. Котом	15 июня	305
190. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Великобритании И. М. Май- скому	16 июня	307
191. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Предста- вителю СССР в Монгольской Народной Респу- блике В. Х. Тапурву	17 июня	307
192. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомо- някову	17 июня	307
193. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Италии в Народный Комиссарнат Ино- странных Дел СССР	17 июня	309
194. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славущиному	19 июня	309
195. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на конференции в Монтрé о режиме пролива	22 июня	310
196. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	22 июня	312
197. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Самил	22 июня	312
198. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на конференции в Монтрé о режиме пролива	23 июня	314
199. Заявление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на конференции в Монтрé о режиме пролива представителям печати	25 июня	316
200. Запись беседы Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Валентино	25 июня	317
201. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Японии К. К. Юреневу	26 июня	319
202. Нота Полномочного Представителя СССР в Мон- гольской Народной Республике В. Х. Тапурва Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел МНР Аморю	26 июня	324
203. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	29 июня	325

204.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 июля	326
205.	Письмо советника Полномочного Представительства СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	30 июля	327
206.	Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги наций	1 июля	329
207.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Швеции С. П. Белью	1 июля	336
208.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Ллойд-Джорджем	1 июля	338
209.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота	3 июля	342
210.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Кархану	5 июля	350
211.	Из письма Полномочного Представителя СССР в Дании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	8 июля	352
212.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 июля	353
213.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	10 июля	354
214.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	10 июля	354
215.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	10 июля	354
216.	Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Шя Люй-бяню	10 июля	355
217.	Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Председателю Малого Хурала Монгольской Народной Республики Доксому	11 июля	357
218.	Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством США о продлении торгового соглашения	11 июля	357
219.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Олифантом	11 июля	358
220.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	12 июля	362
221.	Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах США в СССР Гендерсону	13 июля	364
222.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	14 июля	365

223.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну	17 июля	366
224.	Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Арита	17 июля	367
225.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 июля	368
226.	Письмо заведующего II Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии И. Л. Лоренцу	17 июля	369
227.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	19 июля	370
228.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 июля	372
229.	Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заключительном заседании конференции в Монреэ о режиме проливов	21 июля	372
230.	Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР во Франции с Министром авиации Франции П. Котом	22 июля	375
231.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 июля	376
232.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	25 июля	377
233.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	27 июля	379
234.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	28 июля	382
235.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	28 июля	386
236.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 июля	388
237.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову	30 июля	388
238.	Телеграмма советника Полномочного Представительства СССР в Турции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову	31 июля	389
239.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	4 августа	389
240.	Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	4 августа	390

241. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции Е. В. Гирицфельду	5 августа	392
242. Запись беседы заместителя заведующего III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Франции в СССР Пайярм	5 августа	392
243. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании Н. М. Майскому	7 августа	393
244. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну	7 августа	394
245. Запись беседы заместителя заведующего III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Франции в СССР Пайярм	9 августа	397
246. Речь Полномочного Представителя СССР в Афганистане Б. Е. Скворцова при вручении верительных грамот Королю Афганистана Мухаммеду Захир-шаху	11 августа	398
247. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному секретарю Лиги наций Азенолю	22 августа	399
248. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	22 августа	401
249. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Франции по вопросу о Декларации о невмешательстве в дела Испании	23 августа	402
250. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	23 августа	404
251. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Арита	24 августа	405
252. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Иране с Послом Афганистана в Иране Ахмед-ханом	26 августа	406
253. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	28 августа	408
254. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	28 августа	412
255. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Заместителем Министра Иностранных Дел Греции Маврудисом	29 августа	414
256. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	31 августа	415
257. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	31 августа	415
258. Речь Полномочного Представителя СССР в Испании М. И. Розенберга при вручении верительных грамот Президенту Испании Асанье	31 августа	415

259.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 сентября	417
250.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. В. Кагану	2 сентября	418
261.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 сентября	418
262.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 сентября	419
263.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 сентября	419
254.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	10 сентября	420
255.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	11 сентября	421
266.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	13 сентября	422
267.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. В. Кагану	17 сентября	426
268.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	17 сентября	427
269.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 сентября	428
270.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 сентября	429
271.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 сентября	430
272.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 сентября	432
273.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому, из Женевы	20 сентября	432
274.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	23 сентября	434
275.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с начальником Главного управления сельского хозяйства Ирана Бейятом	23 сентября	434
276.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Болгарии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 сентября	435
277.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	25 сентября	436

278.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу . . .	26 сентября	437
279.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР . . .	26 сентября	437
280.	Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги наций . . .	28 сентября	439
281.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая . . .	28 сентября	447
282.	Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с заместителем начальника Генерального штаба французской армии Швейг- гутом . . .	28 сентября	448
283.	Сообщение Государственного Банка СССР в связи с заявлением Министра финансов США Моргентау . . .	28 сентября	450
284.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Предста- вителю СССР в Чехословакии С. С. Александров- скому . . .	29 сентября	451
285.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР . . .	29 сентября	451
286.	Запись беседы заведующего III Западным отде- лом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с представителем американских деловых кругов Лампортом . . .	29 сентября	452
287.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы . . .	30 сентября	454
288.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому, из Женевы . . .	1 октября	455
289.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому . . .	1 октября	456
290.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	1 октября	457
291.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Венгрии в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР . . .	2 октября	458
292.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Ино- странных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. Б. Катану . . .	4 октября	459
293.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверен- ному в Делах СССР в Венгрии С. М. Мпрному . . .	4 октября	460
294.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы . . .	5 октября	461
295.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Венгрии Заместителю Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестин- скому . . .	5 октября	462
296.	Заявление Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту . . .	7 октября	463

297.	Письмо заместителя заведующего II Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Венгрии С. М. Мкртому	7 октября	465
298.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 октября	467
299.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 октября	466
300.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	9 октября	466
301.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 октября	467
302.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Бельгии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	11 октября	468
303.	Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателя Комитета Плимуту	12 октября	470
304.	Запись беседы Народного Комиссара пищевой промышленности СССР А. И. Микояна и Полномочного Представителя СССР в США с Государственным Секретарем США Хэллом	12 октября	471
305.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	12 октября	473
306.	Сообщение советской печати о радиogramме Министра Иностранных Дел Испании дель Вайо Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	12 октября	473
307.	Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Председателю Совета Министров Испании Кабальеро	13 октября	477
308.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вены	13 октября	477
309.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому	13 октября	477
310.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Самия	13 октября	479
311.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	14 октября	485
312.	Телеграмма И. В. Сталина Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Испании Диасу	15 октября	486
313.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 октября	486
314.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину	16 октября	487
315.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Арита	16 октября	488

316.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Финляндии Кивикоски	16 октября	492
317.	Сообщение Временного Поверенного в Делах СССР в Венгрии о беседе с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арноти	16 октября	493
318.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром Иностранных Дел Румынии Актонеску	17 октября	495
319.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	18 октября	496
320.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Россо	19 октября	499
321.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Апафдыном	19 октября	500
322.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	20 октября	502
323.	Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	21 октября	503
324.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти	21 октября	507
325.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	22 октября	507
326.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	22 октября	508
327.	Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Пикмуту	23 октября	513
328.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 октября	514
329.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	25 октября	515
330.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	25 октября	516
331.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	25 октября	517
332.	Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бяню	25 октября	517
333.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 октября	518
334.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	27 октября	519

335.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром просвещения Ирана Хекматом	27 октября	520
336.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Атайджаном	28 октября	525
337.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 октября	527
338.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Президентом Чехословакии Бенешем	30 октября	528
339.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 октября	529
340.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	1 ноября	530
341.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 ноября	531
342.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 ноября	532
343.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком	2 ноября	534
344.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 ноября	536
345.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану	4 ноября	538
346.	Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. П. Потемкину	4 ноября	538
347.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	5 ноября	539
348.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову, из Шанхая	6 ноября	541
349.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Китае с Министром Иностранных Дел Китая Чжан Цюнем	7 ноября	542
350.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 ноября	549
351.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Кулодром	10 ноября	550
352.	Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии с директором Политического департамента Министерства Иностранных Дел Финляндии Паюлой	10 ноября	552

353.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных	11 ноября	555
354.	Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту	11 ноября	556
355.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	11 ноября	561
356.	Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану	13 ноября	564
357.	Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому	13 ноября	565
358.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 ноября	567
359.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Метаксасом	13 ноября	569
360.	Сообщение советской печати о речи Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании И. М. Майского на заседании Комитета	13 ноября	570
361.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	14 ноября	571
362.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае Н. И. Спильваньку в Шанхай	14 ноября	572
363.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	14 ноября	573
364.	Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Арта	14 ноября	574
365.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 ноября	576
366.	Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну	16 ноября	578
367.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 ноября	579
368.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Самии	16 ноября	581
369.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	17 ноября	591
370.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 ноября	591
371.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 ноября	594

372.	Нота Полномочного Представительства СССР в Италии Министерству Иностранных Дел Италии	18 ноября	595
373.	Запись беседы Торгового Представителя СССР в Иране А. М. Тамерина с Министром финансов Ирана Давером	18 ноября	596
374.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу	19 ноября	600
375.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. С. Стомякову	19 ноября	602
376.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. С. Стомякову	19 ноября	603
377.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 ноября	604
378.	Нота Полномочного Представительства СССР в Италии Министерству Иностранных Дел Италии	21 ноября	605
379.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 ноября	605
380.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскиненем	22 ноября	606
381.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	23 ноября	609
382.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 ноября	611
383.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	26 ноября	611
384.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	26 ноября	612
385.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 ноября	613
386.	Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	27 ноября	614
387.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 ноября	615
388.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных	28 ноября	616
389.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Болгарии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	30 ноября	618
390.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном	1 декабря	621

391.	Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	1 декабря	623
392.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакию Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	1 декабря	626
393.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	3 декабря	628
394.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 декабря	628
395.	Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Иране с иранскими журналистами	3 декабря	629
396.	Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту	4 декабря	630
397.	Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти	4 декабря	630
398.	Из дневника заместителя заведующего И Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР	4 декабря	632
399.	Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Норвегии в СССР	5 декабря	633
400.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком	7 декабря	634
401.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 декабря	635
402.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемцу	8—9 декабря	636
403.	Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Великобритании в СССР Чилстону	9 декабря	649
404.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тян-фу	9 декабря	651
405.	Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Дельбосом	9 декабря	656
406.	Речь члена советской делегации В. П. Потемкина на заседании Совета Лиги наций	11 декабря	658
407.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 декабря	661
408.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Бельгии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	11 декабря	662
409.	Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Франции Дельбосом	11 декабря	664
410.	Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции М. В. Кобецкому	13 декабря	665

411. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румьнии М. С. Островскому	13 декабря	666
412. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	15 декабря	667
413. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Ши-фу	15 декабря	668
414. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану	15 декабря	669
415. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае П. П. Спильванскому	16 декабря	670
416. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании П. М. Майскому	17 декабря	671
417. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	17 декабря	671
418. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 декабря	672
419. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 декабря	674
420. Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Секретарю Комитета Хеммингу	18 декабря	675
421. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 декабря	676
422. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 декабря	677
423. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	19 декабря	678
424. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании П. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 декабря	679
425. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 декабря	680
426. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 декабря	682
427. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 декабря	683
428. Письмо советника Полномочного Представительства СССР в Бельгии Председателю Всесоюзного общества культурной связи с заграницей А. Я. Аросеву	24 декабря	684
429. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	25 декабря	686

430. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае Н. Н. Спильванку	26 декабря	688
431. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Б. Е. Скворскому	26 декабря	688
432. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	27 декабря	689
433. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Испании Л. Я. Гайкину	27 декабря	689
434. Протокол между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о продлении на 1937 год существующего режима рыболовства	28 декабря	690
435. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	28 декабря	691
436. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	28 декабря	691
437. Меморандум Правительства СССР Правительствам Великобритании и Франции	29 декабря	692
438. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных	30 декабря	693

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Из доклада Председателя СНК СССР на II сессии ЦИК СССР 7-го созыва	10 января	695
2. Выступление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов	28 ноября	705
ПРИМЕЧАНИЯ		720
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ		786
УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМО-ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ		793
ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В XIX ТОМ		795
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		797

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Том девятнадцатый

Заведующий редакцией *К. Н. Савиндзе*

Редактор *А. В. Никольский*

Художественный редактор *Г. Д. Расторгуев*

Технический редактор *Н. П. Мехерьяк*

Сдано в набор 5 апреля 1974 г. Подписано в печать 26 июля 1974 г. Формат 68х90 см.
Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 51,5. Цветно-изд. л. 2,47. Тираж 2 700 экз.
А00176. Заказ № 3414. Цена 1 р. 75 к.

Политиздат, Москва, А-47, Мясницкая пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

